

ПУГАЧЕВЪ

И ЕГО

СООБЩНИКИ.

Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II.

1773—1774 гг.

По неизданнымъ источникамъ.

«Правило неоспоримое, что великаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видать, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ и правителей; но нельзя однако сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ управленій». (Манифестъ 15 декаб. 1763 г. II. С. 3. № 11989).

Н. ДУБРОВИНЪ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, № 39.

1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТР.
ГЛАВА I.	Движеніе Пугачева къ Яицкому городку.—Аудіенція съ посланнымъ отъ киргизскаго Нуръ-Али-хана.—Письмо Пугачева къ хану.—Первая жертва.—Появленіе мятежниковъ у Яицкаго городка.—Воззваніе яицкимъ казакамъ.—Движеніе Пугачева вверхъ по рѣкѣ Яику.—Занятіе Илецкаго городка, Разсыпной и Нижне-Озерной крѣпостей	1
ГЛАВА II.	Положеніе Оренбурга.—Переписка губернатора съ киргизскимъ ханомъ.—Отправленіе отряда бригадира барона Вилова на встрѣчу Пугачеву.—Занятіе самозванцемъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостей.—Мѣры къ защитѣ Оренбурга.—Воззваніе Рейнсдорна къ жителямъ.—Отправленіе въ станъ самозванца ссыльно-каторжнаго Хлопуши.—Занятіе Пугачевымъ Каргалы и Сакмарскаго городка.—Свиданіе Пугачева съ Хлопушей.—Приближеніе толпы мятежниковъ къ Оренбургу.—Воззваніе Пугачева, обращенное къ губернатору и жителямъ.—Отвѣтъ Рейнсдорна	20
ГЛАВА III.	Появленіе Пугачева подъ Оренбургомъ.—Состояніе Базанской губерніи и мѣры къ ея защитѣ.—Петербургъ въ концѣ 1773 года.—Извѣстіе въ столицѣ о появленіи самозванца и его успѣхахъ.—Мѣры правительства къ подавленію возстанія.—Назначеніе генералъ-маіора Кара.—Инструкція ему данная.—Первый манифестъ о Пугачевѣ.—Распоряженія Военной Коллегіи и сибирскаго губернатора по отправленію войскъ къ Оренбургу	49
ГЛАВА IV.	Приближеніе Пугачева къ Оренбургу.—Воззваніе его къ гарнизону.—Неудачныя вылазки изъ города.—Прібытіе подкрѣпленій къ самозванцу.—расширеніе района волненій.—Происшествіе въ Верхне-Озерной крѣпости.—Грабежи киргизъ-кайсамовъ.—Помѣшкы припадаютъ свои имѣнія.—Отправленіе Хлопуши на заводы для возмущенія рабочихъ.—Бомбардированіе Оренбурга.—Письмо Падурова.—Указъ Пугачева Оренбургской губернской канцеляріи	72
ГЛАВА V.	Отѣздъ Кара изъ Петербурга.—Боевыя средства, коими онъ могъ располагать.—Состояніе обороны	

Казанской губернии. — Прибытіе Кара съ Кичуевскій фельдшанецъ. — Первоначальный планъ дѣйствій. — Встрѣча съ мятежниками у деревни Юзеевой. — Пѣ-
 нение роты 2-го гренадерскаго полка. — Прапорщикъ
 Швановичъ. — Отступленіе Кара. — Печальная судьба,
 постигшая полковника Чернышева и его отрядъ. —
 Неудачная вылазка изъ Оренбурга 14 ноября. . . . 92

ГЛАВА VI. Указъ Пугачева генералу Рейнсдорпу. — Отправленіе
 отряда подъ начальствомъ Хлопуши и Андрея Боро-
 дина для овладѣнія крѣпостями Верхне-Озерною и
 Ильинскою. — Стойкость гарнизона Верхне-Озерной
 крѣпости. — Судьба, постигшая отрядъ майора Заева
 въ Ильинской крѣпости. — Дѣйствія отрядовъ генерала
 Деколонта. — Возстаніе въ Башкиріи. — Обложеніе го-
 рода Уфы башкирцами. — Занятіе Бузулука мятежни-
 ками. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Тяжелое поло-
 женіе оренбургскаго гарнизона и жителей. . . . 112

ГЛАВА VII. Отправленіе изъ Петербурга въ станъ самозванца
 яицкихъ казаковъ Аѳанасія Перфильева и Петра Гера-
 симова. — Прибытіе Перфильева въ Берду. — Жизнь
 въ Бердѣ. — Организція и администрація Пугачев-
 скихъ силъ. — Пугачевская военная коллегія. — Свидѣ-
 ніе Перфильева съ Овчинниковымъ и Пугачевымъ . 129

ГЛАВА VIII. Положеніе генералъ-майора Кара и его отряда. —
 Просьба о присылкѣ подкрѣпленій. — Отступленіе къ
 Бугульмѣ. — Отъѣздъ Кара въ Петербургъ для объ-
 ясненій съ графомъ Чернышевымъ. — Состояніе Казан-
 ской губерніи. — Прибытіе Кара въ Москву. — Толки
 въ первопрестольной столицѣ. — Смѣна Кара. — Неудо-
 вольствіе императрицы . 151

ГЛАВА IX. Назначеніе А. И. Бибикова для усмиренія волненій. —
 Посылка повѣсть полковъ на театръ дѣйствій. — Второй
 манифестъ императрицы. — Права и власть, предостав-
 ленныя новому главнокомандующему. — Мѣры прави-
 тельства относительно колодниковъ и конфедератовъ. —
 Образованіе секретной комиссіи . 161

ГЛАВА X. Народные толки о происходящемъ подъ Оренбургомъ. —
 Состояніе Казани. — Объявленіе губернатора город-
 скимъ обывателямъ. — Выселеніе изъ города Казани. —
 Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Волжскіе казаки и ихъ
 бездѣятельность. — Манифестъ Пугачева. — Занятіе
 мятежниками всей Самарской линіи и города Самары. —
 Развитіе мятежа на границахъ Казанской губерніи. —
 Занятіе инсургентами Зиньска. — Состояніе города
 Уфы, Пермской и Исетской провинцій. — Мѣры, при-
 нятія мѣстными властями для защиты противъ мятеж-
 никовъ. — Волненія заводскихъ крестьянъ . 180

ГЛАВА XI. Прибытіе Зарубина (Чики) къ городу Уфѣ, его дѣя-
 тельность, наставленіе и инструкціи. — Занятіе Красно-

уфимска башкирцами.—Появленіе ихъ у города Кунгура.—Дѣятельность жителей по оборонѣ города.—Прибытіе въ Кунгуръ секундъ-маіора А. В. Попова съ отрядомъ и его энергическая дѣятельность.—Инструкція, составленная для жителей.—Пораженіе башкирцевъ на рѣкѣ Ирени и въ деревнѣ Кишертъ.—Воззваніе Ивана Кузнецова къ жителямъ Кунгура.—Происшествіе въ Челябинскѣ.—Возмущеніе городскихъ казаковъ.—Воззваніе атамана Грязнова къ жителямъ Челябинска

197

ГЛАВА XII.

Генераль-аншефъ Бибииковъ на пути изъ Петербурга въ Казань.—Манифестъ императрицы въ толкованіи народномъ.—Объявленіе секретной коммисіи.—Пріѣздъ Бибиикова въ Казань и свиданіе его съ губернаторомъ.—Административные порядки въ краѣ.—Постановленіе казанскаго дворянства о сформированіи коннаго корпуса.—Императрица Екатерина — казанская помѣщица.—Рескрипты ея Бибиикову.—Торжество въ Казани по полученіи этихъ рескриптовъ.

223

ГЛАВА XIII.

Мѣры правительства къ усмирению возстанія.—Засѣданіе государственнаго совѣта 9 декабря.—Мнѣніе Сената о преданіи апаомѣ какъ Пугачева, такъ и его сообщниковъ.—Указъ о предосторожностяхъ противъ возмутителей.—Манифестъ 23 декабря 1773 года.—Мѣры къ усмирению башкирцевъ.—Состояніе войска Донскаго.—Сожженіе дома Пугачева и его воззваній.—Отправленіе въ Казань семейства Пугачева и награда за поимку его

237

ГЛАВА XIV.

Прибытіе войскъ, назначенныхъ въ распоряженіе А. И. Бибиикова.—Пораженіе мятежниковъ у Самары и пригорода Алексѣевска.—Планъ наступательныхъ дѣйствій.—Дѣйствія полковника Юрія Бибиикова.—Пораженіе мятежниковъ у сел. Сухарева.—Освобожденіе Зайнска.—Занятіе Нагайбака и крѣпости Бакалы.—Дѣйствія князя П. Голицына и генераль-маіора Мансурова.—Воззваніе къ калмыкамъ.—Пораженіе мятежниковъ у деревни Захаркиной.—Состояніе Оренбурга.

247

ГЛАВА XV.

Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ защитѣ Яицкаго городка.—Дѣятельность Толкачева.—Перестрѣлка гарнизона съ казаками.—Прибытіе Пугачева въ Яицкій городокъ.—Минныя работы мятежниковъ.—Взрывъ подкопа и попытка казаковъ пугурковать укрѣпленія.—Выборъ атамана и старшинъ.—Посылка Овчинникова за порохомъ въ Гурьевъ городокъ и возмущеніе въ немъ.—Новый подкопъ.—Женитьба Пугачева на Устинѣ Кузнецовой.—Взрывъ миннаго колодца подъ колокольней.—Отъѣздъ Пугачева подъ Оренбургъ.—Жизнь Устиньи въ Яицкомъ городкѣ.—Ея придворный штатъ.—Переписка съ Пугачевымъ.—Переговоры Перфильева съ капитаномъ Крыловымъ.

267

- ГЛАВА XVI. Вылазка изъ Оренбурга. — Заботы Рейнсдорпа о про-
вольствіи. — Захватъ мятежниками Илецкой защиты. —
Письмо изъ Берды генералу Рейнсдорпу. — Наступленіе
отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. —
Столкновеніе ихъ съ мятежниками у Бузулука и
деревни Пронкиной. — Побѣда подъ Татищевой и ея
послѣдствія 385
- ГЛАВА XVII. Дѣйствія отряда генераль-маіора Ларіонова, назначен-
наго для освобожденія города Уфы. — Занятіе прави-
тельствственными войсками Нагайбака и Бакаловъ. —
Просьба генераль-маіора Ларіонова объ увольненіи его
отъ командованія отрядомъ. — Назначеніе подполковника
Михельсона. — Положеніе Уфы. — Попытка мятежни-
ковъ овладѣть городомъ. — Пораженіе инсургентовъ у
деревни Чесноковки. — Плѣненіе Зарубина (Чики) и
его сообщниковъ. — Освобожденіе города Уфы отъ
блокады. — Дѣйствія Михельсона въ окрестностяхъ
этого города. — Цокорность населенія 308
- ГЛАВА XVIII. Оборона Кунгура. — Несогласія, возникшія между
мятежниками. — Движеніе отряда маіора Гагринна на
выручку Кунгура. — Пораженіе мятежниковъ при сѣле-
ніи Ординскомъ и г. Красноуфимскѣ. — Происшествія
подъ Екатеринбургомъ. — Дѣятельность Бѣлобородова
на заводахъ. — Положеніе обороны Екатеринбурга. —
Афиши полковника Василія Бибикова. — Приближеніе
отряда маіора Гагринна. — Пораженіе мятежниковъ въ
Уткинскомъ и Каслинскомъ заводахъ 325
- ГЛАВА XIX. Занятіе Челябинска отрядомъ генерала Деколонга. —
Дѣйствія мятежниковъ. — Бой у дер. Першиной. —
Отступленіе Деколонга. — Выселеніе челябинскихъ
жителей. — Жалоба главнокомандующаго на бездѣйствіе
Деколонга. — Намѣреніе императрицы замѣнить его
Суворовымъ. — Отказъ графа П. А. Румянцева отпу-
стить Суворова изъ своей арміи. — Развитіе мятежа. —
Блокада Долматова монастыря. — Занятіе инсургентами
Курганской слободы и другихъ пунктовъ на грани-
цахъ Сибирской губерніи. — Дѣятельность сибирскаго
губернатора Чичерина по усмиренію возстанія. 351
- ГЛАВА XX. Бѣгство Пугачева изъ Берды. — Освобожденіе Орен-
бурга отъ осады. — Награды губернатору и жите-
лямъ. — Преслѣдованіе самозванца. — Бой у Каргалы. —
Бѣгство Пугачева въ Башкирію 373
- ГЛАВА XXI. Положеніе отряда полковника Симонова въ Яицкомъ
городеѣ. — Переговоры казаковъ съ гарнизономъ
ретраншементна. — Письмо Симонова атаману Каргину
и отвѣтъ на него. — Тяжелое положеніе гарнизона. —
Прибытіе отряда генерала Мансурова. — Освобожденіе
защитниковъ отъ осады. — Бончина А. И. Бибикова. —
Возвышеніе Г. А. Путемкина 388

I.

Движеніе Пугачева къ Яицкому городку.—Аудіенція съ посланнымъ отъ киргизскаго Нуръ-Али-хана.—Письмо Пугачева къ хану.—Первая жертва.—Появленіе мятежниковъ у Яицкаго городка.—Воззваніе яицкимъ казакамъ.—Движеніе Пугачева вверхъ по рѣкѣ Яику.—Занятіе Илецкаго городка, Разсыпной и Нижне-Озерной крѣпостей.

Переночевавъ на р. Кушумъ и собравъ вокругъ себя человекъ 200 вооруженныхъ, въ томъ числѣ и татаръ, которые были приведены Идоркою, Пугачевъ, на разсвѣтъ 18 сентября, двинулся черезъ Кошъ-Яицкій (Кошевскій тожъ) на Чаганскій форпостъ.—Пройдя первый, самозванецъ былъ встрѣченъ опередившимъ его писаремъ Забиромъ, поднесшимъ ему подарки, присланные Нуръ-Али-ханомъ.

— Киргизъ-кайсацкій ханъ, говорилъ Забиръ черезъ переводчика Идорку, —приказалъ вамъ кланяться и прислалъ вамъ подарки.

— Что ты за человекъ и зачѣмъ присланъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я мулла, и присланъ поклониться и васъ посмотреть, потому что я бывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ и государя видѣлъ.

— Узнаешь ли меня?

— Какъ не узнать; я узналъ, что ты государь. Нуръ-Алиханъ приказалъ ваше величество просить, чтобы вы написали къ нему письмо.

Отдавъ Забира подъ присмотръ, Пугачевъ поручилъ Идоркину сыну, яицкому казаку Болтаю, написать хану отвѣтъ ¹⁾).

«Я вашъ всемилостивѣйшій государь, писалъ Болтай отъ

¹⁾ Показаніе Уразгильда Аманова. Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI д., №№ 467 и 512.

имени Пугачева ¹⁾), купно и всѣхъ моихъ подданныхъ и проч. Петръ Ѳедоровичъ. Сіе мое именное повелѣніе киргизъ-кайсацкому Нуръ-Али-хану, для отнятія о состояніи моемъ сомнѣнія. Сегодня пришлите ко мнѣ одного вашего сына солдана со ста человѣками въ доказательство вѣрности вашей, съ посланными съ симъ отъ нашего величества къ вашему степенству ближними нашими Уразомъ Амановымъ съ товарищи. Императоръ Петръ Ѳедоровичъ».

Подозвавъ къ себѣ Аманова, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ Забиромъ, Пугачевъ передалъ ему письмо, съ приказаніемъ требовать отъ Нуръ-Али-хана 100 человѣкъ вооруженныхъ киргизовъ, которыхъ и привести къ Песчанымъ хуторамъ.

Не успѣвъ Амановъ отѣхать трехъ верстъ отъ стана самозванца, какъ былъ задержанъ казачьимъ разъѣздомъ изъ отряда старшины Окутина, высланнаго полковникомъ Симоновымъ въ подкрѣпленіе сержанту Долгополову.

— Куда ты ѣдешь? спросили казаки.

— Я посланъ, отвѣчалъ Амановъ,—отъ государя Петра Ѳедоровича къ киргизскому хану съ письмомъ.

Казаки остановили посланнаго и представили его старшинѣ Окутину.

— Гдѣ стоитъ самозванецъ? спрашивалъ Окутинъ;—сколько при немъ людей и кто они?

— Государь находится, отвѣчалъ Амановъ,—между Кошъ-Яицкаго и Чаганскаго форпостовъ и при немъ лицкихъ казаковъ человѣкъ триста; они хотятъ идти прямо въ городокъ.

Получивъ такое свѣдѣніе, Окутинъ тотчасъ же собралъ съ постовъ казаковъ и, поспѣшно отступивъ въ городокъ, донесъ коменданту полковнику Симонову. Послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи части 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ нестроевыми считалось 923 человѣка и 112 человѣкъ оренбургскихъ казаковъ съ ихъ старшинами ²⁾).

¹⁾ Арх. Главн. Штаба. Книга № 1. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева».

²⁾ Въ отрядѣ Симонова находилось на лицо: 1 штабъ-офицеръ, 2 адъютанта, 1 лекарь и 2 подлекаря; въ 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командахъ: 13 оберъ-офицеровъ, 53 сержанта и унтеръ-офицера, 670 рядовыхъ, 50 канонировъ, 137 не-

При полевыхъ командахъ находилось нѣсколько орудій, но съ весьма ограниченнымъ запасомъ зарядовъ, а прислуга, «кромѣ кагала да и того изъ непраскитованныхъ», состояла вся изъ рекрутъ ¹⁾.

Зная, что большинство населенія Яицкаго городка сочувствуетъ самозванцу и готово при первомъ удобномъ случаѣ передаться на сторону Пугачева, полковникъ Симоновъ не рѣшился оставить Яицкій городокъ безъ гарнизона и выдти со всею своею командою на встрѣчу приближавшейся толпѣ мятежниковъ. Онъ составилъ отрядъ изъ трехъ некомплектныхъ ротъ пѣхоты и приказалъ всѣмъ выѣзжать для разогнанія толпы Пугачева. Удаляя такимъ распоряженіемъ сомнительный элементъ изъ городка, Симоновъ рѣшился защищаться съ оставшеюся командой и готовился ко встрѣчѣ Пугачева.

Между тѣмъ, собираясь въ походъ, казаки: Яковъ Почиталинъ, Андрей Овчинниковъ, Фофановъ и другіе согласились передаться на сторону самозванца, который послѣ полудня 18 сентября появился въ виду Яицкаго городка ²⁾.

Двигаясь по направленію къ городку, Пугачевъ забиралъ съ собою какъ съ форпостовъ, такъ и изъ зимовій всѣхъ находившихся тамъ казаковъ, вооруженныхъ и безоружныхъ. Хотя всѣ они шли къ нему охотно, «но самозванецъ всѣмъ пристававшимъ къ нему приказывалъ, чтобы никто не отставалъ, и страдалъ смертью, если кто отстанетъ или уйдетъ» ³⁾.

На пути толпа захватила посланнаго полковникомъ Симоновымъ сержанта Дмитрія Николаева, и представила его Пугачеву.

— Ты откуда? спросилъ Пугачевъ.

строевыхъ, всего 923 человекъ, изъ нихъ 736 человекъ строевыхъ, и 112 оренбургскихъ казаковъ. Г. Д. Анучинъ, на основаніи показаній казака Синельникова (Арх. Главн. Штаба. Кн. II, 420), болѣе чѣмъ удвоилъ силы Симонова и на этомъ построилъ неправильныя заключенія (См. *Воен. Сборн.* 1869 г. №№ 5 и 6). Изъ этого можно видѣть, какъ изслѣдователь, неимѣющій въ своихъ рукахъ точныхъ данныхъ, долженъ быть остороженъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ.

¹⁾ Рапортъ Симонова Сенату отъ 23 ноября.

²⁾ Показаніе Аманова, Госуд. Арх. VI д. № 467.

³⁾ Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года; показанія Ивана Почиталина, Степана Кожевникова, Кузьмы Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Зарубина (Чики) и другихъ. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

— Изъ Яицкаго городка, отвѣчалъ Николаевъ,—посланъ отъ коменданта до Астрахани курьеромъ.

— Есть у тебя бумаги?

— Бумагъ нѣтъ, а ѣду я по форпостамъ сказать караульнымъ, чтобы стояли осторожно, потому что орда (Киргизъ-Кайсацкая) пришла къ Яику.

— Если за этимъ посланъ, то поѣзжай, отвѣчалъ Пугачевъ.

Николаевъ тронулся-было въ дальнѣйшій путь, но подводчикъ, подозревая къ себѣ изъ толпы казака Давилина, заявилъ, что Николаевъ солгалъ.

— Этотъ сержантъ государя-то обманулъ, говорилъ подводчикъ;—онъ везетъ указы во всѣ мѣста, чтобы государя ловить. Въ указахъ называютъ его не государемъ, а донскимъ казакомъ Пугачевымъ.

Давилинъ задержалъ Николаева и привелъ его опять къ самозванцу, которому и передалъ отобранные у Николаева пакеты. Пугачевъ передалъ бумаги своему секретарю Ивану Почиталину, приказалъ ихъ распечатать и прочитать. Показанія подводчика оказались справедливыми и въ бумагахъ заключалось приказаніе форпостнымъ начальникамъ ловить донскаго казака Емельяна Пугачева, принявшаго на себя титулъ императора Петра III.

— Зачѣмъ Пугачева ловить, говорилъ спокойно самозванецъ, приказывая изорвать и бросить бумаги,—Пугачевъ самъ идетъ въ городокъ, и если я Пугачевъ, какъ они меня называютъ, такъ пусть возьмутъ и свяжутъ, а если я государь, такъ съ честью примутъ въ городъ.

— Для чего ты обманулъ меня и не сказалъ правды? спрашивалъ съ гнѣвомъ Пугачевъ сержанта Николаева,—приготовьте-ка висѣлицу.

— Виноватъ предъ вашимъ величествомъ, говорилъ Николаевъ, кланаясь самозванцу въ ноги;—я вину свою заслужу вамъ.

— Чтò на него смотрѣть! прикажи повѣсить, кричали казаки.

Пугачевъ однакоже не согласился, главнымъ образомъ потому, что нашелъ въ Николаевѣ человѣка грамотнаго, ему крайне необходимаго.

— Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, говорилъ

самозванецъ, — пусть вамъ и мнѣ служить станетъ, и отдамъ его подъ команду Ивана Почиталина.

Подходя къ Сластиннымъ хуторамъ, принадлежавшимъ братьямъ Мясниковымъ, толпа захватила въ свои руки старшинской руки казака Скворкина и привела его къ Пугачеву.

— Этотъ казакъ посланъ изъ городка шпиономъ, говорили поймавшіе, — развѣдать о вашемъ величествѣ.

— Зачѣмъ ты здѣсь по хуторамъ позади моего войска ѣдишь, спрашивалъ самозванецъ, — и откуда ты посланъ?

— Я посланъ отъ старшины Мартемьяна Бородина изъ городка, провѣдать о васъ, гдѣ идете, сколько у васъ силы, чего ради стороною мимо вашей команды и пробирался съ тѣмъ извѣстіемъ, что вы идете въ городокъ.

— Ты человекъ молодой, говорилъ Пугачевъ наставительнымъ тономъ, — тебѣ бы надо мнѣ служить, а ты поѣхалъ противъ меня шпионичать.

— Надежа-государь, прикажи его злодѣя повѣсить, просили казаки Давилинъ и Дубовъ, — отецъ его дѣлалъ намъ великія обиды, да и онъ даромъ что молодежь, но такъ же, какъ и отецъ, насъ смертельно обижалъ.

— Подлинно онъ, батюшка, плутъ, кричали казаки, — прикажи его повѣсить, таковский.

— Если онъ такой худой человекъ, отвѣчалъ Пугачевъ, — такъ повѣсьте его.

Скворкинъ былъ тотчасъ же повѣшенъ, и эта казнь была первою изъ безчисленныхъ впослѣдствіи жертвъ кровавой дѣятельности Пугачева и его сообщниковъ.

У Сластинныхъ хуторовъ явился къ Пугачеву одинъ изъ первыхъ его сообщниковъ, Тимоѣй Мясниковъ, нѣсколько дней скрывавшійся въ кустахъ отъ преслѣдованія.

— Чтѣ дѣлается въ городѣ? спросилъ его самозванецъ.

— Я, батюшка, самъ едва-едва ушелъ, отвѣчалъ Мясниковъ, — и не знаю чтѣ теперь тамъ дѣлается.

— Однакоже пойдемъ къ городку, сказалъ Пугачевъ съ рѣшимостью.

Замѣтивъ издали, что впереди городка, перейдя черезъ Чаган-

скій мостъ, стоитъ команда казаковъ и небольшой отрядъ пѣхоты съ пушками, подъ начальствомъ секундъ-маіора Наумова, самозванецъ остановился. Тогда Наумовъ, съ цѣлью осмотрѣть силы мятежниковъ, отправилъ впередъ старшину Окутина съ казаками, но старшина отошелъ на очень небольшое разстояніе отъ пѣхоты. Оба противника довольно долгое время не предпринимали ничего другъ противъ друга. Въ станѣ Пугачева былъ возбужденъ вопросъ, какъ дѣйствовать? Одни полагали, что слѣдуетъ напасть на городъ силой, а другіе совѣтовали вступить въ переговоры съ высланными Симоновымъ казаками. Пугачевъ склонился на сторону послѣдняго предложенія и желалъ, чтобъ его «впустили въ городъ безъ драки».

— Я пошлю къ войску указъ, говорилъ онъ, — и когда насъ примутъ, то прямо въѣдемъ, а когда будутъ противиться, то поѣдемъ мимо, за Строгоновъ садъ, и тамъ ночуемъ.

Предложеніе было принято, и по приказанію самозванца Иванъ Почиталинъ написалъ:

«Войска яицкаго коменданту, казакамъ, всѣмъ служивымъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

«Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ, такъ и мы послужите великому государю и за то будете жалованы крестомъ и бородою, рѣками и морями, денежнымъ жалованьемъ и всякою вольностью. Повелѣніе мое исполняйте и со усердіемъ меня великаго государя встрѣчайте, а если будете противиться, то возчувствуете какъ отъ Бога, такъ и отъ меня гнѣвъ. Великій государь Петръ III всероссійскій».)

Отправляя нарочнаго съ указомъ, Пугачевъ приказалъ передать его старшинѣ Окутину и стараться убѣдить его и бывшихъ при немъ казаковъ, чтобъ они приняли его съ честью.

— Если-жъ они во мнѣ сомнѣваются и за точнаго государя не признаютъ, говорилъ Пугачевъ, — то приняли бы меня съ тѣмъ, чтобъ отвезти въ Петербургъ и спасти мою жизнь.

Держа надъ головою воззваніе самозванца, посланный ¹⁾ по-скакалъ къ Чаганскому мосту.

¹⁾ По свидѣтельству однихъ, то былъ казакъ Петръ Боконъ (показаніе Чики и Пугачева), а по другимъ, казакъ Барановъ (показаніе Ивана Почиталина).

— Вотъ вамъ указъ отъ государя, сказалъ онъ передавая пакетъ Окутину, — прочтите его всѣмъ.

— У насъ есть государыня, отвѣчалъ Окутинъ, — а государя Петра Ѳедоровича нѣтъ давно на свѣтѣ.

Посланный, не ожидая отвѣта, ускакалъ обратно, а Окутинъ, не читая присланной ему бумаги, передалъ ее капитану Крылову ¹⁾.

Казаки потребовали, чтобъ указъ былъ прочтенъ, но Окутинъ не исполнилъ требованія, и тогда, по заранѣ условленному плану, казаки: Яковъ Почиталинъ, Андрей Овчинниковъ, Дмитрій Лысовъ, Фофановъ и другіе подняли шумъ и затѣмъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ, ускакали въ толпу мятежниковъ. Многіе изъ нихъ пали предъ самозванцемъ на колѣни, а Яковъ Почиталинъ подошелъ и поцѣловалъ руку.

— Ты что за человѣкъ? спросилъ его Пугачевъ.

— Я, батюшка, отецъ Иванушки писаря, который при вашемъ величествѣ.

— Иванъ, это твой отецъ?

— Точно такъ.

— Ну, старикъ, коли хочешь мнѣ служить вѣрою и правдой, то садись на лошадь и ступай со мною.

Обратившись къ Андрею Овчинникову и Дмитрію Лысову, самозванецъ спросилъ ихъ, что думаютъ о немъ остальные казаки?

— Почти всѣ желаютъ служить тебѣ, отвѣчали они, — но манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили.

Желая склонить на свою сторону остальныхъ казаковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдить при немъ бывшихъ въ томъ, что онъ истинный государь, Пугачевъ отправилъ вторично своего посланнаго съ требованіемъ, чтобы прислали къ нему Окутина для переговоровъ.

— Я его прежде жаловалъ, говорилъ самозванецъ, — такъ надѣюсь, что онъ меня узнаетъ и увѣритъ васъ, что я истинный государь.

¹⁾ По какому случаю Крыловъ, отецъ нашего баснописца, находился при старшинѣ Окутинѣ, мы доискаться не могли, но что онъ былъ тамъ, это несомнѣнно и подтверждается показаніями почти всѣхъ участниковъ.

Окутинъ, конечно, не поѣхалъ къ самозванцу и лишь только увидѣлъ, что толпа мятежниковъ двинулась къ городу, онъ, не на-
дѣясь на свою команду, сталъ отступать на пѣхоту.

— Пропало теперь все Яицкое войско, замѣтилъ Крыловъ
оставшимся казакамъ.

Между тѣмъ прибѣжавшіе казаки объявили Пугачеву, что на
Чаганскомъ мосту приготовлены пушки и что имъ приказано от-
крыть огонь.

— Съ голыми руками не сунешься на пушки, а у насъ ихъ
нѣтъ, отвѣчалъ на это самозванецъ. — Чѣмъ терять напрасно лю-
дей, пойдемъ теперь вверхъ, авось либо завтра одумаются и,
когда подѣдемъ, примутъ.

Повернувъ вверхъ по р. Чагану, толпа намѣрена была пе-
рейти въ бродъ на противоположный берегъ, но Наумовъ для вос-
препятствованія переправы послалъ, подъ начальствомъ старшины
Витошнова, партію казаковъ во 100 человекъ, въ числѣ коихъ
былъ и Максимъ Шигаевъ, отправленный для увѣщанія каза-
ковъ, принявшихъ сторону самозванца. Подпустивъ команду Ви-
тошнова къ себѣ на довольно близкое разстояніе, Пугачевъ сразу
охватилъ ее со всѣхъ сторонъ. Бывшіе въ командѣ казаки вой-
сковой стороны тотчасъ же безо всякаго сопротивленія присоеди-
нились къ самозванцу, а незначительное число казаковъ стар-
шинской руки было связано и приведено къ Пугачеву, причемъ
Овчинниковъ, Давилинъ, Лысовъ и другіе жаловались на приве-
денныхъ и просили наказать ихъ немедленно.

— Держите ихъ до завтра подъ карауломъ, отвѣчалъ Пуга-
чевъ, — а завтра будетъ резолюція.

Мятежники переправились черезъ рѣку и расположились на
ночлегъ¹⁾.

Появленіе ихъ въ тылу высланнаго отряда, два случая пе-
редачи казаковъ на сторону Пугачева, невозможность поручиться
за остальныхъ и, наконецъ, опасеніе быть отрѣзаннымъ отъ го-
родка, заставили секундъ-маіора Наумова отступить, причемъ онъ

¹⁾ Показанія казаковъ: Григорія Бородина, Якова Почиталина, Кузьмы Ко-
чурова и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д. № 467 и № 506. Показаніе
Пугачева 4 ноября 1774 г. Тамъ же, д. № 512.

приказалъ уничтожить мостъ черезъ рѣку Чаганъ. Въ Лицкомъ городкѣ партія войсковыхъ казаковъ волновалась и на столько ясно выражала свое сочувствіе, что Симоновъ принужденъ былъ объявить, что въ случаѣ малѣйшаго замѣшательства онъ прикажетъ поджечь городокъ со всѣхъ сторонъ и поступить съ ними, ихъ женами и дѣтьми, какъ съ сущими злодѣями. Казаки присмирѣли, но по одиночкѣ пробирались въ станъ самозванца, силы котораго быстро возрастали и, по показанію сообщниковъ, достигли 700 человекъ¹⁾. Цифра эта, конечно, увеличена вдвое, но она свидѣтельствуетъ, что толпа мятежниковъ возростала на столько быстро, что главнымъ сообщникамъ самозванца она казалась уже весьма значительною. По мѣрѣ возрастанія толпы увеличивалась и самоувѣренность Пугачева, который, узнавъ, что въ числѣ захваченныхъ казаковъ послушной стороны находится старшина Витошновъ²⁾, бывавшій нѣсколько разъ въ Петербургѣ и видѣвшій покойнаго императора Петра III, рѣшился употребить тотъ же способъ для убѣжденія толпы, какой онъ думалъ примѣнить, вызывая къ себѣ Окутина. — Пугачевъ потребовалъ, чтобы привели къ нему Витошнова.

— Знаешь ли ты меня? спросилъ его самозванецъ.

Вопросъ этотъ былъ равносильнъ тому: хочешь быть повѣшеннымъ? и если нѣтъ, то признавай во мнѣ государя.

— Видалъ еще маленькимъ, отвѣчалъ Витошновъ уклончиво. Пугачевъ былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ.

— Вотъ спросите, онъ меня знаетъ, сказалъ самозванецъ, обращаясь къ окружающимъ.

Ночь прошла спокойно, такъ какъ Симоновъ не могъ выдти изъ городка, справедливо опасаясь, что непослушные казаки воспользуются случаемъ и не впустятъ его обратно.

Движеніе же съ пѣхотнымъ отрядомъ, необезпеченнымъ ни продовольствіемъ, ни боевыми припасами, было безцѣльно противъ конной толпы мятежниковъ, положившихъ проводить «гдѣ день,

¹⁾ Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх. VI д. № 422. Пугачевъ самъ показывалъ въ послѣдствіи, что въ этотъ день у него было человекъ 500.

²⁾ Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія* 1858 г. кн. II) и у всѣхъ авторовъ, пользовавшихся этимъ источникомъ, ошибочно напечатано Витошковъ.

гдѣ ночь, тамъ и сутки прочь», и всегда имѣвшихъ способы уклониться отъ боя. Совсѣмъ иное дѣло было бы, если бы Симоновъ могъ опереться на казаковъ и употребить ихъ для преслѣдованія Пугачева, но съ пѣхотой нельзя было уничтожить шайки Пугачева, а можно было только отогнать отъ городка, т.-е. сдѣлать то, что самозванецъ сдѣлалъ самъ безо всякаго боя. На утро ближайшіе сообщники Пугачева явились къ самозванцу и возбудили вопросъ о плѣнныхъ казакахъ.

— Что, ваше величество, прикажете съ ними дѣлать?

— Надобно ихъ увѣрить и привести къ присягѣ, отвѣчалъ Пугачевъ.

— Мы имъ не вѣримъ, говорили сподвижники самозванца, и просили его избавить ихъ отъ одиннадцати человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ.

— Мы знаемъ, говорили Овчинниковъ и Лысовъ,—кого можно простить и кого повѣсить; тутъ есть великіе злодѣи.

«Видя столь сильную ихъ жалобу, показывалъ Пугачевъ¹⁾, и хотя (желая) ихъ тѣмъ удовольствовать, чтобъ они были усерднѣе, а другимъ, кои ему не хотятъ быть вѣрными, подать страхъ», самозванецъ приказалъ повѣсить всѣхъ одиннадцать человѣкъ. Приказаніе было мгновенно исполнено, и «просители послѣ тѣхъ повѣшенныхъ раздѣлили по себѣ бывшую на нихъ одежду». Старшина Витошновъ и племянникъ бывшего атамана, Григорій Бородинъ, были прощены.

Послѣ казни Пугачевъ поручилъ сержанту Николаеву написать указъ въ войско Яицкое, чтобъ оно одумалось и встрѣтило его «яко великаго государя». Указъ былъ написанъ, и самозванецъ, приказавъ подписать Ивану Почиталину, отправилъ его съ казакомъ Барановымъ, который не возвратился, а какъ только толпа стала подходить къ городку, то по приказанію Симонова было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ.

— Что, други мои, васъ терять напрасно,—сказалъ тогда Пугачевъ,—видно они мнѣ не рады, такъ пойдемъ мимо туда, гдѣ насъ примутъ.

¹⁾ 4 ноября 1774 г., Госуд. Арх. VI д., № 512.

— Пойдемъ, ваше величество, по линіи ¹⁾ до Илецкой станицы, говорили казаки.

— А есть ли тамъ форпосты и на нихъ пушки? спросилъ самозванецъ.

— Есть, отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Ну, такъ пойдемъ.

Яицкіе форпосты состояли по большей части изъ шалашей, сдѣланныхъ изъ плетня. Они занимались обыкновенно 20—25 человѣками казаковъ. Тамъ, гдѣ былъ недостатокъ лѣса, форпосты укрѣплялись плетнемъ и землянымъ валомъ; въ мѣстахъ лѣсистыхъ устраивались бревенчатые стѣны или срубы. Каждый форпостъ имѣлъ одну или двѣ пушки, каланчу или вышку для наблюденія и маяки ²⁾. Предназначенные для защиты границы отъ дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи, форпосты удовлетворяли своему назначенію, такъ какъ киргизы были вооружены копьями и стрѣлами, и вторгались небольшими партіями. Но для такой шайки, кака была у Пугачева, они не могли оказать сопротивленія.

Обогнувъ городъ, толпа двинулась вверхъ по рѣкѣ Яику къ Гниловскому форпосту, гдѣ Пугачевъ присоединилъ къ себѣ всѣхъ форпостныхъ казаковъ и захватилъ одну пушку, «коя стояла въ телѣгѣ» ³⁾. Не доходя до поста Рубежнаго и видя, что силы его растутъ, самозванецъ рѣшился дать своему ополченію нѣкоторое устройство и назначить начальствующихъ лицъ.

— Надобно подкрѣплять васъ чинами,—говорилъ самозванецъ Григорію Бородину,—чтобы вы отъ меня не бѣжали.

Онъ приказалъ собрать казачій кругъ, желая тѣмъ показать яицкимъ казакамъ, что уважаетъ ихъ древніе обычаи, такъ недавно уничтоженные учрежденіемъ комендантскаго управленія. Собравшись въ кругъ, казаки выбрали: Андрея Овчинникова атаманомъ, Дмитрія Лысова (онъ же Сергѣевъ) полковникомъ, Андрея

¹⁾ Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія*, 1858 г., кн. II) вмѣсто словъ «по линіи» ошибочно напечатано «подемъ», что и повторено авторами многихъ монографій.

²⁾ *Путешествіе Палласа*. Изд. 1809 г. ч. I. Путешествіе академика Фалька. *См. Собраніе ученыхъ путешествій*. Т. VI, изд. 1824 г.

³⁾ Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показанія Якова Почталина и Степана Кожевникова. Госуд. Арх. VI д., №№ 467, 506 и 512.

Витошнова есауломъ, Алексѣя Кочурова и еще нѣсколькихъ лицъ хорунжими. Выбранные отправились къ самозванцу и цѣловали его руку.

— Умѣешь ли ты написать присягу? спросилъ Пугачевъ, обратившись къ сержанту Дмитрію Николаеву.

— Умѣю.

— Такъ поди же напиши.

Когда присяга была составлена, то Пугачевъ, передавъ ее Ивану Почиталину, приказалъ прочитать вслухъ.

Почиталинъ читалъ:

«Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ его Евангеліемъ, въ томъ, что хочу и долженъ всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору Петру Ѳеодоровичу служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ всемогущій» ¹⁾).

— Готовы тебѣ, надежа-государь, кричали казаки по окончаніи чтенія,—служить вѣрою и правдой.

— Куда же мы отсюда пойдемъ? спросилъ Пугачевъ.

— Пойдемъ мы отсюда,—говорилъ Овчинниковъ,—черезъ всѣ форпосты нашего Яицкаго войска, кои всѣ намъ согласны, и заберемъ ихъ съ собою, а не доходя до Илецкаго городка я поѣду туда одинъ и навѣдаюсь, примутъ ли васъ илецкіе казаки...

— Какъ не принять! перебилъ его Лысовъ, и толпа двинулась далѣе по берегу рѣки Яика.

Проходя черезъ форпосты: Генварцовскій, Кирсановскій и Иртекскій, мятежники забирали съ собою всѣхъ казаковъ и успѣли приобрѣсти три пушки съ боевыми зарядами. Остановившись на почлегъ, верстъ за 50 отъ хутора бывшаго войсковаго атамана Андрея Бородина, самозванецъ отправилъ къ нему казака Дмитрія Дубова съ приказаніемъ, чтобы Бородинъ встрѣтилъ государя съ почестью. Бородинъ обѣщался исполнить требованіе, но когда Дубовъ уѣхалъ, то Бородинъ сѣлъ въ коляску и поскакалъ въ

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики), Госуд. Арх. VI д., №№ 422, 506, 512. Впослѣдствіи форма присяги была разослана всюду и употреблялась во всѣхъ случаяхъ.

Оренбургъ. Заѣхавъ въ Илецкій городокъ, онъ предупредилъ атамана Лазаря Портнова, что къ нему идетъ толпа мятежниковъ ¹⁾.

Илецкій казачій городокъ находится на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Яика (Урала), при впаденіи въ него въ верстѣ ниже рѣки Илека. Городокъ былъ укрѣпленъ четырехугольною бревенчатою стѣной съ батареями для 12 пушекъ и имѣлъ болѣе 300 казачьихъ домовъ. Обязанные выставлять отъ 350 — 400 человекъ служивыхъ, илецкіе казаки были причислены къ яицкимъ, но права на рыбную ловлю не имѣли, а занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Во главѣ казаковъ стоялъ атаманъ, подчиненный яицкой комендантской канцеляріи ²⁾.

Человекъ преданный правительству, атаманъ Портновъ, за два дня до прихода самозванца, получилъ ордеръ Симонова, въ которомъ тотъ, сообщая о принятіи Пугачевымъ имени Петра III, просилъ принять всѣ мѣры осторожности и къ защитѣ городка. Портновъ собралъ кругъ, прочиталъ полученное предписаніе Симонова, и всѣ казаки согласились поступать по присягѣ. Такъ какъ Илецкій городокъ находился не на прямомъ пути къ Оренбургу, а на степной сторонѣ рѣки Яика, то для лучшаго обезпеченія отъ нападенія мятежниковъ Портновъ приказалъ разобрать мостъ.

Атаманъ спокойно ожидалъ появленія самозванца, но не спокойно относились къ этому казаки. Въ тотъ же самый день, когда было прочтено въ кругу предписаніе Симонова, казакъ Потапъ Дмитріевъ говорилъ окружающимъ:

— Чтò вы это слушаете, какой онъ Пугачевъ; онъ, сказываютъ, точный государь. Онъ скоро сюда будетъ съ яицкими казаками, какъ тутъ станешь противиться!

На другой день илецкій казакъ Аванасій Новиковскій, ѣздившій въ Яицкій городокъ, своими рассказами произвелъ еще большее волненіе между казаками.

— Намъ, братцы, открывается свѣтъ, говорилъ Новиковскій;— сказывали, что государь Петръ Федоровичъ умеръ, а онъ живъ и

¹⁾ Показаніе илецкаго казака Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI д., № 506.

²⁾ Путешествія Палласа и Фалька.

идеть къ намъ на Илекъ. Я самъ его видѣлъ, и онъ пожаловалъ мнѣ лошадь.

Новиковскій уговаривалъ товарищей не противиться и встрѣтить государя съ честью ¹⁾. Казаки были въ нерѣшимости, но на третій день явился въ Илецкомъ городкѣ Андрей Овчинниковъ, съ указомъ на имя Портнова, слѣдующаго содержанія:

«Отъ великаго государя императора Петра Ѳеодоровича Всероссійскаго и прочая, и прочая, и прочая.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинамъ и казакамъ повелѣваю: какъ вы служили мнѣ и предкамъ моимъ до сего времени, такъ и нынѣ, вѣрные мои рабы, мнѣ послужите вѣрно и неизмѣнно, и докажете мнѣ свою вѣрноподданническую ревность тѣмъ, что, во-первыхъ, ожидайте меня, великаго государя, къ себѣ съ истинною вѣрноподданническою радостію и изъ городка на встрѣчу мнѣ съ оружіемъ своимъ выдѣте, и въ доказательство своей мнѣ вѣрноподданнической вѣрности, положите оружіе свое передъ знаменами моими. Почему и приму я васъ съ великою честью и удостою службы мнѣ, которую ежели такъ будете продолжать, какъ присяжный долгъ требуетъ, и такъ, какъ мнѣ пріятно можетъ быть, то столько награждены будете, сколько заслуги ваши достойны. И чего вы ни пожелаете, во всѣхъ выгодахъ и жалованьяхъ отказано вамъ не будетъ, и слава ваша не истечетъ до вѣку, и какъ вы, такъ и потомки ваши, первые при мнѣ, великомъ государѣ, учинитесь, а жалованья, провіанта, пороху и свинцу всегда достаточно отъ меня давано будетъ. Кто же сверхъ чаянія моего преслушаетъ и не исполнитъ сего моего великаго повелѣнія, тотъ вскорѣ почувствуетъ сколь жестоки приготовлены муки измѣнникамъ моимъ, а когда атаманъ или старшины, вамъ, рядовымъ казакамъ, попрепятствуютъ, то и самихъ²⁾ ихъ неволею предъ меня привести, за что награжденъ тотъ, кто приведетъ ихъ, будетъ. Я великій государь Петръ III императоръ Всероссійскій» ²⁾.

Воззваніе это было передано Овчинникову въ двухъ экземпля-

¹⁾ Госуд. Арх. VI д. № 416.

²⁾ Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1, листъ 60.

рахъ, съ тѣмъ, что если его примутъ въ городѣ, то одинъ онъ отдалъ бы Портнову, а другой—казакамъ, чтобы они могли прочесть сами, въ томъ случаѣ, когда атаманъ откажется читать. Лишь только въ городкѣ узнали о прибытіи Овчинникова съ нѣсколькими мятежниками, составлявшими его свиту ¹⁾, илецкіе казаки толпами спѣшили къ прїѣзжимъ.

— Государь съ великою силой идетъ къ Илеку, говорилъ Овчинниковъ собравшимся,—и остановившись всего въ семи верстахъ отсюда, послалъ меня къ вамъ сказать, чтобы вы встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Это истинный государь, и смотрите, атаманы-молодцы, не дурачьтесь, а встрѣтите его съ подобающею честью. Если же вы хотя мало воспротивитесь, то государь приказалъ вамъ сказать, что васъ онъ станетъ вѣшать, а вашъ городъ выжжетъ и вырубить.

Казаки собрали кругъ и долго не могли условиться какъ поступить.

— Если его не встрѣтить, говорили они,—то онъ насъ превѣшаетъ, а буде встрѣтимъ, то чтобы потомъ не было хлопотъ какихъ.

Послѣ довольно долгихъ и оживленныхъ споровъ, большинство рѣшило однакоже встрѣтить самозванца съ честью, о чемъ и сообщили Овчинникову. Послѣдній отправился въ станъ самозванца, оставивъ казакамъ для передачи Портнову манифестъ Пугачева. Исполняя порученіе Овчинникова, казаки требовали, чтобы манифестъ былъ прочитанъ, но Портновъ отказался и положилъ его въ карманъ. Предвидя недоброе, онъ хотѣлъ уѣхать изъ городка, но не могъ этого сдѣлать, такъ какъ казаки стали наблюдать за нимъ.

На утро 21 сентября илецкіе жители исправили мостъ, и предшествуемые духовенствомъ съ крестами и образами, вышли съ хлѣбомъ-солью и съ знаменами встрѣчать самозванца. Пугачевъ со своею толпой, имѣя въ авангардѣ Овчинникова, двинулся къ городку, причемъ Овчинниковъ прошелъ прямо въ городокъ и аре-

¹⁾ По показаніямъ однихъ, съ Овчинниковымъ было 6, а по другимъ—20 чело-
вѣкъ свиты.

стоялъ тамъ атамана Портнова. Пугачевъ же остановился предъ духовенствомъ, слѣзъ съ лошади и приложился ко кресту. Казаки преклонили знамена, а духовенство цѣловало государеву руку.

— Я подлинный государь, сказалъ онъ, — служите мнѣ вѣрою и правдой; за вѣрную службу я буду награждать, а за невѣрную казнить смертію.

Принявъ хлѣбъ-соль и обласкавъ жителей, самозванецъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи духовенства и при звонѣ колоколовъ, отправился въ церковь, приказалъ служить молебенъ и на эктѣніяхъ упоминать имя государя Петра Ѳедоровича, а государыню исключить.

— Когда Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, говорилъ Пугачевъ окружающимъ, — то зашлю ее въ монастырь и пускай за грѣхи свои Богу молится. А у бояръ села и деревни отберу и буду жаловать ихъ деньгами; а которыми я лишентъ престола, тѣхъ безо всякой пощады перевѣшаю. Сынъ мой человѣкъ молодой, такъ онъ меня и не знаетъ. Дай Богъ, чтобъ я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здоровымъ!

По окончаніи молебна началась присяга. Первымъ присягнулъ попъ, который затѣмъ, по приказанію Пугачева, сталъ приводить къ присягѣ и всѣхъ илецкихъ казаковъ.

Выйдя изъ церкви, самозванецъ приказалъ отворить питейный домъ, обѣщалъ народу избавить его отъ «утѣсненія и бѣдностей», и затѣмъ, при пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, производимыхъ казаками въ честь государя, Пугачевъ отправился въ приготовленный ему Овчинниковымъ домъ казака Ивана Творогова, одинъ изъ лучшихъ въ городѣ.

— А гдѣ здѣшній атаманъ Лазарь Портновъ? спросилъ самозванецъ обращаясь къ Овчинникову.

— Я его арестовалъ.

— За что?

— Ваше величество приказали, чтобы посланный отъ васъ манифестъ онъ прочелъ казакамъ, а онъ читать его не сталъ и положилъ въ карманъ. Онъ же приказалъ разломать чрезъ Яикъ мостъ и вырубить два звена, чтобы вамъ съ войскомъ перейти было нельзя, а напоследокъ хотѣлъ бѣжать.

Едва Овчинниковъ окончилъ свою обвинительную рѣчь, какъ

нѣсколько буйныхъ головъ пожаловались Пугачеву, что Портновъ ихъ постоянно обижалъ и въ конецъ разорилъ.

— Коли онъ такой обидчикъ, сказалъ Пугачевъ Овчинникову, — то прикажи его повѣсить.

Приказаніе было немедленно исполнено. Портновъ былъ повѣшенъ яицкимъ казакомъ Иваномъ Бурновымъ, исполнявшимъ должность палача, и имѣніе несчастнаго атамана разграблено мятежниками, причемъ болѣе всѣхъ поживился Зарубинъ (Чика). Пугачеву же были доставлены послѣ казни Портнова взятые въ его домъ 300 рублей денегъ, жалованный ковшъ, два бешмета, кафтанъ, канаватная лисья шуба и кушакъ.

Два дня оставался Пугачевъ въ Илецкомъ городкѣ въ домѣ Творогова, пользуясь радушіемъ хозяина и его желаніемъ угодить государю. Первое время Твороговъ былъ искренно убѣжденъ, что Пугачевъ истинный Петръ III, и потому, показывая онъ, «былъ угощаемъ отъ меня, по возможности съ оказаніемъ всякаго почтенія». Пугачевъ наградилъ услуги Творогова должнымъ образомъ.

— Будь же ты у меня, сказалъ ему самозванецъ, — полковникомъ и командиромъ надъ илецкими казаками.

Довольный тѣмъ, что Илецкій городокъ, одинъ изъ главныхъ населенныхъ пунктовъ той мѣстности, призналъ надъ собою его власть, какъ законнаго государя Петра III, Пугачевъ ободрился и сталъ помышлять о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Обѣзжая крѣпость, онъ приказалъ снять съ нея пушки и, выбравъ изъ нихъ нѣсколько годныхъ, сдѣлать къ нимъ лафеты, которыхъ не было. Назначивъ начальникомъ артиллеріи яицкаго казака Ѳедора Чумакова, самозванецъ приказалъ ему забрать изъ крѣпости весь порохъ, свинецъ, снаряды и, присоединивъ къ себѣ до 300 человекъ илецкихъ казаковъ, двинулся далѣе къ Разсыпной крѣпости ¹⁾, расположенной по скату горы праваго берега рѣки Яика.

Разсыпная крѣпость была построена на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно киргизъ-кайсаки переправлялись вбродъ чрезъ Яикъ, для

¹⁾ Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показанія Ивана Творогова въ казанской комиссіи и тайной экспедиціи въ Москвѣ. Показанія Зарубина (Чики), Тимоѣя Мясникова 9 мая и Максима Горшкова 8 мая 1774 года. «Госуд. Арх.» VI д. №№ 422, 505, 506 и 512.

вторженія и грабежа въ нашихъ предѣлахъ. Она была укрѣплена только однимъ палисадомъ, населена 50 человѣками оренбургскихъ казаковъ и имѣла одну гарнизонную роту, подъ начальствомъ коменданта майора Веловскаго, въ помощь которому изъ Нижне-Озерной крѣпости (она же и Столбовая) была отправлена команда подъ начальствомъ капитана Сурина изъ одной роты пѣхоты и сотни казаковъ. Команда эта была еще далеко отъ Разсыпной, когда въ крѣпости явился посланный съ возмутительнымъ листомъ Пугачева слѣдующаго содержанія ¹⁾:

«Отъ самодержавнаго императора Петра Ѳеодоровича всероссійскаго и проч. и проч.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ въ Разсыпной крѣпости всякаго званія людямъ повелѣваю: какъ вы, вѣрные мои рабы, служили и покорны были напередъ сего мнѣ и предкамъ моимъ, такъ и нынѣ въ самомъ дѣлѣ будьте вѣрны и послушны, стремитесь съ истинною вѣрноподданническою радостію и дѣтскою ко мнѣ, государю вашему и отцу, любовію; потомъ старайтесь служить вѣрно и неизмѣнно, за что жаловать буду всѣхъ сихъ вѣчною вольностію, рѣками, морями, всѣми выгодами, жалованьемъ, провіантомъ, порохомъ, свинцомъ, чинами и честію, а вольность на вѣки получать. Кто же сего моего указа не послушаетъ, тотъ самъ узнаетъ праведный гнѣвъ противникамъ моимъ».

Веловскій не принялъ возмутительнаго листа и при приближеніи мятежниковъ открылъ огонь изъ ружей, но по малочисленности гарнизона не могъ долго сопротивляться. Толпа Пугачева, разбивъ ворота, ворвалась въ крѣпость. Майоръ Веловскій съ семействомъ, со всѣми бывшими въ крѣпости офицерами и нѣсколькими нижними чинами, заперся въ комендантскомъ домѣ и поражалъ мятежниковъ изъ оконъ. Казаки хотѣли зажечь домъ, но Пугачевъ, опасаясь, чтобы не сгорѣла вся крѣпость и не пострадали напрасно тѣ, кого онъ намѣренъ былъ склонить на свою сторону, запретилъ поджигать домъ, «а приказалъ онаго коменданта достать такъ». Послѣ довольно долгихъ усилій, мятежники выломали дверь комен-

¹⁾ Арх. Глав. Штаба. Книга № 1. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева», листъ 8.

дантскаго дома и захвативъ защитниковъ привели къ самозванцу, который приказалъ повѣсить: маіора Веловскаго съ женою, поручика Толбаева и священника. Поверставъ всѣхъ солдатъ въ казаки, забравъ три чугунныя пушки, пять боченковъ пороху, нѣсколько снарядовъ, Пугачевъ двинулся на слѣдующій день къ Нижне-Озерной крѣпости ¹⁾, и на пути уничтожилъ отрядъ капитана Сурина и самого его повѣсилъ ²⁾.

Нижне-Озерная крѣпость (иначе Столбовая) находилась на берегу Яика, на утесистомъ мысу, и была обнесена бревенчатою стѣной. Гарнизонъ ея состоялъ изъ нѣсколькихъ драгунъ, престарѣлыхъ гарнизонныхъ солдатъ и до 50 человекъ поселенныхъ оренбургскихъ казаковъ ³⁾. Комендантъ крѣпости, маіоръ Харловъ, какъ только узналъ о приближеніи Пугачева, приготовился къ защитѣ. Онъ отправилъ въ Татищеву крѣпость свою молодую жену, дочь тамошняго коменданта Елагина, и распредѣлилъ по стѣнамъ крѣпости свой малочисленный гарнизонъ. Съ наступленіемъ ~~начи~~ бывшіе въ крѣпости казаки бѣжали въ станъ самозванца, расположившагося вблизи на ночлегѣ, а маіоръ Харловъ для ободренія оставшихся гарнизонныхъ солдатъ всю ночь стрѣлялъ изъ пушекъ. Мѣра эта не помогла дѣлу, и комендантъ, видя что гарнизонъ со страхомъ и робостью ожидаетъ прибытія мятежниковъ, приказалъ затопить часть пороха, бывшаго въ крѣпости. Когда утромъ 26 сентября Пугачевъ со своею толпой сталъ подходить къ Нижне-Озерной крѣпости, то маіоръ Харловъ, видя своихъ подчиненныхъ окончательно оробѣвшими, самъ съ фитилемъ въ рукахъ бѣгалъ отъ одного орудія къ другому и производилъ выстрѣлы, хоть и безвредные для непріятеля. По словамъ Пугачева, стрѣльба изъ пушекъ продолжалась часа два, но наконецъ мятежники отбили ворота и ворвались въ крѣпость, причемъ маіоръ Харловъ былъ изрубленъ ка-

¹⁾ Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI, д. №№ 467, 506 и 512.

²⁾ Записка Федора Сукина, изложенная имъ въ формѣ письма къ петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія рукописей графа А. Уварова № 559. Я обязанъ А. О. Бычкову тѣмъ, что имѣлъ возможность воспользоваться этимъ любопытнымъ собраніемъ документовъ.

³⁾ Путешествіе академиковъ Палласа и Фалька.

закомъ Давилинымъ и съ нимъ погибло нѣсколько офицеровъ и челоѣкъ 10 нижнихъ чиновъ ¹⁾).

Забравъ съ собою по обыкновенію весь уцѣлѣвшій гарнизонъ, годныя пушки и снаряды, Пугачевъ двинулся далѣе къ Татищевой крѣпости, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ регулярными войсками, высланными изъ Оренбурга по распоряженію губернатора Рейнсдорпа.

II.

Положеніе Оренбурга.—Переписка губернатора съ киргизскимъ ханомъ.—Отправленіе отряда бригадира барона Вилова на встрѣчу Пугачеву.—Занятіе самозванцемъ Татищевой и Чернорѣченской крѣпостей.—Мѣры къ защитѣ Оренбурга.—Воззваніе Рейнсдорпа къ жителямъ.—Отправленіе въ станъ самозванца ссыльно-каторжнаго Хлопуши.—Занятіе Пугачевымъ Каргалы и Сакмарскаго городка.—Свиданіе Пугачева съ Хлопушей.—Приближеніе толпы мятежниковъ къ Оренбургу.—Воззваніе Пугачева, обращенное къ губернатору и жителямъ.—Отвѣтъ Рейнсдорпа.

До 21 сентября въ Оренбургѣ не только ничего не подозрѣвали о дѣйствіяхъ Пугачева, но и не знали даже, что онъ болѣе мѣсяца находится въ предѣлахъ губерніи. Въ этотъ день прискакалъ въ Оренбургъ илецкій казакъ ²⁾ съ извѣстіемъ, что городокъ занятъ самозванцемъ и что населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Извѣстіе это было сочтено губернаторомъ Рейнсдорпомъ «невѣроятнымъ, потому что прибывшій не привезъ письменнаго рапорта». Рейнсдорпъ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы провѣрить на сколько достоверно полученное извѣстіе, и вечеромъ 22 сентября совершенно спокойно устроилъ у себя балъ по случаю коронаціи императрицы. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ; общество веселилось, не подозрѣвая объ угрожающей ему близкой опасности

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512. Пушкинъ, а затѣмъ и другіе авторы статей о пугачевскомъ бунтѣ рисуютъ страшную картину смерти Харлова, но откуда почерпнуты эти свѣдѣнія—Пушкинъ не говоритъ. Рассказъ Пугачева и его сообщниковъ намъ кажется болѣе согласнымъ съ истиною, а потому мы на немъ и остановились.

²⁾ Къ сожалѣнію, неизвѣстно кто былъ посланъ съ этимъ извѣстіемъ, но изъ показанія Пугачева видно, что отецъ его былъ приведенъ къ самозванцу въ то время, когда онъ подходилъ къ Нижне-Озерной крѣпости, и за то что послалъ сына, повѣшенъ Твороговымъ.

и предстоящихъ лишеніяхъ. Среди бала былъ полученъ рапортъ коменданта Татищевой крѣпости и начальника ниже-яицкой дистанціи, полковника Елагина, доносившаго о занятіи Пугачевымъ Илецкаго городка. Не придавая и на этотъ разъ серьезнаго значенія успѣхамъ самозванца, Рейнсдорпъ скрылъ полученное донесеніе отъ гостей и самъ до 24 числа не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Въ этотъ промежутокъ времени былъ полученъ рапортъ отъ полковника Симонова и явился въ Оренбургъ посланный отъ Нуръ-Али-хана киргизъ-кайсацкаго.

По отбитіи Пугачева отъ Яицкаго городка, полковникъ Симоновъ и старшина послушныхъ казаковъ Мартемьянъ Бородинъ опасались, чтобы Пугачевъ не склонилъ на свою сторону Нуръ-Али-хана и тѣмъ не увеличилъ бы своихъ силъ. При малѣйшемъ сочувствіи Нуръ-Али-хана самозванцу, киргизы легко могли переправиться черезъ рѣку Яикъ, ворваться въ Астраханскую губернію и опустошить ее. Считая необходимымъ убѣдиться въ видахъ и намѣреніяхъ хана, полковникъ Симоновъ и Мартемьянъ Бородинъ отправили въ степь гонца и просили хана прибыть для совѣта къ мосту, что у Яицкаго городка. Зная отъ Забира, что Пугачевъ личность подозрительная и сомнительно, чтобъ онъ былъ истинный государь, Нуръ-Али откликнулся на призывъ и тотчасъ же пріѣхалъ на свиданіе. Заявивъ, что искренно преданъ императрицѣ, ханъ предлагалъ свои услуги.

— Если вы сами со своею командой управитесь можете, говоритъ Нуръ-Али,—то поймите разбойниковъ, а если силъ вашихъ къ тому доставать не будетъ, то повелите мнѣ, чтобъ я съ моимъ народомъ, учиня поискъ, тѣхъ разбойниковъ поймалъ; только безъ позволенія оренбургскаго губернатора за рѣку Яикъ переѣхать я не въ состояніи (не имѣю права).

— Мы и со своими силами справимся, не заимствуя вашей, отвѣчали Симоновъ и Бородинъ. — Мы и тѣмъ довольны, что вы пріѣхали сюда на совѣтъ.

Не довольствуясь такимъ отвѣтомъ, Нуръ-Али-ханъ, по возвращеніи въ свой станъ, отправилъ посланнаго въ Оренбургъ съ письмомъ къ Рейнсдорпу, въ которомъ писалъ, что «мы на степи находящіеся люди не знаемъ: сей ѣздящій воръ-ли, или реченный

государь самъ? А для того, что онъ называется государемъ, посланъ былъ отъ меня подъ однимъ претекстомъ нарочный, который возвратясь объявилъ мнѣ, что какой онъ человекъ не знаетъ и не опозналъ, токмо борода у него русая. Однако изъ-за сего думалъ я какимъ ни есть случаемъ поймать его, только безъ вашего извѣстія на то не поступилъ» ¹⁾).

Пользуясь, конечно, случаемъ, Нуръ-Али просилъ губернатора возвратить его аманатовъ, отогнанный скотъ и бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Какъ чистый азіятецъ, привыкшій главнѣйшую часть переговоровъ вести на словахъ, чтобы въ случаѣ нужды можно было отказаться отъ заявленнаго, Нуръ-Али поручилъ своему посланному сказать Рейнсдорпу, что онъ готовъ собрать до пяти тысячъ человекъ киргизовъ, идти съ ними по слѣдамъ самозванца и разбить его. Губернаторъ отвѣчалъ, также на словахъ, что въ помощи хана нѣтъ надобности, что для разбитія «злодѣя» довольно и однихъ русскихъ войскъ ²⁾). Въ отвѣтъ же своему Рейнсдорпъ писалъ хану ³⁾: «Бывшій императоръ Петръ III, какъ всему свѣту извѣстно, въ С.-Петербургѣ скончался и тѣло, въ засвидѣтельствованіе кончины его, нарочно дней съ семь на парадномъ мѣстѣ лежало, которое я самъ видѣлъ и руку его цѣловать удостоился. А тотъ, который въ войскѣ яичкомъ проявился, плутъ и злодѣй, бѣглый донской казакъ именемъ Емельянъ Пугачевъ, коего указомъ ея императорскаго величества сыскивать и поймать велѣно.

«И такъ, увѣряя васъ, высокопочтеннаго хана, прошу, ежели сей злодѣй, съ приобщившимися къ нему при поискѣ здѣшнихъ командъ, паче чаянія на вашу сторону перебѣжить и будетъ искать вашего покровительства, то подчиненнымъ вашимъ киргизъ-кайсакамъ велѣть ихъ разбить и переловить, а особливо онаго плута самозванца, и выдать въ здѣшнюю сторону, за что вы, высокопочтенный ханъ, не только высочайшаго ея импера-

¹⁾ Арх. Главн. Штаба. Книга № 1 «Секретныя бумаги и указы Пугачева».

²⁾ О началѣ яичкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады. Госуд. Арх. VI, д. № 435.

³⁾ Въ письмѣ отъ 25 сентября. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1 л. 65.

торскаго величества благоволенія, но и награжденія удостоены быть можете.

«Хотя я съ вами, высокопочтеннымъ ханомъ, и весьма свидѣться бы желалъ, но когда обстоятельства не допустили, то остаюсь съ сожалѣніемъ. Однако прошеніе ваше по справедливости удовлетворить не премину»...

Нуръ-Али-ханъ остался недоволенъ отвѣтомъ Рейнсдорпа и откочевалъ со своими улусами въ глубь степи, а оставшіеся безъ хана киргизы, переправляясь черезъ Яикъ, производили грабежи въ пограничныхъ селеніяхъ.

Отклонивъ содѣйствіе киргизскаго хана и считая достаточнымъ для уничтоженія Пугачева тѣхъ силъ, которыя были въ его распоряженіи, Рейнсдорпъ отправилъ на встрѣчу самозванцу бригадира барона Билова съ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 410 человекъ съ шестью полевыми пушками ¹⁾ и съ открытымъ ордеромъ, въ подкрѣпленіе своего отряда, брать въ лежащихъ на пути укрѣпленійхъ и форпостахъ столько людей, сколько онъ признаетъ нужнымъ. Билкову предписано было идти съ отрядомъ къ Илецкому городку, нагнать «злодѣйскую толпу», разбить, и мятежниковъ переловить, «а особливо упомянутаго Пугачева, обѣщая въ награжденіе ежели кто живаго поймавъ представить, дачею изъ казны пятисотъ, а буде мертваго, то двухсотъ пятидесяти рублей» ²⁾.

Для содѣйствія барону Билкову было приказано полковнику Симонову составить сборный отрядъ изъ частей 6-й и 7-й легкихъ полевыхъ командъ и поручивъ его майору Наумову, отправить къ Илецкому городку. Сверхъ того, 500 человекъ калмыковъ изъ Ставрополя должны были идти прямо на соединеніе съ Биловымъ и Наумовымъ, а для подкрѣпленія Оренбурга вытребованы изъ ближайшихъ селеній 500 человекъ башкирцевъ и 300 человекъ сентовскихъ татаръ ³⁾.

¹⁾ Въ составъ отряда вошли: 110 чел. Алексѣевского полка, 90 чел. гарнизонныхъ, 150 оренбургскихъ казаковъ и 60 ставропольскихъ калмыковъ.

²⁾ Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 25 сентября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Книга № 1.

³⁾ Тамъ же.

Дѣлая всё эти распоряженія, Рейнсдорпъ и не подозрѣвалъ, что въ сущности онъ хлопочетъ для Пугачева и что большая часть калмыковъ, башкирцевъ и татаръ, отправляемыхъ на театръ дѣйствій, перейдутъ на сторону самозванца и увеличатъ его силы.

Баронъ Билловъ выступилъ изъ Оренбурга 24 сентября; онъ не особенно торопился своимъ движеніемъ и только къ ночи 25 сентября пришелъ въ Татищеву крѣпость, находившуюся отъ Оренбурга въ 64 верстахъ. Утромъ 26 числа онъ двинулся къ Нижне-Озерной крѣпости и пройдя 18 верстъ, получилъ рапортъ отъ маіора Харлова, которымъ тотъ доносилъ, что отправленная имъ въ Разсыпную крѣпость команда, подъ начальствомъ капитана Сурина, разбита мятежниками и онъ остался въ крѣпости «безлюдень». Харловъ просилъ помощи, но баронъ Билловъ, узнавъ о приближеніи Пугачева къ Нижне-Озерной крѣпости и опредѣляя, по слухамъ, силы самозванца въ 3,000 человекъ, совѣтовалъ ему спасать себя какъ знаетъ ¹⁾, а самъ остановился въ полѣ и не зналъ на что рѣшиться. Вслѣдъ затѣмъ приближались два казака, заявившіе, что Пугачевъ уже взялъ Нижне-Озерную крѣпость. Баронъ Билловъ приказалъ тогда сотнику Падурову «сдѣлать изъ обоза осаду», опаясавъ, чтобы самозванецъ не атаковалъ его врасплохъ. «И такъ, принявъ всё предосторожности, простояли до полуночи, люди безъ сна, а лошади безъ корма». Видя изнеможеніе людей, Билловъ спрашивалъ офицеровъ что дѣлать? и всё единогласно рѣшили возвратиться въ Татищеву крѣпость и тамъ ожидать прибытія мятежниковъ ²⁾.

Расположенная на горномъ увалѣ, при рѣчкѣ Камышъ-Самарѣ, за полверсты отъ ея впаденія въ рѣку Яикъ (Уралъ), Татищева крѣпость была построена неправильнымъ четырехугольникомъ, обнесена бревенчатою стѣной, рогатками и имѣла по угламъ деревянные батареи. Въ крѣпости насчитывалось до 200 обывательскихъ домовъ и находился комендантъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ части Яицкой линіи.

¹⁾ О началѣ яицкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады 1773 г. Госуд. Арх. VI, д. № 425.

²⁾ Показаніе Падурова 10 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 506.

Находясь на сообщеніи Оренбурга съ Самарской линіей и Яикомъ, Татищева крѣпость считалась главнымъ опорнымъ пунктомъ Яицкой линіи и потому въ ней находились склады амуниціи, денежная казна, артиллерія и другіе запасы. Гарнизонъ крѣпости былъ значительно болѣе всѣхъ остальныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и съ начала весны и до глубокой осени для службы въ Татищевой крѣпости призывались крещеные калмыки и башкирцы, смѣняемые погодно ¹⁾. Однимъ словомъ, съ возвращеніемъ Билова въ Татищеву крѣпость гарнизонъ ея состоялъ не менѣе какъ изъ тысячи человѣкъ и 13 орудій.

Въ ожиданіи приближенія Пугачева, ставропольскіе калмыки, нашедшіеся въ отрядѣ бригадира Билова, всѣ, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, ушли изъ крѣпости, а на утро, 27 сентября, въ Татищевой увидѣли, что версты за три на горахъ показалась толпа мятежниковъ. Комендантъ крѣпости, полковникъ Елагинъ, какъ человѣкъ храбрый, предлагалъ Билору выдти изъ крѣпости и встрѣтить мятежниковъ въ полѣ, но Билоръ не согласился, и тогда полковникъ Елагинъ выслалъ изъ крѣпости для развѣдыванія о непріятелѣ и опредѣленія силъ мятежниковъ одного офицера и съ нимъ человѣкъ 30 пѣхоты и 20 казаковъ при одномъ орудіи. Едва только команда эта отошла на незначительное разстояніе отъ Татищевой, какъ была атакована и почти уничтожена: офицеръ былъ убитъ, нижніе чины захвачены въ плѣнъ, и только солдатъ 4-го оренбургскаго баталіона Степанъ Колесниковъ съ тремя товарищами успѣли спастись и увезти въ крѣпость пушку. Вслѣдъ за ними подѣхали человѣкъ шесть или семь лицѣхъ казаковъ и требовали, чтобы къ нимъ было выслано изъ крѣпости столько же человѣкъ для переговоровъ. Бригадиръ Билоръ приказалъ сотнику Падурову выслать человѣкъ десять оренбургскихъ казаковъ. Переговоры продолжались недолго.

— Съ нами ѣдетъ государь Петръ Ѳеодоровичъ, говорили депутаты Пугачева,—такъ смотрите же, ребята, сдайтесь ему безъ сопротивленія. Если вы не сдадитесь, то мы принуждены будемъ сдѣлать вамъ кровопролитіе.

¹⁾ *Путешествіе Палласа*. Изданіе 1809 г. ч. I, 339. О началѣ яицкихъ неспокойствъ и проч. Госуд. Арх. VI, д. № 435.

— Какой тамъ у васъ Петръ Ѳеодоровичъ? отвѣчали оренбургскіе казаки:—всѣмъ извѣстно, что онъ давно скончался.

— Нѣтъ, это неправда; онъ точно живъ, и если у васъ есть такой человѣкъ, который его знавалъ прежде, такъ пошлите его съ нами; государь ничего дурнаго съ нимъ не сдѣластъ, а еще будетъ радъ.

Оренбургскіе казаки отказались исполнить послѣднее требованіе и, возвратившись въ крѣпость, передали барону Билову содержаніе переговоровъ. Послѣдній выслалъ казака сказать депутатамъ Пугачева, что все это «враки».

— Государя Петра III нѣтъ больше на свѣтѣ, говорилъ посланный со словъ Билова,—а это самозванецъ и бродяга, бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Мы точно это знаемъ, а потому и не можетъ никогда статься, чтобы мы почли бродягу за государя.

— Когда вы такъ упорствуете, отвѣчали мятежники,—то послѣ на насъ не пеняйте.

Переговоры были прерваны и въ крѣпости замѣтили, что часть толпы направляется къ вершинамъ рѣки Камышъ-Самары. Бригадиръ Билловъ приказалъ тогда сотнику Падурову со всѣми оренбургскими казаками выѣхать въ поле и разсыпаться по степи, надѣясь тѣмъ устрасшить мятежниковъ. Какъ только казаки показали изъ крѣпости, толпа Пугачева открыла по нимъ огонь, и бригадиръ Билловъ послалъ Падурову приказаніе возвратиться обратно, но тотъ вмѣстѣ съ казаками передался на сторону самозванца. На выстрѣлы мятежниковъ отвѣчали огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій, но ядра не вредили ихъ толпѣ, а переносились черезъ головы. Пугачевъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части: одна, подъ начальствомъ Андрея Витошнова двинулась въ атаку снизу Яика, а другая, подъ предводительствомъ самого самозванца, направилась съ верховой стороны. Бригадиръ Билловъ успѣлъ отбить эту атаку и тогда Пугачевъ, замѣтивъ близъ крѣпостной стѣны стоги съ сѣномъ, приказалъ зажечь ихъ и какъ въ то время вѣтеръ былъ на крѣпость, то за стогами скоро загорѣлись сараи, а потомъ бревенчатая ограда крѣпости и дома обывателей. Большинство защитниковъ бросилось тушить пожаръ и спасать свои се-

мейства и имущество, а мятежники, воспользовавшись этимъ, стали перебираться черезъ палисадъ и рогатки въ крѣпость. Бригадиръ Билловъ и комендантъ полковникъ Елагинъ съ женою были убиты. Дочь Елагина, бывшая въ замужествѣ за погибшимъ Харловымъ, была захвачена въ плѣнъ, а гарнизонъ не оказалъ почти никакого сопротивленія; солдаты бросали ружья и были выведены изъ крѣпости въ поле. Тамъ въ одной общей и нестройной кучѣ собралось ихъ человѣкъ 300, по которымъ, для страху, мятежники сдѣлали три выстрѣла и убили нѣсколькихъ человѣкъ ¹⁾).

Отбѣхавъ Татищеву крѣпость, Пугачевъ приказалъ тушить пожаръ, снять годныя пушки, забрать весь наличный порохъ, снаряды, и затѣмъ отправился къ толпѣ плѣнныхъ. Впереди самозванца бѣжали лиціе казаки, чтобы предупредить солдатъ о скоромъ его прибытіи.

— Становитесь на колѣни, кричали они,—государь ѣдетъ.

Толпа пала на колѣни и скоро увидѣла предъ собою Пугачева, одѣтаго въ красный казачій кафтанъ, обшитый галунами.

— Чтѣ вы надѣлали? спрашивалъ онъ грозно;—развѣ вы меня не знаете? Вѣдь я вашъ императоръ Петръ III. Станете ли вы мнѣ служить вѣрою и правдой?

— Станемъ, ваше величество, отвѣчали солдаты.

— Если такъ, то Богъ васъ прѣститъ, и я, великій государь, васъ прощаю; ступайте за мною.

Отбѣхавъ съ полверсты отъ крѣпости, Пугачевъ остановился на лугу и послалъ за священникомъ, для приведенія къ присягѣ плѣнныхъ. Онъ потребовалъ къ себѣ составителя присяги сержанта Дмитрія Николаева, но оказалось, что его утопили лиціе казаки, за то только, что онъ былъ изъ дворянъ и сталъ близкимъ человѣкомъ къ самозванцу. Тогда Пугачевъ призвалъ къ себѣ Ивана Почиталина, и по прибытіи священника Симеона со крестомъ и евангеліемъ, приказалъ ему читать присягу, по окон-

¹⁾ Эти нѣсколько человѣкъ убитыхъ дали случай г. Мордовцеву («Русскіе госуд. дѣятели прошлаго вѣка», «Отеч. Зап.» 1868 г. № 8) написать: «солдатъ и башкирцовъ разстрѣлялъ картечью». Башкирцовъ тутъ не было, точно также невѣрно и то, что у самозванца была «сильная артиллерія».

чаніи которой всѣмъ плѣннымъ были острижены волосы и приказано именоваться *государевыми казаками* ¹⁾).

Въ Татищевой Пугачевъ успѣлъ захватить значительную сумму денегъ, большой складъ амуниціи, провіанта, соли, вина и нѣсколько орудій, лучшихъ изъ всѣхъ, находившихся на Яицкой линіи.

Паденіе Татищевой крѣпости имѣло весьма важное вліяніе на послѣдующія дѣйствія. Овладевъ довольно сильнымъ и важнымъ по своему положенію пунктомъ, Пугачевъ являлся уже не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ, предъ которымъ не могла устоять ни одна изъ лежавшихъ на пути крѣпостей и городковъ.

«Что касается мелкихъ городовъ, доносилъ императрицѣ капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ ²⁾), которые злодѣй разорилъ до основанія, то брать ему ихъ столь легко можно было, какъ грибы. А хотя въ нихъ въ каждомъ и были воинскія команды, но только одно названіе, а душа, коя должна быть въ томъ званіи, давно на небесахъ, слѣдственно не близко, а вселить оную надобно. Въ доказательство тому довольно и сего: когда въ губерніяхъ служивые люди большею частію хлѣбопашцы, какъ же въ Сорочинской, Татищевой, въ Сакмарѣ и прочихъ крѣпостяхъ не быть промышленникамъ, да они въ томъ и невиновны, для того, что всѣ командиры въ оныхъ мѣстахъ имѣютъ свои хутора и живутъ помѣщиками, а они ихъ данники. Крѣпости же только одно названіе имѣютъ, а чѣмъ были ограждены давно сгнило и въ развалинахъ. Но кто сему неприемлету виновенъ, о томъ долженъ кто ни есть быть свѣдомъ и дать вамъ, всемилостивѣйшая государыня, отчетъ. А потому и должно быть раздѣленіе, ибо великая разница жить въ службѣ для себя и служить отечеству съ пользою, а чрезъ то сдѣлать угодность вашему величеству».

Положеніе Татищевой давало возможность Пугачеву двинуться или къ Оренбургу, или къ Казани, и конечно, если бы онъ обладалъ достаточнымъ соображеніемъ, то видя къ себѣ столь большое

¹⁾ Показанія Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. Показаніе солдата Степана Колесникова, показаніе сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г. Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Архивъ VI, д. №№ 431, 506 и 512. Письмо Фёдора Сукина отъ 23 ноября 1773 г. Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова.

²⁾ Отъ 21 мая 1774 г., Оренбургъ.

сочувствіе, онъ двинулся бы не на окраину Россіи, подъ Оренбургъ, а въ центръ, къ Казани и тогда, при отсутствіи тамъ войскъ, могъ произвести такое замѣшательство, результатъ котораго трудно и предвидѣть. На сколько опасно было бы послѣднее движеніе Пугачева, мы увидимъ изъ общаго очерка хода дѣйствій, а теперь должны сказать, что Пугачевымъ въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не руководили никакія соображенія: онъ шелъ куда вели его яцкіе казаки, въ понятіяхъ которыхъ овладѣніе Оренбургомъ, какъ главнымъ пунктомъ края, было первою и самою главною цѣлью. Къ Оренбургу они шли еще и потому, что въ случаѣ неудачи имѣли путь отступленія и могли бѣжать въ Золотую Мечеть, Персію или Турцію, куда и звалъ ихъ Пугачевъ.

Послѣ трехдневнаго пиршества, пьянства и неистовствъ въ Татищевой, Пугачевъ двинулся къ Чернорѣченской крѣпости. На половинѣ пути мятежники остановились на хуторѣ статскаго совѣтника Рычкова, гдѣ всю скотину и домашнихъ птицъ перерѣзали, людей и лошадей забрали съ собой, а строеніе выжгли. Престарѣлый комендантъ Чернорѣчья, премьеръ-маіоръ Краузе, отдавъ въ отрядъ Билова большую часть гарнизона, остался съ людьми больными и къ службѣ неспособными. Еще задолго до приближенія Пугачева онъ донесъ о томъ губернатору и получилъ отъ Рейнсдорпа приказаніе со всѣми оставшимися людьми перейти въ Оренбургъ. Краузе оставилъ Чернорѣченскую крѣпость, но большая часть жившихъ тамъ казаковъ не согласилась идти съ нимъ, и когда пришелъ самозванецъ, то встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью.

Въ Чернорѣченской крѣпости явилась къ Пугачеву дворовая дѣвка капитана Нечаева, взятаго въ плѣнъ въ Татищевой крѣпости¹⁾, и жаловалась самозванцу на жестокое обращеніе съ нею господина. Пугачевъ приказалъ повѣсить Нечаева, а дѣвку оставилъ при себѣ, «которая и была всегда при немъ въ стряпухахъ»²⁾.

¹⁾ Нечаевъ не былъ въ Чернорѣченской крѣпости командиромъ и не заступалъ мѣста маіора Краузе, какъ говоритъ Пушкинъ въ своей *Исторіи Пугачевского бунта*.

²⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Падурова 10 мая 1774 г., Госуд. Арх. VI, д. № 506 и № 512. Съ этою дѣвкой мы встрѣтимся еще при изложеніи дальнѣйшаго хода событій.

Быстрые успѣхи самозванца произвели огромное впечатлѣніе на разнохарактерное населеніе Оренбургской губерніи, и примѣръ Падурова подъ Татищевой подѣйствовалъ на многихъ: командированные въ числѣ 500 человекъ башкирцы не пришли по назначенію и предались самозванцу, а 300 человекъ сеитовскихъ татаръ, посланные къ Билову, возвратились въ Оренбургъ, жители котораго съ ужасомъ узнали о паденіи Татищевой, разбитіи отряда Билова и о занятіи Пугачевымъ Чернорѣченской крѣпости. Всего 28 верстъ отдѣляли теперь самозванца отъ Оренбурга, и на этомъ пространствѣ не было ни одного пункта, способнаго оказать сопротивление мятежникамъ: городъ прямо подпадалъ подъ ихъ удары, а между тѣмъ и онъ находился почти въ беззащитномъ состояніи. За выводомъ большей части полковъ въ дѣйствующія арміи, вся Оренбургская губернія охранялась тремя легкими полевыми командами ¹⁾, нѣсколькими гарнизонными баталіонами и мѣстнымъ казачьимъ населеніемъ. Все это было разбросано на огромномъ протяженіи пограничной линіи, охранявшей наши предѣлы отъ хищничества степныхъ народовъ и, слѣдовательно, не могло быть скоро сосредоточено. Поэтому на первый случай генералъ Рейнсдорпъ предписалъ: 1) коменданту Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру Корфу, командировать въ Оренбургъ съ пяти крѣпостей его дистанціи по 20 человекъ, и 2) оренбургскому оберъ-коменданту, генералъ-маіору Валленштерну, собрать немедленно въ городъ всѣхъ солдатъ изъ ближнихъ отлучекъ и указать каждому баталіону, куда собираться по тревогѣ.

Сообщивъ 24 сентября о появленіи Пугачева и объ угрожающей опасности губернаторамъ сибирскому, казанскому, астраханскому и въ подвѣдомственные ему провинціальныя канцеляріи ²⁾, генералъ Рейнсдорпъ, на другой день послѣ паденія Татищевой крѣпости, и именно 28 сентября, собралъ совѣтъ, въ составъ котораго были приглашены: оберъ-комендантъ, генералъ-маіоръ Валленштернъ, подполковникъ и легкихъ войскъ войсковой атаманъ

¹⁾ Въ каждой командѣ было: двѣ мушкетерскія роты по 146 нижнихъ чиновъ, 52 егеря, 65 драгунъ и четыре орудія; всего въ трехъ командахъ 1,227 человекъ.

²⁾ Въ этомъ отношеніи обвиненіе г. Д. Анучинымъ (см. «Первые успѣхи Пугачева», *Воен. Сборн.* 1869 г., № 5) Рейнсдорпа, будто онъ не сообщалъ никому о происшествіяхъ на Яикѣ, совершенно несправедливо.

Могутовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ, коллежскіе совѣтники: Мясоѣдовъ и Тимашевъ, и директоръ пограничной таможни Обуховъ. Совѣщавшіеся положили: 1) у находящихся въ Оренбургѣ конфедератовъ отобрать оружіе и отправить ихъ тотчасъ же по линіи въ безопасныя мѣста, «даже до Троицкой крѣпости», гдѣ велѣть содержать ихъ подъ строгимъ смотрѣніемъ; 2) всѣ мосты чрезъ Сакмару разломать и «комяги» сжечь или, разломавъ, пустить внизъ по рѣкѣ, дабы непріятель употребить ихъ для себя не могъ; 3) сеитовскихъ татаръ, жившихъ въ особой слободѣ, извѣстной подъ именемъ Каргалы, взять всѣхъ въ городъ и «велѣть имъ по партіямъ переѣзжать», причемъ тѣхъ, которые имѣютъ оружіе, подчинить коллежскому совѣтнику Тимашеву, а безоружныхъ употреблять для тушенія пожаровъ; 4) привести въ исправное состояніе артиллерію, снабдить ее всѣмъ необходимымъ и поручить въ полное распоряженіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Старова-Милюкова, бывшаго прежде полковникомъ артиллеріи; 5) разночинцамъ, имѣющимъ ружья, назначить мѣста для обороны крѣпости, а безоружныхъ опредѣлить для тушенія могущаго случиться внезапно пожара. Первыхъ подчинить оберъ-коменданту, въ помощь которому назначенъ коллежскій совѣтникъ Мясоѣдовъ, а безоружныхъ подчинить директору таможень Обухову; 6) «вслѣдствіе того, г. оберъ-коменданту дать строжайшіе приказы, чтобы никто отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто назначенъ, хотя бы гдѣ и пожаръ увидѣли, отнюдь не отлучались, а буде кто отлучится, того, въ страхъ другимъ, застрѣлить, и 7) всѣ слабыя мѣста города, которыя требуютъ укрѣпленія, велѣть вышереченному статскому дѣйствительному совѣтнику Старову-Милюкову тотчасъ осмотрѣть, и еслибы къ перелазу способныя усмотрѣны были, оное къ предостереженію надлежащимъ образомъ учредить» ¹⁾).

Послѣднее было особенно необходимо, потому что укрѣпленія Оренбурга были въ весьма плохомъ состояніи. Правда, что въ Петербургѣ считали Оренбургъ крѣпостью, построенною по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства и вооруженною 70 орудіями

¹⁾ Постановление совѣта, приложенное къ рапорту Рейнсдорпа въ военную коллегію, отъ 28 сентября. Архивъ Главнаго Штаба, кн. № 1.

разныхъ калибровъ. Укрѣпленія Оренбурга состояли изъ десяти земляныхъ бастіоновъ и двухъ полубастіоновъ, примыкавшихъ къ крутому, правому берегу рѣки Яика. Между бастіонами было устроено четыре выхода изъ города: сѣверный или главный на казанскую или новомосковскую дорогу; восточный—на Егорьевскую слободу, находившуюся тотчасъ за городскимъ рвомъ, и два западныхъ выхода: одинъ за Мѣновой дворъ за рѣкой Яикомъ, а другой по дорогѣ на Чернорѣченскую крѣпость. Таковъ былъ планъ крѣпости, для постройки которой одиннадцать лѣтъ жили въ Оренбургѣ инженерные генералъ-маіоры: сначала Этингеръ, а потомъ Дирисенъ, успѣвшие одѣть камнемъ только три бастіона, а остальные не были даже окончательно насыпаны. Забота ихъ о скорѣйшемъ приведеніи работъ къ окончанію была такъ мала, что ровъ, окружающій городъ, былъ на столько заваленъ пескомъ, глиною и землей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы переѣзжали его на телѣгахъ, въ другихъ—верхами, и только тамъ нельзя было пробраться въ городъ, гдѣ ко рву прилежала каменная стѣна. Ровъ не былъ обнесенъ ни рогатками, ни палисадомъ, а въ крѣпостныхъ воротахъ не было затворовъ¹⁾.

Въ такомъ видѣ крѣпость не могла оставаться въ ожиданіи прибытія мятежниковъ, и потому тотчасъ же приступлено къ очищенію рва, къ устройству въ разныхъ мѣстахъ рогатокъ и рѣшено городскія ворота завалить навозомъ. Съ этою цѣлью «у каждаыхъ воротъ нарочно навозъ былъ заготовленъ»; но вскорѣ распоряженіе это было отмѣнено, какъ ненужное и затруднительное.

Тогда же приведена была въ извѣстность численность защитниковъ, между которыми и распредѣлены пункты обороны города. При этомъ оказалось, что со всевозможными натяжками для защиты Оренбурга можно было собрать 2,906 человекъ²⁾, изъ которыхъ собственно регулярныхъ солдатъ было только 174 человека³⁾, гарнизонныхъ—1,314 человекъ, рекрутъ—105, казаковъ—

¹⁾ Рукописная книга № 559 изъ собранія гр. А. Уварова. Письмо Фёдора Сукина петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г.

²⁾ Къ этому числу надо прибавить 82 человекъ артиллерійскихъ и инженерныхъ служителей, которыхъ было далеко недостаточно для дѣйствія изъ орудій.

³⁾ Алексѣевского пѣхотнаго полка 134 человекъ и 40 человекъ прибывшихъ съ арестантами изъ Архангельской губерніи.

467, татаръ—350 и отставныхъ солдатъ вмѣстѣ съ обывателями 496 человекъ. Изъ этого числа гарнизонные солдаты были по преимуществу люди престарѣлые и плохо вооруженные, рекруты только-что собраны и необучены, татары ненадежны, отставные солдаты калѣки, а обыватели вовсе не вооружены. Что же касается большей части офицеровъ, говоритъ современникъ, «то о томъ лучше я умолчу» ¹⁾).

Съ такимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ стариковъ, людей неподвижныхъ или небывавшихъ на войнѣ, Рейнсдорпу трудно было выдти въ поле, и безъ обоза, съ плохимъ вооруженіемъ дѣйствовать противъ коннаго непріятеля, неимѣющаго точно определенной цѣли и быстро возростающаго въ численности своихъ силъ.

Почти ежедневно въ Оренбургъ получались извѣстія, что сосѣднія селенія инородцевъ принимаютъ сторону мятежниковъ, а 30 сентября было получено допесеніе коменданта Верхне-Озерной дистанціи бригадира Корфа о замѣшательствѣ между находящимися на службѣ калмыками, которые, по его словамъ, самовольно уходятъ съ форпостовъ. Генераль Рейнсдорпъ предложилъ Корфу собрать съ форпостовъ всѣхъ людей и орудія въ Верхне-Озерную крѣпость, гарнизонъ Пречистенской крѣпости съ орудіями отправить въ Оренбургъ, а находящимся въ его дистанціи конфедератамъ «толковать, если они противъ непріятеля съ ревностію поступать будутъ и усердіе свое въ вѣрности докажутъ, то объ отпускѣ ихъ въ отечество къ ея императорскому величеству представлено будетъ» ²⁾).

При такихъ условіяхъ оренбургскій губернаторъ совершенно основательно оцѣнилъ значеніе Оренбурга и важность удержанія его за собою; но рѣшившись защищать городъ, Рейнсдорпъ сдѣлалъ большую ошибку, что не обезпечилъ жителей провіантомъ, который, по словамъ Рычкова, оставался въ брошенной Чернорѣченской крѣпости, и, сверхъ того, могъ быть закупленъ у окрест-

¹⁾ Письмо Федора Сукина отъ 25 ноября 1773 г.

²⁾ Экстрактъ происшествій въ Оренбургѣ, приложенный къ допесенію Рейнсдорпа Сенату отъ 25 ноября 1773 г. Архивъ кабинета Ея Императорскаго Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ныхъ обывателей, въ теченіе нѣсколькихъ дней свободно прїѣзжавшихъ въ городъ «съ хлѣбомъ и со всякимъ харчемъ»¹⁾).

Если затѣмъ оренбургскій губернаторъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей этой эпохи, и не подлежитъ упреку относительно военныхъ мѣръ имъ принятыхъ, то политическія его дѣйствія ниже всякой критики: это рядъ ошибокъ, послужившихъ къ усиленію Пугачева.

Скрывая весьма долгое время отъ жителей истинное положеніе дѣлъ, Рейнсдорпъ лишилъ ихъ возможности запастись продовольствіемъ и далъ пищу различнаго рода толкамъ, особенно усилившимся съ появленіемъ въ городъ агента самозванца.

Послѣ овладѣнія Чернорѣченскою крѣпостью, Пугачевъ отправилъ въ Оренбургъ захваченнаго въ Чернорѣчѣ отставнаго сержанта Ивана Костицына и находившагося въ Разсыпной крѣпости ссыльнаго Семена Демидова. Онъ поручилъ имъ подговорить жителей, чтобы сдались безъ сопротивленія, и если представится случай, то убить губернатора. Подѣхавъ къ Оренбургу, Демидовъ изъ боязни вернулся обратно въ станъ самозванца и «сказалъ ложно, что въ городъ былъ и уговаривалъ жителей, но они на то не соглашались»²⁾), а сержантъ Костицынъ пробрался въ городъ и, пока его схватили, успѣлъ поработать въ пользу мятежниковъ.

По городу стали ходить слухи, что Пугачевъ не простой казакъ, а «другаго состоянія», и что Петръ III дѣйствительно живъ и успѣлъ скрыться изъ Петербурга. Для разсѣянія этихъ толковъ Рейнсдорпъ приказалъ оренбургской губернской канцеляріи написать воззваніе къ жителямъ, которое въ воскресенье, 30 сентября, и было прочитано во всѣхъ церквахъ, по окончаніи службы.

Воззваніе это было слѣдующаго содержанія³⁾:

«По указу ея императорскаго величества, изъ Оренбургской губернской канцеляріи публикація.

«Извѣстно учинилось, что о злодѣйствующемъ съ яицкой сто-

¹⁾ Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта*, А. С. Пушкина.

²⁾ Показаніе ссыльнаго Семена Демидова. Госуд. Арх. VI, д. № 467.

³⁾ Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта*, соч. А. С. Пушкина.

роны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, якобы онъ другаго состоянія не-жели какъ есть; но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйства *наказанъ кнутомъ, съ поставленіемъ на лизъ его знаковъ; но чтобъ онъ въ томъ познанъ не былъ, для того передъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ*, почему нѣкоторые изъ здѣшнихъ, бывшихъ у него въ рукахъ, самовидцы, изъ которыхъ одинъ, солдатъ Демидъ Куликовъ, вчера выѣжавшій, точно засвидѣтельствовать можетъ. А какъ онъ Пугачевъ съ измѣническою его толпой, по учиненіи нѣкоторымъ крѣпостямъ вреда, сюда идетъ, то по причинѣ того ложнаго разглашенія всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ объявляется, что всякъ самъ изъ поступковъ можетъ понять, что онъ Пугачевъ злодѣй и какъ изверженный отъ честнаго общества, старается вѣрноподданныхъ ея императорскаго величества честныхъ рабовъ поколебать и ввергнуть въ бездну гибели, а притомъ имѣніемъ ихъ обогатиться, какъ то онъ въ разоренныхъ мѣстахъ и дѣлаетъ. Въ предвареніе чего всякій увѣщается: во время наступленія его съ измѣническою толпой стараться, для сохраненія общества, дому и имѣнія своего, стоять противъ толпы его до послѣдней капли крови своея, такъ, какъ вѣрноподданнымъ ея императорскаго величества рабамъ надлежитъ и присяжная каждого должность обязуетъ, и отнюдь никакимъ ложнымъ разглашеніямъ не вѣрить».

Одновременно съ чтеніемъ этой публикаціи въ церквахъ, губернаторъ поручилъ оберъ-коменданту объявить ее и войскамъ, съ подтвержденіемъ, чтобы каждый добросовѣстно исполнялъ «присяжную свою должность» и съ назначеннаго ему мѣста до послѣдней капли крови не отступалъ. Всѣ войска были разставлены вдоль оборонительной линіи укрѣпленій, раздѣленной на семь участковъ, причемъ къ каждому изъ 70 орудій было назначено по пяти человѣкъ прислуги ¹⁾.

Публикація губернской канцеляріи не успокоила населенія, а

¹⁾ Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 25 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба. Книга № 2. «Секретныя бумаги и манифесты Пугачева».

напротивъ того, разъяснила ему всю угрожающую опасность, для устраненія которой войскъ было недостаточно и жители призывались къ самозащитѣ. Съ другой стороны, «публикація» послужила въ пользу Пугачева, неимѣвшего на лицѣ наложенныхъ знаковъ, скрываемыхъ подъ шапкой. Оренбургскіе жители, показывалъ впоследствии Пугачевъ ¹⁾, «твердили часто, что я Пугачевъ и бѣглый казакъ, однако же мои не вѣрили и говорили противное. Тутъ же говорено было, да и письменно знать дано, что будто я битъ кнутомъ и рваны ноздри, а какъ онаго никогда не было, то сіе не только въ толпѣ моей разврату не причинило, но еще увѣреніе вселяло, ибо у меня ноздри цѣлы и потому еще больше вѣрили, что я государь».

Такимъ образомъ Рейнсдорпъ сдѣлалъ важную ошибку, допустивъ ложь въ столь серьезномъ дѣлѣ; но ошибка эта была не единственная и вслѣдъ за чтеніемъ публикаціи была сдѣлана вторая. По совѣту коллежскихъ совѣтниковъ Мясоѣдова и Тимашева, губернаторъ поручилъ послѣднему потребовать ссыльно-каторжаннаго Хлопушу къ себѣ въ домъ, куда и самъ вскорѣ пріѣхалъ ²⁾. Хлопуша былъ человѣкъ, лѣтъ двадцать воровавшій и разбойничавшій въ предѣлахъ Оренбургской губерніи, человѣкъ съ вырванными ноздрями, съ поставленными на лицѣ знаками, два раза бѣгавшій изъ Сибири, четыре раза битый кнутомъ и, наконецъ, содержавшійся скованнымъ по рукамъ и ногамъ въ оренбургскомъ острогѣ ³⁾.

¹⁾ Показаніе Пугачева 16 сентября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 506

²⁾ О началѣ яицкихъ неспокойствъ, записка Обухова. Рукописная книга изъ собранія гр. А. Уварова № 559.

³⁾ Родившись въ сел. Мошковицѣ, Тверской губерніи, Хлопуша былъ крестьянинъ вотчины тверскаго архіерея Митрофана и по паспорту жилъ въ Москвѣ, въ извозчикахъ. Познакомившись съ двумя солдатами Коломенскаго полка, онъ вмѣстѣ съ ними былъ пойманъ въ воровствѣ серебряныхъ вещей. Назвавшись въ допросѣ бѣглымъ солдатомъ Черниговскаго полка, Хлопуша былъ отосланъ въ военный кригерехтъ и по конфирмаціи былъ прогнанъ сквозь строй шесть разъ черезъ тысячу человѣкъ. Послѣ наказанія Хлопуша былъ отосланъ въ команду къ майору Есипову, для содержанія съ такими же бѣглыми, откуда черезъ мѣсяцъ бѣжалъ въ свой домъ, гдѣ и жилъ на свободѣ года съ три. Будучи въ Торжкѣ, онъ вымѣнялъ краденую лошадь, былъ оговоренъ и содержался подъ карауломъ. Преосвященный Митрофанъ по просьбѣ крестьянъ заявилъ тверской провинціальной канцеляріи, что Хлопуша человѣкъ весьма дурнаго поведенія и что обыватели не же-

— Я посылаю тебя, Хлопуша, на службу, говорилъ Рейнсдорпъ; — возьми ты четыре указа и поѣзжай въ толпу Пугачева: одинъ отдай яицкимъ казакамъ, другой илецкимъ, третій оренбургскимъ, а четвертый самому Пугачеву; рассказывай всѣмъ, что онъ не государь, и если подберешь партію, то постарайся увести Пугачева въ Оренбургъ.

Хлопуша, конечно, охотно согласился снять съ себя кандалы и получить свободу. Ему были переданы не указы, а увѣщательныя письма, подписанныя наличными генералами и штабъ-офицерами. Въ этихъ письмахъ Рейнсдорпъ и всѣ подписавшіе ихъ уговаривали казаковъ, не вдавая себя въ обманъ и «не ввергаясь въ вѣдущую свою гибель», отстать отъ самозванца. Чтобы не смѣшать писемъ и знать какое кому адресовано, Хлопуша разложилъ ихъ по разнымъ карманамъ и ночью отправился къ Пугачеву, который не воспользовался, повидимому, выгодами своего близкаго положенія къ Оренбургу и на нѣсколько дней отдалился отъ города.

Отъ Чернорѣчья до Оренбурга было всего 28 верстъ, и если бы Пугачевъ шелъ не останавливаясь, то легко могъ овладѣть городомъ; но заявленіе Демидова, что жители Оренбурга не соглашаются его принять, заставило Пугачева подумать объ увеличеніи своихъ силъ, и потому онъ охотно принялъ приглашеніе татаръ Сеитовской слободы побывать у нихъ, а затѣмъ, съ тою же цѣлью увеличенія своей толпы, онъ рѣшилъ соединиться съ яицкими каза-

лаютъ принять его къ себѣ въ общество. Хлопуша былъ высѣченъ кнутомъ и отправленъ на жительство въ Оренбургскую губернію. Поселившись въ Бердинской слободѣ, близъ Оренбурга, Хлопуша женился и ходилъ на работу къ коллежскому совѣтнику Тимашеву, въ село Никольское, потомъ работалъ на Покровскомъ графа А. И. Шувалова мѣдномъ заводѣ. Узнавъ, что съ Ирбитской ярмарки возвращаются четыре татарина на шести лошадяхъ съ деньгами и товаромъ, Хлопуша подготовилъ двухъ крестьянъ и вмѣстѣ съ ними отправился на грабежъ. Связавъ татаръ, грабители отняли у нихъ 28 руб. денегъ, 6 бумажныхъ халатовъ, 12 мерлушекъ и шесть лошадей, но впоследствии были пойманы, и Хлопуша вторично былъ наказанъ кнутомъ, съ вырваніемъ ноздрей, съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ и посланъ въ каторжную работу въ Тобольскъ. Изъ Тобольска онъ бѣжалъ съ намѣреніемъ пробраться въ Верду, гдѣ жила его жена, но въ Сакмарѣ былъ пойманъ, третій разъ высѣченъ кнутомъ и отправленъ въ Омскую крѣпость. Черезъ мѣсяцъ онъ бѣжалъ изъ Омска, былъ опять пойманъ въ Сакмарѣ, высѣченъ четвертый разъ кнутомъ, закованъ въ желѣза и оставленъ въ оренбургской тюрьмѣ.

ками, жившими въ Сакмарскомъ городкѣ. Повернувъ въ лѣвую сторону, самозванецъ двинулся степью на Сеитовскую слободу, известную также подъ именемъ Каргалинской, и тѣмъ далъ возможность жителямъ Оренбурга и его гарнизону приготовиться къ защитѣ.

По дорогѣ къ Каргалу Пугачевъ разграбилъ многіе хутора, въ томъ числѣ и губернаторскій, только за годъ предъ тѣмъ построенный, богато отдѣланный и состоявшій изъ 12 прекрасныхъ комнатъ. При хуторѣ была «съ хорошимъ украшеніемъ» церковь, въ которую яицкіе казаки и татары вѣзжали верхомъ на лошадахъ и разграбили богатую ризницу со всею утварью. Впослѣдствіи у пойманныхъ мятежниковъ находили образа, писанные на холстѣ, вмѣсто потниковъ подъ сѣдлами, «а у Распятія Господня, которое надъ царскими дверьми стояло, усмотрѣнъ гвоздь въ уста пробитый».

Помѣстившись на нѣсколько часовъ въ губернаторскомъ домѣ и устроивъ здѣсь попойку, Пугачевъ приказалъ перебить всѣ стекла въ окнахъ и зеркала, изрубить стулья, столы, канане и кровати. Шелковыя занавѣски и сукно, которымъ были устланы полы, мятежники взяли съ собою ¹⁾).

— Вотъ, господа, говорилъ самозванецъ, смотря на разрушеніе прекраснаго дома,—какъ славно живутъ мои губернаторы, а на что имъ такіе покои, когда я самъ, какъ видите, живу просто.

Въ полдень 1 октября Пугачевъ со своею толпой пріѣхалъ въ деревню Каргалу, гдѣ жители давно приготовились къ встрѣчѣ: на площади разостлали коверъ и поставили парадный стулъ. Какъ только Пугачевъ подѣхалъ и сталъ слѣзать съ лошади, двое татаръ подхватили его подъ руки, а всѣ остальные, снявъ шапки, пали на землю и лежали до тѣхъ поръ, пока самозванецъ не сѣлъ на приготовленный ему стулъ.

— Вставайте, дѣтushки, говорилъ Пугачевъ, ободряя жителей,—гдѣ у васъ люди хорошіе (т.-е. почтенные представители)?

¹⁾ Сказаніе о Пугачевѣ оренбургскаго священника Ивана Полянскаго. Госуд. Арх. VI, д. № 525. Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта* А. С. Пушкина.

— Въ Оренбургѣ всѣ забраны, отвѣчали татары, и стали подходить къ самозванцу и цѣловать протянутую имъ руку.

Приглашеніе татаръ зайти въ ихъ Каргалинскую слободу навело самозванца и его ближайшихъ совѣтниковъ на мысль, что и прочіе инородцы также добровольно и охотно покорятся ихъ власти. «По настоянію Овчинникова, говорилъ Пугачевъ¹⁾, и однимъ словомъ всѣхъ яицкихъ казаковъ и каргалинскихъ татаръ», онъ рѣшился отправить указъ башкирцамъ, и 1 октября каргалинскій татаринъ скакалъ въ Башкирію съ указомъ самозванца, слѣдующаго содержанія²⁾:

«Я во свѣтѣ всему войску и народамъ учрежденный великій государь, явившійся изъ тайнаго мѣста, прощающій народъ и животныхъ въ винахъ, дѣлатель благодѣяній, сладоязычный, милостивый, мягкосердечный русскій царь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ во всемъ свѣтѣ вольный, въ усердіи чистъ и разнаго званія народовъ содержатель и проч., и проч., и проч.

«На семъ свѣтѣ живущему въ городахъ и крѣпостяхъ мнѣ подданному, благодѣтельному и прoderзательному народу съ домашними, т.-е. съ дѣтьми и женами, объявляется сей мой указъ во всѣхъ сторонахъ, какъ-то: на всѣхъ дорогахъ, мѣстахъ, деревняхъ, на перекресткахъ и улицахъ публикуется.

«За нужное нашелъ я желающимъ меня показать и для отворенія на сихъ дняхъ пространно милостивой моей двери, послать нарочнаго къ башкирской области старшинамъ, деревенскимъ старикамъ и всѣмъ малымъ и большимъ; тѣмъ какъ гостинецъ посылаю мои поздравленія. Заблудившіе и изнуренные, въ печали находящіеся, по мнѣ скучавшіе услыша мое имя, ко мнѣ идти, у меня въ подданствѣ и подъ моимъ повелѣніемъ быть желающіе, безо всякаго сумненія идите и какъ прежде сего ваши отцы и дѣды моимъ отцамъ и дѣдамъ же служа выходили противъ злодѣевъ въ походы, проливали кровь, а съ пріятелями были пріятели, такъ и вы ко мнѣ вѣрно, душевно и усердно, безсумненно къ моему свѣтлому лицу и сладоязычному вашему государю, для похода безъ измѣны и

¹⁾ Въ показаніяхъ отъ 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512.

²⁾ Госуд. Арх. VI, д. № 504.

премѣненія сердцовъ и безъ криводушія въ подданство и въ мои повелѣнія идите. А особливо первая надежда на Бога на семь свѣтѣ, мнѣ вольному вашему государю служа душъ вашихъ не пожалѣйте, противъ моего непріятели проливать кровь, когда прикажется быть готовымъ, то изготовьтесь. А что вѣрно я, то для увѣренія васъ своею рукою во всѣ стороны, какъ то и къ вамъ указы посылаю.

«Слушайте! когда на сію мою службу пойдете, такъ и я васъ помилую, а что я вашъ подлинно милостивый государь, признавайте и вѣрйте. Нынѣ я васъ, во-первыхъ, даже до послѣдка землями, водами, лѣсами, жительствовами, травами, рѣками, рыбами, хлѣбомъ, пашнями, денежнымъ жалованьемъ, свинцомъ и порохомъ, какъ вы желали, пожаловалъ по жизни вашу и пребывайте такъ, какъ степные звѣри въ благодѣніяхъ и продерзостяхъ, всѣхъ васъ пребывающихъ на свѣтѣ освобождаю и даю волю дѣтямъ вашимъ и вну-
чатамъ вѣчно.

«Повелѣнія мои послушайте и исполните. А что точно вашъ государь самъ идетъ, то съ усердіемъ вашимъ, для смотрѣнія моего свѣтлаго лица встрѣчу выѣзжайте. А я уповаю на Бога и вамъ подтверждаю отъ такихъ продерзостей размышляя на себя сумненія не возлагайте. Когда же кто на приказанія боярскія въ скоромъ времени положась измѣнить и повстрѣчается моему гнѣву, то таковые отъ меня благодѣнія уже не ожидайте и милости не просите и къ гнѣву моему прямо не идите. Сіе дѣйствительно Божиимъ именемъ подъ присягою я сказываю, послѣ истинно не прощу.

«Доброжелатель великій императоръ государь Петръ Ѳеодоровичъ и царь самъ третій руку приложилъ.

«Сей мой указъ писанъ и скрѣпленъ по исходѣ сентября мѣсяца во вторникъ, то-есть въ Покровъ» ¹⁾).

Отправивъ этотъ указъ и приказавъ всѣмъ каргалинскимъ татарамъ приготовиться къ походу, Пугачевъ 2 октября направился къ Сакмарскому городку.

¹⁾ На конвертѣ было написано: «Между народомъ красивый и сладкоязычный сей написанный указъ, отъ высоковременнаго и высокопочтеннаго, величайшаго императора и царя Петра Ѳеодоровича слѣдуетъ въ Башкирскую область».

За нѣсколько дней до его прихода была прислана въ городокъ изъ Оренбурга небольшая команда Алексѣевского полка, при двухъ офицерахъ, которымъ атаманъ Донской сдалъ бывшія въ городкѣ четыре пушки, порохъ и боевые заряды, а самъ уѣхалъ въ Оренбургъ. Недостатокъ войскъ въ Оренбургѣ заставилъ Рейнсдорпа потребовать эту команду обратно, приказавъ всѣмъ престарѣлымъ и малолѣтнимъ казакамъ съ семействами переселиться въ Красногорскую крѣпость, а атаману Донскому со служащими казаками, оставивъ только въ городкѣ 20 человекъ для почтовой гоньбы, идти въ Оренбургъ. Такъ какъ атамана Донскаго не было въ городкѣ, то оставшійся послѣ него старшимъ есауломъ Яковъ Крушинъ собралъ къ себѣ престарѣлыхъ казаковъ и приказалъ имъ приготовиться къ переселенію съ семействами въ Красногорскую крѣпость.

— Зачѣмъ намъ туда идти? говорили казаки:—пойдемъ лучше въ Оренбургъ.

Казаки просили Крушина съѣздить въ Оренбургъ и испросить на то позволеніе губернатора. Возвратившись въ тотъ же день обратно, Крушинъ объявилъ, что ему приказано забрать изъ города порохъ, всѣ снаряды и идти въ Оренбургъ только со служащими казаками.

— А вы какъ хотите, говорилъ онъ старикамъ,—буде желаете, то идите въ Красногорскую крѣпость, а если не желаете, то оставайтесь дома.

Положивъ орудія и припасы на подводы и взявъ всѣхъ служащихъ казаковъ, Крушинъ отправился въ Оренбургъ, а для почтовой гоньбы и управленія престарѣлыми и малолѣтками оставилъ станичнаго писаря Ивана Бородина.

Въ ночь съ 1 на 2 октября пріѣхали въ Сакмарскій городокъ нѣсколько человекъ яицкихъ казаковъ, въ томъ числѣ Максимъ Шигаевъ и Петръ Митрасовъ, шурины Донскаго. Остановившись въ домѣ атамана, они поручили Дмитрію Донскому, отцу атамана, собрать къ себѣ народъ. Увидѣвъ въ числѣ собравшихся священника Ивана Михайлова, Шигаевъ и Митрасовъ обратились прежде всего къ нему.

— Здравствуй, батюшка, говорили они,—мы пріѣхали къ вамъ съ указомъ отъ государя.

— Государь скончался, замѣтилъ священникъ.

— Врешь, батька, онъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой; вотъ и указъ его, читай.

— Я плохо вижу, отвѣчалъ священникъ.

Тогда прибывшіе предложили прочитатъ указъ писарю Бородину. Подъ предлогомъ глазной болѣзни, Бородинъ также отказался отъ чтенія и бумага эта была передана жившему въ Сакмарскомъ городкѣ отставному солдату Степану Подхилимову. По прочтеніи манифеста, въ которомъ требовалось, чтобы всѣ были покорны и служили императору Петру III, яицкіе казаки уѣхали, предупредивъ народъ, что завтра будетъ въ городокъ самъ государь.

На утро 2 октября пріѣхало въ Сакмарскъ человекъ 30 казаковъ и, объявивъ собравшемуся у станичной избы народу, что государь Петръ Ѳедоровичъ съ арміею слѣдуетъ въ городокъ, требовали, чтобы населеніе встрѣтило его съ хлѣбомъ-солью. Сакмарцы повиновались. Попъ Иванъ Михайловъ взялъ крестъ, дячокъ Максимъ Ѳедоровъ—образъ, а старики-казаки хлѣбъ-соль и въ сопровожденіи толпы пошли за городъ до околицы, гдѣ на избранномъ мѣстѣ разостлали кошму (войлокъ), поставили на ней столъ, положили на немъ хлѣбъ-соль, а для самозванца поставили стулъ. Какъ только показался Пугачевъ, ѣхавшій верхомъ, населеніе сняло шапки, а когда сталъ сходить съ лошади, то всѣ пали на землю. Самозванецъ приложился ко кресту, поцѣловалъ хлѣбъ-соль и сѣлъ на стулъ.

— Вставайте, дѣтушки, произнесъ Пугачевъ и протянулъ свою руку, которую сакмарцы, подходя поочередно, съ почтеніемъ цѣловали.

— Гдѣ ваши казаки? спросилъ самозванецъ.

— Одни на службѣ, а другіе забраны въ Оренбургъ, отвѣчали ему,—а для почтовой гоньбы оставлено двадцать человекъ, да и тѣхъ здѣсь нѣтъ.

— Чтобы были, сказалъ строго Пугачевъ, обращаясь къ священнику;—для того тебѣ приказываю, что ты священникъ и атаманъ, а если не сыщете, то только и жить будете.

По окончаніи цѣлованія руки, Пугачевъ сѣлъ опять на лошадь и при колокольномъ звонѣ отправился въ городокъ, и прямо въ

церковь, гдѣ священникъ Михайловъ служилъ молебень и упоминалъ имя императора Петра III. Послѣ молебна самозванецъ отправился въ домъ атамана, а большая часть его толпы, переправившись чрезъ рѣку Сакмару по мосту, расположилась лагеремъ недалеко отъ городка.

Старикъ Дмитрій Донской, отецъ атамана, приготовилъ обѣдъ для Пугачева и его приближенныхъ.

— Если бы сынъ твой, говорилъ ему самозванецъ, — былъ здѣсь и при своей командѣ, то обѣдъ вашъ былъ бы высокъ и честенъ, но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Сынъ твой какой атаманъ, если свое мѣсто покинулъ?

Сытно пообѣдавъ, и пьяный конечно, Пугачевъ хотѣлъ было достойнымъ образомъ отблагодарить хозяина. Онъ приказалъ взять Дмитрія Донскаго и повѣсить за измѣну сына, но приближенные испросили помилованіе и старикъ отдѣлялся тѣмъ, что былъ закованъ и посаженъ въ станичную избу; домъ же атамана былъ разграбленъ. Самозванецъ отправился въ лагерь, гдѣ и ночевалъ. На другой день толпа задержала въ разныхъ мѣстахъ трехъ чело-вѣкъ, высланныхъ изъ Оренбурга для разузнанія о мятежникахъ. Пугачевъ приказалъ ихъ повѣсить, а вслѣдъ затѣмъ ему доложили о прибытіи изъ Сакмарска казаковъ, оставленныхъ для почтовой гонимы. Самозванецъ обошелся съ ними ласково и приказалъ имъ присоединиться къ своей толпѣ ¹⁾.

— Сколько изволите приказать взять съ собою провіанта? спрашивали казаки.

— Возьмите съ собою краюшку хлѣба, отвѣчалъ Пугачевъ, — вы проводите меня только до Оренбурга.

Отпустивъ казаковъ обратно въ городокъ для приготовленія къ походу, Пугачевъ остался съ Шигаевымъ и среди разговора замѣтилъ, что къ нимъ приближается чело-вѣкъ съ вырванными ноздрями и поставленными на лицѣ знаками. То былъ Хлопуша.

¹⁾ Показанія священника гор. Сакмары Ивана Михайлова, сотника Тимофея Падурова 10 мая 1774 г. и станичнаго писаря Ивана Бородина 13 мая 1774 г. Гос. Арх. VI, д. №№ 467 и 506. Показаніе крестьянина села Богоруслана Алексѣя Кирилова 7 октября 1773 г. Архивъ Главн. Штаба. Кн. № 1, листъ 49.

Выйдя ночью из Оренбурга и зная гдѣ искать самозванца, Хлопуша направился въ свою родную слободу Берду и на дорогѣ встрѣтился со знакомымъ ему кузнецомъ Сидоромъ.

— Не знаешь ли гдѣ стоитъ Пугачевъ? спросилъ онъ кузнеца.

— Онъ стоитъ на Старицѣ рѣки Сакмары, на самомъ берегу, отвѣчалъ Сидоръ, а чтобы тебѣ примѣтно было, то увидишь повѣшенныхъ трехъ человѣкъ.

Хлопуша отправился по указанію и подойдя къ Пугачеву и Шигаеву, поклонился.

— Ты что за человѣкъ и откуда? спросилъ самозванецъ.

— Это, ваше величество, Хлопуша, самый бѣдный человѣкъ, сказалъ Шигаевъ, сидѣвшій съ каторжникомъ въ одномъ острогѣ въ Оренбургѣ, когда судились лиціе казаки.

Хлопуша подаль Пугачеву всѣ четыре пакета, данные ему Рейнсдорпомъ. Самозванецъ приказалъ положить ихъ къ себѣ на столъ и накормить Хлопушу, а самъ отправился съ молодыми казаками въ степь, на скачку и джигитовку. Возвратившись въ свою кибитку, Пугачевъ потребовалъ къ себѣ Хлопушу.

— Кто ты и откуда? повторилъ самозванецъ свой вопросъ.

— Я оренбургскій ссыльный и присланъ къ тебѣ отъ оренбургскаго губернатора, съ тѣмъ чтобы въ толпѣ вашей людямъ отдать указъ, коимъ повелѣно, чтобы отъ тебя народъ отсталъ и пришелъ къ ея величеству съ повинною, да и тебя бы изловили. Мнѣ приказано также, чтобы у тебя сжечь порохъ и заклепать пушки, но я этого ничего дѣлать не хочу, а желаю послужить вамъ вѣрою и правдой.

— Развѣ лучше тебя, говорилъ шута Пугачевъ, — некого было губернатору послать?

— Я, ваше величество, этого не знаю, отвѣчалъ Хлопуша.

— Знать у губернатора только и дѣло, что людей бить кнутомъ да ноздри рвать.

Самозванецъ приказалъ своему секретарю Почиталину подать ему пакеты, принесенные Хлопушею, распечаталъ ихъ и, показывая видъ будто читаетъ, повертѣлъ предъ глазами, а затѣмъ приказалъ разорвать и бросить въ огонь.

— Что же ты, Хлопуша, спросилъ Пугачевъ, — въ Оренбургъ хочешь ѣхать обратно, или у меня служить?

— Зачѣмъ мнѣ, батюшка, въ Оренбургъ ѣхать, я желаю вашему величеству служить.

— Полно, ты подосланъ къ намъ, говорилъ Овчинниковъ, — и подмѣтя все, уйдешь отсюда. Лучше скажи правду, а то повѣсимъ.

— Я всю правду сказалъ, отвѣчалъ Хлопуша.

— Есть ли же у тебя деньги? спросилъ самозванецъ.

— Четыре алтына только.

Пугачевъ вынулъ изъ кармана семь рублей, отдалъ ихъ Хлопушѣ, чтобъ онъ купилъ себѣ платье.

— Какъ издержишь, сказалъ онъ, — приходи опять ко мнѣ; также скажи, когда не будетъ у тебя хлѣба.

Хлопуша поблагодарилъ и вышелъ, а Овчинниковъ совѣтовалъ Пугачеву не довѣрять словамъ присланнаго.

— Воля твоя, говорилъ онъ, — прикажи его повѣсить; онъ плутъ, уйдетъ и все что здѣсь увидитъ, тамъ перескажетъ, а притомъ и людей нашихъ станетъ подговаривать.

— Пусть его бѣжитъ и скажетъ, въ этомъ худаго нѣтъ; безъ одного человѣка армія пуста не будетъ.

Пугачевъ приказалъ только первое время слѣдить за всѣми дѣйствіями Хлопуши, и какъ доноса не было, то онъ скоро былъ освобожденъ ото всякаго надзора ¹⁾).

Двигаясь сначала на Каргалинскую слободу, а потомъ на Сакмарскій городокъ, Пугачевъ, какъ человѣкъ вовсе незнакомый съ географическимъ положеніемъ этихъ пунктовъ, имѣлъ въ виду одну цѣль: увеличить свою толпу. Каргалинская слобода «имѣющимся въ ней дворовымъ числомъ» равнялась Оренбургу ²⁾ и, слѣдовательно не воспользоваться приглашеніемъ столь значительнаго населенія значило отказаться отъ увеличенія своихъ силъ по крайней мѣрѣ пятью-стами человѣкъ. Близъ Каргалинской

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. №№ 467 и 512.

²⁾ Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ «Исторіи Пугачевского бунта» А. С. Пушкина, § 24.

слободы находился Сакмарскій городокъ, населенный 250 — 300 яицкихъ казаковъ, отъ содѣйствія которыхъ отказаться также было невозможно, потому что все это были люди наиболѣе надежные, лучший контингентъ толпы мятежниковъ ¹⁾).

Все это привело Пугачева въ Сакмарскій городокъ, но когда онъ занялъ его, то все-таки не замѣтилъ, что кромѣ комплектованія толпы приобрѣтались весьма важныя выгоды. Мятежники овладѣли обоими берегами р. Сакмѣры и тѣмъ отрѣзали Оренбургъ отъ Россіи, лишили его возможности снабдить себя продовольствіемъ и тогда уже поставили городъ почти въ блокадное положеніе. Изъ Сакмарска можно было слѣдить за поддержаніями, идущими къ Оренбургу, какъ съ Самарской линіи и московской дороги, такъ съ Верхне-Яицкой линіи и изъ Сибири. Если бы Пугачевъ и его сообщники поняли важное стратегическое положеніе Сакмарскаго городка, то для обезпеченія своего тыла оставили бы въ немъ часть своихъ силъ и подъ прикрытіемъ этого отряда могли свободно дѣйствовать подъ Оренбургомъ. Но двигатели мятежа поступили иначе; они забрали съ собою изъ Каргалы и Сакмарска все населеніе, способное носить оружіе, и оставили въ этихъ пунктахъ однихъ престарѣлыхъ и дѣтей ²⁾.

Собираясь идти къ Оренбургу и желая подготовить себѣ нѣкоторый успѣхъ, Пугачевъ отправилъ въ городъ два указа, изъ коихъ одинъ былъ на имя губернатора, а другой на имя оренбургскаго атамана, подполковника Могутова. Самозванецъ обнадеживалъ атамана, что за вѣрность и службу награжденъ будетъ кафтаномъ, рѣками, озерами, бородой, крестомъ и пр. Воззваніе же къ губернатору было слѣдующаго содержанія:

¹⁾ О каргалинскихъ татарахъ и сакмарскихъ казакахъ Пугачевъ свидѣтельствуеъ, что это были лучшіе дѣятели въ его шайкѣ и «во все время его злодѣяній безотлучны». См. показаніе Пугачева 4 ноября 1774 г. Госуд. Арх. VI, д. № 512.

²⁾ Говоря о занятіи Сакмарскаго городка, мы не можемъ согласиться со словами Д. Анучина (*Воен. Сборн.* 1869 г. № 5, 31), будто «Пугачевъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ военнымъ тактомъ». Можно ли допустить военный тактъ и сообщенія у челоука, незнающаго карты, неимѣющаго никакого понятія о мѣстности, спрашивающаго у своихъ приближенныхъ куда идти, что дѣлать и гдѣ находится указываемый ему пунктъ. Если самозванецъ имѣлъ военный тактъ и сознавалъ важное значеніе Сакмарскаго городка, то почему онъ не воспользовался его значеніемъ, не укрѣпилъ его и не оставилъ въ немъ надежнаго гарнизона?

«Сей мой именной указъ Оренбургской губернской канцеляріи и господину губернатору Рейнъздорпу и рядовымъ казакамъ и всякаго званія людямъ мое именное повелѣніе.

«Какъ дѣды и отцы ваши служили предкамъ моимъ, такъ и вы послужите мнѣ великому государю вѣрно и неизмѣнно до капли своей крови, а какъ я къ Оренбургу къ городу прибуду, такъ все съ усердіемъ могли соотвѣтствовать достойно лицу моему. Второе, когда вы исполните мое именное повелѣніе и за то будете жалованы чинами и напредки ваши рякою и землею и травами и морями и денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ и свинцомъ и порохомъ и вѣчною вольностію и повелѣніе мое исполните со усердностію меня государя встрѣчайте, то совершенно меня за оное приобрести можете къ себѣ мою монаршескую милость. А ежели вы моему указу противиться будете, то въ скорости восчувствуете на себѣ праведный гнѣвъ мой и власти Всевышняго создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ. Никто тебя (губернатора) отъ сильныя нашея руки защититъ не можетъ» ¹⁾).

Въ отвѣтъ на это изъ Оренбурга былъ отправленъ 2 октября, подписанный многими лицами указъ слѣдующаго содержанія ²⁾:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской.

«Находящимся при самозванцѣ яицкимъ и илецкимъ казакамъ.

«Къ крайнему всякаго прискорбію оказались вы въ такомъ состояніи, что забывъ страхъ Божій и учиненную въ вѣрности Ея Императорскому Величеству присягу, повѣряя лестному и совѣщамъ на лжи основанному представленію самозванца, отважились на такое злое и богомерзкое дѣло, о коемъ всякъ разумъ имѣющій безъ внутреннего содроганія пребыть не можетъ, что вы приставъ къ нему, какъ ослѣпленные погружаете себя у Бога и у цѣлаго свѣта во

¹⁾ Архивъ главнаго штаба. Книга № 1, листъ 71.

²⁾ Указъ этотъ подписали: Иванъ Рейндорпъ, Карлъ Велленстернъ, Василій Старовъ-Милюковъ, Петръ Рычковъ, Иванъ Мясоѣдовъ, Иванъ Тимашевъ, подполковникъ Василій Могутовъ, Михайло Ушаковъ, артиллеріи майоръ Иванъ Норовъ, баталіонный командиръ премьеръ-майоръ Францъ Даллеровскій, баталіонный командиръ Ѳеодоръ Шкапскій, майоръ Василій Молостовъ и баталіонный командиръ секундъ-майоръ Иванъ Скирмантовъ.

глубину погибели. Но какъ таковымъ должно напослѣдокъ придти во свѣтъ разума и самого себя познаніе, то васъ все здѣшнее общество прилежно увѣщаетъ отъ всѣхъ производимыхъ вами злыхъ дѣлъ совершенно отстать и быть на свѣтѣ человѣками. А какъ вы очень важное преступленіе уже учинили, то вотъ вамъ къ утоленію высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва средство: реченнаго самозванца постараться поймать и представить, черезъ что можете удостоить себя въ томъ вашемъ злодѣяніи здѣшняго у Ея Императорскаго Величества предстательства, которое, конечно, учинить не оставлено будетъ. А ежели сердце ваше такъ ожесточилось, что сіе увѣщаніе не проникнетъ, то остается непремѣнно погигать вамъ, какъ въ семъ вѣкѣ, такъ и въ будущемъ. Причемъ дается вамъ знать, что упомянутый самозванецъ бѣглый изъ Казани донской казакъ, именемъ Емельянъ Пугачевъ, который предъ симъ въ равномѣрномъ злодѣяніи въ Астраханской губерніи пойманъ и жестоко наказанъ былъ, слѣдовательно такому человѣку, который честнаго общества изверженъ, мерзить и удаляться должно».

Конечно, переписка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій, и 3 октября передовыя толпы мятежниковъ показались въ виду Оренбурга почти въ то самое время, когда отрядъ майора Наумова стягивался въ городъ.

Будучи отправленъ полковникомъ Симоновымъ въ погоню за Пугачевымъ и имѣя въ своемъ отрядѣ 246 человѣкъ пѣхоты и 378 казаковъ¹⁾, Наумовъ двинулся вверхъ по Яику. Не догнавъ мятежниковъ и получивъ по дорогѣ извѣстіе о значительномъ увеличеніи толпы самозванца, Наумовъ предпочелъ переправиться на противоположный берегъ рѣки Яика и прямо степью направился къ Оренбургу. Прибытіе Наумова было встрѣчено жителями съ большимъ восторгомъ и, по словамъ Рейнсдорпа, «Оренбургская крѣпость, въ случаѣ атаки, въ состояніе пришла»²⁾.

¹⁾ Экстрактъ изъ журнала, веденнаго въ Оренбургѣ и представленнаго Рейнсдорпомъ Сенату при рапортѣ отъ 25 ноября. Рапортъ Симонова Сенату 12 октября 1773 г. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

²⁾ Тамъ же.

III.

Появление Пугачева под Оренбургомъ. — Состояніе Казанской губерніи и мѣры къ ея защитѣ. — Петербургъ въ концѣ 1773 года. — Извѣстіе въ столицѣ о появленіи самозванца и его успѣхахъ. — Мѣры правительства къ подавленію возстанія. — Назначеніе генераль-маіора Кара. — Инструкціи ему данныя. — Первый манифестъ о Пугачевѣ. — Распоряженія Военной Коллегіи и сибирскаго губернатора по отправленію войскъ къ Оренбургу.

При первыхъ извѣстіяхъ о появленіи Пугачева, оренбургскій губернаторъ, генераль Рейнсдорпъ, писалъ казанскому, фонъ-Брандту, что намѣренія самозванца по всей вѣроятности заключаются въ томъ, чтобъ идти въ Казанскую губернію «помѣщичьими жителями, преклоняя на свою сторону крестьянъ и обольщая ихъ дачею вольности».

Трудно сказать, на чемъ Рейнсдорпъ основывалъ свои предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ самозванца; тѣмъ не менѣе сообщеніе это озадачило Брандта и вызвало съ его стороны усиленную дѣятельность.

Казанская губернія была почти беззащитна: изъ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ, находившихся въ Казани, большая часть была командирована для набора рекрутъ и для конвоирования арестантовъ, отправляемыхъ въ Сибирь огромными партіями. Оставшихся налицо нижнихъ чиновъ такъ мало, доносилъ Брандтъ ¹⁾, «что не только поиску и истребленія реченной сильной, злодѣйской шайкѣ, но и обороны противъ ихъ воровскаго нападенія дѣлать нехѣмъ». На мѣстное населеніе въ защитѣ границъ губерніи полагаться было невозможно, потому что «земледѣльцы разныхъ родовъ, а особливо помѣщичьи крестьяне, по ихъ легкомыслію, въ семъ случаѣ весьма опасны, и нѣтъ надежды, чтобы помѣщики крестьянъ своихъ съ пользою могли употребить себѣ и обществу въ оборону».)

Всю надежду генераль Брандтъ возлагалъ на поселенія остав-

¹⁾ Сенату отъ 3 октября 1773 г. Госуд. Арх. VI, дѣло № 414. Донесеніе Брандта Военной Коллегіи отъ 2 октября 1773 г. № 39.

ныхъ солдатъ, которые хотя не имѣли оружія и «забывъ военные обряды, совсѣмъ сдѣлались мужиками», но на этотъ разъ могли считаться единственными защитниками границъ Казанской губерніи. На этомъ основаніи завѣдывавшему поселеніями отставныхъ нижнихъ чиновъ, генераль-маіору Миллеру, было приказано собрать на первый разъ отъ 200 до 500 человѣкъ и расположить ихъ по рѣкѣ Черемшану, протекавшей по границѣ губерніи. Казанскому архіепископу Веніамину предложено, при помощи подчиненнаго ему духовенства, употребить всѣ мѣры къ отклоненію населенія отъ содѣйствія самозванцу. Веніаминъ назначилъ 5 октября торжественное богослуженіе въ соборѣ. Онъ выѣхалъ изъ монастыря въ большомъ экипажѣ («берлинѣ»), отдѣланномъ золотомъ, на шестеркѣ лошадей въ шорахъ. Кучеръ былъ одѣтъ въ нѣмецкій кафтанъ, съ огромными обшлагами и въ трехугольной шляпѣ, а впереди ѣхали двое верховыхъ въ зеленыхъ епанчахъ, одинъ держалъ на рукѣ архіерейскую мантию, а другой—посохъ. На паперти собора, высокопреосвященный Веніаминъ надѣлъ мантию, взялъ въ руки посохъ и вошелъ въ церковь, а послѣ литургіи вышелъ къ народу, публично проклялъ Пугачева и предалъ его анаемѣ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ казанскій архіепископъ приказалъ отобрать отъ всѣхъ священниковъ подписки, въ томъ, что они постараются своихъ прихожанъ «отъ помянутаго противнаго и опаснаго всему обществу случая отвратить». Духовнымъ правленіямъ и консисторіямъ вмѣнено въ обязанность отправить священниковъ по возможности въ каждое село и поручить имъ убѣждать населеніе, что принявшій на себя имя императора Петра III есть самозванецъ, бѣглый Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, и что всѣ кто примутъ его сторону будутъ преданы вѣчному проклятію²⁾.

Между тѣмъ, генераль-маіоръ Миллеръ успѣлъ собрать 730 отставныхъ солдатъ, изъ коихъ 170 человѣкъ было конныхъ, на собственныхъ лошадяхъ, и 560 человѣкъ пѣшихъ. Раздѣленные

¹⁾ Рапортъ преосвященнаго Веніамина Св. Синоду, отъ 9 октября 1773 года. Арх. Синода, дѣло № 145.

²⁾ Донесеніе преосвященнаго Веніамина Св. Синоду 15 ноября 1774 года. Государств. Арх. VI, дѣло № 468.

на два отряда, поселенцы были расположены: въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и Черемшанской крѣпости, на половинѣ пути отъ Кичуя до Ставрополя. На подкрѣпленіе ихъ было прислано потомъ еще 224 человѣка, и 60 человѣкъ отправлено для защиты пригородовъ Тинска и Ерыклинска. Сверхъ того, собрано было до 700 поселенныхъ солдатъ, на обязанность коихъ возложено охраненіе своихъ жилищъ, а для защиты устья Черемшана приказано спуститься на лодкахъ по Волгѣ командѣ въ 30 человѣкъ, назначенныхъ для сыску и преслѣдованія воровъ ¹⁾).

Получивъ извѣстіе о волненіи въ Башкиріи, генералъ Брандтъ отправилъ туда секундъ-маіора Тевкелева, который донесъ, что башкирцы изъявили ему усердное желаніе служить императрицѣ, и что онъ ничего сомнительнаго въ нихъ не видитъ. Успокоенный съ этой стороны, казанскій губернаторъ пригласилъ дворянъ вооружить своихъ людей сколько кто можетъ и содѣйствовать ему въ охраненіи границъ губерніи. Дворяне откликнулись на призывъ, вооружили дворовыхъ людей и подъ водительство Ѳедота Михайловича Веригина отправились за рѣку Каму прикрывать границы Казанской губерніи. «Хотѣли было», писалъ Платонъ Любарскій ²⁾), «созвать охотниковъ изъ конфедератовъ, но извѣстясь, что они въ Оренбургѣ невѣрность оказали, оставили ихъ въ покоѣ». Взамѣнъ того приказано было уничтожить нѣкоторые не особенно важные посты и возвратить нижнихъ чиновъ, отправленныхъ для приѣма и препровожденія рекрутъ, причемъ находившіеся въ Кунгурѣ и Хлыновѣ должны были слѣдовать въ Казань, а изъ Пензы—въ Симбирскъ ³⁾).

Всѣ эти мѣры лишь въ слабой степени обезпечивали границы Казанской губерніи, въ особенности потому, что, по получавшимся

¹⁾ Донесеніе Миллера Сенату 27 октября 1773 года и 14 октября 1774 года, Государств. Арх. VI, дѣла №№ 466 и 504. Сравн. со статьей Д. Мордовцева: «Русскіе государственные дѣятели» и проч. (*Отечественныя Записки*, 1868 г., № 8), гдѣ авторъ совершенно произвольно обращается съ цифрами и историческими фактами, смотря по тому, какой подборъ ему нуженъ.

²⁾ Архимандритъ Спасо-Казанскій въ письмѣ къ Н. Н. Вантышъ-Каменскому отъ 24 октября 1773 года. Госуд. Арх. IV, дѣло № 527.

³⁾ Рапортъ Брандта Военн. Коллегіи 3 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба въ Петербургѣ, книга № 1.

ежедневно свѣдѣніямъ, сельское населеніе въ большинствѣ сочувствовало самозванцу.

«Удивленія достойно», писалъ Брандтъ ¹⁾, «что сей злодѣй такую на себя, какъ говорятъ, важность принялъ, что куда въ крѣпость ни придетъ, всегда къ несмысленной черни оказываетъ свое сожалѣніе, якобы и подлинно государь о своихъ подданныхъ, что онъ ничего донынѣ не зналъ въ какомъ они утѣсненіи и бѣдности находятся. Тѣми своими лъстивыми словами и обнадеживаньями и уловляетъ глупыхъ сихъ людей. Почему, по легкомыслію подлаго народа, если онъ скоро не истребится и ворвется въ Казанскую губернію, не безопасно есть. И хотя онъ угрожаетъ, что пойдетъ къ Казани ²⁾, однакожъ, мнится, что онъ не оставитъ степи, и конечно будетъ, защищаясь съ одной только стороны, стараться перейти черезъ Волгу около Самары и пробраться къ Дону въ разсужденіи томъ, что когда еще онъ, по поимкѣ въ Малыковѣ, содержался здѣсь подъ карауломъ, то допросомъ показывалъ, что недоброхотствующимъ яицкимъ казакамъ говорилъ: если они согласятся идти на Донъ, то для нихъ приготовлены тамъ и деньги ³⁾. Посему я теперь всѣ силы напрягаю разсѣянные баталіоны и разныя команды, елико можно, собрать, *также дворянъ, съ ихъ людьми вооружа, приготовить: казанскихъ у Камы, а симбирскихъ у Волги*, дабы не перепустить чрезъ нихъ и наблюдать, въ которую сторону кинется и туды всѣ силы обратить. Весьма предосудительно, что такой великій городъ, какой есть Казань, *да и почти въ самой Азии*, гдѣ всегда должно быть въ осторожности и другимъ прилежащимъ частямъ, въ случаѣ какихъ злодѣйскихъ предпріятій, вспоможеніе дѣлать, а не имѣть не только довольно военныхъ людей, но самаго нужнаго оружія и артиллеріи, ибо когда потребовалъ ее, то

¹⁾ Въ письмѣ кн. М. Н. Волконскому, отъ 3 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба въ Петербургѣ, книга № 1.

²⁾ Въ то время ни Пугачевъ, ни ближайшіе его совѣтники не заходили такъ далеко и не помышляли о движеніи на Казань; они ограничивались желаніемъ взять Оренбургъ.

³⁾ Генералъ Брандтъ не помнилъ точно показаній Пугачева и рѣку Донъ смѣшалъ съ рѣкою Кубанью. Вообще предположенія его, куда двинется Пугачевъ, лишены всякаго значенія и не имѣютъ за собой ни малѣйшей вѣроятности.

въ здѣшнемъ цейхгаузѣ нашелъ не больше двухъ единороговъ, да и тѣ посылаю къ Миллеру, а еще осталось четыре пушки, но почти къ употребленію негодныя, которыя также велѣлъ приготовить».

Что касается ручнаго огнестрѣльнаго оружія, то во всей Казани нашлись годныхъ сто сорокъ три ружья и сто паръ пистолетовъ, да и тѣ принадлежали Московскому легіону. Отправивъ это оружіе также въ распоряженіе генерала Миллера, казанскій губернаторъ собралъ все негодное оружіе, хранившееся въ складахъ, призвалъ къ себѣ городскихъ слесарей и приказалъ имъ исправить что было можно. По мѣрѣ исправленія, ружья и пистолеты отправлялись партіями въ Кичуй, но ихъ было слишкомъ мало, и потому генералъ фонъ-Брандтъ просилъ главнокомандующаго въ Москвѣ князя М. Н. Волконскаго прислать ему оружіе и войска, такъ какъ бывшихъ въ его распоряженіи считалъ недостаточными для усмиренія края и захвата самозванца.

Получивъ эту просьбу въ шестомъ часу пополудни 8 октября, князь Волконскій оцѣнилъ вполне положеніе дѣлъ и опасаясь, чтобы «пламя не вышло», на другой же день отправилъ въ Казань триста человекъ Томскаго полка съ однимъ орудіемъ ¹⁾. Приказавъ имъ слѣдовать на ямскихъ подводахъ, Волконскій сообщилъ объ этомъ президенту Военной Коллегіи, графу З. Г. Чернышеву, и высказалъ мнѣніе о необходимости потушить волненіе какъ можно скорѣе ²⁾.

Письмо московскаго главнокомандующаго было получено въ Петербургѣ въ ночь на 14 октября, а вслѣдъ затѣмъ были получены рапорты оренбургскаго и казанскаго губернаторовъ и тотчасъ же представлены императрицѣ ³⁾. Извѣстіе о появленіи само-

¹⁾ Большаго числа войскъ князь Волконскій отправить не могъ, такъ какъ за конвоированіемъ партій, отправляемыхъ въ Сибирь на поселеніе, и командированныхъ для приѣма рекрутъ, у него оставалось столько, что едва можно было занять заставы отъ чумы и содержать караулы въ Москвѣ.

²⁾ Письмо князя Волконскаго графу Чернышеву 9 октября 1773 года. Арх. Гл. Штаба, книга № 1.

³⁾ Г. Р. Державинъ въ своихъ *Запискахъ* написалъ, будто извѣстіе о появленіи Пугачева получено было въ С.-Петербургѣ въ день свадьбы Павла Петровича, 29 сентября. Въ 1869 году г. Д. Анучинъ (*Военный Сборникъ*, 1869 года, № 5) ука-

званца и его успѣхахъ было совершенно неожиданно для столицы, и значительно усиливало затруднительность положенія, въ которомъ находились правительство и сама императрица.

1773 годъ былъ не изъ блестящихъ годовъ въ исторіи Россіи и начался при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Еще съ конца предшедшаго и въ теченіе всего этого года, въ Петербургѣ происходила борьба парцій династическихъ и политическихъ, среди которыхъ положеніе императрицы было крайне щекотливо. Недавній раздѣлъ Польши возбудилъ зависть державъ, непринимавшихъ участія въ этомъ раздѣлѣ и вызвалъ интриги въ особенности со стороны Франціи.

Работая усердно въ Константинополѣ и стараясь отклонить Порту отъ согласія на уступки, требуемыя Россіей, Франція въ то же время обѣщала снабдить средствами короля Шведскаго, дабы онъ явился опаснымъ сосѣдомъ Россіи. Отношенія наши къ Швеціи были до того натянуты, что въ Петербургѣ принимались мѣры, необходимыя на случай наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ Финляндіи. Галеры и всѣ корабли въ Кронштадтѣ и Ревелѣ поспѣшно вооружались, всѣ свободные полки сосредоточивались или въ окрестностяхъ Петербурга, или на границѣ, и даже вызвано было нѣсколько полковъ изъ первой арміи графа П. А. Румянцова, несмотря на то, что подобный вызовъ значительно ослаблялъ армію, дѣйствовавшую на Дунаѣ. «Мы когда возвышаемъ наши требованія (у турокъ)», писалъ графъ П. А. Румянцевъ Обрѣзкову, «тогда не ищемъ тѣхъ способовъ, которые въ такихъ случаяхъ сущимъ суть подкрѣпленіемъ, то-есть чтобъ умножать свои силы противъ непріятели, но паче ихъ ослабляемъ въ виду такъ-сказать враговъ на то взирающихъ». По настоянію графа Румянцова, хотя и приказано было возвратить взятые полки, но время, когда они могли быть полезны на Дунаѣ, было упущено.

Пятый годъ уже тянулась война наша съ турками. Почти ежегодно для комплектованія армій, которыя теряли людей, не столько въ

заль то число, когда узнали въ Петербургѣ о появленіи самозванца, но и до сихъ поръ изслѣдователи повторяютъ слова Державина. См., напримѣръ, книгу: *«Цесаревичъ Павелъ Петровичъ»*. Соч. Кобеко, стр. 111; журналъ *Вѣст.*, 1882 года, № 3, стр. 343 и др.

сраженіяхъ, сколько въ госпиталяхъ отъ убійственного климата, производились рекрутскіе наборы, обременявшіе население и возбуждавшіе ропотъ и неудовольствіе. Блестящія побѣды русскихъ войскъ не давали видимыхъ результатовъ, и турки не соглашались ни на какія уступки. Причиной тому были интриги Франціи, хорошо видѣвшей, что блюстители нашихъ интересовъ въ Константинополѣ, представители союзныхъ Россіи державъ Пруссіи и Австріи, не выказывали особенной дѣятельности. Прусскій министръ Зегелинъ, по выраженію графа Румянцова, имѣлъ «волчій ротъ и лисій хвостъ». Словомъ, наши союзники поведение свое въ Константинополѣ соразмѣряли съ собственною своею пользою и выгодой. «Не видали мы еще отъ нихъ, писалъ Румянцовъ Обрѣзкову, добрыхъ услугъ или убѣдительныхъ сильныхъ представленій, которыя могли бы склонить трактующихъ съ нами къ соглашенію».

Въ виду натянутыхъ отношеній нашихъ къ Швеціи, Государственный Совѣтъ считалъ продолженіе войны съ Турціей весьма неудобнымъ и полагалъ необходимымъ согласиться на нѣкоторыя уступки въ нашихъ требованіяхъ. Императрица отвѣчала, что страхъ предъ шведами обличаетъ въ членахъ Совѣта сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и что она не согласится на отміну требованій свободного плаванія по Черному морю, пока Совѣтъ не представитъ ей болѣе уважительныхъ причинъ. Требованія были повторены, но Порта не уступала Россіи ни одной гавани на Черномъ морѣ.

— Уступить Керчь и Еникале, говорилъ рейсъ-эфенди, все равно что подчиниться Россіи, которая въ короткое время построитъ тамъ страшный флотъ и будетъ предписывать намъ законы.

Переговоры были прерваны, и графъ Румянцовъ получилъ приказаніе дѣйствовать наступательно за Дунаемъ. Походъ этотъ былъ неудаченъ, и русскія войска принуждены были возвратиться на лѣвый берегъ. Екатерина была крайне недовольна ходомъ событій, главнѣйше потому, что не могла надѣяться блескомъ побѣдъ и выгоднымъ миромъ обратить на себя вниманіе, возбудить всеобщій энтузіазмъ и славою своего царствованія заглушить интригу партіи, работавшей въ пользу державныхъ правъ наслѣдника.

Императрица знала, что вступленіемъ на престолъ она обязана была Орловымъ и что, напротивъ того, графъ Никита Панинъ же-

лалъ, чтобы переворотъ совершился въ пользу великаго князя Павла Петровича. Такимъ образомъ, съ перваго дня царствованія, Екатеринѣ было извѣстно о существованіи партіи, желавшей видѣть на престолѣ не мать, а сына. Открывавшіеся впослѣдствіи заговоры отдѣльныхъ лицъ, съ цѣлью возведенія на престолъ Павла Петровича, заставляли императрицу не оставаться равнодушною къ этому вопросу, быть всегда на-сторожѣ и зорко слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ и противною ей партіей.

Намѣреніе императрицы вступить въ 1763 году въ бракъ съ графомъ Григоріемъ Орловымъ и противодѣйствіе этому преимущественно графа Никиты Панина, вызвало вражду между этими фамиліями. Если Орловы были сильны расположеніемъ къ нимъ Екатерины, то графъ Панинъ былъ силенъ въ общественномъ мнѣніи, и борьба съ нимъ была нелегка для Орловыхъ. «Всѣ думали, писала впослѣдствіи Екатерина, что если Павелъ Петровичъ не на рукахъ у Панина, такъ онъ попалъ».

Это опасеніе заставляло императрицу не давать особеннаго предпочтенія ни той, ни другой партіи, и вражда двухъ фамилій продолжалась съ переменнымъ успѣхомъ. Побѣда зависѣла отъ случая, которымъ и не замедлил воспользоваться графъ Панинъ. Видя, что императрица стала тяготиться деспотическимъ вліяніемъ Григорія Орлова и его братьевъ, графъ Панинъ устроилъ посылку его въ Москву, для принятія мѣръ противъ чумы въ 1771 году, а затѣмъ въ слѣдующемъ году на конгрессъ въ Фокшаны, для заключенія мирныхъ условій съ Портой. Въ отсутствіе Орлова Екатерина почувствовала себя болѣе самостоятельною, и участь favorita была рѣшена; окончательное его удаленіе было только вопросомъ времени. Появился новый любимецъ, камеръ-юнкеръ Васильчиковъ.

Узнавъ о возвышеніи Васильчикова, графъ Григорій Орловъ понималъ въ чемъ дѣло и, предпочитая личные интересы, прервалъ переговоры и поскакалъ въ Петербургъ, но въ столицу не попалъ, а былъ остановленъ въ Гатчинѣ. Повидимому, паденіе его было рѣшено окончательно, но сложившіяся обстоятельства поставили его опять у дѣлъ. 20 сентября 1772 года Павлу Петровичу минуло восемнадцать лѣтъ, и всѣ ожидали, что съ совершеннолѣтіемъ ве-

ликаго князя ему будутъ предоставлены нѣкоторыя права, или по крайней мѣрѣ извѣстная доля самостоятельности и независимости. День былъ трудный для Екатерины, трудный потому, что она не раздѣляла ожиданій большинства и не желала придавать никакого значенія совершеннолѣтію сына.

Рѣшившись на такую мѣру и считая братьевъ Орловыхъ единственными людьми, на которыхъ могла вполне положиться, императрица вызвала Григорія Орлова изъ Гатчины, осыпала его наградами и пожаловала княжескимъ титуломъ. Орловъ снова пріобрѣлъ силу и нашелъ себѣ сторонниковъ. Въ Петербургѣ образовались двѣ партіи, причемъ партія Орлова была въ то время сильнѣйшею ¹⁾. Значеніе Панина падало, и положеніе его было весьма непріятно. «Всѣ интриги и всѣ струны настроены, писалъ Фонъ-Визинъ сестрѣ ²⁾, чтобы графа отдѣлить отъ великаго князя, даже до того, что, подъ претекстомъ перестраивать покои во дворцѣ, велѣно ему опорожнить тѣ, гдѣ онъ жилъ. Князь Орловъ съ Чернышевымъ злодѣйствуютъ ужасно графу Никитѣ Ивановичу, который мнѣ открылъ свое намѣреніе, то-есть буде его отлучать отъ великаго князя, то онъ ту-жъ минуту пойдетъ въ отставку. Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего Двора всеминутно происходятъ, и все вертится надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію кажется конца не будетъ. Брата своего (графа Петра Ивановича) онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто-бъ ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе».

Прежніе друзья или старались скрыть свои отношенія къ графу Панину, или переходили на сторону противной ему партіи. Въ числѣ ихъ былъ и Сальдернъ, бывший посланникъ въ Варшавѣ,

¹⁾ Къ партіи Орловыхъ принадлежали: графъ З. Г. Чернышевъ, князь А. А. Вяземскій, генераль-полиціеимейстеръ, оберъ-прокуроръ Зиновьевъ, графъ Брюсъ, баронъ Черкасовъ, князь Бѣлосельскій, Бецкій, Нарышкины, сенаторъ Елагинъ и большая часть сенаторовъ. На сторонѣ Панина были: вице-канцлеръ князь Голицынъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, адмиралъ Мордвиновъ, генераль Пассекъ и камеръ-юнкеръ Васильчиковъ. Графъ К. Г. Разумовскій и А. П. Шуваловъ были нейтральны.

²⁾ См. *Сочиненія и письма Фонъ-Визина*, изд. 1866, стр. 403.

искусившійся во всякаго рода интригахъ. Графъ Панинъ не одобрялъ грубаго поведенія Сальтерна въ Польшѣ, и въ октябрѣ 1772 года онъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Недовольный Панинымъ и будучи человѣкомъ продажнымъ, получавшимъ субсидіи отъ Даніи, Сальтернъ сталъ убѣждать Екатерину въ необходимости уступить этой державѣ Голштинію. Предлогомъ тому онъ избралъ натянутыя отношенія матери къ сыну и вопросъ о верховной власти. Сальтернъ говорилъ Екатеринѣ, что ей, какъ обладательницѣ столь обширной Имперіи, какова Россія, неприлично, владѣя маленькою Голштиніей, быть въ нѣкоторой зависимости отъ Германской имперіи. Сальтернъ далъ понять императрицѣ, что великій князь Павелъ Петровичъ сдѣлался уже совершеннолѣтнимъ и потому необходимо лишить его Голштинскаго владѣнія, ибо можно опасаться, что наслѣдникъ, въ званіи Германскаго имперскаго князя, можетъ держать себя въ нѣкоторой независимости отъ Русской императрицы и, увлекшись, вступить въ союзъ, вредный интересамъ Екатерины.

Доводы эти были признаны на столько основательными, что трактатомъ 21 мая 1773 года Шлезвигъ и Голштинія были уступлены Даніи. Великій князь Павелъ Петровичъ приобрѣлъ взаменъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ и чрезъ два мѣсяца (14 іюля 1773 г.) принужденъ былъ уступить ихъ коадьютору Любскому, Фридриху-Августу, представителю младшей линіи Голштинскаго дома. Комбинаціи эти воздвигли еще большую преграду между матерью и сыномъ и, въ концѣ іюля 1773 года, положеніе дѣлъ было такое, что каждый находившійся въ милости императрицы обязанъ былъ быть противникомъ наслѣдника престола. Нерасположенія послѣдняго къ матери, по словамъ англійскаго посланника Гуннинга ¹⁾, «достигли размѣровъ, могущихъ имѣть важныя послѣдствія въ случаѣ, еслибъ онъ былъ окруженъ людьми предприимчивыми и энергическими».

«Здѣсь, прибавлялъ Гуннингъ, не можетъ быть раздѣленія власти. Когда великій князь достигнетъ власти, онъ долженъ получить ее всецѣло. Если императрица будетъ дѣйствовать осторожно, но

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. XIX, стр. 376.

въ то же время энергично, то время это весьма удалено: въ противномъ случаѣ она находится въ критическомъ положеніи».

Сознавая свое положеніе, Екатерина скоро узнала, что тотъ же Сальдернъ, который повидимому былъ ея приверженцемъ, получивъ значительную субсидію отъ Даніи, сталъ интриговать въ пользу Павла Петровича, надѣясь, что быть - можетъ и тутъ перепадетъ что-нибудь на его долю. Соединясь съ представителемъ Франціи, столь усиленно интриговавшей въ Константинополѣ, Сальдернъ и его товарищъ стали убѣждать всѣхъ кого было можно, что интересы и польза Россіи требуютъ возведенія на престолъ наслѣдника, достигшаго совершеннолѣтія. Ученіе это нашло себѣ послѣдователей, и Сальдернъ составилъ планъ о призваніи Павла Петровича къ соучастію въ управленіи государствомъ. Планъ этотъ, къ удивленію Сальдерна, былъ отвергнутъ Панинымъ и послужилъ въ пользу послѣдняго. Значеніе воспитателя наслѣдника стало быстро возрастать, и императрица, желая положить предѣлъ всѣмъ интригамъ, рѣшилась парализовать дѣйствія партіи, работавшей въ пользу ея сына и отвлечь хотя на время общественное вниманіе отъ жгучаго вопроса. Бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича было весьма удобнымъ для того средствомъ.

«Сего мѣсяца 15 числа, писала Екатерина князю Волконскому ¹⁾, въ церкви Зимняго Дворца принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская приняла нашъ законъ и наречено ей имя Наталія Алексѣвна. На другой день было въ Лѣтнемъ Дворцѣ въ церкви обрученіе сына моего съ великою княжною Наталією Алексѣвною. Вчерашній день я о семъ подписала въ Сенатѣ указъ, о чемъ васъ чрезъ сіе увѣдомить за благо разсудила».

Пользуясь тѣмъ, что съ бракосочетаніемъ Павла Петровича дѣятельность графа Н. И. Панина, какъ воспитателя, прекращалась, императрица въ день годовщины своей коронаціи осыпала наградами какъ его, такъ и противника его, графа З. Г. Чернышева.

22 сентября 1773 года Высочайше повелѣно «дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Никиту Панина съ сего числа считать въ первомъ классѣ въ рангѣ фельдмаршала, съ жалованьемъ и

¹⁾ Въ письмѣ отъ 18 августа 1773 года, Государ. Арх. VI, дѣло № 587.

столовыми деньгами противъ бывшихъ канцлеровъ» ¹⁾). Ему пожалована по смерти ежегодная пенсія по 25,000 рублей ²⁾, до 9,000 душъ крестьянъ ³⁾, на заведеніе дома 50,000 рублей, провизія и погребъ на годъ, экипажи и ливреи дворцовые. Вице-президентъ Военной Коллегіи графъ Захаръ Чернышевъ въ тотъ же день утвержденъ президентомъ и награжденъ пожалованіемъ пѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ ⁴⁾).

«Совокупленные ваши труды, писала вмѣстѣ съ тѣмъ Екатерина гр. Панину, въ воспитаніи сына моего и притомъ въ отправленіи дѣлъ обширнаго Иностраннаго Департамента, которые вы несли и отправляли съ равнымъ успѣхомъ толико лѣтъ сряду, часто во внутренности сердца моего возбуждали чувства, раздѣляющія съ вами все бремя различныхъ сихъ, силу человѣку данную неисчерпаемыхъ упражненій. Но польза имперіи моей, по горячему моему всегдашнему попеченію о благомъ устройствѣ всего мнѣ отъ власти Всевышняго врученнаго, воспрещала мыслить прежде времени облегчить васъ въ тягостныхъ упражненіяхъ, довѣренностію моею вамъ порученныхъ. Нынѣ же, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего, и мы, на двадцатомъ его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію воспитаніе великаго князя само-собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъяснить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ *по нѣжности матерней любви и пристрастію не мнѣ пригоже судить*; но желаю и надѣюсь, что будущія времена въ томъ оправ-

¹⁾ Указъ Сенату 22 сентября 1773 г. Арх. Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 135, листъ 424.

²⁾ Указъ Сенату 22 сентября 1773 г. Тамъ же, листъ 425. *Сочинен. фонъ-Визина*, изд. 1866 г., стр. 270.

³⁾ Купленныхъ у стат. сов. Швебса (4.512 душъ) въ Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда, села: Левшино и Дутино съ деревнями, и въ Псковской губерніи, Полоцкой провинціи, войтовства Нищанское, Лиснянское и Клевшинское (тамъ же, листъ 426).

⁴⁾ Въ Рогачевской провинціи, Могилевской губерніи, староство Чечерское, съ принадлежащими къ нему угодьями (тамъ же, листы 427 и 428).

даніемъ служить имѣють, о чемъ Всевышняго ежедневно молю усердно.

«Окончивъ съ толпкимъ успѣхомъ, соединеннымъ съ моимъ удовольствіемъ, важную таковую должность и пользуясь утѣшеніемъ, отъ нея вамъ справедливо происходящимъ, обратите нынѣ съ бодрымъ духомъ всѣ силы ума вашего къ части дѣлъ Имперіи, вамъ отъ меня ввѣренной и на сихъ дняхъ вновь вамъ подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданамъ вашимъ желаемый мною и всѣми твердый миръ и тишину, дабы дни старости вашей увѣнчаны были благословеніемъ Божиимъ благополучія всеобщаго, послѣ безчисленныхъ трудовъ и попеченій».

29 сентября 1773 года состоялось торжественное бракосочетаніе Павла Петровича, и затѣмъ начался цѣлый рядъ празднествъ, тянувшихся до 11 октября. Все вниманіе великаго князя было поглощено новою обстановкой семейной жизни, партіи парализованы, графъ Панинъ возвышенъ до званія канцлера, перваго лица въ государствѣ, и ему поручено заняться преслѣдованіемъ исключительно мирныхъ цѣлей. Повидимому все шло благополучно, и чтобы покончить съ вопросомъ о правахъ наслѣдника, императрицѣ оставалось приобрести любовь народа славою своего царствованія и преданностью благу отечества. Но слава царствованія помрачилась неудачнымъ походомъ графа Румянцова за Дунай и возвращеніемъ на лѣвый берегъ рѣки, а полученные извѣстія о происшествіи подъ Оренбургомъ не служили доказательствомъ всеобщаго благоденствія.

Опасаясь, чтобы волненія внутри имперіи не имѣли значительнаго вліянія на внѣшнія дѣла, и чтобы создаваемое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не было разрушено разомъ, правительство признало необходимымъ полученное извѣстіе хранить въ тайнѣ, не трогать цѣлыхъ полковъ расположенныхъ на границахъ, и тѣмъ не давать повода къ предположенію, что смута имѣетъ серьезное значеніе. Между тѣмъ, свободныхъ войскъ подъ руками не было, и приходилось собирать ихъ по клочкамъ, небольшими разрозненными командами, и отправлять на театръ дѣйствій безъ всякой связи и единства.

Съ 14 октября въ столицѣ кипѣла усиленная работа по принятію мѣръ къ возстановленію спокойствія. Князю М. Н. Волкон-

скому приказано было немедленно отправить изъ Калуги въ Казань генераль-маіора Фреймана, и слѣдомъ за нимъ послать на почтовыхъ три остальные пушки Томскаго полка съ ихъ прислугой и зарядными ящиками. Командиру Вятскаго пѣхотнаго полка, полковнику Миллеру, предписано отправить на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ гренадерскую роту (около 182 человекъ) съ двумя орудіями, изъ Новгорода въ Москву и далѣе въ Казань ¹⁾. Комендантамъ: царицынскому, полковнику Циплетеву, и крѣпости св. Димитрія, генераль-маіору Потапову, поручено: первому препятствовать переправѣ Пугачева черезъ рѣку Волгу для слѣдованія на Кубань, а второму не пропускать самозванца на Донъ. Въ случаѣ нужды Циплетевъ долженъ былъ требовать помощи отъ астраханскаго коменданта, а Потаповъ — отъ главнокомандующаго второю арміей, князя В. М. Долгорукаго, главная квартира котораго находилась въ Полтавѣ ²⁾. «Для ученія же *сильнаго* (?) поиска надъ упомянутымъ злодѣемъ, писалъ графъ З. Чернышевъ князю Волконскому, и прекращенія всѣхъ его злоумышленій, посылается *нынѣ же наскоро* генераль-маіоръ Каръ», бывший командиръ С.-Петербургскаго легіона.

Василій Алексѣевичъ Каръ родился въ 1730 году, и десятилѣтнимъ ребенкомъ былъ зачисленъ на службу въ 1740 году ³⁾. Спустя два года, а именно 4 января 1742 года, онъ былъ зачисленъ въ пажи и въ 1748 году выпущенъ въ полевые полки поручикомъ. Въ Семилѣтнюю войну, Каръ находился волонтеромъ: въ 1757 году въ цесарской, а въ 1758 году во французской арміяхъ. Въ 1760 и 1761 годахъ онъ былъ въ Пруссіи при русской арміи и участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Въ августѣ 1766 года, графъ Н. Панинъ сообщилъ графу З. Чернышеву ⁴⁾, что императрица повелѣла отправить въ Польшу по политическимъ ея величества дѣламъ полковниковъ Василя Кара и Оттона барона Игельстрома. Назначенный состоять при князѣ Радзивилѣ, полков-

¹⁾ Письмо Чернышева князю Волконскому и указъ Военной Коллегіи полковнику Миллеру, отъ 14 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба, кн. № 1.

²⁾ Указы Военн. Коллегіи полковн. Циплетеву, ген.-маіору Потапову и кн. Долгорукову отъ 15 октября, за №№ 505—507, тамъ же.

³⁾ По показанію самого Кара. Сенат. Арх. Высочайшія повелѣнія, кн. № 201.

⁴⁾ Отъ 17 августа 1766 года. Арх. канцеляріи Военн. Министерства. Высочайшія повелѣнія, кн. № 56.

никъ Каръ имѣлъ случай выказать твердость характера и свои дипломатическія способности. Въ мартѣ 1768 года, Каръ былъ уволенъ къ минеральнымъ водамъ ¹⁾, а въ маѣ 1769 года назначенъ командиромъ Иностраннаго легіона, переименованнаго потомъ въ С.-Петербургскій.

Приобрѣтенный боевой опытъ въ Семилѣтней войнѣ и, затѣмъ, участіе въ войнѣ съ конфедератами доставили Кару репутацію прекраснаго офицера, и онъ, не имѣя еще сорока лѣтъ отъ роду, 1 января 1770 года былъ произведенъ въ генераль-маіоры. Разстроенное здоровье заставило В. А. Кара искать отдыха и обратиться къ серьезному лѣченію. Пользовавшийся его лейбъ-хирургъ Реслеинъ нашелъ болѣзнь его хроническою и трудно излѣчимою. Онъ совѣтовалъ Кару ѣхать къ теплымъ водамъ, «что одно излѣчить его можетъ». Въ декабрѣ 1771 года Каръ просилъ уволить его на годъ за границу, «дабы, получа тамъ совершенную отъ его болѣзни свободу, могъ попрежнему продолжать службу. Буде-жь настоящей войны обстоятельства въ томъ воспрепятствуютъ, то за долговременную и безпорочную его службу, какъ законы повелѣваютъ, отъ воинской и статской службы уволить вовсе» ²⁾. Императрица, цѣня заслуги В. А. Кара, разрѣшила ему ѣхать за границу, и по возвращеніи изъ отпуска онъ въ октябрѣ 1773 года, въ званіи бригаднаго командира, былъ въ числѣ очень немногихъ генераловъ, находившихся въ Петербургѣ и руководилъ наборомъ рекрутъ. Естественно, что на него палъ жребій командовать войсками, отправленными противъ Пугачева.

Указомъ Военной Коллегіи отъ 14 октября генераль-маіору Кару приказано было «какъ наискорѣе отсюда отправясь слѣдовать въ Казань, а оттуда, усматривая надобность, и въ Оренбургъ, изъ коихъ въ то или другое мѣсто, куда нужно, слѣдующимъ изъ Москвы и Новгорода командамъ идти предпишете, а между тѣмъ совѣтами своими и общимъ принятіемъ съ губерна-

¹⁾ Письмо гр. Н. Панина къ гр. З. Чернышеву 31 марта 1768 года. Арх. канцеляріи Военн. Министерства, кн. № 59.

²⁾ Всеподд. докладъ Военной Коллегіи отъ 9 декабря 1771 года. Архивъ сенатск. Высочайшія повелѣнія, кн. № 201.

торами мѣръ имѣете возложенное на васъ Высочайшимъ указомъ въ дѣйствіе производить».

Императрица поручала генераль-маіору Кару принять подъ свое начальство войска, собранныя казанскимъ губернаторомъ, тѣ, которыя отправлены изъ Новгорода и Москвы, призвать къ оружію башкирцевъ, поселенныхъ солдатъ, и со сформированнымъ такимъ образомъ отрядомъ *«учинить надъ онымъ злодѣемъ поискъ и стараться какъ самого его, такъ и злодѣйскую его шайку переловить и тѣмъ всѣ злоумышленія прекратить»* *И*

Требуя отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ полного содѣйствія Кару ¹⁾, императрица уполномочивала послѣдняго дѣйствовать ея именемъ. «Башкирцамъ и поселеннымъ (солдатамъ) объявить, писала Екатерина II ²⁾, что ревностнымъ исполненіемъ по вашимъ распоряженіямъ помянутаго поиска окажутъ они намъ новый опытъ своего усердія и пріобрѣтутъ себѣ особое монаршее благоволеніе. Вслѣдъ же за вами мы немедленно отправимъ увѣщательный манифестъ, который вы сами или же обще съ губернаторами имѣете тамъ на мѣстѣ по усмотрѣнію публиковать».

Для составленія этого манифеста, 15 октября былъ собранъ Государственный Совѣтъ. На вопросъ императрицы, достаточны ли принятыя на первый случай мѣры для усмиренія волненій, члены Совѣта признали ихъ вполнѣ достаточными. Большинство присутствовавшихъ не придавало особаго значенія смутѣ и полагало, что она можетъ только на нѣкоторое время разстроить рекрутскій наборъ. Графъ Чернышевъ заявилъ, что возникшій мятежъ есть только искра волненій, происходившихъ въ прошломъ году на Дону, но что теперь казаки образумились и живутъ спокойно.

— Еслибъ атаманъ Ефремовъ, прибавилъ къ этому графъ Панинъ,—въ пору схваченъ не былъ, то мы имѣли бы всю Кубань на плечахъ, что видно по перепискѣ моей съ татарами.

¹⁾ Указы по этому поводу генераламъ Брандту и Рейнсдорну напечатаны у А. С. Пушкина. См. *Полное Собраніе Сочиненій* изд. 1881 года, т. VI, ч. II, стр. 178.

²⁾ Въ указѣ генераль-маіору Кару, отъ 14 октября 1773 года, Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербурѣ), книга № 1.

Генераль-прокуроръ предложилъ сообщить архіереямъ, чтобы духовенство въ церквахъ увѣщевало народъ не присоединяться къ самозванцу, но императрица находила, что прежде всего необходимо обнародовать манифестъ, составленіе коего и возложила на Совѣтъ.

Желая однакоже сохранить въ тайнѣ отъ большинства населенія Имперіи происходившее подъ Оренбургомъ, Екатерина поручила князю Вяземскому напечатать манифестъ въ Сенатской типографіи, и не болѣе какъ въ 200 экземплярахъ ¹⁾. Утромъ 16 октября былъ напечатанъ и представленъ императрицѣ манифестъ слѣдующаго содержанія:

«Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежить.

«Изъ полученныхъ отъ губернаторовъ казанскаго и оренбургскаго рапортовъ съ сожалѣніемъ мы усмотрѣли, что бѣглый казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ бѣжалъ въ Польшу въ раскольническіе скиты и, возвратясь изъ оной подъ именемъ выходца, былъ въ Казани, а оттуда ушелъ вторично, собралъ шайку подобныхъ себѣ воровъ и бродягъ изъ яицкихъ селеній, дерзнулъ принять имя покойнаго императора Петра III, произвелъ грабежи и разоренія въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ по рѣкѣ Янку, къ сторонѣ Оренбурга, и симъ названіемъ маломысленныхъ людей приводить въ развратъ и совершенную пагубу. Мы о таковыхъ матерински сожалѣя, чрезъ сіе ихъ милосердно увѣщаемъ, а непослушнымъ наистрожайше повелѣваемъ отъ сего безумія отстать, ибо мы таковую продерзость по сіе время не самимъ въ простотѣ и въ невѣдѣніи живущимъ нижняго состоянія людямъ приписываемъ, но единому ихъ невѣжеству и коварному упомянутаго злодѣя и вора уловленію. Но ежели кто за симъ нашимъ милостивымъ увѣщаніемъ и императорскимъ повелѣніемъ отважится остаться въ его шайкѣ, и тотчасъ не придетъ въ настоящее раскаяніе и рабское свое повиновеніе, тотъ самъ уже отъ насъ за бунтовщика и возмутителя противъ воли нашей императорской признанъ будетъ и никакимъ образомъ, яко сущій нарушитель своей при-

¹⁾ Предложеніе князя Вяземскаго Сенату отъ 15 октября 1773 года. Сенатск. Арх. Именные указы, кн. CXIV, листъ 139.

сяги и общаго спокойства, законнаго нашего гнѣва и тяжчайшаго по оному наказанія не избѣжить. Мы для возстановленія порядка и тишины въ тѣхъ предѣлахъ отправили нарочно нашего генераль-маіора Кара, которому и сей манифестъ публиковать повелѣли, повелѣвая и надѣясь, что каждый впадшій въ сіе заблужденіе самъ узнаетъ тягость своего преступленія, возвратится къ законному повиновенію и обще со всѣми нашими вѣрноподданными стараться и споспѣшествовать будетъ по мѣрѣ силъ своихъ и по своему званію, такъ какъ каждый присягою вѣрности обязанъ, къ прекращенію сего безбожнаго между народомъ смятенія и къ доставленію скорѣйшаго способа тому нашему генераль-маіору къ истребленію упорствующихъ и къ доставленію въ его руки самого того главнаго вора, возмутителя и самозванца».

Какъ ни торопились напечатать этотъ манифестъ, но когда онъ былъ готовъ, генераль-маіора Кара не было уже въ Петербургѣ, и манифестъ пришлось посылать за нимъ въ догонку. Чрезъ нѣсколько дней были получены въ Петербургѣ два донесенія Рейнсдорпа, отъ 7 и 9 октября ¹⁾; онъ доносилъ о взятіи Пугачевымъ нѣсколькихъ крѣпостей и о дерзительности оренбургскаго гарнизона. Извѣстія эти произвели большой переполохъ въ столицѣ и вызвали лихорадочную дѣятельность.

Императрица просила архіепископа казанскаго, преосвященнаго Веніамина ²⁾, чтобъ онъ отправилъ отъ себя «священникамъ наставленіе, кое бы они своимъ прихожанамъ съ увѣщаніемъ читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ самозванцу, толкуя имъ, сколь страшно преступленіе предъ Богомъ и предъ свѣтомъ нарушеніе учиненной государю своему присяги и что таковыхъ преступниковъ Святая наша Церковь предавала и предастъ всегда вѣчному проклятію».

«Впрочемъ, я уповаю, прибавляла Екатерина, что ваше преосвященство не оставите предать имъ все то ученіе, какое потребно

¹⁾ Въ статьѣ г. Д. Анучина: «Первые успѣхи Пугачева» и проч. (*Воен. Сборн.* 1869 года, № 5, 148) ошибочно сказано, что получены были донесенія Рейнсдорпа отъ 7 и 13 октября (См. *Арх. Главн. Шт.*, кн. № 1, листъ 82, *Моск. Арх. Главн. Шт.*, опись 47, кн. 53).

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 22 октября 1773 года.

для утверждѣнія въ сердцахъ ихъ клятвенной намъ присяги и вѣрности. Если же не вся Оренбургская епархія состоитъ въ вашемъ вѣдѣніи, то прошу сіе мое письмо сообщить и тѣмъ архіереямъ, подъ вѣдомствомъ коихъ тѣ мѣста состоятъ, дабы они по сему исполненіе учинили» ¹⁾.

На другой день по отправленіи этого письма были разосланы курьеры съ указами Военной Коллегіи, въ коихъ повелѣвалось: князю Волконскому отправить изъ Москвы въ Казань на ямскихъ подводахъ гренадерскую роту Томскаго полка ²⁾; генераль-аншефу князю В. М. Долгорукову отправить въ Царицынъ изъ Бахмута или изъ находящихся вблизи онаго два гусарскіе эскадрона ³⁾; губернаторамъ Псковской губерніи генераль-маіору Кречетникову и Могилевской генераль-поручику Каховскому отправить въ Саратовъ—первому 23-ю и 25-ю, а второму 22-ю и 24-ю легкія полевыя команды, на ямскихъ и обывательскихъ подводахъ, и объявивъ командирамъ командъ о цѣли, съ какою они посылаются, обязать ихъ хранить ее «въ наивысшемъ секретѣ» ⁴⁾. Генераль-фельдцейхмейстеру, князю Г. Г. Орлову, приказано отправить въ Казань на ямскихъ подводахъ двѣ тысячи ружей и въ Москву два двѣнадцатифунтовыхъ орудія съ принадлежащими къ нимъ снарядами и полнымъ комплектомъ прислуги, при офицерѣ ⁵⁾. Наконецъ, тѣмъ 700 башкирцамъ, которые пришли изъ Польши въ Смоленскъ, приказано слѣдовать прямо и какъ можно скорѣе въ Оренбургъ ⁶⁾.

Опасаясь, чтобы Пугачевъ, спустившись по Волгѣ, не привлекъ

¹⁾ *Православн. Собесѣдникъ* 1859 года, II, стр. 203.

²⁾ Указъ Военн. Коллегіи кн. Волконскому отъ 23 октября 1773 года, № 410. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. 53.

³⁾ То же, полковнику Циплетеву за № 408 и кн. Долгорукову за № 409.

⁴⁾ То же, Кречетникову и Каховскому за №№ 411, 412, 413 и 414.

⁵⁾ То же, князю Орлову отъ 25 октября 1773 года за № 423 и 4 ноября за № 430.

⁶⁾ Въ Польшѣ, въ отрядѣ генераль-поручика Бибикова, находилось двѣ тысячи башкирцевъ, и такъ какъ въ нихъ большой надобности тамъ не было, то еще въ августѣ 1772 года приказано было оставить въ Польшѣ тысячу человекъ, а остальныхъ возвратитъ въ свои дома, отправляя ихъ партіями по триста человекъ со старшинами (Указъ Бибикову отъ 25 августа 1772 года. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. 52, л. 318).

на свою сторону многочисленных инородцев, населявших Астраханскую губернію, императрица приказала вновь назначенному туда губернатору П. Н. Кречетникову имѣть свое пребываніе въ Саратовѣ до усмиренья волненій ¹⁾).

Сообщая объ этихъ распоряженіяхъ генераль-маіору Кару и предоставляя ему дальнѣйшее руководство войсками, Военная Коллегія вмѣстѣ съ тѣмъ писала генералу Рейнсдорпу: «Изыскивая всѣ способы и возможности, постарайтесь вы, губернаторъ, *накопившуюся невѣжами мятежническую толпу* атаковать, разбить и разсѣять, а заводчика всему злу, самозванца Пугачева, и ближнихъ его помощниковъ какъ возможно захватить, тѣмъ больше, что число регулярныхъ въ такомъ у васъ состоитъ количествѣ, что всякая подобная вышеписанной шатающаяся майка отнюдь противостоятъ имъ не можетъ, когда только споспѣшествуетъ руководству свойственная войскамъ ея императорскаго величества храбрость и мужество» ²⁾).

Этихъ-то послѣднихъ свойствъ въ оренбургскомъ гарнизонѣ не было, не потому, чтобы русскій человекъ трусилъ и не былъ храбръ, а потому, что обѣщанныя самозванцемъ льготы и милости были слишкомъ соблазнительны и сулили въ будущемъ улучшение матеріальнаго и нравственнаго быта. Догадываясь, хотя и смутно, гдѣ главнѣйшій источникъ силы Пугачева, Военная Коллегія поручила командующему войсками на Сибирской линіи, генераль-поручику Деколону, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе «касательно до отвращенія замысловъ помянутаго бездѣльника на государевы въ Сибири состоящіе рудокопные заводы, которымъ, въ случаѣ требованія къ вамъ отъ находящихся на тѣхъ заводахъ командировъ, имѣете всю совершенную безопасность доставить» ³⁾).

Предписаніе это не застало Деколонга на Сибирской линіи, такъ какъ онъ при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева выступилъ съ отрядомъ къ Оренбургу.

¹⁾ Письмо кн. Вяземскаго къ Кречетникову отъ 22 октября 1773 года. Арх. кабинета Е. И. В., особое дѣло о Пугачевѣ.

²⁾ Указъ Военной Коллегіи генералу Рейнсдорпу отъ 23 октября 1773 года, № 406.

³⁾ Указъ Военной Коллегіи Деколону 4 ноября 1773 года, № 431.

Вечеромъ 11 октября было получено въ Тобольскѣ первое извѣстіе о появленіи Пугачева, и черезъ двѣнадцать часовъ по приѣздѣ курьера сибирскій губернаторъ Чичеринъ отправилъ уже на подставныхъ лошадяхъ, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Засева, 2-ю тобольскую губернскую роту. Черезъ два дня выступили изъ Тобольска и двѣ резервныя роты тобольскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ съ двумя орудіями, всего 356 человекъ пѣхоты съ 23 артиллерійскими служителями.

Принявъ общее начальство надъ этими войсками, маіоръ Засевъ долженъ былъ слѣдовать на Оренбургскую линію, войти тамъ въ сношеніе съ сосѣдними воеводами и дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Въ тотъ же день Чичеринъ разослалъ приказанія о повсемѣстномъ сборѣ выписныхъ казаковъ ¹⁾, отставныхъ солдатъ и даже татаръ ²⁾. Комендантъ Троицкой крѣпости, бригадиръ де-Фейерваръ, приказалъ изъ пяти баталіоновъ, стоявшихъ на линіи отъ Звѣриноголовской до Озерной крѣпостей, выслать въ Верхо-Яицкую крѣпость отъ каждого баталіона по 250 человекъ съ офицерами, а съ каждой изъ пяти дистанцій этой линіи по 500 человекъ линейныхъ казаковъ и башкирцевъ. Вслѣдъ затѣмъ Фейерваръ отправилъ въ Верхо-Яицкую крѣпость двѣ полевыя пушки и приказалъ слѣдовать туда же находившейся въ Троицкой крѣпости 8-й легкой полевой командѣ (за исключеніемъ одной роты) съ ея артиллеріей.

Предполагая собрать отрядъ до шести тысячъ человекъ и отправить его къ Оренбургу, Фейерваръ считалъ необходимымъ назначить особаго генерала для командованія войсками и единства въ дѣйствіяхъ.

«Возмущеніе безчеловѣчнаго злодѣя, писалъ Фейерваръ графу Чернышеву ³⁾, въ здѣшнемъ краю такъ опасно, что я не могъ проминуть ваше сіятельство объ ономъ увѣдомить. Видно, что злодѣй

¹⁾ Выписные казаки, сказано въ дневной запискѣ Чичерина, «еще съ 1746 года изъ государственныхъ крестьянъ учреждены были на нужный случай, а впрочемъ они всѣ въ равенствѣ съ крестьянами».

²⁾ Дневная зап. о распоряженіи сибирскаго губернатора. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 47 кн. III.

³⁾ Отъ 18 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

нечаянно своею хитростью и силою Ивану Андреевичу Рейнсдорпу къ распоряженію всѣ способы отнялъ, потому что по линіи ни одинъ командиръ отъ его превосходительства о семъ нечаянномъ случаѣ предложенія не получалъ и всякій по получаемымъ нечаяннымъ извѣстіямъ увѣдомлялся, и доколѣ по линіи стали справляться, онѣй злодѣй весьма усилился. *Всѣхъ казаковъ и башкирцевъ приводитъ къ колебанію, киргизы опасны, и настоящего предводителя (у насъ) нѣтъ. Мы подобны здѣсь стадамъ безъ пастыря: всякій старается, да ничего не успѣваетъ, а непріятель между тѣмъ усиливается. Однимъ словомъ, велика есть здѣсь опасность и требуетъ скорой помощи. Покорно прошу ваше сіятельство отправить въ самоскорѣйшемъ времени *надежнаго генерала, который бы могъ своимъ авторитетомъ и распоряженіемъ здѣсь порядокъ завести и общественнаго злодѣя истребить*».*

Скорѣйшая и сильнѣйшая помощь Оренбургу, по мнѣнію Фейрвара, была весьма нужна, «ибо если сей общественный злодѣй, доносилъ онъ ¹⁾, въ скорости истребленъ не будетъ, то можетъ такъ усиливаться, *что послѣ принуждено будетъ большою силою его искоренять, а между тѣмъ много тысячъ невинныхъ людей, крѣпостей и жилищъ разорить не преминетъ*».

Сосредоточивая войска въ Троицкой крѣпости и сознавая, что Уйская и Верхо-Яицкая линіи остаются безъ защиты, Фейерваръ просилъ генералъ-поручика Деколонга оказать ему помощь и занять эти линіи сибирскими войсками ²⁾. Не ожидая приказанія сибирскаго губернатора Чичерина, Деколонгъ тотчасъ же двинулъ 14-ю легкую полевую команду изъ Петропавловской (Св. Петра) крѣпости, 10-ю легкую полевую команду изъ Омска и 11-ю легкую полевую команду изъ Ямышевской крѣпости.

Отправляясь самъ въ Троицкую крѣпость, Деколонгъ сообщилъ Рейнсдорпу о движеніи полевыхъ командъ и спрашивалъ, не прикажетъ ли онъ бригадиру Корфу не выступать изъ Озерной крѣпости къ Оренбургу, чтобы, дождавшись прибытія полевыхъ командъ, дѣйствовать совокупными силами противъ мятежниковъ. При

¹⁾ Въ рапортѣ Военной Коллегіи, отъ 17 октября. Архивъ Главнаго Штаба въ Петербургѣ, книга № 1-й.

²⁾ Рапортъ Фейервара Деколонгу 13 октября 1773 года, тамъ же.

энергическомъ наступленіи, силъ этихъ было, конечно, достаточно для того, чтобы разогнать сборище Пугачева и восстановить спокойствіе. Но, не ограничиваясь этимъ и желая еще болѣе обезпечить успѣхъ, Деколонгъ приказалъ выступить къ Оренбургу 12-й легкой полевой командѣ изъ Усть-Каменогорска и 13-й полевой командѣ изъ Кузнецка.

Прибывъ въ Троицкую крѣпость, Деколонгъ получилъ увѣдомленіе отъ Рейнсдорпа, *что онъ вовсе не имѣетъ нужды въ его полевыхъ командахъ*, что въ самомъ непродолжительномъ времени, «уповая на милость Божию», какъ скоро соберутся оренбургскія войска, онъ, губернаторъ, «надъ злодѣемъ атаку учинить», и слѣдовательно командированныя изъ Сибири войска ко времени этой атаки «поспѣть уже не могутъ». Рейнсдорпъ предписалъ Деколонгу расположить его войска въ Орской и Троицкой крѣпостяхъ и охранять эти пункты. Бригадиру же Фейервару, за то, что онъ требовалъ присылки войскъ изъ Сибири, оренбургскій губернаторъ сдѣлалъ строгій выговоръ и писалъ, что всѣ его требованія *почи- таетъ за излишнія*¹⁾.

Такое распоряженіе Рейнсдорпа удивило Деколонга. Онъ видѣлъ, что содѣйствіе его непріятно оренбургскому губернатору и что Рейнсдорпъ желаетъ за собою однимъ сохранить славу разбитія мятежниковъ и усмиренія волненій. Исполняя распоряженіе губернатора, Деколонгъ приказалъ отряду генераль-маіора Станиславскаго²⁾ занять Орскую, а отряду секундъ-маіора Зейферта³⁾ Верхне-Яицкую крѣпость, въ окрестностяхъ которой башкирцы производили грабежи. Не смотря на то, что отряды эти шли все время форсированными маршами и въ двадцать дней сдѣлали болѣе 800 верстъ, они пришли въ полномъ порядкѣ и готовые двинуться далѣе.

Въ ожиданіи прибытія остальныхъ командъ, Деколонгъ оставался въ Троицкой крѣпости, и видя по общему ходу дѣлъ, что вол-

¹⁾ Письмо Деколонга кн. Щербатову отъ 17 іюня 1774 года, № 1,124. Моск. Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, кн. X.

²⁾ Въ отрядѣ Станиславскаго находились: 14-я легкая полевая команда, одна губернская и двѣ баталіонныя роты и нѣсколько казаковъ.

³⁾ У Зейферта были: 10-я легкая полевая команда, одна рота тобольскаго баталіона и нѣсколько казаковъ.

ненія въ краѣ не могутъ быть скоро подавлены, принявъ мѣры къ заготовленію продовольствія, запасовъ коего вовсе не было ¹⁾).

Въ такомъ положеніи и безо всякой дѣятельности сибирскія войска оставались довольно долгое время. Сначала Рейнсдорпъ не желалъ воспользоваться ихъ прибытіемъ, а потомъ, когда призналъ необходимымъ ихъ содѣйствіе, то не могъ уже дать знать о своемъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мятежниками, и всѣ сообщенія съ Оренбургомъ были прерваны.

IV.

Приближеніе Пугачева къ Оренбургу. — Воззваніе его къ гарнизону. — Неудачныя вылазки изъ города. — Прибытіе подкрѣпленій къ самозванцу. — Расширеніе района волненій. — Просишествіе въ Верхне-Озерной крѣпости. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Помѣщики покидаютъ свои имѣнія. — Отправленіе Хлопуши на заводы для возмущенія рабочихъ. — Бомбардированіе Оренбурга. — Письмо Падурова. — Указъ Пугачева Оренбургской губернской канцеляріи.

Въ пятницу, 4 октября, Пугачевъ оставилъ Сакмарскій городокъ, и двинувшись внизъ по рѣкѣ Сакмарѣ, ночевалъ вблизи Оренбурга, при Камышевомъ озерѣ. Здѣсь, съ присоединеніемъ къ нему жителей Бердинской слободы, въ которой считалось до 200 дворовъ, силы самозванца простирались до 2,360 человекъ съ 20 орудіями, при которыхъ было нѣсколько зарядовъ и до 10 бочекъ пороха ²⁾).

Считая невозможнымъ со столь незначительными силами овладѣть городомъ, Пугачевъ 5 октября, въ одиннадцатомъ часу утра, перешелъ къ рѣкѣ Яику на такъ-называемые казачьи луга, находившіеся отъ города въ пяти верстахъ. Отсюда самозванецъ направился къ Оренбургу и, желая устрашить защитниковъ и показать имъ свои силы болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на самомъ

¹⁾ Рапортъ Деколонга Военной Коллегіи 9 ноября 1773 года, № 351. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербурѣ), кн. № 1.

²⁾ Силы эти распредѣлялись такъ: яицкихъ казаковъ 500, илецкихъ 300, изъ Разсыпной крѣпости 40, изъ Нижне-Озерной 100, легкой команды, которая сдалась подъ Татищевую, 100, оренбургскихъ казаковъ и калмыковъ подъ начальствомъ Падурова 600, изъ Татищевой сдавшихся солдатъ 300, каргалинскихъ татаръ 500 и сакмарскихъ человекъ 20 (Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года).

дѣлѣ, Пугачевъ растянулъ свою толпу въ одну шеренгу. «И такъ устроясь, показывалъ онъ въ послѣдствіи ¹⁾, пошелъ къ городу и остановился на горѣ въ тѣхъ мысляхъ ²⁾, чтобы городскимъ меня, а мнѣ ихъ видно было».

Въ Оренбургѣ ударили тревогу: гарнизонъ сталъ по мѣстамъ, а остальное населеніе съ ужасомъ ожидало появленія самозванца; «всѣ жители представили себѣ смерть, пишеть очевидецъ ³⁾, и былъ великій плачь и неутѣшное рыданіе». Но скоро населеніе стало успокоиваться: самозванецъ не двигался впередъ, и лишь смѣльчаки изъ его толпы появились въ форштадтѣ не болѣе какъ въ 15 саженьяхъ отъ городского вала. Рейнсдорпъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и зажечь предмѣстье города, «ибо, доносилъ онъ, тотъ форштадтъ великую опасность предъявлялъ, что доказать можетъ построенная на краю того форштадта каменная церковь во имя Св. Георгія, которая съ поруганіемъ употреблена ими была вмѣсто пушечной батареи».

Въ тотъ же день казакъ Иванъ Солодовниковъ подѣхалъ къ городу и ущемивъ въ колышекъ бумагу воткнулъ его въ землю, а самъ усакалъ. Бумага эта содержала въ себѣ воззваніе самозванца, обращенное къ гарнизону.

«Симъ моимъ именнымъ указомъ, писалъ Пугачевъ ⁴⁾, регулярной командѣ повелѣваю: какъ вы мои вѣрные рабы, регулярные солдаты, рядовые и чиновные напредъ сего служили мнѣ и предкамъ моимъ, великимъ государямъ императорамъ Всероссійскимъ, вѣрно и неизмѣнно, такъ и нынѣ послужите мнѣ, законному своему великому государю Петру Федоровичу до послѣдней капли крови, и оставя принужденное послушаніе къ невѣрнымъ командирамъ вашимъ, которые васъ развращаютъ и лишаютъ вмѣстѣ съ собою великой милости моею, придите ко мнѣ съ послушаніемъ и положи оружіе свое предъ знаменами

¹⁾ Показаніе Пугачева 16 сентября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 506.

²⁾ А не «въ тѣхъ мѣстахъ», какъ напечатано въ *Чтеніяхъ* 1858 года.

³⁾ Дневная записка священника Ивана Осипова. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 430.

⁴⁾ Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. № 1. Секретныя бумаги и манифесты Пугачева.

моими, явите свою вѣрноподданническую мнѣ, великому государю, вѣрность, за что награждены и пожалованы мною будете денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и чинами. Какъ вы, такъ и потомки ваши первыя выгоды имѣть въ государствѣ моемъ будете и славную службу при лицѣ моемъ служить опредѣлитесь. Ежели же кто, позабывъ свою должность къ природному своему государю Петру Федоровичу, дерзнетъ сего именнаго моего повелѣнія не исполнить и силою моего оружія въ руки моего вѣрнаго войска полученъ будетъ, тотъ увидитъ на себѣ праведный мой гнѣвъ и казнь жестокою».

Не получивъ никакого отвѣта на это воззваніе, Пугачевъ на слѣдующее утро, 6 октября, началъ жечь возлѣ города сѣно, заготовленное жителями на зиму. Желая спасти запасы, генераль Рейнсдорпъ выслалъ изъ крѣпости маіора Наумова съ отрядомъ въ 1,500 человекъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ, при двухъ-трехъ орудіяхъ, и приказалъ ему атаковать мятежниковъ. Человѣкъ нерѣшительный, не особенно храбрый и наслышавшійся на пути къ Оренбургу о жестокостяхъ Пугачева, маіоръ Наумовъ вышелъ изъ города и, остановясь вдали отъ непріятеля, приказалъ открыть огонь изъ орудій. Мятежники отвѣчали тѣмъ же, а сами разсыпались по степи небольшими кучками и тѣмъ лишили Наумова возможности наносить имъ вредъ своими выстрѣлами. Послѣ двухчасовой перестрѣлки, разстрѣлавъ всѣ свои заряды, маіоръ Наумовъ счелъ болѣе удобнымъ возвратиться въ крѣпость, тѣмъ болѣе, что, по словамъ его, онъ замѣтилъ въ своихъ подчиненныхъ «робость и страхъ»¹⁾. Выходцы изъ толпы самозванца говорили послѣ, что если бы Наумовъ продвинулся впередъ, а не оставался на мѣстѣ, то толпа мятежниковъ побросала бы свои пушки и убѣжала бы въ лагерь, такъ какъ зарядовъ у нихъ почти не оставалось²⁾. Но Наумовъ поторопился отступить, и обѣ стороны, сохранивъ свое относительное положеніе, въ теченіе двухъ дней не предпринимали ничего другъ противъ друга.

8 октября, для защиты отъ разграбленія мѣноваго двора и

¹⁾ Репортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи отъ 9 октября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. № 1.

²⁾ Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта* Пушкина.

оставшихся въ немъ купеческихъ товаровъ, оренбургскій губернаторъ выслалъ 300 человекъ драгунъ и яицкихъ казаковъ, которые не только прогнали мятежниковъ, но и захватили въ плѣнъ 116 человекъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Рейнсдорпъ рѣшился на слѣдующій день произвести новую вылазку изъ крѣпости, но, къ сожалѣнію, назначилъ начальникомъ отряда того же премьеръ-маіора Наумова.

«Какъ по единогласному взятыхъ сегодня плѣнниковъ объявленію извѣстно», писалъ Рейнсдорпъ Наумову ¹⁾, «что въ толпѣ самозванца набраны люди бѣльшею частью изъ разныхъ народовъ, яко-то: солдатъ, казаковъ и башкирцевъ, и въ такомъ количествѣ состоятъ, что вѣранный вашему высокоблагородію корпусъ не только количествомъ, но и качествомъ военныхъ служителей гораздо превосходитъ, то разсудилъ я, не допуская сихъ злодѣевъ до дальняго вѣрноподанныхъ ея императорскаго величества разоренія, призвавъ Бога въ помощь, завтрашняго числа его атаковать».

Утромъ 9 октября всѣ командиры назначенныхъ въ составъ отряда частей заявили коменданту, генералъ-маіору Валленштерну, что среди подчиненныхъ имъ чиновъ слышится «ропаніе, изъясляющее великую робость и страхъ», и что потому они отказываются идти противъ толпы мятежниковъ ²⁾.

Валленштернъ былъ человекъ хотя и пожилыхъ уже лѣтъ, но чрезвычайно дѣятельный и храбрый, какимъ и показалъ себя въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ заявленіе начальниковъ, но какъ человекъ совершенно новый, только недѣли за двѣ пріѣхавшій изъ Сибири и не успѣвшій осмотрѣться ³⁾, принужденъ былъ сказать о томъ Рейнсдорпу. Вылазка была отменена, и оренбургскій губернаторъ просилъ Военную Коллегію прислать ему на помощь войска и хорошихъ командировъ.

«Состояніе Оренбургской губерніи, писалъ Рейнсдорпъ графу

¹⁾ Въ ордерѣ отъ 8 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ) книга № 1.

²⁾ Рапортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи отъ 9 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

³⁾ Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 года. Рукописная книга № 559 изъ собранія графа Уварова.

Чернышеву¹⁾, весьма жалкое и болѣе опасное, чѣмъ я могу вамъ описать. Регулярная армія силой въ 10 тысячъ человекъ не испугала бы меня, но одинъ измѣнникъ съ тремя тысячами бунтовщиковъ заставляетъ дрожать весь Оренбургъ. Священное имя монарха, которымъ этотъ злодѣй злоупотребляетъ, и его неслыханная жестокость отняли у подчиненныхъ мнѣ офицеровъ почти все мужество и къ несчастію между ними нѣтъ и двухъ испытанныхъ на практикѣ. Мой гарнизонъ, состоящій всего изъ 1,700 человекъ, есть единственная команда, на которую я полагаюсь. По милости Всевышняго мы поймали 12 шпионовъ, посланныхъ этимъ злодѣемъ: двое назначены были умертвить меня, а остальные чтобы зажечь городъ».

Не полагаясь ни на одного казака, оренбургскій губернаторъ принужденъ былъ принять оборонительный образъ дѣйствій, предоставить инициативу самозванцу, и смотрѣть безучастно на расширеніе его власти въ краѣ. Такое положеніе было оскорбительно для оренбургскаго губернатора, и генералъ Рейнсдорпъ, обходя по нѣскольку разъ въ день укрѣпленія и ободряя гарнизонъ²⁾, достигъ того, что тѣ же самыя командиры, которые отказались идти на вылазку, «по довольномъ увѣщаніи одумались и къ той атакѣ готовыми себя представили».

12 октября маіоръ Наумовъ со своимъ отрядомъ опять вышелъ изъ города и двинулся противъ мятежниковъ. «Регулярныя войска, доносилъ Рейнсдорпъ³⁾, столь крѣпко наступали, что ежели бы нерегулярныя имъ соотвѣтствовали и по предписанію моему учили, то бы желаемого успѣха весьма достигнуть было можно, а то послѣднія по робости ихъ противъ разсѣяннаго непріятеля почти ничего не дѣйствовали, а стояли подъ защитой пушекъ».

Мятежники въ разсыпную окружили со всѣхъ сторонъ отрядъ, и Наумовъ, послѣ четырехчасовой канонады, принужденъ былъ

¹⁾ Въ частномъ письмѣ отъ 9 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 88.

²⁾ По словамъ г. Сукина, губернаторъ весьма часто обходилъ укрѣпленія, ободрялъ гарнизонъ и всегда являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ.

³⁾ Репортъ Рейнсдорпа Военной Коллегіи 16 октября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга № 2.

построить каре и, скрывъ немъ орудія, отступить къ городу. Онъ потерялъ при этомъ 22 человѣка убитыми, 31 человѣка ранеными, 6 человѣкъ захваченными въ плѣнъ, а 64 человѣка передались на сторону самозванца.

Эта новая неудача заставила Рейнсдорпа отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій до прибытія подкрѣпленій, и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ недѣль военныя дѣйствія подъ Оренбургомъ не сопровождались никакими особенностями, которыя могли бы измѣнить взаимное положеніе сторонъ. Почти ежедневно небольшія кучки мятежниковъ подходили къ крѣпости, кричали, чтобы гарнизонъ сдался государю, по нимъ производилось нѣсколько выстрѣловъ, и тѣмъ дѣло кончалось.

Рейнсдорпъ предписалъ начальнику Верхне-Озерной дистанціи, бригадиру Корфу, собрать команды съ постовъ и идти къ нему на помощь; просилъ о томъ же киргизскаго Айчувакъ-султана, а Пугачевъ разослалъ повсюду воззванія и приглашалъ въ свою толпу киргизовъ, ногайцевъ, заводскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ приказывалъ выпустить всѣхъ содержащихся въ тюрьмахъ и «у хозяевъ имѣющихся въ невольности людей», и всѣмъ кто получитъ его указъ, идти на соединеніе съ его толпой.

«Приказаніе отъ меня такое, писалъ самозванецъ: ¹⁾ если будутъ оказываться противники, таковыми головы рубить и кровь проливать, чтобы дѣтямъ ихъ было въ предосторожность. И какъ ваши предки, отцы и дѣды служили дѣду моему *блаженному богатырю*, государю Петру Алексѣвичу, и какъ вы отъ него жалованье (получали), такъ и я нынѣ и впредь васъ жаловать буду и пожаловалъ землею, водою, вѣрою и молитвою, пажитью и денежнымъ жалованьемъ, за что должны вы служить до послѣдней гибели, и буду вамъ за то отецъ и жалователь; и не будетъ отъ меня лжи много, будетъ милость, въ чемъ я далъ мою предъ Богомъ заповѣдь. Буде кто противъ меня будетъ противникъ и невѣроятенъ, таковымъ не будетъ отъ меня милости: голова будетъ рублена, а пажити ограблены».

Какъ это, такъ и другія воззванія самозванца были приняты

¹⁾ Госуд. Арх. VI, дѣло № 415.

населеніемъ съ большимъ сочувствіемъ: они общали каждому свободу религіи, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и надѣленіе землей.

Прежде всего присоединились къ Пугачеву тѣ 400 человекъ башкирцевъ, которые были вытребованы для подкрѣпленія гарнизона Оренбурга, а затѣмъ былъ полученъ въ Башкиріи указъ самозванца, отправленный изъ Каргалинской слободы. Указъ этотъ поднялъ большую часть населенія, такъ что когда черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ башкирскія селенія сержантъ Бѣловъ, посланный изъ Таналыкской крѣпости собрать башкирцевъ для защиты линіи, то онъ увидѣлъ, что почти всѣ уже были вооружены ¹⁾. Бѣловъ передалъ старшинамъ приказаніе бригадира Корфа, чтобъ они собрали свои силы и шли на помощь Верхне-Озерной крѣпости, но башкирцы отвѣчали, что идутъ къ государю. Раздѣлясь на двѣ партіи, они отправились въ станъ самозванца: сначала прибылъ старшина Еманъ-Серай съ 500 человекъ, а чрезъ нѣсколько дней пришелъ и старшина Кинзя, также съ 500 человекъ. ²⁾ Пугачевъ щедро наградилъ старшинъ, и изъ взятыхъ въ разныхъ крѣпостяхъ денегъ приказалъ выдать по рублю каждому пришедшему башкирцу ³⁾.

Не ограничиваясь этимъ первымъ успѣхомъ, самозванецъ разослалъ свои указы по крѣпостямъ и форпостамъ, требуя покорности какъ отъ гарнизоновъ, такъ и отъ комендантовъ. Одинъ изъ такихъ указовъ дошелъ до бригадира Корфа и поставилъ его въ странное положеніе. Пугачевъ требовалъ, чтобы бригадиръ поступилъ къ нему въ подданство, *«а какъ штиль въ оногъ (указъ) явствуетъ на складѣ крестьянскій, писалъ Корфъ ⁴⁾», слѣдовательно потому и надобно думать сіе несправедливо*. Одумавшись, Корфъ приказалъ собрать со всей ввѣренной ему дистанціи регулярныя команды въ Верхне-Озерную крѣпость и намѣ-

¹⁾ Предложеніе подполковника Росса въ состояціи вверхъ по рѣкамъ Яику и Ую крѣпости отъ 15 октября 1773 года. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

²⁾ Показаніе Пугачева, 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

³⁾ Показаніе Зарубина (Чики). Тамъ же, № 422.

⁴⁾ Комендантъ Верхне-Яицкой дистанціи Е. А. Ступишину, 7 октября 1773 года. Тамъ же, № 504.

рентъ былъ здѣсь защищаться. При этомъ сборѣ оказалось, что на всемъ протяженіи, отъ Нѣжинскаго редута до Губерлинской крѣпости, находилось на службѣ 1,156 человекъ нерегулярнаго войска и только 340 регулярныхъ. При требованіи командъ въ Верхне-Озерную крѣпость многіе казаки, калмыки и башкиры бѣжали, а изъ Нѣжинскаго и Вязовскаго редутовъ, съ ихъ форпостами и заставами, команды вовсе не прибыли. Точно также отказались идти въ Озерную и красногорскіе казаки, получившіе уже указъ Пугачева, адресованный на имя капитана Уланова, который по своей «безразсудности» прочелъ его публично при собраніи казаковъ. Хотя Улановъ и былъ за это арестованъ, но казаки все-таки не пошли въ Озерную, гдѣ собрались команды лишь нѣкоторыхъ крѣпостей и были расположены лагеремъ.

Вскорѣ бригадиръ Корфъ узналъ, что среди прибывшихъ командъ находятся явные сторонники Пугачева и что одинъ изъ таковыхъ, казакъ пригорода Табынска, Тимоѣй Красильниковъ, успѣлъ съѣздить въ станъ самозванца и привезти оттуда указъ на имя атамана Немирова.

Утромъ 8 октября вся нерегулярная команда отправилась изъ лагеря въ Верхне-Озерную крѣпость, причемъ Красильниковъ впереди всѣхъ везъ указъ Пугачева и показывалъ его народу ¹⁾.

Корфъ вышелъ изъ своего дома и потребовалъ указъ; но Красильниковъ не отдалъ его бригадиру, а просилъ собрать сначала всѣхъ казачьихъ старшинъ и призвать атамана Немирова, чтобъ онъ прочелъ его всенародно. Хотя старшины «на тотъ случай, къ отвращенію и увѣщеванію отъ худыхъ мыслей» и собраны были въ домъ Корфа, но онъ не призналъ нужнымъ ихъ вызывать и взялъ силой указъ отъ Красильникова. Пришедшая толпа бросилась тогда бѣжать изъ крѣпости въ лагерь съ крикомъ: «ступай на конь и бери ружья!» Корфъ двинулъ вслѣдъ за бѣжавшими регулярную команду и приказалъ атаковать возмущившихся. При этой атакѣ были убиты два табынскіе казака, а прочіе, сѣвъ на

¹⁾ Г. Анучинъ говоритъ, что казаки требовали, «чтобы привезенный ими на ружьи указъ Пугачева былъ прочитанъ всенародно» (Военн. Сборникъ, 1869 года, № 5, стр. 38). Въ подлинникѣ же сказано: «вези тотъ запечатанный указъ въ показаніе народу наруже», то-есть открыто.

коней, «разсѣялись грусами по разнымъ мѣстамъ, изъ коихъ тѣ самыя, по которымъ стрѣляли, больше сорока человѣкъ, совсѣмъ бѣжали, а калмыки и нѣкоторые казаки возвращены уже ласкательствомъ». Возвращенные были приведены къ присягѣ, но побѣги не прекратились. Посланный на другой день урядникъ Бѣлоглазовъ съ одиннадцатю казаками для развѣдыванія о мятежникахъ не возвратился и ушелъ въ толпу самозванца вмѣстѣ со всею командой. Тогда Корфъ перевелъ всю нерегулярную команду изъ лагеря въ крѣпость и, перемѣшавъ ее съ солдатами, разставилъ по укрѣпленіямъ. Казаки и калмыки потребовали фуража для лошадей. Бригадиръ приказалъ выдать имъ деньги изъ экстраординарной суммы; но сознавалъ, что положеніе его среди подобнаго гарнизона незавидно. Оно усложнялось еще и тѣмъ, что въ Верхне-Озерной крѣпости находилось до 200 конфедератовъ, легко могшихъ перейти на сторону мятежниковъ, а въ окрестностяхъ начались грабежи киргизъ-кайсаковъ.

Собравшись довольно значительными партіями, киргизы отгоняли скотъ изъ-подъ самыхъ крѣпостей, покушались на то же самое и въ Верхне-Озерной, но были прогнаны. 11 октября они пытались овладѣть Губерлинскою крѣпостью, а оставшійся командиромъ въ Ильинской крѣпости сержантъ Мартышевъ въ тотъ же день доносилъ, что близъ самой крѣпости, за рѣкой Яикомъ, разбѣгаютъ киргизы значительными толпами. Для защиты этихъ пунктовъ Корфъ отправилъ по 20 человѣкъ команды въ каждую крѣпость, но въ этотъ день (13 октября) получилъ приказаніе Рейнсдорпа идти со своимъ отрядомъ въ городъ Оренбургъ для усиленія гарнизона. Корфъ не рѣшился тотчасъ же выступить изъ крѣпости и требовалъ себѣ помощи съ крѣпостей и постовъ Верхо-Яицкой линіи ¹⁾. Онъ писалъ комендантамъ ²⁾, что хотя ему и слѣдовало бы идти какъ можно скорѣе къ Оренбургу, чтобы напасть тамъ на мятежниковъ совокупными силами, но «въ разсужденіи колеблемости въ нерегулярныхъ, дабы они, при сраженіи съ непріате-

¹⁾ Рапортъ Корфа Рейнсдорпу 14 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ). Книга № 1.

²⁾ Отношеніе Корфа дистанціоннымъ и крѣпостнымъ комендантамъ по линіи отъ Орской до Троицкой крѣпости 14 октября 1773 года. Тамъ же. Книга № 2.

лемъ, не измѣнили и тѣмъ не подвергли регулярныхъ большой опасности, а оставшіяся крѣпости въ малолюдствѣ бѣдствію съ одними регулярными, которыхъ не болѣе набраться можетъ 400 человекъ, выступить я удержался до присылки требуемыхъ мною съ верхнихъ крѣпостей командъ».

Расчеты Корфа на прибытіе скорой помощи не оправдались. Слухъ о появленіи «государя» проникъ уже далеко отъ Оренбурга, и почти все населеніе Оренбургской губерніи пришло въ движеніе. Еще 5 октября комендантъ Зелаирской крѣпости, поручикъ Долгоносовъ, просилъ помощи у начальника Верхне-Яицкой дистанціи, полковника Ступишина, и писалъ ему, что въ составѣ гарнизона Зелаирской крѣпости находится всего одна рота Озернаго гарнизоннаго баталіона и въ ней болѣе половины польскихъ конфедератовъ, «на коихъ надежды вѣрной, къ сохраненію вѣрноподанныхъ, уповать не можно, ибо они, какъ я развѣдалъ, не хотятъ за Россію стоять» ¹⁾. Ступишинъ отказалъ въ помощи Долгоносову, такъ какъ въ окрестностяхъ Верхне-Яицкой крѣпости поднималось уже все заводское населеніе, среди котораго появились эмиссары Пугачева.

По мѣрѣ того, какъ регулярныя войска оставляли заставы, форпосты, укрѣпленія и собирались въ центральныхъ пунктахъ дистанцій, оставшееся населеніе принимало сторону самозванца, и покинутыя укрѣпленія занимались мятежниками. Такимъ путемъ были заняты: Пречистенская и Красногорская крѣпости, Нѣжинскій и Вязовскій редуты и другіе пункты. Утверждаясь въ укрѣпленныхъ пунктахъ, приверженцы Пугачева, безъ его вѣдома и указаній, сами все шире и шире распространяли свою дѣятельность въ краѣ и встрѣчали повсюду сочувствіе. Принявъ на себя самовольно званіе полковниковъ и атамановъ, предводители шаекъ дѣйствовали именемъ Петра III и распоряжались по своему усмотрѣнію. Если предводителемъ партіи былъ яицкій казакъ, то онъ считалъ долгомъ заявить населенію, что царь приказалъ ломать нынѣшнія церкви и строить семиглавыя, а креститься не трехперстнымъ, а двухперстнымъ сложеніемъ. Предводитель башкирцевъ

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 504.
Томъ II.

говорилъ, чтобы крестьяне своихъ помѣщиковъ не слушали, и что отъ государя приказано: «ежели кто помѣщика убьетъ до смерти и домъ его разорить, тому дано будетъ жалованья 100 рублей, а кто десять дворянскихъ домовъ разорить, тому тысяча рублей и чинъ генеральскій»¹⁾). Населеніе предавалось разгулу и пьянству, а помѣщики бѣжали, кто куда могъ, оставляя свое имущество на разграбленіе мятежникамъ. Уже въ началѣ октября почти всѣ имѣнія, раскинутыя на сто и болѣе верстъ вокругъ Оренбурга, были брошены ихъ владѣльцами. Помѣщикъ селенія Ляховки, находившагося въ 250 верстахъ отъ Оренбурга, отставной капитанъ Петръ Ляховъ, и его сосѣди: отставной маіоръ Александръ Кудрявцевъ, капитанъ Михайло Карамзинъ и прапорщикъ Данило Куродовъ, при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, подъ Оренбургомъ оставили свои имѣнія. Едва успѣли они уѣхать, какъ въ имѣніе Карамзина, село Михайловку, прибыли одиннадцать человекъ яицкихъ казаковъ.

— Дома помѣщикъ? былъ первый вопросъ прибывшихъ.

— Нѣтъ дома, отвѣчали работавшіе у церкви крестьяне.

Казаки приказали всѣмъ идти на господскій дворъ, гдѣ и объявили волю.

— Мы посланы, говорили они, — изъ арміи государя Петра Ѳедоровича разорять помѣщичьи дома и давать крестьянамъ свободу. Смотрите же, мужики, отнюдь на помѣщика не работайте и никакихъ податей ему не платите; а если мы впередъ заста-немъ васъ на помѣщичьей работѣ, то всѣхъ переколемъ.

Ограбивъ помѣщичій домъ, казаки уѣхали, приглашая желающихъ отправиться въ станъ государя и посмотреть его²⁾).

Другая такая же партія, въ ночь на 12 октября, прошла черезъ Бугульчанскую пристань и направилась на Воскресенскій Твердышева мѣдиплавильный заводъ. Управляющій заводомъ былъ убитъ, домъ его сожженъ и деньги забраны. Поверставъ болѣшую часть заводскихъ крестьянъ въ казаки, мятежники взяли съ собою

¹⁾ Показаніе священника села Ляховки, Петра Степанова. Государственный арх., VI, д. № 433.

²⁾ Показаніе Сидора Колесникова, 18 декабря 1773 года. Государств. Арх., VI, 433.

всѣ пушки, порохъ, снаряды и отправились къ Оренбургу въ станъ самозванца.

18 октября толпа инсургентовъ, состоявшая изъ пяти яцѣйхъ казаковъ и пятидесяти калмыковъ, появилась въ виду Сорочинской крѣпости, находившейся въ 170 верстахъ отъ Оренбурга. Какъ только получено было объ этомъ свѣдѣніе, казакъ Тимоѣй Черновъ побывалъ въ толпѣ и объявилъ жителямъ, что самъ государь идетъ въ крѣпость. Сговорясь съ присланнымъ въ Сорочинскъ за порохомъ изъ Тоцкой крѣпости, атаманомъ Никифоромъ Чулошниковымъ, они рѣшили встрѣтить мятежниковъ съ почетомъ. Разъѣзжая по городу на лошади и махая копьемъ, Черновъ требовалъ, чтобы населеніе вышло за городъ со звономъ колоколовъ и святыми иконами.

— Кто встрѣчать не пойдетъ, кричалъ Черновъ, — тѣхъ велѣно мнѣ колоть.

Жившій въ крѣпости отставной сержантъ Измайловскаго полка Петръ Бабаевъ, увѣрялъ, что былъ въ станѣ Пугачева, самъ его видѣлъ, и что по лицу и росту онъ точно бывший императоръ. Увѣреніе его смутило и начальника гарнизона, капитана Брейтигама, который приготовился было къ оборонѣ, а потомъ, узнавъ, что самозванецъ многихъ командировъ за послушаніе повѣсилъ, приказалъ снять пушки съ крѣпости и отвезти въ складъ.

Утромъ 20 октября толпа, предшествуемая бѣлымъ знаменемъ, стала подходить къ Сорочинску. Въ церкви ударили въ колоколъ, и все населеніе съ хоругвями и иконами двинулось за городъ. Впереди всѣхъ шелъ капитанъ Брейтигамъ съ хлѣбомъ и солью. Самозванный полковникъ слѣзъ съ лошади, приложился ко кресту и приказалъ всѣмъ идти въ церковь, гдѣ отслуженъ былъ молебенъ за здравіе императора Петра III. Послѣ молебна было произведено нѣсколько салютаціонныхъ выстрѣловъ и началась присяга, причемъ священникъ Кирилла Васильевъ присягнулъ первый, а за нимъ и всѣ остальные. Послѣ разбитія кабаковъ и усиленной попойки, мятежники удалились изъ Сорочинской крѣпости, захвативъ съ собою двѣ пушки, тридцать пять бочекъ пороху, два ящика ядеръ и всю денежную казну ¹⁾.

¹⁾ Репортъ симбирскаго коменданта Чернышева казанскому губернатору 31 октября 1773 года. Показаніе Петра Бабаева 17 декабря 1773 года. Государств. Арх., VI

Ободренный столь неожиданнымъ успѣхомъ и усиленіемъ своей толпы, Пугачевъ, по совѣту главнѣйшимъ образомъ Зарубина (Чики) и другихъ лицкихъ казаковъ, почти ежедневно разсылалъ свои указы въ разныя стороны, и спустя нѣсколько дней по прибытіи подъ Оренбургъ, отправилъ лицкаго казака Дмитрія Лысова къ калмыкамъ, а ссыльно-каторжнаго Хлопушу—на заводы. Лучшаго выбора, конечно, Пугачевъ сдѣлать не могъ: Хлопуша зналъ Оренбургскую губернію вдоль и поперекъ, жилъ и работалъ самъ на нѣсколькихъ заводахъ, и, бѣгая три раза изъ Сибири, зналъ всѣ заводы наперечетъ.

— Снаряжайся-ка въ дорогу, сказалъ однажды Шигаевъ, отыскавъ Хлопушу.

— У меня хлѣба нѣтъ, отвѣчалъ хитрый каторжникъ.

— О хлѣбѣ не пекись, а пойдемъ-ка къ государю.

Хлопуша и Шигаевъ пришли въ кибитку самозванца.

— Возьми ты двухъ казаковъ, говорилъ Пугачевъ Хлопушѣ,— да провожатаго съ Авзяно-Петровскаго завода ¹⁾, крестьянина Дмитрія Иванова, поѣзжай туда и объяви заводскимъ крестьянамъ указъ, и если будутъ согласны мнѣ служить, то посмотри, есть ли мастера лить мортиры, и если есть, то прикажи лить.

Снабженный деньгами на дорогу, Хлопуша отправился по назначенію, а слѣдомъ за нимъ выѣхалъ, 14 октября, и Шигаевъ съ указомъ, въ которомъ самозванецъ писалъ: «Никогда и никого не бойтесь, и моего непріятеля, яко сущаго злодѣя, не слушайте; кто меня не послушаетъ, тому за то учинена будетъ казнь» ²⁾. Имѣя порученіе собирать казаковъ по верхнимъ яцкимъ

дѣло № 462. Показаніе священника Кирилы Васильева 9 декабря 1773 года. Тамъ же, № 433.

¹⁾ Авзяно-Петровскій желѣзный заводъ названъ по рѣкѣ Авзянѣ и построенъ въ 1753 году. Онъ находился отъ Оренбурга въ 330, отъ города Уфы въ 250 и отъ Табынска въ 100 верстахъ. Сначала заводъ принадлежалъ графу А. П. Шувалову, а потомъ дворянину Евдокиму Демидову. Къ заводу было приписано: крестьянъ изъ Казанскаго уѣзда 3,708 душъ, изъ черносошныхъ крестьянъ—1,002 души, да собственныхъ Демидова, переведенныхъ изъ его вотчинъ, 274 души; всего на заводѣ было до 4,784 душъ.

²⁾ Въ заголовкѣ указа было написано: «Всѣмъ арміямъ государь, Россійскою землею владѣтель, государь и великая свѣтлость, императоръ Россійскій, царь Петръ Ѳеодоровичъ, ото всѣхъ государей и государыни отмѣнный», и проч., и проч.

форпостамъ, Шигаевъ успѣлъ привести до 100 человѣкъ въ станъ самозванца. Нѣсколько дней спустя прибыло еще 100 человѣкъ казаковъ, бѣжавшихъ изъ Яицкаго городка, подъ начальствомъ казака Серебренцова. Они привезли съ собою связаннаго старшину Копѣчкина, котораго Пугачевъ, по просьбѣ казаковъ, приказалъ четвертовать ¹⁾. За казаками пришли высланные Хлопушей 83 человѣка заводскихъ крестьянъ Преображенскаго (Зелаирскаго) Твердышева завода ²⁾ и привезли много денегъ, пять пушекъ и весь порохъ, какой былъ въ заводѣ ³⁾.

Спустя нѣсколько дней, въ станъ самозванца явились: черемисскій старшина Мендей съ 500 человѣкъ, башкирскій старшина Альвей съ 600 человѣкъ и старшина ставропольскихъ калмыковъ Дербетевъ съ 300 человѣкъ ⁴⁾.

По мѣрѣ того, какъ увеличивались силы мятежниковъ, Пугачевъ принималъ мѣры къ тѣснѣйшей блокадѣ Оренбурга, и не надѣясь взять крѣпость приступомъ, намѣренъ былъ голодомъ принудить жителей сдаться и просить пощады.

Изрѣдка самозванецъ подвозилъ свои орудія и бомбардировалъ городъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, устраивалъ даже подобіе осадныхъ батарей, но видя весьма малый успѣхъ въ дѣйствіяхъ своей артиллеріи, приказалъ жечь сѣно и уничтожать запасы. Оренбургу грозила опасность въ самомъ непродолжительномъ времени остаться безъ фуража. Поэтому генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ призналъ необходимымъ выслать изъ города всѣхъ лошадей,

¹⁾ Это тотъ самый Копѣчкинъ, который во время возмущенія казаковъ и убійства генерала Траубенберга былъ на сторонѣ старшинъ, а потомъ посылаемъ былъ изъ Яицкаго городка для поимки Пугачева предъ его появленіемъ.

²⁾ Преображенскій (Зелаирскій) мѣдиплавильный заводъ находился на почтовой Челябинской дорогѣ. Заводъ этотъ построенъ въ 1750 году коллежскимъ ассесоромъ Твердышевымъ и Мясниковымъ на рѣчкѣ Урманъ-Тжеलाईръ. Отъ этой рѣки онъ получилъ искаженное названіе *Зелаирскаго*, а по церкви, построенной во имя Преображенія Господня, названъ *Преображенскимъ*. Въ заводѣ было 214 домовъ съ населеніемъ въ 587 душъ мужскаго пола. Заводъ не имѣлъ укрѣпленій, но укрѣпленъ былъ самою природой: отовсюду окружали его высокіе каменные утесы (Путешествія академиковъ Лепехина и Фалька).

³⁾ Рапортъ коменданта Зелаирской крѣпости полковнику Ступишину, 21 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга № 1.

⁴⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

принадлежавшихъ частнымъ лицамъ и негодныхъ казенныхъ ¹⁾, а рогатый и мелкій скотъ совѣтовалъ жителямъ употреблять въ пищу или же самимъ озаботиться приобрѣтеніемъ фуража, доставать который было очень трудно и почти невозможно, въ виду наступившаго холоднаго времени и совершеннаго бездорожья.

14 октября выпалъ первый снѣгъ, наступили морозы, и на рѣкѣ Яикѣ появились ледяныя закраины; къ утру 16 числа снѣгу выпало столько, что начали ѣздить на саняхъ. Въ такую погоду гарнизону тяжело становилось постоянно находиться на валу крѣпости, и необходимо было устроить закрытія для защитниковъ. Рейнсдорпъ выслалъ 15 октября особыя команды за лѣсомъ и лубками, для устройства землянокъ, и нѣсколько сотъ подводъ за сѣномъ. Вылазка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и мятежники не оказали никакого препятствія, такъ какъ имъ самимъ приходилось плохо, и они много терпѣли отъ стужи и непогоды. Мнимый государь ихъ жилъ въ калмыцкой кибиткѣ, а всѣ его сообщники валялись по степи ничѣмъ неприкрытые или прятались по кустамъ, спасаясь отъ холода. Опасаясь ропота и побѣговъ, Пугачевъ 18 октября перешелъ отъ рѣки Яика къ рѣкѣ Сакмарѣ, и остановясь въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, между Бердинскою слободой и Маячною горой, расположилъ часть своей толпы по домамъ и сараямъ, а для остальныхъ началъ строить землянки. Если бы Рейнсдорпъ въ это время выслалъ изъ крѣпости отрядъ подъ предводительствомъ энергичнаго начальника, онъ, конечно, могъ бы разогнать толпу плохо вооруженную и неимѣвшую пристанища; но предыдущія неудачи заставили оренбургскаго губернатора быть осторожнымъ и придавать силамъ самозванца гораздо большее значеніе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ.

Рейнсдорпъ рѣшился поджидать прибытія подкрѣпленій, а Пугачевъ, пользуясь бездѣйствіемъ губернатора, принималъ самыя дѣятельныя мѣры къ усиленію своей толпы.

Въ концѣ октября онъ отправилъ двухъ посланныхъ, одного опять къ башкирамъ, а другого къ киргизамъ. При этомъ Кинзя

¹⁾ Отправленные въ Уфимскій уѣздъ, Верхне-Яицкую дистанцію и Илецкую заштиту, лошади эти впослѣдствіи были захвачены мятежниками.

Арслановъ писалъ башкирскому старшинѣ Аблаю Мурзагулову: «Желаемое нами отъ Бога, далъ Богъ намъ. Отъ земли потерянный царь и великій государь Петръ Ѳедоровичъ подлинный самъ, клянусь тебѣ Богомъ, и сынъ его Павелъ Петровичъ съ 72,000 донскихъ казаковъ къ намъ приближается» ¹⁾).

Разсылая свои воззванія, Пугачевъ не переставалъ тревожить Оренбургъ и въ этомъ отношеніи выказалъ гораздо большую дѣятельность, чѣмъ губернаторъ. Начиная съ 22 октября и по 4 ноября мятежники находились почти постоянно въ виду города и вели перестрѣлку съ гарнизономъ. Пользуясь окружающими городъ мѣстными закрытіями, неуничтоженными зданіями форштадта и даже Георгіевскою церковью, Пугачевъ тайно по ночамъ подвозилъ свои орудія и высылалъ стрѣлковъ, которые съ наступленіемъ утра открывали огонь. Изъ крѣпости имъ отвѣчали тѣмъ же, и взаимная канонада продолжалась по нѣскольку часовъ, съ малымъ однакоже успѣхомъ для обѣихъ сторонъ. Среди этой канонады одиночные всадники подъѣзжали къ городскому валу и совѣтовали гарнизону сдаться.

— Господа ящкіе казаки, кричалъ одинъ изъ такихъ, — пора вамъ одуматься и служить государю Петру Ѳедоровичу.

Другой изъ подъѣхавшихъ звалъ стоявшихъ на валу защитниковъ къ себѣ въ гости и кричалъ: «у нашего батюшки вина много»!

— Приѣзжайте-ка вы къ намъ со своимъ царемъ обѣдать, кричали съ городского вала, — у насъ въ городѣ вина больше.

— Погодите, приѣдемъ, отвѣчали мятежники, и дѣйствительно утромъ 27 октября Пугачевъ почти со всеми своими силами показался въ виду города. Повидимому онъ намѣренъ былъ двинуться на штурмъ, но видя, «что крѣпости онъ одолѣть не могъ и въ крѣпость влѣзть было не можно» ²⁾, самозванецъ послѣ перваго отпора со стороны гарнизона приказалъ отступить.

— Не стану тратить людей, говорилъ онъ, — а выморю городъ моромъ.

¹⁾ Государств. Арх., VI, дѣло № 416.

²⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 512.

Съ этою цѣлью самозванецъ ежедневно посылалъ небольшія партіи тревожить жителей, перехватывать курьеровъ и уничтожать запасы. Въ ночь на 2 ноября мятежники построили вокругъ города батареи, и съ разсвѣтомъ открыли огонь, продолжавшійся цѣлый день. Такъ какъ на этотъ разъ батареи были устроены вблизи города, то непріятельскіе снаряды причинили нѣкоторый вредъ: человекъ шесть обывателей было убито, семь ранено; два ядра попали внутрь губернаторскихъ покоевъ, одно — въ двери палатки, гдѣ хранилась денежная казна, другое, — въ стѣну дома Солянаго управленія, гдѣ была судейская камора, и наконецъ на дворъ дома Рычкова. Хотя результаты продолжительнаго бомбардированія были почти ничтожны, но, во-первыхъ, стоили крѣпости 1,788 снарядовъ, выпущенныхъ въ отвѣтъ на выстрѣлы мятежниковъ, и во-вторыхъ, произвели сильное нравственное впечатлѣніе на жителей. Желая воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ и считая ядромъ защиты Оренбурга казаковъ яицкихъ и оренбургскихъ, Пугачевъ рѣшилъ вновь войти съ ними въ сношеніе и предложить сдать городъ.

— Я намѣренъ, говорилъ онъ Падурову, — къ городу послать казаковъ на переговоры, чтобы жители, не доводя себя до конечной гибели, сдались мнѣ. Напиши-ка ты отъ себя къ оренбургскому атаману Василю Могутову, да къ яицкому старшинѣ Мартемьяну Бородину, чтобы они, если желаютъ получить отъ меня за противность ихъ прощеніе, уговаривали бы городскихъ солдатъ и казаковъ, а равно губернатора и всѣхъ командировъ сдать городъ и покориться мнѣ въ подданство. Ты ихъ обнадежь, что я, право, ничего имъ не сдѣлаю и прощу. Если же они не сдадутся и мнѣ удастся штурмомъ городъ взять, то тогда я поступлю съ ними безо всякой пощады. Ты увѣрай ихъ въ тѣхъ письмахъ, что я точно Петръ III, да опиши притомъ и мои примѣты, вотъ какія: верхняго напередѣ зуба нѣтъ, правымъ глазомъ прищуриваю¹⁾. Они меня видѣли и помнятъ оныя примѣты. Да напиши Могутову и то: развѣ ты-молъ забылъ государевы милости, вѣдь онъ сына твоего пожаловалъ въ пажы.

¹⁾ Примѣты, ходившія въ народѣ о покойномъ Петрѣ III.

Падуровъ написалъ эти письма и принесъ ихъ самозванцу. Пугачевъ повертѣлъ ихъ предъ глазами и затѣмъ, передавая Ивану Почиталину, приказалъ прочитать ихъ ¹⁾).

— Очень хорошо, проговорилъ самозванецъ по окончаніи чтенія, — ты оставь ихъ у меня, я самъ запечатаю и отошлю въ городъ съ казаками.

Падуровъ писалъ атаману Могутову, что дальнѣйшее сопротивленіе приведетъ жителей въ крайнее разореніе, потому что государь намѣренъ штурмовать Оренбургъ, и уже получены съ заводовъ пять бомбъ такого большого размѣра, «что онѣ чинятся пороку по два пуда слишкомъ».

«Чѣмъ то допустить и всѣмъ разориться, прибавлялъ Падуровъ ²⁾), то не возможно ли, батюшка, уговорить его превосходительство Ивана Андреевича (Рейнсдорпа), чтобъ онъ склонился и по обычаю прислалъ бы къ нему письмо съ прописаніемъ тѣмъ, чтобъ онъ васъ простилъ и ничего бы надъ вами не чинилъ.

«Сверхъ того вамъ объявляю, батюшка Василій Ивановичъ, что онъ (Пугачевъ) упоминаетъ васъ всегда, что вы къ тому не склонны и вспоминаетъ то, какъ вашего сына Ивана Васильевича произвелъ въ пажи. Сверхъ того, вашему высокоблагородію объ немъ объявляю, что онъ роста средняго, лицомъ смуглъ, верхняго зуба нѣтъ, правымъ глазомъ прищуриваетъ».

Падуровъ увѣрялъ Бородину, что Пугачевъ истинный государь, и что всѣ распускаемые о немъ слухи ложны.

«Удивляюсь я вамъ, братецъ Мартемьянъ Михайловичъ», прибавлялъ Падуровъ ³⁾), «что вы въ такое глубокое дѣло вступили и всѣхъ въ то привлекли. Самъ ты знаешь, братецъ, противъ кого идешь! Ежели бы не вы съ дядею, то-бъ и разоренія на народъ того не было. Извѣстенъ ты самъ, какъ нашъ государь Петръ Ѳеодоровичъ умре, а нынѣ вы называете его донскимъ казакѣмъ Емельяномъ Пугачевымъ и яко бы у него ноздри рваны и клейменный. А по усмотрѣнію моему, у него тѣхъ признаковъ не имѣется».

¹⁾ Показаніе Падурова 10 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 506.

²⁾ Въ письмѣ Могутову, отъ 4 ноября 1773 года.

³⁾ Въ письмѣ Бородину, отъ 4 ноября 1773 года.

Требуя, чтобы Бородинъ и яицкіе казаки покорились самозванцу, Падуровъ просилъ Могутова сдѣлать то же и не смотрѣть на Мартемьяна Бородина и дядю его, своими поступками разорившими Яицкій городокъ и все яицкое войско.

Письма эти были оставлены безо всякаго отвѣта, и тогда Пугачевъ, видя что совѣты Падурова не дѣйствуютъ на атамановъ, отправилъ въ Оренбургъ слѣдующій указъ:

«Самодержавнаго императора
«Петра Федоровича всероссійскаго
«и проч., и проч., и проч.

«Имянной мой указъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію губернатору Иреинъдорпу (Рейнсдорпу) Ивану Анъдреивичу и всемъ господамъ и всякаго званія людямъ. Выдите вы изграда (изъ города) вонъ, вынесите знамена и оружіе, приклоните знамена и оружіе предъ великимъ государемъ. И за то великій Государь не прогнѣвался што вы учинили великую палбу и въ томъ великій Государь прощаетъ чиновныхъ и солдатъ и казаковъ и всякаго званія людей. А когда вы не выдите изграда вонъ да учините великую противность, то не будетъ вамъ отвеликаго государя прощенія и власти всевышняго создателя нашего избегнуть ниможете, никто васъ отнашея сильныя руки защититъ не можетъ. 1773 году, ноября 5 дня. Великій государь Петръ третій всероссійскаго» ¹⁾.

Едва манифестъ этотъ былъ доставленъ по назначенію, какъ въ лагерь самозванца прибѣжалъ мужикъ и объявилъ Овчинникову, что къ Сакмарѣ идетъ генералъ съ войсками.

— Велика ли у него команда? спросилъ Овчинниковъ.

— Не добре-де велика, отвѣчалъ прибѣжавшій, — однако-таки и не мала.

Извѣстіе это было тотчасъ же сообщено Пугачеву, и самозванецъ, понимая всю важность перваго столкновенія съ правительственными войсками, отправилъ на встрѣчу Кару самыхъ лучшихъ и дѣятельныхъ своихъ сподвижниковъ: атамана Овчинни-

¹⁾ Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга II, листъ 172.

кова и казака Зарубина (онъ же Чика и впослѣдствіи графъ Чернышевъ). Пугачевъ приказалъ Овчинникову не допустить Кара до Оренбурга и для того взять съ собою 500 человѣкъ казаковъ съ шестью орудіями, присоединить къ себѣ всѣ команды, какія только встрѣтитъ по дорогѣ, и Хлопушу, шедшаго съ Авзяно-Петровскаго завода съ набраннымъ имъ ополченіемъ.

На Авзяно-Петровскомъ заводѣ Хлопуша встрѣтилъ большое сочувствіе, и манифестъ Пугачева былъ принятъ съ восторгомъ, при всеобщихъ крикахъ: «Рады ему, государю, служить».

22 октября заводскіе рабочіе постановили, что такъ какъ «не самовольно», а въ силу государева указа имъ велѣно ѣхать съ завода, то они «повинились и ѣхать въ свое отечество согласны».

«И притомъ избрали мы отъ себя, писали они въ постановленіи¹⁾, для препровожденія оной нашей партіи тебя, Степана Панкина, ѣхать дорогой до своихъ жительствовавшихъ и въ проѣздѣ нашемъ никакихъ обидъ, ни налоговъ въ жительствовахъ ни чинить, въ томъ тебя и утверждаемъ».

Такихъ охотниковъ служить «государю» собралось до 500 человѣкъ, и они начали свою дѣятельность съ того, что сковали своего приказчика и шесть человѣкъ расходчиковъ, которые и были потомъ повѣшены самозванцемъ.

— Есть ли у васъ на заводѣ пушки? спрашивалъ Хлопуша собравшихся въ походъ рабочихъ.

Ему было представлено до 40 орудій, изъ которыхъ только шесть оказались годными. Взявъ съ собою эти орудія, 120 лошадей съ приборомъ, 7,000 рублей денегъ изъ конторы, 300 барановъ, 77 быковъ, пуда два серебряной посуды, столовые часы, два пуда пороху и всю господскую одежду, Хлопуша отправился со своимъ ополченіемъ въ путь, приказавъ оставшимся рабочимъ вылить шесть однопудовыхъ ядеръ и прислать ихъ подъ Оренбургъ.

По дорогѣ Хлопуша зашелъ на Воскресенскій Твердышева заводъ, но нашелъ его уже разграбленнымъ; большая часть рабо-

¹⁾ Постановленіе это подписали 26 представителей отъ приписанныхъ къ заводу деревень. Госуд. Арх., VI, дѣло № 416.

чихъ ушли уже къ Пугачеву ¹⁾. Отсюда Хлопуша направился къ Берду, но на пути былъ встрѣченъ яицкимъ казакомъ Самодуровымъ, который взялъ его съ 300 человекъ и двумя пушками на казанскую дорогу, въ отрядъ Овчинникова, и повелъ въ Биккулову деревню, гдѣ собирались силы самозванца для дѣйствія противъ отряда генераль-маіора Кара, слѣдовавшаго на выручку Оренбурга.

Остановясь въ деревнѣ Биккуловой и присоединивъ къ себѣ еще 1,500 человекъ башкирцевъ, шедшихъ на службу къ «государю», Овчинниковъ отправилъ Чику (Зарубина) съ небольшимъ отрядомъ въ деревню Юзееву и приказалъ ему наблюдать за движеніемъ правительственныхъ войскъ. Чика съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе, и, какъ увидимъ ниже, совершенно неожиданно атаковалъ авангардъ генераль-маіора Кара.

V.

Отъѣздъ Кара изъ Петербурга. — Боевыя средства, коими онъ могъ располагать. — Состояніе обороны Казанской губерніи. — Прибытіе Кара въ Кичуевскій фельдшанецъ. — Первоначальный планъ дѣйствій. — Встрѣча съ мятежниками у деревни Юзеевой. — Плѣненіе роты 2-го гренадерскаго полка. — Прапорщикъ Швановичъ. — Отступление Кара. — Печальная судьба, постигшая полковника Чернышева и его отрядъ. — Неудачная вылазка изъ Оренбурга 14 ноября.

Осенняя распутица и дурная дорога задержали генераль-маіора Кара въ пути, и лишь 20 октября онъ прибылъ въ Москву. Посланный за нимъ фельдъегерь нагналъ его 18 октября въ Вышнемъ-Волочкѣ и передалъ ему экземпляры увѣщательнаго манифеста императрицы ²⁾. Въ 11 часовъ утра, 21 октября, Каръ выѣхалъ изъ Москвы въ Казань, а вслѣдъ за нимъ, 22 октября, прискакалъ изъ Калуги генераль-маіоръ Фрейманъ и въ тотъ же день отправился далѣе.

Спустя два дня, 24 октября, выступила изъ Москвы гренадер-

¹⁾ Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 467 (13).

²⁾ Всеподд. донесеніе Кара 18 октября 1773 года. *Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта*. Я. К. Грота. *Записки Акад. Наукъ*. Т. I. Приложение.

ская рота Вятскаго полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ секундъ-маіора Черносвитова ¹⁾, а 27 октября двинулась и гренадерская рота Томскаго полка ²⁾. Остальныя войска, назначенныя въ распоряженіе генералъ-маіора Кара, выступили въ походъ лишь въ началѣ ноября и могли прибыть къ мѣстамъ назначенія не ранѣе января 1774 года ³⁾.

Такимъ образомъ, для предстоящихъ дѣйствій генералъ-маіоръ Каръ могъ разсчитывать только на тѣ войска, которыя были отправлены изъ Москвы и собраны казанскимъ губернаторомъ.

Послѣдній выѣхалъ изъ Казани на границу губерніи, чтобы быть ближе къ мѣсту происшествій и наблюдать за движеніями и дѣйствіями мятежниковъ.

Прибывъ 17 октября въ Кичуевскій фельдшанецъ и желая оказать помощь оренбургскому губернатору, генералъ-поручикъ фонъ-Брандтъ совѣтовалъ ставропольскому коменданту, бригадиру фонъ-Фегезаку, чтобы онъ, не ожидая приказаній отъ генерала Рейнсдорпа, собралъ сколько можно войскъ и калмыковъ и двинулся съ ними на выручку Оренбурга. На случай ухода войскъ, ставропольскимъ жителямъ объявлено, чтобы они никуда изъ города не отлучались и имѣли бы каждый *огненное и холодное оружіе*, а у кого такового нѣтъ, то сдѣлали бы себѣ копья. У рогатокъ и заставъ города Ставрополя были учреждены постоянныя караулы днемъ и ночью, и находившемуся при полицейскихъ дѣлахъ сержанту Григорьеву приказано, поочередно съ товарищемъ, ходить рундомъ по городу и о всемъ замѣченномъ рапортовать ⁴⁾.

¹⁾ Рапортъ Кара Военн. Коллегіи 21 октября изъ Москвы. Письмо кн. Волконскаго гр. Чернышеву отъ 24 октября. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I. Рапортъ новгородскаго губернатора Сиверса Сенату 23 октября. Государств. Арх., VI, д. № 504.

²⁾ Рапортъ кн. Волконскаго Военн. Коллегіи 28 октября 1773 г., № 19.

³⁾ Такъ, 22-я легкая полевая команда, подъ начальствомъ подполковника Гринева, выступила 4 ноября изъ Могилева; 23-я команда, подъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго, — 4 ноября изъ Полоцка; 24-я команда, подъ начальствомъ Муфеля, — 3 ноября изъ Бобра; 25-я легкая полевая команда, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Повало-Швейковскаго, — 4 ноября изъ Витебска, и наконецъ, 6 ноября собрались въ Луганской станицѣ для слѣдованія въ Царицынъ два эскадрона бахмутскихъ гусаръ подъ начальствомъ капитана Собова.

⁴⁾ Постановленія Ставропольской канцеляріи отъ 2 и 19 октября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

Для поддержанія движенія бригадира фонъ-Фегезака, казанскій губернаторъ приказалъ симбирскому коменданту, полковнику Чернышеву, собрать всѣхъ строевыхъ людей своего баталіона, и присоединивъ къ нимъ находившихся въ городѣ 150 человекъ солдатъ, назначенныхъ для отвода рекрутъ, двинуться съ ними по Самарской линіи ¹⁾ до Бузулукской крѣпости. Проходя чрезъ Ставрополь, Самару и другія крѣпости, Чернышевъ долженъ былъ забрать съ собою всѣ регулярныя и иррегулярныя войска и 500 человекъ калмыковъ, назначенныхъ для отправленія въ Яицкій городокъ, но за выжженіемъ степи непопавшихъ туда и вернувшихся обратно на Самарскую линію.

Одновременно съ движеніемъ Чернышева, генералъ Брандтъ двинулъ изъ Кичуя, по ново-московской дорогѣ ²⁾, чрезъ Бугурусланскую слободу, также къ Бузулуку премьеръ-маіора фонъ-Варнстедта съ шестьюстами человекъ казанскаго баталіона, двумя единорогами и тремя трехфунтовыми пушками. Для охраненія же границъ Казанской губерніи рѣшено было оставить въ Кичуѣ и по рѣкѣ Черемшану 400 солдатъ ³⁾ и всѣхъ вооруженныхъ поселенцевъ.

Не получая долгое время никакого извѣстія отъ Чернышева и не зная двинулся ли онъ по назначенію, генералъ Брандтъ приказалъ Варнстедту остановиться въ Бугульмѣ, выслать авангардъ по ново-московской дорогѣ и небольшой отрядъ въ деревню Усманову ⁴⁾.

Такимъ образомъ, протянувъ линію постовъ до Бузулукской крѣпости, Брандтъ установилъ ежедневные разъѣзды, «дабы жи-

¹⁾ Начинаясь у Самары, линія эта проходила чрезъ слободу Мочинскую, крѣпости: Борскую, Бузулукскую, Тоцкую, Сорочинскую, Переволоцкую, Татищеву и далѣе къ Оренбургу.

²⁾ Дорога эта проходила чрезъ Кичуевскій фельдшанецъ, Бугульму, деревню Сарманаеву и Сакмарскій городокъ въ Оренбургъ.

³⁾ Сто оставшихся отъ гарнизоннаго баталіона и триста армейскихъ, пришедшихъ изъ Петербурга для приѣма рекрутъ.

⁴⁾ Отрядъ этотъ былъ подъ начальствомъ поручика Красильниковъ и состоялъ изъ 86 человекъ (30 пѣхотныхъ солдатъ, 24 конныхъ поселянъ и 32 вооруженныхъ казанскихъ татаръ). Рапортъ Брандта Сенату, 21 октября 1773 года. Всепоход. рапортъ Брандта, отъ 27 октября 1773 года. Государ. Арх., VI, дѣло № 504. Военно-учен. арх., дѣло № 104 (а).

тели, видя толикую строгость, не льстились на злодѣйскія разглашенія и удобнѣе бы могли отъ того остерегаться, а паче бы всего отъ злодѣйской толпы или партіи не имѣли способу вѣдѣть въ здѣшніе предѣлы и производить злодѣйства» ¹⁾).

Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, казанскій губернаторъ хотѣлъ какъ можно скорѣе увѣдомить о томъ Рейнсдорпа, «но и за обѣщанное денежное вознагражденіе, доносилъ онъ ²⁾», не сыскалось охотниковъ провезти прямо въ Оренбургъ мое сообщеніе, почему уже и отправилъ оное въ Бузулукъ, предписавъ тамошнему коменданту, чтобъ онъ доставилъ чрезъ городъ Яикъ, киргизскою степью».

Въ такомъ положеніи была защита Казанской губерніи, когда 30 октября генераль-маіоръ Каръ пріѣхалъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, находившійся въ 432 верстахъ отъ Оренбурга. Войска, которыя должны были поступить въ его распоряженіе, состояли изъ трехъ незначительныхъ отрядовъ: 1) секундъ-маіора Астафьева, находившагося въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и на постахъ по границѣ Казанской губерніи; 2) премьеръ-маіора фонъ-Варнстедта, стоявшаго за Бугульмой, по ново-московской дорогѣ и имѣвшаго авангардъ въ Кутлумбетовой слободѣ, и 3) симбирскаго коменданта полковника Чернышева, стоявшаго въ Бузулукѣ и имѣвшаго авангарды въ Тоцкой и Сорочинской крѣпостяхъ.

Въ отрядѣ маіора Астафьева было 794 человекъ съ однимъ орудіемъ ³⁾; у Варнстедта—1,825 человекъ съ пятью орудіями ⁴⁾ и у Чернышева—849 съ двумя орудіями ⁵⁾),—всего 3,468 человекъ. Такимъ образомъ войска эти стояли преимущественно изъ старыхъ, никуда негодныхъ гарнизонныхъ солдатъ (1,631 человекъ), плохо вооруженныхъ поселянъ (1,231 человекъ) и лишь незначительнаго числа полевыхъ войскъ (606 человекъ).

¹⁾ Рапортъ Брандта Военн. Коллегіи, 6 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. № I, листъ 206.

²⁾ Сенату, отъ 21 октября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

³⁾ Изъ нихъ 84 человекъ гарнизонныхъ, 652 вооруженныхъ поселянъ и 58 вооруженныхъ татаръ, экономическихъ дворцовыхъ крестьянъ и дворянскихъ людей.

⁴⁾ Въ томъ числѣ 606 человекъ армейскихъ, 901 гарнизонныхъ и 318 вооруженныхъ поселянъ, татаръ, крестьянъ и дворянскихъ людей.

⁵⁾ Въ томъ числѣ 646 человекъ гарнизонныхъ и 203 казаковъ. Рапортъ Кара Военной Коллегіи, 31 октября 1773 года. Арх. Главн. Шт. (въ Петерб.), кн. I.

Собранное ополченіе было въ самомъ печальномъ положеніи и не имѣло никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Въ отрядахъ не было продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, не было ни обоза, ни достаточнаго числа артиллеріи. Въ отрядѣ майора Варнстедта было по счету пять орудій, но изъ нихъ два никуда не годились, а три могли быть употреблены только по нуждѣ. Недостатокъ въ артиллеріи былъ такъ ощутителенъ, что генераль-майоръ Каръ признавалъ невозможнымъ ожидать прибытія орудій изъ Москвы и просилъ генераль-поручика Баннера, за отсутствіемъ Брандта, командовавшаго войсками въ Казани, чтобъ онъ приказалъ доставить къ нему, изъ Саратова, хотя четыре орудія съ полнымъ числомъ прислуги. Прибывшій уже въ то время въ Саратовъ астраханскій губернаторъ Кречетниковъ взялъ эти орудія и отправилъ ихъ къ Кару на обывательскихъ подводахъ, съ полнымъ числомъ прислуги и подъ прикрытіемъ 20-ти человекъ нижнихъ чиновъ саратовскаго гарнизоннаго баталіона ¹⁾).

Разославъ повсюду увѣщательные манифесты и отправивъ на усиленіе отряда Варнстедта только-что прибывшую команду Томскаго полка и до 200 человекъ гарнизонныхъ солдатъ казанскаго баталіона, генераль-майоръ Каръ намѣренъ былъ самъ немедленно отправиться къ передовымъ войскамъ. Не имѣя никакихъ положительныхъ свѣдѣній о степени распространенія мятежа и не подозревая, что отрядъ Деколонга уже прибылъ на театръ дѣйствій и находится въ недалекомъ разстояніи отъ Оренбурга, Каръ зналъ только, что Пугачевъ со своею толпою стоитъ подъ Оренбургомъ, по рѣкѣ Сакмарѣ до казачьяго городка ²⁾). При этомъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брандтомъ, увѣрявшимъ, что толпа Пугачева немногочисленна и состоитъ *изъ сущей сволочи*.

На основаніи этихъ данныхъ Каръ рѣшилъ: прикрывая границу Казанской губерніи, между Волгой и Камой, двигаться впередъ по двумъ направленіямъ: по ново-московской дорогѣ и по

¹⁾ Рапортъ Кречетникова Сенату, 16 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

²⁾ Рапортъ Кара Военн. Коллегіи 31 октября 1773. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петерб.), кн. I.

Самарской линіи, для атаки мятежниковъ одновременно съ двухъ сторонъ. «Опасаясь только того—доносилъ онъ императрицѣ ¹⁾— что сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились».

Желая воспрепятствовать такому бѣгству и отрѣзать главнѣйшіе пути отступленія мятежникамъ, Каръ предписалъ полковнику Чернышеву занять какъ можно скорѣе Татищеву крѣпость, и для подкрѣпленія его намѣренъ былъ отправить генераль-маіора Фреймана съ 300 человекъ пѣхоты и нѣкоторымъ числомъ башкирцевъ, какъ только они прибудутъ къ отряду. Но присоединеніе послѣднихъ было дѣломъ весьма гадательнымъ и для самого Кара. Хотя на Богучанской и Стерлитамакской пристаняхъ собиралось до 2,000 башкирцевъ, но рассчитывать на ихъ содѣйствіе было нечего, такъ какъ часть ихъ открыто измѣнила, а остальные заявили, что пойдутъ къ «законному государю».

Мѣстное населеніе было вообще неблагонадежно, и увѣщательные манифесты императрицы не оказывали никакого дѣйствія. Илецкіе казаки задержали посланнаго съ манифестомъ и намѣрены были отправить его въ станъ самозванца; у яицкихъ же казаковъ, доносилъ Симоновъ ²⁾, по полученіи манифеста, «оказалось зло-вредное отрыгновеніе».

— Хотя и устраиваютъ насъ, говорили казаки, — публикуемыми манифестами, но мы того не боимся.

Противодѣйствіе казаковъ имѣло весьма важное значеніе для Кара: оно лишало его кавалеріи, а слѣдовательно и всѣхъ средствъ для полученія свѣдѣній о непріятелѣ и преслѣдованіи въ случаѣ успѣха.

«Я бы усердно желалъ, писалъ онъ ³⁾, сіе злодѣйское сборище захватить, но нахожу весь здѣшній край въ смятеніи и потому

¹⁾ Отъ 31 октября. *Матеріалы* и проч. Я. Грота. *Записки Академіи наукъ* Т. I, приложение 22.

²⁾ Рапортъ Симонова генералу Брандту 10 ноября 1773 года. Рапортъ его же. Сенату 21 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, дѣло № 504.

³⁾ Въ письмахъ графу З. Г. Чернышеву и князю А. А. Вяземскому отъ 31 октября 1773 года. Письма эти дословно одного и того же содержанія.

не надѣюсь получить къ преслѣдованію довольно легкихъ войскъ, ибо калмыковъ собрано было на Самарской линіи до пятисотъ, которые, выступя уже въ походъ, взбунтовавшись противъ опредѣленнаго къ нимъ штабъ-офицера и не пріемля никакихъ увѣщаній, разбѣжались врознь, а куда — донинѣ неизвѣстно. Подобнаго сему происшествія опасаясь я чтобы не послѣдовало и отъ башкирцевъ, потому что отъ бѣжавшаго въ толпу, со своими подчиненными, башкирскаго старосты Кинзи Арсланова, чрезъ разсѣяніе во всю Башкирію злодѣйскихъ возмутительныхъ писемъ, въ великой колеблемости находятся и по сіе время приходомъ къ регулярнымъ командамъ медлятъ.

«Однакожь, будутъ ли они или нѣтъ, съ одною пѣхотой прямо на толпу наступать стану. Только когда не дождавъ меня (непріятель) обратится въ бѣгъ, то преслѣдовать, по нынѣшнему уже почти зимнему времени, къ тому же и по малоселеніямъ, за неимѣніемъ провіанта и фуража, съ одною пѣхотой весьма трудно будетъ или и совсѣмъ невозможно».

Видя, что до его прибытія казанскій губернаторъ сдѣлалъ по сбору войскъ все что было возможно и *не находя откуда больше получить людей* для усиленія своихъ боевыхъ средствъ, генералъ-маіоръ Каръ отправился въ отрядъ маіора Варнстедта.¹⁾

Ноября 2 онъ прибылъ въ Бугульминскую слободу, гдѣ узналъ, что большая часть окрестныхъ селеній перешла на сторону самозванца, что жители покинули свои дома, что край совершенно разоренъ, и что, слѣдовательно, прежде чѣмъ двигаться впередъ, необходимо заготовить продовольствіе и фуражъ. Заготовленіе это производилось весьма медленно, и пришлось прибѣгать къ помощи реквизиціи, посылая для того довольно значительныя и самостоятельныя команды. Къ тому же плохое состояніе артиллеріи въ отрядѣ дурно дѣйствовало на собранныя войска, и среди гарнизонныхъ солдатъ замѣчалась «нѣкоторая колеблемость, что и принуждаетъ меня, писалъ Каръ²⁾, обождать слѣдующихъ сюда ар-

¹⁾ Въ рапортѣ Военной Коллегіи отъ 2 ноября 1773 года Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I.

²⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Кара отъ 31 октября 1773 года. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Ак. наукъ*, т. I. Приложение 22.

мейскихъ командъ и артиллеріи, дабы тѣмъ самымъ можно было *малодушіе ихъ утвердить, а въ противномъ случаѣ и къ достойному повиновенію принудить*. Однакожь, и при семъ состояніи по-маленьку со всѣмъ корпусомъ подаюсь».

Наступившіе жестокіе морозы задерживали движеніе, а невѣрно обозначенныя на картѣ разстоянія между селеніями сбивали всѣ расчеты Кара: вмѣсто одного перехода приходилось дѣлать два или ночевать въ степи.

Къ 6 ноября генераль-маіоръ Каръ съ отрядомъ Варнстедта дошелъ до деревень Мустафиной и Сарманаевой, гдѣ и рѣшился ожидать присылки къ нему изъ Казани артиллеріи и прибытія гренадерской роты 2-го гренадерскаго полка.

Въ это время въ отрядѣ Кара находилось налицо: 631 человекъ армейскихъ солдатъ, 740 гарнизонныхъ, 96 вооруженныхъ татаръ, конныхъ поселенныхъ и экономическихъ крестьянъ, всего 1,467 человекъ съ пятью орудіями.

Не смотря на разнохарактерный составъ своего ополченія и ограниченность боевыхъ силъ ¹⁾, генераль-маіоръ Каръ признавалъ, что быстрота дѣйствій есть единственное средство для успѣха. «Нынѣ употребить одно средство остается, писалъ онъ графу Чернышеву ²⁾, ввести волнующуюся чернь въ границы повиновенія ихъ должности, предпріятіемъ къ разбитію злодѣйской толпы съ тѣми только войсками и расположеніемъ, чтò ваше сіятельство изъ рапортовъ моихъ усмотрѣть изволите».

Все еще опасаясь, чтобы Пугачевъ, узнавъ о приближеніи войскъ, не «бросился» по Яицкой линіи или перебравшись за рѣку не пошелъ киргизскою степью, генераль-маіоръ Каръ вторично отправилъ 4 ноября приказаніе полковнику Чернышеву, чтобы онъ

¹⁾ Въ 1862 году были напечатаны Я. К. Гротомъ *Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта (Записки Академіи, т. I)*, изъ которыхъ видно какими силами располагалъ Каръ. Тѣмъ не менѣе въ 1866 году г. Д. Мордовцевъ писалъ («*Вѣстникъ Европы*» 1866 года, т. I, стр. 330), что у Кара была уже не одна негодница, не одни срамцы и скареды, но правильно организованное войско. Г. Мордовцевъ привелъ также преданіе о встрѣчѣ Кара съ Пугачевымъ, тогда какъ Пугачевъ никогда съ Каромъ не встрѣчался и былъ въ то время подъ Оренбургомъ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 6 ноября 1773 г. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петерб.). кн. I, 212; «*Военный Сборникъ*» 1869 года, № 5, 179.

какъ можно скорѣе выступилъ изъ Сорочинской крѣпости и занялъ Татищеву, а затѣмъ, со всѣми предосторожностями, слѣдовалъ къ Чернорѣченской крѣпости.

Общая подкрѣпить его людьми, провіантомъ и фуражемъ, генералъ-маіоръ Каръ поручалъ ему зорко слѣдить за непріятелемъ, и при первомъ покушеніи его къ бѣгству, преслѣдовать самымъ настойчивымъ образомъ, «ибо если я, писалъ онъ ¹⁾, не успѣю поспѣшить, то, по крайней мѣрѣ, для преслѣдованія въ тылъ вышлется изъ города Оренбурга за нимъ корпусъ». Каръ требовалъ, чтобы Чернышевъ донесъ ему, когда дойдетъ до Татищевой, дабы соображать съ этимъ и свое движеніе, и раннимъ появленіемъ съ одной стороны «не отогнать сего злодѣя отъ теперешняго мѣста, чрезъ что въ преслѣдованіи подвержены будутъ лишнимъ затрудненіямъ».

Планъ Кара и его расчеты были совершенно вѣрны, и казалось, что правительство имѣло всѣ средства разсѣять мятежниковъ. Подходившія къ Оренбургу подкрѣпленія окружали толпу самозванца съ трехъ сторонъ: въ деревняхъ Сарманаевой и Мустафиной находился отрядъ Кара; на пути изъ Сорочинской крѣпости въ Татищеву — отрядъ Чернышева; въ Верхне-Озерной крѣпости — отрядъ бригадира Корфа, а за нимъ въ Орскѣ — весьма значительныя силы Деколонга, пришедшія изъ Сибири. При одновременномъ и единодушномъ дѣйствіи этихъ отрядовъ, подкрѣпленныхъ еще вылазкой изъ Оренбурга, конечно, толпа мятежниковъ не въ состояніи была бы бороться съ регулярными войсками; но, къ сожалѣнію, начальники отрядовъ не выказали единства въ дѣйствіяхъ по причинамъ отъ нихъ не зависѣвшимъ. Каръ не подозрѣвалъ о близкомъ присутствіи отряда Деколонга и о сосредоточеніи въ Верхне-Озерной крѣпости отряда Корфа. Точно также Деколонгъ и Корфъ не имѣли никакихъ извѣстій о порученіи, данномъ Кару, да и самъ оренбургскій губернаторъ узналъ объ этомъ, когда Пугачевъ успѣлъ уже напасть на отряды по частямъ, разбилъ ихъ и праздновалъ побѣды.

¹⁾ Въ рапортѣ Военной Коллегіи отъ 6 ноября 1773 года, Я. К. Гротъ, *Записки Академіи*, т. I. приложение, 24.

7 ноября Каръ получилъ извѣстіе, что Хлопуша разграбилъ Авзяно-Петровскій заводъ и поднялъ все заводское населеніе, что 500 башкирцевъ передались на сторону самозванца и идутъ къ Оренбургу съ захваченными на заводѣ пушками и мортирами. Каръ рѣшился перехватить Хлопушу съ его толпой, и такъ какъ дорога отъ Бугульчанской пристани къ Оренбургу проходила около деревни Имангуловой, то шедшему впереди нижегородскихъ гарнизонныхъ баталіоновъ секундъ-маіору Шишкину, съ 400 пѣхотныхъ солдатъ, 92 всадниками и съ двумя орудіями, приказано было занять деревню Юзееву, находившуюся въ 32 верстахъ отъ Мустафиной.

Подходя къ деревнѣ Юзеевой, авангардъ Шишкина, состоявшій изъ 75 человекъ пѣхоты и 92 всадниковъ, былъ неожиданно атакованъ Чикой (Зарубинымъ) съ толпой въ 400 человекъ съ двумя орудіями. Восемнадцать конныхъ татаръ тотчасъ же передались на сторону самозванца, и сторонники Пугачева приглашали къ тому же остальныхъ всадниковъ, но огонь пѣхоты ободрилъ ихъ, и они остались при авангардѣ. Тогда мятежники, замѣтивъ приближеніе отряда Шишкина, выбрали своихъ убитыхъ и раненыхъ, и положивъ ихъ въ сани, усаkali. Шишкинъ занялъ деревню Юзееву, а въ 4 часа утра пришелъ туда и Каръ со своимъ отрядомъ. Темнота ночи и недовѣріе къ оставшимся всадникамъ не позволили ему отправить разъѣзды для собранія самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о непріятелѣ. Выставивъ кругомъ пѣхотные пикеты, Каръ рѣшился ожидать разсвѣта и тогда уже атаковать непріятеля¹⁾.

На утро 8 ноября оказалось, что деревня Юзеева и отрядъ Кара были окружены толпой, состоявшею человекъ изъ шестисотъ съ однимъ орудіемъ. Не нападая на войска, мятежники подсылали одиночныхъ всадниковъ уговаривать солдатъ, чтобъ они не сражались противъ самозванца. Въ отвѣтъ на это отправленъ былъ увѣщательный манифестъ императрицы, но мятежники, принявъ его, отвѣчали «что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять

¹⁾ Рапортъ Кара Военной Коллегіи 11 ноября 1773 года. *Матеріалы* Я. К. Грота. *Записки Ак. наукъ* т. I, приложение, 27. Письмо генераль-маіора Фреймана Кречетникову 22 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

изъ пушки». Каръ приказалъ открыть огонь изъ своихъ орудій, и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ толпа разбѣжалась.

Въ это время прибылъ подпоручикъ Татищевъ и донесъ Кару, что въ тотъ же день должна присоединиться къ отряду рота 2-го гренадерскаго полка, шедшая изъ Симбирска, въ составѣ 4 офицеровъ и 176 человѣкъ гренадеръ ¹⁾, подъ начальствомъ поручика Карташева. Въ ожиданіи ея прибытія, Каръ весь день 8 ноября провелъ въ деревнѣ Юзеевой, не имѣя впрочемъ никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ. Онъ считалъ его разбѣжавшимся въ разныя стороны, а между тѣмъ Овчинниковъ со своею толпою стоялъ всего въ двухъ верстахъ въ сторонѣ отъ дороги на мельницѣ, и зорко слѣдилъ за правительственными войсками. Выставленные имъ по дорогѣ, въ тылу Кара, казачьи посты успѣли захватить полковаго квартирмейстера, который объявилъ, что ѣдетъ въ деревню Юзееву, а позади его идетъ рота гренадеръ. Получивъ это извѣстіе, Овчинниковъ съ наступленіемъ ночи предпринялъ съ частью своихъ силъ смѣлое движеніе въ тылъ отряда Кара и на встрѣчу подходившей гренадерской роты. Последняя шла безъ всякихъ военныхъ предосторожностей: ружья не были заряжены, и солдаты спали въ саняхъ. Выстрѣлы изъ орудій Овчинникова разбудили солдатъ, и пока они разобрали ружья, мятежники окружили ихъ и «болѣе уговариваніемъ, показывалъ впослѣдствіи Чика ²⁾», чтобъ они не стрѣляли», преклонили гренадеръ на свою сторону. Солдаты положили оружіе и отказались защищаться ³⁾. Два офицера и семь нижнихъ чиновъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ и отправлены въ Берду. Тамъ Пугачевъ устроилъ имъ народную встрѣчу: вышелъ на улицу, приказалъ поставить себѣ кресла, сѣлъ въ нихъ и велѣлъ представить плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ было два офицера: поручикъ Волжинскій и прапорщикъ Швано-

¹⁾ Въ томъ числѣ больныхъ и ознобленныхъ было 23 человѣка. Руничъ въ своихъ *Запискахъ* (*Русская Старина* 1870 года, т. II, 213) ошибается, говоря, что на помощь Кару пришелъ весь 2-ой гренадерскій полкъ. Затѣмъ весь рассказъ автора *Записокъ* о дѣйствіяхъ Кара не имѣетъ никакой достовѣрности. То же самое можно сказать и о *Запискахъ* майора Пекарскаго, помѣщенныхъ въ *Москвитянинъ* 1841 года, ч. III, 448.

²⁾ Госуд. Арх., VI, № 427.

³⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, № 512.

вичъ. Такъ какъ они оба сдались безъ боя и изъявили желаніе служить самозванцу, то и были назначены: Волжинскій атаманомъ, а Швановичъ есауломъ. Всѣмъ плѣннымъ приказано было присягнуть и затѣмъ подойти къ рукѣ мнимаго государя, который утиралъ глаза платкомъ, показывая видъ что плачетъ.

— Вотъ, дѣтушки, говорилъ при этомъ Пугачевъ, — Богъ при-
велъ меня опять надъ вами царствовать по двѣнадцатилѣтнемъ
странствованіи.

По окончаніи обряда цѣлованія руки самозванецъ всталъ съ
креселъ и, махнувъ въ воздухъ рукой, проговорилъ: «Жалую васъ
землями, морями и лѣсами, крестомъ и бородою и всякою воль-
ностію». Двое солдатъ объявили, что бывали въ Петербургѣ и его
знаютъ. Пугачевъ остался этимъ доволенъ, потому что, по его
словамъ, такое заявленіе еще болѣе увѣрило толпу, что онъ истин-
ный Петръ III, ибо «мужики вѣрятъ болѣе солдатамъ чѣмъ ка-
закамъ».

Приказавъ всѣмъ плѣннымъ остричь волосы, самозванецъ ушелъ
въ свою квартиру, и спустя нѣсколько дней призвалъ къ себѣ
Швановича.

— Откуда ты родомъ? спросилъ Пугачевъ.

— Я изъ Петербурга, отвѣчалъ Швановичъ; — государыня
Елизавета Петровна меня крестила.

— Я слышалъ, сказалъ самозванецъ, — что ты умѣешь гово-
рить на иностранныхъ языкахъ?

— Умѣю, надежа-государь, отвѣчалъ Швановичъ.

Пугачевъ подаль ему листъ бумаги и приказалъ написать
по-шведски, «а какъ я не зналъ, показывалъ Швановичъ, по-
шведски, то написалъ по-нѣмецки».

— Напиши еще на какомъ ты знаешь языкѣ.

Швановичъ написалъ по французски: «ваше величество Петръ III».

— Мастеръ, замѣтилъ самозванецъ, повертѣвъ предъ собою
листъ бумаги, и видя что на Швановичѣ кафтанъ худъ, подарилъ
ему шубу и шапку, съ объявленіемъ, что онъ будетъ у него за-
вѣдывать иностранною перепиской.

Швановичъ дѣйствительно написалъ въ разное время нѣсколько

нѣмецкихъ писемъ, и въ томъ числѣ къ оренбургскому губернатору ¹⁾).

Первая побѣда надъ правительственными войсками была отпразднована въ станѣ самозванца усиленнымъ пьянствомъ, а спустя нѣсколько дней получено извѣстіе, что и генералъ-маіоръ Каръ со своимъ отрядомъ отступилъ къ Казани.

Въ полночь съ 8 на 9 ноября, въ деревнѣ Юзеевой, въ тылу отряда были услышаны орудійные выстрѣлы, поставившіе Кара въ весьма неприятное положеніе. Считая себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Казани, онъ рѣшился немедленно отступить и идти на соединеніе съ поручикомъ Карташевымъ и съ башкирцами, высланными къ нему со Стерлитамакской пристани. Едва, утромъ 9 ноября, онъ вышелъ изъ деревни Юзеевой, какъ былъ окруженъ толпой мятежниковъ въ двѣ тысячи человекъ съ девятью орудіями, значительно болѣешихъ калибровъ чѣмъ въ отрядѣ Кара. У Овчинникова были двѣнадцать, шести и трехфунтовые пушки и восьмифунтовые единороги, тогда какъ у Кара былъ всего только одинъ восьмифунтовой единорогъ и четыре никуда негодныя трехфунтовые пушки. Разсыпавшись по степи и поставивъ орудія на разстояніи недостижимомъ для орудій Кара, мятежники открывали огонь и стрѣляли весьма мѣтко, «не такъ какъ бы отъ мужиковъ ожидать должно было». Единственный единорогъ, бывший при отрядѣ, былъ скоро подбитъ, и удачное дѣйствіе артиллеріи мятежниковъ произвело замѣшательство среди отступавшихъ; солдаты кричали, что бросать ружья, а экономическіе крестьяне въ числѣ тридцати одного человека усаkali въ толпу самозванца. Все это, по мнѣнію Кара, происходило отъ того, «что люди собраны изъ разныхъ командъ, и то либо очень стары, или недавно изъ рекрутъ, а офицеры по большей части молодые и небывалые въ сраженіяхъ». При содѣйствіи генералъ-маіора Фреймана и премьеръ-маіора Варнстедта Кару удалось удержать нѣкоторый порядокъ въ отрядѣ, и онъ, «построясь ко всегдашнему отпору» въ колонну, отступалъ 17 верстъ и отстрѣливался восемь часовъ.

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года, Госуд. Арх., VI, дѣло № 512. Показаніе Швановича 17 мая 1774 года. Тамъ же, дѣло № 506.

Потерявъ въ теченіе трехъ дней, 7, 8 и 9 ноября, 123 человека, Каръ отошелъ къ деревнѣ Сарманаевой, гдѣ узналъ, что пришедшіе сюда наканунѣ съ княземъ Ураковымъ 150 человекъ башкирцевъ, при первыхъ выстрѣлахъ со стороны деревни Юзеевой разбѣжались. Имѣя на всѣ орудія только 167 зарядовъ и одного канонира, лишенный почти всѣхъ средствъ къ приобретению продовольствія, Каръ рѣшился еще отступить, и 11 ноября прибылъ въ деревню Дюсметеву, гдѣ къ нему присоединились 57 тархановъ и башкирцевъ и 20 мещеряковъ, при старшинѣ Юсупѣ Надыровѣ и сотникѣ Суюшѣ.

Наступившіе сильные морозы увеличили число больныхъ въ отрядѣ. Самъ Каръ заболѣлъ лихорадкой; многіе нижніе чины, неимѣвшие теплой одежды, перезнобились. Все это заставило начальника отряда, остановившись въ деревнѣ Дюсметевой, выждать прибытія изъ Казани артиллеріи и боевыхъ припасовъ, заготовить продовольствіе, купить шубы, онучи и лапти для нижнихъ чиновъ, и затѣмъ уже перейти въ наступленіе и атаковать мятежниковъ одновременно съ отрядомъ полковника Чернышева. Съ этою цѣлью еще 10 ноября Каръ отправилъ Чернышеву приказаніе не двигаться далѣе, а остановиться или въ Переволоцкой крѣпости, или отступить въ Сорочинскую и до времени ограничиться прикрытіемъ Самарской линіи.

Посланный съ этимъ приказаніемъ курьеръ въ ночь на 13 ноября доѣхалъ только до Бузулука ¹⁾, а полковникъ Чернышевъ въ эту же ночь выступилъ изъ Чернорѣченской крѣпости, съ намѣреніемъ пробраться въ Оренбургъ ²⁾. Отрядъ его, состоявшій отъ 600—700 гарнизонныхъ солдатъ, 500 ставропольскихъ калмыковъ, 100 крѣпостныхъ казаковъ, при 15 орудіяхъ и огромномъ обозѣ, въ полдень 12 ноября, двигаясь къ крѣпости Чернорѣченской, остановился на хуторѣ г. Рычкова, въ 40 верстахъ отъ Оренбурга. Отсюда Чернышевъ отправилъ двухъ казаковъ къ ге-

¹⁾ См. рапортъ генерала Брандта Военной Коллегіи 16 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 297.

²⁾ Впослѣдствіи получено было свѣдѣніе, что курьеръ этотъ былъ захваченъ мятежниками. См. рапортъ Кара Военной Коллегіи отъ 15 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 311.

нераль-поручику Рейнсдорпу, съ просьбой оказать содѣйствіе къ скорѣйшему соединенію и указать ему, по какой сторонѣ рѣки Яика двигаться. Такъ какъ къ вечеру Чернышевъ располагалъ быть въ Чернорѣченской крѣпости, находившейся всего въ 18 верстахъ отъ Оренбурга, то посланнымъ приказано было непременно въ ту же ночь возвратиться съ отвѣтомъ.

Казаки Чернышева прибыли въ Оренбургъ спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Рейнсдорпъ получилъ рапортъ бригадира Корфа, доносившаго, что онъ, съ собраннымъ отрядомъ, находится въ пути къ Оренбургу и къ ночи 12 ноября остановится въ редутѣ въ 20 верстахъ отъ города. Сформировавъ отрядъ изъ 400 человекъ пѣхоты и 450 человекъ лицкихъ и оренбургскихъ казаковъ для вылазки изъ города, генераль-поручикъ Рейнсдорпъ въ 4 часа пополудни 13 ноября отправилъ предписанія, чтобы Корфъ и Чернышевъ выступили со своихъ ночлеговъ въ одно время, на разсвѣтѣ и слѣдовали бы къ Оренбургу въ боевомъ порядкѣ и со всѣми военными предосторожностями. Такъ какъ Чернышеву приходилось идти мимо лагеря самозванца, то бригадиру Корфу приказано было слѣдовать къ нему на соединеніе, и оба начальника были предупреждены, что для поддержки ихъ будетъ произведена вылазка изъ города.

«Такимъ образомъ», писалъ современникъ ¹⁾, «ожидая дня, можно было ласкать себя надеждой, что злодѣи будутъ съ трехъ сторонъ нечаянно атакованы и что совершенное разореніе ихъ шайкѣ послѣдовать можетъ; но вмѣсто благополучнаго успѣха постигло несчастіе полковника Чернышева».

Прибывъ въ первомъ часу ночи на 13 ноября въ Чернорѣченскую крѣпость, Чернышевъ расположилъ свой отрядъ по квартирамъ, но затѣмъ приказалъ наскоро собраться и готовиться къ дальнѣйшему движенію. Поводомъ къ тому было прибытіе сакмарскаго атамана Углецкаго съ двумя казаками. Углецкій объявилъ Чернышеву, что силы Пугачева весьма значительны, что генераль-маіоръ Каръ разбитъ и принужденъ отступить, что по-

¹⁾ Федоръ Сукинъ въ письмѣ петербургскому губернатору отъ 25 ноября 1773 г. Рукописная книга изъ собранія графа А. Уварова, за № 59.

сланная изъ Симбирска гренадерская рота вся безъ остатка взята въ плѣнъ и отправлена въ лагерь самозванца, что Чернышевъ будетъ непременно атакованъ и ему остается только пробраться въ Оренбургъ тайно, ночью. Захваченные въ Чернорѣчьи пять чело-вѣкъ казаковъ изъ толпы самозванца и солдатъ Крыловъ, приведенные къ Чернышеву, подтвердили слова атамана Углецкаго.

— Если пробудете въ Чернорѣчьи до утра, говорили они, — то атакованы непременно будете, и вамъ со своей командой устоять будетъ не можно.

Не отпираясь отъ того, что были въ толпѣ самозванца, приведенные просили помилованія и общали за то провести отрядъ скрытными путями въ Оренбургъ. Чернышевъ повѣрилъ ихъ словамъ и приказалъ собирать отрядъ безъ шума и битвы въ бара-баны.

По указанію солдата Крылова, отрядъ двинулся къ рѣкѣ Сакмарѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди шла конница, потомъ артиллерія, пѣхота и обозъ. Пролетавшая среди мелкаго лѣса дорога была весьма узка, и растянувшійся на весьма большое раз-стояніе отрядъ шелъ въ безпорядкѣ. Самъ Чернышевъ, одѣвшись въ старый мужицкій кафтанъ, ѣхалъ въ саняхъ за пѣхотой.

Переправившись черезъ рѣку Сакмару по льду, отрядъ слѣдовалъ далѣе, и на разсвѣтѣ 13 числа сталъ подниматься на такъ-называемую Маячную гору ¹⁾, въ 4 1/2 верстахъ отъ Оренбурга. За этою-то горой и поджидалъ Пугачевъ, получившій еще наканунѣ извѣстіе о движеніи Чернышева. Самозванецъ собралъ толпу въ двѣ тысячи чело-вѣкъ съ двумя орудіями, и лишь только передовыя войска перевалили черезъ гору и стали спускаться внизъ, какъ были встрѣчены выстрѣлами изъ орудій. Ставропольскіе калмыки и казаки тотчасъ же передались на сторону самозванца, а затѣмъ и гарнизонные солдаты, послѣ незначительной перестрѣлки, продолжавшейся не болѣе четверти часа, также отказались защищаться. Отрядъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Берду. Чернышевъ пересѣлъ на козлы и взялъ въ руки вожжи. По при-

¹⁾ Въ допросахъ Пугачева (*Чтенія*, 1858 г., кн. II, 26) ошибочно напечатано «у Маниной горы».

бытіи въ станѣ самозванца, всѣ офицеры (32 человѣка) были посажены подѣ караулъ, а у солдатъ отобраны ружья, шпаги, и патронныя сумы. Чернышевъ скромно сидѣлъ на козлахъ своихъ саней. Проходившій мимо яицкій казакъ Давилинъ замѣтилъ, что на козлахъ сидитъ человѣкъ, хотя и въ старомъ армякѣ, но не похожій на простаго мужика, «а паче по рукамъ призналъ, что онѣ не рабочія» ¹⁾).

— Чтѣ ты за человѣкъ? спросилъ Давилинъ Чернышева.

— Извозчикъ, отвѣчалъ спрошенный.

— Скажите, братцы, правду, чтѣ это за человѣкъ? говорилъ Давилинъ, обращаясь къ солдатамъ.

— Это нашъ полковникъ Чернышевъ, отвѣчали они.

Мнимый извозчикъ былъ тотчасъ же снятъ съ козелъ, посаженъ подѣ караулъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ офицерами представленъ самозванцу.

— Какъ вы осмѣлились вооружиться противъ меня? спрашивалъ Пугачевъ;—вѣдь вы знаете, что я вашъ государь. На солдатъ пенять нельзя: они простые люди, а вы офицеры и регулы знаете.

— Ты еще полковникъ, замѣтилъ самозванецъ, обращаясь къ Чернышеву, — а нарядился мужикомъ. Если бы ты шелъ въ порадѣ, то можно бы было тебѣ попасть и въ Оренбургъ. Тебя и всѣхъ васъ велю повѣсить за то, чтобы вы знали своего государя.

Приговоръ былъ произнесенъ; осужденные стояли молча и, къ удивленію Пугачева, «ни одинъ, чтобъ избавить ихъ отъ смерти не просилъ» ²⁾). Это еще болѣе возмущало самозванца, и онъ торопился привести въ исполненіе свое рѣшеніе.

Съ осужденныхъ сняли одежду, обувь и повели къ висѣлицѣ, вокругъ которой поставили всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ солдатъ. Пугачевъ присутствовалъ при церемоніи казни. Вѣшали поодиночкѣ, и самозванецъ самъ махалъ платкомъ, когда, вслѣдъ за повѣшеннымъ, слѣдовало вести новую жертву. Отвратительное

¹⁾ Показанія Пугачева 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 512.

²⁾ Тамъ же.

зрѣлище это продолжалось весьма долго, такъ какъ въ этотъ день повѣшено было 32 офицера, калмыцкій старшина и жена артиллерійскаго офицера.

Послѣ казни, всѣмъ плѣннымъ приказано было стать на колѣни, поднять къ верху два пальца правой руки и повторять присягу на вѣрность императору Петру Ѳеодоровичу.

— Богъ и я, государь, говорилъ Пугачевъ, — жалую васъ крестомъ, бороною и всякою вольностью.

Всѣмъ плѣннымъ были острижены волосы по-казацки, причемъ яицкіе казаки приказывали креститься непременно двуперстнымъ сложеніемъ.

— Если кто, говорили они, — будетъ иначе креститься, то батюшка (самозванецъ) прикажетъ отрубить пальцы.

Плѣнные были раздѣлены по сотнямъ и помѣщены въ землянкахъ. Трупы повѣшенныхъ сняты и брошены подъ гору безъ погребенія, причемъ у ставропольскаго гарнизоннаго баталіона маіора Семенова и капитана Калмыкова, «какъ они были собою толсты, вскрыты были груди злодѣями, и вынимали изъ нихъ сало, сказывая, что оно пригодно для леченія ранъ» ¹⁾.

«Полковника и симбирскаго коменданта Чернышева судьбина» писала императрица князю Волконскому ²⁾, «весьма сожалѣнія достойна. Ни уже что неслыханною суровостью своей извергъ Пугачевъ своей шайкѣ самой не опротивится? Ибо и простой народъ, видя вдругъ 39 человекъ чиновниковъ (34 человекъ) невинно повѣшенныхъ, нельзя, чтобъ не чувствовалъ неистовство

¹⁾ Показаніе подпрапорщика Ставропольскаго баталіона Григорія Аверкіева, 5 февраля 1774 года. Показаніе оренбургскаго войска хорунжаго Родіона Чеботарева. Показаніе симбирскаго баталіона солдата Савина Степанова, 14 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, дѣла №№ 432, 436, 504. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, 472. Въ *Исторіи Пугачевского бунта*, А. С. Пушкина, многіе эпизоды написаны по рассказамъ и преданіямъ, а потому не вѣрно. Падуровъ не являлся къ Чернышеву и не велъ отряда. Капитанъ Калмыковъ былъ дѣйствительно повѣшенъ (см. соч. Пушкина, т. VI, 118, прим. 45) и никто не дѣлалъ, какъ говоритъ авторъ *Исторіи Пугачевского бунта*, изъ калмыцкаго старшины капитана Калмыкова.

²⁾ Въ письмѣ отъ 1 декабря 1773 года. *Осмынадцатый томъ*, П. Бартенева, кн. I, 102. Письмо это напечатано въ *Москвитяинѣ* 1845 года, № 9, но съ пропусками и не вѣрно помѣчено 2-мъ декабря. О родѣ Чернышевыхъ см. *Историческія замѣчанія*, *Русскій Архивъ* 1865 года, стр. 334.

такового поступка и омерзѣніе къ производителю онаго. Въ несчастіи семъ можно почестъ за счастье, что сіи каналы привязались два мѣсяца цѣлые къ Оренбургу, а не далѣе куда пошли».

Покончивъ съ отрядомъ Чернышева и «обольстясь тою важною побѣдой», Пугачевъ, по его словамъ ¹⁾, оплошалъ. Имѣя еще съ утра свѣдѣнія о приближеніи къ Оренбургу отряда Корфа изъ Озерной, самозванецъ хотя и отправилъ стеречь его Якова Пономарева съ четырьмя казаками, но предполагая, что Корфъ подойдет не скоро, разрѣшилъ своей толпѣ обѣдать. «Въ Бердѣ была великая радость, показывалъ впоследствии Иванъ Почиталинъ, и происходило пьянство; вина же было довольно взято въ Татищевой крѣпости». Среди шумнаго и пьянаго обѣда прибѣжалъ посланный Пономарева съ донесеніемъ, что Корфъ пробирается уже къ Оренбургу. «Казаки на кони» крикнулъ Пугачевъ, но пока двухтысячная толпа собиралась, прошло времени много, и ему не удалось настичъ Корфа, отчасти потому, что послѣдній двигался не по той дорогѣ, по которой предполагалъ самозванецъ.

Рано утромъ 13 ноября прискакалъ въ Оренбургъ изъ отряда Чернышева капитанъ Ружевскій, съ пятью доброконными казаками, и явившись къ Рейнсдорпу, донесъ, что отрядъ переправляется черезъ рѣку Сакмару и что полковникъ просить помощи ²⁾. По выходѣ Ружевского изъ дома губернатора слышались выстрѣлы, продолжавшіеся не болѣе четверти часа, и затѣмъ все смолкло. Рейнсдорпъ понялъ тогда, что въ отрядѣ Чернышева неладно: или онъ отступилъ, или захваченъ толпой мятежниковъ ³⁾. Опасаясь, чтобы не случилось того же и съ отрядомъ бригадира Корфа, генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ отправилъ ему на встрѣчу новое приказаніе: не идти на соединеніе съ Чернышевымъ, а слѣдовать какъ можно скорѣе въ Оренбургъ по противоположному берегу рѣки Яика. Эта перемѣна въ направленіи движенія и была причиной того, что посланный Пугачевымъ отрядъ былъ задержанъ рѣкою Яикомъ и не успѣлъ нагнать Корфа, который, соединясь съ ка-

¹⁾ Показанія Пугачева 16 сентября, 1774 года. *Чтенія* 1858 года, кн. II, 27.

²⁾ Репортъ капитана Ружевского Рейнсдорпу, отъ 16 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504.

³⁾ Письмо Рейнсдорпа генералъ-маіору Кару, 13 ноября 1773 года. Тамъ же.

заками, высланными изъ крѣпости, безо всякаго препятствія и потерн вступилъ въ Оренбургъ. Онъ привелъ съ собою 2,495 человекъ¹⁾ съ 22 орудіями, въ числѣ коихъ было четыре единорога²⁾. Впрочемъ, большая часть пришедшихъ съ Корфомъ войскъ были весьма худоконны и на сраженіе вовсе негодны³⁾; они увеличили собою только число ртовъ, уничтожавшихъ и безъ того незначительные запасы продовольствія, заготовленные въ Оренбургѣ.

Тѣмъ не менѣе, на другой день по прибытіи отряда бригадира Корфа, то-есть, 14 ноября, Рейнсдорпъ рѣшился предпринять вылазку изъ города. Сформировавъ отрядъ въ 2,400 человекъ съ 22 орудіями, оренбургскій губернаторъ выслалъ его изъ города подъ начальствомъ оберъ-коменданта, генералъ-маіора Валленштерна. Недавно прибывшій въ Оренбургъ и совершенно незнакомый съ мѣстностью, Валленштернъ около полудня построилъ свой отрядъ предъ городомъ, и имѣя на флангахъ кавалерію, двинулся прямо къ высотѣ въ пяти верстахъ отъ города, на которой стоялъ передовой наблюдательный отрядъ самозванца. Лишь только казаки стали огибать гору съ фланговъ, какъ мятежники, видя предъ собой наступающую пѣхоту, покинули гору и отступили къ лагерю, въ которомъ замѣчена была большая тревога и движеніе. Пугачевъ тотчасъ же выступилъ со всѣмъ своимъ ополченіемъ на встрѣчу отряда Валленштерна и для увеличенія своихъ силъ приказалъ слѣдовать за собой и безоружнымъ солдатамъ отряда Чернышева, взятымъ въ плѣнъ наканунѣ. Всего собралось здѣсь до 10,000 человекъ съ 40 орудіями, привезенными частію на лафетахъ, частію на саняхъ. Завязавшаяся перестрѣлка, а затѣмъ и орудійная пальба продолжались болѣе полутора часа. Мятежники постепенно окружали отрядъ Валленштерна, и тѣмъ принудили его построиться въ каре и отстрѣливаться. Двинуться впередъ онъ не могъ, потому что между горой и лагеремъ самозванца пролегаль весьма глубокій буеракъ, который хотя и можно было обойти, принявъ версты на двѣ въ сторону, но тогда Валленштернъ дошелъ

¹⁾ Въ томъ числѣ 1,418 солдатъ и 1,077 казаковъ.

²⁾ Письмо Рейнсдорпа генералу Кару, отъ 13 ноября 1773 года.

³⁾ Письмо Федора Сукина петербургскому губернатору, 25 ноября 1773 года.
Рукопис. кн. изъ собранія гр. А. Уварова, № 559.

бы до лагеря самозванца только съ наступленіемъ ночи. Признавая такое движеніе бесполезнымъ и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости, Валленштернъ отступилъ, и пробиваясь сквозь толпу непріятеля, возвратился въ Оренбургъ безъ всякаго успѣха, потерявъ убитыми 32 и ранеными 93 человекъ¹⁾.

Пугачевъ торжествовалъ, толпа его праздновала новую побѣду.

VI.

Указъ Пугачева генералу Рейнсдорпу. — Отправление отряда подъ начальствомъ Хлопуши и Андрея Бородина для овладѣнія крѣпостями Верхне-Озерною и Ильинскою. — Стойкость гарнизона Верхне-Озерной крѣпости. — Судьба, постигшая отрядъ майора Заева въ Ильинской крѣпости. — Дѣйствія отрядовъ генерала Деколонга. — Возстаніе въ Башкиріи. — Обложеніе города Уфы башкирцами. — Занятіе Бузулука мятежниками. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Тяжелое положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей.

Три послѣдовательные успѣха съ короткими промежутками времени настолько ободрили Пугачева и сдѣлали его самонадѣяннымъ, что 17 ноября онъ потребовалъ отъ генералъ-поручика Рейнсдорпа покорности и сдачи города.

«Указъ нашему губернатору Иреинсдорпу», писалъ Пугачевъ.

«Довольно извѣстно вамъ (и) изъ опубликованныхъ манифестовъ усмотрить можете какимъ образомъ мы отъ завистниковъ общаго покоя всероссійскаго престола бизъзакономъ лишены были, а ныне всемогущіе Г-дѣ неизъ реченъными своими прямиными судьбами паки возъвести насъ соизволить нашихъ вѣрно подданъныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а зависниковъ общему покою подноги наши повергаетъ.

«Только вы ослепясь неведеніемъ или помрачитесь злобою ни приходити въ чувство, власти наша бизмерно чинити збольшимъ кровопролитіямъ и тѣчитися предъ свѣтающаяся имя наша такимже образомъ какъ и прежде паки угасить и нашихъ верно-подданъныхъ рабовъ, аки младенцовъ осиротить. Однако мы по природному нашему къ верноподданному отеческому великоду-

¹⁾ Показанія хорунжаго Р. Чеботарева, Госуд. Арх., VI, д. № 432.

шю, буде хотя и ныне възвѣкнувъ отъ мрака неведенія и пришедъ въ чювьство власти нашъ усердно покорясь всемилостивѣйшими прощаемъ и сверхъ того всякою волностію отечески васъ жалую. А будешь въ такомъ же ожесточеніи и суровости останитись и данъной намъ отъ создателя высокой власти непокоритесь, то уже ниминуемо навлечете на себя праведный нашъ гнѣвъ» ¹⁾).

Прочтя этотъ указъ, оренбургскій губернаторъ былъ безсиленъ отвѣчать съ достоинствомъ на дерзкую выходку самозванца. Рейнсдорпъ пришелъ къ сознанію, что всѣ его попытки разогнать мятежниковъ не увѣнчались успѣхомъ, что, не смотря на значительный численный составъ гарнизона ²⁾, онъ не можетъ бороться съ Пугачевымъ и положеніе его весьма затруднительно.

Окруживъ со всѣхъ сторонъ Оренбургъ, мятежники отрѣзали всѣ сообщенія, и доставка въ городъ продовольствія и фуража оказывалась почти невозможною. Запасы въ городѣ были весьма незначительны: продовольствія могло хватить не болѣе какъ на мѣсяць, а фуража для лошадей и того меньше. Въ такомъ положеніи Оренбургу оставалось ожидать освобожденія извнѣ, и потому въ день полученія вышеприведеннаго указа самозванца, Рейнсдорпъ просилъ Кара поспѣшить наступленіемъ, спрашивалъ гдѣ онъ находится, сколько у него войскъ, что намѣренъ дѣлать, и когда можно ожидать его прибытія, чтобы выслать на встрѣчу отрядъ ³⁾).

Посланные съ этимъ письмомъ казаки не могли попасть въ отрядъ Кара, въ деревню Дюсмеву, а привезли его въ городъ

¹⁾ Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 175.

²⁾ Въ Оренбургской крѣпости находилось годныхъ для дѣйствія въ полѣ: регулярнаго войска 2,819 человекъ и иррегулярнаго 450 человекъ. Сверхъ того, инвалидовъ, больныхъ, безконныхъ казаковъ и татаръ состояло 1,422 человекъ. Назначая этихъ послѣднихъ собственно для защиты крѣпости, оренбургскій губернаторъ находилъ необходимымъ прибавить къ нимъ, по числу семи дистанцій обороны, 910 человекъ и для внутреннихъ карауловъ въ крѣпости оставить 461 человекъ. За выдѣломъ этихъ 1,371 человекъ у него оставалось для дѣйствій въ полѣ 1,448 человекъ регулярныхъ и 450 иррегулярныхъ, всего 1,898 человекъ. Съ этимъ отрядомъ генералъ-поручикъ Рейнсдорпъ не признавалъ возможнымъ перейти въ наступленіе и разогнать толпу Пугачева, болѣе потому что, не имѣя обоза, былъ прикованъ къ крѣпости.

³⁾ Письмо Рейнсдорпа генералу Кару отъ 17 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. 504.

Яикъ, къ коменданту полковнику Симонову¹⁾). Не подозрѣвая этого, оренбургскій губернаторъ удивлялся, почему Каръ ему не отвѣчаетъ и не идетъ на выручку Оренбурга, а Пугачевъ, считая себя обезпеченнымъ съ этой стороны, сожалѣлъ только, что и Кара не постигла участь Чернышева.

✓ Когда Овчинниковъ и Зарубинъ (Чика) пріѣхали въ Берду съ донесеніемъ о своихъ дѣйствіяхъ противъ Кара, самозванецъ выразилъ нѣкоторое неудовольствіе, что они не захватили весь отрядъ живьемъ.

— Для чего вы его упустили? спрашивалъ Пугачевъ.

— У насъ не достало зарядовъ, отвѣчалъ Овчинниковъ.

Обратясь къ Хлопушѣ, самозванецъ благодарилъ его за присылку въ Берду людей, провіанта, пороха и денегъ²⁾).

— Сколько теперь у тебя команды? спрашивалъ Пугачевъ.

— Человѣкъ пятьсотъ и три пушки, отвѣчалъ Хлопуша.

— Гдѣ взялъ людей?

— На Авзяно-Петровскомъ заводѣ, а иные пришли и изъ другихъ жительство.

— Порохъ, провіантъ, пушки и деньги, кои ко мнѣ прислалъ, гдѣ бралъ?

— Все это взято на заводахъ, а провіантъ возили изъ разныхъ мѣстъ, куда я посылалъ отъ себя команды.

— Будь же ты за это полковникъ и имѣй у себя въ командѣ заводскихъ мужиковъ.

— Я грамотѣ не знаю, замѣтилъ Хлопуша, — а потому и управлять людьми неспособно.

— У насъ и дубина служить вмѣсто грамоты, отвѣчалъ Пугачевъ;—вотъ если что украдешь, то и за алтынъ удавлю.

Вслѣдъ затѣмъ самозванецъ призвалъ къ себѣ яицкаго казака Андрея Бородина и приказалъ ему съ казаками, а Хлопушѣ съ заводскими крестьянами идти къ Верхне-Озерной крѣпости, гдѣ, по свѣдѣніямъ, были большіе запасы продовольствія, взять крѣпость и доставить порохъ и провіантъ въ лагерь. Для получения

¹⁾ Рапортъ Симонова Сенату 23 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 470.

²⁾ Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года, Госуд. Арх., VI, д. № 467 (13).

же снарядовъ и орудій, еще 8 ноября было отправлено въ Уфимскій уѣздъ приказаніе приказчику Воскресенскаго Твердышева завода, Петру Безпалову, исправлять орудія и лить снаряды. «Исправить тебѣ, сказано было въ указѣ Безпалову ¹⁾, великому государю пять гаубицъ и 30 бомбовъ и которая изъ дѣла выйдетъ гаубица, представить бы тебѣ въ скоромъ послѣщеніи къ великому государю и не жалѣть бы государевой казны — сколько потребно давай, а я тебя за то, великій государь, буду жаловать». Не ожидая, чтобы Безпаловъ выказалъ особую дѣятельность, Пугачевъ послалъ для наблюденія за нимъ казаковъ: Зарубина (Чики), Илью Ульянова и Якова Антипова ²⁾.

— Надобно бы было, говорили при этомъ ближайшіе совѣтники самозванца ³⁾, — послать на нижніе яицкіе форпосты Михаила Толкачева съ манифестомъ, чтобъ онъ до самаго Яицкаго городка бралъ вездѣ казаковъ, а къ Дусали султану (киргизскому) послать яицкаго казака изъ татаръ Тангаича также съ манифестомъ, чтобъ онъ далъ вамъ въ помощь хотя 200 человекъ. И когда Толкачевъ наберетъ казаковъ, а Тангаичъ приведетъ киргизовъ, то они и ударятъ на Яицкій городокъ.

Яицкій городокъ былъ необходимъ мятежникамъ, какъ опорный пунктъ для зимовки, на тотъ случай, если Оренбургъ не сдастся и у нихъ не хватитъ средствъ для продовольствія толпы. Поэтому совѣтники самозванца настаивали, чтобы прежде всего овладѣть деньгами, боевыми и продовольственными запасами въ крѣпостяхъ Верхне-Озерной и Ильинской ⁴⁾, а затѣмъ атаковать и Яицкій городокъ.

¹⁾ Государств. Архивъ, VI, № 505 (2).

²⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д. №№ 422, 467 и 512. Впослѣдствіи Антиповъ оказалъ большія услуги самозванцу. 25 декабря 1773 г. онъ доставилъ въ Берду секретную гаубицу и приступилъ къ отливкѣ нѣсколькихъ новыхъ. 27 января 1774 г. Антиповъ прислалъ мортиру и единорогъ. — Въ мартѣ 1774 г. ему приказано было, «для необходимой общественной надобности», отлить 1,500 ядеръ обыкновенныхъ и 500 «съ ушками чиненыхъ» (Госуд. Арх., VI, д. № 508).

³⁾ Казаки: Овчинниковъ, Лысовъ, Шигаевъ, Витошновъ, татаринъ Идорка и другіе.

⁴⁾ Показаніе сотника Бѣлоносова. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 380.

Пугачеву такъ понравился этотъ совѣтъ, что онъ приказалъ тотчасъ же написать два манифеста: Ивану Почиталину по-русски, а Болтаю по-татарски, и отправилъ съ ними Толкачева и Тангаича.

Между тѣмъ, получивъ приказаніе самозванца, Хлопуша и Андрей Бородинъ выступили изъ Берды съ толпой въ 400 илецкихъ казаковъ и 400 заводскихъ крестьянъ. Присоединивъ по пути ногайцевъ изъ Желтаго редута, находившагося вблизи Озерной крѣпости, и башкирцевъ, жившихъ по рѣкѣ Ику, Хлопуша послалъ приказаніе кундровскимъ татарамъ, чтобъ они шли къ Верхне-Озерной крѣпости, а самъ двинулся къ Ильинской, находившейся въ 42 верстахъ выше и имѣвшей почти никакого гарнизона.

По выступленіи бригадира Корфа съ отрядомъ изъ Верхне-Озерной крѣпости, для защиты послѣдней, какъ наиболѣе важной, былъ присланъ изъ Ильинской полковникъ Демаринъ почти со всѣмъ гарнизономъ, состоявшимъ впрочемъ «изъ неспособныхъ къ походу польскихъ конфедератовъ», нѣсколькихъ казаковъ, башкирцевъ, мещеряковъ и калмыковъ ¹⁾. Въ Ильинской крѣпости оставался лишь комендантъ поручикъ Лопатинъ и десятка полтора инвалидовъ. При нападеніи Хлопуши Лопатинъ былъ захваченъ въ плѣнъ и потомъ по дорогѣ изрубленъ, а солдаты не оказали никакого сопротивленія. Забравъ съ собою деньги, пушки, снаряды и продовольствіе, Хлопуша пошелъ назадъ и къ ночи 22 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости, считавшейся самою важною и самою сильною въ Красногорской дистанціи. Она обнесена была небольшимъ землянымъ валомъ съ шестью бастіонами, имѣвшими впереди ровъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ палисадъ. Въ гарнизонѣ крѣпости находились: прибывшія изъ Сибири двѣ роты звѣриноголовскаго гарнизоннаго баталіона, 80 гарнизонныхъ солдатъ, оставленныхъ бригадиромъ Корфомъ, и команда конфедератовъ—всего до 369 человекъ пѣхоты, 30 казаковъ, 100 калмыковъ и 60 башкировъ. Приготовляясь къ оборонѣ, Демаринъ расположилъ свой гарнизонъ по фасамъ крѣпости и, въ видахъ всег-

¹⁾ Репортъ Демарина графу П. И. Панину, 8 декабря 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 27, в.н. 502, листъ 58 (См. также *Оренбургскія ведомости* 1869 года, № 26—28).

данней готовности къ отраженію, устроилъ въ крѣпостномъ валу землянки. Казаковъ, башкировъ и калмыковъ размѣстили между солдатами, которымъ было приказано колоть каждаго, покусившагося на побѣгъ.

Оставивъ въ Желтомъ редутѣ, подъ прикрытіемъ 200 человекъ, все награбленное въ Ильинской крѣпости имущество и шесть пушекъ ¹⁾, Хлопуша въ ночь на 23 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной и незамѣтно, скрывая свои силы въ оврагахъ, окружилъ крѣпость, но не успѣлъ овладѣть ею врасплохъ. Непривычная къ порядку, толпа мятежниковъ не въ состояніи была скрыть своего приближенія, и раздавшіеся выстрѣлы одного изъ нетерпѣливыхъ атакующихъ спасли крѣпость. Услыхавъ выстрѣлы не далѣе ста шаговъ отъ себя, часовой, стоявшій на валу, ударилъ тревогу, и гарнизонъ, быстро занявъ свои мѣста, открылъ огонь по наступавшимъ. Завязалась перестрѣлка, безвредная для гарнизона, но продолжавшаяся почти цѣлый день. Одиночные смѣльчаки подъѣзжали къ крѣпости и кричали, чтобы солдаты не слушали офицеровъ, перестали стрѣлять и покорились государю. Дождавшись вечера и видя, что увѣщанія не дѣйствуютъ на гарнизонъ, Хлопуша двинулся на штурмъ, но былъ отбитъ. Въ самомъ началѣ дѣла всѣ инородцы и большая часть казаковъ передались на сторону самозванца, но польскіе конфедераты защищались храбро и отразили какъ это, такъ и слѣдующее нападеніе. Не имѣя вовсе ни канонировъ, ни запаса ружейныхъ пуль, Демаринъ сформировалъ изъ поляковъ прислугу при орудіяхъ, вмѣсто пуль употреблялъ «жеребки» парѣзанные изъ желѣза, и возвысивъ валъ присыпкой къ нему снѣга, удержалъ крѣпость за собою ²⁾.

Хлопуша отступилъ къ Кундровской слободѣ, находившейся въ 12 верстахъ отъ крѣпости. Видя стойкость гарнизона и имѣя приказаніе, въ случаѣ неудачи, увѣдомить самозванца, Андрей Боро-

¹⁾ Показаніе сотника Ивана Бѣлоносова, Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 380.

²⁾ Рапортъ Де-марина графу П. И. Панину 8 декабря 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 27, кн. 502, листъ 58. Рапортъ его же генералу Деколонгу 23 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 133. Лѣтопись Рычкова въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта* А. С. Пушкина. Т. VI, изд. 1881 года, стр. 312.

✓ динъ написалъ письмо Пугачеву, что Верхне-Озерную взять не могли. Тогда Пугачевъ самъ выступилъ изъ Берды со всѣми яицкими казаками. Захвативъ по дорогѣ высланныхъ изъ Оренбурга художонныхъ казаковъ съ ихъ лошадьми и присоединивъ къ себѣ ногайцевъ, онъ утромъ 26 ноября подошелъ къ Верхне-Озерной крѣпости и приказалъ открыть огонь изъ пушекъ, ружей и сайдаковъ. Въ полдень самозванецъ двинулъ свои силы на штурмъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ изъ крѣпости. Штурмующіе замѣшались, атака не ладилась.

— Грудью, други! кричалъ Пугачевъ.

— Сунься-ко самъ! отвѣчали ему изъ толпы;—развѣ не видишь, какъ намъ пули въ лобъ летаютъ?!..

Пугачевъ принужденъ былъ отступить и къ вечеру отвелъ свою толпу къ Кундровской слободѣ ¹⁾. Отсюда, послѣ дневки, онъ двинулся къ Ильинской крѣпости, случайно занятой отрядомъ майора Заева, шедшаго по распоряженію генераль-майора Станиславскаго на помощь Демарину. Узнавъ, что мятежники отступили отъ Верхне-Озерной крѣпости, Заевъ 27 ноября остановился въ Ильинской, имѣя у себя двѣ гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ, одну губернскую роту, 91 казака и три пушки, всего до 462 человекъ ²⁾. По разореніи Хлопушей, Ильинская крѣпость была въ самомъ печальномъ положеніи: все вооруженіе ея состояло изъ одной негодной пушки, брошенной въ воротахъ; провіантскій сарай стоялъ отвореннымъ, нѣсколько четвертей муки и сухарей было раскидано на дворѣ ³⁾. Размѣстивъ свой отрядъ по квартирамъ небольшими командами, что составляло весьма важную ошибку, Заевъ приказалъ запереть ворота и разставить бывшія съ нимъ орудія на укрѣпленіяхъ. Въ крѣпости было четыре бастиона, а пушекъ всего три; поэтому четвертый бастионъ, обра-

¹⁾ Показаніе Пугачева и Хлопуши. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 467 и 512.

²⁾ При выступленіи изъ Тобольска, въ каждой изъ гарнизонныхъ ротъ было по 122 человека строевыхъ и по 5 нестроевыхъ, а въ губернской 127 строевыхъ и 5 нестроевыхъ. Рапортъ сибирскаго губернатора Чичерина военной коллегіи 27 октября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 459.

³⁾ Показаніе капрала Ивана Кайгородова. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, 377.

щенный къ рѣкѣ Яику, остался невооруженнымъ. На каждомъ бастионѣ были поставлены наблюдательные пикеты, человекъ по 12 солдатъ при офицерахъ, за ними стояли небольшіе резервы; «отводныхъ бекетовъ ни конныхъ, ни пѣшихъ за крѣпостью не было, а только ночью, показывалъ фурьеръ Пановъ, посылались казаки разъѣздомъ кругомъ крѣпости не въ дальнемъ отъ оной разстояніи». Солдатамъ, разставленнымъ по обывательскимъ квартирамъ, было приказано быть въ полной готовности, спать не раздѣваясь и въ боевой амуниціи, а часовымъ окликать проходящихъ и если кто по третьему отзыву не отзовется, то стрѣлять.

Въ сумерки, 28 ноября, человекъ сто мятежниковъ появились въ виду Ильинской крѣпости и учредили вокругъ нея свои разъѣзды. Одиночные всадники подъѣзжали къ укрѣпленіямъ и кричали часовымъ, чтобъ они не стрѣляли, а вышли бы изъ крѣпости съ покорностью, «ибо-де подступилъ подъ крѣпость самъ государь», который наградить ихъ жалованьемъ.

— У насъ въ Россіи, отвѣчали часовые, — есть государыня императрица Екатерина Алексѣевна и наслѣдникъ ея великій князь Павелъ Петровичъ; кромѣ ихъ, никакого у насъ государя нѣтъ.

Спустя часа два послѣ этихъ переговоровъ, пугачевцы подвезли свои пушки и открыли огонь по крѣпости, но произведя выстрѣловъ десять прекратили стрѣльбу и отступили къ ближайшей деревнѣ. Нѣкоторые солдаты и конфедераты, бывшіе въ отрядѣ, просили Заева дать имъ подъемныхъ и казачьихъ лошадей и позволить атаковать мятежниковъ ¹⁾.

— Развѣ вы хотите передаться злодѣю? спросилъ Заевъ; — оставайтесь здѣсь и защищайте крѣпость, а я отъ генерала выхожу на вылазку повелѣнія не имѣю.

Ночь прошла спокойно, а на утро 29 ноября, часовъ въ десять, Пугачевъ двинулъ на штурмъ всѣ свои силы, болѣе 1,500 человекъ, съ двумя орудіями, положенными на сани. Впереди везли возовъ пять сѣна, и скрываясь за ними шли мятежники, стрѣлявшіе по крѣпости. Атака была произведена со стороны рѣки Яика,

¹⁾ Показаніе гренадера Ивана Ахлестина (у г. Анучина невѣрно Ахлестышева) 2 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 387.

противъ бастіона, на которомъ не было ни одного орудія. Маіоръ Заевъ приказалъ привезти двѣ пушки съ другихъ бастіоновъ, но онѣ не помогли дѣлу. Пугачевцы успѣли пробить брешь и ворвавшись въ крѣпость, кололи и рубили защитниковъ. Маіоръ Заевъ убитъ былъ однимъ изъ первыхъ и лежалъ со вскрытою злодѣями грудью. Команда его растерялась и послѣ незначительнаго сопротивленія положила оружіе. Бывшіе въ отрядѣ Заева казаки вовсе не защищались, и пугачевцы «тѣхъ казаковъ нисколько не били» ¹⁾.

— Для чего вы къ намъ не вышли? спрашивали ихъ мятежники.

— Еслибъ, отвѣчали казаки,—мы изъ крѣпости стали выходить, то насъ бы солдаты побили.

Всѣхъ плѣнныхъ (число которыхъ доходило до 110) и раненыхъ (до 60) Пугачевъ приказалъ отвести въ свой станъ, въ ближайшую татарскую деревню. Тамъ поставили ихъ на колѣни противъ заряженнаго единорога и въ такомъ положеніи приказали ожидать прибытія самозванца.

— Прощаетъ васъ Богъ, сказалъ Пугачевъ, подѣхавъ къ плѣннымъ,—и я вашъ государь Петръ Ѳеодоровичъ третій, императоръ.

Плѣннымъ приказано было встать; единорогъ повернули въ противоположную сторону, и произведенный выстрѣлъ понесъ ядро въ степь. Послѣ этой церемоніи самозванецъ призвалъ къ себѣ капитана Камешкова, прапорщика Воронова и неизвѣстнаго по фамиліи казачьяго сотника.

— Для чего вы противъ меня, вашего государя, идете и меня не слушаете? спросилъ самозванецъ.

— Ты не государь нашъ, отвѣчали офицеры, — и мы тебя онымъ не признаемъ; ты самозванецъ и бунтовщикъ.

Пугачевъ приказалъ тотчасъ же ихъ повѣсить и привести къ себѣ изъ татаръ капитана Башарина. Ему грозила та же участь, но человѣкъ тридцать солдатъ губернской роты просили простить его.

— Капитанъ былъ до насъ добръ, говорили они, — и въ нашихъ солдатскихъ нуждахъ не оставлялъ насъ.

¹⁾ Показаніе фурьера Степана Панова. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 375.

— Ну, когда онъ былъ до васъ добръ, сказалъ Пугачевъ, — такъ я его прощаю.

Башарину и всѣмъ плѣннымъ обрѣзали волосы по-казачьи, а казакамъ оставили лошадей и оружіе. По принятымъ правиламъ, со всѣхъ убитыхъ (даже и своихъ) было снято все платье ¹⁾, а Ильинская крѣпость сожжена. Захвативъ въблизи крѣпости караванъ изъ 25 верблюдовъ съ 20 бухарцами, Пугачевъ роздалъ товары своимъ сподвижникамъ, яицкимъ казакамъ ²⁾, а на верблюдовъ нагрузилъ боевые припасы, одежду, снятую съ убитыхъ, оружіе и прочее имущество, захваченное въ крѣпости. Дождавшись прибытія изъ Желтаго редута оставленныхъ тамъ орудій и прикрытія, Пугачевъ въ тотъ же день, въ сумерки, съ пѣснями, выступилъ обратно въ Берду, имѣя въ своей толпѣ до 2,200 человекъ съ 12 орудіями ³⁾. Онъ не пытался снова атаковать Верхне-Озерной крѣпости, потому что было получено извѣстіе о приближеніи 14-й легкой полевой команды подъ начальствомъ генералъ-маіора Станиславскаго, шедшаго изъ Орской крѣпости на помощь отряду маіора Заева.

Не доходя 25 верстъ до крѣпости Ильинской, генералъ Станиславскій узналъ объ участи, постигшей отрядъ Заева. Онъ остановился и не пошелъ далѣе, опасаясь самъ попасть въ руки самозванца. Подъ предлогомъ того, «чтобы не открыть всей линіи злодѣямъ на похищеніе» ⁴⁾, Станиславскій возвратился въ Орскую крѣпость, а вслѣдъ затѣмъ получилъ приказаніе генерала-поручика Деколонга отступить къ Верхо-Яицкой крѣпости, забирая съ собою изъ лежащихъ на пути крѣпостей гарнизоны, денежную казну, артиллерію и жителей, которые изъявляютъ желаніе слѣдовать за отрядомъ. Тѣхъ жителей, которые пожелаютъ остаться въ сво-

¹⁾ «Съ побитыхъ людей, показывалъ сотникъ Яковъ Суторминъ, — какъ со своихъ, такъ и съ нашихъ, онъ злодѣй, Пугачевъ, одежду всеѣ приказываетъ снимать и на оныхъ ничего не оставлять, и всѣ мертвые тѣла валяются въ крѣпости и за оной безо всякаго прибору...» Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 383.

²⁾ Тамъ же, листъ 383.

³⁾ Тамъ же, листъ 384.

⁴⁾ Рапортъ Станиславскаго Рейнсдорпу, отъ 4 декабря. Лѣтопись Рычкова, въ приложеніи къ *Исторіи Пугачевского бунта*, А. С. Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., стр. 318.

ихъ домахъ, генералъ-маіору Станиславскому приказано было снабдить продовольствіемъ, а артиллерію, которую почему-либо нельзя было взять съ собою, испортить или бросить въ воду.

Такое оставленіе значительной части края безъ войскъ, Деколонгъ признавалъ необходимымъ по ограниченности своихъ силъ (всего двѣ легкія полевые команды ¹⁾), по недостатку для нихъ продовольствія и по необходимости защитить Исетскую провинцію и екатеринбургскіе заводы. По мнѣнію Деколонга, опасность, грозившая Исетской провинціи, была такъ велика, что съ наличными своими силами онъ не находилъ возможнымъ защитить столь обширный край, и просилъ сибирскаго губернатора Чичерина прислать ему тысячу выписныхъ казаковъ и сколь возможно рекрутъ, обученныхъ экзерциціи ²⁾.

«Хотя мое намѣреніе, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ графу З. Чернышеву ³⁾), и состояло въ томъ, чтобы находящимися при мнѣ сибирскихъ линій воинскими командами подать помощь осажденному городу Оренбургу и всѣ неполезныя слѣдствія обратить во благо, но злодѣи башкирцы генеральнымъ своимъ взбунтованіемъ до того не допустили, и причиняя почти повсемѣстно варварскія свои злодѣянія, заставили пещись о предохраненіи линейныхъ и внутреннихъ Исетской провинціи російскихъ селеній».

В Башкиріи была въ полномъ возстаніи, и сообщеніе съ Оренбургомъ было прервано на столько, что курьеры могли доѣзжать только до Орской крѣпости, да и то степною киргизскою стороною, а далѣе къ Оренбургу надо было отыскивать охотниковъ, прибравшихся скрытными путями и по ночамъ.

Разъѣзжая конными партіями, башкиры грабили русскія селенія. 18 ноября они произвели нападеніе на Стерлитамакскую пристань, на рѣкѣ Бѣлой, а 24 ноября толпа ихъ, въ 500 человекъ, подъ начальствомъ самозванныхъ: полковника башкирца Кашкина-

¹⁾ Третья легкая полевая команда находилась еще въ походѣ. См. рапортъ Деколонга, отъ 14 декабря. Военн.-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 101.

²⁾ Письмо Деколонга Чичерину, 12 декабря 1773 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, дѣло о Пугачевѣ, кн. III. — Рапортъ Деколонга военной коллегіи, 14 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 358.

³⁾ Въ письмѣ, отъ 14 декабря 1773 года, кн. II, листъ 359.

Самарова и подполковника уфимскаго казака Губанова, появилась въ виду селенія Чесноковки, находившагося въ десяти верстахъ отъ города Уфы. Жители селенія наложили четыре воза печенаго хлѣба и встрѣтили башкирцевъ съ покорностью. Примѣру ихъ послѣдовали всѣ остальные подгородныя селенія, и мятежники, окруживъ городъ, расположились въ Чесноковѣ, Богородскомъ, Ермашевскомъ и Красномъ-Яру ¹⁾. Сообщение Уфы съ окрестностями было прервано, и башкирцы распространили свои разъѣзды столь далеко, что воевода города Бирска, находившагося въ 50 верстахъ отъ Уфы, секундъ-маіоръ Монсеевъ бѣжалъ и скрылся въ дер. Каракулинѣ ²⁾, но потомъ былъ захваченъ башкирцами. Число мятежниковъ съ каждымъ днемъ увеличивалось прибывающими ясачными татарами, помѣщичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами, и въ короткое время dorосло болѣе чѣмъ до тысячи человекъ.

Ноября 29-го къ городу Уфѣ подѣхало нѣсколько башкирцевъ, съ желаніемъ вызвать кого-либо изъ жителей для переговоровъ, но, не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, уѣхали. На слѣдующій день они повторили то же самое, и тогда на встрѣчу имъ были посланы: секундъ-маіоръ Пекарскій ³⁾ и коллежскіе регистраторы Черкашениновъ и Дуровъ. Башкирцы требовали сдачи города, выдачи полковника и коменданта Мясоѣдова и воеводы Борисова. Получивъ отказъ, мятежники 1 декабря подошли уже значительною толпой къ городу, со стороны села Богородскаго, но были разогнаны сотней казаковъ, къ которымъ присоединились обыватели, имѣвшіе лошадей. Мясоѣдовъ установилъ вокругъ города ночные разъѣзды, «въ которые назначались и статскіе чины, какъ-то: секретари и протоколисты, регистраторы и приказные служители» ⁴⁾. Видя, съ одной стороны, стойкость гарнизона и жителей, а съ другой — что съ шайкою, вооруженною преимущественно стрѣлами,

¹⁾ Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ. Моск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, дѣло о Пугачевѣ, кн. IV.

²⁾ Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 347.

³⁾ Тотъ самый Пекарскій, записка котораго напечатана въ *Москвитянинѣ* 1841 года, ч. III.

⁴⁾ Журналъ о происшествіяхъ въ городѣ Уфѣ.

копьями и рогатинами, взять городъ невозможно, предводители толпы отправили къ Пугачеву нарочнаго съ просьбой о помощи.

«Мы, сказано было въ прошеніи, привезенномъ нарочнымъ ¹⁾, казанской дороги башкиры и служилые татары, черемисы и дворцовые крестьяне, всё согласясь милосердому государю Петру Федоровичу склонились; что бы его величество ни приказалъ, мы свои услуги показать должны, не пожалѣя силъ своихъ до послѣдней капли крови. Для того мы всепокорнѣйше просимъ вашего царскаго милосердія, въ нашу сторону прислать войска и нѣсколько пушекъ. Когда явятся въ нашу сторону какіе-нибудь супротивники вашему величеству, то намъ сократить ихъ не съ чѣмъ безъ пушекъ. Нынѣ у насъ подкомандующихъ болѣе тысячи человекъ, и (приказано) всеѣмъ околнымъ жителямъ изготовлять для нынѣшней войны съ каждаго двора по одному казаку со всеѣми ружьями, затѣмъ, что мы нынѣшнюю пятницу городъ Уфу разорять ѣхать намѣреніе имѣемъ».

Добровольное подчиненіе башкирцевъ власти мнимаго императора было весьма важно для Пугачева, потому что, владѣя большимъ числомъ лошадей, они гнали въ станъ самозванца цѣлые косяки и дозволили ему посадить на коней болѣшую часть своего ополченія.

Пугачевъ радъ былъ случаю и возможности отправить въ Башкирію одного изъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, чтобы болѣе прочно подчинить населеніе своей власти. Воспользовавшись пребываніемъ Зарубина (Чики) въ Уфимскомъ уѣздѣ, на Воскресенскомъ Твердышева заводѣ, самозванецъ приказалъ ему отправиться подъ городъ Уфу и принять начальство надъ всеѣмъ собравшимся тамъ ополченіемъ ²⁾.

Не успѣлъ башкирскій посланный уѣхать изъ стана самозванца, какъ въ Бердѣ было получено новое радостное извѣстіе о занятіи мятежниками города Бузулука и почти всей Самарской линіи.

Самарская линія была совершенно беззащитна съ тѣхъ поръ,

¹⁾ Государств. Архивъ, VI, д. № 416.

²⁾ Показаніе Зарубина (Чики). Госуд. Арх., VI, д. № 422.

какъ симбирскій комендантъ, полковникъ Чернышевъ, двигаясь къ Оренбургу и желая усилить свой отрядъ, забиралъ изъ крѣпостей лежавшихъ на пути его слѣдованія, всѣхъ лучшихъ людей, какъ регулярныхъ, такъ и иррегулярныхъ. Въ Бузулукской крѣпости, считавшейся наиболѣе важною и имѣвшей коменданта, завѣдывавшаго нѣсколькими сосѣдними крѣпостями ¹⁾, Чернышевъ оставилъ всего 27 рядовыхъ при шести унтеръ-офицерахъ и капралахъ, но и тѣ были старые и дряхлые. Двѣ годныя пушки Чернышевъ взялъ съ собою, а въ Бузулукѣ оставилъ тѣ, которыя или были забракованы, или не имѣли лафетовъ. При нихъ не осталось ни одного канонира, а снарядовъ было хотя и много, но другаго калибра, такъ что ни одинъ изъ нихъ не входилъ въ дуло орудія.

Съ уходомъ Чернышева, въ Бузулукѣ осталось до 200 отставныхъ драгунъ, солдатъ и поселенныхъ казаковъ, но все это были люди больные, дряхлые, отказывавшіеся защищаться по неимѣнію оружія, «ибо полковникъ Чернышевъ не довольно что людей, но и ружья обобралъ и оставилъ однѣ испорченныя» ²⁾.

Тѣмъ не менѣе, комендантъ Бузулукской крѣпости, подполковникъ Вульфъ, зять казанскаго губернатора фонъ-Брандта, установилъ между крѣпостями своей дистанціи постоянные разъѣзды днемъ и ночью; но распоряженіе это исполнялось недолго. Въ началѣ ноября, находившійся въ Тоцкой крѣпости атаманъ Чулошниковъ прислалъ сказать Вулфу, что онъ со всѣми своими подчиненными «преклонился къ императору Петру III», далъ слово служить государю и совѣтуетъ то же сдѣлать коменданту Бузулукской крѣпости, такъ какъ въ непродолжительномъ времени къ нему прибудетъ отъ государя полковникъ съ войсками.

Человѣкъ нерѣшительный, слабаго характера, неумѣвшій заставить подчиненныхъ повиноваться и исполнять свои приказанія, подполковникъ Вульфъ струсилъ и сталъ помышлять о собственномъ спасеніи. 17 ноября онъ съ ужасомъ узналъ отъ прибѣжав-

¹⁾ Въ подчиненіи бузулукскаго коменданта находились крѣпости: Сорочинская, Тоцкая, Елшанская, Борская и Красно-Самарская, въ коихъ регулярныхъ войскъ вовсе не было, а были одни казаки подъ начальствомъ атамановъ.

²⁾ Рапортъ подполковника Вульфа Брандту 6 ноября 1773 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 433.

шихъ изъ отряда Чернышева объ участи, постигшей симбирскаго коменданта, и въ слѣдующую ночь, призвавъ къ себѣ сержанта Ивана Звѣрева, объявилъ ему о своемъ намѣреніи уѣхать изъ крѣпости.

— Ну, Звѣревъ, говорилъ подполковникъ Вульфъ, — оставайся ты здѣсь съ сержантомъ Осипомъ Куклинымъ, а я съ командою отсюда уѣду. Я не хочу здѣсь, какъ Чернышевъ, умереть напрасно, а защищаться мнѣ не съ кѣмъ.

Звѣревъ просилъ и ихъ взять съ собою.

— Васъ взять нельзя, отвѣчалъ Вульфъ, — потому что вы находитесь при такихъ должностяхъ, которыя остановить никакъ нельзя ¹⁾.

Утромъ 18 ноября подполковникъ Вульфъ, забравъ свое семейство, отправился въ Самару, подъ конвоемъ двухъ унтеръ-офицеровъ, двухъ капраловъ и 25 рядовыхъ ²⁾. Покидая ввѣренный ему постъ, подполковникъ Вульфъ написалъ въ приказѣ, что «имѣетъ онъ, по нѣкоторому повелѣнію, отбыть изъ крѣпости Бузулукской со всею регулярною командой». Два дня спустя толпа яицкихъ казаковъ пріѣхала въ Бузулукъ, опечатала всѣ провіантскіе магазины, обобрала всѣхъ лучшихъ лошадей и уѣхала, а почти въ полдень 30 ноября, послѣ обѣдни, ко двору Куклина подѣхало до двадцати саней съ мятежниками, подъ предводительствомъ отставнаго солдата Ивана Жилкина. Онъ объявилъ, что отправленъ изъ арміи государя для забранія провіанта и денегъ. Узнавъ, что комендантъ оставилъ крѣпость и населеніе не намѣрено оказывать сопротивленія, Жилкинъ сталъ распоряжаться самовластно: осмотрѣлъ провіантскій магазинъ, приказалъ принести вина для своихъ сообщниковъ и призвать всѣхъ солдатъ. Послѣ всеобщей попойки, въ которой принимали участіе два священника, солдаты и казаки, Жил-

¹⁾ Звѣревъ завѣдывалъ всѣмъ письмоводствомъ, а Куклинъ — провіантомъ, денежною казною, питейнымъ и солянымъ сборомъ.

²⁾ Показаніе Звѣрева 31 октября 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 437. Показаніе подполковника Вульфа 29 января 1775. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 94, связка 17, дѣло № 23. По опредѣленію военной коллегіи 31 марта 1775, подполковникъ Вульфъ «за презрительную робость», какъ происходящій изъ курляндскихъ мѣщанъ, былъ исключенъ изъ службы и вмѣстѣ съ женой высланъ за границу.

кинъ взялъ ножницы, обрѣзалъ у солдатъ косы, объявилъ, что теперь всѣ они казаки, и распустилъ ихъ по домамъ.

Въ тотъ же день къ вечеру, въ предположеніи, что Жилкинъ встрѣтитъ сопротивленіе въ Бузулукѣ, была прислана ему на помощь команда изъ 50 казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ильи Арапова, которая пьянствовала всю ночь, а на утро вмѣстѣ съ Жилкинымъ отправилась грабить помѣщичьи имѣнія. Забравъ у жителей подводы, мятежники нагрузили на нихъ 62 четверти сухарей, 164 куля муки, 12 четвертей крупъ, пять пудовъ пороху и 2,010 рублей мѣдныхъ денегъ, большею частью денежками и полushками ¹⁾.

Не смотря на столь быстрые успѣхи самозванца, дѣйствія его противъ Оренбурга были крайне нерѣшительны и ограничивались обложеніемъ. Пугачевъ не рѣшался сунуться на штурмъ, и увѣрялъ своихъ легковѣрныхъ сообщниковъ, что «сколько-де онъ городовъ ни прошелъ, сказывая якобы онъ бывалъ въ Іерусалимѣ, въ Царьградѣ и въ нѣмецкихъ городахъ, но столь крѣпкаго города, каковъ есть Оренбургъ, не видалъ». Онъ говорилъ, что «болѣе приступовъ дѣлать къ городу не намѣренъ, а хочеть осадой до того довести, чтобъ у жителей не стало пропитанія, а тогда-де и городъ сдаться ему будетъ принужденъ» ²⁾.

Въ Оренбургѣ было дѣйствительно весьма мало продовольствія, и потому положеніе его было тяжелое. «Наши обстоятельства, писалъ Рычковъ къ Миллеру ³⁾, такія, какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею, сколь трудно находить способовъ къ отправленію отсюда писемъ, а почты ординарной уже съ два мѣсяца отъ насъ нѣтъ въ отправленіи. Помощь наша отъ Господа, сотворившаго небо и землю: мы всю надежду имѣемъ на Него». Всѣ попытки гарнизона улучшить свое

¹⁾ Показаніе сержанта Ивана Звѣрева 31 октября 1774. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 437.

²⁾ Рычковъ, *Осада Оренбурга*. См. Сочиненія Пушкина, т. VI, изд. 1881 г., приложеніе, стр. 297.

³⁾ Отъ 25 ноября 1773 года. *Жизнь Рычкова*, соч. академика Пекарскаго, стр. 136.

положеніе были тщетны. Получивъ извѣстіе объ уходѣ Пугачева подъ Верхне-Озерную и Ильинскую крѣпости, генераль-поручикъ Рейндорпъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было положено произвести въ ночь на 30 ноября вылазку съ тѣмъ, чтобы атаковать непріятеля до разсвѣта и нечаянно. Вылазка эта однакоже не состоялась, такъ какъ назначенныя подъ орудія 30 лошадей въ ту ночь пали ¹⁾. И генераль-поручику Рейндорпу не оставалось ничего болѣе, какъ просить военную коллегію, чтобы она учинила «*защитительное попеченіе*» ввѣренной ему губерніи «при настоящемъ ея страданіи, сопряженномъ съ государственнымъ большимъ предосужденіемъ». Губернаторъ писалъ, что, лишившись отъ безкормицы почти всей кавалеріи, онъ не въ состояніи съ одною пѣхотой разогнать непріятеля, нахватавшаго въ разныхъ мѣстахъ хорошихъ лошадей и не подпускающаго къ себѣ не только на ружейный, но и на картечный выстрѣлъ ²⁾.

При вылазкахъ изъ крѣпости мятежники обыкновенно разсыпались по степи, держались вѣѣ выстрѣловъ и поражали наступающихъ огнемъ своихъ орудій, везомыхъ хорошими лошадьми и потому болѣе подвижныхъ, чѣмъ тѣ, которыми располагалъ гарнизонъ. Не смотря однакоже на значительное превосходство своего положенія, мятежники бывали смѣлы лишь не видя передъ собою наступающихъ войскъ. Тогда они подѣзжали почти къ самому городу, вели переговоры съ гарнизономъ и требовали, чтобы онъ покорился государю Петру Ѳеодоровичу. 7 декабря они объявили осажденнымъ, что завтрашній день будетъ къ нимъ изъ Москвы великій князь Павелъ Петровичъ съ 30,000 войскъ и съ тремя генералами.

— Въ понедѣльникъ (9 декабря), говорили они, — мы сдѣлаемъ такой приступъ, что всему уже городу жарко будетъ.

Въ Оренбургѣ не вѣрили этимъ словамъ, но видя, что большинство подѣзжавшихъ находятся въ полупьяномъ состояніи, гарцуютъ и джигитуютъ по степи, что въ лагерѣ самозванца замѣтно особое оживленіе и усиленное пьянство, долго не могли по-

¹⁾ Рычцовъ, *Осада Оренбурга*. Соч. Пушкина, т. VI, прил., стр. 308.

²⁾ Рапортъ Рейндорпа Военной Коллегіи 25 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 169.

нять причины, и лишь впоследствии узнали, что Пугачевъ праздновалъ прибытіе изъ Петербурга яицкаго сотника Аѳанасія Перфильева, сдѣлавшагося впоследствии ближайшимъ и наиболѣе энергическимъ сообщникомъ самозванца.

VII.

Отправление изъ Петербурга въ станъ самозванца яицкихъ казаковъ Аѳанасія Перфильева и Петра Герасимова. — Прибытіе Перфильева въ Берду. — Жизнь въ Бердѣ. — Организация и администрація Пугачевскихъ силъ. — Пугачевская военная коллегія. — Свиданіе Перфильева съ Овчинниковымъ и Пугачевымъ.

Недѣли за двѣ до полученія въ Петербургѣ извѣстій о появленіи Пугачева подъ Оренбургомъ, прибыли въ столицу депутаты отъ яицкаго войска: сотники Аѳанасій Перфильевъ, Иванъ Герасимовъ и казакъ Савелій Плотниковъ, дабы просить императрицу о невзысканіи съ яицкаго войска наложеннаго на нихъ штрафа ¹⁾. Въ столицѣ они нашли казака Петра Герасимова, еще 27 декабря 1771 года подававшаго прошеніе императрицѣ и скрывавшагося отъ преслѣдованія и розысковъ военной коллегіи. Не зная ничего о происходящемъ въ войскѣ, казаки Перфильевъ, двое Герасимовыхъ и Плотниковъ вновь сочинили прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писали, «что могли вымыслить къ оправданію войсковой стороны, закрывая сколь можно свою вину, дабы черезъ то можно было получить испрашиваемое». Не найдя случая подать прошеніе лично императрицѣ и считая Орловыхъ покровителями яицкаго войска, Перфильевъ съ товарищами передали прошеніе графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, отъ котораго получили отвѣтъ, что просьба ихъ передана ея величеству и что имъ необходимо подождать резолюціи.

Спустя нѣкоторое время яицкіе депутаты были потребованы къ графу А. Г. Орлову.

— У васъ на Яикѣ сдѣлалось несчастіе, сказалъ графъ пришедшимъ къ нему казакамъ. — Одинъ разбойникъ, бѣглый донской казакъ Пугачевъ, назвавшись ложно покойнымъ государемъ

¹⁾ См. Томъ I глава VIII.

Томъ II.

Петромъ III, собралъ себѣ небольшую шайку изъ приставшихъ къ нему вашихъ же лицкихъ казаковъ, какъ-то Чики и прочихъ, укрывавшихся отъ наказанія по бывшему объ убійствѣ Траубенберга слѣдствію, и съ набранною шайкой пошелъ по крѣпостямъ къ Оренбургу. Съѣздите туда и постарайтесь уговорить казаковъ, дабы они отъ сего разбойника отстали и его поймали. Если вы постараетесь это сдѣлать, то по возвращеніи въ Петербургъ ваше дѣло будетъ рѣшено въ пользу казаковъ.

— Готовы усердно служить всемилостивѣйшей государынѣ, отвѣчали Перфильевъ и его товарищи, — и сколько силъ будетъ, исполнимъ повелѣніе въ точности ¹⁾.

Заручившись такимъ обѣщаніемъ и справедливо считая графа Захара Чернышева виновнымъ во многомъ, что происходило на Яикѣ и подъ Оренбургомъ, графъ Орловъ постарался устранить президента военной коллегіи отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла лицкихъ казаковъ. Сговорившись съ генераль-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, они испросили согласіе императрицы отправить на Яикъ двухъ казаковъ, Аванасія Перфильева и Петра Герасимова, а казаковъ Ивана Герасимова и Савелія Плотникова оставить въ Петербургѣ, какъ бы заложниками, но съ тѣмъ, чтобъ они зависѣли только отъ одного князя Вяземскаго.

12 ноября 1773 года генераль-прокуроръ объявилъ Тайной экспедиціи, что императрица повелѣла выдать сотнику Перфильеву и казаку Петру Герасимову, для проѣзда ихъ до Казани и обратно до Петербурга, каждому по паспорту, «назвавъ въ оныхъ обоихъ ихъ, для извѣстныхъ ему, генераль-прокурору, причинъ *черкесами* ²⁾. Другому же сотнику Ивану Герасимову и казаку Савелію Плотникову, для свободного здѣсь, въ Петербургѣ, жительства,

¹⁾ Показаніе Аванасія Перфильева 12 сентября 1774 года. Государств. Арх., VI, д. № 425.

²⁾ Паспорты эти были слѣдующаго содержанія: «Объявитель сего черкесъ (Аванасій Перфильевъ или Петръ Герасимовъ) отправленъ изъ С.-Петербурга въ Казань, въ генералу-аншефу и казанскому губернатору фонъ-Брандту, того ради по тракту сему, на заставахъ и въ городахъ имѣющимся начальникамъ вездѣ пропускать безъ задержанія, а что по прошествіи положеннаго времени явиться ему у меня (князя Вяземскаго), въ томъ обязанъ подпискою. Въ вѣрность сего данъ ему сей паспортъ за подписаніемъ руки моею и съ приложеніемъ обыкновенной печати».

дать изъ Тайной экспедиціи билеты ¹⁾, съ такимъ предписаніемъ, чтобы ихъ ни въ какое правительственное мѣсто ²⁾, безъ объявленія ему, генераль-прокурору, не брать и являться имъ каждую недѣлю по одному разу въ Тайной экспедиціи и изъ Петербурга никуда имъ не отлучаться» ³⁾.

Получивъ паспорта, Перфильевъ и Герасимовъ выѣхали изъ Петербурга, но были въ большомъ раздумьѣ, какъ поступить имъ въ будущемъ.

— Какимъ образомъ это сдѣлалось, что простой человѣкъ могъ назваться государемъ? спрашивалъ Перфильевъ Герасимова. — Кажется, статья сему нельзя. Можетъ-быть, называемый Емелькою Пугачевымъ и прямо государь Петръ III.

— Я покойнаго государя видѣлъ много разъ, отгѣчалъ спрошенный, — и буде сей называющійся подлинно государь, то его узнаю.

Припоминая молву, ходившую по всей Россіи, что Петръ III не умеръ, что манифесты о его смерти ложны, но что онъ изъ-подъ ареста «выкраденъ» и освобожденъ, Перфильевъ и Герасимовъ рѣшили, что если по приѣздѣ къ Пугачеву Герасимовъ признаетъ въ немъ истиннаго государя, то рукъ на него не поднимать и «никакого злаго умысла противъ него не предпринимать».

— Какъ можно намъ, говорили казаки между собою, — свои руки поднять на государя; ихъ головы помазанныя. Вѣдь Богъ знаетъ чью сторону держать: государя или государыни; они между собою какъ хотятъ такъ и дѣлать, а намъ нечего въ ихъ дѣла

¹⁾ Билеты были такого содержанія: «По Высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, Правительствующаго Сената изъ Тайной экспедиціи данъ сей билетъ войска яицкаго сотнику Ивану Герасимову (въ другомъ, казаку Савелью Плотникову) для того, чтобы жить ему до указу здѣсь въ С.-Петербургѣ, у кого и гдѣ пожелаетъ. Буде же по какому-либо дѣлу, въ какое судебное мѣсто потребенъ будетъ, но однакожь его, когда онъ сей билетъ покажетъ, никуда не брать, а что онъ потребенъ въ какое присутственное мѣсто, о томъ тотчасъ объявить генераль-прокурору, откуда и резолюція дана быть имѣть. До будущаго же о немъ опредѣленія являться ему въ тайной экспедиціи каждую недѣлю одинъ разъ, а потому, гдѣ онъ жительство будетъ имѣть объявить и безъ указу изъ Петербурга никуда не отлучаться и безъ объявленія квартиры своей не перемѣнять».

²⁾ То-есть въ Военную Коллегію, которой подчинены были казаки во всѣхъ отношеніяхъ.

³⁾ Государств. Арх., VI, д. № № 414 и 415.

вступаться; неравно его сторона возьметъ, такъ мы въ тѣ поры безо всего пропадемъ, а лучше останемся у него служить.

Условившись такимъ образомъ, Перфильевъ и Герасимовъ 25 ноября пріѣхали въ Казань и явились къ генераль-поручику фонъ-Брандту. Отсюда они должны были, подъ видомъ курьеровъ, ѣхать съ печатными манифестами о самозванцѣ и съ письмами казанскаго губернатора къ яицкому коменданту, полковнику Симонову. Письма эти были на столько безсодержательны, что по проѣздѣ чрезъ разѣзды, выставленные по границѣ Казанской губерніи, ихъ дозволено было уничтожить, точно такъ же какъ и подорожныя, въ которыхъ имъ разрѣшалось проѣхать по Самарской линіи до Бузулуьской или другой какой крѣпости. Генералу Брандту стоило однакожь не малыхъ трудовъ заставить ихъ ѣхать изъ Казани. «Насилу, писалъ онъ ¹⁾), уговоромъ ихъ отсюда 28-го числа выжилъ, ибо по нынѣшнимъ здѣшнимъ, отъ безпутныхъ вѣстей сумнительнымъ обстоятельствамъ, не разсудилъ тѣмъ казакамъ себѣ дать въ карты глядѣть, да и по всегдашнемъ ихъ пьянствѣ, не увѣрясь совѣмъ на нихъ, подъ видомъ наблюденія моего въ народѣ кредита, имѣлъ при нихъ, яко при чужихъ людяхъ черкесами названныхъ, вѣрнаго унтеръ-офицера, какъ для примѣчанія ихъ разговоровъ, такъ и для отвращенія при такомъ случаѣ народнаго во мнѣ сомнѣнія, ибо слухъ носился, что извѣстный злодѣй, по выступленіи моемъ изъ Казани на границы, разгласилъ, яко бы я къ нему добровольно ѣду».

Прибывъ въ Самару, Перфильевъ и Герасимовъ были узнаны казакомъ Ергучевымъ, ѣхавшимъ изъ Яицкаго городка съ донесеніями отъ полковника Симонова. Ергучевъ заявилъ самарскимъ властямъ, что они не черкесы, а ихъ яицкіе казаки, бунтовщики, участвовавшіе въ убійствѣ генерала Траубенберга и бѣжавшіе изъ Яицкаго городка. Перфильевъ и Герасимовъ были задержаны и отправлены въ симбирскую провинціальную канцелярію, и отпущены далѣе только по наведеніи надлежащихъ справокъ ²⁾).

¹⁾ Въ письмѣ князю Вяземскому, отъ 30 ноября 1773 года. Государств. Арх., VI, д. № № 414 и 415.

²⁾ Письмо генераль-поручика Брандта князю А. А. Вяземскому отъ 29 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 414.

Изъ Симбирска они прїѣхали опять въ Самару, а затѣмъ, отправились въ Яицкій городокъ, гдѣ и явились къ коменданту полковнику Симонову. Послѣдній долго не могъ повѣрить, что казаки посылаются въ станъ самозванца, но подорожные и письма Брандта заставили его согласиться на дальнѣйшее отправленіе, причемъ уполномоченные графа Орлова разѣхались въ разныя стороны: Петръ Герасимовъ поѣхалъ на нижніе яицкіе форпосты, а сотникъ Аванасій Перфильевъ въ Берду, въ сопровожденіи взятыхъ имъ съ собою казаковъ Ивана Фофанова и Ивана Мирошихина.

— Я посланъ изъ Питера, говорилъ дорогою Перфильевъ своимъ спутникамъ,—отъ графа Орлова уговаривать казаковъ, чтобъ изловить называющагося государемъ.

— Не моги ты объ этомъ и думать, отвѣчали они. — Мы тебя заколемъ, если объ этомъ только подумаешь. Онъ, мы слышали, точный государь и къ намъ наслалъ весьма милостивые указы, что насъ станетъ жаловать всею вольностью. Будучи еще въ городкѣ, мы догадались, что вы съ Герасимовымъ не даромъ изъ Петербурга прїѣхали, и хотѣли было по прїѣздѣ въ Берду на тебя донести, да хорошо что самъ намъ признался. Мы тебѣ еще разъ подтверждаемъ, что не моги ты этого дѣлать.

Сторонникъ казачьихъ интересовъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ бывшей борьбѣ казаковъ за старые порядки, Перфильевъ не могъ не сочувствовать общему движенію и, прося товарищей, чтобъ они на него не доносили, клялся, что будетъ вмѣстѣ съ ними служить вѣрно и не предприметъ ничего противнаго казачьимъ интересамъ.

Около Николина дня Перфильевъ и его спутники прїѣхали въ станъ самозванца, гдѣ все было для нихъ ново и необычайно.

Остановясь въ Бердѣ, Пугачевъ и его ближайшіе совѣтники расположились въ слободѣ, причемъ самозванецъ занялъ лучшій домъ казака Ситникова и назвалъ его «государевымъ дворцомъ». Стѣны дворца вмѣсто обоевъ были обиты шумихой, украшены зеркалами, и на видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ цесаревича Павла Петровича, взятый въ имѣніи Тимашева и привезенный въ Берду атаманомъ Андреемъ Овчинниковымъ ¹⁾. На крыльцѣ «государева

¹⁾ Впослѣдствіи пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ-Яромъ.

дворца» находился постоянный караулъ въ 25 человекъ, выбранныхъ изъ наиболѣе преданныхъ самозванцу яицкихъ казаковъ, составлявшихъ гвардію Пугачева и его конвой при торжественныхъ въѣздахъ.

Гвардія эта пользовалась нѣкоторыми привилегіями и составляла отдѣльную единицу въ общей организаціи пугачевскихъ войскъ, подчиненныхъ сначала одному Андрею Овчинникову, носившему званіе главнаго атамана, а потомъ раздѣленныхъ на полки различной численности, но по возможности одинаковаго племеннаго состава. Такъ Овчинниковъ командовалъ полкомъ яицкихъ казаковъ, полковники: Иванъ Твороговъ—полкомъ илецкихъ казаковъ, Билдинъ—исетскихъ казаковъ, Тимоѣй Падуровъ—оренбургскихъ и другихъ казаковъ, взятыхъ въ крѣпостяхъ ¹⁾, Дербетевъ—полкомъ ставропольскихъ калмыковъ, Мусса-Аліевъ—каргалинскихъ татаръ, Кинзя-Арслановъ—полкомъ башкирскимъ, Хлопуша—полкомъ заводскихъ крестьянъ. Всѣми плѣнными солдатами командовалъ Швановичъ, а всею остальною сборною пѣхотой завѣдывалъ Казанскаго уѣзда татаринъ Абдулъ. Артиллеріей управлялъ, подъ руководствомъ казака Чумакова, взятый въ Татищевой крѣпости солдатъ Калмыковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ исправлять испорченныя пушки и мортиры.

Полки дѣлились на роты, человекъ во сто каждая, и ими командовали сотники, есаулы и хорунжіе. Выборъ должностныхъ лицъ, даже и нѣкоторыхъ полковыхъ командировъ, производился почти исключительно яицкими казаками, имѣвшими значительное вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Обыкновенно собирався кругъ, которому предлагали имена кандидатовъ на должности, и «если выбираемый былъ *не по ихъ мысли*, то казаки кричали *негоденъ*» ²⁾, Ни полевые командиры, ни ихъ помощники не знали точно, сколько находилось въ ихъ вѣдѣніи людей.

«Списковъ не было, показывалъ впослѣдствіи Шигаевъ ³⁾,

¹⁾ Въ составъ этого полка входили оренбургскіе, самарскіе, красногорскіе, дубовскіе и бердинскіе казаки, всего до 800 человекъ (Показаніе Падурова 10 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506).

²⁾ Показаніе Наума Калмыкова. Госуд. Арх., VI, д. № 437.

³⁾ Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506. А. С. Пушкинъ ошибается, говоря, что полки имѣли одинаковый составъ въ 500 чело-

потому что часто прибывали и убывали, а былъ счетъ однимъ только командирамъ, коимъ въ руки и жалованье на ихъ команду отдавалось». Сводя показанія многихъ лицъ, можно заключить, что въ началѣ декабря 1773 года силы Пугачева простирались до 15 тысячъ человекъ съ 86 орудіями разныхъ калибровъ ¹⁾. Все это ополченіе было весьма плохо вооружено: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой; ружей сравнительно было мало; башкирцы были вооружены стрѣлами, а большая часть пѣхоты имѣли штыки, воткнутые на палки, часть была вооружена дубинами, а остальные не имѣли вовсе никакого оружія и ходили подъ Оренбургъ съ одною плетью ²⁾. Барабановъ и трубъ не было, а потому утренняя и вечерняя заря обозначались выстрѣлами изъ орудій; «буде сдѣлается какая тревога, то собирають народъ атаманы, сотники и десятники (хорунжіе), а иногда и самъ самозванецъ бѣгаетъ подъ окно къ яицкимъ казакамъ и приказываетъ выходить въ походъ» ³⁾.

Каждый полкъ стоялъ особо въ своихъ землянкахъ и имѣлъ свое знамя, приготовленное изъ шелковой матеріи желтаго или краснаго цвѣта. На однихъ знаменахъ были нашиты кресты, на другихъ ликъ Спасителя или Николая Чудотворца ⁴⁾. Полки поочередно посылались на сторожевую службу и на единственную заставу (наблюдательный отрядъ), учрежденную на рѣкѣ Сакмарѣ, ниже моста. На этой заставѣ располагалось обыкновенно до двухсотъ человекъ, а въ разѣзды по степной сторонѣ рѣки Яика посылались партіи по сту и болѣе человекъ. Сторожевая служба отправлялась, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ: не было ни паролей, ни лозунговъ, а «когда по пикетамъ, показывалъ подпрапорщикъ Аверкіевъ, въ ночное время разѣзжаютъ дозоры и

вѣкъ каждый и что жалованье получали одни яицкіе казаки. Жалованье выдавалось всѣмъ, но не аккуратно, а когда были деньги.

¹⁾ Самъ Пугачевъ показывалъ, что въ это время у него было до 12,000 человекъ. Въ допросахъ Пугачева (*Ученія*, 1858 года, кн. 2-я, стр. 25) всѣ цифры невѣрны и самый текстъ напечатанъ съ искаженной рукописи.

²⁾ Показаніе ссыльнаго Семена Демидова, Госуд. Арх., VI, дѣло № 467 (13).

³⁾ Показаніе подпрапорщика Ставропольскаго баталіона Григорія Аверкіева, 5 февраля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 436.

⁴⁾ Показаніе Астафія Долгополова. Государственный Архивъ, VI, д. № 435.

ихъ окликають, то они не больше отвѣчаютъ, что *казакъ*, а потому и можно безо всякой опасности объѣзжать ихъ пикеты и вѣрнымъ изъ войскъ ея величества».

Продовольствіе приобрѣталось при помощи фуражировокъ, грабежа и доставки изъ селеній, принявшихъ сторону самозванца. Хлѣбъ и скотъ доставлялись изъ занятыхъ крѣпостей, изъ Каргалинской слободы и Сакмарскаго городка. Все это, по словамъ оренбургской слѣдственной комиссіи, дѣлалось «почти безъ чувствованія тягости, обнадѣясь на обѣщанныя имъ (жителямъ) льготы и вольность» ¹⁾.

Вскорѣ послѣ перехода въ Берду, мятежники захватили 300 лошадей, 100 быковъ и 3,000 овецъ, отправленныхъ киргизомъ Аблаемъ для продажи въ Оренбургъ. Пугачевъ спрашивалъ киргизовъ-погонщиковъ, сколько имъ заплатить за все взятое.

— Намъ денегъ не надо, отвѣчали они,—а дайте намъ товаровъ.

— Товаровъ теперь нѣтъ, сказалъ самозванецъ,—подождите здѣсь.

Киргизы, до семидесяти человѣкъ, остались въ Бердѣ и служили при Пугачевѣ, а пригнанный ими скотъ употребленъ на продовольствіе толпы, почти ежедневно увеличивавшейся приходящими «*кучами* изъ разныхъ селеній». Сюда стекались русскіе крестьяне, дворовые люди, заводскіе рабочіе, приписные крестьяне, «но сколько оныхъ было, говорилъ Пугачевъ, то не только онъ, но думаетъ, что и Овчинниковъ не зналъ» ²⁾. Что касается заводскихъ крестьянъ, то, по словамъ оренбургской слѣдственной комиссіи, они были всѣхъ усерднѣе къ самозванцу; «потому, что имъ отъ него также вольность обѣщана и уничтоженіе всѣхъ заводовъ, кои они ненавидятъ, въ разсужденіи тягости работъ и дальнихъ перѣздовъ» ³⁾.

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ оренбургской секретной комиссіи 21 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

²⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, дѣло № 512.

³⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ оренбургской секретной комиссіи 21 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 508 (2).

По мѣрѣ того, какъ толпа мятежниковъ увеличивалась и вліяніе самозванца въ краѣ распространялось, яицкіе казаки пытались ввести среди ополченія нѣкоторый порядокъ и устройство. Самъ Пугачевъ почти не вмѣшивался въ администрацію, и всѣ распоряженія исходили изъ учрежденной имъ *военной коллегіи*.

Спустя нѣсколько дней послѣ обложенія Оренбурга, самозванецъ призвалъ къ себѣ яицкаго старшину Андрея Витошнова, казаковъ: Ивана Творогова, Максима Шигаева, Данилу Скобочкина, Ивана Почиталина, плецкаго казака Максима Горшкова и объявилъ имъ, что для управленія краемъ и войсками онъ учреждаетъ *военную коллегію* ¹⁾.

— Богъ и я великій государь, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Витошнову, Творогову, Шигаеву и Скобочкину, — жалую васъ судьями въ военную коллегію, тебя Почиталинъ дьякомъ, а тебя Горшковъ секретаремъ.

Пожалованные въ эти должности сначала просили избавить ихъ отъ такого назначенія, отговариваясь: Витошновъ старостью, Шигаевъ тѣмъ, что онъ завѣдывалъ раздачей войску хлѣба и денегъ, а Твороговъ тѣмъ, что имѣлъ много хлопотъ, командуя плецкимъ полкомъ. Пугачевъ запретилъ имъ возражать и приказалъ исполнить его волю безпрекословно, причемъ объявилъ, что въ помощь имъ назначаетъ четырехъ опытныхъ. Сперва главнымъ судьей былъ назначенъ Твороговъ, какъ полковникъ, но когда онъ самъ просилъ, чтобы главнымъ сдѣлать Витошнова, какъ старшаго лѣтами, то самозванецъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы на Твороговѣ лежало все веденіе дѣла.

— Они люди безграмотные, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ Творогову и указывая на избранныхъ имъ судей, — такъ ты одинъ станешь за нихъ подписывать бумаги. Тебѣ тутъ не сколько (не очень) много дѣла будетъ — только подписывай, а написать и безъ тебя есть кому.

Твороговъ повиновался этому распоряженію, и въ засѣданіяхъ коллегіи Витошновъ всегда «сидѣлъ выше Творогова, а Шигаевъ,

¹⁾ Ни Бѣлородовъ, ни Падуровъ, какъ говоритъ Пушкинъ, не находились въ составѣ военной коллегіи.

по словам Горшкова ¹⁾, хотя и ниже их сидѣлъ, но какъ онъ былъ ихъ замысловатѣе и любимѣе самозванцемъ, то они слѣдовали больше его совѣтамъ, а равно Почиталинъ и я слушали больше его».

«Сію коллегію, показывалъ впоследствии Иванъ Твороговъ ²⁾, злодѣй учредилъ для того, что ему наскучило давать самому указы свои тѣмъ, которые, приходя къ нему со стороны, изъясняли свое усердіе набирать въ его службу людей или грабить помѣщичьи дома и самихъ убивать, такъ какъ (наскучило) и разбирать многія жалобы на башкирцевъ и казаковъ, въ его толпѣ находящихся, въ обидахъ и разореніяхъ, народу причиняемыхъ». Подобныхъ депутатовъ, присланныхъ отъ селеній, приходило много, и Пугачевъ принималъ ихъ всегда съ особою пріятливостью ³⁾.

— Отъ меня, говорилъ обыкновенно самозванецъ приходившимъ,—никогда приказу такого не было, чтобы дѣлать обывателямъ обиды. Я велю тебѣ дать указъ, чтобы никто не разорялъ, а кто ограбленъ и кѣмъ именно, прикажу тебѣ самому изслѣдовать.

Общанный указъ обыкновенно выдавался изъ «военной коллегіи», причемъ въ немъ писалось, чтобы по разслѣдованіи о грабежѣ было непременно донесено, и включалось требованіе, чтобы присланный депутатъ склонилъ своихъ односельцевъ быть вѣрными государю, набралъ желающихъ въ его службу и съ ними защищалъ отъ нападенія войскъ императрицы не только свое, но и сосѣднія селенія. Въ «коллегіи» велся списокъ всѣмъ выданнымъ указамъ, и чрезъ посредство лицъ, получившихъ указы, администрація самозванца получала всѣ необходимыя свѣдѣнія о движеніи правительственныхъ войскъ и средства къ продовольствію собственныхъ. Всѣ хозяйственныя, стратегическія и тактическія соображенія также лежали на «военной коллегіи»: она обязана была формировать отдѣльные отряды, указывать имъ цѣль дѣйствій, избирать пункты для сторожевыхъ постовъ и снабжать

¹⁾ Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

²⁾ Въ показаніи отъ 27 октября 1774 г. Тамъ же, № 505.

³⁾ Показаніе ясашиного крестьянина Богорусланской слободы Гаврилы Давыдова 17 апрѣля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 431.

отдѣльныя команды продовольственными и боевыми припасами. «Въ сочиненіяхъ (бумагъ), показывалъ Твороговъ ¹⁾, упражнялись Горшковъ и повытчики, а Почиталинъ рѣдко писывалъ, ибо мы съ нимъ худо знаемъ грамотѣ, а только что почти имена свои можемъ подписывать».

«Въ сей коллегіи, говорилъ Горшковъ ²⁾, никакихъ письменныхъ судовъ не производилось, а разбираемы и рѣшаемы оныя были судьями на однихъ словахъ. Письменное же въ ней производство было только такое, что даваемы были отъ нея наставленія поставленнымъ отъ самозванца начальникамъ, посылаемымъ отъ него въ разныя мѣста для покоренія народа, доставленія провіанта, фуража, разграбленія господскихъ пожитковъ и проч.».

Всѣ распоряженія «военной коллегіи» приводились въ исполненіе по большей части безъ доклада и утвержденія Пугачева, считавшаго, что въ глазахъ толпы его значеніе, какъ государя, будетъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла и имѣть сношеній со мнимыми своими подданными. Никто, напримѣръ, не имѣлъ права входить во дворецъ государя безъ доклада казака Екима Давилина, любимца самозванца, исполнявшаго при немъ обязанность дежурнаго генераль-адъютанта ³⁾. Онъ обязанъ былъ ежедневно представлять своему безграмотному повелителю записки о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Записки эти составлялись въ «военной коллегіи» и заключали въ себѣ преимущественно свѣдѣнія о пріѣзжихъ. «Пріѣзжалъ за казной, сказано въ одной ⁴⁾, лицкаго полка есаулъ Иванъ Ѳедоровъ Кузнецовъ.

«Еще взялъ сотникъ Иванъ Васильевичъ Изюмовъ восемь пушекъ».

Пугачевъ принималъ эти донесенія съ важностью государя, о чемъ, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а поступалъ такъ, какъ казалось ему должны поступать государи. Однажды, во время

¹⁾ Показаніе Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 505.

²⁾ Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

³⁾ Показаніе Максима Шигаева 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI, д. № 506. Этотъ Давилинъ впоследствии пропалъ безъ вѣсти въ сраженіи подъ Чернымъ-Яромъ.

⁴⁾ Госуд. Арх., VI, д. № 512.

бомбардированія Оренбурга, находясь со своими сообщниками въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, бывшей вблизи города въ форштадтѣ, самозванецъ сѣлъ на престолъ, желая убѣдить присутствующихъ, что онъ истинный государь ¹⁾).

— Вотъ, дѣтушки, говорилъ онъ,—двѣнадцать лѣтъ уже, какъ я не сиживалъ на престолѣ.

Хотя этотъ поступокъ и послужилъ для нѣкоторыхъ доказательствомъ, что Пугачевъ истинный государь, но были и такіе, которые говорили, что «еслибъ и подлинно онъ былъ царь, то не пригоже сидѣть ему въ церкви на престолѣ». Такія лица должны были сохранить свое мнѣніе въ тайнѣ, потому что Пугачевъ не церемонился со своими сообщниками и вѣшалъ всѣхъ, въ коихъ видѣлъ сомнѣніе въ своей личности. Онъ не пощадилъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, Дмитрія Лысова, бывшаго у него полковникомъ, и какъ только тотъ въ пьяномъ видѣ проговорился, что знаетъ откуда явился государь, то уже на слѣдующее утро былъ повѣшенъ. Отставной солдатъ Сорочинской крѣпости былъ повѣшенъ за то, что «въ пьянствѣ говорилъ съ бабой, которая пила вино за благополучный успѣхъ взятія Оренбурга, а солдатъ отвѣчалъ, что нынѣ-де время зимнее, какъ можно его взять» ²⁾).

Доносы и шпіонство другъ на друга были развиты въ лагерѣ самозванца въ высшей степени, и счастливъ былъ тотъ на кого доносили не прямо самозванцу, а въ «военную коллегію». Пугачевъ вѣшалъ безъ суда и разбора, а въ «военной коллегіи» судили словеснымъ судомъ и въ случаѣ явныхъ уликъ вѣшали, а въ случаѣ недостатка въ доказательствахъ обвиняемый освобождался отъ наказанія, если призывалъ Бога во свидѣтели своей невинности и соглашался произнести установленную для этой цѣли клятву.

«Азъ, нижепоименованный», долженъ былъ произнести онъ,

¹⁾ Показаніе прапорщика 2-го гренадерскаго полка Михаила Ивановича, 17 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 506. Срав. *Русскую Старину* 1870 года, т. II, стр. 418. Память измѣнила рассказчику и онъ передалъ фактъ невѣрно.

²⁾ Показаніе солдата ставропольскаго баталіона Наума Калмыкова. Госуд. Арх. VI, д. № 437.

«обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ, что клевететь на меня тотъ (имя обвинителя), что я сдѣлалъ то-то. Азъ же ей-ей и ни-ни, какъ сіе божественное Евангеліе учитъ и заповѣдаетъ, что я того не дѣлывалъ. А если я сказалъ ложно и что мнѣ изглаголахо пресвитеромъ клянущихся и неправедно, то буду отлученъ отъ свѣта единого Бога въ семь нынѣшнемъ и будущемъ мѣсѣцѣ и застрянусь яко Каинъ и да приму проказу, геену и удавленіе Іудино и смерть Ананину и жены его Сапфиры и буду я съ беззаконными еретиками въ жилищѣ вѣчнаго огня уготованнымъ и не обрящу Славу въ день воздаянія и да казнить мя Вышній Царь, яко преступника и супостата. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Самъ Пугачевъ никакихъ разбирательствъ не производилъ и былъ строгъ со своими сообщниками. Никто не смѣлъ «никогда подавать ему никакихъ совѣтовъ, показывалъ Максимъ Шигаевъ ¹⁾), а тѣмъ меньше выпрашивать о чемъ-нибудь, ибо самозванецъ надо всѣми, безъ различія, велъ большую строгость и часто выговаривалъ, что онъ не любитъ ни совѣтниковъ, ни указчиковъ». Просителей и доклады «военной коллегіи» Пугачевъ принималъ обыкновенно сидя въ креслахъ, взятыхъ въ загородномъ домѣ оренбургскаго губернатора, и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавой, а другого съ топоромъ, знаками власти. Всѣ приходившіе съ просьбами обязаны были кланяться въ землю, цѣловать руку и затѣмъ излагать дѣло, величая Пугачева: «надѣжа-государь», «ваше величество», а иногда и просто «батюшко». Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачевъ въ торжественныхъ случаяхъ носилъ шаравары малиноваго бархата, бешметъ голу-бого штофа, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ малиновымъ дномъ и бѣлую рубашку съ косымъ воротомъ. Вооруженіе его состояло изъ сабли и двухъ пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый подъ обѣ руки жившими у него дѣвками или татарками, пріѣзжавшими изъ Каргалинской слободы и бывшими его наложницами. При такомъ парадномъ шествіи самозванца,

¹⁾ 29 августа 1774 года. Госуд. Арх., VI, дѣло № 506.

лицкіе казаки пѣли пѣсню, нарочно ими въ честь его сочиненную, а писарь командира исетскаго полка Билдина, Иванъ Васильевъ, долженъ былъ играть на скрипкѣ.

«Во время такихъ веселостей всѣ напивались до-пьяна, а самозванецъ отъ излишняго питья воздерживался и употреблялъ рѣдко. Для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили къ нему разныхъ стѣстныхъ припасовъ изобильно» ¹⁾. Каждый старшина или предводитель партіи обязанъ былъ представлять самозванцу все лучшее изъ награбленнаго имущества, что и присылалось при особыхъ запискахъ или рапортахъ, въ родѣ слѣдующаго:

«Его императорскому величеству и всея Россіи Государю Петру Федоровичу.

«Отъ атамана и вѣрнаго вашего величества раба Ильи
«Арапова

«покорнѣйшій рапортъ.

«При сей случившейся радостной вашего величества оказіи, отъ изверженныхъ и недостойныхъ вашего величества рабовъ, которые безчувственно ослѣпясь сами себя отrekliсь—собрано (захвачено) разныхъ сортовъ *кусу* (провизіи) и другихъ тому подобныхъ вещей, присемъ съ нарочно посланнымъ отъ меня хорунжимъ Василиемъ Жоновымъ, съ приложеніемъ при этомъ обыкновеннаго реестра ²⁾, въ покорности моей посылаются».

Кушанье приготовляли двѣ жившія у Пугачева русскія дѣвки, изъ коихъ одна была та самая дворовая капитана Нечаева, которая явилась къ самозванцу въ Чернорѣчьи съ жалобой на жестокость своего господина. Иногда же, за отсутствіемъ дѣвокъ, обязанность повара исполнялъ лицкій казакъ Козьма Фофановъ,

¹⁾ Показаніе Горшкова 8 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

²⁾ Реестръ, коимъ послано *кусу* къ его императорскому величеству, а именно: сахару три головы, винограду боченковъ два, рыбы свѣжей: осетръ одинъ, севрюга одна, бѣлорыбица одна, севрюгъ провѣсныхъ двѣ, ягодъ изюмныхъ небольшое число, завернутое въ бумажкѣ, сорочинскаго пшена небольшое число, водки сладкой, сургуча въ завернутой бумажкѣ два пучка, бумаги писчей одна стопа, сотовъ три гнѣзда, гусей четыре гнѣзда, утокъ четыре гнѣзда, масла коровьяго одна кадья, рюмокъ хрустальныхъ одна пара, стопа хрустальная одна съ крышкой, маку фунтовъ съ десять. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

жившій всегда въ домѣ Пугачева, бывшій его дворецкимъ и хранителемъ награбленныхъ денегъ и пожитковъ ¹⁾).

Въ парадныхъ случаяхъ къ столу приглашались члены «военной коллегіи» и нѣкоторые изъ яицкихъ казаковъ. Первый тостъ Пугачевъ всегда провозглашалъ за свое здоровье, а затѣмъ обращался къ висѣвшему на стѣнѣ портрету и пилъ за здоровье цесаревича.

— Здравствуй всероссійскій наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, произносилъ самозванецъ, и при этомъ всегда высказывалъ опасеніе за будущую судьбу цесаревича.

— Жаль мнѣ Павла Петровича, говорилъ онъ; — какъ бы-де его окаянные злодѣи не извели.

Самозванецъ старался убѣдить толпу, что князь Григорій Орловъ ищетъ случая похитить Павла Петровича, хочетъ жениться на государынѣ и вступить на престолъ. Объявляя истребить всѣхъ Орловыхъ, Пугачевъ иногда, подъ пьяную руку, высказывалъ планы будущихъ своихъ дѣйствій. Планы и предположенія эти были весьма шатки, неопредѣленны и противорѣчивы: то онъ говорилъ, что царствовать не желаетъ и хлопочетъ только въ пользу Павла Петровича, то высказывалъ, что самъ вступить на престолъ и облагодѣтельствуетъ своихъ подданныхъ ²⁾.

— Надобно, однако же, прежде всего взять Оренбургъ, замѣчалъ Пугачевъ, — а тамъ будетъ другое дѣло. Пойду на Казань, оттуда въ Москву, приму тамъ царство и буду писать великому князю, чтобы ко мнѣ пріѣхалъ. Если государыня меня встрѣтитъ безъ брани, съ честью, то ее тогда прощу и (отпущу) куда похочетъ въ свою ли прежнюю землю ѣхать, или въ монастырь Бога молить о своихъ грѣхахъ. Богъ судья тетущкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, она меня молода женила и оттого я спозналъ чужую сторону и былъ въ такой бѣдности!

Желая польстить яицкимъ казакамъ, Пугачевъ говорилъ, что уничтожить Петербургъ и сдѣлаетъ Яицкій городокъ своею столи-

¹⁾ Показаніе Козьмы Фофанова 7 декабря 1774 года. Государств. Архивъ, VI, дѣло № 512.

²⁾ Показаніе Зарубина (Чики), Почиталина и другихъ.

цей, что велить «держать всѣмъ старую вѣру», запретить брить бороды и носить нѣмецкое платье, «и будутъ, говорилъ онъ, всѣ ходить въ казачьемъ платьѣ». Съ приближенными императрицы самозванецъ обѣщалъ поступить очень строго и безпощадно, такъ какъ, по его словамъ, они одни были причиной его скитальческой жизни.

— Я, говорилъ Пугачевъ,—съ церковей велѣлъ кресты снять тѣ, которые сдѣланы крыжемъ, какъ на киркахъ бываетъ, а вмѣсто ихъ поставить настоящіе кресты, какъ божественное писаніе повелѣваетъ, а бояры взвели на меня, будто я церкви обращалъ въ кирки, чего у меня и въ мысляхъ не бывало. Главная причина вотъ чѣмъ я имъ былъ нелюбъ: многіе молодые люди изъ бояръ и середовичи (среднихъ лѣтъ) бывало еще при тетушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а потомъ и при мнѣ, годные бы еще служить, взявъ чинъ, пойдутъ въ отставку, живутъ себѣ въ деревнѣ и разоряютъ бѣдныхъ крестьянъ. Я сталъ таковыхъ принуждать къ службѣ и хотѣлъ отнять у нихъ деревни, чтобъ они служили на одномъ жалованьи, а судей, которые дѣла судятъ несправедливо и притѣсняютъ народъ, наказывалъ и смерти хотѣлъ предавать. Вотъ за это и стали они копать подо мною яму, и когда я поѣхалъ по Невѣ-рѣкѣ гулять въ шляпкѣ, то они тутъ меня и заарестовали, показали на меня небылицу и заставили меня странствовать по свѣту, и гдѣ только я ни былъ и какой нужды ни претерпѣлъ!.. Да что объ этомъ говорить много, вамъ самимъ вѣстимо; помните, какъ вы меня обрѣли: рубашка на мнѣ гроша не стоила. Теперь, утвердись на царствѣ, буду стараться, чтобы все было порядочно и народъ отягощенъ не былъ. Отъ дворянъ лучше всѣ деревни отнять и опредѣлить имъ жалованье, хотя бы и большое. Васъ же, яицкихъ казаковъ, буду жаловать всякою вольностію и деньгами. Учредивъ такъ все порядочно, пойду воевать въ другія земли—я вѣдь служивый человекъ, мнѣ на одномъ мѣстѣ не усидѣть. Пойдемъ мы воевать по всѣмъ государствамъ, и мнѣ во всемъ будетъ удача.

Такъ говорилъ Пугачевъ, стараясь возбудить къ себѣ сочувствіе, польстить самолюбію присутствующихъ и убѣдить ихъ въ томъ, что онъ истинный государь Петръ Ѳедоровичъ. Тѣ яицкіе

казаки, которые знали истинное происхождение Пугачева, старались помочь самозванцу и установили, чтобы все плѣнные солдаты, при приближеніи Пугачева, сами безъ приказанія становились на колѣни и черезъ то «многимъ мужикамъ дѣлали увѣреніе, что онъ подлинно царь» ¹⁾).

— Вотъ, други мои, говорилъ въ такихъ случаяхъ Пугачевъ окружающей его толпѣ, — эти господа служивые нѣсколько разъ видѣли меня, когда я царствовалъ, а потому и вы, мужики, должны увѣриться, что я есть подлинный царь, а не самозванецъ.

Солдатамъ дарили платье, деньги, лошадей, а толпа вѣрила словамъ Пугачева, потому что хотѣлось вѣрить, потому что будущее казалось лучше прошлаго. Когда въ началѣ блокады Оренбурга мятежники захватили шедшую изъ Петербурга почту и нашли въ ней манифестъ императрицы, то Пугачевъ приказалъ прочесть его предъ всеѣмъ народомъ.

— Смотрите, пожалуй, сказалъ онъ, — какъ они меня называютъ — Емельяномъ Пугачевымъ! Добро-де, до времени терпѣть буду, а потомъ все узнаютъ, что я истинный государь.

Въ другой разъ, когда изъ крѣпости кричали, что онъ самозванецъ, Пугачевъ показывалъ видъ, что на это не сердится.

— Чтò на нихъ пенять! говорилъ онъ; — они, бѣдные, обмануты и почитаютъ меня мертвымъ.

Въ Бердинской слободѣ жили празднo и весело. Это былъ вертепъ разврата, пьянства и буйства всякаго рода. Пугачевъ имѣлъ пять наложницъ, въ числѣ коихъ была и жена покойнаго Харлова, впоследствии повѣшенная по приказанію самого же Пугачева. Остальныя — жены и дочери офицеровъ, захваченныя по крѣпостямъ, были отданы на поруганіе сообщникамъ самозванца.

Почти ежедневныя казни составляли общественное зрѣлище, и трупами несчастныхъ были завалены все овраги, гдѣ мертвыя тѣла валялись полураздѣтыми, нагими и незарытыми въ землю. Иногда Пугачевъ самъ присутствовалъ при казняхъ, и тогда вы-

¹⁾ Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. — Показаніе Зарубина (Чики). — Показаніе Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. №№ 422, 467 (13) и 506.

ходилъ или выѣзжалъ изъ своего дворца въ сопровожденіи своей гвардіи. Отъ нечего дѣлать въ Бердѣ устраивались скачки, стрѣльба въ цѣль, или смотрѣли на пляску двухъ медвѣдей, приведенныхъ въ подарокъ самозванцу заводскими мужиками. Будучи хорошимъ стрѣлкомъ, Пугачевъ часто забавлялся стрѣльбой, пробивалъ кольчугу набитую сѣномъ или на всемъ скаку попадалъ въ шапку, поднятую на копьяхъ ¹⁾. Присутствуя на скачкахъ, самозванецъ высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у своихъ со-общниковъ и отправлялъ на свою конюшню, чтобъ имѣть въ запасъ на случай бѣгства. Мысль о возможности бѣгства не покидала самозванца, и онъ никогда не выѣзжалъ иначе какъ имѣя за собой пять или шесть хорошихъ заводныхъ лошадей. Отправляясь подъ Оренбургъ, Пугачевъ всегда переодѣвался въ самое простое платье, чтобъ его не узнали, и держался въ сторонѣ отъ выстрѣловъ ²⁾.

Такова была обстановка въ лагерѣ самозванца, когда Перфильевъ и его спутники пріѣхали въ Берду. Перфильевъ тотчасъ же отправился къ атаману Овчинникову.

— Зачѣмъ пріѣхалъ? спросилъ хозяинъ вошедшаго гостя.

— Служить государю, отвѣчалъ тотъ.

— Ты не самъ пріѣхалъ, а присланъ, конечно, изъ Петербурга зачѣмъ ни есть, но не спраста.

— Будучи въ Петербургѣ, я услышалъ про проявившагося здѣсь государя, бѣжалъ оттуда съ тѣмъ, чтобы поступить къ нему на службу.

— А какъ же ты, спрашивалъ вкрадчиво Овчинниковъ, — ушелъ оттуда, не окончивъ нашего войскового дѣла?

— Да нечего уже тамъ поклонны-то терять, отвѣчалъ Перфильевъ. — Вѣдь самъ знаешь, что не скоро дождешься конца. Прослышавъ, что здѣсь государь, я разсудилъ, что лучше у него милости просить.

Послѣднія слова возбудили въ Овчинниковѣ еще большее подозрѣніе относительно пріѣзда Перфильева. Какія милости просить

¹⁾ Показаніе подпрапорщика Аверкіева, 5 февраля 1774 г. Государств. Арх., VI, д. № 436.

²⁾ Показаніе Ивана Почиталина, 8 мая 1774 г.; тамъ же № 506.

будетъ, когда милости уже пожалованы государемъ войску? Кто уполномочивалъ его быть здѣсь ходатаемъ? Это такіе вопросы, на которые и самъ Перфильевъ не могъ отвѣтить. Онъ видѣлъ, что Овчинниковъ не вѣритъ его словамъ, что его допрашиваютъ, въ немъ сомнѣваются, и тогда онъ рѣшился во всемъ признаться откровенно.

— Я присланъ отъ графа Орлова, говорилъ Перфильевъ, — васъ, казаковъ, уговаривать, чтобы вы отстали отъ самозванца и его связали. Если казаки это сдѣлаютъ, то государыня обѣщаетъ не только прощеніе, но и милость такую, чтобъ остаться намъ при старыхъ обрядяхъ.

— Слушай, Аѳанасій! коли бы ты не былъ мнѣ знакомъ, говорилъ на это Овчинниковъ, — и я бы тебя не любилъ, то тотчасъ бы сказалъ государю. Но мнѣ жалъ тебя; плюнь ты на все это и служи нашему батюшкѣ вѣрно. Онъ намъ оказалъ уже милости: пожаловалъ насъ водами и сѣнокосами, крестомъ и бородой и обѣщаетъ намъ еще жалованье — чего же больше. Онъ точный государь Петръ III, мы довольно въ семъ увѣрены. Вольно же имъ называть его Пугачевымъ, пусть называютъ какъ хотятъ. Они скрываютъ прямое его названіе отъ простыхъ людей, а на обѣщаніе ихъ смотрѣть нечего, довольно мы отъ нихъ потерпѣли. Теперь мы сами все въ своихъ рукахъ имѣть будемъ; теперь, братъ, мы сами резолюціи дѣлаемъ. Полно, перестань и не мори ты никому объ этомъ (о порученіи) сказывать; служи вѣрно государю и скажи ему прямо зачѣмъ сюда присланъ.

Въ тотъ же день Овчинниковъ представилъ пріѣхавшаго самозванцу.

«Коль скоро взглянулъ на злодѣя, показывалъ впоследствии Перфильевъ, то въ сердце кольнуло, что не государь онъ, а какой ни есть простой мужикъ, однакожь поклонился злодѣю въ ноги».

— Откуда ты? спросилъ Пугачевъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ Перфильевъ.

— Зачѣмъ ты былъ въ Петербургѣ?

— Я, батюшка, для войсковой просьбы туда ѣздилъ, да недождавшись резолюціи, прослыша про ваше величество, что вы здѣсь,

оставя просьбу свою, бѣжалъ сюда къ вамъ и хочу служить вашему величеству вѣрою и правдою.

— Полно, такъ-ли, замѣтилъ Пугачевъ; — не шпионничать-ли пришелъ и не подослалъ-ли тебя меня извести?

— Нѣтъ, ваше величество, я право отнюдь противъ васъ не имѣю никакого злаго намѣренія, сохрани меня Господи! а пріѣхалъ, чтобъ усердно вамъ служить.

— Ну, когда это правда, такъ служи мнѣ, какъ и другіе ваши казаки служатъ, и я тебя не оставляю.

По возвращеніи Перфильева, Овчинниковъ спрашивалъ его: сказалъ ли онъ Пугачеву зачѣмъ присланъ.

— Нѣтъ, не сказалъ.

— Такъ поди же скажи, а то какъ провѣдаетъ помимо меня, тебѣ хуже будетъ.

На другой день Перфильевъ опять отправился къ самозванцу.

— Чтѣ скажешь? спросилъ Пугачевъ.

— Виновать я предъ вами, говорилъ Перфильевъ, кланаясь въ ноги, — что вчера вамъ правды не сказалъ и отъ васъ ее утаилъ.

— Богъ проститъ, коли винишься; но скажи, чтѣ отъ меня утаилъ?

— Я былъ въ Петербургѣ, и оттуда государыня послала меня на Яикъ и велѣла все яицкое войско уговаривать, чтобъ оно отъ тебя отстало, пришло бы въ повиновеніе ея величеству, а тебя бы связали и привезли въ Петербургъ.

— Ну, вотъ, вѣдь я угадалъ вчера, что ты присланъ со злымъ намѣреніемъ, сказалъ самозванецъ. — Но я не боюсь ничего и думаю, что мнѣ никто дурнаго не сдѣлаетъ.

— Я съ тѣмъ и на Яикъ ѣздилъ, продолжалъ Перфильевъ, — и объ ономъ Симонову разсказалъ. Симоновъ меня сюда, а товарища моего, который со мною изъ Петербурга пріѣхалъ, къ Толкачеву послалъ уговаривать казаковъ. Но я этого, такъ и товарищъ мой дѣлать не хотимъ и сохрани меня Богъ! Я никакъ не думалъ сіе противъ васъ дѣлать, а желаю служить вамъ вѣрно.

— Поди и служи, сказалъ Пугачевъ; — вотъ уже я съ тѣми, которые тебя послали, расправлюсь. А чтѣ про меня говорятъ?

— Да Богъ знаетъ, батюшка; слыхалъ въ кабакахъ отъ черни, да и то не въявь, а тихонько говорятъ, что явился около Оренбурга императоръ Петръ III и беретъ города и крѣпости...

— Это правда, перебилъ его Пугачевъ; — ты самъ видишь сколько взято крѣпостей, а народу у меня какъ песку. Дай сроку, будетъ время и къ нимъ въ Петербургъ заберемся, моихъ рукъ не минуютъ. Я знаю, что вся чернь меня съ радостію вездѣ приметъ, лишь только услышитъ. Теперь въ Петербургъ вамъ просить уже нечего, мы и безъ просьбы съ ними раздѣлаемся. Что говорятъ про меня бояры въ Петербургъ?

— Бояры межъ собою шушукуются и собираются они, да и государыня ѣхать за море.

Пугачевъ улыбнулся; онъ зналъ, что Перфильевъ вретъ.

— Ну, бояры-то таковскіе, замѣтилъ самозванецъ;—а государынѣ-то зачѣмъ ѣхать—я не помню ея грубостей, пусть бы только она пошла въ монастырь. Каковъ Павелъ Петровичъ?

— Хорошъ и великъ; онъ уже обрученъ.

— На комъ?

— На какой-то изъ нѣмецкой земли принцессѣ, и зовутъ ее Наталья Алексѣевна.

Пугачевъ сдѣлалъ видъ будто крайне обрадованъ этимъ извѣстіемъ, напоилъ Перфильева до-пьяна, подарилъ ему кармазинный красный кафтанъ, тринадцать рублей денегъ и своего сѣраго коня.

«Послѣ сего, показывалъ Перфильевъ ¹⁾, ни одного казака уже не склонялъ, да и изъ сердца своего все объявленное отъ графа Орлова повелѣніе истребилъ, а только думалъ и старался о томъ, чтобы показать злодѣю услугу, а черезъ то и быть большимъ человѣкомъ».

Воспользовавшись прибытіемъ Перфильева, самозванецъ и его сообщники стали распускать слухъ, что въ Берду пріѣхалъ изъ Петербурга посланный съ извѣстіемъ, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ идетъ на встрѣчу къ своему отцу съ большимъ войскомъ и тремя генералами. Спусти нѣсколько дней, а именно 9 декабря,

¹⁾ Госуд. Арх. VI, д. № 512 (1).

Пугачевъ съ толпой тысячи въ двѣ подошелъ къ Оренбургу, чтобы показать Перфильева тѣмъ лицкимъ казакамъ, которые знали о посылкѣ его въ Петербургъ, находились въ крѣпости и остались вѣрными правительству.

Выѣхавъ впередъ, Перфильевъ намѣренъ былъ войти въ переговоры съ казаками, собравшимися на валу.

— Угадываете ли вы, казаки, кричалъ онъ,—кто я?

— Мы видимъ, что ты казакъ, отвѣчали изъ крѣпости,—но кто ты таковъ—не знаемъ.

— Я Перфильевъ, былъ въ Петербургѣ и присланъ оттуда къ вамъ отъ Павла Петровича съ тѣмъ, чтобы вы шли и служили его величеству Петру Ѳеодоровичу.

— Коли ты подлинно присланъ съ этимъ отъ Павла Петровича, такъ покажи намъ руки его хотя одну строчку, и тогда мы тотчасъ всѣ пойдемъ.

— На чтѣ вамъ строчка? кричалъ Перфильевъ,—я самъ все письмо.

Казаки не повѣрили; въ одну изъ кучъ было пущено ядро изъ крѣпости, и толпа мятежниковъ возвратилась въ лагерь безъ всякаго успѣха ¹⁾, а въ Оренбургѣ въ этотъ день было получено извѣстіе, что Каръ отступилъ по ново-московской дорогѣ ²⁾, и слѣдовательно рассчитывать на его помощь было нечего.

Рейнсдорпъ принужденъ былъ теперь сознаться, какъ опрометчиво поступилъ онъ, отказавшись отъ содѣйствія и помощи, предложенныхъ ему Деколонгомъ. Оренбургскій губернаторъ оправдывался тѣмъ, что «скорѣе имъ (генералъ-маіорамъ Кару и Фрейману) съ войсками, нежели сибирскому корпусу прибыть сюда уповалъ. Только къ крайнему моему сожалѣнію, прибавлялъ онъ ³⁾, реченныхъ генералъ-маіоровъ не только понынѣ сюда дожидаться, но по неоднократнымъ моимъ чрезъ нарочныхъ предложеніямъ и

¹⁾ Показаніе Перфильева отъ 12 сентября 1774 года. Показаніе Пугачева отъ 4 ноября 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. №№ 425 и 512.

²⁾ Лѣтопись Рычкова. См. Сочиненія Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, приложение, стр. 317.

³⁾ Въ отношеніи Деколонгу отъ 10 декабря 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, ч. VI.

увѣдомленія отъ нихъ получить не могу, гдѣ они и въ какомъ состояніи находятся. По причинѣ чего, *будучи со мнѣніемъ вашего превосходительства весьма согласенъ*, прошу для содѣйствія здѣшнимъ войскамъ корпусъ подъ предводительствомъ генераль-маіора Станиславскаго или кого другаго отправить сюда весь совокупно, ибо отправленіе раздробленное подвергается крайнему предосудженію».

Сообщая Деколонгу, что городъ Оренбургъ крайне нуждается въ продовольствіи и что запасовъ можетъ хватить не болѣе какъ на мѣсяцъ, Рейнсдорпъ просилъ заготовить провіантъ въ Исетской провинціи и прислать его съ отрядомъ Станиславскаго.

Почти поголовное возстаніе башкирцевъ, ихъ грабежи и разореніе русскихъ селеній лишили Деколонга всякой возможности оказать какую либо помощь Оренбургу. Опасаясь за городъ Челябинскъ и екатеринбургскіе заводы, Деколонгъ принужденъ былъ прикрывать ихъ и принять мѣры къ ихъ охраненію. «Сверхъ того, писалъ онъ ¹⁾), за пожженіемъ башкирцами по линіи почти всѣхъ редутовъ и по неимѣнію подводъ, по нынѣшнему зимнему холодному времени маршировать къ Оренбургу между крѣпостями, совѣтъ нежилыми мѣстами, слишкомъ по семидесяти верстъ должно съ великимъ для солдатъ изнуреніемъ».

Такимъ образомъ отказъ Деколонга лишалъ Рейнсдорпа послѣдней надежды на скорую помощь. Защита города предоставлялась собственнымъ средствамъ гарнизона, и освобожденіе его отъ осады откладывалось на неопредѣленное время.

VIII.

Положеніе генераль-маіора Кара и его отряда.—Просьба о присылкѣ подкрѣпленій.—Отступленіе къ Бугульмѣ.—Отъѣздъ Кара въ Петербургъ для объясненій съ графомъ Чернышевымъ.—Состояніе Казанской губерніи.—Прибытіе Кара въ Москву. — Толки въ первопрестольной столицѣ. — Смѣна Кара. — Неудовольствіе императрицы.

Послѣ неудачи, испытанной въ дѣлѣ подъ деревней Юзеевою, генераль-маіоръ Каръ признавалъ невозможнымъ какое бы то ни

¹⁾ Генераль-поручику Брандту отъ 22 декабря 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, ч. VI.

было наступательное движеніе съ тѣми силами, которыя были въ его распоряженіи. Правда, что на подкрѣпленіе его прибыли два орудія съ прислугой и 500 человѣкъ башкирцевъ и мещеряковъ, но все это не улучшало положенія отряда. Башкирцы и мещеряки хотя и увѣряли, что готовы служить, но когда имъ приказано было расположиться верстахъ въ двадцати отъ отряда для развѣдыванія о непріятелѣ, то старшины просили оставить ихъ лучше въ той деревнѣ, гдѣ стоитъ пѣхота и пушки. Такое подкрѣпленіе только обременяло отрядъ, а не усиливало его, и Каръ рѣшился просить о присылкѣ къ нему хотя по одному полку пѣхоты, карабинеровъ и гусаръ и 12 орудій съ полнымъ числомъ прислуги.

«Безъ того, писалъ онъ ¹⁾, съ успѣхомъ поиски къ истребленію бездѣльника Пугачева никакого способа не остается сдѣлать. Собранною нынѣ разныхъ командъ пѣхотой не только атаковать всю злодѣйскую толпу, но и отдѣленные отъ оной, для грабительства и разореніевъ, съ пушками партіи прогонять способу нѣтъ».

Въ самомъ дѣлѣ, получаемыя извѣстія подтверждали, что толпа мятежниковъ съ каждымъ днемъ возростаетъ и что самозванецъ располагаетъ уже 70 орудіями, съ значительными запасами пороха и снарядовъ. Хотя слухи эти во многомъ были преувеличены, но не имѣя возможности ихъ провѣрить, Каръ не рѣшался двинуться впередъ. «Теперь принужденъ только *маячить*, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву ²⁾, а къ Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей, отъ морозовъ и злодѣйской канонады, бесплодно только потерять. Въ полѣ вышины занимать не можно, а въ деревняхъ, по рѣдкости ихъ и по состоянію все въ ямахъ, окруженныхъ горами, никакъ держаться нѣтъ средствъ, для того, что по чрезмѣрной стужѣ людей тотчасъ всѣхъ переизобишь, безъ провіанта и безъ выстрѣловъ останешься».

Поставленный въ затруднительное положеніе, Каръ не нахо-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложение, стр. 31.

²⁾ Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложение, стр. 31.

диль ничего другаго, какъ отступить къ Бугульмѣ и, прикрывъ границы Казанской губерніи, оставаться въ такомъ положеніи до прибытія подкрѣпленій, такъ какъ *«съ одною пыхотой предпринять ничего не можно, безъ совершеннаго ея изнуренія и безо всякаго успѣха»* ¹⁾).

Предупреждая, что замедленіе въ присылкѣ войскъ затруднить въ будущемъ прекращеніе волненій и выѣстъ съ тѣмъ опасаясь, что правительство не оцѣнитъ вполнѣ положенія дѣлъ подѣ Оренбургомъ, генераль-маіоръ Каръ рѣшился самъ отправиться въ Петербургъ для личныхъ объясненій съ графомъ Чернышевымъ.

«Пока еще слѣдующія войска сюда собираются», писалъ онъ ²⁾, учредивъ все нужное, по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы есть для переговоровъ съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, поруча команду генераль-маіору Фрейману (который, мнѣ кажется, человѣкъ хорошій и ничего нужнаго къ исполненію не упустилъ), намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, *ибо то время, которое употребляю на ѣзду свою и съ возвращеніемъ, здѣсь безо всякихъ предпріятій протечетъ!*»

Заявленіе Кара не было одобрено въ Петербургѣ, и графъ Чернышевъ, въ день полученія письма, отправилъ курьера съ требованіемъ, чтобы Каръ не отлучался отъ своего отряда.

«Намѣреніе ваше, писалъ президентъ военной коллегіи ³⁾, *чтобъ оставя порученную команду ѣхать сюда, учинили вы неосмотрительно, и буде оное исполните, то поступите точно противу военныхъ регулъ и для того симъ предупреждая, рекомендую вамъ отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни подѣ какимъ видомъ не отлучаться; а буде уже въ пути сюда находитесь, то гдѣ бы вы сіе письмо ни получили, хотя бы то подѣ самымъ Петербургомъ, изволите тотчасъ съ того мѣста не ѣздя далѣе возвратиться и какъ наискорѣе ѣхать къ порученной вамъ командѣ,*

¹⁾ Репортъ генераль-маіора Кара военной коллегіи отъ 15 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. I, листъ 312.

²⁾ Въ письмѣ отъ 11 ноября 1773 г. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложение, стр. 31.

³⁾ Въ письмѣ Кару отъ 25 ноября 1773 г. *Мемуары Я. К. Грота. Записки Академіи*. Т. I. Приложение, 32.

куда всемѣрно не замедлится доставлена вамъ быть вся требуемая нынѣ и впредь по представленіямъ вашимъ резолюція».

Генераль-маіоръ Каръ не дождался ни резолюціи, ни этого письма. Дойдя до селенія Шалты и почувствовавъ «во всѣхъ ко-
стяхъ нестерпимый ломъ», доведшій до того, «что и послѣднія си-
лы терять началъ», онъ сдалъ 18 ноября начальство надъ отря-
домъ генераль-маіору Фрейману. Приказавъ ему остановиться въ
Бутульмѣ и, расположившись тамъ на зимовыя квартиры, ожидать
подкрѣпленій ¹⁾, Каръ уѣхалъ въ Казань, гдѣ своимъ появленіемъ
произвелъ переполохъ среди населенія,

Еще задолго до пріѣзда Кара жители Казани находились въ
большомъ страхѣ, и «вѣстей у насъ кромѣ худыхъ, иныхъ нѣтъ,
писалъ Платонъ Любарскій Н. Н. Бантышъ-Каменскому ²⁾, и на-
родъ въ крайнемъ смущеніи, какъ во тьмѣ находится». По городу
ходили самыя нелѣпыя и преувеличенныя слухи объ успѣхахъ
Пугачева и объ опасности, угрожающей населенію. 3 ноября пре-
освященный Веніаминъ получилъ вышеприведенное нами письмо
императрицы и тотчасъ поручилъ Платону Любарскому составить
увѣщаніе къ народу. 4 ноября оно было уже написано и разо-
слано во всѣ мѣста епархіи ³⁾.

Напомнивъ о бѣдственныхъ для Россіи временахъ Гришки От-
репьева и Стеньки Разина, преосвященный Веніаминъ въ посланіи
къ своей паствѣ убѣждалъ населеніе, что Пугачевъ есть самозва-
нецъ и похититель чужаго имени. Находясь въ Петербургѣ ⁴⁾, бу-
дучи очевидцемъ и участникомъ при погребеніи императора Петра III,

¹⁾ Рапортъ Кара военной коллегіи отъ 18 ноября 1773 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 309.

²⁾ Архимандритъ Спасо-казанскій, въ письмѣ отъ 14 ноября 1773. Государст-
венный Архивъ, VI, д. № 527.

³⁾ Увѣщаніе начинается словами: «Долгъ пастырскаго нашего званія» и проч. Оно напечатано сначала въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1844 года № 37, потомъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1860 года, кн. II, 83, и наконецъ въ *Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* 1863 года, № 22. Въ *Казанскихъ Вѣдомостяхъ* и *Чтеніяхъ* невѣрно обозначено октябрь 1773 года, а въ *Вятскихъ Вѣдомостяхъ* нѣтъ мѣсяца, ни годъ не обозначены.

⁴⁾ Въ званіи архіепископа с.-петербургскаго. Подробности объ этомъ см. въ статьѣ: *Преосвященный Веніаминъ митрополитъ Казанскій и Сѣвѣжскій, свящ. Архангельскаго. Странникъ*, 1866 года, № 1.

казанскій архієпископъ писалъ своей паствѣ, что тѣло покойнаго императора было при немъ привезено на утренней зарѣ въ Александро-Невскій монастырь, стояло въ тѣхъ самыхъ покоехъ, гдѣ жилъ преосвященный и что на его глазахъ приходили къ покойному для отданія христіанскаго долга вельможи и люди всѣхъ званій. Преосвященный Веніаминъ свидѣтельствовалъ, что въ сопровожденіи многочисленной толпы народа тѣло императора Петра III перенесено изъ его покоевъ въ церковь, тамъ отпѣто *и самимъ имъ запечатлѣно земною перстью.*

Архієпископъ казанскій просилъ своихъ духовныхъ дѣтей не вѣрить никакимъ разглашеніямъ. «Твердитесь разумомъ, писалъ онъ въ своемъ посланіи, бодрствуйте въ вѣрѣ, стойте непоколебимо при присягѣ, яко и смертію запечатлѣти вамъ любовь и покореніе къ Высочайшей власти. Мужайтесь противъ всѣхъ ратоборцевъ, льстецовъ и нарушителей общія тишины и благоденствія, утверждайтесь и утверждайте въ благодушномъ повиновеніи, Господа ради, аще ли Монархиня яко законной преобладающей, аще ли княземъ, яко отъ нея посланнымъ...

«Препоясаша чресла ваша истиною, примите въ защищеніе правды вся оружія Божія, яко возмощи вамъ противу кознемъ дьявольскимъ, противу нарушителей вѣры и преданій церковныхъ, противу хулителей чести и похитителей власти царской; словомъ, противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ, покой души и жизни вашей, такожь чинъ государственный дерзостно возмущающихъ».

Въ это время никакихъ достовѣрныхъ извѣстій изъ Оренбурга не было, а слышно только было, что генералы Каръ и Фрейманъ съ отрядомъ стояли во ста верстахъ отъ самозванца, который, гуляя свободно между Оренбургомъ и Сакмарскимъ городкомъ, вовсе не опасался приближенія правительственныхъ войскъ.

«Удивленія достойно, прибавлялъ Платонъ Любарскій, что злодѣй свободно фуражируетъ, заводы и селенія грабитъ, изъ заводскихъ крестьянъ шайку свою приумножаетъ, плевелы въ околичностяхъ не безъ успѣха разсѣваетъ. Съ нашей же стороны доселѣ ни препятствія, ни поиску, ни поимки для полученія о состояніи его толпы извѣстія не учинено. Изъ Ставрополя увѣ-

домляютъ, что отправленные въ сигурскъ нашимъ калмыки вреда околнымъ селеніямъ причинили и причиняютъ много».

Казанскій губернаторъ все еще находился въ Кичуевскомъ фельдшанцѣ и распоряжался ничтожнымъ отрядомъ маіора Астафьева, разбросаннымъ по постамъ небольшими частями. «У прикрытія границъ казанскихъ», писалъ Платонъ Любарскій ¹⁾, «принялъ команду здѣшній оберъ-комендантъ Лецкій; въ его распоряженіи состоятъ закамскіе дворяне съ дворовыми своими людьми, экономическіе, дворцовые и ясашные крестьяне, чуваша, черемисы и прочая мордва, вооруженные луками, рогатинами, ножами, топорами и проч.».

Это ополченіе не внушало къ себѣ особаго довѣрія, а другихъ войскъ въ Казани не было. Городъ былъ наполненъ конфедератами, возвращаемыми изъ Сибири; въ немъ было до 2,000 колодниковъ и ожидалось еще 700 человекъ изъ Москвы. Прибытіе этой партіи крайне затрудняло губернское начальство, тѣмъ болѣе, что по случаю прекращенія сообщеній въ ближайшихъ къ Казани селеніяхъ было уже размѣщено до 4,000 человекъ, назначенныхъ для отправленія въ Сибирь на поселеніе. Все это были люди, ожидавшіе только случая перейти на сторону Пугачева и радовавшіеся каждому успѣху его сообщниковъ. Для присмотра за ними въ Казани оставалось лишь нѣсколько дряхлыхъ и раненыхъ солдатъ, да и тѣ несли караульную службу почти безсмысленно.

Находясь въ такомъ положеніи, жители Казани узнали сначала о неудачѣ, постигшей Кара, а затѣмъ, въ половинѣ ноября, было получено свѣдѣніе, что болѣе трехсотъ яицкихъ казаковъ и калмыковъ съ двумя орудіями появились на Самарской линіи, захватили команду въ 60 человекъ съ двумя офицерами и направились къ Бузулукской крѣпости, съ цѣлью ворваться въ мѣста болѣе населенныя и склонить жителей къ возстанію ²⁾. Такимъ образомъ опасность стала угрожать и Казанской губерніи. Въ Ка-

¹⁾ Бантишъ-Каменскому въ письмѣ отъ 14 ноября 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

²⁾ Рапортъ Брандта военной коллегіи отъ 16 ноября. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 297.

зань возвратился генераль-поручикъ фонъ-Брандтъ; а почти вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и генераль-маіоръ Каръ. Толпы въ городѣ усилились и были не въ пользу правительства.

«По привычкѣ многихъ легкомысленныхъ людей», доносилъ Брандтъ ¹⁾, «къ ложнымъ и пустымъ разглашеніямъ, такія, по возвращеніи моемъ изъ Кичуевского фельдшанца, услышалъ я здѣсь разносящіеся о касательствахъ до извѣстной злодѣйской толпы эхи, что къ удержанію сего въ народѣ неистовства и къ сохраненію желаемой общей тишины необходимо должно здѣшній городъ укрѣпить сколь можно военными командами».

Когда придутъ такія команды, да и придутъ ли еще—никто не зналъ, и въ виду угрожающей опасности все дворянство Казанскаго и Симбирскаго уѣздовъ стало переселяться въ Москву и въ ближайшіе къ ней уѣзды. Имѣнія оставались безъ всякаго присмотра, а простой народъ «безъ надежнаго обузданія» ²⁾. Воспользовавшись свободой, крестьяне грабили дома своихъ господъ, и безпорядки въ краѣ стали распространяться все шире и шире. Прекратить ихъ и возстановить спокойствіе было некому. Уполномоченный правительствомъ генераль-маіоръ Каръ отдалъ генераль-маіору Фрейману категорическое приказаніе не предпринимать ничего до прибытія подкрѣпленій ³⁾, а самъ, пробывъ въ Казани два дня, уѣхалъ въ Москву.

«По осмотрѣ лекаремъ», писалъ онъ графу Чернышеву, «открылась, къ несчастію моему, еще фистула, которую безъ операціи никакъ излечить не можно. Къ тому-жь, въ бытность мою здѣсь не только облегченія ни малѣйшаго не получилъ, а время отъ времени большее умноженіе той моей болѣзни слѣдуетъ. По неимѣнію же здѣсь нужныхъ лекарствъ и искусныхъ медиковъ, вышедъ изъ терпѣнія и опасаясь болѣшаго отъ застарѣлости му-

¹⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 21 ноября 1773 г. Тамъ же, листъ 299.

²⁾ Письмо Кречетникова князю Вяземскому отъ 10 декабря 1773 г. Архивъ Кабинета Е. И. В. Особое дѣло о Пугачевѣ.

³⁾ Въ это время въ отрядѣ Фреймана находилось: штабъ и-оберъ-офицеровъ 34; унтеръ-офицеровъ—36, капраловъ—58, цирюльниковъ—9, музыкантовъ—29, рядовыхъ—1,418 и мастеровыхъ 13, всего 1,597 человекъ. Казаковъ поселенныхъ и экономическихъ крестьянъ—130. Башкирцевъ и мещеряковъ—1,236 человекъ. При отрядѣ находилось 8 орудій и 22 зарядныхъ ящика.

ченія, рѣшился для произведенія сей операціи ѣхать въ Москву, уповая на милость вашего сіятельства, что вы между тѣмъ по посланному отъ меня въ государственную военную коллегію рапорту, требуемую мною о позволеніи семь резолюцію прислать соизволите, дабы тѣмъ, въ случаѣ иногда отъ моихъ злодѣевъ въ другую сторону толковъ, отвратить было можно могущій вредъ» ¹⁾).

Прося разрѣшенія военной коллегіи на отъѣздъ въ Москву, Каръ не думалъ покидать отрядъ, а намѣренъ былъ только воспользоваться тѣмъ временемъ, пока собираются отправленные къ нему подкрѣпленія ²⁾).

23 ноября онъ выѣхалъ изъ Казани, а 29 числа, въ 30 верстахъ отъ Москвы, встрѣтился съ курьеромъ, везшимъ ему письмо графа Чернышева, запрещавшее отлучаться отъ отряда. Копія съ этого письма была отправлена и князю Волконскому съ просьбой ни въ какомъ случаѣ не пропустить Кара въ Петербургъ и съ этою цѣлью «наблюсти на почтовомъ дворѣ и гдѣ слѣдуетъ, чтобы онъ, не бывъ у вашего сіятельства, Москвы проѣхать не могъ» ³⁾).

Больной и въ горячкѣ, Каръ не исполнилъ приказанія президента военной коллегіи и въ тотъ же день пріѣхалъ въ первопрестольную столицу.

«Пріѣздъ сюда г. Кара», писалъ князь М. Н. Волконскій графу Чернышеву ⁴⁾), «худыя толкованія въ публикѣ здѣсь произвелъ, какъ въ положеніи оренбургскихъ дѣлъ, такъ и его персоны, что я сердечно сожалѣю».

Императрицѣ также былъ весьма неприятенъ поступокъ Кара, дававшій поводъ къ разнаго рода толкамъ, и въ особенности тамъ, гдѣ толки эти были наиболѣе опасны. Тогдашняя Москва еще не оправилась отъ чумы, и всѣмъ памятли были только-что усми-

¹⁾ Письмо Кара графу З. Г. Чернышеву 21 ноября 1773 года. *Записки Академіи*. Т. I, приложение 34.

²⁾ Рапортъ Кара военной коллегіи 21 ноября. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 310.

³⁾ Письмо графа Чернышева князю Волконскому 25 ноября 1773 г. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, 228.

⁴⁾ Отъ 30 ноября. *Записки Академіи*. Т. I, приложение 36. Подпись подъ этимъ письмомъ слѣдуетъ читать не Бибииковъ, а Волконскій.

ренныя волненія черни. Интеллигентное населеніе первопрестольной столицы состояло въ большинствѣ изъ лицъ недовольныхъ правительствомъ, почему-либо удалившихся отъ Двора или вышедшихъ въ отставку. Во главѣ ихъ стоялъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ. Считая себя недостаточно награжденнымъ послѣ штурма Бендеръ, онъ просилъ объ увольненіи его отъ службы.

«Командующій нашею арміею генералъ графъ Панинъ», сказано въ указѣ Сенату ¹⁾, «всепоподаннѣйше насъ просилъ объ увольненіи отъ воинской службы и всѣхъ дѣлъ, по причинѣ умножающихся отъ понесенныхъ имъ въ нынѣшнюю кампанію трудовъ, болѣзненныхъ припадковъ, которые такъ усилились, что привели его въ несостояніе продолжать оныя. Сколь ни велики его усердіе и ревность къ Намъ и Отечеству, мы, пріемля таковое прошеніе, всемилостивѣйше увольняемъ его по его желанію.

«Въ знакъ же нашего монаршаго къ нему благоволенія, за долговременную его службу и знаменитыя услуги, повелѣваемъ нашему Сенату производить ему по смерти полное по его чину жалованье вмѣсто пенсіона».

Оставивъ службу, графъ Панинъ поселился въ своемъ подмосковномъ имѣніи, гдѣ и построилъ подобіе Бендерской крѣпости. Порицая многія распоряженія правительства и будучи сторонникомъ державныхъ правъ великаго князя Павла Петровича, графъ П. Панинъ обращалъ на себя вниманіе императрицы, и она поручила начальнику Москвы зорко слѣдить за его поведеніемъ.

«Здѣсь слухъ носится», писала императрица князю Волконскому ²⁾, «что Петръ Панинъ, живучи въ деревнѣ, весьма дерзко вретъ и для того пошлите туда кого-нибудь надежнаго выслушать его рѣчей, и если что-нибудь такое иногда услышите, чего бы могло объяснить какихъ ни есть непозволительныхъ обращеній здѣсь (въ Петербургѣ) или у васъ, то дайте мнѣ наискорѣе узнать, дабы я могла усмирить мнѣ непокорныхъ людей, въ чемъ на вашу мнѣ извѣстную вѣрность весьма полагаюсь.

«Для большаго объясненія я вамъ на ушко скажу, что я здѣсь

¹⁾ Отъ 19 ноября 1770 года. Архивъ Сената, Высоч. повелѣнія, кн. № 130.

²⁾ Въ письмѣ отъ 30 августа 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 587.

на примѣтъ имѣю двухъ негодныхъ молодцовъ, что выйдетъ—не знаю. Я за ними примѣчаніе имѣю. Не объясните-ли вы сіе, ибо болтунъ всего болтаетъ, а шайка кажется ихъ. Прошу все сіе весьма скрыть, чего до времени нужно, чтобы не обидѣть людей понапрасну, такъ какъ и самимъ не остаться въ расплохъ».

«Что касается до дерзкаго, вамъ извѣстнаго, болтуна», писала Екатерина въ другомъ письмѣ князю Волконскому ¹⁾, «то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его (графа Никиту Ивановича) осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то чаю, что и онъ его уймется же, а домъ мой очистится отъ каверзы».

Тайное разслѣдованіе князя Волконскаго и посылка надежнаго человѣка въ подмосковное имѣніе графа П. И. Панина показали, «что сей тщеславный самохвалъ много и дерзко болтаетъ», что всѣхъ и все критикуетъ; но съ нѣкотораго времени «гораздо утихъ и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ». Извѣстіе о наградахъ, пожалованныхъ брату, графъ П. Панинъ принялъ равнодушно, сталъ болѣе задумчивъ и собирался ѣхать въ Петербургъ, но разрѣшенія не получилъ, такъ какъ происшествія подъ Оренбургомъ заставили императрицу, въ интересахъ сохраненія власти, обратить особенное вниманіе на недовольныхъ и ни въ какомъ случаѣ не сосредоточивать ихъ вокругъ себя. Всѣхъ такихъ лицъ князь Волконскій совѣтовалъ не приближать ко Двору, а напротивъ того, разсѣять по разнымъ мѣстамъ. «Ежели смѣю, всемилостивѣйшая государыня», писалъ онъ ²⁾, по моей безпредѣльной вѣрности и искренно-усердной къ освященной вашей особѣ преданности, мое мнѣніе сказать, кажется лучше-бъ всего какъ наискорѣе отлучить отъ Двора и отъ обѣихъ резиденцій всѣхъ суспектныхъ (подозрительныхъ) людей тѣмъ или другимъ образомъ и шайку сію разсыпать, то все такъ и кончится. Я ничего иного на сердцѣ не имѣю, не взирая ни на что, какъ службу вашего императорскаго величества. Воля ваша государская — мнѣ законъ

¹⁾ Отъ 25 сентября 1773 года. *Восемнадцатый Выхъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 96.

²⁾ Въ письмѣ отъ 9 сентября. *Восемнадцатый Выхъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 97.

и высокія повелѣнія ваши — мнѣ предѣль, его же не преступлю».

Руководимый такими началами, князь Волконскій старался развѣдать, что стануть говорить о пріѣздѣ Кара люди разныхъ партій, и скоро убѣдился, что москвичи встрѣтили пріѣхавшаго весьма непріязненно. Оно иначе и быть не могло. Каръ былъ посланъ на защиту помѣщичьихъ интересовъ, — былъ посланъ усмирить населеніе, искавшее свободы отъ крѣпостной зависимости и отъ заводской работы. Онъ не исполнилъ порученія, не усмирилъ волнений и, слѣдовательно, достоинъ осужденія. Всѣ порицали Кара, но въ чемъ онъ виноватъ — никто не могъ дать себѣ яснаго отчета.

— Какой это генералъ, говорили одни, — что не могъ съ такими бездѣльниками управиться и самъ сюда ушелъ! Его надобно бы было повѣсить.

Другіе, не столь скорые въ своихъ приговорахъ, называли Кара только трусомъ, говорили, что его надобно отдать подъ судъ, и всѣ толковали объ оренбургскихъ происшествіяхъ. Пріѣзжіе изъ Казани привозили по большей части извѣстія столь тревожнаго свойства, что князю Волконскому приходилось увѣрять москвичей, что дѣла вовсе не такъ дурны.

«Я теперь, всемилостивѣйшая государыня», писалъ онъ ¹⁾, «стараюсь публику увѣрить, что оренбургскія дѣла никакого уваженія не заслуживаютъ и никакихъ худыхъ слѣдствій ожидать не можно, а что только шайка нигуды годныхъ людей собралась, которая вскорѣ истреблена будетъ, а Кару я чрезъ оберъ-полиціймейстера велѣлъ сказать, чтобы какъ онъ самъ о тамошнихъ дѣлахъ ничего ни съ кѣмъ, а по малой мѣрѣ предосудительнаго, не говорилъ, такъ бы и людямъ своимъ запретилъ».

Въ отвѣтъ на это императрица просила князя Волконскаго послать сказать Кару, чтобъ онъ не дерзнулъ показаться ей на глаза и ѣхать въ Петербургъ. «А если», прибавляла императрица ²⁾, «на Москвѣ отъ его пріѣзда болтанья умножились, то обно-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 2 декабря 1773 года. *Осмадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 103.

²⁾ Въ письмѣ князю Волконскому отъ 7 декабря. Тамъ же. Письмо это напечатано съ пропусками въ *Москвитянинѣ*, 1845 года № 9, и притомъ невѣрно означено отъ 3 декабря.

вите изъ Сената указы старыя о неболтаніи, каковыхъ много есть и въ прежнія времена, и при мнѣ уже часто о семъ обновлялась память и съ успѣхомъ».

Находя, что оренбургскія дѣла «худымъ поведеніемъ Кара болѣе испорчены, нежели поправлены», императрица приказала исключить его изъ службы, «ибо, писала она князю Волконскому ¹⁾), въ нужное время не надобно, чтобы больной и трусъ занималъ мѣсто и получалъ жалованья».

«Репорты ваши изъ Казани, писала военная коллегія генералъ-маіору Кару ²⁾), исправно въ коллегіи получены и ея императорскому величеству всеподданнѣйше представлены были. Ея императорское величество высочайше усматривая изъ оныхъ, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному вашему къ службѣ усердію и мужеству, когда высочайшей ея довѣренности надобно вамъ было соотвѣтствовать ревностью своею къ отечеству, и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали васъ долгъ и присяга, но въ случаѣ неизбѣжности не щадить и живота своего, вы о болѣзненномъ себѣ сказавши припадѣвъ, оставили самимъ вамъ *известной важности постъ*, сдали тотчасъ порученную вамъ команду и самовольно отъ оной удалились. По такой слабости духа, въ персонѣ званія вашего примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, и не находить ея императорское величество прочности въ васъ къ ея службѣ, высочайше повелѣвая военной коллегіи изъ оной васъ уволить и дать вамъ ашшидъ».

Каръ былъ уволенъ. Чрезвычайныя обстоятельства вызвали наказаніе за поступокъ, который при другихъ условіяхъ считался дѣломъ весьма обычнымъ. Самовольная отлучка начальника отъ ввѣреннаго ему отряда, конечно, должна считаться преступленіемъ съ точки зрѣнія военной дисциплины, но не только въ тѣ, а и въ позднѣйшія времена, подобныя отлучки практиковались нерѣдко, никому не казались странными, и ни наказаній, ни даже выгово-

¹⁾ Отъ 1 декабря 1773 года. *Осмадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартевева, кн. I, 102.

²⁾ Въ указѣ отъ 30 декабря 1773 года Моск. Арх. Главн. Штаба. Секретн. опись 47, кн. 53, листъ 252.

ровъ не вызывали. Уѣзжая въ Казань и далѣе, генераль-маіоръ Каръ вывелъ отрядъ изъ опаснаго положенія и не слагалъ съ себя ни отвѣтственности, ни возложенной на него обязанности. Очутившись лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, онъ видѣлъ истинное положеніе дѣлъ, не имѣлъ основанія презирать врага, какъ презирали его въ Петербургѣ и не считалъ возможнымъ съ ничтожными силами ему данными исполнить инструкцію военной коллегіи, требовавшей, чтобъ онъ старался «какъ самого Пугачева, такъ и злодѣйскую его шайку переловить».

Зная изъ опытовъ прошедшихъ войнъ, какъ трудно самымъ лучшимъ войскамъ, предводимымъ гениальными полководцами, имѣть дѣло съ народною войной, нельзя обвинять Кара въ бездѣятельности или трусости, но необходимо сказать, что полуторатисянному отряду безъ кавалеріи и самаго разнохарактернаго состава трудно было не только переловить, но и разогнать толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, преимущественно конныхъ. Каръ понималъ, что окруженъ со всѣхъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ и въ каждомъ простолюдинѣ долженъ былъ видѣть пугачевца. Онъ видѣлъ, что въ Петербургѣ высшія правительственныя лица были совершенно незнакомы съ особенностями Заволжскаго края и вовсе не понимали тѣхъ важныхъ и серьезныхъ послѣдствій, которыя могли произойти отъ распространенія волненій. Онъ просилъ о скорѣйшемъ подкрѣпленіи его войсками, но президентъ военной коллегіи, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ограничившись первыми сдѣланными распоряженіями, успокоился и не оказывалъ никакой помощи. Онъ не послалъ въ помощь Кару ни одного солдата даже и тогда, когда ему указывали на необходимость отправленія кавалеріи. «По мнѣнію моему, писалъ князь Волконскій ¹⁾, надо необходимо туда конницы побольше, а на тамошнихъ надѣяться нельзя и употреблять ихъ не надо; они всѣ къ злодѣю перебѣгутъ, будучи заражены». Графъ Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ это мнѣніе основательнымъ, «въ чемъ теперь, говорилъ онъ, и упражняюсь». Но упражненія

¹⁾ Графу Чернышеву въ собственноручной припискѣ къ письму отъ 20 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 227.

эти были слишком медленны, и Чернышевъ былъ болѣе погруженъ въ политическія интриги, чѣмъ заботился о внутреннихъ дѣлахъ и о болѣе добросовѣстномъ исполненіи обязанности президента военной коллегіи. Дѣлая распоряженія, онъ не имѣлъ времени узнать, на сколько исполняются отдаваемые имъ приказанія. Такъ отправленные изъ Петербурга два орудія, дойдя только до Москвы, остались безъ колесъ и лафетовъ, которые разсыпались. Чтобы не задерживать дальнѣйшее ихъ отправленіе, князь Волконскій приказалъ положить орудія на сани и отправилъ въ такомъ видѣ въ Казань. Онъ принужденъ былъ снабдить сопровождавшаго ихъ офицера прогонными деньгами и порохомъ, такъ какъ ни того, ни другого въ Петербургѣ отпущено не было ¹⁾).

Видя бездѣятельность коллегіи, генераль-маіоръ Каръ просилъ помощи у казанскаго губернатора, а генераль-поручикъ фонъ-Брандтъ, какъ самъ неимѣвшій никакихъ средствъ, писалъ о томъ же въ Москву князю Волконскому. Послѣдній, 23 ноября, отправилъ въ Казань 200 человекъ пѣхоты и самъ остался только съ такимъ гарнизономъ, который необходимъ былъ для содержанія самыхъ важныхъ карауловъ. Князь Волконскій опасался, что тѣхъ силъ, которыя были даны Кару, будетъ недостаточно для подавленія возстанія. «Я думаю, писалъ онъ императрицѣ ²⁾, весьма-бы надобно *нарочитый корпусъ цѣлыми полками туда отправить*, чтобъ скорымъ разрушеніемъ бунтовщиковъ сіе зло до дальнѣйшаго распространенія не допустить».

Всякое промедленіе въ отправленіи войскъ обходилось дорого, и каждая минута подрывала правительственную власть въ самомъ ея корнѣ. Восстановленіе этой власти возможно было только при самыхъ энергическихъ мѣрахъ и при силѣ, превосходящей средства мятежниковъ. Но за Волгой не было другихъ войскъ, кромѣ гарнизонныхъ, неподвижныхъ и никуда негодныхъ баталіоновъ, а отправленные подкрѣпленія могли прибыть на мѣсто дѣйствій

¹⁾ Письмо кн. Волконскаго гр. Чернышеву, 21 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 229.

²⁾ Въ письмѣ отъ 23 ноября 1773 года. *Осмадцатый Вѣст.*, изд. П. Бартенева, кн. I, стр. 100.

лишь въ январѣ 1774 года. Зачѣмъ они посылались? Если правительство смотрѣло на Пугачева какъ на простаго разбойника и поручало Кару переловить его шайку, то подкрѣпленія эти должны были опоздать и не могли принять участія въ ловлѣ. Если же возстаніе въ глазахъ президента военной коллегіи было дѣломъ серьезнымъ, то болѣе чѣмъ странно дозволеніе развиваться мятежу до января мѣсяца, то-есть до сосредоточенія войскъ въ рукахъ начальника, посланнаго усмирить волненіе и уничтожить безпорядки въ краѣ. До сосредоточенія своихъ силъ Кару приходилось, по его выраженію, *маячить* или, другими словами, оставаться въ бездѣйствіи и издали смотрѣть, какъ мятежъ будетъ распространяться все шире и шире. Такое положеніе было тяжело и невозможно для человѣка энергичнаго, какимъ былъ Каръ, и понятно, что онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобъ разсѣять ложный взглядъ на совершающіяся событія и сколь возможно скорѣе усилить свои боевыя средства. Мало знакомый съ дѣйствительнымъ ходомъ бунта, Пушкинъ, говоря объ отъѣздѣ Кара, голословно обвиняетъ его въ трусости, называетъ Пугачева презрѣннымъ и, подобно современникамъ, силы его ничтожными. На самомъ дѣлѣ, Кара слѣдуетъ упрекнуть не въ трусости, а въ отсутствіи сознанія, что при тогдашнемъ положеніи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, появленіе его въ Петербургѣ будетъ крайне непріятно. Въ столицѣ тщательно скрывали все, что могло, хотя временно, ослабить увѣренность въ величіи и силѣ Россіи, а слѣдовательно и то, что происходило подъ Оренбургомъ. Пріѣзжающихъ курьеровъ приводили прямо въ Сенатъ, гдѣ допрашивали, что видѣли и слышали, а затѣмъ обязывали подпиской, что ни слова и никому разсказывать не будутъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, лишь только 25 ноября было получено письмо, въ которомъ Каръ выражалъ желаніе пріѣхать въ Петербургъ, его участь была уже рѣшена. «Кару не суще удачно было, писала въ этотъ день императрица С. М. Козьмину ¹⁾, онъ былъ окруженъ, людей немалое число потерялъ; у злодѣя, сказываютъ, 70 пушекъ. Я посылаю Бибикова

¹⁾ Въ понедѣльникъ, 25 ноября 1773 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII, стр. 367.

съ тремя полками. Каръ, потерявъ трамонтанъ (сбившись съ толку), сюда скачетъ».

Такимъ образомъ, Каръ сдѣлался жертвой не своихъ ошибокъ, а бездѣтельности военной коллегіи и президента ея, графа Захара Григорьевича Чернышева. Преемнику Кара пришлось также долго *маячить*, прежде чѣмъ онъ могъ двинуться впередъ.

IX.

Назначеніе А. И. Вибикова для усмиренія волненій.—Посылка новыхъ полковъ на театръ дѣйствій.—Второй манифестъ императрицы.—Права и власть, предоставленныя новому главнокомандующему.—Мѣры правительства относительно колодниковъ и конфедератовъ.—Образованіе секретной комиссіи.

Остановивъ Кара въ Москвѣ, правительство лишило себя возможности узнать истинное положеніе дѣлъ и все-таки не могло скрыть отъ большинства населенія столицы и представителей иностранныхъ дворовъ то что происходило подъ Оренбургомъ.

«Всѣ извѣстія касательно мятежа въ Оренбургской губерніи, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ ¹⁾, по возможности сохраняются въ тайнѣ, но я почти не сомнѣваюсь въ томъ, что извѣстія эти чрезвычайно неблагоприятны и что городъ Оренбургъ находится въ большой опасности попасть въ руки инсургентовъ».

По Петербургу ходили самые разнообразныя и преувеличенныя слухи, въ которыхъ даже и такія лица, какъ англійскій посланникъ Гуннингъ, не могли отличить правды отъ неправды. Рассказывали, что во главѣ возстанія находятся искусно переодѣтые три гвардейскіе офицера, «изгнанные отсюда въ продолженіе нынѣшняго царствованія», что мятежники захватили какіе-то серебряные рудники, что опасаются какъ бы они не овладѣли всѣми остальными и пр.

Правительство не имѣло средствъ опровергнуть эти слухи, болѣе потому, что получаемыя офиціальнымъ путемъ извѣстія были

¹⁾ Графу Суффолькъ, отъ 29 ноября 1773 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*. Т. XIX, 319. Въ этомъ письмѣ вмѣсто фамилии Бауэра слѣдуетъ читать: Каръ.

разнорѣчивы, неутѣшительны и, по словамъ того же Гуннинга, возбуждали сильное безпокойство императрицы и ея министровъ.

«Вчерась, писала Екатерина князю Волконскому ¹⁾, я отъ генераль-маіора Фреймана видѣла рапорта, будто они (мятежники) и Уфимскаго города атаковали, въ которомъ тысячъ съ пятьдесятъ денегъ и пороховой магазинъ. Богъ вѣсть чѣмъ сіе кончится; можетъ статься, что и сами разбѣгутся. Я зачинаю походить приключеніями моего вѣка на Петра I, но что Богъ ни дастъ, по примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ».

Въ Петербургѣ сознали теперь, что несчастіе это явилось вслѣдствіе небрежности и недостатка распоряженій. «Всего болѣе, писалъ Гуннингъ, осуждаютъ графа Захара Чернышева». Императрица была также недовольна его дѣятельностію, и избравъ генераль-аншефа Александра Ильича Бибикова командующимъ войсками, назначенными для дѣйствія противъ мятежниковъ, потребовала отъ президента военной коллегіи самыхъ энергичныхъ дѣйствій.

Ноября 27 курьеры везли уже приказаніе: Изюмскому гусарскому (изъ Ораніенбаума), 2-му гренадерскому (изъ Нарвы) и Владимірскому (изъ Шлиссельбурга) пѣхотному полкамъ выступить какъ можно скорѣе въ походъ и слѣдовать черезъ Москву въ Казань. Полки эти признано теперь необходимымъ передвинуть при помощи ямскихъ и обывательскихъ подводъ и потомъ разрѣшено каждому пѣхотному полку брать по 200, а гусарскому по 100 лошадей за прогоны ²⁾. Въ тотъ же день приказано послать изъ С.-Петербурга въ Казань, на почтовыхъ, ямскихъ и обывательскихъ подводахъ шесть шестифунтовыхъ пушекъ, съ полнымъ числомъ прислуги ³⁾, а командующему войсками въ Польшѣ генераль-поручику Романіусу отправить С.-Петербургскій карабинерный и Чугуевскій казачій полки въ Смоленскъ, а три эскадрона Венгерскаго гусарскаго въ Петербургъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1 декабря 1773 года. *Оснадцатый Вѣкъ*, кн. I, 102.

²⁾ Указъ военной коллегіи генераль-фельдмаршалу графу Разумовскому 27 ноября 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 231.

³⁾ Указъ военной коллегіи князю Г. Г. Орлову 27 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 233.

⁴⁾ Тоже генералу Романіусу 27 ноября. Тамъ же, листъ 238.

На другой день, 28 ноября, собрался государственный совѣтъ, въ засѣданіи котораго присутствовала и императрица. Она выразила опасеніе, что войска не успѣютъ прибыть во-время и что Оренбургъ долго не удержится, по причинѣ недостатка хлѣба на содержаніе жителей. Графъ Чернышевъ увѣрилъ, что чрезъ два мѣсяца войска будутъ на мѣстѣ и поручился, что оренбургскій губернаторъ будетъ держаться до крайности. Такъ какъ послѣдній былъ запертъ въ крѣпости, то императрица возбудила вопросъ: слѣдуетъ ли для управленія гражданскими дѣлами отправить въ Оренбургскую губернію особое лицо, облеченное властью губернатора, или подчинить всѣ тамошнія мѣста генералъ-аншефу Бибикову. При этомъ она выразила справедливое опасеніе, чтобы между двумя начальниками не произошло несогласія. Совѣтъ, имѣя въ виду, «что всѣ тамошнія мѣста или заражены теперь возмущеніемъ, или колеблются, слѣдовательно и не могутъ безъ воинской помощи управляемы быть», призналъ посылку туда губернатора дѣломъ совершенно ненужнымъ.

Послѣ рѣшенія этихъ вопросовъ въ засѣданіе совѣта былъ приглашенъ А. И. Бибиковъ и при немъ прочтенъ всѣмъ извѣстный манифестъ ¹⁾, въ первоначальной редакціи котораго, между прочимъ, говорилось: «Содрагаетъ духъ нашъ отъ воспоминанія временъ *Годуновыхъ и Отрепьевыхъ*, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія... когда отъ явленія *самозванца Гришки-разстриги и другихъ ему послѣдовавшихъ* обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечомъ истребляемы, кровь россиянь отъ россиянь же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками россиянь въ конецъ разрушаемы были».

При чтеніи этой части манифеста, графъ Чернышевъ и князь Григорій Григорьевичъ Орловъ заявили, что имъ кажется слишкомъ преувеличеннымъ уподоблять настоящее возмущеніе древнему нашему междоусобию, а Пугачева—Гришкѣ-разстригѣ. «Тогда», го-

¹⁾ Напечатанъ въ *Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1860 года, кн. II, 72. У Пушкина (т. VI, стр. 186, изд. 1881 года) и въ Приложеніи къ *Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова*. Въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ манифестъ ошибочно отнесенъ къ 23 декабря. Онъ подписанъ и напечатанъ 29 ноября 1773 года.

ворили они, «все государство было въ смятеніи, а нынѣ одна только чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ; такое сравненіе можетъ привести на память столь непріятное происшествіе и возгордить также мятежниковъ».

Императрица отвѣчала, что ей пришло на мысль сдѣлать такое уподобленіе съ цѣлью возбудить въ народѣ большее омерзѣніе къ возмутителю, но что она снова его просмотритъ и если признаетъ нужнымъ, то и измѣнить. При вторичномъ просмотрѣ императрица исключила слова: «Годуновыхъ и Отрепьевыхъ», а вмѣсто словъ «самозванца Гришки-растриги и другихъ ему послѣдовавшихъ» написала: *многихъ самозванцовъ*, и въ такомъ видѣ манифестъ былъ утвержденъ и переданъ Бибикову ¹⁾.

По прочтеніи манифеста, государственный совѣтъ слушалъ: инструкцію, предоставлявшую Бибикову полную власть въ способахъ укрощенія мятежа; открытый указъ, коимъ подчинялись ему всѣ власти: военныя, духовныя и гражданскія, и наконецъ, объявленіе, обещающее награжденіе тѣмъ, кто доставитъ Пугачева живаго или мертваго.

Поводомъ къ составленію такого объявленія послужило только-что полученное генераль-прокуроромъ письмо астраханскаго губернатора П. Кречетникова:

«Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости», писалъ онъ князю Вяземскому ²⁾, «осмѣливаюсь мою мысль сказать: я бы думалъ, не было бы бесполезно, если бы назначить какую знаменитую сумму денегъ и прощеніе его сообщникамъ, кои бы только его, Пугачева, живого выдали или-бъ по крайности и мертваго. Казалось бы, чтобъ изъ тѣхъ плутовъ могли таковые найтись. Другое: мо-

¹⁾ При этомъ генераль-прокуроръ князь А. А. Вяземскій писалъ главнокомандующему въ Москвѣ князю М. Н. Волконскому: «Ея императорское величество Высочайше указать соизволила, чтобы ваше сіятельство приказали, съ приложеннаго при семъ печатнаго манифеста, церковными литерами напечатать въ московской синодальной типографіи 1,205 экземпляровъ, наблюдая, чтобъ оное было секретно, и по напечатаніи прислать сюда пять экземпляровъ, а остальные, нигуда не употребляя, хранить за печатью до особаго объ оныхъ повелѣнія» (Письмо князя Вяземскаго Волконскому отъ 5 декабря 1773 года. Архивъ Кабинета Его Величества).

²⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20 ноября 1773 года, изъ Саратова.

жетъ бы могъ найтись изъ отважныхъ людей и таковой, коему позволить къ нему предаться, опоруча его домою и семействомъ, чтобы, войдя къ нему (Пугачеву) въ службу, его убилъ или-бъ, подговоря другихъ, выдалъ. Буде бы таковой общавшійся и солгалъ, то отъ одного человѣка знатныя опасности произойти не можетъ. Сіе вашему сіятельству донеся, желалъ бы знать ваше на то повелѣніе, но какъ отдаленность далека, то свѣдавъ, гдѣ г. Брандтъ, о семъ съ нимъ списываться буду и требовать его о томъ мнѣнія. Я признательно вамъ донести имѣю, что сей злодѣй Пугачевъ столь мнѣ нетерпимъ, что описать не могу, что такая злобная и неистовая тварь отважилась въ отечествѣ столь нетерпимое зло произвести, то онъ всеконечно всякаго рода искорененія достоинъ».

Имѣя въ виду, что для уговора казаковъ выдать Пугачева были уже отправлены Перфильевъ и Герасимовъ, императрица находила несообразнымъ съ достоинствомъ ея сана назначать награжденіе за доставленіе головы Пугачева и тѣмъ подавать поводъ къ убійству. Она разрѣшила общать награжденіе только за живого и заявила, «что то объявленіе объ этомъ генераль Бибииковъ можетъ сочинить самъ». Тѣмъ не менѣе проектъ былъ составленъ въ Сенатѣ, утвержденъ императрицей и присланъ Бибиикову ¹⁾. Размѣръ вознагражденія не былъ опредѣленъ въ объявленіи, но впоследствии, какъ увидимъ, за голову Пугачева была обѣщана весьма значительная сумма.

Новый главнокомандующій былъ человѣкъ не случайный, но образованнѣйшій и болѣе другихъ опытный дѣятель тогдашняго времени. Произведенный 7 іюля 1746 года въ инженеръ-прапорщики, А. И. Бибииковъ служилъ потомъ въ Московскомъ Сенатѣ, участвовалъ въ работахъ по Кронштадтской крѣпости, а затѣмъ переведенъ былъ въ артиллерію и отправленъ за границу, сначала въ Саксонію, для изученія технической части артиллеріи, а затѣмъ въ Пруссію и Померанію, для собранія свѣдѣній о запасахъ продовольствія и расположенія войскъ.

Будучи въ чинѣ подполковника и командуя 3-мъ мушкетерскимъ

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 485.

полкомъ, онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и за личную храбрость въ сраженіи подъ Цорндорфомъ (14 августа 1758 года) произведенъ въ полковники. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ комендантомъ города Франкфурта и «отличаясь мягкостію характера, распорядительностію и умѣніемъ обходиться, сдѣлался любимцемъ жителей».

Въ 1761 году, Бибиковъ, уже командуя пѣхотною бригадой, предпринялъ 1 сентября блестящее ночное нападеніе на отрядъ генерала Вернера, вышедшаго изъ крѣпости Кольберга, разбилъ и захватилъ въ плѣнъ самого начальника, съ большею частію его отряда. По окончаніи войны, въ февралѣ 1762 года, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и назначенъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

Блестящія дарованія молодого генерала обратили на себя вниманіе Екатерины II, и вскорѣ по вступленіи на престолъ императрица отправила Бибикова въ Холмогоры, для разузнанія образа мыслей сосланнаго туда принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго.

Въ декабрѣ 1763 года императрица писала графу Захару Чернышеву: «Моя воля есть, чтобы генераль Бибиковъ здѣсь еще остался на мѣсяцъ; мнѣ въ немъ нужда» ¹⁾. Нужда эта заключалась въ томъ, что Бибиковъ былъ посланъ и съ блестящимъ успѣхомъ окончилъ порученіе по усмиренію волненій заводскихъ крестьянъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Въ 1767 году онъ назначенъ маршаломъ комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія и во время путешествія императрицы въ Казань находился въ ея свитѣ на галерѣ *Волга* ²⁾.

Въ промежутокъ времени съ 1769 по 1771 годъ, Александръ Ильичъ былъ посланъ для осмотра Финляндіи, потомъ жилъ въ С.-Петербургѣ безъ дѣла и, наконецъ, былъ назначенъ присутствовать въ военной коллегіи. За все это время императрица не прерывала сношенія съ Бибиковымъ и въ отсутствіе его изъ столицы вела съ нимъ переписку.

¹⁾ Собственноручная записка императрицы, отъ 10 декабря. Арх. Канц. воен. минист., Высоч. повел., кн. № 51.

²⁾ См. *Славянинъ* 1828 года, т. V.

Въ 1771 году онъ отправленъ былъ въ Польшу командовать войсками въ самое трудное время перваго оной раздѣла, и исполнилъ данное ему порученіе съ такимъ успѣхомъ, что получилъ орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генералъ-аншефа.

Въ первой половинѣ 1773 года положеніе нашихъ дѣлъ съ Турціей было не блестящее. Графъ Румянцовъ принужденъ былъ, по недостатку войскъ, перейти обратно черезъ Дунай и просить подкрѣпленій. Въ это время польскія дѣла были приведены уже къ окончанію, и тогда графъ З. Чернышевъ заявилъ, «что по настоящему положенію польскихъ дѣлъ можно послать въ подкрѣпленіе первой арміи нѣсколько полковъ находящагося въ Польшѣ корпуса ¹⁾».

Государственный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ своего сочлена, и высочайшимъ указомъ 17 іюля 1773 года повелѣно было военной коллегіи: генералъ-аншефа Бибикова, съ четырьмя пѣхотными, двумя карабинерными, однимъ гусарскимъ полками и съ пятьюстами донскихъ казаковъ, командировать въ первую армію подъ начальство генералъ-фельдмаршала графа Румянцова. «При корпусѣ же войскъ нашихъ въ Польшѣ, писала императрица, оставить командиромъ генералъ-поручика Романіуса и отправить туда легіонъ Петербургскій, да двѣ легкія команды, въ добавокъ къ войскамъ тамъ находящимся. Башкирскую же тысячную команду возвратить въ ихъ жилища» ²⁾).

Имѣя личные счеты и будучи въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, А. И. Бибиковъ считалъ это назначеніе немилостью для себя и просилъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ, надѣясь въ столицѣ выхлопотать себѣ другое назначеніе. «Если

¹⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, стр. 252.

²⁾ Указъ, данный военной коллегіи 17 іюля 1773 года. Арх. Канцелярія военнаго министерства, Высочайш. повелѣнія, кн. № 33/40. Указы коллегіи графу Румянцову, Бибикову и Романіусу отъ 18 іюля, за №№ 246, 247 и 253. Московскій Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. 53, листъ 118. Протоколу государственнаго совѣта 15 іюля дана настолькоъ неточная редакція, что изъ него можно заключить, будто въ Польшѣ только и оставалось войскъ, что одинъ легіонъ и двѣ легкія полевые команды. Такою редакціей протокола введенъ въ заблужденіе и Д. Анучинъ, авторъ монографіи: *Дѣятеля Бибикова въ пугачевщину* (см. «Русскій Вѣстникъ» 1872 года., т. XCIX., стр. 461).

же и въ семь мнѣ откажутъ, писалъ онъ графу Н. И. Панину ¹⁾, то будьте увѣрены, что я, отслуживъ нынѣшнюю войну, не останусь ни на минуту въ службѣ. Желанія мои я ограничивать привыкъ: прихоти, роскошь и пышность меня не удержатъ; возвращусь я къ первобытности дворянскаго состоянія и буду тоже капусту садить, къ которой и по окончаніи всего въ жизни теченія наши братья возвращаются».

Императрица разрѣшила Бибикову пріѣхать въ столицу на самое короткое время и съ тѣмъ, писала военная коллегія, дабы отправляемые въ первую армію полки, которые поручите вы старшему изъ генералъ-маіоровъ, слѣдованія своего черезъ то не останавливали» ²⁾.

Въ сентябрѣ Бибиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, а 29 ноября былъ назначенъ командовать войсками, отправляемыми для дѣйствія противъ Пугачева ³⁾.

«Чѣмъ болѣе интересуется общее Имперіи благо, писала императрица ⁴⁾, безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность

¹⁾ См. *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, изд. 1865, стр. 79 Приложение.

²⁾ Указъ военной коллегіи Бибикову 20 августа 1773 года. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. 53, листъ 147. Эпизодъ этотъ у Рунича разсказанъ невѣрно (см. *«Русскую Старину»* 1870, т. II, 131).

³⁾ Подробности о назначеніи А. И. Бибикова, разсказанныя Г. Р. Державинымъ (см. его Сочиненія, т. VI, стр. 462) и другими авторами (см. Д. Аничинъ *«Русскій Вѣстникъ»* 1872 г., № 6, стр. 462, *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова*, стр. 108 и пр.) надо отнести къ числу вымысловъ.

Въ среду 13 ноября 1773 года императрица уѣхала въ Царское Село на охоту, для стрѣлянія тетеревей, и оставалась тамъ до 25 ноября. 17 ноября, въ воскресенье, и 24 ноября, въ день тезоименитства Екатерины II, А. И. Бибиковъ былъ приглашенъ къ высочайшему столу. Въ этотъ день, надо полагать, и было ему объявлено новое назначеніе, потому что на слѣдующій день императрица, въ приведенномъ нами выше письмѣ, сообщала объ этомъ С. М. Козьмину. 30 ноября былъ дѣйствительно балъ при дворѣ, по случаю кавалерскаго праздника Св. Андрея Первозваннаго, но изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что А. И. Бибиковъ на этомъ балѣ не былъ.

⁴⁾ Бибикову въ рескриптѣ отъ 29 ноября 1773 г. *Сборн. Импер. Истор. Общ.* Т. XIII, стр. 367. См. также Приложение къ *Запискамъ Академіи*, Т. I, 38.

къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ оного и нашей, также и отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ».

Сосредоточивая въ одномъ лицѣ все средства и способы для усмиренія взволнованнаго края, императрица предоставила Бибикову обширныя полномочія. Все мѣстные начальники: духовные, военные и гражданскіе подчинялись главнокомандующему и обязаны были исполнять его требованія, какъ бы приказанія самой императрицы, «дабы инако въ дѣлахъ комиссіи его, которыя для общаго государственнаго блага и для возстановленія драгоцѣннаго покоя толико нужны, никакого препятствія и остановки послѣдовать не могло» ¹⁾).

Въ этихъ послѣднихъ видахъ императрица совѣтовала Бибикову, не ожидая сбора войскъ, отправиться немедленно въ Казань, чтобъ имѣть время ближе познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, присмотрѣться ко всемъ движеніямъ возмутителей и «познавъ прѣмъ (точно) ихъ силы, ихъ связь въ землѣ, ихъ ресурсы въ пропитаніи, ихъ внутреннее между собою управленіе, словомъ, физическое и моральное ихъ положеніе во всехъ частяхъ оного, послѣ тѣмъ съ большими выгодами поднять на нихъ оружіе и дѣйствовать наступательно съ тою поверхностью, каковую мужество, просвѣщеніемъ и искусствомъ руководствуемое, долженствуетъ всегда имѣть предъ толпою черни, движущеюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помраченіемъ».

По прибытіи въ Казань, Бибиковъ долженъ былъ собрать къ себѣ все дворянство Казанской губерніи и изобразивъ «тутъ же живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго имъ края», потребовать его содѣйствія въ усмиреніи волненій. Содѣйствіе это могло выразиться вооруженіемъ нѣкотораго числа людей и снабженіемъ ихъ всемъ необходимымъ. Имѣя въ виду, что дворянство всегда было опорой престола, императрица выражала увѣренность, что оно явится на помощь по первому требованію, тѣмъ

¹⁾ Открытый указъ 29 ноября, объ оказаніи Бибикову всеми начальниками и подданными повиновенія и содѣйствія, *Сборн. Импер. Истор. Общ.*, Т. 13 стр. 371.

болѣе, что въ данномъ случаѣ «интересованы въ высшей степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса». Скрывая отъ большинства своихъ подданныхъ все, что происходило подъ Оренбургомъ, императрица не находила нужнымъ дѣлать это относительно дворянства казанскаго, «ибо, писала она, не можетъ имъ быть закрыто, что дворяне и чиновные люди, попадашіеся донынѣ, по несчастію, въ руки мятежниковъ, всѣ безъ изъятія и безъ малѣйшей пощады преданы лютейшей и поносной смерти, котораго жребія натурально и они всѣ, одинъ по другому, ожидать должны, еслибъ, отъ чего Боже сохрани, возстаніе и мятежъ черни при самозванцѣ Пугачевѣ, иногда собственнымъ ихъ нерадѣніемъ и небреженіемъ, могъ переступить предѣлы Оренбургской губерніи и заразить ядомъ своимъ Казанскую».

Что касается дѣйствій противъ мятежниковъ, то Бибикову вмѣнялось въ обязанность прежде всего разослать печатный манифестъ, съ цѣлью открыть глаза «ослѣпленной черни и для испытанія, не удастся ли симъ способомъ кротости» и общаніемъ совершеннаго прощенія «обратить на истинный путь если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть сообщниковъ самозванца Пугачева». Такъ какъ манифестъ этотъ рѣшено было на первый случай публиковать въ районѣ дѣйствій мятежниковъ, то для большинства населенія той мѣстности онъ оказался совершенно непонятнымъ и потому не имѣлъ никакого успѣха. Излагая бѣдствія, которыя испытала Россія отъ самозванца Лже-Димитрія и возникшихъ тогда междоусобій, говоря о томъ, что отечество наше едва не подпало подъ власть Польши и тогда греко-каатолическая вѣра подверглась бы «римскому стулу», государственный совѣтъ, гдѣ составлялся манифестъ, упустилъ изъ вида, что онъ долженъ быть опубликованъ почти исключительно среди раскольниковъ, магометанъ и язычниковъ. Населеніе Казанской, Оренбургской и Астраханской губерній не имѣло ничего или весьма мало общаго съ остальною Россіей, и защита православія, конечно, не входила въ интересы магометанъ, была чужда для инородцевъ. Къ тому же написанный языкомъ непонятнымъ для простолюдина, манифестъ не могъ произвести впечатлѣнія на населеніе, неимѣвшее ника-

того понятія о политическомъ строѣ, искавшее только воли и матеріальнаго обезпеченія.

«Нескладный слогъ» воззваній самозванца, по выраженію Бибикова, дѣйствовалъ на народъ гораздо болѣе, чѣмъ внушеніе о религіозномъ единствѣ и политической цѣлости государства. Мы увидимъ ниже какъ манифестъ былъ понятъ населеніемъ и какія распоряженія вызвалъ онъ со стороны Бибикова, хорошо понимавшаго, что возникшіе беспорядки надо на первыхъ порахъ уничтожать силой и что безъ войскъ его дѣятельность въ краѣ будетъ безплодна. Хотя въ засѣданіи государственнаго совѣта, 28 ноября, было заявлено объ отправленіи нѣсколькихъ полковъ, но А. И. Бибиковъ призналъ это недостаточнымъ, и по его настоянію военная коллегія приказала отправить: изъ Ревельсгольма въ Казань Архангелогородскій карабинерный полкъ, изъ Дерпта въ Новгородъ Лейбъ-Кирасирскій ¹⁾ и изъ Могилевской губерніи въ городъ Вязму Владимирскій драгунскій полки ²⁾. Президентъ военной коллегіи требовалъ теперь отъ полковыхъ командировъ «наипоспѣшнѣйшаго въ пути слѣдованія» и сколь возможно скорѣйшаго прибытія къ мѣсту назначенія.

«О причинѣ, по которой вы отправлены съ полкомъ, прибавлялъ графъ Чернышевъ каждому изъ полковыхъ командировъ ³⁾, не только не имѣете вы нужды скрывать отъ вашихъ подчиненныхъ, но, напротивъ, сказывать имъ, что сей имъ причиненный маршъ происходитъ отъ того, что бездѣльникъ-самозванецъ около Оренбурга проявился, который, дѣлая разбои и грабительства, причиняетъ вредъ многимъ, и вы посланы не только сію плутовскую шайку разсѣять, разбить и привести въ той сторонѣ, подъ командою генерала Бибикова, все въ совершенную тишину, но доставить вѣрнымъ подданнымъ то спокойствіе, которое ея императорское величество онымъ всегда желаетъ и которое такими разбойниками, каковъ есть сей самозванецъ и плутъ, отъемлется, и что потому

¹⁾ Указы военной коллегіи полковымъ командирамъ, отъ 30 ноября 1773 года.

²⁾ Указъ военной коллегіи, отъ 7 декабря 1773 г., № 544.

³⁾ Предписанія полковымъ командирамъ. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 295.

всякаго такого ненавистника покоя должно военному челоѣку, во что бы то ни стало, низвергать и обращать въ небытіе».

Для ускоренія всякаго рода сношеній, повелѣно было по тракту отъ Москвы до Казани усилить число почтовыхъ лошадей на станціяхъ. «Пришло на умъ, писала императрица князю Вяземскому, не худо бы, если бы на станціи отъ Москвы до Казани поставили лошадей по сорокъ до февраля мѣсяца, ибо посылокъ много быть можетъ: все же и сіе самое уже сдѣлаетъ въ людяхъ импрессию о сильныхъ мѣрахъ, кои берутся». Высочайшее повелѣніе это князь Вяземскій 28 ноябля объявилъ Сенату съ прибавленіемъ, что лошади должны быть поставлены съ повозками и упряжью ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 30 ноябля, Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ни колодниковъ, ни назначенныхъ на поселеніе въ Сибирь и Оренбургскую губернію туда не отправлять, а посылать ихъ въ Александровскую крѣпость, въ Азовъ и Таганрогъ, въ Финляндію на крѣпостныя работы и въ Ригу на работы по Двинѣ. Тѣхъ же колодниковъ и поселенныхъ, которые находились временно въ Казанской губерніи и число коихъ было весьма значительно, отправить въ Азовъ и Таганрогъ, чрезъ Воронежскую губернію, небольшими партіями, челоѣкъ по тридцати, и на канатахъ.

«А о полякахъ, писалъ Сенатъ ²⁾, находящихся въ Казани и прибываемыхъ изъ Сибири, для возвращенія въ отечество, сдѣлать немедленно разсмотрѣніе и распоряженіе военной коллегіи». Последняя приказала остановить всѣхъ конфедератовъ и сосредоточить ихъ въ двухъ пунктахъ: въ Тобольскѣ и Казани; но когда Биби-ковъ нашелъ это неудобнымъ, то приказано было тѣхъ, которые находились въ Казанской губерніи, отправить, чрезъ Москву и Смоленскъ, до границы ³⁾.

Поручая Бибикову умиротворить край во всѣхъ отношеніяхъ

¹⁾ Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 135, листъ 573. Въ XIII т. *Сборника Императорскаго Рускаго Историческаго Общества* записка императрицы къ князю Вяземскому ошибочно отнесена къ январю 1774 года.

²⁾ Въ указѣ военной коллегіи, отъ 30 ноябля 1773 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, рекрутская экспедиція, опись 28, св. 484, № 9,575.

³⁾ Постановленіе военной коллегіи 27 февраля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 28, св. 484.

и зная, что въ Казани содержится «нѣсколько разглашателей объ извѣстномъ самозванцѣ Пугачевѣ», императрица поручила ихъ въ «полное вѣдомство генераль-аншефа Бибикова», и съ этою цѣлью при немъ была составлена особая коммиссія, получившая впослѣдствіи названіе *секретной* ¹⁾. Въ составъ этой коммиссіи были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ Лунинъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Василій Собакинъ и секретарь тайной экспедиціи въ Сенаѣ Зряховъ. Имъ приказано было отправиться въ Казань какъ можно скорѣе и, не дожидаясь пріѣзда Бибикова, приступить къ занятіямъ.

Независимо отъ членовъ секретной коммиссіи, въ распоряженіе Бибикова назначены: генераль-маіоръ Мансуровъ и князь Петръ Голицынъ, «изъ коихъ сему послѣднему, въ Москвѣ теперь находящемуся», писала военная коллегія А. И. Бибикову ²⁾, «у васъ и явиться велѣно, а Мансуровъ отправляется въ Симбирскъ къ слѣдующимъ туда чрезъ Воронежъ изъ Смоленска легкимъ полевымъ командамъ». Съ Бибиковымъ отправлены: командиръ Великолуцкаго полка полковникъ Юрій Бибиковъ ³⁾, одинъ инженерный офицеръ, одинъ лекарь, одинъ офицеръ генеральнаго штаба, и «для большаго оказательства» ему разрѣшено было взять съ собою изъ гвардіи нѣсколькихъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ и двѣнадцать гренадеръ ⁴⁾. Въ числѣ выбранныхъ былъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Г. Р. Державинъ, а лейбъ-гвардіи Коннаго полка адъютантъ князь Волконскій и поручикъ Кошелевъ, и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Толстой отправились въ Казань волонтерами.

На первый случай Бибиковъ могъ располагать только четырьмя

¹⁾ Высочайшій указъ казанскому губернатору, 30 ноября 1773 г.

²⁾ Въ указѣ отъ 29 ноября 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 250.

³⁾ Указъ военной коллегіи фельдмаршалу графу Разумовскому 4 декабря 1773 г. Тамъ же, листъ 422.

⁴⁾ Протоколъ государственнаго совѣта 28 ноября 1773 г. Арх. Государственнаго Совѣта, кн. I, 444.

полками ¹⁾, въ которыхъ было до 2,547 пѣхотинцевъ и 1,562 кавалеристовъ. Въ его распоряженіе должны были поступить 1,718 человекъ строевыхъ съ 16 орудіями, находившіеся въ четырехъ полевыхъ командахъ, получившихъ приказаніе вмѣсто Саратова слѣдовать въ Симбирскъ ²⁾, отрядъ генералъ-маіора Фреймана (въ которомъ къ 10 декабря было только 1,754 человека строевыхъ съ 11 орудіями) ³⁾, 280 человекъ бахмутскихъ гусаръ и наконецъ отрядъ Деколонга, находившійся въ Троицкой крѣпости ⁴⁾.

На усиленіе войскъ въ Москвѣ отправлены были туда изъ Новгорода гренадерская рота Вятскаго пѣхотнаго полка и изъ Ладоги весь Нарвскій пѣхотный полкъ. «Кажется, всего сего довольно», писалъ графъ Чернышевъ князю Волконскому ⁵⁾, «но дальность меня беспокоитъ и печалитъ то разореніе, которое *плутецъ* (Пугачевъ) до прихода сего причинить».

Дѣйствительно, «плутецъ» долго еще могъ хозяйничать безнаказанно, такъ какъ даже и тѣ войска, которыя были отправлены изъ Финляндіи и окрестностей Петербурга, могли прибыть въ Казань не ранѣе первыхъ чиселъ января 1774 года, а остальные и гораздо позже.

¹⁾ Вторымъ гренадерскимъ (1,552 строевыхъ) и Владимірескимъ пѣхотнымъ (955 строевыхъ) полками, Изюмскимъ гусарскимъ (703 строевыхъ) и Архангелогородскимъ карабинернымъ (859 строевыхъ). Въ статьѣ Д. Анучина: *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину* приведены инныя цифры численности полковъ. Разница происходить отъ того, что онъ приводитъ весь списочный составъ полковъ, а здѣсь приведены только тѣ чины, которые могли выдти въ строй.

²⁾ Къ половинѣ ноября состояло: въ 22-й легкой полевой командѣ 368 человекъ строевыхъ и 60 драгунъ; въ 23-й—371 человекъ строевыхъ и 60 драгунъ; въ 24-й—366 строевыхъ и 62 драгуна; въ 25-й командѣ—371 человекъ строевыхъ и 60 драгунъ. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листы 314, 391, 436 и 513.

³⁾ Къ 26 ноября въ отрядѣ Фреймана было: пѣхоты 1,288 человекъ строевыхъ, 234 казака и 631 башкирецъ, а за побѣгомъ башкирцевъ къ 10 декабря состояло: пѣхоты 1,293 строевыхъ, 270 казаковъ и 191 башкирецъ—всего 1,754 человека. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листы 104 и 325.

⁴⁾ Въ отрядѣ Деколонга состояли: двѣ легкія полевыя команды, одна губернская и три гарнизонныя роты тобольскихъ баталіоновъ и 150 казаковъ. Указы военной коллегіи генераламъ Фрейману и Деколонгу 30 ноября 1773 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. 53.

⁵⁾ Въ письмѣ отъ 29 ноября 1773 г. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. I, листъ 295.

Войска эти были болѣею частію въ походѣ и еще далеко отъ мѣста дѣйствій. Не скоро можно было приступить къ фактическому усмирению мятежниковъ, и потому А. И. Бибиковъ не особенно торопился отъѣздомъ изъ столицы, но призналъ необходимымъ отправить впередъ членовъ секретной комиссіи. Онъ приказалъ имъ ѣхать какъ можно скорѣе въ Казань и открыть засѣданія, не ожидая его пріѣзда, дабы «укротить хотя мало бунтующія души въ городѣ и во всемъ околоткѣ, а наказаніемъ на первый случай преступниковъ заставить молчать ядомъ напоенныя сердца».

Х.

Народные толки о происходящемъ подъ Оренбургомъ. — Состояніе Казани. — Объявленіе губернатора городскимъ обывателямъ. — Выселеніе изъ города Казани. — Грабежи киргизъ-кайсаковъ. — Волжскіе казаки и ихъ бездѣятельность. — Манифестъ Пугачева. — Запятіе мятежниками всей Самарской линіи и города Самары. — Развѣіе мятежа на границахъ Казанской губерніи. — Занятіе инсургентами Зайнска. — Состояніе города Уфы, Пермской и Исетской провинцій. — Мѣры, принятія мѣстными властями для защиты противъ мятежниковъ. — Волненія заводскихъ крестьянъ.

По мѣрѣ того, какъ члены слѣдственной комиссіи удалялись отъ Петербурга и приближались къ Казани, движеніе въ пользу самозванца обозначалось въ болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ формахъ. На пути отъ Саратова до Пензы всѣ крестьяне, «какъ государеви, такъ и помѣщичьи», увѣряли курьера Полубояринова, что Петръ III живъ и пожаловалъ многія милости народу.

— Теперь мы освобождены отъ податей, говорили они, — будемъ вольны и ни отъ кого независимы. Теперешнее положеніе намъ песносно, ибо большіе дворяне награждаются деревнями и деньгами, а намъ нѣтъ льготъ. По причинѣ войны мы несемъ большія тягости: рекрутскіе наборы и разныя подати, кои должно платить и государю, и помѣщикамъ; приходится метаться въ воду.

«О воинскихъ же командахъ», прибавлялъ Полубояриновъ ¹⁾,

¹⁾ Въ своемъ показаніи. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

«слѣдующихъ для истребленія злодѣевъ, говорятъ, что-де все это напрасно: всѣ-де солдаты лишь только придуть, то будутъ ему служить, вѣдь и имъ житье не лучше крестьянскаго».

То же или почти то же рассказывалось на всемъ пространствѣ отъ Самары до Арзамаса, и простой народъ, выражая сочувствіе къ самозванцу, готовъ былъ оказать ему содѣйствіе и желалъ полного успѣха.

«Отъ Арзамаса до Москвы», показывалъ яицкій казакъ Андрей Мизиновъ ¹⁾, «хотя и есть таковыя слухи, но не столь гласны. Дворцовые крестьяне говорятъ, что ихъ разоряютъ сосѣдніе помѣщики; помѣщичьи же оброчные крестьяне не столько объ этомъ говорятъ, какъ тѣ, кои ходятъ на работу (барщину), ибо жалуются, что пять дней въ недѣлю работаютъ на помѣщиковъ».

Желая избавиться отъ этой тяжелой работы, крестьяне готовы были подчиниться тому, кто обѣщалъ имъ свободу, равенство и право собственности.

— Настаетъ наше время, говорила чернь, — теперь мы возьмемъ верхъ и опасаться намъ нечего.

«Торопясь скорѣе прибыть въ Казань», доносилъ капитанъ-поручикъ Савва Мавринъ ²⁾, «некогда намъ было всѣмъ буянамъ и продерзателямъ дѣлать примѣчанія и оныхъ, забирая, отсылать къ начальникамъ, да и невозможно, въ самомъ дѣлѣ, по причинѣ множества ихъ».

Почти все населеніе деревень, ближайшихъ къ мѣстопребыванію мятежниковъ, принимало сторону самозванца и его полковниковъ, а большая часть интеллигенціи спѣшила уѣхать въ Москву и ближайшіе къ ней города: дѣло доходило до полного переселенія изъ одной губерніи въ другую. По дорогѣ изъ Казани въ Москву тянулись длинныя вереницы обозовъ съ семействами дворянъ и съ ихъ имуществомъ.

— Куда вы ѣдете? Чтò за причина столь спѣшнаго и всеобщаго выселенія? спрашивалъ Мавринъ удалявшихся.

¹⁾ Отъ 9 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 27 мая 1774 года.

— Если и вы, отвѣчали ему переселенцы, — не обязаны дѣломъ, то совѣтуемъ воротиться назадъ и въ Казань не ѣздить.

Тогдашняя Казань состояла преимущественно изъ деревянныхъ маленькихъ домиковъ; улицы города были узки и кривы, за исключеніемъ Арской, выводившей на Арское поле. Эта послѣдняя улица была шире другихъ, прямѣе и вся вымощена бревнами. На выѣздѣ къ Арскому полю стояла большая караульня - изба, гдѣ жили выбранные изъ обывателей на полугодичное время сотники и десятники (съ точеными окрашенными дубинами), на обязанности которыхъ было содержать караулъ. Въ ночное время Арская улица закладывалась деревянною рогатиной на колеса и однимъ концомъ прикрѣпленную къ столбу болтомъ. По всѣмъ остальнымъ улицамъ были сдѣланы для проѣзда большія ворота, по ночамъ запиравшіяся на замки.

Считая и эти охранительныя мѣры недостаточными, городскія власти силились возстановить и реставрировать Казанскую крѣпость или, лучше сказать, ея развалины. «Въ крѣпости и мой монастырь (Спасо-Рязанскій)», писалъ П. Любарскій ¹⁾, «и, по моему мнѣнію, онъ будетъ безопаснѣйшею крѣпостью: въ немъ найдется для всѣхъ пріютъ и убѣжище; въ немъ могутъ сохраняться казна и спасаться жители. Крѣпость и мой монастырь, по милости Божіей (вѣроятно), не будутъ осаждаемы оренбургскимъ воромъ или оренбургскою совою; Богъ не допуститъ ихъ до разрушенія. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ у насъ было безопасно при всеобщемъ страхѣ и смущеніи, можно и у насъ во всякое время подвергнуться истязаніямъ и насиліямъ со стороны черни».

Послѣднее обстоятельство было причиной, что Казань въ короткое время почти опустѣла, ибо не только дворяне, купцы, граждане и подъячіе, но и многіе изъ простолюдиновъ, въ ночь на 29 ноября, выбрались изъ города, «оставя неизвѣстному жребію однихъ только духовныхъ въ городскихъ развалинахъ, да владыку (преосвященнаго Веніамина) въ Воскресенскомъ монастырѣ» ²⁾.

¹⁾ Въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому, отъ 28 ноября 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

²⁾ Письмо П. Любарскаго Н. Н. Бантышъ-Каменскому, отъ 5 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 527.

Всеобщее бѣгство заставило казанскаго губернатора обратиться къ обывателямъ съ особымъ воззваніемъ и просить преосвященнаго Веніамина прочесть его въ церквахъ.

«По обстоятельствамъ объ извѣстной злодѣйской толпѣ, писалъ генераль Брандтъ ¹⁾, по городу Казани, какъ слышу, такія разносятся ложныя разглашенія, что будто партіи злодѣйской толпы приближаются уже къ Казани, отъ каковыхъ страховъ происходитъ великое въ народѣ нестроеніе».

Губернаторъ увѣрялъ население что все это «дѣйствительная ложь и неправда». Онъ говорилъ, что имѣеть официальные извѣстія отъ генерала Фреймана и оренбургскаго губернатора, причесть первый извѣщаетъ его, что по Московской дорогѣ «партій извѣстной злодѣйской толпы нѣтъ, кромѣ разбѣзжающихъ воровскихъ шакъ ставропольскихъ калмыковъ и уфимскихъ башкирцевъ». По словамъ Брандта, шайки эти были незначительны, не имѣли никакой связи съ самозванцемъ и слѣдовательно «не только Казани, но и никакому городу не дѣлають ни малѣйшей опасности».

Что же касается толпы, стоявшей подъ Оренбургомъ, то, по увѣренію губернатора, она была вооружена только однѣми дубинами и «отнюдь не имѣеть толкаго числа людей, какъ слухъ о ней носится». Атаки же и пораженія «ей не дѣлается въ ожиданіи подкрѣпленія въ силахъ изъ сибирскихъ предѣловъ, которыя въ скорости въ Оренбургъ ожидаются».

Послѣ литургіи, 1 декабря, жители Казани выслушали это объявленіе, но не повѣрили губернатору, потому что онъ самъ, прежде другихъ, отправилъ свое семейство въ Козьмодемьянскъ, какъ мѣсто наиболѣе безопасное. Примѣру губернатора послѣдовали прочія должностныя лица, и въ Козьмодемьянскѣ образовалась цѣлая колонія переселенцевъ. Оставшіяся въ Казани простой народъ предался разгулу и пьянству, а должностныя унынію и отчаянію.

— Казань погибаетъ, твердили всѣ въ одинъ голосъ,—и нѣтъ

¹⁾ Отъ 30 ноября 1773 года. Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

ей никакого спасенія, ибо злодѣи уже въ 30 — 40 верстахъ, а нѣкоторые и ближе.

По словамъ Маврина, отчаяніе и страхъ были такъ велики, что если бы Пугачевъ прислалъ человѣкъ тридцать своихъ сообщниковъ, то легко могъ бы овладѣть городомъ. «Сказывали мнѣ въ Казани понятіе человѣческое имѣющіе люди, прибавлялъ Мавринъ, что было два дня такихъ, въ кои казалось не только пришествіе къ Казани самозванца близъ городскихъ воротъ приближалось, но и преставленіе свѣта настало. Всѣ свое имѣніе съ торопливостью забираютъ, укладываютъ на воза безъ порядка, мечутся во всѣ стороны яко бѣшеные и себя спасаютъ, не зная притомъ куда бѣгутъ и что дѣлаютъ. Что-же, всемилостивѣйшая государыня, дѣлать тѣмъ, которымъ ни бѣжать, ни увезти нечего? Не остается ли отпирать, въ случаѣ нашествія злодѣя, ворота и встрѣчать, но не по предательскому обыкновенію злодѣя, а по необходимости, яко истиннаго въ томъ казузѣ гостя, чернь не презирающаго».

Въ первый же день своего приѣзда въ Казань, капитанъ-поручикъ Мавринъ явился къ губернатору. Станнымъ казалось ему, что домъ былъ пустъ и въ немъ вовсе не было мебели. Зная, что генераль Брандтъ живетъ хорошо и не «по-нѣмецки», Мавринъ рѣшился выяснитъ свое недоразумѣніе.

— Не было ли вашему превосходительству какой тревоги, спросилъ онъ, — что въ домѣ ничего не имѣете?

— У меня все отпущено въ Козьмодемьянскъ, отвѣчалъ простодушнo Брандтъ, — и сейчасъ оттуда жена приѣхала.

— Безъ сомнѣнія, злодѣи близко? спросилъ опять Мавринъ.

— Конечно, и въ великихъ толпахъ злодѣйствуютъ.

— Такъ отъ этого и въ городѣ никого нѣтъ?

— Отъ этого.

Мавринъ замѣтилъ, что отправивъ свое семейство въ Козьмодемьянскъ, губернаторъ показалъ дурной примѣръ жителямъ, но Брандтъ промолчалъ и не обидѣлся, быть можетъ потому, прибавлялъ Мавринъ, что слышалъ это «отъ дурака или отъ дерзкаго человѣка».

Какъ ни странно было приѣзжимъ смотрѣть на обѣятыхъ на-

ническимъ страхомъ казанскихъ жителей, но, познакомившись съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, члены секретной коммисіи принуждены были покинуть петербургскій взглядъ на оренбургскія происшествія и сознать, что правительственная власть въ краѣ парализована, что мятежь охватилъ уже всю Оренбургскую губернію и началъ проникать въ Казанскую.

— На весь Оренбургскій край, говорилъ Платонъ Любарскій, спустился какой-то густой туманъ и не видать ни откуда просвѣта. 13

Къ концу ноября вся сѣверо-западная часть Оренбургской губерніи была во власти Пугачева, а южная ея часть подвергалась грабежамъ киргизъ-кайсаковъ.

Пользуясь тѣмъ, что рѣка Яикъ (Ураль) была покрыта льдомъ, киргизы перекочевали на внутреннюю сторону, и 26 ноября Нуръ-Али-ханъ подошелъ къ Булагинской крѣпости и объявилъ, что останется здѣсь на всю зиму. Подвластные ему киргизы хозяйничали на всемъ пространствѣ отъ Булагинской крѣпости до Гурьевскаго редута, и подавшись къ рѣкѣ Волгѣ, появились значительными толпами близъ Чернаго Яра ¹⁾. Они грабили и уводили въ плѣнъ жителей, отгоняли скотъ, жгли сѣно и нападали на форпосты, «такъ что изъ оныхъ казакамъ ни за сѣномъ, ни за дровами почти выпуску не даютъ» ²⁾. Комендантъ Яицкаго городка (нынѣ Уральска) полковникъ Симоновъ и астраханскій губернаторъ Кречетниковъ просили Нуръ-Али-хана запретить его подвластнымъ производить грабежи и увѣдомить, съ какою цѣлью онъ переправился на земли, принадлежащія казакамъ ³⁾. Нуръ-Али отвѣчалъ, что, опасаясь щалости подвластныхъ ему киргизъ-кайсаковъ, разбросанныхъ на значительномъ пространствѣ, онъ переправился на внутреннюю сторону рѣки Яика съ тою цѣлью, чтобы не дозволить имъ грабить жившихъ на Волгѣ калмыковъ, съ которыми 13

¹⁾ Рапортъ полковника Симонова Сенату, 3 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI д. № 504. Рапортъ князю Вяземскому отъ главнаго смотрителя Ахтубенскихъ шелковыхъ заводовъ, Рычкова, отъ 23 декабря 1773 года. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества.

²⁾ Рапорты Симонова Сенату 20 и 24 ноября 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

³⁾ Письмо Симонова Нуръ-Али-хану 24 ноября 1773 года. Тамъ же.

киргизы имѣли непримиримую вражду. Грабежи же подъ Чернымъ Яромъ ханъ объяснялъ обстоятельствами и особымъ состояніемъ края.

— Киргизы теперь меня не слушаютъ, говорилъ Нуръ-Али посланному Кречетникова, — а причиною того злодѣй, именующій себя императоромъ Петромъ III. Онъ присылалъ ко мнѣ посланнаго съ письмомъ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ и былъ въ его послушаніи, и за то обѣщалъ по взятіи Оренбурга сдѣлать меня начальникомъ какъ въ Оренбургѣ, такъ и во всѣхъ городахъ до самой Астрахани. Я отвѣчалъ, что данной присяги не перемѣню и къ нему не поѣду.

Тогда, по словамъ хана, Пугачевъ обратился къ киргизамъ съ особымъ воззваніемъ, и требуя, чтобъ они признали его законнымъ государемъ, предоставилъ имъ полную свободу въ дѣйствіяхъ. Киргизы воспользовались этимъ, разбойничали на пространствахъ отъ Дубовской до Балыклейской и Караваинской станицъ и грабили селенія волжскихъ казаковъ. Царицынскій комендантъ, полковникъ Циплетевъ, приказалъ волжскимъ казакамъ разставить повсюду форпосты, производить ежедневные разѣзды и имѣть сверхъ того въ Дубовкѣ триста человекъ казаковъ, всегда готовыхъ по первому требованію отразить нападеніе хищниковъ. «За Волгой же, писалъ Циплетевъ казакамъ ¹⁾, въ зимовьяхъ и ни въ какихъ мѣстахъ ни скота, ни зимующихъ людей отнюдь не было бы, а всѣ бы убились въ свои жилища».

Распоряженіе это не было исполнено, и когда старшина Терскій прискакалъ въ Дубовку съ извѣстіемъ, что киргизы напали на форпостъ, стоящій за рѣкою Волгой, то по сдѣланной тревогѣ могли собрать только шесть казаковъ. Въ тотъ же день съ Водянскихъ хуторовъ, находившихся въ 25 верстахъ отъ Дубовки, пріѣхалъ казакъ Кротковъ съ объявленіемъ, что и на нихъ напали киргизы, которые отгоняютъ скотъ и берутъ въ плѣнъ жителей. Струсившій войсковой атаманъ приказалъ, чтобы ни одинъ казакъ не выходилъ изъ Дубовки и самъ сталъ прятать свои по-

¹⁾ Рапортъ Циплетева военной коллегіи 14 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

житки. Поступокъ атамана навелъ такой страхъ на казаковъ, что всѣ жители Дубовки стали прятать свое имущество и потомъ дня черезъ три насилу могли его разобрать.

Киргизы въ этотъ день разграбили Водянскіе, Широковскіе и Стрѣлинскіе хутора, многія зимовья, форпосты, и захвативъ сто сорокъ девять человѣкъ въ плѣнъ и множество скота, спокойно удалились въ степь. Только на третій день казаки опомнились и послали погоню, но безуспѣшно, такъ какъ киргизы были версты за двѣсти. Атаманъ донесъ, будто бы онъ преслѣдовалъ киргизовъ на протяженіи шестидесяти верстъ, но, писалъ онъ, киргизы «какъ птицы улетѣли, а ихъ (казаковъ) лошади ослабѣли».

Слабость волжскихъ казаковъ, писалъ Петръ Кречетниковъ ¹⁾, «столь велика, что они насилу достойны казаками назваться. Киргизы сами были на изнуренныхъ лошадяхъ и едва таскались; они же почти безоружны, и ихъ бы легко было не только разбить, но и совсѣмъ забрать, если бы сіи проклятые казаки не принимались за святошное пьянство, а были бы въ осторожности, какъ имъ приказано было.

«Вѣрите, милостивый государь, что сіе мнѣ столь чувствительно, что я описать не могу сколь чувствую нерадивость людей и гнусную ихъ трусость. Я бы душою радъ былъ, если бы мнѣ можно было вездѣ самому поспѣть, но того сдѣлать нельзя, а кому ни приказывай, то всѣ или медленно, или совсѣмъ не дѣлаютъ».

Такое бездѣйствіе, конечно, служило въ пользу Пугачева, дѣла котораго въ это время шли вполне успѣшно.

Съ занятіемъ мятежниками Бузулукской крѣпости не было уже препятствій къ дальнѣйшему распространенію бунта, и Пугачевъ призналъ нужнымъ обратиться къ населенію съ новымъ манифестомъ, который и поручилъ написать секретарямъ Ивану Почиталину и Максиму Горшкову. Полуграмотные секретари долго трудились надъ составленіемъ воззванія, выбирая отборныя слова изъ попавшейся имъ переплетенной книги, состоявшей изъ раз-

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ князю А. А. Вяземскому, отъ 18 января 1774 года.

ныхъ печатныхъ и письменныхъ публичныхъ указовъ. Но какъ они и по выборѣ лучшихъ мѣсть «не умѣли порядочно рѣчей сплести», то и трудились надъ составленіемъ манифеста болѣе недѣли. Въ это время подано было въ пугачевскую коллегію заводскимъ крестьяниномъ Иваномъ Петровымъ прошеніе на ограбившаго его башкирца. Прошеніе это показалось секретарямъ «такъ разумно написаннымъ», что они тотчасъ же призвали къ себѣ Петрова и показали ему составленный манифестъ.

— Нѣтъ, господа, не такъ у васъ написано, замѣтилъ Петровъ, и сталъ исправлять по-своему.

Исправленный манифестъ былъ переписанъ Горшковымъ набѣло и одобренъ Пугачевымъ ¹⁾. Онъ былъ слѣдующаго содержания:

«Божіею милостію, мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій и проч., проч., проч.

«Объявляется во всенародное извѣстіе:

«Не безъизвѣстно есть каждому вѣрноподданному рабу, какимъ образомъ мы не отъ доброжелателей, а зависцовъ общаго покоя всероссійскаго и по всемъ правамъ принадлежащаго престола лишены были, а нынѣ Всемогуцій Господь неизреченными своими праведными судьбами, моленіемъ и усерднѣйшимъ желаніемъ нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ какъ возвести насъ соизволилъ и нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ скипетру нашему покоряетъ, а зависцовъ общему покою и благодѣтелины подѣ ноги наши повергаетъ. Только и нынѣ нѣкоторые, ослѣпясь невѣдѣніемъ или помрачены отъ зависти злобою, не приходятъ въ чувство и высокой власти нашей чинять противленіе и непокореніе и тщатся процвѣтшеса имя наше такимъ же образомъ, какъ и прежде угасить, а нашихъ вѣрноподданныхъ рабовъ, истинныхъ сыновъ отечества, аки младенцевъ осиротить. Однако, мы, по природному нашему

¹⁾ Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Показаніе Максима Горшкова 8 мая 1774 года. Государ. Архивъ, VI, д. № 506. Манифестъ этотъ былъ признанъ сообщеніями самозванца написаннымъ столь удачно, что впоследствии, когда нужно было издать манифестъ, то его переписывали, проставляли мѣсяцъ, число и разсылали. Такъ подѣ этимъ манифестомъ были подписаны числа: 2, 7, 13, 17 и 18 декабря 1773 года, 14 апрѣля и 23 іюня 1774 года.

къ вѣрнопопдааннымъ отеческому неизреченному великодушію, буде кто и нынѣ, возникнувъ отъ мрака невѣдѣнія и пришедъ въ чувство, власти нашей усердно покорится и во всеподданническія должности быть повинится, всемилостивѣйше прощаемъ, сверхъ того, всякою вольностію отечески васъ жалуемъ. А буде же кто и за симъ въ такомъ ожесточеніи и суровости останется и данной намъ отъ Создателя высокой власти не покорится, то уже неминуемо навлечетъ на себя праведный нашъ и неизбѣжный гнѣвъ. Чего ради отъ насъ для надлежащаго исполненія и всенароднаго истиннаго познанія симъ и публикуется. Декабря 2 дня 1773 года ¹⁾.
Pitr (Петръ)».

Манифестъ этотъ былъ разосланъ по всѣмъ направленіямъ и врученъ атаману Арапову, получившему приказаніе самозванца двинуться къ Самарѣ и утвердиться на самарской линіи. Собравъ себѣ толпу въ Бузулукѣ, Араповъ выступилъ 22 декабря изъ города, зашелъ по дорогѣ въ крѣпости Елшанскую, Борскую, Красно-Самарскую и Мочинскую татарскую слободу. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ Араповъ приглашалъ желающихъ служить государю и переименовывалъ ихъ въ казаки. Охотниковъ было много, и комплектованіе шаекъ производилось изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Такъ, когда Араповъ находился еще въ Бузулукѣ, къ нему явились до тысячи крестьянъ, принадлежавшихъ графамъ Орловымъ, изъ волостей, селъ и деревень, находившихся близъ Сызрани. Возстаніе охватило весь Ставропольскій уѣздъ, гдѣ калмыки грабили помѣщичьи села, и одна изъ партій появилась въ 12 верстахъ отъ города.

Ставрополь защищали 249 человекъ, изъ коихъ 59 были вооружены ружьями, а остальные одними копьями, тогда какъ въ уѣздѣ считалось до пяти тысячъ калмыковъ, не говоря объ остальномъ населеніи, приготовлявшемъ коня и вооружавшемся ²⁾.

¹⁾ Это единственный манифестъ, подъ которымъ намъ пришлось видѣть иноязычную подпись. См. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. III. Манифестъ этотъ напечатанъ въ *Русской Старинѣ* 1875 г., т. XIII, 273, но съ измѣненіями.

²⁾ Рапорты Фегезака военной коллегіи, отъ 15 декабря 1773 года и 13 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 254. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Съ появленіемъ шаякъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ, городъ Самара и его уѣздъ оказались отрѣзанными отъ Казани, и 23 декабря Араповъ безпрепятственно занялъ пригородъ Алексѣевскъ, Онъ благодарилъ населеніе за то, что оно не оказало сопротивленія и встрѣтило его съ почетомъ.

— Вы, обыватели, говорилъ самозванный атаманъ, — хорошо сдѣлали, что безъ сопротивленія покорились государю. Надобно бы было послать сказать въ Самару, чтобъ и тамъ не противились.

Подвернувшійся писарь Алексѣй Горбуновъ совѣтовалъ послать туда посадскаго Короткаго.

— Прикажете, сударь, говорилъ Горбуновъ Арапову, — послать вотъ этого дѣтину, онъ вамъ все исправитъ.

Передавъ Короткому манифестъ самозванца, Араповъ приказалъ ему говорить всѣмъ, что у него множество войска и 50 пушекъ, и что сзади идутъ на подкрѣпленіе еще 200 человѣкъ. По прибытіи въ Самару Короткій былъ призванъ комендантомъ, капитаномъ Балахонцевымъ, который разспрашивалъ у пріѣхавшаго сколько у Арапова людей, пушекъ, и узнавъ, что силы эти весьма значительны, рѣшился оставить городъ. Взявъ 36 человѣкъ нижнихъ чиновъ при двухъ офицерахъ, капитанъ Балахонцевъ въ слѣдующую же ночь ушелъ изъ Самары въ Сызрань. За нимъ ушелъ и поручикъ нижегородскаго баталіона Кутузовъ съ командой въ 25 человѣкъ, присланною для приѣма рекрутъ. Хотя за уходомъ ихъ въ Самарѣ все-таки осталось 40 солдатъ и болѣе 300 поселенныхъ, но они согласились съ жителями не оказывать никакого сопротивленія мятежникамъ.

Декабря 25 Араповъ подошелъ къ Самарѣ и былъ встрѣченъ населеніемъ съ крестомъ и образами. Онъ проѣхалъ прямо къ церкви, приказалъ отслужить молебень, по окончаніи котораго, въ знакъ побѣды, было произведено нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ.

«При ономъ городѣ Самарѣ, доносилъ Араповъ своей коллегіи, взято мною артиллеріи пушекъ 6; пороху и денежной казны ничего не отыскалось, ибо оную казну и порохъ злодѣй капитанъ Балахонцевъ увезъ съ собою».

Помѣстятся въ домѣ маіора Племянникова, Араповъ принималъ всѣхъ, кто приходилъ къ нему на поклонъ.

— Батюшкѣ нашему будетъ очень мило, говорилъ онъ,—что вы покорились безъ сопротивленія; онъ, конечно, не забудетъ этотъ городъ и сдѣлаетъ его губерніей.

— Дай-то Господи, чтобъ это такъ было, отвѣчали жители Самары.

Араповъ приказалъ выкатить бочки воды, и перепившійся народъ кричалъ: «Здравствуй нашъ батюшко, Петръ Ѳеодоровичъ»¹⁾. Окрестныя къ городу селенія тотчасъ же присоединились къ мятежникамъ и присягнули на вѣрность императору Петру III. Араповъ разослалъ въ разныя стороны своихъ агентовъ съ манифестами самозванца и съ приказаніемъ, чтобы жители готовили продовольствіе и доставляли его въ Бузулукъ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ изъ Берды въ Самару есаулъ Чулошниковъ съ указомъ пугачевской коллегіи и порученіемъ набрать ополченіе для арміи «государя».

«Здѣшной арміи, писала коллегія²⁾, есаулу Чулошникову опредѣляется: какъ по Самарской дистанціи, такъ и въ прочихъ селахъ и деревняхъ, набравъ сколько отыщется ревнителевъ къ службѣ его императорскаго величества и соединясь съ атаманомъ Араповымъ и прочими при командахъ командирами, сикурсировать противъ противническихъ партій въ защищеніи вѣрноподданныхъ жительствовавшихъ».

«Причемъ же рекомендуется вамъ, ежели гдѣ найдется походная легкая къ оборонѣ отъ злодѣевъ артиллерія съ матеріалами и ихъ припасы, то взявъ съ собою учинить по сему его императорскаго величества указу непремѣнное исполненіе».

Посланные разтѣзжали по селеніямъ и собирали въ ополченіе по одному человѣку съ пяти душъ. Съ набранными такимъ обра-

¹⁾ Показаніе сержанта Ивана Звѣрева 31 октября 1774 года. Показаніе священника Андрея Иванова 13 января 1774 года. Рапортъ Арапова пугачевской коллегіи, отъ 27 декабря. Госуд. Арх., VI, д. №№ 437, 438 и 512. Въ статьѣ *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщинѣ*, о капитанѣ Балахонцевѣ встрѣчается противорѣчивое изложеніе. Сравни. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года, № 6, стр. 494, и № 7, стр. 20.

²⁾ Въ указѣ отъ 21 декабря 1773 года. Госуд. Арх., VI, д. № 420.

зомъ шайками эмиссары Арапова и Чулошникова грабили помѣщичьи имѣнія, умерщвляли неуспѣвшихъ скрыться владѣльцевъ, забирали хлѣбъ и скоть, а у крестьянъ брали печеный хлѣбъ кафтаны и шубы.

Сосредоточившись болѣе или менѣе значительными толпами и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, мятежники захватили въ свои руки значительное пространство, и впослѣдствіи вошли въ связь съ башкирцами, опустошавшими сѣверо-западную часть Оренбургской губерніи. Толпы мятежниковъ бродили у Бугуруслана и въ окрестностяхъ Бугульмы, гдѣ стоялъ отрядъ Фреймана, совершенно изолированный и, какъ увидимъ, для нихъ безопасный. Въ крѣпости Бакалахъ, находившейся всего въ 30 верстахъ отъ Бугульмы, казаки посадили на цѣпь своего атамана и намѣрены были отвезти его къ Пугачеву; то же самое хотѣли сдѣлать и жители Нагайбака со своимъ воеводой, капитаномъ Рушинскимъ, за желаніе его оказать помощь Уфѣ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, генераль-маіоръ Фрейманъ въ Нагайбакскую крѣпость отправилъ небольшую пѣхотную команду и для прикрытія ея въ пути назначилъ секундъ-маіора Тевкелева съ 400 башкирцевъ. При возвращеніи изъ Нагайбака Тевкелеву приказано было расположиться въ 23 верстахъ отъ Бугульмы, или въ селеніи Крымъ-Сараѣ, или въ деревнѣ Акбашевой, гдѣ удобнѣе, съ тѣмъ чтобы помочь въ случаѣ нужды той командѣ, которая была оставлена въ Нагайбакѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть отрядъ самого Фреймана со стороны города Уфы. Тевкелевъ 5 декабря остановился въ деревнѣ Акбашевой, а въ полдень 6 числа на него напала толпа башкирцевъ въ 600 человекъ, склонила на свою сторону весь его отрядъ, сожгла деревню, а Тевкелева, избитаго и израненаго, захватила въ плѣнъ.

Лишившись такимъ образомъ послѣдней кавалеріи, Фрейманъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ селеніи Акташѣ, въ 12 верстахъ отъ Кичуя и по бугурусланской дорогѣ стояли толпы мятежниковъ; прямые дороги изъ Кунгура и Заинска въ Казань были ими отрѣзаны. Заинскъ ¹⁾ занятъ стар-

¹⁾ Нынѣ пригородъ Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

шиной Нагайбакомъ съ толпой башкирцевъ. При содѣйствіи под-
прапорщика Буткевича, старшина Нагайбакъ склонилъ жителей
Заниска не оказывать сопротивленія, и начальникъ инвалидовъ сол-
датъ, капитанъ Мертвецовъ, приказалъ священнику Андрееву прочесть
предъ народомъ указъ самозванца. Жители встрѣтили Нагайбака
съ хлѣбомъ и солью, а дьячки звонили въ колокола. Священникъ
Прокофій Андреевъ отслужилъ молебенъ за здравіе императора, за
что получилъ 1 рубль и въ церковную сумму столько же. Послѣ
молебна было произведено нѣсколько выстрѣловъ, и Нагайбакъ от-
правился въ домъ капитана Мертвецова, который ввелъ его въ
горницу, посадилъ за столъ и угощалъ. Жившіе въ Занискѣ
маіоръ Лопатинъ и капитанъ Савиничъ пришли къ Нагайбаку съ
хлѣбомъ и солью и вмѣстѣ съ присутствующими пили за здо-
ровье самозванца, называя его императоромъ ¹⁾.

Утвердившись въ Занискѣ, мятежники расширили и здѣсь
раіонъ своихъ дѣйствій и появились въ селеніяхъ, лежащихъ въ
окрестностяхъ Бирска, и даже крестьяне Закамской Челмской
волости, близъ Елабуги, отправляли большими обозами хлѣбъ на
продовольствіе толпы, стоявшей у Мензелинска.

Окружая со всѣхъ сторонъ отрядъ Фреймана и грозя зайти
ему въ тылъ, шайки бунтовщиковъ были хотя и незначительны
числомъ и на половину безъ оружія, но опасны потому, что, по
словамъ Фреймана, «крестьяне не токмо имъ не противятся, но
еще сами помогаютъ грабить помѣщичьи дворы и разносятъ слухи,
что вся злодѣйская Пугачева толпа намѣрена идти на Казань, отъ
чего такъ вся здѣшняя окрестность трепещетъ, что никакого отъ жи-
телей оной извѣстія о скитаньяхъ злодѣйскихъ получить не можно».

«И хотя, доносилъ Фрейманъ ²⁾, для поимки сихъ злодѣйскихъ

¹⁾ Показанія подпрапорщика Буткевича, капитана Мертвецова и священника
Прокофія Андреева. Госуд. Арх. VI, д. № 434. Московскій Арх. Главн. Штаба,
опись 94, св. 17, д. № 15. За эти преступленія, по приговору военной коллегіи,
маіоръ Лопатинъ и капитанъ Мертвецовъ, по лишеніи чиновъ и правъ состоянія,
были сосланы въ каторжную работу въ Азовъ, а капитанъ Савиничъ умеръ ра-
нѣе приговора.

²⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи отъ 7 декабря 1773 года. Архивъ Главн. Штаба
въ С.-Петербургѣ, кн. II, листъ 16.

шаекъ въ разныя мѣста командирую команды, но какъ опыта состоятъ по большей части изъ пѣхоты, то и остаются безъ успѣха, ибо разбойники всегда на перемѣнныхъ коняхъ и безпрепятственно ѣздятъ вездѣ по воли, въ чемъ спѣтъ по мелкости своей ни мало имъ не мѣшаетъ». Фрейманъ опасался, что мятежники отрѣжутъ его сообщеніе съ Казанью и поставятъ его въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ отрядѣ сталъ замѣчаться ропотъ среди нижнихъ чиновъ, *«что безъ помощи оставлены въ столь отдаленномъ и открытомъ мѣстѣ»*.

Прося о присылкѣ надежной кавалеріи, Фрейманъ находилъ, что безъ нея наступательныя дѣйствія совершенно бесполезны. Онъ отказался двинуться впередъ и тогда, когда получилъ отъ уфимскаго коменданта, полковника Мясоѣдова, просьбу оказать ему помощь въ разогнаніи толпы башкирцевъ, обложившихъ городъ Уфу.

Имѣя въ своемъ распоряженіи, вмѣстѣ съ вооруженными обывателями, до 1,650 человекъ гарнизона, Мясоѣдовъ хотя и не опасался за участь города, но съ пѣшимъ ополченіемъ и безъ обоза, будучи, такъ сказать, прикованъ къ одному мѣсту, не могъ разогнать коннаго непріятеля, грабившаго окрестности и проникшаго на Пермскіе горные заводы и въ Исетскую провинцію.

Исетская провинціальная канцелярія старалась убѣдить подвѣдомственное ей населеніе, что принявшій на себя имя императора Петра III, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, есть воръ и обманщикъ. Приводя жителямъ на память опубликованный въ 1762 году манифестъ императрицы, канцелярія присовокупляла, что не менѣе ста тысячъ человекъ «своими глазами видѣли, что онъ, блаженной памяти государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, въ началѣ іюля мѣсяца помянутаго года, отъ прильчившихся ему болѣзненныхъ припадковъ отъиде отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ, при множествѣ помянутыхъ зрителей, въ томъ числѣ и здѣшнихъ Исецкой провинціи присутствующихъ, коимъ въ то время случилось быть въ С.-Петербургѣ, при должностяхъ своихъ. Слѣдовательно сіе и не можетъ быть сверхъ натуры, чтобы до конечнаго и праведнаго суда Божія и воскресенія мертвыхъ могъ кто-либо черезъ 11 лѣтъ изъ

мертвыхъ воскреснуть, а потому означенный воръ и разбойникъ казакъ Пугачевъ подлинно ложный и самозванецъ» ¹⁾).

Пермское горное начальство сдѣлало то же самое, и согласно предложенію генерала фонъ-Брандта, объявило, что тотъ, кто приведетъ Пугачева въ Казань, получить тысячу рублей ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено: 1) собрать съ партикулярныхъ заводовъ и приписныхъ крестьянъ по нѣскольку человекъ хорошо вооруженныхъ; 2) учредить пикеты и усилить полицію. Работы на большой части заводовъ были прекращены, а управители и приказно-служители употреблены для наблюденія за караульными. Для распоряженій по защитѣ заводовъ отъ мятежниковъ былъ опредѣленъ членъ канцеляріи главнаго заводовъ правленія Михаилъ Ивановичъ Башмаковъ.

Имѣя въ виду, что Юговскій казенный мѣди-плавильный заводъ ³⁾ былъ обнесенъ кругомъ палисадомъ, рогатками и въ немъ устроена крѣпость, Башмаковъ рѣшился на этомъ заводѣ защищаться отъ мятежниковъ. Онъ приказалъ свозить сюда съ другихъ заводовъ пушки, порохъ, снаряды и прислать заводскихъ вооруженныхъ людей. Въ половинѣ декабря Башмаковъ закрылъ Аннинскій (Бабкинскій) заводъ ⁴⁾ и приказалъ всѣхъ рабочихъ съ оружіемъ перевести на Юговскій заводъ. Распоряженіе это встрѣтило сопротивленіе, и большинство заводскаго населенія не только отказалось идти на Юговскій заводъ, но и не пускало тѣхъ, которые изъявили на то свое согласіе.

— Если бы подлинно онъ былъ не государь, говорили рабочіе про Пугачева,—а бѣглый казакъ, то, конечно, изъ Москвы и Петербурга давно бы присланы были ея величества войска. Но когда прошло три мѣсяца и ихъ не прислано, то и признается, что онъ подлинный государь Петръ III императоръ, которому мы прежде присягали и нынѣ принять желаемъ.

Между тѣмъ, 18 декабря, на рѣкѣ Тульѣ, впадающей въ Каму

¹⁾ Объявленіе Исетской провинціальной канцеляріи 3 декабря 1773.

²⁾ Пермскія «Губернскія Вѣдомости», 1864 года, № 22.

³⁾ Построенный на рѣкѣ Югѣ, въ 57 верстахъ отъ города Кунгура.

⁴⁾ Аннинскій или Бабкинскій заводъ построенъ на рѣкѣ Вабкѣ, впадающей въ Сиву.

при городѣ Осѣ и въ селеніяхъ, лежавшихъ не далѣе 100 верстъ отъ Юговскаго завода, появились значительныя шайки мятежниковъ. Онѣ разорили Шермянтскій заводъ Яковлева, и склонивъ на свою сторону почти всю Осинскую волость, дворцовыхъ крестьянъ и пахатныхъ солдатъ, стали угрожать городу Кунгуру, Юговскому и Аннинскому заводамъ. Тогда Башмаковъ вторично отправилъ на послѣдній заводъ унтеръ-шихтмейстера Бахмана поторопить рабочихъ переселеніемъ на Юговскій заводъ. На требованіе Бахмана, чтобы хозяева собрались въ заводскую контору, никто не явился, а жены говорили, что не знаютъ куда уѣхали ихъ мужья. Бахманъ повторилъ свое требованіе, и тогда пришло въ контору человекъ съ десять.

— Мы желаемъ, говорили они, — быть вѣрноподаданными императрицы, а только изъ своихъ домовъ не поѣдемъ, по той причинѣ, что наши семейства и дома будутъ разорены.

Бахманъ пытался убѣдить, что исполнить приказаніе необходимо, но всѣ его попытки оказались тщетными.

— Если ты здѣсь заживешься, сказалъ ему шепотомъ рабочий Василій Чупровъ, — то мы намѣрены связать тебѣ руки и ноги и отвезти въ партію.

Бахманъ поторопился уѣхать, а рабочіе какъ этого завода, такъ и прочихъ, видя свое безпомощное состояніе, приняли сторону мятежниковъ; но справедливость требуетъ сказать, что на многихъ заводахъ рабочіе старались сохранить порядокъ и удерживать буйныя головы отъ своеволій. Въ письменномъ постановленіи 30 декабря 1773 года ¹⁾, жители нѣсколькихъ селеній, приписанныхъ къ Юговскому заводу, «со всего мірскаго и общаго согласія», выбрали въ сотники Гаврилу Ситникова, а въ старосты Клементія Звѣрева и уполномочили ихъ быть ходатаями по всѣмъ мірскимъ дѣламъ и оберегателями общественнаго спокойствія. Рабочіе поручили Ситникову и Звѣреву «случившіяся между заводскими жителями всякія ссоры и непорядочество умирать и кто явится виновнымъ въ какомъ случаѣ, то таковыхъ, смотря по винѣ, штрафовать, а потомъ наказывать батожьемъ, дабы отъ не-

¹⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 416.

имѣнія надѣ собою страху, не могли большіхъ причинъ и своевольствъ чинить».

Это постановленіе не помѣшало Ситникову въ тотъ же день снарядить нѣсколько человекъ «въ казачье войско» и передать ихъ предводителю явившейся башкирской толпы Батыркаю Иткину ¹⁾. Отказать въ подобномъ требованіи населеніе считало невозможнымъ, изъ опасенія за свои семейства и имущество. Башкирцы уничтожали до тла все русское: грабили церкви и дома, умерщвляли духовенство, уводили плѣнныхъ, жгли хлѣбъ и отгоняли скотъ. Заводское населеніе искало защиты въ Бердѣ, и пугачевская коллегія, опасаясь, что поступки башкирцевъ могутъ возстановить противъ мятежниковъ простой народъ, старалась ввести нѣкоторый порядокъ въ краѣ, «повинившемся императору Петру III.» Съ этою цѣлью въ Бердѣ выдавались сначала охранные листы всѣмъ тѣмъ селеніямъ, которыя присоединились къ самозванцу, а затѣмъ всѣ заводы и селенія, находившіеся въ окрестностяхъ Уфы и вся Башкирія были поручены управленію Зарубина (Чики), наименованнаго въ Бердѣ *грабомъ Чернышевымъ*.

XI.

Прибытіе Зарубина (Чики) къ городу Уфѣ, его дѣятельность, наставленіе и инструкціи.—Занятіе Красноуфимска башкирцами.—Появленіе ихъ у города Кунгура.—Дѣятельность жителей по оборонѣ города.—Прибытіе въ Кунгуръ секунд-майора А. В. Попова съ отрядомъ и его энергическая дѣятельность.—Инструкція, составленная для жителей.—Пораженіе башкирцевъ на рѣкѣ Ирени и въ деревнѣ Кышкетѣ.—Воззваніе Ивана Кузнецова къ жителямъ Кунгура.—Происшествіе въ Челябинскѣ.—Возмущеніе городскихъ казаковъ.—Воззваніе атамана Грязнова къ жителямъ Челябинска.

Получивъ приказаніе принять начальство надъ войсками подѣ Уфой, Зарубинъ (Чика) взялъ себѣ въ помощники Илью Ульянова, 30 человекъ рабочихъ Воскресенскаго Твердышева завода и отправился съ ними по назначенію. Встрѣчая повсюду сочувствіе, онъ успѣлъ собрать по дорогѣ толпу въ 500 человекъ, и въ па-

¹⁾ Подписка, данная Ситниковымъ Батыркаю Иткину 30 декабря 1773 года, Госуд. Арх., VI, д. № 416.

чалъ декабря прибылъ въ селеніе Чесноковку. Помѣстясь въ домѣ священника Андрея Иванова, Зарубинъ тотчасъ же разослалъ манифестъ самозванца, приказалъ его читать въ церквахъ, приводить населеніе къ присягѣ на вѣрность императору Петру III, и требовалъ, чтобы жители собирались въ походъ съ каждаго двора по одному человѣку съ оружіемъ и безъ всякихъ отговорокъ. При этомъ онъ выдумалъ, будто «надлежитъ явившемуся по казанской дорогѣ, изъ уфимской стороны, войско съ двумя пушками истребить».

Населеніе быстро вооружалось, и въ короткое время самозванный *графъ Чернышевъ* располагалъ уже силами до 4,000 человѣкъ ¹⁾. Спустя нѣсколько дней силы эти почти утроились вслѣдствіе перехода на сторону самозванца рабочихъ со многихъ заводовъ, прослышавшихъ, что въ Бердѣ выдаются охранные листы, обезпечивающіе населеніе отъ грабежей башкирцевъ.

Узнавъ объ этомъ, рабочіе Саткинскаго завода тотчасъ отправили депутатовъ въ Берду за охраннымъ листомъ, и писали, что хотя они приготовились къ оборонѣ, но не «противъ его величества, а отъ набѣгу озорническихъ и башкирцевъ воровскихъ партій, которыя изъ заводскихъ жителей, выѣзжавшихъ за сѣномъ, уже много покололи безвинно, лошадей отогнали, и теперь за сѣномъ и прочими потребностями выѣхать съ завода не даютъ свободы» ²⁾.

Депутаты были встрѣчены на дорогѣ пугачевскою партіей въ 25 человѣкъ подъ начальствомъ Ивана Кузнецова, который вмѣстѣ съ ними отправился на Саткинскій заводъ, обѣщалъ населенію покровительство лже-императора, но ограбилъ домъ заводчика Лугинина, взялъ 10,000 рублей денегъ, 12 пушекъ, 250 ружей и 5 пудовъ пороха. Отсюда онъ прошелъ на Златоустовскій и Катавъ-Ивановскій заводы, былъ встрѣченъ крестьянами съ полною покорностью, взялъ 40 пушекъ и 90 пудовъ пороху.

¹⁾ Показаніе Зарубина (Чики). Показаніе священника Андрея Иванова 22 іюня 1775 года. Показаніе Ильи Ульянова въ августѣ 1774. Государственный Архивъ, VI, дѣла за №№ 416, 465 и 506.

²⁾ Прошеніе Саткинскаго завода отъ 6 декабря 1773 года, подписанное священниками и крестьянами. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней на сторону самозванца перешло болѣе 8,000 человѣкъ заводскихъ крестьянъ. Заботясь о томъ, чтобы не только ихъ удержать за собою, но и склонить на свою сторону остальное заводское населеніе, пугачевская военная коллегія предписала своему «графу Чернышеву» принять строгія мѣры къ прекращенію грабежей башкирцевъ и къ возвращенію награбленнаго хозяевамъ. «Да и впредь, писала коллегія ¹⁾, если такіе злодѣи, хотя изъ малаго чего окажутся, то, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ и не возя сюда (въ Берду), чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить другіе не отважились».

Зарубинъ (Чернышевъ) широко воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и въ послѣдствіи распоряжался самостоятельно, мало обращая вниманія на военную коллегію и на то, что происходило подъ Бердой.

Поселясь въ Чесноковкѣ, онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ Башкиріи и прилегающихъ къ ней провинцій, словомъ, хозяиномъ всего за-Камскаго края. Это былъ второй Пугачевъ, но болѣе умный, самостоятельный и энергичный. Въ Чесноковкѣ происходило безпрерывное пьянство, разгулъ и развратъ. Вино, деньги, хорошенькія молодыя женщины и дѣвушки привозились изъ окрестностей для удовлетворенія сладострастія самозваннаго графа и его приближенныхъ. Около дома Зарубина были поставлены двѣ висѣлицы, а подъ наметомъ изъ соломы хранились боевые заряды и орудія, доставленные мятежниками изъ разныхъ городовъ и укрѣпленій; тутъ же въ сараѣ хранились и награбленные вещи. Сначала Зарубинъ отправлялъ въ Берду каждые два дня донесенія съ конными башкирцами и отвѣты коллегіи приказывать читать публично на улицахъ. Съ теченіемъ времени донесенія эти перестали все рѣже и рѣже, Зарубинъ сталъ дѣйствовать болѣе самостоятельно и изъ Чесноковки сдѣлалъ вторую Берду: окружилъ себя свитой, назначалъ атамановъ и полковниковъ, дѣйствовавшихъ по его указаніямъ, производилъ въ чины, писалъ наставленія и

¹⁾ Въ указѣ Чернышеву (Зарубину) отъ 20 декабря 1773 года. Государственный Архивъ, VI, дѣла №№ 420 и 512.

инструкціи, принималъ просителей, творилъ судъ и расправу. Постановивъ правиломъ, чтобы въ каждомъ селеніи или заводѣ былъ выбранъ атаманъ или староста, Зарубинъ объявилъ ихъ отвѣтственными предъ собою, обязалъ смотрѣть за порядкомъ, содержать пикеты и заставы въ селеніяхъ и на главнѣйшихъ дорогахъ. Они должны были останавливать проѣзжавшихъ и всѣхъ подозрительныхъ отправлять въ Чесноковку ¹⁾).

«Надлежитъ вамъ, писалъ Зарубинъ выбраннымъ отъ Рождественскаго завода атаману Волкову и есаулу Завьялову ²⁾), свою команду содержать въ добромъ порядкѣ и ни до какихъ своевольствъ и грабительствъ не допускать, а ежели кто окажется его императорскому величеству противникомъ, а вамъ послушникомъ, таковыхъ по произволенію вашему наказывать на тѣлѣ, смотря по винѣ. Напротиву того и вамъ самихъ себя къ худому состоянію не подвергать и во всегдашнемъ времени его величества манифесты и указы должны чувствовать и непремѣнное исполненіе чинить, за что вы можете получить особливую себѣ похвалу. Командѣ своей никакихъ обидъ, налоговъ и разореній не чинить и ко взяткамъ не касаться, опасаясь за вашъ проступокъ неизбѣжной смертной казни. Притомъ стараніе прилагайте, по посылаемымъ отъ меня къ вамъ ордерамъ и прочимъ повелительнымъ отъ меня письмамъ исполненіе чинить въ немедленномъ времени, и гдѣ что видѣть можете интересу казенному какую трату, о томъ немедленно меня рапортуйте. Также, гдѣ окажутся его величеству злодѣйскія партіи, таковыхъ всемѣрно стараться съ командой своей ко всеконечному истребленію приводить и вѣрноподданныхъ сыновъ очеству защищать. Когда потребую изъ команды вашей въ службу его величества, то по тому требованію хорошихъ и добродѣтельныхъ и вооруженныхъ ребятъ въ немедленномъ времени отправлять ко мнѣ. А въ службу набирать подлежитъ таковыхъ, чтобы не были старше 50 и малолѣтнѣе 18 лѣтъ».

Приказывая производить наборы равномѣрно между жителями, Зарубинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы женамъ и вообще семей-

¹⁾ Повелѣніе Зарубина села Ильинскаго казаку Аѳанасію Носкову 10 января 1774 года. Государств. Архивъ. VI, д. № 422.

²⁾ Государств. Арх., VI, дѣло № 422.

ствамъ выступившихъ въ походъ былъ отпускаемъ провіантъ изъ казенныхъ или общественныхъ магазиновъ. Послѣдніе приказано было атаманамъ и старостамъ принять въ свое вѣдѣніе, по пороху, оружіе, снаряды и въ особенности деньги отправлять въ Чесноковку ¹⁾). Населеніе повиновалось безпрекословно, и скоро въ рукахъ Зарубина очутились весьма значительныя суммы, которыми онъ распоряжался безотчетно, жилъ широко и весело. «У онаго Чернышева, показывалъ священникъ Данило Ивановъ ²⁾), пробылъ я четыре дня и одинъ разъ обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ. Столъ содержитъ изобилный, потому что великое множество приходитъ къ нему жителей на поклонъ и всякій приносить какой-нибудь подарокъ: кто гуся, а кто поросенка; да и вина видѣлъ я у него бочекъ съ 200, и всѣ пьянствуютъ, но самъ Чернышевъ простаго вина не пьетъ, а пьетъ водку».

Въ числѣ приходившихъ на поклонъ былъ и воевода пригорода Осы, поручикъ Ф. Д. Пироговскій, привезшій въ Чесноковку мѣдную пушку, 10 пудовъ пороху и два воза мѣдныхъ денегъ. Зарубинъ принялъ подарки и въ благодарность приказалъ остричь Пироговскому волосы по-казачьи.

— Будь ты отнынѣ казакъ, сказалъ онъ,—а не воевода; полно тебѣ мірскую кровь-то сосать.

Пироговскаго приказано было поставить на квартиру съ простыми казаками, но потомъ Зарубинъ отпустилъ его въ Осу къ семейству и выдалъ билетъ для свободного проживанія ³⁾).

Поступая такимъ образомъ съ представителями правительственной власти, Зарубинъ (Чика) щадилъ духовенство, надѣясь имѣть чрезъ него вліяніе на населеніе. Призывая къ себѣ священниковъ, онъ приказывалъ имъ слѣдить въ своемъ приходѣ за тѣмъ, «чтобы не было противниковъ его императорскаго величества высокой власти, и ежели кто гдѣ сыщется, то такихъ всемѣрно стараться

¹⁾ Повелѣніе графа Ивана Никифоровича Чернышева, села Ильинскаго казаку Андрею Носкову 10 января 1774 года. Гос. Арх., VI, д. № 422.

²⁾ Показаніе священника Даниила Иванова 19 февраля 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 426.

³⁾ Показаніе поручика Пироговскаго. Показаніе священника Даниила Иванова. Государ. Арх., VI, д. № № 426 и 440.

увѣщевать, чтобы какъ можно отъ того отвратились. А когда чрезъ такое увѣщаніе они не отвратятся, то такихъ ловя представлять ко мнѣ немедленно, съ которыми поступлено будетъ въ силу указовъ немилостиво» ¹⁾).

Отпуская домой явившагося на поклонъ священника села Березовки, Данилу Иванова, Зарубинъ приказалъ ему приводить къ присягѣ и покорности къ государю все окрестное населеніе.

Прибывъ въ Сарапулъ, Ивановъ собралъ сходку, на которой рѣшено было присягнуть императору. Ивановъ отправился по окрестнымъ селамъ, встрѣтилъ всюду полное сочувствіе къ своей дѣятельности, за исключеніемъ Ижевскаго завода, населеніе котораго отказалось признать власть самозванца. Тогда, по распоряженію Зарубина (Чики), 1 января явилась на заводъ партія мятежниковъ въ 300 человекъ подъ начальствомъ Кудашева, овладѣла конторой, разграбила казенные дома и чего нельзя было увезти съ собою, то разбила и уничтожила. Отобравъ у солдатъ ружья, Кудашевъ взялъ съ собою до ста человекъ, записанныхъ въ казаки, и 9 тысячъ рублей, которые и отослалъ въ Чесноковку ²⁾). «Прочимъ же мастеровымъ и работнымъ людямъ», доносилъ коллежскій совѣтникъ Венцель генералу Бибикову ³⁾), «дозволено отлучаться кто куда хочетъ и даваны имъ отъ тѣхъ старшинъ билеты, съ которыми немалое число въ жительства свои и разѣхались. Бывшіе же при заводѣ въ работахъ крестьяне также тою же злодѣйскою толпой распущены, почему никакихъ при заводѣ работъ не производится и заводъ не дѣйствуетъ».

Почти одновременно съ занятіемъ Ижевскаго завода, значительная толпа башкирцевъ, подъ начальствомъ Канзафара Усаева и Салавата Юлаева, подошла къ Красноуфимску, находившемуся въ 90 верстахъ отъ Кунгура. Воевода, поручикъ Никифоръ Бахматовъ, опасаясь быть повѣшеннымъ, вошелъ въ соглашеніе съ

¹⁾ Наставленіе Зарубина Сарапульскаго заказа села Березовки священнику Данилѣ Иванову, отъ 3 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 426.

²⁾ Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась росписка Зарубина въ полученіи этихъ денегъ отъ надзирателя Ижевскаго завода Губанова и его помощника Киселева.

³⁾ Рапортъ главнаго командира Гороблагодатскихъ и Камскихъ заводовъ Венцеля, отъ 16 января. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

канцеляристомъ Петромъ Лутыхинымъ и рѣшили не противиться башкирцамъ. Они отобрали подъ разными предлогами у казаковъ ружья, сняли караулы и стали ожидать прибытія мятежниковъ. Канзафаръ Усаевъ и Салаватъ Юлаевъ безпрепятственно заняли Красноуфимскъ, забрали казну и отправили ее подъ Оренбургъ, а захваченныя пушки оставили при себѣ ¹⁾).

Безпрепятственное занятіе мятежниками Красноуфимска навело Зарубина на мысль организовать дѣйствія болѣе правильнымъ образомъ и занять два наиболѣе важные пункта: Кунгуръ, главный городъ Пермской провинціи, и Челябинскъ, центральный пунктъ Исетской провинціи ²⁾). Наименовавъ табынскаго казака Ивана Кузнецова *главнымъ руссiйскаго и азiятскаго войска предводителемъ*, Зарубинъ отправилъ его изъ Чесноковки для принятія начальства надъ всѣми толпами башкирцевъ, группировавшимися вокругъ Красноуфимска, а атаману Грязнову поручилъ соединить подъ своимъ начальствомъ заводскихъ крестьянъ въ Исетской провинціи и занять городъ Челябинскъ.

Прибывъ въ Красноуфимскъ, Иванъ Кузнецовъ узналъ, что Салаватъ Юлаевъ и Канзафаръ Усаевъ отправили двѣ партіи подъ начальствомъ пожалованныхъ полковниковъ: Батыркая ³⁾ къ Кунгуру и Бѣлобородова ⁴⁾—къ Екатеринбургъ.

Въ концѣ декабря (31 числа) Батыркай занялъ селенія Тихвинское, Старопосадское и острожекъ Степановскій, находившіеся въ 15—20 верстахъ отъ Кунгура, покинутого властями. Въ ночь на

¹⁾ Показаніе казака Дупленкова, представленное пермскою канцеляріей Бибинову 19 февраля 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Исетскую провинцію составляли Зауральская Башкирія и дистрикты (уѣзды): Исетскій (Челябинскій тоже), Шадринскій, Окуневскій и Куртамышскій.

³⁾ Въ *Пермскомъ Сборникѣ* (1860 года, кн., II, стр. 13) Батыркай наименованъ Ишкиневымъ, а въ допросахъ онъ именуется Ишкинымъ.

⁴⁾ Иванъ Наумовъ Бѣлобродовъ происходилъ изъ крестьянъ села Мѣдянки, приписаннаго къ мѣди-плавильному заводу Осокина, находившемуся въ Кунгурскомъ уѣздѣ. Въ 1759 году Бѣлобродовъ былъ сданъ въ солдаты, служилъ сначала въ Выборгскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ, а потомъ на Охтенскомъ пороховомъ заводѣ близъ Петербурга. Не желая служить, «началъ притворно хромать правою ногой», отправился въ лазаретъ и лежалъ въ немъ полгода. Уволенный въ 1766 году въ отставку по болѣзни на собственное пропитаніе, Бѣлобродовъ женился и поселился въ селѣ Богородскомъ, Кунгурскаго уѣзда, гдѣ торговалъ медомъ и другими товарами.

23 декабря воевода Миллеръ, а въ ночь на 27 число и всѣ члены пермской провинціальной канцеляріи, «миновавъ учрежденные караулы, обходными дорогами скрылись изъ города» и бѣжали въ Чусовскіе городки. Въ управленіе городомъ вступилъ кунгурскій магистратъ ¹⁾, и при содѣйствіи купечества сталъ принимать мѣры къ оборонѣ, прося въ то же время помощи у Башмакова съ Юговскаго завода и у полковника Василія Бибикова изъ Екатеринбургъ ²⁾.

Наличныя средства обороны города состояли изъ восьми орудій, съ весьма ограниченнымъ запасомъ пороха и снарядовъ. Подъ руководствомъ двухъ братьевъ Хлѣбниковыхъ, Емельяна и Пантелеймона, сыновей президента кунгурскаго магистрата, жители приступили къ устройству батарей, на которыхъ были разставлены городскія пушки. Для стрѣльбы изъ нихъ были собраны отставные канониры, а молодые посадскіе «обряжены» конными гусарами и назначены для содержанія разъѣздовъ вокругъ города ³⁾. Башмаковъ, вмѣсто помощи войсками, прислалъ горнаго офицера Алексѣя Солонопекова съ порученіемъ вывести изъ Кунгура всѣхъ колодниковъ на Кушвинскій заводъ, что и было исполнено. Избавившись такимъ образомъ отъ вреднаго элемента, жители все-таки принуждены были разсчитывать на собственныя силы и съ большимъ страхомъ ожидали появленія мятежниковъ.

Между тѣмъ Батыркай, послѣ двухдневныхъ грабежей и полойки, призвалъ къ себѣ священника Аѳанасія Колесникова и приказалъ ему отнести въ Кунгуръ сочиненный имъ же отъ имени Пугачева манифестъ и письмо протопопу Благовѣщенскаго собора Іоанну Пантелеймонову. Манифестъ состоялъ изъ набора словъ безъ всякаго смысла ⁴⁾, а въ письмѣ Батыркай говорилъ, что,

¹⁾ Рапортъ кунгурскаго магистрата Бибикову, 14 марта 1774 г., № 208. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

²⁾ *Пермскій Сборникъ*, 1860 года, кн. II, отд. I, стр. 10.

³⁾ Рапортъ кунгурскаго магистрата казанскому губернатору. Тамъ же, стр. 13.

⁴⁾ Въ заголовкѣ его было написано: «Великимъ Богомъ моимъ на семь свѣтѣхъ я, великій государь императоръ Петръ Θεодоровичъ, изъ потерянныхъ объявился, своими ногами всю землю исходитъ. Божіею милостію, мы, великій государь Петръ Θεодоровичъ, самодержецъ вѣрнопопданнымъ рабамъ всякаго званія и чину. Я подлинный императоръ Петръ Θεодоровичъ государь, своимъ языкомъ именной указъ на всю Россію публичую, кто моего указу не слушаетъ и проч., и проч., и проч.»

имѣя приказаніе «привести въ тишину вѣрноподанныхъ какъ священнаго сана, такъ и прочихъ сановъ», онъ желаетъ знать: «съ честію ли меня, полководца, изволите встрѣтить или съ суровостію противиться будете».

Подойдя ночью 3 января къ пикету у Алексѣевской башни, Колесниковъ заявилъ капитану Бутримовичу, что присланъ отъ войскъ императора Петра Ѳеодоровича спросить гражданъ, будутъ ли они сопротивляться, или пришлютъ отъ себя уполномоченныхъ для заключенія договора о сдачѣ города ¹⁾). Священникъ Колесниковъ и два сопровождавшіе его мужика были арестованы, а принесенные ими манифестъ и письмо оставлены въ тайнѣ, чтобы не взволновать народъ и не привести въ отчаяніе людей робкихъ. Городскіе караулы были усилены, и обывателямъ строжайше подтверждено, чтобы они поступали по совѣсти, присягъ и, не щадя живота своего, дѣйствовали «безо всякой робости и трусости».

На слѣдующій день, 4 января, прибылъ изъ Екатеринбурга присланный полковникомъ Василиемъ Вибиковымъ подпоручикъ Посоховъ съ двумя орудіями, пятью пудами пороха и 100 человекъ казаковъ. Жители ободрились, и когда въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни, Батыркай подошелъ къ Кунгуру, то былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ орудій и принужденъ отступить. Подпоручикъ Посоховъ преслѣдовалъ мятежниковъ со своими казаками и небольшимъ числомъ городскихъ казаковъ, но попалъ на засаду, былъ убитъ, а бывшіе съ нимъ казаки стали отступать. Оправившись отъ погони, башкирцы снова подошли къ городу, но выстрѣлами съ передовыхъ пикетовъ были остановлены и въ сумерки скрылись изъ вида. Въ 11 часовъ утра 5 января мятежники повторили нападеніе, но также безуспѣшно, и тогда, окруживъ городъ почти со всѣхъ сторонъ, они расположились въ ближайшихъ деревняхъ. Защитники Кунгура просили казанскаго губернатора прислать имъ помощь, такъ какъ собраннымъ въ го-

¹⁾ Рапортъ капитана Бутримовича пермской провіціальной канцеляріи 4 января 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII. Въ *Пермскомъ Сборникѣ* (1860 г., кн. II) сказано, что Батыркай отправилъ въ Кунгуръ священниковъ: Ѳедора Иванова и Ивана Лукина, но откуда взято это свѣдѣніе—неизвѣстно.

родѣ коннымъ казакамъ и крестьянамъ «фуража провезти уже не можно» ¹⁾).

Въ это время совершенно неожиданно для жителей прибылъ въ Кунгуръ казанскаго гарнизоннаго баталіона секундъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Поповъ со своимъ отрядомъ. Находясь еще прежде въ Кунгурѣ для приѣма рекрутъ и не предвидя никакой опасности городу, маіоръ Поповъ въ концѣ декабря выступилъ съ новобранцами въ Казань. По прибытіи въ селеніе Верхніе Муллы, онъ узналъ объ опасности, угрожающей Кунгuru и о бѣгствѣ изъ него властей. Поручивъ капитану Рылеву вести рекрутъ въ Казань, маіоръ Поповъ оставилъ при себѣ 12 человѣкъ старыхъ солдатъ, 386 человѣкъ новобранцевъ, и съ ними рѣшился возвратиться въ Кунгуръ и организовать тамъ оборону.

«По прибытіи команды въ с. Верхніе Муллы, писалъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ воеводѣ Миллеру ²⁾), извѣстно стало чрезъ вѣрную руку, что вы, воевода, выѣхавъ безо всякаго дозволенія изъ Кунгура, находитесь въ Чусовскихъ городкахъ, оставивъ городъ, канцелярію и казну на явное расхищеніе злодѣйской толпы, о коей совсѣмъ нѣтъ вѣроятнаго слуха, въ какихъ силахъ она находясь къ Кунгuru приближается, а только разсѣяны одни отъ ихъ единомышленниковъ, для устрашенія робкихъ сердецъ, пустые слухи.

«Помянутая команда, благополучно прибывъ въ Муллы, имѣетъ пребыть для распоряженія о дальнѣйшихъ ея движеніяхъ, а притомъ требуетъ, чтобы вы, воевода, или въ Кунгуръ возвратились, или сюда (въ Верхніе Муллы) прибыли, ради общаго совѣта о недопущеніи злодѣевъ къ пушечному нападенію на вѣренную вамъ провинцію. Въ случаѣ отбытельства (отсутствія) вы можете противъ нарушенія присяги отвѣтствовать, а къ командѣ на сіе письмо сообщить».

На это Миллеръ отвѣчалъ Попову ³⁾): «Сообщеніе ваше отъ

¹⁾ Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи Брандту отъ 6 января 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Письмо Попова воеводѣ Миллеру отъ 29 декабря 1773 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

³⁾ Въ сообщеніи отъ 30 декабря 1773 г. «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ Пугачевскому бунту въ предѣлахъ Пермской губерніи» Василія Шипонко.—Рукопись Императорскаго русскаго историческаго общества.

29 декабря сего 1773 года, о прибытіи къ вамъ на Муллы, или чтобъ я возвратился въ Кунгуръ и о прочемъ, 30 числа декабря мною получено.—На которое вамъ чрезъ сіе отвѣтствую, что я изъ Кунгура въ Чусовскіе городки отбылъ по справедливому извѣстію о непріятельской толпѣ, которая состояла отъ г. Кунгура въ ближнемъ разстояніи и имѣла намѣреніе на 27 число дѣйствительно въ Кунгуръ войти и меня захватить, почему я для нѣкоторой *предосторожности города и казны распоряженія* и отбылъ.—Откуда по учиненіи онаго обратно и намѣренъ я въ скорости ѣхать въ г. Кунгуръ къ своей командѣ, а не на Муллы.—А что же вы пишете, что я, якобы оставилъ городъ, канцелярію, казну и проч. на расхищеніе злодѣямъ, то несправедливо, ибо та непріятельская толпа находилась въ близости Кунгура въ 700 человекъ и имѣла намѣреніе въ городъ войти на 27 число и хотѣли меня захватить. Да и вы, г. майоръ, съ отбытія вашего изъ Кунгура, съ 25 декабря по сіе время находитесь съ командою на Муллахъ и для какихъ законныхъ обстоятельствъ, того я понять не могу, а единственно рекомендую, чтобы вы изволили рекрутскую (партію) вести въ повелѣнное мѣсто и съ крайнею предосторожностію отъ злодѣйской толпы и такъ точно, какъ въ данномъ вамъ отъ пермской провинціальной канцеляріи наставленіи предписано».

Не считая себя подчиненнымъ воеводѣ и признавая поступокъ его неблаговиднымъ, Поповъ прямо высказалъ это въ письмѣ и укорилъ бѣглеца въ трусости. «Когда, писалъ онъ Миллеру ¹⁾, намѣревающаяся злодѣйская толпа на 27 число хотѣла въ Кунгуръ зайти и васъ, г. воеводу, захватить, то вамъ для нѣкоторой предосторожности города и казны распоряженія въ Чусовскіе городки совсѣмъ въ глухую сторону и гдѣ къ отпору противъ злодѣевъ силъ весьма трудно собрать, и уѣзжать было не надобно; а лучше бы ѣхать сюда въ Муллы, гдѣ человекъ до 400 господъ помѣщиковъ, здѣшнихъ селеній людей съ оружіемъ единодушно защищать себя въ мѣсто сіе собрались; а и того бы способнѣе проѣхать вамъ къ коллежскому ассесору Башмакову и съ нимъ посоветовать, который не только не колеблется страхомъ, но еще

¹⁾ Письмо Попова Миллеру отъ 31 декабря 1773 г. Рукопись В. Шишонко.

сюда вѣчоръ прислалъ сто человѣкъ на общее сопротивленіе злодѣямъ, что вчерашняго числа отъ нихъ уже и произошло проѣздомъ, (разъѣздомъ?) состоящимъ въ 50 человѣкахъ, кои по моему приговору здѣшнихъ управителей конницею изъ здѣшнихъ жителей встрѣчены, а я самъ, взявъ баталіонныхъ штатныхъ солдатъ, да и жителей пѣшихъ же съ ружьями, ходилъ тѣхъ подрѣплять. Оныя злодѣи разбиты и прогнаны, а на мѣстѣ убитъ одинъ татаринъ да русскихъ: одинъ тяжело, а другой легко раненыхъ взяты сюда и приведены.

«Здѣсь же я нахожусь по сіе время вотъ для чего: по немалому числу рекрутъ и по малости конвойныхъ, коими долженъ первыхъ по квартирамъ разставлять и собирать, подводы доставлять, имѣть притомъ предосторожность и развѣдывать о злодѣѣ. Сдѣлалъ я отъ Кунгура до сихъ мѣстъ пять маршей безъ роздыховъ, потому что у рекрутъ съ собою хлѣба нѣтъ, по причинѣ неотпуска отъ васъ въ натурѣ провіанта; вчерась по закону сдѣлалъ роздыхъ, а нынѣ разсмотря, гдѣ не такъ опасенъ отъ злодѣевъ путь и мѣры принять не упущу, потому что злодѣй находится отсюда въ 15 верстахъ на казанской дорогѣ, по объявленію выше показанныхъ раненыхъ, на коихъ объявленіе можно больше положиться, нежели на посторонніе слухи. Слѣдовательно, теперь должно мнѣ свою диспозицію имѣть, какимъ образомъ поступить въ сохраненіи рекрутъ отъ злодѣевъ. А чтобъ я велъ рекрутскую команду въ повелѣнное мѣсто такъ точно, какъ вы, г. воевода, изъ канцеляріи мнѣ наставленіе, дали—оно не наставленіе, а сообщеніе мнѣ было, въ коемъ вы весьма много увѣряли о злодѣйскихъ на Кунгуръ покушеніяхъ и совѣтовали рекрутъ вывести, не вида дальней опасности, то и не должно мнѣ считать сіе наставленіемъ. Для сихъ причинъ: 1) отъ моей команды (начальства) не предписано, чтобы мнѣ состоять подъ повелѣніемъ вашимъ, а 2) что его высокопревосходительство генералъ-аншефъ, Казанской губерніи губернаторъ Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брандтъ, на представленіе ваше не апробовалъ мнѣ со всѣми рекрутами идти, разсмотря напередъ сколь неудобно такое число людей въ маршѣ зимнимъ путемъ всякими выгодами снабдить, а указалъ по 300 человѣкъ отправлять при вашихъ офицерахъ, а о достальныхъ ожидать повелѣнія. Потому-то я теперь

его высокопревосходительства повелѣніе къ отправленію учиню съ капитаномъ Рылѣвымъ, съ штатными и отставными солдатами, а самъ здѣсь съ достальными находится имѣю. — Вы же, г. воевода, благоволите прислать ко мнѣ офицера, дабы я, какъ скоро изъ дер. Зинцовъ конвойные солдаты сюда возвратятся, съ опыми могъ бы отправить другихъ 300 человекъ, какъ его высокопревосходительство въ учрежденіи своемъ предписать изволилъ».

Отговариваясь тѣмъ, что уѣхалъ изъ Кунгура для поощренія крестьянъ сопротивляться мятежникамъ, и для собранія вооруженныхъ жителей для защиты города, воевода Миллеръ счелъ лучшимъ отправиться въ отрядъ Попова, а въ Кунгуръ послалъ изъ Чусовскихъ городковъ 300 человекъ наскоро набранныхъ и вооруженныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ присоединившись къ отряду, воевода Миллеръ 6 января прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кунгуръ. Маіоръ Поповъ тотчасъ принялъ самыя энергическія мѣры къ оборонѣ, раздѣлилъ городъ на участки и поручилъ ихъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ возвратившемуся воеводскому товарищу, прокурору Попову, горнаго вѣдомства капитану Попову, президенту отъ купечества, бургомистрамъ и ратманамъ.

«Воеводѣ же Миллеру, писалъ секундъ-маіоръ Поповъ въ составленной имъ инструкціи¹⁾, какъ градодержателю, не опредѣляя себѣ нигдѣ поста, раздавать всѣмъ вышеписаннымъ особамъ, чрезъ капитана Буткевича, приказанія. Для чего онымъ (начальникамъ дистанцій) долженствуетъ ему, воеводѣ, во всемъ безропотно повиноваться, *черезъ что узломъ сего послушанія* всѣ здѣшніе и собранные изъ селеній обыватели къ общей всѣхъ пользѣ твердо и надежно будутъ стоять и противляться атакующимъ городъ злодѣямъ».

Не ограничиваясь этимъ, Поповъ приказалъ прочесть всѣмъ жителямъ города, «не исключая ни одной души и при молебномъ Господа Бога прошеніи», обыкновенную присягу, манифестъ и указъ императрицы и увѣщаніе, присланное преосвященнымъ Веніаминѣмъ.

¹⁾ Отъ 6 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

«Чтожь до меня принадлежить, писалъ онъ всѣмъ городскимъ властямъ и управленіямъ, то всѣхъ услужно прошу отпустить мнѣ годныхъ ружей съ припасами, сколько за раздачею найдется, коими я снабдя умѣющихъ въ командѣ моей рекрутъ стрѣлять, опредѣляю себя къ наиважнѣйшему посту, на который, по положенію мѣста, больше чаять надобно неспрїятельскаго стремленія. Сверхъ того, стану и прочихъ рекрутъ обучать, по скорости времени и частымъ тревогамъ, хотя только заряжать ружье, дабы ежли еще гдѣ порожнія ружья найдутся, всѣ оными въ отпоръ дѣйствовать могли.

«Воевода, какъ хозяинъ и первое занимаетъ въ провинціи и городѣ мѣсто, благоволитъ приказать чрезъ полицію, чтобы во всемъ городѣ была тишина. Шумъ, пѣсни, а особливо по ночамъ должны быть прекращены и не только по бекетамъ и вокругъ города, но и вездѣ внутри города по улицамъ, посылать дозоры, чтобъ праздно въ ночи никто не шатался, а всего лучше, если заблагоразсуждено будетъ, къ общественной пользѣ и всѣхъ цѣлости, питейнымъ домамъ продажу вина и другихъ напитковъ запретить.

«Какъ отъ обошедшихъ почти вокругъ города злодѣевъ частыя бывають тревоги и изъ оныхъ иногда по одному только бекету и то малое число единственно для высматриванія подъѣзжаютъ, а во всемъ городѣ великое отъ того происходитъ смятеніе и безпокойство, то во избѣжаніе такихъ колебаній, ежли разсудитсѣя, поступать такимъ образомъ: когда противъ котораго бекета злодѣи стануть показываться, то командиръ, изготовясь оружіемъ къ принятію, ту же самую минуту даетъ знать воеводѣ, который, чтобъ одни только вокругъ города бекеты изготовились, приказываетъ ударить въ большой колоколъ нѣсколько разъ. Ежели бы на два или больше бекета подъѣздъ показываться началъ и отъ тѣхъ бекетовъ дойдутъ до него извѣстія, тогда бить въ набать на всѣхъ колокольныххъ, почему къ приумноженію силъ на всѣхъ постахъ съ крайнимъ поспѣшеніемъ назначенные бѣгутъ со своимъ изъ домовъ и квартиръ оружіемъ. А что касается по ночамъ, то какъ за темнотой увидѣть не можно, на одинъ ли только бекетъ стремленіе происходитъ, то по полученному съ перваго бекета извѣстію о приближеніи злодѣйскомъ, по мнѣнію моему, должно уже повсюду въ набать ударить.

«Когда злодѣевъ вокругъ города видно не будетъ, то вышеписанные командиры могутъ въ своихъ квартирахъ находиться, осматривая однако въ день почасти въ точной ли готовности его подчиненные люди находятся и все ли у нихъ оружіе въ исправности состоитъ, *а къ ночи, хотя бы и не было тревоги, неотходно быть при своихъ мѣстахъ и тамъ ночевать.* А если кто отъ своего поста при тревогѣ умышленно отлучится, тотъ сочтенъ будетъ ея императорскаго величества *измѣнникомъ и недостойнымъ тѣмъ называться чѣмъ онъ теперь есть,* какъ и за то, если, ища покоя и страшась смерти, скажется при нынѣшнемъ случаѣ больнымъ.

«Впрочемъ, объявля мое мнѣніе, что еще съ совѣта къ лучшему признано будетъ, *я на всѣ труды и опасности усердно себя полагаю.*»

Эта энергическая и обстоятельная инструкція сразу подчинила Попову все населеніе города; жители смотрѣли на него, какъ на своего избавителя и преслѣдователя тѣхъ, которые пожелали бы уклониться отъ общаго дѣла. Обыватели повиновались ему безпрекословно и при первомъ появленіи непріятеля выказали полную энергію.

Въ первомъ часу пополудни 9 января мятежники стали подходить къ Кунгуру по тремъ дорогамъ: изъ Осы, Казани и по сибирской дорогѣ, со стороны Екатеринбурга. Изъ толпы, слѣдовавшей по осинской дорогѣ, выѣхало впередъ нѣсколько чело-вѣкъ башкирцевъ, которые кричали по-русски и требовали сдачи города.

— На что вы насъ и себя мучите, кричали они, — мы хотимъ быть съ вами въ мирѣ, только вышлите къ нашему полковнику вашего воеводу и другихъ начальниковъ, а сами городъ сдайте. Мы васъ ничѣмъ не тронемъ.

Въ отвѣтъ на это послѣдовали выстрѣлы изъ орудій. Мятежники подались назадъ, но остановились почти около города. Тогда майоръ Поповъ съ 12 чело-вѣками солдатъ казанскаго баталіона, 30 рекрутами, съ 60 пѣшими и 100 чело-вѣками конныхъ обывателей и съ однимъ орудіемъ произвелъ вылазку и смѣло ата-

коваль непріятеля. Башкирцы разбѣжались, и Поповъ возвратился въ городъ безъ всякаго урона ¹⁾.

Черезъ день, 11 января, секундъ-маіоръ Поповъ рѣшился самъ перейти въ наступленіе или, по крайней мѣрѣ, нанести мятежникамъ серьезное пораженіе въ полѣ. Не ослабляя обороны города, онъ собралъ сколько можно было солдатъ, рекрутъ, обывателей, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ; взявъ съ собою два орудія, онъ вышелъ въ 10 часовъ утра изъ Кунгура, и отойдя три версты, остановился близъ рѣчки Ирени. Расположивъ пѣхоту въ одну линію и въ три шеренги, причемъ задняя была вооружена однѣми длинными пиками, Поповъ прикрылъ фланги съ правой стороны небольшимъ перелѣскомъ, а съ лѣвой буеракомъ, идущимъ отъ рѣки Ирени. Поставивъ конницу за флангами пѣхоты и заманивая башкирцевъ атаковать себя, онъ устроилъ нѣсколько засадъ: въ глубокой лощинѣ, противъ середины лѣваго фланга положилъ 12 человекъ солдатъ, а за стогомъ сѣна, находившимся противъ праваго фланга, помѣстилъ до 20 стрѣлковъ.

Непріятель не заставилъ себя долго ждать, и толпа башкирцевъ, числомъ до 500 человекъ, съ восемью разноцвѣтными значками и неистовымъ крикомъ бросилась на малочисленный отрядъ Попова. Будучи вооружены по преимуществу стрѣлами и копьями, башкирцы не могли состязаться съ регулярнымъ войскомъ. Проскакавъ засады, они были приняты въ два огня, съ фронта и съ тыла, стрѣлками. Нѣсколькихъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы произвести замѣшательство въ нестройной толпѣ, и лишь только Поповъ перешелъ въ наступленіе, какъ непріятель разсыпался въ разныя стороны ²⁾. Глубокій снѣгъ не допускалъ продолжительнаго преслѣдованія, тѣмъ болѣе бесполезнаго, что нагнать коннаго непріятеля было трудно, а пѣшіе башкирцы уходили на лыжахъ. Непріятель оставилъ на полѣ сраженія 15 человекъ убитыми, одно

¹⁾ Рапортъ секундъ-маіора Попова военной коллегіи, отъ 10 января 1774 года. Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. III. Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи Брандту, отъ 10 января. Тамъ же, кн. VI.

²⁾ Рапортъ маіора Попова военной коллегіи, отъ 12 января 1774 г. Моск. Арх. Главн. Шт., опись 47, кн. III. Журналъ прокурора Филиппа Попова: «Какимъ образомъ сего 1774 года злодѣйская башкирская и прочихъ народовъ толпа дѣлала на городъ Кунгуръ нападеніе». Арх. Каб. Е. И. В.

знамя, мѣдный барабанъ и 30 лошадей. Съ этими трофеями секундъ-маіоръ Поповъ возвратился въ Кунгуръ, имѣя въ отрядѣ только трехъ легко раненыхъ.

Первый успѣхъ этотъ на столько ободрилъ жителей, что Поповъ рѣшился предоставить городъ собственной защитѣ и съ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 92 нижнихъ чиновъ, нѣсколькихъ обывателей и двухъ орудій, двинулся противъ мятежниковъ, собравшихся въ 20 верстахъ отъ города въ деревняхъ Кишертѣ и Усть-Кишерть.

Выступивъ въ 7 часовъ утра, 15 января, и двигаясь нѣсколько кружнымъ путемъ, Поповъ, незамѣченный, зашелъ въ тылъ инсургентамъ и утромъ слѣдующаго дня атаковалъ селеніе Усть-Кишертъ, въ которомъ находилось до 400 башкирцевъ и около 200 сибирскихъ и другихъ казаковъ. Застигнутый врасплохъ, непріятель оказалъ весьма малое сопротивленіе и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ орудій разсыпался въ разныя стороны, потерявъ до 40 человѣкъ убитыми, много ранеными и 161 человѣкъ плѣнными. Мятежники бросили въ селеніи пять чугунныхъ пушекъ, много пороха, ядеръ и гранатъ. Поповъ преслѣдовалъ ихъ по кустарникамъ лыжниками, а по дорогѣ конницей, но какъ отрядъ его состоялъ изъ людей неопытныхъ, то преслѣдованіе и не могло быть особенно энергично.

«Мнѣ одному, доносилъ онъ, не имѣвъ при себѣ изъ офицеровъ помощника, распорядить и всюду поспѣвать весьма было неудобно» ¹⁾. Большая часть его команды состояла изъ рекрутъ и обывателей, которые не имѣли «смѣлства, что всего надобнѣе, и по непривычкѣ къ заряданію ружья и по неготовности патроновъ къ узкоствольному ружью не могли производить желаемого успѣха». Поповъ, по его словамъ, принужденъ былъ часто оставлять пѣхоту и пушки назади и слѣдовать съ конницей *«стыдитъ въ несмѣлствѣ и угрожать съ ласкою, напоминая присягу»*.

Пройдя нѣсколько верстъ по слѣдамъ бѣжавшихъ мятежниковъ и забравъ съ собою всѣ трофеи и плѣнныхъ, Поповъ повернулъ къ городу Кунгуру, куда и прибылъ 17 января.

¹⁾ Рапортъ секундъ-маіора Попова казанскому оберъ-коменданту Лецкому, 18 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Энергическія дѣйствія Попова заставили предводителей башкирскихъ партій во что бы то ни стало захватить въ свои руки храбраго маіора, и они рѣшились ударить совокупными силами на городъ Кунгуръ.

Къ 19 января, въ селеніи Старомъ-Посадѣ, собрались со своими толпами: Салаватъ Юлаевъ ¹⁾, Канзафаръ Усаевъ, красноуфимскій канцеляристъ Петръ Лутохинъ, бывшій красноуфимскій писарь, а теперь атаманъ Михаилъ Мальцевъ и другіе. Они положили отправить въ Кунгуръ увѣщаніе, въ которомъ писали ²⁾, будто бы городъ Уфа уже взятъ главнымъ предводителемъ Иваномъ Никифоровичемъ Чернышевымъ (Зарубинымъ), Красноуфимскъ добровольно покорился, всѣ заводы, села и деревни, Сибирской губерніи крѣпости «*по приклоненіи взяты*», и что теперь со всею артиллеріей, найденною въ крѣпостяхъ, и болѣе чѣмъ съ 15 тысячъ человекъ идутъ они къ Кунгuru.

Салаватъ Юлаевъ и его товарищи высказывали удивленіе, что *главный къ бунту возмутитель и командиръ* Поповъ осмѣливается противиться и проливать кровь невинныхъ. Они требовали его выдачи, сдачи города, пушекъ, оружія, пороха и преклоненія знаменъ.

Въ 2 часа пополудни, 19 января, красноуфимскій казакъ Иванъ Дружининъ пріѣхалъ въ Кунгуръ и передалъ увѣщаніе въ провинціальную канцелярію. Послѣдняя, повѣривъ словамъ Салавата, что у него 15 тысячъ человекъ, въ тотъ же день, безъ вѣдома Попова, отправила посланнаго къ главнокомандующему съ просьбой прислать войска. Канцелярія доносила, что на собранныхъ для защиты крестьянъ она не надѣется, потому что «у многихъ въ той злодѣйской толпѣ находятся отцы, братья и другіе родственники, да оружія у нихъ только однѣ пики и дубины, порооху здѣсь налицо только одинъ пудъ, а свинца ничего нѣтъ» ³⁾.

¹⁾ Нѣкоторые свѣдѣнія о дѣятельности Салавата Юлаева, впрочемъ, во многомъ не вполне достовѣрныя, можно найти въ *Оренбургскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 4.

²⁾ Увѣщаніе отъ 19 января 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VI.

³⁾ Рапортъ пермской провинціальной канцеляріи А. И. Бибикову, отъ 19 января 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

Въ этотъ же самый день прибылъ въ селеніе Старый-Посадъ присланный Зарубинымъ казакъ Иванъ Кузнецовъ и принялъ общее начальство. Онъ составилъ и на слѣдующій день отправилъ новое воззваніе ко всѣмъ «начальствующимъ и настоятелямъ города Кунгура» ¹⁾. Кузнецовъ писалъ, что онъ не удивляется тому, что жители не вѣрятъ воззваніямъ башкирскихъ предводителей и публикуемымъ ими манифестамъ. Онъ говорилъ, что и самъ прежде не вѣрилъ въ появленіе императора Петра III, но теперь, когда самымъ видѣніемъ лица его величества удостоились довольно видѣть и при немъ вѣрноподданнически служить, «онъ не сомнѣвается въ его происхожденіи и увѣряетъ, что то есть истинный царь, *«изъ неизвѣстности на монархій престолъ восходящій»*».

Скорбя о грабежахъ и насиліяхъ, причиненныхъ башкирцами жителямъ, Кузнецовъ просилъ припомнить, «что народъ этотъ имѣетъ отмѣнные мысли» противъ русскихъ и увѣрялъ, что онъ присланъ для введенія среди ихъ порядка и устройства. Онъ говорилъ, что принялъ уже мѣры къ возстановленію церквей, разрушенныхъ и разоренныхъ башкирцами, и просилъ покориться, не оказывая сопротивленія.

Не получивъ никакого отвѣта, Кузнецовъ, въ 7 часовъ утра, 23 января, съ толпой до 2,000 человекъ, подошелъ къ Кунгuru и имѣя при себѣ семь пушекъ, открылъ изъ нихъ огонь. Изъ города хотя и отвѣчали на выстрѣлы, но рѣдко, за неимѣніемъ пороха. Ободренные башкирцы подвезли свои орудія почти на ружейный выстрѣлъ и окружили городъ со всѣхъ сторонъ. Офицеры ободряли защитниковъ, но съ малою надеждой на успѣхъ, «потому что подчиненные изъ обывателей, иные по непривычкѣ, а иные по боязливости прежде времени выходя изъ послушанія, прятались отъ свиста ядеръ по зауголью» ²⁾. Тѣмъ не менѣе, сознавая слабость своего вооруженія, состоящаго изъ пикъ и стрѣлъ, мятежники не рѣшались на штурмъ, а ограничивались новымъ требованіемъ связать и выдать имъ всѣхъ начальниковъ, а населенію выдти имъ на встрѣчу съ образами. Требованіе это не было

¹⁾ Увѣщаніе Кузнецова, отъ 20 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 512.

²⁾ Журналъ пермской провинціальной канцеляріи, представленный А. И. Бибинову 26 января 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

исполнено, и Кузнецовъ, прекративъ къ вечеру огонь, расположилъ свою толпу вокругъ города въ 3—4 верстахъ отъ него. Здѣсь онъ простоялъ нѣсколько дней безъ всякой дѣятельности, пока, какъ увидимъ ниже, не былъ разбитъ прибывшими въ Кунгуръ правительственными войсками.

Такую же неудачу испыталъ и другой сподвижникъ Зарубина, атаманъ Грязновъ, посланный къ Челябинску, вокругъ котораго еще съ половины декабря разъѣзжали башкирскія партіи отъ 300 до 150 человекъ.

Расположенный на рѣкѣ Міасѣ, Челябинскъ, построенный въ 1736 году, обнесенъ былъ кругомъ валомъ съ нѣсколькими башнями и деревяннымъ заплотомъ. Гарнизонъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, и потому воевода Исетской провинціи, статскій совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Вережкинъ, еще въ началѣ декабря приказалъ собрать 1,300 человекъ крестьянъ, которыхъ, назвавши «временнымъ казачествомъ», прислать въ Челябинскъ подъ команду выбранныхъ въ слободахъ отставныхъ солдатъ. Имъ приказано было вооружиться чѣмъ кто могъ и запастись продовольствіемъ на двѣ недѣли. Замѣчательно, что открывшіеся уже беспорядки не заставили мелкое начальство поудержаться отъ всякаго рода злоупотребленій. Люди назначались въ казачество несправедливо: одиночки, бѣдные, дряхлые и малолѣтки. Узнавъ объ этомъ, Вережкинъ, по совѣту секундъ-маіора Ивана Завороткова, приказалъ явиться въ Челябинскъ одному изъ семи человекъ здоровыхъ и не-малолѣтнихъ. Остальные шесть человекъ должны были снабдить седьмого пристойною одеждою, лошадью съ приборомъ, фуражомъ и провіантомъ и давать 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ жалованья, т.-е. по 25 коп. съ человека. Въ казаки приказано было брать только изъ семействъ «многорабочихъ, гдѣ 5 и 7 душъ, а изъ тѣхъ семействъ, гдѣ отъ 1 до 5 душъ не брать и не назначать, въ видахъ сохраненія ихъ хозяйствъ и домашнего быта...»¹⁾ Казаки собирались туго и приходили съ плохимъ вооруженіемъ, преимущественно съ кольями. Для усиленія защиты Вережкинъ сформировалъ роту изъ рекрутъ послѣдняго набора. Купечество также

¹⁾ Пермск. Сборн. 1859 г., кн. I, стр. 48.

вооружило нѣсколькихъ людей на свой счетъ, но всего этого было недостаточно въ виду многочисленности мятежниковъ.

«Крайне нужно, писалъ Верекинъ князю Вяземскому ¹⁾, прислать въ провинцію, какъ наивозможно скорѣе, изъ *господъ генералъ-майоровъ, на которомъ бы необходимо и лента была*. Ваше сіятельство довольно изволите знать здѣшній народъ, въ грубости и легкомысліи погруженный, а особливо казаковъ, которые отъ ихъ командировъ совсѣмъ избалованы и вольны и ни въ какую службу неспособны, а на всякое зло предпріимчивы. При всемъ томъ знатныхъ однихъ генераловъ, кои имѣютъ на себѣ орденъ, чтутъ и боятся».

Верекинъ писалъ о томъ же и сибирскому губернатору, просилъ присылки войскъ и присовокуплялъ, что почти вся Исетская провинція перешла на сторону самозванца. Генераль Чичеринъ, еще ранѣ полученія этого письма, отправилъ въ Челябинскъ, подъ начальствомъ подпоручика Ѳедота Пушкарева, роту тобольскаго баталіона и съ нею полевую артиллерію, для доставленія на Оренбургскую линію. Едва успѣла эта рота вступить въ городъ, какъ въ воскресенье, 5 января, по окончаніи заутрени, челябинскіе казаки, въ числѣ 200 человекъ, подъ предводительствомъ хорунжаго Наума Невзорова, бросились на орудія, стоявшія противъ воеводскаго дома и овладѣли ими. Разставивъ своихъ часовыхъ съ зажженными фитилями, Невзоровъ угрозой открыть по городу огонь намѣренъ былъ заставить жителей покориться. Но предводитель имъ толпа слишкомъ увлеклась успѣхомъ, и не оставивъ у пушекъ никакого прикрытія ворвалась въ домъ воеводы Верекина, захватила какъ его самого, такъ и всѣхъ у него жившихъ. Связавъ Верекину руки и ноги, казаки били его до полусмерти и разодравъ платье, почти полунагаго потащили за ноги и за волосы по улицѣ въ свою войсковую избу ²⁾. Тамъ связали его еще крѣпче, «такъ что и кожу съ рукъ и ногъ содрали», и били прикладами, пинками и кулаками. Полумертвому воеводѣ повидимому

¹⁾ Отъ 28 декабря 1773 года, изъ Челябинска.

²⁾ Такой же участи подверглись регистраторъ Колесниковъ и жившая у Верекина сестра бывшаго челябинскаго прокурора, Анна Алексѣевна Благово. Вдова прокурора Гуляева была избита, но оставлена въ домѣ Верекина.

не было спасенія, но явившійся на помощь подпоручикъ Пушкаревъ избавилъ Веревкина отъ мучительной смерти.

Услышавъ шумъ и крики, Пушкаревъ собралъ свою роту, отбилъ у мятежниковъ орудія, оставленные подъ охраной нѣсколькихъ человекъ часовыхъ, а затѣмъ проложилъ себѣ путь штыками къ войсковой избѣ и освободилъ Веревкина. Предводитель толпы, хорунжій Невзоровъ, бѣжалъ изъ города, часть жителей котораго была въ страхѣ, а другая въ волненіи ¹⁾.

На другой день были получены извѣстія, что находящіеся вокругъ города крѣпости: Чебаркульская и Коельская, слободы Верхнеуфимская и Кундравинская заняты мятежниками. Повсюду населеніе встрѣчало бунтовщиковъ съ радушіемъ, имѣя во главѣ духовенство. Всякая попытка отдѣльныхъ лицъ убѣдить населеніе сопротивляться мятежникамъ кончалась весьма печально для уговаривающихъ. Въ слободѣ Кундравинской, поручикъ Максимовъ былъ удушенъ за то, что уговаривалъ не сдаваться подходившей толпѣ ²⁾. Ворвавшись въ селеніе, бунтующая толпа прежде всего разбивала кабаки, захватывала деньги, уничтожала конторскія бумаги и заставляла населеніе присягать императору Петру III. Всѣ приставшіе къ мятежникамъ надѣвали черезъ правое плечо кусокъ бѣлаго полотна, а желавшіе остаться вѣрными правительству покидали свои дома, имущество и бѣжали въ Челябину. «Всѣ находящіеся въ Исетской провинціи заводскіе крестьяне, доносили товарищъ воеводы, коллежскій ассессоръ Свербѣевъ ³⁾, уже и послѣдніе дворянина Демидова Кыштымскаго и Каслинскаго заводовъ, отъ злодѣйскаго башкирскаго и казаковъ возмущенія извѣстному самозванцу отложились».

Такимъ образомъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ мятежниками, Челябинскъ могъ полагаться лишь на свою силу. Собранные для защиты крестьяне и казаки почти всѣ разбѣжались, и въ городѣ осталось кучество, рота рекрутъ и рота тоболь-

¹⁾ Рапортъ Веревкина Чичерину 5 января. Рапортъ Чичерина военной коллегіи 9 января. Показаніе посадскаго Петра Чебыкина 6 января. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. III и VI.

²⁾ Чтенія въ Общес. Исторіи, 1859 г., кн. I, смѣсь, стр. 22.

³⁾ Сибирскому губернатору Чичерину отъ 7 января. Тамъ же, ч. VI.

скаго баталіона, состоявшая изъ трехсотъ недавно обученныхъ рекрутъ. Командиръ этой роты, подпоручикъ Пушкаревъ, принялъ мѣры къ защитѣ: разставилъ вокругъ города пикеты и на важнѣйшихъ пунктахъ небольшія команды.

Между тѣмъ, бѣжавшій изъ Челябинска хорунжій Невзоровъ собралъ въ подгородныхъ деревняхъ 160 человѣкъ, и въ ночь на 7 января подошелъ съ ними къ Челябинску. Онъ требовалъ, чтобы жители не противясь впустили его въ городъ и увѣрялъ, что государева сила въ 40 тысячъ человѣкъ подходитъ къ Челябинску, и всѣ противящіеся будутъ преданы жестокому мученію. Получивъ отказъ, Невзоровъ отправился въ Кундравинскую слободу ко вступившему уже въ командованіе башкирцами атаману Грязнову и вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ городу.

Остановясь въ деревнѣ Маткиной, въ двухъ верстахъ отъ Челябинска, Грязновъ 8 января прислалъ два воззванія: одно на имя товарища воеводы Василія Ивановича Свербѣева, а другое жителямъ и всякаго званія людямъ.

«Я въ удивленіе прихожу, писалъ Грязновъ Свербѣеву, что такъ напрасно закоснѣли сердца человѣческія и не приходятъ въ чувство, а паче не иное чтѣ какъ дѣлаютъ разореніе православнымъ христіанамъ и проливаютъ кровь неповинно, а паче называютъ премилосердаго государя и отца отечества великаго императора Петра Ѳеодоровича бродягою, донскимъ казакомъ Пугачевымъ; вы же думаете, что одна Исетская провинція имѣетъ въ себѣ разумъ, а прочихъ почитая за ничто или словомъ сказать за скоты. Повѣрь, любезный, ошиблись, да и ошибаются многіе, не зная, конечно, ни силы, ни писанія; если бы мы нашего премилосердаго отца отечества великаго государя были не самовидцы, то-бъ и мы въ сомнѣніи были. Вѣрь, душа моя, безсомнѣнно, что вѣрно и дѣйствительно нашъ государь-батюшка самъ истинно, а не самозванецъ: чтожь за прибыль быть православнымъ христіанамъ въ междуусобіи и браняхъ и проливать кровь неповинныхъ, и за чтѣ вашъ господинъ воевода съ артиллерійскою командой взялся вѣрнѣйшихъ слугъ государя приводить въ разореніе? Пожалуй, сдѣлай себя счастливымъ, прикажи, чтобы во всякаго кровопролитія сдѣлать и крови напрасно не проли-

вать. Если же послѣ сего послѣдняго до васъ увѣщанія въ склонность не придете, то общаюсь Богомъ подвигнуть мои, ввѣренныя отъ его императорскаго величества, войска, и уже тогда никакой пощады ждать вамъ надѣяться не предвижу; отъ мала и до велика прошу, яко брата, уговорить; васъ же, если сіе сдѣлаете, обещаю вамъ передъ Богомъ животъ, а не смерть; закоснѣлымъ же, кто не придетъ въ чувство послѣ сего, благополучія ожидать не остается. Развѣ мы не сыны церкви Божіей? Опомнитесь, други и братья о Бозѣ! Затѣмъ, сократя, оканчиваю симъ и остаюсь при арміи, посланной отъ его императорскаго величества главной арміи полковникъ Иванъ Грязновъ».

Въ другомъ воззваніи, обращенномъ къ населенію, Грязновъ старался доказать, что со вступленіемъ на престолъ Петра III Россія избавится отъ *ея работы*.

«Всему свѣту извѣстно», писалъ онъ, «сколько во изнуреніе приведена Россія, отъ кого-жъ — вамъ самимъ то безъизвѣстно: дворянство обладаетъ крестьянами, но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами; компанейщики завели премножество заводовъ и такъ крестьянъ работой утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ, а напротивъ того, съ женами и дѣтьми малолѣтними не было ли ко Господу слезъ?»

Грязновъ говорилъ, что дворянство заставило государя Петра Ѳедоровича 11 лѣтъ скитаться за то, что онъ приказалъ, чтобъ у дворянъ не было крестьянъ во владѣніи, что и теперь то же дворянство распустило слухъ, будто государь самозванецъ, донской казакъ Пугачевъ, наказанный кнутомъ и имѣющій на лбу и щекахъ клейма. Требуя сдачи города, Грязновъ увѣрялъ, что каменные стѣны не спасутъ его, и удивлялся, что населеніе не желаетъ себѣ добра и не покоряется. «Орды невѣрныя государю покорились», говорилъ онъ, «а мы противотворничаемъ».

Посланный съ этими воззваніями былъ задержанъ въ Челябинскѣ, и Грязновъ не получилъ отвѣта. Подойдя къ городу, онъ приказалъ своей толпѣ растянуться въ одну линію, чтобы напу-

гать гарнизонъ значительностію своихъ силъ, и открылъ огонь изъ пяти пушекъ. Изъ Челябинска отвѣчали ему выстрѣлами изъ 18 орудій, и мятежники, не видя возможности взять городъ, послѣ 50 выстрѣловъ отступили опять къ деревнѣ Маткиной ¹⁾. Въ этотъ день въ Челябинскъ успѣлъ пробиться шедшій изъ Сибири небольшой отрядъ подъ начальствомъ секундъ-маіора Фадѣева ²⁾. Воевода Исетской провинціи Веревкинъ 9 января отправилъ въ толпу манифестъ императрицы отъ 29 ноября, но Грязновъ въ тотъ же день вернулъ его со своимъ объясненіемъ.

«Разсмотрѣніе нами чинено», писалъ предводитель шайки ³⁾, «и по разсмотрѣніи сія ваша бумажка посылается обратно. Изъ манифеста же усматривается, якобы государь нашъ церкви разорялъ и прочіе чинилъ непорядки, о таковыхъ непорядкахъ написанныхъ мы не нынѣ уже извѣстны, что написано напрасно и персонально съ государемъ было говорено; вы-жь, не видя (его), называете Емельяномъ Пугачевымъ, а мы, видя, и свидѣтельствовали. Какъ дерзнуть можетъ, да и печатовать болѣе къ увѣщеванію. *Гришекъ расстригъ видно не находятъ*, да и вы не дураки ли: Дмитрій царевичъ былъ весьма малолѣтенъ, а Гришка назвался уже взрослымъ! Почему-жь можно было опознать его, какъ нашъ батюшка всемилостивѣйшій государь уже не малыхъ лѣтъ принимать изволилъ Россію. Слѣдственно, кого-бъ я видалъ прежде, но и на всѣхъ послаться могу, что узнаю черезъ двадцать лѣтъ, нежели черезъ одиннадцать. Итакъ, если отыщутся у васъ благоразумные люди, разсудить могутъ, что и узнать можно. Такъ вы лихо не подумайте того, что дворяне привыкли всею Россіей ворочать, какъ скотомъ, но еще и хуже почитаютъ собакъ, а притомъ безъ малыхъ жить не привыкли; а государь все то отъ нихъ отобрать изволилъ, такъ чрезъ то дворяне умыслили написать хулу, а признали быть за лучшее владѣть Россіей сами и всѣми угодными имъ угодностями. И для того благоволите городъ

¹⁾ Срав. *Пермскій Сборникъ*, 1859 г., кн. I, 50.

²⁾ Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

³⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 485. *Русская Старина*, 1875 года, т. XIII, 276.

сдать безъ всякаго напраснаго православнымъ кровопролитія. Если-жь вы такъ отдаться не согласны, дать намъ вскорѣ знать, нынѣ же черезъ два часа присылкой нарочнаго не уедлить. Вы думаете и опасаетесь прислать человѣка? Такъ не извольте сомнѣваться, мы не таковыхъ сердецъ, какъ вы, нашего (посланнаго) удерживаете; если же своего жалъ выслать — нашего (вышлите), и для того немедленно дайте знать, или знатную отъ васъ персону, хотя для переговоровки; право, пустимъ обратно».

Переговорка эта не состоялась, и 10 января толпа мятежниковъ, усиленная прибытіемъ крестьянъ съ Кыштымскаго и другихъ заводовъ и возросшая до пяти тысячъ человѣкъ, съ восемью пушками снова подошла къ Челябинску, но была отбита, причемъ хорунжій Невзоровъ былъ захваченъ въ плѣнъ ¹⁾. Грязновъ отступилъ сначала къ деревнѣ Шершневой, въ шести верстахъ отъ города, а потомъ къ Чебаркульской крѣпости. Подъ Челябинскомъ онъ оставилъ небольшую толпу башкирцевъ, съ приказаніемъ блокировать городъ и никого не пропускать ни въ него, ни изъ него ²⁾. Вережкинъ просилъ прислать для управленія провинціей достойнаго человѣка, «ибо, доносилъ онъ ³⁾, за учиненнымъ мнѣ отъ воровъ бунтовщиковъ казаковъ увѣчемъ и чрезъ то въ крайнюю болѣзнь приведенномъ, службу ея императорскаго величества, хотя бы усердно желалъ, продолжать нахожусь понынѣ не въ состояніи».

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, главнокомандующій А. И. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань и не успѣлъ еще подробно ознакомиться съ ходомъ событій.

¹⁾ Экстрактъ происшествій въ Челябинскѣ, представленный Вережкинымъ Бибикову и Сенату. Госуд. Арх., VI, д. №№ 485 и 504. Невзоровъ былъ тотчасъ же подвергнутъ допросу съ пристрастіемъ, и чрезъ 15 часовъ отъ плетей и полученныхъ ранъ умеръ. Въ статьѣ «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину» («Русск. Вѣстн.» 1872 года, № 7, стр. 43) рассказъ о Невзоровѣ неточенъ.

²⁾ Показаніе крестьянъ Семена Никушкина и Матвѣя Чулкова 13 января 1774 года. Архивъ Синода, дѣло № 30.

³⁾ Въ рапортѣ отъ 18 января 1774. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

XII.

Генераль-аншефъ Бибииковъ на пути изъ Петербурга въ Казань.—Манифестъ императрицы въ толкованіи народномъ.—Объявленіе секретной комиссіи.—Пріѣздъ Бибиикова въ Казань и свиданіе его съ губернаторомъ.—Административные порядки въ краѣ.—Постановленіе казанскаго дворянства о сформированіи коннаго корпуса.—Императрица Екатерина—казанская помѣщица.—Рескрипты ея Бибиикову.—Торжество въ Казани по полученіи этихъ рескриптовъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 9 декабря 1773 года, генераль-аншефъ Бибииковъ нагналъ въ Новгородѣ 2-й гренадерскій полкъ, приказалъ одному баталіону сѣсть на подводы и на перемѣнныхъ лошадяхъ слѣдовать какъ можно скорѣе въ Казань ¹⁾.

Утромъ, 14 декабря, Александръ Ильичъ пріѣхалъ въ Москву, «гдѣ были небольшія враки и болтанья», какъ выразился князь Волконскій, «но ни унынія и страха, ни трепета не было» ²⁾. Въ первопрестольной столицѣ Бибииковъ узналъ о грабежахъ киргизкайсаковъ и просилъ графа З. Г. Чернышева усилить его кавалерію. «Податель сего, писалъ ему А. И. Бибииковъ ³⁾, привезетъ вамъ новыя вѣсти, а самовидцы скажутъ и детали. Худо еще въ прибавокъ то, что киргизцы начинаютъ бѣситься. Разбить каналью считаю навѣрно, да отвратить разореніе потребно конныхъ людей больше. Кажется, поселенные и изъ Новороссійской губерніи гусары къ сему всего теперь ловчѣе, чтобы, по крайней мѣрѣ, закрыли отъ разбойническихъ сихъ волковъ набѣговъ. Пѣхоты довольно, но съ нею поспѣвать не можно за симъ вѣтромъ (коннымъ непріятелемъ)».

Въ день отъѣзда Бибиикова изъ Москвы, князь Волконскій прислалъ къ нему сержанта Брюхачева, посланнаго генераломъ Деко-

¹⁾ Письмо А. И. Бибиикова князю Вяземскому 15 декабря. Архивъ Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

²⁾ Письмо князя Волконскаго императрицѣ 7 января 1774 года. *Осмадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. I, 105. Сравни: *Записки о жизни и службѣ Бибиикова*, изд. 1865 года, стр. 126, и статью г. Д. Анучина: «Дѣйствія Бибиикова въ Пугачевщину», *Русск. Вѣстн.* 1872 года № 6, стр. 472.

³⁾ Собственноручное письмо Бибиикова графу Чернышеву, отъ 15 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 126.

лонгомъ въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ о поголовномъ возстаніи башкирцевъ. Прочтя это донесеніе, Бибииковъ вновь просилъ объ усиленіи его кавалеріей и, по соглашенію съ княземъ Волконскимъ, приказалъ двумъ эскадронамъ Изюмскаго гусарскаго полка, безъ лошадей, съ одними сѣдлами и оружіемъ, слѣдовать въ Казань на обывательскихъ подводахъ ¹⁾).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторъ Ступишинъ заявилъ А. И. Бибиикову, что хотя въ губерніи безпорядковъ никакихъ не замѣчено, но что въ народѣ не безъ сочувствія говорятъ о самозванцѣ. Заявление это обратило на себя особое вниманіе главнокомандующаго, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ, проѣзжая по Нижегородской губерніи, слышалъ «многія неосновательныя и ложныя молвы, пересказываемыя не только простыми, но и неподлыми людьми» ²⁾. Полагая, что манифестъ, отъ 29 ноября, раскроетъ глаза населенію и дастъ ему истинное понятіе о Пугачевѣ и его злодѣйствахъ, А. И. Бибииковъ оставилъ манифестъ Ступишину и приказалъ его обнародовать. Нижегородскій губернаторъ исполнилъ приказаніе, но манифестъ былъ на столько непонятенъ для народа, что приводилъ его къ совершенно превратнымъ толкамъ. Жители Козмодемьянска увѣряли, что прочтенный имъ манифестъ повелѣвалъ не называть Пугачева императоромъ, а именовать его *Балтійскихъ острововъ княземъ* ³⁾, а жители села Татинцева, той же губерніи, говорили, что Пугачева приказано называть *Голштинскимъ княземъ* и что съ нимъ пришло нѣсколько тысячъ голштинской пѣхоты и артиллеріи. Такое толкованіе заставило генерала Бибиикова приказать прочесть манифестъ еще нѣсколько разъ, съ объясненіемъ его истиннаго значенія ⁴⁾, а затѣмъ обратиться къ населенію со слѣдующимъ объявленіемъ ⁵⁾:

¹⁾ Рапортъ князя Волконскаго военной коллегіи 20 декабря 1773 года. Архивъ Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 267.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Бибиикова, отъ 30 декабря 1773 г. Военн.-учен. арх., отд. I, д. № 104 (А), листъ 74.

³⁾ Рапортъ Ступишина Бибиикову 9 февраля 1774 г. Государствен. Архивъ, VI, д. № 466.

⁴⁾ Письма Бибиикова генераламъ Брандту и Ступишину, отъ 19 февраля 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № № 466 и 485.

⁵⁾ Отъ 19 февраля. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 507.

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ учрежденной въ Казани, по высочайшему именному указу, секретной комиссіи.

«Объявляется всенародно.

«По слѣдствіямъ, произведеннымъ въ сей комиссіи, открылось, что многіе какъ городскіе, сельскіе, такъ и деревенскіе жители по простотѣ и глупости своей, прямой силы и разума публикованныхъ ея императорскаго величества манифестовъ о злодѣѣ, лжесамозванцѣ, бѣгломъ казакѣ Емельянѣ Пугачевѣ, не понимаютъ и дѣлаютъ онымъ свои глупые и кривые толки. А, напротивъ того, другіе, по злонравію своему и склонности къ лжесамозванцу, бунтовщику и разбойнику, коварно вымышляютъ и разсѣваютъ о немъ въ простомъ народѣ ложныя плевелы, служащія ко вреду общенароднаго спокойствія и тишины.

«Чего ради секретная комиссія за нужное почитаетъ симъ ея величества указомъ подтвердить: *первымъ, простакамъ*, чтобы они старались воздержать себя ото всѣхъ глупыхъ и кривыхъ толковъ, но знали бы и утвердились несомнѣнно, что Пугачевъ сущій злодѣй, бунтовщикъ и врагъ отечеству, бѣглый съ Дона казакъ, а потому и не вѣрили бы ни подъ какимъ видомъ происходящимъ отъ сообщниковъ сего злодѣя ложнымъ плевеламъ и разглашеніямъ, подъ опасеніемъ за слѣпое легковѣріе жестокаго наказанія. А *последнимъ*, коварно и умышенно разсѣвателямъ ложныхъ плевелъ, въ послѣдній разъ здѣсь напоминаетъ, *чтобы перестали быть врагами своему отечеству* и покорились бы безмятежно высочайшей ея императорскаго величества, яко отъ Бога предоставленной власти. Но буде паче чаянія и за симъ увѣщаніемъ найдутся таковыя рода человѣческаго изверги и разрушители блаженнаго спокойствія и тишины, то всѣ оныя, какового бы кто званія ни были, безо всякой милости преданы будутъ жесточайшему по закону осужденію».

Въ ночь на 26 декабря А. И. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань, гдѣ былъ встрѣченъ губернаторомъ фонъ-Брандтомъ и прочими представителями мѣстной власти.

— Для чего дали Пугачеву такъ усилиться? невольнo вырвалось изъ устъ пріѣхавшаго.

Брандтъ не далъ на это прямого отвѣта, и главнокомандующій вмѣстѣ съ губернаторомъ отправились въ особую комнату для совѣщаній. По отъѣздѣ Брандта, Бибиковъ вышелъ къ собравшимся для его встрѣчи.

— Государи мои, сказалъ онъ, — давно ли сей мужъ (Брандтъ) съ ума сошелъ? Чтò за планъ его для истребленія Пугачева? Совѣтуетъ мнѣ защищать границу Казанской губерніи и просить только не пропустить его (Пугачева) за оную. Да развѣ Оренбургская и прочія губерніи другаго государя? Злодѣя должно истреблять во всѣхъ мѣстахъ одинаково и дѣлать надъ нимъ поискъ, еслибъ онъ былъ и въ водѣ, дабы въ другомъ видѣ оттуда не показался.

Эти слова ободрили присутствовавшихъ и все населеніе города Казани ¹⁾. Личное знакомство съ положеніемъ дѣлъ приводило Бибикова къ самымъ неутѣшительнымъ заключеніямъ. «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, писалъ онъ ²⁾, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде-бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ съ начала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпускаю; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи: Онъ одинъ исправить можетъ своею милостію». Администрація края была въ плохомъ состояніи и въ мѣстахъ, гдѣ еще не было бунта, господствовалъ полнѣйшій беспорядокъ. Генераль фонъ-Брандтъ, человѣкъ честный, но старый, не могъ услѣдить за злоупотребленіями и удержать своихъ подчиненныхъ отъ произвола, нарушенія законовъ и лихоимства.

— Чтò за причина, спрашивалъ его однажды Бибиковъ, — что вы такъ нерѣшительны стали въ дѣлахъ своихъ и все идетъ у васъ наыворотъ, нѣтъ строгости и никакого взысканія съ подчиненныхъ. Я зналъ васъ прежде за человѣка энергичнаго и справедливаго.

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе капитанъ-поручика Саввы Маврина, отъ 21 мая 1774 года, изъ Оренбурга.

²⁾ Супругѣ, отъ 30 декабря 1773 года. *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, прилож. стр. 87.

«Изъ сего скользкаго разговора, замѣчаетъ Мавринъ, и нѣмцу трудно было вывернуться»; однакоже Брандтъ пытался оправдаться.

— Что же мнѣ дѣлать и кого на мѣста опредѣлять? говорилъ онъ,—все меня обманываютъ.

— Да вы бы приказали, замѣтилъ Бибиговъ,—присматривать за порядкомъ хотя бы своимъ товарищамъ.

— Какъ это можно! отвѣчалъ добродушно Брандтъ.—Если я самъ не поѣду по губерніи, то и ни одинъ изъ нихъ не поѣдетъ.

«А потому и видно, доносили Мавринъ, что въ губерніи Казанской дѣла дѣлаются только въ присутствіи хозяина. Неоднократно говаривалъ хозяинъ, что онъ съ юстицкими дѣлами незнакомъ, а отдастъ справедливость не только въ оныхъ, но и въ другихъ своему секретарю. А какъ одному злодѣю бывшему въ бунтѣ Пугачева была казнь, то многіе тутъ изъ черни зрители вслухъ кричали: «конечно, на висѣлицѣ другая петля приготовлена для секретаря».

Такіе порядки были не въ одной Казанской губерніи, но и въ большинствѣ правительственныхъ учрежденій тогдашняго времени. «Воеводы и начальники гражданскіе, писалъ Бибиговъ князю Вяземскому ¹⁾, изъ многихъ мѣстъ отъ страху удалились, оставя города и свои правленія на расхищеніе злодѣямъ». Коменданты, секретари и прочіе дѣятели покидали свои мѣста и бѣжали задолго угрожающей имъ опасности. Край оставался безъ правителей, безъ защиты, и Бибигову приходилось, прежде всего, вступить въ борьбу съ чиновниками, борьбу едва ли не болѣе трудную, чѣмъ съ мятежниками. Не полагаясь на мѣстную администрацію, необходимо было призвать дѣятелей извнѣ и поручить имъ созиданіе заново совершенно разрушеннаго порядка. Бибиговъ предвидѣлъ это еще въ Петербургѣ, и потому отправился въ Казань съ большою свитой, въ которой были люди лично ему извѣстные своею энергіей и храбростію. Впослѣдствіи въ его распоряженіе были посланы князя Щербатовъ и Голицынъ, полковникъ Михельсонъ, и командированы полки, бывшіе съ нимъ въ Польшѣ и

¹⁾ Князю Вяземскому, отъ 5 января 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 485.

отличившіеся подъ его начальствомъ. Въ ожиданіи ихъ прибытія Бибииковъ принужденъ былъ прибѣгать къ полумѣрамъ и, за недостаткомъ главнѣйшимъ образомъ кавалеріи, не могъ воспрепятствовать дальнѣйшему развитію бунта. Послѣдній охватилъ всю Оренбургскую губернію, и главнѣйшіе города: Оренбургъ, Яикъ, Уфа, Бунгуръ и Челябинскъ были обложены мятежниками; что происходило въ этихъ пунктахъ, въ Казани ничего не знали. Всѣ инородцы (киргизъ-кайсаки, калмыки и башкирцы) и большинство рабочихъ съ пермскихъ заводовъ перешли на сторону самозванца. Наканунѣ пріѣзда А. И. Бибиикова въ Казань, пригородъ Алексѣевскъ и городъ Самара были заняты атаманомъ Араповымъ, а спустя нѣсколько дней получены были извѣстія, что беспорядки стали возникать въ Казанской губерніи и даже коснулись Сибири.

«Коммуникація съ Сибирью отъ опасности на волоску, писалъ Бибииковъ графу Чернышеву ¹⁾, да и самая Сибирь тому же подвержена. Одна надежда на войска, которыхъ, по умножающемуся злодѣйскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче въ разсужденіи обширности и разстоянія сего края мѣсть. Толпу Пугачева я разбить не отчаиваюсь и съ тѣми, которые теперь ко мнѣ назначены, когда соберутся, но тушить вездѣ пожаръ и останавливать злодѣйское стремленіе, конечно, конныя войска въ прибавокъ необходимы.

«Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, генераль Бергъ меня увѣрялъ, что отъ второй арміи три или четыре полка конныхъ отдѣлить можно безо всякой для тамошней стороны опасности, за что онъ отвѣчаетъ; но откуда бы то ни было, а умножить необходимо надлежитъ. Войдите въ сіе дѣло, ваше сіятельство, и вы увидите, что я говорю вамъ истину.

«На здѣшніе гарнизоны и другія команды никакого счету дѣлать не извольте: они такъ скаредны, что и башкирцамъ сопротивляться не могутъ. Печальные опыты съ Чернышевымъ и майоромъ Заевымъ вамъ доказываютъ, да и здѣсь уже по всѣмъ рапортамъ я увидѣлъ, что они, разставленные отъ Фреймана и отъ

¹⁾ Отъ 30 декабря 1773 года. Арх. Главн. Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 524.

губернатора по постанамъ, бѣгаютъ изъ одного мѣста въ другое при малѣйшей тревогѣ.

«Сволочь Пугачева злодѣйской толпы, конечно, порядочнаго вооруженія, ниже строю имѣть не можетъ, кромѣ свойственной таковымъ бродягамъ буйности и колобродства. Но ихъ болѣе шести тысячъ, по всѣмъ извѣстіямъ, считать должно, а считая нынѣ воровъ башкирцевъ, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности разбить сію кучу, но собрать войска, запастись не только провіантомъ и фуражомъ, но и дровами, проходить въ настоящее время степныя и пустыя мѣста съ корпусомъ суть наиглавнѣйшія трудности; а между тѣмъ (необходимо) отражать во всѣхъ концахъ убійство и разореніе и удерживать отъ заразы преклонныхъ отъ страху и прельщенія простыхъ обывателей».

Эта необходимость заставила Бибикова поторопиться приглашеніемъ дворянъ вооружить своихъ поселянъ, но не иначе какъ *«обнадежась прежде въ ихъ твердости»*. Съ этою цѣлью Бибиковъ поручилъ предводителю дворянства собрать въ Казань къ 1-му января дворянъ и просилъ преосвященнаго Веніамина оказать содѣйствіе къ вразумленію *«несмысленной черни»*.

Послѣ литургіи 1-го января 1774 года и по прочтеніи манифеста архіепископъ обратился къ народу съ увѣщаніемъ.

— Правовѣрные должны пребывать непоколебимы въ вѣрѣ православной, говорилъ Веніаминъ, и въ повиновеніи премудраго Закона Божія, коимъ правятъ цари царствующіе и господа господствующіе. Люди всякаго состоянія должны ополчаться на защиту вѣры, отечества, женъ и дѣтей ихъ противъ злобнаго возмутителя и безбожныхъ его соумышленниковъ, которые возстали на церковь Божию и священныхъ ея служителей, не щадятъ никакого состоянія, никакого пола, ни невинныхъ младенцевъ, распространяютъ неслыханное варварство и опустошеніе. Они не различаютъ и покорствующихъ отъ противящихся, предають всѣхъ безъ разбора ужаснѣйшимъ истязаніямъ и мучительной смерти, и тѣмъ самымъ подвергаются страшнѣйшей анаемѣ, правосудному гнѣву и мщенію Божіему, и въ ожиданіи адскихъ мученій, не избѣгутъ и на землѣ достойнаго имъ наказанія.

Изъ церкви А. И. Бибиловъ отправился въ домъ предводителя къ собравшемуся дворянству.

— Зло возрастаетъ до крайности, сказалъ онъ, — и злодѣйство измѣнниковъ вышло изъ всѣхъ предѣловъ. Всякому истинному вѣрноподданному должно стараться о прекращеніи сего зла.

Представивъ опасность, которая угрожаетъ семействамъ и имуществу отъ своеволія мятежниковъ, Бибиловъ напомнилъ, что первый долгъ дворянина — жертвовать не только всѣмъ имѣніемъ своимъ, но и жизнью для спасенія и пользы отечества. Онъ выразилъ увѣренность, что каждый изъ присутствующихъ поможетъ ему въ усмирении возникшаго возстанія. Дворянство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ словамъ главнокомандующаго.

— Готовы мы, говорили присутствующіе, — за императрицу и отечество жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнью, такъ какъ и предки наши всегда пребыли государю и отечеству въ непоколебимой вѣрности.

Въ тотъ же день дворянство опредѣлило составить изъ своихъ собственныхъ людей и своимъ иждивеніемъ *вооруженный конный корпусъ*, для чего собрать съ каждаго двухсотъ душъ по одному человѣку и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, а для вооруженія собираемаго ополченія генераль-аншефъ Бибиловъ приказалъ выдать старые драгунскіе палаши и пистолеты изъ казанскаго комиссаріата. Сборъ ополченія былъ распространенъ не только на собравшихся дворянъ, но и на тѣхъ, которые не были въ собраніи, «дабы не лишить и отсутствующихъ дворянъ такового жъ какъ и нашего усердія и ревности къ поспѣшествію общаго блага» ¹⁾. Командованіе корпусомъ было поручено родственнику Бибилова, оберштеръ-кригсъ-коммиссару генераль-маіору Ларіонову ²⁾, и въ помощь ему, для занятія штабъ-и оберъ-офицерскихъ должностей, вызваны были охотники. Всѣ эти лица 5 января собрались на совѣщаніе, «и имѣя о содержаніи онаго корпуса въ воинской дисциплинѣ и строевомъ порядкѣ разсужденіе,

¹⁾ Военно-учен. арх., дѣло № 104 (А), листы 95 и 96.

²⁾ Александръ Леонтьевичъ Ларіоновъ былъ своднымъ братомъ А. И. Бибилова. Мать Ларіонова была во второмъ бракѣ за Ильею Александровичемъ Бибиловымъ, овдовѣвшимъ по смерти матери Александра Ильича.

согласно положили: для лучшаго командованія онымъ корпусомъ, дабы каждый изъ насъ зналъ свою должность и отправлялъ ее добпорядочно и съ хорошимъ успѣхомъ, начать слѣдующимъ исполненіемъ. Какъ шефъ, такъ и всѣ штабъ и оберъ-офицеры при дворянскомъ своемъ корпусѣ служить пожелали изъ собственнаго ревностнаго усердія, то и не остается намъ ничего болѣе о себѣ сказать, какъ единственно посвятить жизнь нашу въ услугу ея величеству и отечеству, содержа въ памяти нашей данную нами Всемогущему Богу въ вѣрности службы клятву».

«Сей корпусъ надежно быть можетъ до 300 человекъ рядовыхъ, то и раздѣляется онъ на три компаніи, при которыхъ должности наши раздѣляются слѣдующимъ образомъ: шефъ командуетъ всѣмъ корпусомъ, такъ какъ воинская диспозиція и отъ его высокопревосходительства генералъ-аншефа А. И. Бибикова повелѣно будетъ, а прочіе штабъ- и оберъ-офицеры принять могутъ на себя *вообще имя товарища, но точію по старшинству*» ¹⁾. Что же касается унтеръ-офицеровъ и капраловъ, то дворянство просило назначить ихъ изъ прибывшихъ въ Казань эскадроновъ Изюмскаго гусарскаго полка.

Не ограничиваясь принятіемъ мѣръ къ скорѣйшему сформированію корпуса, дворянство Казанскаго уѣзда пожертвовало войскамъ шубы, сукна на теплые чулки, лошадей для гусарскихъ эскадроновъ, и просило Бибикова, чтобъ онъ чрезъ предводителей дворянства пригласилъ всѣхъ остальныхъ дворянъ Казанской губерніи принять участіе въ составленіи такого же ополченія. Разосланные Бибиковымъ пригласительныя письма оказали свое дѣйствіе.

¹⁾ Такимъ образомъ были назначены командирами: 1-й компаніи — старшій товарищъ полковникъ Николай Толстой, а младшими товарищами: лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Александръ Толстой, капитаны Сергѣй Левашовъ и Гаврило Матюнинъ; 2-й компаніи — старшій товарищъ подполковникъ Дмитрій Молоствовъ и младшіе товарищи: подпоручикъ Михайло Голосничій и лейбъ-гвардіи коннаго полка вице-вахмистръ Иванъ Чюфаровскій; 3-й компаніи — старшій товарищъ секундъ-маіоръ Сергѣй Тютчевъ, младшіе товарищи: титулярный совѣтникъ Алексѣй Мельгуновъ и поручикъ Александръ Наумовъ. Въ адъютантскія должности были избраны: лейбъ-гвардіи фурьеръ Яковъ Кудрявцевъ и капралъ Никаноръ Нормотскій (Моск. Арх. Главн. Штаба. Опись 47, кн. VI. Военно-учен. арх., д. № 104 (А), листъ 96).

Прежде всего казанскій магистратъ, слѣдуя примѣру дворянства, выразилъ желаніе сформировать одинъ *конный эскадронъ гусаръ* на своемъ «иждивеніи и содержаніи ¹⁾», а въ половинѣ января А. И. Бибииковъ получилъ отвѣтныя письма отъ предводителей дворянства симбирскаго, свѣжскаго и пензенскаго. При этомъ прокуроръ Пензенской провинціи и предводитель пензенскаго дворянства Чемесовъ, «по неимѣнію по городу Петровску у благороднаго дворянства предводителя, потому что ихъ въ Петровскомъ уѣздѣ жительство имѣетъ самое малое число (всего пять человѣкъ)», донесъ, что дворяне готовы поставить съ каждаго 200 душъ по одному человѣку, всего 11 человѣкъ съ ружьемъ и продовольствіемъ ²⁾.

7 || «Усердіе казанскаго дворянства меня обрадовало», писала Екатерина Бибиикову ³⁾, «сей образъ мыслей прямо есть благороденъ».

Довольная «прямо дворянскими поступками казанскаго дворянства» ⁴⁾, императрица приказала прочесть донесеніе Бибиикова въ собраніи Сената ⁵⁾, и затѣмъ 20 января 1774 года послѣдовалъ указъ дворцовой канцеляріи собрать со всѣхъ подвѣдомственныхъ ей крестьянъ Казанской губерніи по одному человѣку съ 200 душъ и «снадѣить каждаго всѣмъ къ службѣ потребнымъ, какъ-то: мундиромъ, амуницией и лошадью съ приборомъ» ⁶⁾. Для командованія этимъ ополченіемъ императрица, по просьбѣ Бибиикова, приказала выбрать казанскихъ помѣщиковъ изъ числа желающихъ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ и, пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, велѣла отправить какъ можно скорѣе въ Казань ⁷⁾.

¹⁾ Всеподааннѣйшее донесеніе Бибиикова отъ 17 января 1774 года, № 4. Военно-учен. арх., дѣло № 104 (А), листъ 110.

²⁾ Рапортъ петровской воеводской канцеляріи Бибиикову 27 января. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Рескриптъ Бибиикову отъ 15 января. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 390.

⁴⁾ Рескриптъ Бибиикову отъ 16 февраля. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 393.

⁵⁾ Записка князя Вяземскаго Сенату 17 января. Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія, кн. 115.

⁶⁾ Указъ Дворцовой канцеляріи 20 января 1774 года. Государственный Архивъ, XI, д. № 455.

⁷⁾ Письмо Бибиикова императрицѣ отъ 5 февраля 1774 года. Приложение къ *Запискамъ Академіи Наукъ*, т. I. Бумаги Бибиикова, изданныя Я. К. Гротомъ, стр. 59. Письмо Екатерины Бибиикову 16 февраля. *Русскій Архивъ*, 1866 года, стр. 393.

Сообщая объ этомъ Бибикову и принявъ на себя званіе казанской помѣщицы, Екатерина поручила ему объявить свое благоволеніе казанскому дворянству за единодушное соединеніе и вспомоствованіе правительству и увѣрить его, что она считаетъ своею обязанностію цѣлость, благосостояніе и безопасность дворянства «ничѣмъ нераздѣлимо почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностію и благосостояніемъ» ¹⁾.

Получивъ 27 января рескриптъ и письмо ²⁾, Бибиковъ поручилъ предводителю собрать 30 января всѣхъ дворянъ, жившихъ въ городѣ Казани и окрестностяхъ, для выслушанія высочайшихъ повелѣній. Въ этотъ день дворяне прислали къ главнокомандующему двухъ депутатовъ съ донесеніемъ, что они ожидаютъ его прибытія въ домъ предводителя и для бѣльшей церемоніи конвой изъ 50 человекъ вооруженныхъ уланъ при двухъ офицерахъ. На крыльцѣ дома предводителя Бибиковъ былъ встрѣченъ двумя дворянами, и затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ по лѣстницѣ привѣтствуемъ такимъ же числомъ. Послѣ краткой рѣчи Бибикова былъ прочтенъ рескриптъ императрицы, принятый со всеобщимъ восторгомъ.

— Да здравствуетъ великая наша самодержица! кричали собравшіеся; да царствуетъ надъ нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что мы имѣемъ.

Дворяне просили дозволить имъ снять копии съ рескрипта и хранить его у себя на память потомству о милостяхъ Екатерины къ казанскому дворянству.

Послѣ того предводитель дворянства казанскаго уѣзда Макаровъ прочелъ письмо, въ коемъ высказалъ благодарность за ми-

¹⁾ Рескрипты Бибикову 16 и 20 января 1774 года. *Записки о жизни Бибикова*, изданіе 1865 года, стр. 51. *Чтенія Общества Исторіи и Древностей*, 1860 года, кн. II, 65.

²⁾ Г. Д. Анучинъ говоритъ, что вмѣстѣ съ рескриптомъ былъ полученъ и манифестъ, но это несправедливо. Какъ увидимъ ниже, манифестъ былъ изданъ 22 февраля и полученъ въ Казани въ первой половинѣ марта. См. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 185.

лостъ императрицы и попеченіе ея оградить подданныхъ отъ «бѣдствія напастей нашихъ». Онъ благодарилъ и Бибикова за совѣты, просилъ сохранить любовь и довѣренность къ дворянству и принять въ свое покровительство казанскій дворянскій корпусъ ¹⁾.

«Воспримите», читалъ въ заключеніе своего письма Макаровъ, «въ свое покровительство избраннаго нами шефа съ его товарищами, подайте имъ случай пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и матери нашей. Мы же, будучи очевидно увѣрены въ вооруженіи корпуса и ревностныхъ шефа стараніяхъ, имѣемъ несомнѣнную надежду, что всѣ они положатъ душу свою за возлюбленную нашу самодержицу».

Выдѣлившись изъ толпы, шефъ дворянскаго корпуса, генералъ-майоръ Ларіоновъ, заявилъ, что онъ считаетъ настоящий день за прекраснѣйшій въ своей жизни, избраніе шефомъ — за честь, и готовъ остатокъ дней своихъ посвятить на службу дворянства, благородно «воспаленнаго ревностью и примѣромъ» ²⁾.

По окончаніи этой рѣчи, Бибиковъ прочелъ письмо къ нему императрицы отъ 20 января, въ которомъ она приняла на себя званіе казанской помѣщицы.

— Казанское дворянство, сказалъ предводитель Макаровъ по выслушаніи письма, — приноситъ вашему высокопревосходительству свою нижайшую благодарность за объявленіе пріятнѣйшей намъ вѣсти и проситъ дозволить намъ высказать наше чувство своей самодержицѣ.

Получивъ на это разрѣшеніе Бибикова, казанскій помѣщикъ Бестужевъ подошелъ къ портрету Екатерины II и прочелъ извѣстную рѣчь, сочиненную Г. Р. Державинымъ ³⁾.

— Исполненіемъ долга нашего, говорилъ, между прочимъ, Бе-

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Бибикова отъ 5 февраля 1774 года, № 10, Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 140—146.

²⁾ Рѣчь Ларіонова напечатана въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей*, 1860 года, кн. II, 64, и въ *Запискахъ о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, стр. 57.

³⁾ Государственный Архивъ, VI, д. № 527. Собственноручное донесеніе Бибикова императрицѣ отъ 5 февраля. *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложение № 4, стр. 59.

стужевъ словами поэта, — хотя мы не заслуживаемъ особливаго вашего императорскаго величества высокаго намъ признанія; хотя мы недостойны любезнаго и намъ дражайшаго товарищества твоего, однако высочайшую волю твою разверстымъ принимаемъ сердцемъ и за наивеличайшее ее почитаемъ благополучіе. Начертываемъ неоцѣненные слова благоволенія твоего съ благоговѣніемъ въ память нашу. *Признаемъ тебя своею помѣщицею. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою!* Но за сіе ходатайствуй и ты за насъ у престола величества твоего. Ежели гдѣ силы наши слабы совершить усердіе наше тебѣ будутъ, помогай намъ и заступай насъ у тебя. Мы болѣе за тебя, нежели на себя надѣемся ¹⁾.

По окончаніи торжественнаго чтенія всѣ отправились въ соборъ для слушанія литургіи и благодарственного молебствія, причемъ во время многолѣтія производилась пальба изъ орудій. Вечеромъ у предводителя былъ балъ, и всю ночь дома дворянъ были иллюминированы.

Донося о торжествѣ, происходившемъ въ Казани, генералъ-аншефъ Бибииковъ присовокуплялъ, что и прочее дворянство Казанской губерніи съ равнымъ усердіемъ приступило къ формированію корпусовъ: симбирское — 4 января, свѣжское — 15 и пензенское 26 января ²⁾. Предводителями этихъ корпусовъ были назначены: симбирскаго — секундъ-маіоръ Степанъ Ѳеодоровичъ Глятковъ, пензенскаго — прокуроръ и предводитель дворянства Ефимъ Чемесовъ, а свѣжское ополченіе, по малочисленности дворянства, не могло составить особаго корпуса и потому положило присоединиться къ казанскому и признать начальникомъ своимъ отставнаго капитана Гавріила Матюнина, уже избраннаго казанскимъ дворянствомъ въ составъ своего корпуса.

Находя, что поступокъ дворянства Казанской губерніи «пока-

¹⁾ Рѣчь эта въ полномъ объемѣ напечатана въ *Исторіи Пулачевскаго бунта* Пушкина, изд. 1881 года, т. VI, 121; въ *Запискахъ о жизни и службѣ Бибиикова*, изд. 1865 года, стр. 52.

²⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Бибиикова отъ 5 февраля, № 10. Военно-ученый арх., д. № 104 (А), листы 147 до 152.

зываетъ свѣту и *настоящихъ дворянъ* истинными и достойными преемниками и подражателями тѣхъ отличныхъ добродѣтелей и заслугъ, кои предкамъ ихъ доставляли по временамъ сіе преимущественное званіе», императрица 22 февраля издала особый манифестъ, въ которомъ восхваляла дворянство и купечество. Она повелѣла прочесть его во всѣхъ церквахъ, раздать по экземпляру всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя принимали участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ обществъ, и на память потомству положить въ архивъ каждого города по нѣскольку экземпляровъ ¹⁾.

Готовность дворянства содѣйствовать правительству въ усмирении мятежа была, конечно, утѣшительна, но Бибиковъ не обольщалъ себя и смотрѣлъ на это ополченіе не болѣе, какъ на средство поднять упавшій духъ населенія и хотя нѣсколько уменьшить опасность для самой Казанской губерніи. Онъ сознавалъ и доносилъ ²⁾, что «обнаженный, такъ-сказать, отъ воинскихъ командъ, здѣшній край не въ силахъ удерживать стремленіе многолюдной сей и на такомъ великомъ пространствѣ разсыпавшейся саранчи. Корпусъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, когда и весь соберется, можетъ только подать стѣсненному Оренбургу помощь, что я первымъ своимъ долгомъ исполнить и поставляю. Но страшусь, чтобы прибытіе войскъ для него было благовременно».

Главнoкомандующій просилъ усилить его войсками и прислать въ его распоряженіе нѣсколько полковъ пѣхоты и въ особенности кавалеріи. Безъ этого онъ не видѣлъ возможности скоро усмирить мятежъ, потому что «находящіеся по разнымъ мѣстамъ и здѣсь гарнизонныя и такъ-называемыя инвалидныя команды, каковыми и первыхъ вообще съ ихъ начальниками назвать можно, только имя регулярныхъ военныхъ людей занимаютъ, не имѣя, къ стыду званія солдатскаго, ни малѣйшихъ къ тому способностей».

¹⁾ Рескриптъ Бибикову отъ 22 февраля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 485. Манифестъ же напечатанъ въ *Чтен. Общ. Ист. и Древн.*, 1860, кн. II, 77.

²⁾ Императрицѣ отъ 30 декабря 1773 года. Военно-Ученый Архивъ, отдѣлъ I, д. 104 (А), листъ 75.

XIII.

Мѣры правительства къ усмиренію возстанія. — Засѣданіе государственнаго совѣта 9 декабря. — Мнѣніе Сената о преданіи анаемѣ какъ Пугачева, такъ и его сообщниковъ. — Указъ о предосторожностяхъ противъ возмутителей. — Манифестъ 23 декабря 1773 года. — Мѣры къ усмиренію башкирцевъ. — Состояніе войска Донскаго. — Сожженіе дома Пугачева и его воззваній. — Отправленіе въ Казань семейства Пугачева и награда за поимку его.

Неоднократныя просьбы Бибикова о присылкѣ войскъ, а главное рядъ самыхъ неутѣшительныхъ извѣстій, полученныхъ въ Петербургѣ о развитіи мятежа, заставляли правительство обратить на совершающіяся событія болѣе серьезное вниманіе. Въ день отъѣзда А. И. Бибикова изъ столицы, 9 декабря, состоялось засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ генераль-прокуроръ князь Вяземскій заявилъ о желаніи императрицы принять мѣры къ тому, чтобы мятежъ не распространялся далѣе Оренбургской губерніи и чтобы сосѣднія съ нею губерніи остались въ тишинѣ и покоѣ. Князь Вяземскій предлагалъ объявить отъ имени Сената, что въ Оренбургской губерніи умножились разбойничьи толпы, и что для недопущенія ихъ въ сосѣднія провинціи предписывается во всѣхъ деревняхъ сдѣлать рогатки и заставы, у которыхъ останавливать всѣхъ подозрительныхъ людей и отправлять ихъ къ начальству. Князь Орловъ находилъ, что подобная мѣра подастъ поводъ къ «прицѣпкамъ и остановкамъ» проѣзжихъ и «вмѣсто ожидаемаго сохраненія тишины, духи раздражены и скорѣе къ соединенію съ возмутителями расположены будутъ».

— Всякое узаконеніе тщетно, говорилъ Г. Г. Орловъ, — когда исполнительною властью оно не будетъ поддержано. Не имѣя тамъ нынѣ довольнаго числа войскъ, мы не можемъ надѣяться, чтобы сіе объявленіе порядочно исполняемо было, а потому лучше не дѣлать никакого, нежели дать случай къ новымъ неустройствамъ. Если же оное сдѣлать разсуждено будетъ, то надобно, по крайней мѣрѣ, положить ему предѣлъ исполненіемъ въ самыхъ только ближайшихъ къ Оренбургу мѣстахъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. И. Панинъ находилъ,

что изолировать Оренбургскую губернію невозможно, что скрывать истину вредно и о происходящемъ подъ Оренбургомъ необходимо объявить во всенародное извѣстіе.

— О возмущеніи, безъ сомнѣнія, извѣстно уже во всемъ государствѣ, говорилъ графъ Панинъ, — и правительство, скрывая его предъ народомъ, придаетъ ему болѣе важности, нежели есть оно на самомъ дѣлѣ. Для отнятія всѣхъ вредныхъ мыслей и толковъ, слѣдовательно и для удержанія сосѣднихъ мѣстъ въ спокойствіи, нужно объявить о томъ манифестомъ во всей Имперіи, именовать мятежниковъ разбойничьими толпами, а Пугачева воровъ и самозванцемъ.

Соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости обнародованія манифеста, государственный совѣтъ не отвергъ предложенія князя Вяземскаго и поручилъ ему составить проектъ объявленія и представить его совѣту ¹⁾.

На слѣдующій день, 10 декабря, Сенатъ разсуждалъ, что «хотя нѣтъ сомнѣнія, чтобъ измѣнникъ Пугачевъ, по взятымъ на пораженіе его мѣрамъ, *вскорѣ истребленъ не былъ (?)*, но какъ всего того надъ нимъ въ дѣйство произвести еще некогда было, а между тѣмъ слухи объ измѣнѣ вездѣ часъ отъ часу распространяются и увеличиваются гораздо больше, нежели сколько въ самомъ дѣлѣ есть, то Сенатъ почитаетъ за нужное, чтобъ о сей измѣннической воровской партіи опубликовано было во всемъ государствѣ отъ высочайшаго ея императорскаго величества имени краткими манифестами, съ точнымъ притомъ объявленіемъ, что какъ самъ предводитель той воровской шайки, измѣнникъ Пугачевъ, такъ равно и тѣ, кои въ сообщество его доннынѣ вступили и впредь паче ожиданія вступятъ, *преданы отъ Св. Синода анафемѣ*».

Въ томъ же засѣданіи князь А. А. Вяземскій предложилъ на обсужденіе другой вопросъ: не слѣдуетъ ли публиковать указъ отъ имени Сената, чтобы населеніе имѣло осторожность отъ разбойническихъ шаекъ. Присутствующіе члены единогласно согласились съ мнѣніемъ генераль-прокурора, но при этомъ постановили,

¹⁾ Архивъ Госуд. Совѣта, т. I, кн. I, стр. 445.

что указъ этотъ долженъ быть отправленъ на усмотрѣніе Биби-кова, и если онъ признаетъ эту мѣру полезною, то публиковать его только въ губерніяхъ: Нижегородской, Казанской и Астраханской, въ Исетской провинціи и Екатеринбургскомъ горномъ вѣдомствѣ¹⁾).

Объявляя, что въ Оренбургской губерніи появилась шайка мятежниковъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ «отважился, даже безо всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя императора Петра III», Правительствующій Сенатъ предостерегалъ населеніе сосѣднихъ губерній, чтобъ оно не вѣрило ложнымъ разглашеніямъ и приняло мѣры къ охраненію себя отъ разбойническихъ партій. Съ этою цѣлью Сенатъ счелъ своимъ долгомъ напомнить жителямъ «и возобновить тѣ осторожности, которыя по причинѣ *бывшей моровой язвы* къ исполненію во всѣхъ селеніяхъ предписаны были: *ибо и сіе зло въ слабыхъ и неосторожныхъ людяхъ подобный моровой язве вредъ произвести можетъ*». Предосторожности эти заключались въ томъ, чтобы въ каждомъ селеніи была оставлена одна дорога для въѣзда и выѣзда, всѣ же остальные или были перекопаны, или заняты днемъ и ночью караулами. На проѣзжей дорогѣ должны были быть поставлены рогатки или ворота для опроса проѣзжающихъ. Въ каждомъ селеніи долженъ быть выбранъ смотритель «изъ лучшихъ людей», на обязанность коего возложено слѣдить за тѣмъ, чтобы «бродяги, а иногда и самые воры въ селеніе впущены не были, ибо ослабѣвъ и разбойническія шайки могутъ въ нищенскомъ одѣяніи и подъ разными видами входить и зло какъ разглашеніемъ, такъ и дѣйствіемъ коварнымъ производить». Всѣхъ подозрительныхъ приказано представлять начальству, шайкамъ бродягъ и разбойниковъ не давать ни пропитанія, ни пристанища, отражать ихъ силой и помогать войскамъ, давая знать о мѣстѣ сбора мятежниковъ. «А какъ долгъ званія дворянскаго обязываетъ оныхъ болѣе пещись о спасеніи невинныхъ крестьянъ своихъ отъ угрожаемаго отъ таковыхъ злодѣевъ разврата, мучительствъ и разоренія и о скорѣйшемъ и совершенномъ истребленіи сихъ без-

¹⁾ Журналъ Сената. Госуд. Арх. VI, д. № 504.

человѣчныхъ злодѣевъ, то и не можно усомниться, чтобы всякій изъ нихъ не употребилъ своего раченія, силъ и возможности, дабы вспомошествовать воинскимъ командамъ, такъ какъ и частнымъ зрителямъ въ вышеприведенномъ искорененіи и поимкѣ злодѣевъ» ¹⁾).

Проектъ этого указа былъ утвержденъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 12 декабря. На другой день онъ былъ уже напечатанъ, а 16 декабря графъ Н. Панинъ читалъ сочиненный имъ манифестъ, который и былъ одобренъ членами совѣта. Обнародованный 23 декабря, манифестъ этотъ впервые разнесъ по всей Имперіи извѣстіе о появленіи подъ Оренбургомъ самозванца подъ именемъ Петра III. «Излишне было бы, говорилось въ манифестѣ, обличать и доказывать здѣсь нелѣпость и безуміе такого обмана, который ни малѣйшей вѣроподобности не можетъ представить человѣку, имѣющему только общій смыслъ человѣческой. Богу благодареніе! протекло уже то для Россіи *страшное невѣжества время*, въ которое симъ самымъ гнуснымъ и ненавистнымъ обманомъ *могли вложить мечъ въ руки брату на брата такіе отечества предатели, каковъ былъ Гришка Отрепьевъ и его послѣдователи*. Уже всѣ истинные сыны отечества познали и долговременно выкупали потомъ плоды внутренняго спокойствія въ такой степени, что нынѣ приводитъ каждаго въ содраганіе и единое тѣхъ плачевныхъ временъ воспоминаніе. Словомъ, нѣтъ и не можетъ нынѣ быть ни одного изъ носящихъ достойно имя Россіянина, который бы не возгнушался толь безумнымъ обманомъ, какимъ разбойникъ Пугачевъ мечтаетъ себѣ найти и обольщать невѣждъ, унижающихъ челоѣчество своею крайнею простотою, *общая вывести ихъ изъ всякой властямъ подчиненности*. Какъ будто бы не самъ Творецъ всея твари основалъ и учредилъ челоѣческое общество таковымъ, что оно безъ посредственныхъ между государя и народа властей существовать не можетъ».

Императрица выражала увѣренность, что всѣ вѣроподданные будутъ гнушаться дерзкимъ обманомъ Пугачева и будутъ содѣйствовать правительству къ возстановленію тишины и покоя.

¹⁾ Указъ Сената отъ 13 декабря 1773 года. Арх. Глав. Штаба (въ Петербургѣ), кн. II, листъ 61. Пушкинъ, т. VI, приложение, стр. 182.

Какъ этотъ манифестъ, такъ и тотъ, который былъ отправленъ съ генераль-маіоромъ Каромъ (отъ 15 октября), императрица приказала перевести на татарскій языкъ, для распространенія въ Башкиріи ¹⁾. Она предоставляла Бибикову сдѣлать въ переводахъ манифестовъ, если признаетъ нужнымъ, поправки, «также вмѣсто имени генераль-маіора Кара включить ваше или же послать и во все особое извѣщеніе». Бибикову поручено было выбрать изъ казанскаго татарскаго «духовенства» людей надежныхъ, «въ башкирскомъ народѣ кредитъ имѣющихъ», и отправить ихъ въ башкирскія селенія для увѣщеванія жителей. «Мы надѣемся, писала при этомъ Екатерина А. И. Бибикову ²⁾, что если сіи отправленные, яко же и прочіе татарскіе по духовенству чиновники, съ тѣмъ усердіемъ и вѣрностію, которою они намъ обязаны, за сіе примутся, то скоро всѣ непорядки прекращены будутъ, тѣмъ надежнѣе, что изъ давнихъ лѣтъ пріобрѣтенная по духовному чину надъ умами башкирцевъ татарская поверхность во всемъ никакого препятствія не полагаетъ».

Бибиковъ отправилъ не только въ Башкирію, но и въ Берду восемь человекъ надежныхъ татаръ и поручилъ имъ уговаривать населеніе, чтобъ оно отстало отъ самозванца, раскаялось и возвратилось въ свои дома.

Независимо отъ этого, по предложенію князя Вяземскаго, Бибиковъ потребовалъ къ себѣ подполковника Лазарева, управлявшаго прежде башкирцами и пользовавшагося ихъ уваженіемъ, но находившагося подъ судомъ за злоупотребленія. Главнокомандующій предложилъ ему, какъ средство заслужить прощеніе, отправиться въ Башкирію и содѣйствовать усмиренію населенія. ³⁾ Лаза-

¹⁾ Письмо князя Вяземскаго Бибикову 30 декабря 1773 года. Арх. Кабинета Его Величества.

²⁾ Въ рескриптѣ, отъ 30 декабря 1773 года. Тамъ же.

³⁾ Поводомъ къ такому предложенію было письмо Веревкина князю Вяземскому, отъ 23 декабря 1773 года, изъ Челябинска:

«Вашему сіятельству, писалъ Верекинъ, изъ рапортовъ моихъ о несчастіи моемъ почти со всею провинціею извѣстно. Чего ради и осмѣливаюсь всенижайше просить, дабы благоволили ввѣренной мнѣ провинціи, находящейся теперь въ крайнемъ бѣдствіи, скорую помощь показать присылкою воинской команды; равнымъ образомъ прислать и для уговору башкирцевъ подполковника Лазарева, потому

ревъ охотно принялъ предложеніе и, снабженный деньгами на подарки вліятельнымъ лицамъ, отправился въ Исетскую провинцію. Въ помощь ему былъ назначенъ коллежскій ассессоръ Тоузаковъ, какъ человекъ знающій въ совершенствѣ бытъ и нравы башкирскаго народа. Съ ними отправлено было двадцать человекъ конвоя, одѣтаго и вооруженнаго по-гусарски, отпущена тысяча рублей на покупку вещей и предоставлено Лазареву право наиболѣе вѣрныхъ башкирцевъ производить въ сотники, пятидесятники и другіе чины, «смотря по людямъ и ихъ важности» ¹⁾. Мѣры эти и извѣстія, что Уфа держится, что она не захвачена еще мятежниками, давали правительству надежду на возможность возвратить башкирцевъ увѣщаніями къ должному повиновенію. Съ усмиреніемъ Башкиріи, положеніе края могло значительно видоизмѣниться и являлась возможность ограничить волненіе предѣлами Оренбургской губерніи. Въ Казанскую губернію направлены были войска, къ Симбирску подходили четыре легкія полевые команды, волжское войско не выказывало сочувствія къ мятежу, а главное утѣшительно было то, что донскіе казаки выражали отвращеніе къ самозванцу и полную готовность содѣйствовать правительству въ усмиреніи бунта.

Еще въ октябрѣ войско Донское постановило выбрать тысячу человекъ изъ лучшихъ казаковъ съ тѣмъ, чтобъ они были готовы къ походу по первому требованію. Для недопущенія въ войско эмисаровъ Пугачева, приказано было атаманамъ станицъ зорко слѣдить за всѣми прїѣзжающими и приходящими, «особливо изъ бродягъ и носящихъ на себѣ образъ нищаго» ²⁾.

Въ концѣ ноября 1773 года полковникъ Илья Денисовъ, тотъ самый, у котораго Пугачевъ находился на ординарцахъ и который наказалъ его «нещадно плетью», просилъ разрѣшенія военной коллегіи собрать изъ войска донскаго пятьсотъ человекъ казаковъ и съ ними идти прямо подъ Оренбургъ для пораженія

что онѣй башкирцами крайне любимъ и надѣюсь на милость Божію, что онѣй можетъ съ успѣхомъ сію комиссію исполнить». Госуд. Арх., VI, д. № 504.

¹⁾ Письма Бибикова князю Вяземскому, отъ 8 и 29 января. Рапортъ его Сенату, отъ 8 марта 1774 г., № 57. Госуд. Арх., VI, дѣло № 504. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

²⁾ Архивъ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ), книга I.

самозванца ¹⁾). Одобрѣя такое предложеніе, императрица приказала полковнику Денисову, съ выбранными имъ казаками, слѣдовать въ Самару, гдѣ и поступить подъ начальство генераль-маіора Мансурова ²⁾).

Послѣдующія извѣстія относительно донцовъ были еще болѣе успокоительнаго свойства. «Я уже имѣлъ счастье доносить вашему сіятельству, писалъ Рычковъ князю Вяземскому ³⁾, въ письмахъ, отправленныхъ изъ Харькова, что разсѣявшійся тамъ слухъ, будто бы извѣстная толпа мятежниковъ шатается въ округѣ Царицына, дѣлалъ ѣзду мою весьма опасною ⁴⁾. Но приблизясь къ Царицыну, узналъ я, что сторона наша спокойна и больше еще утѣшился тѣмъ, что, проѣзжая станицами донскихъ казаковъ и стараясь постороннимъ образомъ извѣдать мысли ихъ въ разсужденіи Пугачева и всей измѣннической его толпы, нашелъ ихъ въ весьма хорошемъ расположеніи. Они гнушаются мерзостью его дѣйствій и больше еще стыдятся и того, что Донъ имѣлъ несчастье произвести сіе чудовище на свѣтъ. Въ такомъ точно расположеніи нашелъ я, по крайней мѣрѣ, всѣхъ тѣхъ, съ конями мнѣ и бывшимъ при мнѣ разговаривать случилось».

То же самое подтверждалъ и оберъ-комендантъ крѣпости св. Дмитрія, генераль-маіоръ Потаповъ. Посланные имъ для наблюденія за донскими казаками офицеры, проѣхавшіе по рѣкамъ Дону, Сѣ-

¹⁾ Рапортъ полковника Денисова военной коллегіи, отъ 23 ноября 1773 года Государств. Арх., VI, д. № 504.

²⁾ Указъ военной коллегіи А. И. Бибикову 17 января 1774 года, № 57. Москов. Арх. Главн. Штаба. Журналъ секретной экспедиціи, кн. 54, листъ 23.

³⁾ Въ письмѣ, отъ 23 декабря 1774 года. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

⁴⁾ Коллежскій ассессоръ Рычковъ былъ главнымъ смотрителемъ Ахтубенскихъ шелковыхъ заводовъ и ѣхалъ на Ахтубу. Принявъ мѣры къ сохраненію спокойствія на заводахъ, Рычковъ писалъ князю Вяземскому, что «мерзость дѣлъ сего общаго злодѣя, раздирающаго спокойствіе отечества, приводитъ всѣхъ въ крайнее безпокойство, и злодѣянія его, надѣюсь, извѣстны вашему сіятельству. По точному извѣстію, сей убійца дни и ночи препровождаетъ въ пьянствѣ, но къ сохраненію своему наблюдаетъ разныя осторожности, и потому средство, кое приходитъ мнѣ иногда на мысль, истребить сіе чудовище способомъ человѣка смѣлаго и отчаяннаго (который бы подъ видомъ, что предался на его сторону, исполнилъ сіе дѣло) кажется ненадежнымъ, не говоря о томъ, сколь трудно будетъ отыскать и такого отчаяннаго». Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

верному Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, единогласно донесли, что ни въ одной изъ станицъ не встрѣтили сочувствія къ Пугачеву, причѣмъ ротмистръ Аванасій Болдыревъ, бывшій въ Зимовейской станицѣ, донесъ, что жена и дѣти Пугачева «по бѣдности между дворовъ бродятъ» ¹⁾.

Это донесеніе возбудило вопросъ, какъ поступить съ имѣніемъ Пугачева, съ его женой, дѣтьми и племянникомъ, бывшимъ въ Петербургѣ и находившимся уже подъ присмотромъ. Такъ какъ они не принимали никакого участія въ бунтѣ, то, спрашивала Екатерина: «справедливо ли будетъ ихъ арестовать, ибо и Петръ Великій часто говаривалъ: *«братъ мой, а умъ свой»*».

Государственный совѣтъ постановилъ, что «для возбужденія омерзѣнія къ Пугачеву злодѣянію должно домъ его на Дону, если найдется, или пустое мѣсто, гдѣ онъ живалъ, чрезъ палача разоривъ выжечь и посыпать солью». Семейство же самозванца и его племянника отправить въ Казань къ А. И. Бибикову, «разсуждая, писала Екатерина ²⁾, что можетъ быть они послужить вамъ иногда могутъ и нѣкоторымъ способомъ къ скорѣйшему и удобнѣйшему извлеченію изъ заблужденія легковѣрныхъ невѣждъ». Въ грамотѣ, данной по этому поводу войску Донскому ³⁾, императрица повелѣвала: жену, дѣтей и буде есть братьевъ самозванца, «безъ оказанія имъ наималѣйшаго огорченія, яко неимѣющимъ участія въ злодѣйскихъ дѣлахъ его, Пугачева», отправить къ генераль-маіору Потапову для препровожденія ихъ въ Казань и «устыденія тѣхъ, кои въ заблужденіи своемъ самозванцовой лжи поработились».

«Привезенную къ вамъ (въ Казань) прямую жену Пугачева, писалъ впослѣдствіи главнокомандующій А. М. Лунину ⁴⁾, извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное,

¹⁾ Рапортъ коменданта крѣпости св. Дмитрія, генераль-маіора Потапова, военной коллегіи, отъ 16 декабря 1773 года, № 7,159. Арх. Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листы 335—338.

²⁾ Въ рескриптѣ Бибикову, отъ 10 января 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 485.

³⁾ Отъ 10 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ), книга II, листъ 329.

⁴⁾ Въ письмѣ, отъ 19 марта. *Рус. Архивъ* 1866 г., 385.

ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить и чтобъ она въ народѣ, а паче черни могла рассказы-вать, кто Пугачевъ и что она его жена. Сіе однакожь надлежитъ сдѣлать съ манерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣреніемъ; паче-жъ думаю въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою рассказывала о немъ кому можно или кстати будетъ...»

«Что же касается до дома Пугачева, находившагося въ Зимовій-ской станицѣ, то «въ какомъ бы онъ худомъ или лучшемъ состояніи ни находился, сказано было въ грамотѣ отъ 10 января, и хотя бы состоялъ онъ въ развалившихся только хижинахъ, имѣетъ Донское войско, при присланномъ отъ оберъ-коменданта крѣпости св. Дмитрія штабъ-офицеръ, собравъ священный той станицы чинъ, старѣйшинъ и прочихъ оной станицы жителей, при всѣхъ при нихъ съечь и на томъ мѣстѣ чрезъ палача или профоса пепель разсѣять; потомъ то мѣсто огородить надолбами или рвомъ окопать, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, яко оскверненное жительствомъ на немъ всѣ казни и лютыя истязанія дѣлами своими превоспедшаго злодѣя, котораго гнусное имя останется мерзостію на вѣки, а особливо для донскаго общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, хотя отнюдь однимъ такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донскаго, ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачиться и нима-лѣйшаго претерпѣть не могутъ нареканія».

Назначенные генераломъ Потаповымъ майоръ Рукинъ и войскомъ Донскимъ старшина Туровѣровъ отправились въ Зимовей-скую станицу. Прибывъ на мѣсто 4 февраля 1774 года, они не нашли въ станицѣ семейства Пугачева и узнали, что оно живетъ въ Есауловской станицѣ у матери жены самозванца. Домъ послѣдняго былъ проданъ еще осенью 1773 года отставному казаку Еремѣю Евсееву за 24 р. 50 к. и перевезенъ имъ въ Есаулов-скую станицу. Не смотря на это, Рукинъ и Туровѣровъ признали необходимымъ отобрать домъ отъ Евсеева, сломали его и пере-везли «прямо на то мѣсто, гдѣ его, злодѣя, Зимовейской станицы обитаніе имѣлось». Затѣмъ какъ домъ, «такъ и при рѣкѣ хижина съ огорожею и съ нѣсколькимъ числомъ садовыхъ деревьевъ»

6 февраля были сожжены, пепель разбѣянъ и мѣсто это окопано ровомъ для «оставленія на вѣчныя времена безъ поселенія, яко оскверненное злодѣйскимъ жительствомъ». При этомъ жители заявили майору Рукину, что, гнушаясь и «мерзя злодѣйскими пороками» Пугачева, желаютъ переселиться на другое мѣсто, «о чемъ и просить намѣрены позволить имъ оное исполнить, дабы и имя сей станицы (хотя оно для положенія своего отъ наводненія предъ другими и выгоднѣе) могло совсѣмъ уничтожиться ¹⁾».

Одновременно съ искорененіемъ имени Пугачева въ войскѣ Донскомъ, императрица приказала предавать публичному сожженію чрезъ палача всѣ его манифесты и воззванія ²⁾. Сенатъ объявилъ объ этомъ указъ 10 января 1774 года, съ прибавленіемъ, чтобы манифесты эти отнюдь не читались въ народѣ и никому не объявлялось ихъ содержаніе; но военная коллегія поручила А. И. Бибикову подлинныя указы самозванца жечь, а копіи съ нихъ доставлять въ коллегію ³⁾.

«Между прочими мѣръ принятіями къ искорененію злодѣйствъ Пугачева, писалъ графъ З. Г. Чернышевъ Бибикову ⁴⁾, не бесполезно кажется быть можетъ и обѣщаніе нѣкотораго награжденія тѣмъ кто его живаго взявъ приведетъ къ оренбургскому-ли губернатору, или же къ военнымъ нашимъ командирамъ. Таковое обѣщаніе помянутымъ губернаторомъ дѣйствительно и учинено, но какъ оно слишкомъ умѣренно, то пишу я теперь къ г. Рейнсдорпу и находящемуся въ Яицкомъ городкѣ подполковнику Симону, дабы учинили они публикацію, что *за приведеніе означеннаго самозванца живаго дано будетъ въ награжденіе десять тысячъ рублей*».

Къ этому графъ Чернышевъ присоединилъ, что по просьбѣ главнокомандующаго императрица приказала отправить въ Казань

¹⁾ Рапортъ Потапова военной коллегіи 13 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба. Опись 47, кн. II. Желаніе станичниковъ, какъ увидимъ, было исполнено и станица наименована Потемкинскою.

²⁾ Бумаги Екатерины, *Сборникъ Историч. Общества*, т. XIII, 441.

³⁾ Указъ военной коллегіи Бибикову отъ 4 января 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба. Журн. Секретн. Экспед., кн. 54, листъ 2.

⁴⁾ Отъ 4 января 1774 года. *Записки Академіи*. Т. I. Приложение № 4, стр. 48.

тысячу человекъ малороссійскихъ казаковъ ¹⁾. «Въ сихъ изстари ненависть примѣчена къ лицамъ, писала Екатерина Бибикову ²⁾, а употребить ихъ будете какъ знаете».

XIV.

Прибытіе войскъ, назначенныхъ въ распоряженіе А. И. Бибикова. — Пораженіе мятежниковъ у Самары и пригорода Алексѣевска. — Планъ наступательныхъ дѣйствій. — Дѣйствія полковника Юрія Бибикова. — Пораженіе мятежниковъ у сел. Сухарева. — Освобожденіе Заинска. — Занятіе Нагайбака и крѣпости Бакалы. — Дѣйствія князя П. Голицына и генераль-маіора Мансурова. — Воззваніе къ калмыкамъ. — Пораженіе мятежниковъ у деревни Захаркиной. — Состояніе Оренбурга.

Въ то время, когда формировалось казанское ополченіе и А. И. Бибиковъ принималъ мѣры къ усмиренію башкирцевъ, къ театру военныхъ дѣйствій стали подходить войска. 7 января прибыли на подводахъ три эскадрона Изюмскаго гусарскаго полка, а 8 января вступилъ въ Казань второй баталіонъ 2-го гренадерскаго полка. Чрезъ два дня, 10 января, прибылъ Владимірскій полкъ; 17 января—Архангелогородскій карабинерный и 27 числа остальные роты Томскаго полка ³⁾.

Въ этотъ промежутокъ времени въ Симбирскъ прибыла 22-я легкая полевая команда; въ Сызрань—24-я легкая полевая команда и въ Саратовъ—два эскадрона поселенныхъ бахмутскихъ гусаръ ⁴⁾. 30 декабря генераль-аншефъ Бибиковъ получилъ извѣстіе, что генераль-маіоръ Мансуровъ, заболѣвшій горячкою и пролежавшій

¹⁾ Указъ Сенату отъ 15 января 1774 года. Арх. Кабинета Его Величества. Казакамъ этимъ приказано было собраться въ Глуховъ и слѣдовать чрезъ города Ливны, Воронежъ, Новохоперскъ, Керенскъ, Саранскъ, Алатырь, Свияжскъ и Казань, всего 1,153 версты. Они выступили тремя эшелонами: первый 12 февраля, второй 14 и третій 16, и должны были прибыть въ Казань чрезъ 48 дней. Рапортъ Малороссійск. коллегіи Сенату 17 февраля 1774 года. Государ. Арх., VI, д. № 504.

²⁾ Въ письмѣ отъ 15 января 1774 года. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*. Т. XIII, 382.

³⁾ Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 507; Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

⁴⁾ При отправленіи этихъ эскадроновъ изъ Качалинской станицы, командиръ ихъ, капитанъ Соболевъ, донесъ, что за старостію и ознобленіемъ ноги выступить въ походъ не можетъ, и эскадроны были поручены капитану Краевичу.

въ Серпуховѣ безъ памяти семь дней, оправился отъ болѣзни, нагналъ 23-ю и 25-ю легкія полевые команды и съ ними слѣдуетъ къ Симбирску, но находится еще въ 400 верстахъ отъ города ¹⁾).

Прибытіе этихъ войскъ значительно усиливало боевыя средства Бибикова, «но, писалъ онъ ²⁾), къ утушенію заразы сего очень мало». Главнокомандующій очень хорошо понималъ, что не Пугачевъ важенъ, а важно всеобщее негодованіе. «Пугачевъ चु-чело», говорилъ Бибиковъ, «которою воры — лицкіе казаки — играютъ» ³⁾). На мѣстныя гарнизонныя команды положиться было невозможно, «что я уже испытаніемъ знаю», писалъ Бибиковъ ⁴⁾). «Сія негодница довольна, что ихъ не трогаютъ и до первой деревни дошедши, остановясь, присылаютъ рапорты, что окружены и далѣе идти нельзя. Нужно было нѣсколько разъ посылать имъ на выручку. Они ободрили злодѣевъ (на столько), что осмѣлились въ самые имъ лѣзть глаза». Населеніе было увѣрено, что войска не желаютъ идти противъ государя, и простой народъ явно говорилъ, что солдаты драться не будутъ. Бибиковъ слышалъ эти рассказы по пути въ Казань, слышалъ и то, что въ нѣкоторыхъ полкахъ, какъ на примѣръ во Владимірскомъ пѣхотномъ, ходили разнаго рода непріятныя слухи. Солдаты жаловались на тяжелую службу, говорили, что ихъ привели въ Петербургъ для участвованія въ церемоніи бракосочетанія великаго князя Павла Петровича, а не дали даже и «по чаркѣ водки». Они роптали на то, что ихъ заставляли вбивать сваи на дворцовой набережной, и говорили, что служба такъ тяжела, что они положатъ оружіе предъ появившимся «царемъ». Извѣстіе о походѣ было встрѣчено съ большою радостію. «Не на Воронежъ ли?» спрашивали солдаты другъ друга: «если туда, то дай Богъ, потому что тамъ все дешевле» ⁵⁾). По прибытіи въ Москву, солдаты рассказывали, что

¹⁾ Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 525.

²⁾ Въ письмѣ къ своей супругѣ отъ 30 декабря 1773 года. *Записки о жизни и службѣ Бибикова*, изд. 1865 года, приложение, стр. 87.

³⁾ Письмо А. И. Бибикова Д. И. фонъ-Визину отъ 29 января 1774 года. Тамъ же, стр. 76. Въ заголовкѣ письма ошибочно напечатанъ ноябрь мѣсяцъ.

⁴⁾ Чернышеву отъ 17 января 1774 года. Архивъ Главнаго Штаба (въ С.-Петербургѣ), кн. II, листъ 551.

⁵⁾ Показаніе сержанта Владимірскаго полка Ивана Наумова. Госуд. Архивъ, VI, д. № 466.

появившійся подъ Оренбургомъ не Пугачевъ, а истинный государь, «да и государыня уже труситъ», говорилъ сержантъ Филиппъ Мухинъ ¹⁾, «то въ Раненбомъ (Ораніенбаумъ), то туда, то сюда ѣздитъ, а графовъ Орловыхъ и духъ уже не помянется».

За полкомъ учрежденъ былъ строгій надзоръ, и въ Нижнемъ было арестовано нѣсколько солдатъ. Арестъ этотъ произвелъ грустное впечатлѣніе на А. И. Бибикова, и онъ «дьявольски трусилъ за своихъ солдатъ, чтобъ они не сдѣлали такъ же, какъ гарнизонные: не сложили оружія предъ мятежниками» ²⁾. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій рѣшился дѣйствовать наступательно и, прежде всего, очистить отъ мятежниковъ Самарскую линію. Избирая для этой цѣли находившіяся вблизи Самары легкія полевые команды и не имѣя понятія ни о составѣ офицеровъ, ни объ образѣ мыслей нижнихъ чиновъ, А. И. Бибиковъ отправилъ въ Симбирскъ и Самару лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика Державина съ порученіемъ сдѣлать «примѣчаніе какъ на легкія обѣ полевые команды, такъ и на гусаръ: въ какомъ состояніи они находятся и во всемъ ли исправны и какіе недостатки? каковыхъ имѣютъ офицеровъ и въ какомъ состояніи строевыя лошади?» ³⁾

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій отправилъ два предписанія: одно командиру 24-й полевой команды, майору Муфелю, двинуться изъ Сызрани и выгнать мятежниковъ изъ Самары; а другое командиру 22-й команды, подполковнику Гриневу, выступить изъ Симбирска, присоединить къ себѣ бахмутскихъ гусаръ и слѣдовать на соединеніе съ Муфелемъ.

Отойдя верстъ тридцать отъ Сызрани, Муфель встрѣтилъ бѣжавшихъ изъ Самары: дворянъ съ ихъ семействами, капитана Балахонцева съ 23 солдатами и прапорщика Панова съ казаками. Узнавъ отъ нихъ, что Самара занята мятежниками, Муфель поспѣшилъ движеніемъ, и 28 декабря былъ уже въ пяти верстахъ отъ города, въ селѣ Рождественскомъ.

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ князя Волконскаго, 6 февраля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 465.

²⁾ Письмо А. И. Бибикова Д. И. фонъ-Визину 29 января 1774 года.

³⁾ Предписаніе Бибикова Державину, отъ 29 декабря 1774 года. *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. V, стр. 1.

Здѣсь ему передали, что, по распоряженію атамана Арапова, партія въ 300 ставропольскихъ калмыковъ должна была атаковать отрядъ съ тыла, въ то время, когда самъ Араповъ двинется съ фронта.

Устроивъ вагенбургъ въ селеніи Рождественскомъ, майоръ Муфель, въ 7 часовъ утра, 29 декабря, подошелъ къ Самарѣ, гдѣ былъ встрѣченъ огнемъ изъ двухъ полевыхъ и шести чугунныхъ орудій. Не теряя времени на перестрѣлку, онъ смѣло двинулся впередъ, и хотя встрѣтилъ упорное сопротивленіе, но штыками выгналъ мятежниковъ изъ города, захватилъ 200 человекъ плѣнныхъ и всѣ орудія, причемъ самъ лишился трехъ человекъ убитыми и пятнадцати ранеными. «Злодѣевъ хотя и побито довольноное число, доносилъ онъ ¹⁾), однако за великимъ снѣгомъ и мятежью, которыми трупы заносило, никакъ исчислить было не можно, да и здѣшними обывателями многіе трупы были покрадены».

Донося о своихъ дѣйствіяхъ Бибикову, майоръ Муфель свидѣтельствовалъ о храбрости всѣхъ чиновъ, и въ особенности хвалилъ команду волжскихъ казаковъ, которые «немало свергали ихъ (мятежниковъ) съ коней пиками» ²⁾. Онъ писалъ, что «всѣ въ Самарѣ жители болѣе оказываютъ суровости нежели ласки», и что «самарское духовенство всемилостивѣйшую нашу государыню въ поминовеніи изъ эктеній исключило». Спрашивая Бибикова, какъ поступить со священниками, нарушившими обязанности и присягу вѣрноподанныхъ, Муфель доносилъ, что за неимѣніемъ свинца онъ долженъ нѣсколько дней пробыть въ городѣ, и просилъ прислать ему «хотя малую частицу карты, дабы я могъ узнать окрестности сего мѣста, а отъ старой карты ничего узнать не можно».

Между тѣмъ, 4 января прибылъ въ Самару подполковникъ Гриневъ со своимъ отрядомъ, при которомъ находился и поручикъ

¹⁾ Въ рапортѣ 31 декабря 1773 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кнѣга IV.

²⁾ Въ статьѣ «Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину» (*Русск. Вѣстн.* 1872 года, № 7, стр. 21) авторъ упоминаетъ о командѣ *польскихъ* казаковъ и недоумѣвая, откуда они явились, строитъ нѣсколько предположеній. Предположенія эти ошибочны и произошли отъ невѣрнаго чтенія документа, слѣдуетъ читать: *вожскихъ*, а не *польскихъ*.

Державинъ, имѣвшій предписаніе главнокомандующаго изслѣдовать, кто изъ жителей наиболѣе виновенъ во встрѣчѣ мятежниковъ. Всѣхъ таковыхъ было приказано отправить въ Казань, «а нѣкоторыхъ для страха жестоко на площади наказать плетью при собраніи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребыть въ твердости и живота своего, какъ вѣрные подданные, падить не должны» ¹⁾.

Въ теченіе двухъ дней Гриневъ, при содѣйствіи Муфеля и Державина, занимался возстановленіемъ порядка въ городѣ и приведеніемъ къ присягѣ жителей, отъ которыхъ отбирались подписки, что они впредь останутся вѣрными императрицѣ, не будутъ имѣть ни тайныхъ, ни явныхъ сношеній съ мятежниками и какъ самого Пугачева, такъ и его шайки будутъ почитать злодѣями, измѣнниками и разбойниками.

Что касается духовенства, то оно все оказалось виновнымъ, но Державинъ не призналъ возможнымъ арестовать его, опасаясь, «что лиша церкви служенія, не подложить бы въ волнующійся народъ, обольщенный разными коварствами, сильнѣйшаго огня къ зловердному разглашенію, что мы, наказуя поповъ, стѣсняемъ вѣру».

Раздѣляя это мнѣніе, главнокомандующій потребовалъ, чтобы казанскій архіепископъ Веніаминъ отправилъ въ Самару новыхъ священниковъ, а тѣхъ, которые оказались виновными, приказалъ прислать въ Казань. Отправивъ ихъ въ числѣ 9 человекъ, подполковникъ Гриневъ въ 2 часа ночи, на 7 января, выступилъ изъ Самары къ Алексѣевску со сборнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ пѣхоты, кавалеріи и четырехъ единороговъ ²⁾.

Темная ночь и сильная мятель замедляли движеніе, и въ 9 часовъ утра Гриневъ остановился въ восьми верстахъ отъ пригорода Алексѣевска съ тѣмъ, чтобы дать людямъ отдохнуть и по-

¹⁾ Предписаніе А. И. Бибикова Державину 29 декабря 1773 года. *Сочиненія Державина*, изд. Я. К. Грота, т. V, стр. 2.

²⁾ Опредѣлить численность отряда Гринева нѣтъ никакой возможности. Въ рапортѣ А. И. Бибикову онъ доносилъ, что у него было: «команды моей 80, да 24-й команды при командирѣ премьеръ-маіорѣ Муфелѣ 57; также отъ обѣихъ командъ были драгуны и егери; сверхъ того, Бахмутскаго полка два эскадрона неполные гусаръ и 30 человекъ, при есаулѣ, волгскихъ и саратовскихъ казаковъ».

кормить лошадей. Но ни того, ни другого не удалось исполнить, такъ какъ мятежники, въ числѣ 2,000 человекъ ¹⁾, подъ начальствомъ двухъ атамановъ: Арапова и Чулошникова, атаковали только-что остановившійся отрядъ. Построивъ каре, въ которомъ одинъ фась составляли гусары и казаки, второй—егеря, третій—мушкетеры и четвертый—драгуны, подполковникъ Гриневъ приказалъ открыть огонь и постепенно подвигался впередъ. Отвѣчая огнемъ изъ трехъ орудій, мятежники, почти всѣ конные, произвели рядъ атакъ, но прорвать каре не могли. Понеся весьма значительныя потери отъ разрывныхъ гранатъ, которыхъ сами не имѣли, мятежники стали отступать, будучи преслѣдуемы гусарами и казаками.

У самаго пригорода Алексѣевска Араповъ и Чулошниковъ пытались снова остановить Гринева, но и на этотъ разъ неудачно. Бой, продолжавшійся въ теченіе почти цѣлаго дня, окончился занятіемъ Алексѣевска. Потерявъ убитыми пять нижнихъ чиновъ и девять ранеными, подполковникъ Гриневъ захватилъ три чугунныхъ орудія съ 60 ядрами и 230 штукъ рогатаго скота ²⁾. Населеніе города было приведено къ присягѣ, а виновные въ возмущеніи были пересѣчены плетью въ церковной оградѣ при собраніи всего народа ³⁾.

Отсюда, въ 3 часа утра, 9 января, подполковникъ Гриневъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Самарѣ къ Красному Яру, гдѣ, по свѣдѣніямъ, собрались ставропольскіе калмыки. Онъ успѣлъ захватить триста штукъ рогатаго скота и двѣсти овецъ, но калмыковъ не настигъ, такъ какъ они вмѣстѣ со своею ханшей Дербетовою ушли за Араповымъ и Чулошниковымъ, отступившими вверхъ по рѣкѣ Кинелю.

Извѣстія о прогнаніи мятежниковъ изъ Самары и Алексѣевска и донесеніе Державина о благонадежности легкихъ полевыхъ командъ успокоили А. И. Бибикова и вселили въ немъ увѣренность, что

¹⁾ Въ составѣ толпы мятежниковъ находилось: 400 казаковъ, 600 калмыковъ, 300 черкесовъ и 700 человекъ мужиковъ, татаръ и другихъ.

²⁾ Репорты подполковника Гринева Бибикову 7 и 11 января 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 507 (1).

³⁾ *Записки Державина*, изд. Я. К. Грота, т. VI, стр. 472.

войска будутъ обходиться съ сообщниками Пугачева какъ съ мятежниками. «Это придаетъ мнѣ храбрость», писалъ главнокомандующій ¹⁾); являлась возможность перейти въ наступленіе, столь необходимое въ особенности со стороны Башкирин, гдѣ дѣла были въ самомъ печальномъ положеніи.

Донесеніе Веревкина о происшествіи въ Челябинскѣ и затруднительное положеніе города Кунгура также озабочивали А. И. Бибикова. Кунгуръ находился въ пятистахъ верстахъ отъ Казани, а Челябинскъ еще дальше. Подать скорую помощь имъ было невозможно, потому что бунтъ распространился слишкомъ широко, и мятежники, перейдя рѣки Каму и Вятку, разграбили Иштымскій Иноземцова заводъ и набирали себѣ ополченіе почти у самой Казани. Войскамъ приходилось водворять спокойствіе на огромномъ пространствѣ, прежде чѣмъ они могли дойти до Кунгура. Не зная объ энергическихъ дѣйствіяхъ маіора Попова, генераль-аншефъ Бибиковъ утѣшалъ себя тѣмъ, что на помощь городу явится коллежскій ассессоръ Башмаковъ, который, доносилъ онъ ²⁾), не только «своими служителями заводы свои, укрѣпя, защищаетъ, но и высылаетъ команды для поиска надъ злодѣями». Скоро однакоже и Башмаковъ призналъ свое безсиліе и писалъ Бибикову ³⁾), что «безъ подкрѣпленія регулярной воинской команды наше войско вовсе сумнительно и ненадежно, и теперь остается единая ко спасенію намъ надежда — высокая милость Божія».

Спѣшить на помощь по первому призыву или заявленію было невозможно, а разбрасывать войска по разнымъ направленіямъ и мелкими частями даже вредно. Оцѣнивъ свое положеніе, А. И. Бибиковъ рѣшился усмирять край постепенно и хотя медленно, но вѣрно. Онъ приказалъ генераль-маіору Мансурову принять общее начальство надъ четырьмя легкими полевыми командами, продолжать наступленіе «живо и проворно», распространить свои поиски вверхъ по

¹⁾ Въ письмѣ фонъ-Визину. *Записки о жизни и службѣ Бибикова*. Изд. 1865 года, стр. 76.

²⁾ Императрицѣ отъ 8 января. Военно-ученый Арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 99.

³⁾ Въ рапортѣ отъ 18 января. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

рѣкѣ Самарѣ и войти въ связь съ отрядомъ генералъ-маіора Фреймана, расположеннымъ въ Бугульмѣ ¹⁾). Очистивъ отъ мятежниковъ пространство между Самарой и Бугульмой и закрывъ селенія отъ набѣговъ, оба генерала должны были двигаться къ Оренбургу, составляя авангардъ главныхъ силъ генералъ-маіора князя Голицына, попеченію котораго ввѣрено было «очищеніе земли къ сторонѣ Оренбурга» ²⁾).

«Если Оренбургъ имѣетъ пропитаніе», писалъ главнокомандующій графу З. Г. Чернышеву ³⁾), «то надѣюсь его спасти, а симъ уповаю и главную всему злу переломлю преграду. Но маршемъ поспѣшить великія настоятъ трудности, потому что число подводъ для подвоза пропитанія на корпусъ и для способствованія городу выходить большое по дальнему и степному положенію. А притомъ разсѣвшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постовъ Фреймановыхъ проходу нѣтъ и на насъ лѣзутъ. Конвоированіе великаго подвоза требуетъ по степнымъ мѣстамъ людей; безъ прикрытія же и самую Казань со стороны Башкиріи оставить нельзя».

Для дѣйствія со стороны Башкиріи были сформированы два отряда: капитана Кардашевскаго, изъ пятидесяти гренадеръ и роты гусаръ съ однимъ орудіемъ, и полковника Юрія Бибикова изъ четырехъ ротъ 2-го гренадерскаго и трехъ ротъ (эскадроновъ) Изюмскаго гусарскаго полковъ (всего сто коней) при двухъ орудіяхъ.

Слѣдуя чрезъ городъ Арскъ и далѣе къ рѣкѣ Вяткѣ до впаденія ея въ Каму, капитанъ Кардашевскій долженъ былъ очистить все это пространство отъ шатающихся мятежниковъ, а полковникъ Бибиковъ — освободить Мензелинскъ и Заинскъ и очистить дорогу изъ Бугульмы, соединяющую Казань съ отрядомъ Фреймана ⁴⁾).

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Бибикова 5 января 1774 года. Военно-ученый Архивъ, отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 92.

²⁾ Тоже отъ 17 января 1774 года. Тамъ же, листъ 109.

³⁾ Отъ 17 января 1774 года. Архивъ Главн. Штаба (въ Петербургѣ). Секретныя бумаги о Пугачевѣ, кн. II, листъ 551.

⁴⁾ Рапортъ Бибикова военной коллегіи отъ 21 января 1774 года, № 13. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

4 января Юрій Бибииковъ выступилъ изъ Казани съ своимъ отрядомъ, а на слѣдующій день двинулся и капитанъ Кардашевскій. При деревнѣ Каюкахъ онъ встрѣтилъ небольшую толпу бродягъ, оказавшихъ весьма малое сопротивленіе и разбѣжавшихся въ разныя стороны. Захвативъ три человѣка въ плѣнъ, Кардашевскій дошелъ до рѣки Вятки и не только не встрѣтилъ мятежниковъ, но и не «слыхалъ, чтобы гдѣ злодѣи шатались». Считая задачу свою относительно этой мѣстности исполненною, Кардашевскій пошелъ на соединеніе съ полковникомъ Юріемъ Бибииковымъ.

Послѣдній, слѣдуя чрезъ село Алексѣевское и Старошешминскъ, 13 января встрѣтилъ мятежниковъ въ селеніи Сухаревѣ, въ тридцати верстахъ отъ Заинска. Подходя къ селенію, полковникъ Бибииковъ послалъ впередъ подполковника Бедрягу съ гусарами и ротой гренадеръ, и приказалъ занять его. Мятежники разрушили мостъ черезъ лощину предъ Сухаревымъ, но, не смотря на то и на глубокой снѣгъ, подполковникъ Бедряга почти безъ сопротивленія занялъ селеніе. Мятежники расположились вокругъ отряда въ трехъ деревняхъ и хотя находились всего въ 2—4 верстахъ, но Бибииковъ принужденъ былъ остановиться на день въ селеніи Сухаревѣ, чтобы дать отдыхъ утомленному отряду. «Пушки у меня такъ тяжелы», писалъ онъ, «что я отъ нихъ время весьма много потерялъ; дороги такъ снѣжны, что и одна лошадь насилу можетъ идти».

Въ восьмомъ часу утра, 14 января, Ю. Бибииковъ атаковалъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и всѣ три селенія (Ерыклы крещенныя, Ерыклы и Туба магометанскія) сжегъ до основанія, «авось либо», писалъ онъ, «послѣ узнаютъ свое заблужденіе и возвратятся на путь истинный» ¹⁾. Захваченныхъ въ плѣнъ мужиковъ полковникъ Бибииковъ пересѣкъ; сухаревского священника, читавшаго манифестъ Пугачева, и двухъ отставныхъ солдатъ, изъ коихъ одинъ кричалъ гусарамъ, чтобъ они перешли на сторону самозванца, отправилъ въ Казань въ секретную комиссію. Обращая

¹⁾ Рапортъ полковника Ю. Бибиикова А. И. Бибиикову 15 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

вниманіе главнокомандующаго на энергію и храбрость подполковника Бедряги, Юрій Бибииковъ просилъ прислать ему три или четыре 3-хъ-фунтовыя пушки, а тѣ орудія, которыя у него были, оставить въ Заинскѣ, «ибо съ ними», говорилъ онъ, «никуда не могу поспѣвать, изнуря въ дорогѣ людей и лошадей».

16 января Ю. Бибииковъ выступилъ изъ селенія Сухарева по направленію къ Заинску. Вереть за шесть отъ деревни Аскариной отрядъ былъ встрѣченъ атаманомъ Аренкуломъ Асѣевымъ съ шестьюстами мятежниковъ и тремя орудіями. Послѣ непродолжительной перестрѣлки Бибииковъ приказалъ ротѣ гренадеръ овладѣть батареей, что и было исполнено. Мятежники обратились въ бѣгство, «но, доносилъ Ю. Бибииковъ, бѣгъ имъ былъ весьма неудаченъ, ибо они, скакавъ безпорядочною толпой, другъ дружкѣ мѣшали и вязли въ снѣгу». Подполковникъ Бедряга со своими гусарами рубилъ всѣхъ увязшихъ, и мятежники оставили на полѣ сраженія до 200 тѣлъ.

Изъ деревни Аскариной отрядъ двинулся къ Заинску и былъ встрѣченъ мятежниками, расположившимися впереди города въ числѣ до 1,400 человѣкъ. Выставивъ на пригоркѣ три орудія, предводители толпы приставили къ нимъ канонировъ, захваченныхъ въ Заинскѣ и приказали имъ открыть огонь. Раздѣливъ свой отрядъ на три колонны, полковникъ Бибииковъ приказалъ: майору Неклюдову уничтожить рогатки, поставленныя на дорогѣ, капитану Плахутѣ со второю колонной и поручику конной гвардіи Кошелеву съ третьей занять предмѣстье, раздѣленное рвами на двѣ части, и выгнать изъ него мятежниковъ. Самъ же Бибииковъ, поднявшись на высоту, находившуюся саженьяхъ въ 200 отъ города, поставилъ на ней батарею, а подполковнику Бедрягѣ съ гусарами приказалъ обойти городъ и стать за перелѣскомъ.

Наступавшія колонны были встрѣчены выстрѣлами, но безвредными, потому что канониры стрѣляли сначала по верхъ головъ, а потомъ скатили свои пушки подъ гору и сами бѣжали къ атакующимъ.

Потеря трехъ орудій и мѣткій огонь батареи, выставленной полковникомъ Бибииковымъ, заставили мятежниковъ очистить городъ. Они бѣжали въ разсыпную, и «тутъ опять предсталъ случай

гусарамъ продолжать свою работу». Подполковникъ Бедряга, «какъ искусный и храбрый кавалерійскій офицеръ», стремительно преслѣдовалъ бѣгущихъ, и на протяженіи не болѣе двухъ верстъ изрубилъ до 300 человекъ; въ городѣ же найдено до ста убитыхъ и раненыхъ.

Въ Заинскѣ полковникъ Бибиковъ захватилъ подпрапорщика Буткевича, сдавшего городъ вмѣстѣ съ капитаномъ Мертвецовымъ, арестовалъ священника и дьякона, служившихъ молебны о здравіи самозванца. Отправивъ ихъ въ Казань, въ секретную комиссію, Юрій Бибиковъ доносилъ, что пробудетъ въ Заинскѣ дня четыре, «ибо со всѣхъ сторонъ приходятъ крестьяне, татары съ повинною, и сколько таковыхъ будетъ, донесу. Солдаты, которые положили ружья, прогнаны сквозь строй; дьячки за крикъ многолѣтія высѣчены»¹⁾.

Донесеніе это весьма обрадовало главнокомандующаго; «хотя писалъ правитель его канцеляріи²⁾, вездѣ посланныя команды имѣютъ поверхность надъ злодѣями, но не было еще столь громкаго удара, каковой распространилъ повсюду деташаментъ Юрія Богдановича».

Приказавъ исключить изъ донесенія все, что относилось до наказанія, понесеннаго населеніемъ занятаго города, и представляя его въ копіи императрицѣ, А. И. Бибиковъ выражалъ увѣренность, что край «очистится отъ сей нечистой сволочи», и послѣдствія этихъ побѣдъ будутъ благотворны³⁾. Дѣйствительно, на другой день по занятіи Заинска къ полковнику Бибикову явились съ повинною 22 деревни и заявили, что и прочіе ихъ односельцы, взятые мятежниками на службу, возвращаются въ дома. Ю. Бибиковъ выдавалъ имъ билеты и отпускалъ по домамъ, «ибо, доносилъ онъ⁴⁾, держать мнѣ ихъ негдѣ, потому что тысячи четыре вчерашній день у меня ихъ съ повинною было».

¹⁾ Рапортъ полковника Ю. Бибикова отъ 18 января 1774 года. Рапортъ генераль-маіора Фреймана генераль-аншефу Бибикову 19 января 1774 года, № 25. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III и IV.

²⁾ Алексѣй Бушуевъ, отъ 21 января. Государств. Архивъ, VI, д. № 527.

³⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ А. И. Бибикова, отъ 21 января 1774 года, № 5. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло 104 (А), листъ 112.

⁴⁾ Рапортъ полковника Ю. Бибикова, отъ 19 января 1774 года. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

Изъ Заинска Ю. Бибиковъ пошелъ на освобожденіе маіора Перскаго, окруженнаго мятежниками въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ. Еще 27 декабря казанскій губернаторъ фонъ-Брандтъ отправилъ командира 2-го баталіона казанскаго гарнизона, маіора Перскаго, съ 100 человекъ и однимъ орудіемъ, къ Мензелинску. Онъ поручилъ ему ввести порядокъ въ городѣ и вступить въ управленіе, такъ какъ воевода Мажаровъ и маіоръ Тихановскій убѣжали въ Казань, за что и были преданы суду ¹⁾.

Дойдя до села Елабуги, Перскій былъ окруженъ мятежниками, и хотя выдержалъ нападеній пять, но пройти къ Мензелинску признавалъ невозможнымъ. Онъ доносилъ, что по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы собралось болѣе шести тысячъ мятежниковъ, и просилъ помощи ²⁾.

Полковникъ Бибиковъ 26 января выступилъ изъ Заинска и, прибывъ въ сел. Ляки, писалъ, что не встрѣтилъ нигдѣ мятежниковъ, «да и отъ Мензелинска всѣ бѣгутъ въ степь, а большая часть въ Нагайбакѣ теперь жмется» ³⁾. Отправивъ маіора Неклюдова съ ротой гренадеръ и ротой гусаръ, Бибиковъ приказалъ ему выручить Перскаго, что и было исполнено, причемъ въ происшедшей схваткѣ мятежники потеряли до 200 человекъ убитыми ⁴⁾.

Прибывъ 30 января въ Мензелинскъ, полковникъ Бибиковъ не нашелъ и тамъ мятежниковъ; они, въ числѣ до двухъ тысячъ человекъ, собрались въ селѣ Пьяномъ-Бору, въ 15 верстахъ отъ города, на рѣкѣ Камѣ, гдѣ и построили укрѣпленіе «изъ дровъ на подобіе палисаду», дороги идущія въ село были завалены засѣками и колодами ⁵⁾.

На слѣдующее утро, 31 января, Ю. Бибиковъ отправилъ подполковника Бедрягу съ тремястами человекъ пѣхоты, эскадро-

¹⁾ Рапортъ Брандта Сенату 8 января 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 504.

²⁾ Рапортъ Перскаго генералу Брандту 21 января. Показаніе крестьянина Кириллы Михайлова 25 января 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

³⁾ Рапортъ Ю. Бибикова главнокомандующему 28 января. Тамъ же.

⁴⁾ Всеподдан. донесеніе А. И. Бибикова, отъ 29 января 1774 года, № 7. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 121.

⁵⁾ Рапортъ Бибикова, отъ 2 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

номъ гусаръ и четырьмя пушками ¹⁾), и приказалъ ему выгнать толпу изъ Пьянаго-Бора, а укрѣпленія сжечь.

Подходя къ селенію, Бедряга былъ встрѣченъ авангардомъ мятежниковъ, охранявшихъ дорогу, но оттѣснилъ ихъ и приготовился къ штурму укрѣпленія. Онъ раздѣлилъ свои силы на три колонны и, поручивъ ихъ майору Неклюдову, конной гвардіи поручику Кошелеву и 2-го гренадерскаго полка поручику графу Санти, съ трехъ сторонъ двинулся на укрѣпленіе. Мятежники встрѣтили наступающихъ сильнымъ огнемъ, но послѣ жаркой схватки были отброшены и бѣжали, преслѣдуемые гусарами; засѣвшіе въ избахъ были переколоты. Въ отрядѣ Бедряги убитыхъ не было, а раненыхъ было всего 8 человекъ ²⁾). Мятежники оставили на полѣ сраженія до 400 человекъ и лишились 60 человекъ, захваченныхъ въ плѣнъ, «которыхъ, доносилъ Юрій Бибииковъ, я наказалъ кошками подъ висѣлицей и отпустилъ попрежнему въ свои дома. Теперь со всѣхъ сторонъ, изъ селъ и деревень, пріѣзжаютъ съ повинною; въ однѣ сутки 40 деревень признали свою вину и у меня явились. Февраля 1 числа прислалъ ко мнѣ злодѣйскій атаманъ Торновъ, изъ Нагайбака, отставнаго прапорщика Скугаревского, брата роднаго тому, что у меня переводчикомъ. Не отвѣчая ему ничего на вопросъ, велѣлъ публично, при наказаніи плѣнныхъ, профосу подъ висѣлицей сжечь. Капитанъ Алексѣевъ, что былъ въ Нагайбакѣ съ командой, оставя городъ, сочтя себя малымъ оный защищать, обще съ воеводой ретировался въ Мензелинскъ, котораго я теперь арестовалъ и держу подъ карауломъ до повелѣнія вашего высокопревосходительства».

Съ разсѣяніемъ мятежниковъ, собравшихся у Пьянаго-Бора, почти весь Мензелинскій уѣздъ до самой рѣки Ика былъ успокоенъ, за исключеніемъ части, прилегавшей къ Нагайбаку, на помощь которому была отправлена изъ окрестностей Уфы толпа въ

¹⁾ Введенный въ заблужденіе собственноручною припиской А. И. Бибиикова въ рапортъ императрицѣ, Д. Анучинъ невѣрно показалъ составъ отряда и ошибочно называетъ полковника Бибиикова Василиемъ. Василій Бибииковъ, тоже полковникъ, находился въ Екатеринбургѣ.

²⁾ Въ числѣ раненыхъ стрѣлами были: артиллеріи поручикъ Байковъ и гусарскаго полка прапорщикъ Готовицкій.

четыре тысячи человекъ, съ 11—13 орудіями. Ю. Бибиковъ предупредилъ мятежниковъ занятіемъ Нагайбака, и они остановились въ крѣпости Бакалахъ¹⁾. Взявъ съ собою 300 человекъ пѣхоты, 120 гусаръ, 50 казаковъ и три орудія, Юрій Бибиковъ, въ 2 часа ночи на 11 февраля, выступилъ изъ Нагайбака. Пройдя 38 верстъ, онъ, въ 9 часовъ утра, 11 февраля, атаковалъ Бакалы и, безъ всякой потери въ людяхъ, овладѣлъ укрѣпленіемъ. Лишившись до 400 человекъ убитыми и ранеными, мятежники разсыпались въ разныя стороны, и окрестные жители являлись съ повинной. «Деревень съ полтора ста пріѣхали за билетами, доносилъ Ю. Бибиковъ²⁾, и каждая деревня безъ наряда привезла фуражъ». Онъ разослалъ по дорогѣ въ городъ Уфу приказанія, чтобы населеніе готовило продовольствіе для значительнаго отряда, и «имѣю извѣстіе, писалъ Ю. Бибиковъ, что по всей дорогѣ со всякою покорностью исполняютъ мое повелѣніе». Жители возвращались въ свои дома, и въ Казань стали ежедневно являться съ невнесенными податями и непоставленными рекрутами³⁾. Возстановивъ порядокъ въ Бакалахъ, Ю. Бибиковъ возвратился въ Нагайбакъ, а затѣмъ получилъ приказаніе идти на соединеніе съ княземъ Голицынымъ.

Сосредоточивъ свой отрядъ у рѣки Камы, генералъ-маіоръ князь П. Голицынъ раздѣлилъ его на три колонны: *первая*, или средняя, подъ его личнымъ начальствомъ⁴⁾, должна была двигаться по ново-московской дорогѣ⁵⁾; *вторая*, полковника Изюмскаго гусарскаго полка Хорвата, направлена къ рѣкѣ Черемшану⁶⁾; *третья*, премьеръ-маіора Владимірскаго полка Елагина, къ Билярску⁷⁾.

¹⁾ Рапорты Юрія Бибикова А. И. Бибикову, отъ 6 и 9 февраля 1774 г. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Въ рапортѣ, отъ 12 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ А. И. Бибикова, отъ 15 февраля 1774 года. Воен. учен. Арх., дѣло № 104 (А), листъ 153.

⁴⁾ Въ отрядѣ этомъ находилось: четыре роты гренадеръ и егерская команда, два эскадрона карабинеръ, одинъ эскадронъ гусаръ и шесть орудій полевой артиллеріи.

⁵⁾ Дорога эта проходила изъ Москвы въ Казань, а оттуда, чрезъ Кичуевскій фельдшанецъ, Вугульму, деревню Сарманаеву и сакмарскій городокъ, въ Оренбургъ.

⁶⁾ Двѣ роты гренадеръ и егеря Владимірскаго полка, по одному эскадрону карабинеровъ и гусаръ, съ тремя орудіями.

⁷⁾ Двѣ роты гренадеръ Владимірскаго полка, эскадронъ карабинеръ и три полевыхъ орудія.

Торопясь соединиться съ «неподвижнымъ» отрядомъ генералъ-маіора Фреймана, стоявшимъ въ Бугульмѣ, князь Голицынъ 29 января прибылъ со своею колонною въ Кичуевскій фельдшанецъ, гдѣ узналъ, что мятежники группировались въ слѣдующихъ пунктахъ: у Ставрополя было до 1,400 калмыковъ; отъ Бѣлаго-Яра, вверхъ по рѣкѣ Черемшану, бродила толпа въ 600 человѣкъ; въ деревняхъ Каменкѣ и Шенталѣ, въ 30—40 верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, стоялъ бузулукскій казакъ Чернеевъ съ 1,000 человѣкъ; въ окрестностяхъ Кувацкой слободы партія въ 500 человѣкъ; на рѣкѣ Кинели стоялъ Араповъ съ 400 человѣкъ и за Бугульмой, по дорогѣ къ Оренбургу, въ селѣ Рычковѣ (Спасское тожъ) и деревнѣ Дымской находилось 1,000 человѣкъ съ семью орудіями ¹⁾.

Глубокіе снѣга задерживали движеніе и заставили князя Голицына сформировать команду лыжниковъ; онъ приказалъ, чтобы въ каждой ротѣ было по 25 человѣкъ и всѣ егеря имѣли лыжи ²⁾. Поручивъ затѣмъ маіору Елагину очистить окрестности Ставрополя и войти въ связь съ отрядомъ подполковника Гринева, а полковнику Хорвату разогнать мятежниковъ въ деревняхъ Каменкѣ и Шенталѣ, самъ князь Голицынъ, 4 февраля, перешелъ въ Бугульму, гдѣ и соединился съ генераломъ Фрейманомъ. Въ ту же ночь онъ отправилъ два небольшіе отряда: маіора Варнстедта по московской дорогѣ и полковника Ильина къ Нагайбаку, для открытія связи съ отрядомъ полковника Ю. Бибикова.

Имѣя въ своемъ отрядѣ 160 гренадеръ, 80 карабинеровъ и 10 малолѣтковъ, полковникъ Ильинъ разогналъ небольшія толпы мятежниковъ въ деревняхъ Сумароковой, Акбашѣ, Крымъ-Сараѣ и затѣмъ, получивъ извѣстіе, что Нагайбакъ уже занятъ Ю. Бибиковымъ, онъ повернулъ на оренбургскую дорогу и пошелъ на соединеніе съ маіоромъ Варнстедтомъ.

Послѣдній выгналъ мятежниковъ изъ деревень Рычковой и Дымской и двинулся къ Соку-Кармалинской слободѣ, находившейся

¹⁾ Рапортъ князя Голицына генералу А. И. Бибикову, отъ 29 января 1774 г. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Рапортъ его же, отъ 22 января 1774 г. Тамъ же.

въ 50 верстахъ отъ Бугуруслана, скорѣйшее занятіе котораго признавалось крайне необходимымъ.

Бугурусланъ былъ ближайшимъ къ намъ пунктомъ, въ которомъ мятежники устроили склады продовольствія, обезпечивавшіе какъ отдѣльныя шайки, такъ и толпу, стоявшую подъ Оренбургомъ. Уничтоженіе этихъ складовъ или взятіе ихъ значительно затруднило бы всѣ предпріятія возмутителей, и потому князь Голицынъ приказалъ находившемуся въ окрестностяхъ Черемшанской крѣпости полковнику Хорвату соединиться съ отрядомъ маіора Елагина, какъ можно скорѣе занять Бугурусланъ ¹⁾ и войти въ связь съ отрядомъ генералъ-маіора Мансурова, наступавшимъ по Самарской линіи.

Прибывъ въ Самару, Мансуровъ принялъ общее начальство надъ четырьмя легкими полевыми командами (22-ю, 23-ю, 24-ю и 25-ю), и прежде всего принужденъ былъ имѣть дѣло съ калмыками, грабившими окрестности. Получивъ приказаніе главнокомандующаго обратиться къ калмыкамъ съ увѣщаніемъ, Мансуровъ отправилъ къ нимъ воззваніе, написанное Г. Р. Державинымъ.

«Собственно вамъ самимъ довольно извѣстно, писалъ Мансуровъ калмыкамъ ²⁾, что вы съ нами одной вѣры, одного съ нами почитаете Бога. Собственно вы также знаете, сколько вы имѣли милостей всемилостивѣйшей нашей государыни, бывъ отъ нея награждены какъ жалованьемъ, такъ землей и всѣми угодами, и находились подъ ея щедрымъ покровомъ безъ утѣсненія, то и удивительно всѣмъ, что вы, бывъ до сего люди добрые, сдѣлались нынѣ милосердой государыни измѣнниками.

«Для того послано сіе письмо къ вамъ, чтобы вы, ежели отъ какого неразумѣнія сдѣлали сіе, почувствовались и пришли бы въ раскаяніе. Кто вамъ сказалъ, что Государь Петръ III живъ, послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его? откуда онъ взялся? Но ежели-бъ онъ былъ и живъ, то пришелъ ли бы онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродни-

¹⁾ Репортъ князя Голицына А. И. Вибикову 31 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Госуд. Арх. VI, д. № 527. См. Соч. Державина, т. VII, стр. 20.

ковъ, кто бы за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество—Голштинія и свойственникъ—великій государь Прусскій, котораго вы силу, бывъ противъ него на войнѣ, довольно знаете (?).

«Стыдно вамъ, калмыкамъ, слушаться мужика, бѣглаго съ Дона казака, Емельяна Пугачева, и почитать его за царя, который самъ хуже васъ всѣхъ, для того что онъ разбойникъ, а вы люди честные. Стыдно вамъ повиноваться тому, который можетъ-быть отъ непріятелей нашихъ турокъ подкупленъ лить кровь нашу, стараться помрачить славу російскую и послѣ самъ васъ погубить своимъ злодѣйствомъ.

«Не хотите вы терпѣть господъ, то не стыдно ли вамъ въ то же самое время почитать крестьянина Арапова за своего господина, атамана, и во всемъ его слушаться. А особливо княгинѣ вашей не стыдно ли имѣть съ нимъ дружбу? Для того, ежели вы разсудите и раскаетесь и принесете повинность своей всемилоостивѣйшей государынѣ, то она васъ своимъ матернимъ милосердіемъ въ манифестѣ уже прощаетъ; ускорите пасть къ ногамъ ея, доколь не постигнетъ васъ всѣхъ праведный гнѣвъ ея и строгая казнь. Многочисленные полки ея приблизясь всѣхъ васъ перебьютъ. Жалѣйте жизни своей, женъ, дѣтей своихъ и всего своего имѣнія, которое все погибнетъ безъ остатку.

«Видали вы при Алексѣевскомъ, какъ неустрашимо ея войско, то что вы будете дѣлать, когда оно все на васъ нападетъ? гдѣ вы будете и куда спрячетесь?—васъ земля не будетъ носить; отъ стрѣлянія ея пушекъ слѣдъ вашъ пропадетъ и прахъ вашъ разсѣется по вѣтрамъ. Отнюдь не надѣйтесь на самозванца вашего, онъ васъ не защититъ; онъ не царь вашъ, онъ васъ обманываетъ, а вы развѣ дураки всѣ, что ему вѣрите? Я васъ увѣряю своей головой, что онъ тотчасъ побитъ будетъ, какъ только соберутся и придутъ къ нему полки. Вы же, какъ скоро принесете свою повинность, то простятся вамъ всѣ ваши грабежи и преступленія, и вы будете жить по старому.

«Жалѣючи васъ написано сіе вамъ увѣщаніе. Подумайте и отвѣчайте: что вы еще хотите дѣлать?»

Воззваніе это не понравилось императрицѣ: *«оно такого слога,*

писала Екатерина ¹⁾, *что онаго конечно не напечатано*». По содержанию, воззвание это нельзя назвать удачнымъ, и калмыки, не считая себя одной съ нами вѣры, не касаясь политическаго вопроса, къ кому бы Петръ III долженъ былъ обратиться за помощью, къ казакамъ или голштинцамъ, продолжали хищничать. Въ пять часовъ утра, 20 января, они подъ начальствомъ Дербетева, ворвались въ городъ Ставрополь, и хотя въ городѣ было 249 гарнизонныхъ солдатъ, но они не оказали никакого сопротивленія и не сдѣлали ни одного выстрѣла. Калмыки захватили шесть пушекъ, разграбили лучшіе дома и, уходя изъ города, увели съ собою коменданта, бригадира фонъ-Фегезака, надворнаго совѣтника Милковича, баталіоннаго командира Алашеева и секретаря Микляева. Всѣ эти лица были потомъ найдены убитыми близъ села Буяна, находившагося въ семидесяти верстахъ отъ города.

Разграбленіе Ставрополя и извѣстіе, что калмыки намѣрены напасть на транспортъ съ провіантомъ, отправленный изъ Симбирска въ Самару, заставили генераль-маіора Мансурова командировать подполковника Гринева съ его 22-ю легкою полевой командой и ротой гусаръ къ Красному-Яру. Отступая отъ Ставрополя, Дербетевъ наткнулся на отрядъ Гринева, атаковалъ его, но былъ разбитъ и прогнанъ. Мятежники бросили пять пушекъ, захваченныхъ ими въ Ставрополѣ, потеряли 120 человекъ убитыми и 40 плѣнными. Поручивъ Гриневу преслѣдовать мятежниковъ до Чернорѣченска и зная, что полковникъ Хорватъ слѣдуетъ изъ Черемшана въ Сергіевскъ на соединеніе съ маіоромъ Елагинымъ для скорѣйшаго занятія Бугуруслана, генераль-маіоръ Мансуровъ просилъ его содѣйствовать Гриневу въ пораженіи калмыковъ.

Прибывъ въ Сергіевскъ, полковникъ Хорватъ не засталъ тамъ маіора Елагина, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ выступившаго къ Бугуруслану, и нагналъ его близъ деревни Захаркиной во время боя съ калмыками, собравшимися здѣсь подъ начальствомъ Дербетева въ числѣ до двухъ тысячъ человекъ. Шедшій въ аван-

¹⁾ А. И. Вибикову отъ 16 февраля. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIII, 392.

гардѣ отряда Елагина, Владимірскаго пѣхотнаго полка капитанъ Воронинъ, со 106 человекѣми пѣхоты, 30 гусарами и однимъ орудіемъ, былъ встрѣченъ предъ деревней выстрѣлами изъ трехъ орудій, а затѣмъ окруженъ мятежниками.

Воронинъ два часа отбивалъ атаки, пока подоспѣвшій на поле сраженія полковникъ Хорватъ не отправилъ ему въ помощь весь отрядъ маіора Елагина. Тогда мятежники отступили къ деревнѣ Захаркиной, но были выбиты и шесть верстъ преслѣдуемы кавалеріей. Оставивъ на мѣстѣ сраженія до 150 человекъ убитыми и одну пушку, калмыки разсыпались въ разныя стороны ¹⁾. Дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ за чрезвычайно глубокимъ снѣгомъ оказывалось невозможнымъ, и полковникъ Хорватъ на слѣдующій день перешелъ въ слободу Черкасскую, гдѣ не нашелъ мятежниковъ, отступившихъ въ Борскую крѣпость, находившуюся на Самарской линіи.

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ февраля было очищено отъ мятежниковъ все пространство отъ границъ Башкиріи до рѣки Волги и далѣе на югъ по рѣкамъ Ику и Кинели до Самарской линіи. || 17

Предоставивъ дальнѣйшія дѣйствія противъ толпы, скрывшейся въ Борской крѣпости, генералъ-маіору Мансурову, полковникъ Хорватъ двинулся вверхъ по рѣкѣ Кинели прямо къ Бугуруслану, который и занялъ ²⁾. Здѣсь онъ остановился въ ожиданіи прибытія отряда князя Голицына, но послѣдній, будучи занятъ заготовленіемъ продовольствія какъ для себя, такъ и для Оренбурга, подвигался весьма медленно. Сформированный подвижной транспортъ стѣснялъ движеніе князя Голицына на столько, что онъ могъ прибыть въ Бугурусланъ не ранѣе конца февраля. «Причиной тому, доносилъ главнокомандующій императрицѣ ³⁾, бездорожица и глубокіе снѣга, тежъ подвозъ пропитанія степными мѣстами слиш-

¹⁾ Репортъ полковника Хорвата генералъ-маіору Мансурову отъ 6 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Репортъ полковника Хорвата князю Голицыну отъ 8 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 5 февраля. Бумаги Бибикова, изд. Я. К. Грота. *Записки Академіи наукъ*. Т. I. прилож., стр. 57.

комъ на триста верстъ. Но нѣтъ трудности, которую бы вѣрные и усердные вамъ войска не преодолѣли. Я за нихъ и за себя дерзаю ручаться, что если успѣхъ равенъ будетъ усердію, то увѣнчается и дѣло желаемымъ концомъ. Ни о чемъ такъ не прошу Всевышняго, чтобы благословилъ пробавить Онъ пропитаніе Оренбургу. Что всего опаснѣе».

Прошло четыре мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ городъ этотъ, представленный собственнымъ силамъ и средствамъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ мятежниками. Блокада эта не имѣла ничего характернаго, ничего выдающагося, но была томительна для жителей, ощущавшихъ недостатокъ въ продовольствіи. «По благости Божіей», писалъ оренбургскій губернаторъ, генералъ Рейнсдорпъ, казанскому, фонъ-Брандту ¹⁾, «здѣшнее общество находится въ городѣ благополучно, только крайне беспокоитъ бѣдственное страданіе гражданъ въ хлѣбѣ, который давно у всякаго изшелъ». Рейнсдорпъ принужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ гражданамъ продовольствія изъ казенныхъ магазиновъ, и такимъ образомъ провіантъ выдавался ежедневно болѣе чѣмъ шестнадцати тысячамъ человѣкъ. «Но ежели онаго было бы достаточно, писалъ оренбургскій губернаторъ, то-бъ обойтись можно было, а то и казенный весь безъ остатку въ расходъ вышелъ, слѣдовательно неминуемый наступаетъ голодъ». Фуража для лошадей также не было, и ихъ приходилось кормить хворостомъ, для рубки котораго посылались команды, но рѣдко съ успѣхомъ. Мятежники зорко слѣдили за всѣми выходящими изъ крѣпости, и старались захватить въ плѣнъ, нападая на команды въ несоразмѣрно большемъ числѣ. Положеніе оренбургскаго гарнизона и жителей съ каждымъ днемъ становилось хуже. Началось дезертирство изъ города, и высылаемыя казачьи партіи приводили мало плѣнныхъ. Яицкіе казаки и татары, бывшіе въ Оренбургѣ, находились подъ командой коллежскаго совѣтника Тимашева. «Онъ хотя человѣкъ усердный,

¹⁾ Отъ 4 января 1874 года. «Экстрактъ, сочиненный изъ дѣла о самозванцѣ Емельянѣ Пугачевѣ произведеннаго, объ обстоятельствахъ съ нимъ, Пугачевымъ, и съ измѣническаго его толпой происшедшихъ, и какія притомъ здѣланы распоряженія и дѣйства учинены».

писалъ современникъ ¹⁾, но толще покойнаго князя Ивана Васильевича Одоевскаго и много на него похожъ». По своей тучности, Тимашевъ никогда не выходилъ за ворота, и все что доносили ему казаки считалъ истиной. Развѣдки производились плохо, и что дѣлалось за чертой города—никто ничего не зналъ. Надежды на скорую помощь не было; добыть продовольствіе извнѣ было невозможно. Самымъ лучшимъ исходомъ для города и гарнизона былъ бы штурмъ. Никто не сомнѣвался, что послѣдній будетъ отбитъ, и тогда бы, пользуясь деморализаціей противника, можно было перейти въ наступленіе, захватить запасы въ Бердѣ и хотя на нѣкоторое время обезпечить себя продовольствіемъ. Но Пугачевъ понималъ, что съ такимъ ополченіемъ, какое было у него, взять Оренбургъ невозможно, а отъ дезертировъ зналъ то бѣдственное положеніе, въ которомъ находится населеніе, благодаря недостатку продовольствія. Онъ рѣшился предоставить голоду сдѣлать свое дѣло и не предпринимать штурма, тѣмъ болѣе, что въ это время самозванецъ мечталъ о возможности овладѣть Яицкимъ городкомъ, куда отправилъ часть своихъ силъ, а потомъ и самъ уѣхалъ по приглашенію казаковъ.

XV.

Мѣры, принятыя полковникомъ Симоновымъ къ защитѣ Яицкаго городка. — Дѣятельность Толкачева. — Перестрѣлка гарнизона съ казаками. — Прибытіе Пугачева въ Яицкій городокъ — Минныя работы мятежниковъ. — Взрывъ подкопа и попытка казаковъ штурмовать укрѣпленія. — Выборъ атамана и старшинъ. — Посылка Овчинникова за порохомъ въ Гурьевъ городокъ и возмущеніе въ немъ. — Новый подкопъ. — Женитьба Пугачева на Устинѣ Кузнецовой. — Взрывъ миннаго колодца подъ колокольней. — Отъѣздъ Пугачева подъ Оренбургъ. — Жизнь Устины въ Яицкомъ городкѣ. — Ея придворный штатъ. — Переписка съ Пугачевымъ. — Переговоры Перфильева съ капитаномъ Крыловымъ.

Посланный самозванцемъ для дѣйствія противъ Яицкаго городка казакъ Михаилъ Толкачевъ проѣхалъ черезъ киргизскія урочища на Миргеневскій форпостъ и затѣмъ пошелъ по Яику (Уралу),

¹⁾ Федоръ Сукинъ въ письмѣ петербургскому губернатору 8 апрѣля 1774 года: Рукописная книга изъ собранія графа Уварова, № 559.

забирая съ собою всѣхъ казаковъ. Набравъ такимъ образомъ толпу до 300 человекъ, Толкачевъ въ концѣ декабря подошелъ къ Яицкому городку ¹⁾).

Командантъ, полковникъ Симоновъ, еще послѣ перваго появленія Пугачева принялъ мѣры къ защитѣ и успѣлъ возвести непрерывную линію укрѣпленій. Упираясь обоими концами въ Старицу (старое русло рѣки Яика), укрѣпленія заключали въ своей чертѣ часть города и главныя зданія: домъ войсковой канцеляріи, гауптвахту и проч. Въ чертѣ укрѣпленій, или такъ-называемаго ретраншемента, находилась и соборная церковь съ высокою колокольней. Та и другая составляли одну линію съ валомъ передняго фаса. Колокольня имѣла входъ на самый верхъ, причемъ подъ колоколами были два помоста съ восемью окнами, расположенными на всѣ стороны. На этихъ помостахъ были поставлены двѣ трехфунтовыя пушки и расположены искуснѣйшіе стрѣлки. Поднятыя на значительную высоту и имѣя широкій обстрѣлъ, пушки эти наносили сильный вредъ и дальность ихъ выстрѣла достигала одной версты.

Внутри укрѣпленій былъ помѣщенъ провіантъ; порохъ, сдѣланъ запасъ дровъ и устроены землянки для нижнихъ чиновъ.

Въ такомъ положеніи полковникъ Симоновъ могъ считать себя до нѣкоторой степени обезпеченнымъ отъ штурма и надѣялся удержать городъ до прибытія подкрѣпленій.

Получивъ 29 декабря извѣстіе о приближеніи Толкачева съ толпой, Симоновъ выслалъ на встрѣчу ему старшину Мостовщикова съ 80 человекъ оренбургскихъ и яицкихъ казаковъ. Выступивъ въ ночь на 30 декабря, Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ мятежниками, которые захватили въ плѣнъ 24 человека оренбургскихъ казаковъ и присоединили къ себѣ добровольно передавшихъ всѣхъ яицкихъ. Трое оренбургскихъ казаковъ успѣли избавиться отъ плѣна и предъ зарей прискакали обратно въ городъ ²⁾). Выслушавъ ихъ показаніе, Симоновъ при-

¹⁾ Показаніе Толкачева 14 мая 1774 года. Госуд. Арх. VI, д. № 467.

²⁾ Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншементѣ съ 30 декабря 1773 года по 16 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

казалъ ударить въ набать, служившій сигналомъ, по которому всѣ желающіе казаки должны были перейти въ ретраншементъ подъ защиту войскъ ¹⁾). Такихъ набралось не болѣе 70 человекъ, а большинство осталось въ домахъ изъ опасенія, чтобы Толкачевъ не выжегъ города и не предалъ смерти ихъ женъ и дѣтей. Опасеніе это было тѣмъ болѣе основательно, что Толкачевъ всѣхъ противившихся ему вѣшалъ или бросалъ въ воду съ камнями на шеѣ. Такъ онъ утопилъ атамана Ѳедора Бородина и старшину Мостовщикова, повѣсилъ нѣсколькихъ священниковъ и казаковъ.

Утромъ 30 декабря Толкачевъ подошелъ къ Яицкому городку и былъ сочувственно принятъ жителями. Призвавъ къ себѣ духовенство и собравъ кругъ, онъ объявилъ указъ о вступленіи на престолъ императора Петра III и приказалъ упоминать въ церквахъ его имя и имя наслѣдника цесаревича. Вслѣдъ затѣмъ онъ двинулся къ ретраншементу и вмѣстѣ съ присоединившимися къ нему городскими казаками открылъ огонь. Засѣвъ въ высокія избы и забравшись подъ кровли, мятежники были безопасны отъ ружейнаго огня изъ укрѣпленій, и напротивъ, сами могли бить на выборъ. Поэтому Симоновъ приказалъ стрѣлять преимущественно изъ орудій и направлять огонь на ближайшія строенія; но каленныя ядра пробивали насквозь деревянные стѣны домовъ и, падая въ снѣгъ, потухали. Тогда трое солдатъ 6-й легкой полевой команды вызвались зажечь руками ближайшій дворъ, что и исполнили съ успѣхомъ и безъ всякаго вреда для себя. Пожаръ быстро распространился по всему городу, мятежники стали разбѣгаться, преслѣдуемые выстрѣлами изъ ретраншемента.

Съ наступленіемъ вечера, гарнизонъ произвелъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько строеній. Такія вылазки и поджиганіе домовъ продолжались три дня сряду, и предъ ретраншементомъ образовалась обширная обгорѣлая площадь шириной отъ

¹⁾ А. С. Пушкинъ обвиняетъ Симонова въ робости, но это едва ли справедливо. Осторожность не есть робость, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній мы не встрѣтили ни одного намека въ подтвержденіе этого факта, да и самъ капитанъ Крыловъ, считавшій себя недостаточно награжденнымъ, изложилъ свои заслуги въ письмѣ Г. А. Потемкину, но не упомянулъ, что онъ распоряжался вмѣсто Симонова.

25—100 сажень. Въ глубинѣ ея видѣлись устья улицъ, расхившихся въ разныя стороны и заваливаемыхъ баррикадами. Желая преградить доступъ къ своимъ жилищамъ, казаки строили завалы въ нѣсколько бревенъ толщиной, продѣлывали въ крайнихъ избахъ бойницы и устраивали насыпи въ разныхъ мѣстахъ подъ батареями¹⁾. Сознвая, что и этихъ мѣръ недостаточно, чтобъ обезпечить себя отъ вылазокъ гарнизона, владѣвшаго достаточнымъ числомъ орудій, Толкачевъ отправилъ въ Берду донесеніе о своей дѣятельности, съ просьбой прислать ему помощь, а главное пушекъ. Онъ писалъ, что занялъ городъ, но только потому, что казаки не сопротивлялись; что Симоновъ заперся въ ретраншементѣ, и такъ какъ Дусали-султанъ киргизскій не прислалъ ни одного человѣка, то овладѣть ретраншементомъ онъ не въ силахъ. Пугачевъ тотчасъ же послалъ въ Яицкій городокъ атамана Овчинникова съ 50 казаками, тремя пушками и однимъ единорогомъ, а черезъ нѣсколько дней поѣхалъ туда и самъ, въ сопровожденіи восьми человѣкъ конвоя²⁾.

На другой день послѣ Крещенья, 7 января, Толкачевъ прислалъ сказать духовенству, что государь ѣдетъ въ городъ и приказалъ выдти къ нему навстрѣчу всѣмъ соборомъ. Облачась въ ризы, духовенство вышло за городъ съ крестами и образами, а казаки съ хлѣбомъ и солью. Пугачевъ приложился ко кресту, а потомъ принялъ хлѣбъ-соль и поцѣловалъ ихъ. Увидѣвъ въ толпѣ своего знакомаго Дениса Пянова, самозванецъ обратился къ нему съ вопросомъ: «ну чѣмъ, узнаешь ли ты меня?»

— Какъ не узнать! Вѣдь дѣло-то недавно было.

¹⁾ Журналъ дѣйствій команды въ яицкомъ ретраншементѣ. Показанія казака Ивана Харчова и пономаря Петра Живетина. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 508. См. также статью: «Оборона Яика отъ партій мятежниковъ» въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1824 года, ч. XIX.—Статья эта съ небольшими измѣненіями перепечатана въ *Архивъ князя Воронцова*, кн. XVI, стр. 470. А. С. Пушкинъ разсказъ о происшествіяхъ подъ Яикомъ основалъ на этой статьѣ, но она во многомъ невѣрна, а главное преувеличена опасность положенія гарнизона, его потери и проч.; точно такого же характера и статья «Яицкое казачество 1680—1774» (*Русск. Вѣстн.* 1863 г., № 8). Разсказъ о штурмѣ также преувеличенъ и отчасти искаженъ.

²⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Якова Почиталина. Госуд. Арх., VI, д. №№ 506 и 512.

— Смотри же, я не Емельянъ Ивановъ, а государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ. Я хлѣбъ-соль твою помню и тебя не забуду.

Послѣ обычной церемоніи цѣлованія руки, самозванецъ отправился прямо въ домъ Толкачева ¹⁾, а затѣмъ вышелъ посмотреть на укрѣпленія, построенныя Симоновымъ. Выбравъ наиболѣе удобное, по его мнѣнію, мѣсто, Пугачевъ приказалъ стрѣить на немъ батарею и приступить къ устройству подкопа подъ одну изъ фланговыхъ батарей ретраншемента, болѣе другихъ опасную для жителей города. Для этого, по приказанію самозванца, было собрано до 150 человѣкъ рабочихъ и 11 человѣкъ плотниковъ, руководителемъ коихъ былъ выбранъ мордвинъ, Пензенскаго уѣзда, Яковъ Кубарь. Вся эта толпа подъ предводительствомъ самого Пугачева отправилась въ погребъ казака Ивана Губина, находившійся въ 50 саженьяхъ отъ батареи, и тутъ самозванецъ «самъ въ стѣнѣ, зачертивъ три аршина въ ширину и три аршина въ длину», приказалъ Кубарю вырубить стѣну и рыть подкопъ. Пугачевъ показывалъ какъ производить работу и по нѣскольку разъ, днемъ и ночью, приходилъ въ погребъ, чтобъ слѣдить за ея ходомъ. «Освѣщали оный подкопъ», показывалъ Кубарь ²⁾, «множествомъ салныхъ и восковыхъ свѣчей. Во время работы приказывалъ онъ мнѣ, чтобы не шумѣли, работы производили бы тихо и отдушины дѣлать почаще,—сажени три, четыре и пять одна отъ другой». Подкопъ вели въ прямомъ направленіи, и когда онъ достигъ до 50 сажень длиной, то Пугачевъ приказалъ прекратить работы, говоря, что теперь подошли уже подъ валъ укрѣпленія. Въ концѣ подкопа была поставлена бочка, въ которую насыпали до 10 пудовъ пороха и покрыли его тряпичей. Часа за три до разсвѣта, 20 января, Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ быть готовыми и какъ только послѣдуетъ взрывъ, то штурмовать ретраншементъ. Самъ же онъ вмѣстѣ съ Кубаремъ и однимъ работникомъ спустился въ галлерею «съ зажженною свѣчей, сдѣланной изъ воска, съ особливою свѣтильной, намазанною незнаемо чѣмъ-то для того, чтобъ отъ духа она не погасла». Установивъ свѣчку въ срединѣ

¹⁾ Показаніе пономаря Петра Живетина. Госуд. Арх., VI, № 508.

²⁾ Показаніе Кубаря 15 мая 1774 г. Госуд. Арх., VI, № 467.

боченка, не закрывъ отдушину и не сдѣлавъ забивки горна, самозванецъ вышелъ изъ галлерей. Когда свѣча догорѣла, послѣдовалъ взрывъ, причинившій весьма малый вредъ укрѣпленію, но разрушившій часть контръ-эскарпа, осѣвшего въ ровъ на столько, что послѣдній былъ засыпанъ почти до половины. Дымъ отъ взрыва не успѣлъ еще разсѣяться, какъ огромная толпа мятежниковъ, среди которой были видны женщины, бросилась штурмовать укрѣпленіе. До двухсотъ человекъ спустились въ ровъ и, при помощи лѣстницъ, пытались взобраться на валъ, но, встрѣченные штыками, они не могли овладѣть укрѣпленіемъ. По собравшимся на площади казакамъ былъ открытъ картечный и ружейный огонь, заставившій ихъ разбѣжаться съ огромной потерей. Скрывшись по улицамъ и не смѣя показаться на площадь, казаки засѣли въ крайнихъ домахъ и открыли огонь по ретраншементу, но какъ разстояніе до него было теперь довольно значительно, то выстрѣлы ихъ и не причиняли особаго вреда гарнизону.

Между тѣмъ, спустившіеся въ ровъ мятежники подкапывали насыпь, рубили заплотные столбы и пытались снова взобраться на валъ, но всѣ ихъ попытки оказались безуспѣшными. Будучи отрѣзаны отъ своихъ цѣлою площадью, обстрѣливаемой сильнымъ картечнымъ огнемъ, они не могли ожидать помощи и были не страшны гарнизону. Сначала на нихъ сыпали горячую золу и лили варъ, а потомъ произведена была вылазка подъ начальствомъ подпоручика 6-й легкой полевой команды Полстенова. Принятые въ штыки, мятежники, послѣ слабаго сопротивленія, были выгнаны изъ рва, и какъ только появились на площади, ихъ осыпали картечью и ружейными пулями. Большинство ихъ было или убито, или ранено, и штурмъ укрѣпленія, продолжавшійся около 10 часовъ, лишилъ Пугачева до 400 человекъ его сообщниковъ; потеря гарнизона состояла изъ 15 человекъ убитыми и 22 ранеными¹⁾. Опасаясь вылазокъ, казаки усилили караулы на баррикадахъ и обвинили Кубаря въ измѣнѣ, говоря, что онъ нарочно велъ под-

¹⁾ Журналъ дѣявій команды въ ящикомъ ретраншементѣ съ 30 декабря 1773 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV. Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, д. № 506. «Оборона крѣпости Яика», *Отечественныя Записки* 1824 г., ч. XIX, № 52.

копѣ не туда, куда слѣдовало. Пугачевъ хотѣлъ его повѣсить, но одинъ изъ казаковъ, бывшихъ въ толпѣ, выстрѣлилъ и ранилъ Кубаря въ животъ. Самозванецъ приказалъ отыскать другого минера, и собираясь уѣхать въ Берду, велѣлъ вести новый подкопъ подъ церковь, такъ какъ казаки увѣрили его, что пороховой погребъ гарнизона находится подъ колокольней.

Предъ отъѣздомъ Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ выбрать себѣ атамана, и за нѣсколько дней спрашивалъ разныхъ лицъ, кого бы они желали имѣть своимъ начальникомъ. Большинство указывало на казака Никиту Каргина, чловѣка жестокаго по характеру, но набожнаго, «для спасенія своей души и богомолія» жившаго въ пустынѣ на рѣкѣ Ташлѣ, находившейся въ 100 верстахъ отъ Яицкаго городка и недавно пріѣхавшаго повидаться съ семьей. Самозванецъ призвалъ къ себѣ Каргина, посмотрѣлъ на него пристально и отпустилъ.

— Поди теперь домой, сказалъ Пугачевъ, — а впредь будешь ты мнѣ надобенъ.

Черезъ нѣсколько дней самозванецъ опять призвалъ къ себѣ Каргина и отправился съ нимъ на площадь, гдѣ собранъ былъ казачій кругъ. Тамъ, по приказанію Пугачева, казакъ Иванъ Герасимовъ прочелъ прежній указъ самозванца, въ которомъ онъ жаловалъ казаковъ землей и вольностію, рѣкой Яикомъ со всеми впадающими въ нее рѣками и протоками.

— Извольте, яицкое войско, сказалъ затѣмъ Пугачевъ, — выбрать себѣ атамана и старшинъ, по прежнему вашему обыкновенію, кого хотите — отдаю это на вашу волю. Если выбранные атаманы и старшины не станутъ дѣлать войску удобность и казаки будутъ ими недовольны, то отдаю на ихъ волю, хоть черезъ три дня, стараго атамана и старшинъ смѣнить, а на мѣсто ихъ выбрать другихъ старшинъ, въ кругу, по общему совѣту.

— Довольны, батюшка, надежа-государь, кричали одни, — вашею царскою милостію.

— То-то отецъ-то, кричали другіе, — отдаетъ на нашу волю выборъ атамана! Онъ старинный нашъ обычай по прежнему хочеть возстановить.

Послѣ непродолжительныхъ совѣщаній казаки указали на Ни-

киту Каргина, Аеанасія Перфильева, присланнаго предъ тѣмъ изъ Берды съ письмами къ самозванцу, и на Ивана Фофанова. При этомъ они объявили, что перваго выбираютъ атаманомъ, а послѣднихъ двухъ старшинами.

Услышавъ это, Каргинъ, «не желая быть въ такомъ большомъ достоинствѣ», сталъ передъ самозванцемъ на колѣни и просилъ его уволить отъ этой должности.

— Помилуй, ваше величество, говорилъ онъ, — я этой должности за старостію и неумѣніемъ грамотѣ снести не могу.

— Какъ! такъ ты поэтому мнѣ служить не хочешь? спросилъ съ сердцемъ Пугачевъ. — Весь міръ теперь обращается ко мнѣ, а ты одинъ хочешь противиться?

— Я радъ тебѣ послужить, отвѣчалъ Каргинъ.

— Поздравляю васъ, лицкое войско, сказалъ Пугачевъ, обращаясь къ кругу, — съ выбранными вами старшинами, будь по вашему, я воли съ васъ не снимаю.

— Благодарствуемъ, кричали казаки, — на твоей царской милости.

Самозванецъ отправился въ домъ къ Толкачеву, а казаки вызвали въ средину круга трехъ выбранныхъ и, снявъ шапки, стали просить ихъ принять на себя обязанности по управленію войскомъ.

— Пожалуй, господинъ атаманъ и старшины, говорили, кланяясь, казаки, — примите на себя этотъ трудъ, послужите намъ, лицкому войску, вѣрою и правдою.

— Мы, лицкое войско, не имѣемъ большого разума, отговаривались выбранные, — да и недостойны управлять вами.

«Но напослѣдокъ», показывалъ Перфильевъ ¹⁾, «по многимъ съ обѣихъ сторонъ перекорамъ (кои у нихъ обыкновенно и прежде при такихъ выборахъ въ кругахъ бывали, и хотя бы кто и самъ того чина домогался, однакоже всегда въ кругу отговариваются отъ принятія онаго для того, чтобы больше ихъ просили и чтобы тѣмъ показать свое безкорыстіе), приняли на себя налагаемые чины».

¹⁾ Въ сентябрѣ 1774 года, Госуд. Арх., VI, д. № 425.

— Ну, будь воля ваша, яицкое войско, отвѣчали выбранные, и вступили въ свои должности.

Пугачевъ предоставилъ имъ разбирать судныя дѣла, и виновныхъ въ незначительныхъ преступленіяхъ наказывать самимъ, «а если будутъ какіе противники намѣреніямъ нашимъ (то-есть самозванца) и оказывающіеся въ важныхъ винахъ» (преступленіяхъ), то о таковыхъ доносить и ожидать указа. Для такихъ пощады не было и рѣшеніе бывало одно: *повѣсить* или *казнить смертію*.

Уѣзжая въ Берду, Пугачевъ отправилъ Овчинникова въ Гурьевъ-городокъ съ приказаніемъ забрать тамъ весь порохъ, какой есть, и доставить его въ Яицкій-городокъ.

26 января Овчинниковъ съ нѣсколькими яицкими казаками прискакалъ въ Гурьевъ-городокъ, населеніе котораго, какъ состоящее исключительно изъ казаковъ, тотчасъ же присоединилось къ прибывшимъ. Небольшое число жителей, не-казачьяго сословія, торопилось запереться въ Кремль, но многіе не успѣли этого сдѣлать и были захвачены казаками. Отправлявшій службу священникъ Михайло Яковлевъ, узнавъ о появленіи мятежниковъ, взялъ съ престола крестъ и евангеліе, и въ полномъ облаченіи хотѣлъ также бѣжать въ крѣпость, но видя, что мятежники уже на площади, заперся въ церкви съ немногочисленными прихожанами, по преимуществу женщинами и малолѣтками. Казаки съ бранью требовали, чтобы церковь была отворена и послѣ отказа стали ломать западныя двери. Тогда Яковлевъ отворилъ двери, и мятежники, ворвавшись въ церковь, «бѣгали въ царскія и другія двери, по алтарю и всѣ священническія одежды по полу разметали, въ церковное окно нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей сдѣлали и побили народу человекъ до пятнадцати».

На другой день Овчинниковъ повѣсилъ атамана Филимонова, писаря Жерехова, священника Дмитрія и человекъ до десяти жителей ¹⁾. Забравъ весь порохъ, снаряды и орудія, Овчинниковъ отправился въ Яицкій-городокъ, куда почти слѣдомъ за нимъ при-

¹⁾ Донесеніе Синоду Мееодія, архіепископа астраханскаго, отъ 20 мая 1774 г. Арх. Синода, д. № 3.

ѣхалъ опять и Пугачевъ, съ намѣреніемъ лично руководить минными работами.

Онъ приказалъ собрать до сотни рабочихъ не изъ казаковъ, а изъ поденщиковъ, приходившихъ на Яикъ со всѣхъ концовъ Россіи. Собранные крестьяне стали было отказываться отъ работъ, но когда семь человѣкъ были за это повѣшены, то остальные подчинились распоряженію, и подъ руководствомъ Матвѣя Ситнаго приступили къ работѣ. Работу, какъ и прежде, начали изъ погребѣ дома, находившагося въ саженьхъ во ста отъ колокольни. Рыли галлерею шириною въ сажень, а высотой въ ростъ средняго человѣка, и не прямо, а зигзагами, «то въ ту, то въ другую сторону». Пугачевъ приказалъ дѣлать эти «повороты, сказываютъ, для того, что опасался Симонова, чтобы не вышелъ также подкопомъ противъ ихъ на встрѣчу, а чтобы свѣчи не гасли, такъ вертѣли вверху часто отдушины большимъ колѣнчатымъ буравомъ» ¹⁾. Самозванецъ лично слѣдилъ за работами, производившимися безостановочно, и далъ отдыхъ рабочимъ только въ день своей свадьбы, послѣдовавшей вскорѣ послѣ вторичнаго его пріѣзда въ Яицкій-городокъ.

Окруженный разнохарактерною толпой и будучи самъ далеко несамостоятельнаго характера, Пугачевъ легко поддавался постороннему вліянію и былъ игрушкой въ рукахъ лицъ, преслѣдовавшихъ свои личныя и узко-корпоративныя цѣли. По совѣту такихъ лицъ, онъ задумалъ жениться и притомъ непременно на казачкѣ.

— Ты какъ женишься, говорили совѣтники, — такъ войско яицкое все къ тебѣ прилежно будетъ.

Одобривъ эту мысль, Пугачевъ собралъ къ себѣ старшинъ и совѣтовался съ ними. Старшины говорили, что надобно еще подождать и не торопиться женитьбой.

— Ты, замѣтили они, — не основалъ еще порядочно царство.

— Въ томъ есть моя польза, отвѣчалъ на это съ сердцемъ самозванецъ.

«А какъ предъ симъ, показывалъ впоследствии Михайло Тол-

¹⁾ Показаніе Рыбной слободы дворцоваго крестьянина Петра Таркова, 16 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 467.

качевъ, Пугачевъ трехъ дѣвокъ изъ Яицкаго городка въ Берду уже взялъ и съ ними въ одной кибиткѣ жилъ, то старшины, чтобы впредь такого похищенія не могъ сдѣлать и притомъ видя его наклонности, рассудили согласиться съ желаніемъ самозванца».

— Когда есть въ томъ, государь, ваша польза, сказали они, — то женитесь.

Пугачевъ избралъ своими сватами Толкачева и Почиталина, которые и отправились въ домъ казака Кузнецова, зная что у него есть дочь шестнадцатилѣтняя Устинья, «дѣвица хорошая и постоянная, а притомъ и Пугачевъ уже о ней слышалъ».

Въ то время казака Петра Кузнецова не было дома: онъ уѣхалъ на погребеніе умершаго племянника. Единственная его дочь Устинья, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ лишившаяся матери, сидѣла дома самъ-другъ со снохою своею, Анною Григорьевою. Замѣтивъ, что къ воротамъ дома подъѣхали Михайло Толкачевъ съ женой и Иванъ Почиталинъ, Устинья хотѣла-было спрятаться, но была удержана пріѣхавшими.

— Не бѣгай, говорили гости, — мы пріѣхали тебя посмотреть и хотимъ высватать за гвардіонца.

Устинья остановилась молча, и гости, «побывъ малое время», уѣхали, а черезъ нѣсколько часовъ пріѣхали опять въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ казаковъ. Увидя въ своихъ сѣняхъ гостей, молодая дѣвушка испугалась и спряталась подъ полъ.

— Гдѣ Устинья? спрашивали пріѣзжіе, входя въ избу.

— Не знаю, отвѣчала сноха.

— Вѣдь ей не убѣжать! говорили казаки, уходя и бранясь что не застали дома.

Вышедшая изъ-подъполья Устинья была въ большемъ смущеніи и не знала что вокругъ ея совершалось.

— Что они, дьяволы, псовы дѣти, ко мнѣ привязались! говорила она, жалуюсь снохѣ.

Между тѣмъ пріѣхали домой ея братья, Андрей и Егоръ, и почти слѣдомъ за ними и въ третій уже разъ сваты, съ большимъ числомъ казаковъ. Устинья убѣжала въ сосѣднюю горницу, но по приказанію пріѣхавшихъ, «запросто, безъ всякаго наряда», была

приведена снохой. Сконфуженная дѣвушка стояла прислонившись къ печкѣ предъ многочисленнымъ собраніемъ, «и не успѣли ей еще никто и ничего сказать», какъ самъ Пугачевъ вошелъ въ двери и сѣлъ на лавку.

— Покажите мнѣ невѣсту, сказалъ самозванецъ.

Сноха взяла Устинью за руку и подвела къ Пугачеву.

— Хороша, проговорилъ онъ,—хороша!.. Поздравляю тебя, ты будешь современемъ всероссійскою царицей.

Самозванецъ вынулъ нѣсколько серебряныхъ денегъ, рублей тридцать, и передавая ихъ своей невѣстѣ, поцѣловалъ ее.

Въ самый разгаръ этой сцены вернулся домой отецъ нареченной царицы, отставной казакъ Петръ Кузнецовъ. Трудно было ему понять, что происходило въ домѣ, но недоразумѣніе его скоро разъяснилось.

— Ты хозяинъ? а это дочь твоя? спрашивалъ Пугачевъ.

— Да, отвѣчалъ Кузнецовъ.

— Я намѣренъ на ней жениться и спасибо тебѣ, что кормилъ и поилъ ее.

Кузнецовъ бросился самозванцу въ ноги «и плакалъ горько о томъ, что она молодехонька, принуждена идти замужъ неволею».

— Меня некому ни обшить, ни обмыть, говорилъ онъ,—а старухи (жены) не имѣю.

— Чтобы къ вечеру готово было къ сговору, сказалъ строго Пугачевъ,—а завтра быть свадьбѣ.

Эти слова еще болѣе огорчили отца и дочь, и они были въ «великихъ слезахъ».

— Не плачь и готовься къ вѣнцу, сказалъ самозванецъ, и вмѣстѣ со своими сообщниками оставилъ на время домъ Кузнецова.

Предъ сумерками женихъ прислалъ Устинѣ сарафанъ и рубашку голевую, сороку и шубу длинную лисью и приказалъ къ вечеру снарядиться, «что она въ той горницѣ у печки и исполнила; убрали ее подружки, а первая тутъ сваха была жена Толкачева».

«Устинья, показывалъ Иванъ Почиталинъ, сперва не хотѣла было за него идти, равнымъ образомъ и отецъ не очень былъ до-

воленъ, потому больше, что ихъ дѣло казачье, а отдають дочь за царя, такъ не скоро привыкнетъ къ царской поступи». Такъ думалъ одинъ изъ ближайшихъ наперсниковъ Пугачева, но чистая по натурѣ Устинья не могла и въ послѣдствіи свыгнуться со своею горькою долей, и инстинктъ подсказывалъ ей, что сначала женихъ, а потомъ мужъ, былъ не кто другой какъ самозванецъ.

Одѣтая въ нарядное платье, она все у той же печки дождалась приѣзда Пугачева. Послѣдній посадилъ невѣсту рядомъ съ собою и приказалъ подносить вино: пили, въ лицѣ Пугачева, за здоровье Петра III, великаго князя Павла Петровича и супругу его Наталью Алексѣевну, пили за невѣсту, почти за каждого изъ присутствовавшихъ и вообще пьянство продолжалось до самой утренней зари.

Утромъ Пугачевъ съ поѣзжанами и большою свитой приѣхалъ за невѣстой и вмѣстѣ съ нею отправился въ церковь Петра и Павла, гдѣ собрано было духовенство всего Яицкаго городка. Церемонія поѣзда состояла въ томъ, что впереди жениха и невѣсты ѣхало множество казаковъ со знаменами и значками разныхъ цвѣтовъ. Въ церковь были допущены самые близкіе, а вся остальная свита расположилась кругомъ въ ожиданіи параднаго салюта. Служили всѣмъ соборомъ, но кто именно вѣнчалъ — Устинья не видала, «ибо покрыта была фатой и горько плакала». По окончаніи вѣнчанія былъ произведенъ салютъ изъ ружей и новобрачные принимали поздравленія, допуская къ рукѣ всѣхъ присутствовавшихъ. Заплативъ духовенству двадцать рублей, Пугачевъ приказалъ, чтобъ Устинью «поминали на ектеніяхъ *благовѣрною императрицей*», и затѣмъ новобрачные отправились въ домъ Толкачева, гдѣ былъ приготовленъ парадный обѣдъ. Во время тостовъ и поздравленій всѣ называли Устинью *благовѣрною* государыней и подходили къ ея рукѣ. Послѣ обѣда церемонія окончилась подарками роднымъ невѣсты и нѣкоторымъ изъ приближенныхъ самозванца. Отецъ молодой, Петръ Кузнецовъ, получилъ въ подарокъ лисью шубу; сестра Устиньи, Марья, бывшая замужемъ за казакомъ Семеномъ Шелудяковымъ, получила пять аршинъ канавату и пять аршинъ голи; казакъ Денисъ Пьяновъ — пять рублей деньгами, а остальные были награждаемы зипунами и бешметами разной цѣны

и достоинства. Въ тотъ же день ко мнимой государынѣ были назначены изъ казачекъ двѣ фрейлины: Прасковья Чапурина и Марья Череватая, а главною надзирательницей за всѣмъ домомъ Аксинья Толкачева, жена сподвижника самозванца ¹⁾).

Вся эта церемонія не отуманила Устинью и не вселила въ ней убѣжденія, что изъ простой казачки она стала чѣмъ-то особеннымъ. Она не вѣрила въ свое возвышеніе и старалась выяснить свое положеніе.

— Подлинно ли ты государь? спрашивала она наединѣ Пугачева. — Я сомнѣваюсь въ томъ, потому что ты женился на простой казачкѣ. Ты меня обманулъ и заѣлъ мою молодость: ты чловѣкъ старый, а я молодешенька.

— Я современемъ бороду-то обрѣю, отвѣчалъ самозванецъ, — и буду тогда помоложе.

— Безъ бороды казаки тебя любить не будутъ.

— Я самъ не люблю бороды брить, сказалъ Пугачевъ какъ бы спохватившись, что проговорился, — а сдѣлаю это въ угодность развѣ тебѣ одной.

— Вѣдь ты имѣешь государыню — какъ ее бросить! а нигдѣ не водится, чтобъ имѣть двѣ жены.

— Какая она мнѣ жена, когда съ царства свергнула — она мнѣ злодѣйка.

— Такъ тебѣ ея не жаль?

— Нисколько; жаль только Павлушу, онъ законный мой сынъ, а ей, какъ Богъ допуститъ въ Петербургъ, срублю голову.

— Тебя туда не допускать. У государыни людей много, тебѣ прежде срубить голову.

— Я скоро возьму Оренбургъ, и тогда до Питера дойду безпрепятственно.

— До Питера еще много городовъ.

— Только бы Оренбургъ взять, а тамъ всѣ ко мнѣ преклонятся ²⁾.

¹⁾ Сравни съ рассказомъ А. С. Пушкина. Соч. т. VI, изд. 1881 г., стр. 49.

²⁾ Показанія: Пугачева 4 ноября 1774 года, Михаила Толкачева, Устиньи Кузнецовой, Петра Кузнецова, Марьи Шелудяковой, Никиты Каргина, дьячка Ивана Корчагина, пономаря Петра Живетина, Ивана Почиталина и другихъ. Государственный Архивъ, VI, дѣла №№ 506, 512 и 467.

Оренбургъ-то взять было трудно, а Яицкій-городокъ казалось легче. Подкопъ приходилъ къ концу, и въ половинѣ февраля минеры дорылись до камня, очевидно фундамента колокольни. Тогда самозванецъ приказалъ не двигаться болѣе впередъ, а вырыть въ концѣ подкопа глубокую яму, чтобы положить въ нее боченки съ порохомъ. Всѣ рабочіе были распущены по домамъ съ приказаніемъ не выходить изъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока Ситновъ съ приближенными Пугачева успѣютъ зарядить колодезь и произвести взрывъ ¹⁾.

Между тѣмъ, въ полночь, 19 февраля, явился въ укрѣпленіе къ Симонову малолѣтокъ, казачій сынъ Иванъ Неулыбинъ, и объявилъ, что казаки намѣрены вновь атаковать укрѣпленіе и что они подвели подкопъ подъ колокольню. Неулыбинъ былъ принятъ сначала за человѣка, подосланнаго Пугачевымъ, чтобы подобнымъ извѣстіемъ поколебать гарнизонъ, заставить его снять посты, ближайшіе къ колокольнѣ и тѣмъ облегчить мятежникамъ доступъ къ этому пункту. Тѣмъ не менѣе извѣстіе это не могло быть оставлено безъ всякаго вниманія, и полковникъ Симоновъ приказалъ вывезти весь хранившійся подъ колокольней порохъ и приступить къ устройству контръ-минной галлерей. Едва только успѣли вывезти часть пороха, какъ послѣдовалъ взрывъ, и колокольня, говоритъ очевидецъ, «съ удивительною тихостію начала валиться въ ретраншементъ. На самомъ верху оной спали три человѣка; не разбудя, ихъ снесло и съ постелями на землю, чему, по высотѣ зданія, трудно даже повѣрить; бывшую наверху пушку съ лафетомъ составило на низъ. Хотя паденіе было тихо и камни, не бывъ разбросаны, свалились въ груды, однако около 45 человѣкъ лишились при семъ жизни» ²⁾.

Лишь только послѣдовалъ взрывъ, Симоновъ приказалъ тотчасъ же открыть артиллерійскій и ружейный огонь, предполагая, что мятежники попытаются овладѣть укрѣпленіемъ; но казаки не рѣшились на приступъ. Въ темнотѣ слышны были только крики и понуканія старшинъ.

¹⁾ Показаніе крестьянина Петра Таркова 16 мая 1774 года. Тамъ же, д. № 467.

²⁾ Оборона крѣпости Яика. *Отечественныя Записки*, 1824 года. Ч. XIX, № 52, стр. 171.

— На сломъ! кричали они, — на сломъ, атаманы-молодцы!

Казаки не слушались и впередъ не подвигались, а засѣвъ за своими завалами, ограничивались однимъ крикомъ. Не видя никого вблизи укрѣплений, полковникъ Симоновъ приказалъ уменьшить огонь, и хотя штурма не было, но крики и визгъ продолжались до свѣта.

19 февраля въ городкѣ было замѣчено большое движеніе, которое продолжалось и на слѣдующій день. То были сборы въ дорогу и отъѣздъ Пугачева въ Берду.

— Смотри же, старикъ, говорилъ самозванецъ, обращаясь къ Каргину, — послужи мнѣ вѣрою и правдою. Я теперь ѣду въ армію подъ Оренбургъ и возвращусь оттуда скоро, а государыню здѣсь оставляю. Вы почитайте ее такъ, какъ меня, и будьте ей послушны.

Избравъ лучший въ городкѣ домъ старшины Андрея Бородина, Пугачевъ помѣстилъ въ немъ свою молодую жену со всѣмъ придворнымъ ея штатомъ и приказалъ, чтобъ у воротъ ея дома былъ постоянный караулъ изъ яицкихъ казаковъ. Ближними при ней были назначены: отецъ, Петръ Кузнецовъ, Михайло Толкачевъ и Денисъ Пьяновъ. Пугачевъ требовалъ, чтобъ Устинья писала ему письма, и какъ она была неграмотна, то оставилъ ей форму и приказалъ подписываться такъ: *Царица и государыня Устинья*. Она исполняла приказаніе мужа въ точности и въ отвѣтъ получала письма самозванца, почти всегда съ препровожденіемъ какихъ-либо вещей или денегъ, которыя она была обязана хранить до востребованія.

«Всеавгустѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Устинѣ Петровнѣ», писалъ Пугачевъ ¹⁾, «любезнѣйшей супругѣ моей радоватися желаю на несчетныя лѣты. О здѣшнемъ состояніи, ни о чемъ другомъ свѣдѣнію вашему донести не нахожу: по сіе теченіе со всею арміей все благополучно, напротиву того я отъ васъ всегда извѣстнаго полученія ежедневно слышать и видѣть писаніемъ желаю. При семъ послано отъ двора моего

¹⁾ Письмо это писано изъ-подъ Оренбурга, но безъ числа и мѣсяца. Государственный Архивъ, VI, д. № 418.

съ подателемъ сего, казакомъ Кузьмою Фофановымъ, семь сундуковъ за замками и за собственными моими печатами ¹⁾, которые, по полученіи, вамъ что въ нихъ есть не отмыкать и поставить къ себѣ въ залы, до моего императорскаго величества прибытія. А фурманъ одинъ, который съ симъ же Фофановымъ посылается, о чемъ по полученіи сего имѣете принять и въ крайнемъ смѣтрѣніи содержать; сверхъ того что послано съѣстныхъ припасовъ, тому при семъ прилагается точный реестръ. Впрочемъ донеся вамъ, любезная моя императрица, остаюся я великій Государь».

Зная, что Устинья будетъ соблюдать его интересы и что она находится подъ охраной постоянного караула, Пугачевъ избралъ домъ Бородина складочнымъ мѣстомъ всего награбленнаго имущества ²⁾.

Устинья жила въ городѣ скромно, тихо и почти никуда не выходила. Время она проводила преимущественно въ бесѣдѣ со своими фрейлинами и подругами, а мужской персоналъ бывалъ въ ея горницѣ рѣдко. Толкачевъ, съ отцомъ Устиньи и Денисомъ Пьяновымъ, «какъ стражи ближніе ея здоровья», жили въ томъ же домѣ, но въ отдѣльномъ помѣщеніи, и съ нею вмѣстѣ обѣдать

¹⁾ Печати эти, по приказанію самозванца, были вырѣзаны ему въ Яицкомъ городѣ серебряныхъ дѣлъ мастерами, дворцовыми крестьянами Рыбной слободы Иваномъ Токрановымъ, Иваномъ Рыжимъ, Петромъ Владиміровымъ и армяниномъ, жившимъ въ городѣ (см. показаніе Горшкова. Гос. Арх. VI, № 467).

²⁾ Въ разное время въ домъ Бородина для храненія было прислано: денегъ серебряною монетой 2 тыс. р.; 9 фунтовъ серебра толщиною въ большой палецъ и длиною въ пол-аршина и болѣе; 9 ковшиковъ серебряныхъ вызолоченныхъ, такихъ, какіе обыкновенно жаловались казакамъ высочайшими особами; сорока, низанная жемчугомъ; маленькій мѣдный сундучокъ, въ которомъ лежало множество шпирюлей, коноватныхъ, а сверху кушакъ мужской золотой и стояла цѣлая банка, насыпанная жемчугомъ; здѣсь же находилась и коробочка съ шестью парами серегъ съ подвѣсками и камнями и четыре кольца золотыя. Сундукъ, въ которомъ лежали: одинъ стаканъ золотой и 15 серебряныхъ, перстень, о которомъ Пугачевъ писалъ Устиньѣ, что стоитъ 500 рублей; два перстня съ красными камешками, два большіе серебряные подносы и 40 серебряныхъ ложекъ. Сверхъ того, въ залѣ Устиньи стояли семь огромныхъ сундуковъ, въ которыхъ находились: въ № 1—матеріи кусками и 25 серебряныхъ чарокъ; въ № 2—мужскіе бешметы и казачьи уборы съ позументомъ; въ № 3—двадцать шубъ мужскихъ и женскихъ; въ № 4—мѣха лисы и бѣличы; въ № 5—серебряные стаканы, чарки, подносы и подсвѣчники; въ № 6—бобры, кумачи и китайки; въ № 7—бѣлье, выбойки и домашняя мелочь. Кромѣ этихъ сундуковъ, въ кладовой на шестъ висѣло много шубъ и другихъ вещей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

«они не осмѣливались», а обѣдали съ Устиньей фрейлины и иногда жена Толкачева. Ежедневно поутру приходилъ къ ней атаманъ Каргинъ, или вмѣстѣ со старшинами и рапортовали о состояніи постовъ. Устинья выслушивала ихъ рапорты, и «хотя принимала всѣхъ ласково, однакожь никого не сажала». По праздничнымъ днямъ всѣ представители власти приходили къ ней на поклонъ и цѣловали руку ¹⁾).

— Не дайте меня въ обиду, говорила она обыкновенно пришедшимъ,—вѣдь отъ государя на ваши руки я отдана.

Когда Каргинъ или его помощники спрашивали приказаній Устиньи, она всегда отклоняла отъ себя всякое вмѣшательство въ дѣла.

— Мнѣ до вашихъ дѣлъ никакой нужды нѣтъ, что хотите то и дѣлайте.

Имѣя категорическое приказаніе самозванца держать Симонова въ блокадѣ и сохранять учрежденные посты безъ всякой отмѣны, Каргинъ буквально исполнялъ приказаніе, и осада гарнизона не выражалась никакими особенно энергическими дѣйствіями со стороны казаковъ. Они построили нѣсколько новыхъ батарей и баррикадъ, но постройки эти не усилили блокады и не причиняли особаго вреда гарнизону. Видя, что овладѣть укрѣпленіями казакъ очень трудно и почти невозможно, Перфильевъ старался вступить въ переговоры и имѣлъ свиданіе съ капитаномъ Крыловымъ, высланнымъ для этой цѣли изъ ретраншемента полковникомъ Симоновымъ. Перфильевъ старался убѣдить Крылова, что Пугачевъ не самозванецъ, а истинный государь Петръ III, и гарнизону необходимо сдаться ретраншементъ.

— Долго ли вамъ противиться батюшѣ нашему государю Петру Ѳедоровичу? говорилъ Перфильевъ; пора вамъ образумиться и принести покорность.

— Перестань ты, Перфильевъ, злодѣйствовать, отвѣчалъ Крыловъ,—и быть участникомъ въ злыхъ дѣлахъ разбойника, которому вы служите. Помянулъ бы ты Бога и присягу свою въ вѣрной ея императорскому величеству службѣ и старался бы испол-

¹⁾ Показаніе Никиты Каргина 14 мая 1774 года. Показаніе Устиньи. Гос. Арх. VI, д. № 467 и 506.

нить то высочайшее повелѣніе, съ коимъ ты отправленъ изъ Санкт-Петербурга отъ всемилостивѣйшей государыни.

— Меня нечего увѣщевать и учить, а послушай-ка лучше моего совѣта. Я знаю съ чѣмъ я посланъ отъ государыни, да мнѣ тамъ сказали, что будто бы батюшка нашъ донской казакъ Пугачевъ, но вмѣсто того это неправда. Приѣхавъ къ нему, я нашелъ, что онъ подлинный государь, такъ не могу злодѣйства предпринять противъ законнаго нашего государя. Да что и вы стоите, вѣдь ежели не сдадитесь, такъ послѣ вамъ худо будетъ, а лучше признайте свою вину и принесите покорность: батюшка васъ проститъ и пожалуетъ. Ты здѣсь капитанъ, а у него можетъ-быть и генераломъ будешь. Пожалуй, не сомнѣвайся, право, онъ подлинный государь. Да чего больше говорить, у него въ Бердѣ служить коллежскій ассесоръ изъ Симбирска, такъ ему лучше нашего можно знать кому онъ служить—государю или нѣтъ? Итакъ, сами разсудите: когда государь съ государыней несогласны, такъ намъ нечего въ ихъ дѣла вступаться—они какъ хотятъ между собою, а намъ лучше сторону держать государя, потому что мы еще прежде присягали ему вѣрно служить.

Взаимныя доказательства были недостаточно убѣдительны, и обѣ стороны остались при прежнемъ положеніи: казаки надѣялись, что голодъ заставитъ гарнизонъ сдаться, а полковникъ Симоновъ былъ увѣренъ, что ему будетъ оказана помощь, и онъ выйдетъ изъ своего крайне стѣснительнаго положенія.

ХVI.

Вылазка изъ Оренбурга.—Заботы Рейнсдорпа о продовольствіи.—Захватъ мятежниками Илецкой зашиты.—Письмо изъ Берды генералу Рейнсдорпу.—Наступленіе отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова.— Столкновеніе ихъ съ мятежниками у Бузулука и деревни Пронкиной.—Побѣда подъ Татищевомъ и ея послѣдствія.

Получивъ извѣстіе объ отъѣздѣ Пугачева въ Яицкій-городокъ, генераль-поручикъ Рейнсдорпъ пытался еще разъ перейти въ наступленіе и атаковать Бердинскую слободу. Въ случаѣ успѣха

онъ надѣялся захватить тамъ запасы и хотя на нѣкоторое время обезпечить себя продовольствіемъ. Собравъ 1,700 человекъ пѣхоты, 400 казаковъ съ 23 орудіями, Рейнсдорпъ раздѣлилъ ихъ на три отряда и поручилъ общее командованіе генераль-маіору Валленштерну. Войска должны были выйти изъ города въ 5 часовъ утра 13 января и стремительно ударить на непріятеля.

Къ назначенному часу пѣхота была готова, но казаки, не смотря на неоднократныя требованія Валленштерна, присоединились къ отряду только на половинѣ пути. Глубокій по колѣно снѣгъ и истощенныя лошади замедляли движеніе и дали возможность мятежникамъ собраться и приготовиться къ бою.

Когда Валленштернъ сталъ выходить на дорогу въ Берду, то мятежники, скрывавшіеся въ лощинахъ, окружили его почти со всѣхъ сторонъ. Притянувъ къ себѣ отряды бригадира Корфа и секундъ-маіора Наумова, генераль-маіоръ Валленштернъ хотя и открылъ огонь изъ своихъ орудій, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, видя многочисленность непріятеля, принужденъ былъ начать отступленіе. Пугачевцы насѣдали на отрядъ съ такой энергіей и настойчивостью, что Валленштернъ потерялъ 8 орудій, 281 человека убитыми и 123 ранеными ¹⁾).

Неудача эта, совершившаяся на глазахъ жителей, слѣдившихъ съ городского вала за дѣйствіями войскъ, произвела на нихъ тяжелое впечатлѣніе, и генераль-поручикъ Рейнсдорпъ доносилъ, что безъ посторонней помощи не только *вылазки противъ него, злодѣя, сдѣлать уже не въ состояніи, но и получить свѣдѣніе, что дѣлается въ Бердѣ, почти невозможно* ²⁾). Гарнизонъ былъ до такой степени истощенъ и деморализованъ, что посылаемые для развѣздовъ казаки, не надѣясь на своихъ лошадей, ограничивались выѣздомъ за ворота и не рѣшались отдалиться отъ стѣнъ крѣпости. Чтобы получить свѣдѣнія о непріятелѣ, добыть «языка», генераль Рейнсдорпъ принужденъ былъ, по совѣту коллежскаго совѣтника Тимашева, разставить вокругъ города 27 кап-

¹⁾ Рапортъ Валленштерна генераль Рейнсдорпу 6 февраля. Рапортъ Наумова Валленштерну 4 февраля 1774 года. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

²⁾ Рапортъ Рейнсдорпа военной коллегіи отъ 25 января 1774 года. Тамъ же.

кановъ, «въ томъ намѣреніи», пишетъ Рычковъ ¹⁾, «чтобъ, выѣхавъ за городъ, яицкимъ казакамъ заманить злодѣевъ на сіе мѣсто, и когда онымъ инструментомъ подъ кѣмъ изъ нихъ уязвлена и подшибена будетъ лошадь, чтобы, наскакавъ, подхватить его было удобнѣе». Выдумка эта не привела къ желаемымъ результатамъ; мятежники растаскали всѣ капканы и, осыпавъ оренбургскаго губернатора насмѣшками, обѣщали заморить голодомъ. Они хорошо знали, что въ Оренбургѣ давно уже приказано было выдавать половинную дачу провіанта и что число больныхъ въ городѣ, въ особенности цынгой, стало умножаться. Цѣны на всѣ продукты быстро возвысились; пудъ муки продавали отъ 10 до 15 руб., а фунтъ печенаго хлѣба доходилъ до 30 к.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ оренбургскій губернаторъ вновь просилъ генерала Деколонга доставить провіантъ и обѣщалъ весьма хорошую плату подводчикамъ. Хотя по состоянію запасовъ въ крѣпостяхъ Орской дистанціи можно было отдѣлать 7,980 четвертей муки, 248 четвертей крупъ, но генералъ Деколонгъ не находилъ никакой возможности доставить ихъ въ Оренбургъ. Чтобы поднять такое количество необходимо было 886 подводъ; для запряжки можно было набрать казачьихъ лошадей, но саней и хомутовъ достать было негдѣ. «Сверхъ того», доносилъ Деколонгъ ²⁾, «ежели крѣпостныхъ казаковъ и жителей употребить подъ извозъ того провіанта, то уже крѣпости останутся совершенно обнаженными, такъ-что развѣздовъ производить и курьеровъ препровождать будетъ некому, сѣна и дровъ привезти будетъ не можно и не на чемъ».

Отправленный транспортъ среди глубокаго снѣга и непроходимыхъ дорогъ долженъ былъ встрѣтить огромныя препятствія. Преслѣдуемый башкирцами, обозъ долженъ былъ бы втянуться въ длинныя ущелья Губерлинскихъ горъ, столь узкія, что иначе какъ въ одну повозку пройти было невозможно. По выходѣ изъ горъ и до Озерной крѣпости дорога пролежала по мѣстности пе-

¹⁾ Въ своей лѣтописи. См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, стр. 371 (приложение).

²⁾ А. И. Бибикову отъ 6 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

ресѣченной, а далѣе начиналась степь безъ всякаго жилья. Подходившій транспортъ и конвоирующій его отрядъ могли быть встрѣчены мятежниками далеко отъ Оренбурга и поставлены въ безвыходную необходимость защищаться въ степи безъ всякаго пристанища и опоры.

Всѣ эти обстоятельства и волненія, возникшія въ Пермской и Исетской провинціяхъ, заставили Деколонга отказаться отъ исполненія просьбы Рейнсдорпа, и оренбургскій губернаторъ еще разъ обратился къ возмутителямъ съ словами увѣщаній. Онъ отправилъ въ Берду оба манифеста императрицы и свое воззваніе ко всѣмъ «находящимся въ измѣннической толпѣ вора и возмутителя Пугачева всякаго званія людямъ».

Рейнсдорпъ требовалъ, чтобъ мятежники раскаялись въ своихъ поступкахъ и разошлись по домамъ. Онъ обѣщалъ имъ прощеніе именемъ императрицы, «понеже, писалъ онъ, дерзость ваша приписана быть можетъ невѣжеству вашему, а паче коварному упомятаго злодѣя и вора уловленію».

«Буде же, прибавлялъ оренбургскій губернаторъ, сіе мое увѣщаніе, по жестокосердію вашему, дѣйства не возымѣетъ, то, конечно, останется погибать вамъ какъ въ семь, такъ и въ будущемъ свѣтѣ, ибо не льстите себя, чтобы вы напоследокъ отъ праведнаго ея величества гнѣва ускользнуть могли»¹⁾.

Мятежники не помышляли о покорности, и дѣла ихъ въ это время шли удачно: захвативъ въ свои руки Илецкую защиту, они праздновали новую побѣду.

Пользуясь вторичнымъ отѣздомъ самозванца въ Яицкій-городокъ, Максимъ Шигаевъ, какъ начальникъ толпы, остававшейся подъ Оренбургомъ, отправилъ Хлопушу для занятія Илецкой защиты и доставленія оттуда хлѣба.

Въ началѣ февраля Хлопуша выступилъ изъ Берды съ четырьмя сотнями заводскихъ крестьянъ, нѣсколькими казаками и съ двумя орудіями. Подойдя къ Илецкой защитѣ, онъ окружилъ ее и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, 130 человекъ оренбургскихъ

¹⁾ Воззваніе Рейнсдорпа, отъ 7 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

и сакмарскихъ казаковъ, бывшихъ въ укрѣпленіи, передались на сторону мятежниковъ. Начальникъ гарнизона, капитанъ Ядринцевъ, съ женой и дѣтьми, спрятался въ церкви и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій къ защитѣ. Капитанъ Варачевъ и подпоручикъ Исаевъ, хотя и успѣли собрать гарнизонъ, состоявшій изъ ста солдатъ разныхъ баталіоновъ, но они отказались защищаться и вышли къ Хлопушѣ съ повинною. Мятежники ворвались въ Илецкую защиту, ранили смертельно Варачева и Исаева, выпустили всѣхъ арестантовъ, захватили все имущество и деньги. По приказанію Хлопуши, хорунжій Уключениновъ, за невыдачу будто бы жителямъ провіанта, исколотъ копьями; а капитанъ Ядринцевъ, о которомъ жители просили какъ о человѣкѣ добромъ, былъ оставленъ командиромъ и ему приказано защищать запасы и селеніе отъ нападенія киргизовъ.

Выдавъ всѣмъ арестантамъ и ссыльнымъ одежду, «такъ какъ многіе изъ нихъ не имѣли рубахъ», Хлопуша взялъ ихъ съ собою въ Берду, куда привезъ часть захваченнаго провіанта, 280 рублей и 5 пушекъ ¹⁾).

Ободренный новымъ успѣхомъ своего сообщника, самозванецъ приказалъ написать и отправить ругательный отвѣтъ на увѣщаніе Рейнсдорпа.

«Оренбургскому губернатору, говорилось въ отвѣтѣ ²⁾), сатанину внуку, дьявольскому сыну! Прескверное ваше увѣщаніе здѣсь получено, за что васъ, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по демству сатанину (sic), ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудрилъ. Вѣдай, мошенникъ, да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно, сколько ты ни пробовалъ своего всесквернаго счастья, служишь единому твоему отцу-сатанѣ. Разумѣй, хотя ты по дѣйству сатаниному во многихъ мѣстахъ *капканы разставилъ*, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя Варавиныхъ не станетъ петель, а мы у мордвина хотя гривну дадимъ, да на тебя веревку свить можемъ.

¹⁾ Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 года. Показаніе 87 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ Илецкой защиты. Государ. Арх., VI, д. № 467.

²⁾ Письмо изъ Берды, отъ 23 февраля 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

«Не сумнѣвайся ты: нашъ всемилостивѣйшій монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день (одновременно) бываетъ и съ нами всегда присутствуетъ, дабы мы вамъ совѣтовали, оставя свое зловредіе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему монарху. Егда придеши въ покореніе, сколько бы твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ извиненіяхъ всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишаетъ, а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете.

«Итакъ объявля вамъ сіе, да пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы».

Отправивъ это письмо, Пугачевъ объявилъ войску, что будучи въ Яицкомъ городкѣ онъ женился на казачьей дочери Устинѣ Петровнѣ и приказалъ всѣмъ признавать и почитать ее за царицу. Старики призадумались, и женитьба эта наводила многихъ на сомнѣніе въ личности Пугачева. Его стали подозрѣвать въ самозванствѣ, но, «бояся висѣлицы, не смѣлъ ни одинъ человекъ явно того говорить» ¹⁾.

— Государи на простыхъ никогда не женятся, шептались берденцы между собою, — а всегда берутъ за себя изъ иныхъ государствъ царскую или королевскую дочь. Такъ и ему, по примѣру сему, такую же взять надлежало по завладѣніи уже государствомъ.

— Положимъ, говорили другіе, — что царь воленъ: какую захочетъ, такую и возьметъ, но онъ имѣетъ жену, которая здравствуетъ, а законъ запрещаетъ жениться отъ живой жены.

Какъ ни объясняли этотъ поступокъ, все выходило неладно, и женитьба Пугачева не одобрялась большинствомъ. «Съ сего самаго времени, показывалъ Тимоѣй Мясниковъ, пропала у многихъ охота ревностно и усердно ему служить, и заключали, что современемъ изъ сего выйдетъ что-нибудь худое, а хорошаго не будетъ».

Такъ и вышло: надъ берденцами давно уже собирались тучи и громъ готовъ былъ разразиться.

Еще въ бытность Пугачева въ Яицкомъ городкѣ было полу-

¹⁾ Показанія Ивана Творогова, Тимоѣя Падурова и Максима Горшкова. Госуд. Арх., VI, д. № № 505 и 506.

чено извѣстіе о приближеніи отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова, но такъ какъ они были далеко, то Пугачевъ ограничился приказаніемъ наблюдать за ними и доносить ему объ ихъ движеніи. Движеніе это происходило по двумъ направленіямъ: по ново-московской дорогѣ двигался отрядъ князя Голицына, а по Самарской линіи шелъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, съ четырьмя легкими полевыми командами и двумя эскадронами Бахмутскихъ гусаръ. Глубокіе снѣга и совершенное бездорожье затрудняли движеніе. Проходя черезъ пригородъ Алексѣевскъ, Мочинскую татарскую слободу и Красносамарскую крѣпость, Мансуровъ приводилъ жителей къ присягѣ, назначалъ новыхъ начальниковъ и 10-го февраля пришелъ въ Борскую крѣпость. Обезсилѣвшіе отъ труднаго похода люди и лошади требовали отдыха, и Мансуровъ принужденъ былъ дать имъ дневку.

Видя невозможность борьбы съ правительственными войсками, мятежники отступали и увлекали за собой населеніе, увѣряя его, что войска предадутъ смерти всѣхъ захваченныхъ въ деревняхъ, не различая ни пола, ни возраста. Жители вѣрили и разбѣгались, забирая съ собою и малолѣтнихъ дѣтей. Мансуровъ разослалъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ полное прощеніе, и со всѣхъ сторонъ, доносилъ онъ ¹⁾), «бѣгущіе цѣлыми деревнями и семьями приходятъ ко мнѣ и просятъ, какъ уstraшенные и отчаянные, помилованія». Въ три дня болѣе двухъ тысячъ человѣкъ получили охранные билеты и были возвращены въ свои жилища.

Простоявъ сутки въ Борской крѣпости, Мансуровъ двинулся чрезъ Елшанскъ къ Бузулуку, а отрядъ подполковника Гринева, прикрывавшій лѣвый флангъ главныхъ силъ, шелъ черезъ деревни Хилкову, Тимашеву, Языкову и Троицкое.

Бузулукъ имѣлъ весьма важное значеніе для обѣихъ сторонъ. Представляя пунктъ, въ которомъ всего удобнѣе могли соединиться отряды Мансурова и князя Голицына, Бузулукъ въ то же время долженъ былъ служить складочнымъ мѣстомъ для продовольственныхъ запасовъ, которые при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ было весьма

¹⁾ Въ рапортахъ А. И. Вибикову, отъ 7 и 10 февраля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VI.

удобно отправлять вверхъ по рѣкѣ Самарѣ. Такимъ же складочнымъ мѣстомъ онъ служилъ и для мятежниковъ, шатавшихся по Самарской линіи и по ново-московской дорогѣ. Изъ Бузулука пугачевцы получали продовольствіе и въ немъ находили точку опоры.

Приближеніе Мансурова къ Бузулуку и неудачи, испытанныя въ послѣднее время мятежниками, заставили Пугачева принять мѣры къ спасенію своихъ запасовъ. За нѣсколько дней до прибытія отряда, мятежники расчистили дорогу отъ Бузулука до Яицкаго городка и отправили туда обозъ въ 200 подводъ, нагруженныхъ мясомъ и хлѣбомъ ¹⁾. Они сосредоточили въ Бузулукѣ до 2,000 человекъ съ 15 орудіями, и главные вожаки ихъ, Араповъ, Чулошниковъ и другіе, рѣшились защищаться самымъ энергическимъ образомъ.

Въ 9 часовъ утра, 14 февраля, войска подошли къ Бузулуку по двумъ направленіямъ: по самарской дорогѣ—отрядъ Мансурова, а со стороны деревни Милоховой — отрядъ Гринева. Мятежники вышли изъ крѣпости и расположились для защиты на два фронта. Сильный огонь, открытый ими изъ пушекъ, заставилъ Мансурова приказать 23-й легкой полевой команды поручику Лесковскому съ его драгунскою ротой атаковать батарею, наиболѣе вредившую намъ своимъ огнемъ. Врубившись въ ряды непріятеля, Лесковскій овладѣлъ двумя орудіями и преслѣдовалъ мятежниковъ до крѣпости, у которой былъ остановленъ сильнымъ огнемъ. Въ это время подполковникъ Гринева успѣлъ овладѣть шести-орудійной батареей и ворваться въ крѣпость съ другой стороны. Получивъ объ этомъ извѣстіе и желая отрѣзать мятежникамъ путь отступленія, Мансуровъ приказалъ майору Соловьеву, съ двумя эскадронами Бахмутскихъ гусаръ и ротой драгунъ 24-й полевой команды, занять дорогу, ведущую въ крѣпость Тоцкую. Обскакавъ вокругъ Бузулука, майоръ Соловьевъ засталъ мятежниковъ въ полномъ отступленіи и преслѣдовалъ ихъ верстъ шесть или семь по дорогѣ въ Тоцкую крѣпость. Мятежники потеряли 217 человекъ убитыми, 286 человекъ плѣнными и 165 явившимися съ покорностію; по-

¹⁾ Рапортъ Мансурова А. И. Бибикову, отъ 17 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

теря Мансурова состояла изъ 1 офицера и 4 нижнихъ чиновъ убитыми, 1 офицера и 8 нижнихъ чиновъ ранеными. Въ Бузулукъ было захвачено 15 орудій, 9 зарядныхъ ящиковъ, три значка и 723 дротика. Сраженіе продолжалось три съ половиною часа, и большая половина бывшихъ здѣсь яицкихъ казаковъ осталась на полѣ сраженія ¹⁾).

Для поддержанія связи съ отрядомъ князя Голицына, генераль Мансуровъ отправилъ къ Бугуруслану одну роту гусаръ, а для развѣдыванія о непріятелѣ выслалъ разѣздъ по дорогѣ къ Оренбургу. Въ такомъ положеніи онъ рѣшился ожидать прибытія князя Голицына съ его отрядомъ.

Послѣдній, будучи задержанъ заготовленіемъ продовольствія для себя и для Оренбурга, только 27 февраля достигъ Бугуруслана, но и то оставилъ за собою половину транспорта. Для прикрытія его князь Голицынъ приказалъ полковнику Юрію Бибикову съ его отрядомъ выступить изъ Нагайбака къ Бугульмѣ, а для защиты того края и вообще для дѣйствій въ Башкиріи былъ отправленъ главнокомандующимъ изъ Казани отрядъ генераль-маіора Ларіонова, состоявшій изъ команды Томскаго полка, эскадрона Архангелогородскихъ карабинеровъ, 82 Изюмскихъ гусаръ и эскадрона уланъ, сформированнаго казанскимъ дворянствомъ.

«Сей корпусъ, доносилъ А. И. Бибиковъ императрицѣ ²⁾), пойдетъ прямою дорогою до Бугульмы и оттуда маршами своими показывать будетъ, что онъ идетъ къ Оренбургу московскою дорогою, а потомъ обратится вдругъ въ лѣвую сторону къ Уфѣ, чтобъ освободить сей городъ отъ облежанія злодѣйскаго и поразить извѣстнаго, такъ-называемаго, графа Чернышева».

Выступивъ 6 февраля изъ Казани, генераль-маіоръ Ларіоновъ ³⁾ 21 февраля былъ еще въ Кичуѣ, когда, 19 февраля, мятежники, воспользовавшись уходомъ отряда Юрія Бибикова, ворвались въ

¹⁾ Рапортъ Мансурова А. И. Бибикову отъ 12 и 14 февраля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 15 февраля 1774 года, № 11. Военно-Учен. Арх., отд. I, д. № 104 (А), листы 154 и 155.

³⁾ У г. Анучина (*Русск. Вѣстн.* 1872 г., № 8, стр. 523) время выступленія отряда Ларіонова показано невѣрно,

Нагайбакъ и сожгли его ¹⁾. Испуганный этимъ извѣстіемъ, Ларіоновъ взялъ въ Бугульмѣ 105 солдатъ Томскаго полка, 52 казака, нѣсколько орудій и, присоединивъ ихъ своему отряду ²⁾, двинулся къ селенію Большой Акташъ, куда и прибылъ 27 февраля. Онъ подвигался впередъ весьма медленно, хотя и доносилъ, что около Зайнска и Мензелинска мятежниковъ нѣтъ и что они, услышавъ о движеніи его, разбѣжались.

Такимъ образомъ, въ концѣ февраля расположеніе боевыхъ силъ было слѣдующее: по пути къ Нагайбаку, въ селеніи Акташѣ, стоялъ отрядъ Ларіонова; изъ Бугульмы въ Бугурусланъ шелъ отрядъ Юрія Бибикова; въ Бугурусланѣ находился отрядъ князя Голицына и, наконецъ, въ Бузулукѣ стоялъ генераль-маіоръ Мансуровъ со своими войсками. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, главное скопище мятежниковъ находилось въ Сорочинскѣ, имѣя авангарды въ Тощкой крѣпости и деревнѣ Пронкиной. На помощь имъ шелъ атаманъ Овчинниковъ съ нѣсколькими казаками, а затѣмъ выступилъ и самъ Пугачевъ изъ Берды, съ 1,500 человекъ пѣхоты, казаковъ и 10 орудіями ³⁾.

Располагая атаковать мятежниковъ въ Сорочинскѣ до прибытія къ нимъ подкрѣпленій, князь Голицынъ 28 февраля выступилъ изъ Бугуруслана и, двигаясь прямою дорогою на деревню Пронкину и далѣе на Сорочинскъ, приказалъ генераль-маіору Мансурову занять крѣпость Тощкую ⁴⁾.

Сильные морозы и мятели замедляли движеніе, заставляя князя Голицына нѣсколько разъ останавливаться въ степи и прикрываться кибитками, бывшими въ обозѣ. Высланные имъ передовые отряды гнали предъ собою мятежниковъ, и одинъ изъ этихъ отрядовъ Владимірскаго полка маіора Елагина, пройдя безпрепятственно чрезъ деревни Гаевицкую и Яшкину, направился къ де-

¹⁾ Рапортъ Юрія Бибикова главнокомандующему 21 февраля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Рапортъ маіора Варнстедта главнокомандующему отъ 27 февраля 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Въ *Чтеніяхъ* 1858 года, кн. II, стр. 30, ошибочно напечатано, что въ томъ числѣ было 560 яицкихъ казаковъ; слѣдуетъ читать 500 казаковъ.

⁴⁾ Рапорты князя Голицына 27 и 28 февраля, №№ 341 и 352. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

ревнѣ Пронкиной. Въ отрядѣ его находились двѣ роты гренадеръ, двѣ егерскія команды, по одной ротѣ карабинеровъ, гусарь и чугуевскихъ казаковъ, 50 лыжниковъ и четыре орудія. Зная, что въ Сорочинскѣ находится весьма значительное сборище мятежниковъ и что на помощь имъ идетъ толпа изъ Берды, князь Голицынъ признавалъ отрядъ майора Елагина недостаточно сильнымъ для самостоятельныхъ дѣйствій, и потому отправилъ въ подкрѣпленіе полковника Хорвата съ баталіономъ гренадеръ, эскадрономъ архангелогородскихъ карабинеровъ, тремя ротами изюмскихъ гусаръ, небольшимъ числомъ лыжниковъ и съ тремя орудіями ¹⁾.

Между тѣмъ, майоръ Елагинъ занялъ деревню Пронкину безъ всякаго сопротивленія, и 6 марта расположился на ночлегѣ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ и не принявъ необходимыхъ предосторожностей. Подъ покровомъ сильной бури и метели, Пугачевъ въ ту же ночь со всѣмъ ополченіемъ, собравшимся въ Сорочинскѣ, быстро двинулся къ деревнѣ Пронкиной, сдѣлалъ форсированный переходъ въ 37 верстъ и внезапно атаковалъ отрядъ майора Елагина съ толпой въ 2,300 человекъ. Передовые пикеты были сбиты, орудія захвачены, и часть мятежниковъ ворвалась въ селеніе.

«Хотя детапашментъ и былъ въ должной осторожности (?), доносилъ князь Голицынъ ²⁾, но нечаянное стремленіе, паче въ темную ночь съ бурей встрѣчу, произвело нѣкоторое неустройство». По первой тревогѣ майоръ Елагинъ съ резервомъ бросился впередъ, но напелъ деревню занятою мятежниками и былъ окруженъ ими. Солдаты дрались отчаянно; 2-го гренадерскаго полка поручикъ Москотиньевъ съ небольшою горстью своихъ людей геройски отсталывалъ орудія и получилъ 12 ранъ. Неподалеку отъ него отбивался отъ непріятеля майоръ Елагинъ, до тѣхъ поръ, пока не былъ поднятъ на копыя. Оставшійся старшимъ въ отрядѣ 2-го гренадерскаго полка, секундъ-майоръ Пушкинъ успѣлъ собрать отрядъ и атаковалъ мятежниковъ въ то время, когда капитаны Владимір-

¹⁾ Д. Анучинъ ошибается говоря, что Хорватъ былъ отправленъ только съ одними гусарами (см. *Русск. Вѣстн.* 1872 г., № 8, стр. 489).

²⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 7 марта 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

скаго полка Квашиниъ-Самаринъ и 2-го гренадерскаго Олсуфьевъ, обойдя селеніе, атаковали непріятеля въ тылъ и флангъ. Орудія были отбиты; «злодѣи нашли со всѣхъ сторонъ жесточайшую оборону» и стали отступать. Кавалерія преслѣдовала отступавшихъ на протяженіи четырехъ верстъ и «поражала сколько позволяла темнота».

Полковникъ Хорватъ, находясь всего въ восьми верстахъ отъ мѣста боя, хотя и спѣшилъ на помощь, но прибылъ въ селеніе Пронкино, когда сраженіе было уже кончено и непріятель разсыпался въ разныя стороны. Мятежники потеряли убитыми болѣе ста человекъ однихъ яицкихъ казаковъ и десять плѣнными, въ числѣ коихъ находились многіе дѣятельнѣйшіе помощники самозванца.

Отправясь самъ въ Берду, Пугачевъ оставилъ Овчинникова начальникомъ ополченія, собраннаго въ Сорочинскѣ, и приказалъ ему, «буде князь Голицынъ самъ съ командой вѣрныхъ войскъ придетъ въ Пронкину деревню, то-бъ онъ со всею толпой, оставя Сорочинскую крѣпость, убирался въ Илецкую, ибо онъ, Емелька, не зналъ куда князь Голицынъ пойдетъ: на Яикъ или въ Оренбургъ»¹⁾.

Голицынъ занялъ деревню Пронкину, а мятежники очистили Сорочинскъ и Тоцкую крѣпость. Отступая къ Новосергіевску, пугачевцы забирали съ собою всѣхъ обывателей, истребляли хлѣбъ и скотъ. Прибывъ 11 марта въ Сорочинскъ и соединившись здѣсь съ отрядомъ генераль-маіора Мансурова, князь Голицынъ, по необходимости заготовить продовольствіе для отряда, принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней; но не желая дать непріятелю времени опомниться, отправилъ къ Новосергіевску генераль-маіора Фреймана съ 2,000 пѣхоты и кавалеріи²⁾. Затѣмъ, оставивъ въ Сорочинскѣ, подъ начальствомъ капитана Мосолова, 400 человекъ пѣхоты, 70 человекъ кавалеріи и 14 орудій³⁾, онъ двинулся за Фрейманомъ и 17 марта занялъ Новосергіевскую крѣпость.

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Государств. Архивъ, VI, д. № 512.

²⁾ Рапортъ князя Голицына А. И. Бибикову, отъ 11 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

³⁾ То же, отъ 14 марта, № 463. Тамъ же.

На слѣдующій день князь Голицынъ намѣренъ былъ выступить къ Переволоцкой крѣпости, но, доносилъ онъ ¹⁾, «за чрезвычайною бурей и снѣгомъ принужденъ остановиться, отчего часть большая подвижнаго магазина еще не пришла. Злодѣи не успѣли также сжечь здѣшнюю крѣпость; отъ наступленія корпуса обывателей часть большую съ собой выгнали къ Илецкой крѣпости. По всѣмъ извѣстіямъ, что я получилъ, видно, будто имѣютъ намѣреніе задъ корпуса тревожить отъ Илецкой крѣпости, а изъ Берды берутъ свое злодѣйское войско къ Татищевой».

Расположенная на лѣвомъ берегу рѣки Камышъ-Самары, при впаденіи ея въ рѣку Яикъ, Татищева крѣпость имѣла весьма важное стратегическое значеніе для обѣихъ сторонъ: она прикрывала пути въ Оренбургъ, въ Илецкъ и Яицкій городокъ. Удержать за собою такой пунктъ было весьма важно для Пугачева, а потому онъ собралъ въ Бердѣ всѣ свободныя силы и, оставивъ Шигаева начальникомъ надъ толпой подъ Оренбургомъ, отправился самъ въ Татищеву; туда же приказалъ онъ слѣдовать и атаману Овчинникову изъ Илецкой крѣпости.

Съ прибытіемъ послѣдняго, Пугачевъ могъ располагать весьма значительными силами, доходившими до 8,000 человѣкъ ²⁾. Онъ принялъ всѣ мѣры къ оборонѣ крѣпости и приказалъ къ разрушеннымъ стѣнамъ ея присыпать снѣговые валы, которые, будучи облиты водой, обледенѣли и окрѣпли. Самозванецъ самъ разставилъ пушки, назначилъ къ нимъ прислугу изъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ канонировъ и солдатъ, направилъ орудія въ тѣ стороны,

¹⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 18 марта 1774 г. Моск. Арх. Глав. Шт.

²⁾ Опредѣлить точно число мятежниковъ, собравшихся въ Татищевой крѣпости, положительно невозможно. Князь Голицынъ въ рапортѣ своемъ А. И. Бибикову (отъ 24 марта, № 504) опредѣляетъ число ихъ въ 9,100 человѣкъ. Онъ говоритъ, что въ толпѣ находилось: 3,000 казаковъ яицкихъ, илецкихъ, исетскихъ и оренбургскихъ; 2,000 пѣхоты, составленной изъ разнаго сброда; 1,800 заводскихъ и ссылочныхъ крестьянъ, которыхъ Овчинниковъ взялъ въ Илецкой защитѣ, и 2,300 татаръ, крѣпостныхъ казаковъ, калмыковъ, башкирцевъ, киргизовъ и «разной бѣглой сволочи». Максимъ Шигаевъ показываетъ, что Пугачевъ взялъ изъ Берды до 5,000 человѣкъ, къ которымъ впоследствии, по показанію самого самозванца, присоединился и Овчинниковъ, пришедшій изъ Илека съ 2,000 человѣкъ (Показаніе Шигаева и Пугачева, отъ 8 мая и 4 ноября 1774 года). Такимъ образомъ, силы самозванца, по показанію обѣихъ сторонъ, простирались отъ 7 до 9 тысячъ, или среднимъ числомъ до 8,000 человѣкъ.

откуда вѣроятнѣ всего можно было ожидать наступленія Голицына, измѣрилъ разстоянія до различныхъ пунктовъ впереди крѣпости и обозначилъ колышками предѣльные поражаемые пункты. «Когда же, показывалъ Иванъ Почиталинъ ¹⁾, въ Татищевой кѣ оборонѣ противъ князя Голицына было все приготовлено, Пугачевъ собралъ всю свою толпу и говорилъ сначала, чтобы послужили съ храбростію, потомъ далъ приказъ: тотъ день, какъ Голицыну придти должно будетъ кѣ Татищевой, чтобы была совершенная тишина и чтобы люди всячески скрылись, дабы не видно было никого и до тѣхъ поръ кѣ пушкамъ и каждому кѣ своей должности не приступать, покада князя Голицына корпусъ не подойдетъ на пушечный выстрѣлъ ядромъ».

20 марта разѣзды Пугачева донесли ему, что князь Голицынъ пришелъ въ Переволоцкую крѣпость и занялъ ее. Прошло два дня, прежде чѣмъ оба противника встрѣтились, и дѣла приняли оборотъ невыгодный для самозванца. Эти два дня были употреблены княземъ Голицынымъ на обезпеченіе своего тыла и поджиданіе транспорта съ провіантомъ. Не зная, что Овчинниковъ со своими силами вызванъ подѣ Татищеву, князь Голицынъ все еще опасался за свой тылъ, тѣмъ болѣе, что изъ Илецка кѣ Новосергіевску проходила большая дорога, весьма удобная для быстраго передвиженія мятежниковъ. Для помѣхи такому передвиженію и вообще для обезпеченія себя отъ всякихъ случайностей, Голицынъ въ Новосергіевскѣ оставилъ два баталіона пѣхоты, три эскадрона кавалеріи и 10 орудій; послѣднія по причинѣ глубокихъ снѣговъ только мѣшали движенію отряда ²⁾.

Въ день прибытія отряда въ Переволоцкую крѣпость, «злѣдѣйска партіи изъ крѣпости Татищевой вертѣлись вокругъ крѣпости, но всегда прогоняемы были». Въ четыре часа утра 21 марта князь Голицынъ лично произвелъ рекогносцировку Татищевой крѣпости, и такъ какъ его разѣзды, подѣзжавшіе близко кѣ крѣпости, не встрѣтили никого, то князь и думалъ сначала,

¹⁾ Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

²⁾ Репортъ князя Голицына главнокомандующему, отъ 21 марта 1774 г., № 488. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

что Татищева, точно такъ же какъ и прочія крѣпости, будетъ оставлена мятежниками безъ боя ¹⁾. Но посылаемые въ теченіе дня частые разъѣзды, къ вечеру убѣдили его, что инсургенты намѣрены защищаться, что ихъ собралось въ Татищевой много, но сколько именно—князь Голицынъ не могъ получить свѣдѣнія ²⁾. Тѣмъ не менѣе, оставивъ въ Переволоцкой крѣпости весь свой обозъ и поручивъ охраненіе его подполковнику Гриневу съ баталіономъ пѣхоты и двумя эскадронами ³⁾, князь Голицынъ рѣшился на слѣдующее утро атаковать мятежниковъ, имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 6,500 человекъ ⁴⁾.

Въ четыре часа утра 22 марта выступилъ изъ Переволоцкой, подъ начальствомъ полковника Юрія Бибикова, авангардъ, состоявшій изъ баталіона гренадеръ, баталіона егерей, 200 лыжниковъ и трехъ эскадроновъ кавалеріи. Черезъ часъ по выступленіи авангарда двинулись и главные силы. Непріятеля нигдѣ не было видно и Юрій Бибиковъ, приблизившись на четыре версты къ Татищевой, остановился. Онъ выслалъ впередъ разъѣздъ изъ чугуевскихъ казаковъ, который подошелъ почти къ самой крѣпости, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Исполняя въ точности приказаніе самозванца, мятежники тщательно скрывались за валами и въ городѣ. Татищева крѣпость казалась опустѣлою, и трое казаковъ поѣхали узнать не покинута-ли она мятежниками. Стоявшіе за воротами и слѣдившіе все время за движеніемъ разъѣзда Пугачевъ, Овчинниковъ и Араповъ выслали на встрѣчу казакамъ бабу съ хлѣбомъ и солью. На вопросъ казаковъ: «есть ли кто въ крѣпости»? она должна была заявить, что были злодѣи да уѣхали, что теперь

¹⁾ Рапор. кн. Голицына отъ 21 марта 1774 г.

²⁾ Рапортъ князя Голицына главнокомандующему отъ 24 марта, № 504. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

³⁾ Г. Д. Анучинъ ошибается, говоря, что подполковникъ Гриневъ былъ оставленъ въ Сорочинскѣ (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 года, № 8, стр. 492).

⁴⁾ Въ своихъ рапортахъ князь Голицынъ не приводитъ численности отряда. Если бы всѣ баталіоны, полевые команды и эскадроны имѣли полный штатный составъ, то силы князя Голицына достигали бы до 8,000 человекъ. Но такъ какъ въ частяхъ былъ недостатокъ въ людяхъ и командующій отрядомъ принужденъ былъ оставить гарнизоны въ Новосергіевскѣ и Переволоцкой крѣпости, то и слѣдуетъ предположить, что силы отряда, подошедшаго къ Татищевой крѣпости, не превышали 6,500 человекъ.

въ городѣ никого нѣтъ и населеніе просить князя Голицына вступить въ крѣпость безъ всякаго опасенія. Хитрость эта не исполнѣ удалась, ибо лишь только казаки приблизились къ воротамъ п увидѣли, что въ городѣ и за валами стоитъ вооруженная толпа, они тотчасъ поспѣшили назадъ. Пугачевъ съ Овчинниковымъ и нѣсколькими приближенными бросились въ погоню. Двое чугуевцевъ успѣли ускакать, а третій, исколотый копьями, былъ захваченъ въ плѣнъ. Самозванецъ пробовалъ допрашивать казака сколько у Голицына войскъ, но тотъ, изнемогая отъ ранъ, могъ только отвѣтить что 5,000 пѣхоты и 70 пушекъ ¹⁾).

Получивъ извѣстіе отъ прискакавшихъ казаковъ, что мятежники приготовились къ оборонѣ, полковникъ Ю. Бибииковъ донесъ о томъ князю Голицыну, а самъ двинулся къ крѣпости, занялъ близлежащія высоты лыжниками и егерями, а на выдающихся мѣстахъ поставилъ орудія. Князь Голицынъ тотчасъ же прибылъ къ авангарду, произвелъ новую рекогносцировку и «учредилъ корпусу маршъ въ двѣ коллоны подъ предводительствомъ: правую — генералъ-маіора Мансурова ²⁾, лѣвую — генералъ-маіора Фреймана ³⁾, а передовой деташаментъ (Ю. Бибиикова) составлялъ съ правой стороны особую колонну, чтобы отнять способы бунтовщикамъ зайти во флангъ». Въ такомъ положеніи войска подходили къ крѣпости, «а злодѣи, доносилъ князь Голицынъ ⁴⁾, засѣвши въ своемъ гнѣздѣ, притаились такъ тихо», что не сдѣлали ни одного выстрѣла и не выслали ни одной партіи. Пугачевъ, по его словамъ, запретилъ стрѣлять съ тою цѣлью, «чтобы наждать на себя и не терять напрасно ядеръ», такъ какъ наступающій спустился въ оврагъ, не обстрѣливаемый изъ крѣпости. Въ этомъ оврагѣ

¹⁾ Показаніе Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 512. Показаніе Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. Государственный Архивъ, VI д., № 506.

²⁾ Подъ начальствомъ Мансурова находились: сводный баталіонъ изъ Вятскаго и Томскаго полковъ, подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручика Толстаго и два баталіона, сформированные изъ 23-й и 24-й легкихъ полевыхъ командъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Аршеневскаго.

³⁾ У Фреймана находились: два баталіона 2-го гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника князя Долгорукова и подполковника Филисова, и баталіонъ Владимірскаго полка, подъ командой полковника князя Одоевскаго.

⁴⁾ Ръ рапортъ А. И. Бибиикову отъ 24 марта 1774, № 504.

князь Голицынъ построилъ свои войска въ боевой порядокъ: въ первой линіи стала пѣхота, а во второй кавалерія ¹⁾. Замѣтивъ, что двѣ главные высоты, командующія надъ крѣпостью, не заняты мятежниками, онъ приказалъ поставить на нихъ батареи и отправилъ баталіонъ князя Одоевскаго въ лѣвую сторону для занятія третьей высоты, которая могла быть опасною, если бы пугачевцы успѣли занять ее и выставить свои орудія.

Когда все было готово, начальникъ отряда приказалъ открыть огонь по крѣпости, изъ которой отвѣчали выстрѣлами изъ 30 большихъ орудій. Болѣе трехъ часовъ канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращалась, и наконецъ, «примѣтивъ я», доносилъ князь Голицынъ, «что отчаянныхъ бунтовщиковъ изъ сего гнѣзда не можно будетъ выгнать одною канонадой, рѣшился штурмовать крѣпость. Атака моя ни откуда не могла быть, какъ на правый ихъ флангъ», и потому генералъ-маіоръ Фрейманъ получилъ приказаніе начать наступленіе съ баталіонами князя Одоевскаго и подполковника Филисова. Едва Фрейманъ двинулся впередъ, какъ Пугачевъ выслалъ изъ крѣпости сильную вылазку, поддержанную семью орудіями. Остановясь на пригоркѣ, орудія эти открыли по наступающимъ убійственный огонь, а пугачевцы произвели контръ-атаку на столько стремительную и отчаянную, что привели въ замѣшательство оба баталіона.

— Братцы-солдаты, кричали мятежники, — что вы дѣлаете? Вы идете драться и убивать свою братью христіанъ, защищающихъ истиннаго своего государя императора Петра III, который здѣсь въ крѣпости самъ находится!

Слова эти могли, конечно, произвести сильное впечатлѣніе, если бы генералъ-маіоръ Фрейманъ не имѣлъ достаточной энергіи и не успѣлъ привести въ порядокъ разстроенные баталіоны. Подкрѣпленный прибытіемъ баталіона князя Долгорукова, Фрейманъ перешелъ въ наступленіе, но встрѣтилъ энергическое сопротивленіе со сто-

¹⁾ Кавалерія состояла изъ четырехъ эскадроновъ Изюмскихъ гусаръ, двухъ эскадроновъ драгунъ легкихъ полевыхъ командъ, четырехъ эскадроновъ Архангелогородскаго карабинернаго полка, двухъ эскадроновъ Бахмутскихъ гусаръ и двухъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ.

роны мятежниковъ, непрерывно усиливаемыхъ прибытіемъ новыхъ силъ изъ крѣпости.

По стремленію мятежниковъ было очевидно, что на этомъ пунктѣ должна быть рѣшена участь боя, и потому, принявъ здѣсь личное начальство надъ войсками, князь Голицынъ перевелъ постепенно на лѣвый флангъ всю пѣхоту генераль-маіора Мансурова, а ему поручилъ начальство надъ всею кавалеріей.

Мятежники дрались отчаянно, и на площадкѣ передъ крѣпостію въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шелъ самый упорный бой съ перемѣннымъ успѣхомъ. Баталіоны подполковника Аршеневскаго были уже введены въ боевую линію, бой не склонялся ни на чью сторону, а между тѣмъ въ резервъ оставался всего одинъ сводный баталіонъ изъ Вятскаго и Томскаго полковъ, подъ командой капитанъ-поручика Толстого. Рѣшаясь и его ввести въ дѣло, князь Голицынъ приказалъ полковнику Ю. Бибикову съ его егерями и лыжниками ударить во флангъ непріятеля, генераль-маіору Мансурову перейти въ наступленіе съ кавалеріей, а генераль-маіору Фрейману атаковать мятежниковъ сразу тремя баталіонами. Схвативъ знамя 2-го гренадерскаго полка, Фрейманъ бросился впередъ, а за нимъ и всѣ остальные войска, въ томъ числѣ и баталіонъ Толстого, предъ которымъ, почти по грудь въ снѣгу, шелъ самъ князь Голицынъ съ обнаженною шпагой. Генераль-маіоръ Мансуровъ послалъ два эскадрона на илецкую дорожку, а двумъ ротамъ Чугуевскаго полка и двумъ эскадронамъ Бахмутскихъ гусаръ приказалъ занять большую оренбургскую дорожку.

Лишь только чугуевцы и бахмутцы стали огибать городъ и крѣпость, Пугачевъ и его сообщники поняли, что скоро путь ихъ отступленія будетъ не безопасенъ. Многіе стали уходить, и въ числѣ ихъ самъ Пугачевъ, показавшій въ послѣдствіи, что къ побѣгу изъ Татищевой его уговорилъ атаманъ Овчинниковъ.

— Уѣзжай, батюшка, говорилъ Овчинниковъ,—чтобы тебя не захватили, а дорога пока свободна и войсками не занята.

— Ну, хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ,—я поѣду. Но и вы смотрите же, коли можно будетъ стоять, такъ стойте, а коли горячо будутъ войска приступать, такъ и вы бѣгите, чтобы не попасть въ руки.

Не болѣе какъ съ четырьмя человѣками самозванецъ выѣхалъ изъ Татищевой. Чугуевскіе казаки хотя и гнались за нимъ версты съ три, «но какъ у него и его товарищей кони были самыя хорошіе, то Чугуевцы догнать его не могли» ¹⁾).

За Пугачевымъ бѣжали его сообщники, и войска ворвались въ крѣпость. Первыми взошли на валъ два баталіона 2-го гренадерскаго полка, а затѣмъ лѣвѣе баталіонъ Владимірскаго полка. Кавалерія, подѣ начальствомъ подполковника Бедраги, преслѣдуя отступавшихъ, проникла въ городъ тремя въѣздами, а полковникъ Юрій Бибииковъ, со своею командой и лыжниками, «имѣлъ въ то время сильный бой на илецкой дорогѣ съ множествомъ вышедшей изъ крѣпости пѣхоты и конницы» ²⁾. Неуспѣвшіе бѣжать мятежники защищались внутри крѣпости отчаянно и оставили на мѣстѣ 1,315 тѣлъ. Бой продолжался болѣе шести часовъ, и «дѣло столь важно было, доносилъ князь Голицынъ» ³⁾, что я не ожидалъ таковой дерзости и распоряженія въ таковыхъ непросвѣщенныхъ людяхъ въ военномъ ремеслѣ, какъ есть сіи побѣжденные бунтовщики». Войска преслѣдовали отступавшихъ на протяженіи 11 верстъ, и впослѣдствіи было найдено по дорогѣ, въ лѣсу и сугробахъ 1,180 убитыхъ. Въ плѣнъ взято 290 яицкихъ и илецкихъ казаковъ и болѣе трехъ тысячъ человѣкъ разнаго сброда. Вся артиллерія самозванца, состоявшая изъ 36 орудій со снарядами и зарядными ящиками, осталась въ рукахъ побѣдителей, которые лишились убитыми: 3 офицеровъ и 138 нижнихъ чиновъ; ранеными: 19 офицеровъ и 497 нижнихъ чиновъ ⁴⁾.

Столь большая потеря въ отрядѣ князя Голицына вполне окупалась тѣмъ впечатлѣніемъ, которое бой этотъ произвелъ на мя-

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября. Государствен. Арх. VI д., № 512.

²⁾ Репортъ князя Голицына А. И. Бибиикову 24 марта 1774 года, № 504. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

³⁾ А. И. Бибиикову отъ 22 марта. Тамъ же.

⁴⁾ Репортъ кн. Голицына А. И. Бибиикову 24 марта 1774 года, № 504. Въ письмѣ князю М. Н. Волконскому (*Русскій Архивъ* 1867 года, стр. 500) А. И. Бибииковъ опредѣлилъ цифры потерь мятежниковъ не точно. У Пушкина сраженіе подѣ Татищевой описано не вполне вѣрно, а г. Мордовцевъ (См. «Русскіе государственныя дѣятели прошлаго вѣка», *Отечественныя Записки* 1868 года, № 8, стр. 455—457) далъ намъ повѣстическій вымыселъ.

тежниковъ. Собранное самозванцемъ ополченіе было разсѣяно: Овчинниковъ съ частью своихъ силъ отступилъ къ Илецкому городку, а все остальное бросилось бѣжать степью, безъ дорогъ, по направленію къ Переволоцкой крѣпости. «*То-то жерновъ съ сердца свалился*», писалъ А. И. Бибиковъ своей женѣ ¹⁾ въ день полученія извѣстія о побѣдѣ подъ Татищевой, «а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика»...

Обрадованный блестящимъ успѣхомъ князя Голицына, главнокомандующій просилъ императрицу оказать благоволеніе генераламъ Фрейману, Мансурову и въ особенности самому начальнику отряда. «Погрѣшилъ бы я противъ вѣрности моей къ вашему императорскому величеству, прибавлялъ Бибиковъ ²⁾, если бы генераль-маіору князю Голицыну, по отличному его усердію, вѣрности, храбрости и искусству, не отдалъ предъ вами заслуженной имъ отъ всякаго справедливости, и если распоряженія мои въ точности исполнялись и исполняются, то никому иному какъ сему трудолюбивому сослуживцу я присвоить долженствую, а потому и всякую милость и монаршее воззрѣніе къ нему, равно какъ бы онѣ собственно до меня принадлежали, поставлять буду».

Получивъ это донесеніе, императрица произвела А. И. Бибикова изъ премьеръ-маіоровъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка въ подполковники; генераловъ Мансурова и Фреймана наградила орденами св. Анны, а князю Петру Голицыну пожаловала въ Могилевской губерніи, въ Рогачевской провинціи, фольварки Годиловичевскій и Будинскій «со всѣми къ нимъ принадлежащими угодьями» ³⁾. Два офицера, привезшіе извѣстіе о побѣдѣ подъ Татищевой крѣпостью ⁴⁾, были произведены въ слѣдующіе чины, а про-

¹⁾ Отъ 26 марта 1774 года. Сочиненія Пушкина, изд. 1881 года, т. VI, стр. 53.

²⁾ Во всеподд. донесеніи 26 марта, за № 17. Военно-учен. арх. Отд. I, д. № 104 (А), листъ 191.

³⁾ Указы Сенату и лейбъ-гвардіи Измайловскому полку, отъ 21 апрѣля 1774 г. Государственный Архивъ, X, д. № 467.

⁴⁾ Великолуцкаго полка премьеръ-маіоръ Сергѣй Неклюдовъ и Изюмскаго гусарскаго полка поручикъ Гиршфельдъ.

чимъ всѣмъ участникамъ, писала императрица ¹⁾: «начиная отъ перваго штабъ-офицера до послѣдняго солдата, бывшаго въ дѣлѣ корпуса, всемилостивѣйше жалуюемъ мы чрезъ сіе невзачетъ третнее жалованье».

Щедрыя награды, пожалованныя участникамъ, соотвѣтствовали тому впечатлѣнію, которое произведено было въ Петербургѣ донесеніями и письмами А. И. Бибикова. «Теперь, писалъ послѣдній князю Волконскому ²⁾, я могу почти ваше сіятельство *съ окончаніемъ всѣхъ безпокойствъ поздравить*, ибо одно только главнѣйшее затрудненіе и было, но оно теперь преодолено, и мы будемъ часть отъ часу ближе къ тишинѣ и покою».

Люди способны увлекаться, легко вѣрить тому, что удовлетворяетъ ихъ желанію, и потому неудивительно, что князь Волконскій пошелъ еще дальше въ этомъ отношеніи и пожелалъ императрицѣ окончить войну съ Турціей съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ окончены внутреннія безпокойства. «Я, будучи, писалъ онъ ³⁾, черезъ увѣдомленіе отъ А. И. Бибикова, обрадованъ, что злодѣй Пугачевъ съ его воровскою толпой княземъ П. М. Голицынымъ совершенно разбитъ и что сіе внутреннее безпокойство (которое столь много ваше милосердное матерно сердце трогало) *къ концу почти пришло*, приношу всенижайшее и всеусерднѣйшее поздравленіе. Да даруетъ Всевышній, чтобы и внѣшнее безпокойство, по столь многимъ побѣдамъ, полезнымъ миромъ къ безсмертной славѣ вашего императорскаго величества вскорѣ окончилось же».

Поздравленія и пожеланія стекались въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ Имперіи, и сама императрица слѣдила подѣлиться этою радостною вѣстью со своими сотрудниками. Она написала нѣсколько писемъ, прибавляя въ одномъ изъ нихъ ⁴⁾, что послѣ дѣла подъ Татищевую, «гордящіеся симъ разбоемъ ненавистники

¹⁾ Въ рескриптѣ князю Голицыну, отъ 26 апрѣля 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 498. См. также Архивъ Сената, копія Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

²⁾ Въ письмѣ, отъ 28 марта 1774 года. Госуд. Архивъ, VI, дѣло № 527.

³⁾ Въ письмѣ императрицѣ, отъ 2 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

⁴⁾ Лифляндскому генераль-губернатору Брауну въ собственноручномъ письмѣ, отъ 7 апрѣля 1774 г. См. *Осмнадцатый Вѣкъ*, изд. П. Бартенева, кн. III, стр. 228.

наши поубавятъ свое ликованіе». Для такихъ «ненавистниковъ» въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ составлялась для гамбургскихъ газетъ статья о побѣдѣ подъ Оренбургомъ, подъ заглавіемъ: «Extrait d'une lettre de Pétersbourg à un comptoir de Hambourg», и была передана въ петербургскій почтамтъ для отправления по назначенію. Послы и посланники иностранныхъ державъ торопились извѣстить свои правительства, и нѣкоторые писали о подавленіи мятежа, какъ о фактѣ уже совершившемся. «Вчера, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ ¹⁾, отъ генерала Бибикова пріѣхалъ курьеръ и привезъ весьма пріятное извѣстіе *объ окончательномъ подавленіи мятежа*, вслѣдствіе совершенной побѣды, разсѣявшей все мятежное войско».

Такимъ образомъ, побѣдѣ этой было придано гораздо большее значеніе, чѣмъ она имѣла на самомъ дѣлѣ. Правда, что подъ Татищевую были уничтожены лучшія силы Пугачева, но одинъ этотъ успѣхъ не могъ подавить возстанія. Въ Бердѣ была еще значительная толпа мятежниковъ, многочисленнѣе той, которая была собрана самозванцемъ для встрѣчи князя Голицына. Ею распоряжался Шигаевъ, человѣкъ болѣе самозванца способный и энергичный, державшій блокаду Оренбурга строже, чѣмъ она была при Пугачевѣ. Къ этому необходимо прибавить, что сила самозванца заключалась не въ личности его и не въ численности тѣхъ войскъ, которыя имъ были собраны противъ князя Голицына и оставлены подъ Оренбургомъ, а въ сочувствіи большинства населенія, готового стать подъ его знамена. Этой послѣдней силы не замѣчали современные представители власти, и большинство правительственныхъ лицъ пришли къ той мысли, что съ пораженіемъ мятежниковъ подъ Татищевую, вопросъ о подавленіи возстанія можно считать оконченнымъ и остается только поймать самого Пугачева. Съ этою цѣлью почти повсемѣстно были приняты соотвѣтствующія мѣры. Князь Голицынъ обезпечилъ отъ прорыва самозванца пройденное отрядомъ пространство и Казанскую губернію. Астраханскій губернаторъ Кречетниковъ, все еще остававшійся въ Са-

¹⁾ Графу Суффолькъ, отъ 8 апрѣля 1774 г. *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. XIX, стр. 409.

ратовѣ, разослалъ курьеровъ ко всѣмъ комендантамъ и по всѣмъ городамъ съ объявленіемъ о побѣдѣ войскамъ и народу. Онъ приказалъ, чтобъ отъ каждаго города были высланы конные разъѣзды по р. Волгѣ, для захвата всѣхъ бѣглыхъ мятежниковъ. Предполагая, что Пугачевъ будетъ искать убѣжища на рѣкѣ Иргизѣ въ раскольничьихъ селеніяхъ, ему хорошо извѣстныхъ, Кречетниковъ отправилъ есаула Томина съ небольшою командой въ Малыковку, а для овладѣнія Гурьевымъ-городкомъ приказалъ отправить отрядъ изъ Астрахани.

Гурьевъ-городокъ очень беспокоилъ астраханскаго губернатора съ тѣхъ поръ, какъ былъ занятъ Овчинниковымъ. Приписывая успѣхъ мятежниковъ слабости коменданта и губернской канцеляріи, Кречетниковъ приказалъ начальнику отряда, въ случаѣ сопротивленія жителей — сжечь городокъ. «Въ семь городкѣ одни казаки живутъ, писалъ онъ князю Вяземскому ¹⁾, а постороннихъ только шесть семей было, то я и разсудилъ, что ихъ (казаковъ) уже жалѣть не можно, ибо таковой явный и наглый бунтъ, если вдаль потерпѣть, то было бы противу Бога, государя и отечества, а нужно его какъ наискорѣе сорвать и возстановить спокойство».

Получивъ извѣстіе, что посланный съ гарнизонною ротой изъ Астрахани, для занятія Гурьева-городка, секундъ-маіоръ Арбековъ, слѣдуя моремъ, «по худости льда, на пути обломился» и принужденъ былъ остановиться въ Красномъ-Яру, генералъ Кречетниковъ приказалъ отправить, сухимъ путемъ, подполковника Бандаурова съ 3-ю легкою полевой командой ²⁾. Въ помощь Бандаурову было отправлено изъ Астрахани къ Гурьеву-городку одно судно, долженствовавшее заградить мятежникамъ и самому Пугачеву плаваніе по морю и лишить ихъ возможности, еслибъ они пожелали, удалиться въ Мангышлакъ ³⁾.

25 марта Бандауровъ выступилъ изъ Астрахани, присоединилъ къ себѣ роту Арбекова, 200 донскихъ казаковъ, 300 калмыковъ изъ отряда князя Дондукова, и лишь 1 мая подошелъ къ Гурьеву-

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 9 марта 1774 года.

²⁾ Рапортъ Кречетникова военной коллегіи, отъ 9 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

³⁾ Тоже, отъ 8 апрѣля 1774 г. Тамъ же.

городку, гдѣ былъ встрѣченъ атаманомъ Труняшевымъ и 10 казаками. Прибывъ въ лагерь отряда на Черную рѣчку, въ 12 верстахъ отъ городка, депутаты отъ имени «всего злодѣйскаго ихъ общества» передали ключи города и просили пощады и помилованія»¹⁾. Казаки не считали возможнымъ сопротивляться; они уже знали, что дѣло ихъ проиграно, что самозванецъ разбитъ и бѣжалъ изъ Берды.

ХѴІІ.

Дѣйствія отряда генераль-маіора Ларіонова, назначеннаго для освобожденія города Уфы. — Занятіе правительственными войсками Нагайбака и Бакаловъ. — Просьба генераль-маіора Ларіонова объ увольненіи его отъ командованія отрядомъ. — Назначеніе подполковника Михельсона. — Положеніе Уфы. — Попытка мятежниковъ овладѣть городомъ. — Пораженіе инсургентовъ у деревни Чесноковки. — Плѣненіе Зарубина (Чики) и его сообщниковъ. — Освобожденіе города Уфы отъ блокады. — Дѣйствія Михельсона въ окрестностяхъ этого города. — Покорность населенія.

Одновременно съ пораженіемъ, нанесеннымъ Пугачеву подъ Татищевую крѣпостью, былъ уничтоженъ и главнѣйшій его сообщникъ, самозванный графъ Чернышевъ (Зарубинъ), руководившій возстаніемъ въ Башкиріи и державшій въ строгой блокадѣ городъ Уфу.

Назначенный для освобожденія этого города, отрядъ генераль-маіора Ларіонова въ концѣ февраля находился, какъ мы видѣли²⁾, въ сел. Большомъ Акташѣ и лишь 4 марта двинулся къ Нагайбаку. Ларіоновъ видѣлъ передъ собою только отступавшихъ мятежниковъ, и жители селеній, по которымъ проходилъ отрядъ, хотя и имѣли отъ полковника Юрія Бибикова свидѣтельства въ полномъ раскаяніи, но потомъ опять перешли на сторону мятежниковъ.

«Жены и дѣти сихъ изверговъ», доносилъ Ларіоновъ³⁾, «въ

¹⁾ Репортъ Кречетникова военной коллегіи, отъ 14 мая 1774 года. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV. Репортъ подполковника Кандаурова Мансурову 3 мая. Тамъ же, книга VIII

²⁾ См. главу XIV.

³⁾ Въ репортѣ А. И. Бибикову отъ 5 марта 1774 года, № 83. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

пустыкъ мѣстахъ разбросанныя, не имѣють никакого пропитанія и пристанища, которыхъ, *чтобъ они не могли вовсе пропасть, не прикажете ли раздавать желающимъ*. Изъ вышеписанныхъ же двѣ женщины не только не хотятъ возвращаться къ своимъ измѣной остервѣнвившимся мужьямъ, но желаютъ и законъ принять греческій, почему я и опредѣлилъ отдать ихъ желающимъ въ деташементъ, дабы безъ пищи и отъ стужи не погибли».

При приближеніи отряда генераль-маіора Ларіонова къ Нагайбаку, мятежники отступили къ Бакаламъ и Стерлитамаку. Занявъ 6-го марта Нагайбакъ, Ларіоновъ въ тотъ же день выступилъ-было къ Бакаламъ, но подбланные инсургентами завалы и глубокіе снѣга заставили его вернуться обратно. Въ 2 часа ночи 8-го марта онъ выступилъ къ Стерлитамаку, гдѣ, по свѣдѣніямъ, была главная толпа подъ предводительствомъ пяти башкирскихъ старшинъ. Въ 20 верстахъ отъ Стерлитамака отрядъ встрѣтилъ конные разѣзды мятежниковъ. Ларіоновъ выслалъ для преслѣдованія ихъ 100 человекъ Чугуевскихъ казаковъ, 50 Изюмскихъ гусаръ и 100 человекъ уланъ Казанскаго дворянскаго корпуса подъ общимъ начальствомъ маіора Харина. Въ подкрѣпленіе кавалеріи было отправлено 50 человекъ пѣхоты съ одною 3-хъ-фунтовою пушкою. Преслѣдуя отступавшихъ, Харинъ съ своею кавалеріею дошелъ до Стерлитамака, гдѣ, будучи остановленъ артиллерійскимъ огнемъ мятежниковъ, выждалъ прибытія главныхъ силъ. Ларіоновъ приказалъ открыть огонь изъ своихъ орудій, двинулъ кавалерію въ обходъ, а лыжниковъ на батарею, «сдѣланную изъ сѣнныхъ воезовъ». Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ башкирцы, число которыхъ, по показанію Ларіонова, простиралось до 3,000 человекъ, а по болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ не превышало 1,500 человекъ, обратились въ бѣгство. Уланы Казанскаго дворянскаго корпуса преслѣдовали непріятеля и отбили двѣ пушки. «Младенцы мои, доносилъ Ларіоновъ ¹⁾, сугубо показали, что они произошли изъ благородныхъ сердецъ, воспаленныхъ ревностью, усердіемъ вѣрноподданнической любви и должности къ августѣйшей нашей матери и отечеству».

¹⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 10 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

Разбитые башкирцы отступили къ Бакаламъ, а Ларіоновъ пошелъ съ отрядомъ обратно въ Нагайбакъ. Онъ испугался извѣстія, что въ Бакалы прибылъ на подкрѣпленіе мятежниковъ братъ За-рубина (Чики), а у Мензелинска собираются «новыя толпы съ разными старшинами» ¹⁾.

Оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Нагайбакъ, Ларіоновъ приказалъ находившемуся въ Мензелинскѣ полковнику Обер-нибѣсову строго слѣдить за мятежниками, а полковнику Кожину, съ отрядомъ въ 630 человекъ и 4 орудіями, ²⁾ слѣдовать къ Бакаламъ и выгнать оттуда мятежниковъ, число которыхъ, по выяснившимся даннымъ, не превышало 500 человекъ.

Въ 12 часовъ дня, 12 марта, Кожинъ выступилъ изъ Нагайбака, а слѣдомъ за нимъ пошелъ и Ларіоновъ съ остальными силами. Подойдя къ Бакаламъ, полковникъ Кожинъ былъ встрѣченъ огнемъ батареи, поставленной въ воротахъ, и потому, сформировавъ колонну въ 200 человекъ, приказалъ овладѣть ею. Капитанъ Шепелевъ повелъ первый взводъ колонны, дошелъ почти до самыхъ воротъ и готовъ былъ броситься на орудія, но былъ убитъ. Команда его замѣшалась, повернула назадъ, а за нею и вся колонна. Мятежники ободрились, но въ это время подошелъ генераль-маіоръ Ларіоновъ и повторилъ атаку. Батарея была взята, мятежники отступили и 13 марта Ларіоновъ занялъ Бакалы съ потерей: убитыми: 1 офицера, 7 нижнихъ чиновъ, ранеными: 1 офицера и 20 нижнихъ чиновъ ³⁾.

Въ Бакалахъ Ларіоновъ оставался въ теченіе недѣли и не предпринималъ ровно ничего. Такимъ образомъ прошло почти полтора мѣсяца со дня выступления отряда изъ Казани, а дѣло по усмиренію края подвинулось впередъ весьма немного и городъ Уфа еще долго не могла получить никакой помощи. Главнокомандую-

¹⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову, 10 марта 1774 г. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VII.

²⁾ Въ составъ отряда Кожина были назначены: 300 человекъ Томскаго полка, 100 человекъ улановъ Казанскаго дворянскаго корпуса, 50 карабинеровъ, 50 Изюмскихъ гусаръ, 50 человекъ Казанскаго мѣщанства и 80 чел. Чугуевскихъ казаковъ.

³⁾ Рапортъ полковника Кожина генераль-маіору Ларіонову отъ 13 марта. Рапортъ Ларіонова А. И. Бибикову отъ 13 марта 1774 года, № 103. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII. Показаніе яицкаго казака Ильи Ульянова. Госуд. Арх., VI, д. № 506.

щій былъ крайне недоволенъ медленностію и нерѣшительностію Ларіонова. «За грѣхи мои», писалъ Бибиковъ ¹⁾, «навязался мнѣ братецъ мой, А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ detaшементомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу». Главнокомандующій требовалъ энергическихъ дѣйствій и скорѣйшаго наступленія къ Уфѣ, а Ларіоновъ ссылаясь на трудности пути. Онъ говорилъ, что и безъ того узкія дороги, пролегающія среди лѣсовъ, завалены снѣгомъ и засѣками изъ такихъ деревьевъ, «что разрубить ихъ способу нѣтъ»; что мосты въ самыхъ крутыхъ рывтинахъ всѣ сожжены и ему приходится ходить окольными дорогами по глубокимъ снѣгамъ, такъ какъ для возстановленія мостовъ потребовалось бы слишкомъ много времени.

«Слабость моего здоровья», прибавлялъ при этомъ Ларіоновъ ²⁾, «время отъ времени изнуряетъ меня до того, что я не въ состояніи далѣе командовать. То посему и по ордерамъ вашего высокопревосходительства, сдавъ полковнику Кожину все надлежащее съ подтвержденіемъ крѣпкимъ о точности исполненія вашихъ ордеровъ, намѣренъ подъ прикрытіемъ чугуевской команды, которую ваше высокопревосходительство повелѣли возвратить въ Бугульму, возвратиться въ Кичуй, гдѣ уповаю явиться вашему высокопревосходительству».

Получивъ это донесеніе, главнокомандующій радъ былъ замѣнить Ларіонова другимъ лицомъ, и потому, съ прибытіемъ 2-го марта въ Казань С.-Петербургскаго карабинернаго полка, въ которомъ находился подполковникъ Ив. Ив. Михельсонъ, А. И. Бибиковъ избралъ его, какъ офицера весьма храбраго, способнаго и дѣлательнаго, начальникомъ отряда, назначеннаго для освобожденія Уфы. «Представь, каково эти дни мнѣ», писалъ А. И. Бибиковъ къ А. М. Лунину ³⁾. «Дворянскаго шефа (Ларіонова) принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельсона,—онъ за болѣзнію попросился. Я уже и тому радъ. Упегалъ меня сей храбрый герой: не могъ съ мѣста цѣлый мѣсяцъ двинуться!»

¹⁾ Сочин. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, стр. 47.

²⁾ Рапортъ Ларіонова А. И. Бибикову 13 марта 1774 года, № 103. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

³⁾ Отъ 10 марта 1774 года. *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 384.

Ив. Ив. Михельсонъ началъ службу въ офицерскихъ чинахъ въ 3-мъ мушкетерскомъ полку, которымъ командовалъ тогда А. И. Бибиговъ. Участвуя въ Семилѣтней и Турецкой войнахъ, Михельсонъ заслужилъ себѣ блестящую военную репутацію, былъ нѣсколько разъ раненъ и за свои боевые подвиги награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени.

Съ назначеніемъ его теперь вмѣсто генералъ-маіора Ларіонова, отрядъ послѣдняго былъ раздѣленъ на двѣ части, и полковнику Кожину было приказано передать кавалерію и 300 человекъ лучшихъ людей Томскаго полка подполковнику Михельсону, а съ оставшейся пѣхотой и Казанскими уланскими компаніями слѣдовать въ Кичуевскій фельдшанецъ ¹⁾.

Въ два часа пополудни 18 марта подполковникъ Михельсонъ съ небольшимъ числомъ карабинеровъ, прибывъ въ Бакалы, засталъ тамъ Ларіонова и принялъ отъ него 300 человекъ Томскаго полка съ шестью полевыми орудіями ²⁾. Полковникъ Кожинъ, дождавшись прибытія изъ Мензелинска отряда Обернибѣсова и оставивъ его въ Бакалахъ для обезпеченія тыла Михельсона, самъ съ остальными войсками 22 марта выступилъ въ Кичуевскій фельдшанецъ ³⁾.

20-го марта двинулся впередъ и Михельсонъ со своимъ отрядомъ.

Обложенная со всѣхъ сторонъ Уфа защищалась доблестью своихъ гражданъ, распорядительностію коменданта, полковника Мясоѣдова и воеводы А. Н. Борисова.

При первыхъ еще извѣстіяхъ о появленіи самозванца уфимскіе жители готовились къ оборонѣ и рѣшили не впускать въ городъ мятежниковъ ⁴⁾. Обыватели требовали оружія и формиро-

¹⁾ Рапортъ полковн. Кожина Бибигову отъ 20 марта 1774 года. Моск. Арх. Глав. Шт., оп. 47, кн. VII.

²⁾ Рапортъ Михельсона Бибигову 18 марта 1774 года. Моск. Арх. глав. шт., оп. 47, кн. VII.

³⁾ Рапортъ Кожина Бибигову отъ 22 марта 1774 года. Тамъ же.

⁴⁾ Авторъ статьи «Осада Уфы шайками Пугачева», Р. Г. Игнатьевъ (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II), говоря о приготовленіяхъ жителей къ оборонѣ, относитъ ихъ къ первой половинѣ сентября 1773 г. (стр. 105). Только во второй половинѣ сентября Пугачевъ объявилъ себя императоромъ и, слѣдова-

вали ополченіе. Прибывшій въ г. Уфу по торговымъ дѣламъ 23-хъ лѣтній ростовскій купецъ Иванъ Игнатьевичъ Дюковъ явился душою обороны. Мѣщанство провозгласило его своимъ предводителемъ, а дворянство, составивъ изъ себя ополченіе, избрало начальникомъ своимъ отставнаго майора Пекарскаго ¹⁾; штатною гарнизонною ротою, отставными солдатами и казаками командовалъ капитанъ К. К. Пастуховъ. Въ Уфу стекались жители окрестныхъ селъ, помѣщики и духовенство съ ихъ семействами. Многіе изъ нихъ становились въ ряды защитниковъ, но при всемъ томъ силы обороняющихся были незначительны. Онѣ состояли сначала изъ 200 человѣкъ солдатъ, изъ 250 человѣкъ дворянской роты Пекарскаго, 150 человѣкъ купцовъ, мѣщанъ и казаковъ подъ начальствомъ Дюкова и 204 человѣка отставныхъ солдатъ и разночинцевъ,— всего 804 человѣка. Въ городѣ было 40 орудій и при нихъ 58 человѣкъ прислуги подъ начальствомъ воеводы Борисова.

Впослѣдствіи хотя сборомъ вооруженныхъ помѣщичьихъ крестьянъ численность гарнизона и была доведена до 1,650 человѣкъ, но и этого было недостаточно по сравненію съ числомъ мятежниковъ, ежедневно усиливаемыхъ прибытіемъ новыхъ сообщниковъ.

Защитники возлагали, впрочемъ, большія надежды на гористое и обрывистое положеніе города, затруднявшее атаку открытою силою. Рѣка Бѣлая, на всемъ своемъ теченіи вокругъ города, была очищена отъ льда и образованныя такимъ образомъ искусственныя полыньи прикрывали съ этой стороны доступъ мятежникамъ къ городу. Вокругъ Уфы были построены четыре земляныхъ батарей и сверхъ того сформирована одна подвижная изъ четырехъ орудій, для усиленія, въ случаѣ атаки, наиболѣе угрожаемаго пункта.

Одна батарея была поставлена на р. Бѣлой для обстрѣливанія

тежно, ранѣе этого объявленія жители г. Уфы готовиться къ оборонѣ не могли. Вѣроятно ошибка эта произошла отъ неразборчивости мѣсяца, обозначеннаго на документахъ.

¹⁾ Родословную Пекарскихъ см. въ статьѣ *Извѣстія объ Уфимскихъ дворянскихъ Пекарскихъ*, академика П. П. Пекарскаго (Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г. ч. II, стр. 81—100).

мѣстности со стороны оренбургской дороги; вторая батарея была расположена на Усольской сопкѣ, третья на кладбищѣ — обѣ для защиты доступовъ со стороны сибирской дороги, и наконецъ, четвертая батарея, на горѣ, надъ р. Бѣлой, для обстрѣливанія Фроловской, Казанской и Ильинской улицъ. Городъ былъ раздѣленъ на участки, охраняемые вооруженными гражданами.

Первые незначительныя шайки башкирцевъ появились въ виду города 1-го октября, въ день праздника Покрова Богородицы. Въ городскомъ соборѣ была отслужена обѣдня и затѣмъ совершенъ крестный ходъ.

— Сегодня, говорилъ народу протопопъ Невѣровъ, Св. Церковь празднуетъ Покрову Божія Матери, это значитъ что Матерь Божія спасаетъ градъ сей.

— Ура! отвѣчалъ народъ.

— Пресвятая Богородица спаси насъ, произнесъ Дюковъ.

Всѣ пали на колѣни и горячо молились.

До конца октября мятежники не предпринимали почти ничего серьезнаго противъ города и ограничивались одною блокадою. Будучи сами плохо вооружены, башкирцы не питали себя надеждою овладѣть городомъ открытою силой, и потому вели непрерывные переговоры, угрожая нападеніемъ и требуя сдачи и покорности. Съ ними переговаривались майоръ Пекарскій, коллежскіе регистраторы Черкашениновъ и Дуровъ, переговаривался и купецъ Дюковъ.

— Мы хотимъ видѣть, говорили мятежники послѣднему, — коменданта и воеводу; но если вы ими посланы, то скажите имъ, чтобы они не противились законному государю, а иначе городъ будетъ взятъ и жители всѣ до одного человѣка перебиты.

Дюковъ отправился въ городъ и привезъ имъ обратно весьма уклончивый отвѣтъ.

— Уфимское начальство само видитъ, говорилъ онъ, — что городу не устоять: мало людей, оружія, пороху и хлѣба; но народъ хочетъ защищаться и не только не послушаетъ начальниковъ, но даже можетъ быть въ народѣ бунтъ, воевода и комендантъ могутъ пострадать лишеніемъ живота. Надо предоставить времени и

тогда, можетъ быть, воевода и комендантъ найдутъ возможность сдать городъ.

— По указу его императорскаго величества, сказалъ одинъ изъ переговаривающихся предводителей мятежниковъ,—дается вамъ три дня или страшитесь государева гнѣва.

— А ты, умная голова, спросилъ Дюкова тотъ же предводитель, — тоже не изъ командировъ-ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ спрошенный,—я только теперь временный солдатъ всемилостивѣйшей государыни нашей Екатерины Алексѣевны и долженъ исполнять волю начальства, какъ совѣсть и присяга повелѣваютъ.

— Хорошо, ступай, умная голова,—скажи твоему начальству что слышалъ, да и скажи жителямъ, особенно казакамъ, что-де имъ тяжкій грѣхъ поднимать руку на законнаго государя, что Богъ и царь ихъ накажутъ.

Дюковъ вернулся и воевода приказалъ ему объявить народу, безъ утайки, все что слышалъ отъ мятежниковъ.

— Что же, православные, спрашивалъ Борисовъ,—ужели по вашему сдать злодѣямъ городъ? Вы какъ хотите, а я до послѣдняго издыханія буду стоять за вѣру, государыню и отечество, вѣдь я присягу принималъ.

— Мы всѣ присягу принимали, отвѣчали собравшіеся обыватели. Ура! веди насъ противъ злодѣевъ.

Рѣшеніе защищаться до послѣдней крайности было твердо и безповоротно. Ни угрозы бунтовщиковъ, ни манифесты Пугачева, или такъ-называемые «*воровскіе листы*», появившіеся въ городѣ, не могли поколебать обывателей. Нѣтъ сомнѣнія, что среди населенія были сторонники самозванца, которые принимали прокламаціи мятежниковъ и тайкомъ, по ночамъ, наклеивали ихъ на воротахъ, стѣнахъ домовъ и даже церкви, но такіа лица скрывали свое сочувствіе и не рѣшались выказаться. Чтобы прекратить подобныя публикаціи, въ городѣ было объявлено, съ барабаннымъ боемъ, что всякій, кто найдетъ подобныя письма, долженъ представить ихъ въ воеводскую канцелярію; если укажетъ на виновнаго, будетъ награжденъ, а за утайку виновнаго и писемъ будетъ повѣшенъ. При такихъ порядкахъ спокойствіе въ городѣ ничѣмъ не

нарушалось. Башкирцы то подходили къ Уфѣ, то удалялись отъ нея и зорко слѣдили за всѣми дорогами и захватывали всѣхъ проезжающихъ. Иногда отдѣльныя лица или небольшія партіи мятежниковъ завязывали перестрѣлку, но почти всегда она была безвредна для обѣихъ сторонъ. Съ своей стороны осажденные производили вылазки, изъ которыхъ многія были весьма удачны. Всякій успѣхъ обороняющагося былъ встрѣчаемъ жителями съ восторгомъ. Въ концѣ октября перестрѣлки происходили почти ежедневно, но, будучи безвредны, не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Въ такомъ положеніи находилась Уфа, когда во второй половинѣ ноября прибылъ въ Чесноковку уполномоченный Пугачева, лицкій казакъ Иванъ Зарубинъ (Чика), наименованный графомъ Чернышевымъ. Выше мы изложили тѣ мѣры, которыя были предприняты Зарубинымъ къ расширенію своей дѣятельности въ краѣ и къ распространенію своей власти ¹⁾. Формируя отряды и рассылая ихъ по разнымъ направленіямъ, Зарубинъ не забылъ и города Уфы.

Въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, 21-го ноября, мятежники подошли къ городу, поставили на берегу р. Бѣлой свои пушки и открыли огонь. Канонада эта была неудачна и, не смотря на большое число выпущенныхъ выстрѣловъ, атакующіе успѣли зажечь только избу, одиноко стоявшую на берегу р. Бѣлой. Пожаръ былъ скоро потушенъ и результаты бомбардированія сказались лишь въ томъ, что защитники лишились трехъ человѣкъ убитыми.

Съ наступленіемъ сумерекъ толпа стала отступать къ Чесноковкѣ; изъ Уфы былъ высланъ отрядъ въ 240 человѣкъ, съ двумя орудіями, который осторожно переправился черезъ р. Бѣлую и маскируясь горой зашелъ незамѣтно въ тылъ инсургентамъ. Атакованные врасплохъ мятежники обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ 30 человѣкъ-убитыми и 40 плѣнными.

Городъ праздновалъ побѣду: «ночью въ церквахъ звонили въ колокола и пѣли благодарственные молебны». Настроеніе населенія было вполнѣ удовлетворительное, но начальствующія лица сознавали, что если блокада протянется долго, то окажется недостатокъ

¹⁾ См. главу XI.

въ боевыхъ припасахъ, и потому рѣшено было беречь ихъ и уклоняться отъ перестрѣлокъ съ непріятелемъ.

Чтобы приучить жителей и гарнизонъ къ внезапному нападенію, начальство дѣлало днемъ и ночью тревоги. По звону соборнаго колокола, трещотокъ или по зажженію маяка, гарнизонъ долженъ былъ собираться на назначенныхъ ему мѣстахъ. «Жители, вооруженные чѣмъ попало, кольями, топорами», должны были выходить на улицу, не исключая, какъ говоритъ преданіе, и женщинъ» ¹⁾.

Неожиданное появленіе башкирцевъ у Уфы лишило ея жителей возможности сдѣлать запасы продовольствія на продолжительное время, и почти въ самомъ началѣ блокады сталъ ощущаться недостатокъ въ фуражѣ. Поэтому было рѣшено произвести вылазку на сосѣдніе луга и запасти сѣномъ изъ нетронутыхъ еще стоговъ.

Въ 7 часовъ утра, 12 декабря, бѣлая часть жителей и даже женщины вышли изъ города подъ прикрытіемъ команды и одного орудія; но лишь только начался сборъ сѣна, какъ Зарубинъ (Чика) бросился на нихъ съ своимъ ополченіемъ и успѣлъ захватить 50 человекъ въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился священникъ Троицкой церкви Илья Ивановъ. Всѣхъ ихъ представили самозванному графу Чернышеву, потомъ обыскали, завязали глаза и отвели въ тюрьму, съ объявленіемъ, что на другой день они будутъ повѣшены.

На слѣдующее утро ихъ опять привели къ Зарубину (Чикѣ), который былъ совершенно пьянъ, полуодѣтъ, босой и, сидя въ переднемъ углу подъ образами, едва могъ шевелить языкомъ. Приведеннымъ плѣннымъ объявили, что сидящій подъ образами есть его сіятельство графъ Чернышевъ, самый близкій человекъ къ батюшкѣ государю Петру Ѳедоровичу, находящемуся нынѣ подъ Оренбургомъ; что графъ присланъ подъ Уфу требовать добровольной покорности и сдачи города безъ кровопролитія. Пьяный Зарубинъ объявилъ, что всѣхъ милуетъ, отмѣняетъ казнь, отпу-

скаеть обратно въ городъ, но съ условіемъ: передать что видѣли и слышали и уговорить населеніе исполнить волю государя Петра Ѳедоровича. 14 декабря плѣнные отправились въ городъ, при входѣ были окружены войсками и отведены прямо въ канцелярію для допроса. Послѣ того имъ было сдѣлано увѣщаніе въ соборѣ, всѣ они были приведены къ присягѣ и распущены по домамъ. Зарубинъ не получилъ никакого отвѣта и черезъ два дня самъ поѣхалъ къ городу, съ намѣреніемъ вступить въ переговоры. Въ 9 часовъ утра 17 декабря онъ подошелъ къ Уфѣ съ значительною толпою и видя, что населеніе не намѣрено вступать съ нимъ въ сношеніе, приказалъ открыть огонь. Съ городскихъ батарей отвѣтили тѣмъ же и Зарубинъ (Чика) принужденъ былъ отступить. Онъ разослалъ повсюду приказаніе, чтобы всѣ способные носить оружіе собирались въ Чесноковку для взятія города Уфы. Мятежное населеніе стекалось со всѣхъ сторонъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней, по словамъ современника, собралось до 20 тысячъ человѣкъ.

Съ этими силами и 23 орудіями Зарубинъ, въ 7 часовъ утра 23 декабря, подошелъ къ Уфѣ и открылъ канонаду. Городскія батареи отвѣчали весьма удачно и не допускали мятежниковъ близко къ городу. Замѣтивъ малолѣдство защитниковъ, стоявшихъ у выхода Усольской улицы, инсургенты собрались здѣсь въ значительномъ числѣ, успѣли перевезти черезъ рѣку двѣ пушки и, поставивъ ихъ на горѣ, стали обстрѣливать городъ. Выстрѣлы этой батареи наносили большой вредъ строеніямъ, но захватить ее или заставить замолчать у горожанъ не доставало силъ. Тогда отставной вахмистръ изъ дворянъ Дмитрій Аничковъ (Баталинъ тожь) взялъ 20 человѣкъ вооруженныхъ людей и, зная хорошо мѣстность, обошелъ батарею съ правой стороны и открылъ огонь въ тылъ мятежниковъ. Прислуга у батареи была частью перебита, а оставшая бросилась бѣжать. Аничковъ тотчасъ повернулъ орудія и осыпалъ картечью бѣгущихъ. Въ погоню за ними была выслана изъ города партія конныхъ, успѣвшая захватить нѣсколько плѣнныхъ. Ополченіе Зарубина разошлось въ разныя стороны, штурмъ былъ отбитъ и побѣдители захватили два орудія.

Въ три часа дня непріятеля не было уже въ виду гор

населеніе торжествовало побѣду. На слѣдующій день полковникъ Мясоѣдовъ сдѣлалъ парадъ всѣмъ вооруженнымъ людямъ и было отслужено благодарственное молебствіе. 25-го декабря было опять молебствіе, послѣ котораго зажиточные жители устроили угощеніе для защитниковъ. Каждый взялъ къ себѣ нѣсколько вооруженныхъ людей, «къ сдѣланію съ пріятелями веселаго времени». Пять бочекъ вина было отпущено отъ казны, но ни пьянства, ни безпорядка не было.

Въ теченіе цѣлаго затѣмъ мѣсяца Зарубинъ (Чика) не предпринималъ ничего противъ Уфы. Онъ усилилъ только блокаду города и изрѣдка велъ перестрѣлку, впрочемъ незначительную. Толпа его грабила окрестности, жгла запасы сѣна и разграбила соляные магазины, въ пяти верстахъ отъ города. Исподволь Зарубинъ собиралъ свои силы и 25 января снова явился подъ Уфою съ 12,000 мятежниковъ¹⁾. Набат призвалъ жителей къ оружію, и обѣ стороны открыли огонь. Одинъ изъ предводителей толпы, Губановъ, прорвался-было на Сибирскую улицу, но былъ выгнанъ, а Зарубинъ направился опять на Усольскую улицу и, остановившись на горѣ, распоряжался боемъ.

Зима этого года была снѣжная и, по преданію, снѣгъ въ Уфѣ лежалъ выше заборовъ, что затрудняло атаку: пѣхота мятежниковъ, вооруженная преимущественно кольями и топорами, вязла въ снѣгу и была поражаема пулями защитниковъ. Атакующіе подвигались впередъ медленно, и отставной капралъ Лодыгинъ рѣшился повторить маневръ Аничкова. Взявъ 25 человекъ солдатъ, онъ пробрался между строеніями, зашелъ въ тылъ атакующимъ и открылъ огонь. Мятежники пришли въ большое замѣшательство и, по словамъ современника, Лодыгинъ бросился на самого Зарубина, но былъ убитъ. Команда его разсѣялась, но въ это время прибыла подвижная батарея и осыпала инсургентовъ картечью. Подъ Чикою была убита лошадь, но онъ успѣлъ пересѣсть на другую и ускакалъ, а за нимъ бросилась назадъ и вся толпа. Отступленіе было самое безпорядочное и гибельное для мя-

¹⁾ Журналъ происшествій въ Уфѣ. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, чта IV.

тежниковъ: «ихъ убивали безъ сопротивленія, особенно увязшихъ въ сѣтѣгу»; многіе съ отчаянія бросались въ овраги и тамъ гибли. Атакующіе потеряли болѣе 200 человекъ убитыми и 50 человекъ плѣнными; гарнизонъ и обыватели лишились 20 человекъ убитыми и ранеными. На слѣдующій день былъ отслуженъ молебень, войска окроплены св. водой, а Лодыгинъ и всѣ убитые похоронены съ большою церемоніею при Смоленскомъ соборѣ. Нижнимъ чинамъ были выданы денежные награды, а офицеры приглашены на обѣдъ къ коменданту, полковнику Мясоѣдову ¹⁾).

Одушевленіе защитниковъ и вѣра въ свою силу были такъ велики, что они желали идти въ Чесноковку и выгнать оттуда За-рубина (Чикю), но начальство не раздѣляло этого желанія и считало болѣе выгоднымъ оставаться въ оборонительномъ положеніи, предоставляя инициативу дѣйствій мятежникамъ. Малѣйшая неудача въ наступленіи могла передать городъ въ руки инсургентовъ, и потому выгоднѣе было, оставаясь за укрѣпленіями, дожидаться прибытія помощи.

Помощь однакоже не прибывала и притомъ, идутъ-ли войска на освобожденіе Уфы—никакихъ свѣдѣній не имѣлось. Продовольствіе въ городѣ истощалось и всѣ продукты сильно вздорожали: пудъ ржи продавался по 1 р. 20 к., пудъ пшеницы стоилъ 1 р. 60 к., а за возъ сѣна платили по 2 руб., что, по тогдашнимъ цѣнамъ, было очень дорого. Солдаты и вооруженные граждане получали половинную дачу провіанта, а болѣе бѣдные стали ощущать голодъ. За неимѣніемъ сѣна большинство владѣльцевъ принуждено было кормить своихъ лошадей и скотъ древесными вѣтвями. Въ городѣ стали развиваться болѣзни, а съ тѣмъ вмѣстѣ явился ропотъ и неудовольствіе; начались побѣги, преимущественно среди помѣщичьихъ крестьянъ, собранныхъ въ городъ для защиты. Впрочемъ, побѣги начались подъ самый конецъ блокады, были незначительны и изъ регулярныхъ войскъ бѣжалъ только одинъ канониръ Нагаевъ. Онъ ушелъ 23 марта, наканунѣ того дня,

¹⁾ Осада города Уфы, Р. Г. Игнатъева. Памятная книжка Уфимской губерніи на 1873 г., ч. II. *Оренбургскія Вѣдомости*, 1852 г., № 16.

когда подполковникъ Михельсонъ подошелъ къ Чесноковкѣ и разбилъ ополченіе Зарубина (Чики).

Выступивъ изъ Бакаловъ и слѣдуя черезъ селеніе Тюряшево, подполковникъ Михельсонъ старался добыть «языка», но не могъ никого захватить въ плѣнъ, потому что «изъ нихъ, злодѣевъ, ни одинъ живой не сдавался», а за неимѣніемъ въ деревняхъ жителей получить свѣдѣнія о непріятелѣ было почти невозможно. Только 23 числа, подходя къ деревнѣ Караяпуловой, при встрѣчѣ авангарда отряда съ толпою въ 400 человѣкъ, Михельсонъ успѣлъ захватить 5 человѣкъ въ плѣнъ. Отъ нихъ онъ узналъ, что по дорогѣ изъ города Уфы въ дер. Жуковой находится 2,000 человѣкъ съ 4 орудіями, а въ Чесноковкѣ стоитъ самъ графъ Чернышевъ (Зарубинъ) съ 10,000 человѣкъ и значительнымъ числомъ орудій.

Какъ ни опасно было оставлять у себя въ тылу мятежниковъ, собравшихся въ дер. Жуковой, тѣмъ не менѣе Михельсонъ рѣшился атаковать прежде всего главные силы, расположенныя въ Чесноковкѣ, повернуть вправо и пошелъ на дер. Арово, гдѣ и остановился съ намѣреніемъ переночевать и дать отдыхъ отряду. Однако въ пятомъ часу пополудни было замѣчено, что верстахъ въ семи отъ мѣста расположенія отряда, въ дер. Кляшевой, собралась толпа человѣкъ до 500. Выславъ туда 200 человѣкъ пѣхоты и конницы, Михельсонъ приказалъ немедленно атаковать непріятеля и, не зная точнаго числа его, пошелъ и самъ со всѣмъ отрядомъ. Инсургенты не дождались приближенія правительственныхъ войскъ и разбѣжались въ разные стороны. Остановившись въ дер. Кляшевой, Михельсонъ приказалъ играть зорю и разложить какъ можно болѣе огней, а съ наступленіемъ совершенной темноты, въ одиннадцатомъ часу ночи, выступилъ далѣе и въ 2 часа пополудни подошелъ къ сел. Третьякову. При приближеніи отряда, въ селеніи поднялась большая тревога и бывшіе тутъ мятежники, въ числѣ 1,000 человѣкъ съ 2 орудіями, открыли огонь. Шедшій въ авангардѣ майоръ Харинъ, не обращая вниманія на выстрѣлы, смѣло ворвался въ селеніе, а высланные Михельсономъ, подъ начальствомъ поручика Базарова, лыжники, обогнувъ деревню и появившись въ тылу, навели панику на инсургентовъ. Разстрѣлавъ въ беспорядкѣ

дочной ночной стрѣльбѣ всѣ свои патроны, толпа обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ всѣ пушки. Большинство мятяжниковъ бѣжало въ Чесноковку, и потому, желая воспользоваться впечатлѣніемъ ночного боя и наведеннымъ страхомъ, Михельсонъ, лишь только успѣлъ устроить въ Третьяковой вагенбургъ, тотчасъ же двинулся въ Чесноковкѣ. Хотя ему приходилось пройти всего 5 верстъ, но Зарубинъ (Чика) успѣлъ выслать къ дер. Зубовкѣ 7,000 человекъ съ 10 орудіями. Разставивъ по обѣимъ сторонамъ дороги своихъ лыжниковъ и растянувъ на версту въ одну линію тысячъ до четырехъ пѣхоты и конницы, Зарубинъ намѣренъ былъ окружить ими Михельсона съ фланговъ и тыла въ то время, когда сомкнутая толпа въ 3,000 человекъ ударитъ съ фронта.

Встрѣченный огнемъ изъ 7 орудій, поставленныхъ въ дер. Зубовкѣ, маіоръ Харинъ, шедшій въ авангардѣ, остановился, выдвинулъ впередъ одно орудіе и, спѣшивъ часть кавалеріи, началъ отстрѣливаться. Михельсонъ отправилъ къ нему на помощь часть пѣхоты, спѣшенныхъ Чугуевскихъ казаковъ, С.-Петербургскихъ карабинеровъ и одно орудіе. Для прикрытія своего тыла онъ оставилъ до 100 человекъ конницы, 40 человекъ пѣхоты и 2 орудія. Мятяжники наступали сначала весьма энергично и хотя встрѣчали повсюду сильный отпоръ, но не теряли надежды овладѣть всѣмъ отрядомъ. Башкиры и татары, составлявшіе главную силу толпы, дрались отчаянно и въ плѣнъ не сдавались. Бой продолжался нѣсколько часовъ, и наконецъ Михельсонъ рѣшился перейти въ наступленіе. Какъ только батарея мятяжниковъ «искуснымъ дѣйствіемъ нашихъ орудій» была приведена къ молчанію, Михельсонъ замѣнилъ пѣхотою спѣшенную кавалерію, а маіору Харину приказалъ сѣсть на коней и атаковать непріятеля. Атака эта была произведена «съ такимъ отміяннымъ мужествомъ, храбростію и расторопностію», что инсургенты были обращены въ бѣгство и преслѣдованы до самой Чесноковки, тогда же занятой маіоромъ Харинымъ.

Сраженіе продолжалось до 2-хъ часовъ пополудни 24 марта и окончилось полною и блестящею побѣдою. Мятяжники потеряли до 500 человекъ убитыми, лишились 25 орудій съ зарядными ящиками

и снарядами и 1,560 человекъ плѣнными. Въ отрядѣ Михельсона было 23 человека убитыхъ и 32 раненыхъ.

При самомъ началѣ боя, лишь только въ Уфѣ слышали выстрѣлы, комендантъ, полковникъ Мясоѣдовъ, желая узнать что происходило около Чесноковки, отправилъ капитана Пасмурова съ 200 человекъ пѣхоты, лыжниковъ, кавалеріи и съ тремя орудіями. Городскіе жители думали сначала, что между мятежниками происходитъ междоусобная перестрѣлка, но скоро получили извѣстіе отъ Пасмурова, что Зарубинъ разбитъ Михельсономъ¹⁾, и съ 20 человекъ своей свиты успѣлъ бѣжать въ Табынскъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ отправилъ всю свою денежную казну и пожитки.

Остановившись съ отрядомъ въ Чесноковкѣ, Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ предводителей, а трехъ высѣкъ кнутомъ. Всѣхъ остальныхъ плѣнныхъ «послѣ увѣщаній» распустилъ по домамъ, точно такъ же какъ отпускалъ впослѣдствіи всѣхъ тѣхъ, которые являлись къ нему съ повинною. Такихъ было очень много, «кромѣ башкирцевъ, доносилъ Михельсонъ²⁾», въ коихъ злость и жестокосердіе съ такою яростію вкоренились, что рѣдкій живой въ полонъ отдавался, а которые и были захвачены, то нѣкоторые вынимали ножи изъ кармановъ и рѣзали людей, ихъ ловившихъ». «Найденные въ сѣняхъ и подъ полами, сказано въ журналѣ³⁾, видя себя открытыми, выскакивали съ копьями и ножами, чиня сопротивленіе».

Послѣ пораженія мятежниковъ подъ Чесноковкою толпа, бывшая въ Красномъ-Яру, разбѣжалась почти вся сама собою, но для окончательнаго очищенія этого пункта Михельсонъ отправилъ Изюмскаго гусарскаго полка капитана Кардашевскаго съ его эскадронъ, 100 человекъ лыжниковъ и 2 орудіями. Кардашевскій не засталъ мятежниковъ въ Красномъ-Яру и узнавъ, что они бросили пушки и отступили на заводъ Потѣхина, двинулся для преслѣдованія ихъ. Большинство инсургентовъ расходилось по домамъ,

¹⁾ Рапортъ Мясоѣдова Вибикову 13 апрѣля 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Въ рапортѣ А. И. Вибикову, отъ 24 марта 1774 года. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга III.

³⁾ Журналъ дѣйствій отряда подполковника Михельсона.

а нѣкоторые скрывались въ густыхъ лѣсахъ, дѣлая вокругъ себя засѣки для защиты отъ правительственныхъ войскъ.

Отправивъ всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ, отбитую артиллерию и собственные экипажи въ гор. Уфу, подполковникъ Михельсонъ, 26 марта, выступилъ къ Табынску, приказавъ и капитану Кардашевскому, не вдаваясь въ далекое преслѣдованіе мятежниковъ, идти къ нему на соединеніе. Отойдя верстъ 30 отъ Чесноковки, Михельсонъ получилъ на дорогѣ рапортъ табынскаго казачьяго есаула, что онъ, собравъ народъ, захватилъ и сковалъ прибывшихъ въ Табынскъ Зарубина (Чики), Ульянова, Губанова и всѣхъ ихъ товарищей. Михельсонъ тотчасъ же послалъ впередъ поручика Матиса съ карабинерами и казаками принять арестованныхъ, а затѣмъ, въ первомъ часу дня, 28 марта, и самъ вступилъ въ Табынскъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. За поимку Зарубина (Чики) и Ульянова подполковникъ Михельсонъ выдалъ есаулу и его помощникамъ 500 рублей и отправилъ въ главную толпу самозванца надежныхъ людей съ манифестами, увѣщаніями и съ обѣщаніемъ награды за поимку Пугачева.

«Теперь, доносишь онъ ¹⁾, мнѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ установить старый порядокъ и собрать людей въ ихъ деревни, въ чемъ мои труды и не безъ успѣху. Многіе жители съ великимъ раскаяніемъ приходятъ ко мнѣ, встрѣчаютъ меня изъ своихъ деревень и просятъ прощенія въ своихъ проступкахъ. Я надѣюсь, что въ здѣшней околичности, *въ три дня* всѣ обитатели съ покоемъ возвратятся въ свои жилища, кромѣ тѣхъ башкиръ, кои ушли въ горы.

«Дня черезъ два я другою дорогою возвращусь къ гор. Уфѣ, и какъ скоро мнѣ удастся въ тамошнемъ уѣздѣ обывателей, коихъ большая часть бѣгаетъ по лѣсамъ, умирить, то пойду къ Уральскимъ горамъ. Изъ допросовъ нѣкоторыхъ пойманныхъ я усмотрѣлъ, что они весьма опасаются уфимскихъ жителей и дворянъ и многіе, единственно опасаясь оныхъ, не возвращаются въ свои жилища. Я за нужное почелъ уфимской провинціальной канцеляріи

¹⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 28 марта 1774 года. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. III.

сдѣлать предложеніе, чтобъ запретить къ обывателямъ дѣлать придирки, а хотя бы кто и имѣлъ справедливыя претензіи, то взялъ бы терпѣніе до возстановленія совершенной тишины. Не знаю, будетъ-ли сіе отъ оной канцеляріи довольно взято въ уваженіе».

Предложеніе Михельсона, къ сожалѣнію, не было исполнено и онъ съ грустью долженъ былъ донести, что мѣстное интеллигентное населеніе само препятствуетъ водворенію порядка. «Объ уфимскихъ жителяхъ, писалъ онъ ¹⁾, я съ крайнимъ соболѣзнованіемъ долженъ донести, что они, не взирая на мое предложеніе, въ окрестныхъ деревняхъ, въ отмщеніе, дѣлаютъ великія разоренія». Одинъ только прокуроръ Зубовъ хлопоталъ болѣе о возстановленіи общаго покоя, чѣмъ о возвращеніи потеряннаго своего имущества, и сознавалъ, что всякая месть можетъ довести до новыхъ кровавыхъ столкновеній ²⁾.

Занимаясь административными распоряженіями, Михельсонъ оставался въ Табынскѣ болѣе недѣли. Онъ опредѣлилъ комендантомъ прибывшаго изъ Уфы и бывшаго передъ тѣмъ въ Стерлитамакѣ гарнизоннаго маіора Мершилова, поруча въ его команду всѣхъ табынскихъ казаковъ, захваченную мятежниками въ Нагайбакѣ пѣхоту, отбитую въ сраженіи у Чесноковки и 6 пушекъ, найденныхъ въ Табынскѣ. Съ этими силами Мершиловъ обязанъ былъ, охраняя порядокъ въ городѣ, имѣть вліяніе на окрестное населеніе и содержать его въ тишинѣ и порядкѣ. Сдѣлать это было не трудно потому, что обыватели являлись со всѣхъ сторонъ не только съ повинною, но и съ заявленіемъ, что въ случаѣ надобности готовы собраться и дѣйствовать противъ злодѣевъ. Мещеряки въ особенности отличались чистосердечіемъ своего раскаянія, «и я черезъ короткое время, писалъ Михельсонъ ³⁾, имѣю надежду имѣть въ detachmentъ моемъ, подъ предводительствомъ извѣстныхъ вашему высокопревосходительству старшинъ Мендѣя Тюпеева и Султанъ-

¹⁾ Въ рапортѣ Бибикову, отъ 29 марта 1774 года. Московск. Арх. Гл. Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ За эти дѣйствія Зубовъ награжденъ былъ чиномъ надворнаго совѣтника. Архивъ Сената, Именные указы 1774 г., кн. № 136.

³⁾ Въ рапортѣ Бибикову, отъ 30 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

Мурада Янышева, лучшаго войска 500 человекъ». Примѣру мещераковъ слѣдовали и башкирцы: на Стерлитамакской соляной пристани, въ 40 верстахъ отъ Табынска, они устроили съѣздъ и совѣщаніе, для выбора депутатовъ и отправленія ихъ къ Михельсону съ повинною. Поводомъ къ тому послужило возвращеніе въ дома плѣнныхъ, захваченныхъ въ Чесноковѣ. На всемъ пространствѣ отъ гор. Уфы до Стерлитамакской пристани, населеніе возвратилось въ свои дома, доставляло Михельсону фуражъ, подводы и подписывало присяжные листы, разосланные повсюду на туземныхъ языкахъ.

Отправивъ Зарубина (Чикю) и Ульянова въ Уфу, дождавшись прибытія на подкрѣпленіе майора Тютчева съ гусарами и возвращенія капитана Кардашевскаго съ отрядомъ, Михельсонъ 3 апрѣля выступилъ изъ Табынска и 4 апрѣля вступилъ въ гор. Уфу, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ жителями. Отрядъ его въ это время состоялъ: изъ четырехъ ротъ Томскаго полка, роты егерей, шести ротъ С.-Петербургскаго карабинернаго полка, четырехъ ротъ Черныхъ гусаръ, четырехъ ротъ Изюмскихъ гусаръ, двухъ ротъ Чугуевскихъ казаковъ и четырехъ орудій.

Со вступленіемъ Михельсона всѣ тревоженія для жителей гор. Уфы были окончены и спокойствіе въ городѣ болѣе не нарушалось. «Въ здѣшней провинціи, доносилъ онъ ¹⁾, не только о злодѣяхъ уже не слышно, но почти всякій старшина обязывается набрать войско и слѣдовать куда ему повелѣно будетъ». Одинъ только Торновъ успѣлъ собрать себѣ шайку и разорялъ жителей въ окрестностяхъ Бакаловъ. Для поимки его подполковникъ Михельсонъ отправилъ майора Харина съ 600 человекъ ²⁾ и двумя орудіями, а самъ съ 350 человекъ регулярныхъ войскъ, 50 мещераками и съ тремя орудіями пошелъ къ Бирску, чтобы отрѣзать мятежникамъ дорогу къ Сарапулу. Майоръ Харинъ не дошелъ еще до Бакаловъ, когда къ Михельсону были доставлены атаманъ Торновъ

¹⁾ Репортъ Михельсона А. И. Вибикову, отъ 7 апрѣля 1774 года, изъ Уфы. Моск. Арх. Главн. Шт., описъ 47, кн. VIII.

²⁾ Въ числѣ коихъ было 100 человекъ мещераковъ.

и бывший депутат Бугурусланской слободы Давыдовъ, связанные башкирскимъ старшиною Кидрясомъ ¹⁾).

Вернувшись обратно въ г. Уфу, подполковникъ Михельсонъ отправилъ къ Бирску майора Тютчева съ небольшимъ отрядомъ, для поимки нѣкоторыхъ иновѣрческихъ старшинъ, которые, доносилъ онъ ²⁾, «вмѣсто того чтобы послѣдовать примѣру прочихъ своихъ товарищей, собрались человекъ до 500 и вездѣ разглашаютъ, якобы то неправда, что ихъ графъ (Зарубинъ) и Пугачевъ разбиты, а спасся единственно я съ 30 человекъ».

При помощи партизана Султана Мурада Янышева, майоръ Тютчевъ успѣлъ захватить двухъ главныхъ возмутителей: старшину Ахмета Агеева и сотника Мурзакая Роткина, а партизанъ Михельсона Мандей Тюпеевъ, съ своими вѣрными сподвижниками, связалъ и доставилъ въ отрядъ 68 человекъ бунтовщиковъ, въ числѣ коихъ было только три татарина, а остальные все русскіе ³⁾).

Легкій захватъ плѣнныхъ, почти добровольная выдача главныхъ зачинщиковъ бунта и просьба о помилованіи были слѣдствіемъ ряда поражений, нанесенныхъ бунтовщикамъ правительственными войсками. Мятежнымъ жителямъ этой мѣстности некуда было дѣваться: съ запада и юга они были окружены войсками, на востокъ прилежала бѣдная и разоренная горная часть Пермской провинціи, а съ сѣвера подходилъ отрядъ майора Гагринна, освободившій отъ осады Кунгуръ и разсѣявшій толпы, бродившія въ его окрестностяхъ.

¹⁾ Рапорты Михельсона главнокомандующему, отъ 9, 11 и 13 апрѣля 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII. — Кидрясъ былъ тотъ самый старшина, который во время пребыванія Екатерины II въ Казани получилъ особое награжденіе. — Онъ былъ также въ толпѣ мятежниковъ, но потомъ, опомнившись, въ числѣ первыхъ возвратился на путь истины и доказалъ чрезъ то, что колебаніе его вѣрности происходило единственно отъ слабости духа, убоясь бунтовщиковъ. (Письмо князя П. М. Голицына графу З. Г. Чернышеву 19 апрѣля 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV). О дѣятельности депутата Давыдова и послѣдующей его судьбѣ, см. *Русскую Старину* 1876 года, томъ XVII, стр. 65.

²⁾ Въ рапортѣ отъ 13 апрѣля. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

³⁾ Рапортъ Михельсона главнокомандующему отъ 16 апрѣля. Тамъ же.

XVIII.

Оборона Кунгура.—Несогласія, возникшія между мятежниками.—Движеніе отряда маіора Гагринна на выручку Кунгура.—Пораженіе мятежниковъ при селеніи Ординскомъ и г. Красноуфимскѣ.—Происшествія подъ Екатеринбургомъ.—Дѣятельность Вѣлбородова на заводахъ.—Положеніе обороны Екатеринбурга.—Афиши полковника Василя Бибикова.—Приближеніе отряда маіора Гагринна.—Пораженіе мятежниковъ въ Уткинскомъ и Каслинскомъ заводахъ.

Послѣ неудачи, испытанной подъ Кунгуромъ, ¹⁾ мятежники расположились вокругъ города и не предпринимали ничего рѣшительнаго. Одинъ изъ предводителей, Савалать-Юлаевъ, былъ раненъ, другой, Канзафаръ Усаевъ, какъ посланный самимъ Пугачевымъ, не хотѣлъ подчиняться Кузнецову, и между предводителями толпы произошли раздоры и весьма крупная ссора. Кузнецовъ приказалъ заковать Усаева въ желѣза и отправился въ Чесноковку съ жалобою къ Зарубину (Чикѣ). Начальникомъ надъ инсургентами оставался красноуфимскій писарь Михаилъ Малцевъ, не мечтавшій уже объ овладѣніи Кунгуромъ, а заботившійся только о томъ, чтобы удержать свою толпу подъ городомъ и не выпустить изъ него маіора Попова, энергическія дѣйствія котораго наводили страхъ на бунтовщиковъ. «Сей маіоръ, доносилъ А. И. Бибиковъ императрицѣ ²⁾, есть первый изъ всѣхъ понынѣ мнѣ извѣстныхъ здѣшнихъ гарнизонныхъ офицеровъ, который должность свою дѣлаетъ какъ вѣрному подданному и расторопному офицеру надлежитъ».

«Объявите сему достойному штабъ-офицеру, отвѣчала императрица ³⁾, что я жалую его подполковникомъ и отпишите ко мнѣ въ какихъ онъ лѣтахъ ⁴⁾ и не можно-ль отъ него надѣяться и впредь службы». Не зная лично Попова и не находя въ Казани

¹⁾ См. главу XI.

²⁾ Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 29 января 1774 года. Воен.-учен. арх. Отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 120.

³⁾ Въ письмѣ Бибикову отъ 9 февраля. *Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества*. Т. XIII, стр. 386.

⁴⁾ По донесенію Бибикова Попову было 39 лѣтъ. См. *Записки Академіи наукъ*. Т. I, прилож. стр. 60.

никого кто бы его зналъ, такъ какъ Поповъ только осенью прибылъ изъ первой арміи, А. И. Бибииковъ не рѣшился сдѣлать никакого заключенія о его способностяхъ, но былъ увѣренъ, что до прибытія подкрѣпленій Поповъ удержитъ столь важный пунктъ, какимъ былъ Кунгуръ.

Городъ этотъ находился на пути изъ Сибири и Екатеринбурга, былъ главнымъ городомъ обширной провинціи, и слѣдовательно освобожденіе его отъ блокады являлось дѣломъ крайне необходимымъ. Сосредоточивая силы для нанесенія удара главному скопищу мятежниковъ подъ Оренбургомъ, главнокомандующій могъ отдѣлить къ Кунгуру лишь незначительныя силы. Недостатокъ въ силахъ приходилось возмѣстить достоинствами начальника отряда и А. И. Бибииковъ выбралъ для этой цѣли Нарвскаго пѣхотнаго полка секундъ-маіора Гагринъ, какъ человѣка надежнаго и лично ему извѣстнаго своею храбростію. Передавъ въ распоряженіе Гагринъ всего 200 человѣкъ Владимірскаго полка и два орудія, главнокомандующій поручилъ ему не только освободить Кунгуръ, но очистить дороги къ Екатеринбургу и, войдя въ сношеніе съ Башмаковымъ, находившемся на Юговскомъ заводѣ, вмѣстѣ съ нимъ принять мѣры къ уничтоженію волненій въ краѣ ¹⁾). Съ отрядомъ Гагринъ была отправлена запасная амуниція и нѣсколько ружей, для вооруженія рекрутъ «достойнаго», какъ выразился главнокомандующій, маіора Попова и гражданъ г. Кунгура.

Приближеніе маіора Гагринъ заставило мятежниковъ отступить, и 25 января онъ безпрепятственно вступилъ въ городъ ²⁾). Не имѣя точныхъ свѣдѣній, куда направились инсургенты, Гагринъ оставался нѣсколько дней въ Кунгурѣ, а затѣмъ, узнавъ, что они расположились по сибирской дорогѣ въ селеніяхъ Ординскомъ (Ильинскій острожекъ тожь) и въ Сабаркѣ въ 27 — 30 верстахъ отъ города, онъ въ ночь на 30 января выступилъ для ихъ преслѣдованія. Присоединивъ къ своему отряду маіора Попова съ 10 человѣками солдатъ Казанскаго баталіона и 120 рекрутами, Гагринъ

¹⁾ Репортъ А. И. Бибиикова императрицѣ 17 января 1774 г. Воен.-учен. арх. Отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 108.

²⁾ Репортъ маіора Гагринъ Бибиикову отъ 26 января 1774 года. Моск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

взялъ съ собою двѣ городскія пушки и 700 человѣкъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ, изъ числа собранныхъ воеводою Миллеромъ и коллежскимъ ассессоромъ Башмаковымъ ¹⁾).

По дорогѣ Гагринъ узналъ, что селенія Ординское и Сабарка находятся въ 15 верстахъ другъ отъ друга и что наибольшее скопище мятежниковъ расположено въ сел. Ординскомъ. Приближаясь къ послѣднему, отрядъ былъ замѣченъ пикетомъ, состоявшимъ изъ 30 человѣкъ. Въ селеніи ударили въ набатъ, инсургенты въ числѣ до 2,000 человѣкъ заняли крайнія строенія и старую ветхую крѣпость, бывшую впереди селенія. Крѣпость имѣла съ трехъ сторонъ стѣны съ башнями и двое воротъ, въ которыхъ были поставлены по три пушки. Четвертой стѣны вовсе не было и потому здѣсь группировалось большое число мятежниковъ съ шестью пушками, положенными на саяхъ. Окруживъ себя со всѣхъ сторонъ рогатками, расположившись по башнямъ и стѣнамъ, инсургенты ожидали приближенія отряда.

Густой лѣсъ по обѣимъ сторонамъ дороги, глубокой снѣгъ и вьюга заставили маіора Гагрину двигаться въ одной колоннѣ. Мятежники встрѣтили наступающихъ выстрѣлами и, бросившись въ лѣсъ, охватили отрядъ съ обоихъ фланговъ. Выславъ на обѣ стороны по небольшому отряду пѣхоты, маіоръ Гагринъ съ главными силами двинулся къ крѣпости и ворвался въ ворота. Защитники засѣли въ домахъ и на колокольнѣ, но выбитые оттуда, зажгли селеніе въ трехъ мѣстахъ и обратились въ бѣгство, преимущественно по дорогамъ сибирскаго тракта.

«Башкиры и казаки, доносили Зарубину есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ ²⁾, вскочивъ на коней, черезъ рѣку переплыли, а иные, укрывшись кому гдѣ можно было, спаслись до ночного времени, пѣшкомъ выбѣжали». Конница преслѣдовала бѣгущихъ на протяженіи трехъ верстъ, и бой, начатый въ 7 часовъ утра, окончился лишь къ 2 часамъ пополудни. Мятежники бросили 18 пушекъ и много снарядовъ; они потеряли 62 человѣка плѣнными и

¹⁾ Рапорты маіора Гагринъ А. И. Бибикову 29 января и 3 февраля. Рапортъ Пермской провинціальной канцеляріи А. И. Бибикову 29 января 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Государствен. Архивъ, VI, д. № 422.

до 100 человекъ убитыми, въ числѣ которыхъ былъ и канцеляристъ Петръ Лутохинъ. Атаманъ Мальцовъ съ остатками своей толпы бѣжалъ въ Красноуфимскъ, захвативъ съ собою и содержавшагося въ оковахъ Канзафара Усаева. Изъ Красноуфимска онъ отправилъ Усаева въ Чесноковку, но тотъ успѣлъ бѣжать съ дороги и поѣхалъ въ Берду съ жалобою на Зарубина (Чикю). Раненый Салаватъ еще до начала сраженія уѣхалъ домой и мятежники, лишившись своихъ предводителей, разсѣялись въ разные стороны. Маіоръ Гагринъ возвратился въ Кунгуръ, потерявъ всего 4 человекъ убитыми 12. ранеными, причемъ самъ Гагринъ былъ раненъ дробиною въ ногу, но не считалъ свою рану препятствіемъ «продолжать поиски надъ злодѣями» ¹⁾.

Пробывши нѣсколько дней въ городѣ и получая извѣстія, что толпы инсургентовъ собираются у Красноуфимска, маіоръ Гагринъ двинулся туда преимущественно черезъ тѣ селенія, которыя выказывали наибольшее сочувствіе къ мятежу ²⁾. Слѣдуя черезъ сел. Сабарку и Златоустенское, Гагринъ, 5 февраля, остановился въ деревнѣ Кашаевой, въ 75 верстахъ отъ Кунгура и въ 25 верстахъ отъ Красноуфимска. Здѣсь онъ узналъ, что въ Красноуфимскѣ уже собралось до 4,000 мятежниковъ и потому, не полагаясь на свой отрядъ, состоявшій преимущественно изъ обывателей, Гагринъ пошелъ обратно въ Кунгуръ ³⁾. Силы инсургентовъ оказались черезчуръ преувеличенными и потому, лишь только маіоръ Гагринъ получилъ отъ Башмакова 442 человекъ пѣшихъ и 152 конныхъ, набранныхъ изъ горно-заводскихъ селеній ⁴⁾, онъ тотчасъ же опять двинулся къ Красноуфимску.

Собравшаяся здѣсь толпа имѣла уже новыхъ начальниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ красноуфимской станичной избы есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ. Онъ организовалъ оборону, выставилъ передовые посты и зорко слѣдилъ за движеніями правительственныхъ

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отдѣлъ I, д. № 104 (А).

²⁾ Рапорты Гагрина А. И. Бибикову, 30 января и 3 февраля 1774 года. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Тоже, отъ 6 февраля 1774 г. Тамъ же.

⁴⁾ Рапортъ коллежскаго ассессора Башмакова А. И. Бибикову 2 февраля 1774 г. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

войскъ. Получивъ 15 февраля извѣстіе, что майоръ Гагринъ оставился въ сел. Соксунскомъ, въ 50 верстахъ отъ Красноуфимска, есаулъ Чигвинцовъ просилъ помощи у Бѣлобородова, стоявшаго близъ Екатеринбургъ на Уткинскомъ заводѣ. Сообщая, что къ Красноуфимску подходитъ Гагринъ съ отрядомъ въ 2,500 человекъ и что для защиты города онъ имѣетъ не болѣе тысячи человекъ, Чигвинцовъ просилъ прислать ему подкрѣпленія, «дабы, писалъ онъ, нашей арміи, по малолюдству и за малоимѣніемъ артиллеріи и пороху, напрасно не погибнуть» ¹⁾. Оставаясь «благонадежнымъ въ вышеписанномъ одолженіи», Чигвинцовъ не получилъ однако же помощи.

«Вамъ чрезъ сіе объявляю, писалъ ему въ отвѣтъ Бѣлобородовъ ²⁾, я съ моею арміею, которая уже, по власти всемогущаго Бога, мнѣ въ управленіе поручилась, имѣю слишкомъ три тысячи и съ крайнимъ моимъ усердіемъ занимаю самыя къ Екатеринбургъ нужнѣйшія мѣста и самъ нахожусь по близости онаго. Итакъ, отступить или для васъ изъ своего войска удѣлить никакъ невозможно, а хотя-бъ васъ артиллеріею, т.-е. пушками снабдить и можно (было), но пороха у меня въ войскѣ у самого недостаточно. Я же, усматривая изъ вашего требованія, а паче же дошедшими до меня слухами, увѣренъ, что кунгурское войско (отрядъ Гагрина), надъ арміею его величества взыгравъ, получило себѣ добычу отъ слабости предводителей, не имѣя настоящаго при войскѣ распоряженія, допуская солдатъ къ богомерзкому пьянству... Для чего предаю вамъ мое наставленіе къ распоряженію и лучшему управленію находящейся при васъ арміи, хотя въ помощь себѣ выбрать, по общему войска согласію, вѣрнаго, смѣлаго и въ нужныхъ случаяхъ неробкаго человека, *ибо армія всегда однимъ доброго распоряженія человекомъ противъ непріятели ободрена бываетъ*. И при семъ вамъ накрѣпко подтверждаю, чтобы предводитель былъ выбранъ изъ вѣрныхъ рабовъ, который, по довольной уже вашей знаемости къ его величеству, чистосердечныя своя ревности оказываетъ, а не изъ льсте-

¹⁾ Донесеніе есаула Чигвинцова Бѣлобородову отъ 15 февраля 1774 года. Госуд. Арх., VI, д. № 429.

²⁾ Госуд. Арх., VI д. № 429.

цовъ, кои только однимъ видомъ и обманствомъ свои заслуги оказываютъ и въ томъ крайне наблюдать, дабы отъ такого хищника впредь не можно было обмануться».

Пока предводители мятежниковъ переписывались между собою, майоръ Гагринъ, 19-го февраля, подошелъ съ отрядомъ къ Красноуфимску. Построившись въ боевой порядокъ, онъ приказалъ майору Попову съ небольшимъ отрядомъ двигаться по правой дорогѣ, пересѣкавшей р. Уфу, а капитану Дурново слѣдовать по лѣвой дорогѣ и стараться обойти крѣпость; самъ Гагринъ съ остальными силами намѣренъ былъ штурмовать съ фронта. Но какъ обѣ дороги расходились въ самомъ ущельѣ, на ружейномъ выстрѣлѣ отъ башенъ, то лишь только Поповъ показался въ этомъ пунктѣ, какъ былъ встрѣченъ огнемъ и атакою мятежниковъ. Онъ остановился и открылъ огонь; выходъ на дорогу вправо былъ ему прегражденъ и планъ атаки долженъ былъ измѣниться.

Подкрѣпивъ Попова, майоръ Гагринъ двинулся со всѣми силами на укрѣпленіе, и послѣ незначительнаго сопротивленія овладѣлъ имъ. Мятежники бѣжали по двумъ дорогамъ и были преслѣдуемы на протяженіи 10 — 11 верстъ, пока не разсыпались въ разныя стороны ¹⁾. Бой продолжался до трехъ часовъ, причемъ мятежники потеряли 8 пушекъ, 40 человекъ убитыми и 55 плѣнными. Въ числѣ послѣднихъ были: атаманъ Мальцовъ, одѣтый въ кольчугу и потому отчаянно бросавшійся впереди всѣхъ въ атаку, есаулъ Матвѣй Чигвинцовъ, управлявшій Красноуфимскомъ, и другіе.

Отсюда Гагринъ прошелъ въ Ачитскую крѣпость, привелъ жителей къ присягѣ, приказалъ майору Попову слѣдовать обратно въ Кунгуръ, а самъ намѣренъ былъ слѣдовать къ Екатеринбургъ, обложенному толпою Бѣлобородова ²⁾.

Возвратившись въ Кунгуръ, Поповъ узналъ о своемъ производствѣ въ подполковники и о томъ, что мятежники по прежнему собираются съ разныхъ сторонъ къ Красноуфимску ³⁾. Онъ тотъ

¹⁾ Рапортъ Гагринъ А. И. Вибикову, 20 февраля 1774 г. Моск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Рапортъ майора Гагринъ 22 февраля. Тамъ же, кн. VII.

³⁾ Рапортъ Попова А. И. Вибикову, отъ 7 марта 1774 г. Моск. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

часъ же двинулся на ихъ преслѣдованіе, имѣя въ отрядѣ свою рекрутскую команду, 16 человекъ Волжскихъ казаковъ и 740 человекъ собранныхъ изъ кунгурскаго купечества и окрестныхъ обывателей, пѣшихъ и конныхъ, вооруженныхъ ружьями, копьями и луками; при отрядѣ находилось четыре пушки съ достаточнымъ запасомъ зарядовъ ¹⁾).

Двигаясь черезъ дер. Галухину, село Мѣдянскій острожекъ и Преображенское, подполковникъ Поповъ прибылъ 10 марта въ Ачитскую крѣпость. Здѣсь онъ узналъ, что мятежники собрались въ дер. Ева, въ 20 верстахъ отъ Красноуфимска, по ту сторону р. Уфы, и что число ихъ простирается будто бы до 3,000 человекъ ²⁾). Подходя къ Красноуфимску Поповъ, 14 марта, былъ встрѣченъ передовою партией, но разсѣялъ ее и вступилъ въ крѣпость ³⁾). Отсюда онъ двинулся на Саранинскій заводъ и 17 марта разбилъ инсургентовъ у дер. Бугалыша. Предводительствовавшій ими Салаватъ Юлаевъ бѣжалъ ⁴⁾). Подполковникъ Поповъ пошелъ къ селенію Богородскому ⁵⁾), а затѣмъ внизъ по р. Ирени «по татарскимъ неспокойно живущимъ селеніямъ» ⁶⁾). Хотя мятежники терпѣли повсюду пораженіе, но успѣли разграбить окрестности. Такъ жители гор. Кунгура и ближайшихъ деревень понесли убытку на 4,393 р. 76 к., а въ Красноуфимской крѣпости и Мѣдянскомъ острожкѣ бунтовщики взяли всѣ орудія, порохъ, ружья и деньгами отъ солянаго сбора 3,987 р. 55 к. ⁷⁾).

Видя невозможность борьбы съ правительственными войсками, мятежники частію возвращались въ дома и старались скрыть свое участіе въ мятежѣ, а частію скрывались въ лѣсахъ и пробирались въ толпу, собравшуюся въ окрестностяхъ Екатеринбурга.

Еще выступая изъ Шуртанскаго Осокина завода Канзафаръ

¹⁾ Рапортъ Пермской провинціальной канцеляріи Бибикову, отъ 8 марта. Моск. Арх. Г. Шт., опись 47, кн. VI.

²⁾ Рапортъ Попова А. И. Бибикову, отъ 10 марта. Тамъ же.

³⁾ Тоже, отъ 15 марта. Тамъ же.

⁴⁾ Тоже, отъ 18 марта. Тамъ же.

⁵⁾ Тоже, отъ 23 марта. Тамъ же.

⁶⁾ Тоже, отъ 25 марта. Тамъ же.

⁷⁾ *Пермскій Сборникъ* 1860 г., кн. II, стр. 21. *Пермскія Губернскія Вѣдомости* 1869 г., № 59.

Усаевъ, именемъ Пугачева, наименовалъ полковникомъ отставнаго солдата Ивана Бѣлобородова, далъ ему 100 человѣкъ изъ своей толпы и приказалъ слѣдовать къ Екатеринбургъ. Бѣлобородовъ былъ уполномоченъ всѣмъ противящимся рубить головы, «а которые склонятся, тѣхъ жаловать вольностью, стричь волосы по-казацки и приводить къ присягѣ» на вѣрность императору. Двигаясь черезъ Ачитскую, Бисерскую и прочія крѣпости и заводы, Бѣлобородовъ набиралъ себѣ ополченіе, и 18 января 1774 г. пришелъ на Билимбаевскій заводъ. Онъ потребовалъ къ себѣ писаря горнаго вѣдомства, Дементія Верхоланцева, въ распоряженіи котораго находилось 500 человѣкъ горнорабочихъ, и приказалъ ему рано утромъ слѣдующаго дня «выставить свою команду во фронтъ» и сдѣлать переключку по горнымъ спискамъ. «Ночью на 19 января, говоритъ Верхоланцевъ ¹⁾, я выстроилъ 500 человѣкъ въ одну линію противъ квартиры полковника (Бѣлобородова) и ждалъ разсвѣта; Бѣлобородовъ всталъ рано, ему доложили обо мнѣ и я тотчасъ былъ допущенъ».

— Что, любезный другъ, спросилъ Бѣлобородовъ, — исполнили ли ты мой приказъ?

— Исполнилъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Верхоланцевъ.

Бѣлобородовъ надѣлъ лисій малахай и вышелъ къ командѣ. Проходя вдоль фронта, онъ выбралъ для себя 300 человѣкъ, а остальныхъ забраковалъ по малолѣтству или по тѣлеснымъ недостаткамъ. Потомъ вынулъ свою саблю и обратившись къ Верхоланцеву пожаловалъ его чиномъ походнаго сотника.

— А васъ, ребята, прибавилъ онъ, — поздравляю съ товарищемъ.

Верхоланцевъ поклонился; ему тотчасъ же остригли волосы по-казачьи и дали саблю.

Мастеровые и крестьяне бросились въ кабакъ, но Бѣлобородовъ, не желая допустить до пьянства, приказалъ разбить бочки и лишь охотники пили вино изъ грязныхъ лужъ. Народъ бушевалъ по

¹⁾ Разсказъ Верхоланцева о Пугачевѣ. *Чтенія Общества Исторіи и Древностей*, 1862 года, кн. III. Два года спустя разсказъ этотъ былъ перепечатанъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1864 г., № 2.

улицамъ, грабилъ дома начальниковъ и заводское правленіе, конторскія бумаги и архивъ были вынесены на площадь и зажжены.

— Горите наши долги, кричали рабочіе, съ крикомъ и смѣхомъ, бросая въ огонь расчетныя книги.

Усиливъ на Билимбаевскомъ заводѣ свою толпу до 600 человекъ и имѣя 5 пушекъ, Бѣлобородовъ пытался ввести среди своего ополченія нѣкоторый порядокъ и раздѣлилъ его на три части, назначивъ для командованія ими сотниковъ. Всѣ русскіе рабочіе были отданы сотнику Семену Варенцову, башкиры — Егафару Азбаеву, а черемисы — Оськѣ Оскину. Каждому сотнику было выдано особое наставленіе, которымъ, писалъ Бѣлобородовъ ¹⁾, «накрѣпко подтверждаю, чтобъ имѣющуюся въ вашихъ сотняхъ русскую и татарскую воинскія команды содержать во всякой строгости и вамъ послушаніи и крайне надъ оною наблюдать, чтобъ были всѣ въ единодушномъ къ службѣ его императорскаго величества усердіи. А если кто изъ находящихся въ вашихъ командахъ казаковъ оказываться будетъ въ самовольствахъ, озорничествахъ и вамъ въ непослушаніи, за то таковыхъ упорственниковъ и противниковъ воли его величества наказывать вамъ безъ всякой пощады плетями: русскихъ при собраніи русской и татарской командъ, татаръ по тому-жъ, при собраніи татарской и русской командъ, дабы, смотря на то (каждый) могъ страшиться самовольствъ и озорничествъ, а паче противныхъ поступковъ противъ воли его величества чинить не могли. Если же и затѣмъ кто-либо окажется въ наивящемъ своемъ упорствѣ, то уже, для настоящаго усмиренія, присылать ко мнѣ».

Изъ Билимбаевского завода Бѣлобородовъ перешелъ на Шайтанскій (Васильевскій) Ширяева заводъ и, остановившись всего въ 40 верстахъ отъ Екатеринбурга, отправилъ 30 человекъ на Уткинскій казенный заводъ, съ требованіемъ, чтобы населеніе покорилося и шло на службу къ государю. Жители не противились, а унтеръ-шихтмейстеръ Павелъ Жубринскій отправился къ Бѣлобородову и привезъ ему 1,500 руб. казенныхъ денегъ ²⁾. Назна-

¹⁾ Наставленіе Бѣлобородова сотникамъ 31 января 1774 г., № 66. Государств. Архивъ, VI, д. № 429.

²⁾ Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 г., Госуд. Арх. VI, д. № 429.

чивъ Жубринскаго сотникомъ, Бѣлобородовъ приказалъ ему ѣхать обратно на заводъ и набирать тамъ ополченіе, а самъ двинулся къ Екатеринбургъ, оборона котораго была въ нлохомъ состояніи.

Екатеринбургскіе горные заводы находились въ главномъ вѣдѣніи полковника Василя Бибикова, не отличавшагося ни энергіею, ни твердостью и рѣшимостью характера. При первыхъ извѣстіяхъ о началѣ волненій въ Башкиріи, члены правленія горныхъ заводовъ указывали на необходимость принять мѣры къ защитѣ, но всѣ предложенія ихъ отвергались Бибиковымъ съ презрѣніемъ. Онъ не допускалъ, чтобы замѣшательства подъ Оренбургомъ могли распространиться столь далеко, и потому первыя распоряженія относительно обороны послѣдовали только тогда, когда толпы мятежниковъ уже ворвались въ Исетскую провинцію.

Въ концѣ декабря для защиты Екатеринбурга съ его вѣдомствомъ было собрано 1,235 человекъ заводскихъ крестьянъ, и отъ сибирскаго губернатора Чичерина прислано 405 человекъ солдатъ при офицерахъ. За разсылкою на посты и отправкою въ разѣзды, въ самомъ Екатеринбургѣ оставалось вмѣстѣ съ солдатами горнаго вѣдомства 646 казаковъ, 28 солдатъ, 200 вооруженныхъ заводскихъ крестьянъ и 16 орудій ¹⁾. Впослѣдствіи часть и этихъ людей разослана была по постамъ, не принесшимъ никакой пользы. Небольшія команды эти были захвачены мятежниками или добровольно присоединялись къ нимъ. Полковникъ Бибиковъ, писалъ Охлебининъ ²⁾, «сдѣлалъ по границѣ пикеты изъ малаго числа солдатъ, а большею частію изъ казаковъ, собранныхъ изъ крестьянъ; никого изъ нихъ не приготовилъ къ службѣ, ни къ тому, какъ имъ Пугачева разумѣть должно, хотя время на то около двухъ мѣсяцевъ было».

Получая извѣстія, что возстаніе распространяется все шире и шире, что мятежъ охватилъ всю Исетскую провинцію, полковникъ Василій Бибиковъ ограничивался сначала изданіемъ однихъ объявленій, въ которыхъ призывалъ жителей Екатеринбурга къ вѣр-

¹⁾ Рапортъ полковника Василя Бибикова главнокомандующему отъ 20 декабря 1773 г. Воен.-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 80.

²⁾ Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ности престолу и отечеству. Требуя отъ нихъ присяги, по особой сочиненной имъ формѣ ¹⁾, полковникъ Бибииковъ, въ своихъ періодическихъ объявленіяхъ сообщалъ краткія извѣстія о ходѣ мятежа, о назначеніи главнокомандующимъ А. И. Бибиикова, объ изгнаніи инсургентовъ изъ Самары, объ отбитіи ихъ отъ Кунгура и проч.

«Я не думаю, прибавлялъ онъ ²⁾, чтобъ кто, бывъ прямой сынъ отечества, для собственной и общей пользы великой нашей государыни, не возчувствовалъ отъ такого извѣстія духа бодрости и усердія на пораженіе злодѣевъ, которые большею частию есть башкирцы, стремящіеся оскорбить нашу православную вѣру, попрасть освященный данный намъ на пользу отъ великихъ государей законъ, похитить и осквернить нашихъ женъ и дѣтей, не говоря уже объ имѣніи, какъ то ими во многихъ русскихъ селеніяхъ къ несчастію своему или къ нимъ приклонившихся, или на стремленіи ихъ лежащихъ и дѣлается.

«Гдѣ же отмщеніе мы получимъ за учиненное отъ нихъ православнымъ оскорбленіе, если не будемъ готовы на ихъ пораже-

¹⁾ Клятвенное обѣщаніе было слѣдующаго содержанія: «Азъ, ниже поименованный, обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, передъ святымъ его евангеліемъ, въ томъ, что желаю и обязанъ Ея Императорскому Величеству, Богомъ избранной на Всероссійскій престолъ помазанницѣ, благовѣрной, благочестивѣйшей и великой нашей государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и высокому ея законному наслѣднику, благовѣрному Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу и супругѣ его благовѣрной Государынѣ и Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ, вѣрно и нелицемѣрно служить, повинуюсь во всемъ приставленнымъ и учрежденнымъ отъ высокой Ея Императорскаго Величества власти начальникамъ, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, стремиться всегда на пораженіе и совершенное истребленіе появившагося, къ несчастію православныхъ, вора, клятвопреступника, возмутителя общаго покоя и тишины, государственнаго злодѣя и изверга Емельяна Пугачева, его сообщниковъ и къ нимъ приклонившихся. Объ ухищреніяхъ которыхъ или къ нимъ въ партію о намѣряющихся бѣжать, такъ и объ одобряющихъ сихъ злодѣевъ, сколь скоро увѣдаю, то немедленно командирую своимъ доносить, не смотря ни на какія отъ нихъ скаредныя и злыя обольщенія, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ; а за противное сему, да поразитъ меня его Всемогущество и да буду лишенъ всѣхъ отъ него къ роду человѣческому благодареній и наслѣдую въ жилищѣ себѣ, обѣщанный вѣроломнымъ и клянущимся въ суѣ Его Пресвятымъ именемъ, адъ; здѣсь же градскую казнь и въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

²⁾ Въ одномъ изъ своихъ объявленій. См. Арх. Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

ніе? Таковыя обстоятельства, конечно, должны возбудить во всякомъ праведный гнѣвъ и обратить его на главы виновниковъ нашего оскорбленія. Не сомнѣваюсь я, чтобы всякій теперь остался при своей должности установленной Вѣчнымъ существомъ и чтобы кто такъ былъ золъ, что-бъ сталъ одобрять воровъ и къ нимъ прилѣпясь, къ совершенному своему несчастію, обратился разрушать покой любезнаго своего отечества, а думаю, всякій готовъ будетъ на таковыхъ доносить».

Донесенія эти были самаго неутѣшительнаго свойства. Въ концѣ декабря и въ самомъ началѣ января 1774 года извѣстно было, что большая часть заводовъ съ приписнымъ къ нимъ населеніемъ передались на сторону самозванца ¹⁾. Тогда, 4-го января, полковникъ Бибиковъ собралъ совѣтъ, въ который пригласилъ находившагося въ Екатеринбургѣ генералъ-маіора Данненберга и всѣхъ членовъ главнаго заводскаго управленія. Заявивши собравшимся, что въ Каслинскомъ заводѣ мятежники захватили 350 чел. команды, а въ Ачитской крѣпости 50 человекъ, и что въ распоряженіи у него осталось всего 700 человекъ необученныхъ рекрутъ, Бибиковъ отказывался защищать Екатеринбургъ. Такое заявленіе озадачило собравшихся на совѣщаніе. Послѣ шумныхъ и горячихъ споровъ совѣтъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію, но положилъ однакоже, чтобы каждый членъ на другой день подалъ письменное свое мнѣніе о мѣрахъ, какія принять необходимо. Всѣ сходились на томъ, что необходимо укрѣпить городъ, запастись провіантомъ, вооружить людей, прочитать манифестъ императрицы и истолковать имъ предстоящія обязанности по защитѣ города. Нѣсколько дней полковникъ Бибиковъ разсматривалъ эти мнѣнія и, наконецъ, 8 января собралъ опять совѣтъ. Въ немъ принимали участіе генералъ-маіоръ Данненбергъ, коллежскій совѣтникъ Сокольниковъ, надворный совѣтникъ Охлебининъ, коллежскіе ассессоры: Масловъ и Метлинъ и секундъ-маіоръ Пушкаревъ. По прочтеніи поданныхъ мнѣній, полковникъ Василій Бибиковъ за-

¹⁾ Каслинскій, Кыштымскій, Златоустовскій, Саткинский екатеринбургскаго вѣдомства, всѣ заводы Твердышева, Иргинскій, Соксунскій и Ашанскій, принадлежавшіе Пермской провинціи.

явилъ, что не надѣясь на людей, назначенныхъ для защиты города, дабы не быть бесполезною жертвою, не находить другаго средства, какъ, согласно 120 главы военного артикула, оставить городъ и вмѣстѣ «сѣ *благородными*» изъ онаго выѣхать.

Предполагая, что всѣ члены будутъ согласны съ этимъ мнѣніемъ, Бибииковъ заранѣе заготовилъ постановленіе совѣта и предложилъ членамъ подписать его. Въ постановленіи этомъ предлагались слѣдующія мѣры: 1) Поручить премьеру-маіору Пирогову приступить немедленно къ укрѣпленію города, обнесенію домовъ рогатками и къ возведенію на важнѣйшихъ пунктахъ батарей; 2) усилить со всѣхъ сторонъ пикеты и для того вооружить всѣхъ свободныхъ людей, а недостающее число ружей и канонировъ къ орудіямъ требовать отъ сибирскаго губернатора; 3) по городу дѣлать «подъ крѣпкимъ присмотромъ безпрестанные разъѣзды», а по всѣмъ главнѣйшимъ дорогамъ выставить въ три линіи пикеты съ маяками такъ, чтобы первый пикетъ стоялъ въ 5, второй въ 10, а третій въ 15 верстахъ отъ города.

«Но ежели сіе, сказано было въ проектированномъ Бибииковымъ постановленіи ¹⁾, со всею вѣрностью и усердіемъ къ ея императорскому величеству не будетъ имѣть желаемого успѣха и примѣтятся въ людяхъ, которыми защищаться опредѣляются, легкомысліе, склонность къ измѣнѣ и предательству начальниковъ, то дабы не сдѣлаться напрасною и бесполезною изверговъ жертвою, всѣмъ благороднымъ въ такой крайности позволяется выѣхать отсель въ безопасныя мѣста, по ихъ разсужденію. Но сколь возможность допустить всѣми силами стараться сохранить интересъ и военныхъ людей, съ военными снарядами ввѣренныхъ въ правленіе каждаго; которыхъ же изъ орудій забрать не можно, тѣ испортить».

— Не видавъ еще никакой крайности, говорилъ надворный совѣтникъ Охлебининъ,—постыдно подписывать опредѣленіе, которое не согласуется ни съ честью, ни съ должностію и присягою.

Эти слова были поддержаны генераль-маіоромъ Данненбергомъ, коллежскимъ совѣтникомъ Сокольниковымъ и коллежскимъ ассес-

¹⁾ Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

соромъ Масловымъ. Собравшіеся раздѣлились на двѣ партіи: одна готова была подписать опредѣленіе, а четверо отъ этого отказывались. Видя разногласіе, полковникъ Бибиковъ прочелъ полученныя имъ въ тотъ день извѣстія о возмущеніи въ Исетской провинціи и требовалъ разрѣшенія на выѣздъ изъ города. Охлебининъ возражалъ, что полученныя свѣдѣнія преувеличены, что Исетской провинціи, а тѣмъ болѣе Екатеринбургъ особой опасности еще не предстоитъ, и члены совѣта разошлись безъ всякаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, происходившее въ совѣтѣ не было тайною и проектъ опредѣленія, составленный Бибиковымъ, въ тотъ же день сдѣлался извѣстнымъ въ городѣ. Народъ «пришелъ въ великую робость и большее еще потомъ уныніе, когда увидѣлъ, что у полковника 50 подводъ на дворѣ къ побѣгу были въ готовности». По улицамъ стали собираться народныя толпы и ежеминутно можно было ожидать возмущенія. Тогда надворный совѣтникъ Рооде собралъ подвѣдомственную ему монетную роту и рабочихъ съ золотыхъ промысловъ и, производя самъ разѣзды днемъ и ночью, удержалъ порядокъ въ городѣ. Распоряженія Рооде не нравились Василию Бибикову и, считая ихъ самовольными, онъ жаловался главнокомандующему А. И. Бибикову и сибирскому губернатору Чичерину. Послѣдній требовалъ, чтобы силы, назначенныя для защиты Екатеринбурга, не были разбрасываемы и приняты были мѣры къ укрѣпленію города. «Ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Василій Бибиковъ ¹⁾, справедливо изволите разсуждать, что разсылая за злодѣями малыя партіи, слѣдствіе (можно) обезсилиться и погубить людей напрасно. Но ежели въ обстоятельства войти, то также кажется я не безъ важной причины то дѣлаю. Можетъ быть злословіе или неосновательныя вѣсти другой видъ даютъ моимъ распоряженіямъ, такъ я на то и ничего уже сказать не могу».

Полковникъ Бибиковъ говорилъ, что онъ разослалъ небольшія команды по заводамъ для ободренія жителей тогда, когда они еще не волновались, а «*феатръ бунта*» находился отъ однихъ во 100, а отъ другихъ въ 400 верстахъ. Неболь-

¹⁾ Въ письмѣ Чичерину, отъ 9 января 1774 г. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, книга VI.

шія команды эти, по словам Бибикова, легко могли, при содѣйствіи населенія, защищаться отъ мятежниковъ, потому что почти на всѣхъ заводахъ были орудія съ достаточнымъ запасомъ пороха и снарядовъ. «Но можно ли, спрашивалъ Биби-ковъ, отъ своихъ воровъ быть гдѣ-нибудь безопаснымъ? Слѣд-ствие показало, сколь много свои плуты въ состояніи зла надѣ-лать». На Кыштымскомъ заводѣ, напримѣръ, могло собраться до 10,000 человекъ мещераковъ, «которые вѣрности своей многіе знаки показали», но когда мятежники подошли ночью къ заводу и прочли манифестъ самозванца, то всѣ жители взбунтовались, арестовали маіора, офицеровъ и солдатъ. «Вотъ успѣхъ моихъ распоряженій, писалъ Василій Бибиковъ, и плодъ нашихъ силъ! Что-жь бы я еще тутъ дѣлать началъ? Дождаться воровъ въ городѣ, а сіе легко быть можетъ; дорога близка и безпрепят-ственна, жители принять ихъ (мятежниковъ) лезть готовы».

Видя въ каждомъ измѣну, Василій Бибиковъ не оставлялъ своего намѣренія покинуть городъ, и съ этою цѣлью 10-го января созвалъ опять совѣтъ, которому прочиталъ вновь полученные извѣстія о возстаніи всей Исетской провинціи и о занятіи будто бы мятеж-никами г. Челябинска. Тогда генераль-маіоръ Данненбергъ и кол-лежскій совѣтникъ Сокольниковъ перешли на сторону большинства и подписали опредѣленіе, а Охлебининъ и Масловъ отказались исполнить желаніе членовъ главнаго заводовъ правленія. Охлеби-нинъ просилъ себѣ паспорта, а Масловъ заявилъ, что онъ города ни въ какомъ случаѣ не оставитъ и съ нимъ не разстанется. На другой день единомышленники Бибикова, собравшись вновь въ канцеляріи, постановили просить помощи изъ Казани и отъ си-бирскаго губернатора, а Охлебинина и Маслова, какъ лицъ, дѣ-лающихъ «одно промедленіе въ такомъ нужномъ и время не тер-пящемъ дѣлѣ, оставить при ихъ мысляхъ, а исполненіе сдѣлать по учиненному опредѣленію, согласно съ указомъ 1714 года и впредь ихъ, *по такимъ медлительностямъ въ подобныя сему разсужденія не приглашать* ¹⁾).

¹⁾ Сообщение генераль-аншефу Бибикову изъ канцеляріи главнаго правленія сибирскихъ, казанскихъ и оренбургскихъ заводовъ отъ 12 января 1774 г. Моск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

Представляя это послѣднее опредѣленіе главнокомандующему, полковникъ Василій Бибиковъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ генераль-прокурору князю Вяземскому ¹⁾: «Я почти не знаю, что въ такой крайности и начать. Собранъ былъ совѣтъ изъ всѣхъ въ здѣшнемъ городѣ находившихся штабъ-офицеровъ, которые, по несогласію, родившемуся у нихъ еще прежде, ни того, ни другого не дѣлаютъ. Я же, къ несчастію, больше еще ненавижимъ за свои прежнія распоряженія, для чего они безъ ихъ совѣта дѣлались (если можно назвать совѣтомъ сборище вздору)».

Бибиковъ жаловался, что у него команды не болѣе 100 человѣкъ, а собранные въ помощь ей вооруженные крестьяне заявляютъ претензію, что они взяты не по очереди, что они стары и просятъ домой за продовольствіемъ и фуражомъ. То же самое писалъ Чичерину и генераль-маіоръ Данненбергъ, просившій позволеніе вывезти изъ города присутственныя мѣста и деньги.

«Здѣсь, въ городѣ, денежной казны имѣется такая сумма, писалъ онъ ²⁾, что съ великимъ только сожалѣніемъ сказать о томъ можно. Городъ вовсе не укрѣпленъ и воинской команды въ немъ не болѣе ста человѣкъ; рекрутовъ же хотя считается до 700, но многіе распушены по домамъ; да хотя бы и всѣ были на лицо, окмо пальбѣ нисколько не учены».

Въ Екатеринбургѣ не было никакого порядка; команда полковника Бибикова была до того распушена и не знала своихъ обязанностей, что однажды ночью надворный совѣтникъ Рооде обобралъ всѣ ружья у солдатъ, стоявшихъ въ караулѣ на гауптвахтѣ у дома главнаго командира ³⁾.

Беспорядки эти крайне опечалили главнокомандующаго и онъ, не зная всѣхъ подробностей, а основываясь на донесеніи полковника Бибикова, предписалъ всѣмъ чинамъ главнаго правленія горныхъ заводовъ находиться въ полномъ повиновеніи послѣдняго, хотя и младшаго чиномъ, но за дѣйствія котораго онъ принимаетъ

¹⁾ Отъ 12 января 1774 года. Архивъ Кабинета Его Величества, особое дѣло о Пугачевѣ.

²⁾ Письмо Данненберга Чичерину 11 января 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI.

³⁾ Военно-учен. арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 184.

всю отвѣтственность на себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Ильичъ приказалъ полковнику Василию Бибикову, по прибытіи въ Екатеринбургъ майора Гагринѣ съ отрядомъ, передать въ его распоряженіе всѣ находившіяся въ Екатеринбургѣ средства горнаго вѣдомства. Гагринъ могъ прибыть нескоро, и распоряженіе главнокомандующаго нельзя назвать удачнымъ. Съ предоставленіемъ власти Василию Бибикову всѣ члены правленія отступились и не вмѣшивались въ дѣло обороны города, а главный распорядитель думалъ только о томъ, какъ бы самому скорѣе удрать изъ Екатеринбурга.

При такихъ условіяхъ и не встрѣчая никакого препятствія, Бѣлгородовъ постепенно окружалъ городъ, распространялъ свою власть на заводахъ и приводилъ населеніе на вѣрность императору Петру III.

«Для прельщенія простыхъ людей, писалъ Яковъ Волеговъ ¹⁾, раздѣзжаетъ съ партіею въ знатной одеждѣ наряженный казакъ, имѣющій на головѣ золотой колпакъ съ портретомъ якобы покойнаго императора Петра III и носить съ собою указъ на показаніе за его рукою народу, и приводитъ многихъ простяковъ въ свою пагубную шайку».

Встрѣчая сочувствіе въ населеніи, Бѣлгородовъ усиливалъ свою толпу, обезпечивалъ ее продовольствіемъ, добровольно доставляемымъ жителями, захватывалъ деньги и разорялъ заводы почти до основанія. Расположенные по р. Бѣлой и около Кунгура желѣзные и мѣдные заводы были разграблены, уголь сожженъ, плотины разрушены, вода изъ прудовъ выпущена, строенія разломаны и всѣ конторскія дѣла уничтожены. «Прикащики, которые въ руки имъ попались и скверной ихъ присяги не приняли, замучены, конскій и рогатый скотъ колятъ и жрутъ въ домахъ господскихъ; товары купеческіе грабятъ, въ питейныхъ домахъ вино пьютъ безденежно, провіантъ и конскіе кормы обираютъ и женскій полъ сквернять блудомъ».

Опасаясь подвергнуться такой же участи и видя бездѣятельность главнаго начальства, жители Екатеринбурга стали высе-

¹⁾ Въ письмѣ къ неизвѣстному, отъ 24 января 1774 года. Архивъ Кабинета Его Величества.

ляться изъ города и потянулись къ Верхотурью. Попытка Васи-
лія Бибикова остановить переселеніе не увѣнчалась успѣхомъ и онъ
подвергся насмѣшкамъ какъ оставшихся въ городѣ, такъ и уда-
лявшихся. «Честные и неустрашимые ваши поступки, писалъ Баш-
макову ассессоръ Москвинъ ¹⁾, дали многимъ примѣръ не тру-
сить злодѣйской гнусной толпы, коя для всякаго разумнаго,—въ
разсужденіи трусовъ, въ томъ числѣ и екатеринбургскихъ, кои
на соблазнѣ подлости обозы свои черезъ Верхотурье невѣдомо куда
отпустили, съ крайнимъ уѣзднымъ обывателямъ въ подводахъ
разореніемъ,—ничто оное значить, какъ одинъ только смѣхъ,
а въ самомъ дѣлѣ произвелъ въ народѣ возмущеніе, да и у
насъ съ Камскихъ заводовъ, всѣ командующіе, въ томъ числѣ
и другъ нашъ Иванъ Яковлевичъ Ялымовъ, оставя свои мѣста,
не видѣвъ въ глаза непріятелей, разбѣжались».

Власти бѣжали, а мятежники пользовались этимъ и обружали
Екатеринбургъ. Аванпосты Бѣлобородова стояли въ 20—25 вер-
стахъ отъ города и прервали сообщеніе, за исключеніемъ дороги,
проходившей къ Невинскому заводу. Доставка въ Екатеринбургъ
хлѣба пресѣклась. Скоро оказался такой недостатокъ въ продо-
вольствіи, что лавки были запечатаны и вольная продажа запре-
щена. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пудъ хлѣба съ 8 коп. под-
нялся до 17 коп. Отправленный для закупки хлѣба и фуража,
по единственной свободной дорогѣ къ Верхотурью, капитанъ Яро-
полковъ пробрался въ Краснослободскъ, но назадъ вернуться не
могъ, потому что и этотъ путь былъ уже занятъ мятежниками.

«Вотъ, ваше сіятельство, наши дѣла, писалъ Василій Бибиковъ
князю Вяземскому ²⁾. Я было испытывалъ счастье и посылалъ от-
сель партіи поражать злодѣевъ, человекъ по пятисотъ, но что же?
вмѣсто боя отъ нерегулярныхъ вооруженныхъ крестьянъ, выхо-
дить съ бунтовщиками дружескій разговоръ и только зовутъ одинъ
другаго передаться на свою сторону. Многіе же съ нашей сто-
роны, при первомъ выстрѣлѣ изъ пушекъ, не только разстроива-

¹⁾ Присутствовавшій въ гороблагодатскомъ горномъ управленіи, въ письмѣ отъ
30 января 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VI.

²⁾ Въ письмѣ отъ 11 февраля 1774 г. Арх. Кабинета Его Величества.

ются, но и бѣгаютъ назадъ и къ злодѣямъ, а удержать таковой безпорядокъ и зло нѣтъ возможности, потому что при такой командѣ не больше состояніе наше позволяетъ военныхъ послать, какъ двухъ офицеровъ и человѣкъ 30 солдатъ, которымъ должно или своихъ удерживать въ порядкѣ, или оберегать начальника и артиллерию.

«Не послѣднее зло угнетаетъ насъ и то, что крестьяне хлѣба и сѣна сюда не везутъ, о чемъ однакожъ стараніе еще отъ меня продолжается и не знаю, успѣю-ли что. Къ возстановленію-жъ покая и пресѣченію зла не оставилъ я испытать всѣхъ средствъ, т. е. ласку, денежные награжденія, обнародованіе съ увѣщаніемъ вѣстей, о пораженіи гдѣ либо чудовищъ; привелъ всѣхъ не только мастеровыхъ вновь, но и сельскихъ крестьянъ къ присягѣ, по особу учиненной на сей случай формѣ, а наконецъ и самую строгость и страхъ, но очень мало вижу отъ того желаемого успѣха».

Простоявши на Шайтанскомъ заводѣ недѣли съ три, Бѣлобородовъ отправился на Уткинскій казенный и Деждова заводы. На Уткинскомъ заводѣ находился сержантъ Тобольскихъ ротъ Курловъ съ 6 солдатами и набранными съ заводовъ мастеровыми.

Курловъ успѣлъ такъ организовать оборону, что Бѣлобородовъ встрѣтилъ здѣсь упорное сопротивленіе. Три дня сряду мятежники производили нападеніе на заводъ, но безуспѣшно, и лишь на четвертый, пользуясь своею многочисленностью, успѣли овладѣть имъ. Курловъ былъ изрубленъ и потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась до тысячи человѣкъ ¹⁾.

Овладевъ здѣсь 15-ю орудіями, Бѣлобородовъ побывалъ на Сылвинскомъ, Илимскомъ заводахъ и потомъ возвратился опять на Шайтанскій. Повсюду онъ версталъ рабочихъ въ казаки, забиралъ деньги, назначалъ правителей и оставлялъ гарнизоны. Только одинъ Сысерскій Турчанинова заводъ не хотѣлъ покориться и признать власти самозванца. Владѣлецъ завода обнесъ его рогатками и надолбами, насыпалъ снѣжный съ хворостомъ валъ и полилъ его водою. Построивъ на выдающихся мѣстахъ батареи и снабдивъ рабочихъ оружіемъ, Турчаниновъ далъ наставленіе, какъ дѣйствовать противъ мятежниковъ, и такими мѣрами отстоялъ

¹⁾ Записка Охлебинина. Показаніе Бѣлобородова 30 іюля 1774 года.

свои заводы отъ разоренія ¹⁾. Съ 15 и по 17 февраля, въ теченіе трехъ дней, толпа инсургентовъ въ тысячу человѣкъ ²⁾ пыталась овладѣть Сысерскимъ заводомъ, но была отбита. На помощь осажденнымъ была выслана изъ Екатеринбурга команда въ 600 человѣкъ съ 5-ю орудіями ³⁾, которые заставили мятежниковъ отступить.

Съ этого времени положеніе Екатеринбурга стало улучшаться. 15 февраля прибылъ въ городъ съ командою подполковникъ Лазаревъ, посланный главнокомандующимъ уговорить башкирцевъ оставить самозванца и возвратиться въ свои дома. Преемственное вліяніе Лазарева на башкирцевъ возбуждало большія надежды и населеніе города стало успокаиваться. Полковникъ Бибииковъ, сдѣлавшись смѣлымъ, отправилъ нѣсколько отрядовъ для очищенія окрестностей Екатеринбурга. Высланный по сибирской дорогѣ подпоручикъ Озеровъ, съ командою около ста человѣкъ, имѣлъ дѣло съ мятежниками у дер. Златогоровой. Численное превосходство непріятеля заставило его отступить и идти къ Бѣлоярской слободѣ на соединеніе съ поручикомъ Костинымъ, высланнымъ для его поддержки. Отправленный же по московской дорогѣ съ 700 человѣкъ секундъ-майоръ Фишеръ дошелъ 14 февраля до Шайтанскаго завода, прогналъ мятежниковъ, преслѣдовалъ ихъ по билимбаевской дорогѣ, отнялъ у нихъ четыре пушки и образа. Предоставивъ всемъ желающимъ отправить своихъ женъ и дѣтей въ Екатеринбургъ подъ охраною отряда, майоръ Фишеръ зажегъ заводъ въ шести мѣстахъ и возвратился въ городъ безъ всякой потери. «Вотъ возмездіе за нарушеніе покоя и измѣну, писалъ полковникъ Василій Бибииковъ въ своемъ объявленіи жителямъ Екатеринбурга ⁴⁾. Но сіе еще начало болѣзней(?) ихъ ожесточенія. Никакъ и никогда не могутъ они себя ласкать благоденствіемъ, продолжая зло.

«Такое свѣдѣніе сообщая публикѣ, надѣюсь, что вселѣй по-

¹⁾ Рапортъ Турчанинова Бибиикову отъ 22 февраля. У Алексѣя Турчанинова было три завода: Сысерскій, Полевскій и Северскій. См. Московск. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

²⁾ Человѣкъ 700 башкирцевъ и 300 заводскихъ крестьянъ.

³⁾ Письмо Дьячкова Турчанинову 18 февраля 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

⁴⁾ Отъ 16 февраля 1774 г. Архивъ Кабинета Его Величества.

дражать и ревновать будетъ обратиться на сихъ чудовищъ и изверговъ, не смотря на злыя ихъ и бѣдственные прелести и удаляясь всегда отъ сообщенія съ ними».

«Вотъ плодъ бунта, говорилъ полковникъ Василій Бибииковъ въ другомъ своемъ объявленіи ¹⁾. Мы къ несчастію теперь ополчаться должны не только на своихъ единоплеменцевъ, но и на родственниковъ, которыхъ ожесточеніе ужасно: забыть свою должность, присягу, разрушить собственный покой и не надѣяться никогда его возвратить. А для чего? — чтобы только слѣпо послѣдовать главныхъ бунтовщиковъ пагубнымъ прелестямъ...» Такъ смѣло писалъ онъ по полученіи извѣстія о приближеніи къ Екатеринбургъ отряда майора Гагринна.

Выступивъ изъ Ачитской крѣпости и проходя черезъ Бисертскую и Бленовскую, Гагринъ не находилъ въ селеніяхъ жителей, кромѣ самыхъ престарѣлыхъ, а остальные были поголовно забраны въ толпу Бѣлобородова ²⁾.

Переночевавши въ Бисертскомъ Демидова заводѣ, майоръ Гагринъ, 26 февраля, подошелъ къ Уткинскому заводу, половина котораго прикрыта была снѣжнымъ валомъ въ 1½ сажени высотой; другая половина прикрывалась прудомъ съ крутыми берегами, а затѣмъ шли рогатки, прикованныя другъ къ другу толстыми полосовымъ желѣзомъ, за которыми были поставлены большія туры, набитыя снѣгомъ. Поверхъ снѣжнаго вала былъ протянутъ частый ельникъ, а въ четырехъ выходахъ поставлены пушки за рогатками. Заводъ защищался 700 человекъ подъ начальствомъ самозваннаго подполковника Паргачева.

Часа за два до свѣта Гагринъ штурмовалъ укрѣпленія и, послѣ незначительнаго сопротивленія, выгналъ мятежниковъ изъ Уткинскаго завода. Потеря инсургентами 15-ти человекъ была, конечно, ничтожна, но «отъ страха» сдалось 587 человекъ; взято 5 пушекъ со снарядами, много ружей, сабель и 2 знамя.

Для преслѣдованія отступавшихъ была отправлена вся кавалерія отряда и въ подкрѣпленіе ея егеря посажены на лошадей.

¹⁾ Отъ 22 февраля 1774 г. Архивъ Кабинета Е. В.

²⁾ Рапортъ Гагринна А. И. Бибиикову, отъ 24 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

Непріятель потерялъ 45 человекъ убитыми, 308 человекъ плѣнными, 4 орудія, много оружія и лошадей. Вся потеря Гагрина въ оба сраженія состояла изъ 4 человекъ убитыхъ и 6 раненыхъ нижнихъ чиновъ.

На помощь разбитымъ спѣшилъ Бѣлобородовъ съ толпою въ 425 человекъ ¹⁾, но опоздалъ и прибылъ тогда, когда войска преслѣдовали остатки разбитой шайки Паргачева. Бѣлобородовъ вступилъ-было въ дѣло и атаковалъ отрядъ Гагрина «съ превеликимъ крикомъ, при пушечной пальбѣ», но встрѣтилъ контръ-атаку, веденную «съ такимъ стремленіемъ, что она (толпа) съ тою же скоростію, съ какою впередъ стремилась, въ бѣгъ обращена, оставя пушки» ²⁾.

Бѣлобородовъ бѣжалъ на Каслинскій Демидова заводъ, гдѣ началъ строить укрѣпленіе ³⁾. Окрестное населеніе приходило съ покорностью, принимало присягу и распускалось по домамъ. Изъ числа плѣнныхъ виновные въ подстрекательствахъ и бунтѣ 803 человека были отправлены въ Екатеринбургъ, 235 человекъ отпущены по домамъ, а 255 человекъ хорошо вооруженныхъ присоединены къ отряду; всѣ укрѣпленія, построенны мятежниками въ разныхъ селеніяхъ, были разрушены. Гагринъ видѣлъ ясно, что большинство населенія не преступно, что оно вовлечено въ мятежъ обманомъ и вѣрить искренно, что называющій себя государемъ есть дѣйствительно императоръ Петръ III. Чистосердечное раскаяніе многихъ давало надежду, что убѣжденія не останутся безплодными и потому Гагринъ, выбравъ нѣсколькихъ человекъ, наиболѣе уважаемыхъ, передалъ имъ манифестъ императрицы и увѣщаніе главнокомандующаго и отправилъ ихъ въ Шайтанскій заводъ и Илимскую казенную пристань, гдѣ находились еще мятежники, подъ предводительствомъ есаула Павла Зубринскаго.

¹⁾ Съ Ревдинскаго завода 200 человекъ, съ Шайтанскаго 200 человекъ и 25 человекъ своей свиты. Показаніе Бѣлоборова. Государств. Арх., VI, д. № 429.

²⁾ Всенодантійшій рапортъ А. И. Бибинова, отъ 8 марта 1774 года. Военно-ученый архивъ, дѣло № 104 (А), листъ 164.

³⁾ Рапортъ Гагрина главнокомандующему 28 февраля 1774 года. Москов. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII. Показаніе Бѣлоборова. Госуд. Арх., VI, дѣло № 429.

«Зубринскій, доносилъ А. И. Бибиковъ ¹⁾, велѣлъ оное прочесть при собраніи (конечно, отъ неосторожности), а посланные сказывали, что на Уткинскомъ заводѣ тѣмъ наказанія никакого не сдѣлано, кто добровольно явился. Сіе произвело такое дѣйствіе, что какъ только начальникъ воровской Зубринскій намѣрился бѣжать, то прочіе до того не допустили», а майоръ Гагринъ тотчасъ же отправилъ въ эти селенія команды подъ начальствомъ капитановъ Дурново и Морсошникова. На Шайтанскомъ заводѣ и Илимской пристани было взято четыре орудія, 388 человекъ добровольно покорившихся и захвачены главнѣйшіе предводители и зачинщики: Петръ Паргачевъ, Павелъ Зубринскій, Сергѣй Шепелевъ, Антипъ Менщиковъ и Ѳеодоръ Кошуновъ.

1 марта, майоръ Гагринъ ночевалъ на Уткинскомъ заводѣ и 3-го числа вступилъ въ Гробовскую крѣпость. Здѣсь онъ получилъ увѣдомленіе, что полковникъ Василій Бибиковъ высылаетъ ему на помощь отрядъ изъ Екатеринбурга, «но какъ я, доносилъ майоръ Гагринъ ²⁾, и къ разбитію злодѣйской толпы ихъ не требовалъ, а по теперешнему обстоятельству оныя (силы) мнѣ не надобны, о чемъ къ нему съ прописаніемъ резону рапортовалъ».

«Полковникъ (Бибиковъ) стыдясъ, писалъ Охлебининъ ³⁾, что сей предводитель (Гагринъ) съ малою командою произвелъ толь великіе успѣхи, спѣшилъ себѣ сколько-нибудь предоставить славы». Онъ командировалъ майора Фишера на Каменскій заводъ со всѣми силами, какія только были въ Екатеринбургѣ и приказалъ ему, преслѣдуя мятежниковъ, идти на соединеніе съ майоромъ Гагринымъ. Послѣдній не принялъ этого содѣйствія и, оставивъ Фишера въ Коневской крѣпости, самъ пошелъ на Каслинскій заводъ, гдѣ Бѣлородовъ успѣлъ собрать до тысячи человекъ. Утромъ, 12 марта, майоръ Гагринъ штурмовалъ Каслинскій заводъ; мятежники были разбиты и Бѣлородовъ бѣжалъ въ Саткинскій Лугинина заводъ. Онъ потерялъ 57 человекъ убитыми, 420 человекъ

¹⁾ Императрицѣ, отъ 8 марта 1774 года. Военно-ученый архивъ, отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 165.

²⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову, отъ 3 марта 1774 г. Тамъ же.

³⁾ Записка Охлебинина, поданная князю А. А. Вяземскому. Архивъ Кабинета Его Величества.

захваченными въ плѣнъ и добровольно явившимися, 300 лошадей и четыре знамя, которыя были публично сожжены ¹⁾).

Такимъ образомъ, очистивъ отъ мятежниковъ весь край, отъ Кунгура къ Екатеринбургъ, и приведя къ покорности большую часть заводовъ ²⁾, Гагринъ побѣдоносно вступилъ въ городъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ всего изъ 120 солдатъ и 670 человекъ полу-вооруженныхъ крестьянъ. Заслуги Гагрина были оцѣнены императрицею и онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры ³⁾. Екатеринбургъ былъ избавленъ отъ предстоявшей ему гибели и тогда полковникъ Василій Бибииковъ не постыдился написать канцеляріи главныхъ заводовъ правленія, «что посланными отъ него командами злодѣи изъ слободъ выгнаны» ⁴⁾).

Со вступленіемъ маіора Гагрина въ Екатеринбургъ мятежники разсѣялись въ разныя стороны, но край этотъ еще нельзя было считать окончательно усмирненнымъ. Бѣлобородовъ съ небольшимъ числомъ своихъ сообщниковъ ушелъ, черезъ селенія Верхнія и Нижнія Киги, на соединеніе съ Пугачевымъ, а бывшая съ нимъ толпа, раздѣлившись на мелкія шайки, бродила по разнымъ направленіямъ и частію соединилась съ толпою атамана Грязнова, хозяйничавшаго въ окрестностяхъ Челябинска.

XIX.

Занятіе Челябинска отрядомъ генерала Деколонга. — Дѣйствія мятежниковъ. — Вой у дер. Перпиной. — Отступление Деколонга. — Выселеніе челябинскихъ жителей. — Жалоба главнокомандующаго на бездѣйствіе Деколонга. — Намѣреніе императрицы замѣнить его Суворовымъ. — Отказъ графа П. А. Румянцева отпустить Суворова изъ своей арміи. — Развитие мятежа. — Блокада Долматова монастыря. — Занятіе инсургентами Курганской слободы и другихъ пунктовъ на границахъ Сибирской губерніи. — Дѣятельность сибирскаго губернатора Чичерина по усмирению возстанія.

Послѣ неудачнаго приступа атамана Грязнова къ Челябинску, 10 января, онъ, какъ мы видѣли, отступилъ къ Чебаркульской

¹⁾ Рапортъ маіора Гагринъ А. И. Бибиикову 14 марта 1774 г. Московскій Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII.

²⁾ Заводы эти были: Уткинскій, Сильвинскій, Шайтанскій, Собакинъ, Бисертскій, Верхній и Нижній Сергинскіе, Виламбаевскій, Ревдинскій и друг.

³⁾ Предложеніе З. Г. Чернышева военной коллегіи, отъ 12 мая 1774 года. Сенат. Арх., копія Высоч. повелѣн., кн. № 207.

⁴⁾ Записка Охлебинина.

крѣпости, оставивъ небольшую толпу башкирцевъ для блокады города ¹⁾. Блокада эта продолжалась не долго и 13-го января генералъ Деколонгъ, послѣ незначительной перестрѣлки, занялъ Челябинскъ съ своимъ отрядомъ.

Онъ пришелъ туда почти случайно.

Получивъ увѣдомленіе сибирскаго губернатора объ отправленіи въ Челябинскъ орудій, предназначенныхъ для оренбургской линіи, и не подозрѣвая, что городъ этотъ уже окруженъ мятежниками, генералъ Деколонгъ съ 10-ю и 11-ю легкими полевыми командами выступилъ изъ Верхне-Яицкой крѣпости въ Челябинскъ, съ намѣреніемъ присоединить орудія къ себѣ и произвести поискъ надъ мятежниками. На пути Деколонгъ получилъ два сообщенія Веревкина: одно о бунтѣ челябинскихъ казаковъ, а другое—о появленіи шайки Грязнова подъ городомъ. Ускоривъ свое движеніе, Деколонгъ лишь только вступилъ въ Челябу, какъ получилъ просьбу о помощи отъ начальника екатеринбургскихъ заводовъ, полковника Василія Бибикова. Не считая возможнымъ бросить Челябинскъ, къ которому, по слухамъ, долженъ былъ вернуться Грязновъ, съ вновь набраннымъ на заводахъ ополченіемъ и 20 пушками, Деколонгъ приказалъ слѣдовавшимъ съ сибирскихъ линій майору Жолобову съ 12-ю легкою полевой командою и майору Фишеру съ двумя гарнизонными ротами повернуть къ Екатеринбургъ и идти на помощь полковнику В. Бибикову. Самъ же Деколонгъ остался въ Челябинскѣ съ тою цѣлью, какъ говорилъ онъ, чтобы разсѣять шайку Грязнова ²⁾, но до 1-го февраля почти не выказывалъ никакой дѣятельности.

Грязновъ съ толпою до 4,000 человекъ снова подошелъ къ Челябинску, и расположившись въ шести верстахъ, въ деревнѣ Першиной, почти ежедневно высылалъ небольшія партіи, съ цѣлью отрѣзывать сообщеніе съ городомъ, въ которомъ находился весьма значительный гарнизонъ. Деколонгъ объяснялъ свою бездѣтельность тѣмъ, что большинство мятежниковъ конные, а у него кон-

¹⁾ См. главу IX.

²⁾ Репортъ Деколонга генералу Чичерину отъ 22 января 1774 г. Записка его же, безъ мѣсяца и числа. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VI и VIII.

ницы всего 240 человекъ, съ которыми предпринять наступленіе невозможно. Окрестное населеніе, не видя защиты отъ войскъ, частью по принужденію, а въ большинствѣ добровольно посылало къ Грязнову депутатовъ, и прося принять въ покровительство, переходило на сторону самозванца. Оно находилось почти въ безвыходномъ положеніи: отъ правительственной власти защиты нѣтъ, а мятежники грабятъ всѣхъ непокорныхъ и покровительствуютъ покорившимся. Ясно, что держаться стороны мятежниковъ было выгоднѣе, и Грязновъ почти ежедневно принималъ депутатовъ, приказывалъ имъ высылать изъ селеній казаковъ и увеличивалъ свои силы.

Такимъ путемъ присоединились къ мятежникамъ Карачельскій форпостъ, Воскресенское село, Кургамышская слобода и друг. Челябинскъ оказался отрѣзаннымъ отъ главныхъ путей и Деколонтъ досидѣлся въ немъ до того, что сталъ опасаться за недостатокъ продовольствія для отряда. Попытка его разсѣять мятежниковъ, собравшихся въ дер. Першиной, была безуспѣшна, хотя въ донесеніи своемъ онъ старался доказать, что одержалъ побѣду.

Выступивъ 1-го февраля изъ города и подходя къ сел. Першину, Деколонтъ нашелъ непріятеля готовымъ его встрѣтить и расположеннымъ впереди деревни въ боевомъ порядкѣ. По высотамъ были разставлены орудія, прикрытыя набранною изъ крестьянъ пѣхотою, а впереди для встрѣчи отряда была выслана башкирская конница. Тѣсня башкирцевъ, Деколонтъ хотя и дошелъ до дер. Першиной, овладѣлъ одною высотой, захватилъ 2 орудія и 180 человекъ плѣнныхъ, но остальныхъ мятежниковъ не прогналъ съ поля сраженія. На дальнѣйшія атаки онъ не рѣшился «за наступившимъ вдругъ большимъ туманомъ, а болѣе по малости конницы, на оное покуситься и въ видимую опасность вдаваться не разсудилъ». Съ двумя легкими полевыми командами, гарнизономъ и городскими обывателями можно было сдѣлать что-нибудь болѣе простой прогулки до дер. Першиной и возвращенія съ потерей всякой надежды защитить городъ, который «*съ пустырями*» имѣлъ болѣе 6 верстъ въ окружности. Опасаясь, къ тому же, остаться безъ продовольствія, Деколонтъ рѣшился поби-

нута городъ на произволъ мятежниковъ. Предлогомъ для своего удаленія онъ избралъ письмо, полученное отъ полковника Василя Бибикова, сообщавшаго, что «тамошняя окрестность и самый Екатеринбургъ отъ злодѣйскихъ обращеній весьма опасны». Бибиковъ писалъ, что если Деколонгъ не придетъ скоро къ нему на помощь, «то не иное что въ городѣ найдетъ, какъ самихъ бунтовщиковъ», ибо крестьяне весьма сомнительны и ожидаютъ только «отъ злодѣйской толпы оказіи».

Опираясь на то, что отъ военной коллегіи и отъ главнокомандующаго войсками А. И. Бибикова приказано было ему защищать главнѣйшимъ образомъ Екатеринбургскіе заводы, какъ приносящіе «знатную пользу государству», Деколонгъ оставилъ Челябинскъ, но не пошелъ къ Екатеринбургу, а къ Шадринску. «Хотя бы въ Челябѣ и надлежало оставить достаточный гарнизонъ, доносилъ онъ генералу Чичерину ¹⁾, но по малости войскъ онаго удѣлить никоимъ образомъ было не можно».

Узнавъ о намѣреніи Деколонга оставить городскихъ обывателей безъ защиты, исетская провинціальная канцелярія просила разрѣшенія переселиться также или въ Екатеринбургъ, или въ ближайшія къ нему мѣста, съ письменными дѣлами, денежною казною и «со всѣми вѣрноподданными ея величества рабами» ²⁾. Начальникъ отряда изъявилъ на то согласіе, и 4-го февраля на видныхъ мѣстахъ улицъ г. Челябинска было выставлено объявленіе, въ которомъ Деколонгъ говорилъ, «что имѣя важные и справедливые резоны, долженъ оставить городъ», взявъ съ собою всѣхъ вѣрноподданныхъ и прямо служащихъ ея императорскому величеству, *идти внутрь провинціи до Шадринска или гдѣ способности его высокопревосходительство избрать изволитъ съ войсками свое пребываніе имѣть*».

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ Деколонгъ свои дѣй-

¹⁾ Въ рапортѣ отъ 16 февраля. Воен.-учен. арх., отд. I, д. № 104 (А). Замѣчательно, что въ своихъ донесеніяхъ Деколонгъ умалчиваетъ о численности своихъ войскъ и не приводитъ цифры присоединенныхъ къ себѣ отрядовъ, забравшихъ имъ въ разныхъ пунктахъ. Онъ обыкновенно говоритъ только, что войскъ у него мало, кавалеріи недостаточно и проч.

²⁾ Донесеніе исетской провинціальной канцеляріи Деколонгу отъ 20 января 1774 г. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

ствія или лучше сказать бездѣйствіе, объяснялъ желаніемъ удержать Исетскую провинцію отъ мятежа, развивавшагося на его глазахъ; потомъ говорилъ, что спѣшить къ Екатеринбургъ и потому не можетъ оказать другимъ помощи, а въ дѣйствительности пошелъ къ Шадринску. Отступая къ этому пункту, онъ ничего не защищалъ и даже не прикрывалъ ничего, кромѣ одной изъ числа многихъ дорогъ въ Сибирь, а уходилъ изъ Челябинска потому, что боялся столкнуться съ мятежниками. Онъ требовалъ, чтобы всѣ тѣ жители, «кои прямо и непоколебимо» желаютъ служить императрицѣ, «тѣ-бъ къ походу съ его высокопревосходительствомъ, черезъ 24 часа въ самой крайней готовности, безъ тягостей и имѣя только на однѣ сутки себѣ пищи, конные верхами, а прочіе пѣшіе, съ ружьемъ, какое у кого имѣется, были готовы и ожидали бы на всякій часъ къ выступленію повелѣнія».

На слѣдующій день, 5-го февраля, по приказанію того же Деколонга было выпущено изъ бочекъ 7,320 ведеръ вина; 7-го числа всѣ жители приготавливались къ выступленію, а 8-го февраля отрядъ выступилъ изъ Челябинска, забравъ съ собою всѣхъ бывшихъ въ городѣ рекрутъ, воеводу Веревкина, всѣхъ членовъ провинціальной канцеляріи, денежную казну и всю годную артиллерию. За отрядомъ, оставя свои дома и большую часть имущества, послѣдовали посадскіе, цеховые и прочіе обыватели. Въ Челябинскѣ оставлено: 648 четвертей муки, 37 четвертей крупъ, 389 четвертей овса, 20,479 пудовъ соли ¹⁾ и нѣсколько испорченныхъ орудій. За отрядомъ пошли: 192 человекъ купцовъ, 162 казака, 11 офицеровъ, 207 рекрутъ, 1,350 человекъ крестьянъ, собранныхъ Веревкинымъ для защиты города, Тобольская рота, состоявшая изъ 2 офицеровъ и 130 человекъ нижнихъ чиновъ, вся провинціальная канцелярія съ дѣлами и съ 23,168 р. 59 к. казенныхъ денегъ ²⁾.

Двигаясь черезъ Карачельскій форпостъ, деревни Сухоберскую

¹⁾ Цифры эти, кажется, не внушали опасеній за недостатокъ продовольствія.

²⁾ Журналъ происшествій въ Исетской провинціи. Москов. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. VII. Рапортъ Челябинской ратуши въ главный магистратъ отъ 24 февраля. Госуд. Арх., VI, д. № 504.

и Заикову, генералъ Деколонгъ былъ преслѣдуемъ мятежниками и неоднократно ими атакуемъ. Хотя, по словамъ его, во всѣхъ этихъ стычкахъ въ отрядѣ не было ни одного убитого, а у мятежниковъ человекъ по 200 и болѣе, тѣмъ не менѣе онъ ни разу не перешелъ въ наступленіе, не мечталъ о возможности разсѣять непріятеля, а напротивъ торопился уйти, и 15-го числа прибылъ въ село Воскресенское. Отсюда онъ отправилъ донесеніе сибирскому губернатору Чичерину, въ которомъ, преувеличивая опасность, старался представить свое положеніе въ отчаянномъ видѣ.

«Главный при мнѣ недостатокъ, доносилъ Деколонгъ ¹⁾, какъ уже и выше объявлялъ, тотъ, что конницы весьма мало, которая на таковыхъ варваровъ, каковы злодѣйскія толпы, болѣе нежели пѣхота потребна и безъ коей успѣха въ прекращеніи зла быть не можетъ, ибо, за малосостояніемъ оной при мнѣ, во всѣ стороны для переимки злодѣевъ посылать некого; а малыми партіями весьма опасно, потому что по тракту, гдѣ я слѣдовалъ, находилъ всѣ деревни пусты и жителей окромѣ стариковъ и малолѣтнихъ, да и то весьма небольшого числа, никого нѣтъ. По объявленіямъ же захваченныхъ значитъ, что всѣ крестьяне разбѣжались, боясь какъ видно за свою продерзость должнаго наказанія; да имъ же и отъ злодѣевъ приказано во время моего съ корпусомъ слѣдованія то учинить, дабы мнѣ провіанта, фуража и подводъ получить было не можно. Чего ради, повторяя прежнія мои требованія, ваше превосходительство въ послѣдній уже разъ прошу: городовыхъ или по неимѣнію оныхъ выписныхъ вооруженныхъ и доброконныхъ казаковъ, сколько набрать можно, выкомандируя въ крайней скорости, отправить въ Шадринскъ, а ежели тутъ меня не застанутъ, то приказать слѣдовать по тракту, гдѣ я буду находиться».

Требованіе Деколонга о безотлагательной присылкѣ къ нему кавалеріи можно бы было еще оправдать, если бы оно было сдѣлано ранѣе или гораздо позднѣе. Теперь же былъ самый разгаръ зимы и глубокіе снѣга препятствовали дѣйствию кавалеріи настолько, что употреблять ее сомкнутыми частями было почти не-

¹⁾ Въ рапортѣ Чичерину отъ 16 февраля 1774 г. Военно-учен. Арх. отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 175.

возможно. Полезныѣ кавалеріи были *лыжники*, которыми пользовались съ такимъ успѣхомъ маіоры Гагринъ и Поповъ. Главный неуспѣхъ дѣйствій Деколонга лежалъ въ отсутствіи энергіи и недовѣріи къ своимъ силамъ. Онъ былъ уже человѣкъ старый, нерѣшительный, недовѣрявшій тѣмъ войскамъ, которыми начальствовалъ. Недовѣріе это было такъ велико, что двигаясь къ Челябинску, не зная гдѣ мятежники, сколько ихъ и что городъ уже окруженъ ими, Деколонгъ въ прибавку къ своимъ двумъ полевымъ командамъ приказалъ 23-й полевой командѣ, прибывшей изъ Кузнецка въ Омскъ, слѣдовать къ нему на соединеніе ¹⁾). Онъ собиралъ къ себѣ войска отовсюду, забиралъ команды вездѣ, гдѣ только могъ взять, и послѣ неважныхъ стычекъ съ мятежниками считалъ свои силы недостаточными и просилъ о присылкѣ казаковъ.

«Если же, писалъ онъ Чичерину, и теперь ваше превосходительство сего во уваженіе принять не изволите, въ такомъ случаѣ, чтобъ сіе зло не ворвалось и въ губернію вашему превосходительству порученную, удержать не въ силахъ. Не остается мнѣ болѣе ничего, какъ оставя производимыя мною дѣйствія безъ всякаго успѣха, потянуться съ корпусомъ моимъ на сибирскія линіи, потому особливо, что злодѣйскія партіи, будучи всѣ конныя, могутъ быть всегда впереди нашихъ войскъ и тѣмъ пресѣкать способъ къ полученію надлежащаго для войскъ пропитанія».

Съ отступленіемъ Деколонга изъ Челябы не только вся Исетская провинція была предана на разграбленіе мятежниковъ, но отдѣльныя ихъ партіи стали проникать въ Сибирскую губернію. Путь между Екатеринбургомъ и Тюменью былъ пресѣченъ и киргизы стали производить нападеніе на русскія селенія. Не смотря на то, генералъ Чичеринъ, по полученіи послѣдняго рапорта Деколонга, передалъ въ его распоряженіе полроты пѣхоты и тысячу человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ Ялutorовскаго уѣзда, и просилъ только его, присоединивъ посылаемыя войска къ своему отряду, очистить отъ мятежниковъ хотя ту часть Исетской про-

¹⁾ Рапортъ генералъ-маіора Скалона А. И. Бибикову отъ 15 февраля 1774 г. Воен.-учен. Арх., отд. I, дѣло № 104 (А), листъ 178.

винці, которая непосредственно прилежала къ Сибирской губерніи ¹⁾.

Сообщая о своихъ распоряженіяхъ А. И. Бибикову, сибирскій губернаторъ выражалъ однакоже сомнѣніе, чтобы Деколонгъ могъ сдѣлать что-либо серьезное для умиротворенія края, хотя и хвалилъ войска, бывшія въ распоряженіи послѣдняго. «Не извольте считать здѣшній гарнизонъ какъ прочіе, писалъ Чичеринъ А. И. Бибикову; осмѣлюсь увѣрить дать имъ равенство людьми и экзерциціею съ лучшимъ армейскимъ полкомъ; одно мое несчастіе, не имѣю офицеровъ—собранныя погань изъ всѣхъ мѣстъ».

Говоря, что онъ сдѣлалъ все что могъ, «выслалъ 1,840 человекъ на помощь Оренбургу», Чичеринъ справедливо выражалъ удивленіе, что войска эти не принесли никакой пользы и, будучи разбросаны Деколонгомъ по частямъ, сами уходили отъ мятежниковъ. «Гдѣ нынѣ генералъ-маіоръ Станиславскій? спрашивалъ Чичеринъ, при которомъ одна легкая полевая команда (№ 14), одна моя мушкетерская рота, три рекрутскихъ и нѣсколько казаковъ. Я никакого свѣдѣнія не имѣю, а слышу, что поворотилъ и онъ».

При самомъ отправленіи Деколонга въ походъ, Чичеринъ собралъ выписныхъ казаковъ и намѣренъ былъ отправить ихъ на Сибирскую линію, чтобы они могли быть на случай нужды въ полномъ распоряженіи Деколонга, но тотъ отвѣчалъ, что казаки эти вовсе ему ненужны и что защита линіи совершенно обезпечена. Спустя нѣсколько времени Чичеринъ, получивъ извѣстіе о недостаткѣ продовольствія на Оренбургской линіи, хотѣлъ подвинуть туда запасные магазины, но Деколонгъ призналъ и это ненужнымъ, «а что теперь кушаютъ, говорилъ Чичеринъ, не знаю».

«Я бы за особливую милость почелъ, прибавлялъ сибирскій губернаторъ въ письмѣ А. И. Бибикову ²⁾, ежели бы изволили дать мнѣ повелѣніе прислать къ вашему высокопревосходительству, для опредѣленія въ армейскіе полки, сержантовъ; могъ бы служить

¹⁾ Рапортъ Чичерина А. И. Бибикову 19 февраля 1774 г. № 854. Воен.-учен. арх. Отдѣл. I, дѣло № 104 (А) листъ, 172.

²⁾ Въ письмѣ отъ 19 февраля 1774 г. Воен.-учен. арх. д. № 104 (А), листъ 177.

довольнымъ числомъ очень достойныхъ всѣми хорошими поведеніями, а притомъ выученныхъ геометріи и геодезіи, сколь возможность позволяла и фортификаціи; съ сожалѣніемъ на нихъ здѣсь остающихся (остающихся) безъ произвожденія смотрю».

Воспользовался ли Бибииковъ такимъ предложеніемъ или нѣтъ, намъ неизвѣстно, но бездѣятельность Деколонга была для него прискорбна. «Изъ бумагъ, сообщенныхъ ко мнѣ отъ Чичерина, писалъ Александръ Ильичъ императрицѣ ¹⁾, между прочимъ усмотрѣть изволите, что главный недостатокъ и въ тамошнихъ гарнизонахъ есть негодное собраніе офицеровъ, отъ каковыхъ и весь здѣшній край претерпѣлъ. Странному поведенію генерала Деколонга или лѣты его, или вкоренившаяся сибирская косность причиною. Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я бы лучше желалъ, чтобъ сей генералъ на нынѣшнее время тамъ не былъ, и если бы возможно кого надежнѣйшаго отправить, а его отозвать, то бы весьма казалось быть полезнѣе. Сего самъ собою сдѣлать не отваживаюсь, тѣмъ болѣе, что онъ указомъ военной коллегіи мнѣ и не подчиненъ, а только ему содѣйствовать велѣно, слѣдовательно перемѣна его отъ высочайшей воли вашего императорскаго величества зависитъ».

Предоставляя Бибиикову на будущее время перемѣнять командировъ по своему желанію, Екатерина II писала ему, что сдѣлала распоряженіе объ отправленіи на мѣсто Деколонга генералъ-поручика Суворова ²⁾. Въ день отправленія этого письма военная коллегія предписала фельдмаршалу графу П. А. Румянцову исключить Суворова изъ списковъ 1-й арміи ³⁾, а послѣднему приказала съ того мѣста, гдѣ полученъ будетъ имъ указъ коллегіи, какъ можно поспѣшнѣе отправиться черезъ Казань и явиться къ Бибиикову тамъ, гдѣ онъ будетъ ⁴⁾.

¹⁾ Въ письмѣ, отъ 15 марта. Записки Академіи т. I, приложение № 4, стр. 63.

²⁾ Письмо Императрицы Бибиикову 29 марта, *Запис. Акад.*, т. I прилож. № 4, стр. 64.

³⁾ Указъ военной коллегіи графу Румянцову, отъ 29 марта. Московс. Арх. Главнаго Штаба. Журн. секрет. экспедиціи, кн. 54, листы 92 и 93.

⁴⁾ Указъ военной коллегіи Суворову 29 марта. Московс. Арх. главн. штаба, опись 47, секрет. повѣтъ, св. 233, листъ 857.

Фельдмаршалъ не отпустилъ Суворова и не исполнилъ высочайшаго повелѣнія.

«Генераль-поручику Суворову, доносилъ графъ Румянцовъ ¹⁾, по указу военной коллегіи, къ вновь назначенной командѣ немедленно бы ѣхать я приказалъ, ежели бы онъ въ пути, а хотя и на мѣстѣ, но не на посту въ лицѣ непріятеля противу Силистріи находился, къ которому онъ мною опредѣленъ и со ввѣреннымъ ему корпусомъ, какъ на сей городъ по усмотрѣнію удобства поискъ сдѣлать, такъ и Гирсовъ оберегать поручено. Въ семъ случаѣ я не могъ на оное поступить *изъ уваженія, что сія отлучка подала бы непріятелю подтвержденіе по дѣламъ оренбургскимъ*, кои они воображаютъ себѣ быть для насъ крайне опасными, нежели они суть, и можетъ быть, какъ я вижу изъ публичныхъ вѣдомостей, вовсе исчезшіе». Соблюдая прежде всего свой интересъ, графъ Румянцовъ просилъ назначить въ распоряженіе А. И. Бибикова вмѣсто Суворова одного изъ генераловъ, «находящихся въ Россіи», но причисленныхъ къ его арміи. Такого назначенія не послѣдовало и Деколонгъ оставался командовать своимъ отрядомъ почти до усмиренія возстанія.

Дойдя до Окуневской слободы, Деколонгъ распустилъ по домамъ 800 человекъ крестьянъ, а жителей Челябинска и провинціальную канцелярію отправилъ въ слободу Байчанку, подъ прикрытіемъ рекрутской Тобольской роты, бывшей подъ начальствомъ секунд-маіора Фадѣева ²⁾. Затѣмъ, узнавъ, что мятежники собрались возлѣ Долматова монастыря и Шадринска, повернулъ къ послѣднему.

Такимъ образомъ, всѣ деревни и села между Челябинскомъ,

¹⁾ Въ рапортѣ военной коллегіи, отъ 15 апрѣля, за № 2,407 изъ Яссы. Московс. Арх. Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV. Соч. Пушкина, т. VI, 222.

²⁾ «Журналъ происшествій въ Исетской провинціи». Рапортъ Чичерина А. И. Бибикову отъ 27 марта 1774 года за № 1,279. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, книги VII и VIII. Изъ Байчанки бывший воевода Исетской провинціи, Верекинъ, оправившись отъ побоевъ и ранъ, отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ высланъ милостіями императрицы. Ему пожаловано 500 руб. на излѣченіе и имѣя въ виду, что у него было всего 11 душъ крестьянъ, а онъ имѣлъ жену, двухъ дочерей и сына, императрица пожаловала ему въ вѣчное потомственное владѣніе «Исковской губерніи, Полоцкой провинціи, Невельскаго влюча часть Дубнетевскую со всѣми къ ней принадлежащими угодьями». Указъ Сенату 29 декабря 1774 г. Арх. Сената, высоч. повелѣн., кн. № 136.

Екатеринбургомъ и Шадринскомъ поступили въ руки мятежниковъ. Попытки отдѣльных лицъ разогнать толпы инсургентовъ, бродившихъ по разнымъ направленіямъ, были безуспѣшны. Управитель Окуневского дистрикта, Томиловъ, пытался пробраться въ Челябинскъ съ своимъ ополченіемъ, но узнавъ, что многочисленныя толпы башкирцевъ обложили городъ и вѣшаютъ всякаго, кого только захватятъ, вернулся обратно. Набранные въ разныхъ мѣстахъ крестьяне, подъ именемъ казаковъ, лишь только безпорядки касались тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ они были собраны, тотчасъ же переходили на сторону инсургентовъ и усиливали башкирцевъ. Явились инициаторы и, подъ видомъ уполномоченныхъ государемъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, объявляли себя его полковниками и становились предводителями отдѣльных партій. Такіе предводители не имѣли никакой связи и сношеній ни съ самимъ Пугачевымъ, ни съ другими предводителями. Они дѣйствовали по своему усмотрѣнію, грабили и разоряли все, что принадлежало казнѣ и помѣщикамъ. Въ Исетской провинціи извѣстенъ былъ своею дѣятельностью Михаилъ Ражевъ, который, собравъ значительную толпу, отдѣлился отъ толпы, предводительствуемой Грязновымъ, занялъ Миасскую крѣпость, въ 25 верстахъ отъ Челябинска, и проникнулъ потомъ до села Бродоколмацкаго, подчиняя своей власти всѣ близлежащія деревни. Самозванный капралъ Матвѣй Евсеевъ, сопровождаемый только шестью человѣками мятежниковъ, 31 января прибылъ въ село Теченское, былъ встрѣченъ народомъ и священниками съ иконами, колокольнымъ звономъ и пѣніемъ.

«Капралъ, довольный такою встрѣчею, величался честью, оказанною ему и, не доходя до церкви 200 сажень, приказалъ всѣмъ остановиться, остановился и самъ. Настала вдругъ могильная тишина, нарушаемая только дребезжавшимъ голосомъ писчика Лебедева, читавшаго народу, по приказанію Евсеева, возмутительный листъ или манифестъ Пугачева. Потомъ Евсеевъ пилъ съ народомъ вино въ питейномъ домѣ, откуда воротясь въ мірскую избу, приказалъ сжечь на площади всѣ дѣла, а старосту и выборнаго велѣлъ отмѣнить; на мѣсто же ихъ назначилъ атамана и есаула изъ тамошнихъ крестьянъ; мірская изба была переименована въ избу станичнѹю. Затѣмъ, забравъ казенныя деньги и имѣвшуюся

пушку, отправился въ слободу Бродоколмацкую и оттуда въ Мясскую крѣпость. Цѣловальника Теченскаго онъ увелъ съ собою; крестьяне и казаки провожали его» ¹⁾).

Подобно Евсееву поступали и другіе предводители партій; поступки ихъ въ городахъ и селахъ были однообразны: вездѣ торжественная встрѣча, пьянство, упоминаніе на эктеніяхъ имени императора Петра III, сожженіе дѣлъ, выборъ новыхъ правителей и грабежъ имущества. Последнее, конечно, болѣе всего привлекало на себя мятежниковъ и они стремились захватить въ свои руки то, что представляло болѣе богатую добычу. Въ этомъ отношеніи Долматовскій Успенскій монастырь, съ находившимся вблизи его селомъ Никольскимъ (нынѣ заштатный городъ Долматовъ) представлялъ большой соблазнъ для мятежниковъ. Занявъ его, они прежде всего могли въ немъ укрѣпиться и защищаться отъ правительственныхъ войскъ; въ монастырѣ были запасы пороха, ружья, пушки, продовольственные припасы, а для башкирцевъ богатое церковное имущество. Овладевъ этимъ пунктомъ, мятежники захватывали въ свои руки всю Исетскую долину, покрытую многочисленными селеніями и приобрѣтали прочный опорный пунктъ.

Долматовскій мужской монастырь находился на возвышенномъ лѣвомъ берегу р. Исети, на сибирскомъ трактѣ, между Шадринскомъ и Екатеринбургомъ, отъ котораго отстоялъ въ 158 верстахъ. Монастырь былъ обнесенъ кирпичною стѣною «съ шпиками и амбразурами въ два ряда и отверстіями для боя изъ мелкаго ружья (бойницами)». Эта ограда охватывала собою площадь въ 9,450 квадратныхъ сажень и имѣла видъ шестиугольника. Высота стѣны была различна (отъ $2\frac{2}{3}$ до 3 саж.), точно такъ же какъ и толщина (отъ $1\frac{1}{4}$ до $2\frac{3}{4}$ аршина). Въ угловыхъ мѣстахъ стѣны возвышались башни съ амбразурами для орудій и бойницами для ружейной стрѣльбы. Соединеніе монастыря съ окрестностями производилось черезъ ворота, которыхъ было трое: сѣверныя, южныя и восточныя или *святые*.

Овладеніе монастыремъ, повидимому, не представляло особыхъ

¹⁾ «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и окрестностяхъ его». Александра Зырянова. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 54 и 55.

затрудненій для мятежниковъ. Они рассчитывали на содѣйствіе приписныхъ экономическихъ крестьянъ, недовольныхъ монастырскимъ начальствомъ, и еще въ 1762 году пытавшихся избить монаховъ Долматовскаго монастыря и лишить жизни его настоятеля, архимандрита Іакинфа. Возстаніе это, извѣстное подъ именемъ *дубинщины*¹⁾, было усмирено силою, виновные жестоко наказаны, а остальные сохранили ненависть къ монастырской братіи. Поэтому, при первомъ извѣстіи о появленіи Пугачева, въ близлежащихъ селеніяхъ замѣчено было нѣкоторое волненіе. Архимандритъ Іакинфъ сталъ готовиться къ защитѣ, укрѣплялъ монастырь, просилъ помощи, но видя, что ни изъ Шадринска, ни изъ Екатиринбурга ее не присылаютъ, въ началѣ января 1774 года отправился въ Тобольскъ просить сибирскаго губернатора Чичерина прислать въ монастырь войска.

Въ февралѣ 1774 года партія мятежниковъ, въ числѣ 500 человекъ, отдѣлившись отъ Челябинска, появилась въ первый разъ у Долматова, подъ начальствомъ атамановъ Ражева, Пестерева и есаула Тараканова. Монастырь встрѣтилъ инсургентовъ готовымъ къ оборонѣ и хотя настоятель его, архимандритъ Іакинфъ, находился въ то время въ Тобольскѣ, но своими письмами постоянно призывалъ братію къ мужеству и защитѣ. Въ экономическомъ казначей, секундъ-маіоръ Заворотковъ, архимандритъ Іакинфъ нашелъ себѣ дѣятельнаго и энергическаго помощника. Заворотковъ воодушевлялъ на борьбу съ врагами подчиненныхъ ему крестьянъ села Никольскаго, предлагалъ имъ скрыться въ стѣнахъ монастыря и защищаться огнестрѣльнымъ оружіемъ. Прежде другихъ послѣдовалъ совѣту староста Игнатій Степинъ, а за нимъ стали переселяться въ монастырь и другіе со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Многіе не слушали увѣщаній и остались въ селѣ Никольскомъ, ожидая прибытія мятежниковъ.

Сельскій священникъ Петръ Лебедевъ своими поступками подерживалъ духъ возмущенія и не совѣтовалъ своимъ прихожанамъ переселяться въ монастырь. Тѣмъ не менѣе, въ монастырѣ собралось 383 человека, въ числѣ коихъ было 10 человекъ солдатъ и

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о «дубинщинѣ» можно найти въ статьѣ: «Архимандритъ Іакинфъ». *Пермскій Сборникъ* 1860 г., кн. II, стр. 22—27.

20 крестьянъ-казаковъ, присланныхъ еще прежде изъ Шадринска. Въ монастырѣ было 16 орудій и 80 ружей, большіе запасы пороха, патроновъ и зарядовъ.

Во второмъ часу пополудни, 11 февраля, съ колокольни монастыря замѣтили приближеніе толпы, шедшей съ запада, отъ дер. Верхоярской, а вслѣдъ затѣмъ возвратился въ монастырь крестьянинъ Леонтій Боголюбовъ, которому мятежники засунули за пазуху бумагу для доставленія ея монастырской братіи. Въ бумагѣ этой, или какъ сказано было въ заголовкѣ, въ *«известіи о благополучіи»*, походный атаманъ Прохоръ Пестеревъ писалъ, что онъ командированъ изъ арміи его величества съ 1,500 человекъ и 15 орудіями, для занятія Долматова монастыря, и потому просить покориться безъ кровопролитія и выслать довѣренныхъ для переговоровъ.

«Сверхъ же того, вамъ объявляю, писалъ онъ ¹⁾, что уже и Казанская губернія, царствующій градъ Москва, также Нижній и другіе города склонены наслѣдникомъ его императорскаго величества, государемъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, такъ и государемъ нашимъ Петромъ Ѳеодоровичемъ; Оренбургская губернія и показанныя: Челябинъ, Троицкая и прочія жительствова въ склонность приведены благополучно; и если же сверхъ сего, въ вѣрность не пойдете, то, конечно, оставаться будетъ вамъ отъ моей команды въ безпорядкѣ».

Не получивши отвѣта, мятежники въ тотъ же день, съ крикомъ и гамомъ, ворвались въ Долматовъ (село Никольское), зажгли два крестьянскихъ овина и разбрелись по обывательскимъ домамъ. Заявя домъ крестьянина Петрова, бывший за рѣкою атаманъ Пестеревъ приказалъ устроить у своей квартиры висѣлицы, для наказанія всѣхъ тѣхъ, кто откажется присягнуть императору Петру III. Скоро угрозы эти, въ примѣръ и устрашеніе населенія, стали приводиться въ исполненіе. Атаманъ шайки повѣсилъ нѣсколькихъ монастырскихъ служителей, капитана Петра Вырубова и священника Павла Хорсина. Пестеревъ и его сподвижникъ Ражевъ

¹⁾ Въ объявленіи, отъ 11 февраля 1774 года. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 62 и 63.

истязали женщинъ, били многихъ кнутомъ и предавали разнымъ пыткамъ всѣхъ, остававшихся вѣрными своему долгу и присягѣ.

На другой день послѣ занятія села Никольскаго, Пестеревъ отправилъ крестьянина Ѳедота Макрушниковъ къ монастырю съ требованіемъ, чтобы запершіеся въ немъ сдались безъ сопротивленія. Посланный уговаривалъ собравшихся на стѣнахъ монастыря разойтись по домамъ и жить спокойно подъ защитой императора Петра III, обѣщающаго свободу и вольность, и грозилъ въ противномъ случаѣ уморить всѣхъ голодомъ.

Съ своей стороны обороняющіеся уговаривали пришедшаго оставить свое заблужденіе и, по совѣту майора Завороткова, отъ имени всего Долматовскаго общества отправили Пестереву отвѣтъ, впрочемъ никѣмъ не подписанный ¹⁾).

«О благополучіи вашемъ, писали монастырцы, извѣстіе сюда отъ васъ, черезъ мужика, здѣшняго крестьянина, прислано, *въ коемъ смѣшнова достойныя прописаны бредни*, чему никоимъ образомъ стать не можно, *да и помыслить ужасно, что—бъ покойному государю императору Петру III прежде чаемаго общаго воскресенія изъ мертвыхъ одному воскреснуть*. Правда, будетъ общее всѣмъ воскресеніе, но какъ святое писаніе намъ доказываетъ, что праведные воскреснутъ въ животъ вѣчный, а грѣшныя въ мученіе вѣчное, и такъ разумѣется, что тѣмъ воскресшимъ не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имѣнія своего, а воздастъ Богъ каждому по дѣламъ его. А сія гнусная чучела (Пугачевъ), назвавшись такимъ ужаснымъ по Россіи именемъ, на подобіе якобы воскресъ изъ мертвыхъ и желаетъ похитить самимъ Богомъ узаконенную власть грабежами, разбоемъ и кровопролитіемъ, чего и въ цѣломъ свѣтѣ не слыхано. А какъ не безъизвѣстно, что *всякій монархъ вступаетъ на престолъ правленія тишиною и весьма полезнымъ всему обществу спокойствіемъ*; а какъ вашъ мнимый государь Петръ III, императоръ, въ своемъ ложномъ и то письменномъ, а не печатномъ манифестѣ всему обществу въ свѣдѣніе не предъявилъ, гдѣ онъ и въ какихъ мѣстахъ черезъ двѣнадцати-

¹⁾ Отъ 12 февраля 1774 г. Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ. А. Зыряновъ. *Пермскій Сборникъ* 1859 г., ч. I, стр. 64.

лѣтнее время находился и для чего только въ одну Оренбургскую губернію вкрался, простыхъ нашу братью, мужиковъ, особливо отъ прочихъ мѣстъ ослѣпленныхъ не вездѣ прельщать и приводить въ конечную пагубу, и награждать склонившихся къ нему (старается) крестомъ и бороною, травами и морями и всякою вольностію,—чѣмъ мы и безъ его награжденія отъ милостивой нашей Монархини довольствуемся. Крестъ Спасителя нашего всякій изъ насъ православный христіанинъ чтить и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по челоуѣчеству имѣются, *растущіе на ней волосы по своей воли кто стрижетъ и брѣетъ, а иной и отпускаетъ*, въ томъ принужденія никому нѣтъ; травами же и бородами мы безъ награжденія вашего довольны и недостатка никакого не имѣемъ».

Монастырское общество заявляло, что оно готово-бы было покориться, если бы называющій себя государемъ Петромъ III появился въ столицѣ, тамъ былъ принятъ и объявилъ о своемъ восшествіи на престолъ, безъ грабежей и разоренія народа. Обороняющіеся просили прислать имъ болѣе ясныя доказательства о подлинности государя и возвратить захваченныхъ ихъ плѣнныхъ. Пестеревъ отвѣчалъ требованіемъ покорности и увѣрялъ, что государь въ самомъ непродолжительномъ времени отправится изъ Базани «къ своей супругѣ», что печатныхъ манифестовъ ему до сихъ поръ сочинять было негдѣ, «а когда онъ, великій государь, вступитъ въ Петербургъ, тогда уже и печатные указы будетъ по всѣмъ губернскимъ провинціямъ и городамъ публиковать и о всемъ истинно доказывать».

Запершіеся въ монастырь просили оставить ихъ въ покоѣ, отступить и донести своему государю, что они не послушали увѣщанія его атамана. «А ежели кровопролитное злодѣйство съ нами дѣлать усилятся, писали они Пестереву ¹⁾, то Возбранная и Побѣдительная воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь насъ защитить можетъ. Такъ спасла она царствующій градъ Константинополь отъ *Епифскаго воеводы, свирѣпаго звѣря кабана (?)* и потопила въ морѣ многочисленные полки. Почему и нынѣ надежду нашу болѣе на нее полагаемъ, что надъ вами, уже не такъ какъ

¹⁾ Отъ 12 февраля 1774 г. *Пермскій Сборникъ*, кн. I, 68.

съ невѣрными, но яко съ вѣроломными и поднимающими злодѣйскимъ образомъ на своихъ братьевъ и на самую обитель оружіе, учинить отищеніе здѣсь, а особливо и въ будущей жизни».

Отправивъ это увѣщаніе, долматовцы требовали, чтобы Пестеревъ черезъ полчаса далъ имъ отвѣтъ, что намѣренъ дѣлать. До вечера 12-го февраля намѣренія непріятеля были неизвѣстны осажденнымъ, а затѣмъ въ монастырѣ былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ предводитель мятежниковъ писалъ, что въ предстоящую полночь защитники должны ожидать на себя «храбрый пушечный ударъ». Пестеревъ и его товарищи надѣялись, что молитвы пресвятой Богородицы и Николаю Чудотворцу (Великому) помогутъ имъ возвратить на истинный путь «изъ лѣсу заблудящихъ боязненныхъ звѣрей и привести въ истинную вѣру и кротость».

Ночь прошла покойно. Наутро въ монастырѣ были отслужены утрени, обѣдня и молебенъ. Служившій іеромонахъ благословилъ крестомъ всѣхъ защитниковъ, еще съ вечера находившихся на своихъ мѣстахъ.

Въ 9 часовъ утра 12-го февраля мятежники подошли къ монастырю и открыли огонь изъ пушекъ и ружей. Съ монастырскихъ стѣнъ отвѣчали тѣмъ же, и канонада эта продолжалась почти до полуночи, съ малымъ вредомъ для обѣихъ сторонъ ¹⁾. Утромъ 14-го числа инсургенты вновь предложили осажденнымъ сдаться, но получивъ отказъ, продолжали перестрѣлку. Видя невозможность съ успѣхомъ штурмовать монастырь, мятежники разсыпались небольшими шайками по окрестнымъ селамъ и завладѣли ими. Встрѣчая сочувствіе среди податного и заводскаго населенія и распространяя возстаніе во всѣ стороны, пугачевцы мало-по-малу окружили г. Шадринскъ со всѣхъ сторонъ. Сношенія его съ окрестностями были прерваны и никто изъ обывателей не могъ и не смѣлъ выходить изъ города далѣе пяти верстъ. Дорога изъ Шадринска въ Сибирь была отрѣзана, и всякая попытка возстановить сообщеніе была тщетна. Только въ концѣ февраля Шадринскъ былъ освобожденъ отъ блокады, когда 20 февраля, со стороны Мяснянскаго острога, подошелъ отрядъ маіора Жолобова, а затѣмъ,

¹⁾ Въ монастырѣ было ранено три человѣка, а у мятежниковъ не болѣе семи человѣкъ.

23 февраля, вступилъ въ городъ и отрядъ генералъ - поручика Деколонга.

Соединившись въ Шадринскѣ съ 12-ю легкою полевой командою, Деколонгъ все-таки не зналъ на что рѣшиться и находился въ крайне тревожномъ состояніи «Я здѣсь, доносилъ онъ ¹⁾), а вокругъ меня и за мною въ Сибирской губерніи, по большой почтовой дорогѣ къ Тюмени, сіе зло прорвавшись начинаетъ пылать. Опасаясь за свой тылъ, Деколонгъ оставилъ намѣреніе идти на помощь Додматову монастырю, и предоставилъ его собственной защитѣ.

Между тѣмъ, на помощь Пестереву подошла къ монастырю новая шайка, подъ начальствомъ яицкаго казака Василія Митрофанова, который 22 февраля потребовалъ отъ осажденныхъ полной покорности государю. Митрофановъ писалъ, что всѣ города «государственные, царственные, настольные и прочіе русскіе, отъ перваго даже до послѣдняго, окромѣ половины Тобольской губерніи», покорились государю и принесли «благополучное подданство». Онъ совѣтовалъ осажденнымъ не проливать напрасно крови и не навлекать праведнаго и неизбѣжнаго гнѣва его величества.

Монастырцы въ тотъ же день отвѣчали, что если Петръ III дѣйствительно живъ и послѣ клятвеннаго отреченія отъ престола имѣетъ законную причину принять опять скипетръ Россійской Имперіи, то чтобы шелъ онъ въ одинъ изъ столичныхъ городовъ, Петербургъ или Москву, и тамъ объявилъ манифестъ о вторичномъ вступленіи своемъ на престолъ.

«А то разсудите сами, писали монастырцы ²⁾), что мы, будучи обязаны присягою должнаго подданничества всероссійской монархинѣ, государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея законному наслѣднику, какъ можемъ увѣриться пришедшему невѣдомо отколь, не въ столицу русскую, но въ одинъ Оренбургской губерніи край и въ полныя мѣста человѣку, безъ всякаго

¹⁾ Въ рапортѣ А. И. Бибикову отъ 27 февраля 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, книга VIII.

²⁾ Отъ 22 февраля 1774 г. «Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ», *Пермскій Сборникъ*, 1859 года, кн. I, стр. 77.

доказательства назвавшемуся такимъ большимъ по Россіи именемъ, ибо и апостолъ въ своемъ посланіи говоритъ: не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть; яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ».

Необходимость человѣку, назвавшему себя государемъ, идти прежде всего въ одну изъ столицъ, осажденные доказывали словами Спасителя, глаголавшаго: «не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелезя инуде, той тать есть, и разбойникъ, а входяй дверьми пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ отверзаетъ и овцы гласа его слышать; и свои овцы глашаетъ по имени и овцы по немъ идутъ, яко вѣдаютъ гласъ его; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа. А вы же сами, еще не разобравъ о истинности, прельстились къ невѣдущему, да и насъ прельщаете со стремленіемъ невинно-пролитіемъ крови сыновъ россійскихъ и подняли оружіе на святую обитель».

Монастырцы просили мятежниковъ отойти безъ наказанія Божія и обратиться въ повиновеніе законной монархіи. «Думается намъ, прибавляли они, что вамъ, упражняющимся въ вашихъ произведеніяхъ, не доставалось времени видать и читывать манифеста за собственноручнымъ ея величества всемилостивѣйшей государыни Екатерины Алексѣевны подписаніемъ о предводителѣ вашемъ (Пугачевѣ), то для прочитанія при семъ вамъ посылается одинъ съ тѣмъ, чтобы вы, по прочтеніи при собраніи вашей партіи, имѣли сюда оный обратно прислать».

Пугачевцы не отвѣчали, но спустя нѣсколько дней, и именно 1-го марта, въ монастырѣ замѣтили приближеніе со стороны Шадринска новой толпы мятежниковъ. Соединившись съ тѣми, которые осаждали Долматовъ и наскоро переговоривъ съ ними, инсургенты въ безпорядкѣ стали отступать по дорогѣ къ Челябинску. Осаждавшіе послѣдовали за ними, и монастырь былъ спасенъ къ удивленію скрывшихся подъ защиту его стѣнъ. Поводомъ къ столь быстрому отступленію было разосланное Деколонгомъ объявленіе, въ которомъ онъ требовалъ покорности и писалъ, что «съ состоящими при мнѣ войсками, коихъ *не менее трехъ тысячъ*, имѣю слѣдовать къ Екатеринбургъ, для того въ деревнѣ Коротковой, въ Долматовѣ монастырѣ и въ прочихъ по тракту лежащихъ мѣстахъ

приготовить къ продовольствію тѣхъ войскъ провіанта, овса и сѣна безнедостаточно».

Избавившись отъ осады и вздохнувъ свободно, монастырцы жестоко отомстили всѣмъ крестьянамъ, принимавшимъ участіе въ бунтѣ. Подъ предлогомъ выслушанія всемилостивѣйшаго манифеста, были собраны крестьяне къ сѣвернымъ вратамъ монастыря. Ихъ окружили солдаты и силою вдвинули во внутренность ограды. «Тѣхъ, кому выпалъ жребій принять возмездіе за измѣну и убійство, возводили на крыльцо при верхнемъ жильѣ верхняго корпуса, по отобраніи допросовъ въ военномъ судѣ, тотчасъ на этомъ крыльцѣ сѣкли кнутомъ и кого бездыханнаго, кого едва дышавшаго сбрасывали со стѣны за монастырь въ рывтину, промытую вблизи токомъ весеннихъ и дождевыхъ водъ; кто оставался въ живыхъ подъ ударами кнута, тотъ умиралъ въ снѣгу по паденіи въ рывтину» ¹⁾. Такихъ несчастныхъ было 29 человѣкъ, а на всѣхъ остальныхъ были разложены денежные убытки монастыря, простиравшіеся до 1,026 руб. 21 коп.

Базнь и истязанія не могли смирить волнующихся, и монастырскіе крестьяне уходили въ толпу мятежниковъ, которая, опасаясь встрѣчи съ правительственными войсками, отодвинулась къ Челябинску, покинутаго Деколонгомъ.

Послѣдній, имѣя въ своемъ распоряженіи три легкихъ полевыхъ команды, считалъ себя не въ силахъ подавить возстаніе и дѣйствовать наступательно. Онъ дѣлалъ по временамъ вылазки изъ Шадринска, разгонялъ бродившія въ окрестностяхъ его шайки, наносилъ имъ, какъ напримѣръ при Уксанской слободѣ, значительныя пораженія, но отойти отъ Шадринска на дальнее разстояніе не рѣшался и доносилъ, что силы мятежниковъ съ каждымъ днемъ растутъ все болѣе и болѣе ²⁾. Это были остатки толпы Бѣлобородова, разбитой маіоромъ Гагринымъ, шайки отступившія отъ Шадринска и Долматова, и наконецъ башкирцы, собравшіеся на берегахъ рѣки Міяса.

¹⁾ «Долматовъ монастырь въ 1773 и 1774 г. или въ Пугачевскій бунтъ», протоіерея Григорія Плотникова. *Чтенія въ Московск. Общ. Исторіи и Древностей*, 1859 г., кн. I, стр. 39.

²⁾ Рапортъ Деколонта А. И. Бибикову отъ 12 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, описъ 47, кн. VIII.

Видя бездѣтельность Деколонга и разузнавъ, что у него вовсе не такъ много войскъ, какъ было сказано въ объявленіи, мятежники стали смѣлѣе. Башкирцы разорили и ограбили деревни Итеульскую, Брылину, Усть-міясскій винокуренный заводъ и село Каргопольское. Одна изъ мятежническихъ партій, подѣ начальствомъ Осипа Сазонова, подходила къ Троицкой крѣпости, два раза пыталась овладѣть ею, но была отбита ¹⁾; другія шайки, предводительствуемыя, къ сожалѣнію, по преимуществу священниками, дьячками и пономарями ²⁾, обратились къ Тюмени, Туринску, Краснослободску и наиболѣе значительная подошла къ Кургану.

Появленіе ихъ вызвало со стороны сибирскаго губернатора Чичерина энергическую дѣятельность. Изъ ямщиковъ городовъ Сургута и Березова, съ прибавленіемъ къ нимъ конфедератовъ, онъ сформировалъ гусарскую роту. Тобольскій президентъ Ефимъ Швыринъ собралъ изъ тобольскаго купечества 900 человекъ конныхъ; тобольскій ямской управитель Иванъ Борисовъ сформировалъ 120 человекъ изъ ямщиковъ и подгородныхъ крестьянъ, по большей части отборныхъ стрѣлковъ, имѣвшихъ каждый при себѣ лыжи. Ополченіе это, раздѣленное на четыре части, было разослано въ Тюмень, Туринскъ, Краснослободскъ и Ялуторовскъ, причемъ въ первые три пункта было послано, сверхъ того, и по одной рекрутской ротѣ.

Пока части эти пришли по назначенію, мятежники въ числѣ 3,000 человекъ подошли къ Курганской слободѣ. Для отраженія ихъ былъ сформированъ отрядъ изъ 1,900 человекъ крестьянъ и роты солдатъ съ однимъ орудіемъ, подѣ общимъ начальствомъ майора Салманова. Подходя къ Кургану и оставаясь самъ въ резервѣ съ 700 человекъ, Салмановъ отправилъ впередъ капитана Смольянинова съ ротою пѣхоты, 1,200 человекъ вооруженныхъ крестьянъ и однимъ орудіемъ. Занявъ Курганскую слободу и желая разсѣять собравшуюся вблизи толпу, Смольяниновъ

¹⁾ Рапорты коменданта Троицкой крѣпости, бригадира Фейервара, военной коллегіи 20 и 24 февраля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга III.

²⁾ Рапортъ сибирскаго губернатора Чичерина военной коллегіи 28 марта 1774 г. Московск. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга IV.

пошелъ ей на встрѣчу, но измѣнившіе крестьяне схватили его со всѣми офицерами и выдали мятежникамъ. То же самое сдѣлали крестьяне и съ майоромъ Салмановымъ. Инсургенты заняли Курганъ, оба предводители отрядовъ и нѣкоторые изъ офицеровъ были повѣшены. Большая часть окрестныхъ слободъ съ населеніемъ, простиравшемся до 18,000 душъ, перешли на сторону мятежниковъ. Чичеринъ приказалъ тогда, чтобы слѣдовавшая изъ Кузнецка въ отрядъ Деколонга 13-я легкая полевая команда была немедленно отправлена къ Кургану. Присоединивъ къ себѣ въ слободѣ Байчанкѣ секундъ-майора Фадѣева съ рекрутскою ротою, командиръ 13-й полевой команды, майоръ Эрдманъ, быстро двинулся къ Кургану и былъ встрѣченъ мятежниками у Осиповой слободы. Смѣлою атакою Эрдманъ разсѣялъ трехъ-тысячную толпу, захватилъ всю артиллерію и письменныя дѣла. Оставивъ на полѣ сраженія до 600 тѣлъ, инсургенты отступили къ Курганской слободѣ. Преслѣдуя ихъ, майоръ Эрдманъ въ Иковской слободѣ былъ окруженъ толпою до 5,000 человѣкъ, приготовившихся къ встрѣчѣ и укрѣпившихся. По совѣтамъ и указаніямъ мѣстнаго духовенства ¹⁾, мятежники насыпали валъ изъ снѣга и разставили орудія. Два дня продолжалась канонада съ обѣихъ сторонъ и наконецъ майоръ Эрдманъ штурмовалъ Иковскую слободу. Мятежники были разбиты, бѣжали въ Утяцкую слободу, и 24 марта Эрдманъ занялъ Курганъ ²⁾.

Такая же неудача постигла и прочія шайки инсургантовъ. Отъ Краснослободска они были отбиты подпоручикомъ Фефиловымъ, потеряли всѣ пушки и много плѣнныхъ. Прибывшіе въ Туринскъ и Тюмень роты съ ополченіемъ перешли въ наступленіе и преслѣдовали мятежниковъ: «оныхъ поражая, доносилъ Чичеринъ, разгоняють, предводителей ловятъ и присылають въ Тобольскъ, слободы и деревни утверждаютъ вновь присягою».

Все это происходило на границахъ Сибирской губерніи, а вся Исетская провинція и сѣверная часть Оренбургской губерніи были

¹⁾ Курганской слободы священника Лаврентія Антонова, дьякона Андрея Антонова же и дьячковъ: Тимофея Бурцова и Гаврила Кокшарскаго.

²⁾ Рапортъ Чичерина Бибикову 27 и 28 марта 1774 года за №№ 1,279 и 1,293. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, описъ 47, кн. VIII.

въ полномъ возстаніи и находились во власти мятежниковъ. Уральская горная возвышенность, съ ея населеніемъ и заводами, была единственнымъ и прекраснымъ убѣжищемъ для Пугачева послѣ пораженія его подъ Татищевую крѣпостью. Если бы Деколонтъ изъ Челябинска двинулся на югъ, то Пугачевъ могъ бытъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, но бездѣйствіе этого генерала дало возможность самозванцу оправиться, собраться съ новыми силами и появиться тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали.

XX.

Бѣгство Пугачева изъ Берды. — Освобожденіе Оренбурга отъ осады. — Награды губернатору и жителямъ. — Преслѣдованіе самозванца. — Бой у Каргалы. — Бѣгство Пугачева въ Башкирію.

Въ день сраженія подъ Татищевую, поздно вечеромъ, Пугачевъ прискакалъ въ Берду въ сопровожденіи только четырехъ человѣкъ свиты: Ивана Почиталина, Василя Коновалова, Григорія Бородина и шурина самозванца, Егора Кузнецова. Опасаясь наступленія князя Голицына и вылазки изъ Оренбурга, Пугачевъ приказалъ тотчасъ же смѣнить съ караула всѣхъ крестьянъ и солдатъ, а на ихъ мѣста поставить Яицкихъ казаковъ, какъ людей болѣе ему преданныхъ и болѣе опытныхъ въ сторожевой службѣ.

Въ Бердѣ еще не знали о пораженіи товарищей и потому распоряженіе это удивило многихъ.

— Чтò за чудо, что насъ смѣняютъ не вòвремя и гонятъ цѣлыми толпами въ Берду? спрашивали караульные другъ друга.

Наиболѣе любопытные обращались за разъясненіемъ къ своимъ командирамъ, а тѣ, сами не зная ничего, шли въ военную коллегію. Въ числѣ первыхъ явившихся въ главное управленіе самозванца былъ Хлопуша. Онъ засталъ въ комнатѣ только одного писаря Васильева, отъ котораго не получилъ удовлетворительнаго отвѣта.

— Тебѣ чтò за нужда, сказалъ Васильевъ; — зналъ бы ты свое дѣло, да лежалъ бы на своемъ мѣстѣ.

Хлопуша отправился къ Творогову и, проходя по улицѣ, видѣлъ, что яицкіе и плецкіе казаки укладывали на воза свои вещи.

— Чтò это значить? спрашивалъ Хлопуша.

— А это тѣ казаки, отвѣчалъ уклончиво Твороговъ, — что пріѣхали изъ своихъ мѣстъ за хлѣбомъ и теперь собираются домой. Я съ ними жену свою отпускаю, а ты поди и распусти свою команду.

Хлопуша исполнилъ приказаніе, пошелъ - было къ Шигаеву, но тотъ ушелъ изъ дома съ Чумаковымъ и Григоріемъ Бородинымъ.

Послѣдній, будучи очевидцемъ всего происшедшаго подъ Татищевой, былъ увѣренъ, что дѣло, затѣянное яицкими казаками, проиграно окончательно, и потому въ тотъ же вечеръ отправился къ Шигаеву и рассказалъ ему событія дня.

— Я поѣду въ Оренбургъ, говорилъ Григорій Бородинъ, — и тамъ расскажу, а между тѣмъ не можно ли его (самозванца) связать.

— Поѣзжай, отвѣчали Шигаевъ и случившійся у него Ѳеодоръ Чумаковъ, — и предстательствуй за насъ всѣхъ, чтобы помиловали, а мы постараемся его связать.

Переговоривъ еще съ хорунжимъ Трифономъ Горловымъ, Осипомъ Бановымъ и съ калмыкомъ Гибзаномъ, Бородинъ совѣтовалъ имъ выдать Пугачева и явиться съ повинною, а самъ въ ту же ночь уѣхалъ изъ Берды, причемъ Шигаевъ и Чумаковъ провожали его до рѣки Сакмары ¹⁾.

Рано утромъ, 23 марта, Пугачевъ призвалъ къ себѣ Максима Шигаева ²⁾, Андрея Витошнова, Ѳеодора Чумакова, Ивана Творогова, Тимоѣя Падурова и Коновалова. Онъ рассказалъ имъ откровенно о несчастіи, постигшемъ его армію подъ Татищевой и спрашивалъ: чтò дѣлать?

— Какъ вы разсудите, дѣтушки, говорилъ самозванецъ: — куда намъ теперь идти?

¹⁾ Показанія Григорія Бородина и Максима Шигаева. Государствен. Арх., VI, д. №№ 467 и 506. У гг. Анучина, Пекарскаго (*Москвит.* 1841 года, ч. III, 459), Рычкова и др. эпизодъ этотъ рассказанъ невѣрно.

²⁾ Г. Д. Анучинъ въ своей статьѣ (*Русскій Вѣстникъ* 1872 г., № 8, стр. 500), исправляя показанія Пугачева, говоритъ, что Шигаевъ взятъ въ плѣнъ подъ Татищевой, но это невѣрно.

— Мы не знаемъ, былъ первый отвѣтъ опечаленныхъ присутствующихъ.

— Я думаю, что намъ способно теперь пробраться степью, чрезъ Переволоцкую крѣпость, въ Яицкій-городокъ; тамъ, взявъ крѣпость, можемъ укрѣпиться и защищаться отъ поиска войскъ.

— Власть ваша, отвѣчали присутствующіе, — куда хотите, а куда вы, туда и мы.

— Поѣдемъ лучше, ваше величество, подъ Уфу, къ графу Чернышеву, говорилъ Твороговъ, — а если тамъ не удастся, то будемъ близко Башкиріи, и тамъ можемъ найти спасеніе.

— Не лучше-ли, замѣтилъ Пугачевъ, — намъ убираться на Яикъ, ибо тамъ близко Гурьевъ-городокъ, въ коемъ еще много хлѣба оставлено и городъ весьма крѣпокъ.

Эти послѣднія слова были поддержаны Шигаевымъ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ, — въ обходъ на Яикъ, чрезъ Сорочинскую крѣпость.

Рѣшаясь двигаться по этому направленію, Пугачевъ послалъ казака за Хлопушей.

— Ты шатался много по степямъ, сказалъ ему самозванецъ, — такъ не знаешь-ли дороги Общимъ Сыртомъ, чтобы пройти на Яикъ.

— Этого тракта я не знаю, отвѣчалъ Хлопуша.

— Тутъ есть хутора Тимоѣя Падурова, замѣтилъ Твороговъ, — и онъ долженъ знать дорогу.

Падуровъ не брался однакоже быть провожатымъ по степи въ зимнее время.

— Ты здѣшній житель, говорилъ Пугачевъ, — сыщи ты мнѣ такого жожака, который бы зналъ здѣшнія мѣста.

— Вчера пріѣхалъ оттуда казакъ Репинъ, отвѣчалъ Падуровъ, — и сказывалъ, что тамъ дорога есть.

Репинъ былъ призванъ въ совѣтъ и ему приказано быть колоновожатымъ. Командирамъ полковъ велѣно готовиться къ походу, но собирать къ себѣ только доброконныхъ, а остальнымъ и всѣмъ пѣшимъ разрѣшено идти кто куда хочетъ. Шигаеву поручено раздать вино и деньги, которыхъ было четыре тысячи рублей, все

мѣдною монетою ¹⁾). Лишь только выкатили нѣсколько бочекъ, изъ сорока бывшихъ въ складѣ, какъ народъ съ крикомъ бросился къ нимъ и каждый старался въ широкихъ размѣрахъ воспользоваться разрѣшеніемъ самозванца. Произошла свалка, шумъ и драка, а между тѣмъ Пугачевъ узналъ, что одинъ изъ ближайшихъ его сообщниковъ, казакъ Григорій Бородинъ, ему измѣнилъ и еще наканунѣ бѣжалъ въ Оренбургъ ²⁾). Если бы генералъ Рейнсдорпъ, по полученіи извѣстій отъ Бородина, въ ту же ночь сдѣлалъ вылазку, то быть-можетъ сообщники Бородина и выдали бы самозванца; но наутро они были уже безсильны, такъ какъ хорунжій Горловъ успѣлъ донести о совѣтахъ Бородина и объ его бѣгствѣ. Пугачевъ не жалѣлъ ничьей головы для собственной безопасности, и поднимать вопросъ о выдачѣ самозванца было равносильно добровольному пожертвованію жизни безъ всякой пользы.

Принявъ мѣры противъ заговора и опасаясь, чтобы до времени и другіе не послѣдовали примѣру Бородина, самозванецъ приказалъ разставить къ сторонѣ Оренбурга особые караулы, не пропускать никого и «тутъ, говорилъ Хлопуша, кто вознамѣрился бѣжать, множество (было) переколото».

На улицахъ Берды съ самаго утра видно было небывалое движеніе, укладывались пожитки и награбленное имущество, Шигаевъ раздавалъ мѣдныя деньги, а у бочекъ съ виномъ шумѣла и бушевала пьяная толпа. Опасаясь, что шумъ и крики привлекутъ вниманіе оренбургскаго гарнизона и пьяное сборище можетъ быть застигнуто врасплохъ, Пугачевъ приказалъ яицкимъ казакамъ готовиться скорѣе къ походу, выбивать у бочекъ дно; и вино широкою рѣкой полилось по улицамъ Бердинской слободы.

Взявъ десять пушекъ и не ожидая пока соберется все ополченіе, Пугачевъ съ яицкими казаками и толпой не болѣе двухъ тысячъ челоѣкъ выѣхалъ изъ Берды по дорогѣ на Переволоцкую крѣпость. Въ слободѣ остались пьяные, да тѣ что, потерявъ вѣру

¹⁾ Показаніе Пугачева 4 ноября 1774 года. Показаніе Хлопуши 10 мая 1774 г. Показанія Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 года. Государств. Архивъ VI, дд. №№ 467, 505, 506 и 512.

²⁾ У Рычкова въ лѣтописи, а съ его словъ и у всѣхъ авторовъ бѣжавшій названъ Логиновымъ, но это невѣрно.

въ самозванца и не зная куда приклонить голову, рѣшились явиться съ повинною. Длинною вереницей тянулись они къ Оренбургу вер-
хами, на саняхъ и на дровняхъ; многіе везли съ собою хлѣбъ и
сѣно, но большая часть шла пѣшкомъ съ женщинами и дѣтьми.
Въ этотъ день пришло въ городъ болѣе 800 человѣкъ ¹⁾, а въ
послѣдующіе дни число ихъ достигло 4,000 человѣкъ ²⁾. Всѣхъ
прибывшихъ сажали подъ арестъ и допрашивали.

Только послѣ полудня 23 марта Рейнсдорпъ рѣшился отпра-
вить въ Берду 8-й легкой полевой команды секундъ-маіора Зу-
бова съ шестьюстами человѣкъ егерей, оренбургскихъ и яицкихъ
казаковъ. Отрядъ этотъ выступилъ изъ города въ сопровожденіи
огромной толпы жителей всѣхъ состояній, спѣшившихъ воспользо-
ваться запасами продовольствія, собранными самозванцемъ для своей
арміи. Занявъ Берду безъ всякаго сопротивленія, Зубовъ захватилъ
до 50 артиллерійскихъ орудій со всѣми боевыми припасами и 17
бочекъ мѣдной монеты (всего 1,700 р.), а пришедшіе съ нимъ
жители забирали все что попадало подъ руку. «Носился въ городѣ
слухъ, пишетъ Рычковъ ³⁾, что въ Бердѣ городскими людьми учи-
нены великія грабительства и хищенія и яко бы многіе пожитки,
въ рукахъ злодѣевъ находившіеся, разными людьми вывезены въ
городъ».

Въ бывшемъ станѣ самозванца найдено столько продовольствія,
что пятнадцатитысячное населеніе города было обезпечено имъ на
десять дней ⁴⁾. Припасы прибывали въ городъ ежедневно, и цѣны
на всѣ продукты быстро понизились. Пудъ ржаной муки, стоившій
22 и 23 марта 13 р., продавался 24-го числа отъ 80 до 50 коп.;
фунтъ печенаго хлѣба вмѣсто 40 коп. по 5 к. и т. д. ⁵⁾.

Утромъ 24 марта прибылъ въ Оренбургъ посланный княземъ
Голицынымъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ подъ Татищевой крѣпостью,

¹⁾ Лѣтопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI. Прил., стр. 394.

²⁾ Репортъ Рейнсдорпа военной коллегіи 8 апрѣля 1774. Моск. Арх. Гл. Штаба.
опись 47, кн. III.

³⁾ Лѣтопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI. Прил., стр. 394.

⁴⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе Рейнсдорпа отъ 8 апрѣля 1774 года. Воен. учен.
Арх., дѣло № 104 (А), листъ 281.

⁵⁾ *Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова*. Соч. академика П. Пекар-
скаго, изд. 1867, стр. 176—177.

а вслѣдъ затѣмъ привезли одного изъ главныхъ пособниковъ Пугачева, ссыльно-каторжного Хлопушу ¹⁾). Городское населеніе собралось въ соборъ для слушанія благодарственного молебствія объ освобожденіи города отъ осады. «La victoire, писалъ Рейнсдорпъ князю Голицыну ²⁾), que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse, retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur».

Называя князя Голицина извѣстителемъ Оренбурга, генералъ Рейнсдорпъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не приписать и себѣ нѣкоторой заслуги. Онъ писалъ въ томъ же письмѣ, что Пугачевъ «*чрезъ высланную отъ меня команду будучи приведенъ въ крайнее замѣшательство (?)*, единственно съ вѣрными ему, забравъ лучшее имущество и десять пушекъ, бѣжалъ черезъ Общій Сыртъ, повидимому, на Переволоцкую крѣпость».

Мы знаемъ когда бѣжалъ Пугачевъ и когда прибылъ въ Берду посланный Рейнсдорпомъ отрядъ секундъ-маіора Зубова, и потому не можемъ согласиться съ послѣдними словами оренбургскаго губернатора. Тѣмъ не менѣе, вспоминая все происходившее подъ Оренбургомъ, мы должны сказать, что со стороны Рейнсдорпа нужно было много энергіи, чтобы удержать въ порядкѣ полуголодное населеніе, страдавшее цынготною и другими болѣзнями и неви-

¹⁾ Вотъ какъ Хлопуша рассказывалъ о своемъ плѣненіи: Передъ отъѣздомъ изъ Берды Хлопуша просилъ у Пугачева позволенія проводить свою жену и сына въ Сакмару, на что и получилъ разрѣшеніе самозванца. Когда же Хлопуша съ женою и сыномъ пріѣхалъ въ Каргалу и хотѣлъ спросить полковника Мусу Улѣева, поѣдетъ ли за Пугачевымъ, на то Муса сказалъ: «видишь, братъ, дѣло наше худо, и ты собирайся куда глаза глядятъ, а я своего полка не пустилъ ни одного татарина, и все они дома». А какъ свѣдалъ старшина каргалинскій, что тутъ находится Хлопуша, то тотчасъ взялъ его съ женою и сыномъ подъ караулъ: его отправили въ Оренбургъ, а жену съ сыномъ оставили въ Каргалѣ (Гос. Арх. VI, дѣло № 467). По сенценціи секретной коммиссіи, повелѣно было отсѣчь Хлопушѣ голову и для вѣчнаго зрѣнія посадить на колъ, а тѣло предать землѣ.

²⁾ Въ письмѣ отъ 24 марта. Моск. Арх. Гл. Шт., опись 47, кн. VII. См. также соч. Пушкина, изд. 1881. Т. VI, стр. 133: «Побѣда, которую ваше сіятельство одержали надъ мятежниками, возвратила жизнь обитателямъ Оренбурга. Блокированный въ теченіе шести мѣсяцевъ, городъ этотъ былъ обреченъ на ужасный голодъ, а теперь оглашается радостью и жители шлютъ пожеланія благоденствія своему знаменитому освободителю».

дѣвшее конца своимъ бѣдствіямъ. Заслуга эта была велика, и Рейнсдорпъ былъ щедро награжденъ императрицей. «Желая всегда отличать, писала она ¹⁾, и награждать важныя государству и намъ оказанныя услуги, по случаю усерднаго, ревностнаго и твердаго вашего поведенія, во время несчастнаго притѣсненія города Оренбурга клятвопреступниками, ворами и разбойниками, въ знакъ нашего удовольствія посылаемъ къ вамъ знаки нашего ордена св. Александра Невского, повелѣваемъ вамъ оныя на себя возложить и носить. Къ сему еще присовокупляемъ *пятнадцать тысячъ рублей* на покупку лентъ и звѣздъ, изъ принадлежащихъ нашей статсъ-канторѣ доходовъ». Всѣ жители Оренбурга были уволены на два года отъ подушнаго сбора и въ пользу города оставлена на одинъ годъ вся прибыль отъ откупа ²⁾.

Такъ кончилась шестимѣсячная осада города Оренбурга: мятежники были разбѣяны, многія тысячи ихъ содержались арестованными, но прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ Рейнсдорпъ и князь Голицынъ узнали, куда скрылся Пугачевъ послѣ бѣгства изъ Берды.

На другой день послѣ сраженія подъ Татищевой князь Голицынъ узналъ, что Пугачевъ ушелъ въ Берду, а вслѣдъ затѣмъ получилъ извѣстіе, что онъ двигается къ Переволоцкой крѣпости, съ намѣреніемъ пробраться на Яикъ. Желая преградить ему путь въ этомъ направленіи, князь Голицынъ приказалъ подполковнику Бедрягѣ, съ двумя баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами гусаръ и карабинеровъ и десятью орудіями, занять Переволоцкую крѣпость и выслать разѣзды къ Ново-Сергіевской. Черезъ эту послѣднюю проходили дороги изъ Яицкаго и Илецкаго городковъ, и потому прочное занятіе этой крѣпости имѣло весьма важное значеніе. «Пылая усердіемъ и ревностью къ службѣ и не смотря на свои лѣта и слабость здоровья», подполковникъ Милковичъ, по собственному почину, выступилъ изъ Сорочинска, съ 240 человѣками пѣ-

¹⁾ Въ рескриптѣ Рейнсдорпу. Арх. Сената, копія съ Высочайшихъ повелѣній, кн. 207.

²⁾ Высочайшій указъ, отъ 1 мая 1774 года. Онъ напечатанъ у Пушкина. Т. VI, стр. 194 (Приложеніе).

хоты и шестью орудіями, и въ шестомъ часу вечера 26 марта занялъ Ново-Сергіевскую крѣпость ¹⁾.

Обезпечивъ себя въ этомъ отношеніи, князь Голицынъ просилъ генераль-поручика Рейнсдорпа наблюдать за всѣмъ теченіемъ Яика и занять войсками слободы: Бердинскую, Каргалинскую и Сакмарскій городокъ ²⁾. Оренбургскій губернаторъ поручилъ коменданту, генераль - майору Валленштерну, осмотрѣть окрестности города, разослалъ повсюду гонцовъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и освобожденіи Оренбурга, сдѣлалъ распоряженіе о возстановленіи почтъ, но ни Каргалы, ни Сакмары не занялъ солидными отрядами, а ограничился выставкой предъ ними однихъ наблюдательныхъ постовъ. Сакмарскъ онъ занялъ 50 казаками, подъ начальствомъ атамана Донскаго; Каргалу оставилъ вовсе безъ наблюденія, а для полученія свѣдѣній о мятежникахъ командировалъ нѣсколько казаковъ и каргалинскихъ татаръ на губернаторскій хуторъ (отъ города только 12 верстъ) для примѣчанія на тамошнихъ высокихъ мѣстахъ ³⁾. Даже Берда не была занята войсками, а ежедневно посылались туда очень небольшія команды за провіантомъ, которыя приходили и уходили, оставляя слободу безъ всякой защиты. Подъ впечатлѣніемъ неудачъ во время осады, Рейнсдорпъ весьма долгое время оставался въ пассивномъ положеніи и опасался взять на себя инициативу дѣйствій. Посты, выставленные имъ въ тѣхъ пунктахъ, о занятіи которыхъ просилъ князь Голицынъ, были такъ слабы, что не могли задержать самозванца, и онъ успѣлъ воспользоваться оплошностію оренбургскаго губернатора.

Отойдя верстъ сорокъ отъ Берды, Пугачевъ, въ ночь на 24 марта, остановился на хуторѣ Репина, а на слѣдующее утро двинулся на хуторъ Углицкаго, подходя къ коему встрѣтилъ чело-вѣкъ тридцать лыжниковъ, высланныхъ подполковникомъ Бедрагою для развѣдыванія о неприятелѣ. Появленіе ихъ испугало самозванца.

¹⁾ Рапортъ подполковника Милковича А. И. Бибикову 27 марта 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VII.

²⁾ Рапортъ кн. Голицына Бибикову отъ 29 марта. Тамъ же, кн. VIII.

³⁾ Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, изданія 1881 года, стр. 397 (Приложеніе).

— Нѣтъ, дѣтушки, сказалъ онъ, — нельзя намъ тутъ про-
рваться; видно и тутъ много войска; опасно, чтобы не пропасть
намъ всѣмъ.

Повернувъ назадъ, Пугачевъ пошелъ такъ быстро, что бро-
силъ на дорогѣ три пушки, и видя пасмурныя лица своихъ спут-
никовъ, старался ихъ утѣшить.

— Когда намъ въ здѣшнемъ краю не удастся, говорилъ онъ, —
то мы пойдемъ прямо въ Петербургъ, и я надѣюсь, что Павелъ
Петровичъ насъ встрѣтитъ.

Къ вечеру 24 марта самозванецъ и его толпа пришли обрат-
но на хуторъ Репина: дѣла ихъ въ это время были очень плохи.
«Остановившись между горъ и въ снѣжныхъ мѣстахъ», какъ до-
носилъ подполковникъ Милковичъ, и имѣя съ собою весьма малые
запасы продовольствія, Пугачевъ и его сообщники были обложены
лыжниками подполковника Бедряги, за которыми въ крѣпостяхъ
Татищевой, Переволоцкой и Ново-Сергіевской находились болѣе или
менѣе значительныя отряды. Если бы генералъ Рейнсдорпъ занялъ
Каргалу и Сакмарскъ, то Пугачевъ былъ бы окруженъ со всѣхъ
сторонъ и прорваться сквозь такое обложенье ему было бы труд-
но. Естественный вопросъ: что дѣлать? былъ на устахъ каждаго
изъ бѣглецовъ.

— Теперь куда пойдемъ? спрашивалъ Пугачевъ Шигаева и
другихъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ.

— Пойдемъ въ Каргалу, отвѣчали они, — а изъ Каргалы въ
Сакмару.

— Ну, хорошо, а изъ Сакмары-то куда?

— Пойдемъ на Яикъ, а съ Яика на Гурьевъ-городокъ и тамъ
возьмемъ провіанта.

— Да можно ли отсидѣться въ Гурьевѣ, когда придутъ войска?

— Отсидѣться долго нельзя, отвѣчали сообщники.

— Мы изъ Гурьева-городка пойдемъ къ Золотой-мечети, го-
ворилъ казакъ Яковъ Антиповъ.

— Кто же насъ туда проведетъ? спрашивалъ Пугачевъ.

— У насъ есть такой человекъ, отвѣчалъ Антиповъ, — кото-
рый тамъ бывалъ.

— Я бы васъ провелъ на Кубань, замѣтилъ самозванецъ, —

да теперь какъ пройдешь? Крѣпости, мимо коихъ идти надобно, заняты, въ степи снѣга, то какъ пройти!

Всѣ эти совѣщанія ясно свидѣлствуютъ, что ни Пугачевъ, ни его сообщники не знали, на что рѣшиться и не имѣли никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Присутствовавшій на совѣщаніи башкирскій главный атаманъ Кинзя рѣшился вмѣшаться въ разговоръ. Не говоря по-русски, онъ просилъ татарина, яицкаго казака Идорку, быть переводчикомъ.

— Куда вы, государь, насъ теперь ведете и что намѣрены предпринять? спрашивалъ Кинзя Пугачева. — Для чего вы не спрашиваете у насъ совѣта?

— Я намѣренъ, отвѣчалъ самозванецъ, — идти теперь въ Каргалу или въ Сакмарскій городокъ, пробыть тамъ до весны, а какъ хорошее время наступитъ, то пойду на Воскресенскіе Твердышева заводы.

— Если вы туда придете, замѣтилъ Кинзя, — такъ я вамъ тамъ чрезъ десять дней хотъ десять тысячъ своихъ башкирцевъ поставлю.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Пугачевъ.

Итакъ, рѣшено было идти сначала на Каргалу, а потомъ въ Сакмару ¹⁾. Пугачевъ отправилъ воззваніе къ башкирцамъ и письмо къ князю Голицыну, въ которомъ просилъ его подумать, съ кѣмъ воюетъ, напоминалъ ему отца и дѣда, вѣрно служившихъ его мнимымъ предкамъ. Не ожидая, конечно, отвѣта на это письмо и посылая его только для ободренія своихъ сообщниковъ и большаго ихъ убѣжденія въ томъ, что онъ истинный царь, Пугачевъ пошелъ обратно въ Каргалу и 26 марта занялъ ее безъ сопротивленія и совершенно неожиданно. Передовые изъ шайки самозванца вступили въ слободу въ то время, когда тамъ находился братъ атамана Донскаго, высланный изъ Сакмарска всего съ однимъ казакомъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Пугачевцы захватили и ранили этого казака, а братъ Донскаго, повязавъ себѣ

¹⁾ Показанія: Пугачева 4 ноября 1774 года, Максима Шигаева 4 іюня, Ивана Почиталина 8 мая 1774 года. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 506 и 512.

лицо платкомъ, чтобъ его не узнали, успѣлъ уѣхать и дать знать о случившемся въ Сакмарскій городокъ ¹⁾).

Всѣ сообщники самозванца, связанные каргалинскими старшинами и рассаженные по погребамъ, были выпущены. Старшины, которые ихъ сажали, были переколоты и большая часть слободы, преимущественно дома старшинъ, выжжена. Пробывъ въ Каргалѣ около часа и оставивъ здѣсь Тимоѣя Мясникова съ 500 человекъ, Пугачевъ пошелъ въ Сакмарскій городокъ и занялъ его. Узнавъ отъ брата о появленіи мятежниковъ въ Каргалѣ и не говоря объ этомъ своей командѣ, атаманъ Донской объявилъ, что ѣдетъ на встрѣчу князю Голицыну и поскакалъ на Чернорѣченскую крѣпость, а оттуда по Яику въ Оренбургъ ²⁾. Пугачевъ повѣсилъ отца атамана и присоединилъ къ себѣ человекъ сто сакмарскихъ казаковъ, бывшихъ прежде въ его толпѣ и непослѣдовавшихъ за нимъ при уходѣ его изъ Берды.

Недостатокъ въ продовольствіи заставилъ Пугачева еще при выступленіи изъ Каргалы отправить Творогова въ Берду за провіантомъ. Имѣя съ собою отъ 800 до 1,000 человекъ, Твороговъ налетѣлъ на слободу, захватилъ тамъ команду, высланную изъ Оренбурга, разграбилъ многіе дома и съ плѣнными возвратился къ самозванцу съ извѣстіемъ, что въ Берду вступаютъ правительственныя войска. То не были войска, высланныя Рейнсдорпомъ изъ Оренбурга ³⁾, а авангардъ изъ отряда князя Голицына, единственно опаснаго для Пугачева.

Какъ только въ Татищевой было получено точное извѣстіе, что самозванецъ отказался отъ намѣренія пробраться въ Переволочкую крѣпость и повернулъ на Каргалу, князь Голицынъ отправилъ для его преслѣдованія полковника Хорвата съ двумя батальонами пѣхоты, четырьмя эскадронами кавалеріи и съ соотвѣт-

¹⁾ Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, стр. 399 (Приложеніе).

²⁾ Лѣтопись Рычкова. См. соч. Пушкина, т. VI, изд. 1881 года, стр. 399 (Приложеніе).

³⁾ Разграбленіе Берды и непринятіе мѣръ къ ея защитѣ заставили Рейнсдорпа прибѣгнуть ко лжи. Въ своемъ приказѣ онъ писалъ, что будто мятежники прокрались въ Берду во время тумана нечаянно. Но Рычковъ съ ироніей записалъ въ своемъ журналѣ: «могло статься, что въ оной слободѣ былъ туманъ, но въ городѣ во весь сей день никакого тумана не было».

ственнымъ числомъ орудій. Начальникъ отряда писалъ стоявшему въ Орской крѣпости генераль-маіору Станиславскому, чтобъ онъ наблюдалъ за движеніемъ мятежниковъ и разослалъ объявленія и приказанія ловить самозванца. Выступая самъ изъ Татищевой, князь Голицынъ оставилъ въ крѣпости генераль-маіора Мансурова съ тремя баталіонами пѣхоты, пятью эскадронами кавалеріи и достаточнымъ числомъ артиллеріи. Онъ предписалъ ему «имѣть примѣчанія въ здѣшней окружности, чтобы злодѣй не могъ пробраться къ Яику, потомъ слѣдовать на тѣхъ, которые остаются въ Илецкой крѣпости, занять гарнизономъ Татищеву крѣпость, и если зимній путь допустить, то идти и до самаго Яику» ¹⁾).

30 марта, сдѣлавъ форсированный переходъ, князь Голицынъ пришелъ въ Чернорѣченскую крѣпость, гдѣ получилъ рапортъ полковника Хорвата, доносившаго, что онъ занялъ Бердинскую слободу, но двигаться далѣе не можетъ въ виду значительнаго скопленія мятежниковъ въ Каргалѣ и Сакмарскомъ-городеѣ. Онъ писалъ, что въ послѣдніе дни положеніе Пугачева измѣнилось, что къ нему на помощь прибыли двѣ тысячи башкирцевъ и присоединилось много «отчаянной сволочи», такъ что теперь силы самозванца достигли отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. Хорватъ доносилъ, что самозванецъ успѣлъ собрать достаточное количество провіанта и фуража и, засѣвъ въ Сакмарскѣ, намѣренъ защищаться ²⁾).

Торопясь атаковать мятежниковъ и не дать имъ времени устроиться, князь Голицынъ 31 марта перешелъ въ Берду и въ тотъ же день, съ небольшимъ конвоемъ и свитой ³⁾, поѣхалъ въ Оренбургъ на свиданіе съ генераломъ Рейнсдорпомъ. Онъ былъ принятъ населеніемъ съ восторгомъ «при общемъ восклицаніи всѣхъ городскихъ жителей».

«Не могу довольно изъяснить, писалъ князь Голицынъ А. И. Бибикову, сколько городъ Оренбургъ радостно восхищенъ и при-

¹⁾ Рапортъ князя Голицына Бибикову 29 марта 1774 года, № 563. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

²⁾ Рапортъ князя Голицына Бибикову, отъ 3 апрѣля, № 582. Москов. Архивъ Главн. Штаба, опись 47, кн. VIII. См. также лѣтопись Рычкова, Соч. Пушкина, т. VI, стр. 414 (Приложеніе).

³⁾ Тоже.

носить Всевышнему молитвы за здравіе ея величества, что матернимъ ея попеченіемъ избавлены отъ рукъ варварскихъ. Пропитаніе и послѣднее не оставалось, всѣ способы истощены были, голодъ обиталъ въ первомъ градусѣ и надежда потеряна. Таперица изобиліе открывается со всѣхъ сторонъ: изъ сорочинскаго магазина 2,000 пудовъ близко сюда слѣдуютъ, изъ Каргалы отъ меня приказано муки тысячу четвертей изъ отбитаго у злодѣевъ хлѣба отослать скуднымъ обитателямъ сего города, скота также приказано нагнать изъ ближнихъ деревень башкирскихъ».

Пробывъ въ городѣ недолго, князь Голицынъ успѣлъ взять у губернатора нѣсколько пѣхоты, эскадронъ легкихъ драгунъ и до 300 яицкихъ и оренбургскихъ казаковъ, которые хотя и не имѣли лошадей, «но я, доносилъ князь Голицынъ, нашелъ способы изыскать вѣреннаго мнѣ корпуса у гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, усердствуя къ службѣ всемилостивѣйшей государыни, съ крайнею ревностью отдали послѣднихъ своихъ лошадей на истребленіе злодѣевъ».

Въ 2 часа утра, 1 апрѣля, князь Голицынъ выступилъ съ отрядомъ изъ Берды ¹⁾ и шелъ по тремъ дорогамъ, имѣя въ авангардѣ полковника Ю. Бибикова. По извѣстіямъ, въ Каргалѣ было мятежниковъ немного, но когда отрядъ сталъ подходить къ слободѣ, то узнали, что на помощь имъ прибылъ Пугачевъ съ двумя-тремя своей толпы, бывшей въ Сакмарскомъ-городкѣ.

Находясь въ Губерлинскихъ горахъ, среди мѣстности, изрытой рвами и дефилеями, Каргала и ея окрестности представляли множество мѣстъ, удобныхъ для защиты и невыгодныхъ для наступленія. Воспользовавшись силой своей позиціи, мятежники приготовились къ оборонѣ и на дорогѣ «самонужной» и единственно возможной для атаки выставили батарею изъ семи орудій. Огнемъ этихъ орудій пугачевцы пытались остановить наступавшіе въ головѣ отряда: сводный баталіонъ капитанъ-поручика Толстаго и ба-

¹⁾ Г. Анучинъ говоритъ, что князь Голицынъ выступилъ изъ Берды 2 апрѣля (см. *Русскій Вѣстникъ* 1872 г., № 8, стр. 510), но это невѣрно. Въ своемъ рапортѣ (отъ 3 апрѣля, № 582) князь Голицынъ писалъ: «Итакъ, корпусъ могъ выступить изъ Берды 1 апрѣля, пополуночи въ 2 часа».

баталіонъ, составленный изъ легкихъ полевыхъ командъ подполковника Аршеневскаго. Энергическая атака этихъ баталіоновъ скоро заставила мятежниковъ отступить, и они, выходя изъ слободы, стали спускаться къ рѣкѣ Сакмарѣ. Замѣтивъ это, князь Голицынъ тотчасъ же отправилъ полковника Хорвата съ тремя эскадронами Изюмскихъ гусаръ и однимъ карабинеровъ Архангелогородскаго полка, приказавъ ему отрѣзать путь отступленія на Сакмару; но мятежники упорно отстаивали свои позиціи, силы ихъ были весьма значительны, и Хорвату не удалось исполнить даннаго ему порученія.

Вытѣсненные изъ Каргалы баталіонами Толстаго и Аршеневскаго, сообщники самозванца отступили три версты и заняли пильную мельницу, находившуюся на берегу рѣки Сакмары, между Каргалой и Сакмарскимъ-городкомъ. Тогда князь Голицынъ приказалъ полковнику Бибикову занять высоту, лежавшую лѣвѣе дороги, гдѣ и были выставлены подоспѣвшія орудія, шедшія въ хвостъ колонны. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ мятежники обратились «въ наглый бѣгъ» и были преслѣдованы полковникомъ Хорватомъ на протяженіи восьми верстъ. Пугачевъ хотѣлъ удержаться въ Сакмарскѣ, но гусары столь стремительно преслѣдовали бѣгущихъ, что на ихъ плечахъ ворвались въ городъ. «Самозванецъ, доносилъ князь Голицынъ ¹⁾), какъ всегда имѣлъ готовыхъ лошадей къ побѣгу, подхвата четырехъ заводныхъ, бѣжалъ по дорогѣ на Пречистенскую крѣпость. Полковникъ Хорватъ не упустилъ его догонять столько, сколько дозволили силы усталыхъ лошадей, но не могъ достигъ». Толпа Пугачева была окончательно разбита и разсѣяна; мятежники бѣжали въ разныя стороны; «всякій старался какъ бы поскорѣе уйти, говорилъ Максимъ Шигаевъ, отчего и стѣснились такъ, что другъ на друга давили»; многіе прятались по разнымъ мѣстамъ, были отыскиваемы войсками и забираемы въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ были и главнѣйшіе пособники самозванца: Максимъ Шигаевъ, Иванъ Почиталинъ — секретарь Пугачева, Максимъ Горшковъ — привилегированный его

¹⁾ Въ рапортѣ Бибикову, отъ 3 апрѣля 1774 года, № 582. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. VIII.

писарь, Тимоѣй Падуровъ, солдатъ Жилкинъ и многіе другіе ¹⁾. Все число плѣнныхъ простиралось до 2,813 человекъ, убито было 400 человекъ, въ числѣ коихъ, надо полагать, былъ и пропавшій безъ вѣсти предсѣдатель пугачевской коллегіи, старикъ Андрей Витошновъ. Въ Сакмарскѣ захвачено девять пушекъ, одно знамя Симбирскаго баталіона, отбитое у полковника Чернышева, нѣсколько значковъ, весь обозъ, провіантъ и фуражъ. Вся потеря въ отрядѣ князя Голицына не превышала восьми раненыхъ кавалеристовъ.

Съ толпой не болѣе какъ въ пятьсотъ человекъ ²⁾ Пугачевъ бѣжалъ «не кормя, во всю прыть, до Тимашевой слободы. По приѣздѣ въ ту слободу, только-что накормили лошадей, то поскакали опять и приѣхавъ въ Тагилу ночевали». Только теперь опомнился самозванецъ и сталъ считать, кто изъ главнѣйшихъ его приближенныхъ съ нимъ остался и кто отъ него отсталъ. Недосчитавшись многихъ, онъ рѣшился до времени скрываться въ Башкиріи и отправился въ домъ башкирскаго старшины Кинзи ³⁾.

Надежда пробраться въ Яицкій-городокъ была навсегда покинута, такъ какъ на освобожденіе его шелъ уже отрядъ генерала Мансурова.

¹⁾ Показанія Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. Показаніе Ивана Творогова 27 октября 1774 г. Госуд. Арх., VI, дд. №№ 505 и 506. Разсказъ объ этомъ сраженіи, помѣщенный въ запискахъ Пекарскаго (*Москвитянинъ* 1841 г., часть III), не вполне вѣренъ.

²⁾ По показанію Пугачева, у него въ это время было: сто человекъ яицкихъ и илецкихъ казаковъ, сто человекъ заводскихъ мужиковъ и триста человекъ татаръ и башкирцевъ (Показаніе 4 ноября. Госуд. Арх., VI, д. № 512).

³⁾ Рапортъ подполковника Милковича Бибикову, отъ 6 апрѣля 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, книга VIII.

XXI.

Положеніе отряда полковника Симонова въ Яицкомъ-городкѣ. — Переговоры казаковъ съ гарнизономъ ретраншементъ. — Письмо Симонова атаману Каргину и отвѣтъ на него. — Тяжелое положеніе гарнизона. — Прибытіе отряда генерала Мансурова. — Освобожденіе защитниковъ отъ осады. — Кончина А. И. Бибикова. — Возвышеніе Г. А. Потемкина.

Послѣ переговоровъ капитана Крылова съ Аѳанасіемъ Перфильевымъ, ¹⁾ въ Яицкомъ-городкѣ не происходило ничего особеннаго. Обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ, сидя за укрѣпленіями. 9-го марта, полковникъ Симоновъ произвелъ вылазку, но она не увѣнчалась успѣхомъ и онъ снова и на долгое время заперся въ ретраншементѣ.

Ободренные этою неудачею казаки старались, при помощи убѣжденій, склонить гарнизонъ къ сдачѣ, и 14 марта надъ ретраншементомъ поднялся бумажный змѣй, къ хвосту котораго былъ привязанъ конвертъ. Какъ только онъ достигъ извѣстной высоты, нитка была обрѣзана и змѣй упалъ внутрь укрѣпленія. Въ доставленномъ такимъ способомъ письмѣ казаки, отъ имени Пугачева, просили полковника Симонова и его команду удержаться отъ вылазокъ на будущее время, не производить напраснаго кровопролитія и лучше покориться, обѣщая въ противномъ случаѣ *звѣрствою местию* ²⁾. Хотя въ отвѣтъ на это въ собравшуюся толпу и было пущено нѣсколько гранатъ, но положеніе Симонова и его гарнизона въ это время было очень трудное: продовольствія оставалось не болѣе какъ на десять дней и по необходимости пришлось уменьшить его выдачу. Солдатамъ выдавали по четверти фунта муки при изнурительной работѣ. Половина людей была всегда въ ружьѣ, а другой позволялось дремать сидя; «холодъ и голодъ, говоритъ участникъ ³⁾, приводилъ насъ въ отчаяніе, которое съ каждымъ днемъ умножалось». Слухъ, что казаки роютъ

¹⁾ См. главу XV стр. 285.

²⁾ Рапортъ полковника Симонова военной коллегіи 19 мая 1774 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, опись 47, кн. IV.

³⁾ Отечественныя записки, 1824 г., т. XIX.

новый подкопъ подъ комендантскій домъ, крайне беспокоилъ осажденныхъ и гарнизону, при ограниченности пищи, приходилось еще усиленно трудиться надъ рытьемъ рва вокругъ дома, чтобы открыть направлѣніе непріятельскихъ подземныхъ работъ. О вылазкахъ и вообще объ успѣхѣхъ наступательныхъ дѣйствій нечего было и думать, такъ какъ казаки усилили свои завалы прибавкою нѣсколькихъ орудій и зорко слѣдили за осажденными.

Сознавая, что въ самое непродолжительное время гарнизонъ будетъ поставленъ въ безвыходное положеніе, по недостатку продовольствія и истощенію силъ, Симоновъ отправилъ увѣщаніе къ атаману Каргину, въ которомъ требовалъ покорности и прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Каргинъ призвалъ старшинъ и приказалъ писарю Петру Живетину прочитатъ имъ письмо, полученное отъ Симонова. Старшины рѣшили отправить отвѣтъ, составленіе котораго и возложено было на Живетина. Послѣдній, возвратившись въ канцелярію, совѣтовался съ казакомъ Иваномъ Карчагинымъ, «какими бы словами отвѣчать» Симонову, но въ это время подошелъ къ нимъ бѣглый съ Иргиза раскольничій старецъ Гурій, жившій изъ милости и подаваніями отъ двора мнимой царицы Устины.

— Я вамъ напишу, сказалъ Гурій; я знаю тѣ обстоятельства, по какимъ государь лишенъ престола.

Живетинъ и Карчагинъ согласились, но когда Гурій написалъ, то они нашли, что въ письмѣ включены непристойныя слова относительно государыни и потому не рѣшились нести его къ Каргину. Придумывая какъ бы исправить письмо и выдти изъ затруднительнаго положенія, они вспомнили, что въ канцеляріи содержится арестантъ, бѣглый солдатъ Иванъ Мамаевъ, который говорилъ, что онъ служилъ прежде подъячимъ, и слѣдовательно долженъ быть человѣкъ бойкій по письменной части. Живетинъ и Карчагинъ обратились къ Мамаеву съ просьбой прочитатъ письмо, и если нужно, то исправить. Всѣ совѣщавшіеся единогласно рѣшили, что «не должно священную особу государыни такъ поносить, что это не только дурно, но и противно Богу». Непристойныя выраженія Гурія были замѣнены Мамаевымъ новыми, и затѣмъ исправ-

ленное письмо было переписано Живетинымъ и представлено атаману Каргину ¹⁾.

«Всѣмъ уже не безъизвѣстно, сказано было въ этомъ письмѣ, на какихъ основаніяхъ россійское государство лишилось всемилоствѣйшаго своего монарха отъ злодѣевъ нашего вселюбезнаго отечества. Его императорское величество изволилъ всему ящкому войску изъяснить, что въ бытность-де мою въ Ранбовѣ (Ораніенбаумѣ), согласясь ваши *нѣкоторыя, забывъ страхъ и законъ Божій* ²⁾, съ Орловымъ бѣжали въ Петербургъ, объявили ложныя клеветы всей гвардіи на лицо его императорскаго величества. Итакъ, чрезвычайно, изыскался злодѣй Измайловскаго полка майоръ Николай Рославлевъ и оболъстя весь Измайловскій полкъ, привелъ къ присягѣ и весь Петербургъ возмутили, объявляя и изблевая на дражайшаго своего монарха различныя б.....и, съ которыми случаемъ, такимъ же образомъ всю армію обманули, а отъ государя въ Бронштадтѣ ворота затворили, и, вооружась злодѣйски, въ помянутый Бронштадтъ не впустили.

«Итакъ, всепресвѣтлѣйшій государь Петръ Фёдоровичъ, умиленно лишаея своего престола, и донынѣ, подражая дѣду своему Петру Великому, всякіе способы излюбопытствовалъ. А что вы къ намъ пишете, что якобы вамъ закона христіанскаго быть преступниками и своей присяги нарушителями, что оставить свою государыню, на то вамъ и мы отвѣствуемъ: разумѣйте же безумія въ людяхъ и буди нѣкогда умудритесь. Егда всепресвѣтлѣйшая наша государыня императрица Елисавета Петровна отъиде на вѣчное блаженство, всему нашему государству извѣстно, что соизволила скиптръ россійскаго государства вручить природному наслѣднику, великому нашему государю императору Петру Фёдоровичу и все государство наслѣдному своему монарху присягало. И вы не причастны-ли были той же присягѣ? и равнымъ образомъ той же казни Божіей будете достойны, яко отступники и нарушители христіанскаго закона, что изгнаша своего государя

¹⁾ Показанія атамана Каргина, писаря Петра Живетина, Ивана Карчагина и Ивана Мамаева. Госуд. Арх. VI, д. № 460.

²⁾ Курсивомъ набраны, слова написанныя Мамаевымъ, вмѣсто неприличныхъ словъ Гурія.

и вмѣсто закона принявъ на себя ни есть какое беззаконіе ¹⁾).

«Развѣ вамъ дивно, что его же хочетъ Богъ, того и избираетъ на царство, какъ и въ древнихъ родѣхъ учиняемо было, что помазаннаго на царство пророкомъ израильскаго царя Саула, всемогущій Господь съ престола извергъ и вмѣсто (него) поятъ Давида, раба своего. Не избѣжите за сіе страшнаго Божія суда и нашего великаго государя смертоноснаго меча.

«Да полноте насъ страшать и угроживать! Когда у вашихъ солдатъ руки долги и шеи не коротки, такъ въ томъ кому Господь да поможетъ. Мы же страстей вашихъ очень не опасны, а во всемъ уповаемъ на волю сотворившаго насъ Господа. Ежели хотите вы идти противъ насъ, то мы давно милости просимъ, а по вашему предложенію быть ничего въ удовольствіе вамъ не можетъ и переписокъ никакихъ больше принимать черезъ посланныхъ отъ васъ не хотимъ. А отъ государя нашего прислано полное наставленіе, чтобъ съ вами поступать сперва сердечно, похристіански. А видно вы не хотите совсѣмъ его величеству служить и повиноваться, такъ и полно вами болѣе дорожить».

Письмо это атаманъ Каргинъ приказалъ прочитатъ при собраніи старшинъ и сотниковъ, а затѣмъ поручилъ Живетину подписать его и отправить къ полковнику Симонову. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки уговаривали гарнизонъ сдаться; кричали, что всѣ посланные противъ самозванца правительственныя войска разбиты, Уфа, Казань и Самара взяты, а Оренбургъ находится въ крайности. Пользуясь тѣмъ, что многія жены солдатъ находились въ городѣ, казаки уговаривали ихъ склонить своихъ мужей посадить коменданта и офицеровъ въ воду и выходить потомъ изъ крѣпости ²⁾). Съ такою же цѣлью подсылались въ ретраншементъ бѣглые солдаты, погонщики и даже казаки. Всѣ эти убѣжденія хотя и оставались безъ послѣдствій, но полковнику Симонову надо было имѣть много энергіи и употребить много усилій, чтобы удержать гарнизонъ въ полномъ повиновеніи.

¹⁾ Курсивомъ набрано написаное Иваномъ Мамаевымъ, вмѣсто неприличныхъ словъ Гуріѣ.

²⁾ Отечественныя записки, 1824 г., ч. XIX.

13-го апрѣля обороняющійся сѣлъ послѣдніе свои запасы и находился въ полномъ изнеможеніи. Солдаты глодали кости палыхъ лошадей, оставленныя собаками, и употребляли въ пищу мясо лошадей, околѣвшихъ отъ сапа. Когда и этотъ источникъ изсякъ, то стали варить изъ глины подобіе киселя и его ѣли. О близкой помощи не было никакихъ извѣстій и освобожденіе осажденныхъ извнѣ считалось дѣломъ невозможнымъ. Одно убѣжденіе въ томъ, что отъ мятежниковъ нельзя ожидать пощады и что во всякомъ случаѣ приходилось умирать, заставляло защитниковъ ретраншемента предпочесть смерть съ честью, нежели съ измѣною присягѣ.

Между тѣмъ, утромъ 14-го апрѣля караульные, наблюдавшіе съ церкви за всѣмъ, что происходило въ Яицкомъ-городкѣ, дали знать, что среди жителей замѣтно сильное движеніе, что большія толпы казаковъ выходятъ изъ городка, провожаемые женщинами. Это извѣстіе ободрило гарнизонъ и укрѣпило его силы такъ, «какъ будто мы сѣли по куску хлѣба», говоритъ современникъ и участникъ. Очевидно, что одно приближеніе отряда могло вызвать движеніе казаковъ, желавшихъ его встрѣтить впереди городка и не допустить до разоренія своихъ домовъ.

Такъ оно и было.

Узнавъ о приближеніи отряда генераль-маіора Мансурова, атаманъ Овчинниковъ собралъ человекъ 500 казаковъ съ тремя пушками, и вышелъ съ ними изъ городка съ намѣреніемъ остановить Мансурова ¹⁾

Выступивъ двумя отрядами: изъ Татищевой и Новосергіевской крѣпостей и двигаясь внизъ по Яицкой линіи, генераль-маіоръ Мансуровъ, 6-го и 7-го апрѣля, занялъ безъ сопротивленія крѣпости: Озерную, Разсыпную и Илецкій городокъ, въ которомъ захватилъ 14 пушекъ. Бывшая здѣсь толпа мятежниковъ разсыпалась въ разныя стороны, а предводитель ея, атаманъ Чулошниковъ, съ нѣсколькими приближенными усекалъ въ Яицкій-городокъ съ донесеніемъ о приближеніи отряда. Слѣдуя далѣе и под-

¹⁾ Показаніе Никиты Каргина 14 мая 1774 года. Государственный Архивъ, VI, д. № 467 (13).

ходя къ Иртецкому форпосту, находившемуся въ 98 верстахъ отъ Яицкаго-городка, Мансуровъ встрѣтилъ толпу въ 200 человекъ, состоявшую преимущественно изъ яицкихъ казаковъ. Послѣ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ казаки разсѣялись въ разныя стороны и были преслѣдуемы кавалеріею на протяженіи 28 верстъ. «Я теперь нахожусь въ Иртецкомъ форпостѣ, доносилъ Мансуровъ 12 апрѣля ¹⁾, и принужденъ здѣсь завтра имѣть роздыхъ, потому что весь транспортъ мой, будучи на саниахъ, сталъ; здѣсь снѣгъ весь пропалъ и на саниахъ путь продолжать никакъ не можно. Хотя я и послалъ въ Илекъ, чтобы достать тамъ телѣгъ, но въ томъ мѣстѣ столько отыскать невозможно. Ваше сіятельство прошу въ томъ мнѣ приказать помочь и хотя бы кулей до 500 муки, съ пропорціею крупъ, приказать отправить изъ Сорочинской въ слѣдъ за мною, а изъ Самары, за вскрытіемъ рѣкъ, теперь доставить туда пропитаніе способу нѣтъ».

Не ожидая сформированія колеснаго транспорта, Мансуровъ двинулся далѣе, и 15-го апрѣля у тѣснаго прохода на р. Быковѣ, между Генварцевскимъ и Рубежнымъ форпостами, встрѣтилъ Овчинникова съ 500 человекъ яицкихъ казаковъ, 50 калмыками и 5 пушками, «съ малымъ весьма числомъ худыхъ зарядовъ» ²⁾.

Пользуясь всѣми выгодами узкаго прохода, Овчинниковъ намѣренъ былъ задержать отрядъ, но усилія его остались тщетными. Выставивъ на берегу рѣки Быковки семь орудій, генераль-маіоръ Мансуровъ, подъ прикрытіемъ ихъ огня, началъ переправу. Прежде всего переправились три эскадрона кавалеріи, подъ начальствомъ подполковника Бедряги, и яицкій старшина Бородинъ съ своими казаками; затѣмъ переправились: баталіонъ гренадеръ и 160 человекъ егерей. Казаки не выдержали смѣлой атаки подполковника Бедряги, были опрокинуты и преслѣдованы 12 верстъ. Они потеряли сто человекъ убитыми, всѣ свои пушки и 4 хорунги или знамя. «Ежели истинную справедливость отдать кавалеріи, доно-

¹⁾ Въ рапортѣ князю П. М. Голицыну отъ 12 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ Силы Овчинникова опредѣлены самимъ Мансуровымъ, и приводимыя другими авторами мы считаемъ преувеличенными.

силъ Мансуровъ ¹⁾, то она все то сдѣлала, подъ предводительствомъ командира подполковника Бедяги, чего только отъ рода ихъ службы требовать и желать должно; подражалъ примѣру его и старшина яицкій Бородинъ съ своими казаками».

Мятежники были руководимы Овчинниковымъ, Перфильевымъ и Дехтяревымъ; первые двое бѣжали въ степь, и въ послѣдствіи присоединились къ Пугачеву въ Магнитной крѣпости, а послѣдній съ двумя хорунжими былъ захваченъ въ плѣнъ.

Въ тотъ же день вечеромъ изъ укрѣпленія видно было, какъ толпа казаковъ поспѣшно въѣхала въ городокъ и собравшись по набату «въ кругъ» держали совѣтъ: кругъ рѣшилъ связать атамановъ Каргина, Толкачева и семь человекъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей и представить ихъ полковнику Симонову ²⁾. Исполнивъ рѣшеніе круга, казаки направились къ ретраншементу. Осажденные открыли огонь, полагая, что они намѣрены штурмовать укрѣпленіе, но изъ толпы слышались крики, что покоряются императрицѣ и просятъ помилованія. Симоновъ потребовалъ выдачи главнѣйшихъ предводителей, и девять человекъ связанныхъ были переданы въ руки правосудія. При этомъ казаки объявили, что Овчинниковъ и Перфильевъ успѣли бѣжать, а къ дому жены самозванца, Устины, приставленъ караулъ. Связанные были приняты; голодавшій гарнизонъ подкрѣпился пищею, доставленною тѣми же казаками, а на слѣдующее утро, 16-го апрѣля, вступилъ въ Яицкій-городокъ генералъ-маиръ Мансуровъ съ своимъ отрядомъ. Онъ прошелъ въ ретраншементъ черезъ ворота, которыя были заперты и завалены съ 30 декабря 1773 года.

Радость освобожденныхъ отъ осады трудно описать. «Самые тѣ изъ насъ, говоритъ участникъ ³⁾, которые отъ голоду и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все было въ движеніи; разговаривали, бѣгали, благодарили Бога и поздравляли другъ друга». Въ награду мужества и храбрости, оказанныхъ гарнизономъ въ теченіе осады, императрица пожаловала

¹⁾ Въ рапортѣ князю Голицыну отъ 15 апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. IV.

²⁾ Журналъ дѣйствій команды въ Яицкомъ ретраншементѣ. Тамъ же.

³⁾ Отечествен. Записки 1824 г. т. XIX.

полковнику Симонову 600 душъ крестьянъ ¹⁾, и приказала выдать всему гарнизону годовой окладъ жалованья; атаманъ оренбургскаго войска подполковникъ Могутовъ произведенъ въ армейскіе полковники, а старшина яицкаго войска Мартемьянъ Бородинъ — въ армейскіе майоры; обоимъ имъ пожалованы золотыя медали и по тысячѣ рублей каждому ²⁾.

Со вступленіемъ Мансурова въ Яицкій-городокъ, многіе казаки, считавшіе себя почему-либо виновными, оставили свои дома и разбѣжались въ разныя стороны. Съ ними бѣжали и всѣ тѣ безпаспортные и бѣглецы, которые находили всегда пріютъ въ Яицкомъ-городкѣ. Принявъ мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ и вообще къ очищенію окрестностей отъ шайкъ мятежниковъ, Мансуровъ сформировалъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ премьеръ-майора Муфеля и приказалъ ему очистить самарскую и бузулукскую дороги. Отъ Малыковки же вверхъ по Иргизу до Сызранской дороги поручилъ сдѣлать то же самое гвардіи поручику Г. Р. Державину, при которомъ состояла довольно значительная команда, присланная ему изъ Саратова ³⁾.

Донесеніе Мансурова объ освобожденіи Яицкаго-городка не стало въ живыхъ главнокомандующаго, А. И. Бибикова. Онъ получилъ только извѣстія объ освобожденіи Оренбурга и Уфы. «Поспѣшилъ бы я, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ ⁴⁾, прибытіемъ моимъ въ Оренбургъ, если бы приключившаяся мнѣ жестокая болѣзнь меня здѣсь (въ Бугульмѣ) не остановила, которою въ такое изнеможеніе и слабость приведенъ, что не имѣю почти никакого движенія, такъ что едва только могу приказывать находящемуся при мнѣ генераль-майору Ларіонову, который повелѣнія мои подписывая, въ разныя мѣста разсылаетъ и служить мнѣ органомъ всемилостивѣйше возложеннаго на меня дѣла».

¹⁾ Московс. Арх. Глав. Штаба Гарнизонной экспедиціи, опись 27, книга 502, № 58.

²⁾ Указъ императрицы военной коллегіи 13-го іюня 1774 г. Арх. Сената, копія Высоч. повелѣній, книга № 207.

³⁾ Репортъ генераль-майора Мансурова кн. Щербатову, отъ 29 апрѣля 1774 г. Московс. Арх. Глав. Штаба, опись 47, кн. VIII.

⁴⁾ Въ донесеніи отъ 7 апрѣля 1774 г. *Записки Академіи*, т. I, приложение № 4, стр. 65.

По мѣрѣ того какъ отрядъ кн. Голицына подвигался къ Оренбургу, а генераль-маіоръ Мансуровъ двигался по Самарской линіи и очищались крѣпости, занятыя мятежниками, главнокомандующій не имѣлъ надобности оставаться въ Казани и признавалъ болѣе удобнымъ находиться вблизи дѣйствующихъ отрядовъ. Уѣзжая изъ города, А. И. Бибиковъ просилъ казанскаго губернатора фонъ-Брандта вступить въ управленіе частью Оренбургской губерніи впредь до возстановленія дѣятельности оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая, что за разбитіемъ мятежниковъ и дальнѣйшимъ движеніемъ отрядовъ впередъ, могутъ въ тылу ихъ бродить еще небольшія шайки, главнокомандующій для окончательнаго успокоенія края сформировалъ нѣсколько небольшихъ отрядовъ, составившихъ вторую, тыльную линію. Дождавшись прибытія въ Казань генерала князя Щербатова, главнокомандующій поручилъ ему начальство надъ этими отрядами и возложилъ на обязанность его водвореніе окончательнаго спокойствія въ раіонѣ его дѣйствій.

Выѣхавши изъ Казани, А. И. Бибиковъ прибылъ въ Кичуевскій фельдшанецъ, гдѣ и оставался довольно долгое время, работая неустанно надъ распоряженіями по отправленію войскъ и заготовленію для нихъ продовольствія. «Здѣсь, кочуя на Кичуѣ, писалъ онъ А. М. Лунину ²⁾, ничего отрадиѣ мнѣ нѣтъ. Пишу только свободнѣе, никто мнѣ не мѣшаетъ, и пишу не покладывая рукъ. Хожу, когда перестану писать, какъ роженица ожидая разрѣшенія».

Задерживаемыя зимнею непогодою и бездорожьемъ, войска подвигались впередъ довольно медленно и видимаго успѣха въ усмиреніи возстанія тогда еще не было замѣтно. «Куда какъ мнѣ скучно, писалъ главнокомандующій, точная родильница на сносяхъ».

Пребываніе въ Кичуѣ было далеко не привлекательно и А. И. Бибиковъ въ зимнюю пору жилъ почти на бивакѣ. Обозъ съ его

¹⁾ Рапортъ А. И. Бибикова Сенату 8 марта 1774 года. Государствен. Архивъ, VI, д. № 504.

²⁾ Отъ 10 марта 1774 г. *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 384.

вещами не приходилъ, и главнокомандующій испытывалъ многія лишения въ дурномъ и сыромъ помѣщеніи. Постоянно напряженное состояніе духа, выжидательное положеніе, непрерывная работа днемъ и ночью, при самыхъ дурныхъ условіяхъ, надломили здоровье А. И. Бибикова и въ концѣ марта онъ захворалъ. «Лихорадка, посѣтившая меня, писалъ онъ Лунину 28 марта ¹⁾, мучить меня въ сіе время и я неподвижно лежу въ постелѣ». Лишь только болѣзнь ослабла и главнокомандующій почувствовалъ себя бодрѣе, онъ тотчасъ же переѣхалъ въ Бугульму, но переѣздъ этотъ не принесъ ему даромъ. Въ Бугульмѣ болѣзнь его на столько усилилась, что получаемыя радостныя извѣстія о разбитіи мятежниковъ не могли уже возстановить разстроеннаго здоровья. При отсутствіи опытныхъ врачей, А. И. Бибиковъ сознавалъ самъ, что жизнь его близится къ концу. «Si j'avais un seul habile homme, писалъ онъ императрицѣ ²⁾, il m'aurait sauvé, mais hélas je me meurs sans vous voir». Черезъ день послѣ этого письма А. И. Бибикова не стало: онъ скончался 9 апрѣля, въ 12 часовъ дня ³⁾.

Получивъ первыя извѣстія о серьезной болѣзни Александра Ильича Бибикова, императрица просила князя М. Н. Волконскаго немедленно отправить изъ Москвы въ Бугульму извѣстнаго ей доктора Самойловича. «Снабдите его, писала Екатерина ⁴⁾, невзачетъ третнимъ жалованьемъ, дабы не мѣшкая ѣхалъ къ нему (Бибикову) и посмотрѣлъ, не можно-ль какъ-нибудь возстановить здоровье, столь нужное въ теперешнихъ тамошнихъ обстоятельствахъ сего генерала.

«Съ нынѣшнимъ праздникомъ поздравляю васъ и желаю вамъ проводить онаго въ радости, а мнѣ сокрушаетъ вѣсть сегодня полученная о болѣзни Бибикова».

Письмо это было получено княземъ Волконскимъ послѣ извѣстія о смерти главнокомандующаго.

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 387.

²⁾ Отъ 7 апрѣля 1774 года. *Записки Академіи наукъ*, томъ I, приложение № 4, стр. 65.

³⁾ Рапортъ генералъ-маіора Ларіонова кн. Щербатову 9 апрѣля 1774 г. Москов. Архивъ Главнаго Штаба, опись 47, кн. III.

⁴⁾ Князю Волконскому 20 апрѣля 1774 г. *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 109. Письмо это напечатано въ *Москвитянинѣ* 1845 г., № 9, но съ невѣрнаго оригинала.

«По истинѣ, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ ¹⁾, преждевременная смерть сего генерала, а паче въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ потерю немалую; хотя положенное на него дѣло *уже и къ окончанію пришло* (?), но еще много остается, что дѣлать. Я не могу безъ сердечнаго сокрушенія подумать, какъ сей несчастный случай васъ, всемилостивѣйшая государыня, огорчаетъ. Всю здѣсь публику очень опечалило, а меня особливо наиболѣе чувствительнѣйше поразило, будучи съ нимъ всегда пріятель и нынѣ въ частой по дѣламъ перепискѣ, я всегда его почиталъ достойнымъ и надобнымъ человѣкомъ къ службѣ вашей и пользѣ отечеству. Человѣкъ былъ отменныхъ качествъ, генералъ хорошій, честный и безкорыстный».

Немногіе изъ дѣятелей Екатерининскаго времени возбуждали въ себѣ такое сочувствіе при жизни и сожалѣніе послѣ смерти, какое досталось на долю А. И. Бибикова.

«О Бибиковѣ я уже писалъ, говорилъ Платонъ Любарскій въ письмѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскому; теперь нечего; ибо объ немъ или много, или ничего лучше не упоминать. О Бибиковѣ! или бы онъ вѣчно жилъ, или ужъ его никогда на свѣтѣ не было!»

Каждый начальникъ, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ по своему характеру и нравственнымъ качествамъ, всегда будетъ имѣть среди приближенныхъ такихъ лицъ, которыя будутъ сожалѣть о его кончинѣ. Неудивительно поэтому, что Г. Р. Державинъ написалъ оду на смерть Бибикова и что правитель канцеляріи главнокомандующаго, Бушуевъ, въ своемъ письмѣ къ Державину, сожалѣлъ объ уtratѣ начальника, но гораздо важнѣе свидѣтельство тѣхъ лицъ, которыя имѣли весьма рѣдкое сношеніе съ покойнымъ, или не знали даже его въ лицо, а судили по тому впечатлѣнію, которое кончина его произвела на общество.

«Въ прошлую среду, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ ²⁾, дворъ получилъ весьма непріятное извѣстіе о смерти генерала Бибикова. Монархиня и Имперія не могли никогда, особенно же въ настоя-

¹⁾ Отъ 25 апрѣля 1774 г. *Осмадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 110.

²⁾ Графу Суффолькъ въ депешѣ, отъ 26 апрѣля (6 мая) 1774 г. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XIX, стр. 411.

щую минуту, потерпѣть болѣе тяжелой утраты. Его извѣстная честность, его искренній патріотизмъ и его обширныя военныя свѣдѣнія подавали ему заслуженное право на довѣріе его государыни; лишь благодаря его благоразумнымъ и своевременнымъ распоряженіямъ, успѣхамъ настоящаго мятежа была столь быстро воздвигнута преграда.

«Весьма легко можетъ случиться, говорилъ Гуннингъ, что смерть его снова возбудитъ духъ инсургентовъ», и онъ не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Смута затянулась почти на полгода, и, конечно, этого бы не случилось, если бы Бибиковъ оставался распорядителемъ по усмирению возстанія.

Тѣло Александра Ильича, подъ прикрытіемъ эскадрона карabinеровъ, было отправлено изъ Бугульмы въ Казань и поставлено въ придѣлѣ соборной церкви впредь до отправленія, согласно завѣщанію покойнаго, водянымъ путемъ въ костромское его имѣніе ¹⁾.

«Бѣдная жена и дѣти, писала изъ Петербурга жена новгородскаго губернатора Якова Сиверса своему мужу ²⁾, остались въ незавидномъ положеніи: у нихъ нѣтъ состоянія, какъ ты знаешь, а сверхъ того, долги».

То же самое писалъ и князь М. Н. Волконскій императрицѣ. «Но, прибавлялъ онъ ³⁾, вашего императорскаго величества милосердіе — неисчерпаемый кладезъ всѣмъ вашимъ вѣрнымъ подданнымъ, по старинной пословицѣ: за Богомъ молитва, а за государемъ служба не пропадаетъ».

Екатерина пожаловала семейству А. И. Бибикова въ Могилевской губерніи, Оршинской провинціи, мѣстечко Копысь со всѣми принадлежащими къ нему деревнями и угодьями ⁴⁾. Императрица очень сожалѣла о кончинѣ Бибикова и сожалѣніе это было бы еще сильнѣе, если бы она не была занята возвышеніемъ новаго

¹⁾ Рапортъ князя Щербатова военной коллегіи 13-го апрѣля 1774 года. Московскій Архивъ Главнаго Штаба, книга «Опредѣленій», 1774 года, листъ 137.

²⁾ *Записки Академіи наукъ*, т. I, приложение 4, стр. 17.

³⁾ *Осмнадцатый Вѣкъ*, кн. I, стр. 110.

⁴⁾ Указъ Сенату 28 іюня 1774 года. Архивъ Сената. Именные указы 1774 г., книга № 136.

любимца, на котораго могла опереться и на дѣятельность котораго могла положиться.

Безпрерывная борьба придворныхъ партій и интриги, въ которыхъ династическій вопросъ игралъ не послѣднюю роль, заставили Екатерину приблизить къ себѣ такого человѣка, который стоялъ виѣ этихъ партій, былъ ей преданъ, имѣлъ твердый характеръ и по своимъ дарованіямъ могъ стать посредникомъ между интригующими.

Такимъ лицомъ былъ генераль-поручикъ Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Участникъ переворота 28 іюня 1762 года, и будучи въ то время вахмистромъ конной гвардіи, Г. А. Потемкинъ быстро пошелъ потомъ впередъ и скоро сталъ лично извѣстенъ императрицѣ, какъ человѣкъ умный, острый, находчивый, энергичный и обладающій весьма твердымъ характеромъ. «Вы умны, писала ему Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ, вы тверды и непоколебимы въ своихъ принятыхъ намѣреніяхъ. Мнѣ кажется, во всемъ ты не рядовой, но весьма отличаешься отъ прочихъ» ¹⁾).

Пожалованный камеръ - юнкеромъ вскорѣ послѣ вступленія Екатерины на престолъ, Григорій Александровичъ, въ августѣ 1763 года, былъ назначенъ въ Синодъ за оберъ - прокурорскій столъ, «дабы онъ, сказано въ указѣ Синоду ²⁾), слушаніемъ, чтаніемъ и собственнымъ сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что онъ къ пользѣ своей за потребно найдетъ, навывалъ быть искуснымъ и способнымъ» къ занятію мѣста оберъ-прокурора. Съ этою цѣлью въ сентябрѣ того же года была дана Потемкину особая инструкція или наставленіе, которымъ онъ долженъ былъ руководствоваться въ новой его должности ³⁾).

Съ открытіемъ засѣданій комиссіи для составленія новаго уложенія, Григорій Александровичъ явился представителемъ интересовъ инородцевъ. Въ семидесятомъ засѣданіи, 3-го декабря 1767 года, было заявлено въ комиссіи, что депутаты разныхъ

¹⁾ Государственный Архивъ, V, д. № 85.

²⁾ Отъ 19 августа 1763 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*. Бумаги Екатерины, т. I, 316.

³⁾ Тамъ же, стр. 317.

губерній, отъ татаръ и другихъ иновѣрцевъ, «по той причинѣ, что они не довольно знаютъ русскій языкъ, выбрали себѣ опекуномъ двора ея императорскаго величества камеръ-юнкера Григорія Александровича Потемкина ¹⁾).

Послѣдній, 22 сентября 1768 года былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ ²⁾, былъ частымъ собесѣдникомъ Екатерины и на столько пріятнымъ, что возбудилъ ревность графа Григорія Орлова и подъ разными предлогами былъ удаленъ отъ двора.

По своимъ способностямъ, быстротѣ соображеній и по природному уму, Потемкинъ стоялъ выше большинства окружавшихъ императрицу и искалъ себѣ успѣха такимъ путемъ, который былъ непонятенъ для его соперниковъ. «Судя по тому, что я о немъ слышалъ, писалъ сэръ Робертъ Гуннингъ ³⁾, онъ кажется знатокъ человѣческой природы и обладаетъ болѣею проницательностью, чѣмъ выпадаетъ вообще на долю его соотечественниковъ при той же, какъ у нихъ, ловкости для веденія интригъ и гибкости, необходимой въ его положеніи».

Григорій Александровичъ понялъ, что удаленіемъ отъ двора, наружною холодною и равнодушіемъ къ тѣмъ лицамъ, вниманіемъ которыхъ дорожилъ, онъ скорѣе заслужитъ ихъ расположеніе и уже тогда расположеніе это будетъ гораздо прочнѣе, чѣмъ пріобрѣтенное лестью, поклонами и услужливостью. Почти за полвѣка ранѣе Г. А. Потемкинъ руководствовался тѣмъ правиломъ, которое высказано поэтомъ въ стихѣ: *Чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей*. Рѣшившись на-время удалиться отъ двора и искать славы на полѣ брани, онъ, съ открытіемъ воен-

¹⁾ Депутаты эти были: *Казанской провинціи*: отъ крещеныхъ вотяковъ, чувашъ, черемисъ и мордвы; некрещеныхъ вотяковъ и чувашъ, старо-крещеныхъ татаръ, ясашины черемисы; *Сибирской губерніи*: новокрещеные татары; *Вятской провинціи*: татары, приписанные къ адмиралтейству; *Кунгурской провинціи*: ясашины татары и некрещеные черемисы; *Ставропольской провинціи* — новокрещеная мордва; *Уфимской провинціи* — ясашины тебтары; *Исетской провинціи* — ясашины тебтары и бобыли; *астраханскій депутатъ* князь мурза Урусовъ; *Астраханской губерніи* — гилянскіе татары; кизлярскіе татары, кизлярское мѣщанство; *Озіанжской провинціи* — новокрещеные чувашы (см. *Сборникъ Императ. русскаго историческ. общества*, т. VIII, 336).

²⁾ Сенатскій Архивъ. Высочайшія повелѣнія, книга 125.

³⁾ Графу Суффолькъ отъ 4 (15) марта 1774 года. *Сборникъ Императорскаго русскаго историческ. общества*, т. XIX, стр. 407.

ныхъ дѣйствій съ Турціею просилъ о переводѣ вновь въ военную службу, и 23 іюня 1769 года императрица писала графу З. Г. Чернышеву: «нашего камергера Григорія Потемкина извольте опредѣлить въ армію» ¹⁾).

Переименованный въ генераль-маіоры, Потемкинъ тотчасъ же отправился въ Молдавію и Валахію, подъ начальство фельдмаршала гр. Румянцова, и при нападеніи турокъ на нашъ отрядъ при Фокшанахъ *«былъ виновникъ одержанной тутъ победы»*. Впослѣдствіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ поискахъ на города Браиловъ и Журжу, а въ кампанію 1770 г., при движеніи арміи по лѣвому берегу р. Прута, охранялъ съ своимъ отрядомъ «правую той рѣки сторону». Участвуя въ сраженіи 17-го іюня близъ дер. Гермисшты, Г. А. Потемкинъ особенно отличился 7-го іюля въ сраженіи при Ларгѣ, гдѣ, командуя отдѣльнымъ каре, онъ *«былъ изъ первыхъ въ атакѣ укрѣпленнаго тамъ ретраншемента и овладѣніи онымъ»*. Награжденный за это сраженіе орденомъ Св. Георгія 3-й степени, Григорій Александровичъ 21-го іюля находился въ Кагульскомъ сраженіи и своими дѣйствіями весьма много содѣйствовалъ пораженію турецкой арміи. Въ этотъ день, «по важности настоящей нужды и изъ лучшей надежды на его искусство», Потемкинъ былъ посланъ фельдмаршаломъ защищать обозъ и провіантскіе транспорты отъ нападенія многочисленныхъ татарскихъ ордъ, «которые черезъ то удержаны были отъ ограбленія и отъ всякаго предпріятія на тылъ арміи». Получивъ за это дѣло всемиловѣйшее удовольствіе и признательность ²⁾, Григорій Александровичъ, вслѣдъ затѣмъ, находился при овладѣніи Измаиломъ, а при взятіи крѣпости Киліи «имѣлъ первую часть въ корпусѣ кн. Репнина, былъ ему во всѣхъ сихъ побѣдахъ помощникомъ и споспѣшникомъ».

Въ 1771 году, находясь съ отрядомъ въ Банатѣ Краіовскомъ и отразивъ съ успѣхомъ нѣсколько нападеній турокъ, генераль

¹⁾ Арх. Канц. военн. минист. Высоч. повелѣн. 1769 г., кн. 60.

²⁾ См. *Сборникъ Историческаго Общества*, т. X, стр. 429. Въ азбучномъ указателѣ этого тома, благодарность императрицы ошибочно отнесена къ П. С. Потемкину. Послѣдній былъ въ то время еще бригадиромъ и отдѣльнымъ отрядомъ не командовалъ. См. т. XIII, того же *Сборника Историч. Общ.*, стр. 373.

Потемкинъ первымъ переправился черезъ Дунай и 5-го мая овладѣлъ какъ городомъ Цимброу, такъ и непріятельскою флотилією тамъ находившеюся. Затѣмъ, двигаясь черезъ крѣпость Турно на соединеніе съ корпусомъ кн. Репнина, Григорій Александровичъ выдержалъ нападеніе превосходнаго въ силахъ непріятеля, разбилъ турокъ и соединился съ княземъ Репнинымъ близъ Бухареста.

По истеченіи срока перемирія, въ 1773 году, и послѣ разрыва мирнаго конгресса въ Бухарестѣ, Потемкинъ опять-таки первый открылъ кампанію. Въ самое суровое время года онъ двинулся къ Дунаю, переправился черезъ рѣку, произвелъ цѣлый рядъ поисковъ и удержалъ тѣмъ турокъ у Силистріи и Туртукая. Лѣтомъ того-же года, когда главная армія подошла къ переправѣ черезъ Дунай и когда на противоположномъ берегу турки готовились ее встрѣтить на Гуробальскихъ высотахъ, Потемкинъ съ отрядомъ переправился 7-го іюня черезъ Дунай и вмѣстѣ съ генераламъ Вейсманомъ, обходившимъ турокъ съ противоположнаго фланга, разбилъ непріятеля, овладѣлъ всѣмъ его лагеремъ и всею артиллерією. 12-го іюня, подходя къ Силистріи, онъ содѣйствовалъ побѣдѣ, подоспѣвъ на поле сраженія съ кавалерією и легкими войсками. Опрокинувъ непріятеля и преслѣдуя бѣгущихъ, Потемкинъ «отнялъ весь лагерь и артиллерію всего турецкаго корпуса, выведеннаго изъ города сераскиромъ Османъ-пашою». Оставаясь у Силистріи, Григорій Александровичъ командовалъ передовымъ отрядомъ, переносилъ «всѣ наибольшія трудности и опасности», выбилъ турокъ 18-го іюня изъ передовыхъ укрѣпленій и затѣмъ, когда предпринято было отступленіе, онъ, прикрывая переправу армія, послѣдній перешелъ на лѣвый берегъ Дуная.

Осенью 1773 года графъ Румянцовъ, предпринимая дѣйствія за Дунаемъ и желая вмѣстѣ съ тѣмъ удержать значительную часть турокъ въ Силистріи, избралъ Потемкина начальникомъ отряда, блокирующаго эту крѣпость, какъ человека энергичнаго и съ установившеюся уже военною репутацією. «Со всей охотой, отвѣчалъ Григорій Александровичъ ¹⁾), желаю я исполнить волю ва-

¹⁾ Въ письмѣ графу Румянцову отъ 26 октября 1773 г. Воен.-учен. Архивъ, отд. I, д. № 99.

шого сіятельства, и съ радостію останусь, гдѣ угодно будетъ меня опредѣлить. Что касается до полковъ, то я бы желалъ Орловскій, Козловскій и Ярославскій всегда съ собою имѣть, а прочіе три куда прикажете; они хотя числомъ людей и велики, только я ихъ не желаю. Я за толикое вниманіе наичувствительнѣйше благодаренъ вашему сіятельству».

Такимъ образомъ, всю осень этого года Потемкинъ провелъ со своимъ отрядомъ на островѣ противъ Силистріи. Не смотря на суровость погоды и убійственныя климатическія условія, онъ почти ежедневно бомбардировалъ крѣпость ¹⁾, отражалъ вылазки и «нанося туркамъ превеликій вредъ и страхъ, облегчалъ всѣ тѣ дѣйствія, что въ глубь земли непріятельской за Дунаемъ, тогда посланными войсками отъ другихъ частей, производимы были».

Находясь въ такомъ положеніи, Григорій Александровичъ Потемкинъ совершенно неожиданно получилъ собственноручное письмо императрицы.

«Господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ! писала Екатерина ²⁾),—вы, я чаю, столь упражнены глазѣньемъ на Силистрію, что вамъ некогда письма читать; и хотя я по сию пору не знаю, предупреди-ли ваша бомбардирада, но тѣмъ не меньше я увѣрена, что все то, что вы сами предприимаете, ничему иному приписать не должно, какъ горячему вашему усердію ко мнѣ *персонально* и вообще къ любезному отечеству, котораго службу вы любите. Но какъ съ моей стороны я весьма желаю ревностныхъ, храбрыхъ, умныхъ и искусныхъ людей сохранить, то васъ прошу *по пустому не вдаваться въ опасности*. Вы, читавъ это письмо, можетъ стать ся сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли *подтвержденіе моего образа мыслей объ васъ; ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна*».

Зная образъ мыслей императрицы, Потемкину, по свойственной ему проницательности, не трудно было понять съ какою

¹⁾ Арх. Канц. воен. министр. Высоч. повелѣн. кн. № 69. См. также Сѣв. арх. 1826 г. ч. XIV, стр. 164.

²⁾ Отъ 4 декабря 1773 г. *Сборникъ Императорск. русскаго историческ. общества* т. XIII, стр. 373.

цѣлью было написано письмо, и онъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ. Въ январѣ 1774 года онъ прибылъ въ столицу, и какъ въ то время императрица, противъ обыкновенія, была въ Царскомъ Селѣ, то Потемкинъ и просилъ князя Орлова доложить ей о своемъ прибытіи. Въ тотъ же день онъ получилъ отвѣтъ, что Екатерина желаетъ его видѣть. Въ пять часовъ пополудни слѣдующаго дня Григорій Александровичъ былъ приглашенъ во внутренніе покои, и съ этого момента началось его возвышеніе. Конечно, не безъ согласія Екатерины онъ, 27 февраля, передалъ Стрекалову слѣдующее всеподданнѣйшее письмо:

«Всемиловитѣйшая государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для службы вашей; не щадилъ ея отнюдь, гдѣ только былъ случай къ прославленію высочайшаго имени. Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ никогда о своемъ состояніи, и если видѣлъ, что мое усердіе соотвѣтствовало вашего императорскаго величества волѣ, почиталъ уже себя награжденнымъ. Находясь почти съ самаго вступленія въ армію командиромъ отдѣльныхъ и въ непріятелю всегда близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному всевозможнаго вреда, въ чемъ ссылаюсь на командующаго арміею и на самихъ турковъ. Отнюдь не побуждаемъ я завистью къ тѣмъ, кои моложе меня, но получили лишніе знаки высочайшей милости, а тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь-ли я въ мысляхъ вашего величества меньше противъ прочихъ достоинъ? Симъ будучи терзаемъ принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, просить, если служба моя достойна вашего благоволенія и когда щедрота и монаршая милость ко мнѣ не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ меня *въ генералъ-адъютанты вашего императорскаго величества*. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я при му за верхъ моего счастья, тѣмъ паче, что находясь подъ особливимъ покровительствомъ вашего императорскаго величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вникая въ оныя, сдѣлаюсь вѣще способнымъ къ службѣ вашего императорскаго величества и отечества».

«Я просьбу вашу нашла столь умѣренною, отвѣчала Екатерина, въ разсужденіи заслугъ вашихъ, мнѣ и отечеству учинен-

ныхъ, что я приказала заготовить указъ о пожалованіи васъ генераль-адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами».

1-го марта 1774 г. генераль-поручикъ Потемкинъ былъ назначенъ генераль-адъютантомъ.

«Во-первыхъ, скажу вамъ вѣсть новую, писала Екатерина Александру Ильичу Бибикову ¹⁾. Я прошедшаго марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбѣ и желанію, къ себѣ взяла въ генераль-адъютанты; а какъ онъ думаетъ, что вы, любя его, тѣмъ обрадуетесь, то сіе къ вамъ и пишу. А кажется мнѣ, что по его ко мнѣ вѣрности и заслугамъ немного для него сдѣлала, но его о томъ удовольствіи трудно описать; *а я глядя на него веселюсь, что хотя одного человека совершенно довольнаго около себя вижу*».

«При дворѣ, писалъ графъ Сольмсъ въ депешѣ королю прусскому, начинаетъ разыгрываться новая сцена интригъ и заговоровъ. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшагося изъ арміи, своимъ генераль-адъютантомъ, а это необыкновенное отличіе служить вмѣстѣ съ тѣмъ признакомъ величайшей благосклонности, которую онъ долженъ наследовать отъ Орлова и Васильчикова. Потемкинъ высокъ ростомъ, хорошо сложенъ, но имѣетъ непріятную наружность, такъ какъ сильно косить. Онъ извѣстенъ за человека хитраго и злаго и потому новый выборъ императрицы не можетъ встрѣтить одобренія».

Прибытіе Потемкина въ Петербургъ и быстрое его возвышеніе было совершенно неожиданно для многихъ, и даже для родныхъ. Никто не подозрѣвалъ о существованіи переписки между имъ и императрицею, и когда Григорій Александровичъ заявилъ, что въ армію больше не поѣдетъ, то первое время никто не могъ объяснить причины тому. «На другой день рано (т.-е. 1 марта) былъ у матушки вашей Дарьи Васильевны, писалъ Потемкину Іосифъ Сатинъ ²⁾, и что вы мнѣ изволили приказывать, что ваше превос-

¹⁾ Въ письмѣ, отъ 7 марта 1774 г. *Сборникъ Император. русскаго Историческ. Общества*, т. XIII, стр. 395. *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 396.

²⁾ Отъ 3 марта 1774 г. *Государственный Архивъ*, XI, № 946.

ходительство въ армію не поѣдете и скоро пришлете за обозомъ курьера, докладывалъ. И какъ матушка, такъ зять вашъ и сестрица сему случаю недомыслятся основанія, къ чему ваше удержаніе въ С.-Петербургѣ назначено, то и меня о томъ съ великимъ прошеніемъ спрашивали, чтобъ я сказалъ, ежели знаю; но мнѣ, не зная, сказать было нечего».

Скоро недоразумѣнія разъяснились и товарищи по арміи спѣшили поздравить его съ новымъ назначеніемъ. Одни ограничивались простымъ поздравленіемъ, а другіе присоединяли и просьбицу. «Такъ какъ всѣ сказываютъ, писалъ В. Левашевъ ¹⁾, что вы пожалованы генераль-адъютантомъ, то я васъ съ тѣмъ и имѣю честь поздравствовать отъ искренняго сердца и притомъ сказать, что я этому не очень радъ, по причинѣ того, что я васъ не буду видѣть, живучи такъ далеко и имѣвъ такъ рѣдкіе способы ѣздить въ Петербургъ. Я же скоро ѣду въ армію: разсудите, каково ѣхать изъ Москвы мнѣ, которому здѣсь очень весело и ѣхать не хочется; однимъ словомъ, ѣхать приходится. Однако, можетъ быть, я уже такъ долго пишу, что васъ и беспокою; для того и конецъ письму, желая только, чтобъ вы меня любили по старому и знали, что я не шутя вашъ вѣрный слуга».

На томъ же самомъ письмѣ находилась приписка отъ Матвѣя Муромцева.

«Что я не пишу особливаго письма, то простишь, а присоединяю и мое поздравленіе при семъ же письмѣ отъ господина оберъ-повѣсы. Ты можешь себѣ представить, Григорій Александровичъ, сколько преданнѣйшіе твои, между коими и азъ многогрѣшный, обрадованъ твоему благополучію и сколько усердно поздравляю. Правда, что и я скажу вмѣстѣ съ Левашевымъ, что жаль, что не будемъ вмѣстѣ. Вотъ, голубчикъ, ты и достигъ къ тихому пристанищу, да только наше дитятко неумичиво, чтобы опять военная кровь не разыграла!..»

На этотъ разъ предположенія Муромцева не оправдались и Потемкинъ не думалъ о возвращеніи въ армію. Новый любимецъ становился твердою ногою между интригующими партіями и посте-

¹⁾ Отъ 9 марта 1774 г. Гос. Архивъ, XI, № 946.

пенно приобреталъ все большую силу и значеніе. Двѣ недѣли спустя послѣ пожалованія званія генераль-адъютанта, Григорій Александровичъ Потемкинъ, 15 марта, былъ назначенъ подполковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка ¹⁾). Императрица была на столько занята возвышеніемъ своего фаворита, что въ тотъ же день писала Бибикову ²⁾): «Друга вашего, Потемкина, весь городъ опредѣляетъ быть подполковникомъ въ полку Преображенскомъ. Весь городъ часто лжетъ, но сей разъ я весь городъ во лжи не оставляю и вѣроятіе есть, что тому быть такъ. Но спросишь: какая нужда мнѣ сіе къ тебѣ писать, на что отвѣтствую—для забавы. Если бы здѣсь былъ не сказала бы, но прежде нежели получишь сіе письмо, дѣло уже сдѣлано будетъ. Такъ не замай же: я первая вамъ скажу; меня увѣряютъ, что оно вамъ не противно, а кто увѣряетъ не скажу».

Назначеніе подполковникомъ ясно указывало всѣмъ на прочность положенія Г. А. Потемкина, и искателей его покровительства явилось еще болѣе. М. Муромцевъ просилъ дать ему мѣсто и избавить отъ службы въ генеральномъ штабѣ ³⁾; Иосифъ Сатинъ — исходатайствовать пожалованіе ему въ Полоцкой провинціи староства Сыцкова; князь Юрій Трубецкой—устроить его такъ, «чтобъ я жилъ съ тобою поближе; сдѣлай сіе скорѣе и знай, что я, почтя и полюбя тебя безо всякой твоей степени, навсегда уже, конечно, чтить и любить тебя буду» ⁴⁾).

«Всеусердно, писалъ князь Алексѣй Волконскій ⁵⁾, имѣю честь поздравить господина подполковника Преображенскаго полка, а притомъ отъ искренняго сердца желаю, чтобы господинъ полковникъ (императрица) въ вамъ милостивъ былъ.

«При семъ прилагаю письмо, а притомъ и достойное вамъ въ похвалу сочиненіе отъ общаго нашего пріятеля Н. Н. Папанило, который отъ радости вашего благополучія столь восхищенъ

¹⁾ Указъ Преображенскому полку. Арх. Сената, копія Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

²⁾ Въ письмѣ, отъ 15 марта 1774 г. *Сборникъ Императ. русскаго Историческ. Общества*, т. XIII, 396. *Русск. Арх.* 1866 г., стр. 397.

³⁾ Письма М. Муромцева, отъ 27 апрѣля и 18 іюня 1774 года.

⁴⁾ Письмо кн. Юрія Трубецкаго, отъ 19 марта 1774 года.

⁵⁾ Въ письмѣ, отъ 31 марта 1774 года.

и весель, чтобъ я желалъ, чтобъ вы самолично его видѣть изволили, тѣмъ паче, какъ онъ васъ много любитъ.

«Мыза моя Каменный-носъ стоитъ праздно, а ежели ваше превосходительство въ свободное время и иногда разсудите отъ дѣлъ успокоиться, то-бъ я охотно тѣмъ служить вашему удовольствію почелъ бы за милость вашего ко мнѣ благодѣянія, о чемъ отъ меня и писано въ Петербургъ».

Такъ искали расположенія новаго любимца не только бывшіе его друзья, но и многія лица совершенно ему незнакомыя. Потемкинъ получилъ нѣсколько хвалебныхъ стиховъ, прославлявшихъ его подвиги и заслуги, и императрица была права, говоря, что городъ былъ занятъ новымъ подполковникомъ. Говоръ въ столицѣ еще болѣе усилился, когда узнали, что прежній фаворитъ А. С. Васильчиковъ выѣхалъ изъ дворца.

«Г. Васильчиковъ, писалъ Робертъ Гуннингъ ¹⁾, любимецъ, способности котораго были слишкомъ ограничены для пріобрѣтенія вліянія въ дѣлахъ и довѣрія своей государыни, теперь замѣненъ человѣкомъ, обладающимъ всѣми задатками для того, чтобы овладѣть тѣмъ и другимъ въ высочайшей степени».

Объ партіи: великаго князя Павла Петровича, во главѣ которой стоялъ графъ Никита Панинъ, и партія Орловыхъ были поражены и недовольны новымъ выборомъ. Зная, съ одной стороны, энергію и самостоятельный характеръ Г. А. Потемкина, а съ другой—«нерадѣніе къ дѣламъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему придется встрѣчаться»—онѣ предвидѣли, что дѣла пойдутъ инымъ путемъ и предчувствія ихъ скоро оправдались.

Понимая, что графъ Н. Панинъ, по своей преданности и любви къ великому князю, по защитѣ его наслѣдственныхъ правъ никогда не будетъ близокъ императрицѣ, Потемкинъ счелъ для себя удобнымъ перейти временно на сторону этой партіи. «Перемѣна любимца, писалъ графъ Сольмсъ ²⁾, повидимому, не тревожитъ Панина. Напротивъ того, мнѣ кажется, онъ доволенъ ею и надѣется извлечь изъ нея нѣкоторыя выгоды. Болѣе всего онъ раз-

¹⁾ Графу Суффолькъ 4 (15) марта 1774 года. *Сборникъ Историч. Общ.*, т. XIX, стр. 405.

Въ депешѣ отъ 7 марта. *Русскій Архивъ*, 1873 г., № 2, стр. 125.

считываетъ на то, что это событіе повлечетъ за собою паденіе Орловыхъ и уменьшить вліяніе князя Григорія Григорьевича на императрицу. Генералу Потемкину, при его молодости и умѣ, будетъ легко занять въ сердцѣ императрицы мѣсто Орлова, послѣ коего она чувствуетъ пустоту, которую не умѣлъ пополнить Васильчиковъ. Пока еще Потемкинъ не имѣетъ ни довѣрія, ни партіи, ни друзей. Если для пріобрѣтенія тѣхъ и другихъ онъ будетъ придерживаться графа Панина, то скорѣе будетъ хорошо, чѣмъ дурно. Очевидно, что съ нѣкотораго времени графъ Панинъ имѣетъ видъ болѣе довольный, чѣмъ прежде. Онъ сталъ смѣлѣе говорить о тѣхъ предложеніяхъ, которыя намѣренъ сдѣлать императрицѣ и чаще бываетъ на ея частныхъ бесѣдахъ».

Оказывая болѣе чѣмъ прежде вниманія великому князю, Екатерина также льстила тѣмъ графу Никитѣ Панину, довольному всѣмъ тѣмъ, что способствовало уменьшенію власти Орловыхъ.

«Не думаю, писалъ Гуннингъ ¹⁾, чтобы графъ Захаръ Чернышевъ испыталъ подобное же удовольствіе, увидя въ такомъ положеніи человѣка, на столько превосходящаго его въ хитрости и ловкости».

Неудовольствіе графа Чернышева усилилось, когда, 5-го мая, Потемкину повелѣно было засѣдать въ государственномъ совѣтѣ ²⁾; 30 мая онъ былъ назначенъ помощникомъ графу З. Чернышеву въ званіи вице-президента военной коллегіи ³⁾, а 31-го мая—генералъ-губернаторомъ Новороссійской губерніи и войскъ тамъ поселенныхъ главнымъ командиромъ ⁴⁾.

Быстрота, съ которою возвышался Потемкинъ, и милость къ нему императрицы вызвали протестъ со стороны князя Г. Г. Орлова и его партіи. По поводу послѣднихъ назначеній между Екатериною II и княземъ Орловымъ «произошло нѣчто болѣе простаго объясненія, а скорѣе горячее столкновеніе», послѣ котораго Орловъ былъ такъ разстроенъ, «какъ еще никогда не видали» ⁵⁾.

¹⁾ Гр. Суффолькъ 7 (18) марта 1774 г. Сб. Ист. Об., т. XIX, стр. 408.

²⁾ Въ книгѣ «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. I, стр. IX, мѣсяцъ и число назначенія Потемкина членомъ совѣта пропущены.

³⁾ Указъ Сенату 30 мая 1774 г. Арх. Сената. Именные указы, кн. 136.

⁴⁾ Указъ Сенату 31 мая 1774 г. Тамъ же.

⁵⁾ *Сборникъ Императорск. русскаго историч. общества*, т. XIX, стр. 416.

Дѣло его было проиграно и кн. Орловъ рѣшился удалиться отъ двора: онъ просилъ объ увольненіи его на пять недѣль въ деревню. Іюня 6-го онъ получилъ это разрѣшеніе, и въ тотъ же день графъ Захаръ Чернышевъ объявилъ военной коллегіи высочайшее повелѣніе, чтобы Г. А. Потемкинъ былъ зачисленъ въ штатномъ воинскомъ армейскомъ спискѣ ¹⁾.

Отпуская Орлова, Екатерина писала Потемкину ²⁾: «только одно прошу не дѣлать—не вредить и не стараться вредить князю Орлову въ моихъ мысляхъ, ибо я сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человѣка, котораго бы онъ болѣе мнѣ хвалилъ и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ до самаго пріѣзда твоего, какъ тебя; а если онъ свой порокъ имѣетъ, то ни тебѣ, ни мнѣ непригоже ихъ разславить. Онъ тебя любилъ, а мнѣ они друзья—я съ ними не разстанусь».

Въ концѣ іюля Г. А. Потемкинъ былъ назначенъ начальникомъ всей легкой кавалеріи и иррегулярныхъ войскъ ³⁾. Будучи вице-президентомъ военной коллегіи и пользуясь полнымъ довѣріемъ императрицы, онъ былъ единственнымъ докладчикомъ по военному министерству. Устраненіе отъ наиболее важныхъ дѣлъ графа Захара Чернышева заставило послѣдняго просить объ увольненіи его отъ званія президента военной коллегіи и отъ прочихъ должностей.

«Съ сожалѣніемъ, писала Екатерина гр. Чернышеву отъ 23-го августа ⁴⁾, усмотрѣла я изъ письма вашего, что ослабѣвающія ваши силы препятствуютъ вамъ по извѣстной ревности и усердію къ службѣ продолжать оную съ надлежащимъ раченіемъ и

¹⁾ Арх. Сената. Копія Высочайшихъ повелѣній, книга 207.

²⁾ Государственный Архивъ, V, № 85.

³⁾ Подъ его начальство поступили: *легкая кавалерія*: Сумскій, Сербскій, Волжскій, Венгерскій, Изюмскій, Харьковскій, Острогоскскій, Ахтырскій гусарскіе полки; Смоленскій конный; Воронежскій, Володимірсскій, Борисоглѣбскій и Астраханскій драгунскіе полки. *Казачьи войска*: Моздокскій казачій полкъ, Волжское, Астраханское, Донское, Оренбургское и Яицкое войска; Хоперскій казачій полкъ, казачьи полки, находившіеся: въ Азовѣ, Таганрогской крѣпости, Кизлярѣ и крѣпости св. Димитрія; Чугуевскій и Тобольскій казачьи полки (см. ордера Г. А. Потемкина полковымъ командиромъ 4-го и 5-го августа за № 21—47. Моск. Архивъ Главнаго Штаба).

⁴⁾ Государственный Архивъ, XI, № 343.

вниманіемъ — суть причиною, побуждающею васъ желать и просить увольненія васъ отъ должности президента военной коллегіи и отъ прочихъ комиссій.

«Снисходя на сіе, я приказала послать о томъ указъ въ Сенатъ, съ котораго прилагается здѣсь точная копія ¹⁾. Согласно же съ прочимъ въ письмѣ вашемъ изложеннымъ поручаю вамъ, какъ назначенную вамъ дивизію, такъ и въ управленіе ваше объ Бѣлорусскія губерніи съ надѣяніемъ, что вы, по мѣрѣ вашихъ силъ, не оставите имѣть объ оныхъ надлежащее стараніе и попеченіе. Для поправленія же вашего здоровья позволяю вамъ находиться въ тѣхъ мѣстахъ Имперіи нашей, гдѣ вы для того за полезное усмотрите».

Съ увольненіемъ президента военной коллегіи, Г. А. Потемкинъ сталъ полнымъ распорядителемъ по военной части и забралъ въ свои руки большую часть распоряженій по усмиренію возстанія.

Алфавитный указатель именъ, упомянутыхъ въ текстѣ.

- Абдулъ, татаринъ. 134.
 Аблай, киргизъ. 136.
 Аверинъ, П. И. 59, 61.
 Аверкіевъ, Григорій, подпрапор-
 щикъ. 109, 135, 146.
 Агеевъ, Ахметъ, старшина. 327.
 Азбаевъ, башкирецъ. 336.
 Алашеевъ, баталіонный командиръ.
 64.
 Алексѣевъ, капитанъ. 259.
 Альвей, башкирскій старшина. 85.
 Амановъ, башкирецъ. 1, 2, 3.
 Андреевъ, священникъ. 193.
 Аничковъ, Дмитрій (Баталинъ тожъ),
 ворянинъ. 318, 319.
 Антиповъ, Яковъ, казакъ. 115,
 81.
 Антоновъ, Андрей, дяконъ. 372.
 Антоновъ, Лаврентій, священникъ.
 372.
 Антонъ, Ульрихъ, Брауншвейгскій.
 171.
 Анучинъ, Д. 3, 30, 46, 79, 172,
 173, 179, 233, 293, 295, 299, 385.
 Араловъ, Илья, атаманъ. 127, 142,
 189, 190, 191, 192, 228, 250, 252,
 261, 263, 292, 299.
 Арбековъ, маіоръ. 307.
 Аршеневскій, подполковникъ. 93,
 300, 302, 386.
 Астафьевъ, маіоръ. 95, 156.
 Асѣвъ, Аренкулъ. 256.
 Айчувакъ, султанъ. 77.
 Бабаевъ, сержантъ. 83.
 Базаровъ, поручикъ. 321.
 Балахонцевъ, капитанъ. 190, 249.
 Баннеръ, генералъ. 96.
 Баяновъ, Осипъ, казакъ. 374.
 Баятышъ-Каменскій, Н. Н. 51, 154.
 Барановъ, казакъ. 6, 10.
 Бартеневъ, П. И. 160, 161, 164.
 Баталинъ, См., Аничковъ, Дмитрій.
 Бауеръ, генералъ. 166.
 Бахматовъ, поручикъ. 202.
 Бахманъ, унтеръ - шхитмейстеръ.
 196.
 Башаринъ, капитанъ. 120, 121.
 Башмаковъ Михаилъ Никитичъ.
 195, 204, 207, 253, 329, 330, 345.
 Байковъ, поручикъ. 259.
 Бедряга, подполковникъ. 255, 256,
 258, 259, 303, 379, 380, 381, 393,
 394.
 Безпаловъ, Петръ, приказчикъ. 115.
 Бергъ, генералъ. 228.
 Бестужевъ, помѣщикъ. 234.
 Бецкій. 57.
 Бибиловъ, А. И., генералъ-аншефъ.
 67, 165, 166, 167, 168, 169, 170,
 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177,
 178, 180, 202, 203, 204, 214, 222,
 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230,
 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237,
 239, 241, 242, 243, 244, 246, 247,
 248, 249, 250, 251, 252, 253, 257,
 259, 260, 261, 262, 265, 291, 292,
 293, 296, 297, 300, 303, 304, 305,
 309, 310, 311, 312, 323, 324, 326,

328, 329, 330, 331, 333, 338, 341, 342, 347, 350, 351, 354, 357, 358, 359, 360, 368, 370, 372, 380, 384, 385, 386, 388, 395, 396, 397, 398, 399, 406, 408.

Бибиковъ, Василій, полковникъ. 204, 205, 328, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 348, 350, 351, 352, 354.

Бибиковъ, Юрій. 178, 247, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 293, 294, 299, 300, 302, 303, 308, 386.

Билдинъ, казакъ. 134, 142.

Билловъ, баронъ, бригадиръ. 20, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30.

Благово, Анна Алексѣевна. 217.

Боголюбовъ, Леонтій, крестьянинъ. 364.

Боковъ, Петръ, казакъ. 6.

Болтай, яицкій казакъ. 1.

Борисовъ, Иванъ, ямской управитель. 371.

Борисовъ, уфимскій воевода. 123, 312, 315.

Болдыревъ, Аеанасій, ротмистръ. 244.

Бородинъ, Андрей. 12, 112, 114, 116, 117, 282, 283.

Бородинъ, Григорій. 8, 10, 11, 373, 374, 376.

Бородинъ, Иванъ, писарь. 41, 42, 43.

Бородинъ, Мартемьянъ. 5, 21, 88, 89, 90, 393, 394, 395.

Бородинъ, Ѳеодоръ. 269.

Брандтъ, фонъ, казанскій губернаторъ. 49, 51, 52, 53, 64, 93, 94, 95, 96, 97, 105, 125, 130, 132, 151, 156, 157, 183, 184, 195, 207, 212, 224, 225, 226, 227, 258, 266, 396.

Браунъ, генералъ. 305.

Брейтигамъ, капитанъ. 83.

Брюсъ, графъ. 57.

Брюхачевъ, сержантъ. 223.

Бурновъ, Иванъ, казакъ. 17.

Бурцовъ, Тимофѣй, дячекъ. 372.

Буткевичъ, капитанъ. 209.

Буткевичъ, прапорщикъ. 193, 257.

Бутримовичъ, капитанъ. 205.

Бушуевъ, Алексѣй. 257, 398.

Бычковъ, А. Ѳ., академикъ. 19.

Бѣлобородовъ, Наумъ. 137, 203, 328, 332, 333, 335, 336, 337, 344, 346, 348, 349, 350, 351, 370.

Бѣловъ, сержантъ. 78.

Бѣлоглазовъ, урядникъ. 80.

Бѣлоносковъ, сотникъ. 115, 117.

Бѣлосельскій, князь. 57.

Валленштернъ, генералъ - майоръ. 30, 47, 111, 112, 286, 380.

Варачевъ, капитанъ. 289.

Варенцовъ, сотникъ. 336.

Варистедтъ, майоръ. 94, 95, 96, 98, 99, 104.

Васильевъ, Иванъ, писарь. 142, 373.

Васильевъ, Кирилл, священникъ 83, 84.

Васильчиковъ, камеръ-юнкеръ. 56, 57, 406, 410.

Веловскій, майоръ. 18, 19.

Веніаминъ, казанскій архіепископъ. 50, 66, 154, 155, 183, 229, 251.

Венцель, коллежскій совѣтникъ. 202.

Веревкинъ, воевода Исетской провинціи. 216, 217, 218, 222, 241 253, 355, 360.

Веригинъ, Ѳеодотъ Михайловичъ. 51

Вернеръ, генералъ. 171.

Верхоланцевъ, Дементій, писарь. 335.

Вейсманъ, генералъ. 403.

Визинъ, Фонъ, Д. И. 57, 248, 249, 253.

Витошновъ, казакъ. 8, 9, 10, 12, 26, 115, 137, 374, 387.

Волеговъ, Яковъ. 344.

Волжинскій, поручикъ. 102, 103.

Волковъ, атаманъ. 200.

Волконскій, Алексѣй, князь. 408.

Волконскій, князь, адъютантъ л. гв. коннаго полка. 178.

Волконскій, М. Н. князь 52, 53, 59, 61, 62, 67, 93, 109, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 169, 179, 223, 224, 249, 303, 305, 397, 399.

Воронинъ, капитанъ. 265.

Вороновъ, прапорщикъ. 120.
 Владиміровъ, Петръ. 283.
 Бульфъ, подполковникъ. 125, 126.
 Бырубовъ, Петръ, капитанъ. 364.
 Вяземскій А. А., князь. 57, 65,
 68, 97, 130, 132, 169, 177, 185,
 187, 307, 337, 343, 345.
 Гагринъ, маіоръ. 327, 328, 329,
 330, 331, 332, 333, 344, 348,
 349, 351, 357, 370.
 Герасимовъ, Иванъ. 129, 130,
 70, 273.
 Герасимовъ, Петръ, казакъ. 129,
 30, 131, 132, 133.
 Гибзановъ, калмыкъ. 374.
 Гирифельдъ, поручикъ. 304.
 Глядкоуъ, секундъ-маіоръ. 235.
 Голицынъ, князь, вице-канцлеръ.
 57.
 Голицынъ, П. М. кн. 178, 247,
 254, 260, 261, 262, 265, 285, 291,
 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299,
 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306,
 327, 373, 377, 378, 379, 380, 382,
 383, 384, 385, 386, 387, 393, 394,
 396.
 Голицынъ, князь, фельдмаршалъ.
 57.
 Голосницкій, Михайло, подпору-
 чикъ. 231.
 Горловъ, Трифонъ, казакъ. 374,
 376,
 Горшковъ, Максимъ, казакъ. 13,
 17, 137, 138, 139, 142, 145, 187,
 188, 290, 386.
 Готовицкій, прапорщикъ. 259.
 Григорьевъ, сержантъ. 93.
 Гриневъ, подполковникъ, 93, 261,
 264, 291, 292, 299.
 Гротъ, Я. К., академикъ. 92, 97,
 99, 100, 101, 153, 232, 252, 265.
 Грязновъ, Иванъ, атаманъ. 203,
 216, 220, 222, 351, 352, 353, 361,
 Губановъ, казакъ. 123, 319, 324.
 Губановъ, надзиратель. 202.
 Губинъ, Иванъ, казакъ. 271.
 Гулаева, вдова прокурора. 217.
 Гуннингъ, Робертъ, серж. 166, 167,
 306, 398, 399, 401, 409, 410.
 Гурій, старецъ. 389, 391.

Давилинъ, казакъ. 4, 5, 8, 20,
 108, 139.
 Давыдовъ, Гаврила, крестьянинъ,
 депутатъ. 138, 327.
 Даллеровскій, Францъ, маіоръ. 47.
 Данненбергъ, генераль-маіоръ. 339,
 340, 342, 343.
 Деколонтъ, генераль-поручикъ. 68,
 70, 72, 96, 100, 112, 117, 122,
 150, 151, 179, 223, 224, 287, 288,
 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357,
 358, 359, 360, 368, 369, 370, 371,
 372, 373.
 Демаринъ, полковникъ. 116, 117,
 118.
 Демидовъ, Семенъ, ссыльный. 19,
 34.
 Демидовъ, Евдокимъ, 84.
 Денисовъ, Илья, полковникъ. 242,
 243.
 Дербетева, ханша. 252.
 Дербетевъ, калмыкскій старшина.
 85, 134, 264.
 Державинъ, Г. Р. 54, 173, 178,
 234, 249, 251. 252, 262, 395, 398.
 Дехтаревъ, яицкій казакъ. 394.
 Дирисенъ, генераль-маіоръ. 32.
 Дмитріевъ, Потапъ, казакъ. 13.
 Долгоносовъ, поручикъ. 81.
 Долгополовъ, купецъ. 135.
 Долгополовъ, сержантъ. 2.
 Долгоруковъ, В. М., князь. 62, 67.
 Долгоруковъ, князь, полковникъ.
 300, 301.
 Дондуковъ, князь. 307.
 Донской, атаманъ. 41, 43, 380,
 382, 383.
 Дружининъ, Иванъ, казакъ. 214.
 Дубовъ, казакъ. 5, 12.
 Дуленковъ, казакъ. 203.
 Дурново, капитанъ. 333. 350.
 Дуровъ, коллежскій регистраторъ.
 123, 314.
 Дусали, султанъ. 115, 270.
 Дюковъ, Ив. Игн., купецъ. 313,
 314.
 Дьячковъ, управляющій. 347.
 Евсѣевъ, Еремѣй, казакъ. 245.
 Евсѣевъ, Матвѣй, капраль. 361,
 362.

Екатерина II, Императрица. 56, 58, 59, 65, 119, 160, 167, 223, 232, 233, 234, 241, 244, 315, 338, 359, 368, 369, 397, 400, 405, 406, 410, 411.

Елагинъ, маіоръ. 260, 261, 264, 265, 295.

Елагинъ, полковникъ. 19, 21, 25, 27.

Елагинъ, сенаторъ. 57.

Елизавета Петровна, Императрица. 143, 144, 390.

Емакъ-Сарай, старшина. 78.

Ергучевъ, казакъ. 132.

Есиповъ, маіоръ. 36.

Ефремовъ, атаманъ. 64.

Жереховъ, писаръ. 275.

Живетинъ, Петръ, пономаръ. 270, 271, 280.

Живетинъ, писаръ. 389, 390, 391.

Жилкинъ, Иванъ, солдатъ. 126, 127, 387.

Жолобовъ, маіоръ. 367.

Жоновъ, Василій, хорунжій. 142.

Жубринскій, Павелъ, унтеръ-шихт-мейстеръ. 336, 337.

Забиръ, киргизецъ. 1, 21.

Заворотковъ, Иванъ, маіоръ. 216, 363, 365.

Завьяловъ, есаулъ. 200.

Заевъ, премьеръ-маіоръ. 69, 112, 118, 119, 120, 121, 228.

Зарубинъ, Иванъ (Чика), казакъ. 3, 6, 9, 17, 28, 84, 91, 92, 101, 102, 114, 115, 124, 130, 143, 145, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 214, 215, 216, 308, 310, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 324, 326, 327, 330, 331.

Звѣревъ, Иванъ, сержантъ. 126, 127, 191.

Звѣревъ, Клементій, староста. 196.

Зегелинъ, прусскій министръ. 55.

Зейфертъ, маіоръ. 71.

Зиновьевъ, оберъ-прокуроръ. 57.

Зряховъ, секретаръ. 178.

Зубовъ, маіоръ. 377, 378.

Зубовъ, прокуроръ. 325.

Зубринскій, Павелъ, есаулъ. 349, 350.

Зыряновъ Александръ. 362, 365.

Ивановъ, Андрей, священникъ. 191, 198.

Ивановъ, Данило, священникъ. 201, 202.

Ивановъ, Дмитрій, крестьянинъ. 84.

Ивановъ, Илья, священникъ. 317.

Ивановъ, Федоръ, священникъ. 205.

Ивановъ, прапорщикъ. 249.

Игельстромъ, Оттонъ, баронъ. 62.

Игнатъевъ, Р. Г. 317, 320.

Идорка, татаринъ. 1, 115, 382.

Изюмовъ, Илья, сотникъ. 138.

Ильинъ, полковникъ. 261.

Исаевъ, подпоручикъ. 289.

Иткинъ, Батыркай. 197, 203, 205.

Іакинфъ, архимандритъ. 363.

Калмыковъ, капитанъ. 109.

Калмыковъ, солдатъ. 134, 140.

Камешковъ, капитанъ. 120.

Кандауровъ, подполковникъ. 307, 308.

Карамзинъ, Михайло, капитанъ. 82.

Каргизъ, Никита, казакъ. 273, 274, 280, 282, 284, 388, 389, 390, 392, 394.

Кардашевскій, капитанъ. 254, 255, 323, 324, 326.

Карташевъ, поручикъ. 104.

Карчагинъ, Иванъ, казакъ. 389.

Каръ, генераль-маіоръ. 49, 62, 63, 64, 66, 68, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 110, 111, 113, 150, 151, 153, 154, 155, 156, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 241.

Каховскій, генераль-поручикъ. 67.

Кашкинъ - Самаровъ, башкирецъ. 122, 123.

Кайгородовъ, капралъ. 118,

Квапшинъ - Самаринъ, капитанъ. 296.

Кидрясъ, старшина. 327.

Кинзя, старшина. 78, 86, 134, 382.

Кириловъ, Алексѣй, крестьянинъ. 43.

Киселевъ, помощникъ надзирателя. 202.

Кобеко. 54.
 Кожевниковъ, Степанъ, казакъ. 3, 8, 11.
 Кожинъ, полковникъ. 310, 311.
 Козьминъ, С. М. 165, 173.
 Кокшарскій Гаврило, дячокъ. 372.
 Колесниковъ, Сидоръ. 82.
 Колесниковъ, Степанъ, солдатъ. 25, 28.
 Колесниковъ, регистраторъ. 217.
 Колесниковъ, Аванасій, священникъ. 204, 205.
 Коноваловъ, Василій. 373, 374.
 Копѣчкинъ, старшина. 85.
 Коротковъ, посадскій. 190.
 Корфъ, бригадиръ. 30, 32, 77, 78, 79, 80, 81, 100, 106, 110, 111, 116, 286.
 Костянъ, поручикъ. 347.
 Костицынъ, Иванъ, оставной сержантъ. 34.
 Кочуровъ, Алексѣй, казакъ. 12.
 Кочуровъ, Кузьма, казакъ. 3, 8.
 Кочелевъ, поручикъ. 178, 256, 259.
 Кошуновъ, Федоръ. 350.
 Краевичъ, капитанъ. 247.
 Красильниковъ, поручикъ. 94.
 Красильниковъ, Тимофѣй. 79.
 Краузе, майоръ. 29.
 Кречетниковъ, П., генераль-майоръ. 67, 68, 96, 169, 185, 186, 187, 306, 307, 308.
 Кротковъ, казакъ. 186.
 Крушинъ, Яковъ, есаулъ. 41.
 Крыловъ, капитанъ. 7, 8, 267, 269, 284, 388.
 Крыловъ, солдатъ. 107.
 Кубарь, Яковъ, мордвинъ. 271, 272, 273.
 Кудашевъ, предводитель толпы. 202.
 Кудрявцевъ, А., майоръ. 82.
 Кудрявцевъ, Яковъ, фурьеръ. 231.
 Кузнецова, Устинья. 267, 277, 280, 282, 283, 284, 389, 394.
 Кузнецовъ, Егоръ. 373.
 Кузнецовъ, Иванъ, предводитель шайки. 139, 197, 198, 203, 215.

Кузнецовъ, Петръ, казакъ. 277, 278, 279, 282, 328.
 Куклинъ, Осипъ, сержантъ. 126.
 Куликовъ, Демидъ, солдатъ. 35.
 Курловъ, сержантъ. 346.
 Куроѣдовъ, Данило, прапорщикъ. 82.
 Кутузовъ, поручикъ. 190.
 Лазаревъ, подполковникъ. 241, 242, 347.
 Ларионовъ, генераль-майоръ. 230, 234, 293, 294, 308, 309, 310, 311, 312, 395, 397.
 Лебедевъ, Петръ, священникъ. 363.
 Лебедевъ, писарь. 361.
 Левашевъ, В. 407.
 Левашовъ, Сергѣй, капитанъ. 231.
 Лепехинъ, академикъ. 85.
 Лесковский, поручикъ. 292.
 Лецкий, оберъ-комендантъ. 213.
 Логиновъ, казакъ. 376.
 Лодыгинъ, капралъ. 319, 320.
 Лопатинъ, майоръ. 193.
 Лопатинъ, поручикъ. 116.
 Лукинъ, Иванъ, священникъ. 205.
 Лунинъ, А. М. 244, 311, 396, 397.
 Лунинъ, капитанъ. 178.
 Лутухинъ, Петръ, концеляристъ. 203, 214, 331.
 Лысовъ, Дмитрій, казакъ. 7, 8, 10, 11, 12, 115, 140.
 Любарскій, Платонъ, архимандритъ. 51, 154, 156, 182, 185, 398.
 Ляховъ, Петръ, капитанъ. 82.
 Мавринъ, Савва, капитанъ-поручикъ. 28, 178, 181, 184, 226, 227.
 Макаровъ, предводитель дворянства. 233, 234.
 Макрушниковъ, Федотъ, крестьянинъ. 365.
 Максимовъ, поручикъ. 218.
 Мальцевъ, Михаилъ, атаманъ. 214, 328, 331, 333.
 Мамаевъ, Иванъ. 389, 391.
 Мансуровъ, генераль-майоръ. 178, 243, 253, 262, 265, 285, 291, 292, 293, 294, 296, 300, 302, 304, 308, 384, 387, 388, 392, 393, 394, 395, 396.

Масловъ, коллежскій ассесоръ. 339, 341, 342.

Масоловъ, капитанъ. 296.

Матисъ, поручикъ. 324.

Матюнинъ, Гаврило, капитанъ. 231, 235.

Мельгуновъ, Алексѣй, титулярный совѣтникъ. 231.

Мендей, черемисскій старшина. 85.

Меншиковъ, Антипъ. 350.

Мертвецовъ, капитанъ. 193.

Мершиловъ, майоръ. 325.

Метлинъ, коллежскій ассесоръ. 339.

Меодій, астраханскій архіепископъ. 275.

Мизиновъ, Андрей, казакъ. 181.

Микляевъ, секретарь. 264.

Милковичъ, надворный совѣтникъ. 264.

Милковичъ, подполковникъ. 379, 380, 381.

Миллеръ, академикъ. 127.

Миллеръ, генераль - майоръ. 50, 51, 53.

Миллеръ, кунгурскій воевода. 204, 206, 207, 209, 330,

Миллеръ, полковникъ. 62.

Мирошкинъ, Иванъ, казакъ. 133.

Митрофановъ, Василий, казакъ. 368.

Митрофанъ, тверской архіерей. 36.

Митрясовъ, Петръ, казакъ. 41,

Михайловъ, Иванъ, священникъ. 41, 42, 43.

Михайловъ, Кирилла, крестьянинъ. 258.

Михельсонъ, Ив. Ив., подполковникъ. 308, 311, 312, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327.

Могутовъ, подполковникъ и атаманъ. 31, 46, 47, 88, 89, 90, 395.

Можаровъ, воевода. 258.

Мойсеевъ, майоръ. 123.

Молоствовъ, Василий, майоръ. 47.

Молоствовъ, Дмитрій, подполковникъ. 231.

Мордвиновъ, адмиралъ. 57.

Мордовцевъ, Д. 27, 51, 99, 303.

Морсошниковъ. 350.

Москвинъ, ассесоръ. 345.

Москотинъевъ, поручикъ. 295.

Мостовщиковъ, старшина. 268, 269.

Муразагуловъ, старшина. 87.

Муромцевъ, Матвѣй. 407, 408.

Мусса-Алиевъ, татаринъ. 134.

Муфель, подполковникъ. 93, 249, 250, 251, 395.

Мясниковъ, Тимоѣй, казакъ. 5, 17, 383.

Мясѣдовъ, коллежскій совѣтникъ. 31, 47.

Мясѣдовъ, полковникъ. 123, 194, 312, 319, 320, 323.

Нагаевъ, капониръ. 320.

Нагайбакъ, старшина. 193.

Надыровъ, старшина. 105.

Наталья Алексѣевна, великая княгиня. 59, 149, 338.

Наумовъ, Александръ, поручикъ. 231.

Наумовъ, Иванъ, сержантъ. 248.

Наумовъ, секундъ-майоръ. 6, 8, 23, 48, 74, 75, 76, 286.

Незоровъ, Наумъ, хорунжій. 217, 218, 219, 222,

Цевѣровъ, протопопъ. 314.

Неклюдовъ, майоръ. 256, 258, 259, 304.

Немировъ, атаманъ. 79.

Неулыбинъ, Иванъ, казакъ. 281.

Нечаевъ, капитанъ. 29.

Николаевъ, Дмитрій, сержантъ. 3, 4, 10, 12, 27.

Никушинъ, Семень, крестьянинъ. 222.

Новиковскій, Аѳанасій, казакъ. 13, 14.

Нормотскій, Никаноръ, капраль. 231.

Норовъ, Иванъ, майоръ. 47.

Носковъ, Андрей, казакъ. 200, 201.

Нуръ-Али, киргизъ-кайсацкій ханъ. 1, 2, 21, 23, 185, 186.

Обернибѣсовъ, полковникъ. 310, 312.

Обуховъ, директоръ таможи. 31.

Овчинниковъ, Андрей, казакъ. 7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 39, 45, 90, 91, 92, 102, 104, 114, 115, 133, 134, 136, 146, 147, 148, 267, 270, 275, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 304, 307, 392, 393, 394.

Одоевскій, Иванъ Васильевичъ, князь. 267.

Одоевскій, князь, полковникъ. 300, 301.

Озеровъ, подпоручикъ. 347.

Окутинъ, старшина. 2, 6, 7, 8, 9.

Олсуфьевъ, капитанъ. 296.

Орловъ, А. Г., графъ. 129, 130, 133, 147, 149.

Орловъ, Г. Г., князь. 67, 143, 167, 168, 237, 406, 410, 411.

Осиповъ, Иванъ, священникъ. 73.

Оскинъ, черемисъ. 336.

Османъ-паша. 403.

Охлебининъ. 337, 339, 340, 341, 342, 346.

Павель Петровичъ, Великий Князь, Наслѣдникъ. 54, 56, 58, 59, 87, 119, 133, 143, 149, 150, 248, 338, 364, 381, 409.

Падуровъ, сотникъ. 24, 25, 26, 28, 29, 30, 43, 88, 89, 90, 134, 137, 290, 374, 375, 387.

Палласъ, академикъ. 11, 13, 19, 25.

Панинъ, Никита, графъ. 55, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 64, 160, 173, 237, 238, 240, 409, 410.

Панинъ, П. И., графъ. 116, 117, 159, 160.

Панкинъ, Степанъ. 91.

Пановъ, фурьеръ. 119, 120.

Пантелеймоновъ, Иванъ, протопопъ. 204.

Папафило. 408.

Паргачевъ, предводитель шайки. 348, 349, 350.

Пасмуровъ, капитанъ. 323.

Пассекъ, генералъ. 57.

Пастуховъ, капитанъ. 313.

Пекарскій, П. П., академикъ. 127, 377.

Пекарскій, майоръ. 102, 123, 313, 314.

Перскій, майоръ. 258.

Перфильевъ, Аѳанасій, сотникъ. 129, 130, 131, 132, 133, 146, 147, 148, 149, 150, 170, 267, 274, 284, 388, 394.

Пестеревъ, атаманъ. 363, 364, 365, 366, 367, 368.

Петровъ, крестьянинъ. 188, 364.

Петръ I, Императоръ. 167, 390.

Петръ III, Императоръ. 4, 13, 83, 103, 125, 130, 131, 180, 191, 194, 195, 218, 220, 239, 240, 262, 269, 279, 284, 344, 349, 362, 364, 365, 368, 390.

Пироговскій, поручикъ. 201.

Пироговъ, майоръ. 340.

Плахута, капитанъ. 256.

Племянниковъ, майоръ. 191.

Плотниковъ, Григорій, протопопъ. 370.

Плотниковъ, Савелій, казакъ. 129, 130.

Повало-Швейковский, майоръ. 93.

Подхолимовъ, Степанъ, солдатъ. 42.

Полстоваловъ, поручикъ. 272.

Полубояриновъ, курьеръ. 180.

Полянский, Иванъ, священникъ. 38.

Пономаревъ, казакъ. 109.

Поповъ, капитанъ. 209.

Поповъ, подполковникъ. 328, 329, 333, 334, 357.

Поповъ, прокуроръ. 209, 212.

Портновъ, Лазарь, атаманъ. 13, 14, 15, 16, 17.

Посоховъ, поручикъ. 205.

Потаповъ, генералъ - майоръ. 63, 243, 244, 245, 246.

Потемкинъ, Григорій Александровичъ. 269, 388, 400, 401, 402, 403, 404, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412.

Почиталинъ, Иванъ, казакъ. 4, 6, 10, 12, 27, 44, 89, 110, 116, 137, 138, 139, 143, 146, 187, 188, 272, 278, 280, 298, 300, 373, 376, 386, 387.

Почиталинъ, Яковъ, казакъ. 3, 7, 8, 11, 270, 277.

Пугачевъ. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 35, 37, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 52, 63, 65, 67, 68, 69, 72, 73, 74, 77, 78, 79, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 96, 99, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 109, 110, 113, 115, 116, 118, 119, 120,

121, 124, 127, 128, 129, 131, 135,
136, 137, 139, 140, 141, 143, 145,
146, 147, 148, 149, 150, 152, 154,
156, 165, 168, 169, 170, 173, 175,
178, 179, 180, 184, 185, 193, 194,
195, 199, 219, 220, 221, 224, 225,
226, 227, 228, 229, 237, 238, 239,
242, 243, 244, 245, 246, 249, 251,
255, 263, 267, 268, 271, 272, 273,
274, 275, 276, 277, 278, 279, 280,
281, 282, 283, 284, 288, 290, 291,
292, 294, 295, 296, 297, 298, 299,
300, 301, 302, 303, 305, 306, 307,
308, 316, 324, 328, 335, 337, 351,
361, 363, 365, 369, 373, 375, 376,
378, 379, 380, 381, 382, 383, 384,
385, 386, 387, 388, 394.

Пушкаревъ, майоръ. 339.

Пушкаревъ Оедоръ, подпоручикъ.
217, 218, 219.

Пушкинъ, А. С. 20, 34, 38, 45,
64, 121, 127, 128, 134, 137, 150,
165, 269, 271, 287, 377, 380, 384.

Пушкинъ, секундъ-майоръ. 295.

Пьяновъ, Денисъ, казакъ. 270, 279,
282, 283.

Радзивиль, князь. 62.

Ражевъ, Михаилъ, атаманъ. 361,
363, 364.

Разумовскій, К. Г., графъ. 57, 167,
178.

Решинъ, казакъ. 375, 380, 381.

Реппинъ, Н. В., князь. 402, 403.

Реслеинъ, медикъ. 63.

Рейнсдорпъ, генераль. 20, 21, 22,
23, 24, 29, 30, 31, 33, 34, 37, 41,
44, 47, 48, 49, 64, 66, 68, 70, 71,
73, 74, 75, 76, 77, 80, 85, 86, 89,
93, 95, 106, 110, 111, 112, 113,
121, 128, 150, 151, 246, 266, 285,
286, 288, 376, 377, 378, 379, 380,
383, 384, 396.

Романиусъ, генераль. 167, 172.

Рооде, надворный совѣтникъ. 341,
343.

Роткинъ, Мурзакъ, старшина. 327.

Ружевскій, капитанъ. 110.

Рукинъ, майоръ. 245, 246.

Румянцевъ, графъ, П. А. 54, 55,
61, 172, 351, 359, 360, 402, 403.

Руничъ, отставной майоръ. 173.

Рыжій, Иванъ. 283.

Рычковъ, академикъ. 29, 33, 34,
38, 45, 47, 88, 105, 121, 127, 128,
130, 243, 287, 376, 377, 380, 383,
387.

Савиничъ, капитанъ. 193.

Сазоновъ, Осипъ, атаманъ. 371.

Салмановъ, майоръ. 371, 372.

Сальдернъ, посолъ. 58, 59.

Самодуровъ, казакъ. 92.

Самойловичъ, докторъ. 397.

Сантъ, графъ, поручикъ. 259.

Сатинъ, Иосифъ. 406, 408.

Свербѣевъ, коллежскій ассесоръ.
218, 219.

Семеновъ, майоръ. 109.

Серебрецовъ, казакъ. 85.

Сиверсъ, новгородскій губернаторъ.
93, 399.

Симоновъ, полковникъ. 2, 3, 6,
9, 10, 13, 21, 23, 48, 97, 114, 132,
133, 148, 185, 246, 267, 268, 269,
270, 271, 276, 281, 282, 284, 388,
389, 391, 394, 395.

Ситниковъ, Гаврило. 196, 197.

Ситниковъ, казакъ. 133.

Ситный, Матвѣй. 276, 280, 281.

Скалонъ, генераль-майоръ. 357.

Скирмантовъ, Иванъ, майоръ. 47.

Скобочкинъ, Данило, казакъ. 137.

Скугаревскій, прапорщикъ. 259.

Собакинъ, Василій, подпоручикъ. 178.

Собовъ, капитанъ. 93, 247.

Сокольниковъ, коллежскій совѣт-
никъ. 339, 340, 342.

Соловьевъ, майоръ. 292.

Солодовниковъ, Иванъ, казакъ. 73.

Солонопековъ, Алексѣй, горный офи-
церъ. 204.

Сольмсъ, графъ. 406, 409.

Ставровъ-Милуковъ, статскій со-
вѣтникъ. 31, 47.

Станиславскій, генераль-майоръ. 71,
118, 121, 122, 151, 384.

Степановъ, Петръ, священникъ. 82.

Степановъ, солдатъ. 109.

Степинъ, Игнатій, староста. 363.

Стрекаловъ. 405.

Ступишинъ, нижегородскій губернаторъ. 224.

Ступишинъ, полковникъ. 81, 85.

Суворовъ, А. В., генераль. 351, 359, 360.

Сукинъ, Ѳеодоръ. 19, 28, 75, 76, 106, 111.

Суринъ, капитанъ. 18, 19, 24.

Суторминъ, Яковъ, сотникъ. 121.

Суффолькъ, графъ. 166, 306, 398, 401, 409, 410.

Суошъ, сотникъ. 105.

Тангаичъ, татаринъ. 115, 116.

Таракановъ, есаулъ. 363.

Татищевъ, поручикъ. 102.

Твороговъ, Иванъ. 16, 17, 20, 134, 137, 138, 139, 290, 374, 375, 383.

Тевкелевъ, маіоръ. 51, 192.

Терскій, старшина. 186.

Тимашевъ, коллежскій совѣтникъ. 31, 36, 37, 47, 266, 267, 286.

Тихановскій, маіоръ. 258.

Токрановъ, Иванъ. 283.

Толкачевъ, Михайлъ. 115, 116, 148, 267, 268, 269, 270, 271, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 283, 284.

Толкачевъ, Петръ, казакъ. 3.

Толстой, Александръ, капитанъ-поручикъ, 231.

Толстой, капитанъ-поручикъ. 178, 300, 302, 385, 386.

Толстой, Николай, полковникъ. 231.

Томиловъ, управитель Окуневскаго дистрикта. 361.

Торновъ, атаманъ. 259, 326.

Тоузаковъ, коллежскій ассесоръ. 242.

Траубенбергъ, генераль-маіоръ. 85, 130, 132.

Трубецкой, Юрій, князь. 408.

Труняшевъ, атаманъ. 308.

Туровъ-Туровъ, старшина. 245.

Турчаниновъ, заводчикъ. 347.

Тюпеевъ, старшина. 325, 327.

Тютчевъ, Сергѣй, секундъ-маіоръ. 231, 326, 327.

Уваровъ, А., графъ. 19, 28, 32, 75, 106.

Углецкій, атаманъ. 106, 107.

Уключениновъ, хорунжій. 289.

Ульяновъ, Илья, казакъ. 115, 197, 198, 310, 324, 326.

Улѣвъ, Мусса. 378.

Ураковъ, князь. 105.

Усаевъ, Кавзафаръ. 128, 202, 203, 214, 331.

Ушаковъ, Михайло, подполковникъ. 47.

Фадѣевъ, маіоръ. 372.

Фалькъ, академикъ. 13, 19, 85.

Фегезакъ, бригадиръ. 93, 94, 264.

Фефиловъ, поручикъ. 372.

Фейерваръ, бригадиръ. 69, 70, 71, 371.

Филимоновъ, атаманъ. 275.

Филисовъ, подполковникъ. 300, 301.

Фишеръ, маіоръ. 347, 350.

Фофановъ, Андрей, казакъ. 3, 7.

Фофановъ, Иванъ, казакъ. 133, 142, 143, 274, 283.

Фреймапъ, генераль-маіоръ. 62, 92, 97, 101, 104, 150, 153, 154, 155, 157, 167, 183, 192, 193, 194, 228, 254, 257, 261, 296, 300, 301, 302, 304.

Фридрихъ, Августъ, коадьюторъ Любскій. 58.

Харинъ, маіоръ. 309, 221, 322, 326.

Харловъ, маіоръ. 19, 20, 24, 145.

Харчевъ, Иванъ, казакъ. 270.

Хлопуша, ссыльно-каторжный. 20, 36, 37, 43, 44, 45, 84, 85, 91, 92, 101, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 134, 145, 288, 289, 373, 374, 375, 376, 378.

Хлѣбниковъ, Емельянъ. 204.

Хлѣбниковъ, Пантелеймонъ. 204.

Хорватъ, полковникъ. 260, 261, 262, 264, 265, 295, 296, 383, 384, 386.

Хорсинъ, Павелъ, священникъ. 364.

Циплетевъ, полковникъ. 62, 186.

Чапурина, Прасковья. 280.

Чеботаревъ, Родіонъ, хорунжій. 109, 112.

Чебыкинъ, Петръ, посадскій. 218.

Чемесовъ, прокуроръ. 232, 235.

Череватая, Марья. 280.

Черкасовъ, баронъ. 57.
 Черканениновъ, коллежскій регистраторъ. 123, 314.
 Чернеевъ, казакъ. 261.
 Черновъ, Тимофѣй, казакъ. 83.
 Черносивтовъ, маіоръ. 93.
 Чернышевъ, З. Г., графъ. 53, 57, 59, 60, 62, 63, 64, 75, 76, 93, 97, 99, 122, 130, 151, 152, 153, 158, 163, 164, 166, 167, 168, 172, 179, 223, 228, 246, 248, 254, 327, 351, 402, 410, 411.
 Чернышевъ, полковникъ. 83, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 114, 125, 126, 228.
 Чигвинцовъ, Матвѣй, есаулъ. 330, 331, 332, 333.
 Чика. См. Зарубинъ.
 Чичеринъ, сибирскій губернаторъ. 69, 70, 118, 122, 217, 218, 337, 341, 343, 354, 356, 357, 358, 359, 360, 363, 371, 372.
 Чудковъ, Матвѣй, крестьянинъ. 222.
 Чулошниковъ, атаманъ. 83, 125, 191, 192, 292, 392.
 Чумаковъ, Оеодоръ, казакъ. 17, 134, 374.
 Чупровъ, Василій, крестьянинъ. 196.
 Чюфаровскій, Иванъ, вице-вахмистръ. 231.

Швановичъ, прапорщикъ. 92, 102, 103, 104, 134, 140.
 Шевыринъ, Ефимъ, тобольскій президентъ. 371.
 Шелудякова, Марья. 279, 280.
 Шепелевъ, капитанъ. 310.
 Шепелевъ, Сергѣй, предводитель шайки. 350.
 Шигаевъ, Максимъ, казакъ. 41, 43, 44, 84, 85, 115, 134, 137, 139, 141, 288, 297, 306, 374, 375, 376, 381, 386, 387.
 Шишенко, Василій. 206.
 Шишкинъ, маіоръ. 101.
 Шкапскій Оеодоръ. 47.
 Шуваловъ, А. И., графъ. 37.
 Шуваловъ, А. П., 57, 84.
 Щербатовъ, князь, генераль. 395, 396, 397, 399.
 Эрдманъ, маіоръ. 372.
 Этингеръ, генераль-маіоръ. 32.
 Юлаевъ, Салаватъ. 202, 203, 214, 328, 331, 334.
 Ядринцевъ, капитанъ. 289.
 Яковлевъ, Михаилъ, священникъ. 275.
 Ялымовъ, Иванъ Яковлевичъ. 345.
 Янышевъ, Мурадъ, султанъ. 326.
 Оеодоровъ, Максимъ, дячокъ. 42.
 Ооминъ, есаулъ. 307.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Должно быть.
51	17	водительствоиъ	предводительствомъ
70	15 и 16	Фейрвара	Фейервара
106	35	за № 59	за № 559
182	18	(Спасо-Рязанскій)	(Спасо-Казанскій)
183	31	должностныя унынію	должностныя лица унынію
206	10	Рылеву	Рылѣву
294	3	ихъ своему	ихъ къ своему

НИКОЛАЙ
ДУБРОВИН

ПУГАЧЕВ И ЕГО СООБЩНИКИ

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ
ЦАРСТВОВАНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

1774

Annotation

Н.Ф. Дубровин – историк, академик, генерал. Он занимает особое место среди военных историков второй половины XIX века. По существу, он не примкнул ни к одному из течений, определившихся в военно-исторической науке того времени. Круг интересов ученого был весьма обширен. Данный исторический труд автора рассказывает о событиях, произошедших в России в 1773–1774 годах и известных нам под названием «Пугачевщина». Дубровин изучил колоссальное количество материалов, хранящихся в архивах Петербурга и Москвы и документы из частных архивов. Для восполнения недостатка информации и полной характеристики событий и хода восстания, автор использовал неизданные документы и, конечно, следственное дело над Пугачевым и его сообщниками. Изначально труд был издан в трех томах, но для удобства читателей информация поделена на две книги, условно разделенные на 1773 и 1774 годы. Том второй, 1774 год.

- [Николай Дубровин](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)

- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)

- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)

- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)

- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)

- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)

- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)

- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)

- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)

- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)

- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)

- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)

- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)

- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)

- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)

- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)

- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)

- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)

- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)

- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)

- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)

- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)

- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)

- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)

- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)

- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)

- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)

- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)

Николай Дубровин Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. Том 2. 1774 год

Правило неоспоримое, что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, а особливо от поставленных над ними начальников и правителей: но нельзя инаково сего достигнуть, как только добрым учреждением внутренних распорядков и всех государственных и судебных правительств.

Манифест 15 декабря 1763 г. [\[1\]](#)

По неизданным источникам

Глава 1

Генерал-аншеф Бибиков на пути из Петербурга в Казань. - Манифест императрицы в толковании народном. - Объявление секретной комиссии. - Приезд Бибикова в Казань и свидание его с губернатором. - Административные порядки в крае. - Постановление казанского дворянства о формировании конного корпуса. - Императрица Екатерина - казанская помещица. - Рескрипты ее Бибикову. - Торжество в Казани по получении этих рескриптов.

Выехав из Петербурга 9 декабря 1773 года, генерал-аншеф Бибиков нагнал в Новгороде 2-й гренадерский полк, приказал одному батальону сесть на подводы и на переменных лошадях следовать как можно скорее в Казань^[2].

Утром, 14 декабря, Александр Ильич приехал в Москву, «где были небольшие враки и болтанья», как выразился князь Волконский, «но ни уныния и страха, ни трепета не было»^[3]. В Первопрестольной столице Бибиков узнал о грабежах киргиз-кайсаков и просил графа З.Г. Чернышева усилить его кавалерию. «Податель сего, – писал ему А.И. Бибиков^[4], – привезет вам новые вести, а самовидцы скажут и детали. Худо еще в прибавок то, что киргизцы начинают беситься. Разбить каналью считаю наверно, да отвратить разорение потребно конных людей больше. Кажется, поселенные и из Новороссийской губернии гусары к сему всего теперь ловчее, чтобы, по крайней мере, закрыли от разбойнических сих волков набегов. Пехоты довольно, по с нею поспевать не можно за сим ветром [конным неприятелем]».

В день отъезда Бибикова из Москвы князь Волконский прислал к нему сержанта Брюхачева, посланного генералом Деколонгом в Санкт-Петербург с донесением о поголовном восстании башкирцев. Прочтя это донесение, Бибиков вновь просил об усилении его кавалерией и по соглашению с князем Волконским приказал двум эскадронам Изюмского гусарского полка, без лошадей, с одними седлами и оружием, следовать в Казань на обывательских подводах^[5].

В Нижнем Новгороде губернатор Ступишин заявил А.И. Бибикову, что, хотя в губернии беспорядков никаких не замечено, но что в народе не без сочувствия говорят о самозванце. Заявление это обратило на себя особое внимание главнокомандующего, тем более что и сам он, проезжая по Нижегородской губернии, слышал «многия неосновательные и ложные молвы, пересказываемые не только простыми, но и неподлыми людьми»^[6]. Полагая, что манифест от 29 ноября раскроет глаза населению и даст ему истинное понятие о Пугачеве и его злодействах, А.И. Бибиков оставил манифест Ступишину и приказал его обнародовать. Нижегородский губернатор исполнил приказание, но манифест был настолько непонятен для народа, что приводил его к совершенно превратным толкам. Жители Козмодемьянска уверяли, что прочтенный им манифест повелевал не называть Пугачева императором, а именовать его *Балтийских островов князем*^[7], а жители села Татинцева, той же губернии, говорили, что Пугачева приказано называть *Голштинским князем* и что с ним пришло несколько тысяч голштинской пехоты и артиллерии. Такое толкование заставило генерала Бибикова приказать прочитать манифест еще несколько раз, с объяснением его истинного значения^[8], а затем обратиться к населению со следующим объявлением^[9]:

«Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской, из учрежденной в Казани, по высочайшему именному указу, секретной комиссии.

Объявляется всенародно.

По следствиям, произведенным в сей комиссии, открылось, что многие как городские, сельские, так и деревенские жители по простоте и глупости своей, прямой силы и разума опубликованных ее императорского величества манифестов о злодее, лжесамозванце, беглом казаке Емельяне Пугачеве, не понимают и делают оным свои глупые и кривые толки. А напротив того, другие, по злонравию своему и склонности к лжесамозванцу, бунтовщику и разбойнику, коварно вымышляют и рассеивают о нем в простом народе ложные плевелы, служащие ко вреду общенародного спокойствия и тишины.

Чего ради секретная комиссия за нужное почитает сим ее величества указом подтвердить: *первым, простакам*, чтобы они старались воздержать себя ото всех глупых и кривых толков, но знали бы и утвердились несомненно, что Пугачев сущий злодей, бунтовщик и враг отечеству, беглый с Дона казак, а потому и не верили бы ни под каким видом происходящим от сообщников сего злодея ложным плевелам и разглашениям, под опасением за слепое легкоеверие жестокого наказания. А *последним*, коварно и умышленно рассеивателям ложных плевел, в последний раз здесь напоминается, *чтобы перестали быт врагами своему отечеству* и покорились бы безмятежно высочайшей ее императорского величества, яко от Бога предоставленной власти. Но буде паче чаяния и за сим увещанием найдутся таковые рода человеческого изверги и разрушители блаженного спокойствия и тишины, то все оные, какого бы кто звания ни был, безо всякой милости преданы будут жесточайшему по закону осуждению».

В ночь на 26 декабря А.И. Бибиков приехал в Казань, где был встречен губернатором фон Брандтом и прочими представителями местной власти.

– Для чего дали Пугачеву так усилиться? – невольно вырвалось из уст приехавшего.

Брандт не дал на это прямого ответа, и главнокомандующий вместе с губернатором отправились в особую комнату для совещаний. По отъезде Брандта Бибиков вышел к собравшимся для его встречи.

– Государи мои, – сказал он, – давно ли сей муж [Брандт] с ума сошел? Что за план его для истребления Пугачева? Советует мне защищать границу Казанской губернии и просит только не пропустить его [Пугачева] за оную. Да разве Оренбургская и прочие губернии другого государя? Злодея должно истреблять во всех местах одинаково и делать над ним поиск, если б он был и в воде, дабы в другом виде оттуда не показался.

Эти слова ободрили присутствовавших и все население города Казани^[10]. Личное знакомство с положением дел приводило Бибикова к самым неутешительным заключениям. «Наведавшись о всех обстоятельствах, – писал он^[11], – дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мной было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю все возможное и прошу Господа о помощи: Он один исправить может своей милостью». Администрация края была в плохом состоянии, и в местах, где еще не было бунта, господствовал полнейший беспорядок. Генерал фон Брандт, человек честный, но старый, не мог уследить за злоупотреблениями и удержать своих подчиненных от произвола, нарушения законов и лихоимства.

- Что за причина, - спрашивал его однажды Бибииков, - что вы так нерешительны стали в делах своих и все идет у вас наыворот, нет строгости и никакого взыскания с подчиненных. Я знал вас прежде за человека энергичного и справедливого.

«Из сего скользкого разговора, - замечает Маврин, - и немцу трудно было вывернуться»; однако же Брандт попытался оправдаться.

- Что же мне делать и кого на места определять? - говорил он. - Все меня обманывают.

- Да вы бы приказали, - заметил Бибииков, - присматривать за порядком хотя бы своим товарищам.

- Как это можно! - отвечал добродушно Брандт. - Если я сам не поеду по губернии, то и ни один из них не поедет.

«А потому и видно, - доносил Маврин, - что в губернии Казанской дела делаются только в присутствии хозяина. Неоднократно говаривал хозяин, что он с юстицкими делами незнаком, а отдает справедливость не только в оных, но и в других своему секретарю. А как одному злодею, бывшему в бунте Пугачева, была казнь, то многие тут из черни зрители вслух кричали: «Конечно, на виселице другая петля приготовлена для секретаря».

Такие порядки были не в одной Казанской губернии, но и в большинстве правительственных учреждений тогдашнего времени. «Воеводы и начальники гражданские, - писал Бибииков князю Вяземскому^[12], - из многих мест от страху удалились, оставя города и свои правления на расхищение злодеям». Коменданты, секретари и прочие деятели покидали свои места и бежали задолго угрожающей им опасности. Край оставался без правителей, без защиты, и Бибиикову приходилось, прежде всего, вступить в борьбу с чиновниками, борьбу едва ли не более трудную, чем с мятежниками. Не полагаясь на местную администрацию,

необходимо было призвать деятелей извне и поручить им созидание заново совершенно разрушенного порядка. Бибииков предвидел это еще в Петербурге и потому отправился в Казань с большою свитой, в которой были люди, лично ему известные своей энергией и храбростью. Впоследствии в его распоряжение были посланы князя Щербатов и Голицын, полковник Михельсон и командированы полки, бывшие с ним в Польше и отличившиеся под его начальством. В ожидании их прибытия Бибииков принужден был прибегать к полумерам и, за недостатком главнейшим образом кавалерии, не мог воспрепятствовать дальнейшему развитию бунта. Последний охватил всю Оренбургскую губернию, и главнейшие города: Оренбург, Яик, Уфа, Кунгур и Челябинск – были обложены мятежниками; что происходило в этих пунктах, в Казани ничего не знали. Все инородцы (киргиз-кайсаки, калмыки и башкирцы) и большинство рабочих с пермских заводов перешли на сторону самозванца. Накануне приезда А.И. Бибиикова в Казань пригород Алексеевск и город Самара были заняты атаманом Араповым, а спустя несколько дней получены были известия, что беспорядки стали возникать в Казанской губернии и даже коснулись Сибири.

«Коммуникация с Сибирью от опасности на волоску, – писал Бибииков графу Чернышеву^[13], – да и самая Сибирь тому же подвержена. Одна надежда на войска, которых, по умножающемуся злодейскому многолюдству, видится быть недостаточно, а паче в рассуждении обширности и расстояния сего края мест. Толпу Пугачева я разбить не отчаиваюсь и с теми, которые теперь ко мне назначены, когда соберутся, но тушить везде пожар и останавливать злодейское стремление, конечно, конные войска в прибавок необходимы.

В проезд мой чрез Москву генерал Берг меня уверял, что от второй армии три или четыре полка конных отделить можно безо всякой для тамошней стороны опасности, за что он отвечает; но откуда бы то ни было, а умножить необходимо надлежит. Войдите в сие дело, ваше сиятельство, и вы увидите, что я говорю вам истину.

На здешние гарнизоны и другие команды никакого счету делать не извольте: они так скарены, что и башкирцам сопротивляться не могут. Печальные опыты с Чернышевым и майором Заевым вам доказывают, да и здесь уже по всем рапортам я увидел, что они, расставленные от Фреймана и от губернатора по постам, бегают из одного места в другое при малейшей тревоге.

Сволочь Пугачева злодейской толпы, конечно, порядочного вооружения, ниже строю иметь не может, кроме свойственной таковым бродягам буйности и колобродства. Но их более шести тысяч, по всем известиям, считать должно, а считая ныне воров башкирцев, число крайне быть должно велико. Не считаю я трудности разбить сию кучу, но собрать войска, запастись не только провиантом и фуражом, но и дровами, проходить в настоящее время степные и пустые места с корпусом суть наиглавнейшие трудности; а между тем [необходимо] отражать во всех концах убийство и разорение и удерживать от заразы преклонных от страху и прельщения простых обывателей».

Эта необходимость заставила Бибикова поторопиться приглашением дворян вооружить своих поселян, но не иначе как *«обнадежив прежде в их твердости»*. С этою целью Бибиков поручил предводителю дворянства собрать в Казань к 1 января дворян и просил преосвященного Вениамина оказать содействие к вразумлению *несмысленной черни*».

После литургии 1 января 1774 года и по прочтении манифеста архиепископ обратился к народу с увещанием.

– Правоверные должны пребывать непоколебимы в вере православной, – говорил Вениамин, – и в повиновении премудрого Закона Божия, коим правят цари царствующие и господа господствующие. Люди всякого состояния должны ополчаться на защиту веры, отечества, жен и детей их против злобного возмутителя и безбожных его соумышленников, которые восстали на церковь Божию и священников ее служителей, не щадят никакого состояния, никакого пола, ни невинных младенцев, распространяют неслыханное варварство и опустошение. Они не различают и покорствующих от противящихся, предают всех без разбора ужаснейшим истязаниям и мучительной смерти и тем самым подвергаются страшной анафеме, правосудному гневу и мщению Божию, и в ожидании адских мучений не избегнут и на земле достойного им наказания.

Из церкви А.И. Бибилов отправился в дом предводителя к собравшемуся дворянству.

– Зло возрастает до крайности, – сказал он, – и злодейство изменников вышло из всех пределов. Всякому истинному верноподданному должно стараться о прекращении сего зла.

Представив опасность, которая угрожает семействам и имуществу от своеволия мятежников, Бибилов напомнил, что первый долг дворянина – жертвовать не только всем имением своим, но и жизнью для спасения и пользы отечества. Он выразил уверенность, что каждый из присутствующих поможет ему в усмирении возникшего восстания. Дворянство отнеслось с полным сочувствием к словам главнокомандующего.

– Готовы мы, – говорили присутствующие, – за императрицу и отечество жертвовать не только имением своим, но и своей жизнью, так как и предки наши всегда

пребыли государю и отечеству в непоколебимой верности.

В тот же день дворянство определило составить из своих собственных людей и своим иждивением *вооруженный конный корпус*:, для чего собрать с каждых двухсот душ по одному человеку и снабдить их всем необходимым, а для вооружения собираемого ополчения генерал-аншеф Бибиков приказал выдать старые драгунские палаши и пистолеты из Казанского комиссариата. Сбор ополчения был распространен не только на собравшихся дворян, но и на тех, которые не были в собрании, «дабы не лишить и отсутственных дворян такового ж как и нашего усердия и ревности к поспешествованию общего блага»^[14]. Командование корпусом было поручено родственнику Бибикова, оберштер-кригс-комиссару генерал-майору Ларионову^[15], и в помощь ему, для занятия штаб- и обер-офицерских должностей, вызваны были охотники. Все эти лица 5 января собрались на совещание, «и имея о содержании оного корпуса в воинской дисциплине и строевом порядке рассуждение, согласно положили: для лучшего командования оным корпусом, дабы каждый из нас знал свою должность и отправлял ее добропорядочно и с хорошим успехом, начать следующим исполнением. Как шеф, так и все штаб- и обер-офицеры при дворянском своем корпусе служить пожелали из собственного ревностного усердия, то и не остается нам ничего более о себе сказать, как единственно посвятить жизнь нашу в службу ее величеству и отечеству, содержа в памяти нашей данную нами Всемогущему Богу в верности службы клятву».

«Сей корпус надежно быть может до 300 человек рядовых, то и разделяется он на три компании, при которых должности наши разделяются следующим образом: шеф командует всем корпусом, так как

воинская диспозиция и от его высокопревосходительства генерал-аншефа А.И. Бибикова повелено будет, а прочие штаб- и обер-офицеры принять могут на себя *вообще имя товарища, но точно по старшинству*^[16]. Что же касается унтер-офицеров и капралов, то дворянство просило назначить их из прибывших в Казань эскадронов Изюмского гусарского полка.

Не ограничиваясь принятием мер к скорейшему формированию корпуса, дворянство Казанского уезда пожертвовало войскам шубы, сукна на теплые чулки, лошадей для гусарских эскадронов и просило Бибикова, чтоб он чрез предводителей дворянства пригласил всех остальных дворян Казанской губернии принять участие в составлении такого же ополчения. Разосланные Бибиковым пригласительные письма оказали свое действие.

Прежде всего казанский магистрат, следуя примеру дворянства, выразил желание сформировать один *конный эскадрон гусар* на своем «иждивении и содержании»^[17], а в половине января А.И. Бибиков получил ответные письма от предводителей дворянства симбирского, свияжского и пензенского. При этом прокурор Пензенской провинции и предводитель пензенского дворянства Чемесов, «по неимению по городу Петровску у благородного дворянства предводителя, потому что их в Петровском уезде жительство имеет самое малое число (всего пять человек)», донес, что дворяне готовы поставить с каждых 200 душ по одному человеку, всего 11 человек с ружьем и продовольствием^[18].

«Усердие казанского дворянства меня обрадовало, – писала Екатерина Бибикову^[19], – сей образ мыслей прямо есть благоден».

Довольная «прямо дворянскими поступками казанского дворянства»^[20], императрица приказала прочесть донесение Бибикова в собрании Сената^[21], и затем 20 января 1774 года последовал указ дворцовой канцелярии собрать со всех подведомственных ей крестьян Казанской губернии по одному человеку с 200 душ и «снабдить каждого всем к службе потребным, как-то: мундиром, амуницией и лошадью с прибором»^[22]. Для командования этим ополчением императрица по просьбе Бибикова приказала выбрать казанских помещиков из числа желающих гвардейских унтер-офицеров и, пожаловав их в обер-офицеры, велела отправить как можно скорее в Казань^[23].

Сообщая об этом Бибикову и приняв на себя звание *казанской помещицы*, Екатерина поручила ему объявить свое благоволение казанскому дворянству за единодушное соединение и вспомоществование правительству и уверить его, что она считает своей обязанностью целость, благосостояние и безопасность дворянства «ничем неразделимо почитать с собственной нашей и империи нашей безопасностью и благосостоянием»^[24].

Получив 27 января рескрипт и письмо^[25], Бибиков поручил предводителю собрать 30 января всех дворян, живших в городе Казани и окрестностях, для выслушания высочайших повелений. В этот день дворяне прислали к главнокомандующему двух депутатов с донесением, что они ожидают его прибытия в дом предводителя и для большей церемонии конвой из 50 человек вооруженных улан при двух офицерах. На крыльце дома предводителя Бибиков был встречен двумя дворянами и затем в разных местах по лестнице приветствуем таким же числом. После краткой речи Бибикова был прочтен рескрипт императрицы, принятый со всеобщим восторгом.

– Да здравствует великая наша самодержица! – кричали собравшиеся. – Да царствует над нами щедрая мать наша! Готовы мы за нее пролить кровь нашу и жертвовать всем, что мы имеем!

Дворяне просили позволить им снять копии с рескрипта и хранить его у себя на память потомству о милостях Екатерины к казанскому дворянству.

После того предводитель дворянства Казанского уезда Макаров прочел письмо, в коем высказал благодарность за милость императрицы и попечение ее оградить подданных от «бедствия напастей наших». Он благодарил и Бибикова за советы, просил сохранить любовь и доверенность к дворянству и принять в свое покровительство казанский дворянский корпус^[26].

«Восприимите, – читал в заключение своего письма Макаров, – в свое покровительство избранного нами шефа с его товарищами, подайте им случай пролить кровь свою за благополучие отечества нашего и матери нашей. Мы же, будучи очевидно уверены в вооружении корпуса и ревностных шефа стараниях, имеем несомненную надежду, что все они положат душу свою за возлюбленную нашу самодержицу».

Выделившись из толпы, шеф дворянского корпуса, генерал-майор Ларионов, заявил, что он считает настоящий день за прекраснейший в своей жизни, избрание шефом – за честь и готов остаток дней своих посвятить на службу дворянства, благородно «воспаленного ревностью и примером»^[27].

По окончании этой речи Бибиков прочел письмо к нему императрицы от 20 января, в котором она приняла на себя звание казанской помещицы.

– Казанское дворянство, – сказал предводитель Макаров по выслушании письма, – приносит вашему высокопревосходительству свою нижайшую благодарность за объявление приятнейшей нам вести и

просит позволить нам высказать наше чувство своей самодержице.

Получив на это разрешение Бибикова, казанский помещик Бестужев подошел к портрету Екатерины II и прочел известную речь, сочиненную Г.Р. Державиным^[28].

– Исполнением долга нашего, – говорил, между прочим, Бестужев словами поэта, – хотя мы не заслуживаем особого вашего императорского величества высокого нам признания; хотя мы недостойны любезного и нам дражайшего товарищества твоего, однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и за наивеличайшее ее почитаем благополучие. Начертываем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. *Признаем тебя своей помещицею. Принимаем тебя в свое товарищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою!* Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше тебе будут, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя надеемся^[29].

По окончании торжественного чтения все отправились в собор для слушания литургии и благодарственного молебствия, причем во время многолетия производилась пальба из орудий. Вечером у предводителя был бал, и всю ночь дома дворян были иллюминированы.

Донося о торжестве, происходившем в Казани, генерал-аншеф Бибиков присовокуплял, что и прочее дворянство Казанской губернии с равным усердием приступило к формированию корпусов: симбирское – 4 января, свияжское – 15 и пензенское – 26 января^[30]. Предводителями этих корпусов были назначены: симбирского – секунд-майор Степан Федорович Глятков, пензенского – прокурор и предводитель дворянства Ефим Чемесов, а свияжское ополчение, по

малочисленности дворянства, не могло составить особого корпуса и потому положило присоединиться к казанскому и признать начальником своим отставного капитана Гавриила Матюнина, уже выбранного казанским дворянством в состав своего корпуса.

Находя, что поступок дворянства Казанской губернии «показывает свету и *настоящих дворян* истинными и достойными преемниками и подражателями тех отличных добродетелей и заслуг, кои предкам их доставляли по временам сие преимущественное звание», императрица 22 февраля издала особый манифест, в котором восхваляла дворянство и купечество. Она повелела прочесть его во всех церквях, раздать по экземпляру всем тем лицам, которые принимали участие в полезных определениях обществ, и на память потомству положить в архив каждого города по несколько экземпляров^[31].

Готовность дворянства содействовать правительству в усмирении мятежа была, конечно, утешительна, но Бибилов не обольщал себя и смотрел на это ополчение не более как на средство поднять упавший дух населения и хотя несколько уменьшить опасность для самой Казанской губернии. Он признавал и доносил^[32], что «обнаженный, так сказать, от воинских команд, здешний край не в силах удерживать стремление многолюдной сей и на таком великом пространстве рассыпавшейся саранчи. Корпус вверенных мне войск, когда и весь соберется, может только подать стесненному Оренбургу помощь, что я первым своим долгом исполнить и поставляю. Но страшусь, чтобы прибытие войск для него было благовременно».

Главнокомандующий просил усилить его войсками и прислать в его распоряжение несколько полков пехоты и в особенности кавалерии. Без этого он не видел возможности скоро усмирить мятеж, потому что «находящиеся по разным местам и здесь гарнизонные и

так называемые инвалидные команды, каковыми и первых вообще с их начальниками назвать можно, только имя регулярных военных людей занимают, не имея, к стыду звания солдатского, ни малейших к тому способностей».

Глава 2

Меры правительства к усмирению восстания. - Заседание Государственного совета 9 декабря. - Мнение Сената о предании анафеме как Пугачева, так и его сообщников. - Указ о предосторожностях против возмутителей. - Манифест 23 декабря 1773 года. - Меры к усмирению башкирцев. - Состояние войска Донского. - Сожжение дома Пугачева и его воззваний. - Отправление в Казань семейства Пугачева и награда за поимку его.

Неоднократные просьбы Бибикова о присылке войск, а главное – ряд самых неутешительных известий, полученных в Петербурге о развитии мятежа, заставляли правительство обратить на совершающиеся события более серьезное внимание. В день отъезда А.И. Бибикова из столицы, 9 декабря, состоялось заседание Государственного совета, в котором генерал-прокурор князь Вяземский заявил о желании императрицы принять меры к тому, чтобы мятеж не распространялся далее Оренбургской губернии и чтобы соседние с нею губернии остались в тишине и покое. Князь Вяземский предлагал объявить от имени Сената, что в Оренбургской губернии умножились разбойничьи толпы и что для недопущения их в соседние провинции предписывается во всех деревнях сделать рогатки и заставы, у которых останавливать всех подозрительных людей и отправлять их к начальству. Князь Орлов находил, что подобная мера подаст повод к «прицепкам и остановкам» проезжих и «вместо ожидаемого сохранения тишины, духи раздражены и скорее к соединению с возмутителями расположены будут».

– Всякое узаконение тщетно, – говорил Г.Г. Орлов, – когда исполнительной властью оно не будет поддержано. Не имея там ныне довольного числа войск, мы не можем надеяться, чтобы сие объявление порядочно исполняемо было, а потому лучше не делать никакого, нежели дать случай к новым неустройствам. Если же оное сделать рассуждено будет, то надобно, по крайней мере, положить ему предел исполнением в самых только ближних к Оренбургу местах.

Министр иностранных дел граф Н.И. Панин находил, что изолировать Оренбургскую губернию невозможно, что скрывать истину вредно и о происходящем под Оренбургом необходимо объявить во всенародное известие.

– О возмущении, без сомнения, известно уже во всем государстве, – говорил граф Панин, – и правительство, скрывая его пред народом, придает ему более важности, нежели есть оно на самом деле. Для отнятия всех вредных мыслей и толков, следовательно, и для удержания соседних мест в спокойстве нужно объявить о том манифестом во всей империи, именовать мятежников разбойничьими толпами, а Пугачева вором и самозванцем.

Соглашаясь с мнением о необходимости обнародования манифеста, Государственный совет не отверг предложения князя Вяземского и поручил ему составить проект объявления и представить его совету^[33].

На следующий день, 10 декабря, Сенат рассуждал, что «хотя нет сомнения, чтоб изменник Пугачев, по взятым на поражение его мерам, *вскоре истреблен не был (?)*, но как всего того над ним в действо произвести еще некогда было, а между тем слухи об измене везде час от часу распространяются и увеличиваются гораздо больше, нежели сколько в самом деле есть, то Сенат почитает за нужное, чтоб о сей изменнической

воровской партии опубликовано было во всем государстве от высочайшего ее императорского величества имени краткими манифестами, с точным притом объявлением, что как сам предводитель той воровской шайки, изменник Пугачев, так равно и те, кои в сообщество его доныне вступили и впредь паче ожидания вступят, *преданы от Св. Синода анафеме*».

В том же заседании князь А.А. Вяземский предложил на обсуждение другой вопрос: не следует ли опубликовать указ от имени Сената, чтобы население имело осторожность от разбойнических шаек. Присутствующие члены единогласно согласились с мнением генерал-прокурора, но при этом постановили, что указ этот должен быть отправлен на усмотрение Бибикова, и если он признает эту меру полезной, то опубликовать его только в губерниях Нижегородской, Казанской и Астраханской, в Исетской провинции и Екатеринбургском горном ведомстве^[34].

Объявляя, что в Оренбургской губернии появилась шайка мятежников, что беглый донской казак Емельян Пугачев «отважился, даже безо всякого подобия и вероятности, взять на себя имя императора Петра III», Правительствующий сенат предостерегал население соседних губерний, чтоб оно не верило ложным разглашениям и приняло меры к охранению себя от разбойнических партий. С этою целью Сенат счел своим долгом напомнить жителям «и возобновить те осторожности, которые по причине *бывшей моровой язвы* к исполнению во всех селениях предписаны были: *ибо и сие зло в слабых и неосторожных людях подобный моровой язве вред произвести может*». Предосторожности эти заключались в том, чтобы в каждом селении была оставлена одна дорога для въезда и выезда, все же остальные или были перекопаны, или заняты днем и ночью караулами. На проезжей дороге должны были быть поставлены рогатки или ворота для

опроса проезжающих. В каждом селении должен быть выбран смотритель «из лучших людей», на обязанность коего возложено следить за тем, чтобы «бродяги, а иногда и самые воры в селение впущены не были, ибо, ослабев и разбойнические шайки могут в нищенском одеянии и под разными видами входить и зло как разглашением, так и действием коварным производить». Всех подозрительных приказано представлять начальству, шайкам бродяг и разбойников не давать ни пропитания, ни пристанища, отражать их силой и помогать войскам, давая знать о месте сбора мятежников. «А как долг звания дворянского обязывает оных более пещись о спасении невинных крестьян своих от угрожаемого от таковых злодеев разврата, мучительств и разорения и о скорейшем и совершенном истреблении сих бесчеловечных злодеев, то и не можно усомниться, чтобы всякий из них не употребил своего рачения, сил и возможности, дабы вспомоществовать воинским командам, так как и частным смотрителям в вышеприведенном искоренении и поимке злодеев»^[35].

Проект этого указа был утвержден в заседании Государственного совета 12 декабря. На другой день он был уже напечатан, а 16 декабря граф Н. Панин читал сочиненный им манифест, который и был одобрен членами совета. Обнародованный 23 декабря, манифест этот впервые разнес по всей империи известие о появлении под Оренбургом самозванца под именем Петра III. «Излишне было бы, – говорилось в манифесте, – обличать и доказывать здесь нелепость и безумие такого обмана, который ни малейшей вероподобности не может, представить человеку, имеющему только общий смысл человеческий. Богу благодарение! протекло уже то для России *страшное невежества время*, в которое сим самым гнусным и ненавистным обманом *могли влагать меч в руки брату на брата такие отечества предатели, каков был Гришка Отрепьев и его*

*последователи. Уже все истинные сыны отечества познали и долговременно выкупали потом плоды внутреннего спокойствия в такой степени, что ныне приводит каждого в содрогание и единое тех плачевных времен воспоминание. Словом, нет и не может ныне быть ни одного из носящих достойно имя Россиянина, который бы не возгнушался столь безумным обманом, каким разбойник Пугачев мечтает себе найти и обольщать невежд, унижающих человечество своей крайнею простотой, *обещая вывести их из всякой властям подчиненности.* Как будто бы не сам Творец все твари основал и учредил человеческое общество таковым, что оно без посредственных между государя и народа властей существовать не может».*

Императрица выражала уверенность, что все верноподданные будут гнушаться дерзким обманом Пугачева и будут содействовать правительству к восстановлению тишины и покоя.

Как этот манифест, так и тот, который был отправлен с генерал-майором Каром (от 15 октября), императрица приказала перевести на татарский язык, для распространения в Башкирии^[36]. Она предоставляла Бибикову сделать в переводах манифестов, если признает нужным, поправки, «также вместо имени генерал-майора Кара включить ваше или же послать и вовсе особое извещение». Бибикову поручено было выбрать из казанского татарского «духовенства» людей надежных, «в башкирском народе кредит имеющих», и отправить их в башкирские селения для увещевания жителей. «Мы надеемся, – писала при этом Екатерина А.И. Бибикову^[37], – что если сии отправленные, якоже и прочие татарские по духовенству чиновники, с тем усердием и верностью, которою они нам обязаны, за сие примутся, то скоро все непорядки прекращены будут, тем надежнее, что из давних лет приобретенная по духовному чину над умами башкирцев татарская

поверхность во всем никакого препятствия не полагает».

Бибиков отправил не только в Башкирию, но и в Берду восемь человек надежных татар и поручил им уговаривать население, чтоб оно отстало от самозванца, раскаялось и возвратилось в свои дома.

Независимо от этого, по предложению князя Вяземского, Бибиков потребовал к себе подполковника Лазарева, управлявшего прежде башкирцами и пользовавшегося их уважением, но находившегося под судом за злоупотребления. Главнокомандующий предложил ему, как средство заслужить прощение, отправиться в Башкирию и содействовать усмирению населения^[38]. Лазарев охотно принял предложение и, снабженный деньгами на подарки влиятельным лицам, отправился в Исетскую провинцию. В помощь ему был назначен коллежский асессор Тоузаков, как человек знающий в совершенстве быт и нравы башкирского народа. С ними отправлено было двадцать человек конвоя, одетого и вооруженного по-гусарски, отпущена тысяча рублей на покупку вещей и предоставлено Лазареву право наиболее верных башкирцев производить в сотники, пятидесятники и другие чины, «смотря по людям и их важности»^[39]. Меры эти и известия, что Уфа держится, что она не захвачена еще мятежниками, давали правительству надежду на возможность возвратить башкирцев увещаниями к должному повиновению. С усмирением Башкирии положение края могло значительно видоизмениться и являлась возможность ограничить волнение пределами Оренбургской губернии. В Казанскую губернию направлены были войска, к Симбирску подходили четыре легкие полевые команды, волжское войско не выказывало сочувствия к мятежу, а главное – утешительно было то, что донские казаки выражали

отвращение к самозванцу и полную готовность содействовать правительству в усмирении бунта.

Еще в октябре войско Донское постановило выбрать тысячу человек из лучших казаков с тем, чтоб они были готовы к походу по первому требованию. Для недопущения в войско эмиссаров Пугачева приказано было атаманам станиц зорко следить за всеми приезжающими и приходящими, «особливо из бродяг и носящих на себе образ нищего»^[40].

В конце ноября 1773 года полковник Илья Денисов, тот самый, у которого Пугачев находился на ординарцах и который наказал его «нещадно плетью», просил разрешения Военной коллегии собрать из войска донского пятьсот человек казаков и с ними идти прямо под Оренбург для поражения самозванца^[41]. Одобрив такое предложение, императрица приказала полковнику Денисову, с выбранными им казаками, следовать в Самару, где и поступить под начальство генерал-майора Мансурова^[42].

Последующие известия относительно донцов были еще более успокоительного свойства. «Я уже имел счастье доносить вашему сиятельству, – писал Рычков князю Вяземскому^[43] в письмах, отправленных из Харькова, – что рассеявшийся там слух, будто бы известная толпа мятежников шатается в округе Царицына, делал езду мою весьма опасной^[44]. Но, приблизясь к Царицыну, узнал я, что сторона наша спокойна, и больше еще утешился тем, что, проезжая станицами донских казаков и стараясь посторонним образом изведать мысли их в рассуждении Пугачева и всей изменнической его толпы, нашел их в весьма хорошем расположении. Они гнушаются мерзостью его действий и больше еще стыдятся и того, что Дон имел несчастье произвести сие чудовище на свет. В таком точно расположении нашел я, по крайней мере, всех тех,

с коими мне и бывшим при мне разговаривать случилось».

То же самое подтверждал и обер-комендант крепости Святого Димитрия, генерал-майор Потапов. Посланные им для наблюдения за донскими казаками офицеры, проехавшие по рекам Дону, Северному Донцу, Хопру, Медведице и Бузулуку, единогласно донесли, что ни в одной из станиц не встретили сочувствия к Пугачеву, причем ротмистр Афанасий Болдырев, бывший в Зимовейской станице, донес, что жена и дети Пугачева «по бедности между дворов бродят»^[45].

Это донесение возбудило вопрос, как поступить с именем Пугачева, с его женой, детьми и племянником, бывшим в Петербурге и находившимся уже под присмотром. Так как они не принимали никакого участия в бунте, то, спрашивала Екатерина: «справедливо ли будет их арестовать, ибо и Петр Великий часто говаривал: *«брат мой, а ум свой»*.

Государственный совет постановил, что «для возбуждения омерзения к Пугачеву злодеянию должно дом его на Дону, если найдется, или пустое место, где он жила, чрез палача разорив выжечь и посыпать солью». Семейство же самозванца и его племянника отправить в Казань к А.И. Бибикову, «рассуждая, – писала Екатерина^[46], – что, может быть, они послужить вам иногда могут и некоторым способом к скорейшему и удобнейшему извлечению из заблуждения легковверных невежд». В грамоте, данной по этому поводу войску Донскому^[47], императрица повелевала: жену, детей и буде есть братьев самозванца, «без оказания им наипомалейшего огорчения, яко не имеющих участия в злодейских делах его, Пугачева», отправить к генерал-майору Потапову для препровождения их в Казань и «устыжения тех, кои в заблуждении своем самозванцовой лжи поработились».

«Привезенную к вам [в Казань] прямую жену Пугачева, – писал впоследствии главнокомандующий А.М. Лунину^[48], – извольте приказать содержать на пристойной квартире под присмотром, однако, без всякого огорчения, и давайте ей пропитание порядочное, ибо так ко мне указ. А между тем не худо, чтоб пускать ее ходить и чтоб она в народе, а паче черни могла рассказывать, кто Пугачев и что она его жена. Сие, однако ж, надлежит сделать с манерою, чтоб не могло показаться с нашей стороны ложным уверением; паче ж думаю в базарные дни, чтоб она, ходя, будто сама собою рассказывала о нем кому можно или кстати будет...»

«Что же касается до дома Пугачева, находившегося в Зимовейской станице, то в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, – сказано было в грамоте от 10 января, – и хотя бы состоял он в развалившихся только хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта крепости Святого Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной станицы жителей, при всех при них сжечь и на том месте чрез палача или профоса пепел рассеять; потом то место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, яко оскверненное жительством на нем все казни и лютые истязания делами своими превосшедшего злодея, которого гнусное имя останется мерзостью навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеям казацкого на себе имени, хотя отнюдь одним таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оногo, ни ревность к нам и отечеству помрачиться и ни малейшего претерпеть не могут нарекания».

Назначенные генералом Потаповым майор Рукин и войском Донским старшина Туроверов отправились в

Зимовейскую станицу. Прибыв на место 4 февраля 1774 года, они не нашли в станице семейства Пугачева и узнали, что оно живет в Есауловской станице у матери жены самозванца. Дом последнего был продан еще осенью 1773 года отставному казаку Еремею Евсееву за 24 руб. 50 коп. и перевезен им в Есауловскую станицу. Несмотря на это, Рукин и Туроверов признали необходимым отобрать дом от Евсеева, сломали его и перевезли «прямо на то место, где его, злодея, Зимовейской станицы обитание имелось». Затем как дом, «так и при реке хижина с огорожею и с несколькими садовыми деревьями» 6 февраля были сожжены, пепел рассеян и место это окопано рвом для «оставления на вечные времена без поселения, яко оскверненное злодейским жительством». При этом жители заявили майору Рукину, что, гнушаясь и «мерзя злодейскими пороками» Пугачева, желают переселиться на другое место, «о чем и просить намерены позволить им оное исполнить, дабы и имя сей станицы (хотя оно для положения своего от наводнения пред другими и выгоднее) могло совсем уничтожиться»^[49].

Одновременно с искоренением имени Пугачева в войске Донском императрица приказала предавать публичному сожжению чрез палача все его манифесты и воззвания^[50]. Сенат объявил об этом указ 10 января 1774 года, с прибавлением, чтобы манифесты эти отнюдь не читались в народе и никому не объявлялось их содержание; но Военная коллегия поручила А.И. Бибикову подлинные указы самозванца жечь, а копии с них доставлять в коллегиям^[51].

«Между прочими мер принятия к искоренению злодейств Пугачева, – писал граф З.Г. Чернышев Бибикову^[52], – не бесполезно кажется, быть может, и обещание некоторого награждения тем, кто, его живого взяв, приведет к оренбургскому ли губернатору или же к военным нашим командирам. Таковое обещание

помянутым губернатором действительно и учинено, но как оно слишком умеренно, то пишу я теперь к г. Рейнсдорпу и находящемуся в Яицком городке подполковнику Симонову, дабы учинили они публикацию, что *за приведение означенного самозванца живого дано будет в награждение десять тысяч рублей*».

К этому граф Чернышев присоединил, что по просьбе главнокомандующего императрица приказала отправить в Казань тысячу человек малороссийских казаков^[53]. «В сих исстари ненависть примечена к яицким, – писала Екатерина Бибикову^[54], – а употребить их будете как знаете».

Глава 3

Прибытие войск, назначенных в распоряжение А.И. Бибикова. - Поражение мятежников у Самары и пригорода Алексеевска. - План наступательных действий. - Действия полковника Юрия Бибикова. - Поражение мятежников у села Сухарева. - Освобождение Заинска. - Занятие Нагайбака и крепости Бакалы. - Действия князя П. Голицына и генерал-майора Мансурова. - Воззвание к калмыкам. - Поражение мятежников у деревни Захаркино. - Состояние Оренбурга.

В то время, когда формировалось казанское ополчение и А.И. Бибиков принимал меры к усмирению башкирцев, к театру военных действий стали подходить войска. 7 января прибыли на подводах три эскадрона Изюмского гусарского полка, а 8 января вступил в Казань второй батальон 2-го гренадерского полка. Через два дня, 10 января, прибыл Владимирский полк; 17 января – Архангелогородский карабинерный и 27-го числа остальные роты Томского полка^[55].

В этот промежуток времени в Симбирск прибыла 22-я легкая полевая команда; в Сызрань – 24-я легкая полевая команда и в Саратов – два эскадрона поселенных бахмутских гусар^[56]. 30 декабря генерал-аншеф Бибиков получил известие, что генерал-майор Мансуров, заболевший горячкой и пролежавший в Серпухове без памяти семь дней, оправился от болезни, нагнал 23-ю и 25-ю легкие полевые команды и с ними следует к Симбирску, но находится еще в 400 верстах от города^[57].

Прибытие этих войск значительно усиливало боевые средства Бибикова, «но, – писал он^[58], – к утушению

заразы сего очень мало». Главнокомандующий очень хорошо понимал, что не Пугачев важен, а важно всеобщее негодование. «Пугачев чучело, – говорил Бибииков, – которою воры – яицкие казаки – играют»^[59]. На местные гарнизонные команды положиться было невозможно, «что я уже испытанием знаю», писал Бибииков^[60]. «Сия негодница довольна, что их не трогают и до первой деревни дошедши, остановись, присылают рапорты, что окружены и далее идти нельзя. Нужно было несколько раз посылать им на выручку. Они ободрили злодеев [настолько], что осмелились в самые им лезть глаза». Население было уверено, что войска не желают идти против государя, и простой народ явно говорил, что солдаты драться не будут. Бибииков слышал эти рассказы по пути в Казань, слышал и то, что в некоторых полках, как, например, во Владимирском пехотном, ходили разного рода неприятные слухи. Солдаты жаловались на тяжелую службу, говорили, что их привели в Петербург для участия в церемонии бракосочетания великого князя Павла Петровича, а не дали даже и «по чарке водки». Они роптали на то, что их заставляли вбивать сваи на Дворцовой набережной, и говорили, что служба так тяжела, что они положат оружие пред появившимся «царем». Известие о походе было встречено с большою радостью. «Не на Воронеж ли? – спрашивали солдаты друг друга. – Если туда, то дай Бог, потому что там все дешевле»^[61]. По прибытии в Москву солдаты рассказывали, что появившийся под Оренбургом не Пугачев, а истинный государь, «да и государыня уже трусит», говорил сержант Филипп Мухин^[62], «то в Раненбом [Ораниенбаум], то туда, то сюда ездит, а графов Орловых и дух уже не помянется».

За полком учрежден был строгий надзор, и в Нижнем было арестовано несколько солдат. Арест этот произвел грустное впечатление на А.И. Бибиикова, и он «дьявольски трусил за своих солдат, чтоб они не

сделали так же, как гарнизонные: не сложили оружия перед мятежниками»^[63]. Тем не менее главнокомандующий решился действовать наступательно и, прежде всего, очистить от мятежников Самарскую линию. Избирая для этой цели находившиеся вблизи Самары легкие полевые команды и не имея понятия ни о составе офицеров, ни об образе мыслей нижних чинов, А.И. Бибиков отправил в Симбирск и Самару лейб-гвардии Преображенского полка поручика Державина с поручением сделать «примечание как на легкие обе полевые команды, так и на гусар: в каком состоянии они находятся и во всем ли исправны и какие недостатки? каковых имеют офицеров и в каком состоянии строевые лошади?»^[64].

Вместе с тем главнокомандующий отправил два предписания: одно командиру 24-й полевой команды, майору Муфелью, двинуться из Сызрани и выгнать мятежников из Самары; а другое командиру 22-й команды, подполковнику Гриневу, выступить из Симбирска, присоединить к себе бахмутских гусар и следовать на соединение с Муфелем.

Отойдя верст тридцать от Сызрани, Муфель встретил бежавших из Самары: дворян с их семействами, капитана Балахонцева с 23 солдатами и прапорщика Панова с казаками. Узнав от них, что Самара занята мятежниками, Муфель поспешил движением и 28 декабря был уже в пяти верстах от города, в селе Рождественском.

Здесь ему передали, что, по распоряжению атамана Арапова, партия в 300 ставропольских калмыков должна была атаковать отряд с тыла, в то время, когда сам Арапов двинется с фронта.

Устроив вагенбург в селении Рождественском, майор Муфель, в семь часов утра, 29 декабря, подошел к Самаре, где был встречен огнем из двух полевых и шести чугунных орудий. Не теряя времени на

перестрелку, он смело двинулся вперед, и хотя встретил упорное сопротивление, но штыками выгнал мятежников из города, захватил 200 человек пленных и все орудия, причем сам лишился трех человек убитыми и пятнадцати ранеными. «Злодеев хотя и побито довольное число, – доносил он^[65], – однако за великим снегом и метелью, которыми трупы заносило, никак исчислить было не можно, да и здешними обывателями многие трупы были покрадены».

Донося о своих действиях Бибикову, майор Муфель свидетельствовал о храбрости всех чинов, и в особенности хвалил команду волжских казаков, которые «немало свергали их [мятежников] с коней пиками»^[66]. Он писал, что «все в Самаре жители более оказывают суровости, нежели ласки» и что «самарское духовенство всемилостивейшую нашу государыню в поминовении из ектений исключило». Спрашивая Бибикова, как поступить со священниками, нарушившими обязанности и присягу верноподданных, Муфель доносил, что за неимением свинца он должен несколько дней пробыть в городе, и просил прислать ему «хотя малую частицу карты, дабы я мог узнать окрестности сего места, а от старой карты ничего узнать не можно».

Между тем 4 января прибыл в Самару подполковник Гринев со своим отрядом, при котором находился и поручик Державин, имевший предписание главнокомандующего исследовать, кто из жителей наиболее виновен во встрече мятежников. Всех таковых было приказано отправить в Казань, «а некоторых для страху жестоко на площади наказать плетью при собрании народа, приговаривая, что они против злодеев должны пребыть в твердости и живота своего, как верные подданные, щадить не должныствуют»^[67].

В течение двух дней Гринев, при содействии Муфеля и Державина, занимался восстановлением порядка в городе и приведением к присяге жителей, от которых

отбирались подписки, что они впредь останутся верными императрице, не будут иметь ни тайных, ни явных сношений с мятежниками и как самого Пугачева, так и его шайки будут почитать злодеями, изменниками и разбойниками.

Что касается духовенства, то оно все оказалось виновным, но Державин не признал возможным арестовать его, опасаясь, «что, лиша церкви служения, не подложить бы в волнующийся народ, обольщенный разными коварствами, сильнейшего огня к зловерному разглашению, что мы, наказуя попов, стесняем веру».

Разделяя это мнение, главнокомандующий потребовал, чтобы казанский архиепископ Вениамин отправил в Самару новых священников, а тех, которые оказались виновными, приказал прислать в Казань. Отправив их в числе девяти человек, подполковник Гринев в два часа ночи, на 7 января, выступил из Самары к Алексеевску со сборным отрядом, состоявшим из пехоты, кавалерии и четырех единорогов^[68].

Темная ночь и сильная метель замедляли движение, и в девять часов утра Гринев остановился в восьми верстах от пригорода Алексеевска с тем, чтобы дать людям отдохнуть и покормить лошадей. Но ни того ни другого не удалось исполнить, так как мятежники, в числе 2000 человек^[69], под начальством двух атаманов, Арапова и Чулошникова, атаковали только что остановившийся отряд. Построив каре, в котором один фас составляли гусары и казаки, второй – егеря, третий – мушкетеры и четвертый – драгуны, подполковник Гринев приказал открыть огонь и постепенно подвигался вперед. Отвечая огнем из трех орудий, мятежники, почти все конные, произвели ряд атак, но прорвать каре не могли. Понеся весьма значительные потери от разрывных гранат, которых сами не имели, мятежники стали отступать, будучи преследуемы гусарами и казаками.

У самого пригорода Алексеевска Арапов и Чулошников пытались снова остановить Гринева, но и на этот раз неудачно. Бой, продолжавшийся в течение почти целого дня, окончился занятием Алексеевска. Потеряв убитыми пять нижних чинов и девять ранеными, подполковник Гринев захватил три чугунных орудия с 60 ядрами и 230 штук рогатого скота^[70]. Население города было приведено к присяге, а виновные в возмущении были пересечены плетью в церковной ограде при собрании всего народа^[71].

Отсюда, в три часа утра, 9 января, подполковник Гринев двинулся вверх по реке Самаре к Красному Яру, где, по сведениям, собрались ставропольские калмыки. Он успел захватить 300 штук рогатого скота и двести овец, но калмыков не настиг, так как они вместе со своей ханшей Дербетовой ушли за Араповым и Чулошниковым, отступившими вверх по реке Кинель.

Известия о прогнании мятежников из Самары и Алексеевска и донесение Державина о благонадежности легких полевых команд успокоили А.И. Бибикова и вселили в нем уверенность, что войска будут обходиться с сообщниками Пугачева как с мятежниками. «Это придает мне храбрость», – писал главнокомандующий^[72]; являлась возможность перейти в наступление, столь необходимое в особенности со стороны Башкирии, где дела были в самом печальном положении.

Донесение Веревкина о происшествии в Челябинске и затруднительное положение города Кунгура также озабочивали А.И. Бибикова, Кунгур находился в 500 верстах от Казани, а Челябинск еще дальше, подать скорую помощь им было невозможно, потому что бунт распространился слишком широко, и мятежники, перейдя реки Каму и Вятку, разграбили Иштымский Иноземцова завод и набирали себе ополчение почти у самой Казани. Войскам приходилось водворять

спокойствие на огромном пространстве, прежде чем они могли дойти до Кунгура. Не зная об энергических действиях майора Попова, генерал-аншеф Бибииков утешал себя тем, что на помощь городу явится коллежский асессор Башмаков, который, доносил он^[73], не только «своими служителями заводы свои, укрепя, защищает, но и высылает команды для поиска над злодеями». Скоро, однако же, и Башмаков признал свое бессилие и писал Бибиикову^[74], что «без подкрепления регулярной воинской команды наше войско вовсе сумнительно и ненадежно, и теперь остается единая ко спасению нам надежда – высокая милость Божия».

Спешить на помощь по первому призыву или заявлению было невозможно, а разбрасывать войска по разным направлениям и мелкими частями даже вредно. Оценив свое положение, А.И. Бибииков решился усмирять край постепенно и хотя медленно, но верно. Он приказал генерал-майору Мансурову принять общее начальство над четырьмя легкими полевыми командами, продолжать наступление «живо и проворно», распространить свои поиски вверх по реке Самаре и войти в связь с отрядом генерал-майора Фреймана, расположенным в Бугульме^[75]. Очистив от мятежников пространство между Самарой и Бугульмой и закрыв селения от набегов, оба генерала должны были двигаться к Оренбургу, составляя авангард главных сил генерал-майора князя Голицына, попечению которого вверено было «очищение земли к стороне Оренбурга»^[76].

«Если Оренбург имеет пропитание, – писал главнокомандующий графу З.Г. Чернышеву^[77], – то надеюсь его спасти, а сим уповаю и главную всему злу переломлю преграду. Но маршем поспешить великие настоят трудности, потому что число подвод для подвоза пропитания на корпус и для способствования

городу выходит большое по дальнему и степному положению. А притом рассевшуюся сволочь сперва прогнать и землю очистить надобно, ибо сей саранчи столь много, что около постов Фреймановых проходу нет и на нас лезут. Конвоирование великого подвоза требует по степным местам людей; без прикрытия же и самую Казань со стороны Башкирии оставить нельзя».

Для действия со стороны Башкирии были сформированы два отряда: капитана Кардашевского, из пятидесяти гренадер и роты гусар с одним орудием, и полковника Юрия Бибикова из четырех рот 2-го гренадерского и трех рот (эскадронов) Изюмского гусарского полков (всего сто коней) при двух орудиях.

Следуя чрез город Арск и далее к реке Вятке до впадения ее в Каму, капитан Кардашевский должен был очистить все это пространство от шатающихся мятежников, а полковник Бибиков – освободить Мензелинск и Заинек и очистить дорогу из Бугульмы, соединяющую Казань с отрядом Фреймана^[78].

4 января Юрий Бибиков выступил из Казани с своим отрядом, а на следующий день двинулся и капитан Кардашевский. При деревне Каюках он встретил небольшую толпу бродяг, оказавших весьма малое сопротивление и разбежавшихся в разные стороны. Захватив три человека в плен, Кардашевский дошел до реки Вятки и не только не встретил мятежников, но и не «слыхал, чтобы где злодеи шатались». Считая задачу свою относительно этой местности исполненной, Кардашевский пошел на соединение с полковником Юрием Бибиковым.

Последний, следуя чрез село Алексеевское и Старошешминск, 13 января встретил мятежников в селении Сухарева, в тридцати верстах от Заинска. Подходя к селению, полковник Бибиков послал вперед подполковника Бедрягу с гусарами и ротой гренадер и приказал занять его. Мятежники разрушили мост через

лощину пред Сухаревым, но, несмотря на то и на глубокий снег, подполковник Бедряга почти без сопротивления занял селение. Мятежники расположились вокруг отряда в трех деревнях, и хотя находились всего в 2–4 верстах, но Бибиков принужден был остановиться на день в селении Сухарева, чтобы дать отдых утомленному отряду. «Пушки у меня так тяжелы, – писал он, – что я от них время весьма много потерял; дороги так снежны, что и одна лошадь насилу может идти».

В восьмом часу утра, 14 января, Ю. Бибиков атаковал мятежников, разбил их и все три селения (Ерыклы крещеные, Ерыклы и Туба магометанские) сжег до основания, «авось либо, – писал он, – после узнают свое заблуждение и возвратятся на путь истинный»^[79]. Захваченных в плен мужиков полковник Бибиков пересек; Сухаревского священника, читавшего манифест Пугачева, и двух отставных солдат, из коих один кричал гусарам, чтоб они перешли на сторону самозванца, отправил в Казань в секретную комиссию. Обращая внимание главнокомандующего на энергию и храбрость подполковника Бедряги, Юрий Бибиков просил прислать ему три или четыре 3-фунтовые пушки, а те орудия, которые у него были, оставить в Записке, «ибо с ними, – говорил он, – никуда не могу поспевать, изнуря в дороге людей и лошадей».

16 января Ю. Бибиков выступил из селения Сухарева по направлению к Заинску. Верст за шесть от деревни Аскариной отряд был встречен атаманом Аренкулом Асеевым с 600 мятежников и тремя орудиями. После непродолжительной перестрелки Бибиков приказал роте гренадер овладеть батареей, что и было исполнено. Мятежники обратились в бегство, «но, – доносил Ю. Бибиков, – бег им был весьма неудачен, ибо они, скакав беспорядочной толпой, друг дружке мешали и вязли в снегу». Подполковник Бедряга со своими гусарами рубил

всех увязших, и мятежники оставили на поле сражения до 200 тел.

Из деревни Аскариной отряд двинулся к Заинску и был встречен мятежниками, расположившимися впереди города в числе до 1400 человек. Выставив на пригорке три орудия, предводители толпы приставили к ним канониров, захваченных в Заинске, и приказали им открыть огонь. Разделив свой отряд на три колонны, полковник Бибиков приказал: майору Неклюдову уничтожить рогатки, поставленные на дороге, капитану Плахуте со второю колонной и поручику конной гвардии Кошелеву с третьей занять предместье, разделенное рвами на две части, и выгнать из него мятежников. Сам же Бибиков, поднявшись на высоту, находившуюся саженьях в двухстах от города, поставил на ней батарею, а подполковнику Бедряге с гусарами приказал обойти город и стать за перелеском.

Наступавшие колонны были встречены выстрелами, но безвредными, потому что канониры стреляли сначала вверх голов, а потом скатили свои пушки под гору и сами бежали к атакующим.

Потеря трех орудий и меткий огонь батареи, выставленной полковником Бибиковым, заставили мятежников очистить город. Они бежали врассыпную, и «тут опять предстал случай гусарам продолжать свою работу». Подполковник Бедряга, «как искусный и храбрый кавалерийский офицер», стремительно преследовал бегущих и на протяжении не более двух верст изрубил до 300 человек; в городе же найдено до ста убитых и раненых.

В Заинске полковник Бибиков захватил подпрапорщика Буткевича, сдавшего город вместе с капитаном Мертвецовым, арестовал священника и дьякона, служивших молебны о здравии самозванца. Отправив их в Казань, в секретную комиссию, Юрий Бибиков доносил, что пробудет в Заинске дня четыре,

«ибо со всех сторон приходят крестьяне, татары с повинной, и сколько таковых будет, донесу. Солдаты, которые положили ружья, прогнаны сквозь строй; дьячки за крик многолетия высечены»^[80].

Донесение это весьма обрадовало главнокомандующего; «хотя писал правитель его канцелярии^[81], везде посланные команды имеют поверхность над злодеями, но не было еще столь громкого удара, каковой распространил повсюду дашамент Юрия Богдановича».

Приказав исключить из донесения все, что относилось до наказания, понесенного населением занятого города, и представляя его в копии императрице, А.И. Бибиков выражал уверенность, что край «очистится от сей нечистой сволочи» и последствия этих побед будут благотворны^[82]. Действительно, на другой день по занятии Заинска к полковнику Бибикову явились с повинной 22 деревни и заявили, что и прочие их односельцы, взятые мятежниками на службу, возвращаются в дома. Ю. Бибиков выдавал им билеты и отпускал по домам, «ибо, – доносил он^[83], – держать мне их негде, потому что тысячи четыре вчерашний день у меня их с повинной было».

Из Заинска Ю. Бибиков пошел на освобождение майора Перского, окруженного мятежниками в дворцовом селе Елабуге. Еще 27 декабря казанский губернатор фон Брандт отправил командира 2-го батальона казанского гарнизона, майора Перского, с 100 человеками и одним орудием, к Мензелинску. Он поручил ему ввести порядок в городе и вступить в управление, так как воевода Мажаров и майор Тихановский убежали в Казань, за что и были преданы суду^[84].

Дойдя до села Елабуги, Перский был окружен мятежниками и хотя выдержал нападений пять, но

пройти к Мензелинску признавал невозможным. Он доносил, что по обеим сторонам реки Камы собралось более шести тысяч мятежников, и просил помощи^[85].

Полковник Бибилов 26 января выступил из Заинска и, прибыв в село Ляки, писал, что не встретил нигде мятежников, «да и от Мензелинска все бегут в степь, а большая часть в Нагайбаке теперь жметяся»^[86]. Отправив майора Неклюдова с ротой гренадер и ротой гусар, Бибилов приказал ему выручить Перского, что и было исполнено, причем в происшедшей схватке мятежники потеряли до 200 человек убитыми^[87].

Прибыв 30 января в Мензелинск, полковник Бибилов не нашел и там мятежников; они, в числе до двух тысяч человек, собрались в селе Пьяном Бору, в 15 верстах от города, на реке Каме, где и построили укрепление «из дров наподобие палисаду», дороги, идущие в село, были завалены засеками и колодами^[88].

На следующее утро, 31 января, Ю. Бибилов отправил подполковника Бедрягу с тремястами человек пехоты, эскадроном гусар и четырьмя пушками^[89] и приказал ему выгнать толпу из Пьяного Бора, а укрепления сжечь.

Подходя к селению, Бедряга был встречен авангардом мятежников, охранявших дорогу, но оттеснил их и приготовился к штурму укрепления. Он разделил свои силы на три колонны и, поручив их майору Неклюдову, копейной гвардии поручику Кошелеву и 2-го гренадерского полка поручику графу Санти, с трех сторон двинулся на укрепление. Мятежники встретили наступающих сильным огнем, но после жаркой схватки были отброшены и бежали, преследуемые гусарами; засевшие в избах были переколоты. В отряде Бедряги убитых не было, а раненых было всего 8 человек^[90]. Мятежники оставили на поле сражения до 400 человек и лишились 60 человек, захваченных в плен, «которых, – доносил Юрий

Бибилов, – я наказал кошками под виселицей и отпустил по-прежнему в свои дома. Теперь со всех сторон, из сел и деревень, приезжают с повинной; в одни сутки 40 деревень признали свою вину и у меня явились. Февраля 1-го числа прислал ко мне злодейский атаман Торнов, из Нагайбака, отставного прапорщика Скугаревского, брата родного тому, что у меня переводчиком. Не отвечая ему ничего на вопрос, велел публично, при наказании пленных, профосу под виселицей сжечь. Капитан Алексеев, что был в Нагайбаке с командой, оставя город, сочтя себя малым оный защищать, обще с воеводой ретировался в Мензелинск, которого я теперь арестовал и держу под караулом до повеления вашего высокопревосходительства».

С рассеянием мятежников, собравшихся у Пьяного Бора, почти весь Мензелинский уезд до самой реки Ика был успокоен, за исключением части, прилегавшей к Нагайбаку, на помощь которому была отправлена из окрестностей Уфы толпа в 4 тысячи человек, с 11-13 орудиями. Ю. Бибилов предупредил мятежников занятием Нагайбака, и они остановились в крепости Бакалах^[91]. Взяв с собою 300 человек пехоты, 120 гусар, 50 казаков и три орудия, Юрий Бибилов, в два часа ночи на 11 февраля, выступил из Нагайбака. Пройдя 38 верст, он, в девять часов утра 11 февраля, атаковал Бакалы и без всякой потери в людях овладел укреплением. Лишившись до 400 человек убитыми и ранеными, мятежники рассыпались в разные стороны, и окрестные жители являлись с повинной. «Деревень с полтора ста приехали за билетами, – доносил Ю. Бибилов^[92], – и каждая деревня без наряда привезла фураж». Он разослал по дороге в город Уфу приказания, чтобы население готовило продовольствие для значительного отряда, и «имею известие, – писал Ю. Бибилов, – что по всей дороге со всякой покорностью исполняют мое повеление». Жители возвращались в свои дома, и в

Казань стали ежедневно являться с невнесенными податями и непоставленными рекрутами^[93]. Восстановив порядок в Бакалах, Ю. Бибиков возвратился в Нагайбак, а затем получил приказание идти на соединение с князем Голицыным.

Сосредоточив свой отряд у реки Камы, генерал-майор князь П. Голицын разделил его на три колонны: *первая*, или средняя, под его личным начальством^[94], должна была двигаться по новомосковской дороге^[95]; *вторая*, полковника Изюмского гусарского полка Хорвата, направлена к реке Черемшан^[96]; *третья*, премьер-майора Владимирского полка Елагина, к Билярску^[97].

Торопясь соединиться с «неподвижным» отрядом генерал-майора Фреймана, стоявшим в Бугульме, князь Голицын 29 января прибыл со своей колонной в Кичуевский фельдшанец, где узнал, что мятежники группировались в следующих пунктах: у Ставрополя было до 1400 калмыков; от Белого Яра, вверх по реке Черемшану, бродила толпа в 600 человек; в деревнях Каменке и Шентале, в 30–40 верстах от Черемшанской крепости, стоял бузулукский казак Чернеев с 1000 человек; в окрестностях Кувацкой слободы партия в 500 человек; на реке Кинели стоял Арапов с 400 человек и за Бугульмой, по дороге к Оренбургу, в селе Рычкове (Спасское тож) и деревне Дымской находилось 1000 человек с семью орудиями^[98].

Глубокие снега задерживали движение и заставили князя Голицына сформировать команду лыжников; он приказал, чтобы в каждой роте было по 25 человек и все егеря имели лыжи^[99]. Поручив затем майору Елагину очистить окрестности Ставрополя и войти в связь с отрядом подполковника Гринева, а полковнику Хорвату разогнать мятежников в деревнях Каменке и Шентале, сам князь Голицын 4 февраля перешел в Бугульму, где и

соединился с генералом Фрейманом. В ту же ночь он отправил два небольших отряда: майора Варнстедта по московской дороге и полковника Ильина к Нагайбаку, для открытия связи с отрядом полковника Ю. Бибикова.

Имея в своем отряде 160 гренадер, 80 карабинеров и 10 малолетков, полковник Ильин разогнал небольшие толпы мятежников в деревнях Сумароковой, Акбаше, Крым-Сарае и затем, получив известие, что Нагайбак уже занят Ю. Бибиковым, он повернул на оренбургскую дорогу и пошел на соединение с майором Варнстедтом.

Последний выгнал мятежников из деревень Рычковой и Дымской и двинулся к Сок-Кармалинской слободе, находившейся в 50 верстах от Бугуруслана, скорейшее занятие которого признавалось крайне необходимым.

Бугуруслан был ближайшим к нам пунктом, в котором мятежники устроили склады продовольствия, обеспечивавшие как отдельные шайки, так и толпу, стоявшую под Оренбургом. Уничтожение этих складов или взятие их значительно затруднило бы все предприятия возмутителей, и потому князь Голицын приказал находившемуся в окрестностях Черемшанской крепости полковнику Хорвату соединиться с отрядом майора Елагина, как можно скорее занять Бугуруслан^[100] и войти в связь с отрядом генерал-майора Мансурова, наступавшим по Самарской линии.

Прибыв в Самару, Мансуров принял общее начальство над четырьмя легкими полевыми командами (22, 23, 24 и 25-й) и прежде всего принужден был иметь дело с калмыками, грабившими окрестности. Получив приказание главнокомандующего обратиться к калмыкам с увещанием, Мансуров отправил к ним воззвание, написанное Г.Р. Державиным.

«Собственно вам самим довольно известно, – писал Мансуров калмыкам^[101], – что вы с нами одной веры, одного с нами почитаете Бога. Собственно, вы также

знаете, сколько вы имели милостей всемилостивейшей нашей государыни, быв от нее награждены как жалованьем, так землей и всеми угождениями, и находились под ее щедрым покровом без утеснения, то и удивительно всем, что вы, быв до сего люди добрые, сделались ныне милосердой государыни изменниками.

Для того послано сие письмо к вам, чтобы вы, ежели от какого неразумения сделали сие, очуствовались и пришли бы в раскаяние. Кто вам сказал, что государь Петр III жив, после одиннадцати лет смерти его? откуда он взялся? Но ежели б он был и жив, то пришел ли бы он к казакам требовать себе помощи? Нет разве на свете государей, друзей его и сродников, кто бы за него вступился, кроме беглых людей и казаков? У него есть отечество – Голштиния и свойственник – великий государь Прусский, которого вы силу, быв против него на войне, довольно знаете(?).

Стыдно вам, калмыкам, слушаться мужика, беглого с Дона казака, Емельяна Пугачева, и почитать его за царя, который сам хуже вас всех, для того что он разбойник, а вы люди честные. Стыдно вам повиноваться тому, который, может быть, от неприятелей наших турок подкуплен лить кровь нашу, стараться помрачить славу российскую и после сам вас погубит своим злодейством.

Не хотите вы терпеть господ, то не стыдно ли вам в то же самое время почитать крестьянина Арапова за своего господина, атамана, и во всем его слушаться. А особливо княгине вашей не стыдно ли иметь с ним дружбу? Для того, ежели вы рассудите и раскаетесь и принесете повинность своей всемилостивейшей государыне, то она вас своим матерним милосердием в манифесте уже прощает; ускорите пасть к ногам ее, доколь не постигнет вас всех праведный гнев ее и строгая казнь. Многочисленные полки ее, приблизясь, всех вас перебьют. Жалейте жизни своей, жен, детей

своих и всего своего имения, которое все погибнет без остатка.

Видали вы при Алексеевском, как неустрашимо ее войско, то что вы будете делать, когда оно все на вас нападет? Где вы будете и куда спрячетесь? – вас земля не будет носить; от стреляния ее пушек след ваш пропадет и прах ваш рассеется по ветрам. Отнюдь не надейтесь на самозванца вашего, он вас не защитит; он не царь ваш, он вас обманывает, а вы разве дураки все, что ему верите? Я вас уверяю своей головой, что он тотчас побит будет, как только соберутся и придут к нему полки. Вы же, как скоро принесете свою повинность, то простятся вам все ваши грабежи и преступления, и вы будете жить по-старому.

Жалеючи вас написано сие вам увещание. Подумайте и отвечайте: что вы еще хотите делать?»

Воззвание это не понравилось императрице. *«Оно такого слога, – писала Екатерина ^[102], – что оно конечно не напечатаю»*. По содержанию воззвание это нельзя назвать удачным, и калмыки, не считая себя одной с нами веры, не касаясь политического вопроса, к кому бы Петр III должен был обратиться за помощью, к казакам или голштинцам, продолжали хищничать. В пять часов утра, 20 января, они под начальством Дербетова ворвались в город Ставрополь, и хотя в городе было 249 гарнизонных солдат, но они не оказали никакого сопротивления и не сделали ни одного выстрела. Калмыки захватили шесть пушек, разграбили лучшие дома и, уходя из города, увели с собою коменданта, бригадира фон Фегезака, надворного советника Милковича, батальонного командира Алашеева и секретаря Микляева. Все эти лица были потом найдены убитыми близ села Буяна, находившегося в 70 верстах от города.

Разграбление Ставрополя и известие, что калмыки намерены напасть на транспорт с провиантом,

отправленный из Симбирска в Самару, заставили генерал-майора Мансурова командировать подполковника Гринева с его 22-й легкой полевой командой и ротой гусар к Красному Яру. Отступая от Ставрополя, Дербетов наткнулся на отряд Гринева, атаковал его, но был разбит и прогнан. Мятежники бросили пять пушек, захваченных ими в Ставрополе, потеряли 120 человек убитыми и 40 пленными. Поручив Гриневу преследовать мятежников до Чернореченска и зная, что полковник Хорват следует из Черемшана в Сергиевск на соединение с майором Елагиным для скорейшего занятия Бугуруслана, генерал-майор Мансуров просил его содействовать Гриневу в поражении калмыков.

Прибыв в Сергиевск, полковник Хорват не застал там майора Елагина, за несколько часов пред тем выступившего к Бугуруслану, и нагнал его близ деревни Захаркиной во время боя с калмыками, собравшимися здесь под начальством Дербетова в числе до 2 тысяч человек. Шедший в авангарде отряда Елагина Владимирского пехотного полка капитан Воронин, со 106 человеками пехоты, 30 гусарами и одним орудием, был встречен пред деревней выстрелами из трех орудий, а затем окружен мятежниками.

Воронин два часа отбивал атаки, пока подоспевший на поле сражения полковник Хорват не отправил ему в помощь весь отряд майора Елагина. Тогда мятежники отступили к деревне Захаркиной, но были выбиты и шесть верст преследуемы кавалерией. Оставив на месте сражения до 150 человек убитыми и одну пушку, калмыки рассыпались в разные стороны^[103]. Дальнейшее преследование их за чрезвычайно глубоким снегом оказывалось невозможным, и полковник Хорват на следующий день перешел в слободу Черкасскую, где не нашел мятежников, отступивших в Борскую крепость, находившуюся на Самарской линии.

Таким образом, в самом начале февраля было очищено от мятежников все пространство от границ Башкирии до реки Волги и далее на юг по рекам Ику и Кинели до Самарской линии.

Предоставив дальнейшие действия против толпы, скрывшейся в Борской крепости, генерал-майору Мансурову, полковник Хорват двинулся вверх по реке Кинели прямо к Бугуруслану, который и занял^[104]. Здесь он остановился в ожидании прибытия отряда князя Голицына, но последний, будучи занят заготовлением продовольствия как для себя, так и для Оренбурга, подвигался весьма медленно. Сформированный подвижной транспорт стеснял движение князя Голицына настолько, что он мог прибыть в Бугуруслан не ранее конца февраля. «Причиной тому, – доносил главнокомандующий императрице^[105], – бездорожница и глубокие снега, тож подвоз пропитания степными местами слишком на триста верст. Но нет трудности, которую бы верные и усердные вам войска не преодолели. Я за них и за себя дерзаю ручаться, что если успех равен будет усердию, то увенчается и дело желаемым концом. Ни о чем так не прошу Всевышнего, чтобы благословил прибавить Он пропитание Оренбургу. Что всего опаснее».

Прошло четыре месяца с тех пор, как город этот, предоставленный собственным силам и средствам, был окружен со всех сторон мятежниками. Блокада эта не имела ничего характерного, ничего выдающегося, но была томительна для жителей, ощущавших недостаток в продовольствии. «По благодати Божией, – писал оренбургский губернатор, генерал Рейнсдорп, казанскому, фон Брандту^[106], – здешнее общество находится в городе благополучно, только крайне беспокоит бедственное страдание граждан в хлебе, который давно у всякого изшел». Рейнсдорп принужден был сделать распоряжение о выдаче гражданам

продовольствия из казенных магазинов, и таким образом провиант выдавался ежедневно более чем 16 тысячам человек. «Но ежели оно было бы достаточно, – писал оренбургский губернатор, – то б обойтись можно было, а то и казенный весь без остатка в расход вышел, следовательно, неминуемый наступает голод». Фуража для лошадей также не было, и их приходилось кормить хворостом, для рубки которого посылались команды, но редко с успехом. Мятежники зорко следили за всеми выходящими из крепости и старались захватить в плен, нападая на команды в несоразмерно большем числе. Положение оренбургского гарнизона и жителей с каждым днем становилось хуже. Началось дезертирство из города, и высылаемые казачьи партии приводили мало пленных. Яицкие казаки и татары, бывшие в Оренбурге, находились под командой коллежского советника Тимашева. «Он хотя человек усердный, – писал современник ^[107], – но толще покойного князя Ивана Васильевича Одоевского и много на него похож». По своей тучности Тимашов никогда не выходил за ворота и все, что доносили ему казаки, считал истиной. Разведки производились плохо, и что делалось за чертой города – никто ничего не знал. Надежды на скорую помощь не было; добыть продовольствие извне было невозможно. Самым лучшим исходом для города и гарнизона был бы штурм. Никто не сомневался, что последний будет отбит, и тогда бы, пользуясь деморализацией противника, можно было перейти в наступление, захватить запасы в Берде и хотя бы на некоторое время обеспечить себя продовольствием. Но Пугачев понимал, что с таким ополчением, какое было у него, взять Оренбург невозможно, а от дезертиров знал то бедственное положение, в котором находится население, благодаря недостатку продовольствия. Он решился предоставить голоду сделать свое дело и не предпринимать штурма, тем более что в это время

самозванец мечтал о возможности овладеть Яицким городком, куда отправил часть своих сил, а потом и сам уехал по приглашению казаков.

Глава 4

Меры, принятые полковником Симоновым к защите Яицкого городка. - Деятельность Толкачева. - Перестрелка гарнизона с казаками. - Прибытие Пугачева в Яицкий городок. - Минные работы мятежников. - Взрыв подкопа и попытка казаков штурмовать укрепления. - Выбор атамана и старшин. - Посылка Овчинникова за порохом в Гурьев городок и возмущение в нем. - Новый подкоп. - Женитьба Пугачева на Устинье Кузнецовой. - Взрыв минного колодца под колокольней. - Отъезд Пугачева под Оренбург. - Жизнь Устиньи в Яицком городке. - Ее придворный штат. - Переписка с Пугачевым. - Переговоры Перфильева с капитаном Крыловым.

Посланный самозванцем для действия против Яицкого городка казак Михаил Толкачев проехал через киргизские урочища на Миргеневский форпост и затем пошел по Яику (Уралу), забирая с собою всех казаков. Набрав таким образом толпу до 300 человек, Толкачев в конце декабря подошел к Яицкому городку^[108].

Комендант, полковник Симонов, еще после первого появления Пугачева принял меры к защите и успел возвести непрерывную линию укреплений. Упираясь обоими концами в Старицу (старое русло реки Лика), укрепления заключали в своей черте часть города и главные здания: дом войсковой канцелярии, гауптвахту и проч. В черте укреплений, или так называемого ретраншемента, находилась и соборная церковь с высокой колокольней. Та и другая составляли одну линию с валом переднего фаса. Колокольня имела вход на самый верх, причем под колоколами были два

помоста с восемью окнами, расположенными на все стороны. На этих помостах были поставлены две трехфунтовые пушки и расположены искуснейшие стрелки. Поднятые на значительную высоту и имея широкий обстрел, пушки эти наносили сильный вред, и дальность их выстрела достигала одной версты.

Внутри укреплений был помещен провиант, порох, сделан запас дров и устроены землянки для нижних чинов.

В таком положении полковник Симонов мог считать себя до некоторой степени обеспеченным от штурма и надеялся удержать город до прибытия подкреплений.

Получив 29 декабря известие о приближении Толкачева с толпой, Симонов выслал навстречу ему старшину Мостовщикова с 80 человеками оренбургских и яицких казаков. Выступив в ночь на 30 декабря, Мостовщиков в семи верстах от города был окружен мятежниками, которые захватили в плен 24 человека оренбургских казаков и присоединили к себе добровольно передавшихся всех яицких. Трое оренбургских казаков успели избавиться от плена и пред зарей прискакали обратно в город^[109]. Выслушав их показание, Симонов приказал ударить в набат, служивший сигналом, по которому все желающие казаки должны были перейти в ретраншемент под защиту войск^[110]. Таких набралось не более 70 человек, а большинство осталось в домах из опасения, чтобы Толкачев не выжег города и не предал смерти их жен и детей. Опасение это было тем более основательно, что Толкачев всех противившихся ему вешал или бросал в воду с камнями на шее. Так он утопил атамана Федора Бородина и старшину Мостовщикова, повесил нескольких священников и казаков.

Утром 30 декабря Толкачев подошел к Яицкому городку и был сочувственно принят жителями. Призвав к себе духовенство и собрав круг, он объявил указ о

вступлении на престол императора Петра III и приказал упоминать в церквах его имя и имя наследника цесаревича. Вслед за тем он двинулся к ретраншементу и вместе с присоединившимися к нему городскими казаками открыл огонь. Засев в высокие избы и забравшись под кровли, мятежники были безопасны от ружейного огня из укреплений и, напротив, сами могли бить на выбор. Поэтому Симонов приказал стрелять преимущественно из орудий и направлять огонь на ближайшие строения; но каленые ядра пробивали насквозь деревянные стены домов и, падая в снег, потухали. Тогда трое солдат 6-й легкой полевой команды вызвались зажечь руками ближайший двор, что и исполнили с успехом и без всякого вреда для себя. Пожар быстро распространился по всему городу, мятежники стали разбегаться, преследуемые выстрелами из ретраншемента.

С наступлением вечера гарнизон произвел вылазку и успел зажечь еще несколько строений. Такие вылазки и поджигание домов продолжались три дня сряду, и пред ретраншементом образовалась обширная обгорелая площадь шириной от 25—100 сажень. В глубине ее виднелись устья улиц, расходящихся в разные стороны и заваливаемых баррикадами. Желая преградить доступ к своим жилищам, казаки строили завалы в несколько бревен толщиной, проделывали в крайних избах бойницы и устраивали насыпи в разных местах под батареи^[111]. Сознавая, что и этих мер недостаточно, чтоб обеспечить себя от вылазок гарнизона, владевшего достаточным числом орудий, Толкачев отправил в Берду донесение о своей деятельности, с просьбой прислать ему помощь, а главное – пушек. Он писал, что занял город, но только потому, что казаки не сопротивлялись; что Симонов заперся в ретраншементе, и так как Дусали-султан киргизский не прислал ни одного человека, то овладеть ретраншементом он не в силах.

Пугачев тотчас же послал в Яицкий городок атамана Овчинникова с 50 казаками, тремя пушками и одним единорогом, а через несколько дней поехал туда и сам, в сопровождении восьми человек конвоя^[112].

На другой день после Крещения, 7 января, Толкачев прислал сказать духовенству, что государь едет в город и приказал выйти к нему навстречу всем собором. Облачась в ризы, духовенство вышло за город с крестами и образами, а казаки с хлебом и солью. Пугачев приложился ко кресту, а потом принял хлеб-соль и поцеловал их. Увидев в толпе своего знакомого Дениса Пьянова, самозванец обратился к нему с вопросом:

– Ну что, узнаешь ли ты меня?

– Как не узнать! Ведь дело-то недавно было.

– Смотри же, я не Емельян Иванов, а государь ваш Петр Федорович. Я хлеб-соль твою помню и тебя не забуду.

После обычной церемонии целования руки самозванец отправился прямо в дом Толкачева^[113], а затем вышел посмотреть на укрепления, построенные Симоновым. Выбрав наиболее удобное, по его мнению, место, Пугачев приказал строить на нем батарею и приступить к устройству подкопа под одну из фланговых батарей ретраншемента, более других опасную для жителей города. Для этого, по приказанию самозванца, было собрано до 150 человек рабочих и 11 человек плотников, руководителем коих был выбран мордвин Пензенского уезда Яков Кубарь. Вся эта толпа под предводительством самого Пугачева отправилась в погреб казака Ивана Губина, находившийся в 50 саженьях от батареи, и тут самозванец «сам в стене, зачертив три аршина в ширину и три аршина в длину», приказал Кубарю вырубить стену и рыть подкоп. Пугачев показывал, как производить работу, и по несколько раз, днем и ночью, приходил в погреб, чтоб следить за ее

ходом. «Освещали оный подкоп, – показывал Кубарь^[114], – множеством сальных и восковых свечей. Во время работы приказывал он мне, чтобы не шумели, работы производили бы тихо и отдушины делать почаще, – сажени три, четыре и пять одна от другой». Подкоп вели в прямом направлении, и когда он достиг до 50 сажен длиной, то Пугачев приказал прекратить работы, говоря, что теперь подошли уже под вал укрепления. В конце подкопа была поставлена бочка, в которую насыпали до 10 пудов пороха и покрыли его тряпицей. Часа за три до рассвета, 20 января, Пугачев приказал яицким казакам быть готовыми и как только последует взрыв, то штурмовать ретраншемент. Сам же он вместе с

Кубарем и одним работником спустился в галерею «с зажженной свечой, сделанной из воска, с особливою светильней, намазанной незнаемо чем-то для того, чтоб от духа она не погасла». Установив свечку в середине бочонка, не закрыв отдушин и не сделав забивки горна, самозванец вышел из галереи. Когда свеча догорела, последовал взрыв, причинивший весьма малый вред укреплению, но разрушивший часть контрэскарпа, осевшего в ров настолько, что последний был засыпан почти до половины. Дым от взрыва не успел еще рассеяться, как огромная толпа мятежников, среди которой были видны женщины, бросилась штурмовать укрепление. До двухсот человек спустились в ров и, при помощи лестниц, пытались взобраться на вал, но, встреченные штыками, они не могли овладеть укреплением. По собравшимся на площади казакам был открыт картечный и ружейный огонь, заставивший их разбежаться с огромной потерей. Скрывшись по улицам и не смея показаться на площадь, казаки засели в крайних домах и открыли огонь по ретраншементу, но как расстояние до него было теперь довольно

значительно, то выстрелы их и не причиняли особого вреда гарнизону.

Между тем спустившиеся в ров мятежники подкапывали насыпь, рубили заплотные столбы и пытались снова взобраться на вал, но все их попытки оказались безуспешными. Будучи отрезаны от своих целой площадью, обстреливаемой сильным картечным огнем, они не могли ожидать помощи и были не страшны гарнизону. Сначала на них сыпали горячую золу и лили вар, а потом произведена была вылазка под начальством подпоручика 6-й легкой полевой команды Полстовалова. Принятые в штыки, мятежники, после слабого сопротивления, были выгнаны из рва, и как только появились на площади, их осыпали картечью и ружейными пулями. Большинство их было или убито или ранено, и штурм укрепления, продолжавшийся около десяти часов, лишил Пугачева до 400 человек его сообщников; потеря гарнизона состояла из 15 человек убитыми и 22 ранеными^[115]. Опасаясь вылазок, казаки усилили караулы на баррикадах и обвинили Кубаря в измене, говоря, что он нарочно вел подкоп не туда, куда следовало. Пугачев хотел его повесить, но один из казаков, бывших в толпе, выстрелил и ранил Кубаря в живот. Самозванец приказал отыскать другого минера и, собираясь уехать в Берду, велел вести новый подкоп под церковь, так как казаки уверили его, что пороховой погреб гарнизона находится под колокольной.

Пред отъездом Пугачев приказал яицким казакам выбрать себе атамана и за несколько дней спрашивал разных лиц, кого бы они желали иметь своим начальником. Большинство указывало на казака Никиту Каргина, человека жестокого по характеру, но набожного, «для спасения своей души и богомолий» жившего в пустыне на реке Ташле, находившейся в 100 верстах от Яицкого городка и недавно приехавшего

повидаться с семьей. Самозванец призвал к себе Каргина, посмотрел на него пристально и отпустил.

– Поди теперь домой, – сказал Пугачев, – а впредь будешь ты мне надобен.

Чрез несколько дней самозванец опять призвал к себе Каргина и отправился с ним на площадь, где собран был казачий круг. Там, по приказанию Пугачева, казак Иван Герасимов прочел прежний указ самозванца, в котором он жаловал казаков землей и вольностью, рекой Яиком со всеми впадающими в нее реками и протоками.

– Извольте, яицкое войско, – сказал затем Пугачев, – выбрать себе атамана и старшин, по прежнему вашему обыкновению, кого хотите – отдаю это на вашу волю. Если выбранные атаманы и старшины не станут делать войску угодность и казаки будут ими недовольны, то отдаю на их волю, хоть через три дня, старого атамана и старшин сменить, а на место их выбрать других старшин, в кругу, по общему совету.

– Довольны, батюшка, надёжа-государь, – кричали одни, – вашей царской милостью!

– То-то отец-то, – кричали другие, – отдает на нашу волю выбор атамана! Он старинный наш обычай по-прежнему хочет восстановить.

После непродолжительных совещаний казаки указали на Никиту Каргина, Афанасия Перфильева, присланного пред тем из Берды с письмами к самозванцу, и на Ивана Фофанова. При этом они объявили, что первого выбирают атаманом, а последних двух старшинами.

Услышав это, Каргин, «не желая быть в таком большом достоинстве», стал перед самозванцем на колени и просил его уволить от этой должности.

– Помилуй, ваше величество, – говорил он, – я этой должности за старостью и неумением грамоте снести не могу.

– Как! Так ты поэтому мне служить не хочешь? – спросил с сердцем Пугачев. – Весь мир теперь обращается ко мне, а ты один хочешь противиться?

– Я рад тебе послужить, – отвечал Каргин.

– Поздравляю вас, яицкое войско, – сказал Пугачев, обращаясь к кругу, – с wybranными вами старшинами, будь по-вашему, я воли с вас не снимаю.

– Благодарствуем, – кричали казаки, – на твоей царской милости.

Самозванец отправился в дом к Толкачеву, а казаки вызвали в средину круга трех выбранных и, сняв шапки, стали просить их принять на себя обязанности по управлению войском.

– Пожалуй, господин атаман и старшины, – говорили, кланяясь, казаки, – примите на себя этот труд, послужите нам, яицкому войску, верою и правдою.

– Мы, яицкое войско, не имеем большого разума, – отговаривались выбранные, – да и недостойны управлять вами.

«Но напоследок, – показывал Перфильев^[116], – по многим с обеих сторон перекорам (кои у них обыкновенно и прежде при таких выборах в кругах бывали, и хотя бы кто и сам того чина домогался, однако же всегда в кругу отговариваются от принятия оногo для того, чтобы больше их просили и чтобы тем показать свое бескорыстие), приняли на себя налагаемые чины».

– Ну, будь воля ваша, яицкое войско, – отвечали выбранные и вступили в свои должности.

Пугачев предоставил им разбирать судные дела и виновных в незначительных преступлениях наказывать самим, «а если будут какие противники намерениям нашим [то есть самозванца] и оказывающиеся в важных винах» [преступлениях], то о таковых доносить и ожидать указа. Для таких пощады не было и решение бывало одно: *повесить* или *казнить смертью*.

Уезжая в Берду, Пугачев отправил Овчинникова в Гурьев городок с приказанием забрать там весь порох, какой есть, и доставить его в Яицкий городок.

26 января Овчинников с несколькими яицкими казаками прискакал в Гурьев городок, население которого, как состоящее исключительно из казаков, тотчас же присоединилось к прибывшим. Небольшое число жителей, не казачьего сословия, торопилось запереться в кремле, но многие не успели этого сделать и были захвачены казаками. Отправлявший службу священник Михайло Яковлев, узнав о появлении мятежников, взял с престола крест и Евангелие и в полном облачении хотел также бежать в крепость, но, видя, что мятежники уже на площади, заперся в церкви с немногочисленными прихожанами, по преимуществу женщинами и малолетками. Казаки с бранью требовали, чтобы церковь была отворена, и после отказа стали ломать западные двери. Тогда Яковлев отворил двери, и мятежники, ворвавшись в церковь, «бегали в царские и другие двери, по алтарю и все священнические одежды по полу разметали, в церковное окно несколько выстрелов из ружей сделали и побили народу человек до пятнадцати».

На другой день Овчинников повесил атамана Филимонова, писаря Жерехова, священника Дмитрия и человек до десяти жителей^[117]. Забрав весь порох, снаряды и орудия, Овчинников отправился в Яицкий городок, куда почти следом за ним приехал опять и Пугачев, с намерением лично руководить минными работами.

Он приказал собрать до сотни рабочих не из казаков, а из поденщиков, приходивших на Яик со всех концов России. Собранные крестьяне стали было отказываться от работ, но когда семь человек были за это повешены, то остальные подчинились распоряжению и под руководством Матвея Ситного приступили к работе.

Работу, как и прежде, начали из погреба дома, находившегося сажень в ста от колокольни. Рыли галерею шириной в сажень, а высотой в рост среднего человека, и не прямо, а зигзагами, «то в ту, то в другую сторону». Пугачев приказал делать эти «повороты, сказывают, для того, что опасался Симонова, чтобы не вышел также подкопом против их на встречу, а чтобы свечи не гасли, так вертели вверху часто отдушину большим коленчатым буравом»^[118]. Самозванец лично следил за работами, производившимися безостановочно, и дал отдых рабочим только в день своей свадьбы, последовавшей вскоре после вторичного его приезда в Яицкий городок.

Окруженный разнохарактерной толпой и будучи сам далеко не самостоятельного характера, Пугачев легко поддавался постороннему влиянию и был игрушкой в руках лиц, преследовавших свои личные и узкокорпоративные цели. По совету таких лиц он задумал жениться, и притом непременно на казачке.

– Ты как женишься, – говорили советники, – так войско яицкое все к тебе прилежно будет.

Одобрив эту мысль, Пугачев собрал к себе старшин и советовался с ними. Старшины говорили, что надобно еще подождать и не торопиться женитьбой.

– Ты, – заметили они, – не основал еще порядочно царство.

– В том есть моя польза, – отвечал на это с сердцем самозванец.

«А как пред сим, – показывал впоследствии Михайло Толкачев, – Пугачев трех девок из Яицкого городка в Берду уже взял и с ними в одной кибитке жил, то старшины, чтобы впредь такого похищения не мог сделать, и притом видя его наклонности, рассудили согласиться с желанием самозванца».

– Когда есть в том, государь, ваша польза, – сказали они, – то женитесь.

Пугачев избрал своими сватами Толкачева и Почиталина, которые и отправились в дом казака Кузнецова, зная, что у него есть дочь, шестнадцатилетняя Устинья, «девица хорошая и постоянная, а притом и Пугачев уже о ней слышал».

В то время казака Петра Кузнецова не было дома: он уехал на погребение умершего племянника. Единственная его дочь Устинья, за несколько лет пред тем лишившаяся матери, сидела дома сам-друг со снохою своей, Анной Григорьевой. Заметив, что к воротам дома подъехали Михайло Толкачев с женой и Иван Почиталин, Устинья хотела было спрятаться, но была удержана приехавшими.

– Не бегай, – говорили гости, – мы приехали тебя посмотреть и хотим высватать за гвардионца.

Устинья остановилась молча, и гости, «побыв малое время», уехали, а через несколько часов приехали опять в сопровождении нескольких человек казаков. Увидя в своих сенях гостей, молодая девушка испугалась и спряталась под пол.

– Где Устинья? – спрашивали приезжие, входя в избу.

– Не знаю, – отвечала сноха.

– Ведь ей не убежать! – говорили казаки, уходя и бранясь, что не застали дома.

Вышедшая из подполья Устинья была в большом смущении и не знала, что вокруг нее совершалось.

– Что они, дьяволы, псовы дети, ко мне привязались! – говорила она, жалуясь снохе.

Между тем приехали домой ее братья, Андрей и Егор, и почти следом за ними и в третий уже раз сваты, с большим числом казаков. Устинья убежала в соседнюю горницу, но по приказанию приехавших, «запросто, без всякого наряда», была приведена снохой. Сконфуженная девушка стояла, прислонившись к печке, пред многочисленным собранием, «и не успели ей еще никто

и ничего сказать», как сам Пугачев вошел в двери и сел на лавку.

– Покажите мне невесту, – сказал самозванец.

Сноха взяла Устинью за руку и подвела к Пугачеву.

– Хороша, – проговорил он, – хороша!.. Поздравляю тебя, ты будешь со временем всероссийской царицей.

Самозванец вынул несколько серебряных денег, рублей тридцать, и передавая их своей невесте, поцеловал ее.

В самый разгар этой сцены вернулся домой отец нареченной царицы, отставной казак Петр Кузнецов. Трудно было ему понять, что происходило в доме, но недоразумение его скоро разъяснилось.

– Ты хозяин? А это дочь твоя? – спрашивал Пугачев.

– Да, – отвечал Кузнецов.

– Я намерен на ней жениться, и спасибо тебе, что кормил и поил ее.

Кузнецов бросился самозванцу в ноги «и плакал горько о том, что она молодехонька, принуждена идти замуж неволею».

– Меня некому ни обшить, ни обмыть, – говорил он, – а старухи [жены] не имею.

– Чтобы к вечеру готово было к сговору, – сказал строго Пугачев, – а завтра быть свадьбе.

Эти слова еще более огорчили отца и дочь, и они были в «великих слезах».

– Не плачь и готовься к венцу, – сказал самозванец и вместе со своими сообщниками оставил на время дом Кузнецова.

Перед сумерками жених прислал Устинье сарафан и рубашку голевую, сорочку и шубу длинную лисью и приказал к вечеру снарядиться, «что она в той горнице у печки и исполнила; убирали ее подружки, а первая тут сваха была жена Толкачева».

«Устинья, – показывал Иван Почиталин, – сперва не хотела было за него идти, равным образом и отец не

очень был доволен, потому больше, что их дело казачье, а отдают дочь за царя, так не скоро привыкнет к царской поступи». Так думал один из ближайших наперсников Пугачева, но чистая по натуре Устинья не могла и впоследствии свыкнуться со своей горькой долей, и инстинкт подсказывал ей, что сначала жених, а потом муж был не кто другой, как самозванец.

Одетая в нарядное платье, она все у той же печки дождалась приезда Пугачева. Последний посадил невесту рядом с собою и приказал подносить вино: пили, в лице Пугачева, за здоровье Петра III, великого князя Павла Петровича и супругу его Наталью Алексеевну, пили за невесту, почти за каждого из присутствовавших, и вообще пьянство продолжалось до самой утренней зари.

Утром Пугачев с поезжанами и большою свитой приехал за невестой и вместе с нею отправился в церковь Петра и Павла, где собрано было духовенство всего Яицкого городка. Церемония поезда состояла на том, что впереди жениха и невесты ехало множество казаков со знаменами и значками разных цветов. В церковь были допущены самые близкие, а вся остальная свита расположилась кругом в ожидании парадного салюта. Служили всем собором, но кто именно венчал – Устинья не видала, «ибо покрыта была фатой и горько плакала». По окончании венчания был произведен салют из ружей и новобрачные принимали поздравления, допуская к руке всех присутствовавших. Заплатив духовенству двадцать рублей, Пугачев приказал, чтоб Устинью «поминали на ектениях *благодарной императрицей*», и затем новобрачные отправились в дом Толкачева, где был приготовлен парадный обед. Во время тостов и поздравлений все называли Устинью благодарной государыней и подходили к ее руке. После обеда церемония окончилась подарками родным невесты и некоторым из приближенных самозванца.

Отец молодой, Петр Кузнецов, получил в подарок лисью шубу; сестра Устиньи, Марья, бывшая замужем за казаком Семеном Шелудяковым, получила пять аршин канавату и пять аршин голи; казак Денис Пьянов – пять рублей деньгами, а остальные были награждаемы зипунами и бешметами разной цены и достоинства. В тот же день ко мнимой государыне были назначены из казачек две фрейлины: Прасковья Чапурина и Марья Череватая, а главной надзирательницей за всем домом Аксинья Толкачева, жена сподвижника самозванца^[119].

Вся эта церемония не отуманила Устинью и не вселила в ней убеждения, что из простой казачки она стала чем-то особенным. Она не верила в свое возвышение и старалась выяснить свое положение.

– Подлинно ли ты государь? – спрашивала она наедине Пугачева. – Я сомневаюсь в том, потому что ты женился на простой казачке. Ты меня обманул и заел мою молодость: ты человек старый, а я молодешенька.

– Я со временем бороду-то обрею, – отвечал самозванец, – и буду тогда помоложе.

– Без бороды казаки тебя любить не будут.

– Я сам не люблю бороды брить, – сказал Пугачев, как бы спохватившись, что проговорился, – а сделаю это в угодность разве тебе одной.

– Ведь ты имеешь государыню – как ее бросить! А нигде не водится, чтоб иметь две жены.

– Какая она мне жена, когда с царства свергнула – она мне злодейка.

– Так тебе ее не жаль?

– Нисколько; жаль только Павлушу, он законный мой сын, а ей, как Бог допустит в Петербург, срублю голову.

– Тебя туда не допустят. У государыни людей много, тебе прежде срубят голову.

– Я скоро возьму Оренбург и тогда до Питера дойду беспрепятственно.

– До Питера еще много городов.

- Только бы Оренбург взять, а там все ко мне преклонятся^[120].

Оренбург-то взять было трудно, а Яицкий городок казалось легче. Подкоп приходил к концу, и в половине февраля минеры дорылись до камня, очевидно фундамента колокольни. Тогда самозванец приказал не двигаться более вперед, а вырыть в конце подкопа глубокую яму, чтобы положить в нее бочонки с порохом. Все рабочие были распущены по домам с приказанием не выходить из них в течение нескольких дней, пока Ситнов с приближенными Пугачева успеют зарядить колодезь и произвести взрыв^[121].

Между тем в полночь, 19 февраля, явился в укрепление к Симонову малолеток, казачий сын Иван Неулыбин, и объявил, что казаки намерены вновь атаковать укрепление и что они подвели подкоп под колокольню. Неулыбин был принят сначала за человека, подосланного Пугачевым, чтобы подобным известием поколебать гарнизон, заставить его снять посты, ближайшие к колокольне, и тем облегчить мятежникам доступ к этому пункту. Тем не менее известие это не могло быть оставлено без всякого внимания, и полковник Симонов приказал вывезти весь хранившийся под колокольней порох и приступить к устройству контрминной галереи. Едва только успели вывезти часть пороха, как последовал взрыв, и колокольня, говорит очевидец, «с удивительной тихостью начала валиться в ретраншемент. На самом верху оной спали три человека; не разбудя, их снесло и с постелями на землю, чему, по высоте здания, трудно даже поверить; бывшую наверху пушку с лафетом составило на низ. Хотя падение было тихо и камни, не быв разбросаны, свалились в груду, однако около 45 человек лишились при сем жизни»^[122].

Лишь только последовал взрыв, Симонов приказал тотчас же открыть артиллерийский и ружейный огонь, предполагая, что мятежники попытаются овладеть

укреплением; но казаки не решились на приступ. В темноте слышны были только крики и понукания старшин.

– На слом! – кричали они. – На слом, атаманы-молодцы!

Казаки не слушались и вперед не подвигались, а, засев за своими завалами, ограничивались одним криком. Не видя никого вблизи укреплений, полковник Симонов приказал уменьшить огонь, и хотя штурма не было, но крики и визг продолжались до света.

19 февраля в городке было замечено большое движение, которое продолжалось и на следующий день. То были сборы в дорогу и отъезд Пугачева в Берду.

– Смотри же, старик, – говорил самозванец, обращаясь к Каргину, – послужи мне верою и правдою. Я теперь еду в армию под Оренбург и возвращусь оттуда скоро, а государыню здесь оставляю. Вы почитайте ее так, как меня, и будьте ей послушны.

Избрав лучший в городке дом старшины Андрея Бородина, Пугачев поместил в нем свою молодую жену со всем придворным ее штатом и приказал, чтоб у ворот ее дома был постоянный караул из яицких казаков. Ближними при ней были назначены: отец, Петр Кузнецов, Михайло Толкачев и Денис Пьянов. Пугачев требовал, чтоб Устинья писала ему письма, и как она была неграмотна, то оставил ей форму и приказал подписываться так: *Царица и государыня Устинья*. Она исполняла приказание мужа в точности и в ответ получала письма самозванца, почти всегда с препровождением каких-либо вещей или денег, которые она была обязана хранить до востребования.

«Всеавгустейшей, державнейшей великой государыне императрице Устинье Петровне, – писал Пугачев^[123], – любезнейшей супруге моей радоваться желаю на несчетные деты. О здешнем состоянии, ни о чем другом сведению вашему донести не нахожу: но сие

течение со всей армией все благополучно, напротив того я от вас всегда известного получения ежедневно слышать и видеть писанием желаю. При сем послано от двора моего с подателем сего, казаком Кузьмою Фофановым, семь сундуков за замками и за собственными моими печатями^[124], которые, по получении, вам что в них есть не отмыкать и поставить к себе в залы, до моего императорского величества прибытия. А фурман один, который с сим же Фофановым посылается, о чем по получении сего имеет принять и в крайнем смотреии содержать; сверх того, что послано съестных припасов, тому при сем прилагается точный реестр. Впрочем, донеся вам, любезная моя императрица, остаюся я великий государь».

Зная, что Устинья будет соблюдать его интересы и что она находится под охраной постоянного караула, Пугачев избрал дом Бородина складочным местом всего награбленного имущества^[125].

Устинья жила в городке скромно, тихо и почти никуда не выходила. Время она проводила преимущественно в беседе со своими фрейлинами и подругами, а мужской персонал бывал в ее горнице редко. Толкачев, с отцом Устиньи и Денисом Пьяновым, «как стражи ближние ее здоровья», жили в том же доме, но в отдельном помещении, и с нею вместе обедать «они не осмеливались», а обедали с Устиньей фрейлины и иногда жена Толкачева. Ежедневно поутру приходил к ней атаман Каргин или вместе со старшинами и рапортовали о состоянии постов. Устинья выслушивала их рапорты, и «хотя принимала всех ласково, однако ж никого не сажала». По праздничным дням все представители власти приходили к ней на поклон и целовали руку^[126].

– Не дайте меня в обиду, – говорила она обыкновенно пришедшим, – ведь от государя на ваши руки я отдана.

Когда Каргин или его помощники спрашивали приказаний Устиньи, она всегда отклоняла от себя всякое вмешательство в дела.

– Мне до ваших дел никакой нужды нет, что хотите, то и делайте.

Имея категорическое приказание самозванца держать Симонова в блокаде и сохранять учрежденные посты без всякой отмены, Каргин буквально исполнял приказание, и осада гарнизона не выражалась никакими особенно энергическими действиями со стороны казаков. Они построили несколько новых батарей и баррикад, но постройки эти не усилили блокады и не причиняли особого вреда гарнизону. Видя, что овладеть укреплениями казакам очень трудно и почти невозможно, Перфильев старался вступить в переговоры и имел свидание с капитаном Крыловым, высланным для этой цели из ретраншемента полковником Симоновым. Перфильев старался убедить Крылова, что Пугачев не самозванец, а истинный государь Петр III, и гарнизону необходимо сдать ретраншемент.

– Долго ли вам противиться батюшке нашему государю Петру Федоровичу? – говорил Перфильев. – Пора вам образумиться и принести покорность.

– Перестань ты, Перфильев, злодействовать, – отвечал Крылов, – и быть участником в злых делах разбойника, которому вы служите. Помянул бы ты Бога и присягу свою в верной ее императорскому величеству службе и старался бы исполнить то высочайшее повеление, с коим ты отправлен из Санкт-Петербурга от всемилостивейшей государыни.

– Меня нечего увещевать и учить, а послушай-ка лучше моего совета. Я знаю, с чем я послан от государыни, да мне там сказали, что будто бы батюшка наш донской казак Пугачев, но вместо того это неправда. Приехав к нему, я нашел, что он подлинный государь, так не могу злодейства предпринять против

законного нашего государя. Да что и вы стоите, ведь ежели не сдадитесь, так после вам худо будет, а лучше признайте свою вину и принесите покорность: батюшка вас простит и пожалует. Ты здесь капитан, а у него, может быть, и генералом будешь. Пожалуй, не сомневайся, право, он подлинный государь. Да чего больше говорить, у него в Берде служит коллежский ассессор из Симбирска, так ему лучше нашего можно знать, кому он служит – государю или нет? Итак, сами рассудите: когда государь с государыней не согласны, так нам нечего в их дела вступаться – они как хотят между собою, а нам лучше сторону держать государя, потому что мы еще прежде присягали ему верно служить.

Взаимные доказательства были недостаточно убедительны, и обе стороны остались при прежнем положении: казаки надеялись, что голод заставит гарнизон сдаться, а полковник Симонов был уверен, что ему будет оказана помощь, и он выйдет из своего крайне стеснительного положения.

Глава 5

Вылазка из Оренбурга. - Заботы Рейнсдорпа о продовольствии. - Захват мятежниками Илецкой защиты. - Письмо из Берды генералу Рейнсдорпу. - Наступление отрядов князя Голицына и генерала Мансурова. - Столкновение их с мятежниками у Бузу лука и деревни Прошенной. - Победа под Татищевой и ее последствия.

Получив известие об отъезде Пугачева в Яицкий городок, генерал-поручик Рейнсдорп попытался еще раз перейти в наступление и атаковать Бердинскую слободу. В случае успеха он надеялся захватить там запасы и хотя на некоторое время обеспечить себя продовольствием. Собрав 1700 человек пехоты, 400 казаков с 23 орудиями, Рейнсдорп разделил их на три отряда и поручил общее командование генерал-майору Валленштерну. Войска должны были выйти из города в пять часов утра 13 января и стремительно ударить на неприятеля.

К назначенному часу пехота была готова, но казаки, несмотря на неоднократные требования Валленштерна, присоединились к отряду только на половине пути. Глубокий, по колено, снег и истощенные лошади замедляли движение и дали возможность мятежникам собраться и подготовиться к бою.

Когда Валленштерн стал выходить на дорогу в Берду, то мятежники, скрывавшиеся в лощинах, окружили его почти со всех сторон. Притянув к себе отряды бригадира Корфа и секунд-майора Наумова, генерал-майор Валленштерн хотя и открыл огонь из своих орудий, но после нескольких выстрелов, видя многочисленность неприятеля, принужден был начать

отступление. Пугачевцы наседали на отряд с такой энергией и настойчивостью, что Валленштерн потерял 8 орудий, 281 человека убитыми и 123 ранеными^[127].

Неудача эта, совершившаяся на глазах жителей, следивших с городского вала за действиями войск, произвела на них тяжелое впечатление, и генерал-поручик Рейнсдорп доносил, что без посторонней помощи не только *вылазки против пего, злодея, сделать уже не в состоянии, но и получить сведение, что делается в Берде, почти невозможно*^[128]. Гарнизон был до такой степени истощен и деморализован, что посылаемые для разъездов казаки, не надеясь на своих лошадей, ограничивались выездом за ворота и не решались отдалиться от стен крепости. Чтобы получить сведения о неприятеле, добыть «языка», генерал Рейнсдорп принужден был, по совету коллежского советника Тимашева, расставить вокруг города 27 капканов, «в том намерении, – пишет Рычков^[129], – чтоб, выехав за город, яицким казакам заманить злодеев на сие место, и когда оным инструментом под кем из них уязвлена и подшибена будет лошадь, чтобы, наскочав, подхватить его было удобнее». Выдумка эта не привела к желаемым результатам; мятежники растаскали все капканы и, осыпав оренбургского губернатора насмешками, обещали заморить голодом. Они хорошо знали, что в Оренбурге давно уже приказано было выдавать половинную дачу провианта и что число больных в городе, в особенности цингой, стало умножаться. Цены на все продукты быстро возвысились; пуд муки продавали от 10 до 15 руб., а фунт печеного хлеба доходил до 30 коп.

В таких затруднительных обстоятельствах оренбургский губернатор вновь просил генерала Деколонга доставить провиант и обещал весьма хорошую плату подводчикам. Хотя по состоянию запасов в крепостях Орской дистанции можно было отделить

7980 четвертей муки, 248 четвертей круп, но генерал Деколонг не находил никакой возможности доставить их в Оренбург. Чтобы поднять такое количество, необходимо было 886 подвод; для запряжки можно было набрать казачьих лошадей, но саней и хомутов достать было негде. «Сверх того, – доносил Деколонг^[130], – ежели крепостных казаков и жителей употребить под извоз того провианта, то уже крепости останутся совершенно обнаженными, так что разъездов производить и курьеров препровождать будет некому, сена и дров привезти будет не можно и не на чем».

Отправленный транспорт среди глубокого снега и непроходимых дорог должен был встретить огромные препятствия. Преследуемый башкирцами, обоз должен был бы втянуться в длинные ущелья Губерлинских гор, столь узкие, что иначе как в одну повозку пройти было невозможно. По выходе из гор и до Озерной крепости дорога пролежала по местности пересеченной, а далее начиналась степь без всякого жилья. Подходивший транспорт и конвоирующий его отряд могли быть встречены мятежниками далеко от Оренбурга и поставлены в безвыходную необходимость защищаться в степи без всякого пристанища и опоры.

Все эти обстоятельства и волнения, возникшие в Пермской и Исетской провинциях, заставили Деколонга отказаться от исполнения просьбы Рейнсдорпа, и оренбургский губернатор еще раз обратился к возмутителям с словами увещаний. Он отправил в Берду оба манифеста императрицы и свое воззвание ко всем «находящимся в изменнической толпе вора и возмутителя Пугачева всякого звания людям».

Рейнсдорп требовал, чтоб мятежники раскаялись в своих поступках и разошлись по домам. Он обещал им прощение именем императрицы, «понеже, – писал он, – дерзость ваша приписана быть может невежеству

вашему, а паче коварному упомянутого злодея и вора уловлению».

«Буде же, – прибавлял оренбургский губернатор, – сие мое увещание, по жестокосердию вашему, действия не возымеет, то, конечно, останется погибать вам как в сем, так и в будущем свете, ибо не льстите себя, чтобы вы напоследок от праведного ее величества гнева ускользнуть могли»^[131].

Мятежники не помышляли о покорности, и дела их в это время шли удачно: захватив в свои руки Илецкую защиту, они праздновали новую победу.

Пользуясь вторичным отъездом самозванца в Яицкий городок, Максим Шигаев, как начальник толпы, остававшейся под Оренбургом, отправил Хлопушу для занятия Илецкой защиты и доставления оттуда хлеба.

В начале февраля Хлопуша выступил из Берды с четырьмя сотнями заводских крестьян, несколькими казаками и с двумя орудиями. Подойдя к Илецкой защите, он окружил ее, и после нескольких выстрелов 130 человек оренбургских и самарских казаков, бывших в укреплении, передались на сторону мятежников. Начальник гарнизона, капитан Ядринцев, с женой и детьми, спрятался в церкви и не сделал никаких распоряжений к защите. Капитан Варачев и подпоручик Исаев, хотя и успели собрать гарнизон, состоявший из ста солдат разных батальонов, но они отказались защищаться и вышли к Хлопуше с повинной. Мятежники ворвались в Илецкую защиту, ранили смертельно Варачева и Исаева, выпустили всех арестантов, захватили все имущество и деньги. По приказанию Хлопуши хорунжий Уключенинов, за невыдачу будто бы жителям провианта, исколот копьями; а капитан Ядринцев, о котором жители просили, как о человеке добром, был оставлен командиром и ему приказано защищать запасы и селение от нападения киргизов.

Выдав всем арестантам и ссыльным одежду, «так как многие из них не имели рубах», Хлопуша взял их с собою в Берду, куда привез часть захваченного провианта, 280 рублей и 5 пушек^[132].

Ободренный новым успехом своего сообщника, самозванец приказал написать и отправить ругательный ответ на увещание Рейнсдорпа.

«Оренбургскому губернатору, – говорилось в ответе^[133], – сатанину внуку, дьявольскому сыну! Прескверное ваше увещание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покой ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по демству сатанину [sic], ни ухищрял, однако власть Божию не перемудрил. Ведай, мошенник, да и по всему тебе, бестии, знать должно, сколько ты ни пробовал своего всескверного счастья, служишь единому твоему отцу-сатане. Разумей, хотя ты по действию сатаниному во многих местах *капканы расставил*, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя Варавиных не станет петель, а мы у мордвина хотя гривну дадим, да на тебя веревку свить можем.

Не сомневайся ты: наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день [одновременно] бывает и с нами всегда присутствует, дабы мы вам советовали, оставя свое зловерие, прийти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху. Егда придешь в покорение, сколько бы твоих озлоблений ни было, не только во всех извинениях всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишает, а здесь не безызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете.

Итак объявляю вам сие, да пребудем по склонности вашей ко услугам готовы».

Отправив это письмо, Пугачев объявил войску, что, будучи в Яицком городке, он женился на казачьей дочери Устинье Петровне и приказал всем признавать и

почитать ее за царицу. Старики призадумались, и женитьба эта наводила многих на сомнение в личности Пугачева. Его стали подозревать в самозванстве, но, «бояся виселицы, не смел ни один человек явно того говорить»^[134].

– Государи на простых никогда не женятся, – шептались берденцы между собою, – а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь. Так и ему, по примеру сему, такую же взять надлежало по завладении уже государством.

– Положим, – говорили другие, – что царь волен: какую захочет, такую и возьмет, но он имеет жену, которая здравствует, а закон запрещает жениться от живой жены.

Как ни объясняли этот поступок, все выходило неладно, и женитьба Пугачева не одобрялась большинством. «С сего самого времени, – показывал Тимофей Мясников, – пропала у многих охота ревностно и усердно ему служить, и заключали, что со временем из сего выйдет что-нибудь худое, а хорошего не будет».

Так и вышло: над берденцами давно уже собирались тучи и гром готов был разразиться.

Еще в бытность Пугачева в Яицком городке было получено известие о приближении отрядов князя Голицына и генерала Мансурова, но так как они были далеко, то Пугачев ограничился приказанием наблюдать за ними и доносить ему об их движении. Движение это происходило по двум направлениям: по новомосковской дороге двигался отряд князя Голицына, а по Самарской линии шел генерал-майор Мансуров, с четырьмя легкими полевыми командами и двумя эскадронами бахмутских гусар. Глубокие снега и совершенное бездорожье затрудняли движение. Проходя через пригород Алексеевск, Мочинскую татарскую слободу и Красносамарскую крепость, Мансуров приводил жителей к присяге, назначал новых начальников и 10 февраля

пришел в Борскую крепость. Обессиленные от трудного похода люди и лошади требовали отдыха, и Мансуров принужден был дать им дневку.

Видя невозможность борьбы с правительственными войсками, мятежники отступали и увлекали за собой население, уверяя его, что войска предадут смерти всех захваченных в деревнях, не различая ни пола, ни возраста. Жители верили и разбегались, забирая с собою и малолетних детей. Мансуров разослал объявление, в котором обещал полное прощение, и со всех сторон, доносил он [\[135\]](#), «бегущие целыми деревнями и семьями приходят ко мне и просят, как уstraшенные и отчаянные, помилования». В три дня более двух тысяч человек получили охранные билеты и были возвращены в свои жилища.

Простояв сутки в Борской крепости, Мансуров ринулся чрез Елшанск к Бузулуку, а отряд подполковника Гринева, прикрывавший левый фланг главных сил, шел через деревни Хилкову, Тимашеву, Языкову и Троицкое.

Бузулук имел весьма важное значение для обеих сторон. Представляя пункт, в котором всего удобнее могли соединиться отряды Мансурова и князя Голицына, Бузулук в то же время должен был служить складочным местом для продовольственных запасов, которые при дальнейших действиях было весьма удобно отправлять вверх по реке Самаре. Таким же складочным местом он служил и для мятежников, шатавшихся по Самарской линии и по новомосковской дороге. Из Бузулука пугачевцы получали продовольствие и в нем находили точку опоры.

Приближение Мансурова к Бузулуку и неудачи, испытанные в последнее время мятежниками, заставили Пугачева принять меры к спасению своих запасов. За несколько дней до прибытия отряда мятежники расчистили дорогу от Бузулука до Яицкого городка и

отправили туда обоз в 200 подвод, нагруженных мясом и хлебом^[136]. Они сосредоточили в Бузулуке до 2 тысяч человек с 15 орудиями, и главные вожаки их, Арапов, Чулошников и другие, решились защищаться самым энергическим образом.

В девять часов утра, 14 февраля, войска подошли к Бузулуку по двум направлениям: по самарской дороге – отряд Мансурова, а со стороны деревни Милоховой – отряд Гринева. Мятежники вышли из крепости и расположились для защиты на два фронта. Сильный огонь, открытый ими из пушек, заставил Мансурова приказать 23-й легкой полевой команды поручику Лесковскому с его драгунской ротой атаковать батарею, наиболее вредившую нам своим огнем. Врубившись в ряды неприятеля, Лесковский овладел двумя орудиями и преследовал мятежников до крепости, у которой был остановлен сильным огнем. В это время подполковник Гринев успел овладеть шестиорудийной батареей и ворваться в крепость с другой стороны. Получив об этом известие и желая отрезать мятежникам путь отступления, Мансуров приказал майору Соловьеву, с двумя эскадронами бахмутских гусар и ротой драгун 24-й полевой команды, занять дорогу, ведущую в крепость Тоцкую. Обскакав вокруг Бузулука, майор Соловьев застал мятежников в полном отступлении и преследовал их верст шесть или семь по дороге в Тоцкую крепость. Мятежники потеряли 217 человек убитыми, 286 человек пленными и 165 явившимися с покорностью; потеря Мансурова состояла из 1 офицера и 4 нижних чинов убитыми, 1 офицера и 8 нижних чинов ранеными. В Бузулуке было захвачено 15 орудий, 9 зарядных ящиков, 3 значка и 723 дротика. Сражение продолжалось три с половиной часа, и большая половина бывших здесь яицких казаков осталась на поле сражения^[137].

Для поддержания связи с отрядом князя Голицына генерал Мансуров отправил к Бугуруслану одну роту

гусар, а для разведывания о неприятеле выслал разъезд по дороге к Оренбургу. В таком положении он решился ожидать прибытия князя Голицына с его отрядом.

Последний, будучи задержан заготовлением продовольствия для себя и для Оренбурга, только 27 февраля достиг Бугуруслана, но и то оставил за собою половину транспорта. Для прикрытия его князь Голицын приказал полковнику Юрию Бибикову с его отрядом выступить из Нагайбака к Бугульме, а для защиты того края и вообще для действий в Башкирии был отправлен главнокомандующим из Казани отряд генерал-майора Ларионова, состоявший из команды Томского полка, эскадрона архангелогородских карабинеров, 82 изюмских гусар и эскадрона улан, сформированного казанским дворянством.

«Сей корпус, – доносил А.И. Бибиков императрице^[138], – пойдет прямой дорогой до Бугульмы и оттуда маршами своими показывать будет, что он идет к Оренбургу московской дорогой, а потом обратится вдруг в левую сторону к Уфе, чтоб освободить сей города от облежания злодейского и поразить известного так называемого графа Чернышева».

Выступив 6 февраля из Казани, генерал-майор Ларионов^[139] 21 февраля был еще в Кичуе, когда, 19 февраля, мятежники, воспользовавшись уходом отряда Юрия Бибикова, ворвались в Нагайбак и сожгли его^[140]. Испуганный этим известием, Ларионов взял в Бугульме 105 солдат Томского полка, 52 казака, несколько орудий и, присоединив их к своему отряду^[141], двинулся к селению Большой Акташ, куда и прибыл 27 февраля. Он подвигался вперед весьма медленно, хотя и доносил, что около Заинска и Мензелинска мятежников нет и что они, услышав о движении его, разбежались.

Таким образом, в конце февраля расположение боевых сил было следующее: по пути к Нагайбаку, в селении Акташе, стоял отряд Ларионова; из Бугульмы в

Бугуруслан шел отряд Юрия Бибикова; в Бугуруслане находился отряд князя Голицына и, наконец, в Бузулуке стоял генерал-майор Мансуров со своими войсками. По имевшимся сведениям, главное скопище мятежников находилось в Сорочинске, имея авангарды в Тоцкой крепости и деревне Пронкиной. На помощь им шел атаман Овчинников с несколькими казаками, а затем выступил и сам Пугачев из Берды, с 1500 человек пехоты, казаков и 10 орудиями^[142].

Располагая атаковать мятежников в Сорочинске до прибытия к ним подкреплений, князь Голицын 28 февраля выступил из Бугуруслана и, двигаясь прямою дорогой на деревню Пронкину и далее на Сорочинск, приказал генерал-майору Мансурову занять крепость Тоцкую^[143].

Сильные морозы и метели замедляли движение, заставляя князя Голицына несколько раз останавливаться в степи и прикрываться кибитками, бывшими в обозе. Высланные им передовые отряды гнали перед собою мятежников, и один из этих отрядов Владимирского полка майора Елагина, пройдя беспрепятственно чрез деревни Гаевицкую и Яшкину, направился к деревне Пронкиной. В отряде его находились две роты grenадер, две егерские команды, по одной роте карабинеров, гусар и чугуевских казаков, 50 лыжников и четыре орудия. Зная, что в Сорочинске находится весьма значительное сорище мятежников и что на помощь им идет толпа из Берды, князь Голицын признавал отряд майора Елагина недостаточно сильным для самостоятельных действий и потому отправил в подкрепление полковника Хорвата с батальоном grenадер, эскадроном архангелогородских карабинеров, тремя ротами изюмских гусар, небольшим числом лыжников и с тремя орудиями^[144].

Между тем майор Елагин занял деревню Пронкину без всякого сопротивления и 6 марта расположился на

ночлеге, не имея никаких сведений о неприятеле и не приняв необходимых предосторожностей. Под покровом сильной бури и метели Пугачев в ту же ночь со всем ополчением, собравшимся в Сорочинске, быстро двинулся к деревне Пронкиной, сделал форсированный переход в 37 верст и внезапно атаковал отряд майора Елагина с толпой в 2300 человек. Передовые пикеты были сбиты, орудия захвачены, и часть мятежников ворвалась в селение.

«Хотя деташамент и был в должной осторожности (?), – доносил князь Голицын^[145], – но нечаянное стремление, паче в темную ночь с бурей встречу, произвело некоторое неустройство». По первой тревоге майор Елагин с резервом бросился вперед, но нашел деревню занятою мятежниками и был окружен ими. Солдаты дрались отчаянно; 2-го гренадерского полка поручик Москотиньев с небольшою горстью своих людей геройски отстаивал орудия и получил 12 ран. Неподалеку от него отбивался от неприятеля майор Елагин, до тех пор, пока не был поднят на копья. Оставшийся старшим в отряде 2-го гренадерского полка секунд-майор Пушкин успел собрать отряд и атаковал мятежников в то время, когда капитаны Владимирского полка Квашнин-Самарин и 2-го гренадерского Олсуфьев, обойдя селение, атаковали неприятеля в тыл и фланг. Орудия были отбиты; «злодеи нашли со всех сторон жесточайшую оборону» и стали отступать. Кавалерия преследовала отступавших на протяжении четырех верст и «поражала сколько позволяла темнота».

Полковник Хорват, находясь всего в восьми верстах от места боя, хотя и спешил на помощь, но прибыл в селение Пронкино, когда сражение было уже кончено и неприятель рассыпался в разные стороны. Мятежники потеряли убитыми более ста человек одних яицких казаков и десять пленными, в числе коих находились многие деятельнейшие помощники самозванца.

Отправясь сам в Берду, Пугачев оставил Овчинникова начальником ополчения, собранного в Сорочинске, и приказал ему, «будо князь Голицын сам с командой верных войск придет в Пронкину деревню, то б он со всей толпой, оставя Сорочинскую крепость, убирался в Илецкую, ибо он, Емелька, не знал, куда князь Голицын пойдет: на Яик или в Оренбург»^[146].

Голицын занял деревню Пронкину, а мятежники очистили Сорочинск и Тоцкую крепость. Отступая к Новосергиевску, пугачевцы забирали с собою всех обывателей, истребляли хлеб и скот. Прибыв 11 марта в Сорочинск и соединившись здесь с отрядом генерал-майора Мансурова, князь Голицын, по необходимости заготовить продовольствие для отряда, принужден был остановиться на несколько дней; но, не желая дать неприятелю времени опомниться, отправил к Новосергиевску генерал-майора Фреймана с 2 тысячами пехоты и кавалерии^[147]. Затем, оставив в Сорочинске, под начальством капитана Мосолова, 400 человек пехоты, 70 человек кавалерии и 14 орудий^[148], он двинулся за Фрейманом и 17 марта занял Новосергиевскую крепость.

На следующий день князь Голицын намерен был выступить к Переволоцкой крепости, но, доносил он^[149], «за чрезвычайной бурей и снегом принужден остановиться, отчего часть большая подвижного магазина еще не пришла. Злодеи не успели также сжечь здешнюю крепость; от наступления корпуса обывателей часть большую с собой выгнали к Илецкой крепости. По всем известиям, что я получил, видно, будто имеют намерение зад корпуса тревожить от Илецкой крепости, а из Берды берут свое злодейское войско к Татищевой».

Расположенная на левом берегу реки Камыш-Самары, при впадении ее в реку Яик, Татищева крепость имела весьма важное стратегическое значение для обеих сторон: она прикрывала пути в Оренбург, в Илецк

и Яицкий городок. Удержать за собою такой пункт было весьма важно для Пугачева, а потому он собрал в Берде все свободные силы и, оставив Шигаева начальником над толпой под Оренбургом, отправился сам к Татищеву; туда же приказал он следовать и атаману Овчинникову из Илецкой крепости.

С прибытием последнего Пугачев мог располагать весьма значительными силами, доходившими до 8 тысяч человек^[150]. Он принял все меры к обороне крепости и приказал к разрушенным стенам ее присыпать снеговые валы, которые, будучи облиты водой, обледенели и окрепли. Самозванец сам расставил пушки, назначил к ним прислугу из захваченных им в плен канониров и солдат, направил орудия в те стороны, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать наступления Голицына, измерил расстояния до различных пунктов впереди крепости и обозначил колышками предельные поражаемые пункты. «Когда же, – показывал Иван Почиталин^[151], – в Татищевой к обороне против князя Голицына было все приготовлено, Пугачев собрал всю свою толпу и говорил сначала, чтобы послужили с храбростью, потом дал приказ: тот день, как Голицыну прийти должно будет к Татищевой, чтобы была совершенная тишина и чтобы люди всячески скрылись, дабы не видно было никого и до тех пор к пушкам и каждому к своей должности не приступать, покуда князя Голицына корпус не подойдет на пушечный выстрел ядром».

20 марта разъезды Пугачева донесли ему, что князь Голицын пришел в Переволоцкую крепость и занял ее. Прошло два дня, прежде чем оба противника встретились, и дела приняли оборот невыгодный для самозванца. Эти два дня были употреблены князем Голицыным на обеспечение своего тыла и ожидание транспорта с провиантом. Не зная, что Овчинников со своими силами вызван под Татищеву, князь Голицын все

еще опасался за свой тыл, тем более что из Илецка к Новосергиевску проходила большая дорога, весьма удобная для быстрого передвижения мятежников. Для помехи такому передвижению и вообще для обеспечения себя от всяких случайностей Голицын в Новосергиевске оставил два батальона пехоты, три эскадрона кавалерии и 10 орудий; последние по причине глубоких снегов только мешали движению отряда^[152].

В день прибытия отряда в Переволоцкую крепость «злодейские партии из крепости Татищевой вертелись вокруг крепости, но всегда прогоняемы были». В четыре часа утра 21 марта князь Голицын лично произвел рекогносцировку Татищевой крепости, и так как его разъезды, подъезжавшие близко к крепости, не встретили никого, то князь и думал сначала, что Татищева, точно так же как и прочие крепости, будет оставлена мятежниками без боя^[153]. Но посылаемые в течение дня частые разъезды к вечеру убедили его, что инсургенты намерены защищаться, что их собралось в Татищевой много, но сколько именно – князь Голицын не мог получить сведения^[154]. Тем не менее, оставив в Переволоцкой крепости весь свой обоз и поручив охранение его подполковнику Гриневу с батальоном пехоты и двумя эскадронами^[155], князь Голицын решился на следующее утро атаковать мятежников, имея в своем распоряжении не более 6500 человек^[156].

В четыре часа утра 22 марта выступил из Переволоцкой, под начальством полковника Юрия Бибикова, авангард, состоявший из батальона гренадер, батальона егерей, 200 лыжников и трех эскадронов кавалерии. Чрез час по выступлении авангарда двинулись и главные силы. Неприятеля нигде не было видно, и Юрий Бибиков, приблизившись на четыре версты к Татищевой, остановился. Он выслал вперед разъезд из чугуевских казаков, который подошел почти

к самой крепости, не встретив нигде неприятеля. Исполняя в точности приказание самозванца, мятежники тщательно скрывались за валами и в городе. Татищева крепость казалась опустелою, и трое казаков поехали узнать, не покинута ли она мятежниками. Стоявшие за воротами и следившие все время за движением разезда Пугачев, Овчинников и Арапов послали навстречу казакам бабу с хлебом и солью. На вопрос казаков: «Есть ли кто в крепости?» – она должна была заявить, что были злодеи да уехали, что теперь в городе никого нет и население просит князя Голицына вступить в крепость без всякого опасения. Хитрость эта не вполне удалась, ибо, лишь только казаки приблизились к воротам и увидели, что в городе и за валами стоит вооруженная толпа, они тотчас поспешили назад. Пугачев с Овчинниковым и несколькими приближенными бросились в погоню. Двое чугуевцев успели ускакать, а третий, исколотый копьями, был захвачен в плен. Самозванец пробовал допрашивать казака, сколько у Голицына войск, но тот, изнемогая от ран, мог только ответить, что 5 тысяч пехоты и 70 пушек^[157].

Получив известие от прискакавших казаков, что мятежники приготовились к обороне, полковник Ю. Бибилов донес о том князю Голицыну, а сам двинулся к крепости, занял близлежащие высоты лыжниками и егерями, а на выдающихся местах поставил орудия. Князь Голицын тотчас же прибыл к авангарду, произвел новую рекогносцировку и «учредил корпусу марш к две колонны под предводительством: правую – генерал-майора Мансурова^[158], левую – генерал-майора Фреймана^[159], а передовой деташамент (Ю. Бибилов) составлял с правой стороны особую колонну, чтобы отнять способы бунтовщикам зайти во фланг». В таком положении войска подходили к крепости, «а злодеи, – доносил князь Голицын^[160], – засевши в своем гнезде, притаились так тихо», что не сделали ни одного

выстрела и не выслали ни одной партии. Пугачев, по его словам, запретил стрелять с тою целью, «чтобы наждать на себя и не терять напрасно ядер», так как наступающий спустился в овраг, не обстреливаемый из крепости. В этом овраге князь Голицын построил свои войска в боевой порядок: в первой линии стала пехота, а во второй – кавалерия^[161]. Заметив, что две главных высоты, командующие над крепостью, не заняты мятежниками, он приказал поставить на них батареи и отправил батальон князя Одоевского в левую сторону для занятия третьей высоты, которая могла быть опасной, если бы пугачевцы успели занять ее и выставить свои орудия.

Когда все было готово, начальник отряда приказал открыть огонь по крепости, из которой отвечали выстрелами из 30 больших орудий. Более трех часов канонада с обеих сторон не прекращалась, и наконец, «приметив я, – доносил князь Голицын, – что отчаянных бунтовщиков из сего гнезда не можно будет выгнать одной канонадой, решился штурмовать крепость. Атака моя ни откуда не могла быть, как на правый их фланг», и потому генерал-майор Фрейман получил приказание начать наступление с батальонами князя Одоевского и подполковника Филисова. Едва Фрейман двинулся вперед, как Пугачев выслал из крепости сильную вылазку, поддержанную семью орудиями. Остановись на пригорке, орудия эти открыли по наступающим убийственный огонь, а пугачевцы произвели контратаку настолько стремительную и отчаянную, что привели в замешательство оба батальона.

– Братцы-солдаты, – кричали мятежники, – что вы делаете? Вы идете драться и убивать свою братию христиан, защищающих истинного своего государя императора Петра III, который здесь в крепости сам находится!

Слова эти могли, конечно, произвести сильное впечатление, если бы генерал-майор Фрейман не имел достаточной энергии и не успел привести в порядок расстроенные батальоны. Подкрепленный прибытием батальона князя Долгорукова, Фрейман перешел в наступление, но встретил энергическое сопротивление со стороны мятежников, непрерывно усиливаемых прибытием новых сил из крепости.

По стремлению мятежников было очевидно, что на этом пункте должна быть решена участь боя, и потому, приняв здесь личное начальство над войсками, князь Голицын перевел постепенно на левый фланг всю пехоту генерал-майора Мансурова, а ему поручил начальство над всей кавалерией.

Мятежники дрались отчаянно, и на площадке перед крепостью в течение нескольких часов шел самый упорный бой с переменным успехом. Батальоны подполковника Аршеневского были уже введены в боевую линию, бой не склонялся ни на чью сторону, а между тем в резерве оставался всего один сводный батальон из Вятского и Томского полков, под командой капитан-поручика Толстого. Решаясь и его ввести в дело, князь Голицын приказал полковнику Ю. Бибикову с его егерями и лыжниками ударить во фланг неприятеля, генерал-майору Мансурову перейти в наступление с кавалерией, а генерал-майору Фрейману атаковать мятежников сразу тремя батальонами. Схватив знамя 2-го гренадерского полка, Фрейман бросился вперед, а за ним и все остальные войска, в том числе и батальон Толстого, пред которым, почти по грудь в снегу, шел сам князь Голицын с обнаженной шпагой. Генерал-майор Мансуров послал два эскадрона на илецкую дорогу, а двум ротам Чугуевского полка и двум эскадронам бахмутских гусар приказал занять большую оренбургскую дорогу.

Лишь только чугуевцы и бахмутцы стали огибать город и крепость, Пугачев и его сообщники поняли, что скоро путь их отступления будет не безопасен. Многие стали уходить, и в числе их сам Пугачев, показавший впоследствии, что к побегу из Татищевой его уговорил атаман Овчинников.

– Уезжай, батюшка, – говорил Овчинников, – чтобы тебя не захватили, а дорога пока свободна и войсками не занята.

– Ну хорошо, – отвечал Пугачев, – я поеду. Но и вы смотрите же, коли можно будет стоять, так стойте, а коли горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтобы не попасть в руки.

Не более как с четырьмя человеками самозванец выехал из Татищевой. Чугуевские казаки хотя и гнались за ним версты с три, «но как у него и его товарищей кони были самые хорошие, то чугуевцы догнать его не могли»^[162].

За Пугачевым бежали его сообщники, и войска ворвались в крепость. Первыми взошли на вал два батальона 2-го гренадерского полка, а затем, левее, батальон Владимирского полка. Кавалерия, под начальством подполковника Бедряги, преследуя отступавших, проникла в город тремя въездами, а полковник Юрий Бибилов, со своей командой и лыжниками, «имел в то время сильный бой на илецкой дороге с множеством вышедшей из крепости пехоты и конницы»^[163]. Не успевшие бежать мятежники защищались внутри крепости отчаянно и оставили на месте 1315 тел. Бой продолжался более шести часов, и «дело столь важно было, – доносил князь Голицын^[164], – что я не ожидал таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики». Войска преследовали отступавших на протяжении 11 верст, и впоследствии было найдено по дороге, в лесу и сугробах

1180 убитых. В плен взято 290 яицких и илецких казаков и более 3 тысяч человек разного сброда. Вся артиллерия самозванца, состоявшая из 36 орудий со снарядами и зарядными ящиками, осталась в руках победителей, которые лишились убитыми: 3 офицеров и 138 нижних чинов; ранеными: 19 офицеров и 497 нижних чинов^[165].

Столь большая потеря в отряде князя Голицына вполне окупалась тем впечатлением, которое бой этот произвел на мятежников. Собранное самозванцем ополчение было рассеяно: Овчинников с частью своих сил отступил к Илецкому городку, а все остальное бросилось бежать степью, без дорог, по направлению к Переволоцкой крепости. *«Го-то жертв с сердца свалился»*, – писал А.И. Бибиков своей жене^[166] в день получения известия о победе под Татищевой, «а сколько седых волос прибавилось в бороде, то Бог видит; а на голове плешь еще более стала: однако я по морозу хожу без парика»...

Обрадованный блестящим успехом князя Голицына, главнокомандующий просил императрицу оказать благоволение генералам Фрейману, Мансурову и в особенности самому начальнику отряда. «Погрешил бы я против верности моей к вашему императорскому величеству, – прибавлял Бибиков^[167], – если бы генерал-майору князю Голицыну, по отличному его усердию, верности, храбрости и искусству, не отдал пред вами заслуженной им от всякого справедливости, и если распоряжения мои в точности исполнялись и исполняются, то никому иному, как сему трудолюбивому сослуживцу, я присвоить долженствую, а потому и всякую милость и монаршее воззрение к нему, равно как бы оне собственно до меня принадлежали, поставлять буду».

Получив это донесение, императрица произвела А.И. Бибикова из премьер-майоров лейб-гвардии Измайловского полка в подполковники; генералов

Мансурова и Фреймана наградила орденами Святой Анны, а князю Петру Голицыну пожаловала в Могилевской губернии, в Рогачевской провинции, фольварки Годиловичевский и Будинский «со всеми к ним принадлежащими угодьями»^[168]. Два офицера, привезшие известие о победе под Татищевую крепостью^[169], были произведены в следующие чины, а прочим всем участникам, писала императрица^[170], «начиная от первого штаб-офицера до последнего солдата, бывшего в деле корпуса, всемиловитивейше жалуюм мы чрез сие невзачет третное жалованье».

Щедрые награды, пожалованные участникам, соответствовали тому впечатлению, которое произведено было в Петербурге донесениями и письмами А.И. Бибикова. «Теперь, – писал последний князю Волконскому^[171], – я могу почти ваше сиятельство *с окончанием всех беспокойств поздравить*, ибо одно только главнейшее затруднение и было, но оно теперь преодолено, и мы будем час от часу ближе к тишине и покою».

Люди способны увлекаться, легко верить тому, что удовлетворяет их желанию, и потому неудивительно, что князь Волконский пошел еще дальше в этом отношении и пожелал императрице окончить войну с Турцией с таким же успехом, с каким окончены внутренние беспокойства. «Я, будучи, – писал он^[172], – через уведомление от А.И. Бибикова, обрадован, что злодей Пугачев с его воровского толпой князем П.М. Голицыным совершенно разбит и что сие внутреннее беспокойство (которое столь много ваше милосердное матерно сердце трогало) *к концу почти пришло*, приношу всенижайшее и всеусерднейшее поздравление. Да дарует Всевышний, чтобы и внешнее беспокойство, по столь многим победам, полезным миром к

бессмертной славе вашего императорского величества вскоре окончилось же».

Поздравления и пожелания стекались в Петербург из разных мест империи, и сама императрица спешила поделиться этою радостной вестью со своими сотрудниками. Она написала несколько писем, прибавляя в одном из них^[173], что после дела под Татищевым «гордящиеся сим разбоем ненавистники наши поубавят свое ликование». Для таких «ненавистников» в Коллегии иностранных дел составлялась для гамбургских газет статья о победе под Оренбургом, под заглавием: «Extrait d'une lettre de Pétersbourg à un comptoir de Hambourg», и была передана в петербургский почтамт для отправления по назначению. Послы и посланники иностранных держав торопились известить свои правительства, и некоторые писали о подавлении мятежа как о факте уже совершившемся.

«Вчера, – писал сэр Роберт Гуннинг^[174], – от генерала Бибикова приехал курьер и привез весьма приятное известие *об окончательном подавлении мятежа*, вследствие совершенной победы, рассеявшей все мятежное войско».

Таким образом, победе этой было придано гораздо большее значение, чем она имела на самом деле. Правда, что под Татищевым были уничтожены лучшие силы Пугачева, но один этот успех не мог подавить восстания. В Берде была еще значительная толпа мятежников, многочисленнее той, которая была собрана самозванцем для встречи князя Голицына. Ею распоряжался Шигаев, человек более самозванца способный и энергичный, державший блокаду Оренбурга строже, чем она была при Пугачеве. К этому необходимо прибавить, что сила самозванца заключалась не в личности его и не в численности тех войск, которые им были собраны против князя Голицына и оставлены под Оренбургом, а в сочувствии большинства населения,

готового стать под его знамена. Этой последней силы не замечали современные представители власти, и большинство правительственных лиц пришли к той мысли, что с поражением мятежников под Татищевым вопрос о подавлении восстания можно считать оконченным и остается только поймать самого Пугачева. С этой целью почти повсеместно были приняты соответствующие меры. Князь Голицын обеспечил от прорыва самозванца пройденное отрядом пространство и Казанскую губернию. Астраханский губернатор Кречетников, все еще остававшийся в Саратове, разослал курьеров ко всем комендантам и по всем городам с объявлением о победе войскам и народу. Он приказал, чтоб от каждого города были высланы конные разъезды по реке Волге, для захвата всех беглых мятежников. Предполагая, что Пугачев будет искать убежища на реке Иргизе в раскольничьих селениях, ему хорошо известных, Кречетников отправил есаула Фомина с небольшою командой в Малыковку, а для овладения Гурьевым городком приказал отправить отряд из Астрахани.

Гурьев городок очень беспокоил астраханского губернатора с тех пор, как был занят Овчинниковым. Приписывая успех мятежников слабости коменданта и губернской канцелярии, Кречетников приказал начальнику отряда в случае сопротивления жителей сжечь городок. «В сем городке одни казаки живут, – писал он князю Вяземскому^[175], – а посторонних только шесть семей было, то я и рассудил, что их [казаков] уже жалеть не можно, ибо таковой явный и наглый бунт, если вдаль потерпеть, то было бы противу Бога, государя и отечества, а нужно его как наискорее сорвать и восстановить спокойство».

Получив известие, что посланный с гарнизонной ротой из Астрахани, для занятия Гурьева городка, секунд-майор Арбеков, следуя морем, «по худости льда,

на пути обломился» и принужден был остановиться в Красном Яру, генерал Кречетников приказал отправить сухим путем подполковника Кандаурова с 3-ю легкой полевой командой^[176]. В помощь Кандаурову было отправлено из Астрахани к Гурьеву городку одно судно, долженствовавшее заградить мятежникам и самому Пугачеву плавание по морю и лишить их возможности, если б они пожелали, удалиться в Мангышлак^[177].

25 марта Кандауров выступил из Астрахани, присоединил к себе роту Арбекова, 200 донских казаков, 300 калмыков из отряда князя Дондукова и лишь 1 мая подошел к Гурьеву городку, где был встречен атаманом Труняшевым и 10 казаками. Прибыв в лагерь отряда на Черную речку, в 12 верстах от городка, депутаты от имени «всего злодейского их общества» передали ключи города и просили пощады и помилования^[178]. Казаки не считали возможным сопротивляться; они уже знали, что дело их проиграно, что самозванец разбит и бежал из Берды.

Глава 6

Действия отряда генерал-майора Ларионова, назначенного для освобождения города Уфы. - Занятие правительственными войсками Нагайбака и Бакалов. - Просьба генерал-майора Ларионова об увольнении его от командования отрядом. - Назначение подполковника Михельсона. - Положение Уфы. - Попытка мятежников овладеть городом. - Поражение инсургентов у деревни Чесноковки. - Пленение Зарубина (Чики) и его сообщников. - Освобождение города Уфы от блокады. - Действия Михельсона в окрестностях этого города. - Покорность населения.

Одновременно с поражением, нанесенным Пугачеву под Татищевую крепостью, был уничтожен и главнейший его сообщник, самозванный граф Чернышев (Зарубин), руководивший восстанием в Башкирии и державший в строгой блокаде город Уфу.

Назначенный для освобождения этого города отряд генерал-майора Ларионова в конце февраля находился, как мы видели^[179], в Большом Акташе и лишь 4 марта двинулся к Нагайбаку. Ларионов видел перед собою только отступавших мятежников, и жители селений, по которым проходил отряд, хотя и имели от полковника Юрия Бибикова свидетельства в полном раскаянии, но потом опять перешли на сторону мятежников.

«Жены и дети сих извергов, – доносил Ларионов^[180], – в пустых местах разбросанные, не имеют никакого пропитания и пристанища, которых, чтоб они не могли вовсе пропасть, не прикажете ли раздавать желающим. Из вышеписанных же две женщины не только не хотят возвращаться к своим изменой

остервеневшимся мужьям, по желают и закон принять греческий, почему я и определил отдать их желающим в деташементе, дабы без пищи и от стужи не погибли».

При приближении отряда генерал-майора Ларионова к Нагай-баку, мятежники отступили к Бакалам и Стерлитамаку. Заняв 6 марта Нагайбак, Ларионов в тот же день выступил было к Бакалам, но поделанные инсургентами завалы и глубокие снега заставили его вернуться обратно. В два часа ночи 8 марта он выступил к Стерлитамаку, где, по сведениям, была главная толпа под предводительством пяти башкирских старшин. В 20 верстах от Стерлитамака отряд встретил конные разъезды мятежников. Ларионов выслал для преследования их 100 человек чугуевских казаков, 50 изюмских гусар и 100 человек улан Казанского дворянского корпуса под общим начальством майора Харина.

В подкрепление кавалерии было отправлено 50 человек пехоты с одной трехфунтовой пушкой. Преследуя отступавших, Харин с своей кавалерией дошел до Стерлитамака, где, будучи остановлен артиллерийским огнем мятежников, выждал прибытия главных сил. Ларионов приказал открыть огонь из своих орудий, двинул кавалерию в обход, а лыжников на батарею, «сделанную из сенных возов». После нескольких выстрелов башкирцы, число которых, по показанию Ларионова, простиралось до 3 тысяч человек, а по более достоверным сведениям, не превышало 1500 человек, обратились в бегство. Уланы Казанского дворянского корпуса преследовали неприятеля и отбили две пушки. «Младенцы мои, – доносил Ларионов^[181], – сугубо показали, что они произошли из благородных сердец, воспаленных ревностью, усердием верноподданнической любви и должности к августейшей нашей матери и отечеству».

Разбитые башкирцы отступили к Бакалам, а Ларионов пошел с отрядом обратно в Нагайбак. Он испугался известия, что в Бакалы прибыл на подкрепление мятежников брат Зарубина (Чики), а у Мензелинска собираются «новые толпы с разными старшинами»^[182].

Оставаясь в течение нескольких дней в Нагайбаке, Ларионов приказал находившемуся в Мензелинске полковнику Обернибесову строго следить за мятежниками, а полковнику Кожину, с отрядом в 630 человек и 4 орудиями^[183], следовать к Бакалам и выгнать оттуда мятежников, число которых, по выяснившемуся данным, не превышало 500 человек.

В денадцать часов дня, 12 марта, Кожин выступил из Нагай-бака, а следом за ним пошел и Ларионов с остальными силами. Подойдя к Бакалам, полковник Кожин был встречен огнем батареи, поставленной в воротах, и потому, сформировав колонну в 200 человек, приказал овладеть ею. Капитан Шепелев повел первый взвод колонны, дошел почти до самых ворот и готов был броситься на орудия, но был убит. Команда его замешалась, повернула назад, а за нею и вся колонна. Мятежники ободрились, но в это время подошел генерал-майор Ларионов и повторил атаку. Батарея была взята, мятежники отступили, и 13 марта Ларионов занял Бакалы с потерей: убитыми 1 офицера, 7 нижних чинов, ранеными 1 офицера и 20 нижних чинов^[184].

В Бакалах Ларионов оставался в течение недели и не предпринимал ровно ничего. Таким образом, прошло почти полтора месяца со дня выступления отряда из Казани, а дело по усмирению края подвинулось вперед весьма немного, и город Уфа еще долго не мог получить никакой помощи. Главнокомандующий был крайне недоволен медленностью и нерешительностью Ларионова. «За грехи мои, – писал Бибилов^[185], – навязался мне братец мой, А. Л., который сам вызвался

сперва командовать особливым detaшементом, а теперь с места сдвинуть не могу». Главнокомандующий требовал энергических действий и скорейшего наступления к Уфе, а Ларионов ссыался на трудности пути. Он говорил, что и без того узкие дороги, пролегающие среди лесов, завалены снегом и засеками из таких деревьев, «что разрубить их способу нет»; что мосты в самых крутых рывтинах все сожжены и ему приходится ходить окольными дорогами по глубоким снегам, так как для восстановления мостов потребовалось бы слишком много времени.

«Слабость моего здоровья, – прибавлял при этом Ларионов^[186], – время от времени изнуряет меня до того, что я не в состоянии далее командовать. То посему и по ордерам вашего высокопревосходительства, сдав полковнику Кожину все надлежащее с подтверждением крепким о точности исполнения ваших ордеров, намерен под прикрытием чугуевской команды, которую ваше высокопревосходительство повелели возвратить в Бугульму, возвратиться в Кичуй, где у нового явиться вашему высокопревосходительству».

Получив это донесение, главнокомандующий рад был заменить Ларионова другим лицом, и потому, с прибытием 2 марта в Казань Санкт-Петербургского карабинерного полка, в котором находился подполковник Ив. Ив. Михельсон, А.И. Бибилов избрал его, как офицера весьма храброго, способного и деятельного, начальником отряда, назначенного для освобождения Уфы. «Представь, каково эти дни мне, – писал А.И. Бибилов к А.М. Лунину^[187]. – Дворянского шефа [Ларионова] принужден переменить со всеми его куртками, а послать Михельсона, – он за болезнь попросился. Я уже и тому рад. Упетал меня сей храбрый герой: не мог с места целый месяц двинуться!»

Ив. Ив. Михельсон начал службу в офицерских чинах в 3-м мушкетерском полку, которым командовал тогда

А.М. Бибииков. Участвуя в Семилетней и Турецкой войнах, Михельсон заслужил себе блестящую военную репутацию, был несколько раз ранен и за свои боевые подвиги награжден орденом Святого Георгия 3-й степени.

С назначением его теперь вместо генерал-майора Ларионова отряд последнего был разделен на две части, и полковнику Кожину было приказано передать кавалерию и 300 человек лучших людей Томского полка подполковнику Михельсону, а с оставшейся пехотой и Казанскими уланскими компаниями следовать в Кичуевский фельдшанец^[188].

В два часа пополудни 18 марта подполковник Михельсон с небольшим числом карабинеров, прибыв в Бакалы, застал там Ларионова и принял от него 300 человек Томского полка с шестью полевыми орудиями^[189]. Полковник Кожин, дождавшись прибытия из Мензелинска отряда Обернибесова и оставив его в Бакалах для обеспечения тыла Михельсона, сам с остальными войсками 22 марта выступил в Кичуевский фельдшанец^[190].

20 марта двинулся вперед и Михельсон со своим отрядом.

Обложенная со всех сторон Уфа защищалась доблестью своих граждан, распорядительностью коменданта, полковника Мясоедова, и воеводы А.Н. Борисова.

При первых еще известиях о появлении самозванца уфимские жители готовились к обороне и решились не впускать в город мятежников^[191]. Обыватели требовали оружия и формировали ополчение. Прибывший в Уфу по торговым делам 23-летний ростовский купец Иван Игнатьевич Дюков явился душою обороны. Мещанство провозгласило его своим предводителем, а дворянство, составив из себя ополчение, избрало начальником своим

отставного майора Пекарского^[192]; штатной гарнизонной ротой, отставными солдатами и казаками командовал капитан К.К. Пастухов. В Уфу стекались жители окрестных сел, помещики и духовенство с их семьями. Многие из них становились в ряды защитников, но при всем том силы обороняющихся были незначительны. Они состояли сначала из 200 человек солдат, из 250 человек дворянской роты Пекарского, 150 человек купцов, мещан и казаков под начальством Дюкова и 204 человека отставных солдат и разночинцев, – всего 804 человека. В городе было 40 орудий и при них 58 человек прислуги под начальством воеводы Борисова.

Впоследствии хотя сбором вооруженных помещичьих крестьян численность гарнизона и была доведена до 1650 человек, но и этого было недостаточно по сравнению с числом мятежников, ежедневно усиливаемых прибытием новых сообщников.

Защитники возлагали, впрочем, большие надежды на гористое и обрывистое положение города, затруднявшее атаку открытою силою. Река Белая, на всем своем течении вокруг города, была очищена от льда, и образованные таким образом искусственные полыньи прикрывали с этой стороны доступ мятежникам к городу. Вокруг Уфы были построены четыре земляные батареи и сверх того сформирована одна подвижная из четырех орудий, для усиления, в случае атаки, наиболее угрожаемого пункта.

Одна батарея была поставлена на реке Белой для обстреливания местности со стороны оренбургской дороги; вторая батарея была расположена на Усольской сойке, третья на кладбище – обе для защиты доступов со стороны сибирской дороги, и, наконец, четвертая батарея – на горе, над рекой Белой, для обстреливания Фроловской, Казанской и Ильинской улиц. Город был

разделен на участки, охраняемые вооруженными гражданами.

Первые незначительные шайки башкирцев появились в виду города 1 октября, в день праздника Покрова Богородицы. В городском соборе была отслужена обедня и затем совершен крестный ход.

– Сегодня, – говорил народу протопоп Неверов, – святая Церковь празднует Покрову Божия Матери, это значит, что Матерь Божия спасает град сей.

– Ура! – отвечал народ.

– Пресвятая Богородица, спаси нас, – произнес Дюков.

Все пали на колени и горячо молились.

До конца октября мятежники не предпринимали почти ничего серьезного против города и ограничивались одной блокадой. Будучи сами плохо вооружены, башкирцы не питали себя надеждою овладеть городом открытою силой и потому вели непрерывные переговоры, угрожая нападением и требуя сдачи и покорности. С ними переговаривались майор Пекарский, коллежские регистраторы Черкашенинов и Дуров, переговаривался и купец Дюков.

– Мы хотим видеть, – говорили мятежники последнему, – коменданта и воеводу; но если вы ими посланы, то скажите им, чтобы они не противились законному государю, а иначе город будет взят и жители все до одного человека перебиты.

Дюков отправился в город и привез им обратно весьма уклончивый ответ.

– Уфимское начальство само видит, – говорил он, – что городу не устоять: мало людей, оружия, пороху и хлеба; но народ хочет защищаться и не только не послушает начальников, но даже может быть в народе бунт, воевода и комендант могут пострадать лишением живота. Надо предоставить времени, и тогда, может

быть, воевода и комендант найдут возможность сдать город.

- По указу его императорского величества, - сказал один из переговоривающихся предводителей мятежников, - дается вам три дня, или страшитесь государева гнева.

- А ты, умная голова, - спросил Дюкова тот же предводитель, - тоже не из командиров ли?

- Нет, - отвечал спрошенный, - я только теперь временный солдат всемилостивейшей государыни нашей Екатерины Алексеевны и должен исполнять волю начальства, как совесть и присяга повелевают.

- Хорошо, ступай, умная голова, скажи твоему начальству, что слышал, да и скажи жителям, особенно казакам, что-де им тяжкий грех поднимать руку на законного государя, что Бог и царь их накажут.

Дюков вернулся, и воевода приказал ему объявить народу без утайки все, что слышал от мятежников.

- Что же, православные, - спрашивал Борисов, - ужели, по-вашему, сдать злодеям город? Вы как хотите, а я до последнего издыхания буду стоять за веру, государыню и отечество, ведь я присягу принимал.

- Мы все присягу принимали, - отвечали собравшиеся обыватели. - Ура! Веди нас против злодеев.

Решение защищаться до последней крайности было твердо и бесповоротно. Ни угрозы бунтовщиков, ни манифесты Пугачева, или так называемые «*воровские листы*», появившиеся в городе, не могли поколебать обывателей. Нет сомнения, что среди населения были сторонники самозванца, которые принимали прокламации мятежников и тайком, по ночам, наклеивали их на воротах, стенах домов и даже церкви, но такие лица скрывали свое сочувствие и не решались выказаться. Чтобы прекратить подобные публикации, в городе было объявлено, с барабанным боем, что всякий, кто найдет подобные письма, должен представить их в

воеводскую канцелярию; если укажет на виновного, будет награжден, а за утайку виновного и писем будет повешен. При таких порядках спокойствие в городе ничем не нарушалось. Башкирцы то подходили к Уфе, то удалялись от нее и зорко следили за всеми дорогами и захватывали всех проезжающих. Иногда отдельные лица или небольшие партии мятежников завязывали перестрелку, но почти всегда она была безвредна для обеих сторон. С своей стороны осажденные производили вылазки, из которых многие были весьма удачны. Всякий успех обороняющегося был встречаем жителями с восторгом. В конце октября перестрелки происходили почти ежедневно, но, будучи безвредны, не приводили ни к каким результатам.

В таком положении находилась Уфа, когда во второй половине ноября прибыл в Чесноковку уполномоченный Пугачева, яицкий казак Иван Зарубин (Чика), наименованный графом Чернышевым. Выше мы изложили те меры, которые были предприняты Зарубиным к расширению своей деятельности в крае и к распространению своей власти^[193]. Формируя отряды и рассылая их по разным направлениям, Зарубин не забыл и города Уфы.

В день Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября, мятежники подошли к городу, поставили на берегу реки Белой свои пушки и открыли огонь. Каноида эта была неудачна и, несмотря на большое число выпущенных выстрелов, атакующие успели зажечь только избу, одиноко стоявшую на берегу реки Белой. Пожар был скоро потушен, и результаты бомбардирования сказались лишь в том, что защитники лишились трех человек убитыми.

С наступлением сумерек толпа стала отступать к Чесноковке; из Уфы был выслан отряд в 240 человек, с двумя орудиями, который осторожно переправился через реку Белую и, маскируясь горой, зашел незаметно

в тыл инсургентам. Атакованные врасплох мятежники обратились в бегство, оставив на месте 30 человек убитыми и 40 пленными.

Город праздновал победу: «ночью в церквях звонили в колокола и пели благодарственные молебны». Настроение населения было вполне удовлетворительное, но начальствующие лица сознавали, что если блокада протянется долго, то окажется недостаток в боевых припасах, и потому решено было беречь их и уклоняться от перестрелок с неприятелем.

Чтобы приучить жителей и гарнизон к внезапному нападению, начальство делало днем и ночью тревоги. По звону соборного колокола, трещоток или по зажжению маяка гарнизон должен был собираться на назначенных ему местах. «Жители, вооруженные чем попало, кольями, топорами, должны были выходить на улицу, не исключая, как говорит предание, и женщин»^[194].

Неожиданное появление башкирцев у Уфы лишило ее жителей возможности сделать запасы продовольствия на продолжительное время, и почти в самом начале блокады стал ощущаться недостаток в фураже. Поэтому было решено произвести вылазку на соседние луга и заpastись сеном из нетронутых еще стогов.

В семь часов утра, 12 декабря, большая часть жителей и даже женщины вышли из города под прикрытием команды и одного орудия; но лишь только начался сбор сена, как Зарубин (Чика) бросился на них с своим ополчением и успел захватить 50 человек в плен. В числе пленных находился священник Троицкой церкви Илья Иванов. Всех их представили самозваному графу Чернышеву, потом обыскали, завязали глаза и отвели в тюрьму, с объявлением, что на другой день они будут повешены.

На следующее утро их опять привели к Зарубину (Чике), который был совершенно пьян, полуодет, босой и, сидя в переднем углу под образами, едва мог шевелить языком. Приведенным пленным объявили, что сидящий под образами есть его сиятельство граф Чернышев, самый близкий человек к батюшке государю Петру Федоровичу, находящемуся ныне под Оренбургом; что граф прислан под Уфу требовать добровольной покорности и сдачи города без кровопролития. Пьяный Зарубин объявил, что всех милует, отменяет казнь, отпускает обратно в город, но с условием: передать, что видели и слышали, и уговорить население исполнить волю государя Петра Федоровича. 14 декабря пленные отправились в город, при входе были окружены войсками и отведены прямо в канцелярию для допроса. После того им было сделано увещание в соборе, все они были приведены к присяге и распущены по домам. Зарубин не получил никакого ответа и через два дня сам поехал к городу, с намерением вступить в переговоры. В девять часов утра 17 декабря он подошел к Уфе с значительной толпою и, видя, что население не намерено вступать с ним в сношение, приказал открыть огонь. С городских батарей ответили тем же, и Зарубин (Чика) принужден был отступить. Он разослал повсюду приказание, чтобы все способные носить оружие собирались в Чесноковку для взятия города Уфы. Мятежное население стекалось со всех сторон, и в течение нескольких дней, по словам современника, собралось до 20 тысяч человек.

С этими силами и 23 орудиями Зарубин, в семь часов утра 23 декабря, подошел к Уфе и открыл канонаду. Городские батареи отвечали весьма удачно и не допускали мятежников близко к городу. Заметив малолюдство защитников, стоявших у выхода Усольской улицы, инсургенты собрались здесь в значительном числе, успели перевезти через реку две пушки и,

поставив их на горе, стали обстреливать город. Выстрелы этой батареи наносили большой вред строениям, но захватить ее или заставить замолчать у горожан не доставало сил. Тогда отставной вахмистр из дворян Дмитрий Аничков (Баталин тоже) взял 20 человек вооруженных людей и, зная хорошо местность, обошел батарею с правой стороны и открыл огонь в тыл мятежников. Прислуга у батареи была частью перебита, а остальная бросилась бежать. Аничков тотчас повернул орудия и осыпал картечью бегущих. В погоню за ними была выслана из города партия конных, успевшая захватить несколько пленных. Ополчение Зарубина разошлось в разные стороны, штурм был отбит, и победители захватили два орудия.

В три часа дня неприятеля не было уже в виду города, и население торжествовало победу. На следующий день полковник Мясоедов сделал парад всем вооруженным людям и было отслужено благодарственное молебствие. 25 декабря было опять молебствие, после которого зажиточные жители устроили угощение для защитников. Каждый взял к себе несколько вооруженных людей, «к сделанию с приятелями веселого времени». Пять бочек вина было отпущено от казны, но ни пьянства, ни беспорядка не было.

В течение целого затем месяца Зарубин (Чика) не предпринимал ничего против Уфы. Он усилил только блокаду города и изредка вел перестрелку, впрочем незначительную. Толпа его грабила окрестности, жгла запасы сена и разграбила соляные магазины в пяти верстах от города. Исподволь Зарубин собирал свои силы и 25 января снова явился под Уфой с 12 тысячами мятежников^[195]. Набат призвал жителей к оружию, и обе стороны открыли огонь. Один из предводителей толпы, Губанов, прорвался было на Сибирскую улицу, но

был выгнан, а Зарубин направился опять на Усольскую улицу и, остановившись на горе, распоряжался боем.

Зима этого года была снежная, и, по преданию, снег в Уфе лежал выше заборов, что затрудняло атаку: пехота мятежников, вооруженная преимущественно кольями и топорами, вязла в снегу и была поражаема пулями защитников. Атакующие подвигались вперед медленно, и отставной капрал Лодыгин решился повторить маневр Аничкова. Взяв 25 человек солдат, он пробрался между строениями, зашел в тыл атакующим и открыл огонь. Мятежники пришли в большое замешательство, и, по словам современника, Лодыгин бросился на самого Зарубина, но был убит. Команда его рассеялась, но в это время прибыла подвижная батарея и осыпала инсургентов картечью. Под Никой была убита лошадь, но он успел пересесть на другую и ускакал, а за ним бросилась назад и вся толпа. Отступление было самое беспорядочное и гибельное для мятежников: «их убивали без сопротивления, особенно увязших в снегу»; многие с отчаяния бросались в овраги и там гибли. Атакующие потеряли более 200 человек убитыми и 50 человек пленными; гарнизон и обыватели лишились 20 человек убитыми и ранеными. На следующий день был отслужен молебен, войска окроплены святой водой, а Лодыгин и все убитые похоронены с большою церемонией при Смоленском соборе. Низшим чинам были выданы денежные награды, а офицеры приглашены на обед к коменданту, полковнику Мясоедову^[196].

Воодушевление защитников и вера в свою силу были так велики, что они желали идти в Чесноковку и выгнать оттуда Зарубина (Чику), но начальство не разделяло этого желания и считало более выгодным оставаться в оборонительном положении, предоставляя инициативу действий мятежникам. Малейшая неудача в наступлении могла передать город в руки инсургентов,

и потому выгоднее было, оставаясь за укреплениями, дожидаться прибытия помощи.

Помощь, однако же, не прибывала, и притом, идут ли войска на освобождение Уфы – никаких сведений не имелось. Продовольствие в городе истощалось, и все продукты сильно вздорожали: пуд ржи продавался по 1 руб. 20 коп., пуд пшеницы стоил 1 руб. 60 коп., а за воз сена платили по 2 руб., что, по тогдашним ценам, было очень дорого. Солдаты и вооруженные граждане получали половинную дачу провианта, а более бедные стали ощущать голод. За неимением сена большинство владельцев принуждено было кормить своих лошадей и скот древесными ветвями. В городе стали развиваться болезни, а с тем вместе явился ропот и неудовольствие; начались побегі, преимущественно среди помещичьих крестьян, собранных в город для защиты. Впрочем, побегі начались под самый конец блокады, были незначительны, и из регулярных войск бежал только один канонир Нагаев. Он ушел 23 марта, накануне того дня, когда подполковник Михельсон подошел к Чесноковке и разбил ополчение Зарубина (Чики).

Выступив из Бакалов и следуя через селение Тюряшево, подполковник Михельсон старался добыть «язъшы», но не мог никого захватить в плен, потому что «из них, злодеев, ни один живой не сдавался», а за неимением в деревнях жителей получить сведения о неприятеле было почти невозможно. Только 23-го числа, подходя к деревне Караяпуловой, при встрече авангарда отряда с толпою в 400 человек, Михельсон успел захватить 5 человек в плен. От них он узнал, что по дороге из города Уфы в деревне Жуковой находится 2 тысячи человек с 4 орудиями, а в Чесноковке стоит сам граф Чернышев (Зарубин) с 10 тысячами человек и значительным числом орудий.

Как ни опасно было оставлять у себя в тылу мятежников, собравшихся в деревне Жуковой, тем не

менее Михельсон решился атаковать прежде всего главные силы, расположенные в Чесноковке, повернул вправо и пошел на деревню Арово, где и остановился с намерением переночевать и дать отдых отряду. Однако в пятом часу пополудни было замечено, что верстах в семи от места расположения отряда, в деревне Кляшевой, собралась толпа человек до 500. Выслав туда 200 человек пехоты и конницы, Михельсон приказал немедленно атаковать неприятеля и, не зная точного числа его, пошел и сам со всем отрядом. Инсургенты не дождались приближения правительственных войск и разбежались в разные стороны. Остановившись в деревне Кляшевой, Михельсон приказал играть зорю и разложить как можно более огней, а с наступлением совершенной темноты, в одиннадцатом часу ночи, выступил далее и в два часа пополудни подошел к селу Третьяково. При приближении отряда в селении поднялась большая тревога, и бывшие тут мятежники, в числе 1000 человек с двумя орудиями, открыли огонь. Шедший в авангарде майор Харин, не обращая внимания на выстрелы, смело ворвался в селение, а высланные Михельсоном под начальством поручика Базарова лыжники, обогнув деревню и появившись в тылу, навели панику на инсургентов. Расстреляв в беспорядочной ночной стрельбе все свои патроны, толпа обратилась в бегство, оставив на месте все пушки. Большинство мятежников бежало в Чесноковку, и потому, желая воспользоваться впечатлением ночного боя и наведенным страхом, Михельсон, лишь только успел устроить в Третьяковой вагенбург, тотчас же двинулся к Чесноковке. Хотя ему приходилось пройти всего 5 верст, но Зарубин (Чика) успел выслать к деревне Зубовке 7 тысяч человек с 10 орудиями. Расставив по обеим сторонам дороги своих лыжников и растянув на версту в одну линию тысяч до четырех пехоты и конницы, Зарубин намерен был окружить ими Михельсона с

флангов и тыла в то время, когда сомкнутая толпа в 3 тысячи человек ударит с фронта.

Встреченный огнем из 7 орудий, поставленных в деревне Зубовке, майор Харин, шедший в авангарде, остановился, выдвинул вперед одно орудие и, спешив часть кавалерии, начал отстреливаться. Михельсон отправил к нему на помощь часть пехоты, спешенных чугуевских казаков, санкт-петербургских карабинеров и одно орудие. Для прикрытия своего тыла он оставил до 100 человек конницы, 40 человек пехоты и 2 орудия. Мятежники наступали сначала весьма энергично, и хотя встречали повсюду сильный отпор, но не теряли надежды овладеть всем отрядом. Башкиры и татары, составлявшие главную силу толпы, дрались отчаянно и в плен не сдавались. Бой продолжался несколько часов, и наконец Михельсон решился перейти в наступление. Как только батарея мятежников «искусным действием наших орудий» была приведена к молчанию, Михельсон заменил пехотой спешенную кавалерию, а майору Харину приказал сесть на коней и атаковать неприятеля. Атака эта была произведена «с таким отменным мужеством, храбростью и расторопностью», что инсургенты были обращены в бегство и преследованы до самой Чесноковки, тогда же занятой майором Хариным.

Сражение продолжалось до двух часов пополудни 24 марта и окончилось полной и блестящею победою. Мятежники потеряли до 500 человек убитыми, лишились 25 орудий с зарядными ящиками и снарядами и 1560 человек пленными. В отряде Михельсона было 23 человека убитых и 32 раненых.

При самом начале боя, лишь только в Уфе услышали выстрелы, комендант, полковник Мясоедов, желая узнать, что происходило около Чесноковки, отправил капитана Пасмурова с 200 человек пехоты, лыжников, кавалерии и с тремя орудиями. Городские жители

думали сначала, что между мятежниками происходит междоусобная перестрелка, но скоро получили известие от Пасмурова, что Зарубин разбит Михельсоном^[197] и с 20 человеками своей свиты успел бежать в Табынск, куда за несколько дней перед тем отправил всю свою денежную казну и пожитки.

Остановившись с отрядом в Чесноковке, Михельсон повесил двух главных предводителей, а трех высек кнутом. Всех остальных пленных «после увещаний» распустил по домам, точно так же как распускал впоследствии всех тех, которые являлись к нему с повинной. Таких было очень много, «кроме башкирцев, – доносил Михельсон^[198], – в коих злость и жестокосердие с такой яростью вкоренились, что редкий живой в полон отдавался, а которые и были захвачены, то некоторые вынимали ножи из карманов и резали людей, их ловивших».

«Найденные в сенях и под полами, – сказано в журнале^[199], – видя себя открытыми, выскакивали с копьями и ножами, чиня сопротивление».

После поражения мятежников под Чесноковкой толпа, бывшая в Красном Яру, разбежалась почти вся сама собою, но для окончательного очищения этого пункта Михельсон отправил Изюмского гусарского полка капитана Кардашевского с его эскадроном, 100 человеками лыжников и 2 орудиями. Кардашевский не застал мятежников в Красном Яру и, узнав, что они бросили пушки и отступили на завод Потехина, двинулся для преследования их. Большинство инсургентов расходилось по домам, а некоторые скрывались в густых лесах, делая вокруг себя засеки для защиты от правительственных войск.

Отправив всех своих раненых и больных, отбитую артиллерию и собственные экипажи в Уфу, подполковник Михельсон, 26 марта, выступил к Табынску, приказав и капитану Кардашевскому, не

вдаваясь в далекое преследование мятежников, идти к нему на соединение. Отойдя верст тридцать от Чесноковки, Михельсон получил на дороге рапорт табынского казачьего есаула, что он, собрав народ, захватил и сковал прибывших в Табынск Зарубина (Чику), Ульянова, Губанова и всех их товарищей. Михельсон тотчас же послал вперед поручика Матиса с карабинерами и казаками принять арестованных, а затем, в первом часу дня, 28 марта, и сам вступил в Табынск со всем своим отрядом. За поимку Зарубина (Чики) и Ульянова подполковник Михельсон выдал есаулу и его помощникам 500 рублей и отправил в главную толпу самозванца надежных людей с манифестами, увещаниями и с обещанием награды за поимку Пугачева.

«Теперь, – доносил он ^[200], – мне в здешних местах ничего не осталось более делать, как установить старый порядок и собрать людей в их деревни, в чем мои труды и не без успеху. Многие жители с великим раскаянием приходят ко мне, встречают меня из своих деревень и просят прощения в своих проступках. Я надеюсь, что в здешней околичности, *в три дня* все обитатели с покоем возвратятся в свои жилища, кроме тех башкир, кои ушли в горы.

Дня через два я другою дорогой возвращусь к Уфе, и как скоро мне удастся в тамошнем уезде обывателей, коих большая часть бежит по лесам, усмирить, то пойду к Уральским горам. Из допросов некоторых пойманных я усмотрел, что они весьма опасаются уфимских жителей и дворян и многие, единственно опасаясь оных, не возвращаются в свои жилища. Я за нужное почел Уфимской провинциальной канцелярии сделать предложение, чтоб запретить к обывателям делать придирки, а хотя бы кто и имел справедливые претензии, то взял бы терпение до восстановления

совершенной тишины. Не знаю, будет ли сие от оной канцелярии довольно взято в уважение».

Предложение Михельсона, к сожалению, не было исполнено, и он с грустью должен был донести, что местное интеллигентное население само препятствует водворению порядка. «Об уфимских жителях, – писал он^[201], – я с крайним соболезнованием должен донести, что они, невзирая на мое предложение, в окрестных деревнях, в отмщение, делают великие разорения». Один только прокурор Зубов хлопотал более о восстановлении общего покоя, чем о возвращении потерянного своего имущества, и сознавал, что всякая месть может довести до новых кровавых столкновений^[202].

Занимаясь административными распоряжениями, Михельсон оставался в Табынске более недели. Он определил комендантом прибывшего из Уфы и бывшего перед тем в Стерлитамаке гарнизонного майора Мершилова, поруча в его команду всех табынских казаков, захваченную мятежниками в Нагайбаке пехоту, отбитую в сражении у Чесноковки, и 6 пушек, найденных в Табынске. С этими силами Мершилов обязан был, охраняя порядок в городе, иметь влияние на окрестное население и содержать его в тишине и порядке. Сделать это было не трудно потому, что обыватели являлись со всех сторон не только с повинной, но и с заявлением, что в случае надобности готовы собраться и действовать против злодеев. Мещеряки в особенности отличались чистосердечием своего раскаяния, «и я через короткое время, – писал Михельсон^[203], – имею надежду иметь в detaшементе моем, под предводительством известных вашему высокопревосходительству старшин Мендея Тюпеева и Султан-Мурада Янышева, лучшего войска 500 человек». Примеру мещеряков следовали и башкирцы: на Стерлитамакской соляной пристани, в 40 верстах от Табынска, они устроили съезд и совещание, для выбора

депутатов и отправления их к Михельсону с повинной. Поводом к тому послужило возвращение в дома пленных, захваченных в Чесноковке. На всем пространстве от города Уфы до Стерлитамакской пристани население возвратилось в свои дома, доставляло Михельсону фураж, подводы и подписывало присяжные листы, разосланные повсюду на туземных языках.

Отправив Зарубина (Чикю) и Ульянова в Уфу, дождавшись прибытия на подкрепление майора Тютчева с гусарами и возвращения капитана Кардашевского с отрядом, Михельсон 3 апреля выступил из Табынска и 4 апреля вступил в Уфу, где был восторженно встречен жителями. Отряд его в это время состоял из четырех рот Томского полка, роты егерей, шести рот Санкт-Петербургского карабинерного полка, четырех рот черных гусар, четырех рот изюмских гусар, двух рот чугуевских казаков и четырех орудий.

Со вступлением Михельсона все тревожения для жителей города Уфы были окончены и спокойствие в городе более не нарушалось. «В здешней провинции, – доносил он^[204], – не только о злодеях уже не слышно, но почти всякий старшина обязывается набрать войско и следовать куда ему повелено будет». Один только Торнов успел собрать себе шайку и разорял жителей в окрестностях Бакалов. Для поимки его подполковник Михельсон отправил майора Харина с 600 человек^[205] и двумя орудиями, а сам с 350 человеками регулярных войск, 50 мещеряками и с тремя орудиями пошел к Бирску, чтобы отрезать мятежникам дорогу к Сарапулу. Майор Харин не дошел еще до Бакалов, когда к Михельсону были доставлены атаман Торнов и бывший депутат Бугурусланской слободы Давыдов, связанные башкирским старшиной Кидрясом^[206].

Вернувшись обратно в Уфу, подполковник Михельсон отправил к Бирску майора Тютчева с небольшим

отрядом, для поимки некоторых иноверческих старшин, которые, доносил он^[207], «вместо того чтобы последовать примеру прочих своих товарищей, собрались человек до 500 и везде разглашают, якобы то неправда, что их граф [Зарубин] и Пугачев разбиты, а спасся единственно я с 30 человеками».

При помощи партизана Султана Мурада Янышева майор Тютчев успел захватить двух главных возмутителей: старшину Ахмета Агеева и сотника Мурзакая Роткина, а партизан Михельсона Мандей Тюпеев, с своими верными сподвижниками, связал и доставил в отряд 68 человек бунтовщиков, в числе коих было только три татарина, а остальные все русские^[208].

Легкий захват пленных, почти добровольная выдача главных зачинщиков бунта и просьба о помиловании были следствием ряда поражений, нанесенных бунтовщикам правительственными войсками. Мятежным жителям этой местности некуда было деваться: с запада и юга они были окружены войсками, на востоке прилегала бедная и разоренная горная часть Пермской провинции, а с севера подходил отряд майора Гагрина, освободивший от осады Кунгур и рассеявший толпы, бродившие в его окрестностях.

Глава 7

Оборона Кунгура. - Несогласия, возникшие между мятежниками. - Движение отряда майора Гагрина на выручку Кунгура. - Поражение мятежников при селении Ординском и городе Красноуфимске. - Происшествия под Екатеринбургом. - Деятельность Белобородова на заводах. - Положение обороны Екатеринбурга. - Афиши полковника Василия Бибикова. - Приближение отряда майора Гагрина. - Поражение мятежников в Уткинском и Каслинском заводах.

После неудачи, испытанной под Кунгуром^[209], мятежники расположились вокруг города и не предпринимали ничего решительного. Один из прародителей, Савалат Юлаев, был ранен, другой, Канзафар Усаев, как посланный самим Пугачевым, не хотел подчиняться Кузнецову, и между предводителями толпы произошли раздоры и весьма крупная ссора. Кузнецов приказал заковать Усаева в железа и отправился в Чесноковку с жалобой к Зарубину (Чике). Начальником над инсургентами оставался красноуфимский писарь Михаил Малцев, не мечтавший уже об овладении Кунгуром, а заботившийся только о том, чтобы удержать свою толпу под городом и не выпустить из него майора Попова, энергические действия которого наводили страх на бунтовщиков. «Сей майор, – доносил А.И. Бибиков императрице^[210], – есть первый из всех поныне мне известных здешних гарнизонных офицеров, который должность свою делает как верному подданному и расторопному офицеру надлежит».

«Объявите сему достойному штаб-офицеру, – отвечала императрица^[211], – что я жалую его подполковником, и отпишите ко мне, в каких он летах^[212] и не можно ль от него надеяться и впредь службы». Не зная лично Попова и не находя в Казани никого, кто бы его знал, так как Попов только осенью прибыл из первой армии, А.И. Бибиков не решился сделать никакого заключения о его способностях, но был уверен, что до прибытия подкреплений Попов удержит столь важный пункт, каким был Кунгур.

Город этот находился на пути из Сибири и Екатеринбурга, был главным городом обширной провинции, и, следовательно, освобождение его от блокады являлось делом крайне необходимым. Сосредоточивая силы для нанесения удара главному скопищу мятежников под Оренбургом, главнокомандующий мог отделить к Кунгуру лишь незначительные силы. Недостаток в силах приходилось возместить достоинствами начальника отряда, и А.И. Бибиков выбрал для этой цели Нарвского пехотного полка секунд-майора Гагрина, как человека надежного и лично ему известного своей храбростью. Передав в распоряжение Гагрина всего 200 человек Владимирского полка и два орудия, главнокомандующий поручил ему не только освободить Кунгур, но очистить дороги к Екатеринбургу и, войдя в сношение с Башмаковым, находившимся на Юговском заводе, вместе с ним принять меры к уничтожению волнений в крае^[213]. С отрядом Гагрина была отправлена запасная амуниция и несколько ружей, для вооружения рекрут «достойного», как выразился главнокомандующий, майора Попова и граждан Кунгура.

Приближение майора Гагрина заставило мятежников отступить, и 25 января он беспрепятственно вступил в город^[214]. Не имея точных сведений, куда направились инсургенты, Гагрин оставался несколько дней в Кунгуре,

а затем, узнав, что они расположились по сибирской дороге в селениях Ординском (Ильинский острожек тож) и в Сабарке в 27–30 верстах от города, он в ночь на 30 января выступил для их преследования. Присоединив к своему отряду майора Попова с 10 человеками солдат Казанского батальона и 120 рекрутами, Гагрин взял с собою две городские пушки и 700 человек обывателей, пеших и конных, из числа собранных воеводою Миллером и коллежским асессором Башмаковым^[215].

По дороге Гагрин узнал, что селения Ординское и Сабарка находятся в 15 верстах друг от друга и что наибольшее сборище мятежников расположено в селе Ординское. Приближаясь к последнему, отряд был замечен пикетом, состоявшим из 30 человек. В селении ударили в набат, инсургенты в числе до 2 тысяч человек заняли крайние строения и старую ветхую крепость, бывшую впереди селения. Крепость имела с трех сторон стены с башнями и двое ворот, в которых были поставлены по три пушки. Четвертой стены вовсе не было, и потому здесь группировалось большое число мятежников с шестью пушками, положенными на санях. Окружив себя со всех сторон рогатками, расположившись по башням и стенам, инсургенты ожидали приближения отряда.

Густой лес по обеим сторонам дороги, глубокий снег и вьюга заставили майора Гагриня двигаться в одной колонне. Мятежники встретили наступающих выстрелами и, бросившись в лес, охватили отряд с обоих флангов. Выслав на обе стороны по небольшому отряду пехоты, майор Гагрин с главными силами двинулся к крепости и ворвался в ворота. Защитники засели в домах и на колокольне, но, выбитые оттуда, зажгли селение в трех местах и обратились в бегство, преимущественно по дорогам сибирского тракта.

«Башкиры и казаки, – доносил Зарубину есаул Матвей Чигвинцов^[216], – вскочив на коней, через реку

переплыли, а иные, укрывшись кому где можно было, спаслись до ночного времени, пешком выбежали». Конница преследовала бегущих на протяжении трех верст, и бой, начатый в семь часов утра, окончился лишь к двум часам пополудни. Мятежники бросили 18 пушек и много снарядов; они потеряли 62 человека пленными и до 100 человек убитыми, в числе которых был и канцелярист Петр Лутохин. Атаман Мальцов с остатками своей толпы бежал в Красноуфимск, захватив с собою и содержавшегося в оковах Канзафара Усаева.

Из Красноуфимска он отправил Усаева в Чесноковку, но тот успел бежать с дороги и поехал в Берду с жалобой на Зарубина (Чикю). Раненый Салават еще до начала сражения уехал домой, и мятежники, лишившись своих предводителей, рассеялись в разные стороны. Майор Гагрин возвратился в Кунгур, потеряв всего 4 человек убитыми и 12 ранеными, причем сам Гагрин был ранен дробиной в ногу, но не считал свою рану препятствием «продолжать поиски над злодеями»^[217].

Пробывши несколько дней в городе и получая известия, что толпы инсургентов собираются у Красноуфимска, майор Гагрин двинулся туда преимущественно через те селения, которые выказывали наибольшее сочувствие к мятежу^[218]. Следуя через села Сабарка и Златоустенское, Гагрин 5 февраля остановился в деревне Кашаевой, в 75 верстах от Кунгура и в 25 верстах от Красноуфимска. Здесь он узнал, что в Красноуфимске уже собралось до 4 тысяч мятежников, и потому, не полагаясь на свой отряд, состоявший преимущественно из обывателей, Гагрин пошел обратно в Кунгур^[219]. Силы инсургентов оказались чересчур преувеличенными, и потому, лишь только майор Гагрин получил от Башмакова 442 человека пеших и 152 конных, набранных из горнозаводских селений^[220], он тотчас же опять двинулся к Красноуфимску.

Собравшаяся здесь толпа имела уже новых начальников, во главе которых стоял красноуфимской станичной избы есаул Матвей Чигвинцов. Он организовал оборону, выставил передовые посты и зорко следил за движениями правительственных войск. Получив 15 февраля известие, что майор Гагрин остановился в селе Соксунское, в 50 верстах от Красноуфимска, есаул Чигвинцов просил помощи у Белобородова, стоявшего близ Екатеринбурга на Уткинском заводе. Сообщая, что к Красноуфимску подходит Гагрин с отрядом в 2500 человек и что для защиты города он имеет не более тысячи человек, Чигвинцов просил прислать ему подкрепления, «дабы, – писал он, – нашей армии, по малолюдству и за малоимением артиллерии и пороху, напрасно не погибнуть»^[221]. Оставаясь «благонадежным в вышеписанном одолжении», Чигвинцов не получил, однако же, помощи.

«Вам чрез сие объявляю, – писал ему в ответ Белобородов^[222], – я с моею армиею, которая уже, но власти всемогущего Бога, мне в управление поручилась, имею с лишком три тысячи и с крайним моим усердием занимаю самые к Екатеринбургу нужнейшие места и сам нахожусь поблизости оною. Итак, отступить или для вас из своего войска уделить никак невозможно, а хотя б вас артиллерию, т. е. пушками снабдить и можно [было], но пороха у меня в войске у самого недостаточно. Я же, усматривая из вашего требования, а паче же дошедшими до меня слухами, уверен, что кунгурское войско [отряд Гагрина], над армиею его величества выиграв, получило себе добычу от слабости предводителей, не имея настоящего при войске распоряжения, допуская солдат к богомерзкому пьянству... Для чего предаю вам мое наставление к распоряжению и лучшему управлению находящейся при вас армии, хотя в помощь себе выбрать, по общему

войска согласию, верного, смелого и в нужных случаях неробкого человека, *ибо армия всегда одним доброго распоряжения человеком против неприятеля ободрена бывает*. И при сем вам накрепко подтверждаю, чтобы предводитель был выбран из верных рабов, который, по довольной уже вашей знаемости к его величеству, чистосердечные своя ревности оказывает, а не из льстецов, кои только одним видом и обманством свои заслуги оказывают и в том крайне наблюдать, дабы от такого хищника впредь не можно было обмануться».

Пока предводители мятежников переписывались между собою, майор Гагрин 19 февраля подошел с отрядом к Красноуфимску. Построившись в боевой порядок, он приказал майору Попову с небольшим отрядом двигаться по правой дороге, пересекавшей реку Уфу, а капитану Дурново следовать по левой дороге и стараться обойти крепость; сам Гагрин с остальными силами намерен был штурмовать с фронта. Но как обе дороги расходились в самом ущелье, на ружейном выстреле от башен, то лишь только Попов показался в этом пункте, как был встречен огнем и атакой мятежников. Он остановился и открыл огонь; выход на дорогу вправо был ему прегражден, и план атаки должен был измениться.

Подкрепив Попова, майор Гагрин двинулся со всеми силами на укрепление и после незначительного сопротивления овладел им. Мятежники бежали по двум дорогам и были преследуемы на протяжении 10–11 верст, пока не рассыпались в разные стороны ^[223].

Бой продолжался до трех часов, причем мятежники потеряли 8 пушек, 40 человек убитыми и 55 пленными. В числе последних были: атаман Мальцов, одетый в кольчугу и потому отчаянно бросавшийся впереди всех в атаку, есаул Матвей Чигвинцов, управлявший Красноуфимском, и другие.

Отсюда Гагрин прошел в Ачитскую крепость, привел жителей к присяге, приказал майору Попову следовать обратно в Кунгур, а сам намерен был следовать к Екатеринбург, обложенному толпою Белобородова^[224].

Возвратившись в Кунгур, Попов узнал о своем производстве в подполковники и о том, что мятежники по-прежнему собираются с разных сторон к Красноуфимску^[225]. Он тотчас же двинулся на их преследование, имея в отряде свою рекрутскую команду, 16 человек волжских казаков и 740 человек собранных из кунгурского купечества и окрестных обывателей, пеших и конных, вооруженных ружьями, копьями и луками; при отряде находилось четыре пушки с достаточным запасом зарядов^[226].

Двигаясь через деревню Галухину, село Медянский Острожек и Преображенское, подполковник Попов прибыл 10 марта в Ачитскую крепость. Здесь он узнал, что мятежники собрались в деревне Ева, в 20 верстах от Красноуфимска, по ту сторону реки Уфы, и что число их простирается будто бы до 3 тысяч человек^[227]. Подходя к Красноуфимску, Попов 14 марта был встречен передовою партией, но рассеял ее и вступил в крепость^[228]. Отсюда он двинулся на Саранинский завод и 17 марта разбил инсургентов у деревне Бугалыша. Предводительствовавший ими Салават Юлаев бежал^[229]. Подполковник Попов пошел к селению Богородскому^[230], а затем вниз по реке Ирени «по татарским беспокойно живущим селениям»^[231]. Хотя мятежники терпели повсюду поражение, но успели разграбить окрестности. Так, жители города Кунгура и ближайших деревень понесли убытку на 4393 руб. 76 коп., а в Красноуфимской крепости и Медянском острожке бунтовщики взяли все орудия, порох, ружья и деньгами от соляного сбора 3987 руб. 55 коп.^[232]

Видя невозможность борьбы с правительственными войсками, мятежники частью возвращались в дома и старались скрыть свое участие в мятеже, а частью скрывались в лесах и пробирались в толпу, собравшуюся в окрестностях Екатеринбурга.

Еще выступая из Шуртанского Осокина завода, Канзафар Усаев, именем Пугачева, наименовал полковником отставного солдата Ивана Белобородова, дал ему 100 человек из своей толпы и приказал следовать к Екатеринбургу. Белобородов был уполномочен всем противящимся рубить головы, «а которые склонятся, тех жаловать вольностью, стричь волосы по-казацки и приводить к присяге» на верность императору. Двигаясь через Ачитскую, Бисерскую и прочие крепости и заводы, Белобородов набирал себе ополчение и 18 января 1774 г. пришел на Билимбаевский завод. Он потребовал к себе писаря горного ведомства, Дементия Верхоланцева, в распоряжении которого находилось 500 человек горнорабочих, и приказал ему рано утром следующего дня «выставить свою команду во фронт» и сделать перекличку по горным спискам. «Ночью на 19 января, говорит Верхоланцев^[233], я выстроил 500 человек в одну линию против квартиры полковника [Белобородова] и ждал рассвета; Белобородов встал рано, ему доложили обо мне, и я тотчас был допущен».

– Что, любезный друг, – спросил Белобородов, – исполнил ли ты мой приказ?

– Исполнил, ваше высокоблагородие, – отвечал Верхоланцев.

Белобородов надел лисий малахай и вышел к команде.

Проходя вдоль фронта, он выбрал для себя 300 человек, а остальных забраковал по малолетству или по телесным недостаткам. Потом вынул свою саблю и,

обратившись к Верховланцеву, пожаловал его чином походного сотника.

– А вас, ребята, – прибавил он, – поздравляю с товарищем.

Верхоланцев поклонился; ему тотчас же остригли волосы по-казачьи и дали саблю.

Мастеровые и крестьяне бросились в кабаки, но Белобородов, не желая допустить до пьянства, приказал разбить бочки, и лишь охотники пили вино из грязных луж. Народ бушевал по улицам, грабил дома начальников и заводское правление, конторские бумаги и архив были вынесены на площадь и зажжены.

– Горите, наши долги! – кричали рабочие, с криком и смехом бросая в огонь расчетные книги.

Усилив на Билимбаевском заводе свою толпу до 600 человек и имея 5 пушек, Белобородов пытался ввести среди своего ополчения некоторый порядок и разделил его на три части, назначив для командования ими сотников. Все русские рабочие были отданы сотнику Семену Варенцову, башкиры – Егафару Азбаеву, а черемисы – Оське Оскину. Каждому сотнику было выдано особое наставление, которым, писал Белобородов^[234], «накрепко подтверждаю, чтоб имеющуюся в ваших сотнях русскую и татарскую воинские команды содержать во всякой строгости и вам послушании и крайне над оной наблюдать, чтоб были все в единодушном к службе его императорского величества усердии. А если кто из находящихся в ваших командах казаков оказываться будет в самовольствах, озорничествах и вам в непослушании, за то таковых упорственников и противников воли его величества наказывать вам без всякой пощады плетьюми: русских при собрании русской и татарской команд, татар по тому ж, при собрании татарской и русской команд, дабы, смотря на то [каждый] мог страшиться самовольств и озорничеств, а паче противных поступков против воли

его величества чинить не могли. Если же и затем кто-либо окажется в наивящем своем упорстве, то уже, для настоящего усмирения, присылать ко мне».

Из Билимбаевского завода Белобородов перешел на Шайтанский (Васильевский) Ширяева завод и, остановившись всего в 40 верстах от Екатеринбурга, отправил 30 человек на Уткинский казенный завод с требованием, чтобы население покорилося и шло на службу к государю. Жители не противились, а унтер-шихтмейстер Павел Жубринский отправился к Белобородову и привез ему 1500 руб. казенных денег^[235]. Назначив Жубринского сотником, Белобородов приказал ему ехать обратно на завод и набирать там ополчение, а сам двинулся к Екатеринбургу, оборона которого была в плохом состоянии.

Екатеринбургские горные заводы находились в главном ведении полковника Василия Бибикова, не отличавшегося ни энергией, ни твердостью и решимостью характера. При первых известиях о начале волнений в Башкирии члены правления горных заводов указывали на необходимость принять меры к защите, но все предложения их отвергались Бибиковым с презрением. Он не допускал, чтобы замешательства под Оренбургом могли распространиться столь далеко, и потому первые распоряжения относительно обороны последовали только тогда, когда толпы мятежников уже ворвались в Исетскую провинцию.

В конце декабря для защиты Екатеринбурга с его ведомством было собрано 1235 человек заводских крестьян и от сибирского губернатора Чичерина прислано 405 человек солдат при офицерах. За рассылкой на посты и отправкой в разъезды, в самом Екатеринбурге оставалось вместе с солдатами горного ведомства 646 казаков, 28 солдат, 200 вооруженных заводских крестьян и 16 орудий^[236]. Впоследствии часть

и этих людей разослана была по постам, не принесшим никакой пользы. Небольшие команды эти были захвачены мятежниками или добровольно присоединялись к ним. Полковник Бибилов, писал Охлебинин^[237], «сделал по границе пикеты из малого числа солдат, а большей частью из казаков, собранных из крестьян; никого из них не приготовил к службе, ни к тому, как им Пугачева разуместь должно, хотя время на то около двух месяцев было».

Получая известия, что восстание распространяется все шире и шире, что мятеж охватил всю Исетскую провинцию, полковник Василий Бибилов ограничивался сначала изданием одних объявлений, в которых призывал жителей Екатеринбурга к верности престолу и отечеству. Требуя от них присяги, по особой сочиненной им форме^[238], полковник Бибилов, в своих периодических объявлениях сообщал краткие известия о ходе мятежа, о назначении главнокомандующим А.И. Бибилова, об изгнании инсургентов из Самары, об отбитии их от Кунгура и проч.

«Я не думаю, – прибавлял он^[239], – чтоб кто, быв прямой сын отечества, для собственной и общей пользы великой нашей государыни, не восчувствовал от такого известия духа бодрости и усердия на поражение злодеев, которые большей частью есть башкирцы, стремящиеся оскорбить нашу православную веру, попятить освященный данный нам на пользу от великих государей закон, похитить и осквернить наших жен и детей, не говоря уже об имении, как то ими во многих русских селениях, к несчастью своему, или к ним приклонившихся, или на стремлении их лежащих и делается.

Где же отмщение мы получим за учиненное от них православным оскорбление, если не будем готовы на их поражение? Таковые обстоятельства, конечно, должны возбудить во всяком праведный гнев и обратить его на

главы виновников нашего оскорбления. Не сомневаюсь я, чтобы всякий теперь остался при своей должности установленной Вечным существом и чтоб кто так был зол, чтоб стал одобрять воров и, к ним прилепясь, к совершенному своему несчастью, обратился разрушать покой любезного своего отечества, а думаю, всякий готов будет на таковых доносить».

Донесения эти были самого неутешительного свойства. В конце декабря и в самом начале января 1774 года известно было, что большая часть заводов с приписным к ним населением передались на сторону самозванца [\[240\]](#). Тогда, 4 января, полковник Бибилов собрал совет, в который пригласил находившегося в Екатеринбурге генерал-майора Данненберга и всех членов главного заводского управления. Заявивши собравшимся, что в Каслинском заводе мятежники захватили 350 человек команды, а в Ачитской крепости 50 человек и что в распоряжении у него осталось всего 700 человек необученных рекрут, Бибилов отказывался защищать Екатеринбург. Такое заявление озадачило собравшихся на совещание, после шумных и горячих споров совет не пришел ни к какому решению, но положил, однако же, чтоб каждый член на другой день подал письменное свое мнение о мерах, какие принять необходимо. Все сходились на том, что необходимо укрепить город, запастись провиантом, вооружить людей, прочитать манифест императрицы и истолковать им предстоящие обязанности по защите города. Несколько дней полковник Бибилов рассматривал эти мнения и, наконец, 8 января собрал опять совет. В нем принимали участие генерал-майор Данненберг, коллежский советник Сокольников, надворный советник Охлебинин, коллежские асессоры Маслов и Метлин и секунд-майор Пушкарев. По прочтении поданных мнений полковник Василий Бибилов заявил, что, не надеясь на людей, назначенных для защиты города, дабы не быть

бесполезной жертвою, не находит другого средства, как, согласно 120-й главе военного артикула, оставить город и вместе «с *благородными*» из него выехать.

Предполагая, что все члены будут согласны с этим мнением, Бибилов заранее заготовил постановление совета и предложил членам подписать его. В постановлении этом предлагались следующие меры: 1) поручить премьеру-майору Пирогову приступить немедленно к укреплению города, обнесению домов рогатками и к возведению на важнейших пунктах батарей; 2) усилить со всех сторон пикеты и для того вооружить всех свободных людей, а недостающее число ружей и канониров к орудиям требовать от сибирского губернатора; 3) по городу делать «под крепким присмотром беспрестанные разъезды», а по всем главнейшим дорогам выставить в три линии пикеты с маяками так, чтобы первый пикет стоял в 5, второй в 10, а третий в 15 верстах от города.

«Но ежели сие, – сказано было в проектированном Бибиловым постановлении^[241], – со всей верностью и усердием к ее императорскому величеству не будет иметь желаемого успеха и приметится в людях, которыми защищаться определятся, легкомыслие, склонность к измене и предательству начальников, то дабы не сделаться напрасной и бесполезной извергов жертвою, всем благородным в такой крайности позволяется выехать отсель в безопасные места, по их рассуждению. Но сколь возможность допустит всеми силами стараться сохранить интерес и военных людей, с военными снарядами вверенных в правление каждого; которых же из орудий забрать не можно, те испортить».

– Не видав еще никакой крайности, – говорил надворный советник Охлебинин, – постыдно подписывать определение, которое не согласуется ни с честью, ни с должностью и присягою.

Эти слова были поддержаны генерал-майором Данненбергом, коллежским советником Сокольниковым и коллежским асессором Масловым. Собравшиеся разделились на две партии: одна готова была подписать определение, а четверо от этого отказывались. Видя разногласие, полковник Бибиков прочел полученные им в тот день известия о возмущении в Исетской провинции и требовал разрешения на выезд из города. Охлебинин возражал, что полученные сведения преувеличены, что Исетской провинции, а тем более Екатеринбург у особой опасности еще не предстоит, и члены совета разошлись без всякого решения. Тем не менее происходившее в совете не было тайной, и проект определения, составленный Бибиковым, в тот же день сделался известным в городе. Народ «пришел в великую робость и большее еще потом уныние, когда увидел, что у полковника 50 подвод на дворе к побегу были в готовности». По улицам стали собираться народные толпы, и ежеминутно можно было ожидать возмущения. Тогда надворный советник Рооде собрал подведомственную ему монетную роту и рабочих с золотых промыслов и, производя сам разъезды днем и ночью, удерживал порядок в городе. Распоряжения Рооде не нравились Василию Бибикову, и, считая их самовольными, он жаловался главнокомандующему А.И. Бибикову и сибирскому губернатору Чичерину. Последний требовал, чтобы силы, назначенные для защиты Екатеринбурга, не были разбрасываемы и приняты были меры к укреплению города. «Ваше высокопревосходительство, – отвечал Василий Бибиков ^[242], – справедливо изволите рассуждать, что, рассылая за злодеями малые партии, следствие [можно] обессилиться и погубить людей напрасно. Но ежели в обстоятельства войти, то также, кажется, я не без важной причины то делаю. Может быть, злословие или неосновательные вести другой вид дают моим

распоряжениям, так я на то и ничего уже сказать не могу».

Полковник Бибиков говорил, что он разослал небольшие команды по заводам для ободрения жителей тогда, когда они еще не волновались, а *«театр бунта»* находился от одних во 100, а от других в 400 верстах. Небольшие команды эти, по словам Бибикова, легко могли, при содействии населения, защищаться от мятежников, потому что почти на всех заводах были орудия с достаточным запасом пороха и снарядов. «Но можно ли, – спрашивал Бибиков, – от своих воров быть где-нибудь безопасным? Следствие показало, сколь много свои плуты в состоянии зла наделать». На Кыштымском заводе, например, могло собраться до 10 тысяч человек мещеряков, «которые верности своей многие знаки показали», но когда мятежники подошли ночью к заводу и прочли манифест самозванца, то все жители взбунтовались, арестовали майора, офицеров и солдат. «Вот успех моих распоряжений, – писал Василий Бибиков, – и плод наших сил! Что ж бы я еще тут делать начал? Дождаться воров в городе, а сие легко быть может; дорога близка и беспрепятственна, жители принять их [мятежников] лезть готовы».

Видя в каждом измену, Василий Бибиков не оставлял своего намерения покинуть город и с этою целью 10 января созвал опять совет, которому прочитал вновь полученные известия о восстании всей Исетской провинции и о занятии будто бы мятежниками Челябинска. Тогда генерал-майор Данненберг и коллежский советник Сокольников перешли на сторону большинства и подписали определение, а Охлебинин и Маслов отказались исполнить желание членов главного заводов правления. Охлебинин просил себе паспорта, а Маслов заявил, что он города ни в каком случае не оставит и с ним не расстанется. На другой день единомышленники Бибикова, собравшись вновь в

канцелярии, постановили просить помощи из Казани и от сибирского губернатора, а Охлебинина и Маслова, как лиц, делающих «одно промедление в таком нужном и время не терпящем деле, оставить при их мыслях, а исполнение сделать по учиненному определению, согласно с указом 1714 года и впредь их *по таким медлительностям в подобные сему рассуждения не приглашать*^[243].

Представляя это последнее определение главнокомандующему, полковник Василий Бибиков вместе с тем писал генерал-прокурору князю Вяземскому^[244]: «Я почти не знаю, что в такой крайности и начать. Собран был совет из всех в здешнем городе находившихся штаб-офицеров, которые, по несогласию, родившемуся у них еще прежде, ни того, ни другого не делают. Я же, к несчастью, больше еще ненавижу за свои прежние распоряжения, для чего они без их совета делались (если можно назвать советом собрание вздору)».

Бибиков жаловался, что у него команды не более 100 человек, а собранные в помощь ей вооруженные крестьяне заявляют претензию, что они взяты не по очереди, что они стары и просят домой за продовольствием и фуражом. То же самое писал Чичерину и генерал-майор Данненберг, просивший позволение вывезти из города присутственные места и деньги.

«Здесь, в городе, денежной казны имеется такая сумма, – писал он^[245], – что с великим только сожалением сказать о том можно. Город вовсе не укреплен, и воинской команды в нем не более ста человек; рекрутов же хотя считается до 700, но многие распушены по домам; да хотя бы и все были налицо, токмо пальбе нисколько не учены».

В Екатеринбурге не было никакого порядка; команда полковника Бибикова была до того распушена и не

знала своих обязанностей, что однажды ночью надворный советник Рооде отобрал все ружья у солдат, стоявших в карауле на гауптвахте у дома главного командира^[246].

Беспорядки эти крайне опечалили главнокомандующего, и он, не зная всех подробностей, а основываясь на донесении полковника Бибикова, предписал всем чинам главного правления горных заводов находиться в полном повиновении последнего, хотя и младшего чином, но за действия которого он принимает всю ответственность на себя. Вместе с тем Александр Ильин приказал полковнику Василию Бибикову, по прибытии в Екатеринбург майора Гагрин с отрядом, передать в его распоряжение все находившиеся в Екатеринбурге средства горного ведомства. Гагрин мог прибыть нескоро, и распоряжение главнокомандующего нельзя назвать удачным. С предоставлением власти Василию Бибикову все члены правления отступились и не вмешивались в дело обороны города, а главный распорядитель думал только о том, как бы самому скорее удрать из Екатеринбурга.

При таких условиях и не встречая никакого препятствия, Белобородов постепенно окружал город, распространял свою власть на заводах и приводил население на верность императору Петру III.

«Для прельщения простых людей, – писал Яков Волегов^[247], – разъезжает с партией в знатной одежде наряженный казак, имеющий на голове золотой колпак с портретом якобы покойного императора Петра III, и носит с собой указ на показание за его рукой народу, и приводит многих простяков в свою пагубную шайку».

Встречая сочувствие в населении, Белобородов усиливал свою толпу, обеспечивал ее продовольствием, добровольно доставляемым жителями, захватывал деньги и разорял заводы почти до основания.

Расположенные по реке Белой и около Кунгура железные и медные заводы были разграблены, уголь сожжен, плотины разрушены, вода из прудов выпущена, строения разломаны, и все конторские дела уничтожены. «Приказчики, которые в руки им попались и скверной их присяги не приняли, замучены, конский и рогатый скот колют и жрут в домах господских; товары купеческие грабят, в питейных домах вино пьют безденежно, провиант и конские кормы обирают и женский пол сквернят блудом».

Опасаясь подвергнуться такой же участи и видя бездеятельность главного начальства, жители Екатеринбурга стали выселяться из города и потянулись к Верхотурью. Попытка Василия Бибикова остановить переселение не увенчалась успехом, и он подвергся насмешкам как оставшихся в городе, так и удалявшихся. «Честные и неустрашимые ваши поступки, – писал Башмакову ассессор Москвин^[248], – дали многим пример не трусить злодейской гнусной толпы, коя для всякого разумного, – в рассуждении трусов, в том числе и екатеринбургских, кои на соблазне подлости обозы свои через Верхотурье неведомо куда отпустили, с крайним уездным обывателям в подводах разорением, – ничто оное значит, как один только смех, а в самом деле произвел в народе возмущение, да и у нас с Камских заводов, все командующие, в том числе и друг наш Иван Яковлевич Ялымов, оставя свои места, не видев в глаза неприятелей, разбежались».

Власти бежали, а мятежники пользовались этим и окружали Екатеринбург. Аванпосты Белобородова стояли в 20–25 верстах от города и прервали сообщение, за исключением дороги, проходившей к Невинскому заводу. Доставка в Екатеринбург хлеба пресеклась. Скоро оказался такой недостаток в продовольствии, что лавки были запечатаны и вольная продажа запрещена. В течение нескольких дней пуд хлеба с 8 коп. поднялся до

17 коп. Отправленный для закупки хлеба и фуража, по единственной свободной дороге к Верхотурью, капитан Ярополков пробрался в Краснослободск, но назад вернуться не мог, потому что и этот путь был уже занят мятежниками.

«Вот, ваше сиятельство, наши дела, – писал Василий Бибиков князю Вяземскому^[249]. – Я было испытывал счастье и посылал отсель партии поражать злодеев, человек по пятисот, но что же? Вместо боя от нерегулярных вооруженных крестьян, выходит с бунтовщиками дружеский разговор и только зовут один другого передаться на свою сторону. Многие же с нашей стороны, при первом выстреле из пушек, не только расстраиваются, но и бегают назад и к злодеям, а удержать таковой беспорядок и зло нет возможности, потому что при такой команде не больше состояние наше позволяет военных послать, как двух офицеров и человек 30 солдат, которым должно или своих удерживать в порядке, или оберегать начальника и артиллерию.

Не последнее зло угнетает нас и то, что крестьяне хлеба и сена сюда не везут, о чем, однако ж, старание еще от меня продолжается, и не знаю, успею ли что. К восстановлению ж покоя и пресечению зла не оставил я испытать всех средств, т. е. ласку, денежные награждения, обнародование с увещанием вестей, о поражении где-либо чудовищ; привел всех не только мастеровых вновь, но и сельских крестьян к присяге, по особо учиненной на сей случай форме, а наконец и самую строгость и страх, но очень мало вижу от того желаемого успеха».

Простоявши на Шайтанском заводе недели с три, Белобородов отправился на Уткинский казенный и Демидова заводы. На Уткинском заводе находился сержант Тобольских рот Курдов с шестью солдатами и набранными с заводов мастеровыми.

Курлов успел так организовать оборону, что Белобородов встретил здесь упорное сопротивление. Три дня сряду мятежники производили нападение на завод, но безуспешно, и лишь на четвертый, пользуясь своей многочисленностью, успели овладеть им. Курлов был изрублен, и потеря с обеих сторон простиралась до тысячи человек^[250].

Овладев здесь 15 орудиями, Белобородов побывал на Сылвинском, Илимском заводах и потом возвратился опять на Шайтанский. Повсюду он верстал рабочих в казаки, забирал деньги, назначал правителей и оставлял гарнизоны. Только один Сысертский Турчанинова завод не хотел покориться и признать власти самозванца. Владелец завода обнес его рогатками и надолбами, насыпал снежный с хворостом вал и полил его водою. Построив на выдающихся местах батареи и снабдив рабочих оружием, Турчанинов дал наставление, как действовать против мятежников, и такими мерами отстоял свои заводы от разорения^[251]. С 15 и по 17 февраля, в течение трех дней, толпа инсургентов в тысячу человек^[252] пыталась овладеть Сысертским заводом, но была отбита. На помощь осажденным была выслана из Екатеринбурга команда в 600 человек с пятью орудиями^[253], которые заставили мятежников отступить.

С этого времени положение Екатеринбурга стало улучшаться. 15 февраля прибыл в город с командою подполковник Лазарев, посланный главнокомандующим уговорить башкирцев оставить самозванца и возвратиться в свои дома. Прежнее влияние Лазарева на башкирцев возбуждало большие надежды, и население города стало успокаиваться. Полковник Бибиков, сделавшись смелее, отправил несколько отрядов для очищения окрестностей Екатеринбурга. Высланный по сибирской дороге подпоручик Озеров, с командою около ста человек, имел дело с мятежниками у деревни

Златогоровой. Численное превосходство неприятеля заставило его отступить и идти к Белоярской слободе на соединение с поручиком Костиным, высланным для его поддержки. Отправленный же по московской дороге с 700 человек секунд-майор Фишер дошел 14 февраля до Шайтанского завода, прогнал мятежников, преследовал их по билимбаевской дороге, отнял у них четыре пушки и образа. Предоставив всем желающим отправить своих жен и детей в Екатеринбург под охраной отряда, майор Фишер зажег завод в шести местах и возвратился в город без всякой потери. «Вот возмездие за нарушение покоя и измену, – писал полковник Василий Бибилов в своем объявлении жителям Екатеринбурга^[254]. – Но сие еще начало болезней (?) их ожесточения. Никак и никогда не могут они себя ласкать благоденствием, продолжая зло.

Такое сведение сообщая публике, надеюсь, что всякий подражать и ревновать будет обратиться на сих чудовищ и извергов, несмотря на злые их и бедственные прелести и удаляясь всегда от сообщения с ними».

«Вот плод бунта, – говорил полковник Василий Бибилов в другом своем объявлении^[255]. – Мы, к несчастью, теперь ополчаться должны не только на своих единомыслителей, но и на родственников, которых ожесточение ужасно: забыть свою должность, присягу, разрушить собственный покой и не надеяться никогда его возвратить. А для чего? Чтобы только слепо последовать главным бунтовщиков пагубным прелестям...» Так смело писал он по получении известия о приближении к Екатеринбургу отряда майора Гагрин.

Выступив из Ачитской крепости и проходя через Бисертскую и Кленовскую, Гагрин не находил в селениях жителей, кроме самых престарелых, а остальные были поголовно забраны в толпу Белобородова^[256].

Переночевав в Бисертском Демидова заводе, майор Гагрин 26 февраля подошел к Уткинскому заводу,

половина которого прикрыта была снежным валом в 1^[256]/₂ сажени высотой; другая половина прикрывалась прудом с крутыми берегами, а затем шли рогатки, прикованные друг к другу толстым полосовым железом, за которыми были поставлены большие туры, набитые снегом. Поверх снежного вала был протянут частый ельник, а в четырех выходах поставлены пушки за рогатками. Завод защищался 700 человек под начальством самозванного подполковника Паргачева.

Часа за два до света Гагрин штурмовал укрепления и после незначительного сопротивления выгнал мятежников из Уткинского завода. Потеря инсургентами 15 человек была, конечно, ничтожна, но «от страху» сдалось 587 человек, взято 5 пушек со снарядами, много ружей, сабель и два знамени.

Для преследования отступавших была отправлена вся кавалерия отряда, и в подкрепление ее егеря посажены на лошадей.

Неприятель потерял 45 человек убитыми, 308 человек пленными, 4 орудия, много оружия и лошадей. Вся потеря Гагрина в оба сражения состояла из 4 человек убитых и 6 раненых нижних чинов.

На помощь разбитым спешил Белобородов с толпою в 425 человек^[257], но опоздал и прибыл тогда, когда войска преследовали остатки разбитой шайки Паргачева. Белобородов вступил было в дело и атаковал отряд Гагрина «с превеликим криком, при пушечной пальбе», но встретил контратаку, веденную «с таким стремлением, что она [толпа] с тою же скоростью, с какой вперед стремилась, в бег обращена, оставя пушки»^[258].

Белобородов бежал на Каслинский Демидова завод, где начал строить укрепление^[259]. Окрестное население приходило с покорностью, принимало присягу и распускалось по домам. Из числа пленных виновные в

подстрекательстве и бунте 803 человека были отправлены в Екатеринбург, 235 человек отпущены по домам, а 255 человек хорошо вооруженных присоединены к отряду; все укрепления, построенные мятежниками в разных селениях, были разрушены. Гагрин видел ясно, что большинство населения не преступно, что оно вовлечено в мятеж обманом и верит искренно, что называющий себя государем есть действительно император Петр III. Чистосердечное раскаяние многих давало надежду, что убеждения не останутся бесплодными, и потому Гагрин, выбрав нескольких человек, наиболее уважаемых, передал им манифест императрицы и увещание главнокомандующего и отправил их в Шайтанский завод и Илимскую казенную пристань, где находились еще мятежники, под предводительством есаула Павла Зубринского.

«Зубринский, - доносил А.И. Бибинов^[260], - велел оное прочесть при собрании (конечно, от неосторожности), а посланные сказывали, что на Уткинском заводе тем наказания никакого не сделано, кто добровольно явился. Сие произвело такое действие, что как только начальник воровской Зубринский намерился бежать, то прочие до того не допустили», а майор Гагрин тотчас же отправил в эти селения команды под начальством капитанов Дурново и Морсошникова. На Шайтанском заводе и Илимской пристани было взято четыре орудия, 388 человек добровольно покорившихся и захвачены главнейшие предводители и зачинщики: Петр Паргачев, Павел Зубринский, Сергей Шепелев, Антип Менщиков и Федор Кошунов.

1 марта майор Гагрин ночевал на Уткинском заводе и 3-го числа вступил в Гробовскую крепость. Здесь он получил уведомление, что полковник Василий Бибинов высылает ему на помощь отряд из Екатеринбурга, «но

как я, – доносил майор Гагрин^[261], – и к разбитью злодейской толпы их не требовал, а по теперешнему обстоятельству оные [силы] мне не надобны, о чем к нему с прописанием резону рапортовал».

«Полковник [Бибилов], – стыдясь, писал Охлебинин^[262], – что сей предводитель [Гагрин] с малою командою произвел толь великие успехи, спешил себе сколько-нибудь предоставить славы». Он командировал майора Фишера на Каменский завод со всеми силами, какие только были в Екатеринбурге, и приказал ему, преследуя мятежников, идти на соединение с майором Гагриным. Последний не принял этого содействия и, оставив Фишера в Коневской крепости, сам пошел на Каслинский завод, где Белобородов успел собрать до тысячи человек. Утром 12 марта майор Гагрин штурмовал Каслинский завод; мятежники были разбиты, и Белобородов бежал в Саткинский Лугинина завод. Он потерял 57 человек убитыми, 420 человек захваченными в плен и добровольно явившимися, 300 лошадей и четыре знамени, которые были публично сожжены^[263].

Таким образом, очистив от мятежников весь край, от Кунгура к Екатеринбургу, и приведя к покорности большую часть заводов^[264], Гагрин победоносно вступил в город с своим небольшим отрядом, состоявшим всего из 120 солдат и 670 человек полувооруженных крестьян. Заслуги Гагрина были оценены императрицею, и он был произведен в премьер-майоры^[265]. Екатеринбург был избавлен от предстоявшей ему гибели, и тогда полковник Василий Бибилов не постыдился написать канцелярии главных заводов правления, «что посланными от него командами злодеи из слобод выгнаны»^[266].

Со вступлением майора Гагрина в Екатеринбург мятежники рассеялись в разные стороны, но край этот еще нельзя было считать окончательно усмирённым.

Белобородов с небольшим числом своих сообщников ушел, через селения Верхние и Нижние Киги, на соединение с Пугачевым, а бывшая с ним толпа, разделившись на мелкие шайки, бродила по разным направлениям и частью соединилась с толпой атамана Грязнова, хозяйничавшего в окрестностях Челябинска.

Глава 8

Занятие Челябинска отрядом генерала Деколонга. - Действия мятежников. - Бой у деревни Пергиино. - Отступление Деколонга. - Выселение челябинских жителей. - Жалоба главнокомандующего на бездействие Деколонга. - Намерение императрицы заменить его Суворовым. - Отказ графа П.А. Румянцева отпустить Суворова из своей армии. - Развитие мятежа. - Блокада Долматова монастыря. - Занятие инсургентами Курганской слободы и других пунктов на границах Сибирской губернии. - Деятельность сибирского губернатора Чичерина по усмирению восстания.

После неудачного приступа атамана Грязнова к Челябинску 10 января он, как мы видели, отступил к Чебаркульской крепости, оставив небольшую толпу башкирцев для блокады города^[267]. Блокада эта продолжалась не долго, и 13 января генерал Деколонг, после незначительной перестрелки, занял Челябинск с своим отрядом.

Он пришел туда почти случайно.

Получив уведомление сибирского губернатора об отправлении в Челябинск орудий, предназначенных для оренбургской линии, и не подозревая, что город этот уже окружен мятежниками, генерал Деколонг с 10-ю и 11-ю легкими полевыми командами выступил из Верхнеяицкой крепости в Челябинск, с намерением присоединить орудия к себе и произвести поиск над мятежниками. На пути Деколонг получил два сообщения Верекина: одно о бунте челябинских казаков, а другое – о появлении шайки Грязнова под городом. Ускорив свое движение, Деколонг лишь только вступил в Челябину, как

получил просьбу о помощи от начальника екатеринбургских заводов, полковника Василия Бибикова. Не считая возможным бросить Челябинск, к которому, по слухам, должен был вернуться Грязнов, с вновь набранным на заводах ополчением и 20 пушками, Деколонг приказал следовавшим с сибирских линий майору Жолобову с 12-ю легкой полевой командой и майору Фишеру с двумя гарнизонными ротами повернуть к Екатеринбургу и идти на помощь полковнику В. Бибикову. Сам же Деколонг остался в Челябинске с тою целью, как говорил он, чтобы рассеять шайку Грязнова^[268], но до 1 февраля почти не выказывал никакой деятельности.

Грязнов с толпою до 4 тысяч человек снова подошел к Челябинску и, расположившись в шести верстах, в деревне Першиной, почти ежедневно высылал небольшие партии с целью отрезать сообщение с городом, в котором находился весьма значительный гарнизон. Деколонг объяснял свою бездеятельность тем, что большинство мятежников конные, а у него конницы всего 240 человек, с которыми предпринять наступление невозможно. Окрестное население, не видя защиты от войск, частью по принуждению, а в большинстве добровольно посылало к Грязнову депутатов и, прося принять в покровительство, переходило на сторону самозванца. Оно находилось почти в безвыходном положении: от правительственной власти защиты нет, а мятежники грабят всех непокорных и покровительствуют покорившимся. Ясно, что держаться стороны мятежников было выгоднее, и Грязнов почти ежедневно принимал депутатов, приказывал им высылать из селений казаков и увеличивал свои силы.

Таким путем присоединились к мятежникам Карачельский форпост, Воскресенское село, Кургамышская слобода и др. Челябинск оказался отрезанным от главных путей, и Деколонг досиделся в

нем до того, что стал опасаться за недостаток продовольствия для отряда. Попытка его рассеять мятежников, собравшихся в деревне Першиной, была безуспешна, хотя в донесении своем он старался доказать, что одержал победу.

Выступив 1 февраля из города и подходя к Першино, Деколонг нашел неприятеля готовым его встретить и расположенным впереди деревни в боевом порядке. По высотам были расставлены орудия, прикрытые набранной из крестьян пехотой, а впереди для встречи отряда была выслана башкирская конница. Тесня башкирцев, Деколонг хотя и дошел до деревни Першиной, овладел одной высотой, захватил 2 орудия и 180 человек пленных, но остальных мятежников не прогнал с поля сражения. На дальнейшие атаки он не решился «за наступившим вдруг большим туманом, а более по малости конницы, на оное покушаться и в видимую опасность вдаваться не рассудил». С двумя легкими полевыми командами, гарнизоном и городскими обывателями можно было сделать что-нибудь более простой прогулки до деревни Першиной и возвращения с потерей всякой надежды защитить город, который «с *пустырями*» имел более шести верст в окружности. Опасаясь к тому же остаться без продовольствия, Деколонг решился покинуть город на произвол мятежников. Предлогом для своего удаления он избрал письмо, полученное от полковника Василия Бибикова, сообщавшего, что «тамошняя окрестность и самый Екатеринбург от злодейских обращений весьма опасны». Бибиков писал, что если Деколонг не придет скоро к нему на помощь, «то не иное что в городе найдет, как самих бунтовщиков», ибо крестьяне весьма сомнительны и ожидают только «от злодейской толпы оказии».

Опираясь на то, что от Военной коллегии и от главнокомандующего войсками А.И. Бибикова приказано было ему защищать главнейшим образом

екатеринбургские заводы, как приносящие «знатную пользу государству», Деколонг оставил Челябинск, но не пошел к Екатеринбургу, а к Шадринску. «Хотя бы в Челябине и надлежало оставить достаточный гарнизон, – доносил он генералу Чичерину^[269], – по но малости войск оного уделить никоим образом было не можно».

Узнав о намерении Деколонга оставить городских обывателей без защиты, Исетская провинциальная канцелярия просила разрешения переселиться также или в Екатеринбург, или в ближайшие к нему места, с письменными делами, денежной казной и «со всеми верноподданными ее величества рабами»^[270]. Начальник отряда изъявил на то согласие, и 4 февраля на видных местах улиц Челябинска было выставлено объявление, в котором Деколонг говорил, «что, имея важные и справедливые резоны, должен оставить город», взяв с собою всех верноподданных и прямо служащих ее императорскому величеству, *идти внутрь провинции до Шадринска или где способнее его высокопревосходительство избрать изволит с войсками свое пребывание иметь».*

Таким образом, в самом начале Деколонг свои действия или, лучше сказать, бездействие объяснял желанием удержать Исетскую провинцию от мятежа, развивавшегося на его глазах; потом говорил, что спешит к Екатеринбургу и потому не может оказать другим помощи, а в действительности пошел к Шадринску. Отступая к этому пункту, он ничего не защищал и даже не прикрывал ничего, кроме одной из числа многих дорог в Сибирь, а уходил из Челябинска потому, что боялся столкнуться с мятежниками. Он требовал, чтобы все те жители, «кои прямо и непоколебимо» желают служить императрице, «те б к походу с его высокопревосходительством, через 24 часа в самой крайней готовности, без тягостей и имея только на одни сутки себе пищи, конные верхами, а прочие

пешие, с ружьем, какое у кого имеется, были готовы и ожидали бы на всякий час к выступлению повеления».

На следующий день, 5 февраля, по приказанию того же Деколонга было выпущено из бочек 7320 ведер вина; 7-го числа все жители приготавливались к выступлению, а 8 февраля отряд выступил из Челябинска, забрав с собою всех бывших в городе рекрут, воеводу Веревкина, всех членов провинциальной канцелярии, денежную казну и всю годную артиллерию. За отрядом, оставя свои дома и большую часть имущества, последовали посадские, цеховые и прочие обыватели. В Челябинске оставлено: 648 четвертей муки, 37 четвертей круп, 389 четвертей овса, 20 479 пудов соли^[271] и несколько испорченных орудий. За отрядом пошли: 192 человека купцов, 162 казака, И офицеров, 207 рекрут, 1350 человек крестьян, собранных Веревкиным для защиты города, Тобольская рота, состоявшая из 2 офицеров и 130 человек нижних чинов, вся провинциальная канцелярия с делами и с 23 168 руб. 59 коп. казенных денег^[272].

Двигаясь через Карачельский форпост, деревни Сухоберскую и Заикову, генерал Деколонг был преследуем мятежниками и неоднократно ими атакуем. Хотя, по словам его, во всех этих стычках в отряде не было ни одного убитого, а у мятежников человек по 200 и более, тем не менее он ни разу не перешел в наступление, не мечтал о возможности рассеять неприятеля, а, напротив, торопился уйти и 15-го числа прибыл в село Воскресенское. Отсюда он отправил донесение сибирскому губернатору Чичерину, в котором, преувеличивая опасность, старался представить свое положение в отчаянном виде.

«Главный при мне недостаток, – доносил Деколонг^[273], – как уже и выше объявлял, тот, что конницы весьма мало, которая на таковых варваров, каковы злодейские толпы, более нежели пехота

потребна и без коей успеха в прекращении зла быть не может, ибо, за малосостоянием оной при мне, во все стороны для переимки злодеев посылать некого, а малыми партиями весьма опасно, потому что по тракту, где я следовал, находил все деревни пусты и жителей кроме стариков и малолетних, да и то весьма небольшого числа, никого нет. По объявлению же захваченных значится, что все крестьяне разбежались, боясь, как видно, за свою продерзость должного наказания; да им же и от злодеев приказано во время моего с корпусом следования то учинить, дабы мне провианта, фуража и подвод получить было не можно. Чего ради, повторяя прежние мои требования, ваше превосходительство в последний уже раз прошу: городских или по неимению оных выписных вооруженных и добродетельных казаков, сколько набрать можно, выкомандируя в крайней скорости, отправить в Шадринск, а ежели тут меня не застанут, то приказать следовать по тракту, где я буду находиться».

Требование Деколонга о безотлагательной присылке к нему кавалерии можно бы было еще оправдать, если бы оно было сделано ранее или гораздо позднее. Теперь же был самый разгар зимы и глубокие снега препятствовали действию кавалерии настолько, что употреблять ее сомкнутыми частями было почти невозможно. Полезнее кавалерии были *лыжники*, которыми пользовались с таким успехом майоры Гагрин и Попов. Главный неуспех действий Деколонга лежал в отсутствии энергии и недоверии к своим силам. Он был уже человек старый, нерешительный, не доверявший тем войскам, которыми начальствовал. Недоверие это было так велико, что, двигаясь к Челябинску, не зная, где мятежники, сколько их и что город уже окружен ими, Деколонг в прибавку к своим двум полевым командам приказал 23-й полевой команде, прибывшей из Кузнецка в Омск, следовать к нему на

соединение^[274]. Он собирал к себе войска отовсюду, забирал команды въезде, где только мог взять, и после неважных стычек с мятежниками считал свои силы недостаточными и просил о присылке казаков.

«Если же, – писал он Чичерину, – и теперь ваше превосходительство сего во уважение принять не изволите, в таком случае, чтоб сие зло не ворвалось и в губернию вашему превосходительству порученную, удержать не в силах. Не остается мне более ничего, как, оставя производимые мной действия без всякого успеха, потянуться с корпусом моим на сибирские линии, потому особливо, что злодейские партии, будучи все конные, могут быть всегда впереди наших войск и тем пресекать способ к получению надлежащего для войск пропитания».

С отступлением Деколонга из Челябины не только вся Исетская провинция была предана на разграбление мятежников, но отдельные их партии стали проникать в Сибирскую губернию. Путь между Екатеринбургом и Тюменью был пресечен, и киргизы стали производить нападение на русские селения. Несмотря на то генерал Чичерин, по получении последнего рапорта Деколонга, передал в его распоряжение полроты пехоты и тысячу человек вооруженных крестьян Ялуторовского уезда и просил только его, присоединив посылаемые войска к своему отряду, очистить от мятежников хотя ту часть Исетской провинции, которая непосредственно прилегала к Сибирской губернии^[275].

Сообщая о своих распоряжениях А.И. Бибикову, сибирский губернатор выражал, однако же, сомнение, чтобы Деколонг мог сделать что-либо серьезное для умиротворения края, хотя и хвалил войска, бывшие в распоряжении последнего. «Не извольте считать здешний гарнизон как прочие, – писал Чичерин А.И. Бибикову, – осмелюсь уверить дать им равенство людьми и экзерцициею с лучшим армейским полком;

одно мое несчастье, не имею офицеров – собранная погань из всех мест».

Говоря, что он сделал все, что мог, «выслал 1840 человек на помощь Оренбургу», Чичерин справедливо выражал удивление, что войска эти не принесли никакой пользы и, будучи разбросаны Деколонгом по частям, сами уходили от мятежников. «Где ныне генерал-майор Станиславский? – спрашивал Чичерин, при котором одна легкая полевая команда (№ 14), – одна моя мушкетерская рота, три рекрутских и несколько казаков. Я никакого сведения не имею, а слышу, что поворотил и он».

При самом отправлении Деколонга в поход Чичерин собрал выписных казаков и намерен был отправить их на Сибирскую линию, чтобы они могли быть на случай нужды в полном распоряжении Деколонга, по тот отвечал, что казаки эти вовсе ему не нужны и что защита линии совершенно обеспечена. Спустя несколько времени Чичерин, получив известие о недостатке продовольствия на Оренбургской линии, хотел подвинуть туда запасные магазины, но Деколонг признал и это ненужным, «а что теперь кушают, – говорил Чичерин, – не знаю».

«Я бы за особливую милость почел, – прибавлял сибирский губернатор в письме А.И. Бибикову^[276], – ежели бы изволили дать мне повеление прислать к вашему высокопревосходительству, для определения в армейские полки, сержантов; мог бы служить довольным числом очень достойных всеми хорошими поведением, а притом выученных геометрии и геодезии, сколь возможность позволяла и фортификации; с сожалением на них здесь остающихся [остающихся] без произведения смотрю».

Воспользовался ли Бибилов таким предложением или нет, нам неизвестно, но бездеятельность Деколонга была для него прискорбна. «Из бумаг, сообщенных ко

мне от Чичерина, – писал Александр Ильич императрице^[277], – между прочим усмотреть изволите, что главный недостаток и в тамошних гарнизонах есть негодное собрание офицеров, от каковых и весь здешний край претерпел. Странному поведению генерала Деколонга или леты его, или вкоренившаяся сибирская косность причиной. Признаюсь, всемилостивейшая государыня, что я бы лучше желал, чтоб сей генерал на нынешнее время там не был, и если бы возможно кого надежнейшего отправить, а его отозвать, то бы весьма казалось быть полезнее. Сего сам собою сделать не отваживаюсь, тем более что он указом Военной коллегии мне и не подчинен, а только ему содействовать велено, следовательно, перемена его от высочайшей воли вашего императорского величества зависит».

Предоставляя Бибикову на будущее время переменять командиров по своему желанию, Екатерина II писала ему, что сделала распоряжение об отправлении на место Деколонга генерал-поручика Суворова^[278]. В день отправления этого письма Военная коллегия предписала фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву исключить Суворова из списков 1-й армии^[279], а последнему приказала с того места, где получен будет им указ коллегии, как можно поспешнее отправиться через Казань и явиться к Бибикову там, где он будет^[280].

Фельдмаршал не отпустил Суворова и не исполнил высочайшего повеления.

«Генерал-поручику Суворову, – доносил граф Румянцев^[281], – по указу Военной коллегии, к вновь назначенной команде немедленно бы ехать я приказал, ежели бы он в пути, а хотя и на месте, но не на посту в лице неприятеля противу Силистрии находился, к которому он мной определен и со вверенным ему корпусом, как на сей город по усмотрению удобства

поиск сделать, так и Бирсов оберегать поручено. В сем случае я не мог на оное поступить *из уважения, что сия отлучка подала бы неприятелю подтверждение по делам оренбургским*, кои они воображают себе быть для нас крайне опасными, нежели они суть, и может быть, как я вижу из публичных ведомостей, вовсе исчезнувшие». Соблюдая прежде всего свой интерес, граф Румянцев просил назначить в распоряжение А.И. Бибикова вместо Суворова одного из генералов, «находящихся в России», по причисленным к его армии. Такого назначения не последовало, и Деколонг оставался командовать своим отрядом почти до усмирения восстания.

Дойдя до Окуневской слободы, Деколонг распустил по домам 800 человек крестьян, а жителей Челябинска и провинциальную канцелярию отправил в слободу Байчанку, под прикрытием рекрутской Тобольской роты, бывшей под начальством секунд-майора Фадеева^[282]. Затем, узнав, что мятежники собрались возле Долматова монастыря и Шадринска, повернул к последнему.

Таким образом, все деревни и села между Челябинском, Екатеринбургом и Шадринском поступили в руки мятежников. Попытки отдельных лиц разогнать толпы инсургентов, бродивших по разным направлениям, были безуспешны. Управитель Окуневского дистрикта, Томилов, пытался пробраться в Челябинск с своим ополчением, но, узнав, что многочисленные толпы башкирцев обложили город и вешают всякого, кого только захватят, вернулся обратно. Набранные в разных местах крестьяне, под именем казаков, лишь только беспорядки касались тех пунктов, в которых они были собраны, тотчас же переходили на сторону инсургентов и усиливали башкирцев. Явились инициаторы и, под видом уполномоченных государем Петром Федоровичем, объявляли себя его полковниками и становились

предводителями отдельных партий. Такие предводители не имели никакой связи и сношений ни с самим Пугачевым, ни с другими предводителями. Они действовали по своему усмотрению, грабили и разоряли все, что принадлежало казне и помещикам. В Исетской провинции известен был своей деятельностью Михаил Ражев, который, собрав значительную толпу, отделился от толпы, предводительствуемой Грязновым, занял Миасскую крепость, в 25 верстах от Челябинска, и проникнул потом до села Бродоколмацкого, подчиня своей власти все близлежащие деревни. Самозванный капрал Матвей Евсевьев, сопровождаемый только шестью человеками мятежников, 31 января прибыл в село Теченское, был встречен народом и священниками с иконами, колокольным звоном и пением.

«Капрал, довольный такой встречей, величался честью, оказанной ему, и, не доходя до церкви 200 сажень, приказал всем остановиться, остановился и сам. Настала вдруг могильная тишина, нарушаемая только дребезжавшим голосом писчика Лебедева, читавшего народу, по приказанию Евсевьева, возмутительный лист или манифест Пугачева. Потом Евсевьев пил с народом вино в питейном доме, откуда, воротясь в мирскую избу, приказал сжечь на площади все дела, а старосту и выборного велел отменить; на место же их назначил атамана и есаула из тамошних крестьян; мирская изба была переименована в избу станичную. Затем, забрав казенные деньги и имевшуюся пушку, отправился в слободу Бродоколмацкую и оттуда в Миасскую крепость. Целовальника Теченского он увел с собою; крестьяне и казаки провожали его»^[283].

Подобно Евсевьеву поступали и другие предводители партий; поступки их в городах и селах были однообразны: везде торжественная встреча, пьянство, упоминание на ектениях имени императора Петра III, сожжение дел, выбор новых правителей и

грабеж имущества. Последнее, конечно, более всего привлекало на себя мятежников, и они стремились захватить в свои руки то, что представляло более богатую добычу. В этом отношении Долматовский Успенский монастырь, с находившимся вблизи его селом Никольским (ныне заштатный город Долматов), представлял большой соблазн для мятежников. Заняв его, они прежде всего могли в нем укрепиться и защищаться от правительственных войск; в монастыре были запасы пороха, ружья, пушки, продовольственные припасы, а для башкирцев богатое церковное имущество. Овладев этим пунктом, мятежники захватывали в свои руки всю Исетскую долину, покрытую многочисленными селениями, и приобретали прочный опорный пункт.

Долматовский мужской монастырь находился на возвышенном левом берегу реки Исети, на сибирском тракте, между Шадринском и Екатеринбургом, от которого отстоял в 158 верстах.

Монастырь был обнесен кирпичной стеной «с шпицами и амбразурами в два ряда и отверстиями для боя из мелкого ружья (бойницами)». Эта ограда охватывала собою площадь в 9450 квадратных сажен и имела вид шестиугольника. Высота стены была различна (от $2\frac{2}{3}$ до 3 сажен), точно так же, как и толщина (от $1\frac{1}{4}$ до $2\frac{3}{4}$ аршина). В угловых местах стены возвышались башни с амбразурами для орудий и бойницами для ружейной стрельбы. Сообщение монастыря с окрестностями производилось через ворота, которых было трое: северные, южные и восточные или *святые*.

Овладение монастырем, по-видимому, не представляло особых затруднений для мятежников. Они рассчитывали на содействие приписных экономических крестьян, недовольных монастырским начальством и еще в 1762 году пытавшихся избить монахов Долматовского монастыря и лишить жизни его

настоятеля, архимандрита Иакинфа. Восстание это, известное под именем *дубинщины*^[284], было усмирено силою, виновные жестоко наказаны, а остальные сохранили ненависть к монастырской братии. Поэтому при первом известии о появлении Пугачева в близлежащих селениях замечено было некоторое волнение. Архимандрит Иакинф стал готовиться к защите, укреплял монастырь, просил помощи, но, видя, что ни из Шадринска, ни из Екатеринбурга ее не присылают, в начале января 1774 года отправился в Тобольск просить сибирского губернатора Чичерина прислать в монастырь войска.

В феврале 1774 года партия мятежников, в числе 500 человек, отделившись от Челябинска, появилась в первый раз у Долматова, под начальством атаманов Ражева, Пестерева и есаула Тараканова. Монастырь встретил инсургентов готовым к обороне, и хотя настоятель его, архимандрит Иакинф, находился в то время в Тобольске, но своими письмами постоянно призывал братию к мужеству и защите. В экономическом казначее, секунд-майоре Завороткове, архимандрит Иакинф нашел себе деятельного и энергического помощника. Заворотков воодушевлял на борьбу с врагами подчиненных ему крестьян села Никольского, предлагал им скрыться в стенах монастыря и защищаться огнестрельным оружием. Прежде других последовал совету староста Игнатий Стенин, а за ним стали переселяться в монастырь и другие со всем семейством и имуществом. Многие не слушали увещаний и остались в селе Никольском, ожидая прибытия мятежников.

Сельский священник Петр Лебедев своими поступками поддерживал дух возмущения и не советовал своим прихожанам переселяться в монастырь. Тем не менее в монастыре собралось 383 человека, в числе коих было 10 человек солдат и 20 крестьян-

казаков, присланных еще прежде из Шадринска. В монастыре было 16 орудий и 80 ружей, большие запасы пороха, патронов и зарядов.

Во втором часу пополудни, 11 февраля, с колокольни монастыря заметили приближение толпы, шедшей с запада, от деревни Верхоярской, а вслед за тем возвратился в монастырь крестьянин Леонтий Боголюбов, которому мятежники засунули за пазуху бумагу для доставления ее монастырской братии. В бумаге этой, или, как сказано было в заголовке, в *«известии о благополучии»*, походный атаман Прохор Пестерев писал, что он командирован из армии его величества с 1500 человек и 15 орудиями, для занятия Долматова монастыря, и потому просит покориться без кровопролития и выслать доверенных для переговоров.

«Сверх же того, вам объявляю, – писал он ^[285], – что уже и Казанская губерния, царствующий град Москва, также Нижний и другие города склонены наследником его императорского величества, государем цесаревичем и великим князем Павлом Петровичем, так и государем нашим Петром Федоровичем; Оренбургская губерния и показанные: Челябин, Троицкая и прочие жительства в склонность приведены благополучно; и если же, сверх сего, в верность не пойдете, то, конечно, оставаться будет вам от моей команды в беспорядке».

Не получивши ответа, мятежники в тот же день, с криком и гамом, ворвались в Долматов (село Никольское), зажгли два крестьянских овина и разбрелись по обывательским домам. Заняв дом крестьянина Петрова, бывший за рекой атаман Пестерев приказал устроить у своей квартиры виселицы, для наказания всех тех, кто откажется присягнуть императору Петру III. Скоро угрозы эти, в пример и устрашение населения, стали приводиться в исполнение. Атаман шайки повесил нескольких монастырских служителей, капитана Петра Вырубова и

священника Павла Хорсина. Пестерев и его сподвижник Ражев истязали женщин, били многих кнутом и предавали разным пыткам всех остававшихся верными своему долгу и присяге.

На другой день после занятия села Никольского Пестерев отправил крестьянина Федота Макрушникова к монастырю с требованием, чтобы запершиеся в нем сдались без сопротивления. Посланный уговаривал собравшихся на стенах монастыря разойтись по домам и жить спокойно под защитой императора Петра III, обещающего свободу и вольность, и грозил в противном случае уморить всех голодом.

С своей стороны обороняющиеся уговаривали пришедшего оставить свое заблуждение и, по совету майора Завороткова, от имени всего Долматовского общества отправили Пестереву ответ, впрочем никем не подписанный^[286].

«О благополучии вашем, – писали монастырцы, – известие сюда от вас, через мужика, здешнего крестьянина, прислано, *в коем смешнова достойные прописаны бредни*, чему никоим образом статься не можно, да и помыслит ужасно, чтоб покойному государю императору Петру III прежде чаемого общего воскресения из мертвых одному воскреснут. Правда, будет общее всем воскресение, но как Святое Писание нам доказывает, что праведные воскреснут в живот вечный, а грешные в мучение вечное, и так разумеется, что тем воскресшим *не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имения своего*, а воздаст Бог каждому по делам его. А сия гнусная чучела [Пугачев], назвавшись таким ужасным по России именем, на подобие якоб воскрес из мертвых и желает похитить самим Богом узаконенную власть грабежами, разбоем и кровопролитием, чего и в целом свете не слыхано. А как не безызвестно, что *всякий монарх вступает на престол правления тишиной и весьма полезным всему обществу*

спокойствием; а как ваш мнимый государь Петр III, император, в своем ложном и то письменном, а не печатном манифесте всему обществу в сведение не предъявил, где он и в каких местах через двенадцатилетнее время находился и для чего только в одну Оренбургскую губернию вкрался, простых нашу братию, мужиков, особливо от прочих мест ослепленных не везде прельщать и приводить в конечную пагубу, и награждать склонившихся к нему [старается] крестом и бородою, травами и морями и всякой вольностью, – чем мы и без его награждения от милостивой нашей Монархини довольствуемся. Крест Спасителя нашего всякий из нас православный христианин чтит и поклоняется, а бороды природные у всякого по человечеству имеются, растущие па ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпускает, в том принуждения никому нет; травами же и бородами мы без награждения вашего довольны и недостатка никакого не имеем».

Монастырское общество заявляло, что оно готово бы было покориться, если бы называющий себя государем Петром III появился в столице, там был принят и объявил о своем восшествии на престол, без грабежей и разорения народа. Обороняющиеся просили прислать им более ясные доказательства о подлинности государя и возвратить захваченных их пленных. Пестерев отвечал требованием покорности и уверял, что государь в самом непродолжительном времени отправится из Казани «к своей супруге», что печатных манифестов ему до сих пор сочинять было негде, «а когда он, великий государь, вступит в Петербург, тогда уже и печатные указы будет по всем губернским провинциям и городам публиковать и о всем истинно доказывать».

Запершиеся в монастыре просили оставить их в покое, отступить и донести своему государю, что они не послушали увещания его атамана. «А ежели

кровопролитное злодейство с нами делать усилитесь, – писали они Пестереву^[287], – то Возбранная и Победительная воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь нас защитить может. Так спасла она царствующий град Константинополь от *Епифского воеводы, свирепого зверя кабана* [?] и потопила в море многочисленные полки. Почему и ныне надежду нашу более на нее полагаем, что над вами, уже не так как с неверными, но яко с вероломными и поднимающими злодейским образом на своих братьев и на самую обитель оружие, учинит отмщение здесь, а особливо и в будущей жизни».

Отправив это увещание, долматовцы требовали, чтобы Пестерев через полчаса дал им ответ, что намерен делать. До вечера 12 февраля намерения неприятеля были неизвестны осажденным, а затем в монастыре был получен ответ, в котором предводитель мятежников писал, что в предстоящую полночь защитники должны ожидать на себя «храбрый пушечный удар». Пестерев и его товарищи надеялись, что молитвы Пресвятой Богородице и Николаю Чудотворцу (Великому) помогут им возвратить на истинный путь «из лесу заблудящих боязненных зверей и привести в истинную веру и кротость».

Ночь прошла покойно. Наутро в монастыре были отслужены утренняя, обедня и молебен. Служивший иеромонах благословил крестом всех защитников, еще с вечера находившихся на своих местах.

В девять часов утра 12 февраля мятежники подошли к монастырю и открыли огонь из пушек и ружей. С монастырских стен отвечали тем же, и канонада эта продолжалась почти до полуночи, с малым вредом для обеих сторон^[288]. Утром 14-го числа инсургенты вновь предложили осажденным сдаться, но, получив отказ, продолжали перестрелку. Видя невозможность с успехом штурмовать монастырь, мятежники

рассыпались небольшими шайками по окрестным селам и завладели ими. Встречая сочувствие среди податного и заводского населения и распространяя восстание во все стороны, пугачевцы мало-помалу окружили Шадринск со всех сторон. Сношения его с окрестностями были прерваны, и никто из обывателей не мог и не смел выходить из города далее пяти верст. Дорога из Шадринска в Сибирь была отрезана, и всякая попытка восстановить сообщение была тщетна. Только в конце февраля Шадринск был освобожден от блокады, когда 20 февраля, со стороны Маслянского острога, подошел отряд майора Жолобова, а затем, 23 февраля, вступил в город и отряд генерал-поручика Деколонга.

Соединившись в Шадринске с 12-ю легкой полевой командой, Деколонг все-таки не знал, на что решиться, и находился в крайне тревожном состоянии. «Я здесь, – доносил он ^[289], – а вокруг меня и за мной в Сибирской губернии, но большой почтовой дороге к Тюмени, сие зло, прорвавшись, начинает пылать». Опасаясь за свой тыл, Деколонг оставил намерение идти на помощь Долматову монастырю и предоставил его собственной защите.

Между тем на помощь Пестереву подошла к монастырю новая шайка, под начальством яицкого казака Василия Митрофанова, который 22 февраля потребовал от осажденных полной покорности государю. Митрофанов писал, что все города *«государственные, царственные, настольные и прочие российские, от первого даже до последнего, кроме половины Тобольской губернии»*, покорились государю и принесли *«благополучное подданство»*. Он советовал осажденным не проливать напрасно крови и не навлекать праведного и неизбежного гнева его величества.

Монастырцы в тот же день отвечали, что если Петр III действительно жив и после клятвенного отречения от

престола имеет законную причину принять опять скипетр Российской империи, то чтобы шел он в один из столичных городов, Петербург или Москву, и там объявил манифест о вторичном вступлении своем на престол.

«А то рассудите сами, – писали монастырцы ^[290], – что мы, будучи обязаны присягою должного подданничества всероссийской монархине, государыне императрице Екатерине Алексеевне и ее законному наследнику, как можем увериться пришедшему неведомо отколь, не в столицу российскую, но в один Оренбургской губернии край и в полые места человеку, без всякого доказательства, назвавшемуся таким большим по России именем, ибо и апостол в своем послании говорит: не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть; яко мнози лжепророцы изыдоша в мир».

Необходимость человеку, назвавшему себя государем, идти прежде всего в одну из столиц осажденные доказывали словами Спасителя, глаголавшего: «Не входяй дверьми во двор овчий, но прелазя инуде, той тать есть, и разбойник, а входяй дверьми пастырь есть овцам. Сему дверник отверзает и овцы гласа его слышат; и свои овцы глашает по имени и овцы по нем идут, яко ведут глас его; по чуждем же не идут, но бежит от него, яко не знают чуждого гласа. А вы же сами, еще не разобрав о истинности, прельстились к неведущему, да и нас прельщаете со стремлением невиннопролитием крови сынов российских и подняли оружие на святую обитель».

Монастырцы просили мятежников отойти без наказания Божия и обратиться в повиновение законной монархине. «Думается нам, – прибавляли они, – что вам, упражняющимся в ваших произведениях, не доставалось времени видать и читать манифеста, за собственноручным ее величества всемилостивейшей

государыни Екатерины Алексеевны подписанием о предводителе вашем [Пугачеве], то для пропитания при сем вам посылается один с тем, чтобы вы, по прочтении при собрании вашей партии, имели сюда оный обратно прислать».

Пугачевцы не отвечали, но спустя несколько дней, и именно 1 марта, в монастыре заметили приближение со стороны Шадринска новой толпы мятежников. Соединившись с теми, которые осаждали Долматов, и наскоро переговорив с ними, инсургенты в беспорядке стали отступать по дороге к Челябинску. Осаждавшие последовали за ними, и монастырь был спасен, к удивлению скрывшихся под защиту его стен. Поводом к столь быстрому отступлению было разосланное Деколонгом объявление, в котором он требовал покорности и писал, что «с состоящими при мне войсками, коих *не менее трех тысяч*, имею следовать к Екатеринбург, для того в деревне Коротковой, в Долматове монастыре и в прочих по тракту лежащих местах приготовить к продовольствию тех войск провианта, овса и сена безнедостаточно».

Избавившись от осады и вздохнув свободно, монастырцы жестоко отомстили всем крестьянам, принимавшим участие в бунте. Под предлогом выслушания всемилостивейшего манифеста были собраны крестьяне к северным вратам монастыря. Их окружили солдаты и силою вдвинули во внутренность ограды. «Тех, кому выпал жребий принять возмездие за измену и убийство, возводили на крыльцо при верхнем жилье верхнего корпуса, по отобрании допросов в военном суде, тотчас на этом крыльце секли кнутом и кого бездыханного, кого едва дышавшего сбрасывали со стены за монастырь в рытвину, промытую вблизи током весенних и дождевых вод; кто оставался в живых под ударами кнута, тот умирал в снегу по падении в рытвину»^[291]. Таких несчастных было 29 человек, а на

всех остальных были разложены денежные убытки монастыря, простиравшиеся до 1026 руб. 21 коп.

Казнь и истязания не могли смирить волнующихся, и монастырские крестьяне уходили в толпу мятежников, которая, опасаясь встречи с правительственными войсками, отодвинулась к Челябинску, покинутому Деколонгом.

Последний, имея в своем распоряжении три легкие полевые команды, считал себя не в силах подавить восстание и действовать наступательно. Он делал по временам вылазки из Шадринска, разгонял бродившие в окрестностях его шайки, наносил им, как, например, при Уксянской слободе, значительные поражения, но отойти от Шадринска на дальнейшее расстояние не решался и доносил, что силы мятежников с каждым днем растут все более и более^[292]. Это были остатки толпы Белобородова, разбитой майором Гагриным, шайки, отступившие от Шадринска и Долматова, и, наконец, башкирцы, собравшиеся на берегах реки Мияса. Видя бездеятельность Деколонга и разузнав, что у него вовсе не так много войск, как было сказано в объявлении, мятежники стали смелее.

Башкирцы разорили и ограбили деревни Иткульскую, Брылину, Усть-Миясский винокуренный завод и село Каргопольское. Одна из мятежнических партий, под начальством Осипа Сазонова, подходила к Троицкой крепости, два раза пыталась овладеть ею, но была отбита^[293]; другие шайки, предводительствуемые, к сожалению, по преимуществу священниками, дьячками и пономарями^[294], обратились к Тюмени, Туринску, Краснослободску, и наиболее значительная подошла к Кургану.

Появление их вызвало со стороны сибирского губернатора Чичерина энергическую деятельность. Из ямщиков городов Сургута и Березова, с прибавлением к ним конфедератов, он сформировал гусарскую роту.

Тобольский президент Ефим Шевырин собрал из тобольского купечества 900 человек конных; тобольский ямской управитель Иван Борисов сформировал 120 человек из ямщиков и подгородных крестьян, по большей части отборных стрелков, имевших каждый при себе лыжи. Ополчение это, разделенное на четыре части, было разослано в Тюмень, Туринск, Краснослободск и Ялуторовск, причем в первые три пункта было послано, сверх того, и по одной рекрутской роте.

Пока части эти пришли по назначению, мятежники в числе 3 тысяч человек подошли к Курганской слободе. Для отражения их был сформирован отряд из 1900 человек крестьян и роты солдат с одним орудием, под общим начальством майора Салманова. Подходя к Кургану и оставаясь сам в резерве с 700 человек, Салманов отправил вперед капитана Смольянинова с ротой пехоты, 1200 человек вооруженных крестьян и одним орудием. Заняв Курганскую слободу и желая рассеять собравшуюся вблизи толпу, Смольянинов пошел ей навстречу, но изменившие крестьяне схватили его со всеми офицерами и выдали мятежникам. То же самое сделали крестьяне и с майором Салмановым. Инсургенты заняли Курган, оба предводители отрядов и некоторые из офицеров были повешены. Большая часть окрестных слобод с населением, простиравшимся до 18 тысяч душ, перешли на сторону мятежников. Чичерин приказал тогда, чтобы следовавшая из Кузнецка в отряд Деколонга 13-я легкая полевая команда была немедленно отправлена к Кургану. Присоединив к себе в слободе Байчанке секунд-майора Фадеева с рекрутской ротой, командир 13-й полевой команды, майор Эрдман, быстро двинулся к Кургану и был встречен мятежниками у Осиповой слободы. Смелою атакой Эрдман рассеял трехтысячную толпу, захватил всю артиллерию и письменные дела. Оставив на поле сражения до 600 тел,

инсургенты отступили к Курганской слободе. Преследуя их, майор Эрдман в Иковской слободе был окружен толпою до 5 тысяч человек, приготовившихся к встрече и укрепившихся. По советам и указаниям местного духовенства^[295] мятежники насыпали вал из снега и расставили орудия. Два дня продолжалась канонада с обеих сторон, и наконец майор Эрдман штурмовал Иковскую слободу. Мятежники были разбиты, бежали в Утяцкую слободу, и 24 марта Эрдман занял Курган^[296].

Такая же неудача постигла и прочие шайки инсургентов. От Краснослободска они были отбиты подпоручиком Фефиловым, потеряли все пушки и много пленных. Прибывшие в Туринск и Тюмень роты с ополчением перешли в наступление и преследовали мятежников. «Оных поражая, – доносил Чичерин, – разгоняют, предводителей ловят и присылают в Тобольск, слободы и деревни утверждают вновь присягою».

Все это происходило на границах Сибирской губернии, а вся Исетская провинция и северная часть Оренбургской губернии были в полном восстании и находились во власти мятежников. Уральская горная возвышенность, с ее населением и заводами, была единственным и прекрасным убежищем для Пугачева после поражения его под Татищевой крепостью. Если бы Деколонг из Челябины двинулся на юг, то Пугачев мог быть окружен со всех сторон, но бездействие этого генерала дало возможность самозванцу оправиться, собраться с новыми силами и появиться там, где его вовсе не ожидали.

Глава 9

Бегство Пугачева из Берды. - Освобождение Оренбурга от осады. - Награды губернатору и жителям. - Преследование самозванца. - Бой у Каргалы. - Бегство Пугачева в Башкирию.

В день сражения под Татищеве, поздно вечером, Пугачев прискакал в Берду в сопровождении только четырех человек свиты: Ивана Почиталина, Василия Коновалова, Григория Бородина и шурина самозванца, Егора Кузнецова. Опасаясь наступления князя Голицына и вылазки из Оренбурга, Пугачев приказал тотчас же сменить с караула всех крестьян и солдат, а на их места поставить яицких казаков, как людей более ему преданных и более опытных в сторожевой службе.

В Берде еще не знали о поражении товарищей, и потому распоряжение это удивило многих.

- Что за чудо, что нас сменяют не вовремя и гонят целыми толпами в Берду? - спрашивали караульные друг друга.

Наиболее любопытные обращались за разъяснением к своим командирам, а те, сами не зная ничего, шли в Военную коллегия. В числе первых, явившихся в главное управление самозванца, был Хлопуша. Он застал в комнате только одного писаря Васильева, от которого не получил удовлетворительного ответа.

- Тебе что за нужда, - сказал Васильев, - знал бы ты свое дело, да лежал бы на своем месте.

Хлопуша отправился к Творогову и, проходя по улице, видел, что яицкие и илецкие казаки укладывали на возы свои вещи.

- Что это значит? - спрашивал Хлопуша.

– А это те казаки, – отвечал уклончиво Творогов, – что приехали из своих мест за хлебом и теперь собираются домой. Я с ними жену свою отпускаю, а ты поди и распусти свою команду.

Хлопуша исполнил приказание, пошел было к Шигаеву, но тот ушел из дома с Чумаковым и Григорием Бородиным.

Последний, будучи очевидцем всего происшедшего под Татищево, был уверен, что дело, затеянное яицкими казаками, проиграно окончательно, и потому в тот же вечер отправился к Шигаеву и рассказал ему события дня.

– Я поеду в Оренбург, – говорил Григорий Бородин, – и там расскажу, а между тем не можно ли его [самозванца] связать.

– Поезжай, – отвечали Шигаев и случившийся у него Федор Чумаков, – и предстательствуй за нас всех, чтобы помиловали, а мы постараемся его связать.

Переговорив еще с хорунжим Трифоном Горловым, Осипом Бановым и с калмыком Гибзаном, Бородин советовал им выдать Пугачева и явиться с повинной, а сам в ту же ночь уехал из Берды, причем Шигаев и Чумаков провожали его до реки Сакмары^[297].

Рано утром, 23 марта, Пугачев призвал к себе Максима Шигаева^[298], Андрея Витошнова, Федора Чумакова, Ивана Творогова, Тимофея Падурова и Коновалова. Он рассказал им откровенно о несчастье, постигшем его армию под Татищево, и спрашивал: что делать?

– Как вы рассудите, детушки, – говорил самозванец, – куда нам теперь идти?

– Мы не знаем, – был первый ответ опечаленных присутствующих.

– Я думаю, что нам способно теперь пробраться степью, чрез Переволоцкую крепость, в Яицкий городок;

там, взяв крепость, можем укрепиться и защищаться от поиска войск.

– Власть ваша, – отвечали присутствующие, – куда хотите, а куда вы, туда и мы.

– Поедем лучше, ваше величество, под Уфу, к графу Чернышеву, – говорил Творогов, – а если там не удастся, то будем близко Башкирии, и там можем найти спасение.

– Не лучше ли, – заметил Пугачев, – нам убираться на Яик, ибо там близко Гурьев городок, в коем еще много хлеба оставлено и город весьма крепок.

Эти последние слова были поддержаны Шигаевым.

– Пойдем, – сказал он, – в обход на Яик, чрез Сорочинскую крепость.

Решаясь двигаться по этому направлению, Пугачев послал казака за Хлопушей.

– Ты шатался много по степям, – сказал ему самозванец, – так не знаешь ли дороги Общим Сыртом, чтобы пройти на Яик?

– Этого тракта я не знаю, – отвечал Хлопуша.

– Тут есть хутора Тимофея Падурова, – заметил Творогов, – и он должен знать дорогу.

Падуров не брался, однако же, быть провожатым по степи в зимнее время.

– Ты здешний житель, – говорил Пугачев, – сыщи ты мне такого жожака, который бы знал здешние места.

– Вчера приехал оттуда казак Репин, – отвечал Падуров, – и сказывал, что там дорога есть.

Репин был призван в совет, и ему приказано быть колонновожатым. Командирам полков велено готовиться к походу, но собирать к себе только доброконных, а остальным и всем пешим разрешено идти кто куда хочет. Шигаеву поручено раздать вино и деньги, которых было 4 тысячи рублей, все медной монетой ^[299]. Лишь только выкатили несколько бочек, из сорока бывших в складе, как народ с криком бросился к ним и

каждый старался в широких размерах воспользоваться разрешением самозванца. Произошла свалка, шум и драка, а между тем Пугачев узнал, что один из ближайших его сообщников, казак Григорий Бородин, ему изменил и еще накануне бежал в Оренбург^[300]. Если бы генерал Рейнсдорп, по получении известий от Бородина, в ту же ночь сделал вылазку, то, быть может, сообщники Бородина и выдали бы самозванца; но наутро они были уже бессильны, так как хорунжий Горлов успел донести о советах Бородина и об его бегстве. Пугачев не жалел ничьей головы для собственной безопасности, и поднимать вопрос о выдаче самозванца было равносильно добровольному пожертвованию жизнью без всякой пользы.

Приняв меры против заговора и опасаясь, чтобы до времени и другие не последовали примеру Бородина, самозванец приказал расставить к стороне Оренбурга особые караулы, не пропускать никого, и «тут, – говорил Хлопуша, – кто вознамерился бежать, множество [было] переколото».

На улицах Берды с самого утра видно было небывалое движение, укладывались пожитки и награбленное имущество, Шигаев раздавал медные деньги, а у бочек с вином шумела и бушевала пьяная толпа. Опасаясь, что шум и крики привлекут внимание оренбургского гарнизона и пьяное сборище может быть застигнуто врасплох, Пугачев приказал яицким казакам готовиться скорее к походу, выбивать у бочек дно; и вино широкой рекой полилось по улицам Бердинской слободы.

Взяв десять пушек и не ожидая, пока соберется все ополчение, Пугачев с яицкими казаками и толпой не более 2 тысяч человек выехал из Берды по дороге на Переволоцкую крепость. В слободе остались пьяные да те, что, потеряв веру в самозванца и не зная, куда приклонить голову, решились явиться с повинной.

Длинной вереницей тянулись они к Оренбургу верхами, на санях и на дровнях; многие везли с собою хлеб и сено, но большая часть шла пешком с женщинами и детьми. В этот день пришло в город более 800 человек^[301], а в последующие дни число их достигло 4 тысяч человек^[302]. Всех прибывших сажали под арест и допрашивали.

Только после полудня 23 марта Рейнсдорп решился отправить в Берду 8-й легкой полевой команды секунд-майора Зубова с 600 человек егерей, оренбургских и яицких казаков. Отряд этот выступил из города в сопровождении огромной толпы жителей всех состояний, спешивших воспользоваться запасами продовольствия, собранными самозванцем для своей армии. Заняв Берду без всякого сопротивления, Зубов захватил до 50 артиллерийских орудий со всеми боевыми припасами и 17 бочек медной монеты (всего 1700 руб.), а пришедшие с ним жители забирали все, что попадало под руку. «Носился в городе слух, – пишет Рычков^[303], – что в Берде городскими людьми учинены великие грабительства и хищения и якобы многие пожитки, в руках злодеев находившиеся, разными людьми вывезены в город».

В бывшем стане самозванца найдено столько продовольствия, что 15-тысячное население города было обеспечено им на десять дней^[304]. Припасы прибывали в город ежедневно, и цены на все продукты быстро понизились. Пуд ржаной муки, стоивший 22 и 23 марта 13 руб., продавался 24-го числа от 80 до 50 коп.; фунт печеного хлеба вместо 40 коп. по 5 коп. и т. д.^[305]

Утром 24 марта прибыл в Оренбург посланный князем Голицыным с известием о победе под Татищевой крепостью, а вслед за тем привезли одного из главных пособников Пугачева, ссыльно-каторжного Хлопушу^[306]. Городское население собралось в собор для слушания

благодарственного молебствия об освобождении города от осады. «La victoire, – писал Рейнсдорп князю Голицыну^[307], – que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitants d'Orenbourg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse, retentit d'allégresse et les habitants font des vœux pour la prospérité de leur illustre libérateur».

Называя князя Голицина избавителем Оренбурга, генерал Рейнсдорп не мог удержаться от того, чтобы не приписать и себе некоторой заслуги. Он писал в том же письме, что Пугачев «*чрез высланную от меня команду будучи приведен в крайнее замешательство (?)*, единственно с верными ему, забрав лучшее имущество и десять пушек, бежал через Общий Сырт, по-видимому, на Переволоцкую крепость».

Мы знаем, когда бежал Пугачев и когда прибыл в Берду посланный Рейнсдорпом отряд секунд-майора Зубова, и потому не можем согласиться с последними словами оренбургского губернатора. Тем не менее, вспоминая все происходившее под Оренбургом, мы должны сказать, что со стороны Рейнсдорпа нужно было много энергии, чтоб удержать в порядке полуголодное население, страдавшее цинготной и другими болезнями и не видевшее конца своим бедствиям. Заслуга эта была велика, и Рейнсдорп был щедро награжден императрицей. «Желая всегда отличать, – писала она^[308], – и награждать важные государству и нам оказанные услуги, по случаю усердного, ревностного и твердого вашего поведения, во время несчастного притеснения города Оренбурга клятвопреступниками, ворами и разбойниками, в знак нашего удовольствия посылаем к вам знаки нашего ордена Святого Александра Невского, повелеваем вам оные на себя возложить и носить. К сему еще присовокупляем *пятнадцать тысяч рублей* на покупку лент и звезд, из принадлежащих нашей статс-конторе доходов». Все

жители Оренбурга были уволены на два года от подушного сбора, и в пользу города оставлена на один год вся прибыль от откупа^[309].

Так кончилась шестимесячная осада города Оренбурга: мятежники были рассеяны, многие тысячи их содержались арестованными, но прошло несколько дней, прежде чем Рейнсдорп и князь Голицын узнали, куда скрылся Пугачев после бегства из Берды.

На другой день после сражения под Татищевой князь Голицын узнал, что Пугачев ушел в Берду, а вслед за тем получил известие, что он двигается к Переволоцкой крепости, с намерением пробраться на Яик. Желая преградить ему путь в этом направлении, князь Голицын приказал подполковнику Бедряге, с двумя батальонами пехоты, двумя эскадронами гусар и карабинеров и десятью орудиями, занять Переволоцкую крепость и выслать разъезды к Ново-Сергиевской. Через эту последнюю проходили дороги из Яицкого и Илецкого городков, и потому прочное занятие этой крепости имело весьма важное значение. «Пылая усердием и ревностью к службе и несмотря на свои лета и слабость здоровья», подполковник Милкович, по собственному почину, выступил из Сорочинска, с 240 человеками пехоты и шестью орудиями и в шестом часу вечера 26 марта занял Ново-Сергиевскую крепость^[310].

Обеспечив себя в этом отношении, князь Голицын просил генерал-поручика Рейнсдорпа наблюдать за всем течением Яика и занять войсками слободы: Бердинскую, Каргалинскую и Сакмарский городок^[311]. Оренбургский губернатор поручил коменданту, генерал-майору Валленштерну, осмотреть окрестности города, разослал повсюду гонцов с известием о победе и освобождении Оренбурга, сделал распоряжение о восстановлении почт, но ни Каргалы, ни Сакмары не занял солидными отрядами, а ограничился выставкой пред ними одних наблюдательных постов. Сакмарск он занял 50

казаками, под начальством атамана Донского; Каргалу оставил вовсе без наблюдения, а для получения сведений о мятежниках командировал несколько казаков и каргалинских татар на губернаторский хутор (от города только 12 верст) для примечания на тамошних высоких местах^[312]. Даже Берда не была занята войсками, а ежедневно посылались туда очень небольшие команды за провиантом, которые приходили и уходили, оставляя слободу без всякой защиты. Под впечатлением неудач во время осады Рейнсдорп весьма долгое время оставался в пассивном положении и опасался взять на себя инициативу действий. Посты, выставленные им в тех пунктах, о занятии которых просил князь Голицын, были так слабы, что не могли задержать самозванца, и он успел воспользоваться оплошностью оренбургского губернатора.

Отойдя верст сорок от Берды, Пугачев, в ночь на 24 марта, остановился на хуторе Репина, а на следующее утро двинулся на хутор Углицкого, подходя к коему встретил человек тридцать лыжников, высланных подполковником Бедрягой для разведывания о неприятеле. Появление их испугало самозванца.

– Нет, детушки, – сказал он, – нельзя нам тут прорваться; видно и тут много войска; опасно, чтобы не пропасть нам всем.

Повернув назад, Пугачев пошел так быстро, что бросил на дороге три пушки и, видя пасмурные лица своих спутников, старался их утешить.

– Когда нам в здешнем краю не удастся, – говорил он, – то мы пойдем прямо в Петербург, и я надеюсь, что Павел Петрович нас встретит.

К вечеру 24 марта самозванец и его толпа пришли обратно на хутор Репина: дела их в это время были очень плохи. «Остановившись между гор и в снежных местах», как доносил подполковник Милкович, и имея с собою весьма малые запасы продовольствия, Пугачев и

его сообщники были обложены лыжниками подполковника Бедряги, за которыми в крепостях Татищевой, Переволоцкой и Ново-Сергиевской находились более или менее значительные отряды. Если бы генерал Рейнсдорп занял Каргалу и Сакмарск, то Пугачев был бы окружен со всех сторон и прорваться сквозь такое обложение ему было бы трудно. Естественный вопрос: что делать? – был на устах каждого из беглецов.

– Теперь куда пойдем? – спрашивал Пугачев Шигаева и других ближайших своих сподвижников.

– Пойдем в Каргалу, – отвечали они, – а из Каргалы в Сакмару.

– Ну хорошо, а из Сакмары-то куда?

– Пойдем на Яик, а с Яика на Гурьев городок и там возьмем провианта.

– Да можно ли отсидеться в Гурьеве, когда придут войска?

– Отсидеться долго нельзя, – отвечали сообщники.

– Мы из Гурьева городка пойдем к Золотой мечети, – говорил казак Яков Антипов.

– Кто же нас туда проведет? – спрашивал Пугачев.

– У нас есть такой человек, – отвечал Антипов, – который там бывал.

– Я бы вас провел на Кубань, – заметил самозванец, – да теперь как пройдешь? Крепости, мимо коих идти надобно, заняты, в степи снега, то как пройти!

Все эти совещания ясно свидетельствуют, что ни Пугачев, ни его сообщники не знали, на что решиться, и не имели никакого определенного плана действий. Присутствовавший на совещании башкирский главный атаман Кинзя решился вмешаться в разговор. Не говоря по-русски, он просил татарина, яицкого казака Идорку, быть переводчиком.

– Куда вы, государь, нас теперь ведете и что намерены предпринять? – спрашивал Кинзя Пугачева. –

Для чего вы не спрашиваете у нас совета?

– Я намерен, – отвечал самозванец, – идти теперь в Каргалу или в Сакмарский городок, побыть там до весны, а как хорошее время наступит, то пойду на Воскресенские Твердышева заводы.

– Если вы туда придете, – заметил Кинзя, – так я вам там чрез десять дней хоть десять тысяч своих башкирцев поставлю.

– Очень хорошо, – отвечал Пугачев.

Итак, решено было идти сначала на Каргалу, а потом в Сакмару^[313]. Пугачев отправил воззвание к башкирцам и письмо к князю Голицыну, в котором просил его подумать, с кем воюет, напоминал ему отца и деда, верно служивших его мнимым предкам. Не ожидая, конечно, ответа на это письмо и посылая его только для ободрения своих сообщников и большего их убеждения в том, что он истинный царь, Пугачев пошел обратно в Каргалу и 26 марта занял ее без сопротивления и совершенно неожиданно. Передовые из шайки самозванца вступили в слободу в то время, когда там находился брат атамана Донского, высланный из Сакмарска, всего с одним казаком для разведывания о неприятеле. Пугачевцы захватили и ранили этого казака, а брат Донского, повязав себе лицо платком, чтоб его не узнали, успел уехать и дать знать о случившемся в Сакмарский городок^[314].

Все сообщники самозванца, связанные каргалинскими старшинами и рассаженные по погребам, были выпущены. Старшины, которые их сажали, были переколоты, и большая часть слободы, преимущественно дома старшин, выжжена.

Пробыв в Каргале около часа и оставив здесь Тимофея Мясникова с 500 человек, Пугачев пошел в Сакмарский городок и занял его. Узнав от брата о появлении мятежников в Каргале и не говоря об этом своей команде, атаман Донской объявил, что едет

навстречу князю Голицыну, и поскакал на Чернореченскую крепость, а оттуда по Яику в Оренбург^[315]. Пугачев повесил отца атамана и присоединил к себе человек сто сакмарских казаков, бывших прежде в его толпе и не последовавших за ним при уходе его из Берды.

Недостаток в продовольствии заставил Пугачева еще при выступлении из Каргалы отправить Творогова в Берду за провиантом. Имея с собою от 800 до 1000 человек, Творогов налетел на слободу, захватил там команду, высланную из Оренбурга, разграбил многие дома и с пленными возвратился к самозванцу с известием, что в Берду вступают правительственные войска. То не были войска, высланные Рейнсдорпом из Оренбурга^[316], а авангард из отряда князя Голицына, единственно опасного для Пугачева.

Как только в Татищевой было получено точное известие, что самозванец отказался от намерения пробраться в Переволоцкую крепость и повернул на Каргалу, князь Голицын отправил для его преследования полковника Хорвата с двумя батальонами пехоты, четырьмя эскадронами кавалерии и с соответственным числом орудий. Начальник отряда писал стоявшему в Орской крепости генерал-майору Станиславскому, чтоб он наблюдал за движением мятежников и разослал объявления и приказания ловить самозванца. Выступая сам из Татищевой, князь Голицын оставил в крепости генерал-майора Мансурова с тремя батальонами пехоты, пятью эскадронами кавалерии и достаточным числом артиллерии. Он предписал ему «иметь примечания в здешней окружности, чтобы злодей не мог пробраться к Яику, потом следовать на тех, которые остаются в Илецкой крепости, занять гарнизоном Татищеву крепость, и если зимний путь допустит, то идти и до самого Яику»^[317].

30 марта, сделав форсированный переход, князь Голицын пришел в Чернореченскую крепость, где получил рапорт полковника Хорвата, доносившего, что он занял Бердинскую слободу, но двигаться далее не может ввиду значительного скопления мятежников в Каргале и Сакмарском городке. Он писал, что в последние дни положение Пугачева изменилось, что к нему на помощь прибыли 2 тысячи башкирцев и присоединилось много «отчаянной сволочи», так что теперь силы самозванца достигли от 4 до 5 тысяч человек. Хорват доносил, что самозванец успел собрать достаточное количество провианта и фуража и, засев в Сакмарске, намерен защищаться^[318].

Торопясь атаковать мятежников и не дать им времени устроиться, князь Голицын 31 марта перешел в Берду и в тот же день, с небольшим конвоем и свитой^[319], поехал в Оренбург на свидание с генералом Рейнсдорпом. Он был принят населением с восторгом «при общем восклицании всех городских жителей».

«Не могу довольно изъяснить, – писал князь Голицын А.И. Бибикову, – сколько город Оренбург радостно восхищен и приносит Всевышнему молитвы за здоровье ее величества, что матерним ее попечением избавлены от рук варварских. Пропитание и последнее не оставалось, все способы истощены были, голод обитал в первом градусе и надежда потеряна. Таперича изобилие открывается со всех сторон: из Сорочинского магазина 2000 пудов близко сюда следуют, из Каргалы от меня приказано муки тысячу четвертей из отбитого у злодеев хлеба отослать скудным обитателям сего города, скота также приказано нагнать из ближних деревень башкирских».

Пробыв в городе недолго, князь Голицын успел взять у губернатора несколько пехоты, эскадрон легких драгун и до 300 яицких и оренбургских казаков, которые хотя и не имели лошадей, «но я, – доносил князь

Голицын, – нашел способы изыскать вверенного мне корпуса у гг. штаб- и обер-офицеров, которые, усердствуя к службе всемилостивейшей государыни, с крайнею ревностью отдали последних своих лошадей на истребление злодеев».

В два часа утра, 1 апреля, князь Голицын выступил с отрядом из Берды ^[320] и шел по трем дорогам, имея в авангарде полковника Ю. Бибикова. По известиям, в Каргале было мятежников немного, но когда отряд стал подходить к слободе, то узнали, что на помощь им прибыл Пугачев с двумя третями своей толпы, бывшей в Сакмарском городке.

Находясь в Губерлинских горах, среди местности, изрытой рвами и дефилеями, Каргала и ее окрестности представляли множество мест, удобных для защиты и невыгодных для наступления. Воспользовавшись силой своей позиции, мятежники приготовились к обороне и на дороге «самонужной» и единственно возможной для атаки выставили батарею из семи орудий. Огнем этих орудий пугачевцы пытались остановить наступавшие в голове отряда: сводный батальон капитан-поручика Толстого и батальон, составленный из легких полевых команд подполковника Аршеневского. Энергическая атака этих батальонов скоро заставила мятежников отступить, и они, выходя из слободы, стали спускаться к реке Сакмаре. Заметив это, князь Голицын тотчас же отправил полковника Хорвата с тремя эскадронами изюмских гусар и одним карабинеров Архангелогородского полка, приказав ему отрезать путь отступления на Сакмару; но мятежники упорно отстаивали свои позиции, силы их были весьма значительны, и Хорвату не удалось исполнить данного ему поручения.

Вытесненные из Каргалы батальонами Толстого и Аршеневского, сообщники самозванца отступили три версты и заняли пильную мельницу, находившуюся на

берегу реки Сакмары, между Каргалой и Сакмарским городком. Тогда князь Голицын приказал полковнику Бибикову занять высоту, лежавшую левее дороги, где и были выставлены подоспевшие орудия, шедшие в хвосте колонны. После нескольких удачных выстрелов мятежники обратились «в наглый бег» и были преследованы полковником Хорватом на протяжении восьми верст. Пугачев хотел удержаться в Сакмарске, но гусары столь стремительно преследовали бегущих, что на их плечах ворвались в город. «Самозванец, – доносил князь Голицын ^[321], – как всегда имел готовых лошадей к побегу, подхвата четырех заводных, бежал по дороге на Пречистенскую крепость. Полковник Хорват не упустил его догонять столько, сколько дозволили силы усталых лошадей, по не мог достичь». Толпа Пугачева была окончательно разбита и рассеяна; мятежники бежали в разные стороны; «всякий старался как бы поскорее уйти, – говорил Максим Шигаев, – отчего и стеснились так, что друг на друга давили»; многие прятались по разным местам, были отыскиваемы войсками и забираемы в плен. В числе последних были и главнейшие пособники самозванца: Максим Шигаев, Иван Почиталин – секретарь Пугачева, Максим Горшков – привилегированный его писарь, Тимофей Падуров, солдат Жилкин и многие другие ^[322]. Все число пленных простиралось до 2813 человек, убито было 400 человек, в числе коих, надо полагать, был и пропавший без вести председатель пугачевской коллегии, старик Андрей Витошнов. В Сакмарске захвачено девять пушек, одно знамя Симбирского батальона, отбитое у полковника Чернышева, несколько значков, весь обоз, провиант и фураж. Вся потеря в отряде князя Голицына не превышала восьми раненых кавалеристов.

С толпой не более как в 500 человек ^[323] Пугачев бежал «не кормя, во всю прыть, до Тимашевой слободы. По приезде в ту слободу только что накормили лошадей,

то поскакали опять и, приехав в Тагилу, ночевали». Только теперь опомнился самозванец и стал считать, кто из главнейших его приближенных с ним остался и кто от него отстал. Недосчитавшись многих, он решился до времени скрываться в Башкирии и отправился в дом башкирского старшины Кинзи^[324].

Надежда пробраться в Яицкий городок была навсегда покинута, так как на освобождение его шел уже отряд генерала Мансурова.

Глава 10

Положение отряда полковника Симонова в Яицком городке. - Переговоры казаков с гарнизоном ретраншементов. - Письмо Симонова атаману Каргину и ответ на него. - Тяжелое положение гарнизона. - Прибытие отряда генерала Мансурова. - Освобождение защитников от осады. - Кончина А.И. Бибикова. - Возвышение Г.А. Потемкина.

После переговоров капитана Крылова с Афанасием Перфильевым^[325] в Яицком городке не происходило ничего особенного. Обе стороны наблюдали друг за другом, сидя за укреплениями. 9 марта полковник Симонов произвел вылазку, но она не увенчалась успехом, и он снова и на долгое время заперся в ретраншементе.

Ободренные этой неудачей, казаки старались, при помощи убеждений, склонить гарнизон к сдаче, и 14 марта над ретраншементом поднялся бумажный змей, к хвосту которого был привязан конверт. Как только он достиг известной высоты, нитка была обрезана и змей упал внутрь укрепления. В доставленном таким способом письме казаки от имени Пугачева просили полковника Симонова и его команду удержаться от вылазок на будущее время, не производить напрасного кровопролития и лучше покориться, обещая в противном случае *зверояростной мстью*»^[326]. Хотя в ответ на это в собравшуюся толпу и было пущено несколько гранат, но положение Симонова и его гарнизона в это время было очень трудное: продовольствия оставалось не более как на десять дней и по необходимости пришлось уменьшить его выдачу. Солдатам выдавали по четверти

фунта муки при изнурительной работе. Половина людей была всегда в ружье, а другой позволялось дремать сидя; «холод и голод, – говорит участник^[327], – приводил нас в отчаяние, которое с каждым днем умножалось». Слух, что казаки роют новый подкоп под комендантский дом, крайне беспокоил осажденных, и гарнизону, при ограниченности пищи, приходилось еще усиленно трудиться над рытьем рва вокруг дома, чтобы открыть направление неприятельских подземных работ. О вылазках и вообще об успехе наступательных действий нечего было и думать, так как казаки усилили свои завалы прибавкой нескольких орудий и зорко следили за осажденными.

Сознавая, что в самое непродолжительное время гарнизон будет поставлен в безвыходное положение, по недостатку продовольствия и истощению сил, Симонов отправил увещание к атаману Каргину, в котором требовал покорности и прекращения неприязненных действий. Каргин призвал старшин и приказал писарю Петру Живетину прочесть им письмо, полученное от Симонова. Старшины решили отправить ответ, составление которого и возложено было на Живетина. Последний, возвратившись в канцелярию, советовался с казаком Иваном Корчагиным, «какими бы словами отвечать» Симонову, но в это время подошел к ним беглый с Иргиза раскольничий старец Гурий, живший из милости и подаяниями от двора мнимой царицы Устины.

– Я вам напишу, – сказал Гурий, – я знаю те обстоятельства, по каким государь лишен престола.

Живетин и Корчагин согласились, но когда Гурий написал, то они нашли, что в письме включены непристойные слова относительно государыни и потому не решились нести его к Каргину. Придумывая, как бы исправить письмо и выйти из затруднительного положения, они вспомнили, что в канцелярии содержится арестант, беглый солдат Иван Мамаев,

который говорил, что он служил прежде подьячим, и, следовательно, должен быть человек бойкий по письменной части. Живетин и Корчагин обратились к Мамаеву с просьбой прочесть письмо, и если нужно, то исправить. Все совещающиеся единогласно решили, что «не должно священную особу государыни так поносить, что это не только дурно, но и противно Богу». Непристойные выражения Гурия были заменены Мамаевым новыми, и затем исправленное письмо было переписано Живетиным и представлено атаману Каргину^[328].

«Всем уже не безызвестно, – сказано было в этом письме, – на каких основаниях российское государство лишилось всемилостивейшего своего монарха от злодеев нашего вселюбезного отечества. Его императорское величество изволил всему яицкому войску изъяснить, что в бытность-де мою в Ранбове [Ораниенбауме], согласись ваши *некоторые, забыв страх и закон Божий*^[329], с Орловым бежали в Петербург, объявили ложные клеветы всей гвардии на лицо его императорского величества. Итак, чрезвычайно, изыскался злодей Измайловского полка майор Николай Рославлев и оболести весь Измайловский полк, привел к присяге и весь Петербург возмутили, объявляя и изbleвая на дражайшего своего монарха различные б... и, с которым случаем, таким же образом всю армию обманули, а от государя в Кронштадте ворота затворили, и, вооружась злодейски, в помянутый Кронштадт не пустили.

Итак, всепресветлейший государь Петр Федорович, умиленно лишась своего престола, и доньне, подражая деду своему Петру Великому, всякие способы полюбопытствовал. А что вы к нам пишете, что якобы вам закона христианского быть преступниками и своей присяги нарушителями, что оставить свою государыню, на то вам и мы отвечаем: разумейте же безумия в

людях и буди некогда умудритесь. Егда всепресветлейшая наша государыня императрица Елизавета Петровна отиде на вечное блаженство, всему нашему государству известно, что соизволила скиптр Российского государства вручить природному наследнику, великому нашему государю императору Петру Федоровичу и все государство наследному своему монарху присягало. И вы не причастны ли были той же присяге? и равным образом той же казни Божией будете достойны, яко отступники и нарушители христианского закона, что изгнаша своего государя и *вместо закона приняв на себя ни есть какое беззаконие*^[330].

Разве вам дивно, что его же хочет Бог, того и избирает на царство, как и в древних родех учиняемо было, что помазанного на царство пророком израильского царя Саула, всемогущий Господь с престола изверг и вместо [него] поят Давида, раба своего. Не избежите за сие страшного Божия суда и нашего великого государя смертоносного меча.

Да полноте нас страшать и угроживать! Когда у ваших солдат руки долги и шеи не коротки, так в том кому Господь да поможет. Мы же страстей ваших очень неопасны, а во всем уповаем на волю сотворившего нас Господа, ежели хотите вы идти против нас, то мы давно милости просим, а по вашему предложению быть ничего в удовольствие вам не может и переписка никаких больше принимать через посланных от вас не хотим. А от государя нашего прислано полное наставление, чтоб с вами поступать сперва сердечно, по-христиански. А видно, вы не хотите совсем его величеству служить и повиноваться, так и полно вами более дорожить».

Письмо это атаман Каргин приказал прочитать при собрании старшин и сотников, а затем поручил Живетину подписать его и отправить к полковнику Симонову. Вместе с тем казаки уговаривали гарнизон сдаться; кричали, что все посланные против самозванца

правительственные войска разбиты, Уфа, Казань и Самара взяты, а Оренбург находится в крайности. Пользуясь тем, что многие жены солдат находились в городке, казаки уговаривали их склонить своих мужей посадить коменданта и офицеров в воду и выходить потом из крепости^[331]. С такой же целью подсылались в ретраншемент беглые солдаты, погонщики и даже казаки. Все эти убеждения хотя и оставались без последствий, но полковнику Симонову надо было иметь много энергии и употребить много усилий, чтобы удержать гарнизон в полном повиновении.

13 апреля обороняющийся съел последние свои запасы и находился в полном изнеможении. Солдаты глодали кости палых лошадей, оставленные собаками, и употребляли в пищу мясо лошадей, околевших от сапа. Когда и этот источник иссяк, то стали варить из глины подобие киселя и его ели. О близкой помощи не было никаких известий, и освобождение осажденных извне считалось делом невозможным. Одно убеждение в том, что от мятежников нельзя ожидать пощады и, что во всяком случае, приходилось умирать, заставляло защитников ретраншемента предпочесть смерть с честью, нежели с изменой присяге.

Между тем утром 14 апреля караульные, наблюдавшие с церкви за всем, что происходило в Яицком городке, дали знать, что среди жителей заметно сильное движение, что большие толпы казаков выходят из городка, провожаемые женщинами. Это известие ободрило гарнизон и укрепило его силы так, «как будто мы съели по куску хлеба», говорит современник и участник. Очевидно, что одно приближение отряда могло вызвать движение казаков, желавших его встретить впереди городка и не допустить до разорения своих домов.

Так оно и было.

Узнав о приближении отряда генерал-майора Мансурова, атаман Овчинников собрал человек пятьсот казаков с тремя пушками и вышел с ними из городка с намерением остановить Мансурова^[332].

Выступив двумя отрядами из Татищевой и Новосергиевской крепостей и двигаясь вниз по Яицкой линии, генерал-майор Мансуров, 6 и 7 апреля, занял без сопротивления крепости: Озерную, Рассыпную и Илецкий городок, в котором захватил 14 пушек. Бывшая здесь толпа мятежников рассыпалась в разные стороны, а предводитель ее, атаман Чулошников, с несколькими приближенными ускакал в Яицкий городок с донесением о приближении отряда. Следуя далее и подходя к Иртецкому форпосту, находившемуся в 98 верстах от Яицкого городка, Мансуров встретил толпу в 200 человек, состоявшую преимущественно из яицких казаков. После трех пушечных выстрелов казаки рассеялись в разные стороны и были преследуемы кавалериею на протяжении 28 верст. «Я теперь нахожусь в Иртецком форпосте, – доносил Мансуров 12 апреля^[333], – и принужден здесь завтра иметь роздых, потому что весь транспорт мой, будучи на санях, стал; здесь снег весь пропал и на санях путь продолжать никак не можно. Хотя я и послал в Илек, чтобы достать там телег, но в том месте столько отыскать невозможно. Ваше сиятельство прошу в том мне приказать помочь и хотя бы кулей до 500 муки, с пропорциею круп, приказать отправить из Сорочинской вслед за мной, а из Самары, за вскрытием рек, теперь доставить туда пропитание способу нет».

Не ожидая формирования колесного транспорта, Мансуров двинулся далее и 15 апреля у тесного прохода на реке Выковке, между Генварцевским и Рубежным форпостами, встретил Овчинникова с 500 человек яицких казаков, 50 калмыками и 5 пушками, «с малым весьма числом худых зарядов»^[334].

Пользуясь всеми выгодами узкого прохода, Овчинников намерен был задержать отряд, но усилия его остались тщетными. Выставив на берегу реки Выковки семь орудий, генерал-майор Мансуров, под прикрытием их огня, начал переправу. Прежде всего переправились три эскадрона кавалерии, под начальством подполковника Бедряги, и яицкий старшина Бородин с своими казаками; затем переправились: батальон гренадер и 160 человек егерей. Казаки не выдержали смелой атаки подполковника Бедряги, были опрокинуты и преследованы 12 верст. Они потеряли сто человек убитыми, все свои пушки и 4 хоругви или знамя. «Ежели истинную справедливость отдать кавалерии, – доносил Мансуров^[335], – то она все то сделала, под предводительством командира подполковника Бедряги, чего только от рода их службы требовать и желать должно; подражал примеру его и старшина яицкий Бородин с своими казаками».

Мятежники были руководимы Овчинниковым, Перфильевым и Дехтяревым; первые двое бежали в степь и впоследствии присоединились к Пугачеву в Магнитной крепости, а последний с двумя хорунжими был захвачен в плен.

В тот же день вечером из укрепления видно было, как толпа казаков поспешно въехала в городок и, собравшись по набату «в круг», держали совет: круг решил связать атаманов Каргина, Толкачева и семь человек из наиболее выдающихся деятелей и представить их полковнику Симонову^[336]. Исполнив решение круга, казаки направились к ретраншементу. Осажденные открыли огонь, полагая, что они намерены штурмовать укрепление, но из толпы слышались крики, что покоряются императрице и просят помилования. Симонов потребовал выдачи главнейших предводителей, и девять человек связанных были

переданы в руки правосудия. При этом казаки объявили, что Овчинников и Перфильев успели бежать, а к дому жены самозванца, Устины, приставлен караул. Связанные были приняты; голодавший гарнизон подкрепился пищею, доставленной теми же казаками, а на следующее утро, 16 апреля, вступил в Яицкий городок генерал-майор Мансуров с своим отрядом. Он прошел в ретраншемент через ворота, которые были заперты и завалены с 30 декабря 1773 года.

Радость освобожденных от осады трудно описать. «Самые те из нас, – говорит участник^[337], – которые от голоду и болезни не поднимались с постели, мгновенно были исцелены. Все было в движении; разговаривали, бегали, благодарили Бога и поздравляли друг друга». В награду мужества и храбрости, оказанных гарнизоном в течение осады, императрица пожаловала полковнику Симонову 600 душ крестьян^[338], и приказала выдать всему гарнизону годовой оклад жалованья; атаман оренбургского войска подполковник Могутов произведен в армейские полковники, а старшина яицкого войска Мартемьян Бородин – в армейские майоры; обоим им пожалованы золотые медали и по тысяче рублей каждому^[339].

Со вступлением Мансурова в Яицкий городок многие казаки, считавшие себя почему-либо виновными, оставили свои дома и разбежались в разные стороны. С ними бежали и все те беспаспортные и беглые, которые находили всегда приют в Яицком городке. Приняв меры к поимке бежавших и вообще к очищению окрестностей от шаек мятежников, Мансуров сформировал небольшой отряд под начальством премьер-майора Муфеля и приказал ему очистить самарскую и бузулукскую дороги. От Малыковки же вверх по Иргизу до сызранской дороги поручил сделать то же самое гвардии поручику Г.Р. Державину, при котором состояла довольно значительная команда, присланная ему из Саратова^[340].

Донесение Мансурова об освобождении Яицкого городка не застало в живых главнокомандующего, А.И. Бибикова. Он получил только известия об освобождении Оренбурга и Уфы. «Поспешил бы я, всемилостивейшая государыня, – писал он^[341], – прибытием моим в Оренбург, если бы приключившаяся мне жестокая болезнь меня здесь [в Бугульме] не остановила, которую в такое изнеможение и слабость приведен, что не имею почти никакого движения, так что едва только могу приказывать находящемуся при мне генерал-майору Ларионову, который, повеления мои подписывая, в разные места рассылает и служит мне органом всемилостивейше возложенного на меня дела».

По мере того как отряд князя Голицына подвигался к Оренбургу, а генерал-майор Мансуров двигался по Самарской линии и очищались крепости, занятые мятежниками, главнокомандующий не имел надобности оставаться в Казани и признавал более удобным находиться вблизи действующих отрядов. Уезжая из города, А.И. Бибиков просил казанского губернатора фон Брандта вступить в управление частью Оренбургской губернии впредь до восстановления деятельности оренбургского губернатора Рейнсдорпа^[342].

Вместе с тем, понимая, что за разбитием мятежников и дальнейшим движением отрядов вперед могут в тылу их бродить еще небольшие шайки, главнокомандующий для окончательного успокоения края сформировал несколько небольших отрядов, составивших вторую, тыльную линию. Дождавшись прибытия в Казань генерала князя Щербатова, главнокомандующий поручил ему начальство над этими отрядами и возложил на обязанность его водворение окончательного спокойствия в районе его действий.

Выехавши из Казани, А.И. Бибиков прибыл в Кичуевский фельдшанец, где и оставался довольно долгое время, работая неустанно над распоряжениями

по отправлению войск и заготовлению для них продовольствия. «Здесь, кочуя на Кичуе, – писал он А.М. Лунину^[343], – ничего отраднее мне нет. Пишу только свободнее, никто мне не мешает, и пишу не покладывая рук. Хожу, когда перестану писать, как роженица, ожидая разрешения».

Задерживаемые зимнею непогодой и бездорожьем, войска подвигались вперед довольно медленно, и видимого успеха в усмирении восстания тогда еще не было заметно. «Куда как мне скучно, – писал главнокомандующий, – точная родильница на сносях».

Пребывание в Кичуе было далеко не привлекательно, и А.И. Бибиков в зимнюю пору жил почти на биваке. Обоз с его вещами не приходил, и главнокомандующий испытывал многие лишения в дурном и сыром помещении. Постоянно напряженное состояние духа, выжидательное положение, непрерывная работа днем и ночью, при самых дурных условиях, надломил здоровье А.И. Бибикова, и в конце марта он захворал. «Лихорадка, посетившая меня, – писал он Лунину 28 марта^[344], – мучит меня в сие время, и я неподвижно лежу в постеле». Лишь только болезнь ослабела и главнокомандующий почувствовал себя бодрее, он тотчас же переехал в Бугульму, но переезд этот не прошел ему даром. В Бугульме болезнь его настолько усилилась, что получаемые радостные известия о разбитии мятежников не могли уже восстановить расстроенного здоровья. При отсутствии опытных врачей А.И. Бибиков сознавал сам, что жизнь его близится к концу. «Si j'avais un seul habile homme, – писал он императрице^[345], – il m'aurait sauvé, mais hélas je me meurs sans vous voir». Через день после этого письма А.И. Бибикова не стало: он скончался 9 апреля, в двенадцать часов дня^[346].

Получив первые известия о серьезной болезни Александра Ильича Бибикова, императрица просила

князя М.Н. Волконского немедленно отправить из Москвы в Бугульму известного ей доктора Самойловича. «Снабдите его, – писала Екатерина^[347], – невзачет третним жалованьем, дабы не мешкав ехал к нему [Бибикову] и посмотрел, не можно ль как-нибудь восстановить здоровье, столь нужное в теперешних тамошних обстоятельствах сего генерала.

С нынешним праздником поздравляю вас и желаю вам проводить оного в радости, *а мне сокрушает весть сегодня полученная о болезни Бибикова*».

Письмо это было получено князем Волконским после известия о смерти главнокомандующего.

«Поистине, всемилостивейшая государыня, – писал он^[348], – преждевременная смерть сего генерала, а паче в нынешних обстоятельствах, делает потерю немалою; хотя положенное на него дело уже *и к окончанию пришло (?)*, но еще много остается, что делать. Я не могу без сердечного сокрушения подумать, как сей несчастный случай вас, всемилостивейшая государыня, огорчает. Всю здесь публику очень опечалило, а меня особливо наичувствительнейше поразило, будучи с ним всегда приятель и ныне в частой по делам переписке, я всегда его почитал достойным и надобным человеком к службе вашей и пользе отечеству. Человек был отменных качеств, генерал хороший, честный и бескорыстный».

Немногие из деятелей Екатерининского времени возбуждали к себе такое сочувствие при жизни и сожаление после смерти, какое досталось на долю А.И. Бибикова.

«О Бибикове я уже писал, – говорил Платон Любарский в письме Н.Н. Бантыш-Каменскому, – теперь нечего; ибо об нем или много, или ничего лучше не упоминать. О Бибиков! или бы он вечно жил, или уж его никогда на свете не было!»

Каждый начальник, как бы он ни был тяжел по своему характеру и нравственным качествам, всегда будет иметь среди приближенных таких лиц, которые будут сожалеть о его кончине. Неудивительно поэтому, что Г.Р. Державин написал оду на смерть Бибикова и что правитель канцелярии главнокомандующего, Бушуев, в своем письме к Державину сожалел об утрате начальника, но гораздо важнее свидетельство тех лиц, которые имели весьма редкое сношение с покойным или не знали даже его в лицо, а судили по тому впечатлению, которое кончина его произвела на общество.

«В прошлую среду, – писал сэр Роберт Гуннинг^[349], – двор получил весьма неприятное известие о смерти генерала Бибикова. Монархия и империя не могли никогда, особенно же в настоящую минуту, потерпеть более тяжелой утраты. Его известная честность, его искренний патриотизм и его обширные военные сведения подавали ему заслуженное право на доверие его государыни; лишь благодаря его благоразумным и своевременным распоряжениям успехам настоящего мятежа была столь быстро воздвигнута преграда».

«Весьма легко может случиться, – продолжал Гуннинг, – что смерть его снова возбудит дух инсургентов». И он не ошибся в своих предположениях. Смута затянулась почти на полгода, и, конечно, этого бы не случилось, если бы Бибиков оставался распорядителем по усмирению восстания.

Тело Александра Ильича, под прикрытием эскадрона карабинеров, было отправлено из Бугульмы в Казань и поставлено в приделе соборной церкви впредь до отправления, согласно завещанию покойного, водяным путем в костромское его имение^[350].

«Бедная жена и дети, – писала из Петербурга жена новгородского губернатора Якова Сиверса своему

мужу^[351], – остались в незавидном положении: у них нет состояния, как ты знаешь, а сверх того, долги».

То же самое писал и князь М.Н. Волконский императрице. «Но, – прибавлял он^[352], – вашего императорского величества милосердие – неисчерпаемый кладезь всем вашим верным подданным, по старинной пословице: за Богом молитва, а за государем служба не пропадает».

Екатерина пожаловала семейству А.И. Бибикова в Могилевской губернии, Оршинской провинции, местечко Копыс со всеми принадлежащими к нему деревнями и угодьями^[353]. Императрица очень сожалела о кончине Бибикова, и сожаление это было бы еще сильнее, если бы она не была занята возвышением нового любимца, на которого могла опереться и на деятельность которого могла положиться.

Беспрерывная борьба придворных партий и интриги, в которых династический вопрос играл не последнюю роль, заставили Екатерину приблизить к себе такого человека, который стоял вне этих партий, был ей предан, имел твердый характер и по своим дарованиям мог стать посредником между интригующими.

Таким лицом был генерал-поручик Григорий Александрович Потемкин.

Участник переворота 28 июня 1762 года и будучи в то время вахмистром конной гвардии, Г.А. Потемкин быстро пошел потом вперед и скоро стал лично известен императрице, как человек умный, острый, находчивый, энергичный и обладающий весьма твердым характером. «Вы умны, – писала ему Екатерина в одном из своих писем, – вы тверды и непоколебимы в своих принятых намерениях. Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих»^[354].

Пожалованный камер-юнкером вскоре после вступления Екатерины на престол, Григорий Александрович в августе 1763 года был назначен в

Синод за обер-прокурорский стол, «дабы он, – сказано в указе Синоду^[355], – слушанием, питанием и собственным сочинением текущих резолюций и всего того, что он к пользе своей за потребно найдет, навывал быть искусным и способным» к занятию места обер-прокурора. С этой целью в сентябре того же года была дана Потемкину особая инструкция или наставление, которым он должен был руководствоваться в новой его должности^[356].

С открытием заседаний комиссии для составления нового уложения Григорий Александрович явился представителем интересов инородцев. В семидесятом заседании, 3 декабря 1767 года, было заявлено в комиссии, что депутаты разных губерний, от татар и других иноверцев, «по той причине, что они не довольно знают русский язык, выбрали себе опекуном двора ее императорского величества камер-юнкера Григория Александровича Потемкина^[357].

Последний 22 сентября 1768 года был пожалован действительным камергером^[358], был частым собеседником Екатерины и настолько приятным, что возбудил ревность графа Григория Орлова и под разными предлогами был удален от двора.

По своим способностям, быстроте соображений и по природному уму Потемкин стоял выше большинства окружавших императрицу и искал себе успеха таким путем, который был непонятен для его соперников. «Судя по тому, что я о нем слышал, – писал сэр Роберт Гуннинг^[359], – он кажется знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем выпадает вообще на долю его соотечественников при той же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении».

Григорий Александрович понял, что удалением от двора, наружной холодностью и равнодушием к тем

лицам, вниманием которых дорожил, он скорее заслужит их расположение, и уже тогда расположение это будет гораздо прочнее, чем приобретенное лестью, поклонами и угодливостью. Почти за полвека ранее Г.А. Потемкин руководствовался тем правилом, которое высказано поэтом в стихе: *«Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей»*. Решившись на время удалиться от двора и искать славы на поле брани, он, с открытием военных действий с Турцией, просил о переводе вновь в военную службу, и 23 июня 1769 года императрица писала графу З.Г. Чернышеву: «Нашего камергера Григория Потемкина извольте определить в армию»^[360].

Переименованный в генерал-майоры, Потемкин тотчас же отправился в Молдавию и Валахию, под начальство фельдмаршала графа Румянцева, и при нападении турок на наш отряд при Фокшанах *«был виновник одержанной тут победы»*. Впоследствии он принимал деятельное участие в поисках на города Браилов и Журжу, а в кампанию 1770 г., при движении армии по левому берегу реки Прут, охранял с своим отрядом *«правую той реки сторону»*. Участвуя в сражении 17 июня близ деревни Гермишты, Г.А. Потемкин особенно отличился 7 июля в сражении при Ларге, где, командуя отдельным каре, он *«был из первых в атаке укрепленного там ретраншементу и овладении оным»*. Награжденный за это сражение орденом Св. Георгия 3-й степени, Григорий Александрович 21 июля находился в Кагульском сражении и своими действиями весьма много содействовал поражению турецкой армии. В этот день, *«по важности настоящей нужды и из лучшей надежды на его искусство»*, Потемкин был послан фельдмаршалом защищать обоз и провиантские транспорты от нападения многочисленных татарских орд, *«которые через то удержаны были от ограбления и*

от всякого предприятия на тыл армии». Получив за это дело всемилостивейшее удовольствие и признательность [\[361\]](#), Григорий Александрович вслед за тем находился при овладении Измаилом, а при взятии крепости Килии «имел первую часть в корпусе князя Репнина, был ему во всех сих победах помощником и споспешником».

В 1771 году, находясь с отрядом в Ванате Краиовском и отразив с успехом несколько нападений турок, генерал Потемкин первым переправился через Дунай и 5 мая овладел как городом Цимброю, так и неприятельской флотилиею, там находившейся. Затем, двигаясь через крепость Турно на соединение с корпусом князя Репнина, Григорий Александрович выдержал нападение превосходного в силах неприятеля, разбил турок и соединился с князем Репниным близ Бухареста.

По истечении срока перемирия, в 1773 году, и после разрыва мирного конгресса в Бухаресте Потемкин опять-таки первый открыл кампанию. В самое суровое время года он двинулся к Дунаю, переправился через реку, произвел целый ряд поисков и удержал тем турок у Силистрии и Туртукая. Летом того же года, когда главная армия подошла к переправе через Дунай и когда на противоположном берегу турки приготовились ее встретить на Гуробальских высотах, Потемкин с отрядом переправился 7 июня через Дунай и вместе с генералом Вейсманом, обходившим турок с противоположного фланга, разбил неприятеля, овладел всем его лагерем и всей артиллериею. 12 июня, подходя к Силистрии, он содействовал победе, подоспев на поле сражения с кавалериею и легкими войсками. Опрокинув неприятеля и преследуя бегущих, Потемкин «отнял весь лагерь и артиллерию всего турецкого корпуса, выведенного из города сераскиром Осман-пашою». Оставаясь у Силистрии, Григорий Александрович

командовал передовым отрядом, переносил «все наибольшие трудности и опасности», выбил турок 18 июня из передовых укреплений, и затем, когда предпринято было отступление, он, прикрывая переправу армии, последний перешел на левый берег Дуная.

Осенью 1773 года граф Румянцев, предпринимая действия за Дунаем и желая вместе с тем удержать значительную часть турок в Силистрии, избрал Потемкина начальником отряда, блокирующего эту крепость, как человека энергичного и с установившейся узко военной репутацией. «Со всей охотой, – отвечал Григорий Александрович^[362], – желаю я исполнить волю вашего сиятельства, и с радостью останусь, где угодно будет меня определить. Что касается до полков, то я бы желал Орловский, Козловский и Ярославский всегда с собою иметь, а прочие три куда прикажете; они хотя числом людей и велики, только я их не желаю. Я за тоlikое внимание наичувствительнейше благодарен вашему сиятельству».

Таким образом, всю осень этого года Потемкин провел со своим отрядом на острове против Силистрии. Несмотря на суровость погоды и убийственные климатические условия, он почти ежедневно бомбардировал крепость^[363], отражал вылазки и, «нанося туркам превеликий вред и страх, облегчал все те действия, что в глубь земли неприятельской за Дунаем, тогда посланными войсками от других частей, производимы были».

Находясь в таком положении, Григорий Александрович Потемкин совершенно неожиданно получил собственноручное письмо императрицы.

«Господин генерал-поручик и кавалер! – писала Екатерина^[364]. – Вы, я чаю, столь упражнения глазенъем на Силистрию, что вам *некогда письма читать*; и хотя я по сю пору не знаю, предупела ли ваша бомбардирада,

но тем не меньше я уверена, что все то, что вы сами предпринимаете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию *ко мне персонально* и вообще к любезному отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу *по пустому не вдаваться в опасности*. Вы, читав это письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие вам имею ответствовать: к тому, чтобы вы имели *подтверждение моего образа мыслей об вас; ибо я всегда к вам весьма доброжелательна*».

Зная образ мыслей императрицы, Потемкину, по свойственной ему проницательности, не трудно было понять, с какой целью было написано письмо, и он тотчас же отправился в Петербург. В январе 1774 года он прибыл в столицу, и как в то время императрица, против обыкновения, была в Царском Селе, то Потемкин и просил князя Орлова доложить ей о своем прибытии. В тот же день он получил ответ, что Екатерина желает его видеть. В пять часов пополудни следующего дня Григорий Александрович был приглашен во внутренние покои, и с этого момента началось его возвышение. Конечно, не без согласия Екатерины он 27 февраля передал Стрекалову следующее всеподданнейшее письмо:

«Всемилоостивейшая государыня! Определил я жизнь мою для службы вашей; не щадил ее отнюдь, где только был случай к прославлению высочайшего имени. Сие поставя себе простым долгом, не мыслил никогда о своем состоянии, и если видел, что мое усердие соответствовало вашего императорского величества воле, почитал уже себя награжденным. Находясь почти с самого вступления в армию командиром отдельных и к неприятелю всегда близких войск, не упустил я наносить оному всевозможного вреда, в чем ссылаюсь на командующего армиею и на самих турков. Отнюдь не

побуждаем я завистью к тем, кои моложе меня, но получили лишние знаки высочайшей милости, а тем единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь ли я в мыслях вашего величества меньше против прочих достоин? Сим будучи терзаем, принял дерзновение, пав к священным стопам вашего императорского величества, просить, если служба моя достойна вашего благоволения и когда щедрота и монаршая милость ко мне не оскудевают, разрешить сие сомнение мое пожалованием меня *в генерал-адъютанты вашего императорского величества*. Сие не будет никому в обиду, а я приму за верх моего счастья, тем паче, что, находясь под особливым покровительством вашего императорского величества, удостоюсь принимать премудрые ваши повеления и, вникая в оные, сделаюсь вяще способным к службе вашего императорского величества и отечества».

«Я просьбу вашу нашла столь умеренной, – отвечала Екатерина, – в рассуждении заслуг ваших, мне и отечеству учиненных, что я приказала заготовить указ о пожаловании вас генерал-адъютантом. Признаюсь, что и сие мне весьма приятно, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмом ко мне, а не искали побочными дорогами».

1 марта 1774 г. генерал-поручик Потемкин был назначен генерал-адъютантом.

«Во-первых, скажу вам весть новую, – писала Екатерина Александру Ильичу Бибикову^[365]. – Я прошедшего марта 1-го числа Григорья Александровича Потемкина, по его просьбе и желанию, к себе взяла в генерал-адъютанты; а как он думает, что вы, любя его, тем обрадуетесь, то сие к вам и пишу. А кажется мне, что по его ко мне верности и заслугам немного для него сделала, но его о том удовольствии трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человека совершенно довольного около себя вижу».

«При дворе, – писал граф Сольмс в депеше королю прусскому, – начинает разыгрываться новая сцена интриг и заговоров. Императрица назначила генерала Потемкина, недавно вернувшегося из армии, своим генерал-адъютантом, а это необыкновенное отличие служит вместе с тем признаком величайшей благосклонности, которую он должен наследовать от Орлова и Васильчикова. Потемкин высок ростом, хорошо сложен, но имеет неприятную наружность, так как сильно косит. Он известен за человека хитрого и злого, и потому новый выбор императрицы не может встретить одобрения».

Прибытие Потемкина в Петербург и быстрое его возвышение было совершенно неожиданно для многих, и даже для родных. Никто не подозревал о существовании переписки между им и императрицею, и когда Григорий Александрович заявил, что в армию больше не поедет, то первое время никто не мог объяснить причины тому. «На другой день рано (т. е. 1 марта) был у матушки вашей Дарьи Васильевны, – писал Потемкину Иосиф Сатин^[366], – и что вы мне изволили приказывать, что ваше превосходительство в армию не поедете и скоро пришлете за обозом курьера, докладывал. И как матушка, так зять ваш и сестрица сему случаю недомыслятся основания, к чему ваше удержание в Санкт-Петербурге назначено, то и меня о том с великим прошением спрашивали, чтоб я сказал, ежели знаю; но мне, не зная, сказать было нечего».

Скоро недоразумения разъяснились, и товарищи по армии спешили поздравить его с новым назначением. Одни ограничивались простым поздравлением, а другие присоединяли и просьбицу. «Так как все сказывают, – писал В. Левашев^[367], – что вы пожалованы генерал-адъютантом, то я вас с тем и имею честь поздравствовать от искреннего сердца и притом сказать, что я этому не очень рад, по причине того, что я

вас не буду видеть, живучи так далеко и имев так редкие способы ездить в Петербург. Я же скоро еду в армию: рассудите, каково ехать из Москвы мне, которому здесь очень весело и ехать не хочется; одним словом, ехать приходится. Однако, может быть, я уже так долго пишу, что вас и беспокою; для того и конец письму, желая только, чтоб вы меня любили по-старому и знали, что я, не шутя, ваш верный слуга».

На том же самом письме находилась приписка от Матвея Муромцева:

«Что я не пишу особого письма, то простишь, а присоединяю и мое поздравление при сем же письме от господина обер-повесы. Ты можешь себе представить, Григорий Александрович, сколько преданнейшие твои, между коими и аз многогрешный, обрадован твоему благополучию и сколько усердно поздравляю. Правда, что и я скажу вместе с Левашевым, что жаль, что не будем вместе. Вот, голубчик, ты и достиг к тихому пристанищу, да только наше дитяtko неуживчиво, чтобы опять военная кровь не взыграла!..»

На этот раз предположения Муромцева не оправдались, и Потемкин не думал о возвращении в армию. Новый любимец становился твердою ногою между интригующими партиями и постепенно приобретал все большую силу и значение. Две недели спустя после пожалования звания генерал-адъютанта Григорий Александрович Потемкин, 15 марта, был назначен подполковником лейб-гвардии Преображенского полка^[368]. Императрица была настолько занята возвышением своего фаворита, что в тот же день писала Бибикову^[369]: «Друга вашего, Потемкина, весь город определяет быть подполковником в полку Преображенском. Весь город часто лжет, но сей раз я весь город во лжи не оставляю и вероятие есть, что тому быть так. Но спросишь: какая нужда мне сие к тебе писать, на что отвечаю – для

забавы. Если бы здесь был, не сказала бы, но прежде нежели получишь сие письмо, дело уже сделано будет. Так не замай же: я первая вам скажу; меня уверяют, что оно вам не противно, а кто уверяет, не скажу».

Назначение подполковником ясно указывало всем на прочность положения Г.А. Потемкина, и искателей его покровительства явилось еще более. М. Муромцев просил дать ему место и избавить от службы в Генеральном штабе^[370]; Иосиф Сатин – исходатайствовать пожалование ему в Полоцкой провинции староства Сыцкого; князь Юрий Трубецкой – устроить его так, «чтоб я жил с тобою поближе; сделай сие скорее и знай, что я, почтя и любя тебя безо всякой твоей степени, навсегда уже, конечно, чтить и любить тебя буду»^[371].

«Всеусердно, – писал князь Алексей Волконский^[372], – имею честь поздравить господина подполковника Преображенского полка, а притом от искреннего сердца желаю, чтобы господин полковник [императрица] к вам милостив был.

При сем прилагаю письмо, а притом и достойное вам в похвалу сочинение от общего нашего приятеля Н.Н. Папафило, который от радости вашего благополучия столь восхищен и весел, чтоб я желал, чтоб вы самолично его видеть изволили, тем паче, как он вас много любит.

Мыза моя Каменный Нос стоит праздно, а ежели ваше превосходительство в свободное время и иногда рассудите от дел успокоиться, то б я охотно тем служить вашему удовольствию почел бы за милость вашего ко мне благодеяния, о чем от меня и писано в Петербург».

Так искали расположения нового любимца не только бывшие его друзья, но и многие лица совершенно ему незнакомые. Потемкин получил несколько хвалебных стихов, прославлявших его подвиги и заслуги, и

императрица была права, говоря, что город был занят новым подполковником. Говор в столице еще более усилился, когда узнали, что прежний фаворит А.С. Васильчиков выехал из дворца.

«Г. Васильчиков, – писал Роберт Ганин^[373], – любимец, способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия своей государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками для того, чтобы овладеть тем и другим в высочайшей степени».

Обе партии: великого князя Павла Петровича, во главе которой стоял граф Никита Панин, и партия Орловых – были поражены и недовольны новым выбором. Зная, с одной стороны, энергию и самостоятельный характер Г.А. Потемкина, а с другой – «нерадение к делам тех лиц, с которыми ему придется встречаться», они предвидели, что дела пойдут иным путем, и предчувствия их скоро оправдались.

Понимая, что граф Н. Панин, по своей преданности и любви к великому князю, но защите его наследственных прав никогда не будет близок императрице, Потемкин счел для себя удобным перейти временно на сторону этой партии. «Перемена любимца, – писал граф Сольмс^[374], – по-видимому, не тревожит Панина. Напротив того, мне кажется, он доволен ею и надеется извлечь из нее некоторые выгоды. Более всего он рассчитывает на то, что это событие повлечет за собою падение Орловых и уменьшит влияние князя Григория Григорьевича на императрицу. Генералу Потемкину, при его молодости и уме, будет легко занять в сердце императрицы место Орлова, после коего она чувствует пустоту, которую не умел пополнить Васильчиков. Пока еще Потемкин не имеет ни доверия, ни партии, ни друзей. Если для приобретения тех и других он будет придерживаться графа Панина, то скорее будет хорошо, чем дурно. Очевидно, что с некоторого времени граф

Панин имеет вид более довольный, чем прежде. Он стал смелее говорить о тех предложениях, которые намерен сделать императрице, и чаще бывает на ее частных беседах».

Оказывая более, чем прежде, внимания великому князю, Екатерина также льстила тем графу Никите Панину, довольному всем тем, что способствовало уменьшению власти Орловых.

«Не думаю, – писал Гуннинг^[375], – чтобы граф Захар Чернышев испытал подобное же удовольствие, увидя в таком положении человека, настолько превосходящего его в хитрости и ловкости».

Неудовольствие графа Чернышева усилилось, когда, 5 мая, Потемкину повелено было заседать в Государственном совете^[376]; 30 мая он был назначен помощником графу З. Чернышеву в звании вице-президента Военной коллегии^[377], а 31 мая – генерал-губернатором Новороссийской губернии и войск там поселенных главным командиром^[378].

Быстрота, с которою возвышался Потемкин, и милость к нему императрицы вызвали протест со стороны князя Г. Г. Орлова и его партии. По поводу последних назначений между Екатериной II и князем Орловым «произошло нечто более простого объяснения, а скорее горячее столкновение», после которого Орлов был так расстроен, «как еще никогда не видали»^[379].

Дело его было проиграно, и князь Орлов решился удалиться от двора: он просил об увольнении его на пять недель в деревню. 6 июня он получил это разрешение, и в тот же день граф Захар Чернышев объявил Военной коллегии высочайшее повеление, чтобы Г.А. Потемкин был зачислен в штатном воинском армейском списке^[380].

Отпуская Орлова, Екатерина писала Потемкину^[381]: «Только одно прошу не делать – не вредить и не

стараться вредить князю Орлову в моих мыслях, ибо я сие почту за неблагодарность с твоей стороны. Нет человека, которого бы он более мне хвалил и, по-видимому мне, более любил и в прежнее время и ныне до самого приезда твоего, как тебя; а если он свой порок имеет, то ни тебе, ни мне непригоже их расславить. Он тебя любил, а мне они друзья – я с ними не расстанусь».

В конце июля Г.А. Потемкин был назначен начальником всей легкой кавалерии и иррегулярных войск^[382]. Будучи вице-президентом Военной коллегии и пользуясь полным доверием императрицы, он был единственным докладчиком по военному министерству. Устранение от наиболее важных дел графа Захара Чернышева заставило последнего просить об увольнении его от звания президента Военной коллегии и от прочих должностей.

«С сожалением, – писала Екатерина графу Чернышеву от 23 августа^[383], – усмотрела я из письма вашего, что ослабевающие ваши силы препятствуют вам по известной ревности и усердию к службе продолжать оную с надлежащим рачением и вниманием – суть причиной, побуждающею вас желать и просить увольнения вас от должности президента Военной коллегии и от прочих комиссий.

Снисходя на сие, я приказала послать о том указ в Сенат, с которого прилагается здесь точная копия^[384]. Согласно же с прочим в письме вашем изложенным поручаю вам, как назначенную вам дивизию, так и в управление ваше обе Белорусские губернии с надеянием, что вы, по мере ваших сил, не оставите иметь об оных надлежащее старание и попечение. Для поправления же вашего здоровья дозволяю вам находиться в тех местах Империи нашей, где вы для того за полезное усмотрите».

С увольнением президента Военной коллегии Г.А. Потемкин стал полным распорядителем по военной

части и забрал в свои руки большую часть распоряжений по усмирению восстания.

Глава 11

Назначение князя Щербатова командующим войсками, действовавшими против Пугачева. - Рескрипт императрицы князю Щербатову. - Разделение секретной комиссии на две части. - Состояние края. - Действия войск. - Преследование калмыков. - Деятельность князя П.М. Голицына. - Наступление отрядов Тимашева, генерала Фреймана и подполковника Михельсона.

Находясь в Казани и получив 11 апреля известие о кончине Александра Ильича Бибикова, генерал-поручик князь Щербатов, как старший из начальников, на другой же день выехал в Бугульму. «Едучи по почте в кибитке, – писал он впоследствии^[385], – по чрезвычайной в здешнем краю дороге, не в состоянии был больше переехать в двое суток 70 верст».

На берегу реки Камы князь Щербатов встретил походную канцелярию покойного главнокомандующего, которая с большим трудом и опасностью переправилась через реку. Видя невозможность переправиться через реку Каму, князь Щербатов возвратился в Казань, где и решил ожидать распоряжений о назначении нового главнокомандующего.

Последние донесения из-под Оренбурга, победы, одержанные повсюду правительственными войсками, и, наконец, известие, что Пугачев бежал из Берды с весьма незначительным числом своих сообщников, убеждали правительство, что дело самозванца проиграно, что сила его уничтожена и что для окончательного подавления мятежа остается успокоить население и переловить мелкие шайки, бродившие еще по разным местам края, но не имевшие между собой общей связи и единства.

Для такой цели, конечно, не было никакой надобности назначать главнокомандующего, облеченного обширной властью, такой, какой пользовался А.И. Бибиков, а достаточно было назначить начальника над войсками и предоставить губернаторам, каждому в своей губернии, усмирить население и, при содействии войск, привести его к покорности и повиновению.

Исходя из этой точки зрения и все еще не сознавая хорошо, в чем сила самозванца и где ее источник, правительство так и поступило.

«Через донесение ваше известились мы, – писала Екатерина II князю Щербатову^[386], – как о смерти генерала Бибикова, так и о воспрнятой вами по нем, в качестве старшего военачальника, главной команде над войсками, предводительству его вверенными. До получения впредь от нас новых повелений, поручаем мы вам принять между тем главную над сими войсками команду и вести по тем же самым основаниям, кои от покойного генерала Бибикова толь благоразумно и удачно распоряжения были, дабы инако не остановить течение и исполнение всего дела. Но как порученная покойному Бибикову комиссия в рассуждении переменившихся ныне обстоятельств в гораздо лучшее положение приведена, то находим мы за нужно предписать вам к руководству вашему на первый случай следующее: 1) чтоб вы продолжали неусыпно поражения и преследование бунтовщиков, вооруженно воюющих, и не пропускали их в околичные губернии, а притом по крайней возможности старались приводить в повиновение отложившуюся чернь; 2) чтоб вы в постановлении нужного устройства с повсеместной тишиной предоставляли, однако же, губернаторам, каждому в его губернии, яко истинному оные хозяину и состоянию людей и нравов лучше знающему, главнейшее попечение по собственному каждого в своей части лучшему усмотрению; 3) чтобы для сего беспрестанное

имели вы сношение с окрестными губернаторами и по их требованию подавали им воинскую помощь, не теряя из вида главного вашего предмета, в первом пункте описанного, требуя взаимно и от губернаторов их способствование вашим делам там и тогда, где того истинная польза службы нашей требовать будет; 4) чтоб вы строгими от себя грамотами требовали от башкирцев выдачи Пугачева, изъясняя им всю гнусность его злодейства и жестокость праведной им от законов мести, если они его укрывать станут, или же из своих рук упустят и не возвратятся добровольно в повиновение монаршей нашей власти, с обещанием напротив в сем последнем случае все милостивейшего от нас прощения им вины, а притом и награждение за поимку и выдачу злодея Пугачева, причинствовавшего толикому разорению и толикому пролитью невинной крови.

Мы ожидаем несомненно от вашей верности и усердия к службе нашей, что вы благоразумием вашим сделаете себя наивяще достойным как нашей монаршей милости, так и общего почтения.

Что принадлежит до производства по вверенному вам корпусу, оное долженствует теперь идти обыкновенной дорогой, почему и имеете вы при каждом случае о достойных представлять в те места, куда то следовать может. О чрезвычайных расходах имеет тоже разуместься, поколику на то времени доставать будет. Но для случаев оного несносящих определяем мы вам через сие из казанских доходов 5000 рублей, из коих и позволяем мы вам чинить нужные расходы, по собственному вашему усмотрению там, где нужно будет. На стол же определяем вам по 300 руб. в месяц, пока сия ваша комиссия продолжится».

Поручая князю Щербатову одно лишь командование войсками и преследование мятежнических шаек, императрица устранила его от всякого вмешательства в

гражданские дела и административные распоряжения. Последние она возложила на губернаторов казанского и оренбургского, предоставляя им производство следствия над захваченными мятежниками, утверждение приговоров и приведение их в исполнение^[387].

Таким образом, вместо одной были образованы две секретные комиссии, одна в Казани, а другая в Оренбурге.

«Обеим секретным комиссиям, – сказано было в высочайшем указе^[388], – по делам иметь сношение и друг другу помогать должно. Причем обеим секретным комиссиям рекомендуется, чтобы они, при следствиях, сколь возможно от пристрастных расспросов воздержались».

В состав вновь образованных двух комиссий были назначены те же лица, которые находились в прежней, подчиненной А.И. Бибикову.

С разбитием мятежников под Татищевой крепостью и по освобождении Оренбурга от осады число захваченных участников мятежа было столь велико, что для производства следствия и суда пришлось образовать в Оренбурге особую следственную комиссию. В начале апреля 1774 года в Казани содержалось 169 колодников, тогда как в Оренбурге число их доходило до 4700 человек. Желая освободить Оренбург от такой массы арестантов, А.И. Бибиков отправил туда из Казани капитана Лунина и капитан-поручика Маврина, которые и должны были открыть действие секретной комиссии. С отъездом их в Казани остался один только Собакин, в помощь которому были отправлены капитан Волоцкой и прапорщик Горчаков, находившиеся в то время в Москве в распоряжении главнокомандующего князя М.Н. Волконского, для производства следствий.

Накопившееся в Первопрестольной столице значительное число арестованных по разным случаям

сообщников Пугачева и непрерывные допросы их затрудняли князя Волконского, и потому Екатерина II, собственно для допросов арестованных, отправила ему в помощь двух офицеров: лейб-гвардии Преображенского полка капитана Волоцкого и лейб-гвардии Семеновского полка прапорщика Горчакова. Императрица поручила князю Волконскому употреблять этих офицеров «при допросах по тайным делам, но с тем, чтобы ни малейшего истязания не делали»^[389].

«Я думаю, – писал при этом князь Вяземский^[390], – что когда об определении сем под рукой в городе узнано будет, то наложит оное некоторый род узды на злоречивые и болтливые языки. Для чего по совершенной моей к вашему сиятельству преданности не могу скрыть моего мнение, в том состоящего, чтоб вы, по получении сего рескрипта о присылке к вам по тайным делам гвардии офицеров, дали знать под рукой, якобы в дружеской откровенности, нескольким надежным людям, предохраняя только то, чтобы сие не имело вида, что разглашение о сем нарочно для страха распускается».

Капитан Волоцкой был в то время в Москве, а Горчаков приехал туда в половине марта, и тотчас же приступили к исполнению возложенного на них поручения. Арестованные прибывали ежедневно и в таком числе, что скоро в Преображенском не было уже места для их размещения. Большинство их принадлежало к числу «*вралей*», не принимавших непосредственного участия в возмущении, а распускавших слухи или передававших чужие рассказы по трактирам и кабакам. Таких арестованных, смотря по важности распространяемых ими слухов и рассказов, делили на две части: одних наказывали, а других освобождали, заставляя присягнуть на верность и отбирая особую подписку в том, что никогда не будут

сообщниками мятежников, а, напротив того, окажут им сопротивление и верность законному правительству^[391].

Вместе с тем, получив известие, что в некоторых местах Сибирской губернии рассеваются «злые слухи, толки и обольщение от самозванца»^[392], Екатерина признала необходимым вновь обратиться с словами увещания к населению, объятому мятежом, и 15 марта был издан манифест, напечатанный в числе 1200 экземпляров в два столбца: один гражданской, а другой церковной печатью^[393]. Императрица требовала, чтобы каждый удержался «не только от сообщений с ворами, но и ото всякого колебания, ибо таковых непослушных и присяге верности непомнящих людей склонность ни к чему иному не влечет, как к собственной их же гибели и к самой неминуемой изменникам казни, чего разбойничьи сволочи в весьма коротком времени, конечно, не избегнут».

Экземпляры этого манифеста были отправлены и к генерал-поручику князю Щербатову для употребления их по его усмотрению.

Князь Федор Щербатов поступил на службу в 1748 году и 30 июля 1771 года произведен в генерал-поручики. В прусскую войну он участвовал в сражениях при Цорндорфе, Пальцихе и Франкфурте; в первую турецкую войну он находился при взятии города Бендер. В 1771 году, при вступлении русских войск в Крым, он командовал отдельным корпусом, взял штурмом крепость Арабат, занял Керчь, Еникаль и затем оставлен был с своим корпусом для охранения Крымского полуострова^[394].

В конце 1773 года князь Щербатов был командирован в Казань в помощь А.И. Бибинову и после кончины его вступил в командование войсками, раскинутыми на огромном пространстве и занятыми преследованием мятежников по разным направлениям.

По занятии генералом Мансуровым Яицкого городка ставропольские и оренбургские калмыки забрали с собой жен, детей, скот и в числе до 600 кибиток бежали сначала к Самарской линии. Желая пробраться в Башкирию и соединиться с Пугачевым, они намерены были переправиться через реку Самару близ Сорочинской крепости. Находившийся в Сорочинске подполковник Милкович выслал на переправу 200 человек пехоты с орудием и не допустил калмыков перейти реку. Часть их покорилась, а остальные ушли в степь.

Предполагая, что калмыки все-таки будут стараться пробраться в Башкирию, князь П.М. Голицын приказал находившемуся в

Самаре с Бахмутским гусарским полком майору Шевичу прикрывать Самарскую линию, полковнику Шепелеву с отрядом, состоявшим из 600 человек с четырьмя орудиями^[395], выступить из Дюсметевой деревни к реке Ток, «по которой их бегу ожидать было должно», а для встречи их на новомосковской дороге были выставлены обсервационные отряды: в деревне Мустафиной капитана Квашнина-Самарина из роты гренадер, эскадрона изюмских гусар с двумя орудиями и в деревне Биккулово – отряд Ахшарумова из двух рот гренадер с тремя орудиями и небольшим числом иррегулярных легких войск. Для примечания же за движением калмыков в степи была выслана из Оренбурга небольшая партия из чугуевских казаков и каргалинских татар^[396].

Майор Шевич отправил в Сорочинскую крепость один эскадрон гусар, и лишь только он прибыл туда, как калмыки снова подошли к переправе. Командир эскадрона, капитан Хмелев, застал на переправе до 2 тысяч человек, увещевал их покориться, но когда они не послушали, то атаковал, захватил много пленных, скот и багаж. Успевшие переправиться через реку калмыки

бросились отдельными кучами к Новомосковской дороге, где у деревеньки Трай, на реке Токе, наткнулись на отряд полковника Шепелева и были 8 мая вновь разбиты с потерей 300 человек убитыми. От большого поражения калмыки спаслись только тем, что наступила ночь и они успели зажечь степь со стороны «веющего на нас ветра»^[397].

Преследуемые Шепелевым и считая высланную из Оренбурга команду за авангард значительного отряда, калмыки бросились к деревне Мустафиной, но и здесь были встречены 9 мая капитаном Квашниным-Самариным. Он преследовал их на протяжении 15 верст, захватил 140 человек в плен, отбил много скота, лошадей и три знамени. Лишившись более 200 человек убитыми, калмыки «разбежались по степи кто куда мог, ища себе спасение». Некоторые успели, однако же, перебраться за новомосковскую дорогу и бежать в Башкирию, а большая часть возвратилась на места своих кочевков и под предводительством своего начальника Дербетева нападала на селение по Самарской линии.

Для усмирения их генерал Мансуров отправил из Яицкого городка отряд под начальством майора Муфеля^[398]. Преследуя Дербетева с толпой около 500 человек, майор Муфель настиг его на реке Однодеревой, впадающей в реку Иргиз. Здесь он успел захватить до 200 кибиток и затем, перейдя в вершины реки Таловой, узнал, что Дербетев с толпой до 300 человек намерен пробраться в Башкирию.

Сформировав отряд из 30 драгун и 210 яицких казаков и поручив его артиллерии подпоручику Байкову, майор Муфель приказал ему преследовать Дербетева. Байков шел по его пятам с такой скоростью, что делал в сутки от 80 до 90 верст. Калмыки бросали на дороге усталых лошадей, верблюдов и даже жен, а сами старались укрыться в Иргизских вершинах. 23 мая подпоручик Байков настиг калмыков в Балабанских

вершинах, на реке Грязнухе, разбил их, захватил в плен 193 человека, в числе коих находился и сам Дербетев, который от полученной раны скоро умер^[399]. Отсюда Байков возвратился в Яицкий городок, куда за несколько дней перед тем пришел и Муфель с своим отрядом и с захваченными им 200 кибитками^[400].

Из Яицкого городка калмыки были отправлены с семействами и имуществом к Оренбургу под личный присмотр губернатора и назначение им места для кочевки по распоряжению командовавшего войсками князя Щербатова, в то время там уже находившегося^[401].

Получив 8 мая высочайший рескрипт о назначении главнокомандующим, с теми ограничениями, о которых мы сказали выше, и имея в виду, что в Казанской губернии «волнование народное совершенно прекращено и бывшие в предательстве – в законном повиновении находятся», князь Щербатов отправился в Оренбург^[402], куда и прибыл 18 мая^[403].

Между тем в Казанской губернии было вовсе не так спокойно, как доносил князь Щербатов. Правда, что в окрестностях Бакалов, Бугульмы и к стороне реки Камы мятежников не было, население возвращалось в свои дома и приходило с повинной^[404]. Но между Мензелинском и Осой мятежники бродили свободно, и местность эта находилась еще в состоянии полного восстания. Для уничтожения этих шаек казанский губернатор фон Брандт отправил секунд-майора Скрипицына с 60 человеками солдат и одним орудием и приказал ему ходить непрерывно между Мензелинском и Осой, водворить спокойствие среди населения^[405] и содействовать штернфервальтеру Берглину в преследовании мятежников.

Еще в начале апреля Берглин, посланный Башмаковым с Юговского завода, занял своим отрядом

пригород Осу, оставил там небольшой гарнизон, а сам двинулся на преследование башкирцев по реке Тулва^[406].

В восьмом часу утра, 9 апреля, в четырех верстах от села Крылова он был встречен толпой до 900 человек, которые после небольшой перестрелки обратились в бегство. Берглин продолжал движение, сжег башкирскую деревню Бичурино, переночевал в селении Елпачиха и двинулся к деревне Барда, служившей башкирцам притоном и местом сборища. Жители на лошадях и лыжах бежали в леса и горы, и, кроме небольшого числа скота, в деревне ничего не найдено. По непроходимости дорог от распутицы Берглин не пошел далее, предал огню деревню Барде и возвратился в Елпачиху.

Шайки мятежников отошли к северу и бродили по Пермской провинции.

«Чтобы злодейские поновлены могли быть мысли о всегдашней наших сил к поискам готовности», подполковник Попов с

отрядом выступил из Кунгура по направлению к Красноуфимску, где казаки волновались и не переставали выказывать открыто свое сочувствие к самозванцу и нерасположения к правительству^[407]. В половине мая красноуфимские казаки ожидали к себе Салавата, скитавшегося с своей шайкой за рекой Уфой^[408]. Обнадеживая казаков скорой помощью, Салават, однако же, не шел к ним, а 23 мая, вместе с отцом своим Юлаем и толпой в тысячу человек, напал на Симский завод. Переколовши до 60 человек жителей, разграбив церковь и фабрику, башкиры разрушили плотину, сожгли многие здания и направились к Катавскому заводу^[409].

Между тем князь Голицын, как только получил известие, что после победы, одержанной им у Сакмарского городка, Пугачев бежал в Башкирию,

тотчас же отправил воззвание, в котором требовал, чтобы башкирцы не присоединялись к самозванцу, а, напротив, старались его поймать и представить начальству.

«Я употребляю, – писал он графу З.Г. Чернышеву^[410], – все способы, чтобы побуждать к успехам, послал к ним лучших старшин, а между тем не оставляю взять должные примечание, чтобы удержать сей легкомысленный и обманчивый народ в должной верности».

Вместе с тем для преследования Пугачева и его толпы были сформированы два отряда: один под начальством генерал-майора Фреймана из одного батальона пехоты, роты гренадер, двух эскадронов Архангелогородского карабинерного, одного эскадрона Бахмутского гусарского полков, роты чугуевских и 100 яицких казаков с семью орудиями. Другой отряд под начальством подполковника Аршеневского состоял: из батальона легких полевых команд с восемью орудиями, эскадрона изюмских, эскадрона бахмутских гусар и 50 человек оренбургских казаков. Руководя обоими отрядами, генерал-майор Фрейман должен был наступать по уфимской дороге, а подполковник Аршеневский по новомосковской, и стараться, очистив от мятежников окрестности, привести население к покорности и порядку.

Отправив эти отряды 2 апреля из Сакмарского городка, сам князь Голицын с остальными войсками расположился в Сакмарске, Берде и Оренбурге^[411].

Получив известие, что Пугачев находится на Вознесенских казенных заводах, князь Голицын просил генерал-майора Станиславского собрать отряд из гарнизонов крепостей и преградить самозванцу путь до самой Верхнеяицкой крепости, о чем и сообщено коменданту этой крепости полковнику Ступишину. Коменданту Троицкой крепости бригадиру Фейервару и

находившемся около Челябин майору Гагрину приказано следить за действиями самозванца, и, наконец, в Воздвиженскую крепость отправлен отряд под начальством премьер-майора Наумова из двух полевых команд и 150 казаков^[412].

Сообщая подполковнику Михельсону, что действия его под Уфой много помогли «к разрушению главной и многочисленной толпы под начальством самозванца Пугачева», князь Голицын просил его усилить свою деятельность и поспешить с наступлением. Имея в виду, что город Уфа весной окружается со всех сторон водой, князь Голицын просил Михельсона не оставаться долго в этом городе, чтобы не лишиться себя средств к дальнейшим действиям.

«Таперича, – писал ему князь Голицын^[413], – первая нужда состоит в том, чтобы не дать сему государственному вору паки распространить свои силы, хотя он и бежал с малым количеством людей. Но как ослепленная чернь его лестью всегда обманута была, то и надлежит сей остаток искры, от большего пламя, вовсе утушить. Почему наусильнейшим образом рекомендую вашему высокоблагородию взять к тому должные меры, чтобы ваше пребывание в городе Уфе не напрасно могло быть. Усмиряйте бунтовщиков по сибирской дороге, как с другой стороны к рекам Белой и Инзеру... Наиглавнейшие ваши примечание должны быть, чтоб не пропустить злодеев пробраться к сибирским пределам, к чему и употребите все способы сделать сообщение с майором Гагриным».

Подполковник Михельсон и без побуждений князя Голицына торопился выступить, но удержан был на несколько дней в городе Уфе необходимостью исправить артиллерию, укомплектовать отряд зарядами и патронами, заготовить подводы для доставки за отрядом фуража и, наконец, устроить паромы для переправы через реку Уфу, «через которую, – доносил

он^[414], – мне ныне, пока лед не пройдет, никаким способом перейти невозможно».

Из Уфы он намерен был выступить к Симскому заводу, в котором находился Белобородов с толпой в тысячу человек и неподалеку от него Салават Юлаев с 3 тысячами башкирцев. Уничтожив эти сборища, Михельсон намерен был двинуться к Белорецкому заводу и «встретить там злодея Пугачева, если не пойдет к Верхнеяицкой крепости».

Наступившая распутица задерживала движения всех отрядов. Михельсон принужден был оставаться несколько дней в Уфе, а генерал-майор Фрейман, дойдя с своим отрядом до Табынска, также не мог двигаться далее за разлитием рек. Остановившись в Табынске и присоединив к себе отряд подполковника Аршеневского, он хлопотал о заготовлении продовольствия для отряда и собирал необходимые материалы для устройства паромов. В отряде его в это время находилось: два батальона пехоты с 14 орудиями, два эскадрона карабинеров, три эскадрона гусар, одна рота чугуевских казаков, 150 яицких и оренбургских казаков.

Желая прежде всего восстановить спокойствие в Оренбургской губернии, князь Голицын стягивал к себе все свободные силы и приказал прибывшему в Самару с пятью эскадронами Бахмутского гусарского полка майору Шевичу следовать в Оренбург, а полковнику Денисову, выступившему с 500 донских казаков с реки Медведица и находившемуся уже в Сызрани, следовать на Самару и далее также к Оренбургу^[415]. Генерал-майору

Мансурову поручено расставить посты вниз по правую сторону реки Яик до Гурьева городка, а по левому берегу реки Яик вверх до Татищевой крепости^[416]. Находившемуся в деревне Дюсметевой полковнику Шепелеву приказано было составить отряд не менее как из 600 человек пехоты и кавалерии,

отправить его к Стерлитамакской пристани и открыть сообщение с генерал-майором Фрейманом^[417]. Последний должен был следовать к Авзяно-Петровским заводам в то время, когда Михельсон, в отряде которого вместе с набранными им мещеряками было около тысячи человек, двинется к Симским заводам и далее к Саткинскому. А так как при одновременности этих действий необходимо было занять войсками левый берег р. Сакмара, то князь Голицын и сформировал особый отряд под начальством коллежского советника Тимашева.

«По усердной ревности к службе ее величества, – писал князь Голицын Тимашеву^[418], – к высочайшим ее интересам и к благоденствию отечества, ваше высокоблагородие, с достохвальной усердностью, объявили мне свое желание, что хотя пользуетесь спокойной жизнью, быв уволены по летам вашим и слабому здоровью от службы, но для восстановления из развратов и беспокойства, произведенных от самозванца и государственного вора Пугачева в башкирском народе, – себя представили к оному предприятию употребленным быть с деташементом легких войск.

А как я сведал от генерал-поручика, оренбургского губернатора Рейнсдорпа, что вы в продолжение оренбургской осады доказывали по разным случаям, сколь ваше усердие есть велико к общему благополучию; к тому же я известен, что башкирский народ особливой к вам доверенностью обязан, [то] будучи сими свидетельствами удостоверен, за полезное почел, к прекращению в тамошнем краю бунта препоручить в команду вашего высокоблагородия деташемент легких войск».

В состав отряда были назначены: 145 оренбургских казаков, 100 ставропольских калмыков, 65 яицких казаков и 200 каргалинских татар с четырьмя

трехфунтовыми пушками^[419]. Целью действий этому отряду было поставлено восстановление спокойствия между крепостями Воздвиженской и Зелаирской, и потому находившемуся в первой крепости с отрядом майору Наумову приказано было уделить часть легких войск Тимашеву и быть всегда готовым подкрепить последнего всем своим отрядом.

«По заочности, – писал князь Голицын Тимашеву, – я не могу предписать, куда точно следовать именно, но оставляю сие на благоусмотрение ваше и по совершенному знанию вашему как о тамошнем местоположении, так и обстоятельствах обратите себя туда, где более нужды будет с тем примечанием, чтобы обитающие башкирцы в оной окружности приведены были к должному повиновению».

Передавая Тимашеву несколько экземпляров воззвания своего к башкирскому народу, князь Голицын поручил ему брать в аманаты в селениях лучших старшин, «но ни малейших обид и притеснений» жителям не делать.

Приняв начальство над отрядом, Тимашев 23 апреля выступил из Оренбурга к Сакмарскому городку и из урочища Гребней отправил нескольких ему лично известных людей в башкирские селения для разведывания и приглашения башкир на службу. В Сакмарском городке Тимашев присоединил к своему отряду 62 человека казаков и 72 человека Чугуевского полка и отправил посланных на Авзяно-Петровский завод проводить, что там делается. Следуя далее вверх по реке Сакмаре и требуя, чтобы от каждого двора было выбрано и представлено ему по одному человеку с тремя конями, Тимашев 30 апреля пришел в Воздвиженскую крепость и взял у Наумова 45 человек драгун и 34 человека егерей^[420]. Сформировав таким образом отряд в 723 человека, с четырьмя орудиями,

Тимашев ринулся далее и через Никольский редут вступил в Чебаклинские горы.

В это время генерал Фрейман с своим отрядом приближался к Авзяно-Петровскому заводу. 5 мая он прибыл в деревню Каткову, но без обоза, брошенного в горах, «которые круты, высоки и дорога совсем негодная»^[421]. Через три дня, 8 мая, Фрейман занял Авзяно-Петровский завод, который нашел разоренным, а жителей бежавшими в горы. Приказчикам, «как людям весьма усердным»,

Фрейман приказал ехать в Табынск, «чтоб их здесь не убили», а найденные на заводе 13 пушек заклепал и бросил в воду. На заводе были найдены небольшие запасы сена, но ни овса, ни хлеба не было вовсе. Посланные для разведывания казаки успели захватить одного раненого башкирца, от которого узнали, что Пугачев направился к Магнитной крепости и намерен идти к Верхнеяицкой. «Отсель к Магнитной, – доносил Фрейман^[422], – ездят только верхом тропинкой, а другая дорога к Верхнеяицкой без мостов, которые водой снесены, тож гориста и в больших ущелинах лежит, почему и пойду через Белорецкий завод к Верхнеяицкой крепости».

Движения это происходило медленно и с огромными затруднениями: повозки обоза ломались, лафеты также. Половину обоза пришлось бросить на дороге, купить 14 лошадей вместо пришедших в негодность от изнурения и недостатка корма; впереди предстояла трудная переправа через реку Белую и движения более 40 верст Уральскими горами^[423]. Где находятся отряды Михельсона и Деколонга, генерал-майор Фрейман не знал, и его лазутчики сообщали ему неверные сведения.

Для обеспечения тыла Фреймана князь Голицын приказан капитану Рылееву, находившемуся с небольшим отрядом в Стерлитамакской пристани, занять Табынск и выслал из Оренбурга на уфимскую

дорогу полковника Хорвата с отрядом. «Сие нужно, – писал князь Голицын^[424], – для верной коммуникации с Уфой, а более, чтобы Уфимская провинция, по отдалению ныне из оной подполковника Михельсона, не оставалась без должного надзора». Полковнику Хорвату приказано принять начальство над отрядами: Квашнина-Самарина, находившегося в деревне Мустафино, Ахшарумова – в Биккулово и майора Евкина, стоявшего в Богульчанах с тремя ротами гренадер, эскадроном гусар и четырьмя орудиями. Наблюдая за населением в районе расположения подчиненных ему отрядов, полковник Хорват должен был поддерживать постоянную связь с отрядами, действовавшими в Башкирии, и в особенности с отрядом Михельсона.

Оставив в Уфе достаточный гарнизон^[425], подполковник Михельсон 24 апреля начал переправляться через реку на приготовленных паромов. Переправа эта производилась с большими затруднениями, и только на следующий день он мог собрать весь свой отряд в селении Богородском. Отсюда Михельсон двинулся по сибирской дороге к Симскому заводу, в семи верстах от которого стоял Салават с 3 тысячами башкирцев, а неподалеку от него, на Саткинском заводе, находился атаман Белобородов с 1000 человек и шестью орудиями. Он писал к Салавату и другим башкирским старшинам, чтобы они оставались верными государю и готовились его встретить.

Поставив главной целью своих действий разбить Салавата и Белобородова и не допустить их до соединения с Пугачевым, подполковник Михельсон сознавал, что это возможно лишь при быстроте действий. Но «нынешнее весеннее время, – доносил он^[426], – а особливо реки, из коих некоторые по большей части разливаются верст по семи и до десяти, делают немалую остановку». Кроме реки Уфы, Михельсону приходилось переправляться через реку Сим и

проходить по дороге, на которой было до 73 мостов, теперь снесенных водой и которые необходимо было восстановить. «Ежели через сие, – доносил он князю Щербатову, – моя экспедиция будет несколько мешкотна, то прошу ваше сиятельство меня милостиво извинить. Кроме сего неудобства, я должен буду везти с собой и на несколько дней фуража».

Это последнее обстоятельство представляло немаловажные затруднения, если сказать, что при тогдашнем времени года Михельсону приходилось пройти болотное пространство в 90 верст длиной. «От худой дороги, – доносил он^[427], – почти вся моя артиллерия переломалась, а ныне, приближаясь к р. Сим, я имею новые остановки. Паромы хотя трудами высланной мной команды и сделаны, однако р. Сим разлилась столь широко, что две версты по той стороне вступили в лес, а в здешнюю сторону в одну версту». По произведенной рекогносцировке оказалось, что, не доходя перевоза и по ту сторону его, дорога столь дурна, что проехать конному невозможно. Для починки дороги были собраны окрестные крестьяне, но они на другой же день разбежались. Михельсон хотя и приказал собрать других, но, когда дорога будет исправлена, определить не мог. «Как скоро, – писал он князю Щербатову, – мне удастся из здешних болотных мест выбраться, то я надеюсь помощью Божией в непродолжительном времени исполнить повеление вашего сиятельства и в тамошних местах установить старую тишину».

Починив мосты и переправившись через реку Сим, подполковник Михельсон пришел 5 мая в селение Лемеши, где узнал, что Белобородов все еще стоит на Саткинском заводе, а Пугачев на Белорецком^[428]. 6-го числа Михельсон подошел к Симскому заводу. Находившийся вблизи этого завода Салават с 500 башкирцами вышел навстречу, с намерением занять

ущелья между горами и остановить движение отряда, но был отброшен авангардом и бежал к деревне Ераль (Юрал), назначенной местом сбора мятежников и находившейся в 16 верстах от завода. Михельсон занял Симский завод и, оставив в нем обоз, в ночь с 7 на 8 мая двинулся к селению Ераль (Юрал), где не нашел уже мятежников, и узнал от жителей, что они собрались в четырех верстах от деревни, на открытом поле, и там, в числе до 1500 человек, ожидают встречи. Двигаясь по указанному направлению, Михельсон скоро увидел неприятеля, расположившегося несколькими отдельными кучами, и приказал майорам Харину и Тютчеву атаковать их левый фланг, а сам направился против правого фланга, «Мы нашли, – доносил он^[429], – такое сопротивление, какого не ожидали: злодеи, не уважая нашу атаку, прямо пошли нам навстречу; однако, помощью Божией, при немалом от них сопротивлении были обращены в бегство». Рассыпавшись по полю, они были преследованы на протяжении 7 верст; спасаясь от преследования, многие башкирцы в запальчивости заскакали в болота и там погибли. На месте сражения они оставили более 300 тел, 17 пленных и 8 пушек. В отряде Михельсона было 8 убитых нижних чинов и ранены 2 офицера и 17 нижних чинов.

Оставаясь на поле сражения, Михельсон не мог определить направление дальнейших действий, главным образом потому, что не знал в точности, где находится наибольшее сборище мятежников. По сведениям, Пугачев оставил Белорецкий завод и пошел к Магнитной крепости, Белобородов также ушел с Саткинского завода, но куда – неизвестно; в окрестностях Симского завода бродил старшина Аника с 500 человек башкирцев, шедший на помощь Салавату, но опоздавший. «Не рассеяв шайки Аники, – доносил Михельсон^[430], – и не усмирив здешних башкир, коих может собраться тысячи с три, в здешних местах

должен буду обращаться несколько дней, пока все усмирю».

Получая сведения, что мятежники группируются преимущественно у Катавского завода, Михельсон двинулся в этом направлении, захватил по дороге много пленных и атамана Сидора Башина. На всем пути следования селения были пусты и жители выведены в горы по приказанию Пугачева и по принуждению башкирцев, «которые хотели заводы жечь». Повесив в «страх другим» атамана Сидора Башина, Михельсон объявил полное прощение всем тем, которые вернутся в свои дома, и сам занял Усть-Катавский завод.

Объявление подействовало на население: многие старшины не только явились с повинной, но Мендей Уразметев и Ильсигай Болтугаков обещали прислать в отряд столько людей, сколько успеют набрать [\[431\]](#). Михельсон привел всех явившихся к присяге, выдал некоторым охранные листы, а сам торопился выступить к Саткинскому заводу, так как получил верное известие, что Пугачев успел собрать толпу до 6 тысяч человек и захватил в свои руки Магнитную крепость.

Глава 12

Деятельность Пугачева после бегства в Башкирию. - Неизвестность, где он находится. - Волнения в Башкирии. - Появление Пугачева у Магнитной крепости и овладение ею. - Усиление мятежников. - Занятие ими Карагановой, Петропавловской, Степной и Троицкой крепостей. - Победа, одержанная Деколонгом у Троицкой крепости. - Приказ полковника Ступишина. - Энергическая деятельность Михельсона по преследованию Пугачева.

После неудачи под Сакмарским городком Пугачев с небольшим числом своих приближенных бежал в селение Ташлы, где и ночевал. Отсюда, по совету старшины Кинзи, самозванец отправился в Башкирию, собрал себе новую толпу и пришел на Вознесенский завод. Лишившись большей части своих сотрудников, составлявших так называемую «военную коллегию», он взял к себе в секретари казака Ивана Шундеева, а в понытчики Григория Туманова. Оба они сочинили от имени самозванца указы к башкирским старшинам и заводскому населению о наборе вооруженных людей и присылке их в стан государя. Указы были подписаны Иваном Твороговым и переведены на башкирский (татарский) язык Григорием Тумановым; на каждом из указов была приложена печать с плохим изображением мнимого императора Петра III и с его титулом^[432].

С подобными же указами были разосланы гонцы с требованием, чтобы население в окрестностях Челябинца и Чебаркуля готовило фураж и печеный хлеб для «персонального шествия его величества с армией»^[433]. Все эти распоряжения принимались населением

сочувственно, «и по тем указам, – показывал Творогов, – старшины и заводские приказчики давали людей охотно».

Пробыв в Вознесенском заводе двое суток и взяв в свою толпу всех годных к службе людей, Пугачев перешел на Авзяно-Петровский Демидова завод, а затем на Белорецкий завод, где и проводил всю святую неделю^[434].

В это время силы его состояли из толпы башкирцев, число которых определить трудно, и из 400 человек заводских вооруженных крестьян, взятых на заводах. На соединение к нему шел разбитый под Екатеринбург Наум Белобородов, успевший собрать по дороге значительную толпу мятежников. Прибыв в селение Верхние Киги и встретив там посланных Пугачева с указами, Белобородов выказал энергическую деятельность по формированию новых сил. Он разослал по разным направлениям, преимущественно в Кунгурский уезд, нескольких башкирских старшин и мещеряка Бахтияра Каныкаева и приказал им собирать войска и следовать немедленно на Саткинский Твердышева завод с ним на соединение. Туда же приказал идти и сотнику Коновалову, находившемуся с своей толпой в Кунгурском уезде.

«Напред сего, – писал Белобородов^[435], – данным от меня тебе, Коновалову, повелением велено собрать разбегшихся и прочих казаков, явиться к соединению в один корпус, только я тебя по сие время в наличии не имею. О сем определено из государственного военного корпуса к вам, Коновалову, послать сей ордер, и притом накрепко подтвердить, что как наивозможно, с получения сего, с имеющейся при тебе командой, следуй ко мне, Белобородову, в Саткинский завод для соединения, ибо и батюшка наш великий государь Петр Федорович изволит следовать в здешние края».

О том, где находился самозванец в конце апреля, ни Белобородов, ни главнокомандующий, ни отрядные начальники в точности не знали. Подполковник Михельсон доносил, что Пугачев находится на Авзяно-Петровских заводах^[436]. Князь Щербатов писал, что слух носится, будто он с башкирцами уходит за Урал^[437], а генерал-поручик Деколонг доносил, что 24 апреля он получил известие, будто бы Пугачев пришел в Усть-Уйскую крепость, находившуюся в 120 верстах от Троицкой и в 100 верстах от Челябины. Это известие поставило Деколонга, находившегося в селении Бродокалмацкое, в крайне тревожное состояние. «Хотя я при себе войск имею две полевые команды, – доносил он^[438], – но на такового злодея решиться при помощи Божией не оставлю, предоставляя здешние места судьбине Господней». Предполагая, что Пугачев имеет силы «отважные и отчаянные», Деколонг ожидал от самозванца «могутного» стремления на его войска и потому счел необходимым присоединить к себе легкую полевую команду, шедшую к Екатеринбург, и отряд майора Гагрина, находившийся в Челябинске.

«Что касается до Челябины, – доносил Деколонг, – которую по необходимости буде бы принужденно будет оставить, то как я прежними рапортами уверял и ныне повторяю: *сей город ничего не стоящий и нимало важного в нем не зависит, так как бы слобода себя содержит* и понапрасну войска в нем будут находиться». Находясь сам всего в 60 верстах от Челябинска, генерал Деколонг не двигался с места и, опасаясь, что Пугачев обрушится на него всеми своими силами, предписал майору Гагрина «к походу состоять в ежеминутной готовности»^[439].

За три дня перед тем Гагрин получил письмо полковника Василия Бибикова, в котором тот просил

передать защиту Челябинска генералу Деколонгу, а самому с отрядом идти на защиту Екатеринбурга^[440].

Гагрин решительно не знал, кого ему спасать. В окрестностях Екатеринбурга было все спокойно, полковник Василий Бибиков имел достаточные силы, чтобы не только защищать город, но и водворить спокойствие в окрестностях^[441]. Деколонг также располагал гораздо большими силами, чем Гагрин, у которого было всего 861 человек, считая в том числе и плохо вооруженных жителей. Не зная, как поступить, Гагрин спрашивал главнокомандующего: к кому ему идти на соединение: к Деколонгу или Бибикову? Или же оставаться в Челябинске до прибытия гарнизона^[442]. Настойчивые требования Деколонга заставили, однако же, майора Гагрина не ожидать решения главнокомандующего, и, имея в виду, что в окрестностях Челябинска «российский народ, кроме иноверцев, по пришествии в прежнее повиновение, состоит в должном порядке, тишине и спокойствии», Гагрин пошел на соединение с Деколонгом^[443].

Таким образом, Челябинск был опять предоставлен самозащите, а Деколонг 3 мая с тремя легкими полевыми командами двинулся к Чебаркульской крепости. Отсюда он прошел в Верхнеяицкую, где, оставаясь в течение нескольких дней, пропустил Пугачева, дал ему возможность выбраться из гор и вновь овладеть целым рядом крепостей.

Несколько недель, проведенных Пугачевым на Белорецком заводе, были употреблены им с пользой. Разосланные эmissары, указы и приказание самозванца подняли всю Башкирию. Собираясь вооруженными толпами в разных местах, башкирцы грабили селения, заводы и намерены были идти на соединение с самозванцем^[444]. Посланный для успокоения их

подполковник Лазарев доносил, что русские селения покорились, а башкирцы об этом и не думают^[445].

Князь Щербатов по прибытии своем в Оренбург отправил башкирцам увещание, в котором обещал полное прощение всем тем, которые оставят самозванца и придут в полное повиновение правительству.

«Знаком повиновение требую от них, – доносил он^[446], – дабы каждый старшина, собрав с своего ведомства, по возможности, некоторое число людей, присоединился с ними к войскам вашего императорского величества, для истребления как самого обольстившего их злодея, так и злых его сообщников. Между тем всем воинским командирам предписал, дабы каждый, требуя исполнение сего от находящихся по близости его старшин, приказал в виду своем производить сие собрание. Не повинующихся же захватывать и вместо их, по согласию народному, выбирать в сие звание других, более к должности подданного усердствующих».

Получив такое воззвание, башкирцы собрались было в нескольких пунктах на совещание и высказывали желание покориться, но прибывшие к ним посланные самозванца и его воззвание изменили их намерение. Сторонники Пугачева осуждали действия правительства, указывали на жестокость и варварства местных властей и грозили истязанием за теперешние беспорядки. Собравшиеся на совещание помнили хорошо, что в марте одному из пойманных в Карагайской крепости башкирцев комендант полковник Фок приказал отрезать нос, уши и на правой руке все пальцы. В таком виде оперированный башкирец был выпущен из крепости «для воздержание товарищей» и объявление им, чтобы прекратить буйство, «в противном случае жестокой казни не минуют»^[447]. Вожаки указывали также и на воззвания, обращенные к народу, в которых требовалась покорность и слышались только одни

угрозы и в будущем наказание. Одно из таких воззваний принадлежит коменданту Верхнеяицкой дистанции.

«Башкирцы, живущие около Верхнеяицкой дистанции! – писал полковник Ступишин^[448]. – Ведомо мне, что меж вами всякая дурость и шатание и вы ждете, что к вам придет от Оренбурга с великой силой оный вор и самозванец Емелька, который, будучи простым казаком и из самого подлого рода, дерзнул назвать себя государем Петром III и вам якобы великие милости обещает и *будете вы якобы жить без закона, как звери в поле*. Я вам говорю – тому не верьте и никаких милостей от вора не ждите; я вам говорю по долгу службы и присяге и по воле всемилостивейшей государыни нашей, от которой нам должно ждать милости, а не от вора. Оный Емелька, уверяю вас, скоро войсками ее императорского величества будет пойман и достойную по делам казнь примет, да все те, кто его слушает, также не жди себе пощады, все также казнены будут. Ее императорское величество прощает только тех, кто раскаяние приносит, а не нераскаянных злодеев.

Башкирцы! Я знаю все, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдет хоть какой слух, что вы, воры и шельмы, ждете к себе тех воров и им корм и скот и себе стрелы и оружие припасаете, то вы, шельмы этикие, готовьте этот скот, баранов и коров для меня с командой, ибо я, услышав что-либо о вашей шалости, тотчас на вас со всей моей командой из Верхнеяицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской крепостей пойду и с пушками, и тогда вы не ждите пощады: *буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома ваши, хлеб и сено подожгу и скот истреблю*. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете, и я вас очень хорошо знаю.

Сего числа около Верхнеяицкой пойман башкирец Зеутфундинка Мусин с воровскими татарскими письмами от злодеев, и ко мне оный башкирец приведен, и, хотя он немой, однако ж теми имевшимися у него воровскими письмами довольно приличается, и того ради я велел оные письма, при народном собрании, сжечь и сожжены от профоса, а тому вору-башкирцу велел я отрезать нос и уши и к вам, вора, с сим листом от меня посылаю.

Говорю вам, башкирцы, если впредь кто с такими письмами будет пойман, *велю пытаться накрепко, а также нос и уши отрежу*; знайте же то, воры, и ужасайтесь! Вы народ еще дикий и неразумный, и мне вас жаль, и я вам говорю именем ее императорского величества всемилостивейшей государыни нашей, что все те, кто будет верен и к злодеям не пойдет и на жительстве останется или даже хотя и был в злодейских толпах, но чистосердечное Богу и ее императорскому величеству раскаяние принесет, тот весьма помилован будет...

Башкирцы! Приказываю вам: если у вас есть какие татарские воровские письма, выдать их мне; хуже будет, если найду сам или сам за ними к вам приду; выдайте мне, если есть люди кто их вам разносит и вас мутит, тоже хуже будет, если приду сам этих воров искать, – не ждите пощады. Всего же лучше советую вам, кто из вас хочет быть благоразумен и истинным верноподданным ее императорского величества, тот явись ко мне в Верхнеяицкую в комендантскую с семьей и о своей верности заяви мне, и я по усмотрению или домой отпущу, или оставлю на время в крепостях и дам вам места, где кочевать, а неимущим и хлеба дам. Вы думаете, и злодеи вас учат, что у меня хлеба нет; мало ли чего злодеи ваши толкуют и письма свои воровские шлют, только вы пожалейте сами себя, свой живот и свои семейства, говорю вам толком.

Башкирцы! Ежели же вы, получив от меня лист, который мной сего числа по всем крепостям

Верхнеяицкой дистанции всенародно с барабанным боем объявлен, воровских писем и людей, с ними подосланных, не выдадите, или сами о покорности своей мне не заявите, то я с вами поступлю по власти мне данной и без всякой пощады. Знайте, кто из вас явится и о своей верности ее императорскому величеству заявит ложно, тот *по великом истязании* будет казнен.

Думайте! Срок башкирам, живущим близ крепостей, – три, а прочим – семь дней, иначе я буду с вами по-своему распоряжаться, как долг мой велит мне».

Хотя после такого воззвания и явилось к Ступишину 330 семей, но впоследствии башкирцы поддались влиянию вожаков и решились отстаивать права мнимого государя.

В Белорецкий завод стекались отовсюду новые толпы мятежников, приходили поодиночке заводские крестьяне, яицкие казаки, успевшие скрыться от преследования и пробравшиеся разными путями в Башкирию, приходили калмыки, сакмарские и красногорские казаки и проч. Словом, к началу мая Пугачев был окружен новой толпой от 4 до 5 тысяч человек. Считая себя достаточно сильным для того, чтобы вновь проявить свою деятельность, самозванец 2 мая выступил из Белорецкого завода по направлению к Верхнеяицкой линии, где его всего менее ожидали и где за малочисленностью гарнизонов он мог рассчитывать на более легкий успех.

Верхнеяицкая дистанция состояла из крепостей Верхнеяицкой, Магнитной, Карагайской и Кизильской. Во всех этих крепостях в январе 1774 года было до тысячи человек гарнизона и до 30 орудий^[449]. Главным пунктом всей дистанции был Верхнеяицк (ныне Верхнеуральск), в котором находился достаточный гарнизон, могущий оказать более сильное сопротивление. Пугачеву же нужен был успех легкий, ибо толпа его в это время

состояла преимущественно из плохо вооруженных башкирцев. Всякая неудача самозванца могла быть для него гибельной, тогда как успех в овладении крепостью мог привлечь на его сторону даже и то население, которое находилось в выжидательном положении. Поэтому Пугачев не решился идти на Верхнеяицкую крепость, отстоявшую всего в 50 верстах от Белорецкого завода, а избрал для того Магнитную, находившуюся ниже, в 70 верстах.

Предпринимая вновь наступательные действия и стараясь увеличить свои силы, Пугачев приказал башкирским старшинам прибыть к нему в Магнитную и атаману Белобородову с его отрядом идти к нему на соединение.

«Вчерашнего числа, – писала пугачевская коллегия Белобородову^[450], – к тебе указ послан о скором с своей командой и артиллерией прибытии к его императорскому величеству под Магнитную крепость. А сего числа присланные нарочно из Чебаркульской от полковника Михайловских казак Антон Чехунин с товарищем словесно его величеству донесли, что ты с командой при тебе уже проследовал в Кундравинскую... По сему указу наистрожайше определяется, с получения сего тот самый час выступить и секурсировать под Магнитную к его величеству в армию с имеющейся при тебе артиллерией, и по сему его величества указу чинить неупустительное исполнение, не подвергая себя неупустительному штрафу. Его величество из Белорецкой сего числа выступил и шествует в Магнитную».

Предав пламени Белорецкий завод и проходя по селениям, Пугачев отбирал всех годных лошадей, скот и запасы хлеба^[451]. С толпой около 5 тысяч человек он подошел 5 мая к Магнитной крепости и окружил ее со всех сторон. Бывший за коменданта капитан Тихановский встретил мятежников выстрелами и, при

содействии жителей и гарнизона, до вечера отбивал все атаки инсургентов. При всех усилиях Пугачев, не имея при себе артиллерии, не мог овладеть Магнитной и сам был легко ранен в руку. С наступлением ночи мятежники, разделенные на пять отрядов, подошли скрытно к заплотам, успели их разбить и в три часа утра 6 мая овладели крепостью, причем Тихановский с женой, священник и жена поручика Можайтинова были повешены^[452].

В Магнитной Пугачев оставался дня два и был усилен прибытием Белобородова с толпой и яицкими казаками, под начальством атамана Овчинникова. Последний, после поражения Мансуровым яицких казаков на реке Выковке, бежал с сотником Перфильевым и толпой в 300 человек сначала к Бугуруслану, а потом к Бугульме, где и прорвались на новомосковскую дорогу. Сделав, таким образом, кружной путь до 300 верст от Оренбурга, Овчинников и его сподвижники успели уйти в Башкирию. Посланные для преследования казаков команды не могли их нагнать, потому что казаки в каждом селении брали силой свежих лошадей, на которых и скакали день и ночь^[453]. Проходя по башкирским селениям, Овчинников и Перфильев распускали слух, что за ними идут несколько тысяч донских казаков и калмыков^[454].

Пугачев был чрезвычайно доволен прибытию своих старых сотрудников, приведших к нему 300 человек яицких казаков и до 200 человек заводских рабочих^[455]. Здесь же явились к самозванцу и вызванные им башкирские старшины. Он принимал их торжественно, стоя у палатки и окруженный знаменами. «На нем была парчовая бекеша, – говорит Верхованцев^[456], – род казацкого троеклина, сапоги красные, шапка сделана из покровов церковных, награбленных его приверженцами, большей частью раскольниками и яицкими казаками».

Пугачев обошелся с старшинами очень ласково и, зная их ненависть к русским, предоставил полную свободу разорять все крепости до основания, обещая, что в будущем вся земля в Башкирии будет принадлежать одним башкирцам и все русское население будет выведено.

Башкирцы широко воспользовались этим позволением. «Буйство сего народа, – писал впоследствии князь Щербатов^[457], – великие их по всей Башкирии собрание и явная преклонность к злодею Пугачеву, о чем отовсюду непрестанно приходящие известия подтверждают и что успели уже они во многих местах развить свои злодейства, выжегши некоторые заводы, убив в оных по несколько человек русских, и дерзают многие команды окружать, препятствуют мне, всемилостивейшая государыня, не только узнать, начало ли мое увещевание производить в них свое действие, но и получать рапорты как от дальних преследующих злодея деташементов, так и отряженных отсюда для обуздание сего ветреного народа».

В течение пятнадцати дней князь Щербатов не имел никаких сведений о действиях отрядов.

Между тем Пугачев захватил с собой 4 пушки, найденные в Магнитной крепости, и 8 мая выступил по направлению к Верхнеяицкой крепости, но неудачи под Татищевой и Сакмарским городком заставили его быть осторожным и избегать до времени встречи с правительственными войсками. Поэтому, подходя к Верхнеяицкой крепости и узнав, что там «сидит» Деколонг с отрядом, Пугачев обошел Уральскими горами и, уничтожая за собой все мосты и переправы, направился к Карагайской. Как эта, так и все остальные крепости, лежавшие на пути следования мятежников, находились почти в беззащитном положении и оборонялись ничтожными гарнизонами.

Падение Магнитной произвело большой переполох во всей окрестности, а движение самозванца внутрь Башкирии замаскировало его дальнейшие намерения. Многие думали, что он спустился вниз по Яику и пошел к Кизильской крепости. Коменданты Уртазымской, Таналыцкой, Орской и даже Озерной крепости просили помощи у князя Голицына, предполагая, что Пугачев, по всей вероятности, намерен вернуться к Оренбургу^[458]. С другой стороны, комендант Верхнеяицкой дистанции собрал к себе гарнизоны из Карагайской, Петропавловской и Степной крепостей, так что, когда Пугачев двинулся по этой линии, то он не встречал уже никакого сопротивления и почти беспрепятственно овладел ими.

«По всей Оренбургской линии, – доносил Деколонг^[459], – крепости, сколько я их видел, ни одна не имела земляного, ниже какого укрепления». Все они были большей частью обнесены полусгнившим деревянным заплотом, представлявшим весьма малое сопротивление. Бывшие в крепостях гарнизоны и жители в большинстве не имели оружия, а стоявшие на вооружении орудия не приносили вреда мятежникам». «Разбойничья сволочь, спешившись, – писал Деколонг, – когда фитиль наносится к выстрелу, тогда надаёт на землю, а по выстреле стремглав бежит к заплоту» и ломает его.

Подойдя к Карагайской крепости, Пугачев отправил Белобородова уговорить гарнизон не сопротивляться. Гарнизона в крепости совсем не было, потому что за несколько дней перед тем он был вызван в Верхнеяицкую крепость, а в Карагайской было несколько человек отставных, да и то очень старых и дряхлых, смотрителем над которыми был оставлен прапорщик Вавилов. Последний не считал возможным сопротивляться, и Пугачев занял крепость, взял в ней годные пушки, 1½ пуда пороха, сжег все строение и

провиант, который не мог взять с собой, и пошел далее^[460].

Точно так же поступил самозванец с крепостями Петропавловской и Степной, редутами Подгорным и Санарским. Казнив большую часть захваченных в плен офицеров, Пугачев «храмы Божии выжег, в образа святые от богоотступников стреляно, а другие ими и кашу варили».

19 мая самозванец овладел Троицкой крепостью. Комендант бригадир де Фейервар и 4 офицера были убиты, казна и имущество жителей разграблены. Мятежники злодействовали ужасно: жену Фейервара они привязали к лошадиному хвосту и таскали по улицам; многих солдат и жителей выстроили в шеренгу и перекололи копьями. Пугачев не решился оставаться долго в крепости, а предпочел остановиться в 1½ верстах от нее, чтобы в случае атаки правительственными войсками иметь все средства к побегу. Он знал, что столкновение неизбежно и что по следам его идет Деколонг с своим отрядом. Но как самозванец, писал последний^[461], «проклятые свои силы имеет конные и несказанную взял злобу, но причине полученного себе, будучи при атаке Магнитной крепости, в руку блесирование [ранение], так скоро свой марш расположил, что я не мог уже его тут [в Карагайской] застать».

Уничтожения мятежниками запасов и мостов на дорогах заставило Деколонга отказаться от следования по этому пути, и, поворотив на Уйскую крепость, он пошел через Самарский редут прямо к Троицкой крепости, где и настиг Пугачева. В Самарском редуте он нашел множество брошенных здесь пленных, захваченных Пугачевым в пройденных им крепостях. Жены и дети офицеров были в таком состоянии, «что оных отличить от деревенских самых подлых стряпушек, поутру около печей обращающихся», было невозможно.

Большая часть их была босиком и покрыта рубищем. Оставленные без пищи и крова, лишившиеся мужей и отцов, повешенных самозванцем, пленные, число которых доходило до 3 тысяч человек, возбуждали такое к себе сочувствие, что тотчас же были разобраны солдатами, накормлены, напоены и по возможности прикрыты. Бедствия и лишение, испытанные ни в чем не повинными женщинами и детьми, возбуждали в солдатах ненависть к мятежникам, и, несмотря на то что отряд, со дня выступления 15 мая из Верхнеяицкой крепости, двигался форсированными маршами, делая в сутки по 60 и более верст, Деколонг решился атаковать Пугачева, стоявшего в 1½ верстах от Троицкой крепости с толпой до 10 тысяч человек.

В семь часов утра 21 мая Деколонг подошел к лагерю мятежников и был встречен сначала огнем из орудий, а затем Пугачев атаковал отряд всеми своими силами. Атака многочисленной, но нестройной толпы не имела успеха, и, лишь только Деколонг успел оправиться от первого впечатления атаки и перешел в наступление, инсургенты, по преимуществу башкирцы, тотчас же обратились в бегство. Сам Пугачев бежал с несколькими казаками и был преследован поручиками Петром Беницким и Иваном Борисовым с казаками и драгунами. Беницкий находился уже шагах в пятнадцати от самозванца, но тот ехал на свежей лошади, а лошади преследователей были измучены, и погоню пришлось прекратить [\[462\]](#). Раздробившись на мелкие партии, мятежники бросались по разным дорогам. Майоры Гагрин и Жолобов преследовали их столь энергично, «что лежащих мошеннических трупов на четырех слишком верстах перечесать было невозможно». Здесь Пугачев лишился своего секретаря казака Ивана Шундеева и понытчика Григория Туманова. Самозванец потерял, по донесению Деколонга, 28 орудий, 4 тысячи убитыми и 70 человек пленными;

у него отбито 3663 человека разного звания людей, в числе коих были женщины и дети, захваченные мятежниками в пройденных ими крепостях. Сверх того, был захвачен огромный обоз с награбленными вещами, «из которого войска, что кто мог захватить, *сытно воспользовались* за свои труды и усердность к службе ее императорского величества»^[463].

Пугачев скрылся. Куда он бежал и где появится вновь – было неизвестно. Начальник Верхнеяицкой дистанции, полковник Ступишин, разослал повсюду гонцов с приказанием, чтобы коменданты подчиненных ему крепостей готовились к обороне. Он отправил к ним копию с следующего приказа, отданного им на другой день после поражения мятежников под Троицкой крепостью.

«Военнослужащие и жители Верхнеяицкой крепости! – писал полковник Ступишин^[464]. – Божиим попущением и в казнь за грехи наши и наше нераскаяние посылаются велением Божиим на нас: напрасная смерть, потопы, глады и губительства, как сказано в Св. Писании, и ныне все сие над нами ясно совершается.

Небезызвестно всем верноподданным ее императорского величества всемилостивейшей государыни нашей жителям Оренбургской губернии, как то явствует из прежде распубликованных указов, объявленных всенародно в церквах и читанных публично в городах и крепостях, что злодей вероотступник, беглый колодник и раскольник донской казак Емелька Пугачев, выдав себя за блаженные и вечно достойные памяти в Бозе почившего государя Петра III, возмутил сначала яицких казаков, забывших Бога и страшного Его суда прощение и приставших к тому злодею самозванцу, вероотступнику Емельке».

Говоря, что Пугачев потерпел поражение под Оренбургом, скрылся в Башкирию, возмутил туземное

население, Ступишин прибавлял, что теперь самозванец намерен идти по Уральской линии побрать крепости, «а жителей перебить, а которых вместе с землями киргизам отдать».

«Злодей Емелька манит многих обещаниями, но кто же, – спрашивал Ступишин, – помня Бога и присягу, поверит ему, oprичь таких же воров, вероотступников, шельм, как он сам. В здешних, Оренбургской губернии, городах и крепостях немало есть, как от шляхетства, так и солдатства, особливо проживающих в отставке, которые служили в Петербурге в лейб-гвардии полках и блаженной памяти императора Петра III помнят, да и того вора Емельку видали и под присягой говорили, что Емелька вор и самозванец.

Если Божиим попущением он, вор, злодей Емелька, придет к Верхнеяицкой крепости, станем все от мала до велика, *кто в силе поднять хоть камень*, а живыми не дадимся в руки злодея, не дадим ему ругаться храмом Божиим, женами и детьми нашими.

Первый умру за веру и государыню я, комендант, и все мои подначальные офицеры; надеюсь, что не постыдят себя за начальными людьми и солдаты.

Будем живы, отразим злодея, и наградит нас Бог и ее императорское величество, а погибнем – то яко мученики обретем венец нетленный. Оружия у нас довольно, свинцу и провианту тоже, солдаты молодцы. Кто из жителей хочет оружия, требуй пороха и свинца из комендантской канцелярии. Между нами, как от солдат служащих и отставных, нет изменников и трусов, а если такие есть – я не держу, иди в вечную гибель и к злодею Емельке, только назад такого не приму и с повинной, а по власти мне данной таковой злодей будет весьма лишен живота.

Предписываю воинским начальникам и жителям вверенной мне дистанции крепко смотреть за ворами-башкирцами и киргизами, приезжающим будто бы на

торг, не переметчики ли они и нет ли у них каких воровских писем? Бude каковые окажутся, то брать и представлять в комендантскую канцелярию.

Ордер сей прочитать по ротам и капральствам и объявить по Верхнеяицкой крепости и прочим крепостям с барабанным боем».

Спустя несколько дней было получено известие, что рассеянные под Троицкой толпы мятежников вновь соединились, и Пугачев с большей частью своей толпы ушел по челябинской дороге на Нижне-Увельскую слободу, которую разграбил и выжег до 90 дворов. Преследуемый майорами Гагриным и Жолобовым, отправленными по дороге к Чебаркульской крепости, Пугачев проскакал через Кичигинскую крепостцу, захватил там 50 казаков и направился к Коельской крепости, где наткнулся на отряд подполковника Михельсона^[465].

Прибыв в Саткинский завод 15 мая и узнав о приближении Пугачева к Коельской крепости, Михельсон 16-го числа выступил прямой дорогой к вершинам реки Яик, желая выйти навстречу самозванцу, – и 17 мая остановился неподалеку от Уральских гор, в вершинах реки Ай, в 70 верстах от Саткинского завода. Отсюда он выслал разъезды для получения сведений о неприятеле, от которых узнал, что в семи верстах от отряда, в глубине гор, стоит толпа башкирцев до тысячи человек. Выслав авангард, Михельсон двинулся вперед и скоро заметил, что башкирцы, спешившись, расположились по высотам и намерены задержать отряд в тесном проходе. Не желая атаковать неприятеля в лоб, Михельсон отправил в обход горы 150 человек кавалерии, и лишь только она показалась в тылу неприятеля, он перешел в наступление с главными силами. Принятые в два огня, башкирцы дрались отчаянно. Под защитой кольчуг и лат, сделанных из заводской жести, мятежники

бросались на отряд «с великим бешенством», но должны были уступить регулярным войскам и, потеряв до 300 человек убитыми, оставили свою позицию и рассыпались в разные стороны. Лишившись 18 человек убитыми и 45 человек ранеными^[466], сам Михельсон приписывал столь значительную потерю упорству, с которым дрались башкирцы. «Живых злодеев, – доносил он^[467], – я едва мог получить два человека, из забежавших в озеро. Каждый из сих варваров кричал, что лучше хочет умереть, нежели сдаться. Я не могу понять причины жестокосердия сих народов. Злодей Пугачев оных хотя и уверил, что будут все переведены [истреблены], однако, чтоб им показать противное, я не только каждого, который ко мне попадался, оставлял без всякого наказания, но и давал им несколько денег и отпускал оных с манифестами и увещаниями в их жилища».

Очистив себе путь горами, Михельсон в тот же день прибыл в Кундравинскую слободу. Здесь он узнал о разбитии Деколонгом самозванца под Троицкой и о бегстве Пугачева по линии. На другой день, пройдя верст 20, Михельсон, лишь только стал выходить из леса, близ деревни Лягушиной, как увидел, что на поляне верстах в пяти от отряда стоит толпа мятежников не менее как в 2 тысячи человек. «Я имею известие, – писал он^[468], – что

Пугачев разбит, никак себе не мог представить, чтоб сия толпа была Пугачева, а более думал, что идет корпус генерал-поручика Деколонга, почему и послал разведать, а сам, выбрав по выходе из леса удобное место, построился к бою».

Мятежники бросились на высланные разъезды, и вся толпа их стала приближаться к отряду, огибая его левый фланг. Михельсон повернул свой фронт налево и, имея в строю всего 500 человек регулярных войск, должен был отделить некоторую часть для прикрытия обоза, больных и раненых. Едва успел он переменить фронт и

стать лицом к неприятелю, как инсургенты, наполовину спешившись, бросились на орудия «и невзирая на сильный урон, ударили в копья, однако нашими штыками были приняты хорошо». В это время Пугачев с своей конницей атаковал левый фланг Михельсона и смял бывшую там иррегулярную иноверческую команду. Считая себя победителями, мятежники бросились врассыпную на обоз, чем и воспользовался Михельсон. Став во главе эскадрона изюмских гусар, он лично повел его в атаку и приказал сделать то же и всей остальной кавалерии. Одновременная атака в разных пунктах и налет Михельсона на самого Пугачева и окружавших его яицких казаков решили дело. Самозванец бежал одним из первых, а его примеру последовала и вся толпа, преследуемая Михельсоном более 15 верст. Мятежники потеряли до 600 человек убитыми и около 400 пленными, преимущественно из заводских крестьян. Они лишились единственной своей пушки, продовольственных припасов и обоза, в котором была найдена голубая лента установленного Пугачевым ордена, которую он надевал на себя в торжественных случаях^[469]. Переночевавши на месте сражения и предполагая, что Пугачев снова бросится на заводы, чтобы набрать там ополчение и соединиться с башкирцами, Михельсон ринулся к Чебаркульской крепости, куда, по следам самозванца, следовали также отряды майоров Жолобова и Гагрина.

Узнав в Чебаркуле, что Пугачев находится в 20 верстах за рекой Коельгой, и желая окружить его со всех сторон, Михельсон просил Жолобова и Гагрина продолжать движения, а сам повернул на Златоустовский завод. Таким образом, если бы самозванец повернул в правую сторону к Кыштымскому заводу, то он натыкался на отряд Деколонга, в левую сторону – на отряд Михельсона; позади же себя имел отряды Жолобова и Гагрина. Будучи охвачен с трех

сторон, доносил Михельсон^[470], «злодей останется у нас в середине и к одному или другому из нас попасться должен».

Следуя к Златоустовскому заводу, Михельсон 25 мая наткнулся в лесу на башкирские коши, увещевал их отстать от самозванца и, оставив их в покое, обещал 10 тысяч руб. тому, кто поймает Пугачева. Двигаясь далее, отряд остановился на ночлег, в 7 верстах от Златоустовского завода за горами, и узнал, что на завод приезжало человек 100 яицких казаков набирать ополчение и объявляли, что Пугачев с 2 тысячами человек идет на Саткинский завод, где его ожидает значительная толпа башкирцев под начальством Салавата. Михельсон тотчас же повернул на Саткинский завод, куда и прибыл на рассвете 27 мая. Там было действительно большое сборище башкирцев, но при появлении отряда они стали быстро отступать. «Хотя, – доносил он, – более 20 верст отряженным мной майором Хариным и были преследованы, однако догнать их было невозможно. По следам видно было, что они чем далее, тем более рассыпались, и напоследок след пропал». Башкирский старшина Анчигул с 500 человек направился к деревне Киги, на кунгурской дороге, а Салават с толпой до тысячи человек, – на Симский завод, который был разграблен, весь выжжен и до 102 человек жителей умерщвлено. По дороге к Симскому заводу Салават распускал слух, что Пугачев разбил Михельсона, и обещал 300 рублей награды тому, кто доставит ему последнего^[471].

На Саткинском заводе Михельсон узнал, что, вопреки уверению и обещанию Деколонга, отряд Жолобова не пошел к Кыштымскому заводу, а повернул к Чебаркулю и Кундравам и, найдя их разоренными и выжженными, пошел к Челябине.

Жолобов говорил, что пересеченная дорога и переправы через две реки заставили его отказаться от

движения к Кыштымскому заводу, а между тем такое изменение в направлении отрядов дало возможность Пугачеву почти о бок с войсками, усилиться, произвести новые грабежи и разорения.

Сожалая о такой бездеятельности войск Деколонга и не имея никаких известий о действиях отряда князя Голицына, Михельсон решился преследовать Салавата и двинуться на Красноуфимск, «дабы в случае, ежели бы Пугачев, – писал он, – сверх моего чаяния вновь мог усилиться, я был бы в состоянии его встретить, не допуская до Екатеринбурга».

Необходимость исправить артиллерию, запастись продовольствием, а главное – дать некоторый отдых отряду, преследовавшему неприятеля без отдыха в течение сорока дней, заставили Михельсона сделать дневку, которая и была первой со дня выступления его из Уфы^[472].

30 мая Михельсон выступил к Симскому заводу и, подойдя к переправе на реке Ай, нашел ее уничтоженной, паромы порубленными, а горы, на противоположном берегу, занятыми башкирцами, в числе 800 человек под начальством Салавата, надеявшегося задержать здесь отряд и нанести ему поражение. На рассвете 31 мая Михельсон отыскал место, удобное для переправы вброд, приказал скрыть часть берега, выставил все орудия, бывшие при отряде, и под прикрытием их огня начал переправу. Сначала перешла пехота, за ней орудия и ящики с вынутыми зарядами, а потом кавалерия. Утвердившись на противоположном берегу, Михельсон приказал пехоте штурмовать горы, а кавалерии зайти неприятелю в тыл. Башкирцы оставили свои позиции и были преследованы на протяжении 20 верст, причем потеряли до 150 человек убитыми и 3 взятыми в плен^[473]. Михельсон остановился лагерем на месте сражения и, за

неимением никаких известий о неприятеле, 2 июня подошел к деревне Кигам.

Находясь еще на Саткинском заводе, он получил донесение из Чебаркуля, Кундратов и Златоустовского завода, что о Пугачеве ничего не слыхать и где он находится – неизвестно. Между тем Пугачев простоял спокойно четыре дня на реке Миасе, усилил свое сборище до 2 тысяч человек, сжег Чебаркуль, Кундравинскую слободу, Златоустовский и Саткинский заводы и 3 июня совершенно неожиданно атаковал Михельсона. Последний встретил мятежников контратакой, сломил их и приказал кавалерии преследовать бегущих. Подвигаясь сам за кавалерией, он отделился от обоза версты на полторы, когда получил известие, что обоз атакован и окружен еще большей толпой мятежников, подошедших с тыла под начальством самого Пугачева, и что отступавшие башкирцы, получивши подкрепление, снова переходят в наступление. Поручив майору Харину с частью отряда и двумя орудиями удерживать наступавших башкирцев, сам Михельсон с остальными войсками бросился к обозу. После весьма горячей схватки Пугачев был отбит и, преследуемый, скрылся в горах, в вершинах реки Ай, оставив на поле сражения до 400 тел. Лишившись 23 человек убитыми и 16 ранеными^[474], Михельсон считал потерю мятежников незначительной и сожалел, «что с малой моей командой, отягощенной ранеными и больными, почти остаюсь во всех местах единственно действующий корпус, не видя от прочих, мне равных, никакой помощи»^[475]. Генерал Фрейман со своим отрядом стоял в Кигальской крепости почти без всякой деятельности. Он присоединил к отряду Тимашева небольшую команду под начальством капитана Краевича и поручил им преследовать башкирцев, скрывавшихся в Уральских горах по направлению к Зелаирской крепости. Где находился Пугачев, генерал

Фрейман не знал, и в то время, когда самозванец дрался с Михельсоном, Фрейман двинулся к Верхнеяицкой крепости, так как 4 июня получил рапорт коменданта той крепости Ступишина, будто Пугачев с 7 тысячами человек стоит от него всего в 12 верстах^[476].

Не более деятельным был и Деколонг. Он писал длинные рапорты, хвастался своими успехами и обещал в будущем сделать многое, но с места не сдвигался. «Ваше сиятельство, – писал он князю Щербатову^[477], – изволите вспоминать и заботите себя об Екатеринбургском ведомстве, оное я, как вам уже известно давно, прикрыл на отражения злодея своими войсками и извольте быть уверенными: где только нужда потребует, я могу с такими силами успеть, упущение не сделаю, а стараюсь усердно во все места давать помощь без всякого подкрепления. Но теперь изволите из всех обстоятельств и довольно вам и ныне изъясненных видеть, *какое число войск я имею?*»

Опять жалоба на недостаток средств и, следовательно, законный предлог к бездеятельности!

Один только Михельсон не считал сил ни своих, ни вражьих, не стеснялся препятствиями местности и неутомимо преследовал неприятеля.

Наутро, после боя у деревни Киги, он узнал, что Пугачев ночевал всего в 15 верстах от отряда и переправляется на противоположную сторону реки Миаса. Михельсон тотчас же двинулся наперерез пути, и лишь только появился в виду мятежников, как Пугачев сам атаковал его, но потерял от 70 до 100 человек, был разбит и преследован «елико место, – доносил Михельсон^[478], – и утомленные мои кони позволяли».

Имея при себе значительный обоз с ранеными, больными и артиллерией, Михельсон сознавал, что угоняться за мятежниками ему невозможно. Имея в виду, что Пугачев имел при себе не более 300 человек бурлаков и яицких казаков, что вблизи этих мест должен

был находиться отряд генерала Фреймана, «а кунгурская и екатеринбургская стороны довольно прикрыты корпусом Деколонга, Михельсон решился повернуть на деревню Ераль (Юрал) и идти к Хлынову, куда, по известиям, намерен был направиться Пугачев для захвата пороху и артиллерии».

Двигаясь прямым путем через Симский завод на село Богородское и далее на город Уфу, Михельсон надеялся в последнем пункте укомплектоваться лошадьми и боевыми припасами, в которых ощущал «великий недостаток». Следуя из города Уфы к Бирску, Михельсон надеялся перерезать Пугачеву путь и не допустить его в приволжские губернии.

«Ежели же то точная правда, – доносил он ^[479], – что злодей пойдет к Хлынову, куда ему, но тамошним великим лесам, пробираться весьма способно, то не иначе думаю, что станет пробираться через р. Каму на Волгу. Около Хлынова, сказывают, множество крестьян и называют их великими плутами. Чтобы башкирцы самозванца Пугачева, а особливо уральские, столь далеко стали провожать, я не надеюсь».

Глава 13

Начало волнений в великороссийских губерниях. - Меры правительства. - Тревожные слухи о замысле Пугачева посягнуть на жизнь особ императорской фамилии. - Опровержения этих слухов. - Соединение обеих секретных комиссий в одну. - Назначение П.С. Потемкина начальником комиссий. - Инструкция, ему данная.

Благоприятные известия, приходившие в Петербург об успехах наших войск и поражении мятежников в разных пунктах, были омрачены распространившимся в половине мая слухом, что волнения возникают в Воронежской и других великороссийских губерниях. В апреле между крестьянами Воронежской губернии распространился слух, что за Казанью царь Петр Федорович отбирает у помещиков крестьян и дает им волю. Крестьяне Кадомского уезда (ныне заштатный город Тамбовской губернии) села Каврес, в числе 367 душ, собрались на сходку и решили послать двух человек к самозванцу с прошением, чтобы не быть им более за помещиками, а быть вольными^[480]. До столицы стали доходить также слухи, что воронежский губернатор обременяет население излишними работами и возбуждает тем неудовольствие. Смутные обстоятельства вообще и нежелание раздражать население побудили правительство обратить на это серьезное внимание.

«Ее величество, – писал Г.А. Потемкин князю А.А. Вяземскому^[481], – запомняла вам вчера сказать, что она намерена была.

Приказала мне вам сообщить, чтобы вы написали к губернатору воронежскому Шетневу партикулярное

письмо: как известно ее величеству, что сей г. Шетнев более десяти тысяч народу держит согнанного для делания дороги перспективой. Сие некстати в рассуждении поры рабочей, а еще больше по обстоятельствам. Притом ему, г. губернатору, не с перспектив бы и начинать нужно, а есть дела важнее в его губернии, которые требуют поправление. Ежели это правда, *то не худо бы на него немного покричать*».

Шетнев отвечал, что слухи ложны и донесения, на него сделанные, неверны.

«Перспективой дороги я никогда делать не зачинал, – отвечал он князю Вяземскому^[482], – а было нижеследующее: 1) в полученном о строении гор. Воронежа и высочайше опробованном плане, въезд в оный город с московской стороны сажен 200 от прежде бывшей дороги; а где был прежний въезд, тут [велено] сделать вал и въезду на том месте быть не положено; 2) по тому, назначенному от Москвы, въезду и дорогу на старую привести необходимо принуждено; 3) по именному указу, данному бывшему губернатору, высочайше повелено около дорог обсадить березки, коих, по прибытии моем, ни одного дерева не найдено, а которые и посажены были – поломаны, а иные засохли и вновь переменяемы не были; 4) в силу прежних и подтвердительного 1765 года сентября 16 указов, коими велено сквозь леса дороги прорубить на 30 сажен, никогда прорублены не были и тем воровские люди имели способ укрываться и делать вред и грабеж людям.

Итак, исполняя сии высочайшие повеления, старался, во-первых, сделать назначенный вал бывшими пленными турками, производя им вдобавок повеленного жалованья из собственных моих денег; а во-вторых, дорогу привести к тому месту, где ворота и въезд назначены, для чего приказал от того въезду на старую дорогу снять план. По снятии усмотри из него, что по

прежней дороге, от Воронежа до последней станции, числится по почтовому календарю 28 верст, а если некоторые излучины выкинуть и сделать по самой той же дороге, то и будет от Воронежа до первой почты только 22 версты с несколькими саженьями – что сделает пользу: первое, что от остающихся от прогонов денег казне приращение; другое и самим жителям выкинет шесть верст в езде, а паче из прежней дороги без мала сорок десятин получится в прибавок земли для пашни... И к той работе употреблялись из полицейских десятских и из гарнизонных мастеровой роты солдат, а к тому самое малое число обывателей, да и всех с десятскими и солдатами не более как от 50 до 100 человек в разные дни находилось и для одной только вырубki лесов. Причем обыватели долее не были как по одному, по два и не более трех дней и то в такую пору, что яровой хлеб был уже посеян, а сенокосу и жатвы хлеба никто еще не зачинал, да и вся работа продолжалась с переменами не более недели».

Несмотря на все отговорки воронежского губернатора, ему было сообщено, что теперь не время заниматься подобными работами и что гораздо полезнее будет, если он обратит внимание на жителей и примет меры к тому, чтобы не раздражать их. Последнее обстоятельство особенно занимало императрицу, и она, желая отклонить население от Пугачева и привлечь его на сторону правительства, не пренебрегала никакими средствами. Так, в июне обер-коменданту крепости Святого Димитрия, генерал-майору Потапову, было высочайше повелено прекратить все следственные дела над донскими казаками, выпустить всех арестованных и объявить им «наше милостивое прощение и оставление дальнего взыскание, в рассуждении верных и усердных заслуг сего войска, в нынешнюю войну оказанных»^[483].

Казаки особенно привлекали на себя внимание Екатерины, и спокойствием их она очень дорожила, в

особенности после того, как до Петербурга дошли слухи, что Пугачев отправил в столицу нескольких человек казаков с ядом для отравления особ императорской фамилии.

После занятия генералом Мансуровым Яицкого городка в числе бежавших на Иргиз мятежников и пойманных Г.Р. Державиным был некто Иван Мамаев. При первых его допросах казалось, что он не хочет говорить истину, лжет и скрывает что-то весьма важное. Державин доносил, что «совершенно тайность души его открыть не мог, но только как он ни путается, а думать надобно, что человек хранящий великое таинство и самый важный. Он желает себе смерти и с радостью от нее не отрекается, готов все показать и от всего отрещися, но только весьма не дурак»^[484].

Сначала Мамаев говорил, что он беглый солдат, что содержался вместе с Пугачевым в казанском остроге и бежал из тюрьмы; что в последнее время он был секретарем самозванца и знает, что яицкие казаки отправили в Петербург доверенных с ядом^[485].

Заявление это наделало много шума в столице, тем более что, сообщив приметы посланных, Мамаев как бы усиливал достоверность своего показания. Об отыскании посланных, писал князь А.А. Вяземский к Г.А. Потемкину^[486], «по описанным приметам кажется нужно употребить все силы, а между тем должно и по Царскому Селу^[487] таковых велеть присматривать, как между челобитчиками, бродягами, так и между работниками. Всякая порядочная осторожность лишней быть не может».

«Мне кажется, – отвечал Потемкин^[488], – что это не новое и хотя больше на вздор, нежели на дело, походит, однако ж в столь важнейшем пункте, как драгоценному здоровью касающемся, не худо сделать строгое изыскание, что я здесь произвести не оставлю».

Лично Екатерина не верила в справедливость показаний Мамаева. «Je crois, – писала она Г.А. Потемкину^[489], – que la montagne accouchera d'une souris; однако, если где сих шалунов отыскать должно, то чаю, здесь, в Царском Селе, а то нигде не опасны».

Разослав повсюду приметы мнимо посланных^[490], императрица крайне заинтересовалась показаниями Мамаева. Надеясь узнать от него, как от человека близкого Пугачеву, некоторые подробности о восстании, Екатерина II приказала привезти Мамаева в Петербург. «Я весьма любопытна, – писала она князю Вяземскому^[491], – прочесть еще раз вранье Мамаева и ваши исправки и примечание о сем деле и думаю, что нужно его самого сюда взять, дабы он противоречиями *комиссию тамошнюю не искоифузил*. А для примера и без него есть у них кого повесить».

Наведенные предварительно справки по главнейшим пунктам показаний Мамаева заставили его по доставлении в Петербург сознаться во всем. Он признался, что был дворовый человек помещика Федора Васильевича Ржевского, из имения его Нижнеломовского уезда; что настоящее имя его Николай Михайлов Смирнов; что в январе 1773 года бежал в Илецкую защиту, жил в работниках у казака Рыбникова, был в шайке Пугачева, а потом в Яицком городке. Признаваясь, что никогда не был секретарем у самозванца, Мамаев (Смирнов) объявил, что посылка казаков с ядом им выдумана, что он «лгал и болтал от страха, видя, что поручик Державин хочет его сечь»^[492].

Угрозы и пытки при допросах были строго воспрещены императрицей, а между тем до нее стали доходить слухи, что подобные меры предпринимаются в следственных комиссиях. Занятые административными распоряжениями и водворением спокойствия в губерниях, генералы фон Брандт и Рейнсдорп не имели возможности посвятить себя всецело следственным

делам, и они перешли в руки молодых, энергичных, но не вполне опытных офицеров. В показаниях допрашиваемых были невыясненные противоречия и оговоры невиновных лиц, сделанные под влиянием страха и угроз. Опасение, чтобы, с одной стороны, не были пущены в дело пытки и истязание, а с другой – чтобы подсудимые своими показаниями не «оконфузили» комиссий, императрица признала более удобным соединить опять в одно обе секретные комиссии и назначить им общего руководителя. Таким лицом был избран троюродный брат фаворита, Павел Сергеевич Потемкин, произведенный 17 марта из бригадиров в генерал-майоры и вызванный в Петербург из армии графа Румянцева^[493].

Поручая П.С. Потемкину секретные комиссии, Екатерина определила круг его деятельности в особой, составленной для того инструкции.

«Известны уже вам, – писала императрица П.С. Потемкину^[494], – происшедшие бунты на Яике и в Оренбургской губернии, для угашение коих посланы туда войска, которые, так как и все сие дело, поручены были в главное предводительство и управление покойному генерал-аншефу Бибикову. Вследствие чего и учреждена им в Казани, по нашему повелению, секретная комиссия, для произведения разбирательства и следствия над пойманными злодеями. По разбитии же Пугачева и по освобождении Оренбурга учреждена и тамо, по повелению нашему, такая же комиссия под ведением губернатора. Равномерно и казанская, по смерти генерала Бибикова, поручена от нас казанскому губернатору. Ныне же дела тамошнего края возымели такой оборот, что оба те губернатора должныствуют быть единственно упражняемы внутренними гражданскими делами своих губерний; то мы, имев достаточное испытание о вашей ревности и рачении к службе нашей, заблагорассудили вас определить

главным к обоим тем комиссиям, яко неразделимую между собой по делам связь имеющим. Того ради повелеваем вам:

Первое, отправиться отсюда в Казань и в Оренбург с включенными здесь от нас указами к обоим тем губернаторам, по силе которых и должны вы принять от них под свое ведомство те комиссии со всеми в них находящимися лейб-гвардии офицерами и с принадлежащими к отправлению тех дел разными офицерами и служителями.

Второе, равномерно принять от помянутых губернаторов насланные от нас к ним именные наши повеление по тем обоим комиссиям; а от офицеров лейб-гвардии нашей – данные комиссии от нас указ, ордера и наставление покойным генералом Бибиковым. То и другое долженствует вам служить настоящим руководством в производстве дел на первый случай, следовательно, вы и имеете во всем поступать точно по тем нашим именным повелениям.

Третье, при производимых допросах и следствиях поручаем вам главнейшим попечением: 1) узнать и открыть истинное познание о тех прямых причинах и междоусобной оных связи, кои произвели тоlikое зло в той части империи нашей, а особливо в яицких жилищах, яко в первоначальном гнезде оногo; 2) изыскать на месте лучшие и удобнейшие средства к совершенному искоренению тех вредных причин и 3) изобрести новые и надежнейшие для передо положения, на которых можно бы было впредь основать и установить поселянский порядок и повиновение возмутившегося яицкого народа.

Четвертое, к отправлению комиссии вашей нужны вам быть могут разные сведения и вспоможения от казанского и Оренбургского губернаторов; вы оные имеете от них в свое время по настоящим надобностям требовать.

Пятое, для удобнейшего исполнения намерения нашего, с которым мы вас отправляем, имеете вы принять и содержать в особенном вашем ведомстве и команде всех возвратившихся и возвращающихся в повиновение яицких казаков и, не делая еще никакого решительного и нового с ними положения, устроить, однако ж, между ими и в их жилищах повиновение, тишину и спокойство до того времени, пока от нас решительное впредь положение о них учинено будет, вследствие того, что вы, по точному рассмотрению об оном за полезнейшее наше, нам донесете; а дабы тем охотнее сии казаки к законному повиновению возвращались, можете вы сделать от имени вашего объявление, в подтверждение данных о том от нас манифестов, в тамошнем краю опубликованных.

Шестое, по вступлении вашем в дело, по-видимому, нужнейшее в том состоять будет, чтоб вы, персоной своей произведя к себе в яицких казаках уважения и доверенность, поселили в них дух кротости и истинное раскаяние о прежних преступлениях. К способствованию же вам во всем сем действию гражданской политики, *если вам какое вспоможение нужно будет и от командиров войск наших в тамошнем краю обращающихся, вы можете одного от них требовать*, о чем и указ наш туда к главному командиру, генерал-поручику князю Щербатову, отправлен будет.

Седьмое, точного и особого пребывания вашему места мы вам предписать не хотим, а имеете вы обращаться в том и другом месте по вашему усмотрению, где и когда дела ваши требовать того будут. На отправление же ваше отсюда всемилостивейше вам жалуем две тысячи рублей; а на расходы комиссии пять тысяч рублей.

Впрочем, все ваши донесения имеете вы отправлять прямо к нам, и мы, уповая, что вы благоразумным вашим исполнением сего вам порученного и толь важного для

спокойства отечества дела наивящше себя достойным
сделаете нашего монаршего благоволения, с которыми к
вам благосклонными пребываем».

Получив эту инструкцию, П.С. Потемкин отправился в
Казань, где и встретился лицом к лицу с самозванцем и
его толпой.

Глава 14

Деятельность Пугачева по формированию нового ополчения. - Манифесты его с обещанием льгот и милостей. - Грабежи башкирцев. - Действия отрядов, направленных в Башкирию. - Появление мятежников у Осы. - Деятельность Михельсона. - Прибытие в стан самозванца купца Долгополова. - Свидание его с Пугачевым. - Падение города Осы. - Приближение Пугачева к Казани.

Скрывшись, при помощи гор и лесов, от преследования Михельсона, Пугачев пробрался на реку Миас, где и соединился с толпой башкирцев, бродивших между Челябиной и Чебаркулем. Здесь самозванец в течение восьми дней «скоплялся», т. е. собирал толпу и устраивался. Потеряв большую часть членов бывшей Военной коллегии и имея при себе из оставшихся только одного Творогова, Пугачев выбрал в секретари беглого мценского купца Ивана Трифонова, принявшего на себя имя Алексея Дубровского, и в помощь ему назначил понытчиком заводского крестьянина Герасима Степанова. «Хотя от сей погибельной должности и много я отговаривался, – показывал Дубровский^[495], – только избавиться не мог и именован я у него секретарем».

Новые должностные лица немедленно приступили к делу и по приказанию самозванца разослали повсюду указы о наборе нового ополчения. Так как большая часть этого ополчения должна была состоять из башкирцев, то Пугачев, желая завлечь и удовлетворить их желанию, уверял, что пойдет в Уфу для встречи сына своего Павла Петровича, который идет к нему с 40-тысячным войском. Одного старшину он пожаловала генералом, другого бригадиром и человек 10 полковниками. Всех остальных

старшин самозванец обещал наградить богатыми кармазинными кафтанами с золотым позументом^[496].

В указе, обращенном к русскому населению^[497], Пугачев писал, что «мы отеческим нашим милосердием и попечением жалуем всех верноподданных наших, кои помнят долг свой к нам присяги, *вольностью, без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов набору*, коими казна сама собой довольствоваться может, а войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет. *Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет*, пониже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу»^[498].

Обещая милости, Пугачев вместе с тем требовал, чтобы в случае появления злодеев (правительственных войск) все его верноподданные истребляли «оных злодеев и себя тем злодеям в обиду не отдавать»^[499].

Указы самозванца произвели громадное впечатление не только на башкирцев, но и на все русское население. Башкиры и заводское население поднялись, как один человек. Они грабили и разоряли заводы. Ночью 22 мая башкирцы сожгли Уртазымскую крепость, а на следующий день разграбили и сожгли Симский завод.

В начале июня они разорили в Уфимском уезде заводы: Воскресенский и Верхотурский, Богоявленский (в 10 верстах от Табынска), Архангельский (в 50 верстах от Табынска), Катавский и другие. Заводчики просили помощи, но князь Щербатов отвечал, что на каждый завод он не может поставить отдельной команды, а причина разорения заключается в том, что «жестокость заводчиков с своими крестьянами возбудила их ненависть против господ»^[500].

Ненависть эта была так сильна, что ни увещевание, ни воззвание на них не действовали; преследующие

отряды ходили по разным направлениям, но башкирцы, уклоняясь от боя, собирались более или менее значительными толпами в тех местах, где войск не было.

3 июня Тимашев настиг с своим отрядом толпу близ Зелаирской крепости, разбил ее, но преследовать далеко не мог, за пересеченностью местности и усталостью лошадей, тогда как мятежники имели заводных или были одвуконь. «Я же, – доносил Тимашев^[501], – не мог от них, злодеев, пользоваться хорошими лошадьми, а брал кобыл и молодых неезженных лошадей».

Продовольствуя на пути отряд местными запасами, Тимашев по прибытии в Зелаирскую крепость принужден был остановиться, чтобы сделать необходимые запасы продовольствия. Через день, 5 июня, он произвел набег с 500 человек на Преображенский завод, но нашел его сожженным и почти без населения, частью умерщвленного, а частью уведенного за мятежниками, ушедшими на реку Сакмару.

Возвратившись обратно в Зелаирскую крепость, Тимашев получил приказание генерала Фреймана идти к нему на соединение. «Верхнеяицкие обстоятельства показывают, – писал Фрейман^[502], – что злодеи находятся недалеко от упомянутой крепости. Сейчас выступаю; вы должны меня, через скорый марш, догнать или вы будете в великом ответе».

После такого строгого предписания Тимашев принужден был оставить то направление действий, которое было ему указано князем Голицыным, и идти на соединение с Фрейманом. Подходя к Кизильской крепости, в вершинах Таналыкских, Тимашев был атакован толпой калмыков и башкир в числе 2 тысяч человек.

После весьма упорного и продолжительного боя мятежники отступили и разделились на две части: одна пошла к реке Белой, а другая – в Ирентицкие горы^[503].

Торопясь соединиться с генералом Фрейманом, Тимашев не преследовал их и 11 июня пришел в Кизильскую крепость, но Фреймана там не застал. Последний перешел в Уйскую крепость, в которой и оставался долгое время, занимаясь заготовлением продовольствия для отряда^[504].

Отодвинутые войсками от Уральских гор, мятежники под начальством Белобородова, в числе до 3 тысяч человек, преимущественно русских заводских крестьян и красноуфимских казаков, собрались у Красноуфимска. Для рассеивания их подполковник Попов выступил из Кунгура с отрядом в 810 человек пехоты и четырьмя орудиями^[505]. В 8 верстах от Красноуфимска, 11 июня, они встретили отряд «сильной мелкого ружья стрельбой и держали до 6 часов».

«Пороху у них столь довольно было, – доносил Попов, – что у убитых оставалось патронов по 15, и сверх того, в мешочке у каждого было особливо по полфунта».

Окруженный почти со всех сторон, Попов построил свой отряд в каре и отступал в таком строю почти 30 верст под непрерывным огнем неприятеля. 13 июня он вернулся в Кунгур и, видя многочисленность неприятеля, просил помощи. «Конницы у меня, кроме мужиков, нет, – писал он Фрейману, – да и военных, и то рекрут, до 350 человек. В таком случае вашему превосходительству донеся, покорнейше прошу ко истреблению сих злодеев подать мне и городу помощь».

Положение Кунгура становилось опять весьма затруднительным и опасным. На другой день после возвращения Попова, т. е. 14 июня, было получено донесение, что Уинский и Иргинский заводы сожжены, что толпа мятежников появилась в 40 верстах от Кунгура в селе Введенском (Соксунское тож), в 27 верстах в Ильинском острожке, в Ачитской крепости и что Белобородов 13 июня прибыл в село Алтынное (в 80 верстах от Кунгура), взял в толпу 50 человек и всех

лошадей. На следующий день его посланные явились за тем же в село Златоустовское и деревню Берехово^[506].

Незадолго перед тем башкирцы выжгли предместье Табынска и отогнали скот. Находившийся в Стерлитамаке подполковник Рылеев выступил на выручку Табынска, а башкирцы, воспользовавшись его уходом, бросились на Стерлитамацкую пристань, но были предупреждены полковником Шепелевым, явившимся с пехотой, посаженной на лошадей^[507].

Рассыпавшись по окрестностям, мятежники переходили от одного пункта к другому, то сосредоточивались в весьма значительные партии, то разбивались опять на мелкие отряды. Не имея определенной цели для действий, они уговаривали население восстать в защиту Пугачева и его прав, как истинного государя, на престол всероссийский.

– Подлинно государь Петр III император восходит по-прежнему на царство, – говорил своим односельчанам крестьянин села Троицкого (Старый посад) Данило Котельников. – Был он по всему государству и разведывал тайно обиды и отягощение крестьян от бояр. Хотел он три года о себе не давать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости. Взяв в свое владение Оренбург, Уфу, Новотроицкую и Чебаркульскую крепости, он отправил в Москву для покорения сто полков, а под Кунгур идет с полковником Белобородовым 20 полков. Построил государь в степи пороховые и пушечные заводы, делает белый и черный порох. Белый порох сильно палит, а огоньку не дает. Пушек у государя великое множество, и поставлены они в Новотроицкой крепости в шесть ярусов. Ту Новотроицкую крепость наименовал он Петербургом, а Чебаркуль – Москвой. Его высочество цесаревич Павел Петрович с великой княгиней Натальей Алексеевной и граф З.Г. Чернышев приехали в Оренбург. Его высокопревосходительство генерал-аншеф А.И. Бибилов

съехался с государем и, увидя точную его персону, весьма устрасился, принял их крепкое зелье и умер. Полковник Белобородов прислал в Кунгур к воеводе Миллеру указ, чтобы отнюдь не воевал, почему воевода и отозвался, что более воевать не будет, за что его государыня от воеводства отрешила. Казенный Уткинский завод и город Екатеринбург не воют, а только мутит всей здешней стороной ассессор Башмаков, называя государя злодеем, за что государь приказал его поймать и в мелкие части изрубить.

– От кого ты все это слышал? – спрашивал случившийся в толпе канцелярист Степан Трубников.

– К степановскому мельнику, – отвечал Котельников, – писал служитель Юговского завода Таврило Ситников, находящийся ныне при армии государя атаманом. Да и потому каждому разуместь можно, что если бы это был подлинно не государь, то давно бы полки были присланы. Теперь хотя две роты с майором и были присланы, но и те пропали без вести. Мы с часу на час ждем, чтобы быть за государем, и, хотя за государыню другую присягу принимали, но не от чистосердечного своего желания, а по принуждению. Государь обещает во многих указах, что подушные деньги будут собираемы только по 70 коп. с души, как и при прежних государях было.

Несмотря на всю нелепость рассказа Котельникова^[508], население безусловно верило в справедливость их и решило отстаивать права государя, надеясь получить от него многие милости и льготы. Восстание снова разгоралось там, где прежде было совершенно покойно или где жители были усмирены при помощи войск. 3 июня казанский губернатор генерал фон Брандт писал генерал-прокурору князю Вяземскому, что в его губернии совершенно покойно, что жители вносят подушные деньги и собирают рекрут^[509], а между тем, накануне отправления этого письма,

тулвенские татары и башкирцы подошли к городу Осе. Собравшись в числе до 3 тысяч человек и остановившись близ деревни Гамицы, они отправили в город Осу письмо с требованием вывести гарнизон.

«Сим письмом во известие объявляем, – писали они начальнику отряда, унтер-шихтмейстеру Леонтию Федоровичу Яковлеву^[510]. – Сего 1774 года июня 2-го дня присоветовали мы все вышеименованные и к лучшему рассудили для государственной и народной пользы, чтобы вам, г. унтер-шихтмейстеру, и со всей командой из города Осы выйти в свои жительства и жить по-старому. Если же сего числа из города Осы не изволите выступить, то мы все башкирцы со всей командой чинить будем против вас сопротивление неотменно, понеже как мы, так и вы произвели государственному интересу немалый ущерб, также и промежду собой немалые ссоры. Если же вы из города Осы со всей командой выступите, то мы как осинской волости крестьянам, так и вашим обывателям обид и разорений никаких причинять не будем впредь до указа, а сверх того, желаем мы обращаться во всяком благополучии».

Получивши это письмо, Яковлев вместе с воеводой Пироговским выступили из города Осы, присоединили себе пост в 100 человек, стоявший в селение Горы, и заняли деревню Гамицы, где находилось команды до 200 человек. Башкирцы отступили и требовали, чтобы Яковлев вступил с ними в переговоры, но последний отправил вместо себя воеводу Пироговского, муллу Атнагулова и татарина Усаева.

Башкирские уполномоченные объявили высланным, что готовы покориться, если русские войска не будут вводимы в их селение. Требование это не могло быть исполнено, и Яковлев, не считая себя в силах разогнать собравшуюся толпу, возвратился в Осу со всем своим отрядом^[511].

Башкирцы заняли близлежащие села: Горское, Рождественское, Гамицы и возмущали жителей. Волнение усиливалось, и через неделю после письма, отправленного князю Вяземскому, генерал фон Брандт писал князю Щербатову^[512], что «около Осы и по Черемшану-реке в нынешнее время являться начали злодейские возмутительные шайки. В первом месте великими толпами скопляются бунтующие тулвенские башкирцы, а в Ставропольском уезде, из разных бродяг, шатаются небольшие партии злодейских остатков и пакости людям делают».

Спустя несколько дней Брандт получил донесение, что в село Сундырь, Кокшайского уезда, приехал посланный от Пугачева с приказанием, чтобы жители приготавливали суда для переправы государевых войск через реку Волгу. Лодки и суда оказались затопленными, и экономические крестьяне заявили, что то сделано по распоряжению канцеляриста. Предводитель шайки арестовал канцеляриста и еще нескольких лиц, а крестьянам приказал отлить суда и починить их. Крестьяне охотно принялись за работу, а местные власти не знали, что им делать. «Представьте, ваше высокопревосходительство, – писал кокшайский воевода Чичерин Брандту^[513], – в какой теперь здешняя сторона моей провинции и самый здешний город состоят в крайней опасности». Войск действительно не было: все они находились или внутри Башкирии, или огибали ее с разных сторон. Так, южнее всех, в Яицком городке, находился отряд генерал-майора Мансурова, наблюдавший за Гурьевым городком и Сызранью и прикрывавший течение реки Волги и Иргиза. По реке Белой были расположены небольшие отряды: в Богульчанах – полковника Хорвата, в Стерлитамаке – подполковника Рылеева, в Табынске – полковника Шепелева, в Бакалах – 100 человек под начальством полковника Обернибесова. Резервом для этих отрядов

служил отряд в 140 человек под начальством полковника Кожина, расположенный в Бугульме. Далее, в Уфе, находился отряд полковника Якубовича. От Уфы до Бирска, на четырех пристанях реки Белой, были расположены небольшие команды, «с довольным числом при оных усердных мещеряках». В пригороде Осе находился отряд унтер-шихтмейстера Яковлева. Подполковник Попов охранял Кунгурский уезд, отряды майоров Жолобова и Гагрина прикрывали Екатеринбург; в Челябинске находился генерал Деколонг, в Троицкой крепости – генерал-майор Станиславский с 14-й легкой полевой командой и, наконец, в Оренбурге – полковник князь Долгоруков с двумя ротами гренадер, двумя эскадронами гусар и 300 малороссийских казаков.

Внутри Башкирии действовал отряд князя Голицына, которому приказано было следовать к Уфе, очистить от мятежников оба берега реки Белой и обеспечить новомосковскую дорогу. Собственно для преследования Пугачева были назначены отряды генерал-майора Фреймана и подполковника Михельсона. Первому приказано было остановиться в Зелаирской крепости и наблюдать как за линией, так и за Уральскими горами, а Михельсону было предписано гнаться за Пугачевым, «повсюду его преследовать и иметь только его одного своим предметом, не допуская не только внедриться в Кунгурский уезд или обратиться в екатеринбургское ведомство, но и усиливать себя присоединением башкирцев»^[514].

Последние, по словам князя Щербатова, несмотря на постоянные поражения, не только не укрощались, по «в злодействах своих время от времени наиболее свирепствуют и все свое зверство обращают на истребление заводов». Убийства, грабежи и разорение башкирцев навели такой ужас на жителей, остававшихся верными правительству, что когда Михельсон подошел к Уфе с своим отрядом, то «нашел

всех от злодеев в немалом страхе». Находившийся в этом городе полковник Якубович притянул к себе майора Дуве, под предлогом поиска под башкирцами, и, сформировав отряд более 700 человек, с тремя орудиями, выступил с ними к Бирску. По дороге он сжег две деревни, из которых одна принадлежала мещерякскому старшине, служившему при отряде Михельсона. Отойдя верст двадцать от Уфы, полковник Якубович остановился, постоял несколько дней на одном месте, а потом пошел назад, под предлогом, что городу угрожает опасность от нападения башкирцев. Майор Дуве заметил, что к Уфе прошел уже подполковник Михельсон, что он остановился всего в 8 верстах от города и что опасности никакой быть не может, но Якубович не послушал, отобрал от майора Дуве почти половину его отряда и пошел в Уфу. Оставив в распоряжении Дуве 60 человек Владимирского пехотного полка, 80 карабинеров и 40 человек чугуевских казаков, Якубович приказал ему производить поиски над мятежниками. Отвечая, что с такими силами сделать ничего нельзя, Дуве жаловался Михельсону и просил его взять к себе. «Если же мне в Уфу следовать, – писал Дуве князю Щербатову^[515], – и там находиться без всякого действия, то я счел бы себя за чистого неграчителя службы ее величества. От вашего сиятельства ожидаю милостивой резолюции позволить с г. Михельсоном соединиться. Причина та: служба моя, к коей имей ревность, не позволяет на одном месте сидеть без всякого дела».

Возвратившись в Уфу, Якубович отправился в лагерь Михельсона и уговаривал его не двигаться далее, а разослать партии для прикрытия Уфы. «Я, рассуждая, – доносил Михельсон^[516], – что лучшая партия и прикрытие есть то – сыскав неприятеля, его разбить и что разъезды единственно нужны для получения о неприятеле сведений», не согласился с доводами

Якубовича и решился действовать наступательно. Михельсона задерживали только солдаты Томского полка, которые от форсированных маршей «немало потеряли ноги» и к быстрым переходам были неспособны. Узнав, что взятая Якубовичем у майора Дуве рота Владимирского полка гораздо свежее, чем его солдаты, подполковник Михельсон предложил ему поменяться. Не ожидая ничего хорошего от действий Якубовича и будучи уверен, что он не выйдет из Уфы, Михельсон считал такую мену совершенно законной и полезной для дела. Получив согласие Якубовича, подполковник Михельсон передал ему 84 человека Томского, а себе взял столько же Владимирского полка. Оставив в Уфе всех своих больных и раненых, он 17 июня перешел с своим отрядом на завод Потехина, присоединил к себе майора Дуве с его эскадроном, состоявшим из 90 человек, и намерен был двинуться через Бирск к Сарапулу, чтобы выйти на встречу Пугачеву и всюду его преследовать.

Он только один и мог это сделать, потому что большая часть войск, как мы видели, была стянута в Оренбургскую губернию и разбита на мелкие отряды.

С захватом и разорением мятежниками Бирска на всем пространстве от городов Уфы и Кунгура до Казани стоял в городе Осе ничтожный отряд Яковлева, и, следовательно, вся закамская сторона была открыта для прорыва мятежников. Главнокомандующий, князь Щербатов, сидел в Оренбурге и, будучи отдален от театра действий, не мог руководить отдельными отрядами и направлять их к одной цели. Получая сам запоздалые рапорты, он делал распоряжения по большей части не соответствовавшие данной обстановке. Предоставленные самим себе, частные начальники в каждой толпе башкирцев видели присутствие самого Пугачева и боялись выйти из своих нор. Не считая возможным действовать наступательно,

начальники отрядов вертелись возле мест своего расположения, причем старшие в чине, при всяком удобном случае, старались присоединить к себе отряды младших. Возникали споры и несогласия, доходившие иногда до ссоры. Если эти ссоры и несогласия будут продолжаться, писал генерал Брандт князю Щербатову^[517], то «Бог знает, может ли быть что-нибудь доброе». Казанский губернатор предвидел возможность прорыва мятежников в необороненное пространство и предупреждал князя Щербатова, что если самозванец переправится через Каму, к вотякам, то защищать Казанскую губернию будет невозможно, «ибо за отнятием отсель гарнизонных людей и за растаскиванием помаленьку из цейхгауза артиллерии и служителей, с моей стороны более уже взять предосторожности нечем».

Предположения Брандта оказались более чем справедливыми. Пугачеву оставаться в Башкирии было неудобно: страна была разорена, заводы и русские селение выжжены, многие крепости и укрепленные пункты разрушены^[518], отряды князя Голицына и Фреймана хотя и очень медленно, но все-таки подвигались вперед, а Михельсон то гнался за самозванцем, то обходил его и встречал с фронта. Всякая встреча с правительственными войсками кончалась не в пользу мятежников, и потому Пугачев направился в ту сторону, где всего наименее мог ожидать встречи с правительственными войсками и, скорее всего, мог надеяться усилить свою толпу сочувствовавшим ему населением. Воспользовавшись тем, что Михельсон повернул к Уфе и что в окрестностях Кунгура и пригорода Осы сосредоточились две наиболее значительных толпы башкирцев, Пугачев пошел к ним на соединение. Захватив в свои руки Красноуфимск, самозванец хотел удовлетворить желанию башкирцев и занять Кунгур, но потом переменил свое намерение,

прошел через Иргинский завод, переправился через реку Тулву и повернул на Осу, с тем чтобы идти потом на Казань^[519].

– Хотя я и имел намерение идти к Кунгуру, – говорил Пугачев башкирцам, – но, получив известие, что в подкрепление ко мне пришло в Казань двадцать тысяч войска, я должен идти к ним.

Известие это было, конечно, ложное, но выдуманное Пугачевым чрезвычайно правдоподобно, при содействии прибывшего к нему ржевского купца Евстафия Трифонова Долгополова.

Имея от роду всего 49 лет, Долгополов казался гораздо старше, и, по словам Перфильева, ему было на вид лет шестьдесят.

Среднего роста, сухоощавый и рябой, Долгополов в молодости ставил в Ораниенбауме фураж для лошадей великого князя Петра Федоровича и, по свидетельству А.И. Дебресана, часто «хаживал к бывшему государю»^[520]. Впоследствии, разорившись и будучи обременен долгами, Долгополов решился воспользоваться смутой, извлечь из нее пользу и поправить свои дела. В январе 1774 года он выпросил себе паспорт^[521], занял под векселя у ржевских купцов 2080 руб. и выехал из Ржева. Жене он объявил, что едет в ближние города для закупки хлеба и пеньки, а товарищам, ссудившим его деньгами, – что отправляется на Яик для закупки лисьего меха^[522]. В действительности он отправился искать Пугачева, надеясь извлечь пользу из своей прежней деятельности в Ораниенбауме. Долгополов настиг Пугачева на последнем ночлеге перед Осой, но за несколько дней перед тем самозванец знал уже о скором его приезде.

– Везут наши башкирцы по почте из Петербурга, – говорил однажды Пугачеву сын башкирского старшины Кинзи, – какого-то к вашему величеству человека,

который сказывается, что к вам послан от Павла Петровича.

В день приезда Долгополов был введен в ставку самозванца, который сидел на ковре, одетый в шелковый халат. Приезжий низко поклонился и стал на колени.

– Кто ты и откуда сюда приехал? – спросил Пугачев.

– Я города Ржева-Володиминова купец, служил при вашем величестве и ставил овес в Рамбове [Ораниенбауме], когда вы были еще великим князем, но денег за пятьсот четвертей до сих пор не получил.

– Знаю, знаю, – сказал самозванец, – помню, что я тебе должен.

– Я теперь в несчастий, – говорил Долгополов, – меня дорогой ограбили.

– Молись Богу, когда я буду счастлив, то все заплачу.

Долгополов вынул из кисы черную шляпу, обшитую золотым позументом, желтые сафьянные сапоги и шитые золотом перчатки.

– Павел Петрович, – говорил Долгополов, передавая подарки, – приказал кланяться вашему величеству.

– Благодарствую, – отвечал обрадованный таким заявлением Пугачев, принимая подарки.

Зная, что «множество людей собралось к ставке, любопытствуя о причине приезда» нового лица, самозванец приказал поднять у ставки полы и, увидя, что ближе всех стояли Овчинников, Перфильев, Творогов и другие старшины, пригласил их к себе и просил сесть.

– Ты зачем ко мне прислан? – продолжал спрашивать Пугачев Долгополова.

– Меня, ваше величество, прислал Павел Петрович посмотреть, подлинно ли вы родитель его, и приказал возвратиться к себе с отповедью.

– Узнал ли ты меня?

– Как не узнать! Вы жаловали меня вот этим зипуном и шапкой^[523]. Вы, господа казаки, – продолжал

Долгополов, обращаясь к присутствующим, – не сомневайтесь, он подлинно государь Петр Федорович, я точно его знаю.

Пугачев приказал подать вина, и первая чарка была выпита за здоровье «великого государя», вторая – за государыню Устинью Петровну, а третья – за цесаревича Павла Петровича.

– Благополучен ли он? – спрашивал Пугачев, допивая последнюю чарку.

– Слава Богу, благополучен, – отвечал Долгополов. – Его высочество молодец и уже обручен^[524].

– С кем?

– С Натальей Алексеевной. У меня и от нее есть вашему величеству подарок два камня, я после принесу вам; они у меня спрятаны в возу далеко^[525].

– Вот, детушки, – сказал самозванец, обращаясь к собравшимся, – этот человек прислан от Павла Петровича посмотреть, подлинно ли я отец его, и велено ему, посмотря, возвратиться назад.

Слова самозванца и весть о приезде разнеслись по всей толпе, и большинство верило тому, что Долгополов был уполномоченный цесаревича^[526]. «Почему, – показывали Чумаков и Творогов^[527], – яицкие казаки хотя и прежде звали его [Пугачева] в Москву, а тут еще больше стали склонять, чтоб он в Москву свой путь направил».

– Там, – говорили казаки, – больше знакомых вашему величеству, так скорее помогут на престол взойти.

Пугачев знал, какого рода знакомых он может встретить в Москве, и потому отвечал уклончиво.

– Теперь еще не время, – говорил он, – а когда можно будет, то, конечно, пойдем.

На следующее утро вся толпа двинулась к пригороду Осы, который еще со 2 июня был блокирован башкирцами. Находившийся в Осе с своим незначительным отрядом шихтмейстер Яковлев получил

приказание асессора Башмакова разделить свой отряд на две части: одну отправить к Кунгуру, а с другой идти к нему на соединение в Юговский завод. Он пытался несколько раз пробиться сквозь облежавшую город толпу башкирцев, имел весьма горячие дела 14 и 16 июня и, будучи не в состоянии прорвать блокаду, просил помощи у казанского губернатора, говоря, что неприятель с каждым днем усиливается и опасность угрожает всему прикамскому краю.

По первым известиям о появлении башкирцев в начале июня у Осы, генерал фон Брандт собрал с большим трудом из разных мест сто человек с двумя трехфунтовыми пушками и отправил их в Осу под начальством секунд-майора Скрипицына. Последнему было приказано усмирить терсинских татар, рассеять башкирцев, намеревавшихся напасть на Сарапульскую волость, и вообще удержать жителей от восстания на пространстве от Осы до Мензелинска.

Расположенный на берегу реки Камы, пригород Осы находился на главном казанском тракте, и потому захват его мятежниками открывал им свободный путь в Казанскую губернию. Вот почему Брандт собрал последние силы и отправил их в Осу. Взяв с собой 100 человек вооруженных мужиков и 48 нижних чинов, майор Скрипицын выступил из Сарапула, по дороге присоединил к себе капитана Смирнова, шедшего с 40 человеками низших чинов из Казани, 116 человек команды, находившейся в Рождественском заводе, и с этим отрядом 18 июня подошел к Осе. В это время башкирцы атаковали пригород и успели отхватить три пушки со снарядами, но, заметив приближение отряда, отступили. Скрипицын пробился сквозь толпу мятежников, впрочем, без потери, и соединился с гарнизоном. Таким образом, с прибытием Скрипицына и за несколько дней перед тем с Боткинского завода прапорщика Евреинова с небольшой командой, силы,

назначенные для защиты Осы, вместе с вооруженными жителями простирались до 1100 человек с 13 орудиями^[528].

В полдень того же 18 июня Пугачев подошел к Осе и отправил свой указ, требуя безусловной сдачи города. Не получив ответа, самозванец приказал толпе расседлать лошадей и идти на штурм пригорода. Начальники войск ободряли жителей, и майор Скрипицын вышел из города с намерением отбросить неприятеля, но потерпел неудачу и принужден был возвратиться с потерей одного орудия, причем человек до 80 из отрядов Скрипицына и Яковлева ушли в толпу мятежников. Войска заперлись в небольшой деревянной крепостце, защищавшей Осу, и открыли огонь по преследовавшим их мятежникам. Защитники осыпали их картечью, камнями и лили на них растопленную смолу и масло. Пугачев был отбит, но от захваченного в плен башкирца в городе узнали, что в толпе у самозванца находится до 8 тысяч человек. Эта цифра испугала многих и впоследствии сильно подействовала на самого майора Скрипицына.

Наутро 19 июня яицкие казаки, объезжая вокруг крепости, кричали, что приехал сам батюшка Петр Федорович, советовали защитникам сдаться без сопротивления, обещая не делать никакого вреда покорившимся. Майор Скрипицын отвечал, что считает Пугачева за разбойника и государственного бунтовщика, сдаваться не желает, а будет защищаться, пока сил его хватит^[529].

В этот день самозванец не предпринимал ничего, а ездил с старшинами к Каме осмотреть ее течение и отыскать место для переправы. Он приказал исправить дорогу вниз по Каме и построить мосты через топкие места. Возвратившись в лагерь, Пугачев собрал к себе старшин, чтобы посоветоваться с ними о дальнейших действиях. Белобородов советовал навить несколько

возов сена, соломы, бересты и, подвигая их фронтом, под прикрытием их подойти к крепости как можно ближе, зажечь их и броситься на штурм.

– Я взял так Уткинский завод, – сказал он.

Пугачев принял совет, приказал приготовить до 15 возов^[530], а между тем подосланные к пригороду казаки требовали покорности и грозили, в противном случае, сжечь город до основания и истребить всех жителей до единого. Они уверяли, что Пугачев истинный государь, и просили для убеждения в этом прислать в их лагерь знающего человека. Преувеличенные сведения о численности сил самозванца, блокирование пригорода со всех сторон и отсутствие какой-либо надежды получить помощь извне произвели колебание среди населения. Образовались две партии: одна советовала сдаться, а другая – защищаться; одни говорили, что Пугачев истинный государь, а другие – что он самозванец. Для более определенного решения этого вопроса население положило отправить в неприятельский лагерь доверенное лицо, отставшего гвардии сержанта, посмотреть на самозванца и убедиться, похож ли он на императора Петра III.

Когда Пугачев, по словам Ивана Творогова, узнал, что ему будут произведены смотрины, «то, переодевшись в простое казачье платье и поставя в ряд казаков человек с двадцать, стал сам между ними и приказал привести посланца из крепости. Как же сей приведен был и сказано ему было, чтоб он узнавал из представленной шеренги государя, то он, смотря порознь на каждого, наконец, уставил глаза свои прямо на злодея и смотрел пристально».

– Что, старик, узнаешь ли ты меня? – спросил тогда Пугачев сержанта.

– Бог знает, – отвечал он, – как теперь узнаешь! В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

– Смотри, дедушка, хорошенько узнавай, коли помнишь.

Сержант смотрел долго.

– Мне кажется, – сказал он, – что вы походите на государя.

– Ну, так поди, дедушка, и скажи своим, чтобы не противились мне, а то ведь я всех вас предаю смерти.

По возвращении посланного майор Скрипицын и поручик Пироговский, при собрании многих обывателей, спрашивали, похож ли самозванец на покойного государя.

– Волосами и глазами как государь, – отвечал сержант, – а лицом несколько не походит, однако действительно уверить не могу.

При этом сержант передал слова Пугачева, что если жители не покорятся, то все будут истреблены. Майор Скрипицын предложил тогда всем собравшимся сдать самозванцу пригород и крепость.

– У нас не осталось ни пороху, ни ружейных патронов, – говорил он, – не лучше ли сдаться без сопротивления, ибо нам против столь многочисленной толпы защищаться уже невозможно.

– Сдаваться злодеям, – отвечал на это Пироговский, – не видя от них еще серьезной опасности, нет никакой надобности^[531].

Скрипицын не слушал советов Пироговского и настаивал на своем. Он вторично отправил сержанта в лагерь самозванца, чтобы тот окончательно убедился, истинный ли это государь или нет? Для сержанта и большинства присутствовавших было ясно, что вторичная посылка требовала утвердительного ответа. Сержант опять посмотрел на Пугачева и на этот раз признал его государем.

– Теперь я узнаю, что ты подлинно наш надежда-государь, – сказал он и поклонился.

– Ну, так уговори своих офицеров, – сказал Пугачев, – чтобы не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью.

Посланный обещал исполнить требование.

– Господа офицеры, полно, не противьтесь, – кричал сержант, возвращаясь в крепость, – он подлинный наш государь Петр Федорович!

Весь день 19 июня прошел в Осе в совещаниях, сдаваться или нет? А между тем утром 20-го числа мятежники стали приближаться к пригороду. Впереди везли возы сначала на лошадях, а потом на людях; за возами шла толпа, готовая броситься на штурм. С городской стены открыли было огонь, но когда заметили, что инсургенты подошли уже близко и намерены зажечь сено и солому, то, опасаясь пожара, жители просили остановиться.

– Не подвигайте возов близко, – кричали они, – дайте нам сроку до завтра посоветоваться, мы сдадимся без драки!

Возы были остановлены, и перестрелка прекратилась^[532].

Майор Скрипицын приказал всей команде, жителям и духовенству быть готовыми к сдаче пригорода и крепости, а сам отправил парламентаря к Пугачеву спросить, «не будет ли его, майора, и команду казнить, за чинимое до того договору сопротивление». Ему отвечено, что государь не только не казнит его, но оставит командовать своими, но только с условием, чтобы при сдаче команда оставила свои ружья, пушки и, выйдя из крепости в открытое поле, ожидала прибытия самозванца.

Вечером, 20 июня, все караулы в Осе были сняты, захваченные в плен в предыдущих сражениях мятежники выпущены на свободу, а убитые и валявшиеся до того в форштадте ночью похоронены.

Утром, 21 июня, в городе тихо прозвонили в колокола и отворили ворота. Жители и войска, имея во главе майора Скрипицына и поручика Пироговского, вышли с колокольным звоном из города с иконами, хлебом-солью и со знаменем. «Обезоруженные солдаты, – говорит очевидец^[533], – распустив волосы по плечам, уныло шли к нам». При приближении самозванца все встали на колени, а Скрипицын приказал преклонить знамя.

– Бог и государь тебя прощает, – сказал Пугачев, обращаясь к майору, и приказал не брать у него шпаги. – Если будешь служить верно, то получишь награду.

Команда была отведена в лагерь, приведена к присяге и названа «*Казанским полком*», командиром которого был назначен Скрипицын, произведенный самозванцем в полковники^[534]. Солдатам остригли волосы, сняли с них мундиры и одели по-казацки.

Забрав все ружья, восемь пушек, Пугачев сжег Осу, причем сгорела и церковь. Простояв несколько часов в лагере, в трех верстах от пригорода, самозванец в тот же день двинулся к Рождественскому заводу и, не доходя до него верст 50, ночевал в поле.

По показанием различных выходцев, силы Пугачева в это время находились в пределах от 5 до 8 тысяч человек и состояли из уфимских башкиров, кунгурских и тулвенских татар, красноуфимских казаков, экономических и помещичьих крестьян, живших в окрестностях Осы^[535].

Наутро Пугачев собрал к себе яицких казаков и объявил им, что через нарочно присланного получил письмо от сына, который желает видеться с ним в Казани, и потому он идет к нему на свидание.

Отправив приказание башкирцам выходить в поход с каждого дома по одному человеку, а если в доме три человека, то двум, «дабы во время проезда самого государя была команда больше и тем бы показалась красива»^[536], Пугачев рано утром, 22 июня, двинулся к

Рождественскому заводу и расположился лагерем на берегу Камы. Как только заводские крестьяне деревень Пристаничной, Зубачевки и экономические села Дубровы увидели толпу, они тотчас же стали готовить «коломенки» для переправы государя, но Пугачев в этот день не переправился и закончил свою деятельность тем, что повесил майора Скрипицына и капитана Смирнова.

Следуя вместе с мятежниками и видя всю нестройность пьяной толпы, Скрипицын и Смирнов сознали все безобразие своего поступка и поняли, что при малейшей энергии они могли бы с успехом отстоять Осу и не быть нарушителями долга и присяги. Мучимые совестью, они решились дать знать казанскому губернатору об угрожающей опасности и о нестройности толпы. Скрипицын полагал, что в то время, когда мятежники будут атакованы войсками, он уговорит своих солдат и примет их в два огня. Переговоривши с некоторыми офицерами, Скрипицын «написал в Казань рапорт с приложением во оном двух его злодейских о преклонении к нему народа указов»^[537].

Рапорт был написан рукой Смирнова, вложен в конверт и приготовлен к отправлению, но принимавший участие в совещаниях подпоручик Минеев донес о замысле майора и капитана. Оба они были немедленно повешены у Рождественской пристани, а Минеев произведен в полковники и стал близким человеком у Пугачева.

На следующий день самозванец со всей толпой стал переправляться через Каму.

Не имея возможности воспрепятствовать переправе и опасаясь за вверенные ему заводы, Боткинский и Ижевский, коллежский советник Венцель собрал мастеровых и крестьян, в числе 1300 человек, и поручил их начальству обер-гинтер-фервальтеров: Ижевского завода Ивана Алымова и Боткинского – Алексея

Клепикова. Известие о том, будто бы Пугачев движается к Сарапулу, заставило Венцеля стянуть оба отряда к Ижевскому заводу, но когда было получено достоверное известие, что он переправился у Рождественского завода, тогда Венцель приказал Алымову и Клепикову занять и защищать Боткинский завод. На пути Алымов и Клепиков увидели, что Боткинский завод горит, и потому не пошли на встречу мятежникам, тем более что большая часть их ополчения разбежалась, говоря, что злодеи разбили пригород Осу, так и им не устоять. Оставшись с небольшим числом вооруженных людей, Алымов и Клепиков стали отходить к Ижевскому заводу, и тогда Венцель выслал им на подкрепление отставного секунд-майора Николая Алымова и регистратора Гаврилу Брянцова с 9 солдатами, 200 мастеровыми и тремя орудиями. 27 июня в селе Новокрещенском отряд этот был разбит мятежниками, и в тот же день Пугачев занял Ижевский завод. Венцель, двое Алымовых были убиты, почти все начальствующие лица повешены, а завод сожжен^[538].

В Ижевском заводе было встречено Пугачевым последнее препятствие, и далее он мог следовать свободно до самой Казани.

Глава 15

Приближение Пугачева к Казани. - Меры, принятые правительством к защите города. - Участие в этом населения. - Прибытие в Казань П.С. Потемкина. - Его донесение и участие в обороне. - Появление самозванца и его распоряжения. - Штурм и разорение города.

Приближение Пугачева к реке Каме и падение пригорода Осы вызвали со стороны казанского губернатора фон Брандта усиленную деятельность, но, к сожалению, он лишен был всех средств защиты^[539]. За рассылкой в разные отряды гарнизонных батальонов, в Казани не было ни одной правильно организованной строевой части, которую можно было бы выслать навстречу приближавшимся мятежникам. «Оставшимися от полков сот до четырех армейскими командами, – доносил Брандт^[540], – из выздоровевших и из рекрут состоящими, содержится в городе и тюремном остроге караул».

Тем не менее казанский губернатор принял все меры, какие только были в его власти, и сделал все, что было возможно в его положении. Он предписал воеводе города Хлынова набрать сколь возможно более вооруженных людей и оберегать ими течение реки Камы на пространстве между Осой и Сарапулом. Три штатные команды, содержащиеся в Казани для сыска воров и разбойников, генерал Брандт соединил в одну, взял из Казанского адмиралтейства несколько вооруженных судов и устроил из них в устье реки Камы плавучую батарею. По сторонам батареи были расположены сыскные команды на лодках, а по берегу, по обе стороны лодок, были рассыпаны в цепь по 50 стрелков^[541]. Все

суда, спускавшиеся по реке Каме, велено было осматривать, «ибо, – доносил Брандт^[542], – если явным образом не отважится злодей идти рекой, а вздумает тихо спуститься в лодках, то б не мог прокрасться». Точно такие же заставы в 100 человек с пушками были учреждены в Симбирске, в самом узком месте реки Волги, и находившемся в Малыковке лейб-гвардии поручику Державину приказано «взять должную осторожность и сделать таковую же преграду» в селениях Иргизских и по Волге.

Одновременно с этим генерал Брандт отправил нарочных в отряды Михельсона, Попова, Жолобова, Гагарина и князя Голицына с просьбой поспешить на спасение Казанской губернии. Он настойчиво требовал, чтобы главнокомандующий князь Щербатов выехал из Оренбурга и остановился по крайней мере в Бугульме, дабы быть в равном расстоянии от Оренбурга, Уфы и Казани. Казанский губернатор справедливо говорил, что «башкирские замешательства не столь важны, сколько здесь ныне предстоит опасности»^[543]. Он указывал князю Щербатову, что если Пугачев успеет переправиться через реку Каму, «то *совсем может произвести худые следствия*». Возмутив вотяков, заводских рабочих, помещичьих крестьян и усилив ими значительно свою толпу, самозванец легко мог прервать сообщение между Москвой и Казанью и поднять население многих приволжских губерний. Не имея сам никакой возможности остановить стремление Пугачева, генерал Брандт просил главнокомандующего принять к тому «достаточные меры»^[544].

Несмотря на то князь Щербатов оставался в Оренбурге до 5 июля и лишь в этот день выехал в Бугульму, в сопровождении одной роты гренадер, одного эскадрона гусар и 150 человек малороссийских казаков. Ссылаясь на «изнуренное и день от дня ослабевающее здоровье», он подвигался медленно и

надеялся на предприимчивость Михельсона, которому приказано было преследовать Пугачева.

«При всех сих неприятных обстоятельствах, – доносил князь Щербатов императрице^[545], – которым единственная причина слепое и развращенное предательство простого народа к злодею и великое пространство земли, которого повсюду обнять нет возможности и которое причиняет замедление в переписке – *возлагаю я теперь лучшее мое упование на расторопность подполковника Михельсона*».

Последний был еще на пути из Уфы к Бирску, а все остальные отряды еще далее. Отряд Деколонга находился в Челябине, генерал-майор Станиславский с малолюдной 14-ю легкой полевой командой в Троицкой крепости, генерал Фрейман в Уйской крепости, и князь Голицын на пути к Уфе.

Появление скопищ мятежников по рекам Белой и Ику заставило князя Голицына прежде всего восстановить сообщение с Стерлитамакской пристанью и Табынском. Пройдя через Шарлацкий Ям и деревню Урак, князь Голицын 27 июня пришел в Богучьаны, где и остановился по необходимости заготовить продовольствие. «Таперича, – доносил он^[546], – мое упражнение в том происходит, чтобы здешний край привести в твердое состояние». Оставив гарнизоны в Табынске, Стерлитамакской пристани и в Богучьанах, князь Голицын намерен был двинуться к Уфе и соединиться с отрядом полковника Якубовича. У Бирского перевоза стоял поручик Яворский с очень небольшой командой улан и башкирцев^[547]. В Бузулукской крепости стоял прокурор Чемесов с тремя эскадронами Пензенского дворянского уланского корпуса. Новомосковская дорога оберегалась небольшим отрядом секунд-майора Юшкова, находившегося в деревне Сарманаевой. В Бакалах стоял отряд

полковника Обернибесова и, наконец, в Бугульме – полковника Кожина.

Полковник Кожин, как только узнал о падении Осы и приближении мятежников к Каме, тотчас же приказал полковнику Обернибесову следовать из Бакалов к Мензелинску для занятия

Шуйского перевоза и не допускать инсургентов спускаться на судах по Каме. Выступая к Мензелинску, Обернибесов взял с собой 100 человек пехоты и только 4 человека кавалерии, а отставного поручика Мельгунова с 110 уланами отправил для занятия Ангазятского перевоза^[548]. Это были единственные отряды, направленные за Пугачевым, да и то не по следам его, а к местам возможным для переправы.

Между тем, не встречая нигде препятствия и имея в своем распоряжении до 7 тысяч человек с 12 орудиями^[549], самозванец широко раскинулся по обоим берегам реки Камы и охватил огромное пространство. Силы его с каждым днем увеличивались, и толпы мятежников появились одновременно в Сарапуле, Елабуге, Заинске и на всем правом берегу Камы, до Ижевского завода. Сподвижники самозванца захватывали суда, спускались вниз по Каме, грабили села и деревни, расположенные по обоим берегам реки.

Дойдя до Мензелинска и получив известие, что из Сарапула спускаются три барки с вооруженными людьми, полковник Обернибесов с своим отрядом и 50 человеками вооруженных мензелинских жителей форсированным маршем перешел в деревню Ветки, сделав в 16 часов более 80 верст. Здесь он узнал, что барки с мятежниками находятся у села Челнова, выше Камы. Расставив стрелков по берегу, Обернибесов ожидал приближения барок, но наступил вечер, а мятежники не показывались. Тогда Обернибесов, не желая дать им возможности спуститься вниз ночью, отправил вверх по Каме несколько гребных лодок с 35

вооруженными людьми, а за ними берегом послал 16 человек рядовых с прапорщиком Буниным. Пройдя 7 верст, лодки и команда встретили плывших мятежников, потопили несколько лодок с людьми и принудили две барки сдаться; третья барка успела прорваться, но на высоте деревни Ветки была встречена выстрелами и посажена на мель. Захватив на всех судах 373 человека в плен, преимущественно крестьян помещиков Глебова и Собакина, полковник Обернибесов отправил их в Мензелинск, а сам пошел к Заинску с намерением следовать далее к устью реки Вятки.

В это же самое время находившийся в Бугульме полковник Кожин отправил графа Меллина с 130 человеками пехоты, 40 чугуевскими, 48 малороссийскими казаками и с двумя пушками из деревни Сарманаевой к Шуранскому перевозу на реке Каме. Подпоручик гвардии Ермолов с 120 человеками уланов послан был из Бузулука в Черемшан, где и должен был ожидать приказаний графа Меллина. Поручик Веденяпин с 40 драгунами и 80 яицкими казаками, выступив из Бугуруслана, должен был охранять пространство между слободой Черкасской и пригородом Сергиевским. Небольшие отряды от 30 до 40 человек были поставлены в Заинске, в деревне Шаутах и на новомосковской дороге. Таким образом полковник Кожин разослал свой отряд по разным местам, «а сам, – доносил он ^[550], – для удержания сего поста [Бугульмы] и всех здесь мятущихся в околележащих селениях жителей, *остаюсь почти одной только своей персоной*, не давая поводу выступлением своим сим мятущимся жителям, и особливо башкирцам, похитить сей нужный и коммуникационный пост. Давно от меня сообщено полковнику Якубовичу (в Уфу), чтобы сие место скорее закрыть, еще до выступления Обернибесова, только и поныне ответа от него не имей; Михельсон теперь, надо

думать, уже на реке Вятке, о чем и губернатора казанского уведомил».

Предположения Кожина были не совсем точны.

До 21 июня Михельсон не имел точных сведений, где находится Пугачев. В этот день он разбил толпу мятежников на реке Бире и от захваченных в плен узнал, что самозванец говорил окружающим, что пойдет не к Кунгуру, а к Казани. Михельсон пошел по указанному направлению, 22 июня разбил мятежников на реке Таныпе и далее на пути узнал, что Пугачев переправился через реку Каму и что мятежники, найдя в Сарапуле суда, сели на них вместе с жителями и поплыли вниз по реке^[551]. «Я точного сведения о Пугачеве еще не имею, – доносил Михельсон 27 июня^[552], – однако считаю, что сей злодей повернул к стороне Хлынова, почему и поспешаю на него и, может быть, должен буду перейти за Каму».

Переправившись 29 июня через реку Танып и подойдя к деревне Садыбашевой, подполковник Михельсон рассеял толпу мятежников до 500 человек, причем от захваченных в плен получил ложные сведения о движении самозванца. Пленные говорили, что Пугачев в Сарапуле, и потому Михельсон двинулся к деревне Масляный Мыс, где узнал, что самозванец пошел к Казани. Найдя все паромы и лодки уничтоженными и не имея возможности переправиться в этом пункте, Михельсон повернул к селению Каракулину и отправил приказание поручику Мельгунову оставить на Ангазятском перевозе достаточную команду из верных нам иноверцев, а самому с 100 человеками уланов идти к нему на соединение.

Присоединение свежей кавалерии к отряду Михельсона было крайне необходимо. «Деташемент мой, – писал он князю Щербатову^[553], – с самого начала был не в лучшем [не в исправном] состоянии, а особливо Архангелогородский эскадрон, в коем по большей части

старые и изнуренные лошади, и составлен собранными со всего полка людьми, кои ныне на своих негодных лошадях так, как пешие; равномерно же и остаток казанских гусар [Казанского дворянского корпуса], как и большая часть моей прочей команды».

В Каракулине было получено известие, что Пугачев пошел по Арской дороге прямо на Казань. Тогда Михельсон двинулся по кратчайшей Зюренской дороге, надеясь выйти на встречу Пугачеву, прежде чем он придет к Казани. «Я бы охотнее пошел по Арской дороге, – доносил он^[554], – но опасаясь, что его не догоню, а он мне снятием переправ по реке Вятке может сделать остановку. Ежели злодей действительно пошел к Казани, то я надеюсь, ежели прежде с ним не встречусь, [то] сего месяца 8 или 9 числа равномерно же прибыть к Казани».

В ночь со 2 на 3 июля Михельсон с большими затруднениями переправился через реку Каму^[555], 3-го числа дошел до села Пьяный Бор, 5-го числа переправился через реку Ижь, но, сколько ни торопился походом, он не находил возможным, с изнуренными людьми и лошадьми, поспеть к реке Вятке на перевоз ранее 8 июля. Поручик Мельгунов к нему не прибыл, а пошел на соединение с Обернибесовым к Мензелинску^[556], и таким образом, не имея возможности освежить свой отряд и усилить переходы, Михельсон не успел предупредить самозванца и прибыл к Казани в то время, когда город был уже разорен мятежниками^[557].

Находясь между реками Казацкой и Кулаком, тогдашняя Казань состояла преимущественно из деревянных построек и разделялась на три части: крепость, город и слободы. Крепость была в полуразрушенном состоянии и находилась в западной части города на берегу Казанки, причем самый длинный фас ее шел параллельно реке Булаку. Образуя сомкнутый многоугольник, крепость имела 750 сажен

длины, и в юго-восточном углу ее был Спасский монастырь. К востоку от крепости раскинулся город, в котором наиболее выдающимися зданиями были гостиный двор и девичий монастырь. Оба здания находились вблизи крепости, и потому, овладев ими, можно было обстреливать крепость с двух сторон. Вокруг крепости и города насыпаны были земляные батареи, соединенные между собой рогатками. За ними лежали слободы, составлявшие предместья города. На берегу озера Кабана находилась слобода Архангельская, а левее ее – Суконная, через которую проходила дорога в Оренбург. К Суконной слободе прилегало Арское поле, в западной части которого, со стороны реки Казанки, были: загородный губернаторский дом, кирпичные заводы и роща, принадлежавшая помещице Неёловой. Между заводами и рощей пролегал большой сибирский тракт.

В начале 1774 года, с появлением башкирских шаек у границ Казанской губернии, были приняты меры к защите Казани, но меры эти были ничтожны. По распоряжению губернатора исправляли крепость, но за неимением средств и рук работы подвигались весьма медленно. По недостатку войск городская молодежь приучалась к военным порядкам при местных командах, и по желанию дворян дети их, находившиеся в гимназии, занимались фехтованием. Казанская гимназия купила на свой счет 450 карабинов и пики, и под руководством директора Каница производилось обучение учеников действовать оружием.

В Казани находилось до 400 человек регулярных войск разных команд. В конце июня прибыл полковник князь Одоевский с 120 человеками гренадер^[558], а 10 июля должны были прибыть две роты Владимирского пехотного полка под начальством капитана Коха, в составе трех офицеров и 187 нижних чинов^[559]. Таким образом, число регулярных войск доходило до 700

человек, а затем дальнейшая защита города зависела от числа вооруженных жителей. Полковник князь Одоевский предлагал сформировать отряд в 600 человек, выслать его навстречу Пугачеву, остановить наступательное движение самозванца и тем дать возможность Михельсону нагнать его и атаковать с тыла. Опасение оставить город без войск заставило совещающихся прибегнуть к полумере и отправить навстречу самозванцу полковника Толстого с 100 человеками пехоты, 100 карабинерами и одним орудием. Вместе с тем решено было построить вокруг города несколько батарей, причем полковник Свечин предложил сделать вокруг слобод ров и при содействии жителей браться вырыть его в три дня^[560]. Это предложение было отвергнуто и решено построить батареи только вокруг города, а слободы обнести рогатками и предоставить их собственной защите. Решаясь на такую меру, защитникам следовало всех жителей слобод перевести в город, а строение уничтожить, но так как этого сделано не было, то слободы представили прекрасное закрытие для мятежников при штурме города.

Такое упущение объясняется отчасти тем, что большинство не предвидело серьезной опасности городу. Зная, что самозванец преследуется со стороны Екатеринбурга отрядами майоров Гагрина и Жолобова, что из Башкирии идет за ним Михельсон, а близ Камы стоит полковник Якубович с своим отрядом, большинство начальствующих не верило, чтобы самозванец мог появиться у Казани.

«Приступая к рассуждению об оказавшихся якобы опасностях городу Казани, – писал генерал-майор Ларионов^[561], – согласен я взять меры ко укреплению сего города; но как не предусматриваю я ни скорой к тому и ниже отчаянной опасности, то и желал бы, чтобы пронесшиеся о том слухи не потревожили живущих в

здешнем городе и по окрестностям оного всякого звание и рода людей и не привели бы в замешательство нынешнего земледельчества».

Ко времени появления Пугачева было заложено до девяти батарей, но успели окончить только пять, причем каждая батарея была вооружена не более как одним орудием. Начиная от Арского поля и реки Казанки – около Суконной слободы, сел Архангельского, Плетени, слобод Мокрой и Ямской, снова до реки Казанки – все пространство было обнесено рогатками. Эта огибавшая Казань оборонительная линия, имевшая более 15 верст протяжения, была разделена между тремя начальниками: генерал Баннер командовал батареями на линии от Арского поля до озера Кабана; генерал-майор Ларионов – от Плетеней до Ямской, а остальной линией до Казанки наведывал полковник Свечин. Ограждение рогатками предместий было возложено: слободы Суконной на коммерции советника Дряблова, Архангельской и Плетеней – на экономических крестьян, Ямской – на ямщиков, а от Мокрой до Казанки – на обывателей города. Крепость находилась в ведении коменданта полковника Лецкого, а часть города, огибаемая рекой Казанкой, от Мокрой до Арского поля, поручена защите члену адмиралтейской конторы Щелину. Он должен был вооружить мелкие суда и наблюдать, чтобы мятежники, добравшись до Казанки, не могли перейти ее в брод и напасть на город с этой стороны^[562].

3 июля в Казани было объявлено предложение губернатора, чтобы жители приняли меры и содействовали защите города. Генерал фон Брандт писал, что город защищен рогатками, за которыми будет поставлено 200 (?) пушек; что начальство над войсками и наблюдение за работами по исправлению укреплений поручено генералу Баннеру и шефу казанского дворянского корпуса генерал-майору Ларионову. От

присутственных мест и жителей потребованы ведомости, сколько может быть выставлено вооруженных людей и каким оружием. Директор казанской гимназии фон Каниц донес, что команда его будет состоять из 6 дворовых людей директора, 13 учителей, 39 учеников и 2 приказных; что дворовые и ученики будут вооружены пиками, а учителя и два дежурных офицера, как «люди шпажные», будут иметь по паре пистолетов^[563].

Все вооруженные жители были разделены по участкам, и каждому указан свой пост на случай тревоги, сигналом для которой должны были служить орудийные выстрелы и набат всех церквей города. Если бы в городе случился пожар, то тушение его возложено на полицейские команды и на назначенных для того обывателей. Оставление же своего места во время боя, хотя бы и для спасения собственного имущества, строго воспрещалось, и нарушителей порядка приказано было колоть или застрелить, чтобы прочие «воздержались и были неотлучными до последней капли крови при своих местах».

С этого дня в Казани заметно было особое оживление. Население города разделилось на две части: одна вооружалась, а другая, не особенно верившая в силу оборонительных средств, покидала город, уезжая с семьями и имуществом в Москву, Симбирск и Пензу. В день губернаторского объявления, 3 июля, генерал-майор Ларионов просил генерала Брандта уволить его в Москву на 29 дней, говоря, что он уже имеет такое разрешение от генерал-кригс-комиссара генерал-аншефа Глебова^[564]. Генерал фон Брандт не считал себя вправе отменить разрешение, данное прямым начальником, и генерал-майор Ларионов уехал из Казани. Его дистанция перешла в руки генерала Баннера, который еще в 1771 году был уволен по неспособности от командования Московским легионом.

При этом надо сказать, что при дальнейших распоряжениях между представителями правительственной власти не было ни согласия, ни единства в действиях. Корпоративные начала, сословные предубеждение и отсутствие дисциплины удаляли всякую возможность к единомудушной защите города. Директор казанской гимназии Каниц, сообщая губернатору, что для защиты города он может выставить 74 человека вооруженных гимназистов, просил выдать им порох и пули. При этом он писал, что его корпусу, «в коем, выключая дворовых, люди упражняющиеся в пауках, непристойно с прочими гражданами мешаться наряду, то чтоб повелено было означить место, где бы гимназическая команда при обороне города сама собой, под предводительством своего командира, стоять могла»^[565].

Гимназистам назначено было защищать батарею, поставленную на открытом месте, против Арского поля; проходившая впереди батареи главная сибирская дорога была перекопана, и за насыпью поставлен караул. Гимназисты были построены в две шеренги, из коих передняя имела карабины, а задняя пики. Впоследствии к ним присоединились художники и ремесленники из немцев, вооруженные 50 карабинами и разместившиеся по флангам гимназистов.

В таком положении была защита Казани, когда 7 июля генерал Брандт получил письмо татарина Мусалима Алмаметева, уведомлявшего, что 4-го числа Пугачев с его толпой находился в экономическом селе Мамадышах^[566]. Казанский губернатор не поверил этому сообщению, надеясь, что Михельсон или нагнал мятежников, или вышел им навстречу. «Я в сем, что Пугачев тут [в Мамадышах], – писал Брандт князю Щербатову^[567], – сомневаюсь, потому что подполковник Михельсон, надеюсь, что сим временем ходит уже не напрасно».

Надежда на содействие Михельсона и на то, что он придет в Казань ранее мятежников, была всеобщей. Этой надеждой питались не одни жители, но и представители власти, в том числе и начальник секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин, приехавший в город 8 июля.

Человек не особенно высокой нравственности, но сильный поддержкой в то время быстро возвышавшегося троюродного брата, впоследствии князя Таврического, Павел Сергеевич Потемкин явился в Казань хозяином, толковавшим по-своему данные ему полномочия императрицы. Не имея права вмешиваться в административные распоряжения и лишенный возможности, по краткости времени, осмотреться и познакомиться с положением дел, П.С. Потемкин тем не менее в день своего приезда уже отправил донесение императрице, в котором сделал все, чтобы поставить себя главнейшим распорядителем по защите Казани от нападения мятежников. «В приезд мой в Казань, – писал он ^[568], – нашел я город в столь сильном унынии и ужасе, что весьма трудно было мне удостовериться о безопасности города. Ложные по большей части известия о приближении к самой Казани злодея Пугачева привели в неописанную робость, начиная от начальника, почти всех жителей, так что почти все уже вывозили свои имения, а фамилиям дворян приказано было спасаться. Я не хотел при начале моего приезда оскорблять начальника, но представлял им, что город совершенно безопасен и, благодаря Бога, имел счастье их удостоверить и успокоить».

Это скороспелое и основанное на неправде донесение оканчивалось хвастливым заверением П.С. Потемкина, что он *погибнет* прежде, чем допустит мятежников атаковать город. «Я предлагал губернатору, – писал он, – что если он имеет хотя малый деташемент, то приемлю на себя идти навстречу

злодею; но по недостатку военных людей, с нуждой набрать можно до 500 человек, которых отделить далеко не можно, дабы не обнажить города. *Все сие однако ж не воспрепятствует по первому известью о приближении его от Вятки к Казани, чтоб я не выступил с помянутым детаментом».*

Все это были одни слова без дела, и Пугачев подошел к Казани, не встретив отряда П.С. Потемкина.

Отойдя несколько верст от Ижевского завода, самозванец 29 июня праздновал свое тезоименитство, под именем Петра III и день именин цесаревича Павла Петровича. На другой день, после усиленной попойки, толпа двинулась далее и, проходя через селение, забирала с собой всех крестьян поголовно. Священников, выходивших навстречу с крестами, отпускали в свои дома, а тех, которые не желали исполнить этой церемонии, вешали.

10 июля Пугачев разбил высланный ему навстречу отряд Толстого, причем последний был убит, а команда его частью передалась на сторону мятежников, а частью разбежалась по лесам.

Ободренный этим успехом, самозванец призвал к себе секретаря Дубровского и приказал ему написать указ, чтобы жители покорились государю без сопротивления, приняли его с честью и сдали город; покорившимся обещаны разные милости. Указ был написан, и 11 июля самозванец, подойдя к Казани, остановился при Троицкой мельнице, верстах в семи от города. Растянувшись до села Царицына, толпа мятежников, по словам Творогова, «никогда так многочисленна не была, как теперь» и состояла более чем из 20 тысяч человек, впрочем плохо вооруженных или почти безоружных^[569]. Захваченные в толпу и явившиеся добровольно крестьяне имели одни дубины, колья или заостренные шесты. Башкиры были

вооружены луками, а яицкие казаки ружьями, но тех и других было сравнительно мало.

В тот же день Пугачев отправил в Казань атамана Овчинникова с своим манифестом, но тот скоро возвратился назад и объявил, что манифеста «не слушают, а только бранят». Тогда Пугачев решился штурмовать город. Окруженный значительной свитой, в которой было человек до 50 казаков, самозванец в тот же день, 11 июля, поехал осмотреть укрепление и выбрать место, наиболее удобное для штурма. «На Арском поле, – показывал Белобородов, – вышел из садов какой-то старик и сказывал Пугачеву, что в Казани архиерей и все господа сдаться злодею и его встретить согласны, но запрещает им недавно приехавший из Москвы генерал [П.С. Потемкин] да губернатор и говорят: «если-де пойдут злодея встречать с крестами, то мы и кресты из пушек разобьем».

Возвратившись в лагерь и не довольствуясь личным осмотром, Пугачев приказал Белобородову вечером того же дня произвести вторичную рекогносцировку укреплений и города. Когда Белобородов подъехал к городу, защитники были уже на своих местах и неподалеку от гимназической батареи стоял отряд П.С. Потемкина из 450 человек пехоты и 200 конных чувашей^[570]. От этого отряда был выставлен на Арском поле авангард из 80 человек пехоты с двумя орудиями, под начальством Владимирского пехотного полка подполковника Неклюдова.

При приближении мятежников генерал-майор Потемкин вышел из-за рогаток, и хотя при этом не было сделано ни одного выстрела, но на другой день он писал, что «вчера неприятель атаковал Казань и мы его отогнали»^[571].

Отогнанный Белобородов убедился, что хотя город прикрыт батареями и обнесен рогатками, но укрепления расположены так, что представлялась полная

возможность действовать им во фланг и тыл, а явившиеся в стан самозванца перебежчики единогласно заявляли, что в городе мало регулярных войск.

Наутро 12 июля Пугачев разделил свою толпу на четыре части: над одной принял начальство сам, другую поручил Белобородову, третью – Минееву; кто же командовал четвертой колонной, из показаний не видно. Собрав к себе всех старшин, самозванец приказал им следить за тем, чтобы непременно все участвовали в штурме, а те, которые не имели вовсе оружия, помогали бы штурмующим своим криком^[572].

Прикрывшись выставленными вперед возами с сеном, между которыми были размещены пушки, отряды Белобородова и Минеева прошли по Арскому полю, заняли рощу Неёловой и отдельные домики, лежавшие по сторонам главной сибирской дороги. «Погода предвещала нам счастливый успех, – говорил участник^[573], – ветер дул прямо на неприятеля, густой дым пошел прямо на город».

Выставленный П.С. Потемкиным на Арском поле авангард из 80 человек пехоты с двумя орудиями, под начальством подполковника Неклюдова^[574], встретил наступающих выстрелами, но скоро был окружен с трех сторон толпой Белобородова. Двинувшийся было к нему на помощь генерал-майор Потемкин, видя, что мятежники заходят с обоих флангов, предпочел отступить за рогатки.

В это время толпа под предводительством Минеева, хорошо знавшего Казань, овладела загородным губернаторским домом и двинулась далее. Защищавший батарею гимназический отряд был сбит, и неприятель появился в тылу большей части защитников рогаток. На левом фланге жители Суконной слободы, имевшие у себя одну пушку, встретили наступавших рычагами, копьями и саблями, но пушку их разорвало при первом выстреле. Пугачев, лично возглавивший толпу, приказал

открыть огонь картечью; слобода была взята и многие дома зажжены. Мятежники с разных сторон хлынули в улицы. «Главные караулы, не видев ни малейшего нападения, с одной робости, оставив неприятелю пушки и весь снаряд, без всякого порядка опрометью в крепость побежали». Многие солдаты и жители перешли на сторону самозванца и вместе с пришедшей толпой предались грабежу; другие прятались в погребах, запирались в церквах, монастырях или искали также спасение в крепости. Туда же отступил и отряд гимназистов, лишившийся 19 человек убитыми и ранеными; в числе последних было шесть учеников и директор гимназии Капиц. За гимназистами пришел в крепость и генерал-майор Потемкин с своей командой, состоявшей из 300 человек с двумя орудиями. Чуваши все сдались неприятелю, и кавалерия Потемкина состояла теперь из двух арнаутов и одного казака^[575].

Решаясь отступить и не имея возможности захватить с собой находившихся в городской тюрьме и в частных домах арестантов, П.С. Потемкин приказал караульному офицеру, в случае опасности, не щадить их жизни и не отдавать мятежникам^[576]. Многие колодники были заколоты, но большая часть освобождена, в том числе и первая жена самозванца Софья с тремя детьми: сыном Трофимом и дочерьми Аграфеной и Христиной. Она содержалась сначала в частном доме, но под присмотром, а потом, с приближением мятежников к Казани, ее перевели в помещение секретной комиссии. Пожар, дошедший до здания комиссии, заставил караульного офицера отступить с своей командой, и тогда инсургенты бросились освобождать заключенных. Видя это, Софья вышла на двор и вместе с другими была отправлена в лагерь самозванца.

По пути одиннадцатилетний Трофим заметил своего отца, разъезжавшего верхом среди толпы.

– Матушка, – крикнул он, – смотритка, батюшка меж казаков ездит!

– Экой собака, неверный супостат! – вскрикнула Софья так громко, что Пугачев не мог не слышать.

Он сейчас же подъехал к Софье, но не признал ее женой.

– Вот какое злодейство, – говорил он, обратившись к окружавшим его казакам, – сказывают, что это жена моя. Это неправда: она подлинно жена друга моего Емельяна Пугачева, который замучен за меня в тюрьме под розыском. Помня мужа ее мне одолжения, я не оставляю ее.

Софья слушала и не верила своим ушам. Беззастенчивость и нахальство Пугачева озадачили ее настолько, что она не возражала на слова мужа.

– Подвезите вот этой бабе телегу, – сказал самозванец, – и посадите ее с ребятами.

Софья поехала в лагерь, а Пугачев отправился в город на дальнейшие подвиги^[577].

Видя всеобщее замешательство и надеясь захватить крепость врасплох, самозванец и Минеев быстро проскакали по городу, но все-таки опоздали. Крепостные ворота были заперты, завалены камнями и бревнами, и мятежники встречены выстрелами. Тогда Пугачев занял гостиный двор, а его достойный сподвижник Минеев – Покровский девичий монастырь, в церкви которого находился 110-летний старик генерал-майор Кудрявцев.

При отступлении войск в крепость многие убеждали Кудрявцева позволить перенести себя туда же, но он не согласился. При появлении мятежников старец поднялся с кресла и громко закричал: «Как можете вы, изменники, дерзать против своей государыни, осквернять и расхищать храм Божий». Толпа бросилась на старца и умертвила его^[578]. Минеев приказал игуменью и монахинь отвести в лагерь на Арское поле, а на

церковной паперти поставил орудия и открыл огонь по находившемуся в крепости Спасскому монастырю. На тот же монастырь направил свои выстрелы и Пугачев, поставивший два орудия в гостином дворе. Положение столпившихся в крепости жителей и войск было ужасное. Распространившийся по всему городу пожар приближался и к крепости; ветер дул прямо в лицо, и воздух сделался удушливым от палящего жара и нанесенного дыма. Деревянные здания крепости неоднократно загорались, а ветхие стены крепости грозили обвалом; повсюду слышались стоны раненых, крики женщин и детей. Среди защитников поднялся ропот; многие говорили, что гарнизон не в состоянии защищаться, и являлась мысль, не лучше ли сдаться. Потемкин принужден был повесить двух зачинщиков и «тем устранил всех и принудил к повиновению». Канонада продолжалась, и самое тяжелое испытание в этом общем несчастье выпало на долю Спасского монастыря.

«Казанское несчастье, – писал Платон Любарский^[579], – и мой монастырь, хотя он и в крепости, задело, ибо как он в самом переднем – откуда она грозная туча подходила – состоит фасе, то, будучи осажденным, сделался главным предметом стрелам, пулям, ядрам, штурмованию и неоднократно в разных местах зажжен был. Наконец, от пожирающего всю сплошь Казань пламени крепость, паче же монастырь мой, толь сильным объят был жаром, что если бы всех в нем деревянных крышек и пристроек не сломали, то следовало осажденным непременно погибнуть.

Таким образом, *Спас* многие тысячи народа *спас*, но самого едва скелет остался: на всех церквах, кельях, службах и конюшнях крыши разобраны; двери, окна, пристройки иные выгорели, иные разломаны, так что теперь от дождя, ветра и холода ни покрова, ни защиты не имеем».

«Подробности казанского несчастливого приключения, – писал Платон в другом письме^[580], – не только мне, но ни Гомеру или Демосфену описать (если бы сии воскресши зрителями были) невозможно. Монастырь мой в крепости хотя от разграбления и избавился, однако от преужасного форштадтного вблизи пламени жару, во многих местах загорался, почему все деревянные крыши, здание и заборы разломаны и растащены, окна иные растрескались, иные выбиты; церкви, кельи, погреба и конуры наполнены бедными постояльцами. Имение мое, кое получше, хотя и уцелело, но мелочь в смятении, тесноте и беспамятстве растерялась». Посланный в епархию и случайно не бывший при общем разгроме города Платон Любарский, по возвращении своем в Казань, «застал не монастырь, а вертеп разбойника».

Многие недосчитались не только имущества, но и близких: мужей, жен и детей. Мятежники рассыпались по городу, писал Ювеналий^[581], «как ветер бурный; везде слышим вопль, рыдание и стон; страшные слова *коли его* часто повторяемы были». Варварство доходило до того, что, прежде чем мать падет от руки изверга, в ее глазах бросали в огонь младенца, и часто женщины умирали после поругания и насилования^[582]. Кто был в немецком платье и без бороды, всех убивали. Священники грузинской церкви были в одной рубаше и босиком, чтобы не отличаться от простого народа и не быть узванными мятежниками^[583]. Пугачевцы грабили дома и зажигали их. Пламя пожара все шире и шире распространялось по городу, подошло к крепости и стало угрожать самим мятежникам. Тогда Пугачев стал отступать и приказал своим сообщникам возвращаться в лагерь. Улицы города, по которым еще можно было проходить, представляли ужасное зрелище: по ним гнали пленных, двигались взад и вперед мятежники с нагребленным имуществом и в самой пестрой одежде:

в стихарях, подрясниках, женском платье и проч. Разграбление города началось в шесть часов утра и продолжалось до глубокой ночи. Многие, в том числе Пугачев и Белобородов, ездили в лагерь обедать и потом снова возвращались на грабеж и разорение.

У большой палатки самозванца толпились добровольные его подданные, на завалинке сидела законная его жена Софья с тремя детьми, а внутри палатки, у разостланных перин, видны были пять женщин, одетых в немецкое платье.

Был полдень. Самозванец вернулся в свой стан, слез с лошади, передал ее казаку и, не обращая внимания на Софью, прошел в палатку. Подскочившие к нему две девки приняли от него шапку, сняли саблю и раздели. Пугачев прилег на перину в ожидании обеда; обедал он в этот день один, а собравшиеся казаки стояли в почтительном положении и без слов *батюшка* или *ваше величество* ничего не отвечали на его вопросы. Обращаясь к девкам, самозванец говорил обыкновенно: «девка, подай то; девка, одень» и они друг перед другом торопились исполнить приказание.

Тотчас после обеда Пугачев переменил место своей ставки, переехал на другую сторону Арского поля и затем отправился опять в город, пожираемый пламенем и разрушавшийся. Сцены одна другой возмутительнее сменяли друг друга: запоздавшие грабители выбивали в храмах двери, стреляли в окна, обдирали образа, богохульствовали. «Святость шестнадцати церквей была поругана злодеями, которые не щадили ни пола, ни возраста и тиранским образом умерщвляли даже тех, кто искал спасение у самого алтаря»^[584]. Город был подожжен более чем в девяти местах, сгорел почти весь, и, по словам очевидца, по самую Егорьевскую улицу в нем «не осталось ни кола»^[585]; уцелели только части Суконной и Татарской слобод^[586].

День 12 июля дорого стоил Казани: она лишилась 162 человек убитыми, 129 ранеными, 486 пропавшими без вести и 2 сгоревшими – всего 779 человек. Из 2873 домов, считавшихся в городе и слободах, было сожжено и разграблено 2063 дома и уцелело 810 домов^[587]. Большинство населения было выгнано на Арское поле, и вечер застал Казань совершенно опустелой.

Мятежники мало-помалу вышли из города, и выстрелы прекратились. Пока длилась канонада, казанский архиепископ Вениамин пять раз в течение дня совершал богослужения в Благовещенском соборе. Когда утихла стрельба, архипастырь отпел благодарственный молебен, поднял кресты, иконы и, желая совершить крестный ход, послал диакона к отдыхавшему П.С. Потемкину «объявить о сей процессии, чтобы он, услыша благовест и большой звон, не испугался»^[588]. Преосвященный Вениамин обошел по всей крепости, несмотря на нестерпимый жар, дым и пыль, наносимые сильным вихрем, захватывавшим дыхание. Молитвы успокоили несчастных, но томительная казалась наступающая ночь. Кругом зарево пожара, повсюду вопли и бивачные крики разбойников. «Не знали, что сулит грядущий день, ждали ежеминутного нападения, готовились к мученической смерти»^[589]...

Среди такой обстановки генерал-майор П.С. Потемкин писал свое донесение, чернил других, выгораживал себя и рисовался перед своим троюродным братом. «Я в жизнь мою так несчастлив не бывал, – говорил он^[590], – имея губернатора ничего не понимающего и артиллерийского генерала дурака, должен был *по их распоряжению* (?) к защите самой скверной помогать на семи верстах дистанции. Теперь остается мне *умереть*, защищая крепость, и если Гагрин, Михельсон и Жолобов не будут, то не уповаю долее семи дней продержаться, потому что у злодеев есть пушки и крепость очень слаба. Итак, мне осталось одно средство

– *при крайности пистолет в лоб*, чтобы с честью умереть, как верному подданному ее величества, которую я Богом почитаю. Повергните меня к ее священным стопам, которые я от сердца со слезами лобызаю. Бог видит, сколь ревностно и усердно ей служил: прости, братец, если Бог доведет нас до крайности. Вспоминайте меня как самого искреннего вам человека. Самое главное несчастье, *que le peuple n'est pas sûr*»^[591].

В этих строках вылился весь человек, много обещавший, ничего не сделавший и сваливший вину на других. Следуя изречению: *«толцыте и отверзится вам»*, П.С. Потемкин своими письмами достиг цели. Преданность и храбрость на словах и покровительство могущественного тогда троюродного братца сделали свое дело. «Дабы вы, – писала ему Екатерина^[592], – свободные могли упражняться службой моей, к которой вы столь многое показываете усердное рвение, приказала я заплатить, вместо вас, при сем следующие возвратно к вам 24 векселя; о чем прошу более ни слова не упомянуть, а впредь быть воздержаннее».

Воздержанность была необходима П.С. Потемкину во многих случаях, и в особенности в тогдашнем его положении. Последующие события познакомят нас с его характером и деятельностью, а здесь припомним, что, приехав в Казань и не зная, что делается кругом, он уверял всех, что город совершенно безопасен; что он сам погибнет, прежде чем допустит мятежников атаковать его; что выйдет к ним навстречу хотя бы и с 500 человек. Пугачев явился, а Потемкин не вышел ему навстречу, хотя имел в своем распоряжении 450 человек пехоты и 200 конницы. Он выслал в авангард 80 человек, а сам предпочел укрыться за рогатками и затем отступить в крепость. Там собралось более тысячи человек защитников, но и с ними П.С. Потемкин не надеялся отбиться. Обещая в случае крайности застрелиться, он ставил свою жизнь в зависимость от

прибытия Михельсона, которого отряд был далеко менее числа защитников крепости, но который не побоялся атаковать инсургентов и явился действительным избавителем Казани от дальнейшего покушения неприятеля.

Глава 16

Победы, одержанные подполковником Михельсоном над мятежниками. - Формирование преследующих отрядов. - Переправа Пугачева через Волгу. - Положение края в оборонительном отношении. - Опасение, что самозванец двинется на Москву. - Меры к обеспечению Первопрестольной столицы.

Наступала ночь. На Арском поле, впереди пушек, были поставлены на колени все пленные. Возвратившись из города, самозванец объявил им прощение, приказал отвести в сторону, а для Софьи и ее детей поставить особую палатку возле своей. Некоторые из ближних к нему спрашивали, что это за женщина?

- Это друга моего, донского казака Емельяна Ивановича, жена, - отвечал Пугачев.

Узнав, что прибыли казанские татары с подарками, самозванец уселся в кресла и торжественно принимал дары. В лагере в это время развели огни, привезли из города 15 бочек вина, разобрались по полкам и началась попойка. Пугачев сам разъезжал по стану и благодарил людей; говор и песни не умолкали до полуночи^[593]. Только одни капониры не принимали участия в общем веселье и валялись под пушками, так как им приказано было быть готовыми на случай тревоги, которая последовала весьма скоро и была вызвана приближением отряда Михельсона.

Торопясь настичь мятежников, Михельсон 6 июля переправился через реку Вятку и, несмотря на многочисленные препятствия при переправах и потерю времени при восстановлении мостов, он все-таки вечером 11 июля был всего в 65 верстах от Казани.

Покормив лошадей, не более трех часов, он в час пополудни, 12-го числа, выступил и, пройдя верст десять, получил известие, что Пугачев разбил отряд Толстого и что еще на рассвете, 11-го числа, выступил из деревни Чипчиково, находившейся всего в 35 верстах от Казани. Несмотря на усталость лошадей, Михельсон продолжал движение и, будучи в 45 верстах от города, услышал уже частые орудийные выстрелы. Верстах в тридцати от Казани отряд остановился не более как на час времени, чтобы дать вздохнуть людям и лошадям. Во втором часу пополудни он выступил далее и на пути узнал, что мятежники взяли город и зажгли его: «Великий дым, – доносил Михельсон, – который ежечасно умножался, мне довольным был доказательством».

В 14 верстах от Казани Михельсон получил донесение от авангардного начальника, что в семи верстах от города, неподалеку от села Царицына, вся толпа самозванца построилась к бою. Зная, что у Пугачева не менее 12 тысяч человек, подполковник Михельсон, несмотря на малочисленность своего отряда, не превышавшего 800 человек^[594], и на утомление от продолжительного похода, решился немедленно атаковать мятежников. Выйдя из леса, Михельсон думал сначала атаковать неприятеля с двух флангов, но, видя многочисленность толпы, переменил план и решился ударить в центр боевого расположения, чтобы разрезать неприятеля пополам и потом бить по частям. В центре была поставлена Пугачевым самая сильная и лучшая батарея. «Злодеи, – доносил Михельсон^[595], – меня с великим криком и с такой пушечной и ружейной стрельбой картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал». Приняв сам начальство в центре, подполковник Михельсон приказал небольшим отрядам:

майора Дуве обойти левый, а майора Харина – правый фланги неприятеля.

Пользуясь тем, что впереди центральной батареи находилось золото, мятежники защищались первое время очень храбро. Михельсону пришлось употребить много усилий, чтобы овладеть батареей, уверенность в своем начальнике заставила солдат преодолеть все препятствия, и неприятель был разрезан на две части: большая повернула направо и наткнулась на отряд майора Харина, а меньшая – на майора Дуве. Последний отбил два орудия и скоро рассеял неприятеля, но на долю майора Харина выпала более трудная задача. Остановившись за глубоким рвом и тесным проходом под мельницей, мятежники открыли убийственный огонь. Чтобы рассеять их, майору Харину приходилось перейти через ров и потом подниматься на гору. Не считая отряд Харина достаточно сильным для такой операции, Михельсон оставил майора Дуве действовать самостоятельно, а сам пошел на соединение с Хариним. Ров был перейден, мятежника атакованы и после пятичасового непрерывного боя совершенно разбиты.

«Ночь, – писал Михельсон, – место и утомленные мои кони не позволили мне сей победой пользоваться как бы я мог, ежели бы мои лошади были хотя в малом состоянии». Преследуя неприятеля версты три, подполковник Михельсон отбил 6 орудий и остановился, видя, что «злодеи побежали во все стороны, куда мне за ними гнаться было невозможно». Мятежники лишились до 800 человек убитыми и 737 человек взятыми в плен; потеря Михельсона состояла из 23 человек убитых и 37 раненых.

Переночевав на месте сражения, подполковник Михельсон наутро пошел к Казани, из которой по временам попадались навстречу кучки ночных грабителей с захваченным имуществом; все они большей частью были изрублены или захвачены в плен. Подойдя

к городу, Михельсон нашел его в самом печальном положении, и едва остановился на Арском поле, как Пугачев стал показываться с своей толпой и намерен был многочисленностью своих сил задавить ничтожный отряд, прибывший на выручку города. Сообщив губернатору о вторичном появлении неприятеля, Михельсон сам перешел в наступление, и при содействии вышедшего из крепости отряда под начальством П.С. Потемкина, разбил Пугачева, который поскакал к стороне Алатской дороги. Изнуренные лошади, из коих в отряде не осталось более 30, «которые могли с полверсты скакать», не позволили гнаться далеко за неприятелем, и победитель принужден был остановиться под Казанью^[596].

Утомление отряда было причиной того, что Михельсон не мог вполне воспользоваться одержанными им победами. Самозванец, переправившись через реку Казанку и отойдя верст двадцать от города, собирал свое ополчение. При громадном сочувствии со стороны крестьянского населения формирование новых сил шло весьма успешно и быстро, так что к 15-му числу июля у Пугачева было опять не менее 15 тысяч человек. С ними он вернулся опять к Казани с целью уничтожить отряд Михельсона, всегда наносивший ему поражения. На месте сражения, бывшего 12 июля, противники встретились 15-го числа, причем на помощь Михельсону было выслано П.С. Потемкиным из крепости 200 человек. Этому отряду приказано было действовать во фланг неприятелю, но атака была настолько неудачна, что отряд, теснимый мятежниками, принужден был отступить в замешательстве^[597], и вся слава победы принадлежит опять одному Михельсону и его отряду, вынесшему ее на своих плечах.

«Злодеи на меня наступали, – доносил Михельсон^[598], – с такой пушечной и ружейной стрельбой и с таким отчаянием, коего только в лучших

войсках найти надеялся». В течение четырех часов длился самый упорный бой, и только решимость солдат и вождя, умереть или победить, склонила успех на сторону малочисленного регулярного отряда. Мятежники были разбиты и рассеяны, потеряли всю свою артиллерию, состоявшую из 9 пушек, лишились до 2 тысяч убитых и раненых и около 5 тысяч пленных. Преследуемые подполковником Михельсоном и майором Хариным, инсургенты пытались задержать их в своих лагерях, расположенных в двух пунктах, но были выбиты, причем сам Пугачев едва не попался в плен. За ним гнались более 30 верст, и, только скрывшись в лесу, он успел избавиться от преследователей. Отряд Михельсона понес также сравнительно значительную потерю: он лишился 35 человек убитыми и 121 ранеными, но зато успел захватить в лагерях до 10 тысяч человек обоего пола, которые и были доставлены в Казань. В числе их было до 700 человек солдат, изъявивших желание возвратиться к своим командам. По следствию оказалось, что все они были взяты силой, что Пугачев не особенно доверял им, отобрал от них оружие и «дал только одни шесты». Генерал-майор Потемкин разослал их по командам; «прочие же, – доносил он^[599], – заводские и разного звания люди, по великому числу их, *все наказаны быть не могли*, того для, учиня им присягу, по частям отпускал их в дома; а дабы в пути, от оскудения, не могли сделать никаких насильств и грабежей, то дано им на дорогу каждому человеку по 15 копеек».

Победа эта окончательно обеспечила Казань от дальнейших покушений самозванца, «и невозможно описать, – доносил П.С. Потемкин^[600], – с каким восклицанием и радостью народ видел счастливое окончание сего сражения и с какими слезами приносили благодарственные мольбы Всевышнему».

Императрица щедро наградила всех участников победы. Михельсон был произведен в полковники, и ему пожаловано 600 душ крестьян в Полоцкой провинции^[601]. Офицерам его отряда роздано в той же провинции 3146 душ крестьян или пожалована пожизненная пенсия^[602], а всем нижним чинам третное жалованье^[603]. «Да сверх того прикажите, – писала Екатерина^[604], – весь detaшмент Михельсона одеть и обуть на мой счет, и если в Казани казенных денег нет, то смело дайте купцам ассигнации на мой кабинет или на имя Адама Васильевича Олсуфьева, и все верно им заплачено будет». Директору казанской гимназии Каницу пожалован полугодовой, учителям – третной, а ученикам – годовой оклад жалованья^[605].

Современники высоко ценили заслуги Михельсона и считали его не только избавителем Казани, но и защитником Москвы. Посылая Михельсону «презент», известный богач П.А. Демидов писал ему, что делает это в знак благодарности за то, «что с малым, но храбрым корпусом не устрасился нападать на многочисленную толпу разбойничью»; что «не препятствовали тебе недостатки в пище и лошадях и не удерживала медленность от вспоможения живущих».

«Вы, государь мой, – говорил П.А. Демидов, – следовали по пятам его *более пяти тысяч верст*, по местам пустым и почти непроходимым, и многие ему, вору, с большим уроном делали нападение»; Демидов приводил на память Михельсону, что «с тем же небольшим храбрым корпусом ускорили и Казанское царство от совершенного разорения сохранили и многих пленных благородных от мучительных смертей избавили, и тут со всей его поганой толпой разбили; а паче всего, что тем разбитием отвратили его намерение прийти в царство Московское... Приношу наивящую мою с презентом благодарность и покорно

прошу принять во знак моего усердия, что дал мне жизнь и прочим московским мещанам от убиения собственных наших людей, которые, слышав его злодейские прелести, многие прихода его ожидали и жадно разорять, убивать и грабить дома господ своих желали...»^[606].

Двукратное возвращение Пугачева к Казани и нападение его на Михельсона заставили предполагать, что самозванец намерен был во что бы то ни стало овладеть городом и затем двинуться внутрь России, по направлению к Москве. За Казанью не было никаких войск, и потому разрешение вопроса, куда девался Пугачев и в каком направлении он проявит свою деятельность, было весьма важно. В первые два дня после последней победы в Казани знали только, что толпа его разбилась на небольшие кучки, человек по 20 и 50, и бежит во все стороны^[607]. «Если бы злодей обратил свои действия в Башкирию, – писал П.С. Потемкин^[608], – я бы того желал: там со временем уповал бы успеть во всем и переменить сердца народа; но всего более опасюсь, чтобы он не обратился к Москве. Князь Федор Федорович [Щербатов] сделал ошибку, что обнажил Казань, и что его сюда пропустил, сделал незаплатную вину. Невероятно, с какой ревностью собираются к нему толпы, и приближение его к Москве весьма опасно. Я не премину дать знать, если оно предвидимо будет, и к воспрепятствованию сего отряжу г. Михельсона; но не мешало бы, однако ж, если бы прислать в Нижний Новгород полк пехоты, полк казачий и кавалерийский. Всего более для них кавалерия нужна. Если смей представить, то для удостоверения народа хотя батальон гвардии весьма нужен».

Ближе других находился отряд графа Меллина, и потому генералы Брандт и П.С. Потемкин в один и тот

же день, 14 июля, отправили к нему предписание, чтобы он немедленно следовал в Казань^[609].

После разгрома мятежников, собравшихся в числе 3 тысяч человек, с пятью орудиями, у Рыбной слободы, в 20 верстах от Шурамского перевоза^[610], граф Меллин 16-го числа прибыл в Казань и соединился с Михельсоном. Силы прибывшего были незначительны, а в отряде Михельсона лошади были до того истомлены, что о быстром и безотлагательном движении нечего было думать.

В таком положении генерал Брандт снова обратился к главнокомандующему с просьбой прислать подкрепление, в особенности кавалерии, «дабы в дальнейшую внутренность помянутый тиран ворваться не мог»^[611]. С своей стороны П.С. Потемкин отправил по Волге на лодках небольшую команду для воспрепятствования самозванцу переправиться через реку и просил свияжского воеводу Чирикова взять все суда и лодки на левый берег Волги^[612].

Рассыпавшись по Казанской и Нижегородской губерниям, сообщники Пугачева бродили партиями, сначала человека по два, по три и не более шести, но затем, встретив громадное сочувствие среди крестьянского населения, быстро увеличивали свои шайки, выбирали себе атаманов и под их предводительством вешали дворян, помещиков, приказчиков и грабили имения.

«Проклятый филин, – писал из Хлынова Платон Любарский^[613], – 12-го числа перепугал Казань и хотя, как эхо народное уверяет, крылья ему там и подщипали, однако, видно, нетопыри его, во все околичности казанские разлетевшиеся, все пути преградили, так что в нынешнем месяце из Казани сюда ни ездовых, ни почты не бывало».

Для восстановления сообщения и спокойствия были высланы по разным направлениям небольшие команды, которые успели захватить нескольких важных сообщников Пугачева. Таким образом, были пойманы и доставлены в Казань: 18 июля татары Алиев и Махмутов, солдаты Яковлев и Свешников, а 19 июля ближайший сподвижник самозванца и его полковник Белобородов^[614]. Все они единогласно показали, что Пугачев не более как с 400 человек 17 июля переправился через Волгу. Переправа эта совершилась в нескольких пунктах, но сам Пугачев, с небольшим числом сообщников, переправился в трех верстах ниже селения Сундыря (ныне Мариинский посад), на Кокшайском перевозе, частью на судах, частью вплавь на лошадях. Село Сундырь было сожжено за то, что жители потопили лодки и не вышли навстречу мятежникам; в нем сгорело 250 домов и церковь Казанской Богородицы, из которой мятежники увезли две ризы и два серебряных сосуда, а священника Ивана Петрова убили^[615].

Показывая, что после переправы Пугачев двинулся на московскую дорогу, Махмутов и Алиев прибавляли^[616], что толпа разделилась на две части; сам Пугачев с одной частью направился к Чебоксарам, а другая часть пошла в чувашские селения и помещичьи жительствова. Эти сведения заставили казанского губернатора в тот же день отправить нарочных с извещением к нижегородскому и воронежскому губернаторам и в Москву к князю М.Н. Волконскому.

Нижегородский губернатор Ступишин тотчас же закрыл Макарьевскую ярмарку, распустил всех съехавшихся туда купцов и приказал наблюдать за Керженцом, не волнуются ли раскольники. «Несчастье велико в том, – писал Ступишин князю Вяземскому^[617], – что рассыпанные злодеи, где они касались, все селение возмутили и уже без Пугачева делают разорение, ловят

и грабят своих помещиков». Не имея в своем распоряжении никаких других, кроме гарнизонных, солдат, Ступишин отыскал пять годных чугунных орудий и прибавил к ним 12 собственных однофунтовых пушек, вооружил ими город, а из гарнизонных солдат сформировал два отряда: один, из 50 человек – рядовых с тремя пушками, отправил к Ядрину и Курмышу, а другой, из 30 человек – к Арзамасу. «Вот, милостивый государь, – прибавлял он в письме к князю Вяземскому, – все, что мне можно сделать, не имев довольного числа военных людей. Я застал гарнизон наполненный мало движущими, которые по представлению моему в Военную коллегию оставлены и укомплектовываются рекрутами недоимочными. Если бы я имел хотя до 200 человек легких войск, то бы с Божией помощью не только бы сему злу размножиться не допустил, но и усмирил бы бунтующих, не занимая от войск преследующих злодеев... Я же примечание должен иметь на великие тысячи бурлаков, кои на судах к Нижнему приходят и для сего более всего Нижний должен быть подкреплён войсками».

Пойманные мятежники единогласно показывали, что самозванец намерен идти в Нижний, так как яицкие казаки об этом неотступно его просят.

– Ваше величество, помилуйте, – говорили старшины, – долго ли нам так странствовать и проливать человеческую кровь, время вам идти в Москву и принять престол.

Пугачев обещал исполнить желание своих пособников и говорил, что пойдет на Нижний; но, отойдя верст 15 от Волги, встретил чувашей, которые уверяли, что Нижний сильно укреплен и в городе много войска, а из Свияжска на Цивильск идет отряд правительственных войск. Тогда Пугачев отказался идти по направлению к Москве^[618].

– Нет, детушки, – говорил он, – потерпите, не пришло еще мое время, а когда будет, то я и сам без вашего зова пойду. Теперь же я намерен идти на Дон, там меня некоторые знают и примут с радостью.

Казачи принуждены были согласиться с мнением своего повелителя, тем более что толпа их состояла не более как из 400 человек, и необходимо было прежде всего подумать об увеличении своих сил. В это время Пугачев легко мог быть уничтожен, если бы главнокомандующий был на месте действий и не выпустил войск из своих рук. Генералы Брандт и П.С. Потемкин просили князя Щербатова поспешить прибытием в Казань, «дабы вы, – писал ему Брандт^[619], – яко главный над войсками командир, будучи здесь, по обстоятельствам, часто подверженным переменам, к истреблению злого отечеству врага удобнее могли по общему совету расположить свои достаточные меры».

Князь Щербатов все еще не ехал, и в ожидании его прибытия казанские власти делали что было можно. Полковник Михельсон передал от себя 300 человек графу Меллину, довел его отряд до цифры 700 человек и отправил за Волгу для преследования самозванца. Через день были отправлены за Волгу же еще 150 человек кавалерии, и им приказано следовать на соединение с графом Меллиным.

Сам же Михельсон признавал необходимым остаться в Казани и дожидаться прибытия какого-либо отряда, «ибо, – доносил он^[620], – весь народ в великом колебании». В его руках было более 7 тысяч пленных, которые хотя после присяги и распускались по домам, но при отсутствии войск легко могли образовать шайки и предаться грабежам.

«Не можно представить себе, – писал Потемкин^[621], – до какой крайности весь народ в здешнем краю бунтует, так что вероятия приложить, не видевоное,

невозможно. Источником одного крайнее мздоимство, которое народ разорило и ожесточило».

«Вашему сиятельству предлагаю, – писал он же князю Щербатову^[622], – как истинный сын отечества, поспешите сюда для подания какого учреждения вверенных вам войск от ее величества, ибо когда здесь заступит место Михельсона какой другой деташемент, тогда сей храбрый офицер может идти на поражение злодея, а здесь без вашего присутствия много удобства пропускается. D’ailleurs, mon prince, vous savez que le scélérat trouvera partout des groupes et qu’il fera beaucoup du mal, s’il passe le Volga. J’attends votre excellence avec la dernière impatience»^[623].

Положение князя Щербатова в это время нельзя назвать легким. Обнажив от войск тот край, в который ворвался теперь Пугачев, главнокомандующий не имел средств быстро стянуть войска к угрожаемому пункту и потому должен был прибегать к полумерам. Получив известие о приближении Пугачева к Каме, князь Щербатов, еще из Оренбурга, послал приказание подполковнику Муфелю с легкой полевой командой и Пензенским уланским корпусом следовать с Самарской линии как можно поспешнее к Казани, а князю Голицыну, не останавливаясь в Уфе, идти туда же^[624].

После непрерывных столкновений с башкирцами и многих препятствий в пути, обусловленных характером гористой местности, князь Голицын только 12 июля пришел в Уфу^[625]. Оставив полковника Шепелева с небольшим отрядом для наблюдения за Табынском, Стерлитамаком и Уфой, князь Голицын 14 июля переправился через реку Уфу и двинулся к Нагайбаку. Вторичное приказание главнокомандующего поспешить к Казани заставило его оставить Нагайбак вправо от себя, переправиться через р. Ик и двинуться к Заинску.

«Ваше сиятельство изволите требовать, – доносил он при этом князю Щербатову^[626], – чтобы легкие войска вперед отправить; я не надеюсь, чтобы они могли перед взять от пехоты, потому как она посажена, на подводах; а когда слишком форсировать марш кавалерии, то выбьется вовсе из сил – уже теперь довольно изнурены».

Письма генералов Брандта и Потемкина и первое донесение князя Голицына застали главнокомандующего в Бугульме. Там же князь Щербатов узнал, что подполковник Муфель только 16 июля выступил из Бузулука к Черемшанской крепости^[627], а полковник Обернибесов с своим отрядом 18 июля занял устье реки Вятки^[628]. Отряд Обернибесова был слишком мал, а Муфель далеко от Казани, и затем ближе не было ни одного отряда. Тогда князь Щербатов посадил на подводы свой малочисленный конвой, а сам на почтовых прискакал в Казань и нашел ее в весьма печальном положении.

Возвращавшиеся с разных сторон жители не имели ни крова, ни пристанища; построить шалаши или бараки было не из чего: лес сгорел весь без остатка. Ни хлеба, ни сена, ни дров не было, и большинство населения валялось под открытым небом. Уцелевшие дома были заняты военными и начальством, но и они не имели ни крыш, ни окон: повсюду течь и от ветра нет защиты. Церкви были завалены кладью, и по свободным уголкам ютились разоренные жители; на улицах смрад от дымящихся еще развалин и разлагающихся трупов. Нравственное потрясение, дурные условия жизни и зловоние породили болезни, и в редком семействе не было больных горячкой и лихорадкой. «Оставив общее, – писал Платон Любарский^[629], – заключаю сим мое несчастье, что кроме потери нескольких моих крох и провизии, сижу ныне, как Иов на гноище, без хлеба и покрова, под небом. Что делать? где помощи просить? –

не знаю. Да и кому теперь до нас!.. Павел Потемкин не Бибииков, я к нему не смею и подступиться».

Рассказы современников единогласно свидетельствуют о бедственном положении Казани, да оно иначе и быть не могло, если вспомнить приведенные нами цифры, из которых видно, что более трех четвертей города сгорело дотла. Но П.С. Потемкин, заняв под свою секретную комиссию лучшие дома, находил, что бедствие вовсе не так велико. «Что касается до Казани, – писал он ^[630], – *то хотя город сгорел большей частью и несколько жители пострадали, однако отнюдь не бедственно: пожитки почти всех спаслись и разве самая малая часть оных лишилась (?)*. Многие сказываются, что разорились, лаская себя только награждением».

В этот же самый день князь Щербатов доносил, что в городе тлеет еще огонь и что надо много усилий для восстановления порядка.

Первой заботой главнокомандующего было прикрыть Первопрестольную столицу от всяких покушений мятежников. Опасение, что Пугачев может прорваться и двинуться на Москву, было так велико, что полковник Михельсон получил специальное назначение идти на фланге самозванца и отрезать ему все пути, ведущие в Первопрестольную столицу.

Выступив из Казани и двигаясь на Свияжск и Чебоксары, Михельсон, несмотря на то что получил известие о повороте Пугачева на юг и движении к Алатырю, все-таки предписал графу Меллину не идти прямо по следам мятежнической толпы, а иметь ее всегда в левой стороне. Если бы Пугачев спустился еще на юг и двинулся к Симбирску, «то, надеюсь, – доносил Михельсон ^[631], – могут быть употреблены другие свежие войска к истреблению сих злодеев».

Таким свежим войском мог быть только один отряд подполковника Муфеля, следовавший с Самарской

линии к Казани (431 человек пехоты, 76 драгун и 4 орудия). Казанский губернатор фон Брандт просил убедительно князя Щербатова направить этот отряд прямо к Симбирску наперерез пути самозванцу^[632]. Такое направление было бы совершенно правильным и вполне соответствовало тогдашней обстановке. Соединившись с симбирским гарнизоном, подполковник Муфель мог остановить мятежников, преследуемых графом Меллиным и угрожаемых с фланга отрядом Михельсона. Совокупными действиями трех отрядов Пугачев мог быть прижат к Волге и поставлен в крайне затруднительное положение. Чем более он подвигался на юг, тем река становилась шире, а переправа затруднительнее.

К сожалению, мера эта не могла осуществиться, так как у главнокомандующего не было под руками никаких войск. Правда, что, получив известие о переправе Пугачева через Волгу, князь Щербатов приказал князю Голицыну с его отрядом стать в Мензелинске, части отряда генерал-майора Мансурова перейти из Яицкого городка в Сызрань, а подполковнику Муфелю повернуть к Симбирску и следовать на подводах^[633], но все эти распоряжения были настолько запоздалыми, что Пугачев в течение более чем трех недель не встречал ни войск, ни сопротивления со стороны местных властей и хозяйничал в приволжских губерниях.

Глава 17

Первые действия Пугачева за Волгой. - Манифест самозванца. - Восстание крестьян. - Разграбление города Цивильска. - Самозащита жителей города Ядрина. - Занятие Пугачевым городов Курмыгия, Алатыря и Саранска. - Деятельность преследующих отрядов Михельсона.

Переправившись через Волгу и остановившись в поле, близ деревни Нерадово, Пугачев прежде всего должен был подумать об увеличении своих сил, и с этой целью он разослал повсюду манифест следующего содержания:

«Божией милостью, мы, Петр III, император и самодержец Всероссийский и проч. проч. проч.

Жалуем сим именным указом, с монаршим и отеческим нашим милосердием, всем находящимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короны и награждаем древним крестом и молитвой, головами (?) и бородами, вольностью и свободой, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, во владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброка и освобождаем [от] всех прежде чинимых, – от злодеев дворян, градских мздоимцев и судей – крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений. Желаем вам спасение душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от предписанных злодеев дворян странствие и немалые бедствия.

А как ныне имя наше властью Всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим

именным указом: кои дворяне в своих поместьях и вотчинах [находятся], оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими крестьянами; по истреблении которых противников и злодеев дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут»^[634].

Население приняло этот манифест с большим сочувствием, и крестьяне Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов восстали почти поголовно. Собираясь небольшими толпами, они грабили помещичьи дома, убивали своих господ и священников^[635]. Их примеру последовали чуваша и вотяки, вооружившиеся копьями, стрелами и говорившие открыто, что ждут Пугачева как родного отца^[636].

Предводители партий, бродя из деревни в деревню, толковали жителям манифест самозванца по своему усмотрению и уверяли, что царский указ повелевает всем крепостным крестьянам вести, волей и неволей, своих помещиков в ближайший уездный город, для представления государю. Исполнение этого указа сопровождалось часто самыми ужасными и отвратительными сценами, насилием и проч.^[637]

В стане самозванца производилось расследование, и если крестьяне были довольны помещиками, что случалось весьма редко, то его отпускали, а если недовольны – то вешали. Большинство помещиков бежало из своих имений и принуждено было скрываться в самых непроходимых лесах. Оставшееся без правителей, но привыкшее к власти население обращалось к самозванцу с просьбой разъяснить то положение, в котором оно должно находиться относительно правительства.

«Покорно просим вас, милостивого государя, Петра Федоровича, – писали бурмистр Василий Захаров и староста Кузьма

Егоров^[638], – чтоб нам изволили показать, на каком быть основании, что нам делать, мы не знаем, но хоша и была присланная от вас, государь, команда, однако никакого определения нам не объявила.

А ныне у нас в вотчине имеется господский хлеб, лошади и скот, и что вы, государь, об оном изволите приказать; також и что оставшее в доме господском после вашей команды на оное просим у вас, великого государя, милостивого приказание.

Еще просим у вас, великого государя, на крестьян села Верхнего-Талызина, которые были во владении с нами одного помещика. Оные крестьяне были на оброке, а мы сеяли на их земле хлеб господский, которая у них земля излишняя взята была на господина; а ныне оные крестьяне такой господский посеянный нами хлеб нам не дают, а оный хлеб им не следует, а принадлежит оный хлеб взять нам. О сем просим вас, великого государя, учинить решение.

Однако в вотчине нашей, милостивый государь, много таких, которые и пропитание у себя не имеют, не только какие подати платить, а просят из милосердия у вас, великого государя, чтоб повелено было из господского хлеба нам дать на пропитание и осемениться, за что мы, сироты ваши, должны вечно Бога молить за ваше здравие, великого государя».

Прошение это было не единственное, но как оно, так и другие оставлялись, конечно, без исполнения. Пугачевской коллегии уже не существовало, творить суда и расправы было некому, да и сам самозванец не думал об этом: он шел без оглядки и, спасаясь от преследования войск, повернул на юг, думая пробраться опять к Яику или к заветной для него реки Кубани.

Приближаясь к Цивильску, Пугачев отправил вперед казака Чумакова взять там годных лошадей. Чумаков разграбил город, повесил воеводу Копьева с женой, прапорщика Абаринова и секретаря Попова с их женами и двух мещан. Когда приехал в город сам Пугачев, то жители, не привыкшие к таким сценам, спрашивали, за что повесили их господ, когда они не сопротивлялись? Самозванец отвечал, что, хотя от него и не было дано приказание вешать, но что теперь того уже не воротишь.

Направляясь к Курмышу, Пугачев получил известие, что жители находящегося на пути городка Ядрина приготовились к сопротивлению и не намерены впускать мятежников. По совету поручика Лихутина они вооружились поголовно.

– Сograждане, – говорил Лихутин, – сей грозный день решит судьбу города и нас самих; обязанность каждого из нас предупредить опасность. Забудем свои семейства, имущество и самую жизнь, которая без обороны будет жертвой злодея. Сохраните присягу великой императрице и отечеству, и наградой вам будет благодарность потомства.

– Умрем все за веру, императрицу и отечество! – кричала толпа. – Бог сам спасет нас от многочисленных клятвопреступников. Веди нас сражаться, мы готовы.

При таких условиях Пугачев счел лучшим не ввязываться в серьезное дело, обогнул Ядрин, но отделившаяся от него толпа стала приближаться к городу. Узнав об этом, поручик Лихутин, после напутственного молебствия, переправился с вооруженным населением за Суру, имел горячее дело с мятежниками и отбросил их от города. Победители с торжеством возвратились в город, но впоследствии подвиг ядринцов был омрачен теми жестокостями и истязаниями, которым подвергали они захваченных в плен бунтующих чувашей^[639].

Императрица щедро наградила всех участников в отбитии мятежников, в особенности за то, что они не ограничились защитой города, но, присоединяясь впоследствии к воинской команде, «употреблялись с оной в усмирении мятежников»^[640].

Потерпев неудачу под Ядрином, толпа потянулась по следам самозванца. Последний, в восьмом часу утра 20 июля, подошел к Курмышу. Городское население и дворяне разбежались в разные стороны, а чернь, в сопровождении духовенства, вышла навстречу Пугачеву. Священники Дмитрий Васильев, Евдоким Андреев и Адриан Иванов надели облачение, подняли образа и отправились с народом на берег реки Суры^[641]. Пугачев переправился вплавь через реку и принял хлеб-соль. Отправленные в город казаки привели к самозванцу инвалидную команду, которая, увидя одного унтер-офицера уже повешенным, пришла в «смертный страх». Пугачев приказал прочитать свой манифест и привел к присяге всех вышедших к нему навстречу, причем упоминались имена императора Петра III, императрицы Устиныи Петровны, цесаревича Павла Петровича и супруги его великой княгини Натальи Алексеевны.

«В то время как мы и граждане на берегу были, – доносила инвалидная команда^[642], – его, Пугачева, злодейской толпы казаки в городе грабили церкви, обывательские и наши дома, которыми пограблено во всех местах и из воеводской канцелярии штатной команды солдатские ружья, тесаки и сумы с патронами».

Грабители повесили майоров Василия Юрлова, Дмитрия Маковиева и дворянку Наталью Ульянову. Они захватили все казенные деньги, выпустили казенное вино и раздали безденежно соль крестьянам и чувашам.

После пятичасового грабежа Пугачев повесил канцеляриста Михайлу Еремеева, наградил священников 150 рублями, переправился обратно через реку Суру и,

взяв с собой до 60 человек горожан, добровольно записавшихся в казаки, направился к Алатырю.

Известие о приближении самозванца заставило многих дворян собраться в Алатырской провинциальной канцелярии для совещания, как им защищаться. Во главе собравшихся находился исправлявший воеводскую должность подполковник Матвей Белокопытов и человек десять дворян. Совещавшиеся условились, что если число мятежников будет не более 500 человек, то сопротивляться, а в противном случае встретить их с хлебом и солью. Для разведки неприятеля они отправили прапорщика инвалидной команды Сюльдышева^[643]. По собранным им сведениям, Пугачев располагал более чем двумя тысячами человек, и потому сопротивление ему признано невозможным. Тогда воевода Белокопытов бежал, а за ним бежали и многие дворяне, причем Белокопытов «караул, находящийся у рогаток, так как и обывателей, собранных нарочно на защиту города, вооруженных до 200 человек, распустил». Секретари воеводской канцелярии также разъехались в разные стороны, и прискакавший из Симбирска курьер с «промеморией» не нашел никого в присутствии. Случайно наткнувшись на сержанта штатной команды Михаила Лосева, он передал ему пакет. Лосев прочел бумагу, в которой Симбирская провинциальная канцелярия требовала уведомление, «где злодей находится». Лосев вместе с канцеляристом Василием Поповым отвечали, что злодей приближается уже к Алатырю, и отправили курьера обратно.

Между тем у соборной церкви собралась толпа народа.

– Зачем собрались? – спросил проходивший Сюльдышев.

– Советуемся между собой, как спасти свою жизнь. Воевода и все дворяне бежали из города, а у нас нет

оружия, чем защищаться; мы согласились встретить злодея с честью.

Прапорщик Сюльдяшев говорил, что лучше бы готовиться к обороне города.

– Воля всемилостивейшей государыни, – отвечали ему жители, – нам не с чем противиться, а встретим их с хлебом и солью.

Обыватели разошлись по домам, а Сюльдяшев приказал Лосеву поставить караул у соляных амбаров и близ канцелярии на колокольце, с тем, что если появятся мятежники, то дать ему знать [\[644\]](#). Лосев исполнил приказание, но почти все инвалидные офицеры, не дождавшись приближения самозванца, отправились за город к нему в лагерь [\[645\]](#).

– Хорошо, что явились ко мне, други, – сказал им Пугачев, – но подите домой, вы не годитесь в мою службу – стары.

Утром 23 июля человек 20 яицких казаков приехали в ямскую слободу, находившуюся в четырех верстах от города, приказали населению выходить навстречу государю, страдая в случае сопротивления умертвить всех поголовно. Узнав, что в слободе находится управитель подпоручик Василий Косоговский, казаки вывели его на площадь и секли плетьюми, спрашивая у ямщиков, добр ли он? Одобрительный ответ спас Косоговского от смерти, и ему приказано было находиться при встрече государя с своей командой. Ямщики вышли из слободы с хлебом и солью и при приближении самозванца все встали на колени.

Приняв хлеб-соль от ямщиков, Пугачев направился к городу, впереди которого был встречен населением и духовенством с крестами и образами. Вышедшие по звону соборного колокола

навстречу жители, духовенство и монахи Троицкого монастыря стали на колени. Приложившись ко кресту и приняв хлеб-соль от купечества, самозванец приказал

прочитать свой манифест, а затем последовало целование руки: сначала подходило духовенство, потом именитые люди, в числе которых был и прапорщик Сюльдяшев. По окончании этой церемонии Пугачев сел на лошадь и в сопровождении духовенства, при колокольном звоне, проехал в соборную церковь для слушания молебна. Потом он ездил по городу, был в воеводском доме и приказал захваченные под соборной колокольной медные деньги^[646] раздавать народу. По приглашению Сюльдяшева самозванец зашел к нему в дом, выпил с своими сообщниками чарки по три водки и, видя, что толпа его сильно пьянствует, приказал рубить бочки и выпустить вино. Призвавши к себе бургомистра, Пугачев поручил ему раздать народу соль безденежно и выпустить 49 человек колодников.

– Есть ли у вас в городе серебряники, – спрашивал при этом Пугачев бургомистра, – и пойдут ли они ко мне служить?

– Есть двое, – отвечал спрошенный, – как им не пойти, у вас им лучше будет, чем здесь.

Самозванец приказал прислать их к себе в лагерь и собрать туда же жителей по барабанному бою. В числе собравшихся стоял и прапорщик Сюльдяшев^[647].

– Ты нанялся, что ли, за воеводу остаться в городе? – спросил гневно Пугачев. – Я первого тебя велю казнить.

Сюльдяшев пал на колени.

– Никак нет, – отвечал он. – Ваше величество, я человек маленький, как можно мне за воеводу наниматься?

– Давно ли ты в службе?

– Двадцать пять лет.

– Как же ты служишь так давно, а имеешь чин такой маленький? Если ты мне верой и правдой послужишь, я тебя пожалуй полковником и воеводой здешнего города.

– Служить не могу из-за болезней и ран.

– Ничего, будь ты отныне полковником и в городе главным смотрителем.

Самозванец приказал новому правителю выслать в стан мятежников всех жителей, годных на службу. Таких нашлось человек до 200, и к ним было присоединено еще человек 20 гарнизонных солдат.

На другой день были представлены самозванцу оба серебряника.

– Можете ли вы делать такие рублевики с ушками? – спрашивал их Пугачев, показывая рублевик императора Петра I.

– Можем, – отвечали они.

– А такой портрет, как я, можете сделать?

– У нас штемпелей нет, и сделать такого, как вы, не можем.

Тогда он приказал им приделать к рублевикам Петра I ушки и

раздавал их в виде медалей в награду своим сообщникам. Таких медалей, по показанию Пугачева, было роздано не более двадцати.

Под Алатырем самозванец простоял два дня, и это был первый отдых после бегства его из-под Казани. В эти дни в стан самозванца стекались крестьяне с разных сторон и приводили с собой помещиков и дворян, которых немедленно вешали; таких несчастных было 12 человек^[648]. Всех крестьян, приходивших на государеву службу конными, Пугачев брал с собой, а пеших отсылал назад, и они-то, образовав из себя партии, разоряли все окрестности, задерживали правительственные войска и давали возможность самозванцу продолжать безнаказанно свое опустошительное шествие вниз по Волге.

Подходя к Саранску, 26 июля, самозванец отправил вперед казака Федора Чумакова с 30 человеками казаков для передачи воеводе, присутствующим и мирским людям следующего указа:

«По указу его императорского величества и по определению государственной военной коллегии велено послать (каков и посылается) сей указ с таковым повелением, что как ныне его императорское величество всемилостивейший государь Петр Федорович, с победоносной армией шествовать изволит через гор. Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву, того ради к прибытию его величества с армией приготовить: во-первых, под артиллерию 12 пар лучших лошадей и для следующего казачьего войска хлебных и съестных припасов и для коней фуража: овса, сена и прочего, что принадлежит, дабы ни в чем недостатка воспоследовать не могло. По отправлении ж сего, шествию его императорского величества с армией по должности пристойная встреча с надлежащей церемонией, так как долг присяги и подданства повелевает, стараясь получить монаршее и отеческое милосердие, таковое же, каковое оказано за сие исполнение и прочим верноподданным рабам. А за противность и непокорность своему государю, по силе строгости монаршего правосудия, без наижесточайшего гнева остаться не можете, так как в некоторых местах противникам и изменщикам монаршей воли чинима была [казнь] неупустительно»^[649].

Получив этот приказ, воевода, подполковник Василий Протасьев, товарищ его, Михайло Башмаков, и секретарь, Андрей Метальников, бежали из города; их примеру последовали многие приказные служители, купцы и дворяне. «В Саранске, – доносил впоследствии Михельсон^[650], – ни один дворянин не думал о своей обороне, а все, как овцы, разбежались по лесам». Оставшиеся в городе, находясь между страхом и отчаянием, не знали, что делать.

Рано утром 27 июля передовые казаки явились опять в город с требованием, чтобы население, не исключая духовенства, вышло навстречу государю, а в противном

случае грозили «смертной казнию и пожаром». Облачившись в ризы и подняв ев. иконы, духовенство, в сопровождении граждан, вышло к мосту на р. Инзар. Во главе их стоял с крестом саранского Петровского монастыря архимандрит Александр, которого Пугачев скоро заметил «по шапке с камнями, как быть золотой». Подъехав прямо к о. Александру, самозванец приложился ко кресту, приказал прочитать приведенный нами манифест и затем отправился в собор, где во время ектении упоминалось имя государя Петра Федоровича, государыни Устиньи Петровны и великого князя Павла Петровича с его супругой Наталией Алексеевной. Подарив духовенству 30 рублей, самозванец отправился в дом вдовы бывшего воеводы, Авдотьи Каменицкой, где, по ее приглашению, и обедал. В благодарность за угощение Пугачев повесил ее на воротах вместе с магистратским подьячим Петром Васильевым, а купца Ивана Гурьева засек плетьюми^[651]. На другой день самозванец обедал в Петровском монастыре у архимандрита Александра и выдал на обитель 50 рублей.

Во все это время толпа его грабила город и пьянствовала. Приказав выпустить всех колодников, Пугачев взял в свой лагерь семь пушек, 2½ пуда пороху, 150 ядер и 29 148 рублей, нагруженных на 20 подводах. Повесив предводителя дворянства, отставного генерал-майора Сипягина, и 62 человека^[652] помещиков и дворян, приведенных крестьянами, Пугачев назначил воеводой прапорщика инвалидной роты Шихмаметева, оказавшего особую приверженность к самозванцу, по формированию ополчения и других услуг.

Доставив для пополнения армии государя до 91 человека охотников и вооружив их, прапорщик Шихмаметев 29 июля собрал у собора всех жителей. Подъехав к собравшимся, Пугачев приказал прочитать следующий манифест:

«Божией милостью мы, Петр III, император и самодержец всероссийский и проч., проч., проч.

Объявляется во всенародное известие.

По случаю бытности с победоносной нашей армией во всех, сначала Оренбургской и Сибирской линий местах, жительствующие разного звания и чина люди, которые, чувствуя долг своей присяги, желая общего спокойствия и признавая как есть за великого своего государя и верноподанными обязуясь быть рабами, сретение имели принадлежащим образом. Прочие же, а особливо дворяне, не хотя [от] своих чинов, рангу и дворянства отстать, употребляя свои злодейства, да и крестьян своих возмущая к сопротивлению нашей короне, не повинуются. За что грады и жительства их выжжены, а с оными противниками учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия.

А как по пришествии нашем с армией под город Саранск, находящиеся в оном священного и прочего звание жители, кои чувствуют должность своей присяги и признавая своего монарха, с пристойной церемонией учинили встречу, а особливо усмотрен нами, по оказавшей его верности, прапорщик Михайло Шихмаметев, против прочих весьма отлично, за что и награждается от нас главным командиром и воеводой. Причем поручаются ему здешнего города и всего уезда одного обыватели всякого звания и чина, кои и даются ему, чтоб быть во всяком послушании; да и вам, г-ну воеводе, поступать как в государственных делах, а особливо для склонившегося народа в силу сказанных узаконений, не чиня напрасно никому обид и налогов. С противниками и бежавшими от нашего милосердия, кои сысканы будут, чинить так, как с действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю. И вам, г-ну воеводе, с мирскими людьми чинить в силу нашего указа во всем непременно»^[653].

По прочтении этого манифеста Пугачев выехал из Саранска^[654] и потянулся по направлению к Пензе. Он торопился уйти, опасаясь встречи с правительственными войсками, начинавшими настигать мятежников.

Получивши известие, что Пугачев направился к Алатырю, полковник Михельсон все еще не верил, чтобы самозванец пошел на юг, и полагал, что он делает «маску».

«Я за долг свой считаю, – доносил он князю Щербатову^[655], – оберегать сторону от Москвы; впрочем, прошу ваше сиятельство снабдить меня повелением».

Выступив 19 июля из Казани и соединившись в Чебоксарах с графом Меллиным, полковник Михельсон присоединил к нему роту гренадер, улан, вооруженных пензенским дворянством, два орудия и приказал, двигаясь на Курмыш к Симбирску, преследовать самозванца.

«У графа Меллина, – доносил Михельсон^[656], – лучшая моя конница, без которой я вовсе действовать не могу, да и имев оную, должен признаться, что силы мои истощали, однако долг мой исполнять не оставлю, пока возможности моей будет». Он просил присылки подкреплений и в особенности кавалерии, «ибо злодеи делают свои обращение на переменных лошадях, коих мне иметь невозможно».

Рассеяв толпу вотяков, собравшихся в числе 200 человек, и повесив нескольких вожakov, полковник Михельсон 25 июля пришел в село Сундырь. Он не имел еще точных сведений о направлении движения мятежников; все его посланные пропали и к отряду не возвратились. В Сундыре Михельсон узнал, что Пугачев точно пошел к Алатырю, и потому намерен был переправиться через реку Суру под Васильевом, чтобы сохранить фланговое положение относительно самозванца и при дальнейшем своем движении прикрывать Москву.

Находившемуся же в Курмыше графу Меллину он приказал преследовать самозванца как можно энергичнее и стараться не упустить злодея^[657]. Поручение было нелегкое, так как преследующему отряду, при быстроте движения мятежников, приходилось все время идти форсированными маршами. «По всему моему пути, – доносил граф Меллин^[658], – нашел я до 30 человек повешенных и по деревням почти никаких жителей, потому что все чуваша здешней стороны, много крестьян и, чему я верить не хотел, что и несколько дворян взбунтовались и друг друга стараются в своих жительствох разорять, убить и повесить».

В другом своем донесении граф Меллин рисует еще более поразительную картину. «Какое это наказание Божие, – говорит он^[659], – которое я вижу: бедные дворяне, по дорогам, который повешен, у которого голова отрублена, у которого ноги и руки отрублены и разными другими муками, которые себе представить не можно, неисчисленно много истреблено».

Жажда ли мщения или убеждение, что казнями скорее можно восстановить спокойствие, заставляли многих начальников так же строго поступать и с мятежниками. Приближаясь к Алатырю, граф Меллин отправил вперед с эскадроном ротмистра Чугуевского полка Михаила Гаврилова, который 31 июля и вступил в город. Приказав вывести из тюрьмы пойманных мятежников, Гаврилов своевольно переколол более 20 человек, арестовал возвратившегося в город воеводу Белокопытова, прапорщика Сюльдяшева и повез их к графу Меллину. Взяв с Белокопытова «200 руб. и 14 лошадей, оставшихся после убитых дворян», Гаврилов отпустил его к своей должности, а Сюльдяшева представил начальнику отряда. Сюльдяшев искупил свою вину тем, что, оставаясь в течение нескольких дней правителем города, спас многих от смерти^[660]. С удалением мятежников он собрал оставшуюся в городе

от расхищения казну и запечатал ее в монастырской трапезе, вывез из леса спрятанные прапорщиком Васильевым деньги 20 602 руб. 85 коп., только что привезенные из Симбирска^[661], и, наконец, разослал небольшие команды ловить шатающихся мятежников.

Не так поступал прапорщик Шихмаметев в Саранске. Он отличался полной преданностью самозванцу, и потому граф Меллин по прибытии в Саранск тотчас же арестовал Шихмаметева, высек несколько человек плетью и, восстановив некоторый порядок в городе, двинулся далее.

В это время Михельсон, пересекая все главнейшие дороги к Москве и пройдя левее города Арзамаса, направился на село Починки с тем намерением, чтобы повернуть на Саранск и следовать по пятам Пугачева. 30 июля Михельсон получил сообщение Арзамасской провинциальной канцелярии, что Пугачев идет на Арзамас.

Станным казалось такое сообщение после тех сведений, которые он имел о движении самозванца на юг, но оставить без внимания Арзамас значило дать возможность Пугачеву появиться у него в тылу и затем идти уже беспрепятственно в Москву. Поэтому Михельсон тотчас же повернул назад и пошел к Арзамасу и, только подходя к городу, узнал, что сообщение провинциальной канцелярии оказалось ложным^[662]. Время было потеряно, и отряд пошел опять к селу Починкам, где собралась шайка в ожидании прибытия Пугачева, для которого была уже приготовлена и квартира в доме ротмистра Павлова.

В селе Починках находился тогда конский завод, принадлежавший лейб-гвардии Конному полку, и потому, опасаясь, чтобы мятежники не разграбили его и не овладели казенными суммами, Михельсон выслал вперед с командой корнета Селиванова. Последний прибыл в село как раз в то время, когда мятежники

связали до 30 человек рейтар, бывших при заводе, и намерены были овладеть лошадьми и деньгами. Разогнав толпу, Селиванов захватил в плен семь человек, из которых один оказался конюх, один обыватель и один крестьянин, обличенный в убийстве дворян. Михельсон приказал всех трех повесить, а прочих сечь плетьюми^[663] и резать по одному уху. «Сие производит в сих варварах великий страх».

«Окрестность здешняя, – доносил Михельсон, – генерально в возмущении и всякий старается из здешних богомерзких обывателей брать друг у друга преимущества своими варварскими поступками». Он говорил, что Пугачев около Саранска произвел такие варварства, «коих в нынешних веках никогда и ожидать было не можно: немалое число дворян с женами и детьми лишены жизни, то ж самое и приказчики. Многих мне удавалось освобождать, только везде поспеть нет способов, потому что нет почти той деревни, в которой бы обыватели не бунтовали и крестьяне не старались бы сыскивать своих господ или других помещиков или приказчиков к лишению их бесчеловечным образом жизни». Будучи останавливаем на каждом шагу подобными шайками, Михельсон не мог идти по пятам Пугачева, тем более что Ступишин настаивал на необходимости усмирить прежде всего Нижегородскую губернию.

«Я получаю, – писал он Михельсону^[664], – ежечасно известия о бунтующих крестьянах, отложившихся от повиновения не только своих частных начальников, но уже не слушающихся моих повелений. Я боюсь, дабы злодей, заведши detaшменты все отсель, не сделал обороту к Нижнему или на московскую дорогу: первое потому важно, что здесь великие тысячи на судах бурлаков прибывших и от времени в другое прибывающих, а московская дорога не менее важна своих ради причин. И в сем будучи положении, на первое

и последнее взирать должно, а потому, кажется, не худо бы графу Меллину и Муфелю дать вам свое повеление, чтобы они спешили достигнуть неприятеля и разбить, а вам, получая сведения от них, предпринимать свое движение так, чтобы в случае его оборота могли встретить и укрощать бунты, дабы они распространиться не могли и до Московской губернии».

Поручив графу Меллину преследовать Пугачева, полковник Михельсон не имел никаких сведений о том, где находится отряд Муфеля, а между тем главнокомандующий князь Щербатов приказал последнему идти через Карсунь в Пензу, а генерал-майору Мансурову следовать на Сызрань. Высказывая уверенность, что начальники отрядов употребят все способы, чтобы скорее настигнуть самозванца, князь Щербатов писал, что «прискорбно только то, что нет ему [Пугачеву] нигде сопротивления и ни малейшего препятствия. Таким образом, открывая он себе дорогу, отнимает средства у войск к скорейшему совершению его гибели и бежит с такой скоростью, что в пятеро суток более 400 верст делает. Между тем преследующие его деташементы не одним только им занимаются, но, отряженными своими партиями, укрощают и взбунтовавшуюся чернь, которая, наполняясь сей заразой, производит убийство дворянам»^[665].

Это донесение князя Щербатова было последним, так как он был отозван в Петербург и сдал начальство над войсками князю П.М. Голицыну.

Глава 18

Удаление князя Щербатова и назначение главнокомандующим князя Петра Михайловича Голицына. - Рескрипт императрицы. - Впечатление, произведенное в Петербурге известием о разграблении и сожжении Казани. - Собрание Государственного совета. - Назначение графа Петра Ивановича Панина главнокомандующим. - Посылка новых войск на театр действий. - Заключение мира с Турцией. - Меры, принятые в Москве для отражения Пугачева в случае его появления. - Инструкция, данная графу П.И. Панину. - Письмо императрицы князю М.Н. Волконскому. - Число войск, поступивших под начальство нового главнокомандующего. - Увещевание Синода духовенству и народу.

Известие о том, что Пугачев оставил позади себя большую часть войск, высланных для его преследования, и приближается к реке Каме, было крайне неприятно императрице. «Ее величество, – писал Г.А. Потемкин к графу З.Г. Чернышеву^[666], – из рапорта г. Брандта с неудовольствием изволила усмотреть, как Пугачев, столь грубый разбойник, умеет, однако же, отыгрываться от наших генералов».

Приписывая прорыв самозванца в Казанскую губернию оплошности и бездеятельности главнокомандующего князя Щербатова, императрица приказала отозвать его ко двору, а вместо него был назначен 8 июля главнокомандующим князь Петр Михайлович Голицын^[667]. Князю Щербатову приказано было прибыть в Петербург для изустного донесения «о настоящих того края обстоятельствах»^[668].

Отсутствие войск в приволжских губерниях и опасение, что Пугачев может свободно дойти и до Москвы, заставили правительство, «для избежание всякого нечаянного случая», отправить в распоряжения князя М.Н. Волконского Великолуцкий пехотный полк из Петербурга, донской Краснощекова из Новгорода и Владимирский драгунский – из Вязьмы^[669].

«Уповаю, – писала при этом императрица князю Голицыну^[670], – что указ мой, о принятии начальства над войсками, к вам уже дошел, потому и уведомляю вас, что я, получив известие, что злодей с его толпой впал в пределы Казанской губернии, приказала нарядить полки: пехотный Великолуцкий, донской казачий и драгунский Владимирский – последние два скоро в Москву придут. Командир оным назначен от меня генерал-майор Чорба. Сие войско будет в окружности Казани, как обсервационное, которому, по усмотрению пользы, действовать согласно с вами.

Вам же предполагаю я за полезное учредить так, чтобы detaшменты генерал-поручика Деколонга сочиняли кордон ради охранения границ сибирских, куда бы злодеям вход заградили. Такой же кордон нужен и к стороне башкирцев, на что пехоты вашей достаточно будет.

Обеспечив таким образом проходы неприятелю, удобно вы можете обращаться на поиски, имея при себе главную часть конницы и небольшое число облегченной пехоты, которая нужна вам ради прикрытия артиллерии. И с сим легким корпусом, следуя по пятам злодеев, не трудно будет прижать их к которому ни есть неподвижному пехотному вашему посту или к detaшментам, расположенным на кордоне. Ежели вы, на месте будучи, не предусматриваете чего неудобного в сем моем предположении, то, соображаясь оному, снесите с г. Деколонгом и начинайте с Богом.

Я ожидаю от усердия вашего ко мне полезных следствий».

Волнения, возникшие в Нижегородской губернии, были причиной того, что указ и рескрипт были получены только в конце июля и князь П.М. Голицын мог вступить в командование войсками лишь 1 августа^[671].

Первой заботой главнокомандующего было увеличить число войск за Волгой и сформировать отряды для уничтожения шаек, бродивших по Казанской губернии. Для действий за Волгой был составлен отряд из 500 гренадер и егерей, двух эскадронов изюмских и одного бахмутских гусар, 250 донских и 100 малороссийских казаков. Приняв над ними личное начальство, князь Голицын намерен был следовать за отрядами, преследовавшими самозванца, и служить им резервом. Для уничтожения же бродивших шаек был сформирован особый небольшой отряд и направлен прежде всего по реке Вятке. Отряд этот был подчинен генерал-майору П.С. Потемкину, принявшему на себя командование войсками, как находившимися в окрестностях Казани, так и имеющими прибыть туда впоследствии.

Быстрота, с которой двигался самозванец, заставила главнокомандующего приказать всем начальникам отрядов, чтобы они покупали лошадей, не стесняясь числом их, а в случае нежелания жителей продать брали безденежно и выдавали квитанции^[672].

Все эти распоряжения внушали надежду на лучший исход дел. «Я уповаю, всемилостивейшая государыня, что дела возьмут другой оборот, – писал П.С. Потемкин^[673]. – По дозволению вашего величества откровенно доложить осмелюсь, сколь ни оскорбительно, что злодей успел выжечь Казанский форштадт, однако же сравниться сие не может с тем, что ежели бы сей изверг со всей своей многочисленной толпой, коснувшись Казани, перешел р. Волгу и шел

далее [?]. Дерзаю молвить, что следствия тогда были бы тысячу раз ужаснее [?].

Весьма ослабно пекся губернатор [Брандт] о соблюдении города, но столько же слабо командир воинский [князь Щербатов] пекся соблюсти пространство империи, в которую теперь впустили злодея. Я с отчаянием нашел [прибыл] на таковые обстоятельства, и, не имея возможности помочь к пользе дел и службы вашего величества, имею вечное сокрушение, что был в числе [тех], кои не могли спасти Казань, хотя сам Бог свидетель, что я не щадил жизни моей, но сего не довольно было, [чтобы] соблюсти город и поправить дела».

Так, желая оправдать себя, П.С. Потемкин обвинял больного и на другой день скончавшегося казанского губернатора фон Брандта. Нам известна деятельность последнего, и справедливо напомнить здесь, что Брандт сделал все, что было возможно в том положении, в котором он был поставлен.

7 августа отряд, назначенный для действий под личным начальством князя Голицына, переправился через Волгу, а на следующий день князь Петр Михайлович получил приказание сдать начальство над войсками вновь назначенному главнокомандующим графу Петру Ивановичу Панину.

После переправы Пугачева через Каму правительство стало получать все более и более тревожные известия. 16 июля было получено в Москве донесение о разорении Казани и просьба нижегородского губернатора о помощи. Не имея в своем распоряжении свободных войск, князь М.Н. Волконский приказал Владимирскому гарнизонному батальону следовать немедленно в Нижний Новгород. «Здесь, в городе, – писал он императрице^[674], – о сем несчастий не ведают. Я сие и таковые известия весьма тайно содержу, дабы город в робость не пришел, а всякий час

известий о Казани ожидаю, не подоспеют ли войска вашего императорского величества^[675] к избавлению Казани и к сокрушению сего злодея».

Письмо это, полученное в Петербурге 21 июля, произвело на всех большое впечатление: явилось опасение за внутренние губернии и даже за Первопрестольную столицу. Екатерина II собрала Государственный совет и объявила ему, что для спасения империи намерена сама ехать в Москву и принять на себя все распоряжения по усмирению восстания. Императрица требовала, чтобы члены совета высказали свое мнение относительно ее намерений. Все молчали, молчал и граф Н.И. Панин. «Я оное [молчание] выдерживал и для того одного, – писал он брату^[676], – что при всяком оттуда известии я всегда сказывал, что дело сие бедственное и что не одними вооруженными руками оное поражено быть может, а надобен человек с головой».

Видя всеобщее молчание, Екатерина II обратилась тогда прямо к графу Н.И. Панину и требовала, чтобы он сказал, хорошо или дурно она это делает?

– Не только нехорошо, – отвечал Панин, – но и бедственно в рассуждении целости империи. Такая поездка увеличивает вне и внутри империи настоящую опасность, более нежели есть она на самом деле, может ободрить и умножить мятежников и повредить даже дела наши при других дворах.

Императрица старалась выяснить ту пользу, которая может произойти от ближайшего ее прибытия к театру действий, и была поддерживаема в этом Г.А. Потемкиным. Князь Г.Г. Орлов, писал Панин, «с презрительной индифферентностью все слушал, ничего не говорил и извинялся, что он не очень здоров, худо спал и для того никаких идей не имеет. Окликанные дураки Разумовский и Голицын твердым молчанием отделались. Скаредный Чернышев трепетал между

фаворитами, в полслова раза два вымолвил, что самой ей ехать вредно, и спешил записывать только имена тех полков, которым к Москве маршировать вновь повелено. Вице-канцлер один, по своей способности, мои рассуждения открыто подкреплял. Забыл сказать о дураке Вяземском. Ему полюбились манифесты и казанских дворян вооружения, и потому представлял только, чтоб то и другое на Москве сделано было».

Как ни глупы и молчаливы были, по словам графа Н.И. Панина, все собравшиеся, но они, отклонив поездку императрицы в Москву, постановили: 1) послать в Первопрестольную столицу сверх отправленных уже туда войск еще два полка пехоты, один гусарский, один казачий и одну легкую полевую команду с несколькими орудиями; 2) возбудить московское дворянство к набору на свои средства конных эскадронов по примеру казанского, и 3) отправить в Казань для командования войсками *знаменитую особу, с такой же полной мочью, какую имел покойный генерал Бибииков*^[677].

Вопрос, кто будет этой знаменитой особой, крайне интересовал графа Н.И. Панина, и ему хотелось примирить своего брата с императрицей и назначить его главнокомандующим. Желание это было настолько сильно, что в тот же день после обеда, во дворце, он отвел в сторону Г.А. Потемкина и объявил ему, что для отвращения бедствия, угрожающего империи, он сам решился ехать против Пугачева или же ручается за брата своего графа Петра Ивановича, что он, при всей своей дряхлости, возьмет на себя труд спасти отечество даже и в том случае, если бы его необходимо было нести на носилках (?).

Граф Никита Панин просил Г.А. Потемкина доложить немедленно о том императрице, если она того желает и никого лучшего избрать не может. Потемкин понял, что Панины дают ему средство привлечь на себя их внимание, склонить на свою сторону и впоследствии

могут быть ему полезны для борьбы с противной ему партией. Согласившись на просьбу министра иностранных дел, Потемкин пошел в кабинет Екатерины, а вслед за ним вошел туда же и Н.И. Панин. Положение императрицы было нелегкое. Тяжело и горько ей было призывать к деятельности *«персонального своего оскорбителя»*, но обстоятельства требовали жертвы, и великая женщина для пользы дела пошла на уступку. «Излишне будет, – сообщал граф Никита Панин брату, – подробно описывать все те разговоры, которые при том происходили, а довольно только сказать, что государыня, будучи весьма растрогана сим моим поступком, божилась предо мной, что она никогда не умаляла своей к тебе доверенности, что она совершенно уверена, что никто лучше тебя отечество не спасет, что она с прискорбием тебя от службы отпустила, что она не отважилась тебя призвать к настоящему делу по тому одному, что ты уже вышел из службы, и что, наконец, с чувствительной радостью теперь слышит мое обнадеживание, что ты не отречешься в сем бедственном случае еще служить ей и отечеству».

Такое заявление императрицы было принято Никитой Паниным за окончательное решение «жребия» его брата, и он на другой же день отправил в Москву родного племянника Г.А. Потемкина, гвардии поручика А.Н. Самойлова^[678]. Последнему было передано письмо графа Н.И. Панина и словесно поручено Г.А. Потемкиным убедить графа Петра Панина, чтобы он «просил государыню всеподданнейшим отзывом о желании его служить и быть полезным государству, для укрощения беспокойств»^[679].

Граф Н.И. Панин также советовал брату прислать письмо императрице, с выражением полной готовности посвятить остаток своих дней на службу ей и отечеству, и обещал *промыслить* (придумать) те основания, на которых ему должно быть поручено командование

войсками, и позаботиться о той помощи, которая может быть ему необходимой.

Между тем по окончании совета и в тот же день, 21 июля, было приказано немедленно и на подводах отправить в Первопрестольную столицу: из Петербурга – Воронежский пехотный и донской Платова полки с 12 орудиями; из Новгорода – Ладожский пехотный полк и четыре эскадрона Венгерского гусарского полка. Взамен их направлены в Петербург: из Финляндии Кексгольмский пехотный и из Дерпта – Казанский кирасирский полки^[680].

Через день, 23 июля, было получено в Петербурге донесение фельдмаршала графа П.А. Румянцева о заключении мира с Турцией. Известие это обрадовало и ободрило правительственных деятелей. «Время, в которое произошло это событие, – писал сэр Роберт Гуннинг^[681], – придает ему еще большее значение, ибо за два дня до получения этих известий здесь преобладало общее уныние».

Императрица считала день сей счастливейшим в своей жизни, потому что мир доставил покой, столь нужный для империи^[682], и был заключен на таких условиях, которых «ни Петр Великий, ни императрица Анна за всеми трудами получить не могли».

«Теперь, – прибавляла Екатерина II в письме П.С. Потемкину^[683], – осталось усмирить бездельных бунтовщиков, за коих всеми силами примусь, не мешкая ни единой минуты».

«С неизреченным восхищением радости, – отвечал П.С. Потемкин^[684], – имел я счастье получить высочайшее вашего императорского величества уведомление о совершении толь славного с Портой мира. Не только Петр I, императрица Анна не имели сего счастья и славы, но с самого начала возвышение

блистательной Порты не имел никто из воюющих с оной державой таковой поверхности над турками^[685].

Позвольте, всемилостивейшая государыня, принося всеусердное подданническое мое поздравление, вернейшему рабу осмелиться перед лицом вашего величества открыть мысли мои. Сей мир не одну только славу оружия возвышает, но перед целым светом доказывает премудрость владеющей монархини Российской державой и великость ее духа. Кто чувствует прямо и видит обстоятельства по положению дел, тот совершенно разберет, коль неизреченно мужество и твердость души вашей. Когда страшная война с Портой, разделяя силы российского оружия, объемля круг от Кавказских гор до Белого моря, тогда Европа чаяла видеть Россию на краю падения. Премудрые учреждения вашего величества и высокие предприятия явили всем державам, что может сделать государыня, имея дух столь великий! Следственная монархиня, может быть завидуя славе вашего императорского величества, оставила продолжать войну двух империй, льстяся, не тратя ни войска, ни денег, возратить потерянные земли несчастной войной, но весьма обманулась.

Совершенный с Портой мир возвысил славу пресветлого вашего имени, укротил надменность завидующих держав, обрадовал народ и преподает ближайшие средства к искоренению внутреннего врага. Колико твердости надлежит иметь к преодолению всех трудностей и находить на исправление каждого приключения новые способы!

Наконец, всемилостивейшая государыня, дерзну я сказать пример: Август Кесарь дал мир врагам своим, но воюющие с ним страны были все малы в рассуждении Рима. Ваше величество даруете мир такой державе, которая страшной казалась всему свету. Петр I, имея войну с шведами, был утружден внутренним замешательством, но замешательство тогда было между

особ единой крови, и каждая сторона имела настоящий предмет (?). Враг, волнуемый ныне Россию, яко исчадие самого ада, обольстил невежество народа коварно мнимой льготой и вольностью, – несравненно тягостнее, но верные войска вашего величества преодолее буйство народа и дерзость самозванца. Имея ныне более свободы к истреблению его, уповать должно, что сие скоро кончится. Бог благословит высочайшее намерение вашего величества ко излиянию в народе совершенного спокойствия и блаженства. Сие есть дело великого духа вашего величества, чтоб наказать неблагодарный народ и миловать врагов своих».

Опасаясь более всего за Москву и под влиянием первых радостных впечатлений о заключении мира и освобождении находившихся за границей войск, Екатерина II намерена была отправить из обеих действующих армий всех генералов тех дивизий, которые имели постоянные квартиры в губерниях: Казанской, Нижегородской и Московской. Каждый генерал должен был взять с собой небольшой конвой и по дороге распускать слух, что за ними идут войска. Впоследствии, успокоившись, императрица отменила свое предположение и приказала отправить только одного Суворова.

Вместе с тем решено было сосредоточить небольшой отряд в Касимове, как в пункте, из которого было весьма удобно действовать на Москву и Нижний Новгород^[686]. С этой целью главнокомандующему 2-ю армией предписано было командировать из Воронежа в Касимов два гусарских и два пикинерных полка, под общим начальством генерал-майора Аполлона Волкова^[687], а из Новгорода отправить в Москву на подводах Лейб-кирасирский полк^[688] и Смоленский конный ландмилицкий полк^[689].

«Сверх того, советую вам, – писала императрица князю Волконскому^[690], – призвать к себе московских дворян или, по крайней мере, таковых из них, кои надежны быть могут на своих людей или же вооруженных имеют, и предложите им от себя, чтобы они, по примеру предков своих, вооружили колько могут надежных людей, для общей от злодеев обороны. Можайские дворяне, во время последнего московского мятежа, готовы были во время язвы идти к Москве. Я чаю, они и ныне не откажутся от сей службы. На Москве, чаю, найдется много и таковых, кои служат и служили: ваше дело разбудить ревность везде тут, где она быть может, и, чаю, никто не откажется ее в сем случае оказать. Употребите всех тех, кои способны быть могут, где б употреблены ни были для общей обороны. С моей стороны же ничего не оставляю, чтоб злу сему сделать конец. Неужели, чтоб с семью полками вы не в состоянии найдете Пугачева словить и прекратить беспокойствие? Я надеюсь, что Чорба к вам приехал. Я фельдмаршалу приказала генерал-поручика Суворова прислать к вам наискорее. Боже дай, чтоб все сие в скором времени прекратилось, в чем и надежду имей на святую Его волю.

Я надежду имею на Петра Дмитриевича Еропкина, что он вам весьма хороший и усердный помощник будет в сем случае. Скажите ему сие от меня. Я уверена, что делом и советом он вас не покинет».

Уставив орудиями всю площадь перед своим домом^[691], князь Волконский усилил разъезды по городу, приказал полиции зорко следить за всеми сборищами и предполагал, в случае опасности, разделить город на части и поручить каждую одному сенатору, а для содержания внутренней тишины вооружить дворян с их людьми. 25 июля московский главнокомандующий объявил московским департаментам Правительствующего сената, что

Пугачев двинулся на Курмыш и намерен сделать покушение на Москву. Сенат постановил разослать приказание по всем городам Московской губернии, чтобы денежные суммы были отправлены в Первопрестольную столицу и все сведения о действиях самозванца были сообщаемы в тот же день с нарочными. Сенат призывал к самозащите как дворян, так и мещан, присовокупляя, что всего «пространно предписать не можно, но благоразумный воевода найдет случай и способы показать тем знаменитую отечеству услугу»^[692].

Получивши это распоряжение, провинциальные канцелярии просили прислать им порох, ружья, орудия и войска. Князь Волконский отвечал, что пока не предвидится в этом надобности, и как вся злодейская толпа «состоит из одной сволочи невооруженных крестьян без артиллерии и ружей, то всякий градоначальник, с содействием дворянства и мещан, все его [Пугачева] стремление *без дальнего вооружения отразить может*».

Между тем через день после собрания Сената было получено письмо нижегородского губернатора Ступишина, в котором он сообщал, что мятежники вступили уже в Нижегородский уезд и разделились на две части: одна направилась к селу Лыскову, а другая – к Мурашкину. Оба селения отстояли от Нижнего не далее 80 верст, на двух больших дорогах: первое – на нижегородской, а второе – на алатырской. 23 июля нижегородский губернатор еще не знал, куда направится сам Пугачев, и, считая себя не в силах предпринять что-либо к умиротворению губернии, решил защищать только крепость и просил помощи.

«Ваше сиятельство, – писал он князю Волконскому^[693], – примите труд в таковом опаснейшем случае защитить и избавить многих невинных от его варварства». Московский главнокомандующий тотчас же

отправил в Нижний 200 человек донских казаков с подполковником Архаровым, вызвавшимся добровольно командовать этой летучей командой, и сформировал отряд из 300 человек Нарвского пехотного полка, всего Владимирского драгунского и донского казачьего Краснощекова полков, с несколькими орудиями. Поручив этот отряд генерал-майору Чорбе, князь Волконский приказал ему выступить из Москвы и, остановившись в 50 верстах от нее, выслать разъезды по владимирской, коломенской и касимовской дорогам. В таком положении Чорба должен был дожидаться прибытия к нему Великолуцкого полка и тогда возвратить команду Нарвского полка обратно в Москву, а с остальными войсками перейти в наступление для истребления мятежников и усмирения края^[694].

Независимо от этого тотчас после получения вышеприведенного нами письма императрицы князь Волконский собрал к себе 3 августа всех дворян, живших в Москве и, объявив им о появлении мятежнических шаек в Нижегородской губернии, предложил сформировать на свой счет гусарский корпус и выбрать шефа. Дворяне приняли предложения единодушно и избрали шефом графа Петра Борисовича Шереметева. Собрание постановило, чтобы каждый дворянин поставил столько гусаров, сколько может, но из людей вполне надежных, хорошо вооруженных и доброконных. Гусары должны были жить в домах своих господ и собираться для обучения по приказанию шефа, на обязанность которого возложено разделить их на эскадроны, обучить их и снабдить офицерами и унтер-офицерами^[695]. При этом князь Алексей Хованский, имевший суконную фабрику, пожертвовал на обмундирование гусар 6 тысяч аршин сукна безденежно^[696].

«Здесь, – писал князь Волконский^[697], – за раскольниками недреманным оком через полицию

смотрю, но еще никакого подозрения найти не могу; впрочем, всемилостивейшая государыня, здесь все тихо и страх у слабых духом уменьшается».

Не так смотрел на спокойствие Первопрестольной столицы граф Петр Иванович Панин, уже предваренный братом, что императрица имеет в виду назначить его главнокомандующим всеми войсками, употребленными для усмирения восстания. В его интересах было представить состояние дел в более печальном положении, чтобы получить более обширные полномочия и усилить свои заслуги. Граф П.И. Панин уверял своего брата, что жители Москвы и «весь род всего дворянства терзаются внутренне и обливаются слезами, ужасаясь и ожидая с собой жребия, случившегося в Казанском форштадте; что они, видя обширный город обнаженным от войск, не знают, что делать, куда и когда отправлять свои семейства»^[698]. Граф П.И. Панин просил брата пасть к ногам государыни, вместо него, омыть их слезами благодарности за возобновление доверенности и уверить ее, «что никто никогда в ненарушимой моей верности и усердии собственно к ее величеству и к отечеству не превосходил и не превзойдет, потому что я не притворством, но существом службы на оное готов был и есмь всегда посвящать мой живот».

«Повелевайте, всемилостивейшая государыня, – писал он в тот же день Екатерине^[699], – и употребляйте в сем случае всеподданнейшего и верного раба своего по вашей благоугодности. Я теперь мысленно пав только к стопам вашим с орошением слез приношу мою всенижайшую благодарность за всемилостивейшее меня к тому избрание, и дерзаю всеподданнейше испрашивать той полной ко мне императорской доверенности и власти, в снабжениях и пособиях, которых требует настоящее положение сего важного

дела и столь далеко распространившегося весьма несчастливого приключения».

Доверенность и власть, о которых мечтал граф П.И. Панин, были весьма обширны. Он желал, чтобы ему были подчинены не только войска, но все гражданское население, судебные места, правительственные учреждения, городское управление и чтобы над всем подчиненным ему населением он имел власть *живота и смерти*; чтобы он имел право избирать себе сотрудников, ставить правителей и удалять их; чтобы он, не испрашивая каждый раз повеление, мог по своему произволу и усмотрению распоряжаться всеми войсками, находящимися внутри империи; чтобы к нему было прислано тотчас же из каждого полка гвардии по 8 человек обер- и унтер-офицеров и по 50 человек из каждого гренадерского полка. Из них он намерен был составить себе конвой, как доказательство «строгого попечения о злодейском пресечении ее императорского величества». Сверх того, граф П.И. Панин просил, чтобы ему была отпущена достаточная сумма денег, но не ассигнациями, а золотом и серебром; чтобы ему было прислано подробное расписание войск, употребленных для усмирения бунта, и список генералов.

«Вот, любезнейший друг, – прибавлял он в письме брату^[700], – по первым моим соображением все те пункты, которые мне теперь предсказывали единственные истинные верность и усердие к возлагаемому на меня делу, *без помещения отнюдь ни в чем никакого собственного вида и прихоти*, в том будьте вы за меня порукой и предстателем в исходатайствовании мне оных, так как и вперед лучшим нежели прежде о защищении меня и подчиненных моих от завистников и клеветников, дышащих и живущих в своих званиях не прямыми действиями службы, но единственными ухищрениями происков, на

превозмножение власти своей над истинными заслугами».

Ревностный защитник интересов брата, граф Н.И. Панин с своей стороны представил императрице полученное письмо и записку, в которой предлагал сообщить графу Петру Панину все сведения о секретных комиссиях и подчинить их ему, а также разрешить вопрос о содержании как самому главнокомандующему, так и находящимся при нем лицам^[701].

Письмо и записка ясно указали императрице на непомерное властолюбие обоих братьев. «Увидишь, голубчик, из приложенных при сем штук, – писала она Г.А. Потемкину^[702], – что господин граф Панин из братца своего изволит делать властителя с беспредельной властью в лучшей части империи, т. е. Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерниях, а *sous-entendu* есть и прочие; что если сие я подпишу, то не токмо князь Волконский будет и огорчен и смешон, но я сама ни малейше не сбережена, *но пред всем светом первого враня и мне персонального оскорбителя, боясь Пугачева, выше всех смертных в Империи хвалю и возвышаю*. Вот вам книга в руки: изволь читать и признавай, что гордые затеи сих людей всех прочих выше».

Уступая навязчивости графа Н.И. Панина и отчасти мнению его партии, императрица 29 июля назначила графа Петра Ивановича Панина главнокомандующим войсками^[703]. Пожаловав ему 5 тысяч рублей на подъем и 5 тысяч на чрезвычайные расходы, Екатерина подчинила ему только те войска, которые были уже назначены для истребления мятежа и находились на театре действий, и гражданское управление в губерниях Казанской, Оренбургской и Нижегородской, «яко такие три губернии, в которых разврат и неустройство духов уже открылось». Предоставляя графу П.И. Панину замещать только те военные и гражданские должности,

которые остались вакантными, лицами по его выбору и хорошо ему известными, императрица не подчинила ему ни секретных комиссий, ни предоставила власти *«живота и смерти»* в подчиненных ему губерниях. Напротив того, зная характер графа П.И. Панина и его взгляды относительно так называемой черни, Екатерина II старалась указать ему, что всякая жестокость ей ненавистна. «Намерение наше, – писала она графу П.И. Панину^[704], – в поручении вам от нас сего государственного дела не в том одном долженствует состоять, чтоб *поражать, преследовать и истреблять злодеев*, оружие против нас и верховной нашей власти восприявших, но паче в том, чтоб поелику возможно, *сокращая пролитие крови заблуждающих*, кое для матерного и человеколюбивого нашего сердца толь оскорбительно, возвращать их на путь исправление, через истребление мглы, духи их помрачившей, восстанавливать везде повиновение, покой и безопасность внутреннего гражданского общежития и приводить опять все расстроенные части государственного правления в прежний их порядок».

Для этой последней цели граф Панин был снабжен открытым указом, в котором императрица требовала от гражданских и духовных властей полного содействия главнокомандующему и беспрекословного исполнения всех его приказаний, *«на основаниях государственных наших военных и гражданских законов»*^[705].

Таким образом, Екатерина II сделала все, чтобы поставить нового главнокомандующего в известные рамки и не дать ему той обширной власти, которую он наметил в письме к брату от 26 июля.

Все это очень не нравилось обоим братьям. Граф Никита Панин писал брату, что он «с первого дня приметить мог, что сколько по рассудку употребление тебя к настоящему твоему делу *ни сочтено было совершенно нужным (?) и необходимым*, однако столько

же по последней мере сочтено оное внутренне крайним и чувствительным себе уничижением, и, следовательно, растроганное сим чувство обратилось все против меня, а тот [Потемкин], которому бы надобно было мне служить подпорой, уже от некоторого времени забыл все свои передо мной обеты, и хотя, как я думаю, не сделался мне еще врагом, но по последней мере, по рвению своего высокомерия и надменности, оставил меня так, как и многих других, в которых увидел он, что более ему нет собственной нужды».

Тем не менее граф Никита Панин все еще пытался добиться более широких полномочий брату и с этой целью объяснялся с Г.А. Потемкиным, «с которым, – по его словам^[706], – никакое и никогда объяснение места иметь не может, потому что он ничего не внемлет или внимать не хочет, а все решит дерзостью своего ума». Принудив, однако же, Потемкина прочесть письмо брата, граф Никита Панин получил от него ответ, что все пункты, испрашиваемые главнокомандующим, разрешены отправленными уже к нему наставлениями; что императрица написала ему письмо, что ведомости о войсках отправлены будут и проч.

Граф Н. Панин был недоволен таким ответом и считал себя обиженным. «Я уверен, мой любезный друг, – писал он брату, – что ты собственным своим проицанием уже довольно постигнешь, в каком критическом положении я теперь, и как очевидно извлекают меня из участия в твоём деле, как будто бы в возмездие тому, что крайность привела к употреблению тебя, а из сего выходит самое притеснение и всем моим делам. Честью и совестью тебе клянусь, мой друг, что один только настоящий кризис о спасении отечества может меня удерживать, после чего истинно ничто в службе не остановит. Нам уже и на остаток нашего короткого века быть не может никакого другого средства и положения спасти нам свои седины и

закрывать глаза с тем именем в нашем отечестве, которое мы себе приобрели».

Граф Никита Панин просил брата для его собственных соображений и дальнейшего поведения сообщать ему копии со всех писем императрицы и в особенности с первого, которое, по словам Потемкина, было написано на двух листах. В этом письме Екатерина сообщала подробно о войсках, поступающих в распоряжение главнокомандующего, и советовала ему согласоваться во всем с князем Волконским, «дабы в сем важном случае ничего проронено не было»^[707].

Понимая, что предыдущие обстоятельства, когда граф П. Панин находился под надзором князя Волконского, могли поселить вражду между этими лицами, императрица просила московского главнокомандующего забыть все и содействовать графу Н. Панину в усмирении мятежа. «Для Бога, – писала она князю Волконскому^[708], – для меня и для государства, если между вами есть несогласия, оставьте их и сделайте в сем случае дружелюбно общее дело, дабы тем наискорее истребить народного злодея. Вашими распоряжениями я довольна и желаю вам всякого блага. Ободрите духи и дайте им вашей и моей бодрости при сих *печальных, но отнюдь не отчаянных* обстоятельствах. Я всевозможные меры беру к вашему вспоможению, а может статься, что и сама к вам буду и с сыном».

Князь Волконский отвечал, что никакой злобы к графу П. Панину он не имеет и будет содействовать ему во всем.

«Мне столь сия монаршая милость чувствительна, – писал он, – что ежели б и подлинно в непримиримой злобе я с ним был, то конечно б для пользы службы вашей и для общего доброго успеха, а паче всего исполняя волю вашу государскую, все бы остатки в сердце недружбы выкинул; но поистине,

всемиловейшая государыня, я никакой злобы против него не имею, разве только как обыкновенно между равными бывает *jalousie de metier*; но и то, все оставив, чистосердечно и во всем ему, что до меня касаться будет, стану искренно и усердно помогать. Помоги ему Всевышний положенное на него великое дело исправить, что и не сомневаюсь, довольно зная его способные качества, усердие и бодрый дух».

С своей стороны граф П.И. Панин также заверял императрицу, что «с князем Михаилом Никитичем от самой нашей молодости не имели мы и не имеем ничего развращающего приятельский союз наш, который по высочайшей воле вашей сохранить я еще сугубее всячески тщиться буду»^[709].

И действительно, 2 августа граф Панин получил рескрипт императрицы о назначении его главнокомандующим, а на следующий день князь Волконский уже писал императрице, что он отдал в его распоряжение отряд генерал-майора Чорбы, состоявший из Великолуцкого пехотного и Владимирского драгунского полков, двух эскадронов гусар Венгерского полка под начальством полковника Древица, донского Краснощекова полка и 8 орудий^[710] – всего численностью в 3162 человека^[711].

Остальные войска подходили к Москве или сосредоточивались на главнейших пунктах и наиболее вероятных театрах действий. Так, в Оренбурге сверх обыкновенного гарнизона находились: 7-я и 8-я легкие полевые команды и подвижной отряд князя Долгорукого, который, защищая окрестности города, обязан был поддерживать сообщение по новомосковской дороге и сохранять связь с Бугульмой. На половине пути от Оренбурга по новомосковской дороге стоял секунд-майор Юшков с командой, а в Бугульме – полковник Кожин с отрядом. В Башкирии по реке Белой от Уфы к Оренбургу действовал отряд полковника Шепелева и

находились неподвижные гарнизоны в деревне Богульчанах, Стерлитамакской соляной пристани и в пригороде Табынске. Защита Верхнеяицкой линии была возложена на отряд генерал-майора Фреймана; город Уфа был обеспечен собственным гарнизоном и прикрыт отрядом подполковника Рылеева, который обязан был сохранять постоянную связь с отрядами Шепелева и полковника Якубовича, стоявшего на половине пути от Уфы к Бугульме и к Мензелинску. В Кунгуре находился отряд подполковника Попова, в Красноуфимске – майора Гагрина, в Екатеринбургской провинции – отряд майора Жолобова, обязанный поддерживать непрерывную связь с отрядом генерал-поручика Деколонга, назначенного для обеспечения Сибирской линии и имевшего в своем распоряжении семь легких полевых команд (с № 9 по № 15).

До восстания за Волгой отряд генерал-майора Мансурова находился в Яицком городке, но с переправой Пугачева через эту реку Мансуров двинулся к Сызрани, а в Яицком городке остался полковник Симонов с двумя некомплектными легкими полевыми командами. Преследование Пугачева было возложено на отряды графа Меллина, Муфеля и полковника Михельсона; резервом для них служил отряд князя П.М. Голицына.

Сверх того, главнокомандующий 2-й армией князь Долгоруков еще до получения указа Военной коллегии, по требованию воронежского губернатора, выслал из Крыма генерал-майора графа Мусина-Пушкина с 10 эскадронами Псковского и Ямбургского карабинерных полков, 500 драгун Астраханского полка и 10 эскадронами Бахмутского и Молдавского гусарских полков. Из той же армии были отправлены: Рязский пехотный полк к Бахмуту, 5 рот пехоты с артиллерией выдвинуты из-за Буга и направлены на Полтаву. Стоявшему за Доном отряду генерал-майора князя Багратиона приказано переправиться через реку и

подвигаться вперед. Получив же указ Военной коллегии, князь Долгорукий приказал генерал-майору Фризелю взять из отряда Мусина-Пушкина два гусарских полка и следовать поспешнее к Касимову, где и сдать их генерал-майору Волкову, а полкам Донецкому пикинерному из Крыма и Луганскому с Кубани следовать в свои границы^[712].

Таким образом, в распоряжение нового главнокомандующего частью поступили, а частью должны были поступить громадные силы. «Итак, кажется, – писала Екатерина графу П.И. Панину^[713], – противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была». В самом деле, на театре действий уже находились 7 полков и 3 роты пехоты^[714], 9 легких полевых команд^[715], 18 гарнизонных батальонов^[716], 7 полков и 11 эскадронов регулярной кавалерии^[717], 4 донских полка, 1000 малороссийских казаков^[718], казанский и пензенский дворянские корпуса. Если прибавить к этому войска, высланные князем Долгоруковым, и отряд генерал-поручика Деколонга, то нельзя не сознаться, что против Пугачева, под конец его действий, была выставлена целая армия.

Одним из первых распоряжений нового главнокомандующего было отправление полковника Древица с двумя эскадронами Венгерского гусарского полка, одним эскадроном Владимирского драгунского полка, 30 донскими казаками и 3 орудиями на Переславль-Рязанский и Ряжск, с целью прикрыть Москву, если бы самозванец повернул на Тамбов^[719]. Граф Панин и князь Волконский более всего опасались этого, и потому главнокомандующий хотя и предписал полковнику Михельсону преследовать Пугачева вместе с отрядами графа Меллина и Муфеля, но просил его сохранить за собой такое положение, чтобы «не только

самому самозванцу со всем его скопищем, ниже и отряженным каким-либо от него полкам на какое-либо повреждение здешнего города» покуситься было невозможно^[720]. С этой же самой целью граф П. Панин обещал князю Волконскому не удалять отряд Чорбы от Москвы до тех пор, пока не придут все назначенные полки, и просил императрицу отправить находившиеся в Смоленске пехотные роты через Калугу к Шацку и часть полков из Турции и Крыма ввести в границы для умирения черни и в предупреждение появления одновременно нескольких Пугачевых^[721].

Представляя картину всеобщего восстания на правом берегу реки Волги и полнейшего неповиновения крестьян своим помещикам, граф П. Панин хотя и не мог отрицать, что в его распоряжение назначено много войск, но просил императрицу обратить внимание на пространство, охваченное бунтом, и на сколько частей необходимо разделить войска, чтобы они могли поспевать всюду.

«Нельзя, все милостивейшая государыня, не полагать, – доносил он^[722], – чтобы и все прежде задействованные против сего злодея войска, гонявшись за ним по такому великому пространству земли и во всякое без изъятия суровое годовое время, не могли уже быть в гораздо слабом состоянии, особливо лошадьми, и не пришли бы они в крайнее изнурение, по поспешному теперь перенесению себя к тем местам, куда злодей уже достигнул. К поправлению же и снабжению себя не могли они иметь других средств, как по разоренным злодеям уже местам, кроме таковых, которые бы поселян утверждать могли, что войска вашего императорского величества сохранители их целости, но насупротив того злодей Пугачев, не щадя ничего, ниже самой жизни невинных людей, снабжается и помогает себе всем тем, что у кого где ему понадобится».

В ожидании усиления себя войсками граф П.И. Панин предписал Древицу идти на Шацк и распускать слух, что за ним идет сам главнокомандующий с 10-тысячным отрядом, для которого и требовать по городам заготовление продовольствия и фуража. Древиц уполномочен был наиболее важных преступников казнить смертью, а остальных наказывать телесно и объявить всем: кто доставит Пугачева живым, тот сверх денежного вознаграждения получит в «податях всегдашнюю от оных и семьи их от рекрутских наборов свободу»^[723].

Графу П.И. Панину так хотелось скорее поймать Пугачева, что, уступая своему характеру, деспотическому и не любящему противоречий, он рассыпал похвалы своим подчиненным и умолял их о содействии. Разгромом Пугачева, истреблением мятежников и поимкой самозванца, писал он Древицу, «ваше высокоблагородие сделать можете заслугу перед ее императорским величеством и перед всей Империей важности в самой вышней степени, на воздаяние не только вам, но и потомкам вашим, *на благодарность от всех сынов российских, и на прославление имени вашего дотоле, доколе сия империя стоять будет. Л ко мне сделаетесь вы не подчиненным, но обязательным навсегда другом*».

Точно так же в предписании Михельсону^[724] главнокомандующий выражал уверенность, «что ознаменовавшийся наш герой Михельсон, конечно, не оставит по всей своей силе, по возможностям и по истинным верности и усердию к своей великой императрице, произвести на поражение и низложение злодея самое лучшайшее по своей храбрости и военному искусству».

На Михельсона главнокомандующий возлагал главнейшую свою надежду^[725], хотя и признавал, что исполнение данного ему поручения представляет

громадные затруднения, ввиду всеобщего восстания населения и участия в том духовенства.

Поведение духовенства значительно усложняло дело по усмирению восстания и содействовало Пугачеву к убеждению народа, что он есть истинный государь, а не самозванец. Поэтому, как только было получено донесение о происшествии в Саранске и о поступках тамошнего духовенства, граф П.И. Панин просил императрицу повелеть Синоду издать увещание и «угрожения», что все те духовные лица, которые не только пристанут к мятежникам, но и те, которые окажут им какое-либо содействие, лишаются духовного звания и подвергаются гражданскому суду и наказанию^[726].

Подобные поступки духовенства, как пастырей духовных, подавали, конечно, большой соблазн народу, и потому Святейший синод, «имея о спасении церкви Христовой неусыпное попечение», в заседании 20 августа постановил напечатать два увещания: одно к духовенству, а другое к народу. Увещания эти приказано было читать во всех церквях, и затем предоставлено право епархиальным архиереям, не испрашивая разрешение Синода, арестовать виновных, лишать духовного сана и передавать гражданскому начальству, для дальнейшего исследования их преступлений^[727].

«Аще когда, – писал Синод духовенству^[728], – но ныне наипаче обязаны вы вспомнить долг ваш. Вообразите, час, в который вы, приступая к престолу Бога, дали клятву сему Всевышнему Существу тако пещись о врученной вам пастве, как и о себе самих. Сия ваша клятва равно обязует вас дать Богу ответ о врученных вам, как и о себе. Час смерти вашей и день суда Божия потребуют от вас оногo, ежели и един из них погибнет.

Видите вы, что диавол нападает на стадо Христово и нашел себе орудие злодейственнейшего разбойника,

врага отечества и церкви... Сие есть время, в которое вы оные свои обещания исполнить должны. Ныне покажите себя достойными имени истинных пастырей.

Видите, что волк похищает овец от стада Христова: не бежите яко наемники, но паче вооружитесь силой слова Божия и возымейте попечение о спасении их, дабы они не были корыстью ищущего погибели их и ни един не приобщался его богопротивным разглашением и начинанием. Наполните сердца ваши ревностью христианской, докажите любовь и усердие, достойное пастырей церкви».

«Вы христиане, – писал Синод в увещании народу, – вы те, которые желаете, чтоб Бог излил на вас свои милости в сей жизни; вы желаете, чтоб ваши труды благословенны были успехами; вы желаете, чтобы благословение Его почивало на домах ваших; вы желаете, чтобы жизнь ваша была угодна Богу и спасительна для вас и чтоб вы в спокойстве препровождали оную; вы желаете, чтоб смерть не наносила вам страха, но с радостным уверением предали души ваши в руки Бога, пекущегося о спасении вашем; вы желаете, чтоб и в будущей жизни прославлены были той славой, каковую Бог любящим Его и исполняющим святой Его закон уготовал и были бы участниками блаженства святых апостолов, пророков, святителей, преподобных и мучеников. Потщитесь исполнить Божие повеление, и сии желания ваши исполнятся.

Итак, вы при толь святом расположении вашей души можете ли без отвращения помыслить, а паче воззреть на злодея, беглого донского казака Пугачева, врага церкви и отечества... Не ужаснетесь ли вы, когда услышите проклятия, которые Бог на таковых преступников ниспосылает... Может ли кто пожелать, чтоб оные его постигли? Может ли кто пожелать, чтоб проклят он был во граде и на селе и чтоб прокляты были

житницы его и останки его; чтоб прокляты были жена и дети его, стада волов и овец и плоды земли, чтоб он, когда входил в дом или исходил из дома своего, клятва Божия везде последовала ему.

Коль ужасно сие! Ужасно! Но неизбежно дерзающим против узаконенной Богом власти злодеям!

Но вы паче вообразите оный последний час, в который вы будете оканчивать жизнь вашу; вообразите тот страшный час, в который Бог потребует от вас ответа о вашей жизни; вспомните тот час, в который глас Божий позовет вас на суд, и вы должны будете отвечать не только о делах или словах, но и о самых помышлениях ваших. Что вы скажете в час смерти вашей, что вы скажете на Страшном суде, когда Бог потребует от вас ответа? Я в лице своем, скажет Бог, поставил над вами сию государыню вашу и помазанницу мой: были ль вы почтительны к ней? Вы не только в том, что сделали или что говорили, но и что помыслили против ее, отвечать будете; всякое из сих беззаконие сделает вас безответными, ибо оно есть против величества самого Бога. Касаяся их, глаголет Господь, касается зеницы ока Моего.

Православные христиане! Любовь Бога должна вас паче отвращать от противящегося Божию закону Пугачева. Вы любите ближнего, отвратитесь от сего врага отечества. Вы желаете быть спасены – не сообщайтесь сему погибельному человеку. Он злодей человечества; он враг Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь вы от него, паче отвратитесь его злодейства, чтоб ваши подвиги соплетали вам венцы в небе и уготовляли жилище в блаженстве вечном».

На воззвания эти, написанные в первый раз простым языком, доступным для понимания простолюдинов, возлагались большие надежды, тем более что за несколько дней перед тем до правительства дошли слухи, что будто бы большинству последователей

самозванца и в особенности яицким казакам наскучила скитальческая жизнь и они решились связать и выдать Пугачева.

Поводом к таким слухам послужило прибытие в Петербург купца Долгополова.

Глава 19

Прибытие в Петербург купца Долгополова. - Письмо, сочиненное и поданное им князю Г.Г. Орлову от имени яицких казаков. Свидание его с князем Орловым и аудиенция в кабинете императрицы. - Командировка капитана Галахова и инструкция, ему данная.

Оставаясь в толпе мятежников, Долгополов видел, что добра не будет, и потому стал придумывать иной способ для поправления своих обстоятельств. Он пытался разузнать мнение казаков о самозванце, и если представится возможным, то склонить их к выдаче Пугачева.

- Государь-то в бороде, - говорил однажды Долгополов Перфильеву, - и кажется, не похож на того, которого я видел в Ранбове (Ораниенбауме).

- Ну, брат, - отвечал Перфильев, - у всякого человека лицо переменится, когда обрастет бородой.

Этот ответ не удовлетворил Долгополова, да и Перфильев видел, что этот разговор начат неспроста.

- Ты, конечно, - сказал он Долгополову, - еще что-то хотел говорить; у тебя, видно, есть еще что-нибудь на уме: говори, не опасайся; все, что скажешь, все будет тайна, я не обнесу.

- Ведь это не государь?

- Мы и сами видим, - отвечал Перфильев, - что не государь, да уж так быть, коли в дело вступили. Домой показаться нельзя, всяк знает, что мы были у него в команде. Я сам был в Петербурге, и меня граф Орлов просил, чтобы связать и привезти живого Пугачева, и денег мне больше ста рублей дал.

– Буде вы согласны это сделать, – заметил Долгополов, – то напишите письмо князю Орлову, а я отвезу.

Перфильев не ответил ни слова на это предложение, и разговор прекратился, но Долгополов видел, что большинство казаков недовольно своим положением и желало бы выйти из него.

– Долго ли нам волочиться с места на место, – говорили они, – дома свои мы оставили, и всякий день нас убавляется: иного убьют, другой потонет, иных казнят, и так нас переведут, что и на Яике никого не останется.

Такие рассказы еще более убеждали Долгополова в возможности склонить казаков выдать самозванца и, достигнув этого, получить значительную награду, обещанную правительством. Но для успеха такого дела необходимы были деньги, которыми Долгополов не располагал, и вот в голове его родилась мысль ехать в Петербург и предложить свои услуги правительству. Но как уйти из толпы? Долгополов долго об этом думал и наконец довольно удачно воспользовался тем, что Пугачев пришел на Волгу.

– Я, батюшка, – говорил однажды Долгополов самозванцу, – и порох к тебе вез, пудов с шестьдесят, да на судне оставил под Нижним.

– Где ты его взял? – спросил Пугачев.

– Порох этот послан вам от Павла же Петровича.

– Как ты его провезти мог?

– Я положил его в бочку, а чтобы прочие не видали, то засыпал его сверху сахаром. Отпусти ты меня, батюшка, так я и порох-то пришлю, да и Павла Петровича привезу.

– А как же ты Павла Петровича привезешь?

– Привезу, – отвечал Долгополов, – это не твое дело [\[729\]](#).

Получить порох было весьма важно для Пугачева и теперь

весьма удобно: стоило только спустить его вниз по Волге. Неизвестно, верил ли самозванец словам Долгополова или не верил, только он решился отпустить его, причем при отъезде была сыграна новая комедия.

– Что, батюшка, прикажешь сказать Павлу Петровичу? – говорил Долгополов, прощаясь с самозванцем в присутствии старшин и многочисленной толпы.

– Поклонись ему от меня, – отвечал Пугачев, – и скажи, ежели можно ему, чтобы меня встретил.

– Одному ли ему тебя встретить или с великой княгиней?

– Хорошо бы было, чтобы и она была там, где и он.

Отправившись в Петербург и остановившись в Чебоксарах,

Долгополов сочинил письмо к князю Г.Г. Орлову от имени Афанасия Перфильева с 324 человеками яицких казаков^[730].

«Ваша светлость, – писал Долгополов, – а наш милосердный государь и отец Григорий Григорьевич! В бытность мою в С.-Петербурге изволил меня просить, чтоб [поймать] явившегося злодея и разорителя Пугачева, а наипаче господам благородным дворянам мучителя и неповинно смертоносно предаст всяким мучением, – а ныне я обще с подателем вашей светлости сего нашего письма согласили всех яицких казаков, чтоб его злодея самого живого представить в С.-Петербург в скорейшем времени. Он состоит, злодей, в наших руках и под нашим караулом, о чем словесно вашей светлости объявит наш посланный; только, пожалуй, доложи ее императорскому величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской, чтобы нам, яицким казакам, рыбной ловлей изволила приказать владеть по-прежнему. Еще вашей светлости

доношу, что в том числе сто двадцать четыре человека в Петербург не едут. Как мы его, злодея, скуем в колодки или в железо и двести человек поедem с ним, а вышеписанных сто двадцать четырех человек домой отпустим, только те требуют *на всякого человека по сту рублей, теперь половину по пятидесяти рублей изволь с посланным нашим прислать золотыми империялами*; а мы двести человек теперь ничего наперед не требуем: как поставим злодея к вашей светлости, тогда и нам было б такое ж награждение, так у нас все обнадежены и все теперь приведены к присяге между собой. А как мы его повезем, надлежит давать прогонные деньги и на прогоны деньги, тако ж на харчи и на водку было б довольно; мы в том не спорим, хотя извольте дать указ, хотя б без прогонов, только б нас везли. Обо всем извольте больше словесно говорить с посланным нашим. Оное письмо писали истинно, ночью. Пожалуй, батюшка Григорий Григорьевич, нашего [посланного] отправьте в самой скорости, чтоб он, злодей, не допущен был до разорения наших сел и деревень, тако ж и городов. Иного до вашей светлости писать не имеем, остаюся ваш, моего государя, раб и слуга, казак Афанасий Петров Перфильев, атаман Андрей Афанасьев, сотник Никита Иванов, полковник Григорий Легонов, хорунжий Иван Власов, дежурный Еким Васильев и всех триста двадцать четыре человека о вышеписанном просим и земно кланяемся»^[731].

В начале августа Долгополов под именем казака Евстафия Трифонова приехал в Петербург и рано утром, 8-го числа, явился к князю Г.Г. Орлову.

Было пять часов утра, и в доме князя все еще спали. Долгополов разбудил камердинера и требовал, чтобы его тотчас же представили князю, говоря, что откроет тайну, которая не терпит отлагательства. Камердинер постучал в дверь спальни.

– Кто там? – слышался голос князя.

Камердинер назвал свое имя.

– Поди сюда, – сказал Орлов.

Вместе с камердинером вошел и Долгополов.

– Ты что за человек? – спросил князь.

– Я, сударь, яицкий казак Евстафий Трифонов, – отвечал Долгополов, передавая вышеприведенное нами письмо. – Извольте, ваша светлость, вставать с постели и одеваться, а ему прикажите закладывать карету.

Князь Орлов исполнил совет и, приняв письмо, прочел его со вниманием. Карета скоро была подана, и князь Орлов, взяв с собой Долгополова, отправился с ним в Царское Село, где находилась тогда императрица. Введенный в кабинет государыни, Долгополов пал на колени, но Екатерина приказала ему встать и дозволила поцеловать руку. Императрица расспрашивала о подробностях возмущения, об яицких казаках и проч., на что получала выдуманные, конечно, ответы.

– Как ты мог проехать через Москву? – спросила она.

– Если угодно вашему величеству, – отвечал смело Долгополов, – то я проведу через оную 10 тысяч человек, и никто о том не проведает. Я прошел Москву вот каким образом: пристал за пять верст к едущим в город подводам с дровами и сеном; перекрестясь у заставы, иду прямо в этом кафтане в нее, мимо часового, тут стоящего, который, увидя меня, ухватил за левую полу кафтана и закричал: «Стой, куда ты идешь? Есть ли у тебя письменный вид?» Я ему без робости отвечал: «Господин служивый, был у меня от старосты казенного селения; но верст за десяток отсюда вот из левого подрывшегося кармана потерял, куда с ним завязанное кое-что и другое положено было». Служивый всунул руку в левый мой карман, которая прошла насквозь, выдернул оную с сердцем, толкнул меня в заставу так сильно, что я было упал; стоящие тут солдаты и народ захохотали, а я, провожаемый их смехом, пошел прямо

по улице. Вот, матушка-государыня, каким образом прошел я Москву.

Такие порядки в Первопрестольной вызвали улыбку Екатерины, и Долгополов был отпущен и отведен в те комнаты, в которых князь Орлов останавливался, когда приезжал во дворец. Оставаясь до вечера в Царском Селе, Долгополов был сыто накормлен и получил в подарок от императрицы 200 червонных, два куска бархату, 10 аршин золотого глазета и 12 аршин золотого галуна.

– Положи в карман, но не в левый, там дыра, – сказал шутливо князь Орлов, передавая Долгополову кошелек с червонцами, – а когда кончишь свое дело, то будешь более награжден.

В девятом часу вечера Долгополов возвратился в Петербург, был помещен в отдельных покоях и скоро опять призван к князю Орлову.

– Завтра или послезавтра, – сказал князь, – с капитаном гвардии ты отправишься в путь; поди с Богом. Если желаешь или имеешь надобность с кем-нибудь видаться в городе, то поди куда тебе угодно, ибо ты свободен.

– Я в Петербурге никого не имел знакомых, – отвечал притворно Долгополов, – ибо я во всю жизнь мою в нем не бывал.

Обман удался вполне; он дорого стоил правительству, но из сохранившегося чернового наброска письма императрицы к князю Волконскому [\[732\]](#) видно, что Екатерина, под первым впечатлением свидания с Долгополовым, находила необходимым исполнить все мнимые требования яицких казаков. «Они берутся, – писала она, – вора и злодея Пугачева сюда доставить, за что просят сто Рублев на человека и то не прежде как руками отдадут, а вероятие есть, что он у них уже связан, но не сказывают. *Я нашла, что цена сия умеренна, чтоб купить народный покой*».

Когда первые впечатления уступили место холодному рассудку, императрица признала неудобным помещать приведенные нами строки в письме и потому, исключив их, отправила в тот же день князю Волконскому рескрипт следующего содержания^[733]:

«Сего утра явился к князю Григорию Григорьевичу Орлову яицкий казак Евстафий Трифонов с письмом от казака же яицкого Перфильева с товарищи, всего триста двадцать четыре человека, с которого письма при сем прилагаю копию. Вы из одного усмотрите, что они берутся вора и злодея Пугачева сюда доставить. Я сего же дня, посланного от них с паспортом за рукой князя Григория Григорьевича Орлова с ответом к ним же, приказала отправить, которого казака вы прикажите нигде не задерживать. Князь Орлов к ним доставит волю мою, которая в том состоит, чтоб они злодея самозванца привезли к гвардии Преображенского полку капитану Галахову, которого сегодня для того нарочно отправляю к генерал-майору Чорбе. Сей, когда казаки привезут злодея и в том нужда будет, Галахова снабдить достаточной командой, дабы Галахов мог колодника привезти в целости к вам в Москву; а вы возьмите все меры без всякой огласки преждевременной, дабы они содержаны были, как важность дела требует. Я к графу Петру Ивановичу [Панину] пишу о сем и сего дня же, и вы с ним условьтесь и сделайте так, чтоб успех сего дела нигде остановке подвержен не был. Капитана же Галахова как в подводах, так в деньгах и в кормовых и во всем снабдите изобильно, дабы ни за чем не стало».

Капитану лейб-гвардии Преображенского полка Галахову приказано было ехать в Москву, явиться к графу П.И. Панину и князю М.Н. Волконскому. Получив от первого конвой, а от второго деньги, Галахов должен был ехать в Муром, куда казакам назначено было доставить Пугачева и некоторых его сообщников. По доставлении самозванца приказано выдать каждому

казаку по сту рублей и убедить их, чтобы все 200 человек не ехали в Москву вместе с колодниками, а если «на сие уговаривать покажется трудно, то по крайней мере, чтоб убавили число» желающих ехать в Первопрестольную столицу^[734].

Таким образом в тот же день была исполнена программа, выдуманная Долгополовым. На следующий день генерал-прокурор князь Вяземский уведомил Г.А. Потемкина^[735], что капитану Галахову выдано 8400 руб. золотом, 1000 руб. серебром, приказано принять в Москве из статс-конторы 5175 руб. и князю Волконскому набрать для той же цели из разных источников 18 825 руб. Выдав эти деньги, князь Волконский прибавил к ним еще тысячу рублей на путевые расходы, и Галахов 13-го числа отправился из Москвы в Муром^[736], взяв с собой отставного секунд-майора Рунича и 10 человек солдат. По приказанию графа П.И. Панина он должен был ехать в передовые отряды и нагонять самозванца, но последний был уже в это время очень далеко от Москвы, успел причинить много бедствий, разорить города и целые области.

Глава 20

Приближение Пугачева к Пензе. - Совещание горожан. - Вступление самозванца в город. - Обед, данный ему городским обществом. - Состояние Алатырского и Пензенского уездов. - Происшествия в Инсареу Краснослободске, Темникове, Наровчате, Керенске и Нижнем Ломове. - Пугачев в Петровске. - Экспедиция Г.Р. Державина из Саратова к Петровску.

Слух о появлении Пугачева в Саранске и о разграблении города достиг на другой день до жителей города Пензы. Секунд-майор Таврило Герасимов собрал своих инвалидных офицеров и отправился с ними в Пензенскую провинциальную канцелярию узнать, какие меры принимаются для защиты города.

- Имеете ли вы какие известия о злодее? - спрашивал Герасимов воеводу, надворного советника Андрея Всеволожского.

- Злодей, по разорении Казани, - отвечал спрошенный, - следует к Пензе; соберите свою инвалидную команду и приготовьтесь к сопротивлению.

Герасимов мог собрать только 12 человек, но приказал им вооружиться. В Пензе находились тогда большие запасы пороха, свинца, ядер и разного рода казенных денег 201 275 р. 69¼ коп. Их тотчас же начали прятать по разным ямам и подвалам, но всех спрятать не успели, и часть их досталась мятежникам.

За несколько дней до приближения Пугачева воевода, его товарищ, коллежский асессор Гуляев, подпоручики Суровцов и Слепцов, секретари Степан Дудкин и Сергей Григорьев с несколькими канцелярскими служителями бежали из города. «Того

же дня [28 июля] в полдни, – показывал майор Герасимов, – как я шел по городу, то увидел собравшихся пахотных солдат, живущих в городе, человек с 200. На вопрос мой об их сборище объявили мне, что они советуют между собой, кого бы командиром в городе сделать, потому что воевода и товарищ с показанными чинами уехали, а слышно, что злодеи приближаются к Пензе; причем просили меня, чтоб я принял команду и защищал город. А как старее меня чином никого в городе не было, то я, не отговариваясь от сего их предложения, приказал им на другой день прийти в канцелярию».

Наутро бургомистр Борис Елизаров собрал на совет все купечество и спрашивал их мнение: противиться ли им мятежникам или нет?

Купцы молчали.

– Ну, чем мы станем ему противиться, – стал говорить тогда Елизаров, – у нас нет никакого оружия, так не лучше ли встретить его и тем спасти город от пожара, а людей от смерти.

– Да, нам нечем противиться, – кричали ему в ответ голоса, – хотя бы и было чем, так где нам против его силы устоять, когда и крепости не в силах были! Ничего нам больше делать не остается, как встретить его с хлебом-солью.

В это время, по предложению майора Герасимова, шли к нему пахотные солдаты и, проходя мимо ратуши, узнали, что там собралось купечество на совещание. Солдаты остановились. К ним вышел бургомистр и объявил, что купечество решило не противиться. Выслушав такое решение, пахотные солдаты отправились в Пензенскую провинциальную канцелярию, в которой собрались: провинциальный секретарь Тихон Андреев, майор Герасимов, прапорщик Илья Григорьев, отставной гвардии поручик Чернцов, капитан Никитин и некоторые из пензенских помещиков.

После совещания все присутствующие выбрали майора Герасимова начальником города и его обороны.

– Имеете ли вы какое-нибудь оружие? – спрашивал Герасимов, выйдя из канцелярии к собравшимся пахотным солдатам.

– Не имеем никакого, – отвечали они.

Приказав им вооружиться кто чем может, Герасимов отправил нарочного к казанскому губернатору с просьбой о помощи и с донесением об опасности, угрожающей Пензе от приближения мятежников^[737]. Едва посланный успел выехать из города, как в третьем часу пополудни, 1 августа, приехали на рынок человек пятнадцать мятежников. Они уверяли горожан, что к городу подходит не самозванец, а истинный государь, от которого они присланы объявить, что если граждане не встретят его с хлебом-солью и окажут «противность, то все в городе до сущего младенца будут истреблены и город выжжен». В доказательство справедливости своих слов они передали указ императора для всенародного прочтения^[738].

Угрозы самозванца разнеслись по городу, и население пришло в отчаяние. Герасимов ободрял жителей, но они кричали ему в ответ, что не имеют оружия и противиться им нечем. Тогда с общего совещания положили, и сам майор Герасимов согласился встретить самозванца и покориться ему. С крестами и образами почти все население в сопровождении духовенства вышло из города и, отойдя с версту, остановилось.

Приложившись ко кресту, Пугачев устроил целование руки, к которой подходили майор Герасимов, капитан Никитин и поручик Чернцов. После того Пугачев, не въезжая в город, вернулся назад и расположился станом, верстах в десяти от Пензы. Между тем сообщники самозванца, ворвавшись в город, выпустили всех колодников, грабили дома, растворили

питейные дома и соляные амбары, разрешая народу пить вино и разбирать соль безденежно. Жители радовались и уверяли, что Пугачев истинный государь. «Воля всемилостивейшей государыни, – показывал впоследствии майор Герасимов^[739], – признаюсь чистосердечно, что я и сам при сем случае поколебался было в мыслях, думая, что Пугачев и в самом деле государь, как в том утверждало меня сие, что многие города и крепости побрал и вся чернь везде, где он ни был, прилеплялась к нему без сумнение».

2 августа прибывший в Пензу отряд из 20 казаков потребовал, чтобы население вторично сделало парадную встречу самозванцу и приготовило ему обед в купеческом доме. Ратуша оказалась неудобной, и купечество решило угостить самозванца в доме купца Андрея Кознова. По требованию казаков население встретило Пугачева за городом, причем бургомистр от имени города звал его обедать. Самозванец принял приглашение и для большего парада приказал ехать впереди одному из магистратских судей и указать дом. Ратман Мамин сел верхом, ехал перед мнимым государем, «а бургомистр, ускоряя прежде всех, дожидался у ворот встретить злодея». Пригласив с собой человек двадцать ближайших своих сообщников, Пугачев сел за стол. «Пища его состояла более в том, что велел принести толченого чесноку глубокую тарелку и, налив в оный уксусу и посоля, ел, а после оногo и другую такую же тарелку чесноку сожрал же».

Купцы разносили кушанья, а бургомистр и ратманы потчевали обедающих вином. Пили за здоровье императора Петра III и императрицы Устины Петровны.

– Ну, господа купцы, – говорил Пугачев, – теперь вы и все, городские жители, называйтесь моими казаками. Я ни подушных денег, ни рекрут с вас брать не буду, и соль казенную приказал я раздать безденежно по три

фунта на человека, а впредь торгуй ей кто хочет и промышляй всякий про себя.

Обед продолжался часа с три, а в это время толпа грабила город. После обеда самозванец уехал из Пензы, захватив с собой 6 пушек, 593 ядра, 54 пуда свинцу, 16 пудов пороху, несколько ружей и холодного оружия. Казенной соли было разграблено 20 573 пуда, а денег было взято мятежниками 13 233 руб. 63³/₄ коп, и так как они были преимущественно медные, то, нагрузив ими 40 подвод, Пугачев приказал остальные разбросать народу, причем три бочки подарил протопопу, две дал штатным солдатам и шесть бочек инвалидной команде, – все эти деньги были впоследствии представлены начальству^[740].

Выехав из Пензы, Пугачев не возвращался в свой стан, а направился по дороге в Петровок и, отъехав верст семь от города, остановился лагерем.

На следующий день на улицах Пензы было прибито следующее объявление: «Сего августа 3-го числа, по именному, его императорского величества указу, за подписанием собственные его величества руки, г. секунд-майор Таврило Герасимов награжден рангом полковника, и поручено ему содержать город Пензу под своим ведением и почитаться главным командиром. Да для наилучшего исправления и порядка определен быть в товарищах Андрей Яковлевич Кознов. И во исполнение оного е. и. в. именного высочайшего указа, по определению оных гг. градоначальников, велено об оном, для надлежащего сведения и должного повиновения в г. Пензе публиковать, чего ради сим и публикуется»^[741].

В тот же день, спустя несколько часов, было опубликовано жителям Пензы другое объявление от главного командира полковника Герасимова. «По именному его императорского величества высочайшему изустному повелению, – сказано в нем^[742], – приказано г.

Пензы со всех обложенных в подушный оклад обывателей собрать через час в армию его величества казаков 500 человек, сколько есть конных, а достальных пеших, которые обнадежены высочайшей его величества милостью, что они как лошадьми, так и прочей принадлежностью снабжены будут. А если вскорости собраны не будут, то поступлено будет по всей строгости его императорского величества гнева сожжением всего города. И по расчислению со всех положенных по г. Пензе обывателей в подушный оклад, имеет быть к собранию каждого [одного] казака с шести душ, а именно: с купечества 80, с цехов 20, с пахотных солдата пешей слободы 71, стародрагунской 60, конной 140, новодрагунской 30, черкасской 60, с пушкарей 11, с приставов 7, с канцелярских сторожей 7, с засечных сторожей 5, с воротников 2, с однодворцев 7 человек, которых и представить ко мне для свидетельства сего же числа, дабы не навести на себя паче его императорского величества высочайшего гнева».

Поручив исполнение этого распоряжения прапорщику Григорьеву, самозванный воевода Герасимов успел набрать только 200 человек, которые и были отправлены в стан самозванца. Пугачев остался недоволен столь малым набором и послал за Герасимовым, а сам тронулся в путь. Герасимов был доставлен к самозванцу тогда, когда тот был уже в 40 верстах от Пензы.

– Отчего так долго повеленные пятьсот человек не набраны? – спрашивал с криком Пугачев. – Тебя за это надобно повесить.

– Ваше величество, – говорил Герасимов, – двести человек от меня уже представлены, а остальные набираются команды моей прапорщиком.

Герасимов просил отпустить его скорее обратно, чтобы успеть набрать и отправить остальных^[743]. Пугачев согласился, и мнимый воевода возвратился в

Пензу, а на следующий день вступил в город настигавший толпу самозванца отряд графа Меллина. Вслед за тем, 5 августа, вступил в Пензу подполковник Муфель^[744] с 24-й легкой полевой командой и пензенским уланским корпусом. Пользуясь прибытием этого отряда, граф Меллин назначил секретаря Андреева воеводой города, поручил ему приведение всего в порядок и, несмотря на то что со дня своего выступления не имел ни одной дневки и делал форсированные марши от 40 до 80 верст в сутки, в тот же день выступил далее^[745].

Оставшийся в Пензе подполковник Муфель очутился среди страшного разрушения и почти поголовного восстания. В то время в Саранском и Пензенском уездах казенных крестьян было мало, и почти все принадлежали помещикам. «Кто только мог сесть на коня, – говорит Рунич в своих записках, – и идти добрыми шагами пешком, с косами, пиками и всякого рода дубинами, присоединились к пугачевской армии». Селения оказались пусты, в них встречались только одни престарелые и женщины. В самое лучшее для жатвы время тучные поля остались необработанными; скот скитался без присмотра, топтал поля и луга; множество лошадей, измученных и с окровавленными ранами, брошенных как пугачевцами, так и преследующими их отрядами, устилали дорогу и бродили по пашням.

В трехдневное пребывание Пугачева под Пензой толпа его рассыпалась по всему уезду небольшими шайками, предводители которых, приняв на себя звание полковников, быстро увеличивали свои силы и с ними предавались грабежу и насилию. Крестьянин княгини Голицыной Иванов успел, например, собрать себе шайку до 3 тысяч человек, с которыми бесчинствовал по уезду. Как он, так и другие предводители рассылали указы самозванца, приказывавшие вязать помещиков и везти

их в Пензу или убивать на месте. Таких несчастных впоследствии было насчитано до 150 семейств или до 600 человек. Не различая ни пола, ни возраста, крестьяне убивали всех, кто попадался под руку: помещиков, попов, приказчиков, старост и проч. Воевода Всеволожский, его товарищ Гуляев, офицеры Суровцов и Слепцов были захвачены в доме помещика Кандалаева и отправлены в Пензу, но по дороге в деревню Скачки были сожжены живыми; секретари Степан Дудкин и Сергей Григорьев с некоторыми помещиками были расстреляны и повешены в селе Головщике. Саранский воевода Протасьев, приведенный в Пензу еще при Пугачеве, был сначала высечен плетьюми, а потом заколот. Многие крестьяне, везшие своих помещиков в Пензу и не заставшие там самозванца, отправлялись вслед за ним. На дороге пугачевцы приказывали им везти обратно в Пензу для казни или расправиться самим. «Но как одни лошади, – рассказывал один из таких помещиков^[746], – трудятся под нами уже пятеро суток, а нас никто не вешает, то, скучав таким путешествием, [крестьяне] положили сами сделаться Пугачевым. Остановят в лесу, велели всем выходить из повозок и вынимали рогатины, но в тот самый час посланный за нами из прибывшей под командой графа Меллина конвой чугуевских казаков спас нам жизнь и всех переловили, из коих злодеев шестеро – пятерили, четыре повешены, прочие человек 20 кнутом пересечены».

Спасенные жертвы и их семейства находились в самом печальном положении и без всяких средств к существованию. «Посмотрите теперь, – писал тот же помещик, – на верного друга вашего, так и увидите меня в одном армяжике, сертуке без камзола, стареньких шелковых чулках без сапогов, скованного и брошенного в кибитку».

Оставлять уезд в таком положении было невозможно, и потому, в день прибытия подполковника Муфеля в Пензу, шеф пензенского уланского корпуса Чемесов отправил 60 человек улан для разведки, где находится главная и наибольшая шайка мятежников под начальством Иванова. Доставленные сведения указывали, что Иванов, не довольствуясь грабежами в уезде, следует к Пензе для разграбления города. Тогда Чемесов с 110 уланами пошел на соединение с своим разъездным отрядом и 8 августа встретил мятежников в 30 верстах от города, в селе Зогошино.

Несмотря на частый ружейный огонь улан, причинявший толпе большой урон, мятежники не отступали. Тогда Чемесов атаковал их, врубился в самую середину толпы и рассеял ее. Рассыпавшись по степи, возмутители искали спасение в бегстве, причем уланы преследовали бегущих на протяжении 20 верст. Потеря сообщников самозванца простиралась до 300 человек, в числе которых находился и родной брат предводителя шайки Иванова; в плен взято 167 человек, и отбито 7 чугунных маленьких пушек и две медные небольшие мортиры. «По окончании сего действия, – доносил Чемесов^[747], – оставшееся бедное дворянство и купечество, скитающееся по лесам без пропитания, начинает ныне приходить в Пензу под защиту».

Сюда же стекались помещики из других уездов и даже губерний.

До Алатыря силы Пугачева были еще не столь значительны, чтобы могли дробиться на мелкие партии и отходить в стороны, и потому мятежники тянулись одной дорогой. В трехдневное пребывание самозванца в этом городе силы его быстро росли и движение по одному пути представляло уже неудобства относительно собственного прокормления. Естественным последствием этого было уклонение в стороны небольших партий, предводителями которых

явились наиболее энергические люди, принявшие на себя звание полковников и даже называвших себя государем. Так, в город Инсар приехали два крестьянина, из коих один, Петр Евстафьев, назвал себя именем Петра III и требовал покорности. Паника была так сильна, что двое прибывших заставили воеводу бежать, а город покориться. Окрестные жители и дворовые люди тотчас же собрались к Евстафьеву и образовали шайку, предавшуюся страшным грабежам и неистовствам. 79 человек, преимущественно чинов инвалидной команды, пали под ударами разъяренной черни, и город был разграблен.

Из Инсара Евстафьев пошел на Троицк, жители которого не только покорились добровольно, но арестовали своих начальников и представили их мятежникам. Воевода, секунд-майор Столповский, товарищ его, капитал князь Чогодаев, и управитель дворцовых имений Половинкин были убиты, и имущество их расхищено. Отсюда толпа направилась далее, разграбила Краснослободск, Темников и приближалась к Ардатову. В Наровчате жители не ожидали прибытия мятежников, а сами вооружились дубинами, схватили воеводу Афанасия Ценина, всю его канцелярию и, сковав, посадили под караул. Захвативши в свои руки крепость, вооружившиеся засели в ней и ожидали, что будет дальше.

В это же самое время, а именно 1 августа, прибыла в Керенск команда из 12 человек под начальством вахмистра, говорившего по-польски и объявившего, что он команды государя Петра III и послан в погоню за писарским воеводой. Керенский воевода бежал также, и приставшие к приехавшим однодворцы отвели их к воеводскому товарищу Перскому. Вахмистр потребовал помощи к поимке воеводы и обещал тому, кто его поймает, выдать полтораста рублей. Перский приказал вязать бунтовщиков, но городничий, оставной унтер-

офицер Черменский, с толпой человек во сто, вступился за них, хотел было сковать Перского и его секретаря Королькова, но потом взял их только под караул.

После попойки с однодворцами мятежники уехали, а потом, 17 августа, опять появились в виду города, но были прогнаны. Освобожденный из-под караула, Перский успел убедить население к сопротивлению, и жители, при содействии пленных турок и инвалидной команды, три раза отбивали нападение мятежников. Последние, не имея успеха, подожгли город в нескольких местах, но пожар был потушен и Керенск избавился от разграбления^[748].

Не так поступили жители Нижнего Ломова.

При первом известии о появлении в окрестностях мятежников товарищ воеводы, титулярный советник Ефим Овсянников, призвал к себе в дом конной слободы старшину Щеролапова с Афанасием Стукаловым и Иваном Безмыловым, да пешей слободы сотского Осипа Нежевлева и подговорил их склонить на свою сторону всех однодворцев и духовенство и идти навстречу мятежникам. Он же, Овсянников, намерен был засесть в замке и по первому требованию инсургентов сдать его, отворить им ворота и впустить в город.

Хитро задуманный план этот не удался. Штатной команды секунд-майор Иван Лукин, вместе с инвалидным подполковником Ромадиным, решились защищаться, поставили одну пушку у передних ворот и потребовали порох и снаряды от воеводской канцелярии. Посланный объявил, что воевода бежал из города, а воеводский товарищ Овсянников зарядов пушечных давать не приказал. Майор Лукин отправился сам к Овсянникову, чтобы узнать от него, «с каким намерением остается он к обороне приближающихся злодеев», но воеводский товарищ не высказал своих намерений и упорствовал в выдаче зарядов.

На другой день Лукин собрал на совещание всех офицеров и, объявив им, что намерен защищать город, требовал, чтобы все находились на своих местах и воеводский товарищ с ними. Подполковник Ромадин, по старости и слабости здоровья, отказался от участия в распоряжениях по защите, а Овсянников присоединился к гарнизону; но когда Лукин приказал запира́ть ворота, то воеводский товарищ пытался уйти, но был задержан дворянским депутатом секунд-майором Евсюковым. Майоры Лукин и Евсюков стыдили его и говорили, что он, как оставшийся за воеводу, должен защищать город. «Невзирая на те наши ему представления, – доносил Лукин^[749], – многократно отбивая в воротах часового, покушался уйти, и для лучшего укрепления ворот, сделанный мной брус, приступя, сам зачал отваливать, приказывая ворота отворить».

– Это дурно, – говорил ему Лукин, – с каким разумом вы ворота отпирать приказываете.

– Я здесь командир, – кричал Овсянников, – а не ты; отвори ворота.

Лукин не слушал, и тогда воеводский товарищ бросился на него с кулаками, но был удержан Евсюковым. Бранясь со всеми, Овсянников не знал, что делать, и наконец, обратившись к канцеляристу Льву Юрьеву, приказал ему от имени воеводской канцелярии написать Лукину указ, чтобы он отворил ворота. Такое приказание возбудило всеобщий смех, а между тем с городской стены замечено было приближение толпы, которая, по словам Лукина, состояла не более как из 13 или 15 человек. Все однодворцы, жившие в форштадте, высыпали им навстречу с крестами, хлебом и солью и вместе с прибывшими двинулись к городу. Мятежники не решились, конечно, штурмовать городскую стену, а бросились в кабаки, разбили бочки с вином и стали поить народ.

Пьяная толпа направилась в Богородицкий казанский монастырь, где была встречена архимандритом Исаакием со всей братией. Прибывшие заставили архимандрита служить молебен и провозгласить многолетие императору Петру III. Во время службы пьяная и бушующая чернь окружила монахов, и когда произносилось имя императора Петра III, то бунтовщики, стоя в церкви, стреляли из ружей^[750].

Разграбив монастырь, мятежники опять направились к городу, и в толпе их майор Лукин заметил соборного дьякона, которого и призвал к передним воротам.

– Что это за люди, которых вы таким образом встречали? – спрашивал Лукин.

– Казаки государя Петра Федоровича, – отвечал диакон.

– Чего они требуют?

– Они только спросили, кто есть в городе начальник, на что обыватели сказали, что воевода отлучился, а есть воеводский товарищ и штатный майор.

– Да для чего же, – спрашивали прибывшие мятежники, – товарищ обещал нас с обывателями встретить, а теперь его здесь нет?

– Задержан майором Лукиным в городе, – отвечали им.

Слышавший весь этот разговор, Овсянников попытался опять уйти; мятежники, подойдя к стене, звали его к себе, и он, протянув им руки, был вытащен в небольшую калитку. Пьяная толпа ликовала и радовалась, что добыла себе еще одного единомышленника.

– А вам тут умирать! – кричали голоса гарнизону. – Давай соломы, зажигай город!

Угроза эта всполошила многих жителей, находившихся в составе гарнизона; между ними явился ропот и разговоры, не лучше ли сдаться. Лукин и Евсюков советовались, что делать. Между тем мятежники ворвались в заднюю башню, а затем выбили

и передние ворота, Лукин был схвачен и отведен на двор дома Овсянникова, пировавшего с мятежниками. Его посадили под караул и приготовили вожжи, чтобы повесить, но по какому-то странному стечению обстоятельств атаман приказал его освободить от казни^[751]. Пропировав несколько времени в доме Овсянникова и разграбив почти весь город, мятежники ушли, оставив воеводскому товарищу Овсянникову на память следующую записку атамана:

«1774 года августа 9-го дня дано сие одобрительное письмо его величества государя Петра Федоровича от дворовых людей нижнего города Ломова ассессору Ефиме Васильеве Овсянникове, в том, что он человек добрый, только до людей ему, тако ж до города и до крестьян дела нет и ни во что не вступать; а если, паче чаяния, оный ассессор во что вступит, то без главной команды его величества ничем не казнить и ничем не трогать, а привести в главную команду и в том он сужден будет. Градским обывателям к воротам его не подходить и ничем его не тревожить и Государыню Екатерину Алексеевну не честь и указов никаких не принимать, а дожидаться указов от его величества государя Петра Федоровича»^[752].

Подобные шайки бродили по разным направлениям: подходили к Тамбову, ворвались в Воронежскую губернию и в особенности свирепствовали в Нижегородской. «Я ничего приятного, кроме жалости и досады, уведомить вас не могу, – писал нижегородский губернатор Ступишин П.С. Потемкину^[753]. – Господа деташементные командиры, проследуя за злодеем, оставили за собой бунты; главные ваши начальники не сделали учреждение, чтобы сих следы усмирять. Итак, злодеяние вошло и идет к губернии Московской. Последние известия получил я, что толпы злодейские сделали в г. Троицком-Остроге, в Красной слободе и,

наконец, в Темникове 9-го числа варварства и разорение, и идет сие зло и к моему городу Арзамасу».

Мятеж разливался по всем направлениям, и весть о появлении Пугачева в Пензе достигла и до Петровска. Провинциальная канцелярия тотчас же предписала прапорщику штатной команды Ивану Юматову, чтобы он собрал всех жителей, объявил им об угрожающей опасности и взял подписки, что они, в случае нападения злодеев, явятся с оружием, какое у кого есть, и будут защищаться, «не щадя живота своего». Юматов исполнил приказание и когда потребовал подписки, то жители отказались их дать, «а пахотный солдат Никита Ларин бил его [Юматова] дубиной смертельно». Хотя петровская провинциальная канцелярия, осмотрев побои, нанесенные Юматову, и донесла о том в казанскую губернскую канцелярию, но Ларин остался неарестованным и впоследствии служил примером для других.

Петровский воевода подполковник Зимнинский и товарищ его секунд-майор Иван Буткевич не предпринимали никаких мер к защите города, и при первом известии о приближении самозванца воевода потихоньку уехал в Астрахань, а его секретарь Лука Яковлев с сыном бежали в Саратов. Воеводский товарищ Буткевич, по совету Державина, также собирался выехать в Саратов, взяв с собой всю артиллерию, денежную казну и 11 человек нижних чинов штатной команды – единственных защитников города. Буткевич приказал вывезти артиллерию из города, а канцелярские дела сложить на подводы. Заметив это, пахотные солдаты, собравшись в числе до 2 тысяч человек, сбросили с телег все дела, увели лошадей и, арестовав воеводу Буткевича, приставили к его дому караул. Прапорщику Юматову они советовали из города не бегать, «и если-де злодей в город вступит, то они его одобряют, что он человек добрый, обид им никаких не

причинял». Юматов положился на обещание солдат и решился исполнять все их требования, которые главным образом состояли в том, чтобы встретить самозванца с колокольным звоном и с хлебом и солью.

После полудня, 4 августа, Пугачев отправил вперед Чумакова с своим манифестом, а вслед за ним вступил и сам в город Петровск. Население встретило его с почестями. Струсивший Юматов приказал канцеляристу Семену Кузнецову написать рапорт о благосостоянии города и, одевшись в мундир, наутро явился к самозванцу, именуя его императором Петром III. Пугачев не принял его, а потребовал к себе воеводского товарища Буткевича, на которого жители жаловались, как на обидчика и притеснителя. Буткевича пятерили, и после казни всем собравшимся был вновь прочитан манифест и объявлено, что воеводой назначается Юматов, который и производится в полковники. Последнему приказано было раздавать безденежно соль по три фунта на человека, вино продавать по полтора рубля за ведро, собрать из жителей сколько можно казаков в войско государя и отправить в стан самозванца все канцелярские дела, Юматов собрал 339 человек, которых и представил при рапорте, под которым подписался полковником^[754].

В Петровске Пугачев взял 9 пушек, 10 пудов пороху, 5 свинок свинцу, всю одежду и вооружения гарнизонных и штатных солдат^[755].

В то время, когда самозванец вступал в Петровск, к тому же городу приближалась, с противоположной стороны, донская казачья команда из 60 человек, высланная из Саратова под начальством есаула Фомина. Команда была выслана по просьбе Г.Р. Державина, вызвавшегося ехать в Петровск, взять оттуда деньги, пушки, порох, узнать силы Пугачева и подать *саратовским властям пример решимости*. Не дождавшись прибытия поэта, Фомин выступил из

Саратова 3 августа, и на следующий день его догнал польской службы майор Гогель, присланный Державиным.

Последний выехал из Саратова вместе с Гогелем, 4 августа, но в 10 верстах от Петровска им повстречался мужик, объявивший, что Пугачев всего в пяти верстах от города. Державин остановился и послал вперед майора Гогеля, вызвавшегося съездить к казакам и вернуть их. Долг службы обязывал Державина, как человека сочинившего эту экспедицию и выпросившего себе казаков, ехать туда самому, но поэт предпочел не вдаваться в опасность и отказался показать саратовцам *пример решимости*.

Подходя к Петровску, есаул Фомин, майор Гогель и прапорщик Скуратов с десятью казаками выехали вперед и послали в город четырех казаков разузнать о числе мятежников. Казаки были захвачены в плен и представлены Пугачеву.

– Что вы за люди? – спросил их самозванец.

– Мы донские казаки, служим все милостивейшей государыне.

– Зачем пришли?

– Присланы от командира осмотреть, какие люди в город вошли.

– Пришел государь, – сказал Пугачев. – Служили вы государыне, а теперь будете служить мне. Велика ли ваша сила?

– Нас шестьдесят человек.

– Кто ваш командир?

– Есаул Фомин и еще два офицера.

Оставив трех казаков у себя, самозванец послал четвертого к Фомину с приказанием, чтобы он и его команда, «не дравшись преклонилась, а ежели драться станут, то он их всех казнит»^[756].

Получив такое заявление, есаул Фомин с товарищами и остальными казаками поскакали назад и

проехали мимо своей команды. На вопрос квартирмейстера Малахова, зачем они оставляют команду, Фомин отвечал, что сейчас вернутся, и скрылись.

Оставшиеся казаки не знали, что делать, а между тем посланная самозванцем за Фоминым погоня из 150 человек была уже не далее 150 сажень. Казаки стояли молча, мятежники также остановились. Из толпы их выделился один всадник, который, подъехав к казакам, предложил им сдаться.

– Не противьтесь оружием, – говорил он, – здесь сам государь Петр Федорович; слезайте с лошадей.

Казаки не оказывали сопротивления, но с лошадей не слезали. Тогда из толпы мятежников был послан гонец в Петровск, а вслед за тем из города выехал самозванец, окруженный несколькими знаменами или, правильнее, значками. «Знамена были, – показывал хорунжий Малахов, – с разными на них изображениями святых, однако ж без полей и звезд золотых и серебряных, только у некоторых вышитые малые звездочки, у некоторых по краям позументы, а другие и без всяких изображений».

Как только самозванец показался из города, из передового отряда, стоявшего против казаков, опять выделился один всадник и потребовал, чтобы казаки слезли с лошадей.

– Вы оставьте их сзади, – сказал он, – сам государь к вам едет. Как скоро он к вам подъедет, то вы положите оружие и, пад [павши] на колени, поклонитесь.

На этот раз казаки исполнили приказание.

– Вы какие? – спросил Пугачев.

– Донские, были в Саратове.

– Детушки, Бог и государь вас во всех винах прощает, ступайте ко мне в лагерь.

Казаков повели в лагерь, а самозванец, переменяя коня, погнался с несколькими людьми за Фоминым,

Гогелем и Скуратовым.

Спасаясь от преследования, все три офицера встретили на пути ожидавшего их Державина и вместе с ним поскакали в Саратов. Некоторые писатели находят поступок этот естественным потому, что Державин с ничтожным отрядом мог очутиться лицом к лицу с неприятелем в несколько тысяч человек; что сопротивляться значило вступить в неравный бой. Мы, люди военные, судим об этом несколько иначе. Оставаться при отряде и отступать вместе с ним от многочисленного неприятеля дело почетное, но бросить отряд и не явиться во главе его, когда сам затеял экспедицию, а затем рассуждать, благоразумно или нет вдаваться в опасность, в военном деле не допускается. Можно ли допустить, чтобы каждый командир части соразмерял силы противника с своими и затем соображал, выгодно или нет вести ему свою часть в атаку. Если бы Михельсон рассуждал таким же образом, он никогда бы не решился не только атаковать, но и подойти близко к мятежникам. Беззаветное исполнение долга, не справляясь с числом противника, есть обязанность каждого военного, одинаково требуемая как в настоящем, так и в прошлом столетии. Державин был не гражданский чиновник, а поручик лейб-гвардии Преображенского полка, присягавший не щадить живота и нести на себе все тяготы военной службы, но, к сожалению, мы ниже увидим, что он не имел никакого понятия ни о дисциплине, ни об обязанностях военного человека. Тем не менее он сознавал свой поступок и потому счел необходимым уверять, что и при этом бегстве он *«не забыл своего долга»* (?!).

При захождении уже солнца казаки прибыли в лагерь вместе с бунчуком, на котором было изображение Знамени Богородицы, отбитым ими же на речке Больших Узеньях при разбитии весной толпы яицких казаков. Лагерь был расположен у самого города

Петровска на лугу, где разбиты были две палатки для самозванца и третья для секретаря; палатки были окружены стражей из яицких казаков. Приведенные донцы поступили в полк яицкого казака Афанасия Перфильева^[757].

Возвратившись вечером в свой стан, самозванец потребовал к себе в палатку сотника Мелехова, хорунжих Малахова, Попова и

Колобродова. В палатке был накрыт ужин; приглашенным предложено сесть и выпить по две чарки водки.

– Пейте, детушки, при мне, – говорил Пугачев, – и служите верно.

Казаки выпили.

– Какое вы получаете жалованье от государыни?

– Мы от всемилостивейшей нашей государыни жалованьем довольны, – отвечали казаки.

– Хотя вы и довольны, – заметил самозванец, – но этого мало и на седло, а не токмо на лошадь; послужите вы у меня – не так будете довольны и будете в золоте ходить, а у вас господа съедают жалованье. Слушайте, други мои, был я в Египте три года, в Цареграде три года, да в третьем, не упомяну где, месте два года; я все примеры чужестранные узнал – там не так, как у нас. Я знаю, как с господами поступлю^[758].

После такого заявления Пугачев дозволил им приходить к себе утром и вечером, когда встретят надобность, выдал старшинам по 20 руб. и казакам по 12 руб., а затем приказал им идти и ложиться спать.

Казаки оставались в толпе самозванца весьма недолго и начиная с 9 августа поодиночке почти все бежали на Дон.

Пугачев же 5 августа покинул свой лагерь у Петровска и со всей своей толпой двинулся к Саратову.

Глава 21

Положение Саратова при приближении Пугачева. - Отъезд генерала П. Кречетникова в Астрахань. - Несогласия, возникшие между саратовскими властями. - Переписка Ладыженского и Державина с полковником Бошняком. - Совещание по защите города. - Приближение Пугачева к Саратову. - Встреча его с войсками. - Разграбление города.

Саратов был одним из наиболее населенных городов Астраханской губернии, и в нем насчиталось до 7 тысяч жителей. Истребленный в начале 1774 года пожаром, город едва начинал отстраиваться, как находившийся в нем астраханский губернатор Петр Никитич Кречетников получил приказание генерал-прокурора князя А.А. Вяземского отправиться в Астрахань и вступить в отправление своей должности.

«Ее императорское величество, – писал князь Вяземский генералу Кречетникову^[759], – высочайше повелеть мне соизволила объявить вашему превосходительству, что как в рассуждении обстоятельств, для коих вам назначено быть в Саратове, последовала известная перемена^[760], то по получении сего переехать вам в Астрахань и вступить в надлежащее правление возложенной на вас должности, учреди поступок ваш таким образом, чтоб оный соответствующ был высочайшей ее вам доверенности и сохраняя во всех частях должную справедливость и правосудие, чем одним можете заслужить ее милость и благоволение.

Я чрез сие, исполняя высочайшее повеление, нахожу за нужно с своей стороны сообщить вашему

превосходительству, что по причине происшедших ссор между ваших товарищей и прокурора, когда не найдете средства к прекращению, то можете с описанием всех обстоятельств представить в Сенат».

На это письмо Кречетников отвечал [\[761\]](#):

«Вашего сиятельства письмо с высочайшим ее величества повелением о переезде моем в Астрахань к порученной мне должности я имел счастье получить. На которое вам, государь, по чистой моей душе, как пред самим Богом ответ дать должен, так и говорю, что нет у меня иной мысли, как только прошу всемогущество Божие, чтоб подал мне силу разума сохранить славу ее величества и интерес ее высокого звания соблюсти; а затем дать людям правду по крайнему разумению и всеми силами течение дел пустить. Сами, милостивый государь, рассудить изволите, что мне в свете лестнее быть может, как приобрести высочайшее ее величества себе милосердие и благоволение. Верь Богу, государь, что сего единого только и желаю.

Теперь же принужден несколько дней остановиться здесь по причине пожара, чтобы сделать и положить на мере, как впредь город строить и расположить от неистового (?) строения и непорядка, каковой был. К тому же здесь довольно разных команд, *кои не только друг другу не подчинены, но и мне не принадлежат; то если мне, не сделав при себе положения, уехать, то придет город в спор и всякий в свои положения*, то и принужденно будет мне приезжать к рассмотрению. Я и рассудил все то теперь сделать и буде успею, то отсюда же и к вам представлю, а ежели не успею, то с дороги то сделаю. Я же намерен в проезд до Астрахани все места осмотреть, так как и линию Царицынскую, и потом вас уведомить, чтобы уже мне осталось осмотреть ту сторону. А затем наиприлежнейше прошу подать мне знание и наставление, какое бы ее величества соизволение было о вверенном мне крае и о

соседственных народах, то истинно, государь, все силы употреблю, чтобы их на тот конец привести и постараюсь, как только время допустит, осмотреть темницы и рудники и сделать потребное и основательное примечание и о всем том с крайней аккуратностью донести».

Отъезжая из Саратова и предвидя, что между начальниками команд могут возникнуть пререкания, генерал П. Кречетников поручил *«все правление по городу воинских дел»* коменданту полковнику Бошняку, «на коего человека, – доносил он Сенату^[762], – я по его способности и известной мне усердности и исправности надежду мою к полезным успехам полагаю». Сообщая князю Щербатову, что назначил Бошняка начальником всех команд, расположенных в Саратове, генерал Кречетников просил главнокомандующего *«все сношение иметь и требовать исполнение от него, коменданта»*^[763].

«Миновав главного воинского начальника, – писал впоследствии Кречетников конторе опекунства иностранных^[764], – поручить другому приватному и статскому человеку [начальство] было бы и законам несходственно».

Таким образом, полковник Иван Константинович Бошняк должен был быть единственным распорядителем по укреплению города и начальником всех войск, в нем находившихся.

К сожалению, приступая к изложению печальной страницы саратовских пререканий, мы должны разойтись с большинством исследователей этих событий. Люди военные, на обязанности которых лежит защита и оборона, имеют свою точку зрения, руководствуются издавна усвоенными ими правилами и законами и не могут согласиться с гражданскими воззрениями. Вот почему мы должны не иначе как с грустью сказать, что в Саратове нашлись люди,

преследовавшие свои личные интересы, не заботившиеся о благе общем и не чуждые местничества, причинившего немало бед на Руси. Во главе противников Бошняка и лиц, наиболее подлежащих осуждению, стоял управляющий конторой опекунства иностранных поселенцев, статский советник Михаил Михайлович Ладыженский, к которому присоединился, без всякого основания и повода, но единственно по ветренности своего характера, заносчивости, наклонности к превышению власти и желанию играть известную роль, – гвардии поручик Гавриил Романович Державин. Противодействие этих лиц полковнику Бошняку тем прискорбнее, что оба его противника были люди военные и, следовательно, обязанные знать важное значение коменданта, его права и в то же время обязанные безусловным исполнением распоряжений высшей власти. Им было известно, что независимо от чинов комендант есть хозяин гарнизона и всех находящихся в городе команд. Ладыженский служил прежде в инженерном ведомстве и был бригадиром. По недавнему назначению на тогдашнюю свой должность, он сам называл себя человеком новым, но считал себя старше полковника Бошняка, бывшего саратовским комендантом и исправлявшим должность воеводы. Ладыженский смотрел на себя как на первое лицо в городе, был обижен тем, что Кречетников предпочел ему Бошняка, а Державин считал себя не подчиненным даже и астраханскому губернатору. Интриги Ладыженского и Державина были причиной печальных событий, совершившихся в Саратове в начале августа 1774 года.

Ввиду опасности, угрожавшей городу от надвигавшейся толпы самозванца, полковник Бошняк намерен был приступить к его укреплению и сосредоточить в нем все силы ^[765].

24 июля он отправился в опекунскую контору, где и имел совещание с членом ее, статским советником Ладыженским, и вызванным в Саратов из Малыковки лейб-гвардии Преображенского полка поручиком Г.Р. Державиным^[766].

На совещании этом было положено: оставить только самое необходимое число войск в колониях, а все свободные команды собрать в город, раздать им патроны и пули, привести в исправное состояние имевшиеся при опекунской конторе четыре пушки и одну мортиру, и снабдить их двойным комплектом зарядов, а для разведывания о неприятеле учредить в разных местах разъезды из казаков, бывших в распоряжении Державина. При этом совещавшиеся пришли к такому заключению, что, будучи окружен высокими горами, Саратов не мог быть укреплен вполне. Обширность города отнимала все способы «сделать такое укрепление, которое бы в короткое время в оборонительное состояние приведено быть могло, да и военной команды на закрытие оного столько же недостаточно, сколько и артиллерии». По заявлению Бошняка, он мог набрать в городе не более 10 чугунных пушек, да и те были на лафетах, поврежденных во время пожара. Поэтому решено было, для исправления городских орудий передать их в мастерскую артиллерийской команды, состоявшей при опекунстве иностранных. Что же касается до плана защиты города, то постановлено было, в случае приближения к Саратову самозванца, не допуская его до города, встретить в поле всеми соединенными силами и стараться разбить его. Для безопасного же отступления, в случае неудачи, и для предоставления жителям возможности укрыться от зверства и неистовства мятежников, решено было устроить земляное укрепление вблизи города и на самом берегу реки Волги, там, где находились провиантские магазины, принадлежавшие опекунству иностранных. В

этих магазинах хранилось до 20 тысяч четвертей муки и значительное количество овса. По мнению совещавшихся, вблизи города не было лучшего и удобнейшего места для укрепления, которое, примыкая к берегу реки, могло бы выдержать осаду до прибытия подкреплений и обеспечить гарнизон и жителей как хлебом, так и водой.

В этом укреплении предполагалось собрать все семейства защитников, содержать колодников под охраной небольшого караула, а казенное вино погрузить на судно и поставить на якорь против укрепления; все же остальные суда затопить, чтобы мятежники не могли ими воспользоваться.

Как бывший инженер, Ладыженский составил проект укрепления, а полковник Бошняк обещал 25 и 26 июля выслать на работу городских обывателей.

Представляя Кречетникову копию *«с общего консильного определения»*, полковник Бошняк присовокуплял, что укрепление это необходимо, чтобы, в случае нападения мятежников, *«сохранить целостность высочайшего интереса (деньги и провиант) и жизнь всякого гражданина с именем»*^[767].

Обещая в помощь Саратову вооружить до 1500 человек крестьян, поручик Державин уехал в Малыковку, а между тем 25 июля саратовский комендант получил уведомление главнокомандующего князя Щербатова, что Пугачев 15 июля разбит Михельсоном, что он пробирается к Курмышу и Ядрину, и так как его преследует граф Меллин с своим отрядом, то городу Саратову *«опасности быть не может»*. Заключение свое главнокомандующий основывал на том, что со стороны Сызрани и Самары он приказал *«обратить для перехвачения сего изверга стоящие там войска, а особливо сызранскому посту накрепко подтвердил взирать на бегущего злодея и всемерно стараться путь ему пересекать и истребить»*^[768].

Привезший это предписание офицер словесно заявил, что Пугачев бежит так поспешно, что оставляет по дороге всех своих сообщников, а сам скачет на переменных лошадях^[769].

Несколько поспешное заключение князя Щербатова о безопасности города Саратова опровергалось полученным в тот же день известием из Пензы, что Пугачев с толпой до 2 тысяч человек появился в виду Алатыря и приближается к этому городу. Кому верить: главнокомандующему или Пензенской провинциальной канцелярии – Бошняк не знал и затем решил не приступать к возведению укреплений до разъяснения обстоятельств^[770].

Он верил более сообщению главнокомандующего, и, имея в виду, что большинство населения занято необходимыми полевыми работами, отложил наряд рабочих, и таким образом ни 25, ни 26 июля работы по укреплению города не производились. Видя, что комендант не исполняет обещаний, данных накануне, Ладыженский и члены опекунской конторы настаивали и просили Бошняка прислать скорее рабочих, говоря, что опасность городу не только не миновала, а умножилась. «Но, – писал Свербеев Г.Р. Державину^[771], – прелестные усы [Бошняк] в бытность свою вчера здесь [в опекунской конторе] благоволили обеззаботить всех нас своим упрямством; причем некоторые с пристойностью помолчали, некоторые пошумели, а мы, будучи зрителями, послушали и, пожелав друг другу покойного сна, разошлись, и тем спектакль кончился. *Приезжай, братец, поскорее и нагони на них страх*; авось подействуют всего лучше ваши слова и тем успокоятся жители».

Еще накануне получения этого письма Державин, не желая подчиняться распоряжениям Кречетникова и признавать в Бошняке начальника, просил главнокомандующего, князя Щербатова, разъяснить,

кому быть начальником в Саратове, и самонадеянно говорил, что он «*подвиг*» саратовские власти «сделать приуготовление»; что он отправится сам в Саратов, «ибо мне хочется, – писал он ^[772], – чтоб там через досугу мой *все было в порядке и в готовности (?!)*».

«По происшедшему в Казани несчастливому приключению, – писал в тот же день Державин генералу фон Брандту ^[773], – народ, о сем известившись, в крайнем колебании. Хотя не можно ничего сказать о каком-либо явном замешательстве, однако по тайному слуху все ждут чаемого ими Петра Федоровича, Внедрившаяся в сердца язва, начавшая утешаться, кажется, оживляется и будто ждет только случая открыть себя. Ни разум, ни истинная проповедь о милосердии всемилостивейшей нашей государыни, ничто не может извлечь укоренившегося грубого и невежественного мнения.

Кажется бы, нужно несколько преступников в сей край прислать для казни; авось либо незримое здесь и страшное то позорище даст несколько иные мысли».

Отправив эти донесение, Державин 28 июля получил вышеприведенное нами письмо Свербеева и, желая сохранить за собой мнение человека влиятельного, в тот же день поскакал в Саратов нагонять страх и подливать масло в загоравшийся уже огонь несогласий.

Накануне приезда Державина в городе получено было известие, что Пугачев прошел уже Алатырь и занял Саранск, находившийся не далее 800 верст от Саратова, и тогда Бошняк успел собрать наскоро до 40 человек и отправил их на работу укрепления. Рабочие эти были большей частью женщины и малолетние с деревянными лопатами, и потому успех работ не отвечал принятому решению построить укрепление по возможности в кратчайший срок. Видя безуспешность работы, М. Ладыженский собрал в тот же день совет, в который были приглашены: комендант, члены опекунства

иностранных, главный судья низовой соляной конторы Жуков, ратман саратовского магистрата и несколько «первостатейных» купцов. Совещавшиеся опять признали невозможным укреплять весь город и решили построить укрепление у провиантских магазинов, причем ратман и купцы обещали вооружить от себя до 500 человек и обязались подпиской прислать на другой день на работу по одному человеку с каждого купеческого двора, а «если нужда потребует, то, сверх того, прибавить сколько будет можно»^[774]. На вопрос о средствах вооружения этого укрепления саратовский комендант отвечал, что для девяти находящихся при воеводской канцелярии чугунных пушек он успел сделать 90 зарядов. Признавая это число слишком недостаточным, собрание постановило поручить освидетельствовать городские пушки артиллерии майору Семанжу, рассортировать снаряды, а коменданту прислать в контору опекунов ведомость о численности его команды и сведения, сколько он может приготовить еще снарядов.

Такое постановление устраняло не только всякую самостоятельность саратовского коменданта, но и лишало его первенства в защите города. Полковник Бошняк не мог помириться со второстепенной ролью и передать главенство в руки Ладыженского.

Саратовский комендант отказался принять участие в постройке укрепления, доказывая, что оно будет совершенно в стороне от города и притом в яме, так что защищать его невозможно. Он советовал возобновить прежний городской вал, обнести его снаружи рвом с палисадом, построить на нем батареи, а впереди рва накидать рогатки. Бошняк доказывал, что если город будет защищен, то и провиантские магазины будут целы; что если предлагаемые им средства будут приведены в исполнение, то Саратов будет достаточно обеспечен от покушений мятежников. Он требовал,

чтобы Ладыженский вместе с ним осмотрел городской вал, присовокупляя, что пушек своих для исправления в артиллерийскую команду при опекунстве не отдаст, и просил прислать ему человек до 20 рядовых для делания зарядов.

Предоставляя опекунству иностранных построить небольшое укрепление у магазинов, полковник Бошняк говорил, что оставить город без защиты он не может, потому «что церкви Божии будут обнажены, к тому же острог с колодниками и немалое число вина останется на расхищение злодеям».

Ладыженский и его клеветы доказывали, что город защищать не стоит; что после пожара он имеет весьма мало строений, что большинство населения живет в шалашах и возобновлять городской вал не позволяет время.

Пререкания эти повели к тому, что ни та ни другая сторона не приступали к работам, и тогда Ладыженский вместе с Державиным отправились сами к Бошняку для совещаний. Они согласились, чтобы внутри города сделать укрепление, которое заключило бы в себе: собор, женский монастырь, Никольскую и Казанскую церкви, дом соляной конторы, воеводскую канцелярию с острогом и винные погреба. Ладыженский составил план такому укреплению, но Бошняк отказался его принять потому, как доносил он впоследствии^[775], что тогда пришлось бы сломать многие дома, «дабы удобнее по неприятелю пальбу производить». Саратовский комендант справедливо говорил, что, оставляя эти дома, мы даем средства неприятелю подойти безнаказанно к укреплению и укрыться в них. Тогда Ладыженский взял на себя труд, ничем не оправдываемый, разъяснить Бошняку его положения.

«Я не могу надивиться вашему упрямству и непостоянным рассуждениям, – писал Ладыженский саратовскому коменданту^[776], – ибо вы в один день

соглашались и с подписанного вами приговора отступили, не ведаю почему; я не вижу никаких правильных резонов отступить вам от собственных ваших мыслей. У меня инженеров хотя и нет в команде, а артиллерийские иные больны, а иные заняты при команде, но совсем тем капитана Дурова к вам посылаю, а притом по-приятельски прочтите *посланную при сем бумажку*^[777], по которой вы ясно увидите должность вашу и можете из того заключить, что вы только *возмечтали быть комендантом*, будто в крепости. Вам надлежит наперед взвесить на весах пользу и бесполезность мест и стараться споспешествовать общей и государственной пользе, а не отвращать благонамеренных людей, кои готовы были положенное исполнить. Конторе же не безызвестно и то, что вы последовали более прошению или совету пахотных солдат, бобылей, коим о существе дела и знать не должно, а быть слепо в повелениях воеводской канцелярии, которой вы теперь управляете, ибо *по собственной вашей должности не можете вы, кроме батальонных солдат, никому делать приказание*. Впрочем, желаю вам успеха, а контора не соглашается оставить великой провиантский магазин без закрытия, ибо лучше потерять деньги, нежели хлеб, потому что, потеряв оный, уморим двадцать пять тысяч народа с голоду. Вы требуете ответов от конторы, которая *не будет вам приятно отвечать, и, того хуже, зовете вы меня в воеводскую канцелярию смотреть вашего плана, кажется, забывшись*^[778]. Пожалуй, государь мой, высеки ты этого дурака писаря, который вашим постоянством поколебал. Впрочем, верьте, что я по-прежнему ваш усердный слуга.

Р. S. Пишу к вам партикулярно для того, что не хочется еще вас обличить, однако неминуемо контора принуждена будет представить куда надлежит. Ведь

пушки-то, братец, не у коменданта, но у воеводской канцелярии в команде».

Эта грубая и недостойная выходка была усилена еще письмом, написанным Г.Р. Державиным, не имевшим на то ни повода, ни права и присоединившимся к Ладыженскому по своей взбалмошности.

«Когда вам, – писал Державин Бошняку, – его превосходительство г. астраханский губернатор П.Н. Кречетников, отъезжая отсюда, не дал знать, с чем я прислан в страну сию, то через сие имею честь вашему высокоблагородию сказать, что я прислан сюда от его высокопревосходительства покойного генерал-аншефа и кавалера А.И. Бибикова, вследствие именного ее императорского величества высочайшего повеление по секретной комиссии и *предписано по моим требованием исполнять все*»^[779].

Нося мундир Преображенского полка почти случайно, только потому, что состоял в чине поручика, не имея никакого понятия о военной службе и дисциплине и об обязанностях и правах коменданта и толкуя по-своему полномочия, ему данные, Державин явился слепым орудием Ладыженского. Он уверял, что относительно укрепления города Бошняк не может спорить с Ладыженским, «яко служащим [служившим?] штаб-офицером в инженерном корпусе», и должен подчиниться ему.

Что же касается до желания коменданта защищать город и церкви Божии, «то на сие, – писал забывшийся Державин, – окромя всех господ штаб- и обер-офицеров, находящихся здесь, согласных со мной, объяснить вам имея, что комендант вверенной себе крепости никак до конца жизни своей покинуть не должен, тогда, когда уже он имеет ее укрепленной и довольной людьми и потребностью в защите оной; ежели ж всего одного не имеет, так как теперь и сожженный город Саратов, имеющий единственное именование города, то должен

он непременно находить способы, чтоб укрепиться в пристойном по правилам архитектуры месте и в нем иметь от неприятеля оборону. Мы же, как в вышеупомянутом определении согласились, чтоб малое число оставить для защиты ретраншемента, а с прочими силами идти навстречу злодею; то чем вы свой обширный вал, выходя навстречу злодею, защищать будете, это никому не понятно. *Да и какое вы, не зная инженерного искусства, лучшее укрепление сделать хотите, то также всем благоразумным неизвестно.* Церкви Божии защищать, конечно, должно; но как церковь не что иное есть, как собрание людей правоверных, следовательно, ежели вы благоразумно защитите оных, то в них защите и церковь».

Играя дерзко словами, молодой поручик увлекся до того, что потребовал от полковника Бошняка ответа, сам не зная какого, для донесения П. Потемкину, «яко непосредственному начальнику высочайшей ее величества власти» (?!).

Что подразумевалось под последним – трудно понять потому, что П.С. Потемкин был не более как начальник секретных комиссий, сам не имевший никакой административной власти на театре действий. Полковник Бошняк знал это хорошо и не без удивления читал заявление Державина, что «мы, находящиеся здесь штаб- и обер-офицеры, *приемлем всю тягость законов на себя*, что [если] вы оставите свой пустой, обширный и укреплению неспособный лоскут земли, именуемый вами крепостью Саратовской».

Не обращая внимания на полученные письма, полковник Бошняк 30 июля отправился к Ладыженскому и старался доказать ему, что предполагаемое укрепление провиантских магазинов не имеет цели, что по отдаленности от города трудно перевезти и собрать в нем имущество жителей, что гораздо лучше перенести укрепление на московскую дорогу близ каменной

часовни, куда и перевезти если не весь, то часть провианта. Вновь избираемое место для укрепления изобиловало водой и находилось на прямом пути наступления мятежников и, следовательно, имело более важное значение, чем построенное в стороне и вдали от города у провиантских магазинов. Ладыженский не согласился с доказательствами коменданта и объявил, что не даст ни своих команд, ни мастеровых для исправления городских орудий^[780].

Возвратившись домой, полковник Бошняк получил предписание астраханского губернатора Кречетникова, вновь требовавшего, чтобы комендант взял на себя оборону города.

«В околичностях Саратова и в самом городе, – писал Кречетников Бошняку^[781], – *принять вам от такового злодейского стремления по указам е. и. в. предосторожность, к чему находящихся тамо во всех командах воинских людей собрав, употребить на защиту и отпор в случае нападения, а именно: всех состоящих при опекунской и соляной конторах казаков истребовать, несмотря ни на какие их отговорки. Буде бы опекунская контора стала отзываться, что из них часть употреблена к обмежеванию земель, которое по сему самокрайнейшему и опаснейшему случаю должно теперь оставить; так же бы и артиллерийскую ведомства ее команду иметь в собрании, со всей артиллерией и снаряды, во всякой готовой к обороне исправности, дабы из казаков ни малейшей части, как то при мне в Саратове было, у них не оставалось, но все бы они отданы были в команду и распоряжения ваше, на отпор и прогнание вышеписанного злодея и его воровских партий.*

Сей ордер мой обеих контор гг. присутствующим секретно объявить и с ними купно посоветовав, поступить в недопущении распространения злодейства вдаль, с единодушной мыслью помня всякому долг свой,

как верным е. и. в. рабам, по данной присяге и по воинским регулам принадлежит, не щадя живота обратить единственно свои силы сего злодея всемерно отразить».

С этим предписанием Бошняк в тот же день вторично поехал к Ладыженскому, который, будучи поддержан Державиным, настаивал на своем, но потом объявил, что приедет посмотреть место, избранное комендантом для укрепления. Произведенный осмотр не привел к соглашению, а заявление коменданта, чтобы все военные команды были отданы в его распоряжение, заставило Ладыженского собрать своих клевретов на совещание и пригласить в присутствие и полковника Бошняка. Последний, на требование собравшихся укрепить провиантские магазины, отвечал, что построить небольшое укрепление здесь необходимо, но что главной целью должна быть защита города; что для этого необходимо построить укрепление впереди города, на пути наступления неприятеля, а не сбоку. При этом Бошняк повторил свое требование о передаче в его распоряжение всех команд и о присылке 20 человек артиллеристов. Ладыженский не соглашался исполнить требование, говоря, что опекунская контора *«г/ губернатора не под властью»*, а Державин и другие *«всячески, – доносил Бошняк^[782], – ругательскими и весьма бесчестными словами поносили и бранили, и он, г. Державин, намерялся меня, яко совсем, по их мнению, осужденного, арестовать, в чем я при теперешнем весьма нужном случае, ваше превосходительство, и не утруждаю, а после буду просить должной по законам сатисфакции»*.

После такой сцены комендант не мог принимать участия в совещаниях, и тогда на следующее утро, 1 августа, Державин явился в магистрат и потребовал, чтобы немедленно было приступлено к постройке укрепления и чтобы высланы были на работу все

способные, не исключая ни одного человека. Гвардии поручик убеждал защищаться до последней капли крови и грозил, что, если кто выкажет недостаток усердия, тот будет признан изменником, скован и отослан в секретную комиссию. Испуганные такой угрозой купцы дали подписку, что в случае колебания или перехода на сторону мятежников сами себя обрекают на смертную казнь. Не довольствуясь этим и желая увеличить число своих сторонников, Ладыженский и Державин пригласили тайком в присутствие, помимо Бошняка, его подчиненных: майоров Бутыркина, Салманова, Зоргера, Быкова и Тимонина. Все они, руководимые, конечно, Ладыженским и Державиным, составили и подписали следующее постановление^[783]:

«1774 года августа 1-го дня, в конторе опекунства иностранных в собрании присутствующих, здешнего коменданта^[784] и находящихся здесь штаб- и обер-офицеров советовано было, чтоб к безопасности здешнего города и к спасению жителей и их имение сделать следующие учреждение:

1) В том месте, где конторские магазины, сделать земляное укрепление, к которому здешнее купечество согласилось дать рабочих людей, и работу сию, начав с сего числа, продолжать денно и ночью с неустанной прилежностью; а дабы скорее окончить можно было сие укрепление, то назначено оное ныне с великим против прежнего уменьшением, по той точно причине, что по короткости времени обширнее оно сделать нельзя. Наипаче же на присланное сего числа от коменданта письменное мнение, чтоб всех воинских служителей конторы отдать в его команду, согласиться никак не можно, ибо главный судья конторы опекунства иностранных, будучи в чине бригадирском и начальником над состоящей в конторском ведомстве командой, в команде у него, коменданта, состоять не может. Что ж принадлежит и до другого мнения его,

коменданта, чтоб к закрытию города сделать другое укрепление и батареи, из которых одну – у московских ворот, а другую – у моста, построенного близ Волги, через овраг, то и на сие также согласиться никак нельзя, потому что в таком случае досталось бы весьма малое число имеющихся ныне орудий и небольшую здешнюю команду разделить в разные места, которых на такую великую обширность тех батарей закрывать будет совсем неудобно.

2) Как скоро в приближении к здешнему городу злодеев верное известие получено будет, то оставив в том укреплении надобное по рассмотрению число военных людей, с прочей командой, как ведомства конторского, так и батальонного, идти навстречу злодеям и стараться сколь возможно, отрезывая оных от нападения на город, разбить и *переловить злодеев (?)*. А для того коменданту сего ж числа прислать известие, сколько здешнего батальона и здешних казаков служащих, отставных и неопределенных, а к тому, ежели способны и надежны будут, то и из обывателей с ружьями против злодеев употребить можно будет.

3) Имеющиеся в городе пушки артиллерии майору Семанжу все освидетельствовать и если найдутся, кроме тех десяти, о которых комендант уверял, что они годны, то оные отобрав, прибрать к калибру ядра и по скорости сделать хотя из одного дерева лафеты, дабы все оные в назначенном укреплении к защите употребились; и хотя комендант, несмотря ни на какие всех предложения и ясные доказательства, упорно остается при своем мнении, чтоб в сие укрепление пушек городских не брать, а расставить оные около города, сделав батареи; а притом отказался от подписания постановляемого на сем совете определения, но как мнение его к защите здешнего города столько нерешительно, что с 24-го числа июля он, продолжая почти всякий день непонятные

отговорки, поныне ни на чем не утвердился и потому к безопасности здешнего города никакого начала не сделано и время почти упущено, – чего ради нижеподписавшиеся согласно определили: несмотря на несогласие коменданта по вышеписанному учреждению делать непременно исполнение; а сверх того, коменданту дать знать об учиненных от конторы около города разъездах, в которых оные местах, с тем чтобы и он из здешних казаков к тем разъездам прибавил еще для примечания о злодеях в другие места.

В рассуждении же того, что надлежит накрепко остерегаться, дабы помянутые злодеи не покусились прокрасться р. Волгой и к тому не могли употребить из множества стоящих перед городом судов, коменданту, в случае близости злодеев к городу, оные приказать затопить или сжечь, а для лучшей предосторожности к пресечению побегу водой, в укреплении у магазинов сделать на берегу батареи; состоящий ныне близ казарм артиллерийский лагерь перенести ближе к городу на высокое место, с которого бы удобнее было видеть приближения злодеев; а как скоро означенное укрепление у магазинов будет готово и комендант других лучших мер, кроме тех, о коих он доныне объявлял, иметь не будет, в таком случае содержащихся в остроге колодников, тако ж и состоящую в ведомстве воеводской канцелярии казну перевезти в оное укрепление и, вырыв ямы, поместить в оных; вино ж казенное, хранящееся в городе в выходах, погрузя на суда и спустя вниз остановиться у одного укрепления.

И для исполнения всего вышеписанного послать к нему, коменданту, с сего приговора при указе копию, а что касается до подписания сего по старшинству, то все согласились для скорейшего окончания, подписываться не разбирая старшинства, а кому как случится».

Полковник Бошняк отказался принять это постановление и донес о том Кречетникову, а

Ладыженский еще с 30 июля начал строить свое укрепление, для чего купечество выслало ему тысячу человек рабочих. На следующий день, т. е. 1 августа, когда происходило совещание, рабочие не явились и бывшие в совете купцы объявили, что обывателям запрещено от полиции идти на работу. Призвали в совет полицеймейстера, но он заявил, что комендант не велел наряжать только пахотных солдат, бобылей и цеховых, а остальным предоставил на усмотрение, идти ли на работу или нет. Ладыженский отправил Свербеева к полковнику Бошняку спросить, «для чего он делает такой разврат между городскими жителями»^[785], а Державин написал в магистрат, требуя ответа в нарушении данного ими письменного обязательства. Купечество испугалось, нарядило рабочих, и Державин писал П.С. Потемкину, что много труда и хлопот употребил он на борьбу с комендантом, но что *«теперь привел в порядок»*^[786].

Последние слова были, конечно, пустой фразой и ни порядка, ни соглашения в Саратове не последовало. Свербееву Бошняк отвечал, что не разделяет необходимости строить укрепление у магазинов и потому считает лишним посылать туда рабочих. Вместе с тем саратовский комендант препроводил к Державину, без всяких объяснений, копию с только что полученного предписания астраханского губернатора^[787]. Кречетников поручал объявить Державину, чтоб он оставил Саратов и пребывал на Иргизе *«неподвижным»*^[788].

«На сие, – отвечал дерзко Державин^[789], – вашему высокоблагородию сказать имею, что его превосходительство г. генерал-майор преминовать [забыть] изволил, что ему покойный генерал-аншеф А.И. Бибилов обо мне сообщить изволил. Ему написано было, что вследствие именного е. и. в. повеления я послан в

сию область и ему предписано было во всех моих просьбах вспомоществовать^[790]. Но как его превосходительству о существовании всей моей комиссии и ее потребностях знать не дано, но река Иргиз не есть единственный мой пост и что не по пустому требовал я в бытность его превосходительства в Саратове от конторы опекунов иностранных команд^[791], то апробовано от вышних моих начальников мне с похвалой. Сей мой отзыв в самом его оригинале его превосходительству поднести можно»^[792].

Таким образом, вопрос о защите Саратова не подвигался вперед. Ладыженский и его компания строили свое укрепление, а Бошняк успел возобновить очень небольшую часть городского вала и устроить несколько батарей. Меры, принятые обеими сторонами, не имели никакого значения в военном отношении, и благодаря спорам город остался беззащитным.

Мы остановились весьма подробно на саратовских пререканиях с той целью, чтобы выяснить, кто был причиной неурядицы, и определить права спорящих на вмешательство в дела, до них не относившиеся.

Кречетников, уезжая из Саратова, поручил коменданту полковнику Бошняку «*все управление по городу воинских дел*». Об этом было известно Ладыженскому, Державину и главнокомандующему князю Щербатову. Все они были люди военные, обязанные знать, что начальник или комендант в городе есть полный распорядитель и хозяин, которому подчиняются все команды и жители, хотя бы среди их находились и лица, старшие по чину и званию, чем комендант. Права коменданта и его обязанности не есть продукт нынешнего века – они были те же и в прошлом столетии. Со времени Петра I права и обязанности коменданта были известны и обязательны для всех военных, знающих службу, дисциплину и не носивших военный мундир по одному названию. Полковник Бошняк

подлежит упреку в том, что при начале разногласий не выслал из города Ладыженского и Державина, на что имел полное право по закону и по предоставленной ему власти. Не Державину следовало грозить арестом Бошняку, а последнему арестовать пылкого юношу. Не решаясь на эту меру, саратовский комендант дал средство развиться беспорядкам, дал случай Ладыженскому и Державину написать постыдные для них письма и подорвал в глазах городского населения свое значение и власть. В возникших спорах жители Саратова видели в Ладыженском и Державине деятелей, вмешивавшихся как бы по праву в разрешение вопроса о защите города, и, конечно, от усмотрения населения зависело присоединиться к той или другой стороне. Права Ладыженского заключались в управлении саратовскими колониями, находившимися вне города, а Державина – ловить Пугачева, когда он появится на реке Иргизе и в окрестностях Малыковки. Других полномочий Державину мы не знаем и в изданной Я.К. Гротом обширной переписке поэта их не находим. Тем не менее Державин заявляет себя уполномоченным сохранять *здешние места* (?), и уверяет, что все требования его должны исполняться беспрекословно^[793]. Молодой поручик забывается до того, что без всякого права требует отчета от полковника Бошняка, грозит ему донести своему начальнику, П.С. Потемкину, которому присваивает небывалый титул, и с решимостью, достойной лучшей участи, заявляет коменданту, что если он его послушает, то Державин принимает всю тягость законов на себя. Будучи слепым орудием Ладыженского, Державин с своим патроном отказываются исполнить категорическое приказание губернатора, призывают в заседание, без ведома коменданта, его подчиненных, подрывают тем дисциплину и уничтожают последние средства к защите. Планы их и Бошняка по укреплению города не

имеют ни стратегического, ни тактического значения, но последнее решение саратовского коменданта укрепиться на московской дороге, впереди города, прямо на пути наступления неприятеля, должно признать наиболее правильным, но не осуществившимся.

Людям военным ясно видно, кто был виноват в саратовском несчастий; но, обвиняя Ладыженского и Державина, необходимо вспомнить, что то был несчастный период деятельности князя Щербатова и разделение власти. В этот период не было единства в действиях, явилось несколько распорядителей, и исполнители не знали, кого слушать. Зная из письма Кречетникова, что Бошняк назначен руководителем обороны, князь Щербатов ободряет Державина за то, что тот его не слушает. П.С. Потемкин, присланный только для заведывания секретными комиссиями и обязанный заниматься следствием и сортировкой преступников, к нему присылаемых, вмешивается без всякого права в административные и военные дела в отдаленном крае. «К крайнему оскорблению, – пишет он Державину^[794], – получил я ваш рапорт, что полковник и саратовский комендант Бошняк, *забывая долг свой (?!),* не только не вспомоществует благому учреждению вашему к охранению Саратова, но и препятствует укреплять оный: того для объявите ему, что я именем е. и. в. объявляю, что ежели он что-либо упустит к воспринятой мер должных... тогда я данной мне властью (?!) от ее величества по всем строгим законам учиню над ним суд (?!)».

Итак, повсюду отсутствия сознания своего долга, превышение власти, вмешательство в чужие дела; я лучше и выше, чем ты, – вот взгляд и понятие правительственных деятелей этого периода, вот причина легкого успеха самозванца.

Но явился новый главнокомандующий, граф П.И. Панин, и все эти деятели, зная его характер, сами заключили себя в те рамки, которые были им назначены. К сожалению, это было поздно, и Саратов успел испытать на себе всю тяжесть этой неурядицы.

Прискакавши из Петровска в Саратов в четыре часа утра 5 августа, Державин и его спутники объявили, что казаки изменили и что Петровск занят мятежниками. Известие это произвело большое замешательство среди населения: многие искали спасение в бегстве, другие грузили свое имущество на суда и намерены были спуститься вниз по Волге. Владельцев судов было очень немного, но почти все правительственные учреждения располагали ими и торопились грузить на суда деньги и дела. По распоряжению Ладыженского было взято судно с невыгруженной еще мукой, и в него было погружено имущество Ладыженского, 15 тысяч руб. денег и часть дел конторы опекунов иностранных. Для отправления остальных дел и оставшихся сумм необходимо было другое судно, которое и было отыскано к вечеру 5 августа казначеем, поручиком Стихеусом, и нагружено при помощи караульных и находившихся в Саратове колонистов. За неимением лошадей все дела и деньги переносились на руках, и потому работы были окончены перед самым появлением мятежников в виду города^[795]. Главный судья соляной низовой конторы Жуков нагрузил на судно свои вещи, дела, до 3 тысяч руб. денег и поручил их охранение чиновнику Соболеву с 20 человеками саратовских казаков^[796]. Полковник Бошняк также отправил на судно главнейшие дела и денежную казну, состоявшую из 51 858 руб. 23 коп., и поручил сохранение ее штатной команды поручику Алексееву^[797].

Вместе с тем саратовский комендант собрал со всех караулов нижних чинов саратовского батальона и к вечеру вывел их вместе с казаками «в сделанный

прежде сего перед саратовским селением вал» и окружил его рогатками. Ладыженский и Державин все еще пытались склонить Бошняка к принятию их плана – идти со всеми силами навстречу Пугачеву. Наученный опытом, Бошняк не мог согласиться с этим, ибо знал, что первый успех действий лежит в единодушии и в единстве командования, а вопрос о том, кому быть начальником, возбудил бы опять нескончаемые споры. Бошняк не принял предложения, и тогда Державин заявил, что как за Пугачевым следуют преследующие его отряды и могут нагнать самозванца дня через три, то весь вопрос о защите Саратова сводится к тому, чтобы задержать на это время мятежников перед городом. Он предлагал накидать грудной вал из кулей муки и извести и при содействии орудий отсиживаться в нем до прибытия преследующих отрядов. План этот был также признан неудобоисполнимым по краткости времени.

Тогда Ладыженский предписал артиллерии майору Семанжу присоединить к себе волжских и оставшихся донских казаков, выступить с фузилерной ротой против Пугачева, стараться разбить его и до Саратова не допустить. В случае же неудачи соединиться с отрядом полковника Бошняка и действовать по его указаниям.

Отойдя версты две от Саратова, по направлению к Петровску, майор Семанж остановился с своим отрядом, состоявшим из 4 офицеров, 321 рядового, 62 человек волжских и 10 донских казаков – всего 397 человек. Выслав в разъезды волжских казаков, под начальством есаула Тарарина, майор Семанж провел так ночь с 5 на 6 августа. Позади его, близ самого города, перед московскими воротами, за укреплением, имевшим впереди ров и рогатки, стоял полковник Бошняк с 30 офицерами и 180 рядовыми саратовского батальона. Это было все, что мог собрать комендант из регулярных войск для защиты города^[798], если не считать 150

человек плохо вооруженных разночинцев, собранных купечеством и расположившихся на правом фланге между укреплением и Соколовой горой.

Занятая защитниками позиция не представляла никаких удобств: правее ее находилась Соколова гора, командовавшая всей местностью и городом, а левее открытое поле, доставлявшее неприятелю возможность обойти укрепление с тыла. Протяжение вала не соответствовало числу защитников. «Жители без начальника, – говорит Державин с иронией^[799], – и толпы без присмотра собирались где хотели... тут я вообразил, что это ратует на Тамерлана некакий древний воевода: нарядный был беспорядок!» Не надо забывать, что Державин и Ладыженский сделали с своей стороны все, чтобы подорвать значение коменданта, оставить население без начальника и произвести *нарядный беспорядок*. В своих записках Державин употребил все средства, чтобы очернить Бошняка, сообщил несколько сплетен, которых мы повторять не станем, и, напротив, старался выставить свою деятельность в лучшем свете. Он уверяет, что выпросил у Семанжа роту, которая не имела офицера, и намерен был сражаться в общих рядах, но поздно вечером получил донесение своего поверенного Герасимова, что собранные на помощь Саратову 500 человек крестьян начали волноваться. Воспользовавшись этим донесением, как удобным случаем к тому, чтобы уехать из города, Державин в ту же ночь отправился в село Чердынь, где находилось его ополчение^[800], а наутро 6 августа полковник Бошняк узнал, что и Ладыженский сел на судно, предпочитая сохранение собственной жизни защите города.

«Напоследок, – сказано в журнале опекунства^[801], – примечено было весьма ясно нехотение г. коменданта зависеть по крайней мере от советов г. статского советника Ладыженского, яко старшего перед ним, и что

самое то, может, и прежде препятствовало ему соглашаться на предлагаемые к предосторожности от злодеев средства и оставляло его в нерешимости. Итак, чтобы от того не произошло худшего еще замешательства (?), решился г. статский советник с прочими, бывшими с ним, оставить защиту города в диспозицию одного коменданта, а самому с денежной казной, сколько оной за вышесказанными неудобностями спасти удастся, с письменными делами и со всей конторой удалиться в безопасное место».

Избавившись от своих антагонистов, Бошняк мог считать теперь себя единственным распорядителем по защите, хотя в условиях крайне невыгодных: силы его были ничтожны, позиция слаба, да и оборонялась-то она небольшим числом орудий, на дурных лафетах.

Утром 6 августа находившийся в разъездах есаул Тарарин прибыл к отряду майора Семанжа и объявил, что мятежники приближаются к Саратову, что все бывшие с ним казаки передались на сторону самозванца и он сам, Тарарин, избавился от плена только тем, что заколол двух человек, гнавшихся за ним, и успел ускакать. Заявление это обескуражило отряд, 10 человек донских казаков также передались на сторону мятежников, и майор Семанж, получив приказание Бошняка отступать, стал отходить к городу в виду появившегося уже неприятеля.

Рано утром, 5 августа, Пугачев оставил свой лагерь у Петровска и двинулся к Саратову с толпой, простиравшейся до 4 тысяч человек с 13 орудиями. Собственно вооруженных было не более 2 тысяч человек, а остальные «с вилами, чекушками, дрющем, а прочие и безо всего»^[802].

Остановившись на ночлеге, самозванец вспомнил, что плененные им под Петровском донцы не приведены еще к присяге, и потому он потребовал к себе сначала Мелехова, а потом и остальных.

– Был ли ты у присяги? – спросил Пугачев.

– Не был, – отвечал Мелехов.

Самозванец подал ему золоченую медаль, установленную за франкфуртское сражение.

– Жалует тебя Бог и государь, – сказал он при этом, – служи верно.

Мелехов взял медаль и поцеловал руку Пугачева; точно такими же медалями пожалованы были хорунжие Колобродов и Попов. Все остальные казаки приведены к присяге перед образом в медных складнях, и им объявлено, что назначается жалованье по 12, а старшинам по 20 рублей, и тотчас же выдано медной монетой.

Утром 6 августа мятежники широкой полосой подошли к Саратову: часть их шла по московской дороге, а другая направилась левее этой дороги – на Соколову гору. Полковник Бошняк выслал саратовских казаков и приказал им отхватить мелкие партии неприятеля, подъезжавшие к городу для рекогносцировки. Высланные казаки завели с прибывшими переговоры, остались в толпе, а возвратившиеся два человека объявили, что сторонники самозванца требуют уполномоченного для переговоров. Среди жителей, и в особенности купечества, заметно было колебание, и на устах как бы вопрос: не лучше ли покориться. Ратман и есаул саратовских казаков Винокуров просили купца Федора Кобякова съездить и узнать, зачем мятежники зовут уполномоченного? Кобяков поехал, и лишь только остановился на горе для переговоров, как Бошняк приказал открыть огонь по собравшейся толпе. Выстрелы защитников вызвали негодование со стороны купечества. Бургомистр Матвей Протопопов с горечью выговаривал Бошняку, что эти выстрелы лишили их лучшего купца в городе.

Между тем Кобяков был отведен к Пугачеву, который расположился у зимовья саратовского колониста

Пилисова, верстах в трех от города. Зная, что самозванец вешает всех ему противящихся, Кобяков поклонился ему в ноги.

– Ты что за человек? – спросил Пугачев.

– Саратовский житель Кобяков. Прислан к вашему величеству от города, чтобы вы пожаловали манифест. Народ желает вам служить, да только нет манифеста.

Пугачев передал ему манифест и приказал показать казачьему есаулу Винокурову, но Кобяков, приехав в Саратов, отдал полковнику Бошняку, который, не читая его, изорвал и топтал ногами. Тем не менее купцы заявили, что они драться не будут, и стали расходиться по домам, а Кобяков, разъезжая верхом на лошади перед солдатами, кричал им: «Поберегите своих!» Бошняк приказал арестовать Кобякова, но его не слушали, так как выстрелы мятежников произвели уже всеобщий переполох.

Пугачевцы выставили на Соколовой горе восемь орудий, но все они были настолько малого калибра, что снаряды только одного орудия достигали укрепления. Несмотря на то, при первых выстрелах жители начали перебегать на сторону самозванца, сначала поодиночке, а потом толпами. Находившийся на крайней батарее с 12 канонирами прапорщик Григорий Соснин оставил батарею и, подойдя к царицынским воротам, кричал городничему, чтобы тот отворил их. Мятежники хлынули в отворенные ворота и рассыпались по городу. Соснин был отведен с своей командой к самозванцу, отдал ему честь «всем фронтом», стал на колени и передал свое оружие.

Появление мятежников в городе вызвало всеобщую панику: стоявшие за укреплением пахотные солдаты и вооруженные разночинцы бежали в толпу; их примеру последовали состоявшие при опекунстве иностранных колонистов 357 человек нижних чинов 1-го фузилерного артиллерийского полка, вышедшие из укрепления под

предлогом вылазки и под начальством своих офицеров, князя Баратаева и Буданова, передавшиеся неприятелю. По прибытии в стан самозванца все передавшиеся солдаты получали по 2 и по 4 руб. награды^[803].

Видя измену, полковник Бошняк решился отступить и приказал командиру саратовского батальона майору Салманову с одной половиной выходить за ретраншемент. Салманов выказал нерешительность, последствием которой было замешательство в рядах. Полковник Бошняк приказал майору Зоргеру принять начальство, но майор Бутыркин просил оставить Салманова, чтобы не произвести еще большего расстройств между солдатами. Согласившись на последнюю просьбу, Бошняк приказал построить каре и отступать, но вместо того Салманов скомандовал: «По рядам налево» – и пошел на Соколову гору. Солдаты, в числе 292 человек, побросали ружья и пошли за своим майором; Бошняк успел только удержать у себя знамена. Приведенные к Пугачеву, Салманов и его команда стали на колени; тут же стояла и фузилерная рота.

– Пленные, ступайте в лагерь, – сказал им Пугачев, сняв шапку.

Батальон двинулся с барабанным боем и по приходе в лагерь был приведен к присяге. Впоследствии Салманов уверял, что изменил, думая найти в Пугачеве истинного государя. «Не утаиваю, – говорил он^[804], – перед всемилостивейшей государыней моей, как перед Богом, моих тогдашних мыслей, что я не надеялся никакой лжи быть, а думал увидеть государя». Разочарование было полное, и на самом деле Салманов «усмотрел неистовство и похабство в злодее, признал за истину, что он вор, разбойник и самозванец»^[805].

Оставшись с майором Семанжем, 26 штаб- и обер-офицерами и с 40 нижними чинами, Бошняк приказал оторвать полотна знамен от древков, спрятал их и,

пробившись сквозь окружающую его толпу мятежников, отступил по дороге к Царицыну.

Преследуя отступавших на протяжении шести верст, сообщники самозванца были остановлены наступившей ночью, и Бошняк с горстью храбрых дошел до деревни Несветаевки на берегу Волги, ночью сел на лодки и 11 августа благополучно прибыл в Царицын^[806]. Денежные суммы и часть дел воеводской канцелярии были спасены.

Не так удачны были распоряжения Ладыженского и Жукова. Одно из двух судов опекунства иностранных дел было остановлено крестьянами у села Рождественского и разграблено^[807]. Для судна соляной конторы ветер оказался противным, и, когда другие спускались вниз по Волге, судно соляной конторы одно не могло этого сделать, распустило паруса и пошло вверх. Находившиеся с чиновником Соболевым 20 человек саратовских казаков взбунтовались, и судно было разграблено.

С отступлением Бошняка сподвижники самозванца сделались полными хозяевами города: они выпустили арестантов, открыли винные погреба и предались полнейшему неистовству. Казенные и частные дома были разграблены, многие жители подверглись мучительной смерти без разбора пола и возраста; «многие остались без пропитания и доведены до сущего убожества»^[808].

Пьяные толпами бегали по улицам, грабили правого и виноватого, а всех противящихся убивали. На улицах валялось множество мертвых тел, и никто их не убирал. Лавки, кабаки, богатые дома и даже церкви были ограблены, и все ценное уносилось на Соколову гору, в лагерь самозванца. Там было поставлено несколько виселиц, на которых вешали без разбора мужчин и женщин, бурлаков, купцов и всякого звания людей. Перечислить число убитых и повешенных было бы

напрасной попыткой. Большинство населения, желая избежать казни, тянулось на Соколову гору и у ставки Пугачева принимало подданство. Полупьяные священники приводили к присяге всех желающих, а ближайшие пособники самозванца стригли по-казацки в *кружало* волосы всем годным на государеву службу.

Под вечер 6 августа из лагеря, бывшего в семи верстах от города, Пугачев с яицкими казаками приехал в город и в соборной церкви приводил жителей к присяге. Открыв амбары и соляные склады, самозванец приказал выдавать хлеб и соль безденежно, а убитых погребать не велел. В тот же день явился к Пугачеву казак-пятидесятник Уфимцев, который напомнил ему, что в то время, когда самозванец шел из Яика к Оренбургу, он настиг Уфимцева, гнавшего 300 лошадей, и сторговал тех лошадей за 3500 руб. Лошади были взяты, а деньги не отданы, и потому Уфимцев просил возвратить ему 3500 руб. Признавая претензию справедливой, Пугачев приказал выдать ему деньги, назначил его саратовским комендантом, произвел одного из его сыновей в полковники, а другого определил казаком в свою толпу [\[809\]](#).

На следующий день Пугачев с своими сообщниками приехал к Троицкой церкви, где была спрятана часть денег, принадлежавших опекунской конторе, и приказал сложить их на возы. Тут же к нему явилось до 100 человек бурлаков, плывших по Волге и захвативших одно судно с пожитками разных лиц. Пугачев тотчас же отправился осмотреть добычу, где нашел два бочонка медных денег, сундук с серебряной посудой, 200 руб. серебряных и шесть девиц, в числе которых находились три дочери и племянница бывшего саратовского коменданта Юнгера.

– Какие это женщины? – спросил Пугачев.

– Дворянские, – отвечали самозванцу, – пущенные сиротствовать после гибели отцов и матерей.

Несчастные пленницы обратились к великодушию самозванца, просили защитить их и взять с собой. Но Пугачев их не взял, а приказал строго беречь, не обижать и представить ему в Царицыне. Осмотревши сундуки, самозванец запер их, а ключи бросил в Волгу и, запечатав своей печатью всю добычу, приказал хранить ее, а судну подвигаться вниз вместе с толпой^[810].

В Саратове Пугачев взял 5 пушек, 25 789 руб. медной монетой; толпа его и жители разобрали более 19 тысяч четвертей муки и много овса^[811].

9 августа Пугачев оставил Саратов и пошел вниз по Волге, а 11-го числа прибыли в город отряды Муфеля и графа Меллина. Не считая себя довольно сильными, чтобы вступить в дело с самозванцем, и поджидая прибытия Михельсона, они остановились в деревне Крюковке, в 55 верстах от города, но когда узнали, что Пугачев ушел из Саратова, то и они продолжали путь^[812]. Заняв город, подполковник Муфель выгнал оставшихся мятежников, захватил часть из них в плен и многих повесил. Назначив начальником Саратова члена соляной конторы генерал-аудитора лейтенанта Савельева и поручив ему привести город в порядок, Муфель приказал убитых Пугачевым погребать по христианскому обряду, а убитых сообщников самозванца, «яко непотребных извергов, вытащив по земле за ноги за город, бросить в отдаленности в яму, прикрыв, чтоб не было мерзкого зловония, землей; повешенных же злодеев публично отнюдь не касаться, а оставить их на позор и показание зараженным и колеблющимся разумом от рассеянных злохитрых злодеям плевел людям»^[813].

14 августа пришел в Саратов Михельсон, а позади его следовал генерал-майор Мансуров с своим отрядом.

Граф Панин был недоволен действиями графа Меллина и Муфеля. Он поручил Михельсону сделать им замечание за то, что они, во-первых, не подоспели на

помощь Саратову, а во-вторых, находясь уже вблизи лагеря самозванца, не решились атаковать мятежников. «Видно, – прибавлял граф П. Панин в ордере Михельсону^[814], – что десница Вышняя, снабдившая вас превосходными пред ними дарованиями и мужеством, *приготавливает вашей же прославившейся руке сделать последнее поражение сему злейшему врагу России*, и я ласкаю себя, что между сим уже вы оное к умножению бессмертной вашей славы и произвести изволили».

Главкомандующий предвидел то, что случилось спустя несколько недель, но в то время, когда высказывалась эта надежда, самозванец был еще в нескольких переходах от Михельсона и торопился уйти на юг, пробираясь в промежуток между Волгой и родным ему Доном.

Глава 22

Виды Пугачева при приближении к Дону. - Переговоры его с первой женой у Софьей. - Манифест самозванца Донскому войску. - Формирование на Дону новых полков для защиты границ от мятежников. - Указ Пугачева Антиповской станице и занятие ее мятежниками. - Бой на реке Пролейке. - Занятие Пугачевым Дубовки. - Свидание самозванца с депутатом Горским. - Присоединение к мятежникам Цендена с тремя тысячами калмыков.

Спускаясь на юг и подвигаясь все ближе и ближе к родному Дону, Пугачев не простирали своих видов далее того, чтобы поднять казаков и уйти с ними на Кубань. Он не мечтал о возвращении в Россию, ибо знал, что за ним следуют значительные отряды; но, надеясь встретить сочувствие среди донцов, думал при их содействии прорваться между Волгой и Доном.

Решаясь отправить к ним воззвание и опасаясь, чтобы бывшая при нем первая жена, Софья, не выдала его, он, еще подходя к Саратову, решился объясниться с ней.

От Казани и до Саратова Пугачев никогда не говорил ни с женой, ни с детьми, и лишь во время остановок для обеда или ночлега всегда раскидывали две палатки: «в одной бывала она, Софья, с детьми и с теми девками, которые Пугачеву были ненадобны, а которые надобны, те всегда бывали с ним, по две в его палатке».

«Дорогой же у него было девок с восемь, – показывала Софья^[815], – две привезенные из Казани, да ехавши по городам взято шесть, и девки были хорошие, так как написаны». Пугачев не признавал Софью женой,

а она открыться ему опасалась, «для того, что он стал такой собака, хоть чуть на кого осердится, то уж и ступай в петлю».

Однажды после обеда самозванец вошел в палатку к Софье и выслал девок вон.

– Что, Дмитриевна, как ты думаешь обо мне? – спросил он жену.

– Да что думать-то, – отвечала она. – Буде не отопрешься, так я твоя жена, а вот это твои дети.

– Это правда, я не отопрусь от вас, только слушай, Дмитриевна, что я тебе скажу: теперь пристали ко мне наши донские казаки и хотят у меня служить, так я тебе приказываю: не равно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевым, а говори, что я у вас в доме жил, знаком тебе и твоему мужу; и сказывай, что твоего мужа в суде замучили до смерти за то, что меня у себя держал в доме.

– Как я стану это говорить, я, право, не знаю.

– Так и сказывай, что ты жена Пугачева, да не сказывай, что моя, и не говори, что я Пугачев. Ты видишь, что я называюсь ныне государем Петром Федоровичем и все меня за такого почитают. Так смотри же, Дмитриевна, исполняй то, что я тебе велю, а я, когда Бог велит мне быть в Петербурге и меня там примут, тогда тебя не оставлю, а буде не то, так не пеняй – из своих рук саблей голову срублю.

После такого объяснение Софья следовала безусловно приказанию своего мужа.

Заручившись обещанием жены говорить, как ей приказано, Пугачев приказал своему секретарю Дубровскому (он же Иван Трофимов) написать и отправить донцам воззвание следующего содержания.

«Вы уже довольно и обстоятельно знаете, – писал самозванец ^[816], – что под скипетр и корону нашу почти уже вся Россия добропорядочным образом по прежней своей присяге склонилась. Сверх того, несколько

донского и волгского войска оказывают к службе нашей, – по искоренению противников, разорители и возмутители империи дворян, – ревность и усердие и получили себе свободную вольность, нашу монаршую милость и награждение древнего Святых Отцов предание крестом и молитвой, головами и бородами. Того ради, как мы есть всемилостивейший монарх и попечитель обо всех верноподданных рабах, желаем преклонить в единственное верноподданство всех и вас и видеть доказательство к службе нашей ревности от вас. Вы ж ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые, не насытись Россией, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род.

Мы, однако, по власти Всевышней Десницы, надеемся, что вы, признав оказанные против нашей монаршей власти и своего государя противности и зверские стремления, которые вам всегда будут в погибель и повелителям вашим, раскаетесь и придете в чувство покаяния, за что можете получить монаршее наше прощение и, сверх того, награждение тако ж, каково получили от нас склепавшиеся верноподданные рабы».

Взяв у Дубровского этот манифест, Творогов отправился к самозванцу.

– Извольте, ваше величество, сами подписать этот указ, – сказал он, – ведь именные указы, я слыхал, государи сами подписывают.

Пугачев потупил голову, потом вскинул глаза на Творогова и, помолчав немного, отказался подписать.

– Иван, – проговорил он, – нельзя мне теперь подписывать до тех пор, пока не приму царства; ну, ежели я окажу свою руку, так ведь иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем, а легкомысленный народ поверит и будет какое ни есть

злодейство. Пошли ты ко мне Алексея (Дубровского), пускай теперь он за меня подписывает.

Дубровский подписал и получил приказание отправить манифест по назначению.

– Что, Алексей Иванович, как ты думаешь, – спрашивал Творогов Дубровского, – а мне кажется худо: пропали мы совсем. Видно, что он грамоте не знает, когда сам не подписывает именных своих указов, а ведь государь Петр Федорович и по-русски и по-немецки достаточен был в грамоте.

– И я, брат, Иван Александрович, думаю, – отвечал Дубровский, – что худо наше дело.

Расставшись с секретарем, Творогов сообщил свое подозрение и начальнику артиллерии самозванца, яицкому казаку Федору Чумакову.

– Худо наше дело, Федор Федотович, – говорил Творогов, – теперь я подлинно уверился, что он [Пугачев] не знает грамоты и верно не государь, а самозванец.

– Как это так? – спросил с удивлением Чумаков. – Поэтому мы все погибли... Как же нам быть?

«Потом, рассуждая оба, – показывал Творогов^[817], – каким бы образом арестовать его, не находили средства начать такое дело и боялись открыться в том другим, потому что все без изъятия почитали его за истинного государя. В рассуждении чего и условились мы таить сие до удобного случая. Хотя же я и с самого начала при злодее у письменных дел находился, но клянусь живым Богом, что никак не знал того, что злодей грамоте не умеет, ибо он пред всеми нами показывался знающим тем, что писывал в глазах наших какие-то крючки иногда мелко, иногда крупно и сказывал, что пишет по-немецки. Также если, когда подам ему в руки что-нибудь написанное, то, смотря на оное, шевелил губами и подавал вид, что читает, почему и не смел никто из нас опробовать [испробовать] его знание написанием

другого, нежели он приказывал, бояся виселицы, потому что он содержал нас в великом страхе».

Подписанный Дубровским манифест не принес ожидаемой пользы ввиду мер, принятых атаманом Сулиным и правительством. Еще 19 июля П.С. Потемкин предупреждал атамана, будто Пугачев, после разбития его под Казанью, намерен пробраться на Дон и просил Сулина объявить по войску, что пойманному злодею будет выдано 25 тысяч руб. и золотая медаль «в вечную честь»^[818]. Получивши это уведомление, войско донское определило собрать, из оставшихся за раскомандированием в заграничные армии казаков, 1500 человек и, разделив их на три полка, выставить «на верхних с соседственными местами войска донского границах».

Вслед за тем, 10 августа, была получена в Черкасске грамота Военной коллегии, в которой было сказано, что императрица повелела войску нарядить тысячу казаков в экспедицию, известную генералу Г.А. Потемкину. Последний, сообщая донцам о переправе Пугачева через Волгу и движении на юг, требовал, чтобы эти казаки были немедленно отправлены в Воронежскую губернию, «для предохранения сей губернии и самого Дона от разорений, причиняемых сим тысячи казней достойным злодеям».

Потемкин просил, чтобы начальство над этим отрядом было поручено полковнику Алексею Иловайскому, «если он здоров, буде же ему что-либо в сем воспрепятствует», то отправить команду «при другом надежном и в исправности засвидетельствованном полковнике». Иловайский заявил, что он здоров и готов идти на службу.

Сверх того, войско разослало свои грамоты всем старшинам по Дону, Хопру, Медведице и Бузулуку с приказанием собрать всех служилых казаков и выростков, выступить с ними в поход к верховым

станциям и состоять в команде армейского полковника Себрякова^[819]. При этом старшинам приказано наблюдать, чтобы казаки были «во всякой и ежечасной к отражению неприятеля готовности» и для того почаще объезжать станицы.

Положение Дона было в это время критическое: не было ни достаточно войска, ни боевых припасов. Полковник Себряков был болен и не мог быть особенно деятельным по комплектованию полков; старшины, не имея у себя надежных средств, действовали нерешительно и не всегда согласно. По Дону распространился слух, что идет не Пугачев, а истинный государь Петр Федорович. Полковник Себряков отправил надежных казаков в самые северные пограничные станицы: Березовскую и Филоновскую, чтобы своевременно иметь известия о надвигавшейся толпе. С этой же самой целью он послал есаула Мельникова с командой к Ломову, а Ефрема Себрякова – в Саратов.

Между тем казаки собирались весьма медленно и приходили с дурным вооружением. При всех своих усилиях Себряков мог собрать из нижних Медведицких станиц только 200 казаков, которые и были расположены в двух верстах от Скуришенской станицы. Все его распоряжения и предписание старшинам или вовсе не исполнялись, или исполнялись весьма медленно.

«Неудачное исполнение старшинами распоряжений, – говорит М. Сенюткин^[820], – и недостаток войск имели самое пагубное влияние на расстроенное и без того здоровье Себрякова. Он впал в горячку и с сожалением видел, что уже не может по-прежнему служить отечеству».

– Для чего я болен, – говорил он однажды есаулу Сергееву, – для чего не могу идти в поход, когда неотменно надобно спасти отечество?

Приближение мятежников к Етеревской станции и нежелание отдаться им живому в руки заставили Себрякова уехать со всем семейством в Новохоперскую крепость и передать все распоряжения в руки отдельных старшин, командовавших полками. Как только наказный атаман Сулин узнал о болезни Себрякова, он тотчас же приказал Луковкину отправиться на Медведицу, сформировать там три полка по 500 человек каждый и идти на поражение Пугачева.

Вечером 13 августа Луковкин прибыл в Скуришенскую станицу. Повидавшись с Себряковым, он в ту же ночь отправился в Арчадинскую станицу и, к удивлению своему, не нашел там не только команды, но и ни одного наряженного на службу казака. Он тотчас же отправил приказ станичным атаманам по Хопру и Бузулуку как можно скорее командировать на службу казаков и с большими усилиями успел сформировать три полка: один под своим начальством, другой под начальством Максима Янова и третий под командой Андрея Вуколова. Едва эти полки были сформированы, как получено было известие о приближении мятежников к Дону.

Находясь еще в Саратове, Пугачев усилил свою толпу возмущившимися колонистами, которые добровольно приставали к его толпе и оставались в ней до окончательного рассеивания толпы самозванца. Таких лиц было доставлено потом в Саратов 432 человека обоего пола. Трусость ли колонистов или одно желание сохранить свои дома и имущество от разграбления были причиной их присоединения к мятежникам, но во всяком случае поступок этот удивил правительственных лиц. Прибывший в Саратов с отрядом генерал-майор Мансуров по совету Державина отправил в колонии свое воззвание, сочиненное поэтом, в котором требовал полного спокойствия, повиновения правительству и возвращения в свои жилища.

«Я уповаю и надеюсь тем более на вас, – писал Мансуров^[821], – что вы нашей всемилостивейшей монархине в ваших должностях верными пребудете, понеже вам, как иностранным и благоразумным немцам, довольно известно быть должно, что государственный злодей Пугачев не токмо не государь, по прежесточайший варвар, тиран и человеческому обществу злодей, в истреблении которого всему человеческому роду принадлежит старание иметь».

Немцы, однако ж, не возвращались и шли по следам мятежников. За Саратовом Пугачев был усилен еще толпой в 700 человек заводских крестьян, прибывших с яицким казаком Ходиным.

– Где этих людей набрал? – спрашивал Пугачев Ходина.

– Пристали ко мне сами, когда тебя Михельсон разбил под Казанью; мы все шли позади вас.

Самозванец благодарил своего сообщника и был очень рад прибытию крестьян, тем более что многие из них были вооружены ружьями.

С толпой до 5 тысяч человек Пугачев 11 августа подошел к Камышину (Дмитриевску) и занял его. Впереди города встретили самозванца человек тридцать царицынских казаков, которые были в разъездах и добровольно пристали к его толпе. Жители вышли с хлебом и солью, а духовенство – с крестами. Комендант Меллин заперся в крепости и, не стреляя, ожидал решения своей участи. Предводимые атаманом Овчинниковым, мятежники разбили ворота, ворвались в крепость и убили коменданта. Дома многих жителей были разорены, денежные суммы разграблены.

В Камышине присоединились к самозванцу 600 человек малороссийских казаков, и отсюда Пугачев разослал по станицам волжского войска своих посланных с требованием, чтобы казаки покорились его

власти. Гонцы грозили населению, что государь всех противящихся вырубит, а жилища их предаст пламени.

В ближайший к Камышину (Дмитриевску) хутор Соломатин приехал 13 августа старшина Антиповской станицы Иван Никифоров и, собрав казаков, объявил, что от государя прислано письмо, в котором он требует, чтобы казаки сдались без сопротивления, в противном случае угрожает всех истребить, а дома сжечь.

На самом деле письмо это было следующего содержания^[822]:

«Божией милостью мы, Петр III, император и самодержец всероссийский и проч., проч., проч.

Антиповской станицы г. атаману Ивану Платонову, старшинам и всей Антиповской станице объявляется во всенародное известие:

Уповательно вся Россия небезызвестна, которой уже большая половина под скипетр и корону нашу добропорядочным образом склонилась и, признав нас обстоятельно, уверясь о точном нашем имени, а особливо несколько донского и волжского войска оказывают в нашей службе ревность и усердие. Того ради и вам, г. атаману Платонову с войском, посылаем всемилостивейший наш именной указ с монаршим и отеческим милосердием и повелеваем по прибытии нашем с армией учинить встречу, понеже завтра в половину дня прибыть имеем, для чего быть готовым в нашу службу, а злодеев дворян всячески стараться искоренять. В верность чего за подписанием собственной нашей руки и с приложением короны сей указ дан».

Скрыв истинное содержание указа, Никифоров приказал казакам съезжаться в станицу. На следующий день казаки собрались в кругу и рассуждали, что им делать: против ли злодеев идти, спастись ли бегством или же покориться ему. «Сожалея жен своих, детей и имущество», казаки решились «по малоимению к

сопротивлению людей, к нему склониться»^[823]. Выбрав 40 человек казаков, круг отправил их с тремя знаменами навстречу Пугачеву. При приближении его казаки, верстах в семи от станицы, слезли с лошадей и, став на колени, поклонились самозванцу с «пригнутием знамен»; многие целовали руку Пугачева.

У входа в станицу все население от старого до малого, мужчины и женщины, с образами и колокольным звоном ожидали прибытия Пугачева. При его приближении все пали на колени. Самозванец, не слезая с своей пегой лошади, приложился ко кресту, проехал прямо в станицу и в доме казака Родиона Осипова Забурунного обедал. Первым делом были выпущены на волю все колодники, затем всем солдатам обрезают волосы по-казачьи и приказано состоять в войске государя. Станичному атаману Ивану Платонову велено забрать с собой всех станичных старшин, есаула, казаков, станичные знамена и следовать за самозванцем.

Пообедав в станице и отойдя от нее верст восемь, толпа остановилась на ночлег на реке Балыклее. Пугачев высказывал свое намерение идти в Каравайскую и Балыклеевскую станицы, а оттуда через Дубовку и Царицын на Дон. В это время в толпе его, по показанию участников, находилось до 6 тысяч человек разного сброда: казанских татар, крестьян, дворовых людей и ссылочных; из них тысяч до двух были вооружены, а остальные почти без всякого оружия. Обоз самозванца состоял из множества телег, колясок, берлинов в числе до 500 экипажей.

При выступлении из Камышина от главной толпы мятежников отделились три партии и разными путями ворвались в пределы войска Донского. Две из них шли по берегам Медведицы и Иловли, а третья по Хопру. Разоряя на пути все селение, мятежники навели такой страх на жителей, что большинство их, от старого до

малого, оставили свои дома и скрывались по несколько дней в лесах. Толпа, следовавшая по реке Медведице, ворвалась и разграбила слободу Красояровку, другая, 14 августа, разорила станицы: Березовскую, Малодельскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую. В Березовской станице мятежники потребовали станичный конный табун и выбрали из него самых лучших лошадей; в Малодельской повесили нескольких казаков, а в Заполянской – жестоко избили станичного атамана и двух стариков за то, что они не могли снабдить их овсом и сеном.

Получив известие о появлении мятежников, походный атаман Луковкин присоединил к себе старшин Янова и Вуколова и, приняв общее начальство над казаками, число которых, впрочем, не превышало 550 человек, двинулся на поражение мятежников, бывших у Етеревской станицы. Не видя полковника Себрякова и слыша, что он скрылся в Новохоперской крепости, казаки не особенно охотно шли за Луковкиным на поражение мятежников. В особенности противились тому старики и люди пожилые.

– Мы готовы идти, – говорили они, – но у нас нет главного начальника. Видно, это не Пугач, а государь, что он [Себряков] уехал, и кабы не так, он бы стоял.

Напрасно Луковкин старался уверить своих подчиненных, что Себряков болен и что к ним приближается не истинный государь, а самозванец.

– Как бы нам, – говорили казаки, – вместо Пугача не поднять рук на помазанника Божия императора Петра III.

Луковкин принужден был заставить некоторых казаков, бывших в плену у Пугачева, лично заявить перед собранием, что они видели в толпе самозванца. После увещаний, длившихся почти целый день, Луковкин в ночь на 17 августа выступил против неприятеля, сделал переход в 80 верст и на следующий день совершенно неожиданно напал на мятежников,

пировавших в Етеревской станице. Многие были убиты и захвачены в плен, но большая часть спаслась бегством и присоединилась к другой толпе, находившейся в Заполянской станице. Преследуя мятежников, Луковкин имел с ними горячие дела близ Малодельской станицы, при так называемом кургане Караул, и на реке Баланде, Пензенского уезда. Рассеяв шайки и выгнав их из пределов войска Донского, Луковкин соединился с полковником Иловайским и направился вместе с ним в Воронежскую губернию.

В это время Пугачев, с главнейшей частью своих сообщников, тянулся по направлению к Караваинской станице и затем к Балыклеевской. Все встречавшиеся на пути волжские казаки присоединялись к самозванцу, причем атаман Антиповской станицы Иван Платонов оказывал особую ревность к увеличению сил Пугачева. Подозвав к себе казаков Черникова и Тарасова, атаман Платонов представил их самозванцу. Последний подал им конверт и приказал отвезти его в Березовскую станицу, но потом, подумавши, взял обратно и приказал везти в Иловленскую станицу. А как конверт был адресован в Березовскую станицу, то Пугачев и приказал Дубровскому переправить адрес.

– В Иловле будут сомневаться, – заметил самозванец, – и, пожалуй, не распечатают.

Дубровский подчистил адрес и отдал указ посылаемым казакам. Пугачев приказал им ехать прямо в дом казака Иловлейской станицы Федора Авинова, отдать ему конверт, для объявления станичному атаману и казакам.

– Где император находится? – спросил Авинов, принимая письмо от Черникова.

– Отправился к Караваинской станице.

Авинов взял письмо и отнес его к старшине Майкову, стоявшему с полком лагерем всего в полуверсте от

станции. В этом письме находился следующий указ самозванца:

«Божией милостью мы, Петр III, император и самодержец всероссийский и проч., проч., проч.

Объявляется Березовской станции г. атаману и всем живущим в оной донского войска казакам и во всенародное известие.

Довольно уже наполнена была Россия о нашем от злодеев (главных сенаторов и дворян) укрытии вероятным слухом, но и иностранные государства неизвестно. Не от чего иного сие воспоследовало, как во время царствования нашего рассмотрено, что от прописанных злодеев дворян, древнего святых отец предания закон христианский совсем нарушен и поруган, а вместо того от их зловерного умысла с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерзкое брдобритие и разные христианской вере как в кресте, так и прочем неистовства, и подвергнули, кроме нашей монаршей власти, всю Россию себе в подданство, с наложением великих отягощений и доводя ее до самой крайней гибели; через что, как яицкое, донское, волжское войско ожидали своего крайнего разорения и истребления, что нами во всем вышепрописанном, отечески соболезновав, сожалели и унамерены были от их злодейского тиранства освободить и учинить во всей России вольность, за что нечаянно лишены мы всероссийского престола и вменены злоумышленными публикациями указами в мертвые.

Ныне же по промыслу Всевышней Десницы, волей его святой, вместо совсем забвения имя наше процветает и по прежде обязанной присяге, признав и уверясь о точном пашем имени, приняли и склонились под наш скипетр и корону живущий Казанской и Оренбургской губерний, с приписными городами и уездами народ; також башкирские и калмыцкие орды и

поселенное по Волге волжское казачье войско и оказывают ревность и усердие к службе нашей охотно и без всякого принуждения.

Того ради за благо рассудить соизволили через сей наш всемилостивейший указ дать знать о нашем шествии с победоносной армией как означенной Березовской станице, так и всему Донскому казачьему войску, что если оно восчувствует наше отеческое попечение и пожелает вступить за природного своего государя, который для общего спокойствия и тишины претерпел великие странствия и немалые бедствия – то бы желающие оказать ревность и усердие, для истребления вредительных обществу дворян, явились бы в главную нашу армию, где и сами мы присутствуем, за что без монаршей нашей милости и на первый случай невзачет жалованья по 10 руб. награждены и оставлены не будете.

А для сведения всему донскому войску повелеваем сей указ станицы от станицы пересылать вниз по течению р. Дона и, списывая с одного копии, для надлежащего исполнения оставлять в каждой станице. Во свидетельство того, мы собственной рукой подписали и государственной нашей короной^[824] укрепить соизволили».

Манков арестовал присланных, отправил указ самозванца царицынскому коменданту и узнав от захваченных, что самозванец идет в Дубовку, выступил навстречу вместе с старшиной Григорием Поздеевым^[825].

В то же самое время, пользуясь прибытием, 10 августа, в Царицын присланного Кречетниковым полковника князя Дондукова с 3 тысячами калмыков, царицынский комендант полковник Циплетев решил выслать его на помощь Камышину (Дмитриевску). Присоединив к калмыкам первую легкую полевую команду майора Дица с семью полевыми орудиями и

поручив общее начальствование над отрядом полковнику князю Дондукову, полковник Циплетев предписал ему следовать на Дмитриевск, не пропускать Пугачева к Дону и следить за тем, чтобы самозванец не мог обойти отряд стороной и пробраться в низовые города^[826]. Находившемуся в Хоперской крепости полковнику Себрякову также приказано было Циплетевым действовать во фланг надвигающейся толпы, причем царицынский комендант писал ему, что, по полученным сведениям, толпа мятежников имеет весьма мало вооруженных и большинство идет с косами, бердышами, насаженными на древки, на неоседланных лошадях. Циплетев предложил присоединиться к отряду Дондукова атаману волжского войска Персидскому, но тот объявил, что болен, и не поехал.

Выступая против неприятеля 12 августа и желая еще более усилить свой отряд, полковник Дондуков отправил нарочных во все улусы, чтобы все владельцы, в том числе и Ценден, все зайсанги и калмыки, «кои службу снести могут, но доныне в домах остающиеся», шли к нему на соединение, «без наималейшего времени продолжения»^[827].

В Дубовке к отряду Дондукова присоединился полковник Федор Кутейников с своим полком, и вместе двинулись к Дмитриевску. Получив известие, что самозванец 11 августа занял уже Дмитриевск, полковники Дондуков и Кутейников торопились занять пост в Балыклеевской станице, но передовые из толпы Пугачева предупредили их и потому, не доходя пяти верст до станицы, князь Дондуков 15 августа повернул на реку Пролейку, где и расположился на ночлег^[828].

Утром 16-го числа казачьи разъезды донесли о приближении толпы мятежников в числе 5 тысяч человек. Полковник Дондуков построил свои войска в боевой порядок: в центре стала легкая полевая команда под начальством майора Дица, на левом ее фланге стали

300 человек казаков полковника Кутейникова, а на правом фланге калмыки. Лишь только появился неприятель, Кутейников тотчас же атаковал правый фланг мятежников, смял их и заставил отступить за свои орудия, но в это время калмыки частью передались на сторону неприятеля, а частью бежали с поля сражения.

Мятежники успели отрезать казаков от легкой полевой команды и подавили их своей многочисленностью. Полковник Кутейников с несколькими человеками оставил поле сражения и верстах в двадцати нагнал полковника князя Дондукова с 25 калмыками. Большая часть казаков отступила в степь и потом поодиночке пробиралась или в станицы, или в Царицын. Оставшись один на поле сражения, майор Диц построил в каре свою легкую полевую команду и, будучи окружен со всех сторон неприятелем, отбивался, стоя на месте. Его драгунская команда, численность которой не превышала 60 человек, под начальством поручика Денисьева, бросаясь несколько раз в атаку, «дралась с отличной храбростью, в чем признавались пойманные под Царицыном злодеи», но прорвать густую толпу мятежников была не силах. Вскоре после того майор Диц был убит, многие офицеры убиты или ранены, и солдаты, лишившись своих командиров, пришли в замешательство. Пользуясь этим, мятежники успели ворваться в каре, и тогда солдаты положили оружие; все офицеры были перебиты, за исключением одного прапорщика Лаптева, захваченного в плен вместе с солдатами^[829]. Впоследствии все пленные солдаты поодиночке уходили из толпы, и к 25 августа возвратилось в Царицын до 200 человек^[830].

17 августа Пугачев занял Дубовку – главный пункт тогдашнего волжского войска, поселенного по берегу рек Волги и Иловли для охранения этой местности.

Первое известие о приближении самозванца принес в Дубовку волжского войска есаул Савелий Тарарин,

прискакавший из Саратова. Войсковой атаман Василий Персидский послал Тарарина с этим известием в Царицын, и когда высланный полковником Циплетевым отряд Дондукова был разбит, то Персидский с старшинами сели на лошадей и намерены были бежать из города.

– Когда вы едете, то и мы от вас не отстанем, – сказал атаману есаул Борисов, и казаки стали также собираться в путь.

– Мы поедem к Дондукову посоветоваться, – уверял Персидский, – а потом скоро вернемся назад; вы здесь останьтесь и подождите нас.

Казаки поверили и остались. Через час времени, атаман прислал с дороги в город старшину Григория Полякова с поручением принять начальство и иметь «всякую в случае злодейского прихода предосторожность». Поляков приказал поставить в воротах две единственные пушки, но казаки говорили, что ими обороняться невозможно «против так великого числа» мятежников. Поляков приказал увезти пушки и хотел затопить порох, но казаки его не допустили, и когда Пугачев появился в 30 верстах от

Дубовки, то Поляков отправил на встречу самозванцу казака Сидора Сеслистова объявить, что в городе нет ни атамана, ни казаков. «Сие Поляков для того сделал, – показывал казак Василий Горский^[831], – неравно злодей рассудил бы, что в городе мало людей и обойдет мимо в рассуждении того, что город пуст и поживиться ему будет нечем».

Возвратясь от Пугачева, казак Сеслистов привез Полякову приказание: встретить государя с честью, не отгонять табуна лошадей от города и приготовить на Волге суда для того, по словам Пугачева, что «с луговой стороны на нагорную будет перебираться его Черный гусарский полк».

Получивши такое приказание, казаки решились, не противясь, встретить самозванца. Население вышло за город с хлебом и солью, а поп, Яков Савин, с несколькими священниками с крестами и образами. «Старшина и казаки, – говорил майор Салманов^[832], – все в лучших платьях, со знаменами, показывали радостный вид».

Впереди Пугачева ехала толпа яицких казаков, и Поляков, не зная, кто называется государем, спрашивал, как его узнать.

– Здесь государя нет еще, – отвечали казаки, – а узнавайте его по тому, кто не скинет, по приезде к вам, шапки.

Вскоре подъехал Пугачев и слез с лошади; к нему подошел протопоп с крестом; самозванец приподнял немного шапку и поцеловал крест, но «не тут, где должно, а в самые уста Спасителя» и потом опять надел шапку. Атаман Овчинников подбежал к Пугачеву и протянул ему руку, «обернутую желтым платком, а злодей, положа на оную свой, стал допускать народ для целования». Сначала все это проделывалось стоя, а потом вынесли стул, и Пугачев продолжал церемонию целования руки сидя. В числе встречавших самозванца был и старший брат войскового атамана.

– Где прочие твои братья? – спросил его Пугачев.

– Ушли, – отвечал тот.

– Как же ты остался?

– Я хочу умереть за отечество и места своего не покину.

«В каком разуме^[833] [т. е. с какой целью] сказал сие слово, – показывал Пугачев, для того ли, что ревновал службе и столько же государыне и самодержице, или мыслил угодить тем ему [Пугачеву] – неизвестен; ибо злодей не объяснялся и оставил его, как человека престарелого».

Войдя в Дубовку, Пугачев остановился в доме Полякова, где и обедал, а после того возвратился в свой стан, расположенный вблизи города, где и ночевал. На другой день Поляков был связан и исколот копьями, но не до смерти, а приехавший яицкий казак собрал круг и приказал выбрать атамана и есаула. Казаки выбрали походного атамана и депутата Василия Бейеровского, а есаулом – Федора Сеслистова, и оба они были приведены к присяге на верность службы императору Петру III. Выкатив из питейных домов все бочки с вином и пивом, Пугачев приказал их разбить, чтобы толпа его не перепилась, но распоряжение это не достигло цели: сообщники самозванца «пьянствовали и кололи своих», а яицкие казаки ходили по домам и грабили. Население жаловалось на это Бейеровскому и просило защиты, но, несмотря на просьбы нового атамана, никакого удовлетворения, конечно, не последовало.

Обративши внимание на бывшего в толпе зрителей сотника астраханского войска Василия Горского и узнав, что он был депутатом в комиссии о сочинении уложения, Творогов подошел к нему, взял за руку и отвел в сторону.

– Знаете ли вы по-немецки? – спросил Творогов.

– Нет, не знаю, – отвечал Горский.

– Как-де вам не знать, вы часто бывали в Москве и Петербурге.

– Мы хотя и бывали в Петербурге, только не в таких упражняемых науках, а в порученном нам деле в «уложенной комиссии», да и на то смыслу у нас недостает.

– Ну, хотя серебряное мастерство не знаете ли?

– Нет, – отвечал Горский, смеясь, – где нам этому учиться; родители обучили нас с нуждой и российской грамоте, а приучали больше к службе, чтобы уметь хорошо владеть конем и ружьем.

Горский просил представить его Пугачеву и выразил желание служить ему.

Творогов отправился в палатку самозванца и, выйдя оттуда, позвал Горского к Пугачеву. Сняв пистолет, бывший за поясом, Горский положил его у стоявшей тут коляски и спросил, снять ли ему шапку или пет. Творогов приказал снять. Горский с открытой головой вошел в палатку, поклонился и по данному знаку стал на колени. На кошке сидел самозванец, а перед ним была разостлана скатерть, на которой стояли тарелки, разная рыба, икра, арбузы и куски калачей. Возле Пугачева сидел очень молодой человек, а вокруг скатерти на земле человек десять приближенных самозванца.

– Здравствуй, мой друг, ты кому присягал? – спросил Пугачев.

– Всемиловитейшей государыне, в вечном блаженстве достойные памяти императрице Елисавете Петровне.

Не успел он выговорить слово «государыне», как сидевшие тут казаки взглянули на него быстро, а по окончании речи потупили глаза.

– Давно ли ты в службе?

– С 1748 года.

– После государыни Елисаветы Петровны кому ты еще присягал?

– Государю императору Петру III.

– А потом кому?

– Когда было обнародовано указами, что император Петр III скончался и воцарилась государыня Екатерина Алексеевна, мы ей присягали и наследнику Павлу Петровичу.

– Давно ли ты, мой друг, из Москвы?

– Месяца с три и больше.

– Что там про меня говорят?

– Говорят, сударь, что под Оренбургом и в тех местах воюет Пугачев.

Самозванец засмеялся и указал на сидевшего подле себя молодого человека, потрепав его по плечу.

– Вот сын Пугачева, Трофим Емельянович, после него остался, – сказал он, – а самого Пугачева нет уже в живых.

Помолчавши немного, а потом, колотя себя в грудь, Пугачев громко произнес: «Вот, друг мой, Петр III император». При этом сидевшие вокруг скатерти казаки преклонили свои головы к коленям, «на что смотря, – говорил Горский, – я упал ниц и лежал перед ним».

– Встаньте, други мои, встаньте, – говорил самозванец казакам, – а ты знал государя Петра III? – спросил он, обращаясь к Горскому.

– Знал, – отвечал спрошенный.

Самозванец приказал поднести всем по чарке водки, а сам стал рассказывать свои мнимые похождения.

– Я украден генералом Масловым, – говорил он, – и в три дня в Киеве стал. В столь короткое время я загнал восемнадцать лошадей и заплатил за каждую по десять или по сто империялов – точно не упомню, только великую сумму.

– Смотри-ка, пожалуй, – шептались вполголоса находившиеся в палатке казаки, – по тысяче рублей давал за лошадь!

– Если Бог велит, – продолжал Пугачев, – в тех местах [Петербурге] еще быть, то я так сделаю, чтобы они [дворяне] в роды родов помнили. Эх! Пошаталась моя головушка, и пришел я на Яик, да вот в доме Творогова был. Вот это честный человек, а брат у него плут, не узнал своего государя и если он мне попадется, то даром что его брат у меня – повешу.

– Далеко ли до Царицына? – спросил самозванец.

– Бог-де знает, сударь, – отвечал казак Попов, – мы давно уже там не бывали, только от Дубовки считается пятьдесят три версты.

– Скажите, господа, – спрашивал Пугачев, обращаясь к Горскому, – как Царицын крепок?

– Я такого сильного треугольника и не видывал, – отвечал Горский.

– А почему он треугольником?

– Потому, сударь, что изнутри России и сухим путем по Волге подле линии стал угол; другой – из-за линии с Кубанской и горской азиатских сторон стал угол же; а третий что водяной коммуникацией ниоткуда подъехать к нему не можно.

– Э, мой друг, – заметил Пугачев, – царь Иван Васильевич под Казанью семь лет стоял, а у меня в три часа она пеплом покрылась. Да, впрочем, что нам в Царицыне делать, пройдем его и пойдем на Дон, а с Дона пройдем мы в Москву – по гладкому месту и приду я так, как глава к главе и тогда все-то к главе моей приклонятся. Божественные книги указывают, что я на престол взойду.

Обстоятельства сложились, однако же, так, что миновать Царицына было невозможно: донские казаки не выказывали никакой податливости принять сторону мятежников, и полковник Манков окружил своими пикетами всю толпу самозванца. По словам капитана Свербеева, полковник Манков «с малым числом своих казаков блокировал кругом злодея, примыкая свои фланги к р. Волге»^[834]. Он посылал свои разъезды под самый городок Дубовку и ежедневно захватывал в плен по несколько человек.

Пробыв три дня вблизи Дубовки, самозванец приказал приколоть старшину Полякова и двинулся далее. В Дубовке было оставлено несколько человек из толпы для выпекания хлеба, исправления артиллерии, приготовления копий и шитья платья при помощи местных женщин. В Дубовку прибыли к самозванцу посланные от калмыцкого владельца Цендена с объявлением, что владелец их желает быть в его службе

со всем подвластным ему народом. Пугачев тотчас же отправил к Цендену яицкого казака Петра Алексеева и башкирца Идорку с обещанием выдать каждому пришедшему к нему калмыку по 10 рублей жалованья. Остановившись лагерем на реке Пичуге, самозванец узнал, что к нему приближается Ценден с 3 тысячами подвластных ему калмыков. Привезший это известие казак Петр Алексеев был произведен за это в полковники, а сам Пугачев был занят вопросом, как встретить и чем наградить Цендена? Имея в руках только один офицерский эполет и показывая его Творогову, самозванец думал сначала подарить его Цендену, но потом изменил свое намерение.

– Какую бы мне сделать шапку калмыцкому владельцу? – спрашивал он Творогова.

– Какую-де, батюшко, изволите, – отвечал тот.

– Надобно сделать *золо*, – сказал подвернувшийся казак Попов.

– Что такое золо?

– А эта большая золотая кисть, которая бы всю шапку закрывала; у них это в великой чести.

– Это пустое, – заметил Пугачев, – я ему сделаю и всю шапку в кистях, такую, что еще никакой государь их ханам не жаловал.

Тем не менее сделать такую шапку оказалось невозможно, и тогда Пугачев выбрал из награбленных денег несколько рублевиков с портретом покойного императора Петра III и приказал приделать к ним ушки.

Подойдя к стану мятежников, Ценден слез с лошади, пал перед Пугачевым на колени, приказал бывшей при нем свите преклонить значки, поцеловал руку самозванца и поднес ему подарки, состоявшие из сукон и китаек. Пугачев роздал их своим старшинам, разбил для Цендена особый шатер и наградил его 50 руб.; двум его братьям дал по 30 руб. и по кафтану из красного сукна. Отправившись затем на судно, самозванец

распечатал свои сундуки и дарил калмыков деньгами, тафтами, шитыми платьями, парчами и медалями, «в которые вдевая ленты, у кого какие случились, накалывали на левой стороне груди»^[835]. Многие старшины получили также медали и в ознаменование этого события пили всю ночь.

– Если с помощью калмыков, – говорил при этом Пугачев, – да возьму я Царицын, – то еще более награжу их.

Глава 23

Положение Царицына и средства его обороны. - Деятельность полковника Циплетева. - Приближение Пугачева к Царицыну. - Встреча его с донцами на реке Нечетной. - Неудачный исход сражения для правительственных войск. - Действия под Царицыном. - Отбитие мятежников. - Разорение Сарептской колоши. - Последнее поражение, нанесенное Михельсоном Пугачеву у Сальникова завода. - Бегство Пугачева за Волгу.

Значительный по населению город Царицын был средоточием управления так называемой Царицынской линии, соединявшей Дон с Волгой и состоявшей из земляного вала, тянувшегося от Качалинской станицы и до Царицына. На этой линии, кроме Царицына, находилось три крепостцы и один редут, защищаемые всего 300 человек, при 12 медных и 61 чугунном орудии. Содержание разъездов и охранение вала по всему его 60-верстному протяжению возлагалось на донских казаков, которые и высылали на линию летом 1200, а зимой 800 человек казаков, при особом атамане. В 1774 году атаманом был Василий Перфилов, который и жил в Царицыне. Комендантом города и крепости был энергичный полковник Циплетев, знакомый нам еще по происшествиям во время содержания в Царицыне самозванца Богомолова.

Появление Пугачева под Оренбургом заставило Циплетева принять меры к наблюдению за луговой стороной Волги. Расставив казачьи посты против станиц Волжского войска, Циплетев протянул их вниз по Волге до Черного Яра, а у Ахтубинского шелкового завода поставил заставу из пехоты при одном орудии. Повсюду

устроены были маяки, т. е. шести с наверхенными на них пучками соломы. Зажигание соломы должно было служить сигналом угрожающей опасности. На главнейших путях были устроены заставы и приказано останавливать всех подозрительных лиц. Сообщив атаману войска Донского об угрожающей Царицыну опасности, полковник Циплетев просил его выслать несколько полков в помощь Царицынской линии. В самом Царицыне находилась 1-я легкая полевая команда под начальством секунд-майора фон Дица, которая служила подвижным резервом для всей линии и, как мы видели, была выслана навстречу Пугачеву в отряде князя Дондукова.

С уходом полевой команды в Царицыне остались четыре гарнизонные роты^[836] и 300 человек вооруженных жителей, которым было указано, в каком месте и что они должны были делать в случае нападения неприятеля. Впоследствии этот гарнизон был усилен небольшой командой полковника Бошняка, прибывшего из Саратова, но, ввиду того что в городе находилось до 900 человек пленных турок, положение Циплетева нельзя назвать легким.

«Вашему превосходительству покорно представляю, – доносил Циплетев астраханскому губернатору^[837], – что линия крайне слаба и людей в крепостях с форпостом к охранению постов находится до 300 человек, врознь расставленными расстоянием на 60 верстах». Признавая, что такие силы не могут оказать никакого сопротивления, Циплетев просил разрешения свести все команды в Царицын, «где вернее надеяться можно спасти оных, а притом и крепость; конница для разъездов служить может». Все население вокруг Царицына находилось в полном восстании и царицынский комендант, собирая войска для защиты крепости и города, просил помощи у донцов и у

астраханского губернатора. Донцы поспешно собирали полки и шли к Царицыну.

Независимо от этого, наказной атаман войска донского Сулин, получив известие, что Пугачев приближается к Царицыну и что его партии «волочатся уже в хуторах войска донского», сформировал еще несколько полков для подкрепления верховых станиц. Все служилые казаки, состоявшие на льготе до отставки и жившие на пространстве от Маноцкой до Терновской и из Донецких станиц, были вызваны на службу и сформировано два полка: Макара Грекова и Якима Карпова. Из возвратившихся с Кубани на льготу полков Павла Кирсанова, Матвея Платова и Якима Уварова выбраны тысяча человек доброконных и хорошо вооруженных; из них сформировано два полка: Кирсанова и Платова и приказано как можно поспешнее следовать к Царицыну^[838].

Вслед за тем было получено известие, что высланный из 2-й действующей армии отряд генерал-майора князя Ивана Вахустовича Багратиона находится уже близко и 16 августа надеется прийти в Царицын. Это известие ободрило Циплетева и жителей. «Если калмыцкие войска, – доносил комендант^[839], – злодею не доставят конца и не решат истреблением его, то не только Астрахань с низовыми городами, но и Царицын прикроется князем Багратионом, а Хоперская крепость и губерния Воронежская – Себряковым». По мнению Циплетева, если Пугачев будет продолжать движение вперед и «в средину взойдет», то кроме «пронырливого побегу» ему избавиться нечем. Мечтая о том, что калмыки отгонят у мятежников лошадей и заставят их сесть на суда, Циплетев, при содействии артиллерии майора Харитонов, воеводского товарища Хатьянова и смотрителя Ахтубинских шелковых заводов, коллежского асессора Рычкова, устроил четыре береговые батареи и две на судах. «Могу доложить о

крепости, – доносил он^[840], – что, надеясь на помощь Божию, ее не отдать. По усердию всех штаб- и обер-офицеров единодушно приняли меры; оба батальона^[841] против куртин лагерем расположили, выдав имеющиеся здесь комиссариатские новые палатки, уже с неделю ночуем, как я, так и все у стен готовимся принять».

Надеясь победить самозванца как на суше, так и на воде, полковник Циплетев не считал нужным присылку подкреплений от Кречетникова. «На всякую нечаянность, – писал он^[842], – вашему превосходительству осмеливаюсь доложить, не рассудите ли назначенные из Астрахани сюда силы поудержать для ее самой, дабы злодей в малых людях не ворвался и тамо возрасти не мог: а как слышно, что уже ниже Царицына злодеи-разбойники есть и твердят его сторону, то б и сих не набралось больше и не осмелились бы на большие злодеяния».

Прошло несколько дней, и часть надежд Циплетева рушилась: в Царицыне узнали, что казаки разбиты Пугачевым на реке Пролейке, что калмыки передались на сторону самозванца, что майор Диц и почти все офицеры перебиты и большая часть легкой полевой команды захвачена в плен. «Сие бедственное приключение, – доносил Циплетев^[843], – привело вверенный мне город в [такой] страх, что едва мог колеблющийся народ собирая в дома, ходя по крепости, где расположены солдаты, увещевая их бодрствовать и мужаться». В самую горячую пору работ по укреплению города один из канониров говорил: «Напрасно трудятся, скоро все достанется батюшке Пугачеву»^[844]. Своими энергическими мерами комендант успел, однако же, заставить всех работать, поднял упавший дух в населении и убедил его в необходимости самозащиты. «Молим Бога, – писал он, – во всех церквах с коленопреклонением, обнадеживаю их государевой

милостью и жалованьем и вижу, как их, так и здешнее купечество кажется неустрашимым, которые, также приняв пост, ночуют при оном».

Рассчитывая на скорое прибытие отряда князя Багратиона и имея известие, что полковники Кутейников из Качалинской станицы, а Луковкин с Иловли идут к Царицыну, полковник Циплетев надеялся при их содействии окружить самозванца со всех сторон и «разбить его в прах».

На следующий день, 16 августа, обстоятельства переменились.

Отряд князя Багратиона в Царицын не прибыл, и приехавший курьером из Черкаска казак объявил, что он находится в Есауловской станице, верст 200 от Царицына. Это известие совершенно видоизменяло оборону, ставило Циплетева в крайне затруднительное положение, и он в тот же день отправил нарочного к Кречетникову с просьбой о помощи^[845].

В распоряжении астраханского губернатора была одна легкая полевая команда и всего 150 казаков, набранных с большим затруднением. Имея в виду, что полевая команда по значительности расстояния не могла поспеть на помощь Царицыну, а 150 казаков не могли существенно усилить гарнизон крепости, Кречетников оставил их в Астрахани, где в то время находилось много бурлаков с пришедших судов. Опасаясь, что в случае прорыва Пугачева и появления его в Астрахани самозванец может найти в бурлаках своих сообщников и готовые значительные силы, Кречетников укреплял Астрахань, строил батареи и готовился к обороне^[846].

17 августа царицынские воеводская и комендантская канцелярии собрались на общее совещание и положили: 1) состоящую близ амбаров с казенным вином пивоварню, которая препятствовала обороне, сломать; 2) для ободрения нижних чипов

отпускать казенное вино сколько нужно, по требованию комендантской канцелярии; питейные же дома запереть и продажи в них не производить^[847].

Вместе с тем, согласно приказанию астраханского губернатора, полковник Циплетев поручил полковнику Бошняку все иррегулярные команды казаков и калмыков и отправил гонцов с приказанием, чтоб донские полки следовали к Царицыну как можно скорее.

После неудачного сражения на реке Пролейке полковник Федор Кутейников возвратился в Качалинскую станицу, устроил там своих казаков и выступил на реку Мечетную, где 19 августа соединился с полковниками Василием Майковым, Карпом Денисовым и прибывшим туда же в ночь Михайлой Денисовым. Отправляясь на следующее утро в Царицын, чтобы явиться к коменданту, полковники решили выслать к стороне Дубовки, для разведывания о неприятеле, Карпа Денисова с 200 человек походных старшин и казаков. Едва Денисов двинулся вперед, как встретился с значительной толпой мятежников и принужден был отступить.

На реке Мечетной оба противника встретились. Прискакавшие из города Кутейников, Манков и Денисов тотчас же атаковали неприятеля, три раза прогоняли его до орудий, но в конце концов принуждены были отступить. В происшедшей схватке полковник Кутейников был ранен, и это имело большое влияние на последующий ход боя^[848]. Полк его поколебался и стал отступать.

Между казаками был слышен ропот, что их не подкрепляют пехотой и регулярной кавалерией, и многие стали уходить к мятежникам. Служившие в полку Грекова за хорунжих, казаки Крапивин и Терентьев преклонили перед Пугачевым «хорунгу» и увлекли за собой человек до 400 казаков. Пугачев дал Крапивину 20 руб. денег, сам надел на него серебряную

медаль на пестрой ленте, произвел в полковники и назначил командиром передававшихся казаков, назвав их донским полком.

Наступившая ночь прекратила сражения, и оставшиеся верными казаки отступили в крепость. Грустно было полковым командирам явиться в Царицын побежденными толпой мятежников, но они имели настолько мужества, чтобы сознаться в причинах неудачи.

«Сколь нашей усердности вашему высокоблагородию довольно известно, – доносили они полковнику Циплетеву^[849], – но, к несчастью общему и к погашению славы, нажитой всего войска донского кровию, из находящихся при нас подкомандных некоторые показали такую трусость, что и прочих смешав мысли нанесли страх такой, что мы об истреблении от казаков злодея надежды не предвидим, и хотя из оных, из находящихся при нас еще большая половина и осталась с нами, но что последует и от них уверить никак теперь не можно. А затем от истинного нашего сердца Господа Бога просим, чтоб Он по своему милосердию подкомандным нашим даровал прежнюю донским истинную по присяге храбрость, б чем на Его всемогущество мы и небезнадежны».

Получив такое донесение, Циплетев в сопровождении старшин объехал казаков, уговаривал их быть стойкими и не опасаться врагов. Казаки обещали служить верно и выставили свои заставы почти под самым лагерем самозванца^[850].

Приближаясь к Царицыну, Пугачев предоставил калмыкам полную волю, и они, наводнив все окрестности, почти ничего не оставили вокруг города: отогнали скот, сожгли сады, мельницы и загородные дома, разорили все деревни и «привели их в последнюю нищету». Утром, 21 августа, по получении известия о приближении неприятеля, полковник Циплетев приказал

зажечь форштадт, а в полдень на высотах, окружающих город, появились мятежники, в числе до 6 тысяч человек.

Высланный вперед разъезд приглашал донских казаков вступить в переговоры, а затем явился и сам Пугачев, переодетый в платье Овчинникова и сопровождаемый ста человеками яицких казаков. Результатом переговоров было то, что на сторону мятежников передались не более пяти казаков, а остальные отошли за укрепление. Тогда Пугачев выставил шесть батарей, из которых одна была 12-орудийная, и открыл огонь по городу. Из крепости отвечали ему тем же, и канонада, начавшаяся в половине второго, продолжалась до седьмого часа пополудни. Царицынский воеводский товарищ секунд-майор Хатьянов ходил по батареям и, ободряя защитников, обещал им именем императрицы полугодовое жалованье^[851]. Артиллерии майор Харитонов успел подбить одну из неприятельских батарей и взорвал зарядный ящик. После этого бой прекратился, и мятежники скрылись за высотами. В царицынском гарнизоне убитых не было, но в крепости загорались дома, которые вскоре были потушены^[852].

Царицын был спасен и был первым городом на Волге, не допустившим себя до разграбления самозванцем. Все защитники его произведены в следующие чины, а солдаты и простолюдины получили по рублю. Один Циплетев оставался долгое время без всякой награды за то, что имел неосторожность донести об одержанной им победе прямо императрице, а не главнокомандующему графу П.И. Панину. Последний писал ему^[853], что как донесение его отправлено прямо в Петербург, «то воздаяние и одобрение так великой заслуги относится теперь вам на ожидание из С.-Петербурга». Впоследствии императрица произвела Циплетева в

бригадиры и пожаловала ему землю в Борисоглебском уезде.

Одновременно с приближением Пугачева к Царицыну спускались по Волге и суда, наполненные мятежниками, число которых достигало до тысячи человек. Большая часть их состояла из ахтубинских рабочих, не имевших никакого вооружения и находившихся под защитой только двух судовых пушек. Встреченные огнем береговых батарей и плавучей батареи, устроенной Циплетевым, мятежники принуждены были сдаться, и лишь незначительная их часть успела спастись бегством вверх по реке. На захваченных судах были избавлены от плена 1-й легкой полевой команды прапорщик Лаптев, 12 солдат, 6 девиц, захваченных в Саратове, и дворянин Чебышев^[854].

С наступлением ночи жители Царицына ожидали вторичного нападения, но оно не состоялось, так как Пугачев получил известие о приближении правительственных войск и торопился пробраться к Черному Яру. «Из задних толпы разъездов узнал, – показывал Пугачев^[855], – что подходит воинская команда, и думал, что идет князь Голицын или Михельсон, коих он оробел, потому что надежных в его толпе людей осталось, т. е. яицких казаков, мало. А хотя другой сволочи число людей [было] и велико, то они, только услышав о Голицыне и Михельсоне, то сробеют и разбегутся и стоять против их не станут; то он, уклоняясь от драки, и пошел, оставив Царицын, мимо, ибо прямое его намерение было, чтоб, дойдя до Черного Яра, идти прямо в Яицкий городок и тут зимовать».

О таком намерении Пугачева знали только самые близкие его пособники: Овчинников и Давилин. Толпе же своей самозванец «разглашал, что будто бы зимовать идет в Астрахань, для того, что толпа его охотнее идти туда хотела. На Яик бы охотников идти было мало,

кроме яицких казаков, а донские и волжские казаки да царицынские совсем бы от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому что он уже о склонности их идти в Астрахани через яицких казаков ведал. По прошествии же зимы куда бы он идти был намерен и какое еще зло делать, о том никакого размышления на сердце его не приходило, ибо он мерзкий свой живот в руки отдал, с самого начала злодеяний его, яицким казакам, почему никак он не смел противиться во всем их Богу ненавистной воле и что б они в Яике на совете положили, то бы он делать и стал».

В то время, когда Пугачев проходил мимо Царицына, хвост его был атакован казаками, захватившими много пленных и часть обоза. Справедливость требует сказать, что и при этой атаке многие казаки присоединились к мятежнической толпе, и к вечеру число таких доходило до весьма значительной цифры. При остановке на ночлег все они старались взглянуть на самозванца, «но злодей рожу свою от них отворачивал».

Однако же донцы скоро узнали его и, переговариваясь между собой, уверяли друг друга, что это Пугачев, их донской казак, бывший в прусскую войну хорунжим. Разговоры эти распространились по лагерю и убеждали сподвижников самозванца, «что, конечно, он не государь»^[856]. Убеждение в этом еще более усилилось в толпе, когда донцы стали поодиночке уходить из лагеря и наутро не осталось ни одного в стане Пугачева.

«От сего самого, – показывал Иван Творогов^[857], – произошло в толпе нашей великое сомнение и переговор такой, что донские казаки недаром отстали, может, узнав злодея, что он их казак, поелику он таким в опубликованных указах именован. Сие сомнение утверждалось и таким притом разглашением, будто бы один донской казак, во время помянутой переговоровки [под Царицыном] кричал с валу к самозванцу громко:

Емельян Иванович, здорово. А в прибавок к тому и то удостоверяло, что злодей в то время, когда донские казаки в толпу нашу передались, то он, проезжая мимо их, против своего обыкновения отворачивался от них лицом, а из сего и догадывались, что делал это для того, чтоб они его не узнали. Сии переговоры привели нас в такое замешательство, что руки у всех опустились и не знали, за что приняться».

Пугачев был также лишен всякой надежды на содействие донцов, и потому, сознавая слабость своих сил, он торопился уйти от преследующих войск, сходявшихся к Царицыну с разных сторон. Соединившись, верстах в 80 за Саратовом, с отрядами Муфеля и графа Меллина, полковник Михельсон 21 августа пришел в Дубовку, где захватил до 40 человек мятежников, и 22-го числа вступил в Царицын^[858]. Вслед за ним прибыл в город передовой отряд князя Багратиона, не поспевшего вовремя по причинам от него не зависевшим.

Находясь за Доном на реке Сале, для прикрытия верховых донских станиц от набегов татар, князь Багратион получил 1 августа известие, что Пугачев выжег Казань. Багратион тотчас же переправился через Дон и пошел вверх по берегу реки, «чтоб народ вредного чего не вздумал». 17 августа отряд остановился у Пяти курганов, куда приехал посланный царицынского коменданта майор Куткин с просьбой о помощи. Князь Багратион тотчас же отправил вперед два эскадрона карабинер Ростовского полка и 100 человек малороссийских казаков с двумя орудиями, под общим начальством ротмистра московского легиона Савельева. На другой день Багратион выступил сам с тремя эскадронами того же полка и 250 казаками. 19 августа он прибыл к переправе у Пятизбьянской станицы. «Я еще через Дон не перебираюсь, – писал он^[859], – не зная верного о злодее, а только так готов, что в первом

узнании пойду; да притом и здешний край оставить не могу, по причине, чтоб сии жители не разорены были и чтоб чего худого не воспоследовало».

В день отправления этого донесения, 20 августа, князь Багратион получил предписание своего ближайшего начальника графа Мусина-Пушкина идти в Воронежскую губернию^[860], а в полдень 21 августа получил рапорт полковника Циплетева, что Пугачев приближается к Царицыну.

«Вашему сиятельству, – писал Циплетев князю Багратиону^[861], – донести не упускаю: как можно соизвольте известный вам отряд прислать и сами вслед поспешить, не упуская случая, что сей злодей зашел в такой угол, где ему не свободно можно авантаж иметь, а необходимо истребить следует, чтобы государство по столь великом разорении избавить от разлившейся беды и через то получить славу».

Считая более важным действия против самого самозванца, нежели против второстепенных шаек, князь Багратион в тот же день переправился через Дон и 22 августа прямо степью пошел к Царицыну. На пути, верстах в 30 от Царицына, он получил 24 августа рапорт полковника Михельсона, доносившего, что Пугачев уже ушел из Царицына и что он с отрядом вступил в город. После 45-верстного перехода, на изнуренных лошадях, Михельсон не мог следовать далее. Обратившись к Циплетеву и к гражданским властям, он просил отыскать ему 200 свежих лошадей, но, не получив их, решился присоединить к своему отряду малороссийских казаков, присланных князем Багратионом.

«Я прибыл к Царицыну, – писал Михельсон^[862], – не застав злодеев, которые, как скоро о моем приближении узнали, отошли и пошли вниз по р. Волге.

От полугодового беспрестанного марша, не имев другой конницы, кроме весьма изнуренной, вследствие данного мне отверстого повеления его сиятельства

главнокомандующего графа П.И. Панина, должен был взять в подкрепление мое, корпуса вашего сиятельства найденного здесь ротмистра Савельева с имевшимися при нем 96-ю малороссийскими казаками.

Злодейские намерения, по-видимому, клонятся к Астрахани или Дону. Ежели ваше сиятельство заблагорассудить изволите брать свой марш неподалеку р. Дона, то злодей сей путь будет прегражден, а я не оставляю идти по пятам его и после полуночи выступлю».

Успокоенный относительно Царицына, предоставляя преследование Пугачева Михельсону и имея категорическое приказание своего начальства защищать Воронежскую губернию и Дон, князь Багратион пошел обратно, а Михельсон двинулся по следам самозванца. «Долг мой, – доносил он, – ударить на сих варваров, коих во всякое время, в каких бы силах впредь быть могли, полагаясь на помощь Божию, поразить надеюсь». «Теперь, – писал он в другом рапорте, – у меня происходит драка на Волге, на которой находятся два судна с деньгами и 400 злодеев, с двумя пушками». Суда эти были захвачены, и полковник Михельсон, присоединив в себе 96 малороссийских казаков с ротмистром Савельевым и всех казаков, находившихся в Царицыне в числе 452 человек, после полуночи выступил из города.

После трех дней форсированного марша он настиг Пугачева верстах в ста от Царицына.

Обогнув Царицын и двигаясь по берегу Волги, Пугачев целые сутки отдыхал в Сарепте, которую и разорил. Колонисты давно уже слышали о приближении Пугачева и находились в большом страхе и отчаянии. С ужасом они узнали, что мятежники разграбили Саратов, Дмитриевск и приближаются к Царицыну. Бежавшее сухим путем и водой в Астрахань население еще более смущало колонистов. «Итак, – писали сарептинцы впоследствии^[863], – ничего другого братьям не

оставалось, как, по примеру других, в Астрахань удалиться, только с тем различием, что нам не доставало времени наши пожитки с собой убрать». Сколько ни хлопотали жители колонии, однако ни в Царицыне, ни в окрестностях не могли они найти достаточного числа судов, чтобы погрузить на них хотя главнейшее имущество. Набрав с большими затруднениями десять рыбацких лодок, колонисты 17 августа посадили на них своих жен и детей в числе 110 человек и отправили в Астрахань. «Печально было, – писали они, – позорище видеть толикое число людей, не могущих себя оборонить и столь поспешным образом бегущих». Многие семейства, не имея возможности достать лодок, отправились в Астрахань пешком, бросив свои дома и имущество и поручая их присмотру остававшимся односельцам.

Форштегер колонии Даниил-Генрих Фик остался в Сарепте с 65 братьями, с намерением спасти имущество какое только будет возможно. Оставшиеся колонисты день и ночь складывали в погреба: мебель, товары, ремесленные инструменты и заваливали вход камнями так, «чтобы без измены найти их было невозможно. Но братья при сих трудах ни на один час не были в безопасности от разбойнических нападений. Распространившийся дух мятежа так оказываться стал, что великое множество и российских судовых людей, кои на четырех судах в нашей пристани находились, беспрестанно в худом намерении около нас шатались и, по-видимому, ожидали единственно отъезда братьев. Всего более странна нам показалась неприятельская мысль дербетовых калмыков, которых мы за несколько дней чрез наше местечко против возмутителя проезжающих видели».

Возвращаясь из-под Царицына небольшими партиями, калмыки нападали на колонию, отгоняли скот и лошадей. Оставшиеся жители колонии разделились на

две партии: одна убирала и прятала пожитки, а другая, вооружившись, отбивала нападение калмыков. В таком положении находились колонисты, когда один из их односельчан прибежал из Царицына и заявил, что мятежники идут прямо на Сарепту. Братья-колонисты поспешно собрали оставшиеся повозки, запрягли их быками и в восьмом часу вечера, 21 августа, все до одного человека покинули колонию. «Сколь чувствителен сей выезд всем братьям ни был, – писал Фик, – однако все были в том одного мнения, что лучше все свое движимое и недвижимое имение оставить, нежели данную ее величеству присягу верности нарушить и повергнуться такому злодею». Наступившая вскоре за тем ночь скрыла колонистов, и они, двигаясь безостановочно, до света успели избежать преследования мятежников. «Наши жены и дети, – писал Фик, – по претерпении бесчисленных трудностей, много беспокойства и всяких нужд, вместе с теми фамилиями, кои сухим путем отправились, благополучно в Астрахань приехали. А те братья, кои вперед со скотом нашим отправлены [были] и с великим трудом и опасностью от калмыков оный сохранили, также благополучно в Енотаевскую крепость прибыли».

Таким образом, когда Пугачев пришел в Сарепту, то нашел ее покинутой жителями. Мятежники заняли опустелые дома и разграбили их до того, что чрез сутки Сарепта была неузнаваема. Фабрики обобраны, инструменты деревянные переломаны, а металлические унесены с собой; мебель в домах уничтожена, фонтаны испорчены, и куски товаров брошены в воду или затоптаны в грязь. Впоследствии, когда 13 сентября колонисты возвратились на свое пепелище, они были объаты ужасом и сожалением.

«Мы нашли, – писали они, – столь многим трудом закрытые и заваленные погребы и выходы разломанными, ящики и сундуки пустые, и что с собой

увезти не можно было – злейшим образом разорвано в мелкие части, разбито и разбросано; высыпанные из перин перья покрывали все наше местечко, окна все выбиты, двери расколоты, печи разломаны и все домашние принадлежности, коих похитить не можно [было], совсем разорены. Одним словом, мы видели наше десятилетнее старание, в краткое время нашего отбытия, варварскими руками разоренное и наши пожитки расхищенными». Сарептинцы понесли убытку до 67 540 рублей.

Переночевав в Сарепте, Пугачев двинулся далее и, желая поощрить своих сообщников, наградил многих из них медалями и генеральскими чинами. Овчинников был пожалован званием генерал-фельдмаршала, Афанасий Перфильев – генерал-аншефом, Федор Чумаков – генерал-фельдцейхмейстером, Иван Творогов – генерал-поручиком, Алексей Дубровский – обер-секретарем Военной коллегии и дежурный при Пугачеве казак Еким Давилин – камергером.

– Бог и я, великий государь, жалую вас чинами, – говорил Пугачев, – послужите мне верой и правдой.

Пожалованные стали на колени и благодарили. «Но я, – говорил Творогов, – ни одного из тех чинов не знаю, хотя и сам в числе тех пожалованных находился, потому что прежде об оных не слыхивал».

Остановившись вечером 24 августа у Сальникова завода, Пугачев узнал о приближении отряда полковника Михельсона. Он тотчас же приготовился к обороне: выставил в одну линию все свои орудия, за которыми и расположил пехоту. При появлении Михельсона Пугачев приказал открыть огонь из всех орудий и двинул вперед пехоту. Михельсон построил свои войска в боевой порядок: в центре стала пехота, имея на правом фланге походного атамана Перфилова с Чугуевским полком, а на левом – всех донских казаков. Не желая предоставлять мятежникам почина в

действиях, Михельсон приказал кавалерии произвести контратаку и поддержал ее пехотой. Атака чугуевцев и донцов была настолько стремительна, что пехоте почти не пришлось действовать. Мятежники, «будучи все в крайней робости, не старались удерживать храброе стремление войск и чрез короткое время, уступая свое место, показали тыл. Хотя злодей, будучи позади своей толпы, и старался словами своими остановить оную и поощрять к сопротивлению, но столь велик был во всех страх, что, нимало не слушая его слов, рассыпались во все стороны»^[864].

Все 24 орудия были захвачены, и бегущие преследованы по разным направлениям более 40 верст^[865]. Мятежники потеряли более 2 тысяч убитыми и до 6 тысяч пленными, в числе которых находились две дочери Пугачева и 14 несчастных сирот, дочерей дворян.

Самозванец бежал с поля сражения одним из первых. За ним ускакали верхами жена Софья и десятилетний сын, а две дочери малолетние «в дорожной коляске ехали, наполненной, как я думаю, – говорил Творогов, – дорогими товарами и деньгами, ибо в сей коляске поделаны были потаенные суммы. Злодей и сей [коляски] обще с дочерьми лишился, потому что, спасая себя бегом, скакал во весь опор, приказывая и коляску везти за собой; но как сей дорогой случился в одном месте превеликий косогор, то сказывают, что на оном коляска опрокинулась и осталась на том месте»^[866].

В этом сражении Пугачев лишился самого близкого к нему человека, атамана Овчинникова, пропавшего без вести. На долю победителей досталась богатая добыча: донцы захватили 18 пудов серебряной посуды, много денег, платья, соболей, куниц и лисьих мехов, сукон и материй, 527 лошадей и 64 вола. Еще более осталось на долю солдат отряда Михельсона. Пугачева преследовали до самого берега Волги, через которую успел, однако

же, переправиться с главнейшими сообщниками. Остальная часть его толпы рассыпалась в разные стороны и спасалась как могла; многие бросались в Волгу, надеясь переплыть на другой берег, но почти все потонули.

По получении известия об этой победе императрица издала похвальный указ Михельсону и его отряду и, сверх того, удостоила храброго и неустоимого предводителя особым письмом, при котором послала золотую шпагу с бриллиантами. Всех премьер-майоров и подполковников Екатерина приказала представить к награде, а остальных офицеров произвести в следующие чины; унтер-офицеров и рядовых наградить деньгами^[867].

Обильные награды вполне соответствовали важности победы. Пугачеву нанесен был здесь последний и самый тяжкий удар, после которого оставалось только принять меры к тому, чтобы он не мог усилиться.

Михельсон сформировал два отряда: графа Меллина с его отрядом и 200 донских казаков он отправил за Волгу, с приказанием идти по следам самозванца, а другой – подполковника. Муфеля с его легкой полевой командой и 200 человек донских казаков послал к Черному Яру; сам же с остальными войсками пошел обратно в Царицын, где уже находился отряд генерал-майора Мансурова.

Последний отправил также за Волгу летучие отряды под начальством полковника Иловайского с 300 донских и майора Бородина с 200 яицких казаков. В Дмитриевске (Камышине) Мансуров поставил гвардии поручика Мельгунова с 150 казанских уланов и мещеряков и ротой драгун 22-й легкой полевой команды; в станицах Балыклейской и Дубовской были расположены по эскадрону Архангелогородского карабинерного полка с 50 донскими казаками, в первой станице под

начальством ротмистра Нолькена, а во второй – поручика Потулова^[868]. Чтобы окончательно преградить Пугачеву вторичный переход на нагорный берег Волги, генерал Мансуров просил князя Голицына поставить из своего отряда заставу в селе Золотове, находившемся на берегу Волги, между Саратовом и Дмитриевском (Камышевкой).

В таком положении было дело, когда 2 сентября прибыл в Царицын генерал-поручик Суворов, принявший, по приказанию главнокомандующего, общее начальство над всеми отрядами, преследовавшими Пугачева.

Суворов ехал без всякого конвоя по дорогам, по которым бродили шайки мятежников, ловившие всех проезжающих. Чтобы избежать плена, говорит Суворов в своей автобиографии, «не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя»^[869]. Прибыв в Царицын, он приказал полковнику Михельсону переправиться через Волгу и настигать «по следам укрывательство злодея»; генерал-майору князю Голицыну сообщено, чтобы он также шел за Волгу с того места, где застанет его это сообщение; генерал-майор Мансуров отправлен с его отрядом в Дмитриевск с тем, чтобы протянул свои посты до Саратова; генерал-майору князю Багратиону приказано следовать к Царицыну, расположить семь эскадронов гусар около Голубинской станицы и иметь сообщение с постами, находящимися в Дмитриевске и Черном Яру, где остановлен подполковник Муфель с своей легкой полевой командой^[870].

Сделав все эти распоряжения, Суворов отправился в отряд графа Меллина и в Ахтубе переправился через Волгу. С ним же поехали прибывшие за несколько дней в Царицын капитан Галахов, Евстафий Трифонов (Долгополов) и П.С. Рунич. В слободе Никольской, находившейся на луговой стороне Волги, против

Камышенки (Дмитриевска), Суворов призвал к себе Галахова и Рунича и спрашивал их, как они располагают: пуститься с ним в степь или нет? Галахов просил позволения посоветоваться с Трифоновым и тогда дать ответ.

– Зачем нам гоняться по степи за Пугачевым, – говорил Трифонов, – он Бог знает куда промчаться может, а мы между тем можем попасть в руки киргизам, кои то и дело в это время по степи мчатся. Незачем нам пускаться в степь; нам сегодня бы надобно переправиться в Камышенку и поспешно из оной отправиться в Саратов. Там уже расположим, куда вам и куда мне отправляться должно будет.

Имея на руках 43 тысячи руб. золотой монетой, Галахову было рискованно пуститься в степь, и потому он решился переправиться обратно через Волгу, а Суворов нагнал отряд графа Меллина и двинулся с ним к речкам Узеням. Прибыв 9 сентября на реку Еруслан, Суворов разделил отряд на четыре части: двум приказал следовать по обоим берегам Малого Узеня и двум – по Большому Узеню и не стесняясь жечь камыш, который мог скрывать мятежников^[871].

Одновременно с этим князь Голицын, переправившись с своим отрядом через Волгу, двинулся по Иргизу, торопясь к Яицкому городку, чтобы не дать возможности самозванцу вновь усилиться казаками^[872]. Он отправил двух казаков на Узени «с таким наставлением, чтоб они, нашед там главного варвара и предъявя ему свою преданность, вступили в его сообщество единственно в том виде, дабы, пользуясь сим предлогом, могли возыметь удобный и безопасный случай преклонить первейшего его любимца, яицкого казака Перфильева, к поимке и умерщвлению его^[873]».

На пути князь Голицын получил рапорт полковника Иловайского, что он, соединясь с майором Бородиным, прибыл в Покровскую слободу и, получив достоверное

сведение, что самозванец намерен скрыться на Узеньях, идет его отыскивать и преследовать [\[874\]](#).

Подойдя к урочищу Чертоплинскому, находившемуся на реке Большом Узене, Иловайский и Бородин узнали от разных лиц, что казаки отправляются прямо в Яицкий городок и намерены связать и выдать самозванца. Это известие было немедленно сообщено всем отрядным начальникам и на этот раз вполне оправдалось.

Глава 24

Преследование Пугачева. - Воззвание П.С. Потемкина кабардинцам. - Переправа Пугачева на левый берег Волги. - Совещание, куда идти. - Заговор казаков против самозванца. - Скитание по степи. - Благотворная деятельность капитан-поручика С. Маврина в Яицком городке. - Воззвание П.С. Потемкина к казакам и жителям взволнованного края. - Выдача Пугачева и доставление его в Яицкий городок.

Победа, одержанная Михельсоном у Сальникова завода, поставила Пугачева в безвыходное положение. Лишившись большей части своих сообщников, он был окружен почти со всех сторон правительственными войсками. Михельсон выслал для преследования самозванца кавалерийские партии. Со стороны Астрахани подходили к Красному и Черному Ярам легкая полевая команда, 300 человек гарнизонных солдат, 450 человек астраханских и красноярских казаков и полковник князь Дондуков, с оставшимися верными калмыками.

По распоряжению астраханского губернатора Кречетникова отряд этот должен был занять Красный и Черный Яры и охватить непрерывными разъездами всю степь до Элтонского озера и Гурьева городка^[875], и, наконец, 6 сентября, как мы видели, переправился через ту же реку прибывший к отряду графа Меллина генерал-поручик Суворов. Он приказал князю Багратиону с его отрядом подойти к Царицыну, расположить свои посты между Камышином (Дмитриевском) и Черным Яром, а семь гусарских эскадронов поставить около Голубинской станицы для охранения переправ через Волгу^[876].

«Обнимайте бдением вашим, – писал ему Суворов, – Кубань, Дон и калмыков, воображая себе побег Пугачева, могущий быть и к Тамани».

Предположения, что Пугачев будет стараться теперь пробраться на Кубань и поднять там казачье и горское население, заставило генерал-майора П.С. Потемкина отправить к кабардинцам премьер-майора Горича с воззванием и приглашением поймать самозванца.

«Уповая на верность вашу, – писал П.С. Потемкин кабардинским владельцам^[877], – поелику предки ваши всегда верными пребывали российскому императорскому двору и ваше сиятельство сохранили верноподданническую должность к службе всемилостивейшей государыни, отправляю я сей лист к вам, чтобы вы посланному от меня г. Горичу, служащему императрице и самодержице всероссийской в победоносной армии премьер-майором, чинили всякое вспоможение против бунтующего донского казака Емельяна Пугачева, принявшего дерзостно звание покойного государя Петра III.

Я обещаю по данной мне власти от ее императорского величества каждому, кто сего злодея и бунтовщика поймает и приведет живого, дать награждение 30 тысяч руб., не мешкая ни минуты; кто его убьет и привезет тело его – дать 5 тысяч руб. Всем же тем, кто пребудет в верности князьям кабардинским и черкесам, – медали и грамоты, для вечной им чести».

Горич не доехал до Кабарды; он возвратился с дороги в Казань, лишь только узнал, что самозванец находится в руках правительства^[878].

Разбитый под Сальниковым заводом, Пугачев бежал с толпой не более 400 человек по направлению к Черному Яру^[879]. Опасаясь, чтобы Михельсон не настиг бегущих, яицкие казаки бросали изредка по дороге платье и деньги, надеясь, что регулярные команды, увлекшись добычей, не будут так быстро преследовать.

Верстах в 17 от Черного Яра самозванец остановился и призвал к себе сотника астраханского казачьего войска Василия Горского.

– Вот, друг мой, – говорил ему Пугачев, – мы все растерялись, хлеба у нас нет, как нам быть?

Горский молчал, не зная, что отвечать.

– Много ли у нас осталось, – продолжал самозванец, обращаясь к яицким казакам, – есть ли человек тысяча?

– Нет, батюшка, – отвечали они, – много до тысячи недостает.

– Можно ли нам отсюда пройти в Моздок? – спросил Пугачев Горского.

– Я в Моздоке не бывал и не знаю, – отвечал тот.

– Что нам, батюшка, в Моздоке делать, – говорили яицкие казаки, – лучше перейдем через Волгу на Ахтубу-реку, к Селитренному городку. Тут достанем себе хлеба и пойдем чернями [морской берег] близ моря по ватагам к Яику реке. Хлеба по ватагам мы сыщем довольно.

– А есть ли по ватагам кони? – спрашивал Пугачев.

– По ватагам коней много и скота довольно.

– Ну хорошо, пойдем туда. Пришедши на Яик, мы пойдем на трухменский кряж, там у меня есть знакомые владельцы или старшины трухменские. Через их землю, хотя трудно, но пройдем в Персию, там у меня есть ханы знакомые, и хотя они разорены, однако же мне помогут^[880].

Поворотив к Волге, остатки самозванцевой толпы успели захватить на берегу несколько лодок, «а в то же время увидели вдали рыболовов, плавающих по Волге для своего промысла, которых заворотя взяли и их лодки». Кто успел достать себе место, тот в лодке, а остальные вплавь переправились через реку, но попали не на луговой берег, а на остров, разделявший течение Волги надвое.

В виду предстоявшей новой переправы беглецы остановились, чтобы дать отдохнуть усталым лошадям,

а между тем авангард преследующих войск появился уже на нагорном берегу Волги. Хотя на этом берегу и не было ни одного судна, но Пугачев, опасаясь, что преследующие отряды могут переправиться где-нибудь выше или ниже и отрезать ему путь отступления, тотчас сел в лодку и с небольшим числом приближенных переправился на луговую сторону. Остальные последовали за ним и успели переправиться вплавь, при помощи небольших плотов, ими устроенных. На острове было много наносных площадных дров и сухого тальнику. «Мы, собрав их, – показывал Иван Творогов^[881], – наделали маленьких и легеньких плотов, по-нашему *салы* называемых, связывая их веревкой». Раздевшись, казаки положили на плоты свое платье и седла и, привязав к хвосту каждой лошади по одному плоту, а сами, держась за гриву, переправились таким образом на берег. Верстах в трех от него они нагнали самозванца и остановились на ночлег. Их было очень немного: Афанасий Перфильев и человек 40 казаков остались на острове за невозможностью переправиться по усталости лошадей. Там же остался и обер-секретарь его, Дубровский, он же и Трофимов^[882].

Пугачев упал духом, сожалел о потере близких, а окружавшие его казаки видели ясно, что в будущем невозможно им ожидать ничего хорошего. Припоминая свой разговор с Дубровским, председатель пугачевской коллегии Иван Творогов постепенно приходил к убеждению, что Пугачев самозванец, и под тяжестью гнетущих событий решил высказать свой взгляд товарищам. Тут были хорунжий Иван Федульев, казаки Чумаков, Тимофей Железнов, Дмитрий Арыков и Иван Бурнов.

– Что теперь нам делать? – спрашивал Творогов своих товарищей. – Какому государю мы служим: он грамоте не знает.

Я подлинно вас уверяю, что, когда по приказанию его был написан к казакам именной указ, то он его не подписал, а велел подписать его именем секретарю Дубровскому. Если бы он был государь, то указ подписал бы сам. Донские казаки называют его Емельяном Ивановым, и когда пришли было к нему и на него пристально смотрели, то он рожу свою от них отворачивал. Так что же теперь нам делать? Согласны ли вы будете, чтобы его связать?

– Согласны, – отвечал Чумаков, – только надобно уговориться с другими казаками. Мы сами теперь видим, что он не государь, а донской казак.

Совещавшиеся дали слово уговорить к тому каждый своего приятеля и после снестись между собой, кто какого будет мнения.

В ту же ночь Пугачев собрал к себе на совещание всех наличных яицких казаков.

– Как вы, детушки, думаете, куда нам теперь идти? – спрашивал самозванец.

– Мы и сами не знаем, – отвечали уклончиво казаки. – А ваше величество куда изволите думать?

– Я думаю, идти вниз по Волге и, собрав на ватагах хлеба, пробраться к запорожским казакам. Там близко есть у меня знакомых два князька, у одного наберется тысяч с семнадцать, а у другого тысяч с десять, они за меня верно вступятся.

Хотя большинство присутствовавших на совещании и не знало, где живут запорожцы, но знали, что далеко где-то, в другой стороне. Скитальческая жизнь им надоела, и они отказывались следовать за своим предводителем.

– Нет, – отвечали казаки, – воля ваша, хоть головы рубите, а мы не пойдем в чужую землю, что нам там делать?

– Ну а куда же вы думаете? – спрашивал Пугачев. – Ну пойдем в Сибирь, а не то в калмыцкую орду.

– Нет, батюшка, мы и туда не ходоки с вами; куда нам в такую даль забиваться, у нас здесь отцы, матери и жены – зачем идти в чужую землю?

Пугачев выказывал неудовольствие.

– Ну так куда же вы посоветуете? – сказал он с сердцем.

– Пойдем вверх по Волге, – говорили Творогов и Чумаков, – и будем пробираться к Узеням, а там уже придумаем, что делать.

– Но там трудно будет достать хлеба, – возражал самозванец, – и есть опасность от воинских команд.

Казачи настаивали на своем, и Пугачев принужден был согласиться. На следующее утро толпа двинулась вверх по Волге, и шли степью целые сутки без воды, да и хлеба почти ни у кого не было; стали томиться.

– Куда вы меня ведете? – спрашивал Пугачев Творогова и Чумакова. – Люди и лошади помрут без воды и хлеба.

– Мы идем на Узени, – отвечали ему.

– Я степью идти не хочу, пойдем к Волге; пусть там меня поймут, да все-таки достанемся в руки человеческие, а в степи помрем как собаки.

Казачи повернули к Волге, причем многие татары, башкиры и разночинцы отстали и пошли степью.

Во время пути Творогов и Чумаков с компанией делали свое дело и, стараясь представить безвыходность своего положения, уговаривали казаков выдать самозванца и тем заслужить прощение. Переговоры эти не могли окончиться скоро: в толпе было до 160 человек, из коих многие верили, что Пугачев истинный государь, и были ему преданы. Чтобы иметь успех, надо было склонить на свою сторону большую часть казаков и постараться удалить всех тех, на содействие которых нельзя было рассчитывать. Пользуясь тем, что при непрерывности движения у многих казаков лошади так пристали, что они

принуждены были их бросить, а другие ехали на лошадях едва двигавшихся. Творогов и Чумаков просили Пугачева, чтобы он разрешил казакам отобрать лошадей у разночинцев, которых и распустить по домам. Пугачев долго не соглашался на это, но, будучи убеждаем казаками, сказал с сердцем: «Ну, как хотите». Лошади были отобраны у разночинцев, вредный элемент малопомалу удален, и толпа повернула на Элтонское озеро. Пугачев все время ехал молча, смотрел уныло, а его спутники терпели нужду и голод. Положение их было тяжелое: в течение нескольких дней они скитались без всяких запасов продовольствия среди степи, в суровое время. Выпавший снег и сильные ветры усиливали лишения, и пребывание в степи становилось невыносимым.

Кое-как добрались до Узеней. «Сие место такого положения, – писал Маврин^[883], – кое всю мятежническую тварь в себя вжирает, а потом уже отрывает пагубнейшими извергами естества человеческого».

Остановившись на Узенях на ночлег, многие казаки отправились на охоту, чтобы достать себе хоть какое-нибудь пропитание. Наутро двое охотников, Иван Бакалкин и Яков Лепехин, возвратившись в стан, заявили, что недалеко от лагеря они нашли в землянках двух старцев-отшельников.

– Нет ли у стариков чего поесть? – спросил Пугачев.

– Есть, – отвечали приехавшие, – мы видели у них дыни и букву^[884].

Самозванец пригласил нескольких человек отправиться с ним к старцам, «то мы, – говорил Творогов, – почитая сие место за удобнеее к произведению нашего намерения, с радостью согласились с ним туда ехать. Пугачев приказал оседлать себе лошадь, но похуже.

– Что вы такую худую лошадь под себя берете, – говорил Творогов, – не равно, как что случится, так было бы на чем бежать.

– Я берегу хорошую впредь для себя, – отвечал Пугачев.

«Итак, собравшись человек с 20 надежных друг другу людей, поехали, – говорил Творогов, – вооружась каждый шашками, копьями и винтовками и предприняв совершенно исполнить там свое намерение, поелику злодей сел на посредственную лошадь, которая не подавала нам сомнение, чтобы мог он от нас на ней уйти».

Землянки старцев находились на противоположном берегу речки, в камышах. Сойдя с лошади, Пугачев закричал, чтобы подали ему будару, и переехал, оставив лошадей на этом берегу. Он потребовал дыни и буквы, но как их оказалось мало и многим спутникам самозванца не хватило, то казаки просили позволения сорвать самим с гряд, находившихся не в дальнем расстоянии от землянок. Старцы охотно согласились и сами пошли с казаками. У землянок остались Пугачев, Чумаков, Творогов, Федульев, Бурнов и Железнов.

– Что, ваше величество, – начал Чумаков, – куда ты думаешь теперь идти?

– О чем ты спрашиваешь, – отвечал Пугачев, – ведь у нас выдуманно, куда ехать: на форпосты. Забрав с них людей, пойду к Гурьеву городку; тут мы перезимуем, а как лед вскрыется, то, севши на суда, поедем за Каспийское море и там поднимем орды.

– Нет, батюшка, – говорили казаки, – воля твоя, а мы не хотим теперь воевать; пойдем лучше в наш городок.

– Я в Яицкий городок не поеду, – говорил Пугачев, – ежели и вы на Яик поедете, так сами пропадете и меня погубите, а не лучше ли ехать назад и пробираться в Москву?

– Нет, государь, – слышались голоса, – воля твоя, а тому не бывать.

– Полно, не лучше ли, детушки, оставить поездку в городок?

– Нет, нельзя, – отвечали ему голоса, – нам некуда теперь больше ехать.

Видя настойчивость казаков и вольность, с которой они теперь говорили, Пугачев понял, в чем дело. То краснея, то бледнея в лице, он старался отговорить их от поездки в Яик, но в конце концов принужден был согласиться.

– Ну, воля ваша, – проговорил он, – поедем. Коли нас там примут, то останемся, а коли не примут, так пойдем мимо.

– Как не принять, примут, – заметил Чумаков и советовал самозванцу возвратиться скорее в стан.

«Мы дрожмя дрожали, – говорил Творогов, – и желали поскорее переманить его на ту сторону, где лошади наши были, боясь, чтобы как не ушел от нас тут, чего ради и представили ему, что время уже ехать». Пугачев с Чумаковым и несколькими казаками сел в будару и переправился через реку; за ними, в той же бударе, переправились Творогов, Федульев, Бурнов и остальные казаки. Когда последние вышли на берег, то Чумаков держал лошадей: свою и самозванца, а Пугачев собирался садиться. Момент был самый удобный, и много государя окружали только люди, преданные друг другу и заранее согласившиеся.

– Иван! – крикнул Федульев казаку Бурнову. – Что задумали, то затевай: сними с него саблю!

Стоявший возле Пугачева Бурнов схватил его за руки выше локтей. Самозванец побледнел.

– Что это... что вы выдумали... – говорил он робким и прерывающимся голосом, – на кого вы руки поднимаете...

– А вот что, – кричали казаки, – ты отдай нам свою шашку, ножик и патронницу! Мы не хотим тебе больше служить и не хотим больше злодействовать, довольно и так за тебя прогневали Бога и матушку милостивую государыню; много пролили мы крови человеческой и лишились сами отцов, матерей, роду и племени.

– Ай, ребята, что это вы вздумали надо мной злодействовать, – говорил Пугачев, смотря на казаков, – ведь вы только меня погубите, а и сами не воскреснете. Полно, не можно ли, детушки, это отменить; напрасно вы меня губите.

– Нет, нет, – кричали казаки, – не хотим более проливать крови; мы повезем тебя прямо в городок [Яицкий]: если ты подлинный государь, то тебе нечего бояться, ты там себя и нас оправишь [оправдаешь]. А что до нас касается – то воля матушки нашей всемилостивейшей государыни, что изволит, то и сделает с нами. Хотя всем нам головы перерубят, только мы тебя не упустим, полно уже тебе разорять Россию и проливать безвинную кровь.

Казаки требовали, чтобы Пугачев добровольно отдал свое оружие Бурнову.

– Мне бесчестно отдать это тебе, – сказал самозванец, смотря на Бурнова, державшего его за руки, – а отдам я своему полковнику Федульеву.

Последний принял шашку, большой нож и патронницу. Пугачева посадили на лошадь; ближайший из казаков держал ее повод, а остальные, окружив его со всех сторон, направились к переправе через Узень на яицкую сторону.

Видевший всю эту сцену один из старцев одобрил решение казаков.

– Вы не должны отчаиваться, – говорил он, – в высочайшей императорского величества милости, в рассуждении многих ее образцов, последовавших с преступниками. Вы старайтесь как можно довести

злодея в сохранности и не упустите. Я слышал, что в городок к нам приехал какой-то милостивый судья, капитан или майор. Он выпустил из тюрьмы всех колодников, а вдовам и сиротам выдает на пропитание хлеб.

Это известие очень обрадовало казаков и было вполне справедливо. Старец говорил о поступках одного из членов секретной комиссии, капитан-поручика Саввы Маврина.

Сначала болезнь, а потом кончина казанского губернатора Я.Л. фон Брандта заставили генерал-майора Павла Потемкина оставаться в Казани и временно вступить в управление губернией. В Казань возвращались поодиночке обыватели города, захваченные силой мятежниками и успевшие уйти из их толпы. Сюда же бежали из соседних деревень помещики, духовенство и управляющие, спасавшиеся от шаек мятежников и поднявшегося крестьянского населения. Прибывавшему населению необходим был приют и помещение. Потемкин раздавал безденежно казенный лес на постройку домов и для уменьшения притока пришлого населения принимал все меры к тому, чтобы прекратить беспорядки и восстановить спокойствие в губернии. По данной «власти от ее императорского величества укрощать бунт», П.С. Потемкин просил воевод собрать команды и преследовать возмущившихся. Он уполномочил их сечь кнутом начальников шаек, а десятого человека из шайки сечь плетью нещадно. «А ежели которые, – прибавлял Потемкин^[885], – заслуживают смерть, о таковых мнение ваше представить, и тогда о казни будут присылаться к вам указы».

При поголовном восстании воеводам невозможно было собрать отряды, и Потемкину пришлось самому отправлять их из Казани по разным направлениям. Команды эти ловили мятежников, присылали их в

секретную комиссию, и число преступников, подлежащих суду, ежедневно и быстро увеличивалось. С другой стороны, начальники преследующих отрядов, захватывая мятежников, отправляли их в ближайшие города, преимущественно в Оренбург и Яицкий городок (Уральск). В этих двух пунктах накопилось столько колодников, что для содержания их не доставало помещения и деятельность секретной комиссии должна была разбиться на несколько отдельных частей. Имея поручение императрицы главнейшим образом исследовать причины бунта и недовольствия яицких казаков и не имея возможности оставить Казань, генерал-майор П.С. Потемкин отправил в Яицкий городок капитан-поручика Савву Маврина, с поручением приступить как можно скорее к производству следствия «и постараться открыть начальные причины родившегося бунта на Яике»^[886].

Сознавая ясно, что главнейшими руководителями мятежа были и есть яицкие казаки, П.С. Потемкин находил полезным применить не те меры строгости, которые применял он в Казанской губернии, а стараться подействовать на казачье население кротостью, обещанием прощения и милостей императрицы всем верным и раскаявшимся.

В тот же самый день, когда Потемкин предписывал воеводам сечь виновных кнутом и плетью, он писал Маврину: «Делайте возможное попечение, чтобы посеять в яицких казаках истинное повиновение; уверьте их, что я имею власть поправить все их беспорядки, а особливо в том [уверьте], что они, принеся истинное раскаяние государыне императрице, будут наслаждаться тишиной и спокойствием; а ежели недовольствия которые имеют, те могут адресоваться ко мне».

Через два дня, 31 июля, П.С. Потемкин писал капитан-поручику Маврину:

«Я откровенно вам скажу, что, зная образ мыслей государыни, уверен, что ей благоугодно снисхождение и кротость, а не строгое наказание. Да признаюсь вам и в том, что неохотно соглашаюсь людей казнить. Жизнь такой дар божественный, который отнять легко, но возвратить не в наших силах. Число яицких казаков [арестованных] у вас весьма довольно, они все почти равную заслуживают смерть, но можно ли столь много казнить вдруг? И потому препоручаю вам до отъезда вашего на Яик^[887], поговорите с пленными казаками, и если истинное раскаяние они восчувствуют, обещайте им пощаду».

Руководимый убеждением, что даже злодеи, имеющие «окаменелые сердца и привычку к злобе, скорее от кротости могут убеждены быть, нежели от жестокости», С. Маврин явился в Яицком городке не грозой, а умиротворителем. Повидавшись с полковником Симановым, он вместе с ним собрал *«казачий круг»*, в котором прочитал воззвание П.С. Потемкина, обращенное к казакам.

«Объявляю чрез сие, – сказано было в этом воззвании, – что ее императорское величество сострадает духом, видев продолжающееся возмущение в части Оренбургской и Казанской губернии от уловленных хищными прельщениями слабомысленных людей, известным уже каждому изменником и явным злодеем Пугачевым. Не смотря, что уже опубликованными пред сими манифестами ясно изобличено враждебное его намерение и доказаны дела и гнусное Пугачева звание его, что после многих поражений храбрыми и верными войсками ее величества всех сонмищ, прилепившихся к злодею, имел случай народ ясно познать лукавую лесть сего злодея и обман. Но как всякое поражение сообщников его долженствует проливать кровь Российской державе принадлежащих, то ее императорское величество, яко истинная мать

народа, вверенного ей от всемогущего Бога и по природному своему великодушию, не может не содрогаясь находить себя принужденной обращать меч на казнь собственных своих подданных. Того для ее императорское величество вознамерилась еще милосердное сделать им увещевание, к призыванию каждого заблуждающегося на раскаяние, и высочайше благоволила определить меня к сему делу, с полной доверенностью повелев мне исследовать и изыскать точные причины родившегося толикого зла в несчастном крае славной ее величества империи, стараться искоренить и пресечь как самое сие зло, так источники, могущие угнетать или оскорблять народ, ежели они случиться могли б, привести в повиновение возмущившихся, приводящих весь народ на край гибели, и восстановить тишину и благоденствие.

Исполняя изволение всемилостивейшей государыни, принимая на себя толь важное дело, по ревностному моему желанию служить от всего сердца отечеству, заклинался я пред всемогущим Богом иметь предметом себе единую святую истину и не только во зло не употреблять данную мне власть на казнь людей, но сохранять всю кротость и отвлечь все источники всякого заблуждения. Того для сим даю знать народу, призывая всех смутившихся к скорейшему обращению на путь истины и к должному повиновению священной ее величества особе, яко единой истинной нашей императрице.

О, россияне несчастного сего края, откройте завесу, ослепляющую очи ваши; уже вы видите, что злейший сей изменник Пугачев дерзостно принял имя покойного государя Петра Третьего на единственную вашу пагубу; злодейское его намерение каждый день сугубо открывается; производимые мучительства доказывают вам адскую злость и зверскую его душу; воззрите на все варварские его дела, на все его мучительства над

несчастливыми людьми; воззрите на кровь, проливаемую реками варварской его рукой, и злых его сообщников; кровь сия есть кровь отцов, братьев и детей ваших: она вопиет на небеса об отмщении сему изменнику, погубившему их. Видите вы ясно, что сей изверг природы и самое исчадие страшного ада терзает и губит весь народ, не щадя никого и не смотря ни возраста, ни пола. Не мучатся ли от ужаса сердца ваши, видя трепещущие члены терзаемых младенцев пред глазами вашими кровожаждущей его рукой? Не приводят ли в отвращение, видев жалостное позорище, когда разбойник сей повсюду отъемлет ваше имение, предаёт огню ваши дома, берет насущный хлеб от вас, опустошает землю и влечет вас к совершенной гибели? Обратитесь с верностью и чистосердечным раскаянием к истинной государыне нашей и пресветлейшему наследнику ее, государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, которого сердце возмущением вашим против государыни и матери его оскорблено. Помыслите здраво, подымите руки ваши на самого злодея, свергните иго с себя Пугачева и общего врага отечества, и память его погибнет. Помыслите, что щедрая ваша монархия, видя принужденной себя поражать преступников, не вовсе попускает меч на казнь их, для того, что они ее подданные, для того, что она ожидает признания их и готова даровать пощаду, яко прямая помазанница Божия, имея дарованный дух ее от Бога кроткий и милосердный. Опамятуйтесь, еще я увещаю вас, принесите чистые души и сердца ваши с повиновением, и истребится воспоминание о преступлениях ваших.

Я надежно обещаю ходатайствовать о пощаде вас пред священным ее величества престолом. Еще малое время дается вам на обращение ваше; долготерпение и милость ее величества зовет вас под кров свой, еще вы можете наслаждаться впредь посреди семейств своих

благословенным спокойствием. Я, ограждаясь истиной, потщуся, исполняя высочайшую волю всемилостивейшей государыни нашей, утверждать спокойствие в вас и тишину, обещаю предстательствовать за обидимого и притесненного, и благоденствие ваше обновится. Но если сие последнее объявление не приведет в раскаяние окаменелые в злости сердца, тогда над таковыми изольется уже весь праведный гнев монархини и оружие ее величества умножится на истребление и казнь всех преступников.

Боже! Удержи мщение свое от прегрешивших пред тобой, от преступников пред помазанницей твоей, великой государыней нашей императрицей Екатериной Алексеевной, благоугождающей Тебе правостью и милосердием, обрати развращенные сердца к истине, яви благость Твою над ними и благослови старание мое, и исполнение сего дела приму я первым счастьем жизни и в службе монархини нашей».

Объявление это произвело видимое впечатление на казаков. Мятеж и беспорядки им надоели: многие жители не имели дневного пропитания и пристанища, другие лишились отцов, мужей и братьев; дома были разрушены, и часть города обращена в пепел. С. Маврин обласкал население и пошел на помощь разоренному их состоянию. Он освободил из заключения менее виновных и возвратил их в семейства, Казаки высоко ценили поступки прибывшего к ним капитан-поручика. В это время получено было в Яицком городке новое воззвание П.С. Потемкина, разославшего его по разным местам волнующегося края.

«Я нижеподписавшийся, – писал Потемкин^[888], – войск ее императорского величества самодержицы всероссийской генерал-майор, двора ее величества камер-юнкер и кавалер, уполномоченный в секретных комиссиях, учрежденных по высочайшему ее величества изволению. Объявляю всем и каждому прилепившимся к

государственному злодею и бунтовщику, варвару и кровопийцу Емельке Пугачеву и всем поползнувшем на его обольщение, что уже наступает время, в которое никакая милость, никакая щедрота ее императорского величества царствующей над нами императрицы снисходить далее на незаконный народ не может. Чего ради предваряю всех сообщников изверга и злодея Пугачева, с должным увещанием, да вникнет каждый прилепившийся и колеблющийся рассуждением, коль важное, коль ужасное соделывает сим беззаконие пред всемогущим Богом, делавшись послушником Его святому закону; сколь великое и непростительное делает оскорбление помазаннице Божией великой государыне, учинившись сообщником изменнику и бунтовщику, коль страшное и коль лютое сим сообщничеством делает прегрешение пред всеми ближними, учиня единоверцам, единой державы подданным насилие и убийство, разоряя их дома, расхищая имение.

Пускай каждый помыслит в совести своей, яко истинный христианин, и вспомянет страшный суд Божий, праведный гнев монархини и вопль вдовиц и сирот, которых муж или отец по хищности злодеев убиты, имение разграблено, дома опустошены, не вопиют ли они на небеса: Боже, отмсти злодеям и сопричастникам Твоего и человечества врага Емельки Пугачева кровь нашу!

О, народ российский православной державы, опамятуйся, помысли в душе своей, какое страшное зло производится ныне! Воззри, какое происходит убийство и кровопролитие посреди градов и сел нашего возлюбленного отечества от внутренних злодеев. Отец, не внемля ни жалости, ни долгу крови, подымлет руки свои на убийство сына, и сын на отца; брат брата без сожаления поражает, кровь течет реками, истина страждет, и злость торжествует.

Боже всемогущий, доколе попустишь Ты сердца народа своего на таковое беззаконие, доколе будут тонуть души их во мраке злобы и страшного греха!

О, россияне! Почувствуйте в душе своей, до чего вы дошли! Воспомяните прошедшее блаженство дней своих. Через 12 лет благословенного царствования великой государыни нашей, смущалась ли когда притеснением хотя единая душа. Приняв престол и скипетр из рук самого всемогущего Бога, окончила она войну, для блаженства своих подданных; презирая покой свой, ежечасно пеклась о благосостоянии народа своего. Видя недостаток законов, положила в сердце своем для искоренения всякие неправды сделать новое уложение, призвала избранных от вас на объяснение каждого надобности. О, сколь свято намерение сие!

Враг веры и закона возмутил и воспрепятствовал совершению оною. Султан турецкий объявил войну, и держава Оттоманской империи, которая казалась столь страшна для всего света, великими предприятиями премудрой нашей государыни побеждена, храброе воинство разрушает повсюду ополчение турок и доводит их до изнеможения, и Порты Оттоманская из милосердия просит мира, уступает России земли свои и дает еще за убыток деньги. Какое утешение монархини, какая слава для воинства Российского, какое благословенное время для России!

Но все сие опровергается внутренним замешательством. О, россияне! Тем ли вы платите великой государыне своей за все ее милости для народа, за все ее труды, за все беспокойство, которое она имеет, пещась о славе и пользе вашей. Где делась клятва и присяга ваша, чтоб проливать кровь свою за право нашей великой монархини; вы забываете все ее щедроты, все одолжения ее; нарушаете веру и присягу свою, делаетесь изменниками и нарушителями общего блаженства, но для кого и от кого все сие зло

проистекает? Беглый донской казак Емельян Иванов Пугачев, *сеченный кнутом* (?), скитавшийся между злодеев и разбойников, был пойман и содержан в Казани, оттуда ушел и подговорил подобных себе злодеев из яицких казаков бунтующей стороны, дерзостно принял на себя высокое звание императора Петра Третьего, которого смерти и погребению весь престольный град был свидетелем. Родственники сего злодея Пугачева еще содержатся в Казани; названный от его, злодея, графом, а на самом деле главный его сообщник яицкий казак Зарубин, или Чика, теперь находится скованный в Казани. Вот какой разбойник производит все сие зло под именем покойного государя, обольщая невежество простолюдинов, разрушает всю славу, приобретенную высокими попечениями.

Опамятуйтесь, возгнушайтесь злодеям и придите в раскаяние перед Богом и перед помазанницей Его, великой государыней нашей. Или не видите вы, что сей враг славы, пользы и спокойствия России, сей предатель самого Бога, сей изменник и бунтовщик монархине и отечеству, вашей кровию проливает кровь верных отечеству и презирает общую погибель. Или не видите вы, что он, ругаясь и разоряя храмы Божии, посреди оных, когда их грабит, обольщает легкомыслие и сердца народа: он обещает свободу от рекрут и податей. Трудно ли обещать, когда оно не принадлежит ему; но и свобода сия не может существовать в самом деле. Кто будет ограждать пределы нашего государства, когда не будет воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чем будут содержать солдат, когда не будет подушного сбора? Где бы турки уже были теперь, когда бы в России не было воинов? Престол российский давно бы уже был в руках оных врагов имени христианского.

Но кем он был защищаем? Высокими предприятиями великой монархини, грудью храбрых российских солдат, искусством их предводителей: они, воюя, проливали

свою кровь за веру и за отечество, а жители пребывали безопасны. Сии жители, за которых помирали воины, в смятении и буйстве своем, не только не хотят давать дани для содержания солдат защитников своих, но и ополчаются против их, изменяя отечеству.

Враг общества и бунтовщик Пугачев прельщает вас мнимой вольностью, для того чтобы раздражить буйство, разграбить всех встретившихся с ним и после с сим стяжанием уйти и избавиться от должной по его злодействам казни. Сей враг и злодей Пугачев велит истреблять помещиков, и народ ему повинуется; влекут аки агнцев на заклание несчастных людей, и злодей, не зная ни человеколюбия, ни жалости, утешается зверской своей лютостью, проливая кровь человеческую.

О, ослепленный народ! Доколе не восчувствуете вы лютость варвара Пугачева и ослепление своего; когда может еще проникнуть истина в сердца ваши, тогда легко представите вы сами всю злость и беззаконие свое. Сам Бог сказал: *«несть власть яже не от Бога»*, то как может сей злодей испровергнуть Божию власть. Прилепившиеся к сему злодей, так как он сам, делаются предателями, злодеями, убийцами и предают душу свою дьяволу. Представьте себе, кто будет управлять градами и селами, ежели не будет начальников; кто будет производить суд, удерживать дерзость и неправду, защищать притесненного, если не будет законных властей; кто будет предводительствовать воинством, ежели не будет степени чинов.

Вот ясное изобличение злонамеренного обольщения Емельки Пугачева: прельстясь на его слова, делаетесь вы изменниками и бунтовщиками. Опамятуйтесь! Отрезвитесь от сего мерзкого и гнусного злодея, от сего чудовища, рожденного на погибель человеческую, придите с покаянием в должное повиновение самому Богу, монархине и установленным от них властям.

Сие последнее увещевание вас призывает на путь истины. Покаявшиеся получают пощаду, а отщепившиеся от правды и должности своей постраждут и примут наказание.

Война окончена, воинство со всех сторон стекается, меч подымется на казнь преступников. Но великая и милосердая монархиня, яко истинная мать народа своего, удерживает меч и призывает народ на покаяние.

О, россияне! Ужели вы не послушаете, яко чада России, гласа толь милосердого великой государыни; придите с повиновением и все воспримите помилование. Правительствам приходящих с повиновением приказано прощать и отпускать в дома. Покайтесь; еще вас призывают; не ищите далее гнева Божия и гнева государыни. Покайтесь! За сим увещеванием все не покаявшиеся погибнут, гром оружия грянет; вспомнят злодеи свое согрешение и, хотя раскаются, но будет поздно».

Со слезами слушали казаки это объявление и проклинали самозванца. По словам Маврина, они сознавали теперь, что Пугачев погубил их, отрекались от него и выражали желание не принимать к себе тех сообщников самозванца, которые еще находились в его толпе. В течение нескольких дней более ста человек добровольно явились к Маврину с повинной, и в числе их был казак Яков Почиталин, отец первого секретаря Пугачева, Потемкин приказал Маврину «не делать им ни малейшего оскорбления», дабы тем еще более убедить, что все являющиеся с повинной будут прощены. Вслед за тем, имея в виду, что яицкие казаки жили преимущественно рыбными промыслами, а хлеб покупали в Самаре, путь к которой был не безопасен от киргизов, П.С. Потемкин приказал выдать народу третью часть провианта, находившегося в яицком продовольственном магазине. Третью часть составляли тысяча четвертей муки, а между тем, доносил П.С.

Потемкин^[889], «сия щедрота тронет и самые окаменелые сердца. А как вопль вдов и сирот, оставшихся без пропитания после виновных казаков, взывает о воззрении на жалостное их состояние, я, ведая, сколь неизреченно милосердие вашего императорского величества, дерзаю всеподданнейше донести, не соизволите ли повелеть сделать какое определение о пропитании их, доколе восстановится желаемая тишина».

Раздача муки имела весьма хорошие последствия, и казаки были тронуты до слез вниманием и щедротами императрицы. До капитан-поручика Маврина стали доходить слухи, что большинство яицких казаков, находящихся в толпе самозванца, тяготятся своим положением, раскаиваются, но не решаются явиться с повинной; что многие, покинув толпу мятежников, скрываются по хуторам и, опасаясь за свои поступки казни, не являются. Маврин старался убедить, что все раскаявшиеся будут прощены и разоренным семействам будет выдаваемо вспомоществование. Кроткие меры Маврина и его попечительность об осиротевших семействах стали известны далеко за пределами яицкого войска и достигли до старцев, один из которых и советовал казакам везти Пугачева прямо в Яицкий городок. Некоторые, впрочем, не решались ехать вместе с самозванцем, опасаясь жестокого наказания.

– Не лучше ли, – говорили они, – послать в городок удостовериться, подлинно ли там не жестоко поступают с теми, кто сам является.

– Чего посылать удостоверяться, – отвечали другие, – будет ли милость или нет, а надобно его везти.

Остановившись отдохнуть на реке Узени и видя, что Пугачев не желает слезать с лошади, Творогов просил Федульева приказать нескольким казакам сесть на лошадей и следить за самозванцем. Двое из них,

Железнов и Астраханкин, исполнили приказание и все время оставались на лошадях.

В это время Чумаков отправился в стан к оставшимся казакам и объявил им, что Пугачев арестован.

– Мы государя арестовали, – говорил Чумаков казаку Фофанову, – и хотим везти в Яицкий городок, так ты к нему не приставай.

– Куда другие, туда и я, – отвечал Фофанов, – куда команда пойдет, туда и я с ней.

По возвращении Чумакова с остальными казаками вся толпа стала переправляться через реку Узень ^[890]. Переправившись на противоположный берег, Пугачев подозвал к себе Ивана Творогова. Он просил отъехать с ним в сторону, говоря, что имеет нужду переговорить наедине. Творогов согласился, и они отделились от толпы.

– Иван, что вы делаете, – начал Пугачев, – ведь ты сам знаешь Божие писание: кто на Бога и государя руки подымет, тому не будет прощения ни здесь, ни в будущем веке. Ну что вам за польза: меня потеряете и сами погибнете. Если я жив не буду, то сын мой и наследник Павел Петрович вам за меня отомстит. Полно, подумайте хорошенько, не лучше ли кинуть это дело.

– Нет уж, батюшка, не говори, – отвечал Творогов, – что задумали и положили, то тому так и быть – отменить нельзя.

Путники продолжали ехать молча; в некотором отдалении от них ехали два сторожевых казака: Железнов и Астраханкин. Пугачев оглянулся назад и, видя, что казаки несколько поотстали, ударил по лошади.

– Прощай, Иван, оставайся, – сказал он торопливо и, повернув лошадь в сторону от дороги, думал ускакать в степь.

– Ушел! Ушел! – кричал Творогов и кинулся в погоню.

«А как моя, – говорил Творогов, – резвее его лошади была, то нагнал я его очень скоро и только что хотел было схватить его за ворот, но он имеющейся у него плетью ударил по рылу мою лошадь, которая, будучи чрезвычайно горяча, бросилась в сторону, сажень на десять. Потом, направляя ее опять за ним, я догнал паки, но он то же с моей лошадью сделал; однако ж я и в третий раз близко гнался за ним, а между тем помянутые казаки, скакав чистым местом, взяли у злодея перед; и так напоследок стал он между нами посредине». Видя, что ускользнуть от преследователей невозможно, Пугачев соскочил с лошади с намерением скрыться в камышах; казаки сделали то же и бросились за ним. Настигнутый ими, самозванец ухватился за шашку Железнова и вытащил уже ее до половины, но казак Астраханкин успел схватить его за руки.

Прискакавший казак Федульев помог задержать Пугачева, и ему связали назад руки.

– Как вы смели, – говорил Пугачев как бы с сердцем, – на императора своего руки поднять, за это воздастся вам.

– Нет, брат, теперь больше не обманешь, – отвечали казаки.

Пугачев заплакал и стал божиться, что не уйдет более; он просил развязать ему руки. Казаки исполнили его просьбу, посадили на ту же лошадь и повезли далее. Они отправили нескольких человек по форпостам с известием, что самозванец арестован и, послали с тем же в Яицкий городок трех казаков: Василия Жигалина, Ивана Калмыкова и Ивана Хохлова.

Переночевав на речке Балыклее и отъехав от нее верст пятнадцать, казаки остановились покормить лошадей и расположились группами. Пугачев ходил среди толпы под надзором казаков. Заметив оплошность малолетка Харьки, положившего возле себя шашку и пистолет, самозванец схватил их и, обнажив саблю, с

криком: «Вяжите старшин!» – бросился на Творогова и Чумакова, сидевших с казаками Федульевым, Железновым и Бурцовым. Казаки вскочили на ноги.

– Кого велишь ты вязать? – спрашивал Федульев, идя смело навстречу Пугачеву.

– Тебя, – отвечал самозванец с бранью и направил против него пистолет.

Курок был спущен, но кремь осекся.

– Атаманы, молодцы, – крикнул Федульев, – не выдавайте!

Казаки окружили Пугачева; он отмахивался саблей, но в это время Бурнов ударил его в бок тупым концом копья; самозванец повернулся в сторону удара, а Чумаков сзади схватил его за руки. Пугачев был обезоружен, связан и посажен на телегу, на которой ехали жена его Софья и сын Трофим, горько плакавшие.

Казаки спрашивали злодея, «сам ли он собой сие сделал, или другой кто присоветовал?». На что он сказал, что присоветовал ему казак Маденов, надеясь, что многие за него вступятся. Маденов был избит до полусмерти и брошен в степи, и «никто не знает, жив он или умер».

На пятый день путники остановились между Кожеуховским и Бударинским форпостами и отсюда отправили Творогова и Чумакова вторично с известием, что казаки с арестованным самозванцем приближаются к городку. На форпостах не верили этому и не хотели давать посланным лошадей. С большим затруднением Творогов и Чумаков добрались до Бударинского форпоста, вблизи которого встретили яицкого сотника Харцова, высланного из Яицкого городка с 50 человеками казаков для разъездов. Они объявили ему, «что едут от своего государя, т. е. от известного злодея самозванца Пугачева в Яицкий городок с раскаянием, да и злодейский самозванец у них пойман и ведется, чтоб

его в городе встретили с честью и отвели бы квартиру» (?)^[891].

Обезоружив Творогова и Чумакова, сотник Харчов отобрал у них деньги и в сопровождении казака Горбушина отправил в Яицкий городок, а сам направился к Бударинскому форпосту.

14 сентября Творогов и Чумаков явились к старшине Окутину и им были представлены капитану Маврину. Последний принял их ласково, расспросил о подробностях ареста и затем оставил Творогова у себя, а Чумакова отправил с командой навстречу^[892].

Между тем Пугачев, оставленный на руках Федульева, думал воспользоваться отъездом Творогова и Чумакова и обратился в последний раз с просьбой не выдавать его.

– Что вы выдумали себя и меня губить, – говорил он, – ведь вас не пощадят. Если вы меня и выдадите, вас все-таки всех перевешают. Бог вам воздаст за то, что вы вздумали меня погубить.

– Что бы ни было, – отвечали казаки, – а повезем; что ни говори, а тебя не отпустим.

Переночевавши на Бударинском форпосте, том самом, с которого началась открытая деятельность Пугачева, казаки повезли его далее и, отъехав версты три, встретили при урочище Коловратной лошине сотника Харчова с командой. Последний обнадежил казаков прощением, и обрадовавшиеся этому известию сообщники самозванца, доехав до Кош Яицкого форпоста, передали Пугачева в руки сотника Харчова^[893]. Мнимый государь был тотчас же «забит в превеликую колодку». Вслед за тем прибыла команда из Яицкого городка, и Харчов передал Пугачева сержанту 6-й легкой полевой команды Алексею Бардовскому, который под конвоем в полночь с 14 на 15 сентября доставил его в Яицкий городок^[894] к капитану Маврину.

– Что ты за человек? – спросил его Маврин.

– Донской казак Емельян Иванов, сын Пугачев, – отвечал спрошенный. – Согрешил я, окаянный, перед Богом и перед ее императорским величеством и заслужил все те муки, какие на меня возложены будут, – снесу я их за мое погрешение терпеливо.

Как утопающий хватается за соломинку, так и Пугачев после своей деятельности надеялся на милосердие императрицы, говоря, «что он слуга добрый и заслужить всячески в состоянии»^[895].

Капитал Маврин приказал заковать Пугачева в ручные и ножные кандалы, а выдавших его казаков отпустил на поруки. У самозванца было найдено 139 червонцев, 480 руб. серебром, медаль на погребение императора Петра III и турецкая серебряная монета.

Накануне доставления Пугачева в Яицкий городок был привезен туда же и ближайший пособник его, казак Афанасий Перфильев, с 37 человеками казаков, пойманный Рычковым на реке Деркуле, при Камышлацких вершинах. После небольшой ружейной перестрелки казаки сдались^[896].

Переночевав на острове, Перфильев и бывшие с ним казаки на следующее утро переправились вплавь через Волгу и поехали отыскивать самозванца. Не зная, в какую сторону направился Пугачев, казаки не могли найти его, а между тем голод и лишения приводили их в отчаяние. Проскитавшись несколько дней по степи, они решились идти в Яицкий городок, но Перфильев уговаривал их не делать этого.

– Лучше теперь нам самим зарыться в землю, – говорил он, – нежели ехать в городок на смерть. Без сомнения, из нас иных казнят, а иных раскассируют в солдаты.

– Нам теперь деваться некуда, – отвечали казаки, – лучше пойдем в городок, а там что Бог даст.

Видя упорство товарищей, Перфильев поехал вместе с ними^[897].

Таким образом, почти одновременно все главнейшие деятели мятежа были в руках правительства. Весть о том, что Пугачев пойман, быстро распространилась по всему Поволжью и произвела громадное впечатление. На другой день известие о происшествиях в Яицком городке достигло и до Оренбурга.

«За уведомление твое о поимке Пугачева благодарю тебя всепокорно, – писал Александр Лунин Савве Маврину^[898]. – Первый твой курьер Окутин приехал сюда 15-го числа в 10 часов вечера; другой, сержант, 17-го числа пополудни в пятом часу, и оба без наималейшего задержания отправлены далее. Сколь вести сии были милы, какое произвели они восхищение во мне и восторг всеобщий, я описать не могу. Первый приехал в то самое время, как у хозяина моего, который за сутки приехал только прежде, было людей [гостей] премножество. Представь же, какой приятной тревогой ты их беседу поколебал. Окутина поцеловав, разбил себе губу в кровь; пришед к ним как иступивший из себя [исступленный], объявил с криком, подобным бешеному, что изверг пойман и я имею от тебя письмо. Каждый не знал, что делать: целоваться ли, прыгать ли или читать твое письмо. Наконец все сие сделали, и письмо твое каждый читал и целовал. Потом, как сила первого воспламенения миновалась, зачал действовать мучительный страх, чтобы благополучие сие еще не переменилось, ибо он в твоих руках еще не был, а был в 50 верстах: ну, иногда легкомысленность, страх и отчаяние в помиловании попустившихся на сие добро не отвратили бы их от оногo. В таком беспокойстве были мы до самого получения твоего письма через сержанта. Тут, с самой оной минуты, по сие время, душа моя, все утонем в радости неизреченной. Поздравляю тебя, любезный братец, с оным; важность оногo благополучия нам с тобой знакома. Прибавить к оному можно еще и то, что труд наш, приложенный в открытии его истории,

есть не тщетный и теперь изыскания наши, можно уже утвердительно сказать, что справедливы и достойны отнести нам в честь. Но все сие ничего для радости: довольно того, что злодей в оковах и что тем спасутся невинные от несносного его угнетения. Боже, благослови, чтобы с поимкой везде и вдруг исчезло то зло, которым столь много уязвлено любезное наше отечество и чтоб на веки веков восстала неразрушимая тишина и спокойствие».

16 сентября, почти одновременно, прибыли в Яицкий городок генералы Суворов и князь Голицын, желавшие лично убедиться, что Пугачев пойман. Событие это было настолько выдающимся, что каждый торопился известить своих знакомых или донести своему начальству, стараясь сделать это прежде других. Капитан-поручик С. Маврин и поручик Г.Р. Державин отправили курьеров к П.С. Потемкину, а князь Голицын – главнокомандующему графу П.И. Панину. «Приношу вашему сиятельству, – писал при этом князь П.М. Голицын^[899], – чистосердечное и покорнейшее мое поздравление со столь приятнейшим происшествием, возвращающим нам прежнюю тишину и спокойствие. А между тем за счастье себе поставляю то, что как я первый имел удачу сначала усилившемуся извергу рода человеческого сломить рога сильным его под Татищевой крепостью поражением, так и теперь первый имею честь возвестить вашему сиятельству о конечной его гибели».

Капитан Галахов также послал П.С. Рунича с донесением к графу П.И. Панину и, чтобы выиграть по службе, советовал ему опередить курьера, посланного князем Голицыным, но Руничу сделать это не удалось.

Теперь являлся спорный вопрос, кому владеть Пугачевым: главнокомандующему ли графу П.И. Панину или начальнику секретных комиссий, генерал-майору П.С. Потемкину. Последний требовал, чтоб Пугачев был немедленно доставлен в Казань. «Не выпускай из рук

злодея, – писал Потемкин капитану Маврину^[900], – а я уже постараюсь об остальном, лишь только доставите его в Казань».

«Рапорт ваш, – писал он же капитану С. Маврину^[901], – о поимке злодея Пугачева я сейчас получил. Благоволите одного злодея содержать со всего должной осторожностью, а по прибытии князя Петра Михайловича Голицына истребуйте от него надлежащий конвой для препровождения сего злодея в Казань, дабы доставлен он был безопасным образом. И хотя прислан был от ее императорского величества капитан гвардии Галахов для принятия злодея, по понеже поимка злодея вышла совсем другим образом, нежели как чаяли, то представлено всеподданнейше ее величеству от меня со испрошением на то высочайшего указа, где употребил я смелость изобразить ваши труды.

Препровождать же злодея при детаменте, учинив должное распоряжения о содержании сообщников злодейских, *благоволите вы, яко имеющий большое участие в поимке его*»^[902].

Через два дня Потемкин писал С. Маврину: «Пугачева со всей предосторожностью, наложи на него оковы на руки, на ноги и, сделав клетку, посадите и так привезите в Казань. Содержите гораздо строже злодея Пугачева и с поруганием, дабы бывшие его сообщники, оное видя, казнились более в преступлении своем»^[903].

Граф П. Панин также очень желал иметь Пугачева в своих руках и, лишь только получил известие об его поимке, тотчас же приказал Суворову доставить его в Симбирск. Как старший начальник, Суворов взял Пугачева под свою охрану и исполнил приказание главнокомандующего. «С сожалением усмотрел я, – писал П.С. Потемкин капитану Маврину^[904], – что Пугачев взят из рук ваших. Но так и быть, постарайтесь окончить допросы яицких казаков».

Эта борьба за обладание Пугачевым послужила поводом к недоразумению, а впоследствии и к враждебному отношению между начальником секретных комиссий и главнокомандующим.

Глава 25

Отъезд графа П.И. Панина из Москвы на театр действий. - Положение края, охваченного мятежом. - Объявление графа Панина. - Меры, принятые им для усмирения волнений. - Сортировка преступников на разряды и наказание их. - Пребывание главнокомандующего в Шацке, Керенске, Нижнем Ломове и Пензе.

Выжидая разъяснения обстоятельств и прибытия войск, граф П.И. Панин только 17 августа выехал из Первопрестольной столицы и, предшествуемый войсками, подвигался вперед весьма медленно. Ему предстояло прежде всего истребить ближайшего врага, в лице шаек, наводнивших Нижегородскую и Воронежскую губернии, и только тогда уже направить свой удар против главных скопищ самозванца. Он не имел и не мог иметь никакого влияния на действия передовых отрядов и руководил только теми войсками, которые за несколько недель перед тем были высланы из Москвы. В авангарде этих сил шел отряд Древица, а позади его генерал-майор Чорба с Великолуцким пехотным, Владимирским драгунским и донским Краснощекова полками, при 8 орудиях, не считая полковых. Следом за главнокомандующим князь Волконский отправил 21 августа пять рот Нарвского полка, 64 гусара и 2 орудия и обещал отправить Ладожский пехотный полк, как только он прибудет.

В Москве оставались: Воронежский пехотный, лейб-кирасир-ский, два донских полка и остальные роты Нарвского полка^[905].

Сверх того из десяти пехотных рот, находившихся в Смоленске и Белоруссии, императрица Екатерина

приказала восемь рот отправить в Вязьму, где и поступить им под начальство графа П. Панина^[906]. Последний, все еще желая прикрывать Москву, поехал по рязанской дороге на Шацк, а войска шли на Коломну, Рязань, село Ухолово и Шацк. Чем ближе подвигались они к местам, зараженным бунтом, тем печальнее была обстановка, тем ужаснее казались беспорядки и всеобщее разорение. В Коломне граф Панин узнал о падении Саратова и поголовном почти восстании крестьян против своих помещиков. «Сие пламя, – писал он, – прорывается уже по здешней стороне Волги, не только в одной Нижегородской, но в Воронежской и Московской губерниях; разнесшиеся от него искры в черни, конечно, везде, куда только оные достигнуть могли, совсем готовы воспламениться».

Более всего огорчало главнокомандующего то, что при «похищении» Саратова самозванцем оказалась измена не только казаков, но и от регулярных войск, как гарнизонных, так и полевой артиллерийской команды, «с некоторыми проклятыми их офицерами». Граф Панин выражал сожаление, что регулярные войска обольщаются самозванцем и не различают службы изменникам от службы против законных врагов^[907].

Начальники городов и крепостей терялись и робели при одном слухе о возможном приближении мятежников. Они рассылали повсюду гонцов, молили о помощи и, по словам Панина, желали, чтобы пехота по первому их зову «за 400 верст поспевала к их спасению». Комендант Новохоперской крепости, бригадир Аршеневский, растерялся при одном известии, что партии мятежников пробираются в ближайшие к Волге донские станицы. Аршеневский опасался не устоять против нападения казаков и крестьян, а на его беду, донской полковник Себряков, высланный войском Донским для охранения своих границ, оказался больным и просил позволение Аршеневского, в случае опасности,

скрыться с своим семейством в Новохоперской крепости. Граф Панин стыдил Аршеневского, говоря, что казаки не могут овладеть и редутом, а у него крепость. «Военному человеку, – говорил главнокомандующий, – смерть с обороной вверенного ему поста есть одно только средство к соблюдению своей чести и репутации, не только для одного себя, но и относительно для всех их потомков».

Большинство начальников в то время не думали об этом, и потому шайки мятежных крестьян держали в страхе города. В окрестностях Пензы свирепствовал пугачевский полковник Иван Иванов, крестьянин села Каменки; под Карсунем и вблизи Симбирска бродил крестьянин Фирс Иванов, успешно дравшийся с правительственными войсками. Вышедший на поражение этой толпы симбирский комендант полковник Рычков был разбит 26 августа под Карсунем и сам поплатился жизнью^[908]. Другие меньших размеров шайки бродили по разным направлениям в Нижегородской и Воронежской губерниях, грабили и разоряли дома помещиков.

Дела в Башкирии были также не в блестящем положении, и бездеятельность генерала Деколонга крайне беспокоила главнокомандующего. Он просил императрицу прислать в его распоряжение «надежного генерал-поручика», которому он мог бы поручить командование войсками в Башкирии, и писал князю Голицыну, чтобы тот приказал генерал-майору Фрейману не подчиняться Деколонгу, а исполнять только приказание князя Голицына, под тяжким в противном случае ответом. Императрица не нашла возможным исполнить просьбу главнокомандующего, так как в распоряжение его уже был отправлен генерал-поручик Суворов. Последний явился к графу Панину 24 августа, в селе Ухолове, и прискакал в «одном только кафтане, на открытой почтовой телеге». В тот же день и

точно таким же образом Суворов, по просьбе главнокомандующего, поскакал далее для принятия начальства над самыми передовыми отрядами^[909].

Князь Голицын не был подчинен Суворову, и ему приказано командовать войсками на левом берегу Волги. Главнокомандующий писал ему, что он сам может понять, «сколь увеличился теперь камень на моем сердце и какое стесненное движение в душе моей производит ежеминутное ожидание» известий.

Получавшиеся же ежедневно донесение о буйстве крестьян, убийстве ими помещиков, дворян, бурмистров и о разграблении имений требовали энергических мер для восстановления спокойствия, и граф Панин решился обратиться к населению с следующим объявлением:

«Объявление ее императорского величества, всемилостивейшей государыни, Екатерины Второй, императрицы и самодержицы всероссийской, от генерала и кавалера графа Петра Панина, определенного и уполномоченного от ее императорского величества к пресечению мятежа.

Я, граф Петр Панин, всем жителям порученных мне губерний усердно желаю благоденственного и безмятежного жития, и по данному мне от ее императорского величества полномочию, силе и власти, объявляю тем, до кого сие принадлежать будет.

Всякий истинный христианин, всякий верный раб всемилостивейшей нашей государыни и всякий достойный сын отечества объемлется отвращением и ужасом, взирая на разорение, опустошение и убивство, производимые ныне лютым и богомерзким злодеем и извергом Емельяном Пугачевым и его отчасти простодушными, а отчасти злохитрыми и богопротивными сообщниками.

Но дабы более возгнушался всяк варварскими их делами, представим себе, кто есть сей адский человек, в которого, без сумнения, вселился злой дух, враждующий

роду человеческому, и рассмотрим, каким невероятным коварством обольщает он людей простодушных.

Он есть бежавший из службы донской казак: знают его все донские казаки; многие из храброго войска нашего также его знают, ибо он служил с ними в Польше в начале турецкой войны, ныне прекратившейся; женат он на Дону на казачьей дочери, которая и с прижитыми с ним детьми, равно как и вся семья его, явились в Казань к покойному генералу Бибикову. Прежде нежели предал сей злодей совершенно душу свою диаволу и стал бунтовщиком против Бога и своей монархини, уже всякой из казаков, товарищей его, знал название Емельки Пугачева презрительным и позорным, по гнусному и безбожному его поведению.

Вот кто нарушил тишину народную; вот кто льет реки христианской крови; вот кто дерзает ругаться над матерью нашей святой церковью и терзает ее злодеяниями, несносными слуху верующих во Христа Спасителя. И все сие под таким предлогом производит, которого нелепость и невероятность всякому ощутительна, а именно: он принял на себя имя покойного императора Петра Третьего, который, тому уже двенадцать лет, скончался и при собрании целого города Санкт-Петербурга погребен всенародно в Невском монастыре. Кто не верит тому, что многие тысячи ныне живых людей видели своими глазами, тот должен быть подобен бессловесному животному; а кто, тому веря, утверждает, однако, первых в слепоте их рассудка, тот есть враг истины, враг отечества, возмутитель и достойный сопреступник Емельки Пугачева.

О благочестивые мои сограждане! Доколе видеть нам храмы Божии, где мы святое восприяли крещение, где тела предков наших в Бозе почивают, – доколе сии храмы видеть нам оскверняемыми и превращаемыми в конюшни Емелькой Пугачевым и его нечестивыми

сообщниками; священные сосуды, из коих приобщаются правоверные тела и крови Господа нашего, похищаемые злодеями и употребляемые на беспутное и мерзостное их пьянство; святые иконы, раскалываемые на дрова для приготовления пищи людям богомерзким; священников и церкви служителей, умерщвляемых лютой смертью? Доколе видеть нам смерть православных, смерть ближних наших, поругание жен и девиц и собственное бедствие от руки злодейской? Доколе видеть нам дома наши разоряемые? Словом, доколе влачить жизнь бедственную, мятежную и позорную и быть жертвой такого изверга, каков есть Емелька Пугачев и его злодейские сообщники?

Но уже настал конец долготерпению Всевышнего: святая десница Его подымается на казнь ей противостоящих: уже меч правосудия помазанницы его великой Екатерины, матери отечества, обнажен на преступников, и по заключении ныне славного и полезного с турками мира обе армии входят спешно в пределы отечества и стекаются со всех сторон на погубление бунтовщиков, и я, предводитель христоименитых ее воинов, во имя Господа Отмстителя невинной крови, стремлюсь на истребление злочестивцев, мятежников и богопротивников.

При всем же том, внимая человеколюбию всемилостивейшей нашей государыни, и прежде нежели силой вверенного мне войска истребится память злодеев от лица земли, увещаю здесь в последний раз совратившихся от пути истинного. Раскайтесь, преступники, сопричитесь паки числу православных, внидите в повиновение Господу, монархине и властям, от них поставленным; беспримерное милосердие всемилостивейше! Матерь отечества отверзает вам сии многие пути ко спасению:

1) Находящиеся при нем, злодее Пугачеве, оставив его, да возвращаются с раскаянием к губернаторам и

воеводам провинциальных и уездных городов, откуда они, получив письменные виды о своем прощении, могут идти в свои жилища.

2) Если кому Бог поможет, изловя самого злодея Пугачева, привести к ближнему воинскому или городовому начальнику живого, тому дается от меня в награждение 10 тысяч рублей; и если он не в подушном окладе, то получит при том от ее императорского величества и знатные отличности и выгоды как себе, так и всему своему роду, а если находится в подушном окладе, то как он сам, так и потомки его в роды родов свободны будут от всяких государственных податей, поборов и рекрутского набору. Если же кто может привезти хотя мертвое тело самого злодея Пугачева, тот получит денежное награждение 5 тысяч рублей.

3) Кто приведет живого или привезет мертвого одного, а еще и паче многих из его изменнических старшин или и рядовых бунтовщиков, тому также выдано будет денежное награждение.

4) В тех деревнях, где мятежники, забыв Слово Божие, в святом Евангелии изреченное: «Несть власти, яже не от Бога», подговорив крестьян и прочих людей к возмущению против помещиков, приказчиков и старост, содержат сих в оковах, или уже и отвезли в злодейские толпы, – если кто зачинщиков такого возмущения переловит и представит к военным или городским ближним начальникам, тот, хотя бы сам был прежде участником в мятеже, за сию услугу будет не только прощен, но и получит денежное награждение.

5) Убегающим от него, злодея, к помянутым командирам с известиями о его силе и о намерениях дано будет немалое также награждение, смотря по важности услуги.

6) При таком своем побеге подговорившие с собой многих из его толпы сугубо награждены будут.

7) Холопы и крестьяне, которые ослушались господ своих и которые хотя и держат их доныне у себя под караулом злодейским, ежели освободят их и придут к ближним командирам воинским или гражданским с повинной, получают прощение.

8) Кто таковых убийц или держателей у себя под караулом своих помещиков и других всяких своих начальников, освободив прежде сих несчастных из их рук, приведет к тем же командирам, то потому ж награждены и за верных детей отечества признаны будут.

Если же кто и за сим, самым последним моим увещанием, останется при нем, злодее Пугачеве, и ему в чем бы то ни было будет помогать, или же в селах и жилищах своих продолжать станет беспорядки и мятежи против помещиков, – то уже таковой враг Богу, церкви и государству никаким образом от лютейшей по законам смертной казни не избегнет.

Создатель всего мира Господь, видит сердце мое, да будет посредником между мной и внимающими сему последнему увещанию в том, что я, по данной мне от монархини моей полной мочи, власти, силе и уверенности, все объявляемое мной в народное известие непреложно, ненарушимо и свято сохраню и исполню, то есть пощада, помилование и награждение последуют с отступающими от злодея, и я первый буду ходатаем у монаршего престола о возвращении им прежней императорской милости, яко и ко всем ее верным подданным; но напротив того, неизбежная и лютая казнь не минет никоим образом ослушников сего увещания.

От архипастырей и всех духовных властей испрашиваю, чтоб повелели они священникам во всех епархиях своих сие увещание мое читать в церквях по окончании божественной литургии; а всяким воинским и гражданским командирам, какого бы звания и в каких

местах ни были, предписываю, по данной мне от ее императорского величества власти, сие мое объявление везде по приличным местам прибить на прочтение и услышание всех и каждого».

Население мало или вовсе не обращало внимания на увещание, и до графа Панина дошли слухи, что народ говорит, будто он, как брат воспитателя наследника цесаревича Павла Петровича, едет встречать Пугачева с хлебом-солью.

«Такой дух бунтовщичей касательности, – доносил он^[910], – до непорочной души непреткновенной никогда в совершенной верности к вашему императорскому величеству и владеющим мной государям, принудил вострепетать все жилы во мне, на изъявление тотчас в здешнем краю жестоких казней».

Желая показать, с каким хлебом и солью едет он к Пугачеву, главнокомандующий объявил, что по государственным законам он приказал в городах и селах, всех изменников, убийц и предводителей шаек, «изготовля наперед по христианскому закону, казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колоды у проезжих дорог»^[911].

Всем начальникам отрядов приказано было, придя в селение, принимавшее участие в восстании, требовать выдачи зачинщиков, под угрозой в противном случае повесить каждого третьего из жителей по жеребью. Если бы жители и при этих условиях отказались указать на предводителя, *то сотого по жеребью* казнить, а всех остальных, принимавших участие в убийстве своих господ, пересечь плетью под виселицами наизжесточайшим образом. В каждом таком селении поставить виселицу, колесо и глаголь для вешания за ребро, объявляя при этом, что если впредь кто в том селении дерзнет бунтовать, или не только признавать, но и произносить самозванца именем покойного императора Петра III, или, наконец, кто не задержит и не

представит начальству таких произносителей, «то таковых селений все без изъятия возрастные мужики, холопы барские и всякого звания люди будут присланными от меня командами беспощадно переказнены мучительнейшими смертями, а жены и дети их отосланы в тягчайшие работы»^[912].

Разграбленное и расхищенное имущество, как казенное, так и частное, должно быть немедленно возвращено с тем, что если у кого оно найдено будет впоследствии, тот будет повешен.

Объявляя населению о таком распоряжении главнокомандующего, начальники отрядов должны были заставлять население целовать крест и Евангелие в залог того, что оно останется в «ненарушимой верности» императрице, и требовать, чтобы поставленные в селении орудия казни, впредь до указа, «отнюдь никем истреблены не были».

«Если бы, паче чаяния, – присовокуплял граф Панин, – чего до сих пор еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтоб нашлись заслужившие, по вышеписанному предложению, наказание смертной казни или телесные наказания, дворяне или имеющие офицерские и выше чины, также и духовного рукоположения, таковых по изобличении содержать прикованными к стенам на хлебе и воде и о действительном их наказании представлять через нарочного».

Вслед за тем главнокомандующий писал Суворову:

«Дворянских несчастных девиц и женщин, кои от злодея отбиты, воспособствуйте, ваше превосходительство, сколь возможно облегчительнейшим образом и со снабжением к непретерпению бедности в дороге пристойно возвратить по тем местам, откуда они похищены. Ежели же у которых все их фамилии истреблены, то оных [прислать] в Пензу к моему дальнейшему о них попечению.

Употребленные на вспоможения им без довольного излишества деньги уверен я всеконечно, что наша милосердая и великодушная монархиня всемилостивейше принять прикажет на счет экстраординарной здешней суммы, на которой оные и извольте хотя займом где употребить, а меня лишь для возвращения уведомить.

Последнее и самоконечно заботливейшее по моему соображению вашему превосходительству предстоит теперь распоряжения о шести тысячах, а может быть, теперь уже и более или менее полученных в плен злодействующих наших единоплеменников. Все они, конечно, сущие изменники, что не только в жилах [т. е. в домах], но вышли столь уже далеко с ним на самую степь, разграбив по всей своей дороге собственное отечество, с бесчеловечными убийствами, следовательно, все они по государственным законам справедливо и достойны смерти. Но как оное может быть сообразно с человеколюбием и нежностью сердца нашей августейшей государыни? и каким же образом толикое число людей задлить под караулом от столь малого числа теперь состоящего в краю вашем войска? Как прокормить их, не оголодав войско? Как разослать по домам с конвоями при недостатке оных? без конвоев, чтоб, идучи дорогой, не стали они производить по-прежнему шаек, под именем самозванца, или обыкновенных только разбоев и грабительств, под прикрытием недостатка на проходе довольного хлеба, ни одежды от наступившего холода? Как кого из них за такое ужасное злодеяние отпустить без наказания и как же 6000 единовременно поспешно, чтоб войска ваши не задержались от других употреблений наказать и кем?

При всех тех затруднениях не избрал я удобнейшего и справедливого средства как сего: всеми разными устрашениями извольте принудить сих пленных объявить между собой: 1) всех таковых, которые с

самого начатия самозванца были при нем; 2) тех, которые наперсниками у него состояли; 3) которые имели какие начальственные чины и должности, а не рядовыми только были; 4) кто между ими предавшиися из военнослужителей и других чиновников ее величества службы; 5) кто из дворян; 6) кто из беглых дворовых господских людей и 7) кто, наконец, из пахарей.

Пять вышеприведенных сортов извольте собственно собой расспросить не офицеров и дворян под телесным истязанием, а оных [офицеров и дворян] всякими ужаснейшими угрозами и убеждениями».

Предоставляя Суворову всех пугачевских чиновников казнить смертью по своему усмотрению, Панин ограничивал число их 50, а если их будет более, говорил он, «то тех из них, кто ближе к самому злодею по своему званию или долее в своих злодеяниях был, а остальных вместить в нижеписанный жеребий».

«Военнослужащих и дворян оставить под караулом и допросы представить; священников – лишить сана, а всех остальных с жеребья повесить с 300 человек по одному.

Затем оставшихся всех без изъятия пересечь жестоко плетми, и у пахарей, негодных в военную службу, на всегдашнюю память злодейского их преступления, урезать по нескольку у одного уха; потом всех пахарей, наказанных на теле, утвердить целованием креста и Евангелия в возвращении себя в должную верность и безмолвное повиновение законной своей государыни и в послушании учрежденным от е. в. начальникам и собственным помещикам, распуская оных с паспортами уездов их в канцелярии, прописывая, чтоб они их по домам разослали; а отправлять партиями на канатах гораздо небольшими, снабжая оные на проход до педальных мест в натуре хлебом, а до дальних мест деньгами, с письменным требованием от уездных

канцелярий, чтобы деньги с их жилищ в казну возвращены были. При тех партиях отправлять по самому малому числу в конвой казаков, с повелением при преступниках самих, если они хотя малое беззаконие возобновлять станут, то б, как недостойных уже совсем жить, кололи».

Холопов барских и дворовых людей наказать, как и пахарей, но «яко не привязанных землей к собственным домам», разослать по крепостям, для каторжных работ, с зачетом их в рекруты; но если помещики пожелают их возвратить к себе, то должны прислать для их приема.

«Определенным к смертной казни оную произвести, изготовя наперед по должности закона, при Царицыне, и проклятые их тела положить по всем проезжим дорогам; а тем из них, которым можно по близости, без дальнего отягощение команд, то учинить оное по дорогам в их уездах»...

Все эти распоряжения значительно превышали власть, предоставленную графу Панину, и он заранее просил прощения императрицы, «приемля с радостью пролитие проклятой крови таких государственных злодеев на себя и на чад моих»^[913].

«Хотя чувства сердца моего, – отвечала на это Екатерина^[914], – весьма отдалены не только от употребления суровых казней, но и самой строгости, однако, признаюсь вам, что в теперешнем случае казнь нужна, по несчастью, для блага Империи; а только единственно предписываю вам везде, колико можно, сходственно всегдашнему моему человеколюбию и милосердию, поступать с самыми злодеями при самой казни и иметь всегда в памяти вашей, что я при сем случае, не иначе как мать, обливающаяся слезами, при нужном наказании детей своих непослушных».

Последних было громадное число; они бродили шайками по разным направлениям, грабили и разоряли край, неистовствуя над помещиками и дворянами. Граф

Панин принужден был прежде всего уничтожить эти шайки, чтобы не допустить в тылу своем развитие мятежа, а затем уже думать о действиях против главных скопищ самозванца. Таким образом, удаленный на огромное расстояние от передовых отрядов и разобщенный с ними восставшим населением, главнокомандующий не мог иметь никакого влияния на действия войск, а тем более не мог управлять ими. Получая донесение как частный человек, о фактах уже совершившихся, граф Панин был в самом мрачном настроении.

В Шацке он получил донесение полковника Михельсона о неудачном сражении на реке Пролейке и считал положение свое «в самом высшем кризисе» и «в самом предосудительном для нас состоянии».

«Ежели не сделается вскоре тому лучшей перемены, – писал он Д.И. фон Визину^[915], – то я не могу желать никому, из усердных ко мне, вступать к теперешнему моему делу. Надобно больше всего одной Высшей Деснице вывести меня из оногo с той честью, чтоб я нашелся в состоянии обнадеежить себя, что могу уже с верностью управлять моими распоряжениями, и что следствия их должны зависеть только от моих предусмотрений или от ошибок, которые теперь еще, по своему существу, в единой Божеской, а не человеческой зависимости. Самых безделиц недостает: людей, денег, пропитания и известности еще – откуда, что и в каких местах заготовлять в середине огня воспламеняющегося и в середине предательств и не в ожидаемых местах. Моя решимость теперь еще, дорогой приятель, в том только, чтобы умереть с честью».

Такое мрачное настроение графа Панина несколько изменилось, когда он получил второе донесение Михельсона об отбитии самозванца от Царицына. Объявив об этом, главнокомандующий приказал сжечь публично под виселицей манифесты Пугачева,

присланные Михельсоном, и сам отправился в город Керенск. Там он принужден был остаться на несколько дней, так как, по его словам, вся окрестность верстах в пятистах «была приведена всей почти без изъятия черню в наивеличайшее возмущение»^[916].

Керенск оказался центром возмущившегося населения, и вокруг него бродили значительные шайки мятежников. Главнокомандующий разослал по разным направлениям отряды и приказал им преследовать инсургентов. 30 августа капитан Гезилевский с небольшим отрядом из авангарда Древица разбил толпу более 500 человек, бывшую под начальством приобретшего себе громкую известность в крае пугачевского полковника Ивана Иванова. Сам предводитель был убит, более ста человек пали на месте сражения, 13 пушек и 17 человек пленных остались в руках победителей. Вслед за тем капитан Лунин, после четырехчасового боя, выгнал мятежников из Наровчата; подполковник Архаров очистил от мятежников Краснослободск и Троицк, а полковник Древиц и подполковник Бедряга разогнали настигнутые ими две партии^[917].

«Все оные бунтовщицьи шайки составляются каждая в несколько тысяч человек и предводятся под именем самозванца». Разбитие и рассеяние их не было еще залогом для успокоения края, и граф Панин находил, что крутые меры необходимы. «Принужден открыться, – писал он, – что содрогаются сердце и всякое человечество, слыша и видя, какое ужасное злодеи делали разорение и убийство почти всем без изъятия здешней окрестности дворянским домам и какой общий во всей здешней черни бунтовщичий дух поселен, который никак нельзя иным пресечь, как страхом жестокой казни, и без оной мне обойтись совсем невозможно».

Получивши это донесение, императрица на этот раз согласилась с мнением главнокомандующего, и 16 сентября князь А. Вяземский объявил Сенату высочайшее повеление, чтобы все распоряжения, сделанные графом Паниным относительно усмирения бунтующей черни, были оставлены в полной силе впредь до указа и чтобы Сенат поручил всем присутственным местам при определении наказаний за всякие преступления поступать «по точной силе вышеупомянутых учреждений графа Петра Ивановича Панина»^[918].

В Керенске главнокомандующий получил донесение полковника Михельсона о разбитии им мятежников у Сальникова завода, причем он выражал надежду захватить скоро самого Пугачева живым или мертвым. Это известие очень ободрило главнокомандующего и, доносил он, «особливо подкрепляет меня упование на счастье вашего императорского величества и на Десницу Вышнюю, благословляющую всегда все деяния ваши»^[919].

Вслед за тем пришло донесение, что Пугачев переправился через Волгу и бросился в степь. Не зная близко характера театра действий, граф Панин прежде очень опасался этого, ибо полагал, что войскам преследовать самозванца по степи было почти невозможно за недостатком продовольствия. Но теперь, когда Михельсон разъяснил ему, что Пугачев бежал с самым небольшим числом сообщников и что он сам должен испытывать лишение во всем необходимом, тогда граф Панин изменил свое мнение и был очень рад, что самозванец пошел по этому, а не по другому направлению. «Изгнанием его совсем из империи вашей на степь, – доносил главнокомандующий императрице^[920], – и низложением всей его укрепившейся было уже силы, освободилось государство от опасности главнейших своих повреждений и

доставило мне способы и время удобнее разделять свои команды», как на истребление шаек, коснувшихся уже донских селений, так и на принятие мер к недопущению Пугачева повернуть обратно в места населенные. Все внимание графа Панина сосредоточилось теперь на скорейшем восстановлении тишины и покоя, и он надеялся достигнуть этого строгим наказанием виновных и награждением остававшихся верными правительству. Главнейших виновников и предводителей шаек, нападавших на Керенск, главнокомандующий казнил; остальных захваченных в плен он привел к присяге в церкви «со всенародным молебствием» о здравии императрицы. Всех же отличившихся при обороне Керенска он произвел в следующие чины, а пленным туркам приказал выдать в награду по рублю^[921].

Императрица утвердила все эти награды, произвела всех гражданских чиновников в следующие чины, приказала пленным туркам сверх рубля выдать по кармазинному кафтану, а керенским дворянам и всем горожанам выразила особым манифестом «свое благоволение, милость и похвалу»^[922].

Задержанный на несколько дней в Керенске, граф Панин только 10 сентября прибыл в Нижний Ломов и остановился в монастыре Казанской Богоматери. Едва только вступил он в монастырь, как архимандрит Исаакий пал перед главнокомандующим на колени и, сняв панагию и камилавку, подал их графу Панину. Раскаиваясь в своем преступлении, он добровольно лишал себя сана и просил помилование от дальнейшего наказания. Главнокомандующий приказал ему донести подробно о действиях мятежников^[923] и именем императрицы объявил им помилование, но только от смертной казни и телесного наказания, а относительно лишения священства представил Святейшему Синоду. В то же время он приказал читать во всех церквах только

что полученные объявления Синода от 20 августа, обращенные к населению и духовенству^[924].

«Принужден, к сожалению, признаться, – доносил граф Панин императрице^[925], – что во всей здешней стороне, где я теперь обращаюсь, чин церковный погружен в самом вышнем невежестве и грубиянстве столько, что особливой и диковинной быть поставляется, когда между многими из них увидится один с настоящим чувствованием познание должности пастыря, а не только что исправителя служения церковного, частью уже наизусть выученного. Все конечно, премудрая монархиня, сей чин заслуживает к исправлению своему вашего прозорливого о лучшем научении и воспитании в его молодости милосердного внимания; если бы он, хотя мало инаков был, нежели как есть, то бы, конечно, теперешняя вредность государства до такой степени возрасти не могла».

Виновные в соучастии с мятежниками были преданы суду, и зачинщики были казнены в присутствии главнокомандующего. Воеводский товарищ Овсянников был отправлен в Казанскую секретную комиссию, а секунд-майор Лукин и канцелярист Лев Юрьев были именем императрицы произведены в следующие чины. Уезжая в Пензу, граф Панин, в посрамление жителей Нижнего Ломова, приказал по всем выездам из города поставить виселицы, колеса и глаголи, на которых, по словам Лукина, тела казненных «значились долгое время».

При въезде главнокомандующего в Пензу глазам зрителей представилась ужасная, вопиющая картина: перед его экипажем пало на землю «неожидаемое число дворянских вдов с младенцами и возрастными девушками, осиротевшими злодейским убийством отцов и мужей их». Все они с воплем и рыданиями просили помощи; все они были в рубищах, «извлекающих слезы из самых свирепейших сердец». Тут же стояли и многие

помещики, ограбленные дочиста и не имевшие теперь дневного пропитания. Граф Панин выдал им денежное пособие, не превышавшее, впрочем, в общем 2 тысяч рублей, и просил милосердного на них воззрения императрицы^[926].

На следующий день жители Пензы были свидетелями не менее потрясающей картины – казни преступников. Казнь эта совершалась публично и в присутствии населения, нарочно для того собранного из ближайших к городу селений. Наиболее виновные из захваченных мятежников были расставлены под виселицами, колесами и глаголями. По приезде главнокомандующего начались казни: одних вешали, других секли кнутом. По произведении казни и наказания граф Панин обратился к собравшимся с особой речью.

– Все вы, – сказал он, – без изъятия достойны тех казней и наказаний, которые пред глазами вашими совершались. Я имею на то полную мочь от ее величества, и совесть моя не убеждает ни грехом, ни справедливостью приказать оное над всеми вами исполнить, но знаю милосердное и человеколюбивое сердце государыни, поражающееся крайним сожалением о пролитии крови и самых преступников...

Народ пал на землю и «произнес стон», которым заглушил последние слова главнокомандующего. Граф Панин объявил, что, видя чистосердечное раскаяние, именем императрицы освобождает раскаявшихся от наказания. Чинов инвалидной команды приказал покрыть знаменами, но духовенство, в силу указа Святейшего Синода, оставил лишенным священнодействия.

«Великое невежество духовного чина, – отвечала Екатерина^[927], – примеченное в тех местах, где находитесь, конечно, ничем поправить нельзя, кроме воспитанием и поучением, и из первых моих попечений

будет, после прекращения всех нынешних хлопот, учреждение школ, где только возможно; но тогда родится другой вопрос *об определении священству сходственного содержания с воспитанием...* Описание, которое вы делаете в письме вашем, горестного состояние вдов, сирот и младенцев, вас при въезде вашем в Пензе с воплем встретивших, возбудило меня не токмо принять бесповоротно на себя издержанные вами для снабжения их пропитанием и одеждой, но сверх сих издержанных денег возьмите из казны в тамошнем краю на счет моего кабинета 10 тысяч рублей, кои вы раздадите в милостыню, по вашему усмотрению, нужду терпящим и от нынешнего случая разоренным людям. А когда сия сумма изойдет, то отпишите снова ко мне. Пензенских жителей раскаяние при строгости и при увещании вашем, принимаю я как знак, что более их преступление должно приписать глупости и слабости градоначальников их, кои сами, не зная свою должность, не умели простонародье оберегать и ободрять ко времени, нежели иным каким причинам».

В Пензе граф П.И. Панин получил 18 сентября известие о поимке Пугачева и в тот же день отправил в Петербург с донесением своего внука князя Лобанова, исправлявшего при нем должность адъютанта.

«Имею счастье поздравить ваше императорское величество, – писал главнокомандующий^[928], – с избавлением империи от язвительного ее врага Пугачева».

Через четыре дня прибыл в Пензу посланный генерал-поручиком Суворовым Великолуцкого полка поручик Ермолаев, который и был отправлен в Петербург с вторичным донесением главнокомандующего.

1 октября в столице было получено первое известие о поимке Пугачева и доставлении его в Яицкий городок.

Оно произвело радостное впечатление, и многие поздравляли друг друга с окончанием бедствий.

Императрица Екатерина с восторгом узнала о пленении Пугачева и щедро наградила привезших это известие^[929].

«Богу воздаю благодарение, – писала она графу П.И. Панину^[930], – что мерзкая сия история, славу империи повреждающая, тем самым пресеклась, коя, не упоминая об ужасном внутреннем разорении, расстройстве и бесчисленных той шайки суровости и бесчеловечия, нас отсылала во мнении всей Европы *к варварским временам от двух до трехсот лет назад к крайнему моему сожалению* и увеличиванию наиглубочайшему сердца моего оскорблению о народном страдании».

Императрица приказала доставить Пугачева в Москву, под самым строгим караулом, чтобы он не мог никак уйти.

Письмо это застало графа Панина уже в Симбирске, куда он торопился уехать и куда приказал привезти Пугачева.

Глава 26

Благодарность графа П.И. Панина генералу Суворову и полковнику Михельсону. - Объявление главнокомандующего о поимке Пугачева. - Встреча графа Панина с Пугачевым в Симбирске. - Сожжение в Казани портрета Пугачева. - Объявление П.С. Потемкина.

Не принимая не только непосредственного, но и никакого участия в действиях отрядов, преследовавших самозванца, граф П.И. Панин гордился, однако же, тем, что Пугачев пойман во время его командования. Не зная еще, как, где и кем пойман самозванец, главнокомандующий в порыве радости уже благодарил начальников отрядов и приписал Суворову такие заслуги, которых тот и не выказывал.

«Истощается напоследок, – писал ему граф Панин^[931], – долготерпение Божие на злохищного кровопивца, вечного в роды родов ужаса, омерзения достойного. Уже напоследок [он] в оковах на переселение свое через лютую кару в уготованное ему на дне адском место, яко врагу Творца и всей Его твари.

Принимая оное очевидным знаком Всевышнего о благосостоянии России промысла, осязаемым свидетельством святого Его о своей помазаннице и управляемых ей народов попечения, с пролитием слез поздравляю с тем ваше превосходительство, *яко единого из главнейших поспешиика* к истреблению сего проклятого, гибельного сына, неутомимыми и предприимчивыми подвигами о которых не замолкнет имени вашего слава в вечности и примут они праведные [награды] у престола великой нашей монархини, а я собственно во всю мою жизнь не

престану никогда провозглашать их важность, превосходящую почти всякое возмездие...

По толиких трудах должно уже помышлять нам и об успокоении преславно трудившихся храбрых наших войск, почему и предлагаю вашему превосходительству о расположении оных по становищам на такую позицию, чтобы сподручно нам было их употреблять против не совсем еще укрощенных башкирцев и киргиз-кайсаков. А притом и то вам рекомендую, чтоб деташемент графа Михельсона, претерпевающий нужду в амунии, которая поспешает уже в ваш край на судах вниз по Волге, как наискорее чтобы возмог оную получить.

Упомянуть теперь должно об увенчанном толикими поражениями злодея полковнике Михельсоне. С горестью я слышал, что он, через столь долгое время, не разбирая никаких воздушных перемен, гонявшись за ним непрерывно, повредил свое зрение – [здоровье?] человека прочимого всемилостивейшей нашей государыней для славы и пользы ее империи есть неocenенно, то и советую я ему прибегнуть к целителям. А как находится при мне искусный доктор, то чтоб отправился он ко мне в Симбирск, где ожидают его мои дружеские объятия, облобызать его там, с чувством сердечным. То же самое чувствование предоставляю той сладкой минуте, в которую увижусь я и с вашим превосходительством, и для того имеете вы, по приведении всего под ордером вашим состоящего воинства в спокойное установление, отправиться ко мне в Симбирск же».

На другой же день граф П.И. Панин писал Самуилу, епископу Крутицкому^[932]:

«С неизреченной нетерпеливостью тороплюсь обрадовать ваше преосвященство с происшествием знаменитым, важным, спасительным для всей вверенной вам паствы православных чад Христовой церкви. Злодей Пугачев благопоспешением Всевышнего, призревшего

напоследок на теплые ваши и неумолчные молитвы перед престолом Искупителя нашего, уже в оковах в Яицком городке, под надзиранием генерал-поручика Суворова, и не замедлится ко мне быть представлен.

Примите, преосвященнейший владыко, ревностнейшее мое с тем поздравление. Разделите со мной всеобщую отечества нашего радость и ниспав перед самым тем же божественным престолом, источником всякие благодати и щедрот, пролейте перед ним благодарственные слезы. Я мысленно с вами повергался пред оным же, препоручаю себя и все подвластное мне воинство ходатайству вашему пред Творцом всей твари».

Отправив эти письма, граф Панин торопился выехать из Пензы в Симбирск. 25 сентября, будучи в дороге, он разослал известное «Извещение»^[933], в котором объявлял о поимке самозванца и требовал, чтобы население содействовало войскам в усмирении восстания и поимке его сообщников. «Кто поползнется, – писал главнокомандующий, – разглашением о сем искорененном уже самозванце и бунтовщике инако верить, нежели здесь самая истина о нем объявляется, или кто даст укрывательство сообщникам оного самозванца, или же ведая, что некоторые, может быть, малые остатки из рассыпавшихся пристают и о том не объявит, тот *каждый будет принят* в равном противу государства злодеянии, *как сам бунтовщик*, и будет оружием ее императорского величества без всякой пощады до самого его истребления или до поимки к заслуженной казни, по строгости всех государственных законов, гоним и преследован».

Между тем Суворов поручил генерал-майору Мансурову устроить переправу через Волгу у Сызрани «множественным числом судов исправных» и под собственным своим наблюдением повез Пугачева степью и вечером 1 октября доставил его в Симбирск вместе с

женой его Софьей и несовершеннолетним сыном Трофимом^[934]. По словам биографа Суворова и его приближенного Антинга, Пугачев был посажен в особую клетку^[935], поставленную на четырехколесную телегу, и под конвоем двух рот пехоты, 200 казаков и двух орудий вывезен из Яицкого городка. Суворов следовал с самозванцем неотлучно, и по ночам путь освещали факелами. Пугачев не хотел сидеть покойно в клетке, и потому пришлось его поместить в обыкновенную телегу скованным, и в таком виде он был привезен в Симбирск.

На другой день в полдень приехал туда же и граф П.И. Панин. Огромная толпа народа встретила главнокомандующего, и он приказал вывести напоказ скованного по рукам и ногам самозванца. «Пугачев, – писал в тот же день граф Панин князю М.Н. Волконскому^[936], – на площади скованный, перед всем народом велегласно признавался и каялся в своем злодеянии *и отведал тут, от моей распалившейся крови па его произведенные злодеяния, несколько моих пощечин*, от которых из своего гордого вида тотчас низвергся в порабощение»^[937]. Став на колени, самозванец громко объявил собравшимся, что он беглый с Дона казак Емельян Пугачев, виноват перед Богом и государыней. Введенный затем в квартиру главнокомандующего, он вторично подтвердил свое происхождение и затем был передан под наблюдение и охрану капитану Галахову, «с подтверждением, – доносил граф Панин^[938], – что в упущении и повреждении его имеет он животом своим перед престолом вашего императорского величества ответственность».

Скованный по рукам и ногам, Пугачев был прикован еще к стене, при посредстве железного обруча, положенного вокруг поясницы. Ключ от цепного замка хранился у капитана Галахова. Без позволения никто не

допускался к самозванцу, и для постоянного за ним наблюдения находились безвыходно в его комнате: один обер-офицер, один унтер-офицер и часовой без ружья и с необнаженной шпагой, чтобы Пугачев как-нибудь не выхватил ружья и не умертвил себя. На содержание самозванца отпускалось по 15 коп. в день и приказано кормить его пищей «подлым человеком употребляемой» и снабдить такой же одеждой.

В Симбирске встретились граф П.И. Панин, П.С. Потемкин, А.В. Суворов и полковник Михельсон. Все они, прямо или косвенно, приписывали себе поимку Пугачева, но история должна сказать, что если приписывать кому-нибудь честь этого, то, конечно, Михельсону, а не кому другому. Тем не менее главнокомандующий, обратясь к Суворову, выразил ему благодарность «священным именем вашего императорского величества и всей империи, якобы Суворов поймал злодея Пугачева». Суворов при многочисленной публике чуть-чуть не с земными поклонами благодарил графа и не устыдился шесть раз поцеловать руки и полы главнокомандующего.^[939]

Холодность обращения графа Панина с П. Потемкиным оскорбила последнего, и он с улыбкой и презрением смотрел на поступки Суворова. «Я не осмелюсь, – писал П. Потемкин императрице, – всеконечно никогда произнести того, что много участвовал в поимке злодея, но как истине не заграждает уста премудрое правление ваше, то осмелюсь сказать, что имел более участия, нежели г. Суворов».

Жалуясь, что граф Панин не доставляет ему никаких допросов и вообще не желает иметь с ним сношений, Павел Потемкин просил уволить его от звания председателя секретных комиссий. Императрица лучше всех видела, кто истинный победитель самозванца и усмиритель восстания, и потому оставила это прошение

без внимания, тем более что назначила его в состав следственной комиссии, учрежденной в Москве под председательством князя М.Н. Волконского. Она написала только Г.А. Потемкину: «Павел прав, Суворов тут участия не имел... и приехал по окончании драк и поимки злодея»^[940]. Несмотря, однако же, на холодность отношений, главнокомандующий в день своего приезда поручил П.С. Потемкину приступить к допросам, а избранному художнику – к снятию портрета с самозванца^[941].

«Теперь, – писал главнокомандующий Г.А. Потемкину^[942], – пишут с него портрет, коим с другим отсель курьером предупрежу вашему высокопревосходительству оригинал. Не может ли иметь любопытства и наша великая государыня увидеть сего адского изверга скорей, хотя на портрете, нежели обстоятельства потребного препровождения оригинала дозволить могут им поспешить»^[943].

Отправление самозванца в Москву, как того желала императрица, замедлялось приготовлениями на станциях по сту подвод и принятием мер к охранению пути. «К провозу его требуется теперь обезопасить московскую дорогу, – писал граф П.И. Панин князю М.Н. Волконскому^[944], – по которому я и положил отсель до Муроме все ночлежные для него селения, не далее 60 верст одно от другого, занять каждое одной ротой из моих войск», а от Мурома до Москвы главнокомандующий просил сделать то же князя Волконского.

Пока делались все эти распоряжения, в Симбирск стекались со всех сторон лица, желавшие посмотреть на Пугачева, и граф Панин любил похвастаться перед ними тем, что самозванец в его руках. Приехал, например, в город лейб-гвардии поручик Державин, и

главнокомандующий с гордым самодовольствием спросил его: видел ли он Пугачева?

– Видел, – отвечал поэт, – на коне под Петровском^[945].

– Прикажи привести Емельку, – сказал граф, обращаясь к полковнику Михельсону.

Через несколько минут был представлен самозванец в тяжких оковах, в засаленном, поношенном, скверном широком тулупе. Войдя в комнату, Пугачев стал на колени.

– Здоров ли, Емелька? – спросил Панин.

– Ночей не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сиятельство.

– Надейся на милосердие государыни^[946].

Так показывали узника и другим приезжим. Иногда граф П.И. Панин разыгрывал комедию перед собиравшимися к нему посетителями, и П.С. Рунич сохранил нам один из таких эпизодов. На другой день после полученных пощечин Пугачев приведен был в приемную графа, в которой собралось более двухсот человек военных, гражданских и разного звания людей.

– Как мог ты, изверг, – спрашивал Панин, – вздумать быть царем России?

– Виноват, – отвечал самозванец, кланяясь до земли, перед Богом, государыней и министрами.

«Последнее слово злодея, – замечает Рунич^[947], – так разгорячило сего правдивого россиянина, что, подняв правую руку, едва не ударил злодея; но, в одно мгновение отступя от него и подняв обе руки вверх, в трепетании своего сердца, с пролитием горьких слез воскликнул: «Господи! я осквернил было мои руки». В ужасном рыдании и встревожении духа своего, не опуская рук, паки воскликнул: «Боже милосердый! во гневе твоём праведно наказал Ты нас сим злодеем», и в ужасном рыдании ручьями лились старческие слезы. Все присутствовавшие как окаменелые безмолвствовали».

В Симбирске Пугачев оставался весьма долго, и во все это время город привлекал на себя внимание всей России.

Показывание Пугачева народу признавалось в то время необходимым для убеждения населения, что он пойман. Генерал-майор П.С. Потемкин просил императрицу, чтобы при доставлении самозванца из Симбирска в Москву он провезен был через Казань. «Весьма нужно сего злодея, – доносил он ^[948], – показать народу в Казани, где столь много людей его знают, и обличить перед народом его злодейство, ибо весь оный край, где пущее производил о себе Емелька обворование, сомневается о его поимке».

Путь из Симбирска в Москву через Казань был кружен, требовал много войск, и императрица, желая скорее «заглушить» все, что связывалось с именем Пугачева, не изъявила на то своего согласия и приказала отправить из Казани в Москву всех его сообщников. Отправление это производилось периодически по два и по три человека за раз, причем П.С. Потемкин употребил все, чтобы произвести это с некоторым парадом и церемонией.

6 ноября все преступники были выведены на площадь, в том числе и Устинья, вторая жена самозванца. Многочисленному собранию народа показывали портрет Пугачева, снятый в Симбирске, и затем от имени секретной комиссии было прочитано следующее объявление:

«Указ ее императорского величества самодержицы всероссийской из учрежденной в Казани по всевысочайшему ее императорского величества именному указу секретной комиссии.

Объявляется всенародно.

Известно уже каждому, что бывший злодей и бунтовщик, донской беглый казак Емельян Пугачев, продолжая злодейства, грабежи и убийства, чрез целый

год, наконец, при речках Узеньях пойман и под жестокой стражей, в тяжелых оковах провезен по всевысочайшему ее императорского величества указу из Симбирска в Москву. Нет нужды здесь объявлять народу подробно о всех злодействах сего изверга рода человеческого. Ведомо всем, что сей бунтовщик, забыв страх Божий и данную пред Творцом вселенной клятву в верности ее императорскому величеству, не только нарушил оную и сделался предателем, но и дерзнул принять на себя высокое звание в Бозе почившего императора Петра III, а под сим званием, пособием подобных себе злодеев, обольщал легкомысленные сердца и, набирая толпы, восставал противу престола всероссийского, вверенного от Промысла Божия помазаннице Его, великой нашей самодержице, шел на разорение отечества и верных рабов ее величества и обращал злобу и варварство на погибель самих тех, кои от простоты и невежества к нему прилеплялись. Следы варвара сего повсюду покрыты кровию, бесчеловечной рукой его пролитой. Поля жителей опустошены, и злодеяния его, без сомнения, впечатлены в сердца каждого сына отечества. Но Всевышний Творец, увенчав все высокие намерения и премудрые дела великой нашей государыни, поборствовал во всех ее величества предприятиях и, окончив к бессмертной славе России внешнюю войну, укротил и внутреннюю извержением сего врага Богу, церкви и отечеству. Настала повсюду вожделенная тишина, и неусыпным попечением самодержицы нашей возобновится благоденствие российского народа. Бог, внимая стенаниям и слезам сирот, вопиющих об отмщении самозванцу Пугачеву, не попустил далее простирать варварство его.

Взирайте, верные рабы великой нашей государыни и сыны отечества, коль много Бог милует Россию и венчает все дела помазанницы своей, нашей великой государыни. Но те, которых сердца ядом злодейства

повреждались и которые делом или мыслию поползновенны были к присоединению с самозванцем и бунтовщиком, казнитеесь угрызением сердец своих и посрамляйтесь. Здесь видите вы изображения варварского лица самозванца и злодея Емельяна Пугачева. Сие изображения самого того злодея, которому злые сердца преклонялись и обольщали простодушных; того, который дерзал называться именем покойного государя Петра III и с которым некоторые, соединяясь, вооружились противу законной государыни своей, истинной матери отечества.

Секретная комиссия по силе и власти, вверенной от ее императорского величества, определила: сию мерзкую харю во изобличение злых, под виселицей сжечь на площади и объявить, что сам злодей примет казнь мучительную в царствующем граде Москве, где уже он содержится.

Здесь видите вы самих тех, кои были первыми наперсниками злодея и самозванца Пугачева, пали с повинной к престолу ее величества, законной государыне своей; здесь, к вящему посрамлению предававшихся самозванцу, видите жену самозванца и злодея Устинью, которой чинить присягу не отвращались сердца, и уста произносили имя сей жены гнусного злодея в звании высокого титула императрицы. Взирайте и ужасайтесь соделанного беззакония таковых людей! Вот самая та, которую нарицали злодеи именем государыни своей, дочь яицкого казака, жена того самого злодея, который, похитив имя покойного государя Петра III, обольщал несмысленных людей! Да будет зрелище сие и в торжество верных подданных ее величества великой нашей самодержицы и в укоризну тех, кои поползнули к предательству. Из числа сих предателей осуждены некоторые к казни, и вины их приложены в особых объявлениях, а ужас кары сей будет в страх другим. Жена же злодея Устинья и первая

его [жена], донского войска казачья дочь именем Софья, будут свидетельницами кары злодея в Москве».

По окончании чтения портрет Пугачева был сожжен под виселицей на эшафоте, причем Устинья громогласно объявила, что она вторая жена самозванца и что сожигаемая «харя есть точное изображение изверга и самозванца ее мужа». После того Творогов и Федульев каялись при народе в содеянных ими беззакониях и объявили, что они самые те, которые, почувствовав свое преступление, раскаялись, явились с повинной и привели с собой самозванца, причинившего много бед людям. «Ужасное зрелище сие, – доносил П.С. Потемкин^[949], – привело народ в изумление, а потом слова: *Боже мой, какое наше беззаконие*, произносились в устах несколько минут».

Глава 27

Умиротворение края. - Усмирение волнений в Башкирии. - Меры правительства к предотвращению голода в разоренных губерниях. - Уничтожение Зимовейской станицы войска Донского. - Публичный благодарственный лист Г.А. Потемкина яицким казакам. - Переименование реки Пика в Урал и яицкого войска в уральское.

С поимкой Пугачева мятеж сразу настолько утих, что большинство считало спокойствие в крае восстановленным окончательно.

«Бунты внутри государства вашего, – доносил граф П.И. Панин императрице^[950], – все без изъятия низложены, тишина, безопасность и повиновение прежние восстановлены. Осталась только одна и презрения, а не внимания достойная маленькая война на киргиз-кайсаков и в некоторых разве небольших селениях башкирское беспокойствие».

Для уничтожения последнего, как только было получено известие о поимке Пугачева, генерал-майор П.С. Потемкин отправил воззвание башкирцам и грозил им, что если они до 1 октября не усмирятся, то для истребления их будут присланы арнауты и запорожцы^[951]. Опасаясь новых разорений, башкирцы выбрали 12 старшин и прислали их с покорностью. Одного из наиболее важных депутатов П.С. Потемкин отправил в Петербург к Г.А. Потемкину, как командиру всех легких войск, и надеялся, «что и все башкирцы сему примеру последуют».

Надежды эти, однако же, оправдались лишь отчасти. Салават и отец его Юлай не покорялись и продолжали

грабить и волновать население. Тогда П.С. Потемкин отправил к ним увещание следующего содержания.

«С крайним прискорбием, – писал он^[952], – извещаюсь я, что ты до сего времени в злобу и ослепление погружаешься, будучи уловлен прельщением известного всем злодея, изменника и самозванца Пугачева, который ныне со всеми главными его сообщниками пойман и содержится в тяжких оковах и примет скоро мучительную за все злодейства казнь.

Через рассеянные манифесты известно тебе, колико ее императорское величество всемилостивейшая государыня о заблуждении тебе подобных сожалеет и с каким милосердием приемлет возвращение таковых к должности своей и повиновению Богом постановленной ее власти. Ты видел уже тому довольные опыты, но скоро затворен будет путь к ее милосердию, скоро праведный ее гнев обратится в полной силе на изменников, и не будет тогда пощады и прощения. И для того истинным сожалением побуждаюсь я сделать тебе в последний раз сие увещание: покайся, познай вину свою и приди с повиновением. Я, будучи уполномочен всемилостивейшей ее величества поверенностью, уверяю тебя, что получишь тотчас прощение. Но если укоснешь еще за сим увещанием, то никакой уже пощады не ожидай».

Не слушая увещаний, Салават продолжал разбойничать, и для усмирения башкирцев главнокомандующий граф Панин принужден был послать туда генерал-поручика Суворова. В ноябре 1774 года Салават вместе с отцом своим Юлаем были пойманы, и с передачей их в руки правительства волнения в Башкирии почти прекратились и население мало-помалу стало успокаиваться^[953].

Что касается до жителей русских губерний, то уже в конце сентября можно было считать спокойствие восстановленным.

«Всемиловейшая государыня! – писал П.С. Потемкин^[954]. – Ныне совершенно осмеливаюсь принести подданническое и усердное мое поздравление о спокойствии внутреннем. Нигде никаких шаек более не слышно, а хотя бы они и показались где, то уже ни малейшего уважения не стоят. Настало то вожделенное нам время, в которое премудрость вашего величества, блаженство России и счастье подданных великой Екатерины взойдет на горную степень».

Разосланные по разным направлениям небольшие отряды без труда захватывали в плен бывших мятежников и доставляли их в города; многие из них являлись добровольно, так как были в самом печальном положении, без одежды, в одних плохих рубахах. Наступившая осень и холодное время заставляли торопиться рассылкой их в места жительства, и вот по разным направлениям потянулись партии бывших пугачевцев на канатах, конвоируемые несколькими казаками или гарнизонными солдатами. Ни сопротивление, ни покушение к побегу они не оказывали и искренно желали поскорее добраться до семейного очага. «Вся чернь, – доносил граф П.И. Панин 29 октября, – ныне действительно в таком подобоострастном подданническом законной власти повиновении, какого она и прежде не имела». Это не были преступники по убеждению, а стадо заблудшихся овец, как и смотрела на них императрица Екатерина II.

«Преступления сих людей, – писала она князю Вяземскому^[955], – произошли больше по легковерию и невежеству, ибо безрассудная их стремительность других важных предметов не имела, как только одни мечтательные выгоды, коими они были обольщены. И потому я весьма удалена, чтобы делать *кровопролитие*. Но думаю решение о них сделать после окончания Пугачева дела, *дабы их покрыть милостивым указом*».

Совсем иначе смотрела Екатерина на духовенство, прямо или косвенно принимавшее участие в восстании. В нем она уже видела не стадо, а пастырей, долженствовавших идти по пути долга и совести. Императрица передала на рассмотрение и решение Синода, «на основании церковных правил», поступки церковнослужителей, «которые в злодейском Пугачева возмущении сообщниками сделались».

Святейший Синод, с одной стороны принимая во внимание всю тяжесть преступления таких лиц, а с другой – «изыскивая приличные к тому духовные правила, нашел, что в самой первенствующей церкви Христовой все священнослужители, которые от страха гонения от веры отступили, хотя и приниманы были, по учинении в том покаяния, паки в общество правоверных, но от священнослужения навсегда отлучались и оставались яко простолюдины». Поэтому в заседании Синода 26 сентября 1774 г. было постановлено^[956]: 1) всех тех церковнослужителей, которые добровольно выезжали навстречу и передались на сторону мятежников, лишить сана и предать гражданскому суду; 2) тех, которые ради страха смерти молились за Пугачева, как за императора Петра III, лишить сана, подвергнуть церковному покаянию^[957] и затем отправить к светскому начальству «для распределения, куда они годными окажутся» и, наконец, 3) тех, которые хотя и старались укрыться от мятежников, но, будучи ими пойманы, против воли провозглашали на ектениях имя покойного императора Петра III, лишить священства, распределить дьячками и пономарями.

Таких лиц, подходящих под преступления всех трех категорий, оказалось очень много, и в одной Казани, по словам Платона Любарского, в два дня расстригли более 10 человек. «Попов здесь как овец стригут, – писал он Н.Н. Бантыш-Каменскому^[958], – почему у нас шерсть недорого; вчера и сегодня более 10 расстригли, да их же

высекли батожьем. Велено не старше сорокалетних писать в солдаты, а прочих в монастыри в работу».

Продолжительное волнение произвело полное экономическое расстройство края, грозило многими бедствиями, и прежде всего голодом. Поля самых плодородных губерний оставались необработанными, и уже в августе, в самый разгар сбора хлеба, была неслыханная дороговизна и привоза его в города почти не было. Предвидя недостаток в хлебе, покойный казанский губернатор фон Брандт еще в июле доносил о том Сенату, который возложил заботу о продовольствии населения на попечение провиантской канцелярии. Средства последней были совершенно ничтожны, и главнокомандующий опасался, что могут произойти новые беспорядки от всеобщей нищеты.

«Ничто столько меня не волнует, – писал граф П.И. Панин^[959], – как предвозвещение почти неизбежного голода, если к отвращению того всюду и всеми пособиями каждый не будет напрягать по должностям общей государственной связи всего всеподданнического усердия к вашему императорскому величеству и к безвредности от Бога врученного вам государства».

Он просил содействия Сената и присовокуплял, что, сколько бы он один ни принимал мер к отвращению голода, он не в силах этого сделать. Императрица разрешила графу Панину для необходимых расходов по покупке хлеба брать наличные деньги из доходов Казанской, Нижегородской, Воронежской, Белогородской, Слободско-Украинской и Тобольской губерний^[960]. «Прошу вас, – писала Екатерина^[961], – особое иметь око и попечение о нужду терпящих во вверенных вам местах, и если нужду и надобность в том находите, то употребите на унимание стона и плача разоренных и нужду терпящих, в провинциях и уездах, гневом Божиим посещенных, хотя от двух до трехсот тысяч рублей, в чем я вас через сие и уполномочиваю».

Всем губернаторам разоренного края приказано соединенными силами стараться отвратить голод, а графу П.И. Панину сообщено, «чтобы по входе большего числа войск в Империю» он обратил внимание на очищение дорог от воровских шаек, которые мешают жителям привозить свои продукты в города и на рынки^[962].

Для облегчения продовольствия населения императрица приказала полкам первой армии остаться на зиму в Польше и белорусских губерниях.

С своей стороны главнокомандующий, как только получил достоверные известия о доставлении Пугачева в Яицкий городок, отправил приказание князю Багратиону, чтобы он с своим отрядом и те восемь рот, которые шли из Смоленска, возвратились в места прежнего их расположения^[963].

Все эти меры лишь в слабой степени улучшали положение разоренного населения. Сельские жители сами не имели хлеба, и везти им в города было нечего. «Во всех тех местах, Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний, – доносил граф П.И. Панин еще 3 октября^[964], – где я проезжал, [был] самовидец, что уже с сентября месяца обыватели иного хлеба не едят, как с лебедой, с желудями, а в некоторых местах и с мохом».

Воронежский губернатор Шетнев в ноябре доносил, что население его губернии не имеет пропитания. «Для доставления нужду терпящим средства к прокормлению, – писала ему Екатерина^[965], – и дабы они не рассеялись по другим уездам, дозволяем вам употребить следующий способ: в уездных городах, состоящих посреди нужду претерпевающих мест, имеете вы зачать делать ров около тех городов, за умеренную денежную или хлебную из казны плату всякому полу и возрасту людей, ибо кто не может рыть землю, тот носить оную будет мало или много. Сим способом, буде порядочно установите, люди от побега,

неистовства и праздности удержаны будут и доставится им вспоможение в прокормлении. Все же таковые работы должны быть добровольны, отнюдь не нарядом и не с такой оглаской, чтоб из изобильных мест к вам работники стекались».

Вместе с тем признано было необходимым сложить до времени все недоимки, накопившиеся на жителях разоренного края, и обязать их вносить подати лишь с 1 сентября 1774 года^[966]. Казанский и нижегородский губернаторы были вытребованы в Симбирск для личных объяснений с главнокомандующим. На совещании было положено, для обеспечения продовольствия населения и войск, устроить провиантские магазины; нижегородскому губернатору купить 40 тысяч, а казанскому 50 тысяч четвертей хлеба. Из этих магазинов выдавать действительно терпящим нужду жителям от 2 до 3 четвериков на душу, под расписки помещиков, приказчиков или старост. Для развоза хлеба по уездам употреблять законтрактованные казной подводы с платой по одной копейке за версту. При этом граф Панин обратился с воззванием к более зажиточному населению, просил его оставить все корыстолюбивые виды и не возвышать цены на хлеб и фураж. Главнокомандующий грозил, что виновные в корыстных целях не только будут наказаны, но и казнены; лица же, содействующие его мерам, будут представлены к наградам. Последнее обещание им было в точности исполнено. Узнав от казанского губернатора, что помещик Степан Егорович Кроткий уступил свои значительные запасы хлеба казне по весьма сходной цене, главнокомандующий просил императрицу о награждении Кроткого следующим чином. «По состоянию же его в отставке, – писал при этом граф П.И. Панин^[967], – и ни у каких дел, а образцовым в здешнем краю хозяином в хлебопашестве, повышение его не может нанести никому обиды; насупротив же

оглашением одного (что я сделать и не преминул) произойти может побуждение и в других хозяевах, может быть, укрывающих избытки своего хлеба на случай возвышения одного цен, к отдаче его в ссудные народу магазины за постановленные цены».

Кроткий был произведен в следующий чин, но послужил примером для немногих.

Независимо от забот правительства по улучшению экономического быта разоренного населения, Пугачевский бунт указал на многие недостатки в администрации, и императрица Екатерина наметила себе вопросы, над разрешением которых и трудилась впоследствии. Описание мер, принятых для преобразования внутреннего быта России после Пугачевского бунта, должно составить особое исследование, и мы, не входя в подробности, скажем, что в числе первых мер было уменьшение пространства губерний, изменение администрации губернских правлений, изменение начал в управлении башкирцами и киргиз-кайсаками, преобразование казачьих войск, переселение волжских казаков на Кавказ, уничтожение Запорожской Сечи и проч.

Пространство уездов и число их в губерниях было несоразмерно с средствами и силами административных органов. «По великой обширности некоторых губерний, – сказано было в указе от 7 ноября 1775 г., – оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми». Поэтому число губерний было увеличено, и Россия разделена на 50 губерний.

«Сломав рога Пугачева и его сообщников, – писала Екатерина графу П.И. Панину, – мысли множеством вдруг приходят, из которых, во-первых, теперь есть внимания достойны: неверность башкирцев, кои ничем на свете не отягощены были (?), а при всяком случае злодеями объявляются; второе – набеги киргизские».

Изменение быта инородцев и их отношение к правительству являлось делом крайне необходимым, и императрица, поручая графу Панину представить свои соображения по этому вопросу, не оставила без внимания и казачьи войска. Прежде всего, по ходатайству Г.А. Потемкина, основанному на просьбе донских казаков, было уничтожено название Зимовейской станицы, как родины Пугачева.

«Всемиловейшая государыня! – писал Григорий Александрович Потемкин^[968]. – Находящиеся здесь войска Донского депутаты, поданным ко мне именем всего донского общества письмом, описывая то прискорбное для целого войска обстоятельство, в которое они ввержены одним токмо воспоминанием, что изверг человечества и возмутитель всенародного покоя Емельян Пугачев происхождение свое из недр пределов их имел, и что огорченные сим нимало непредвидимым случаем, неугасаемые никогда ревностью сердца их единственное успокоение свое в милосердом уважении вашего императорского величества службы полагая, просят правосудного услышания, и чтоб во истребление толь гнусной для самих их памяти, по желанию всего войска, всемиловейше дозволить Зимовейскую станицу, откуда сей помрачающий славу их изверг происхождение свое имеет, перенести совсем на другое место, а дом его рождения, преврати в пепел, развеять оный в прах.

Я по долгу моего над войском сим начальства, совокупно с оным, повергая себя пред освященным вашим императорским величеством правосудным престолом, именем всех сих таковым внезапным приключением покрытых стыдом и смущенных духом воинов, осмелясь прозорливости вашей представя, оправданную во всех случаях против неприятелей отечества и многими подвигами в сражениях утвержденную службу их, приемлю смелость

всеподданнейше просить: удостойте, всемилостивейшая государыня, вопиющий к освященной особе вашей глас многих тысяч составляющих донское общество, милосердного услышания и блистающим в свете правосудием оправдайте, великая государыня, что толь гнусное чудовище, в пылающих ко престолу вашему достохвальным усердием сердцах не токмо не совместно, но и чуждо».

Императрица Екатерина изъявила согласие, и указом от 13 октября 1774 года повелено было перенести Зимовейскую станицу на новое место. «А как господа депутаты войска сего, – писал Г.А. Потемкин^[969], – и полковники Машлыкин, Янов и Мартынов просили меня о дозволении наименовать оную станицу званием моей фамилии, то приняв оное желание их с душевным признанием и, поставляя то за особливую себе честь, отдаю наименование оной на собственную волю сей станицы чинов, которую и переименовать при самом перенесении ее на другое место».

Станица была перенесена на противоположный берег реки и наименована Потемкинской.

Вместе с тем, желая оказать войску свое внимание, Екатерина приказала выслать с Дона в Москву 65 человек «самых лучших и способнейших в оборотах казацких». Выбранные казаки должны были прибыть в Москву к январю 1775 года и составить почетный конвой императрицы. «А как оные имеют быть употреблены, – писал Г.А. Потемкин^[970], – в знак ревности и усердия сего войска при высочайшем ее императорского величества дворе, то и не сомневаюсь я, что войско Донское избранием к тому из именитых и лучших людей соответствующих как знанием службы, так и поведением своим, оправдает то непрестанное мое у престола ходатайство, которое я к благополучию его употребляю».

Как начальник всей легкой конницы и казачьих войск, Григорий Александрович Потемкин заботился об успокоении войска яицкого и водворении среди казаков мира и тишины. В начале октября 1774 года он отправил на Яик свой «публичный лист», в котором благодарил всех казаков, остававшихся верными правительству, и приказал прочесть его три раза населению, а затем хранить в войсковой канцелярии на видном месте.

«Войска яицкого атаману Бородину, – писал Потемкин^[971], – всем того войска чинам вообще и каждому особо, изъявившим, при вероломности прочих собратий их, непоколебимость духа своего и исполнившим на всегдашнюю память потомства их долг верных сограждан и почтенных отечества сынов.

С душевным оскорблением взирая на потрясение верности некоторых ослепившихся лживыми вдохновениями нарушителя всеобщего покоя донского казака Емельяна Пугачева и учинившихся совокупно с ним извергами отечества, с чувствительнейшим признанием обращаюсь я к тем избранным и вечного почтения достойным войска сего чинам, кои в неизглаголанной славе своей, при самом злодейском с братией их потрясении подданнической к высокомонаршей от самого Бога установленной власти повиновении, непоколебимостью и твердостью духа своего оставшихся в пределах должности, исполнили долг верных сограждан и истинных отечеству сынов.

Сим почтенным воинам свидетельствую наипризнательнейшую мою благодарность и публично объявляю, что сей так [столь] отличный их опыт ревности и усердия к освященному ее императорского величества престолу не только не сокрылся от прозорливого ее внимания, но с достойным все милостивейшего ее примечанием уважением принят и удостоен высочайшей апробации, с таким высокомонаршим обнадеживанием, что так достойная

служба их праведным воздана будет награждением, о котором я по долгу моего над войском сим начальства с душевным удовольствием предстою освященному ее престолу ходатайствовать не престану».

Одним из первых его ходатайств было «истребление из памяти» и предание вечному забвению всего последовавшего на Яике. Всеподданнейшим докладом от 10 января 1775 года Г.А. Потемкин просил императрицу приказать реку Яик, «по которой как оное войско, так и городок название свое доныне имели», назвать *Уралом*, и войско *уральским*^[972]. Императрица согласилась с мнением Потемкина и указом Сенату от 15 января повелела: «Войско именовать *Уральским* и впредь яицким не называть, равно и Яицкому городку называться отныне *Уральск*»^[973].

Таким образом название яицкого войска уничтожилось вместе с именем Пугачева и почти одновременно с понесенным им наказанием.

Глава 28

Отправление Пугачева в Москву. - Прибытие его в Первопрестольную столицу. - Свидание его с князем М.Н. Волконским. - Обвинение преосвященного Вениамина, архиепископа Казанского, в сношениях с Пугачевым. - Арестование Вениамина. - Мнение императрицы Екатерины. - Оправдание архиепископа и возведение его в сан митрополита Казанского.

С начала октября в Москве делались уже все приготовления для приема Пугачева для производства над ним следствия и суда. 3 октября прибыл в Первопрестольную столицу известный обер-секретарь Шешковский, и для содержания самозванца с его сообщниками отделялся особый дом на монетном дворе (в Охотном ряду).

Назначенный председателем суда, главнокомандующий в Москве князь М.Н. Волконский 8 октября отправил в распоряжение графа П.И. Панина Смоленский драгунский полк, а пять рот Нарвского пехотного полка расставил по станциям от Москвы до Муром. Находясь в 60 верстах друг от друга, роты эти должны были конвоировать Пугачева и его сообщников при доставлении их в Москву.

«Я заметил, – писал князь Волконский Г.А. Потемкину^[974], – все что явно делается, то народ больше в вере, а ежели что скрытно, то выходят всякие глупые и вредные толки и лжи».

«Когда злодей Пугачев сюда привезен будет, – прибавлял московский главнокомандующий^[975], – то, по мнению моему, кажется, надо его через Москву везти публично и явно, так чтобы весь народ его видеть мог,

по примеру как Петр I, взяв Азов и в нем изменника Якушку, велел ввозить в Москву следующим образом: сделана была особливая повозка, на которой поставлена виселица и к оной тот злодей прикован был, а вверху над ним большими литерами надпись была его злодействам. Не прикажете ли, всемилостивейшая государыня, и ныне так же сделать, на что буду ожидать высочайшего повеления».

Императрица не разделяла мнение главнокомандующего, приказала усилить конвой при въезде в город и ввезти самозванца днем, «но без всякой дальней аффектации и не показывая уважения к сему злодей и изменнику»^[976].

Пугачев с женой Софьей и сыном Трофимом 25 октября были отправлены из Симбирска и в девять часов утра 4 ноября, при огромном стечении народа, привезены были в Москву прямо на монетный двор.

«Народу в каретах и дам столько было у Воскресенских ворот, – писал князь Волконский^[977], – что проехать с нуждой было можно, только что глядят на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдет ли злодей к окошку. Однако же зрители в сем обманулись, что его видеть никак невозможно».

Скованный по рукам и ногам, Пугачев, сверх того, был еще прикован и к стене, и потому не мог показаться любопытным зрителям^[978].

В десятом часу утра того же дня приехал на монетный двор князь Волконский и говорил с Пугачевым «исторически». Самозванец пал перед ним на колени и признавался в своем преступлении.

– Виноват, – говорил он, – перед Богом и перед государыней.

Князь Волконский укорял его в зверстве и в бесчеловечном

предании многих смерти.

– Мой грех, – отвечал Пугачев, – подбили меня люди, да уже теперь я виноват. Я и сам был этому не рад, да яицкие казаки делали что хотели. Рад заслужить вины свои ее императорскому величеству.

Поручив надзор за Пугачевым капитану Галахову, князь Волконский приказал Шешковскому приступить немедленно к допросу.

Независимо от подробностей, относящихся до причин бунта, походов самозванца и его деятельности, допрос должен был выяснить многие недоразумения, явившиеся вследствие ложных и разноречивых показаний его сообщников. Одним из таких наиболее важных недоразумений было обвинение казанского архиепископа Вениамина в сношениях с Пугачевым.

Вскоре после разорения Казани и именно 25 июля был пойман и доставлен в Нижний Новгород самозванный пугачевский полковник и дворянин Костромской губернии Илья Аристов^[979].

Не скрывая того, что находился в толпе самозванца, Аристов в первоначальном допросе показал, что в день прихода Пугачева под Казань рано утром прискакал к самозванцу семинарист и от имени архиепископа Вениамина передал ему вязаный кошелек с золотыми деньгами «по примечанию тысяч до трех», что Пугачев взял деньги, приказал благодарить архиерея, а привезшему их семинаристу поднес рюмку водки^[980].

Показание это озадачило присутствовавших, и нижегородский губернатор Ступишин нашел его настолько важным, что счел необходимым копию с показания Аристова представить императрице, а подлинное показание и самого Аристова отправил в Казань в секретную комиссию.

«Показание злодейского мнимого полковника Аристова, – отвечала Екатерина Ступишину^[981], – не

малой суть важности; но надеясь на благость Всемогущего, что удачи злодею ни в чем не будет».

В секретной комиссии в Казани смотрели на показание Аристова, как на событие особой важности. «Из экстракта сего допроса, – писал Павел Потемкин^[982], – ваше императорское величество усмотреть изволите, какие ужасные дела происходят. Я не смею верить, чтоб сие подлинно было».

Действительно, как-то не верилось, чтобы показание Аристова было справедливо. «Кажется, на первом взгляде, – отвечала Екатерина^[983], – трудно себе представить, чтобы сей семидесятилетний старик, который сам своим подвигом изверга Пугачева, со всеми к нему пристающими, предал церковному проклятью, столь много позабыл сам себя и таковой опыт дал своему неверию, захотя чрез то несколько минут продолжить жизнь свою. Однако без исследования таковой поступок никак оставить не можно, и для того, если, по сообщению нижегородского губернатора, вы к сему еще не приступали, то сперва наведайтесь под рукой и старайтесь узнать и получить в своих руках семинариста, а потом дайте знать сюда; а к его преосвященству определите офицера, который при теперешних обстоятельствах ответствен бы за все поступки из ума выжившего старика сего».

В тот день, когда императрица писала это письмо, П.С. Потемкин, несмотря на дворянское происхождение Аристова, бил его в Казани плетью и требовал чистосердечного признания^[984].

Допрашиваемый представил присутствующим новую картину своих походов. Он говорил, что был выпущен мятежниками из секретной комиссии вместе с женой Пугачева Софьей, с которой будто бы познакомился, когда был взят на Дону и содержался вместе с ней. Аристов уверял, что во время разорения Казани мятежниками он, по приказанию Пугачева, был

посажен в одну телегу с Софьей и доставлен в лагерь самозванца, где и приказано ему находиться при ней безотлучно^[985].

– Увидя, что я скован, – продолжал Аристов, – самозванец велел идти к кузнице и расковаться. Идучи к кузнице, нашел [нагнал] я содержащегося в секретной комиссии, в одной со мной казарме, казанского купца Александра Огородникова, который также был еще в оковах, и, обще с ним пришед в кузницу, расковались. А как Огородников имел нужду в пище, то я, зная, что у злодеевой жены во всем будет изобилие, позвал его с собой. Около полудня приехал к ставке [самозванца] верхом человек молодой, как бы церковник или семинарист какой. Как же он подъехал близко ставки и сошел с лошади, то бывший в то время у злодея один только, называемый полковником, яицкий казак, вышед из ставки, спросил его: «Что ты за человек и зачем сюда приехал?» Приезжий отвечал ему на ухо, и полковник в ту же минуту ввел его к злодею. А я, любопытствуя знать, что это за человек был и зачем приехал, примечали с Огородниковым, что будет делать, и видели, что незнакомец, вошед в ставку, стал перед злодеями на колени и держал в руках кошелек, вязанный из желтого шелка с серебром, наполненный деньгами. Злодей приказал ему с коленей встать, и он, встав на ноги, разговаривал с ним тихо, а держанный им кошелек подал злодей, который приказал вошедшей в ставку наложнице своей Дуньке подать тарелку. Она подала серебряную вызолоченную, и из кошелька высыпали деньги на оную. Тут увидели мы, что в кошельке были все золотые полуимпериалы, империалы и червонцы, очень и очень много, так тысячи с три. Злодей, обрадовавшись, приказал вручителю их поднести чарку водки, и когда откланивался, то злодей вслед ему кричал: «Хорошо, благодари, благодари». Незнакомец, вышед из ставки, сев на лошадь, уехал. Я

же между тем спрашивал у Огородникова, что бы это за человек приезжал. Он мне отвечал: «Это певчий архиерейский из Воскресенского [монастыря]». Как же певчий поехал, то злодей, вышед из ставки, приказал мне подать ножницы и нитки; я, взяв у наложницы девки Машки, принес ему. Злодей приказал наложницам своим, Марфутке и Дуньке, подпороть подкладку у своего бешмета и, раскладя сии золотые, простягать таким образом: империялы и полуимпериялы около груди, а червонцы около подола. Как же оное исполнено, то злодей оный бешмет надел на себя и всегда в нем ездил.

Как ни точны были, по-видимому, эти показания Аристова, но они противоречили с теми, которые были даны им в Нижнем Новгороде. Там он говорил, что посланный приезжал к самозванцу утром, а здесь показал, что это было в полдень. В Нижнем он скрыл нахождение свое в Казанской секретной комиссии и показал, что находился в толпе мятежников при приближении их к Казани, а здесь – сделать этого не мог. Несмотря на указанные противоречия, Аристов стоял на своем и уверял, что деньги были привезены Пугачеву ни от кого другого, как от архиепископа Вениамина. Чтобы узнать, кто именно привозил эти деньги, П.С. Потемкин приказал расковать Аристова и свести в церковь, когда Вениамин служил церемониально и при нем находилась вся его свита; но Аристов не указал ни на одного из семинаристов. «Я намерен был, – доносил Потемкин ^[986], – под другим видом призвать в секретную комиссию всех семинаристов, но злодей Аристов сделался отчаянно болен, и потому опасаюсь я, чтобы смерть его не скрыла зло, которое надлежит вывести наружу. Ибо хотя не имея больше подозрения толь высокого степени духовного, которому бы надлежало лучше, в обличении при крайности злодеев во грехах их, погибнуть и

принять через то вечную ангельскую и бессмертную славу, нежели толь подло думать о продолжении жизни, которая и без того кратковременна. Однако, соображая все дела, нашел я некоторую причину к сомнению, о чем вашему императорскому величеству изустно податель всеподданнейшего моего донесения донесет».

Продолжая тщательные розыски, П. Потемкин успел найти в числе пойманных мятежников и купца Александра Огородникова, который сначала говорил, что ничего не видал и не слышал, но 17 сентября, на очной ставке с Аристовым, подтвердил слова последнего. Огородников сказал, что приезжавший был певчий, по фамилии Лебединский, и что он помнит его «прозвание потому, что оный певчий сам сказывал в питейном доме, что мое-де прозвание по нашему селу, где отец мой живет».

– Имени того певчего я вспомнить не могу, – говорил Огородников, – ибо я его года с полтора не видал.

Лебединских оказалось два брата: один, Герасим, семинарист, а другой дьякон Иван, находившийся при архиерее в певческой должности. Семинарист был немедленно потребован в секретную комиссию, где член ее, Горчаков, показал ему пакет, будто бы адресованный на имя его брата, и спросил, где брат его жительство имеет?

– Брата моего в городе нет, – отвечал спрошенный, – месяца с полтора тому назад он послан от преосвященного на рыбные ватаги, отсюда восемьдесят верст за Камой находящиеся.

Семинарист был отпущен, а Горчаков, обратившись к находившимся в той же комнате Аристову и Огородникову, спросил, не он ли привозил деньги к самозванцу?

– Нет, не он, – отвечали они, – но похожий на него; у того волосы порусее и нос пошире.

Подозревая, что это должен быть брат семинариста, секретная комиссия отправила на рыбные ватаги нарочного за дьяконом, который 1 октября и был доставлен в Казань, но ни Аристов, ни Огородников не признали его тем лицом, которого искали. Тогда члены комиссии приказали Аристову, в присутствии дьякона Лебединского, рассказать приметы приезжавшего.

– Это был человек молодой, – говорил Аристов, – ростом высоковат и тонок, лицом чист, востронос, глаза серые, волосы светло-русые; платье на себе имел кафтан длинный василькового цвета, подпоясанный каламянковым пестрым кушаком, и волосы завязаны были пучком.

– Кто бы из семинаристов походил на эти приметы? – спрашивали Лебединского.

– С сими приметами, – отвечал Лебединский, подумавши, – схож выпущенный из семинарии и находящийся теперь в Воскресенском, при доме преосвященного, в должности библиотекаря и экзаменатора ставленников, поповский сын Степан Федоров, по прозванию Львов.

В тот же день Львов, пьяный, с пирушки, был взят в секретную комиссию. Когда он немного проспался, тогда стали его допрашивать.

– Какая поручена была тебе комиссия, – спрашивали присутствовавшие члены, – во время прихода под Казань злодея?

– Ах, боже мой! – отвечал Львов. – Никакой, и я ничего знать не знаю.

– Знаешь ли ты, в каком месте теперь находишься?

– Знаю, в секретной комиссии.

– А когда знаешь, так должен сказать всю правду; не питай себя никакой надеждой и не возлагай ни на кого своего упования.

– О, существо! Да о чем мне сказывать правду; я ничего не знаю; на кого мне надеяться – я человек

беззаступный.

«А как при сем случае примечено, – сказано в постановлении комиссии, – что еще не весь чад из головы его вышел, то оставлено ему время на размышление до другого дня».

На следующее утро Львов снова был призван в секретную комиссию.

– Где ты находился, – спрашивали его, – когда злодей Пугачев под Казань подступил с своей злодейской сволочью?

– В кремле, в архиерейском доме, – отвечал Львов.

– Не поверено ли тебе было какой комиссии от архиерея?

– Мне поверено экзаменовать кандидатов в священники и дьяконы.

– Не о том мы тебя спрашиваем: не посылай ли ты был куда и с чем-нибудь тогда, когда злодей взял форштадт?

– Нет. Я ниже на четверть шага из кремля не выступал. Извольте спросить у всех, кои здесь были: у певчих, монахов и духовника нашего. Я до тех пор был в кремле, пока дозволен стал выход. В то самое время, когда злодей усиливался, я в кремле, в церкви Трех Святителей, с певчим Марковским и музыкантом Седмиезерским, был на исповеди у отца Евлагия.

– Ты нам не говори этого и не надейся ни на кого, ибо здесь такое место, что никто не может тебя заступить.

Подпоручик Горчаков отворил соседнюю дверь и вызвал к себе Аристова и Огородникова, которые заявили, что Львов тот самый человек, который был у самозванца.

– Ну, вот, ты запираешься, а видишь, что двое на тебя представляют.

– Помилуйте, – отвечал Львов, – объясните мне, что они на меня доносят, ибо я, ей-ей, ничего худого за

собой не знаю.

– Как тебе не знать! Ты послан был от архиерея к злодею с деньгами.

– Бог мой душу, кроме всякого покаяния, в сие мгновение ока, на сем месте ужасно да извергнет из меня, если я не только отвозил к злодею от архиерея деньги, но ежели хотя знал или во сне, когда мне об этом пригрезилось. Перед сущим Богом [говорю]: я знать не знаю. Извольте спросить у всех, кои здесь были в то время из знающих меня.

– Вот ужо скажешь, как жилы тянуть станем, с брюха и со спины кожу сдерем. В застенки мошенника, плута, злодея; небось скажешь всю правду.

– Правосудные! Ей-ей, знать ничего не знаю.

Львова отвели в соседнюю комнату, советовали одуматься и признаться во всем чистосердечно. Спустя несколько часов он был опять приведен к допросу и встретил в той же комнате Аристову и Огородникова.

– Ну что, одумался? – спросили Львова члены секретной комиссии.

– Да чего мне одумываться, – отвечал он, – я, ей-ей, ничего не знаю.

– Как тебе не знать, – заметил Аристов, – разве я не видел, как ты изволил разъезжать по полю. Я бы человек восемьдесят свидетелей представил, да не знаю здешних жителей.

– Расскажи, – сказал Горчаков, обращаясь к Аристову, – как все дело было.

Аристов повторил свое показание, но Львов не признавался.

– Братцы, – заговорил он, – посмотрите хорошенько, я ли полно был, не ошиблись ли вы.

– Мне нельзя в тебе ошибиться, – заметил Огородников, – ведь мы бывали иногда с тобой в одном месте, и ты сам меня знаешь.

– Я не спорю, что мы с тобой знакомы, но не знаю, с чего вы на меня об этом показываете; я не приезжал в стан злодейский, да и где мне взять деньги.

– Полно, сердечный, не доводи себя до худого, признайся лучше, ведь мы не лжем на тебя, сам ты знаешь.

Львов клялся, что из кремля никуда не выходил, просил допросить свидетелей, но судьи его не слушали.

– Нет, друг, не отбожишься, – говорил Аристов, – ведь трудно *терпеть три вечерни* [пытки] – скажешь небось!

– Да, вот посмотри-ка! – сказал секретарь Зряхов, указывая на Огородникова, у которого вся рубашка была в крови. – Спроси-ка у него, каково?

– Довольно я терпел за тебя, – говорил Огородников с упреком, – теперь хотя голову на плаху, а мы точно тебя видели приезжавшего.

– Эх, брат Огородников, побойся Бога, – умолял его Львов, – вспомни Страшный суд.

– Чего нам напрасно говорить, – заметил Аристов, – к нам многих уже приводили на показ, а напрасно на них мы ведь не говорили.

Аристова и Огородникова приказано было вывести из присутственной комнаты.

– Ну что, все еще не хочешь сказать? – спрашивали члены комиссии.

Львов молчал.

– Он дюж, хочет потерпеть, – говорил секретарь Зряхов, улыбаясь.

– Напрасно ты себя приводишь к побоям, – заметил Горчаков, – подумай сам: Огородников тебе знаком и ему нельзя в лице твоём ошибиться.

– Правда, он знает меня, – отвечал Львов, – только не понимаю, для чего он ложно на меня говорит.

Видя, что допрашиваемый не соглашается раскрыть истину и не подтверждает слов Аристова и

Огородникова, члены комиссии приказали принести доску с кольцами, раздеть обвиняемого и «распетлить» в кольца.

– Батюшки! – кричал Львов. – Справьтесь Христа ради с другими!

– Вот я те ужю, – кричал Горчаков, – как тебе не знать!

– Полно, – заметил Зряхов, – бросим, справимся еще, и если тогда не скажет, то не пеняй на нас.

Обвиняемый был избавлен от пытки и отведен в тюрьму. Спустя несколько часов Львову опять была дана очная ставка с его обвинителями.

– Батюшки, – говорил он со слезами, – посмотрите пристальнее, я ли был?

– Чего смотреть, – отвечал Аристов, – мы знаем и видим, что точно ты приезжал, ведь не обман был на твою рожу.

Львов был в отчаянии. Члены секретной комиссии грозили ему пыткой, обещали тянуть жилы, если не скажет. Допрашиваемый удвоил клятвы, но Горчаков, не слушая их, ударил подсудимого два раза по лицу. «И так, – показывал Львов, – я с роду почти на себе лозочки не видал и, природно будучи робок, трусил, не зная, что далее со мной сделают»^[987].

– Не бейте, ваше благородие, – сказал он, – я вам все скажу, только дайте мне времени немного.

Присутствовавшие согласились, и в тот же день, 2 октября, записали следующее показание Львова.

– Июля 12-го числа, – говорил он, – поутру, в пять часов, злодей пришел к Казани, против которого городовые войска и обыватели имели сражения. Но, будучи осилены, как зачали от злодея ретироваться, то я с прочими находился в сие время на соборной колокольне, и, приметя ретираду городских жителей, убоялись оставаться доле на колокольне и, сбежав с оной, намерены были каждый искать своего спасения.

Как шел я двором, пробираясь к своей келье, то на крыльце стоял тогда живущий в кремле, при доме преосвященного, в должности собственного его казначея и любимец его, Казанского девичьего монастыря дьякон Алексей Нонин, который, увидя меня, закричал: «Львов, поди сюда». Я подошел к нему, а он, приказав мне за собой идти и введши в проходную келью, привел напоследок из оной наверх под крышу и, держа меня повыше локтя за руку, говорил: «Слушай, Львов, потрудись, пожалуйста, ты не будешь оставлен; поди ты в Спасский монастырь, спустись со стены да беги как можно скорее тайным образом через Успенский мост, пока злодеи по всему городу не рассыпались, в Воскресенский монастырь и, взяв там лошадь, скачи оттуда в стан злодейский и отдай вот этот кошелек самому Пугачеву и говори так: «Кланяется-де сим вашему величеству его преосвященство архиепископ Казанский и просит покорнейше освободить от разорения загородный его Воскресенский монастырь». Да смотри же, брат, исправь сие скрытнейшим образом, чтобы никто об этом не знал и не увидел, и никому не сказывай, а буде по дороге тебя кто спросит, куда бежишь, то скажи, что ищешь от злодеев своего спасения». Выслушав сие, я стал было отговариваться тем, что страшно попасть в руки злодеев. Но дьякон говорил: «Пустое, брат, чего тебе бояться? Думать надобно, что злодеи будут стремиться все к кремлю, так ты свободно можешь пробраться в Воскресенское. Пожалуйста, Степанушко, постарайся, право, не будешь оставлен, будь только скромн». Не смея более отговариваться, ибо я думал тогда, что сие возлагал он на меня с повеления архиерейского, принял золотом наполненный кошелек и, спустись из Спасского монастыря, через городовую стену, пробрался мимо Успения, Владимирской и далее через плетни. Прибежав же в Воскресенский монастырь прямо на конюшню, взял

лошадь, поехал в стан злодейский, стоявший тогда близ деревни Савиновой, верстах в десяти от монастыря. Как же в оный я приехал, то злодея Пугачева нашел тут; разбойник был тогда в ставке своей, к которой пришед я просил первого попавшегося мне казака, называемого дежурным, чтоб доложил обо мне злодею, придав ему титул императора, сказав о себе, что прислан из Воскресенского монастыря. А как сей казак стал меня выпрашивать, зачем я прислан, то сказал ему, что имею тайность. Почему казак, входя к злодею и вышед оттуда, позвал меня. Я вошел и, держа в руках означенный кошелек, в пояс поклонился злодею и потом, подавая кошелек в руки, говорил сии слова: «Кланяется сим вашему величеству его преосвященство архиепископ Казанский». Злодей принял от меня оный и, держа в руках, потряс, а потом отдал случившейся при том какой-то женщине, а сия тотчас высыпала из кошелька на позолоченную тарелку. Тут мог я приметить, что число червонных немалое было, ибо тарелка, будучи глубока, почти под край наполнена была. Пугачев приказал оному казаку поднести мне чарку вина, которую я и выпил. Помянутый, называющийся дежурным, казак, положи руку на мое плечо, дал знак, чтобы я стал на колени, что я и сделал, а злодей, оборотясь ко мне, сказал: «Хорошо, поблагодари». Я встал и, поклоняся ему, вышел из ставки и поехал обратно в Воскресенский монастырь, в котором жил я два дня, ибо уже не можно было мне проехать в кремль. Как же потом злодейская сволочь, войсками командуемыми полковником Михельсоном, рассыпана и прогнана, то я приехал в кремль, где помянутый дьякон [Ионин], увидев меня в сенях дома архиерейского, спрашивал наедине: «Был ли ты там?» Был, отвечал я, и отдал; приказал он благодарить. А дьякон сказал мне: «Смотри же, никому не сказывай, так не будешь

оставлен». Почему я и обещался молчать и для сего самого, что боялся и архиерейского гнева.

Показание это еще более убеждало в действительности сношений архиепископа Вениамина с самозванцем, и потому члены секретной комиссии торопились захватить в свои руки дьякона Ионина. В восемь часов утра, 3 октября, был послан к дьякону человек полковника князя Одоевского попросить Ионина к своему господину для некоторых объяснений. Дьякон явился в квартиру князя, а ожидавший его прихода член секретной комиссии Горчаков взял и привел его в присутствие. Указав дьякону на важность места, где он находится, члены комиссии объявили, что он должен показать всю правду, о чем будет спрашивать, до какой бы особы она ни касалась.

– Я знаю важность сего места, – отвечал Ионин, – и конечно, сказал бы всю правду, если бы что знал, но я ничего ни за собой, ни за другими не знаю и не понимаю, по какому делу сюда призван.

На это ему объявлено, «чтобы выкинул из головы своей такие мысли», и знал, что он призван в комиссию по таким обстоятельствам, которые могут его обличить в случае записательства.

– Воля ваша, – отвечал дьякон, – для меня это непонятно, я ничего не знаю.

– Неправда, ты знаешь, да не хочешь сказать; боишься, может статься, той персоны, от которой была поручена тебе комиссия. Это место такое, что ты не должен никого опасаться, кто бы он ни был.

– Кого мне бояться и что за комиссия, я не знаю.

– Как не знаешь: тебе поручена была комиссия во время нашествия на здешний город злодеев. Разве забыл ты кошелек?

– Что значит кошелек? – спрашивал дьякон. – Я ничего не знаю, – говорил он в смущении.

В ответ на это было прочитано показание Львова.

- Знать не знаю, - говорил Ионин, - денег от преосвященного не принимал и никому их не отдавал.

- Если тот человек, которому ты деньги давал, тебя изобличит, - говорил Зряхов, - то тебе помилование уже не будет; с тобой поступлено будет иначе.

- Знать ничего не знаю, - повторял дьякон.

- Тебе этого говорить нельзя; есть точные доказательства, которые при том были.

В присутствие ввели Степана Львова.

- Когда я тебе давал такие деньги? - спросил Ионин.

- Да, ты подлинно мне деньги отдал, - отвечал Львов.

Дьякон с удивлением смотрел на всех присутствовавших.

Львов повторил свое показание, но и после того Ионин отпирался; тогда приказано было сковать дьякона, отвести в заключение, и дан ему срок подумать до следующего дня, а затем объяснить все обстоятельства дела.

- Ну что, подумал? - спрашивали судьи Нонина на следующее утро.

- Я ничего не знаю, - отвечал спрошенный, - все это напрасно.

- Вот тебе еще три часа сроку, - сказал Горчаков, - а потом если не повинись, то будем сечь немилосердно.

Часу в пятом после обеда Нонин был опять приведен в судейскую.

- Говори, в последний раз тебя спрашиваем.

- Ничего не знаю, - отвечал дьякон.

В комнату внесли доску с кольцами; Нонину приказали разоблачиться. Он заплакал.

- Как мне сказать, - произнес он, - я совсем пропаду и буду вечно несчастлив.

- Чего тебе бояться правды; верь, что никто тебе ничего не сделает.

- Виноват, - проговорил Нонин, кланяясь в ноги членам комиссии.

- Каким образом все происходило?

- Помилуйте, - говорил дьякон, - чем я могу доказать, когда он [Вениамин] запрется; ведь я тогда должен буду пропасть.

- Ты не должен в этом сомневаться, лишь бы сказанное тобой было правда.

- Июля 12-го числа, - говорил дьякон, - когда злодей с разбойнической своей сволочью пришел под Казань, то преосвященный Вениамин в соборе приносил мольбы Всевышнему о поражении злодеев, но потом, как городовые войска, не в силах будучи отразить злодеев, зачали к крепости ретироваться, то преосвященный, вышед из собора и войдя в крестовую, благословлял бывших в оной людей. Выйдя из крестовой в свою спальню, позвал меня за собой и, взяв со стола приготовленный кошелек, наполненный золотой монетой, и отдавая оный мне в руки, говорил дрожащим голосом: «Возьми этот кошелек да сыщи человека проворного и надежного, отдай ему оный и вели бежать скорее в Воскресенский монастырь и там, взяв лошадь, скакал бы в стан злодейский и отдал бы этот кошелек в руки самому Пугачеву и сказал, что преосвященный от загородного своего дома кланяется сим хлебом. Я боюсь, чтобы злодеи не разорили и не сожгли загородного моего дома, так и того, что буде они, от чего Боже сохрани, ворвутся в крепость, то первого меня умертвят». И таким образом, отдав мне сей кошелек, сам пошел в собор служить молебен.

Показание дьякона Ионина^[988] не оставляло уже никакого сомнения в том, что преосвященный Вениамин имел сношение с Пугачевым, и следственная комиссия была в крайнем затруднении, как поступать ей далее. «Дерзаю, всемилостивейшая государыня, - писал Павел Потемкин^[989], - всеподданнейше просить монаршего

вашего повеления, каким образом поступить мне со впадшим в преступление, не допуская до соблазна, употребляя всевозможные меры, чтобы скрыть сие от народа, дабы явно не был вмешан человек толь высокого сана в дела разбойника».

Воспользовавшись тем, что 13 октября преосвященный Вениамин должен был переехать из села Савинова, где он жил, в Казань для расстрижения саранского архимандрита Александра, П.С. Потемкин просил архиепископа повидаться с ним. Он предложил Вениамину остаться в городе, поселиться в Спасском монастыре и прочитал ему предложения секретной комиссии, которая требовала разъяснения взведенных на него обвинений^[990].

«Секретная комиссия, – сказано было в предложении^[991], – производя дела, касающиеся до нее по причине бывшего мятежа, должностью имеет по высочайшему соизволению следовать и находить все источники, произведшие тоlikое зло в возлюбленном отечестве нашем. Вашему высокопреосвященству известно, что каждый сын отечества, каждый раб ее величества, в силу клятвы, данной перед всемогущим Богом возлюбленной Его помазаннице, августейшей государыне и самодержице нашей императрице Екатерине Алексеевне, первым долгом в жизни своей поставляет ни малейшего в ней не пропускать, который [что?] до целости общего спокойствия и наблюдение высочайших прав ее величества относится. То наипаче сия комиссия, будучи учреждена точно на основании том, что все касающееся к исследованию начала причин бывшего зла и разбирательству всех происшествий оных, обязана исполнить по существу долга своего все то, что до нее принадлежать имеет.

Сим приступает секретная комиссия предложить в священном имени ее императорского величества вашему преосвященству следующее:

Показано на ваше преосвященство, якобы вы в тот день, когда приключение с казанским форштадтом последовали и бунтовщики в оный ворвались, посылали самозванцу кошелек, наполненный золотыми деньгами, по виду до 3000 рублей.

Присутствующие в секретной комиссии, с крайним прискорбием внимая сей поступок, невероятный от высокого сана вашего, почли на первый раз за клевету; но дабы ничего не упустить по должности, исканы были от комиссии те свидетели, которые могли бы как утвердить показателя, так и обличить семинариста, который, якобы от имени вашего, приезжал с дарами к злодею. Все сие найдено. Хотя показатель считал сего посланного семинаристом, но сей – библиотекарь вашего преосвященства, по многом заперательстве признался, что он погрешил перед Богом и перед ее величеством и, повинувшись слепо вашей власти, отвез оные деньги от имени вашего, по приказу дьякона Алексея Ионина. Сей дьякон, будучи тверже первого в непризнании истины, видно, что сердце его ощущало угрызения совести, наконец равно признался, что он точно принял деньги от вашего преосвященства и послал оные с показанным библиотекарем, яко надежным в верности толь горестной для пользы общества, к самозванцу и именем вашим просил избавление от разорения вашего загородного дома.

Допросы каждому из них читаны в присутствии, на них утвердились они клятвой и подписались своеручно.

По таковым доказательствам не могла обойтись секретная комиссия, чтобы не спросить изъяснение вашего преосвященства о сем, предлагая, если показание сие справедливо (чего без содрогания сердца невозможно представить), чтоб вы благоволили открыть всю истину, не утаивая в сердце своем, каких ради причин посылали вы подарки к бунтовщику и самозванцу? А чтобы доказать яснее вашему

преосвященству основательные причины, побудившие комиссию приступить к сему, определила комиссия прочесть прежде вашему преосвященству допрос дьякона, бывшего наперсника вашего.

Не надлежало бы комиссии предлагать вашему преосвященству, яко первосвященнику просвещенному, нагбенному под бременем многих лет, имеющему многие познания, многие испытания и знающему всю цену священного благоговения, каковое должно иметь к помазаннице Божией, но должность есть комиссии предложить вашему преосвященству, чтоб вы, чем более знаете важность всего почтения и верности к монархам, тем менее по просвещению своему делали укрывательство в погрешении, понеже комиссия, если бы не имела ясных доказательств, к сему не приступила бы.

Но ежели душа ваша чиста и непорочна, обличите клевету показателей на вас равными ясными доказательствами, к лицу наперсника вашего, который долго колебался открыть вину свою, но признался в оной. И для того комиссия просит ваше преосвященство, чтоб вы соизволили ответ свой написать на сие предложение, дабы во всем могла она ответствовать перед престолом ее величества. А потом, если вы не откроете истины, представлен будет показанный дьякон перед лицо ваше ко объяснению дела».

С удивлением и огорчением прочел маститый старец предложения Потемкина. Какие доказательства, и притом ясные, мог привести он в свое оправдание? Вениамин отвечал, что не только не давал никому денег 3 тысячи руб., но и в мыслях этого не имел; что Воскресенский свой монастырь он оставил за шесть дней до прихода Пугачева; что из кремля никуда не выходил; что во время штурма все время служил молебны и дьякон Ионин был безотлучно при нем и «стало быть, то на меня показание совсем невероятное,

и он, дьякон, как меня, так и себя оболгал напрасно. Сие я показую по самой чистой совести, так как перед престолом Божиим, и заклинаю себя в том небом и землей»^[992].

Вениамин просил Потемкина привести к нему дьякона или дать им очную ставку, но последний не согласился на эту просьбу по следующим причинам: «Первое, – писал он^[993], – что без высочайшей воли вашей не дерзаю приступить к убеждению его таковым образом, и второе, что после провести бы могли сличение между архипастыря и дьякона, к унижению славы и почтение первому. А сверх того дьякон, привыкнув к почтению сана преосвященного, легко может при лице его от робости запереться. В самом деле видимо, что исполнено сие от единого страху смерти, которого преодолеть его преосвященство не был в состоянии». Представляя императрице показания Аристова, Огородникова, Львова, Ионина и ответ преосвященного и желая до времени прекратить сношение Вениамина с посторонними лицами, П.С. Потемкин определил для постоянного пребывания при архиепископе подпоручика Горчакова и сенатского секретаря Чередина. Первый должен был отвечать за все поступки Вениамина, а второй вести журнал всему происходящему в келье^[994]. Вместе с тем в Воскресенском монастыре было запечатано все, что можно: музей, кладовые и жилые комнаты; книги и рукописи были взяты в секретную комиссию, но в них ничего не найдено.

«Впрочем, всемилостивейшая государыня, – писал Потемкин, – употребляю я все меры скрыть сие от народа, дабы не подать ни малейшего подозрения». Скрыть этого было невозможно. В Казани давно уже знали об аресте Львова и дьякона Ионина; знали, что их допрашивали и содержат в оковах. «У нас все объаты страхом, – писал Платон Любарский Бантыш-

Каменскому^[995], – в том числе и я; неизвестно, когда наступит конец такому тревожному состоянию».

«Сколько преступлений совершает секретная комиссия, – писал он же несколько дней спустя^[996], – и днем и ночью, об этом ни говорить, ни писать нельзя. Никого не выпускают и не впускают в город, в том числе я и некоторые другие должны оставаться в городе. Сколько несправедливостей, печалей и бесславия на всю Европу! Сколько невинной крови может пролиться! Прошу тебя, ради Бога, это и прочие мои письма не показывай никому. Положи печать на уста свои, чтобы через разглашение не подвергнуть и меня и себя несчастью».

Между тем полученное в Петербурге донесение Павла Потемкина наделало много шума, и, чтобы прекратить все разговоры, Екатерина признала необходимым удалить Вениамина от управления епархией. «Приложенное дело, – писала императрица Г.А. Потемкину^[997], – прошу сегодня вручить преосвященному петербургскому для его собственного известия, и понеже сомнения нету (хотя казанский архиерей и отпирается) о его непростительной с злодеями пересылке, и для того желаю я, чтобы преосвященный петербургский написал бы письмо к казанскому архиерею с тем, дабы сей из ума выживший старик просился бы немедленно на обещанье, и если сие сделает архиерей казанский, то в рассуждении сана уже далее следствие производить не велю, ибо желаю утушить и слух сего дела».

Такое решение императрицы было сообщено и Павлу Потемкину, причем Екатерина, посылая ему копию с письма преосвященного петербургского к Вениамину, поручала объявить последнему, чтобы он просился на обещание куда хочет, кроме Москвы и Казани^[998].

Тем не менее, не желая оставаться в подозрении, преосвященный Вениамин старался оправдаться, но все

усилия его оставались долгое время тщетны. Прошел почти месяц со дня его заключения. Пугачев и все главнейшие его сообщники были взяты и доставлены в Москву; туда же отправлены и все обвинители казанского архиерея. Вениамин просил дать ему очную ставку с клеветниками, но ему отказывали; он писал письмо графу П.И. Панину^[999], прося его спросить самого Пугачева, получил ли он какой-либо подарок во время его пребывания под Казанью, но и эта просьба долгое время оставалась неисполненной. Тогда Вениамин успел отправить через чиновника своей канцелярии Петра Васильева донесение Святейшему Синоду, в котором просил, чтобы «я по старости своей в безвинном заключении не окончил жизнь свою, ибо я имеюсь от того в несносной печали и болезни, доложить ее императорскому величеству и испросить, чтобы повелено было для принесения оправдания явиться мне хотя с предписанным дьяконом перед лицо ее величества, понеже я справедливого рассмотрения и решения, той напрасно внесенной на меня клеветы, кроме сердцевода Бога и ее императорского величества от реченной комиссии [секретной] быть не уповаю»^[1000].

Синод исполнил просьбу старца, доложил императрице, и донесение Вениамина было отправлено в Москву, в Тайную экспедицию. Там 3 января 1775 года снова допрашивали Илью Аристова, который показал, что никакого посланного к Пугачеву не видал; «что на учиненном ему в нижегородской губернской канцелярии допросе» не утверждается, затем, что объявленное от него показание произошло от нестерпимости побоев, что его, раздетого, били в три палки, принимаясь два раза жестоко, причем его спрашивали, не был ли кто у злодея с подарками и не подсылал ли казанский архиерей Пугачеву денег? На что он, Аристов, хотя и показывал, что того не знает, но после, как его стали о том

выспрашивать под битьем палками, то, не стерпя одного наказания, и показал напрасно»^[1001].

Привели в Тайную экспедицию Огородникова, о котором преосвященный Вениамин, задолго до разорения Казани мятежниками, три раза представлял секретной комиссии, как о раскольнике и человеке крайне подозрительном и имевшем тайные сношения с мятежниками. На вопрос, видел ли он кого из приезжавших к Пугачеву во время штурма Казани, Огородников отвечал, что никого не видал. При этом он заявил, что и на очной ставке с Аристовым в казанской секретной комиссии также показывал, что никого не видал, «но как потом его стали сечь и секли жестоко в кольцах плетью, то он по нестерпимости того наказания и подтвердил показание Аристова».

Спрошенный Степан Львов также говорил, что все его показание ложно и вымышлено.

– На дьякона Алексея Нонина показал я не по причине злобы или ссоры какой, но думая, что ежели точно архиерей посылал к злодею деньги, то нельзя ему не знать (ибо он архиереем безмерно любим). И так, может быть поступая при допросе праводушно, скажет он [Ионии] истинно, кто был послан к злодею, а тогда и я оправдаюсь. Но что его превосходительству П.С. Потемкину не открылся я в истине, когда он, вызвав меня, спрашивал, тому причиной, что когда дьякона Нонина допрашивали, то между прочим подпоручик Николай Иванов [Горчаков] говорил: вот уж Павел Сергеевич приедет, он даст тебе не знаю; то я тут записал в памяти, что, конечно, генерал страшнее допрашивает, что он им грозит.

На вопрос, сделанный в Тайной экспедиции Нонину, зачем он показал небылицу и взвел обвинение на себя и на архиерея, дьякон отвечал, что сделал это «со страху, бояясь жестоких побоев».

На очной ставке Пугачева с С. Львовым самозванец заявил, что его не знает, что под Казанью от архиерея в кошельке денег никто ему не привозил и с позолотой тарелки «во все время его злодейства» у него не было. Казаки Перфильев, Чумаков и дворецкий самозванца казак Фофанов подтвердили показание Пугачева. Невинность архиепископа Вениамина была очевидна, и положение П.С. Потемкина было крайне неприятно. Допросам казанской секретной комиссии не стали верить и многих обвиняемых переспрашивали вновь, а между тем время проходило, и наступил уже четвертый месяц, с тех пор как Вениамин был арестован в своей келье. Императрица Екатерина спешила исправить неуместную ретивость уполномоченного ей председателя секретной комиссии.

«Дознав твердо, – писала она Синоду^[1002], – невиновность преосвященного Вениамина, архиепископа Казанского, по делам о мятеже тамошнего края, где он нагло обнесен был бездельником Аристовым, в награждение его добродетелей, удовлетворяя тем и самое правосудие, всемиловитейше повелеваем мы именоваться ему отныне *митрополитом казанским* и носить, по обычаю, белый клобук».

«Покройте почтенную главу вашу, – писала императрица в тот же день Вениамину^[1003], – сим отличным знаком чести [клобуком]; да будет он для всякого всегдашним напоминанием торжествующей добродетели вашей; позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли; припишите сие судьбе Божией, благоволившей вас прославить, по несчастных и смутных обстоятельствах того края».

Только в начале февраля письмо императрицы дошло до Вениамина. Маститый старец в тот же день благодарил Екатерину за то, что она воскресила его от гроба, возвратила ему жизнь, посвященную в течение 53-летней службы непоколебимой преданности престолу

и пользе отечества. Покрывая главу свою белым клобуком, Вениамин писал императрице^[1004], что «до последнего моего издыхания Вышнего молить не престану день и ночь, да сохранит дражайшую жизнь вашу за столь сердобольное сохранение моей, до позднейших человеку возможных лет, да ниспошлет с высоты святыя своею, на венценосную главу вашу вся благословение, коими древле ублагословлен был Соломон. Крепкая десница Господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов – утомление, от возрастающей и процветающей славы – зависть и злобу; да будет дом, держава и престол ваш, яко дние неба»^[1005].

Виновник клеветы на архиерея Илья Аристов бит кнутом в Москве и отправлен в Казань для вторичного наказания и затем назначен в Рогервик в каторжную работу. Огородников записан в солдаты, а Львов и Ионин освобождены и возвращены к своим должностям.

Отправляя Аристова в Казань, генерал-прокурор князь Вяземский писал казанскому губернатору, князю П.С. Мещерскому^[1006]: «Ее императорское величество, из природного своего человеколюбия, высочайше повелеть мне соизволила к вам секретнейше отписать, чтобы вы, как получите об учинении объявленного наказание Аристову, сказали о том, как бы от себя самого, казанскому митрополиту, что-де оного Аристова ее величество наказать повелела большей частью за ложную на него клевету, а инаково бы он, по другим его продерзостям, до такого злого жребия не дошел. Итак, остается в воле его великодушно спасти сего пасквильника от такого наказания. Вуде на сие оный митрополит скажет вам, что он погрешение оного Аристова ему прощает и просить вас будет, чтобы Аристова не наказывать, то вы в таком случае можете у него взять письменное на имя ваше объявление, оного

Аристова от наказания избавьте, а пошлите его в назначенное место в ссылку. Буде же митрополит прощение ему не сделает, то в таком случае и объявленное наказание учинить прикажите, *однако с умеренным человеколюбием* и что по сему сделано будет, прошу меня, как наискорее уведомить».

Нечего и говорить о том, что Вениамин простил своего клеветника, и Аристов, без наказания в Казани, был отправлен в Рогервик [\[1007\]](#).

Глава 29

Следствие и суд над Пугачевым и его сообщниками. - Разъяснение вопроса: было ли чужестранное влияние в происшедшем волнении. - Манифест императрицы о происхождении дел злодея Пугачева. - Постановление приговора. - Казнь Пугачева и его ближайших сообщников. - Прощение казаков, его выдавших, и ссылка их в Рижскую губернию.

Одновременно с разъяснением степени участия казанского архиепископа Вениамина в сношениях с самозванцем императрицу интересовал вопрос о том, не было ли чужестранного влияния во всех поступках и действиях Пугачева, как человека бывшего в Польше и по возвращении оттуда принявшего на себя имя императора Петра III.

Подобное влияние казалось тем более возможным, что в октябре 1774 года были получены в Петербурге копии с писем известной самозванки Таракановой к султану и верховному визирю.

Принцесса Елисавета, дочь покойной российской императрицы Елисаветы, сообщала верховному визирю [\[1008\]](#), что она приняла твердое намерение отправиться в Константинополь, чтобы познакомить Блистательную Порту с важностью того, о чем она намерена говорить с султаном. Она предупреждала верховного визиря, что вместе с сим написала об этом Пугачеву, «сыну Разумовского», обнадружила его помощью и убеждена, что визирь обратит внимание на успех его оружия. Самозванная принцесса выражала уверенность, что визирь воспользуется столь замечательной эпохой, составит себе громкое имя и

окажет помощь сыну Разумовского и принцессе, которая предъявляет свои законные права на престол с тем, чтобы составить счастье людям, имеющим на то право по природе.

Прося покровительства султана, Елисавета сообщала ему, что переехала из Венеции в Рагузу вместе с князем Радзивиллом, палатином Вильны, и удивляется, что до сих пор нет фирмана, разрешающего ей отправиться в Константинополь. Мужество Радзивилла, писала самозванка^[1009], «и его преданность к вашему величеству достаточно сильные причины, чтобы можно было отказать ему в помощи в его благородных предприятиях все покинуть, отдать все за свое отечество и остаться при твердом решении победить или умереть. Принцесса не могла отказаться от такого прекрасного решения, которое должно служить примером Польше».

Самозванка предлагала султану усилить свои войска и заключить союз с Елисаветой II, но с тем, чтобы обе державы поддерживали Польшу в ее старинных правах и пределах. Она уверяла, что к их союзу присоединится и Швеция, если будут уступлены некоторые провинции, принадлежавшие ей прежде. Есть еще много других вопросов, говорилось в письме, но их неудобно излагать на бумаге, а лучше обсудить на словах по прибытии принцессы в Константинополь.

По словам писавшей, успехи Пугачева и внутреннее положение России было таково, что Турция должна была пользоваться случаем и извлекать выгоды, каких она в будущем никогда иметь не будет. Самозванка просила Порту *отвергнуть все предложения мира и не входить в сношение с Россией до ее прибытия в Константинополь*. «Было бы постыдно, – писала она, – такой сильной державе, как великого султана, заключить мир, не достигнув своей цели и не быв удовлетворенным вполне».

Мир, однако же, был заключен еще ранее этого письма. Интрига в Константинополе не удалась, но для русского правительства было весьма важно выяснить, было ли на самом деле в пугачевском движении иностранное влияние или нет? Влияние это считалось многими делом весьма возможным и как бы подтверждалось донесениями и письмами разных лиц, находившихся за границей.

«Что вы пишете о Пугачеве, – сообщал граф Алексей Григорьевич Орлов Г.А. Потемкину^[1010], – что посланный казак Перфильев, с товарищами своими, обещался его выдать и с сообщниками первоначальными его, я бы чрезвычайно обрадован был, если бы оный злодей был искоренен каким бынибудь образом; а лучше бы желал, если бы оной вживе был пойман и как возможно продолжительную и примерную казнь над ним бы сделать должно. *Я все еще подозреваю, и причины имею подозревать, не французы ли этой шутке причина?* Я в бытность мою в Петербурге осмелился докладывать, но мне не верили. Итак, буде бы оный злодей пойман был, не дурно бы было расспросить его о всех обстоятельствах и нет ли при нем кого из чужестранных? А как вы на месте, то можете лучше дело знать и по оному поступать; я только то знаю, что для нашего отечества великие недоброхоты французы».

На вопрос: *было ли чужестранное влияние на действия мятежников*, Пугачев и его сообщники отвечали отрицательно.

«Никогда, – говорил Иван Творогов^[1011], – не только не случилось мне видеть, но ниже слышать, чтобы злодей имел с кем из чужестранных или с здешними раскольниками, купцами и старцами какую переписку, равно как и того, чтобы надеялся на помощь чью-нибудь».

Пугачев также заявил, что никакой посторонней [чужестранной] помощи не имел^[1012].

– Да и на что-де мне? – говорил он. – Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд-то не регулярный.

«Иностранного ни одного человека я не видел, – показывал Иван Почиталин^[1013], – да и быть не можно для того, что Пугачев просвещенных отличным разумом людей жестоко подозревал. А о помощи иностранной, кроме того, как писал киргиз-кайсацкому хану, ниоткуда не требовал. В толпе самозванца было несколько конфедератов, но они не были в чести, не исполняли должностей, а служили наряду с прочими казаками».

«При самозванце, – показывал Максим Горшков^[1014], – никого из иностранцев не было, кроме нескольких польских конфедератов, бывших рядовыми».

Максим Шигаев и Тимофей Мясников точно так же отрицали постороннее влияние.

«Из всех подносимых здесь в копии допросов, – писала оренбургская секретная комиссия^[1015], – а равно и из прежних произведенных следствий, комиссия иначе не заключает, как что изверг Пугачев успел в злодейском своем замысле и предприятии с помощью одних только яицких казаков, а впрочем, не имел он ни руководства постороннего, ни помощи».

При разбитии мятежников у Сальникова завода Михельсон отбил голштинское знамя Дельвигова драгунского полка. Каким образом знамя это досталось Пугачеву – было загадкой для всех.

В 1762 году, при вступлении императрицы Екатерины на престол голштинские войска были расформированы, и знамена их, в числе 11 пехотных и 2 кавалерийских штандартов, отосланы в комиссариат на хранение^[1016]. Являлась мысль, что один из штандартов был украден и доставлен Пугачеву, для большего убеждения толпы, что он истинный Петр III, а не самозванец. На вопрос, откуда он взял этот штандарт, Пугачев отвечал, что при разбитии под Дубовкой легкой

полевой команды Дица были найдены Перфильевым два сундучка, в которых находились знамена: одно с черным гербом, а другое то, которое ему теперь предъявлено^[1017].

Интересуясь мельчайшими подробностями восстания, императрица Екатерина просила московского главнокомандующего при допросах не прибегать к пыткам. «Для Бога, – писала она^[1018], – удержитесь от всякого рода *пристрастных вопросов, всегда затемняющих истину*». Императрица поручила князю Волконскому беречь и не изнурять колодников, чтобы преждевременная смерть их не лишила правительство возможности разъяснить подробности бунта, а с другой стороны, чтобы и преступники не избегли заслуженного ими публичного наказания.

«Ее императорскому величеству известно по делам, – писал князь А.А. Вяземский^[1019], – что некоторые приличившиеся в важных преступлениях колодники от изнурительного их содержания умирают, и для того высочайше повелеть мне соизволила сие на примечание к вашему сиятельству отписать, касательно Пугачева и его сообщников, дабы в содержании оных употреблена была вся возможная осторожность для того, чтобы и с ними того же приключиться не могло, тем более что П.С. Потемкин по приезде в Москву гораздо слабее его нашел против того, каков он из Симбирска был отправлен. Было бы весьма неприятно ее величеству, если бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания».

«Имею честь вашему сиятельству донести, – отвечал на это князь Волконский^[1020], – что во все время правления моего Тайной экспедицией, кроме одного, да и то пустого колодника в содержании не умерло. Равно и по комиссии о злодее не только все живы, но и здоровы, как и самый злодей. Но что он стал хуже, то натурально:

первое, что он был все в движении, а теперь на одном месте; второе, сколько он ни бессовестен и ни глуп бы был, но однако же нельзя тому быть, чтоб не устрашали его мерзкую душу соделанные им злодеяства, а за оные не ожидал бы он по всем законам отмщение. Однако же при всем том он не всегда уныл, а случалось, что он и смеется. Да и вчера Шешковскому сказал, что он всемиловитейшей государыне вины свои заслужит; а некогда говорил же ему, чтоб закласть его в столб. Чего ради ваше сиятельство покорно прошу об оном и ее императорскому величеству всеподданнейше доложить».

В начале декабря следствие над преступниками, производимое князем Волконским, П.С. Потемкиным и Шешковским, было окончено и отправлено в Петербург. 20 декабря был опубликован в столице подписанный накануне императрицей манифест^[1021], по которому Пугачев и его сообщники предавались суду соединенного присутствия Сената, членов Синода, президентов всех коллегий и особ первых трех классов, в Москве находившихся. Ведение всего дела возлагалось на генерал-прокурора князя Вяземского, который 21 декабря выехал из Петербурга в Москву.

«Пожалуй, – писала при этом императрица князю Волконскому^[1022], – помогайте всем внушить умеренность, как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем».

Вечером 25 декабря князь Вяземский приехал в Первопрестольную столицу. «Сколько ни старался в пути моем поспешать, – писал он Г.А. Потемкину^[1023], – но ранее приехать не мог. Дорога до Торжка дурна, а оттуда до Москвы изрядна, и сие удерживало меня в пути долее, нежели бы я желал, а напоследок промедление происходило и от лошадей, из которых

городские^[1024] не совсем еще привыкли к нынешнему их употреблению».

В тот же день князь Вяземский виделся с князем Волконским и решили на следующий день осмотреть предназначенное для заседаний суда помещение в Кремлевском дворце, так как в залах Сената было невозможно поместить всех членов суда. Охотников присутствовать в суде было очень много, и до князя Вяземского дошли слухи, «что некоторые из отставных готовятся в собрание, думая, что и они будут приглашены»^[1025].

Наступившие праздники и неприбытие из Петербурга сенаторов задерживали открытие суда. 29 декабря 1774 года в Сенате московских департаментов было первое собрание, на котором присутствовали все находившиеся в Москве сенаторы^[1026]. По прочтении манифеста и описания *«Происхождения дел злодея Пугачева»* генерал-прокурор предложил просмотреть списки лиц первых трех классов, как состоявших на службе, так и находившихся в отпуску в Москве. Собрание постановило пригласить всех членов Синода^[1027], двух генерал-аншефов^[1028], восемь генерал-поручиков^[1029], двух тайных советников^[1030] и всех президентов коллегий^[1031].

В девять часов утра 30 декабря все приглашенные и члены суда собрались в Кремлевском дворце^[1032], и заседание было открыто чтением манифеста. За манифестом должно было начаться чтение следственного дела, а как при этом «могли быть рассуждения, подлежащие тайности», то генерал-прокурор предложил подписать определение, чтобы «все дело и происходимые рассуждения содержать в высочайшем секрете». Затем был предложен вопрос: приводить ли в собрание для проверки допросов Пугачева и его сообщников? Присутствующие

постановили: «Пугачева завтрашнего дня представить пред собрание, а чтобы не произвести в народе излишних разговоров, то привезти его в Кремль в особую комнату, близкую от присутствия, до рассвета, где и пробыть ему весь день и отвезти обратно вечером». Сообщников же его решено было не приводить в присутствие, а проверить их показания в местах заключения, для чего и назначить особую комиссию из сенатора М.Я. Маслова, Новоспасского архимандрита Иоанна и генерал-поручика Мартынова. Составление сентенции поручено И.И. Козлову, Д.В. Волкову и П.С. Потемкину, а сделать «выметку из законов до сей материи принадлежащих» возложено на вице-президента Юстиц-коллегии Колошина. Первое заседание продолжалось до двух часов дня и затем решено собраться на следующий день в девять часов утра^[1033].

Заседание 31 декабря было открыто чтением журнала предыдущего собрания, а затем суд слушал донесение комиссии, заявившей, что все обвиняемые объявили, что к допросам, кроме показанного, ничего прибавить не могут. «А потом, – доносил князь Вяземский^[1034], – по совету моему, Павел Сергеевич Потемкин выходил из собрания, чтобы осмотреть злодея, в каком он состоянии, и приказать привести в ближайшую комнату и там обождать, дабы по его робкому характеру впусканием вдруг в собрание не сделалось ему припадка».

Через четверть часа после того Пугачев был введен в комнату присутствия и пал на колени.

Князь А.А. Вяземский обратился тогда к подсудимому с следующими вопросами:

1) Ты ли Зимовейской станицы беглый донской казак Емельян Иванов, сын Пугачев?

2) Ты ли, по побеге с Дона, шатаясь по разным местам, был на Яике и сначала подговаривал яицких

казаков к побегу на Кубань, потом назвал себя покойным государем Петром Федоровичем?

3) Ты ли содержался в Казани в остроге?

4) Ты ли, уйдя из Казани, принял публично имя покойного императора Петра III, собрал шайку подобных злодеев и с оной осаждал Оренбург, выжег Казань и делал разные государству разорения, сражался с верными ее императорского величества войсками и, наконец, артелью твоей связан и отдан правосудию ее императорского величества, так как в допросе твоём обо всем обстоятельно от тебя показано?

5) Не имеешь ли сверх показанного тобой еще чего объявить?

Пугачев отвечал на все утвердительно и прибавил, что сверх показанного в допросах ничего объявить не может [\[1035\]](#).

- Имеешь ли, - спросил князь Вяземский, - чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобой преступлениях?

- Каюсь Богу, - проговорил Пугачев, - всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому.

По выводе самозванца из присутствия началось чтение подходящих статей закона и определение наказания виновным. В конце заседания члены Синода объявили, что, вообще соглашаясь с определением суда о степени наказания каждого из подсудимых, они, как лица духовные, «сентенции» подписать не могут.

Через несколько дней приговор был составлен и отправлен на утверждение в Петербург с Д.В. Волковым. «Прискорбно будет, - писал при этом князь Вяземский, - императрице, щедролюбивой и милосердой самодержице читать казни, злодеям предписанные, и, рассуждая по единому человечеству, сокрушается сердце вашего величества. Но как за содеянные преступления казнь злодеям неизбежна, то старались

мы елико возможно подражать беспримерному монаршему человеколюбию. Что же в сентенции упоминается о наложнице злодея Пугачева, то сие внести рассуждение потому, что вся публика о ней известна, а для сего и не можно оставить в молчании».

В шестом часу вечера 8 января князь Вяземский получил рескрипт императрицы о приведении приговора в исполнение и письмо Г.А. Потемкина, сообщавшего, что двор собирается к отъезду в Москву. Зная желание императрицы приехать в Первопрестольную столицу по окончании деятельности суда, князь Вяземский пригласил его членов собраться 9 января в девять часов утра для подписания сентенции^[1036], по которой положено было: Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь. Яицкого сотника Афанасия Перфильева также четвертовать; казаков Максима Шигаева, Падурова^[1037] и Василия Торнова (он же Персиянинов) повесить в Москве; Ивана Чику (он же Зарубин и самозванный граф Чернышев) отвезти в Уфу, где «отсечь голову и воткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь с эшафотом купно». «Я никогда, – писал П.С. Потемкин императрице^[1038], – не мог вообразить толь злого сотворения быть в природе. Через три дня находясь в покаянной, нарочно мной сделанной, где в страшной темноте ничего не видать, кроме единого образа, перед которым горящая находится лампада, увещевал я его [Чику] всеми образами убеждению и совести, но ничего истинного найти не мог».

Затем из остальных подсудимых: 8 человек приговорены к наказанию кнутом и по вырывании ноздрей к отправлению на каторгу, 10 человек высечь кнутом и по вырывании ноздрей отправить на поселение; 4 человека высечь плетью; подпоручик Михайло Шванович лишен чинов и дворянства;

инвалидной команды прапорщик Юматов лишен чинов, Астраханского конного полка сотник и депутат Василий Горский депутатского достоинства и названия. Обеих жен Пугачева постановлено «удалить», по распоряжению Сената^[1039], а остальных 9 человек яицких казаков, содействовавших выдаче самозванца, простить^[1040]. Приговор привести в исполнение 10 января.

«Как же неизвестно собранию, – сказано в сентенции, – что по определению Святейшего Синода не токмо бунтовщик и самозванец Емелька Пугачев, но и все его злодейские сообщники преданы вечному проклятию», то чтобы не лишить их «при последнем конце своем законного покаяния во всех содеянных ими злодеяниях, предоставить преосвященному Самуилу, епископу Крутицкому, поступить в том по данному на сей случай наставлению от Святейшего Синода».

Святейший правительствующий Синод, говорилось в этом наставлении^[1041], уповая, что осужденные, «восчувствовав приближенную уже к себе толь ужасную судьбу, возбудятся к истинному о своих злодеяниях раскаянию и сокрушению; также ведая премилосердного Бога, преклоняющегося к помилованию приносящих оное в сей жизни, а притом зная и беспримерное человеколюбие ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни, почитает за долг свой воззреть на них при последних часах их жизни и по расположению сердец их сделать решение согласно слову Бога глаголющего: *«не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему»*. На каковом основании Святейший правительствующий Синод и определил вашему преосвященству предписать, чтобы вы, избрав искуснейшего из протопопов или священников, который бы притом был жития честного и незазорного, поручили ему при исповеди помянутых злодеев, с довольными увещаниями испытать совесть

каждого, и которых увидит прямо раскаивающихся в своих преступлениях о тех бы, не разрешая еще, представил вам. А вы тогда, в силу сего определения, объявите им, что Святейший Синод, убеждаем принесенным от них милосердому Богу в своих злодеяниях покаянием, освобождает их по данной от Бога власти от проклятия, почему и духовнику дозвольте сделать им уже разрешение и сподобить их причастия святых тайн».

Самуил избрал московского Архангельского собора протоиерея Петра Алексеева, который заявил, что все осужденные на смертную казнь, кроме Афанасия Перфильева, выказали ему истинное во всех своих преступлениях раскаяние. Всем им дано разрешение и причастие, а «злодея Перфильева за его упорство и ожесточение в своих злодеяниях, яко сущего раскольника, и до самой последней минуты жизни своей в своем окаменении пребывшего и все спасительные средства, ему предоставленные, отвергшего, оставить связанного вечной анафемой»^[1042].

В тот же день, 9 января, в Москве появилось объявление полицеймейстера Архарова, в котором было сказано, что завтра, в одиннадцать часов утра, «на Болоте главные преступники будут наказаны смертью, а прочие по мере преступления наказаны. На другой же день, т. е. 11-го числа сего месяца, в десять часов пополудни, на Ивановской площади перед Красным крыльцом будет объявлено всемилостивейшее ее императорского величества помилование тем преступникам, кои добровольно явились с повинной, а некоторые из них предали и самого злодея законному правосудию»^[1043].

С утра 10 января Москва пришла в движение. Вся площадь на Болоте и дорога от Каменного моста были усыпаны народом. В назначенное время появились на улице сани с высоким помостом, на котором сидели

Пугачев и Перфильев, а против них священник в ризах и с крестом в руках и чиновник Тайной экспедиции. По свидетельству очевидца, Пугачев держал в руках «две толстые восковые свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки»^[1044]. Самозванец все время кланялся на обе стороны народу. «Все смотрели на него с пожирающими глазами, – говорит Болотов^[1045], – и тихий шепот и гул оттого раздавались в народе».

Посреди места, оцепленного сплошь войсками, стоял эшафот аршина в четыре высотой, с довольно обширным помостом, окруженным балюстрадой. Посреди помоста воздвигнут был столб, с воздетым на него колесом, а на конце утверждена на нем железная острая спица. В расстоянии сажен двадцати против каждой из трех сторон были поставлены виселицы, у которых стояли палачи и преступники, обреченные на повешение; у подножия эшафота лежало несколько скованных преступников, сообщников самозванца, приведенных для присутствия при казни.

Возведенные на эшафот, Пугачев и Перфильев должны были выслушать длинную сентенцию, чтение которой продолжалось весьма долго.

При произнесении чтецом имени самозванца и станицы, где он родился, находившийся у эшафота верхом на лошади московский обер-полицмейстер Архаров громко спросил его:

– Ты ли донской казак Емелька Пугачев?

– Так, государь, – отвечал спрошенный, – я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев.

Пугачев был в длинном нагольном овчинном тулупе, стоял почти в онемении и только крестился и молился. «Вид и образ его, – замечает Болотов, – показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как

на какого-либо маркитантишку или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные и весь вид ничего не значащий»^[1046].

Сподвижник его, Афанасий Перфильев, стоял все время молча, неподвижно и потупя глаза в землю. Это был человек небольшого роста, сутулый, рябой и «свиреповидный».

«По прочтении манифеста, – говорит И.И. Дмитриев^[1047], – духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест [сентенцию] последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с уторопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: *«Прости, народ православный, отпусти мне, в чем я согрубил перед тобой; прости, народ православный»*. При этом слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его: сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя. Тогда он, всплеснув руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе».

По приговору, Пугачеву должны были отрубить сначала руки и ноги, а потом голову, но палач отрубил ему прежде всего голову, и «Богу уже известно, каким образом это сделалось»^[1048]. Среди толпы зрителей раздался глухой шум и слышались отдельные голоса: «Вот тебе корона, вот и престол»^[1049]. Части тела четвертованных преступников разнесены были по четырем частям города и, положенные на колеса, оставались в таком положении в течение двух суток. 12 января колеса вместе с телами, сани, на которых везли преступников, и эшафот были сожжены^[1050].

На другой день после казни, т. е. 11 января, на Красном крыльце, в присутствии генерал-прокурора

князя Вяземского, было объявлено прощение девяти лицам. Им прочитали «Объявление прощаемым преступникам»^[1051], в котором в кратких словах была изложена картина их преступлений и высказано, что только неслыханное и неизреченное милосердие императрицы избавляет их не только от смерти, но и от всякого наказания. «Да снимутся с вас оковы! – сказано в заключении. – Приобщитесь к верноподданным, впечатлейте сие милосердие в сердца ваши, внедрите потомкам своим, и над пред Всевышним Господом Богом воссылайте моление за спасающую вас Его помазанницу. Благодарите искренно и дарованной вам жизнью жертвуйте ей и отечеству, дабы достойно воспринять имя ее верноподданных и истинных сынов отечества».

Оковы были сняты, и освобожденные выражали видимое довольство. Насколько велика была толпа, собравшаяся посмотреть на казнь Пугачева, настолько же, по словам князя Вяземского, «при объявлении милости было мало: доказывает сей случай, каковы еще мы!».

Прощенные не были, однако, возвращены в свои дома. Их приказано было отправить на поселение в Новороссийскую губернию, с тем чтобы удалить от прежних жительство и доставить лучший присмотр. Управлявший в то время Новороссийской губернией Г.А. Потемкин нашел неудобным принять их к себе, и они были отправлены для поселения к рижскому губернатору, с тем «чтобы они внутри России ни для чего отпускаемы, до будущего указа, не были, да и яицкими казаками себя во всю жизнь свою не называли, а именовались бы переведенцами. В подушный оклад их не писать, так и оброков с них никаких не брать»^[1052].

Так окончились беспорядки, охватившие почти половину России и продолжавшиеся целый год. Спустя несколько дней после казни императрица Екатерина II приехала в Москву и рядом блестящих праздников, по

случаю заключения мира с Турцией, заглушила впечатление, произведенное наказанием преступников.

notes

Примечания

1

Полное собрание законов (далее – ПСЗ). № 11989.

Письмо А.И. Бибикова князю Вяземскому 15 декабря
// Архив Кабинета Его Величества, особое дело о
Пугачеве.

Письмо князя Волконского императрице 7 января 1774 года // Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. I, с. 105. Ср.: Записки о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., с. 126 и статью Д. Анучина «Действия Бибикова в Пугачевщину» (Русский вестник, 1872. № 6, с. 472).

Собственноручное письмо Бибикова графу Чернышеву от 15 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 126.

Рапорт князя Волконского Военной коллегии 20 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 267.

Всеподданнейшее донесение Бибикова от 30 декабря 1773 г. // Военноученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 74.

Рапорт Ступишина Бибикову 9 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 466.

Письма Бибикова генералам Брандту и Ступишину от
19 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 466 и 485.

От 19 февраля // Там же, д. № 507.

Всеподданнейшее донесение капитан-поручика
Саввы Маврина от 21 мая 1774 г., из Оренбурга.

Супруге от 30 декабря 1773 г. // Записки о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., прилож., с. 87.

Князю Вяземскому от 5 января 1774 г. // Гос. архив,
VI, д. № 485.

От 30 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II,
л. 524.

Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 95 и 96.

Александр Леонтьевич Ларионов был сводным братом А.И. Бибикова. Мать Ларионова была во втором браке за Ильёю Александровичем Бибиковым, овдовевшим по смерти матери Александра Ильича.

Таким образом, были назначены командирами: 1-й компании – старший товарищ полковник Николай Толстой, а младшими товарищами: лейб-гвардии капитан-поручик Александр Толстой, капитаны Сергей Левашов и Таврило Матюнин; 2-й компании – старший товарищ подполковник Дмитрий Молоствов и младшие товарищи: подпоручик Михайло Голосницкий и лейб-гвардии конного полка вице-вахмистр Иван Чюфаровский; 3-й компании – старший товарищ секунд-майор Сергей Тютчев, младшие товарищи: титулярный советник Алексей Мельгунов и поручик Александр Наумов. В адъютантские должности были избраны: лейб-гвардии фурьер Яков Кудрявцев и капрал Никанор Нормотский (Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI; Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 96).

Всеподданнейшее донесение Бибикова от 17 января 1774 г., № 4. Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 110.

Рапорт Петровской воеводской канцелярии Бибикову
27 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47,
кн. VI.

Рескрипт Бибикову от 15 января // Русский архив, 1866, с. 390.

Рескрипт Бибикову от 16 февраля // Там же, с. 393.

Записка князя Вяземского Сенату 17 января // Архив
Сената, высочайшие повеления, кн. 115.

Указ Дворцовой канцелярии 20 января 1774 г. // Гос. архив, XI, д. № 455.

Письмо Бибикова императрице от 5 февраля 1774 г. Приложение к Запискам Академии наук, т. I. Бумаги Бибикова, изданные Я.К. Гротом, с. 59; Письмо Екатерины Бибикову 16 февраля // Русский архив, 1866, с. 393.

Рескрипты Бибикову 16 и 20 января 1774 г. // Записки о жизни Бибикова, изд. 1865 г, с. 51; Чтения Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 65.

Г.Д. Анучин говорит, что вместе с рескриптом был получен и манифест, но это несправедливо. Как увидим ниже, манифест был издан 22 февраля и получен в Казани в первой половине марта // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 185.

Всеподданнейшее донесение Бибикова от 5 февраля 1774 г., № 10 // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 140-146.

Речь Ларионова напечатана в Чтениях Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 64, и в Записках о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., с. 57.

Гос. архив, VI, д. № 527. Собственноручное донесение Бибикова императрице от 5 февраля // Записки Академии наук, т. I, прил. № 4, с. 59.

Речь эта в полном объеме напечатана в «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 121; в Записках о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г., с. 52.

Всеподданнейшее донесение Бибикова от 5 февраля,
№ 10 // Военноученый архив, д. № 104 (А), л. 147 до 152.

Рескрипт Бибикову от 22 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 485. Манифест же напечатан в Чтениях Общества истории и древностей, 1860, кн. II, с. 77.

Императрице от 30 декабря 1773 г. Военно-ученый архив, отдел I, д. 104 (А), л. 75.

Архив Гос. совета, т. I, кн. I. с. 445.

Журнал Сената // Гос. архив, VI, д. № 504.

Указ Сената от 13 декабря 1773 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 61; *Пушкин*, т. VI, приложение, с. 182.

Письмо князя Вяземского Бибикову 30 декабря
1773 г. // Архив кабинета его величества.

В рескрипте от 30 декабря 1773 г. // Архив кабинета
его величества.

Поводом к такому предложению было письмо Веревкина князю Вяземскому от 23 декабря 1773 года, из Челябинска.

«Вашему сиятельству, – писал Веревкин, – из рапортов моих о несчастий моем почти со всею провинциею известно. Чего ради и осмеливаюсь всенижайше просить, дабы благоволили вверенной мне провинции, находящейся теперь в крайнем бедствии, скорую помощь показать присылкою воинской команды; равным образом прислать и для уговору башкирцев подполковника Лазарева, потому что оный башкирцами крайне любим и надеюсь на милость Божию, что оный может с успехом сию комиссию исполнить» (Гос. архив, VI, д. № 504).

Письма Бибикова князю Вяземскому от 8 и 29 января; Рапорт его Сенату от 8 марта 1774 г., № 57 // Там же, д. № 504. Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

Архив Главного штаба, кн. I.

Рапорт полковника Денисова Военной коллегии от 23 ноября 1773 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

Указ Военной коллегии А.И. Бибикову 17 января 1774 г., № 57 // Московский архив Главного штаба. Журнал секретной экспедиции, кн. 54, л. 23.

В письме от 23 декабря 1774 г. // Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

к сохранению своему наблюдает разные осторожности, и потому средство, кое приходит мне иногда на мысль, истребить сие чудовище способом человека смелого и отчаянного (который бы под видом, что предался на его сторону, исполнил сие дело) кажется ненадежным, не говоря о том, сколь трудно будет отыскать и такого отчаянного» (Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве).

Рапорт коменданта крепости Святого Димитрия, генерал-майора Потапова, Военной коллегии от 16 декабря 1773 г., № 7, с. 159. Архив Главного штаба, кн. II, л. 335-338.

В рескрипте Бибикову от 10 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 485.

От 10 января 1774 г. // Архив Главного штаба, кн. II,
л. 329.

В письме от 19 марта // Русский архив, 1866, с. 385.

Рапорт Потапова Военной коллегии 13 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. II. Желание станичников, как увидим, было исполнено и станица наименована Потемкинской.

Бумаги Екатерины // Сборник Истории, общества, т. XIII, с. 441.

Указ Военной коллегии Бибикову от 4 января 1774 г.
// Московский архив Главного штаба. Журнал Секретной
экспедиции, кн. 54, л. 2.

От 4 января 1774 г. Записки Академии наук, т. I, приложение № 4, с. 48.

Указ Сенату от 15 января 1774 г. // Архив Кабинета его величества. Казакам этим приказано было собраться в Глухове и следовать чрез города Ливны, Воронеж, Новохоперск, Керенск, Саранск, Алатырь, Свияжск и Казань, всего 1153 версты. Они выступили тремя эшелонами: первый 12 февраля, второй 14-го и третий 16-го, и должны были прибыть в Казань чрез 48 дней (Рапорт Малороссийской коллегии Сенату 17 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504).

В письме от 15 января 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 382.

Архив Главного штаба, кн. II, л. 507; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

При отправлении этих эскадронов из Качалинской станицы командир их, капитан Собов, донес, что за старостью и озноблением ноги выступить в поход не может, и эскадроны были поручены капитану Краевичу.

Архив Главного штаба, кн. II, л. 525.

В письме к своей супруге от 30 декабря 1773 г.
Записки о жизни и службе Бибикова, изд. 1865 г.,
приложение, с. 87.

Письмо А.И. Бибикова Д.И. фон Визину от 29 января 1774 г. // Там же, с. 76. В заголовке письма ошибочно напечатан ноябрь месяц.

Чернышеву от 17 января 1774 г. // Архив Главного штаба, кн. II, л. 551.

Показание сержанта Владимирского полка Ивана Наумова // Гос. архив, VI, д. № 466.

Всеподданнейший рапорт князя Волконского, 6 февраля 1774 г. // Там же, д. № 465.

Письмо А.И. Бибикова Д.И. фон Визину 29 января
1774 г.

Предписание Бибикова Державину от 29 декабря 1774 г. // Сочинения Державина, изд. Я.К. Грота, т. V, с. 1.

В рапорте 31 декабря 1773 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

В статье «Действия Бибикова в Пугачевщину» (Русский вестник, 1872 г., № 7, с. 21) автор упоминает о команде *польских* казаков и, недоумевая, откуда они явились, строит несколько предположений. Предположения эти ошибочны и произошли от неверного чтения документа, следует читать: *волгских*, а не *польских*.

Предписание А.И. Бибикова Державину 29 декабря 1773 г. Сочинения Державина, изд. Я.К. Грота, т. V, с. 2.

Определить численность отряда Гринева нет никакой возможности. В рапорте А.И. Бибикову он доносил, что у него было: «команды моей 80, да 24-й команды при командире премьер-майоре Муфеле 57; также от обеих команд были драгуны и егери; сверх того, Бахмутского полка два эскадрона неполные гусар и 30 человек, при есауле, волгских и саратовских казаков».

В составе толпы мятежников находилось: 400 казаков, 600 калмыков, 300 черкесов и 700 человек мужиков, татар и других.

Рапорты подполковника Гринева Бибикову 7 и 11 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 507 (1).

Записки Державина, изд. Я.К. Грота, т. VI, с. 472.

В письме фон Визину. Записки о жизни и службе Бибикова. Изд. 1865 г., с. 76.

Императрице от 8 января // Военно-ученый архив,
отд. I, д. № 104 (А), л. 99.

В рапорте от 18 января // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Всеподданнейший рапорт Бибикова 5 января 1774 г.
Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 92.

То же от 17 января 1774 г. // Там же, л. 109.

От 17 января 1774 г. // Архив Главного штаба.
Секретные бумаги о Пугачеве, кн. II, л. 551.

Рапорт Бибикова Военной коллегии от 21 января 1774 г., № 13 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

Рапорт полковника Ю. Бибикова А.И. Бибикову 15 января 1774 г. // Там же.

Рапорт полковника Ю. Бибикова от 18 января 1774 г.;
Рапорт генерал-майора Фреймана генерал-аншефу
Бибикову 19 января 1774 г., № 25 // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. III и IV.

Алексей Бушуев от 21 января // Гос. архив, VI, д.
№ 527.

Всеподданнейший рапорт А.И. Бибикова от 21 января 1774 г., № 5 // Военно-ученый архив, отд. I, д. 104 (А), л. 112.

Рапорт полковника Ю. Бибикова от 19 января 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт Брандта Сенату 8 января 1774 г. // Гос. архив,
VI, д. № 504.

Рапорт Перского генералу Брандту 21 января.
Показание крестьянина Кириллы Михайлова 25 января
1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
VI.

Рапорт Ю. Бибикова главнокомандующему 28 января
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Всеподданнейшее донесение А.И. Бибикова от 29 января 1774 г., № 7. Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 121.

Рапорт Бибикова от 2 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Введенный в заблуждение собственноручною припиской А.И. Бибикова в рапорте императрице, Д. Анучин неверно показал состав отряда и ошибочно называет полковника Бибикова Василием. Василий Бибиков, тоже полковник, находился в Екатеринбурге.

В числе раненных стрелами были: артиллерии поручик Байков и гусарского полка прапорщик Готовицкий.

Репорты Юрия Бибикова А.И. Бибикову от 6 и 9 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

В рапорте от 12 февраля 1774 г. // Там же.

Всеподданнейший рапорт А.И. Бибикова от 15 февраля 1774 г. // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 153.

В отряде этом находилось: четыре роты гренадер и егерская команда, два эскадрона карабинеров, один эскадрон гусар и шесть орудий полевой артиллерии.

Дорога эта проходила из Москвы в Казань, а оттуда, чрез Кичуевский фельдшанец, Бугульму, деревню Сарманаеву и Сакмарский городок, в Оренбург.

Две роты гренaдер и егеря Владимирского полка, по одному эскадрону карабинеров и гусар, с тремя орудиями.

Две роты grenадер Владимирского полка, эскадрон карабинеров и три полевых орудия.

Рапорт князя Голицына генералу А.И. Бибикову от 29 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт его же от 22 января 1774 г. // Там же.

Рапорт князя Голицына А.И. Бибикову 31 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Гос. архив, VI, д. № 527. См. Соч. Державина, т. VII, с. 20.

А.И. Бибикову от 16 февраля // Сборник
Императорского русского исторического общества, т.
XIII, с. 392.

Рапорт полковника Хорвата генерал-майору
Мансурову от 6 февраля 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт полковника Хорвата князю Голицыну от 8 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

В собственноручном письме от 5 февраля // Бумаги Бибикова, изд. Я.К. Грота. Записки Академии наук, т. I, прилож., с. 57.

От 4 января 1874 г. «Экстракт, сочиненный из дела о самозванце Емельяне Пугачеве произведенного, об обстоятельствах с ним, Пугачевым, и с изменническою его толпой происшедших, и какие притом здешние распоряжения и действия учинены».

Федор Сукин в письме петербургскому губернатору от 8 апреля 1774 года // Рукописная книга из собрания графа Уварова, № 559.

Показание Толкачева 14 мая 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 467.

Журнал действий команды в яицком ретраншементе
с 30 декабря 1773 г. по 16 апреля 1774 г. // Московский
архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

А.С. Пушкин обвиняет Симонова в робости, но это едва ли справедливо. Осторожность не есть робость, а между тем ни в одном из многочисленных показаний мы не встретили ни одного намека в подтверждение этого факта, да и сам капитан Крылов, считавший себя недостаточно награжденным, изложил свои заслуги в письме Г.А. Потемкину, но не упомянул, что он распоряжался вместо Симонова.

Журнал действий команды в яицком ретраншементе. Показания казака Ивана Харчова и пономаря Петра Живетина // Гос. архив, VI, д. № 506 и 508. См. также статью «Оборона Яика от партий мятежников» в «Отечественных записках» (1824, ч. XIX). Статья эта с небольшими изменениями перепечатана в Архиве князя Воронцова (кн. XVI, с. 470). А.С. Пушкин рассказ о происшествиях под Пиком основал на этой статье, но она во многом неверна, а главное – преувеличена опасность положения гарнизона, его потери и проч.; точно такого же характера и статья «Яицкое казачество 1680–1774» (Русский вестник, 1863, № 8). Рассказ о штурме также преувеличен и отчасти искажен.

Показание Пугачева 4 ноября 1774 года; Показание Якова Почиталина // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

Показание пономаря Петра Живетина // Гос. архив,
VI, № 508.

Показание Кубаря 15 мая 1774 г. // Там же, № 467.

Журнал действий команды в яицком ретраншементе с 30 декабря 1773 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV; Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 года // Гос. архив, VI, д. № 506; Оборона крепости Яика (Отечественные записки, 1824, ч. XIX, № 52).

В сентябре 1771 г. // Гос. архив, VI, д. № 125.

Донесение Синоду Мефодия, архиепископа
Астраханского от 20 мая 1774 г. // Архив Синода, д. № 3.

Показание Рыбной слободы дворцового крестьянина
Петра Таркова 16 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467.

Ср. с рассказом А.С. Пушкина (*Пушкин А.С. Соч.*, т. VI, изд. 1881 г., с. 49).

Показания: Пугачева 4 ноября 1774 г.; Михаила Толкачева, Устиньи Кузнецовой, Петра Кузнецова, Марьи Шелудяковой, Никиты Каргина, дьячка Ивана Корчагина, пономаря Петра Живетина, Ивана Почиталина и других // Гос. архив, VI, д. № 506, 512 и 467.

Показание крестьянина Петра Таркова 16 мая 1774 г.
// Там же, д. № 467.

Оборона крепости Яика // Отечественные записки, 1824, ч. XIX, № 52, с. 171.

123

Письмо это писано из-под Оренбурга, но без числа и месяца (Гос. архив, VI, д. № 418).

Печати эти, по приказанию самозванца, были вырезаны ему в Яицком городке серебряных дел мастерами, дворцовыми крестьянами Рыбной слободы Иваном Токрановым, Иваном Рыжим, Петром Владимировым и армянином, жившим в городке (см. показание Горшкова // Там же, № 467).

В разное время в дом Бородина для хранения было прислано: денег серебряною монетой 2 тыс. руб.; 9 фунтов серебра толщиною в большой палец и длиною в пол-аршина и более; 9 ковшиков серебряных вызолоченных, таких, какие обыкновенно жаловались казакам высочайшими особами; сорока, низанная жемчугом; маленький медный сундучок, в котором лежало множество ширинок, канаватных, а сверху кушак мужской золотой и стояла целая банка, насыпанная жемчугом; здесь же находилась и коробочка с шестью парами серег с подвесками и камнями и четыре кольца золотые. Сундук, в котором лежали: один стакан золотой и 15 серебряных, перстень, о котором Пугачев писал Устинье, что стоит 500 рублей; два перстня с красными камешками, два больших серебряных подноса и 40 серебряных ложек. Сверх того, в зале Устиньи стояли семь огромных сундуков, в которых находились: в № 1 – материи кусками и 25 серебряных чарок; в № 2 – мужские бешметы и казачьи уборы с позументом; в № 3 – двадцать шуб мужских и женских; в № 4 – меха лисьи и беличьи; в № 5 – серебряные стаканы, чарки, подносы и подсвечники; в № 6 – бобры, кумачи и китайки; в № 7 – белье, выбойки и домашняя мелочь. Кроме этих сундуков, в кладовой на шесте висело много шуб и других вещей, как мужских, так и женских.

Показание Никиты Каргина 14 мая 1774 г.;
Показание Устины // Гос. архив, VI, д. № 467 и 506.

Рапорт Валленштерна генералу Рейнсдорпу 6 февраля; Рапорт Наумова Валленштерну 4 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии от 25 января
1774 г. // Там же.

В своей летописи. См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 371 (приложение).

А.И. Бибикову от 6 января 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Воззвание Рейнсдорпа от 7 февраля 1774 г. // Там же.

Показание Хлопуши 10 мая 1774 г. Показание 87 человек ссыльно-каторжных Илецкой защиты // Гос. архив, VI, д. № 467.

Письмо из Берды от 23 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Показания Ивана Творогова, Тимофея Падурова и
Максима Горшкова // Гос. архив, VI, д. № 505 и 506.

В рапортах А.И. Бибикову от 7 и 10 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт Мансурова А.И. Бибикову от 17 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт Мансурова А.И. Бибикову от 12 и 14 февраля
1774 г. // Там же.

Во всеподданнейшем рапорте от 15 февраля 1774 г.;
№ 11 // Военноученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 154 и
155.

У г. Анучина (Русский вестник, 1872, № 8, с. 523)
время выступления отряда Ларионова показано неверно.

Рапорт Юрия Бибикова главнокомандующему от 21 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт майора Варнстедта главнокомандующему от
27 февраля 1774 г. // Там же.

В Чтениях (1858 г., кн. II, с. 30) ошибочно напечатано, что в том числе было 560 яицких казаков; следует читать 500 казаков.

Рапорты князя Голицына от 27 и 28 февраля, № 341 и 352 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Д. Анучин ошибается, говоря, что Хорват был отправлен только с одними гусарами (см. Русский вестник, 1872, № 8, с. 489).

В рапорте А.И. Бибикову от 7 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 512.

Рапорт князя Голицына А.И. Бибикову от 11 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

148

То же, от 14 марта, № 463 // Там же.

В рапорте А.И. Бибикову от 18 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба.

Определить точно число мятежников, собравшихся в Татищевой крепости, положительно невозможно. Князь Голицын в рапорте своем А.И. Бибикову (от 24 марта, № 504) определяет число их в 9100 человек. Он говорит, что в толпе находилось: 3 тысячи казаков яицких, илецких, исетских и оренбургских; 2 тысячи пехоты, составленной из разного сброда; 1800 заводских и ссылочных крестьян, которых Овчинников взял в Илецкой защите, и 2300 татар, крепостных казаков, калмыков, башкирцев, киргизов и «разной беглой сволочи». Максим Шигаев показывает, что Пугачев взял из Берды до 5 тысяч человек, к которым впоследствии, по показанию самого самозванца, присоединился и Овчинников, пришедший из Илецка с 2 тысячами человек (Показание Шигаева и Пугачева от 8 мая и 4 ноября 1774 г.). Таким образом, силы самозванца, по показанию обеих сторон, простирались от 7 до 9 тысяч, или средним числом до 8 тысяч человек.

Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

Рапорт князя Голицына главнокомандующему от 21 марта 1774 г., № 488 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Рапорт князя Голицына от 21 марта 1774 г.

Рапорт князя Голицына главнокомандующему от 24 марта, № 504 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Г.Д. Анучин ошибается, говоря, что подполковник Гринев был оставлен в Сорочинске (см.: Русский вестник, 1872, № 8, с. 492).

В своих рапортах князь Голицын не приводит численности отряда. Если бы все батальоны, полевые команды и эскадроны имели полный штатный состав, то силы князя Голицына достигали бы до 8 тысяч человек. Но так как в частях был недостаток в людях и командующий отрядом принужден был оставить гарнизоны в Новосергиевске и Переволоцкой крепости, то и следует предположить, что силы отряда, подошедшего к Татищевой крепости, не превышали 6500 человек.

Показание Пугачева 16 сентября и 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512; Показание Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. // Там же, д. № 506.

Под начальством Мансурова находились: сводный батальон из Вятского и Томского полков, под начальством лейб-гвардии капитан-поручика Толстого и два батальона, сформированные из 23-й и 24-й легких полевых команд, под общим начальством подполковника Аршеневского.

У Фреймана находились: два батальона 2-го гренадерского полка, под начальством полковника князя Долгорукова и подполковника Филисова, и батальон Владимирского полка, под командой полковника князя Одоевского.

Рапорт А.И. Бибикову от 24 марта 1774 г., № 504.

Кавалерия состояла из четырех эскадронов изюмских гусар, двух эскадронов драгун легких полевых команд, четырех эскадронов Архангелогородского карабинерного полка, двух эскадронов бахмутских гусар и двух рот чугуевских казаков.

Показание Пугачева 4 ноября // Гос. архив, VI д.
№ 512.

Рапорт князя Голицына А.И. Бибикову от 24 марта 1774 г., № 504 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

А.И. Бибикову от 22 марта // Там же.

Рапорт князя Голицына А.И. Бибикову от 24 марта 1774 г., № 504. В письме князю М.Н. Волконскому (Русский архив, 1867, с. 500) А.И. Бибиков определил цифры потерь мятежников не точно. У Пушкина сражение под Татищевым описано не вполне верно, а г. Мордовцев (см.: Русские государственные деятели прошлого века // Отечественные записки, 1868, № 8, с. 455–457) дал нам поэтический вымысел.

От 26 марта 1774 г. // Сочинения Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 53.

Во всеподданнейшем донесении от 26 марта, за № 17
// Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 191.

Указы Сенату и лейб-гвардии Измайловскому полку
от 21 апреля 1774 г. // Гос. архив, X, д. № 467.

Великолуцкого полка премьер-майор Сергей Неклюдов и Изюмского гусарского полка поручик Гиршфельд.

В рескрипте князю Голицыну от 26 апреля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 498. См. также: Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. 207.

В письме от 28 марта 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 527.

В письме императрице от 2 апреля 1774 г. // Московский архив Министерства иностранных дел.

Лифляндскому генерал-губернатору Брауну в собственноручном письме от 7 апреля 1774 г. // См. Восемнадцатый век, изд. П. Бартенева, кн. III, с. 228.

Графу Суффольку от 8 апреля 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 409.

175

В собственноручном письме от 9 марта 1774 г.

Рапорт Кречетникова Военной коллегии от 9 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

То же от 8 апреля 1774 г. // Там же.

Рапорт Кречетникова Военной коллегии от 14 мая 1774 г. // Там же, кн. IV; Рапорт подполковника Кандаурова Мансурову от 3 мая // Там же, кн. VIII.

См. главу 28, т. I. *(Примеч ред.)*

В рапорте А.И. Бибикову от 5 марта 1774 г., № 83 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

В рапорте А.И. Бибикову от 10 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

В рапорте А.И. Бибикову 10 марта 1774 г. // Там же.

В состав отряда Кожина были назначены: 300 человек Томского полка, 100 человек уланов Казанского дворянского корпуса, 50 карабинеров, 50 изюмских гусар, 50 человек казанского мещанства и 80 человек чугуевских казаков.

Рапорт полковника Кожина генерал-майору Ларионову от 13 марта 1774 г.; Рапорт Ларионова А.И. Бибикову от 13 марта 1774 г., № 103 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII; Показание яицкого казака Ильи Ульянова // Гос. архив, VI, д. № 506.

Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 47.

Рапорт Ларионова А.И. Бибикову от 13 марта 1774 г.,
№ 103 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
VII.

От 10 марта 1774 г. // Русский архив, 1866, с. 384.

Рапорт полковника Кожина Бибикову от 20 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Рапорт Михельсона Бибикову от 18 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Рапорт Кожина Бибикову от 22 марта 1774 года //

Там же.

Автор статьи «Осада Уфы шайками Пугачева» Р.Г. Игнатьев (Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г., ч. II), говоря о приготовлениях жителей к обороне, относит их к первой половине сентября 1773 г. (с. 105). Только во второй половине сентября Пугачев объявил себя императором, и, следовательно, ранее этого объявления жители Уфы готовиться к обороне не могли. Вероятно, ошибка эта произошла от неразборчивости месяца, обозначенного на документах.

Родословную Пекарских см. в статье «Известия об Уфимских дворянах Пекарских» академика П.П. Пекарского (Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г., ч. II, с. 81 – 100).

См. главу 28, т. I. (*Примеч. ред.*)

Игнатьев Р.Г. Осада Уфы. Памятная книжка
Уфимской губернии на 1873 г., ч. II, с. 117.

Журнал происшествий в Уфе // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Игнатъев Р.Г. Осада города Уфы. Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 г., ч. II // Оренбургские ведомости, 1852, № 16.

Рапорт Мясоедова Бибикову от 13 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

В рапорте А.И. Бибикову от 24 марта 1774 г. // Там же, кн. III.

Журнал действий отряда подполковника
Михельсона.

В рапорте А.И. Бибикову от 28 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

В рапорте Бибикову от 29 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

За эти действия Зубов награжден был чином надворного советника (Архив Сената, именные указы 1774 г., кн. № 136).

В рапорте Бибикову от 30 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт Михельсона А.И. Бибикову от 7 апреля 1774 г., из Уфы // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

В числе коих было 100 человек мещеряков.

Рапорты Михельсона главнокомандующему от 9, 11 и 13 апреля 1774 г. (Там же). Кидряс был тот самый старшина, который во время пребывания Екатерины II в Казани получил особое награждение. Он был также в толпе мятежников, но потом, опомнившись, в числе первых возвратился на путь истины и «доказал чрез то, что колебание его верности происходило единственно от слабости духа, убоясь бунтовщиков» (Письмо князя П.М. Голицына графу З.Г. Чернышеву 19 апреля 1774 года // Там же, кн. IV). О деятельности депутата Давыдова и последующей его судьбе см.: Русская старина, 1876, т. XVII, с. 65.

В рапорте от 13 апреля // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт Михельсона главнокомандующему от 16 апреля // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

См. главу 28, т. I. (*Примеч. ред.*)

Во всеподданнейшем донесении от 29 января 1774 г.
// Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 120.

В письме Бибикову от 9 февраля // Сборник Императорского исторического общества, т. VIII, с. 386.

По донесению Бибикова, Попову было 39 лет // См.: Записки Академии наук, т. I, прилож., с. 60.

Рапорт А.И. Бибикова императрице от 17 января 1774 г, // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 108.

Рапорт майора Гагрин Бибикову от 26 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорты майора Гагрина А.И. Бибикову 29 января и 3 февраля; Рапорт Пермской провинциальной канцелярии А.И. Бибикову 29 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Гос. архив, VI, д. № 422.

217

Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А).

Рапорты Гагрина А.И. Бибикову от 30 января и 3 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

То же от 6 февраля 1774 г. // Там же.

Рапорт коллежского асессора Башмакова А.И.
Бибикову от 2 февраля 1774 г. // Там же.

Донесение есаула Чигвинцова Белобородову от 15 февраля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 429.

222

Там же.

Рапорт Гагрина А.И. Бибикову от 20 февраля 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Рапорт майора Гагрина от 22 февраля // Там же, кн. VII.

Рапорт Попова А.И. Бибикову от 7 марта 1774 г. // Там же.

Рапорт Пермской провинциальной канцелярии
Бибикову от 8 марта // Там же, кн. VI.

Рапорт Попова А.И. Бибикову от 10 марта // Там же.

228

То же от 15 марта // Там же.

229

То же от 18 марта // Там же.

То же от 23 марта // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

231

То же от 25 марта // Там же.

Пермский сборник, 1860, кн. II, с. 21. Пермские
губернские ведомости, 1869, № 59.

Рассказ Верхоланцева о Пугачеве // Чтения Общества истории и древностей, 1862, кн. III. Два года спустя рассказ этот был перепечатан в «Пермских губернских ведомостях» (1864, № 2).

Наставление Белобородова сотникам 31 января
1774 г., № 66 // Гос. архив, VI, д. № 429.

Показание Белобородова 30 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 429.

Рапорт полковника Василия Бибикова
главнокомандующему от 20 декабря 1773 г. // Военно-
ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 80.

Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому // Архив кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

Клятвенное обещание было следующего содержания: «Аз, ниже поименованный, обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, перед святым его Евангелием, в том, что желаю и обязан ее императорскому величеству, Богом избранной на Всероссийский престол помазаннице, благоверной, благочестивейшей и великой нашей государыне императрице Екатерине Алексеевне и высокому ее законному наследнику, благоверному государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супруге его благоверной государыне и великой княгине Наталии Алексеевне, верно и нелицемерно служить, повинуюсь во всем приставленным и учрежденным от высокой ее императорского величества власти начальникам, не щадя живота своего до последней капли крови, стремиться всегда на поражение и совершенное истребление появившегося, к несчастью православных, вора, клятвопреступника, возмутителя общего покоя и тишины, государственного злодея и изверга Емельяна Пугачева, его сообщников и к ним приклонившихся. Об ухищрениях которых или к ним в партию о намеряющихся бежать, так и об одобряющих сих злодеев, сколь скоро уведая, то немедленно командирам своим доносить, не смотря ни на какие от них скаредные и злые обольщения, в чем да поможет мне Господь Бог; а за противное сему, да поразит меня его Всемогущество и да буду лишен всех от него к роду человеческому благодеяний и наследую в жилище себе, обещанный вероломным и клянущимся всеу Его Пресвятым именем, ад; здесь же градскую казнь и в заключение сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

В одном из своих объявлений. См. Архив кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

Каслинский, Кыштымский, Златоустовский, Саткинский екатеринбургского ведомства, все заводы Твердышева, Иргинский, Соксунский и Ашанский, принадлежавшие Пермской провинции.

Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

В письме Чичерину от 9 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

Сообщение генерал-аншефу Бибикову из канцелярии главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов от 12 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

От 12 января 1774 г. // Архив Кабинета его
величества, особое дело о Пугачеве.

Письмо Данненберга Чичерину от 11 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

246

Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 184.

В письме к неизвестному, от 24 января 1774 г. // Архив Кабинета его величества.

Присутствовавший в гороблагодатском горном управлении, в письме от 30 января 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI.

В письме от 11 февраля 1774 г. // Архив кабинета его величества.

Записка Охлебинина. Показание Белобородова 30
июля 1774 г.

Рапорт Турчанинова Бибикову от 22 февраля. У Алексея Турчанинова было три завода: Сысертский, Полевский и Северский. См.: Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Человек 700 башкирцев и 300 заводских крестьян.

Письмо Дьячкова Турчанинову 18 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

254

От 16 февраля 1774 г. // Архив Кабинета его
величества.

255

От 22 февраля 1774 г. // Там же.

Рапорт Гагрина А.И. Бибикову от 24 февраля 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

С Ревдинского завода 200 человек, с Шайтанского 200 человек и 25 человек своей свиты. Показание Белобородова // Гос. архив, VI, д. № 429.

Всеподданнейший рапорт А.И. Бибикова от 8 марта 1774 г. // Военноученый архив, д. № 104 (А), л. 164.

Рапорт Гагрина главнокомандующему от 28 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII; Показание Белобородова // Гос. архив, VI, д. № 429.

Императрице от 8 марта 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 165.

В рапорте А.И. Бибикову от 3 марта 1774 г. // Там же.

Записка Охлебинина, поданная князю А.А.
Вяземскому // Архив Кабинета его величества.

Рапорт майора Гагрина А.И. Бибикову от 14 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Заводы эти были: Уткинский, Сильвинский, Шайтанский, Собакин, Бисертский, Верхний и Нижний Сергинские, Биламбаевский, Ревдинский и др.

Предложение З.Г. Чернышева Военной коллегии, от 12 мая 1774 г. // Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. № 207.

266

Записка Охлебинина.

См. главу 28, т. I. *(Примеч ред.)*

Рапорт Деколонга генералу Чичерину от 22 января 1774 г. Записка его же, без месяца и числа // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VI и

В рапорте от 16 февраля // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А). Замечательно, что в своих донесениях Деколонг умалчивает о численности своих войск и не приводит цифры присоединенных к себе отрядов, забранных им в разных пунктах. Он обыкновенно говорит только, что войск у него мало, кавалерии недостаточно и проч.

Донесение Исетской провинциальной канцелярии
Деколонгу от 20 января 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

Цифры эти, кажется, не внушали опасений на недостаток продовольствия.

Журнал происшествий в Исетской провинции // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII; Рапорт Челябинской ратуши в главный магистрат от 24 февраля // Гос. архив, VI, д. № 504.

В рапорте Чичерину от 16 февраля 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 175.

Рапорт генерал-майора Скалона А.И. Бибикову от 15 февраля 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 178.

Рапорт Чичерина А.И. Бибикову от 19 февраля
1774 г., № 854 // Там же, л. 172.

В письме от 19 февраля 1774 г. // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 177.

В письме от 15 марта // Записки Академии наук, т. I, приложение № 4, с. 63.

Письмо императрицы Бибикову от 29 марта // Записки академии, т. I, прилож. № 4, с. 64.

Указ Военной коллегии графу Румянцеву от 29 марта
// Московский архив Главного штаба. Журнал секретной
экспедиции, кн. 54, л. 92 и 93.

Указ Военной коллегии Суворову 29 марта // Там же, оп. 47, секрет, по выт. св. 233, л. 857.

В рапорте Военной коллегии от 15 апреля за № 2407 из Ясс // Там же, кн. IV. Соч. Пушкина, т. VI, с. 222.

«Журнал происшествиям в Исетской провинции». Рапорт Чичерина А.И. Бибикову от 27 марта 1774 г. за № 1279 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII и VIII. Из Байчанки бывший воевода Исетской провинции, Веревкин, оправившись от побоев и ран, отправился в Петербург, где был взыскан милостями императрицы. Ему пожаловано 500 руб. на излечение, и, имея в виду, что у него было всего 11 душ крестьян, а он имел жену, двух дочерей и сына, императрица пожаловала ему в вечное потомственное владение «Псковской губернии, Полоцкой провинции, Невельского ключа часть Дубнечевскую со всеми к ней принадлежащими угодьями» (Указ Сенату 29 декабря 1774 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 136).

Зырянов А. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его // Пермский сборник, 1859, ч. I, с. 54 и 55.

Некоторые подробности о «дубинщине» можно найти в статье: «Архимандрит Иакинф» (Пермский сборник, 1860, кн. II, с. 22–27).

В объявлении от 11 февраля 1774 г. // Пермский сборник, 1859, ч. I, с. 62 и 63.

От 12 февраля 1774 г. *Зырянов А.* Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях // Пермский сборник, 1859, ч. I, с. 64.

От 12 февраля 1774 г. // Пермский сборник, кн. I, с. 68.

В монастыре было ранено три человека, а у мятежников не более семи человек.

В рапорте А.И. Бибикову от 27 февраля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

От 22 февраля 1774 г. *Зырянов А.* Пугачевский бунт в Шадринском уезде // Пермский сборник, 1859, кн. I, с. 77.

«Долматов монастырь в 1773 и 1774 г. или в Пугачевский бунт», протоиерея Григория Плотникова // Чтения в Московском обществе истории и древностей, 1859, кн. I, с. 39.

Рапорт Деколонга А.И. Бибикову от 12 марта 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорты коменданта Троицкой крепости, бригадира
Фейервара, Военной коллегии от 20 и 24 февраля 1774 г.
// Там же, кн. III.

Рапорт сибирского губернатора Чичерина Военной коллегии от 28 марта 1774 г. // Там же, кн. IV.

Курганской слободы священника Лаврентия Антонова, дьякона Андрея Антонова же и дьячков Тимофея Бурцова и Гаврила Кокшарского.

Рапорт Чичерина Бибикову от 27 и 28 марта 1774 г.
за № 1279 и 1293 // Московский архив Главного штаба,
оп. 47, кн. VIII.

Показания Григория Бородина и Максима Шигаева // Гос. архив, VI, д. № 467 и 506. У гг. Анучина, Пекарского (Москвитянин, 1841, ч. III, с. 459), Рычкова и др. эпизод этот рассказан неверно.

Д. Анучин в своей статье (Русский вестник, 1872, № 8, с. 500), исправляя показания Пугачева, говорит, что Шигаев взят в плен под Татищеву, но это неверно.

Показание Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показание Хлопуши 10 мая 1774 г.; Показания Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г.; Показание Ивана Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467, 505, 506 и 512.

У Рычкова в летописи, а с его слов и у всех авторов бежавший назван Логиновым, но это неверно.

Летопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881, т. VI, прил., с. 394.

Рапорт Рейнсдорпа Военной коллегии 8 апреля
1774 г. // Архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

Летопись Рычкова. Соч. Пушкина, изд. 1881, т. VI, прил., с. 394.

Всеподданнейшее донесение Рейнсдорпа от 8 апреля 1774 г. // Военноученый архив, д. № 104 (А), л. 281.

Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова // Соч. академика П. Пекарского, изд. 1867, с. 176–177.

Вот как Хлопуша рассказывал о своем пленении. Перед отъездом из Берды Хлопуша просил у Пугачева позволения проводить свою жену и сына в Сакмару, на что и получил разрешение самозванца. Когда же Хлопуша с женою и сыном приехал в Каргалу и хотел спросить полковника Мусу Улеева, поедет ли за Пугачевым, на то Муса сказал: «Видишь, брат, дело наше худо, и ты собирайся куда глаза глядят, а я своего полка не пустил ни одного татарина, и все они дома». А как сведал старшина каргалинский, что тут находится Хлопуша, то тотчас взял его с женою и сыном под караул: его отправили в Оренбург, а жену с сыном оставили в Каргале (Гос. архив, VI, д. № 467). По сентенции секретной комиссии повелено было отсечь Хлопуше голову и для вечного зренья посадить на кол, а тело предать земле.

В письме от 24 марта // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII. См. также: соч. Пушкина, изд. 1881, т. VI, с. 133: «Победа, которую ваше сиятельство одержали над мятежниками, возвратила жизнь обитателям Оренбурга. Блокированный в течение шести месяцев, город этот был обречен на ужасный голод, а теперь оглашается радостью, и жители шлют пожелания благоденствия своему знаменитому освободителю».

В рескрипте Рейнсдорпу // Архив Сената, копии с высочайших повелений, кн. 207.

Высочайший указ, от 1 мая 1774 г. Он напечатан у Пушкина, т. VI, с. 194 (Приложение).

310

Рапорт подполковника Милковича А.И. Бибикову от 27 марта 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VII.

Рапорт князя Голицына Бибикову от 29 марта // Там же, кн. VIII.

Летопись Рычкова. См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., с. 397 (приложение).

Показания: Пугачева 4 ноября 1774 г., Максима Шигаева 4 июня, Ивана Почиталина 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506 и 512.

Летопись Рычкова // См. соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 399 (приложение).

315

Там же.

Разграбление Берды и непринятие мер к ее защите заставили Рейнсдорпа прибегнуть ко лжи. В своем приказе он писал, что будто мятежники прокрались в Берду во время тумана нечаянно. Но Рычков с иронией записал в своем журнале: «Могло статься, что в оной слободе был туман, но в городе во весь сей день никакого тумана не было».

Рапорт князя Голицына Бибикову от 29 марта 1774 г.,
№ 563 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
VIII.

Рапорт князя Голицына Бибикову от 3 апреля, № 582
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII. См.
также летопись Рычкова // Соч. Пушкина, т. VI, с. 414
(приложение).

319

То же.

Г. Анучин говорит, что князь Голицын выступил из Берды 2 апреля (см. Русский вестник, 1872, № 8, с. 510), но это неверно. В своем рапорте (от 3 апреля, № 582) князь Голицын писал: «Итак, корпус мог выступить из Берды 1 апреля, пополудни в 2 часа».

321

В рапорте Бибикову от 3 апреля 1774 г., № 582 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Показания Максима Шигаева и Ивана Почиталина 8 мая 1774 г.; Показание Ивана Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505 и 506. Рассказ об этом сражении, помещенный в записках Пекарского (Москвитянин, 1841, ч. III), не вполне верен.

По показанию Пугачева, у него в это время было: 100 человек яицких и илецких казаков, 100 человек заводских мужиков и 300 человек татар и башкирцев (Показание 4 ноября // Гос. архив, VI, д. № 512).

Рапорт подполковника Милковича Бибикову от 6 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

См. главу 4, с. 68.

Рапорт полковника Симонова Военной коллегии от 19 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Отечественные записки, 1824, т. XIX.

Показания атамана Каргина, писаря Петра Живетина, Ивана Корчагина и Ивана Мамаева // Гос. архив, т. VI, д. № 460.

Курсивом набраны слова, написанные Мамаевым,
вместо неприличных слов Гурия.

Курсивом набрано написанное Иваном Мамаевым,
вместо неприличных слов Гурия.

331

Отечественные записки, 1824, ч. XIX.

Показание Никиты Каргина 14 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 467 (13).

В рапорте князю П.М. Голицыну от 12 апреля 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Силы Овчинникова определены самим Мансуровым, и приводимые другими авторами мы считаем преувеличенными.

В рапорте князю Голицыну от 15 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

336

Журнал действий команды в Яицком ретраншенменте
// Там же.

Отечественные записки, 1824, т. XIX.

338

Московский архив Главного штаба Гарнизонной
экспедиции, оп. 27, кн. 502, № 58.

Указ императрицы Военной коллегии 13 июня 1774 г.
// Архив Сената, копии высочайших повелений, кн.
№ 207.

Рапорт генерал-майора Мансурова князю Щербатову
от 29 апреля 1774 г. // Московский архив Главного
штаба, оп. 47, кн. VIII.

В донесении от 7 апреля 1774 г. // Записки Академии наук, т. I, приложение № 4, с. 65.

Рапорт А.И. Бибикова Сенату от 8 марта 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 504.

От 10 марта 1774 г. // Русский архив, 1866, с. 384.

Русский архив, 1866, с. 387.

От 7 апреля 1774 г. // Записки Академии наук, т. I,
приложение № 4, с. 65.

Рапорт генерал-майора Ларионова князю Щербатову
от 9 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба,
оп. 47, кн. III.

Князю Волконскому 20 апреля 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. 1, с. 109. Письмо это напечатано в «Москвитянине» (1845, № 9), но с неверного оригинала.

От 25 апреля 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 110.

Графу Суффольку в депеше от 26 апреля (6 мая)
1774 г. // Сборник Императорского русского
исторического общества, т. XIX, с. 411.

Рапорт князя Щербатова Военной коллегии от 13 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, книга «Определений», 1774 г., л. 137.

Записки Академии наук, т. I, приложение 4, с. 17.

Восемнадцатый век, кн. I, с. 110.

Указ Сенату от 28 июня 1774 г. // Архив Сената,
именные указы 1774 г., кн. № 136.

354

Гос. архив, V, д. № 85.

От 19 августа 1763 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Бумаги Екатерины, т. I, с. 316.

Там же, с. 317.

Депутаты эти были: Казанской провинции: от крещеных вотяков, чуваш, черемис и мордвы; некрещеных вотяков и чуваш, старокрещеных татар, ясашные черемисы; Сибирской губернии: новокрещеные татары; Вятской провинции: татары, приписанные к адмиралтейству; Кунгурской провинции: ясашные татары и некрещеные черемисы; Ставропольской провинции – новокрещеная мордва; Уфимской провинции – ясашные тептяри; Исетской провинции – ясашные тептяри и бобыли; астраханский депутат князь мурза Урусов; Астраханской губернии – гилянские татары; кизлярские татары, кизлярское мещанство; Свияжской провинции – новокрещеные чувашаи (см. Сборник Императ. русского исторического общества, т. VIII, с. 336).

Архив Сената, высочайшие повеления, кн. 125.

Графу Суффольку от 4 (15) марта 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 407.

360

Архив Канцелярии военного министерства
высочайшие повеления, 1769, кн. 60.

См. Сборник Исторического общества, т. X, с. 429. В азбучном указателе этого тома благодарность императрицы ошибочно отнесена к Г.А. Потемкину. Последний был в то время еще бригадиром и отдельным отрядом не командовал. См. т. XIII того же Сборника Исторического общества, с. 373.

В письме графу Румянцову от 26 октября 1773 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 99.

Архив Канцелярии военного министерства, высочайшие повеления, кн. № 69. См. также: Сев. архив, 1826, ч. XIV, с. 164.

От 4 декабря 1773 г. // Сборник Императорского
русского исторического общества, т. XIII, с. 373.

В письме от 7 марта 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 395. Русский архив, 1866, с. 396.

366

От 3 марта 1774 г. // Гос. архив, XI, № 946.

367

От 9 марта 1774 г. // Гос. архив, XI, № 946.

Указ Преображенскому полку // Архив Сената, копии
высочайших повелений, кн. 207.

В письме от 15 марта 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 396; Русский архив, 1866, с. 397.

Письма М. Муромцева от 27 апреля и 18 июня 1774 г.

371

Письмо князя Юрья Трубецкого от 19 марта 1774 г.

372

В письме от 31 марта 1774 г.

Графу Суффольку 4 (15) марта 1774 г. // Сборник Исторического общества, т. XIX, с. 405.

В депеше от 7 марта // Русский архив, 1873, № 2, с. 125.

Граф Суффольк 7 (18) марта 1774 г. // Сборник
Исторического общества, т. XIX, с. 408.

В книге «Архив Гос. совета» (т. I, с. IX), месяц и число назначения Потемкина членом совета пропущены.

Указ Сенату от 30 мая 1774 г. // Архив Сената, именные указы, кн. 136.

Указ Сенату от 31 мая 1774 г. // Там же.

Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIX, с. 416.

380

Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. 207.

381

Гос. архив, V, д. № 85.

Под его начальство поступили: *легкая кавалерия*: Сумский, Сербский, Волжский, Венгерский, Изюмский, Харьковский, Острогоянский, Ахтырский гусарские полки; Смоленский конный; Воронежский, Володимирский, Борисоглебский и Астраханский драгунские полки. *Казачьи войска*: Моздокский казачий полк, Волжское, Астраханское, Донское, Оренбургское и Яицкое войска; Хоперский казачий полк, казачьи полки, находившиеся: в Азове, Таганрогской крепости, Кизляре и крепости Святого Димитрия; Чугуевский и Тобольский казачьи полки (см. ордера Г.А. Потемкина полковым командиром 4 и 5 августа за № 21-47 // Московский архив Главного штаба).

383

Гос. архив, XI, д. № 348.

384

Подлинный указ // См.: Архив Сената, именные указы,
кн. № 138.

Во всеподданнейшем донесении от 11 мая 1774 г.,
№ 1 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

В рескрипте от 1 мая 1774 г. Рескрипт этот напечатан во многих изданиях.

387

Собственноручная записка императрицы без числа //
Гос. архив, VI, д. № 507.

От 25 апреля 1774 г. // Там же, X, д. № 467. См. также Сборник Императорского исторического общества, т. XIII, с. 402.

Указ императрицы князю Волконскому от 2 марта 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 503.

Князю Волконскому в письме от 2 марта 1774 г. // Там же.

Подписка эта была следующего содержания: «Мы, нижеподписавшиеся, освобождающиеся из-под ареста по высокоматерной ее императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, милости, для многолетнего и благополучного ее величества государственного и умножения от Всевышнего лет высокому ее наследнику, его императорскому высочеству государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу и супруге его, ее императорскому высочеству государыне великой княгине Наталье Алексеевне, должны не только быть верными подданными рабами высокому ее величества скипетру и державе, но и пролить за благоденствие ее императорского величества всю нашу кровь, стремиться всегда на поражение возмутителя общего покоя, особливо самозванца и государственного злодея Емельяна Пугачева и его толпы сообщников, стараться всеми силами никак и ни под каким видом их к себе не допускать и к ним также не приставать и ни о чем с ними не переговаривать, в чем мы друг за друга ручаемся подесяточно. Если же кто из нас, забыв страх Божий и презрев великую милость от ее императорского величества, оказанную нам для собственного нашего благоденствия, по-прежнему прилепится к злодеям, под каким бы то видом ни было, т. е. или к ним уйдет, или к себе впустит, хотя бы принужден был от них к тому страхом или каким-нибудь обольщением, то за такового изменника одного – весь десяток казнить нас смертью. А дабы сие у всех нас было в памяти, то каждый десяток должен у себя иметь копию с сей нашей подписки и

читать пред своими по всем праздникам и по воскресным дням».

Рескрипт А.И. Бибикову от 23 марта 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 65.

Гос. архив, VI, д. № 527. Манифест этот был напечатан сначала в книге «Восемнадцатый век» (т. I, с. 107), а затем перепечатан в Сборнике Императорского русского исторического общества (т. XIII, с. 397).

394

Определение Военной коллегии за октябрь 1774 г., л.
380.

В отряде Шепелева находилось, считая в том числе и офицеров: 153 человека Владимирского пехотного полка, 217 человек Санкт-Петербургского карабинерного, 13 человек Казанского дворянского корпуса, 52 человека Симбирского дворянского корпуса, 72 человека Казанских гарнизонных батальонов, 5 человек Изюмского гусарского полка, 4 человека Томского полка, 27 малолетков Вятского полка, 4 человека 1-го фузелерного полка и 2 человека отставных – всего 649 человек (Московский архив Главного штаба, он. 47, кн. VIII).

Письмо князя Голицына графу З.Г. Чернышеву от 14 мая 1774 г. // Там же, кн. IV.

Рапорты Шепелева князю Щербатову и князю Голицыну от 9 мая; Рапорт князя Голицына князю Щербатову от 11 мая // Там же, кн. IV и VIII.

Рапорты Мансурова князю Щербатову от 12 мая и князю Голицыну от 15 мая // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорты подпоручика Байкова Мансурову от 22 и 24 мая 1774 г.; Рапорты Мансурова князю Голицыну от 24 мая и князю Щербатову от 25 мая // Там же.

Рапорт Муфеля Мансурову от 26 мая 1774 г. // Там же.

Всеподданнейшее донесение князя Щербатова от 1 июня 1774 г. // Там же, кн. IV; Ср. Военный сборник, 1871, № 3, с. 222 и 223.

Всеподданнейшее донесение князя Щербатова от 11 мая 1774 г., № 1 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. III.

Жизнь академика Рычкова, с. 140.

Рапорт полковника Обернибесова князю Щербатову
от 25 апреля 1774 г. /у Московский архив Главного
штаба, оп. 47, кн. VIII.

Письмо Брандта князю Щербатову от 28 мая 1774 г.
// Там же, кн. IX.

Рапорт коллежского асессора Башмакова на имя Бибикова от 16 апреля 1774 г., № 785 // Там же, кн. VIII.

Рапорты подполковника Попова А.И. Бибикову от 2, 6 и 8 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт подполковника Попова от 18 мая 1774 г. // Там же, кн. IX.

Рапорт коменданта города Уфы полковника
Мясоедова князю Щербатову от 30 мая 1774 г. // Там же.

В письме от 19 апреля 1774 г. // Там же, кн. IV.

Войска эти были расположены так: в Сакмарском городке стоял полковник князь Одоевский с его гренадерским батальоном и 8 орудиями, двумя эскадронами изюмских гусар и 8 человек казаков. В Бердинской слободе полковник князь Долгорукий с батальоном 2-го гренадерского полка, 8 орудиями и ротой чугуевских казаков, и, наконец, в Оренбурге князь Голицын с остальными командами.

Рапорт князя Голицына Бибикову от 9 апреля, № 679
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

413

Предписание князя Голицына подполковнику
Михельсону от 11 апреля из Оренбурга // Там же.

В рапорте на имя А.И. Бибикова от 16 апреля 1774 г.
// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Письмо князя Голицына графу З.Г. Чернышеву от 19 апреля 1774 г. // Там же, кн. IV. Впоследствии Денисову приказано было остановиться в Малыковке и содействовать Державину в разгоне мятежников, появившихся за Волгою и по реке Иргизу.

416

Рапорт князя Голицына князю Щербатову от 1 мая,
№ 895 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
VIII.

Рапорт князя Голицына князю Щербатову от 22 апреля 1774 г., № 808, из Оренбурга // Там же.

418

Гос. архив, VI д. № 503.

419

Экстракт из маршрута Тимашева // Там же.

420

Экстракт из маршрута коллежского советника
Тимашева // Гос. архив, VI, д. № 503.

Рапорты Фреймана князю Голицыну от 4 и 5 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

422

Князю Голицыну от 10 мая 1774 г., № 23 //
Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт Фреймана князю Голицыну от 15 мая, из деревни Чувашской // Там же.

В письме графу З.Г. Чернышеву от 14 мая 1774 г. // Там же, кн. IV.

В состав гарнизона Уфы, порученного полковнику Мясоедову, вошли: 70 человек Томского пехотного полка; 517 человек разных гарнизонных, отставных и малолетков, 70 человек вооруженных крестьян, дворян и купечества и 150 казаков. Сверх того, в городе находилось много пушек с достаточным числом зарядов.

В рапорте князю Щербатову от 25 апреля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

427

Князю Щербатову из деревни Кубовой от 2 мая
1774 г. // Там же.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 5 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

В рапорте князю Щербатову от 8 мая 1774 г. // Там же.

В рапорте князю Щербатову от 5 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 13 мая
1774 г. // Там же.

Показания Ивана Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

По составленному расписанию должно было быть заготовлено: в Верхне-Увельской крепости 30 четвертей овса и 200 пудов печеного хлеба; в Коельской – 20 четвертей овса и 100 пудов хлеба; в Кичигинской – 15 четвертей овса и 70 пудов хлеба; в Нижне-Увельской – 30 четвертей овса и 200 пудов хлеба; в Еткульской – 25 четвертей овса и 150 пудов хлеба; в Еманжелинской – 20 четвертей овса и 100 пудов хлеба; всего 140 четвертей овса и 820 пудов хлеба.

Показания Пугачева и Василия Коновалова // Гос. архив, VI, д. № 505 и № 512.

435

В ордере от 16 апреля 1774 г. // Там же, д. № 429.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 25 апреля // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт князя Щербатова Военной коллегии от 28 апреля 1774 г., из Казани // Там же, кн. IV.

В рапорте на имя Бибикова от 24 апреля, № 705 // Там же, кн. IV и VIII.

Предписание Деколонга Гагрину от 24 апреля 1774 г.
// Там же, кн. VIII.

440

Письмо полковника Бибикова Гагрину от 21 апреля
1774 г. // Там же.

В Екатеринбурге находились: одна легкая полевая команда, горнозаводская и две гарнизонные роты, 500 человек вооруженных рекрут и два орудия // Московский архив Главного штаба, оп. 47 кн. VIII.

442

Рапорт Гагрина на имя А.И. Бибикова от 25 апреля
1774 г. // Там же.

В рапорте князю Щербатову от 3 мая 1774 г. // Там же.

Показания Муссы Имангулова // Там же, кн. III.

Донесение Лазарева князю Щербатову от 17 мая //

Там же, кн. IX.

446

Во всеподданнейшем рапорте от 1 июня 1774 г., № 3
// Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 230.

Экстракт о происшествиях после разбития Пугачева под Сакмарским городком, представленный Рейнсдорпом при рапорте Военной коллегии от 7 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

В воззвании от 4 апреля 1774 г., № 274 // Оренбургские ведомости, 1868 г., № 33.

Рапорт полковника Ступишина Военной коллегии от 10 января 1774 г. // Оренбургские ведомости, 1868 г., № 33.

450

От 2 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 420.

Рапорт генерала Фреймана князю Голицыну от 4 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

что комендант был повешен, а затем на той же странице упоминает, что он пережил пугачевщину и был потом комендантом в Верхнеуральске. Рассказ г. Мордовцева о взятии Магнитной не имеет никакой достоверности (см.: Отечественные записки, 1868 г., № 8 —10, гл. VI).

Рапорты князя Голицына князю Щербатову от 1 и 5 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

Рапорт князя Голицына князю Щербатову от 6 мая //

Там же.

455

Показания Пугачева, Василия Коновалова, Ивана Творогова и Белобородова // Гос. архив, VI, д. № 429, 505 и 512.

Чтения в Обществе истории и древностей, 1862, кн.
III.

457

Во всеподданнейшем донесении от 1 июня 1774 г.,
№ 3 // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 231.

Рапорт полковника Демарина князю Голицыну от 14 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

В рапорте Военной коллегии от 4 июня 1774 г., № 999
// Там же, кн. IV.

460

Показания Белобородова 30 июля 1774 г. // Гос.
архив, VI, д. № 429.

В письме генералу Рейнсдорпу от 26 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Из прошлого // Исторический вестник, 1881, т. V, № 7, с. 674.

Ордер Деколонга генерал-майору Скалону от 27 мая 1774 г. // Исторический вестник, 1881, т. V, № 7, с. 674.

В ордере от 22 мая 1774 г. по Верхнеяицкой и прочим крепостям // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г.

Рапорт Деколонга Военной коллегии от 4 июня 1774 г., № 998; Письмо его генералу Рейнсдорпу от 26 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

466

В числе убитых был Чугуевского полка поручик
Замошников.

В рапорте князю Щербатову от 22 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

468

Там же.

В журнале действий отряда Михельсона между прочим записано: «Сказывают, что орден сей назывался *черная борода*».

В рапорте князю Щербатову от 27 мая 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

471

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 8 июня
1774 г. // Там же.

В это время в отряде Михельсона находились команды Томского и Вятского пехотных полков, первого фузилерного полка и по одному эскадрону Санкт-Петербургского карабинерного, Архангелогородского карабинерного, Изюмского гусарского и Чугуевского казачьего полков, эскадрон, сформированный казанским купечеством, и команда мещеряков под начальством старшины Султана Мурада Янышева. За все время действий отряд потерял 40 человек убитыми, 140 человек ранеными и 140 лошадей выбывшими из строя.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 1 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

В числе раненых был храбрый волонтер-поляк Врублевский, получивший семь ран копьями и стрелами.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 3 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Рапорт Фреймана князю Щербатову от 4 июня
1774 г., № 35 // Там же, кн. IX.

В письме от 21 июня 1774 г. // Там же, кн. X.

В рапорте князю Щербатову от 8 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

479

Там же.

Письмо воронежского губернатора Шетнева А.И. Бибикову от 11 апреля 1774 г., № 625 /У Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. VIII.

481

В собственноручном письме без числа и месяца.

В письме от 30 августа 1774 г. // Архив Кабинета его императорского величества, особое дело о Пугачеве.

Указ Потапову от 21 июня 1774 г. // Архив канцелярии военного министерства. Высочайшие повеления, кн. № 68.

Всеподданнейший доклад поручика Василия
Собакина 11 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 460.

485

Показания Мамаева // Гос. архив, VI, д. № 460.

486

В собственноручном письме от 22 мая // Там же, д.
№ 488.

Где жила тогда императрица.

488

Князю Вяземскому от 23 мая // Там же, д. № 460.

Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, 407.

См. указ Оренбургской секретной комиссии // Чтения, 1860, кн. II, с. 69. Ложные показания Мамаева // См. Русская старина, 1876, т. XVII, с. 53.

491

В письме без месяца и числа // Гос. архив, VI, д.
№ 460.

Всеподданнейшая записка князя Вяземского от 21 июня 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 460. По высочайше утвержденной конфирмации 7 июля 1774 г., Мамаев (Смирнов) сослан в Таганрог «в тяжкую работу», где и приказано его «содержать всю жизнь в оковах».

Архив Канцелярии военного министерства, высочайшего повеления, кн. № 68 // Архив Сената, копии высочайших повелений, кн. № 207. Письмо Г.А. Потемкина графу З.Г. Чернышеву от 23 марта 1774 г. На основании этих данных, собственноручную записку императрицы, помещенную на с. 403 т. XIII Сборника Императорского исторического общества, следует отнести к марту месяцу, вместо апреля 1774 г.

В инструкции от 11 июня 1774 г. Мы приводим полный текст инструкции потому, что нам придется говорить о ней в будущем.

Показания Дубровского 27 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

Показания калмыка Кашкина и сотника Илькибаева 14 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X; Показания Перфильева 12 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425.

В заголовке этого документа было написано: «Указ нашего императорского величества самодержца всероссийского верноподданным рабам, сынам отечества, наблюдателям общего спокойствия и тишины».

498

Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

499

Гос. архив, VI, д. № 420.

Экстракт из дела о Пугачеве // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

501

Рапорт Тимашева князю Голицыну 5 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

502

В письме Тимашеву без числа // Там же.

503

Рапорт Тимашева князю Голицыну от 11 июня 1774 г.
// Там же.

Шифрованный рапорт Фреймана князю Щербатову от 20 июня 1774 г., № 41 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

В отряде Попова было 10 гарнизонных солдат, 400 вооруженных рекрут и 400 вооруженных мужиков.

Рапорт Пермской провинциальной канцелярии
генералу фон Брандту 13 июня 1774 г. // Там же.

507

Рапорт полковника Шепелева князю Щербатову 7
июля 1774 г.

Рапорт канцеляриста С. Трубникова асессору
Башмакову от 3 июня 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

509

Гос. архив, VI, д. № 504.

510

В письме от 2 июня 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

Рапорт ассессора Башмакова генералу фон Брандту
13 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп.
47, кн. IX.

512

В письме от 11 июня 1774 г. // Там же.

В рапорте от 17 июня 1774 г. // Там же, кн. X.

Всеподданнейшие рапорты князя Щербатова от 25 июня и 4 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV; Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 244.

В рапорте от 17 июня 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

516

Князю Щербатову от 18 июня 1774 г. // Там же.

517

В письме от 18 июня 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

Крепости Татищева и Сорочинская наполовину выжжены, Ильинская и Уртазымская – разорены и до основания выжжены, Магнитная – разорена, Карагайская, Петропавловская и Степная – разорены и сожжены, Троицкая и Губерлинская – разорены, Чебаркульская крепость и пригород Бирск – выжжены. Заводы: Воскресенский, Покровский, Верхоторский, Архангельский, Преображенский, Белорецкий, Симский, Каноникольский, Авзяно-Петровские, Котурский, Кигинский, Златоустовский и Вознесенский казенный – разорены и сожжены, население частью переколото, а частью забрано в толпу мятежников (Рапорт Рейнсдорпа Сенату от 7 июля 1774 г. и Военной коллегии от того же числа // Гос. архив, VI, д. № 512; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV; См. также Русская старина, 1875, т. XII, с. 540).

Рапорт Михельсона князю Щербатову, 22 июня
1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Письмо Александра Ивановича Дебресана князю Вяземскому от 20 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425.

Паспорт ему выдан 22 января 1774 г. Рапорт ржевского воеводы секунд-майора Шишкина князю Вяземскому от 3 ноября 1774 г. // Там же.

Показания жены Долгополова 2 октября. Показания самого Долгополова 2 и 11 октября 1774 г. // Там же.

На Долгополове, по словам Творогова, был надет «зипун купеческого покроя, коричневого цвета, а шапка черная бархатная саратовским манером, околыш черный мерлушечий».

Он был давно уже женат.

Пугачев не упустил отобрать себе обещанные камни, которые после его поимки и были найдены в кошельке. «Первый из них белый восточного хрусталя, сердца имеет фигуру, а другой – четвероугольный желтоватый и весь исцарапан» (см.: П.С. Потемкин во время Пугачевщины // Русская старина, 1870, т. II, с. 412).

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показания Ивана Творогова 27 октября 1774 г. Показания Долгополова 2 и 11 октября, 12 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425, 505 и 512.

Показания Чумакова и Творогова // Там же, д. № 505.

528

Рапорт Башмакова Пермской провинциальной канцелярии от 19 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Показания воеводы пригорода Осы поручика
Пироговского // Гос. архив, VI, д. № 440.

Показания жителей Иргинского завода Тимофея Уткина и Афанасия Зорина 24 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

«Воеводу тамошнего [Пироговского], – доносил подполковник Попов князю Щербатову от 24 июня, – выбежавшие из Осы оправдывают, что он, не склоняясь сему вредному обществу предательству, удерживал Скрипицына, однако не мог».

Показания жителей Иргинского завода Тимофея Уткина и Афанасия Зорина 24 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Верхоланцев. Пермские ведомости, 1864, № 2.

Показания воеводы Пироговского; Показания подпоручика Федора Минеева; Показания Белобородова 30 июля 1774 г.; Показания Ивана Творогова 27 октября 1774 г.; Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 429, 440, 505 и 512; Показания Рождественского завода расходчика Ивана Кондюрина 29 июня 1774 г.; Рапорты подполковника Попова князю Щербатову от 24 и 25 июня 1774 г.; Рапорт Брандта Военной коллегии от 27 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V и X.

535

Рапорт подполковника Попова князю Щербатову от
21 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
X.

536

Гос. архив, VI, д. № 416.

Показания подпоручика Минеева // Там же, д. № 440.

Показания канцеляриста Мирона Комарова и копииста Михаила Лапотникова 1 июля // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Брандт, как мы говорили, предвидел беду, но устранить ее был не в силах (см. выше с. 238–239).

В рапорте Военной коллегии от 27 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V.

Стрелки эти были взяты поровну от полков 2-го гренадерского и Томского пехотного (см. рапорт подполковника Макарова генералу Брандту от 26 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X).

В рапорте Военной коллегии от 27 июня 1774 г. // Там же, кн. V.

Письмо Брандта князю Щербатову 26 июня // Там же,
кн. X.

Письмо Брандта князю Щербатову 24 июня // Там же, кн. IX.

545

В рапорте от 4 июля 1774 г., № 6 // Военно-ученый архив, д. № 104 (А), л. 244.

546

В рапорте князю Щербатову от 29 июня 1774 г.,
№ 1376 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн.
X.

Рапорт полковника Обернибесова князю Щербатову
от 23 июня 1774 г. // Там же, кн. IX.

548

Рапорт Обернибесова князю Щербатову от 3 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 512.

В рапорте князю Щербатову от 4 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

551

Журнал действий отряда Михельсона.

552

В рапорте князю Щербатову // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. X.

В рапорте от 30 июня 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. X.

В рапорте генералу Брандту от 2 июля 1774 г. // Там же.

555

Рапорт Михельсона князю Голицыну от 3 июля 1774 г. из дер. Сляковой // Там же.

556

То же от 6 июля // Там же.

Рассказ г. Мордовцева о деятельности Михельсона и о состоянии края в это время не имеет исторической достоверности, как основанный на иностранных источниках, переполненных вымыслом и искаженными фактами.

Письмо генерала Брандта князю Щербатову от 24 июня 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

559

Рапорт капитана Коха князю Щербатову от 30 июня // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

560

Записка Охлебинина, поданная князю Вяземскому // Архив кабинета его величества, д. о Пугачеве.

В мнении, поданном 2 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 444. См. также Записки академии, т. XXV, прилож. 4, с. 4.

Боженков. Н. Казанская история. Изд. 1847, ч. II, с. 83.

Владимиров В. Историческая записка о 1-й казанской гимназии. Изд. 1867 г., т. I, с. 126.

564

Рапорт Ларионова Брандту 3 июля // Московский
архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Владимиров В. Историческая записка о 1-й казанской гимназии, с. 126.

566

Гос. архив, VI, д. № 444.

567

В письме от 9 июля 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Императрице от 8 июля 1774 г. // Русская старина, 1870, т. II, с. 402.

Показания Ивана Творогова, Наума Белобородова, подпоручика Федора Минеева и поручика Пироговского
// Гос. архив, VI, д. № 429, 440 и 505.

570

Гос. архив, VI, д. № 489.

Письмо П.С. Потемкина к Г.А. Потемкину от 12 июля 1774 г. // Русская старина, 1870, т. II, с. 403.

Показания Белобородова, поручика Пироговского и подпоручика Минеева.

Верхоланцев. Пермские губернские ведомости, 1864,
№ 2.

574

Аттестат, выданный Неклюдову Потемкиным // Московский архив Главного штаба, оп. 194, ев. 33, л. 197.

575

Гос. архив, VI, д. № 489.

576

Донесение П.С. Потемкина от 12 августа 1774 г. // Там же, д. № 431.

Показания Федора Чумакова, Ивана Творогова и Софьи Дмитриевой // Там же, д. № 505 и 506; См. также: Русская старина, т. XVI, с. 506.

Всеподданнейшее донесение графа П. Панина от 10 октября 1774 г. // Сборник Исторического общества, т. VI, 164.

579

Преосвященному Крутицкому от 14 августа 1774 г. //
Гос. архив, VI, д. № 527.

580

Бантыш-Каменскому от 7 августа 1774 г. // Гос.
архив, VI, д. № 527.

Игумен сожженного Ивановского монастыря
архимандриту Платону в письме от 20 июля 1774 г. //
Там же.

Баженов Н. Казанская история. Изд. 1847 г., т. II, с. 85.

Показания купца Сухорукова. Казанские губернские ведомости, 1843, № 44.

Казанские губернские ведомости, 1844, № 36.

585

Показания купца Сухорукова. Казанские губернские ведомости, 1843, № 44.

Предложение губернатора фон-Брандта пермской
провинциальной канцелярии от 17 июля 1774 г.
Пермский сборник, ч. I, с. 97.

Письмо князя Щербатова графу З.Г. Чернышеву от 1 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV. Цифры эти не сходятся с помещенными у Пушкина (Сочинения, т. VI, 73) и в Казанском биржевом листке, 1874, № 54. В этом последнем, в статье «Казань 12 июля 1774 года», много неверного. Рассказ, что над Казанью развевалось белое с раскольничьим крестом знамя принадлежит к числу вымыслов.

Донесение Вениамина Св. Синоду 15 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

Вениамин Пуцек-Григорович, митрополит казанский.
Казанские губернские ведомости, 1844, № 36.

В письме Г.А. Потемкину от 12 июля 1774 г. Русская старина, 1870, т. II, с. 403.

591

Что на народ нельзя положиться (*фр.*).

В собственноручном письме от 23 июля 1774 г. // Русская старина, 1875, т. XIII, с. 118.

Пермские губернские ведомости, 1864, № 2.

594

Журнал военных действий отряда Михельсона.
Рукописная книга из собрания графа А. Уварова за
№ 559.

В рапорте князю Щербатову от 13 июля 1771 г. Рапорт этот напечатан Д. Анучиным в «Военном сборнике» (1871, № 5, с. 265).

596

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 13 июля
1774 г.

597

Всеподданнейший рапорт П. Потемкина 15 июля // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 286.

598

В рапорте князю Щербатову от 16 июля 1774 г.

599

Императрице от 22 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 489.

600

Во всеподданнейшем рапорте от 15 июля 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 287.

601

Указ Военной коллегии от 22 июля 1774 г.; Указ Сенату 31 августа 1774 г // Архив Сената, высоч. повеления и копии их. Кн. 136 и 208.

Майор Дуве получил 303 души, капитан Олсуфьев – 207 душ, ротмистр князь Енгальчев – 202 души, ротмистр Домогацкий – 203 души, поручик Фукс – 150 душ, поручик Тутолмин и барон Игельстром – вместе 302 души, поручики барон Дельвиг и Венгерский – вместе 302 души, подпоручик Амбразанцев – 147 душ, прапорщик Ржевский – 80 душ, подпоручики Блохин и Быков – вместе 200 душ, корнеты Селиванов, Петин и Ейман – вместе 250 душ и гарнизонный капитан Алексеев – 200 душ. Майору Харину, ротмистру Демьянову, капитану Кандышевскому, поручику Зелинскому, квартирмейстеру Яковлеву, прапорщикам Скупицкому, Рыкову, Зверинскому, Иванову и адъютанту Тарееву пожаловано *по сту рублей* пожизненной пенсии. Находившийся при отряде Михельсона польский конфедерат Пулавский награжден чином (см. всеподданнейшее донесение П. Потемкина от 7 августа // Гос. архив, VI, д. № 489).

Указ князю Голицыну от 25 июля 1774 г., № 379.
Сравни письмо Екатерины Г.А. Потемкину // Сборник
Императорского исторического общества, т. XIII, с. 437.

П.С. Потемкину в письме от 23 июля // Русская старина, 1875, т. XIII, с. 119.

605

Указ казанскому губернатору от 25 августа // Архив
Сената, кн. № 208.

Письмо Прокофия Демидова Михельсону от 8 января 1775 г. // Русский архив, 1873, № 11, с. 2234.

607

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 17 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

608

К неизвестному // Гос. архив, VI, д. № 489.

Предписания Брандта и Потемкина графу Меллину
от 14 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба,
оп. 47, кн. X.

610

Рапорт графа Меллина князю Щербатову от 15 июля
1774 г. // Там же.

Письмо Брандта князю Щербатову от 15 июля 1774 г.
// Там же.

612

Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 287.

В письме Бантыш-Каменскому от 24 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

Письмо генерала Брандта князю Щербатову от 19 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X. По сентенции секретной комиссии 13 августа, Белобородову было дано в Казани 100 ударов кнутом, а затем он отослан в Москву, для публичного отсечения головы. 5 сентября казнь эта была совершена. «Великие тысячи зрителей были, – писал князь Волконский к Г.А. Потемкину, – он прощался с народом, признал себя виновным перед Богом и государем и что сия ему казнь достойна» (Лебедев П. Графы Н. и П. Панины, с. 322).

Переплет (?) по повелению его высокографского сиятельства графа П.И. Панина о присылке к его сиятельству о злодее Пугачеве ведомости // Казанские губернские ведомости, 1867, № 33.

616

Показания пойманных // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

617

В письме от июля 1774 г. // Архив Кабинета его величества, особое дело о Пугачеве.

Г. Анучин в своей статье «Граф Панин» (Русский вестник, 1869, т. 80, с. 30) говорит, будто, еще будучи под Казанью, Пугачев приказал читать перед своими толпами манифест, что он пойдет в Москву принять царство. Манифеста этого мы не видали, да и в показании многочисленных участников мятежа нигде не упоминается об этом.

Письмо генерала Брандта князю Щербатову от 18 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

В рапорте князю Щербатову от 17 июля 1774 г. // Там же.

621

Гос. архив, VI, д. № 489.

622

В собственноручном письме от 18 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Впрочем, вы знаете, князь, что злодей найдет везде шайки и что он наделает много зла, перейдя Волгу. Я ожидаю ваше сиятельство с крайним нетерпением (*фр.*).

Всеподданнейший рапорт князя Щербатова от 22 июля 1774 г. // Там же, кн. IV.

Рапорт князя Голицына князю Щербатову от 13 июля 1774 г. // Там же, кн. X.

626

В рапорте от 19 июля 1774 г., № 1465 // Там же.

627

Рапорт Муфеля князю Щербатову 16 июля //

Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

628

Рапорт Обернибесова князю Щербатову от 19 июля //

Там же.

В письме преосвященному Крутицкому от 14 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

630

Во всеподданнейшем рапорте от 22 июля 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 288.

631

В рапорте князю Щербатову от 21 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. X.

Письмо Брандта князю Щербатову от 20 июля 1774 г.
// Там же.

Всеподданнейший рапорт князя Щербатова от 22 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Гос. архив, VI, д. № 414 и 415. Манифест этот был издаваем несколько раз, и под ним были подписаны числа: 18, 20, 28 и 31 июля 1774 г. Под последним числом, но с некоторыми изменениями он напечатан Я.К. Гротом в «Записках академии» (т. XXV, приложение № 4, с. 53) и в «Русской старине» (1875, № 11, с. 441).

Всеподданнейший рапорт князя Щербатова от 22 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Рапорт Михельсона князю Щербатову 25 июля 1774 г.
// Там же, кн. X.

Одну из таких сцен можно найти в статье «Емельян Пугачев» (Русская старина, 1873, т. VIII, с. 807).

638

Села Алферьева, Алатырского уезда, в прошении,
поданном 23 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 416.

Об этих жестокостях см.: Казанские губернские ведомости, 1860, № 28.

Манифест императрицы от 1 сентября 1774 г. Записка князя Вяземского Сенату от 25 августа. По этой записке поручик Лука Лихутин произведен в секунд-майоры, голова Василий Беляков и бургомистр Алексей Беляков – в титулярные советники, 19 купцов и один солдатский сын получили шпаги.

Донесение Антония, епископа нижегородского,
Синоду 16 августа 1774 г. Арх. Синода, д. № 8.

642

Рапорт Курмышской инвалидной команды в контору
Военной коллегии от 27 июля 1774 г.

В записках Д.Б. Мертвого офицер этот назван Сердешевым, а в следственном деле Сюльдяшевым. См. Московский архив Главного штаба, оп. 95, ев. 564, д. № 28.

Показания сержанта Михаила Лосева // Гос. архив, VI, д. № 447; Показания прапорщика Сюльдяшева // Там же, д. № 453.

645

Показания сержанта Харитонова // Там же.

646

Деньги эти были приготовлены к отправлению во Владимир.

647

Показания Сюльдяшева // Гос. архив, VI, д. № 453.

Показания Пугачева 4 и 17 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512; Донесение алатырского духовенства преосвященному Антонию, епископу нижегородскому // Архив Синода, д. № 4; Показания подпоручика Косооговского и мнение учрежденного в Москве кригсрехта 10 марта 1775 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 95, ев. 564, д. № 28. Сюльдяшев и Косооговский были лишены чинов и сосланы в Таганрог на поселение. В Алатырском уезде было убито 65 человек мужчин и женщин; разграблено в уезде 33 дома и в городе 38 домов. К Пугачеву присоединилось 224 человека городских жителей // Гос. архив, VI, д. № 447.

649

Указ самозванца от 26 июля 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 512.

650

Князю Щербатову от 1 августа 1774 г. // Там же, д.
№ 490.

Об этой вдове упоминает Рунич в своих записках (Русская старина, 1870, т. II, с. 237), но все, что говорит он о действиях войск, то неверно.

652

Рапорт подпоручика Иванова генералу Брандту от 4 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 489.

Манифест самозванца от 28 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 415.

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 512. Показания архимандрита Александра от 23 августа 1774 г. // Архив Синода, секрет, оп., д. № 4. По мнению П. Потемкина, с архимандрита Александра следовало публично снять сан «и перед всем народом, через три дня, объявлять самому ему вину свою, принося при том молитвы Вышнему о прощении его преступлений, а потом определить в монастырь на вечное покаяние». Синод определил: одеть его в простую монашескую одежду, вывести на публичное место и, в присутствии архиепископа казанского и народа, прочтя ему тяжкие его преступления, лишить монашеского звания: снять одежду, остричь волосы на голове и бороде, переименовать прежним мирским именем и, одев в простое мужичье платье, отдать на светский суд в учрежденную в Казани секретную комиссию. П.С. Потемкин отступил от определения Синода и устроил особую церемонию для расстрижения архимандрита. В 12 часов дня 13 октября Александр был приведен в оковах из секретной комиссии прямо в алтарь, где в тех же оковах облачен в архиерейское облачение, «причем солдаты с оружием и с примкнутыми штыками у северных алтарных дверей стояли». Протопоп и протодиакон вывели Александра на середину церкви, где и стоял он до тех пор, пока П.С. Потемкин, губернатор, преосвященный архиепископ казанский Вениамин и прочие не вышли на улицу перед соборную колокольню. Там, при собрании многочисленной толпы народа, прочтен был приговор, а затем Александру обрезали волосы на голове и бороде, одели в мужицкий кафтан и отвели потом опять в секретную комиссию. «При сем печальном позорище, –

писал архимандрит Платон Любарский Н.Н. Бантыш-Каменско-му от 16 октября (Гос. архив, VI, д. № 527), – народ оказывал сожаление и страх. Указом [Синода] хотя велено вывести его только в одной монашеской одежде, яко уж монаха, а не архимандрита, ибо в том же указе написано, что все духовные, с того времени как в преступление впали, уже ев. сана лишились и подпали проклятию, то и оный архимандрит уже не архимандрит и священник, а простой монах. Однако Потемкин для большого народу знать внушения его проступка приказал в святых одеждах на публичное место вывести».

655

В рапорте от 22 июля 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. X.

656

В рапорте князю Щербатову от 24 июля 1774 г. // Там же.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 25 июля
1774 г. // Там же.

В рапорте князю Щербатову от 24 июля 1774 г. // Там же.

659

В рапорте князю Щербатову от 4 августа // Гос. архив, VI, д. № 490.

Таким образом были спасены воевода Василий Обрезков с женою, майор Столбов, жены майора Клескина, поручика Лихутина, Лукина и Мертвого с двумя дочерями.

661

Письмо нижегородского губернатора Ступишина князю А.А. Вяземскому от 6 мая 1775 г. // Гос. архив, VI, д. № 453.

662

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 1 августа
1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

Рапорт Михельсона князю Щербатову от 3 августа
1774 г. // Там же.

664

Письмо Ступишина Михельсону от 31 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

Всеподданнейшее донесение князя Щербатова от 1 августа 1774 г., № 9 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

666

В собственноручном письме от 8 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V.

667

Указ Военной коллегии от 8 июля // Там же, оп. 47,
кн. V.

Указ князю Щербатову от 8 июля // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 212. Впоследствии императрица не допустила к себе князя Щербатова и поручила допросить его Военной коллегии. 15 августа фельдмаршал князь Александр Голицын писал графу З.Г. Чернышеву: «Ее императорское величество высочайше указать соизволила объявить вашему сиятельству нижеследующее: запишите мой указ в Военной коллегии, чтоб по приезде князя Ф.Ф. Щербатова с него взяли ответ и отчет, для чего злодею переход через Каму не был прегражден и что удерживало большую часть войск около Оренбурга, когда преследование злодея долженствовало быть наиглавнейший предмет» (см. Московский архив Главного штаба, оп. 95, св. 563, д. № 42). Результатом этого допроса был рапорт, представленный Военной коллегии, но признанный неудовлетворительным. Не допущенный до императрицы, князь Щербатов в октябре 1774 г. подал прошение об увольнении его по слабости здоровья от воинской и статской службы. На докладе Военной коллегии 9 января 1775 г. последовала высочайшая резолюция: «быть по сему», и князь Щербатов был уволен без всяких наград (Там же, оп. 31, кн. 54, № 252).

Указы Военной коллегии князю М.Н. Волконскому от 8 и 9 июля за № 328 и 332 // Там же, оп. 47, кн. V; Письмо Екатерины II князю Волконскому от 9 июля // Восемнадцатый век, изд. Бартенева, кн. I, с. 111. Замечательно, что Краснощеков был неграмотен, и все рапорты подписывал за него сотник Протопопов.

В черновом рескрипте, написанном рукою Г.А. Потемкина, числа нет, но из рапорта князя П.М. Голицына (от 2 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 498) видно, что он получил два письма Екатерины от 7 и 15 июля. Рескрипт этот напечатан в XIII т. Сборника Императорского исторического общества, но неверно отнесен к 13 октября 1773 г., и в заголовке неправильно обозначено, что он адресован на имя Кара. В октябре 1773 г. Г.А. Потемкин не мог писать проектов рескрипта, потому что он был тогда еще в Турции.

671

Всеподданнейший рапорт князя Голицына 2 августа 1774 г. // Военноученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 290.

Рапорт князя Голицына Военной коллегии от 4 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

673

Во всеподданнейшем донесении от 2 августа 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 489.

674

В собственноручном письме от 16 июля 1774 г. // Военно-ученый архив, отд. I, д. № 104 (А), л. 294.

675

Т. е. войска, находившиеся под начальством князя Щербатова.

Графу П.И. Панину в письме от 22 июля 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 74.

Архив Гос. совета, т. I, с. 454.

678

Впоследствии генерал-прокурор.

Жизнь и деяния князя Г.А. Потемкина // Русский архив, 1867, с. 1022.

680

Записка графа З. Чернышева Военной коллегии от 21
июля 1774 г.

В депеше графу Суффольку от 24 июля 1774 г.
Сборник Императорского русского исторического
общества, т. XIX, с. 423.

Письмо Екатерины князю Волконскому от 23 июля // Гос. архив, VI, д. № 503. Привезшие это известие курьеры, полковник граф Румянцев и князь Гавриил Гагарин, были пожалованы: первый – генерал-майором, а второй – камер-юнкером (см. Архив Сената, кн. 208).

От 23 июля // Русская старина, 1875, т. XIII, с. 117.

684

Во всеподданнейшем донесении от 7 августа 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 489.

Необходимо сделать примечание, что Петр I был турками под Прутом заперт и совершен мир по воле Порты. Ваше императорское величество оружием победоносным принудили заключить мир Порту по изволению вашему точно в тот день, т. е. 10-го числа июля. Великая Екатерина отмстила обиду, причиненную великому Петру. (*Примеч. П.С. Потемкина.*)

Записка императрицы Г.А. Потемкину // Сборник Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 419.

Указ Военной коллегии князю Долгорукову от 29 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. У.

Указ Военной коллегии князю Волконскому от 28 июля 1774 г. // Журнал секретной экспедиции // Московский архив Главного штаба, кн. 54, л. 178.

689

Указ императрицы Военной коллегии 29 июля 1774 г.

690

От 28 июля // Семнадцатый век, кн. I, с. ИЗ.

Записки Болотова, т. III, с. 378.

692

Ведение из московских департаментов Сената
петербургским, 7 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 504.

В письме от 23 июля 1774 г. // Московский архив
Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Рапорт князя Волконского Военной коллегии от 29 июля 1774 г., № 121 // Там же. Всеподданнейшее донесение его же от 4 августа. Московский архив министерства иностранных дел.

Постановление московского дворянства от 3 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 527. Князь Волконский обязался поставить 12 гусаров.

Всеподданнейшее письмо князя Волконского от 19 августа 1774 г. // Там же, д. № 503. Впоследствии, по переменившимся обстоятельствам, корпус этот не был окончательно сформирован.

Во всеподданнейшем донесении от 4 августа 1774 г.
// Московский Архив министерства иностранных дел.

Письмо графа П.И. Панина к графу Н.И. Панину от 26 июля 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 77.

699

Там же, с. 79.

От 26 июля // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 78.

Там же, т. XIII, с. 421.

Там же, с. 420.

703

Указ Сенату от 29 июля 1774 г. // Архив Сената,
именные указы, кн. № 136.

В рескрипте от 29 июля 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 82.

Открытый указ императрицы от 29 июля 1774 г. // Там же, с. 84.

Письмо графа Н. Панина к графу П. Панину от 2 августа 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 86.

Письмо Екатерины II графу Панину от 29 июля.
Сборник Императорского исторического русского
общества, т. VI, с. 86.

В письме от 30 июля 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 115.

Записки Академии наук, т. III.

Всеподданнейшее письмо князя Волконского императрице от 3 августа 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 116.

В Великолуцком полку было 46 офицеров, 1581 нижних чинов; в Владимирском драгунском – 21 офицер, 723 нижних чина; в двух эскадронах Венгерского гусарского – 12 офицеров, 292 нижних чина; в донском Краснощекова – 1 офицер, 486 нижних чинов – всего 3162 человека (Гос. архив, VI, д. № 490. «Материалы для истории Пугачевского бунта» Я.К. Грота // Записки Академии наук, т. III, с. 29 (Приложение).

Рапорт князя Долгорукого Военной коллегии от 15 августа 1774 г., № 680 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V.

В письме от 30 июля 1774 г. // Сборник исторического общества, т. VI, с. 86.

Полки: 2-й гренадерский, Владимирский, Томский, Нарвский, Великолуцкий, Воронежский, Ладужский, гренадерская рота Вятского и 2 роты Алексопольского полков.

715

Легкие полевые команды: 1, 6, 7, 8, 16, 22, 23, 24 и 25-я.

Четыре батальона оренбургских, 3 казанских, 1 нижегородский, 3 московских, 2 царицынских, 1 саратовский и 4 астраханских.

Санкт-Петербургский и Архангелогородский карабинерные, Владимирский драгунский, Лейб-кирасирский, Смоленский конный, Чугуевский казачий, Изюмский гусарский, 4 эскадрона Венгерского гусарского и 7 поселенных гусарских эскадронов.

Ведомость войскам, приложенная при указе Военной коллегии графу Панину 30 июля 1774 г. [// Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V.

Всеподданнейшее донесение князя Волконского от 10 августа // Гос. архив, VI, д. № 503. Письмо его же П.С. Потемкину от 22 августа // Там же, д. № 489.

Всеподданнейшее донесение графа П. Панина от 3 августа 1774 г. Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 90.

Всеподданнейшие донесения графа П. Панина 4 и 10 августа 1774 г. // Там же.

От 10 августа 1774 г. // Сборник Императорского
русского исторического общества, т. VI, с. 99.

Ордер графа П. Панина полковнику Древицу от 9 августа // Гос. архив, VI, д. № 490; См. также Записки Академии наук, т. XXV, приложение № 4, с. 8.

От 15 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490. См. также Записки Академии наук, т. XXV, приложение № 4, с. 14.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 19 августа 1774 г., № 8 // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 114.

Всеподданнейшее донесение графа П. Панина от 10 августа 1774 г. // Там же, с. 100.

727

Постановление Синода 20 августа // Архив Синода, д.
№ 5.

Архимандритам, игуменам, пресвитерам, диаконам, монашествующим и всему причту. См. приложение № 1.

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г.; Показания Долгополова 12 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 425 и 512.

Показания Долгополова 12 ноября 1774 г. Сочиненное письмо было напечатано сначала в «Москвитянине» (1845, № 9), а потом перепечатано в сборнике «Восемнадцатый век» (кн. I, с. 365). Оно озаглавлено так: «Копия с письма яицких казаков к кн. ЕГ. Орлову».

Перифраз этого письма передан Руничем неверно.
См.: Русская старина, 1870, т. II, с. 221.

Отрывок этот помечен 8 августа и напечатан в Сборнике Имперского русского исторического общества, т. XIII, с. 432 и 433.

От 8 августа 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. 1, с. 118 и 119.

Наставление, данное императрицею капитану Галахову от 8 августа 1774 г. /**y** Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 194 (прилож.); Сб. Императорского русского исторического общества, т. XIII, с. 433.

735

Письмо от 9 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 488.

Всеподданнейшее донесение князя Волконского от 13 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. 503; Письмо князя Волконского князю Вяземскому от 13 августа // Архив кабинета его величества.

737

Показания секунд-майора Герасимова от 6 октября
1774 г // Гос. архив, VI, д. № 453.

Указ этот по своему содержанию весьма близок к тому, который был отправлен в Саранск и приведен нами выше // Гос. архив, VI, д. № 420.

Показания секунд-майора Гаврилы Герасимова от 6 октября 1774 г. // Там же, д. № 453.

Ср. письмо Державина П. Потемкину // Древняя и новая Россия, 1877, № 3, с. 236.

741

Объявление это было подписано Андреем Козновым.
См. Гос. архив, VI, д. № 453.

742

Там же.

Показания Герасимова, купца Андрея Кознова, купца Бориса Елизарова, секретаря Тихона Андреева, прапорщика Ильи Григорьева // Гос. архив, VI, д. № 453; Рапорт Пензенской провинциальной канцелярии Сенату 28 августа 1774 г. // Там же, д. № 504.

744

Рапорт Муфеля от 5 августа 1774 г. // Там же, д.
№ 490.

Рапорт графа Меллина князю Щербатову от 4 августа; Ордер графа Меллина секретарю Андрееву от 5 августа 1774 г. // Там же, д. № 453 и 490.

746

Яков Линев в письме к неизвестному от 16 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 527.

747

Рапорт Чемесова князю Вяземскому от 16 августа //

Архив Кабинета его императорского величества.

Рапорт керенской воеводской канцелярии Сенату 12 августа // Гос. архив, VI, д. № 450; Рапорт графа П.И. Панина Военной коллегии от 8 сентября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 85, ев. 53.

749

В рапорте графу П.И. Панину от 10 сентября 1774 г. //
Гос. архив, VI, д. № 452.

750

Донесение архимандрита Исаакия графу // Архив
Синода, д. № 14.

Рапорт майора Лукина графу Панину от 10 сентября 1774 г. Показания Овсянникова // Гос. архив, VI, д. № 452. Всеподданнейшее донесение графа П.И. Панина от 17 сентября 1774 г. // Сборник русского исторического общества, т. VI, 143. См. также: *Лукин И.Ф.* Жизнь старого русского дворянина // Русский архив, 1865, № 8, с. 917.

752

Гос. архив, VI, д. № 452.

753

От 13 августа 1774 г. // Там же, д. № 489.

Показания Юматова // Гос. архив, VI, д. № 512. Юматов был настолько прост, что, рапортуя Пензенской провинциальной канцелярии о происшествии в Петровске, также подписался полковником, за что и был высечен плетьюми два раза графом Меллиным, вскоре после того прибывшим в Петровск.

755

Рапорт Петровской воеводской канцелярии в Пензенскую провинциальную от 13 августа 1774 г. // Там же, д. № 504.

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. Показания казака Парфена Бекренева 14 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512; Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45.

Казаки ошибочно и по незнанию показали, что были определены в полк яицкого казака Афанасия Петрова.

Показания есаула Мелехова и хорунжего Малахова // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV. Показание это напечатано П.К. ГЦебальским в его книге «Начало и характер Пугачевщины» (прилож., с. 105). Рассказ, помещенный в «Древней и новой России» (1877, № 3, с. 237), расходится с показаниями участников.

759

В письме от 9 мая 1774 г.

Перемена эта заключалась в том, что Пугачев был разбит и с незначительным числом сообщников бежал на север, в Башкирию.

761

В собственноручном письме князю А.А. Вяземскому
от 20 мая, из Саратова.

762

Гос. архив, VI, д. № 454.

Письмо Кречетникова князю Щербатову от 14 июня 1774 г., № 1016 // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IX.

764

В предписании от 6 августа 1774 г.

Рапорт Бошняка Военной коллегии 16 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV. Рапорт этот составляет копию с рапорта, представленного Бошняком графу П.И. Панину от 11 октября и напечатанного Я.К. Гротом в приложении к Сочинениям Державина.

766

Рапорт полковника Бошняка астраханскому
губернатору Кречетникову 25 июля 1774 г.
Постановление комиссии от 24 июля // Гос. архив, VI, д.
№ 454.

Рапорт полковника Бошняка астраханскому губернатору от 25 июля 1774 г. и «Журнал конторы опекунства иностранных» ЦГос. архив, VI, д. № 454.

Предписание князя Щербатова полковнику Бошняку
от 22 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба,
оп. 47, кн. IV.

Письмо Новосильцова Державину от 26 июля. См.
Державин. Сочинения, т. V, с. 143.

Рапорт полковника Бошняка генералу Кречетникову от 26 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454. Как это донесение, так и некоторые другие напечатаны Я.К. Гротом в приложении к Сочинениям Державина.

От 26 июля 1774 года. *Державин*. Сочинения, изд. 1869 г., т. V, с. 144.

Князю Щербатову от 27 июля 1774 г. *Державин*.
Сочинения, т. V, с. 146 и 147.

В письме от 27 июля 1774 г. // Там же, с. 148.

«Журнал конторы опекунства иностранных дел»,
представленный Кречетникову от 18 сентября // Гос.
архив, VI, д. № 454.

775

В рапорте Кречетникову от 1 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454.

В письме от 29 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV. Письмо это напечатано Я.К. Гротом в приложениях к Сочинениям Державина.

Посланная бумажка была следующего содержания: «Крепостию называется огражденное искусством, по правилам военного укрепления, или фортификации, место. В таком месте для обороны от неприятелей потребны инженерные офицеры и при них разного рода мастеровые, смотря по существу той крепости; также необходима к обороне нужная артиллерия, арсеналы и магазины с ее припасами и пороховые погреба, а потом и немалая артиллерийская команда. Все оные люди, орудия и снаряды должны зависеть от одной особы, знающей искусство укреплять и оборонять; она особа, по принятому обыкновению, называется комендантом или повелителем той крепости, которая ему и поручается, яко хозяину.

В Российском государстве есть два сорта комендантов, из коих первые, кои, как выше упомянуто, по справедливости могут называться комендантами или повелителями, а потому и хозяевами вышеписанных крепостей. Другой же сорт комендантов определяется для сыску воров и разбойников и для препровождения из них пойманных от места до места и для других надобностей и караулов, и то по требованиям губернских, провинциальных и воеводских канцелярий, тако ж и прочих случающихся во многих городах присутственных мест. В городе Саратове нет никакой ограды, искусством и по правилам военной архитектуры расположенной, а потому нет ни инженерной, ни артиллерийской команды, ниже воинских снарядов, кои до обороны крепости принадлежат. Равным образом не положено при батальоне и мастеровой роты, которые единственно для починки крепостей по последнему штату учреждены; город же управляется воеводскою

канцеляриею и магистратом, равно как и все приписные и неукрепленные города, следовательно, и определенный в нем комендант не хозяин в городе, но повелитель токмо учрежденного здесь для упомянутых надобностей батальона, из коего по требованию присутственных мест должен отряжать потребное число людей по случающимся казенным нуждам».

778

То есть что зовет к себе старшого.

В тайном наставлении или инструкции, данной А.И. Бибиковым лейб-гвардии поручику Державину, было сказано, что он посылается в Малыковку (ныне г. Вольск) для исполнения следующих поручений: 1) В случае разбития Пугачева под Оренбургом и бегства его на Иргиз обратить «все возможное старание к тому, чтоб узнать тех людей, к коим бы он в таком случае прибегнуть мог, или, по крайней мере, через кого вы о них узнать можете, а узнавши, расположите таковые меры, чтоб сей злодей поимки избегнуть не мог». 2) До разбития самозванца Державину поручалось употребить старание, «чтоб узнать о действиях и намерениях злодея и его толпы, их состояние и силу, взаимную между ними связь, и чем подробнее и обстоятельнее вы узнаете, тем более и заслуги вашей».

Средствами для исполнения этого поручения главнокомандующий считал: обещание награды, денежные выдачи, посылку надежных людей в стан самозванца, наблюдение над образом мыслей населения, убеждение жителей, что принявший на себя титул императора есть самозванец, государственный злодей и изменник. «Впрочем, я, – прибавлял Бибиков в конце своего наставления, – полагаясь на искусство ваше, усердие и верность, оставляю более наблюдение дела, для которого вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надеюсь, что вы как все сие весьма тайно содержать будете, так не упустите никакого случая, коим бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей (Сочинения Державина с примеч. Я.К. Грота, т. V, с. 10–14). Вот все полномочия и цель посылки Державина. Они весьма далеки от права вмешательства в какие бы то ни было

административные распоряжения, далеки и от того, чтобы по требованиям последнего исполнять все. Посылая Державина в Малыковку, главнокомандующий А.И. Бибиков ограничил район его действий тем, что просил содействия в порученной ему должности только малыковских дворцовых правителей и астраханского губернатора, как хозяина той губернии, в которую посылался молодой поручик. К сожалению, поэт увлекся до того, что считал ненужным повиноваться распоряжениям губернатора, считал свое положение выше власти, предоставленной губернаторам, и называл себя человеком, «которому препоручено сохранение здешних мест от злодейских нападений».

780

Рапорт полковника Бошняка генералу Кречетникову
от 30 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454.

781

От 24 июля 1774 г. // Там же.

782

Кречетникову от 2 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 454.

783

Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Когда постановление это было окончательно составлено, тогда Бошняка в присутствии уже не было, и он не подписал его.

Записка капитана Николая Свербеева, поданная генерал-прокурору князю Вяземскому // Архив Кабинета его императорского величества, особое дело о Пугачеве.

Письмо Державина Потемкину от 2 августа 1774 г. // *Державин. Сочинения*, т. V, с. 156.

Письмо Бошняка Державину от 3 августа 1774 г. // Там же, с. 157.

788

Предписание Кречетникова Бошняку от 27 июля //

Там же, с. 158.

789

В письме Бошняку от 3 августа 1774 г. // Там же.

«Вручитель сего, – писал Бибииков Кречетникову, – лейб-гвардии Преображенского полка подпоручик Державин отправлен от меня в ваш край по Высочайшему е. и. в. именному повелению. Он, по возложенному на него делу, будет иногда утруждать вас просьбами своими, почему покорнейше вас прошу показать ему, во всякое время, скорое и всевозможное вспоможение, пребывая» и проч.

«Онй Державин, – писал Кречетников Бошняку, – от 27 июля (как и вам известно), и при бытности моей в Саратове находился в предохранение злодейских нашествий по р. Иргизу с своею командою, где и не видавши никакой опасности, требовал себе вспоможения и приполнения военных людей не только от меня, по и от конторы опекунства иностранных» {Державин. Сочинения, т. V, с. 157}.

Сообщение Державина Бошняку от 3 августа 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 454; См. также *Державин.*
Сочинения, т. V, с. 158.

Державин успел вселить уверенность в население, что он действительно уполномоченный. «Сего года июля месяца в последних числах, – показывал И ноября 1774 г. купец Кобяков, – приезжал в Саратов гвардии офицер Державин *с высочайшим ее императорского величества повелением, чтоб, в случае нападения от злодея Емельки и его толпы, сделать для укрепления города осадную земляную крепость саратовскому купечеству и всем тамошним градским жителям*». Г. Анучин (Граф Панин – усмиритель Пугачевщины // Русский вестник, 1869, т. 80, с. 53) обвиняет во многом Кречетникова, но после приведенных выше документов обвинение это едва ли справедливо. Ссылка автора на письмо Ладыженского к Державину не может служить доказательством, как написанное человеком недовольным, и притом из фактических данных мы знаем, что силы Кречетникова преувеличены более чем вдвое.

От 9 августа 1774 г. *Державин*. Сочинения, т. V, с. 172.

Грот Я.К. Жизнь Державина, изд. 1880 г., с. 171.
Рапорт счетчика Ащеулова, купца Пивоварова и
отставного ротмистра Огарева без числа // Гос. архив, VI,
д. № 454.

796

Письмо М. Жукова М.Я. Маслову от 11 августа 1774 г.
// Архив Кабинета его императорского величества.

Рапорт полковника Бошняка графу П.И. Панину от 11 октября 1774 г. По высочайше утвержденному 29 мая 1775 г. докладу Сената, за сохранение этой суммы Алексеев пожалован чином капитана и ему выдана тысяча рублей // Архив Сената, именные указы, кн. 137, л. 259.

798

Рапорт Бошняка Военной коллегии от 16 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

Грот Я.К. Жизнь Г.Р. Державина, изд. 1880 г., с. 169.

Некоторые могут найти отъезд этот естественным, но нам кажется, что защита города и борьба с главными силами мятежников важнее усмирения 500 человек волнующихся и что Державину, бравшему на себя всю ответственность на словах, следовало исполнить ее и на деле. Державин уехал из Саратова по тем же соображениям, по которым он бежал из-под Петровска.

801

Гос. архив, VI, д. № 454.

Полковник Бошняк и майор Семанж определяют силы мятежников в 4 тысячи человек, Мелехов и Малахов – в 10 тысяч человек, а сам Пугачев говорил, что у него было не более 3 тысяч человек.

Показания Кобякова 11 ноября 1774 г.; Показания Матвея Протопопова // Гос. архив, VI, д. № 512; Показания нижних чинов саратовского батальона // Московский архив Главного штаба, оп. 94, св. 17, д. № 21; оп. 95, св. 564, д. № 90.

804

Показания Салманова 26 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 453 и 512.

По лишении всех прав состояния Салманов сослан в Таганрог в каторгу вечно. Указ императрицы Военной коллегии 23 марта 1775 г. // Там же, д. № 454. Ср.: *Грот Я.К.* Жизнь Державина, прилож., с. 85.

Рапорт Бошняка Кречетникову от 14 августа 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 454. Представляя оторванные
полотна от древков, Бошняк просил о выдаче
саратовскому батальону новых знамен.

807

Гос. архив, VI, д. № 454.

Рапорт члена Низовой соляной конторы Савельева
Сенату от 15 августа 1774 г. // Архив Главного штаба, оп.
47, кн. IV.

809

Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 512.

Показания дворянина Ивана Чебышева 8 сентября 1774 г.; Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Там же, д. № 453 и 512.

Рапорт князя Г.Г. Орлова Сенату от 20 октября
1774 г. // Там же, д. № 454.

Рапорт Михельсона графу Панину от 12 августа
1774 г. // Там же, д. № 490.

Рапорт Савельева Сенату от 15 августа 1774 г. // Гос. архив. VI, д. № 454.

814

От 15 августа 1774 г.

815

Гос. архив, VI, д. № 506.

От 13 августа 1774 г. В «Русском архиве» (1873, № 4, с. 0451) манифест ошибочно помечен 23 августа. В том же журнале (1870, т. I, с. 292) этот же самый манифест напечатан верно.

817

Гос. архив, VI, д. № 505 и 512.

Письмо П.С. Потемкина атаману Сулину 19 июля 1774 г., № 8 // Там же, д. № 489.

Рапорт наказного атамана Сулина генералу Г.А. Потемкину 12 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45. См. также: *Щебальский П.* Начало и характер Пугачевщины, изд. 1865 г., с. 140.

Сенюткин М. Военные действия донцов и проч.
Современник, 1854, т. 46, с. 96.

821

В воззвании от 13 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 492.

822

Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45.

823

Показания волжского войска казака Ивана
Черникова 22 августа 1774 г. // Там же.

Под именем короны подразумевалась приложенная в левом углу первой страницы печать, означающая «мерзкую харю злодея» (Показания Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505). Подлинный указ см.: Там же, д. № 512.

Репорты старшин Василия Майкова и Григория Поздеева атаману Сулину от 16 августа; Показания казака Ивана Черникова от 22 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45. Иван Черников был повешен в Черкасске. См.: *Сепюткин М.* Военные действия донцов против Пугачева // *Современник*, т. 46, с. 92.

826

Рапорт Циплетева Военной коллегии от 12 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. V.

827

Рапорт Дондукова Кречетникову 13 августа 1774 г.;
Рапорт полковника Циплетева ему же от 15 августа //
Гос. архив, VI, д. № 454.

Рапорт Дондукова Циплетеву от 15 августа // Там же.
См. также: Записки Академии наук, т. XXV, прилож. № 4,
с. 19.

Рапорты атамана Сулина Г.А. Потемкину от 28 августа и 12 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45; Рапорт полковника Циплетева Военной коллегии от 16 сентября 1774 г., № 244 // Там же, оп. 47, ев. 249; Записка капитана Николая Свербеева, поданная князю А.А. Вяземскому // Архив Кабинета его императорского величества.

830

Всеподданнейший рапорт Циплетева от 25 августа //
Гос. архив, VI, д. № 496.

831

31 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 463.

832

В показании от 26 сентября 1774 г. // Там же, д.
№ 512.

А не «рассуждении», как напечатано в Чтениях Московского общества истории и древностей, 1858, кн. II, с. 48.

Записка капитана Николая Свербеева // Архив
Кабинета его императорского величества, дело о
Пугачеве.

Показания Афанасия Перфильева, Ивана Творогова, секретаря Дубровского, казака Василия Горского, дворянина Ивана Чебышева и майора Салманова // Гос. архив, VI, д. № 425, 453, 463, 505 и 512.

Собственно в Царицыне было положено по штату два гарнизонных батальона, каждый из шести рот; но большая часть этих рот была раскомандирована по линии и занимала гарнизоны в укреплениях.

837

Генералу Кречетникову от 5 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454.

Рапорт Сулина Г.А. Потемкину от 22 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 194, кн. 45.

839

В рапорте Кречетникову от 15 августа 1774 г, // Гос. архив, VI, д. № 454.

840

Там же.

841

В которых, впрочем, было не более 500 человек.

842

В рапорте Кречетникову от 15 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454.

843

В рапорте Кречетникову, число в котором не
проставлено // Гос. архив, VI, д. № 454.

Рапорт Циплетева Военной коллегии 12 августа // Там же, д. № 496; Записки Академии наук, т. XXV, прилож. 4, с. 17.

845

Рапорт Циплетева от 16 августа // Гос. архив, VI, д.
№ 454.

846

Рапорт Кречетникова Сенату 20 августа 1774 г., № 99
// Гос. архив, VI, д. № 454.

847

Рапорт Камер-коллегии Сенату 15 сентября 1774 г. // Там же, д. № 504.

Бросившись в атаку, Кутейников столкнулся с одним яицким казаком, которого хотя и убил, но сам получил одну рану копьем, близ правой титьки,

а другую в левый бок. Сброшенный с коня, Кутейников был захвачен в плен. «По ободрании с него платья и воинской сбруи», с связанными ремнем назад руками, он был отправлен в обоз самозванца. Там его били дубинами, таскали за волосы, и двое мятежников, «надев на шею ему петлю, один к другому арканом тянули и едва его не удавили». Привязанный к колесу, Кутейников оставался в таком положении до тех пор, пока не был потребован к самозванцу. Введенный в шатер, он увидел Пугачева, окруженного своими сообщниками, перед которыми стоял штоф водки. Спросивши фамилию, самозванец прибавил: «Так ты, брат, мне и роднею причелся». Показывая на жену Софью и своего сына, Пугачев спрашивал Кутейникова, знает ли их? А как он ему отвечивал, что не знает, «то он, злодей, приказал вывести его из шатра вон. Но вслед за тем ему от полковника [самозваного] объявлены были разные мучительные смерти, в чаянии таком, чтоб его обратить в их богомерзкую толпу: во-первых, что он будет повешен, во-вторых – расстрелян, в-третьих – четвертован, в-четвертых – пятки разрежут и жилы из них вытянут». Видя, что никакие угрозы не могут склонить Кутейникова перейти на сторону мятежников, Пугачев приказал казанскому татарину застрелить его. Татарин вывел Кутейникова из обоза «и, переведя через буерак, посадил на яру и приказал другому, бывшему с ним татарину, по нем, Кутейникове, стрелять, кой по многим осечкам ружья, в четвертый уже раз вдарил его в припор, в левый бок, однако

внутренности захватить не мог». Скатившись в буерак, Кутейников пролежал там без чувств более двух часов. Пугачев ушел уже к Царицыну, когда израненный Кутейников очнулся. Кое-как приподнявшись, он поплелся вверх по Царицынской Пичуге до Грачевской крепости и, не дойдя до нее, был настигнут двумя казаками, бежавшими из толпы мятежников, которые и доставили его сначала в Сакарскую крепость, а потом в Качалинскую станицу (Рапорт Судина Г.А. Потемкину 12 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 149, кн. 45). Свое свидание с Кутейниковым Пугачев рассказывает иначе: «Он, Емелька, увидя Кутейникова, говорил: «Ты Пугачева дом разорял». Кутейников сказал: «Не разорял, а исполнял волю командирскую». Он, Емелька, сказал: «Узнаешь ли Пугачиху?» Кутейников сказал: «Не знаю». И он, Емелька, велел кликнуть жену свою. А как она пришла, то он сказал: «Вот Пугачиха». Кутейников сказал: «Я ее никогда не видывал». И потом, напоя его вином, выслал вон; а когда он вышел, то он Федульеву сказал: «Завтра Кутейникова повесьте». Мордовцев перемешал события, и сражения на реке Пролейке и реке Мечетной слил в одно целое (см.: Русские государственные деятели, Отечественные записки, 1868, № 9, с. 107).

Анучин Д. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины // Русский вестник, 1869, т. 80, с. 645.

850

Всеподданнейший рапорт Циплетева от 26 августа
1774 г.

851

Записка Свербеева // Архив Кабинета его величества.

Рапорт Циплетева генерал-майору Потапову от 26 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

В ордере от 4 сентября 1774 г. // Записки академии,
т. XXV, приложение, с. 48.

854

Показания Чебышева от 8 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 453.

855

4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

856

Показания яицкого казака Ивана Федульева // Там же, д. № 505.

857

27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

858

Рапорт Михельсона графу П. Панину от 22 августа
1774 г, // Там же, д. № 490.

859

Генерал-майору Потапову от 20 августа 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

860

Ордер графа Мусина-Пушкина князю Багратиону 15 августа 1774 г. // Там же, оп. 95, ев. 563, д. № 48.

861

В рапорте от 21 августа 1774 г. // Там же.

862

Князю Багратиону в рапорте от 22 августа 1774 г. // Там же.

Доношение о разграблении и разорении братской колонии Сарепты, учиненном от изменника Пугачева в августе месяце 1774 г. // Архив Кабинета его величества.

864

Показания Ивана Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

Сообщение донской канцелярии генерал-майору Потапову 2 сентября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV. При атаке и преследовании особенно отличились определенные из польской службы поручик Скупинский, прапорщик Зверинский и волонтер Пулавский. Рапорт Михельсона графу П.И. Панину 29 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490. Записки Академии наук, т. XXV, приложение № 4, с. 30.

866

Показания Творогова // Гос. архив, VI, д. № 505.

Собственноручное письмо императрицы графу П.И. Панину от 16 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 136.

Рапорт Мансурова графу П.И. Панину от 1 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490; См. также Записки Академии наук, т. XXV, прилож. № 4, с. 40.

Северный архив, 1823 г., т. V, с. 219.

Рапорт Суворова графу Панину, от 3 сентября 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 490. См. также Записки Академии,
т. XXV, прилож. № 4, с. 43.

871

Репорты Суворова от 7 и 10 сентября 1774 г. // Записки Академии наук, т. XXV, прилож. № 4, с. 43.

872

Рапорт князя Голицына от 7 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

873

Рапорт князя Голицына графу Панину от 15 сентября
1774 г, // Гос. архив, VI, д. № 490.

Рапорт его же от 10 сентября 1774 г. // Там же. См. также: Записки Академии, т. XXV, прилож. № 4, с. 54.

Репорты Кречетникова Сенату от 28 августа и Военной коллегии 10 сентября 1774 г.; Письмо его же Г.А. Потемкину 28 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 454; Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV, оп. 194, св. 32.

876

Ордера Суворова князю Багратиону 2 и 5 сентября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 95, св. 563, д. № 48.

Воззвания Потемкина от 3 сентября 1774 г. князьям Мисостову, Кайтукину, Атажукину и Татарханову; бесленейскому владельцу князю Салукову; кубанским владельцам Мурзабекову и Мурзе Дударуке Кулмамметеву // Гос. архив, VI, д. № 489.

878

Всеподданнейшее донесение П.С. Потемкину 30
октября 1774 г. // Там же.

По показанию Творогова, в толпе Пугачева было 200 яицких казаков и человек 200 разночинцев.

880

Показания казака Василия Горского // Гос. архив, VI,
№ 463.

881

27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

Когда Пугачев и его сообщники переправлялись через второй рукав Волги на дуговую сторону, «то я, – показывал Дубровский, снял с себя платье и, отдав на плот саратовского казака Стародубова, остался с лошадью нагой и хотел плыть на ту сторону, однако, по неумению моему, убоился и остался на острове с прочими. А на другой день на острове учинился иск и многих перехватили, а я в то время пролежал в кустах под колодой трои сутки, а на четвертые вышел и усмотрел стоящие среди Волги суда, с которых бурлаки накормили меня хлебом и дали зипун, рубашку и портки. И после того быв дня с четыре на острове, помирая голодом, вышел на берег и увидал лодку, которая плыла вверх по Волге, попросил имени ради Божия перевезти меня на луговую сторону, по которой шатался голодный дней с пять, по займищам; старался пройти по Волге в жительство [Дубровский был сын мценского купца Степана Трофимова] и прилепился к добрым людям, которые в толпе Пугачева не были, и думал избегнуть достойной по моему беззаконию казни. Однако под Бурадной слободой пойман калмыками и приведен в Енотаевскую крепость, откуда отправлен в Астрахань и прислан в Царицын» (Там же, д. № 512).

Князю Голицыну от 15 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490. См. также «Материалы и проч.», изд. Я.К. Грота; Записки Академии наук, т. XXV, прилож. № 4, с. 68.

884

Буква – растение похожее на редьку, но не имеющее такой горечи.

885

В ордере свияжскому воеводе, подполковнику
Чирикову от 28 июля 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 489.

Всеподданнейшее донесение П.С. Потемкина от 2 августа 1774 г. //Там же. Письмо его же С. Маврину от 28 июля 1774 г. Доставлением как того, так и других писем П.С. Потемкина к Маврину я обязан Я.К. Гроту, которому и позволяю себе выразить благодарность.

С. Маврин был в то время в городе Оренбурге.

888

Гос. архив, VI, д. № 489.

889

Во всеподданнейшем рапорте от 25 августа 1774 г. //
Гос. архив, VI, д. № 489.

890

Показания Ивана Творогова, Кузьмы Фофанова, Чумакова, Пугачева и Василия Коновалова // Гос. архив, VI, д. № 505 и 512.

Рапорт сотника Харчова полковнику Симонову от 15 сентября // Гос. архив, VI, д. № 490; См. также Записки Академии наук, т. XXV, прилож. 4, с. 66.

Показания Творогова, Василия Коновалова, Федора Чумакова, Ивана Федульева; Показания Пугачева 4 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505 и 512; Отношение полковника Симонова Бородину от 14 сентября // Там же, д. № 490; См. также «Материалы», изданные Я.К. Гротом, прилож. к 25 тому «Записок Академии». В записках Рунича (Русская старина, 1870, т. II, с. 337–349) эпизод этот рассказан не совсем верно.

Показания казака Ивана Федульева // Гос. архив, VI, д. № 505. Харчов был за это произведен в полковники // См. Московский архив Главного штаба, исходящий журнал Г.А. Потемкина, открытый лист войску Яицкому от 7 октября 1774 г.

Рапорт полковника Симонова Суворову от 16 сентября // Гос. архив, VI, д. № 490; См. также Записки Академии наук, т. XXV, прилож. 4, с. 74. Бардовский произведен был за это в прапорщики. См. предложение Г.А. Потемкина Военной коллегии от 4 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, определения Военной коллегии за октябрь 1774 г., л. 46.

Репорты капитана Маврина князю Голицыну и П. Потемкину от 15 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490. См. также: Записки Академии наук, т. XXV, прилож. 4, с. 68–73.

896

Рапорт Симонова П.С. Потемкину от 14 сентября
1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

897

Показания Перфильева 12 октября 1774 г, // Гос. архив, VI, д. № 425.

898

От 18 сентября 1774 г. Письмо это доставлено мне
Я.К. Гротом.

899

В рапорте графу П.И. Панину от 15 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

900

В письме от 19 сентября 1774 г.

901

В собственноручном предписании от 19 сентября 1774 г.

«Галахов прислан был для принятия злодея, – писал Потемкин Маврину в частном письме, – но ежели его привезут в Казань, я удержу до повеления ее величества на мое донесение, в котором представил я, что сия честь принадлежит вам. Я столь чувствительно признателен, что в вас нашел споспешника».

903

Предписание П.С. Потемкина капитану Маврину от
22 сентября 1774 г.

Письмо П.С. Потемкина С. Маврину от 25 сентября 1774 г. (из бумаг С.И. Маврина, доставленных мне Я.К. Гротом).

905

Письмо князя М.Н. Волконского П.С. Потемкину от 22 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 489.

Собственноручное письмо императрицы графу Панину от 21 августа 1774 года // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 112.

Всеподданнейшего донесение графа Панина от 19 августа 1774 г. // Там же, с. 114.

По показанию каптенармуса Ивана Саврасова, при первом столкновении с мятежниками все офицеры ускакали назад, а остались только полковник Рычков и капитан Крыжин, которые и были убиты (Гос. архив, VI, д. № 467).

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 25 августа 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 117.

Императрице от 25 августа 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 116. Донесение это ошибочно напечатано от 5 августа.

Циркуляр графа Панина от 25 августа 1774 г. // *Державин. Сочинения*, изд. Я.К. Грота, т. V, с. 288.

912

Ордер графа П. Панина князю Голицыну от 24 августа 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 25 августа 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 117.

914

В рескрипте графу Панину от 2 сентября // Там же, с. 120.

В письме от 29 августа 1874 г. // Русская старина, 1773, т. VIII, с. 909.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 2 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 130.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 2 сентября 1774 г. // Там же, с. 132.

Записка князя Вяземского Сенату от 16 сентября 1774 г. // Архив Сената, именные указы 1774 г., кн. № 136.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 2 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, 130.

От 6 сентября 1774 г. Там же, с. 132.

«На сие поступить, – доносил он, – принял я смелость тем особливо, что никто из произведенных не поступил выше премьер-майора, а все ниже, и они как все отставные и штатной только команды, то и не могли никому своим повышением нанести обиды из состоящих в настоящей военной службе, а выдача денег не простиралась более как девяносто рублей и что к оному не имел я ничего в своем побуждении, кроме единственной истинной моей верности к вашему императорскому величеству и усердия, как лучшим образом привлечь верность сердец к своей законной монархии и как возбудить соревнование, на оборону и защиту городов, а омерзение на малодушие и робость».

Собственноручное письмо императрицы графу Панину 16 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 136; Манифест 29 октября 1774 г. // Архив Сената, высочайшие повеления, кн. № 10.

Донесением этим мы пользовались при описании нападения мятежников на Нижний Ломов.

См. гл. 18, с. 319-321.

От 10 сентября, за № 14 // Сборник Императорского
русского исторического общества, т. VI, с. 140.

Всеподданнейшее донесение графа Панина от 17 сентября 1774 г. // Там же, с. 146.

Панину в собственноручном письме от 28 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 150.

Во всеподданнейшем донесении от 18 сентября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 149.

За доставление известий о поимке Пугачева князь Лобанов был переведен в л. – гв. Измайловский полк, а Ермолаев произведен в капитаны (см. Исходящий журнал князя Потемкина // Московский архив Главного штаба).

От 3 октября 1774 г. // Сборник Императорского
русского исторического общества, т. VI, с. 154.

931

Письмо графа П.И. Панина генералу Суворову от 22 сентября // Рукописная книга из собрания графа Уварова, № 559.

932

От 23 сентября 1774 г. // Рукописная книга из собрания графа Уварова, № 559.

Полный текст этого «Извещения» находится в Гос. архиве (VI, д. № 490) и напечатан Мордовцевым (Отечественные записки, 1868, № 10, с. 354) и Д. Анучиным (Русский вестник, 1869, с. 400).

934

Всеподданнейший рапорт П. Потемкина от 1 октября
1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 489.

«On l'enferma dans une cage, – пишет Антинг, – sur une voiture a quatre roues fait expres pour lui, enfin qu'il n'échappat point». Рычков говорит, что для Пугачева была «сделана, наподобие клетки, особливая, на двух колесах, телега». Пушкин повторяет слова Рычкова, а Д. Анучин (Русский вестник, 1868, № 11, с. 28) отрицает это и говорит, что клетку создало изустное народное предание. Нам кажется, что наиболее достоверные сведения должны принадлежать очевидцу – Антингу, тем более что об устройстве такой клетки писал П.С. Потемкин капитан-поручику Маврину.

В письме от 2 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 527; См. также: Москвитянин, 1841, кн. II, с. 482.

Рассказ А.С. Пушкина о встрече графа Панина с Пугачевым нам кажется плодом позднейшей фантазии. Слова, приписанные Пугачеву, несообразны ни с характером, ни со складом ума бывшего самозванца, никогда не отличавшегося остротой и находчивостью. Свидетели-современники, присутствовавшие при этом свидании, не упоминают ни слова о таких ответах. Рычков говорит (Соч. Пушкина, изд. 1881 г., приложение, с. 433): «Может быть, по привычке своей или по злой натуре отвечивал на вопросы его сиятельства очень смело и дерзновенно». Рунич также не упоминает об этом ни слова, и нам кажется, что пощечинами граф Панин хотел показать только народу, что Пугачев не государь, а самозванец. Если бы подобный разговор происходил, то граф Панин не преминул бы упомянуть о нем в своем донесении императрице.

Императрице от 3 октября 1774 г. // Сборник
Императорского русского исторического общества, т. VI,
с. 155.

Всеподданнейшее письмо П. Потемкина 2 октября 1774 г.; см. также «Записки Рунича» (Русская старина, 1870, т. II, с. 351 и 410).

Г. Лебедев («Графы Панины» и проч., с. 99) и Анучин (Участие Суворова в усмирении Пугачевского бунта // Русский вестник, 1868, № 12, с. 28) под именем Павла ошибочно считают великого князя Павла Петровича.

К сожалению, нам неизвестна фамилия художника, случившегося в то время в Симбирске.

942

В письме от 2 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 490.

943

Ср. заметку о портретах Пугачева // Русская старина, 1870, т. II, с. 417.

944

В письме от 2 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 527.

Державин солгал; он никогда не видел Пугачева, потому что близко к Петровску не подъезжал.

«Записки Державина», изд. Я.К. Грота, т. VI, с. 514.

Русская старина, 1870, т. II. с. 349. К запискам Рунича надо относиться очень осторожно. Автор писал их на память, вероятно, много лет спустя и потому перепутал события и приписал Пугачеву такие показания, которых мы в допросах не встречаем. По словам Рунича, отправленный в Москву самозванец 15 ноября ночевал в селе Ивановском, за 10 верст от Первопрестольной столицы, тогда как в действительности 4 ноября Пугачев уже давал показания Шешковскому на монетном дворе в Москве.

948

От 6 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

949

Императрице от 10 ноября 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 512.

От 3 октября 1774 г. // Сборник Императорского
русского исторического общества, т. VI, с. 157.

951

Всеподданнейшее донесение П.С. Потемкина от 22 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 489.

952

Увещание Потемкина Салавату от 29 октября 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 489.

Салават и Юлай в 1775 г. были подвергнуты жестокому наказанию, и преимущественно в тех местах, где производили злодеяния. Юлаю было дано кнутом 45 ударов на Симском, 45 ударов на Катавском, 45 ударов на Усть-Катавском заводах и 40 ударов в деревне Ордовке. Салавату 25 ударов на Симском заводе, 25 ударов в деревне Юлаевой, 25 ударов в деревне Лак, 25 ударов в Красноуфимске, 25 ударов в Кунгуре, 25 ударов в городе Осе и 25 ударов в деревне Нуркиной. Затем обоим вырезали ноздри, поставили знаки «вор и убийца» и отправили в каторжную работу в Рогервик (Там же, д. № 427).

954

Во всеподданнейшем донесении от 1 октября 1774 г.
// Гос. архив, VI, д. № 489.

955

В рескрипте от 28 декабря 1774 г. // Там же, д.
№ 467.

956

Архив Синода, д. № 13.

Церковное покаяние должно было продолжаться в течение трех дней: первые два дня вкушая только хлеб и воду, приходить им в назначенную церковь на всякое священнослужение и становиться перед дверьми церковными, а на третий день, перед начатием литургии, пасть перед церковью, и тогда только им дано будет разрешение войти в нее, без возвращения права на священнодействие.

958

В письме от 30 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 527.

Во всеподданнейшем донесении от 25 августа 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 118.

960

Высочайший указ от 2 сентября 1774 г. // Архив
Кабинета его величества.

В рескрипте графу П.И. Панину от 3 октября 1774 г. // Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 154.

Собственноручное письмо императрицы графу П.И. Панину от 2 сентября // Гос. архив, VI, д. № 490. См. также: Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 121. В напечатанном письме есть пропуски и опечатки.

963

Письмо графа П.И. Панина Г.А. Потемкину от 2 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 490.

Сборник Императорского русского исторического общества, т. VI, с. 159.

965

В указе от 2 декабря 1774 г. // Архив Сената, копии
высочайших повелений, кн. 208.

Циркуляр графа П.И. Панина оренбургскому, казанскому и нижегородскому губернаторам от 14 декабря 1774 г. // Там же, кн. 13.

Императрице от 5 декабря 1774 г. // Сборник
Императорского русского исторического общества, т. VI,
с. 195.

968

Во всеподданнейшем письме от 11 октября 1774 г. //
Гос. архив, VI, д. № 518.

В предложении донцам от 23 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба. Исходящий журнал Потемкина.

В предложении на Дон от 12 ноября 1774 г. // Там же.

971

В публичном листе от 7 октября 1774 г. // Московский архив Главного штаба. Исходящий журнал Потемкина.

Всеподданнейший доклад Г.А. Потемкина от 10 января 1775 г. // Гос. архив, VI, д. № 519.

973

Архив Сената высочайшие повеления, кн. 137, л. 13.

974

От 5 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 503.

975

Во всеподданнейшем донесении от 5 октября 1774 г.
// Там же.

Рескрипт Екатерины II князю Волконскому от 12 октября 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 131.

В письме императрице от 4 ноября 1774 г. // Там же, с. 133.

А.С. Пушкин рисует другую картину, не соответствующую той обстановке, в которую был поставлен Пугачев (см.: Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, с. 88).

Письмо нижегородского губернатора Ступишина князю Волконскому от 26 июля 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 47, кн. IV.

980

Показания Аристова 25 июля 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 468.

981

В рескрипте от 4 августа 1774 г. // Северная пчела, 1833, № 3.

982

Императрице в донесении от 2 августа 1774 года //
Гос. архив, VI, д. № 489.

Павлу Потемкину от 4 августа 1774 г. // Русская старина, 1875, т. XIII, с. 121.

Императрице от 17 августа 1774 г. // Русская старина, 1870, т. II, с. 407.

985

Показания Аристова 4 августа 1774 г. // Гос. архив,
VI, д. № 468.

986

Показания Огородникова 17 сентября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

Показания Львова // Гос. архив, VI, д. № 468.

988

От 4 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

В донесении от 8 октября 1774 г. // Русская старина, 1870, т. II, с. 411; См. также: Гос. архив, VI, д. № 489.

Всеподданнейшее донесение П.С. Потемкина 16 октября 1774 года // Там же; Казанские губернские ведомости, 1844, № 36.

991

От 14 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

Объяснение Вениамина 14 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

Во всеподданнейшем донесении от 16 октября 1774 г. // Там же, д. № 489.

Основываясь на письме Вениамина к графу П.И. Панину, Д. Анучин говорит (Русский вестник, 1869, № 6, с. 370), будто к келье преосвященного был приставлен крепкий караул, но это неверно.

995

В письме от 9 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 527.

В письме Н.Н. Бантыш-Каменскому от 16 октября 1774 г. // Там же.

В записке без числа и месяца // Там же, V, д. № 85. Записка эта напечатана П.С. Лебедевым в его книге «Графы Н. и П. Панины» (изд. 1863 г., с. 321).

Письмо Екатерины П. Потемкину от 12 ноября 1774 г.
// Русская старина, 1875, т. XIII, с. 125.

От 7 ноября 1774 г. // Там же, 1870, т. II, с. 413.

1000

Донесение Вениамина Святейшему Синоду 15 ноября
1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 468.

1001

Показания Аристова 3 января 1775 г. // Гос. архив, VI,
д. № 468.

1002

В указе от 26 января 1775 г. // См. Сборник древностей Казанской епархии, с. 110.

1003

В рескрипте от 26 января 1775 г.

1004

В письме от 6 февраля 1775 г.

Из приведенного видно, насколько прежние описания этого события не полны или неверны. Г.Р. Державин в своих записках назвал Вениамина хитрым пастырем и, по свойственной ему поспешности и пристрастию в приговорах, оставил Вениамина в подозрении человека, ловко вывернувшегося из беды. П.С. Лебедев в своей книге («графы Панины») по попавшимся ему в руки двум письмам сделал заключение, но ложное, об этом историческом факте. Так поступали и многие другие авторы.

1006

В письме от 6 февраля 1775 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 468.

1007

Письмо князя Платона Степановича Мещерского
князю А.А. Вяземскому от 24 февраля 1775 г. // Там же.

1008

В письме от 13 (24) августа 1774 г. // Московский архив Министерства иностранных дел.

1009

В письме султану от 13 (24) августа // Московский архив Министерства иностранных дел.

1010

В письме из Пизы от 25 сентября 1774 г. // Московский архив Главного штаба, оп. 194, св. 32.

1011

Показания Ивана Творогова 27 октября 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 505.

Рапорт капитана Маврина генералу П. Потемкину от 15 сентября 1774 г. // Там же, д. № 490; Записки Академии наук, т. XXV, прилож. 4, с. 72.

1013

В показании 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

1014

От 8 мая 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 506.

1015

Во всеподданнейшем донесении от 21 мая 1774 г. //
Там же, д. № 508 (2).

1016

Там же, д. № 587.

1017

Показания Пугачева 8 ноября 1774 г. // Там же, д.
№ 512.

В письме князю Волконскому от 10 октября 1774 г. // Восемнадцатый век, кн. I, с. 129.

1019

Князю М.Н. Волконскому в письме от 12 декабря
1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 512.

1020

Князю Вяземскому в письме от 18 декабря 1774 г.

Манифест этот напечатан в Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, ч. II, с. 195.

1022

В письме от 1 января 1775 г. // Восемнадцатый век,
кн. I, с. 139.

1023

В письме от 26 декабря 1774 г. // Гос. архив, VI, д.
№ 488.

1024

Выставленные на усиление почтовых на станциях.

1025

Всеподданнейшее донесение князя Вяземского от 26 декабря 1774 г. // Архив Кабинета его императорского величества.

Князь Михаил Никитич Волконский, Михаил Михайлович Измайлов, Дмитрий Васильевич Волков, Иван Иванович Козлов, князь Иван Андреевич Вяземский, Лукьян Иванович Колошин, Михаил Яковлевич Маслов, Всеволод Алексеевич Всеволожский, Григорий Григорьевич Протасов, Петр Иванович Вырубов и генерал-прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский.

Самуила, епископа Крутицкого, Геннадия, епископа Суздальского, Новоспасского архимандрита Иоанна, протоиереев: гвардии Преображенского собора Андрея и Успенского собора Александра.

1028

Графа П.И. Панина и Александра Ивановича Глебова.

Матвея Мартынова, Якова Протасова, графа Валентина Мусина-Пушкина, Ивана Давыдова, Михайла Каменского, Акима Апухтина, графа Федора Остермана и Павла Олсуфьева.

1030

Ивана Мелиссино и Михайла Салтыкова.

Александра Хераскова, Михайла Лунина, Алексея Яковлева, Петра Хитрово и находящегося в главном магистрате в должности президента коллежского советника Александра Самойлова (Протокол Сената 29 декабря 1774 г. // Гос. архив, VI, д. № 515).

Кроме графа П.И. Панина, успенского протоиерея Александра, генерал-поручика Олсуфьева и президента Хитрово, не явившихся по болезни.

1033

Всеподданнейшее донесение князя Вяземского от 28 и 30 декабря 1774 г. // Архив Кабинета его императорского величества.

1034

Всеподданнейшее донесение князя Вяземского от 1 января 1775 г. // Архив Кабинета его императорского величества.

1035

Протокол Сената 31 декабря 1774 г. // Гос. архив, VI,
д. № 515.

1036

Письмо князя Вяземского Г.А. Потемкину 9 января 1775 г. // Архив Кабинета его императорского величества.

Тимофей Падуров был депутатом в комиссии по составлению Уложения и по своему званию должен был был избавиться от смертной казни, но, несмотря на заявление о том князя Вяземского, суд приговорил его к смерти. Члены суда заявили, «что по силе обряда о выборе депутатов освобождаются от наказания и смертной казни те, кои действительно при деле трудились и их имена находятся в подписке в какой ни есть части проекта, а он [Падуров] по депутатству ни в чем не упражнялся» (Всепопд. донесение князя Вяземского от 1 января 1775 г. // Там же).

1038

Гос. архив, VI, д. № 489.

Софья Пугачева с тремя детьми (сыном Трофимом, дочерьми Аграфеною и Христиною) и Устинья Кузнецова были отправлены в Кексгольмскую крепость. 5 июня 1803 г. император Александр I, осматривая эту крепость, встретил там заключенных и приказал освободить их, дозволив жить в городе, но под присмотром полиции (Письмо финляндского военного губернатора министру внутренних дел 11 июня 1803 г., № 312).

Ивана Творогова, Федора Чумакова, Василия Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федульева, Петра Пустобаева, Кузьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова. Полный текст сентенции напечатан у Пушкина (т. VI, с. 201).

1041

Секретный указ Синода Самуилу, епископу Крутицкому и Можайскому 19 декабря 1774 г. // Архив Синода, д. № 20.

1042

Рапорт Самуила Святейшему Синоду от 11 января
1775 г., № 293 // Архив Синода, д. № 20.

1043

Определение Сената 9 января 1775 г. // Гос. архив,
VI, д. № 515.

1044

Предание о казни Пугачева // Русский архив, 1877 г.,
т. II, с. 204.

1045

Записки Болотова, т. III, с. 488.

1046

Там же, т. III, с. 490.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь, изд. 1866 г., с. 28 и 29; Соч. Пушкина, изд. 1881 г., т. VI, приложение, с. 169.

Пушкин говорит, что дано было тайное приказание сократить мучения преступников; но на чем основаны эти слова – нам неизвестно. Болотов же слышал, как экзекутор бранил за это палача. В Чтениях общества истории и древностей (1860, кн. II, с. 81) помещено письмо о казни Пугачева, но в нем Перфильев ошибочно назван Панфиловым.

1049

Письмо князя Вяземского Г.А. Потемкину от 11 января 1775 г. // Архив Кабинета его императорского величества.

1050

Рапорты Архарова князю Волконскому и Сенату от 13 января 1775 г., № 37 и 38 // Гос. архив, VI, д. № 515; Письмо князя Вяземского Г.А. Потемкину от 11 января // Архив Кабинета его императорского величества.

1051

Объявление это в полном его объеме напечатано у Пушкина, т. VI, с. 218.

1052

Письмо князя Вяземского губернатору Броуну от 28 февраля 1775 г. // Гос. архив, VI, д. № 515.